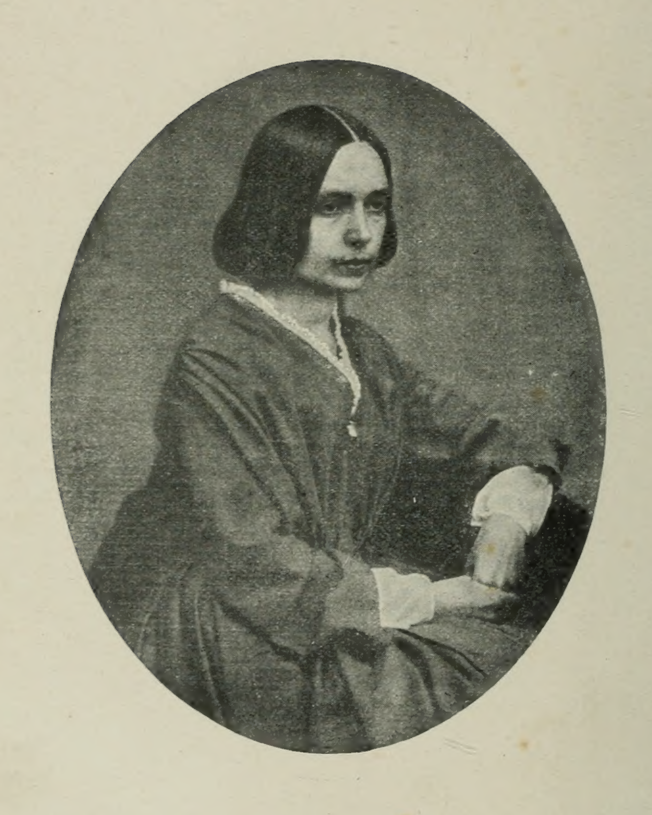
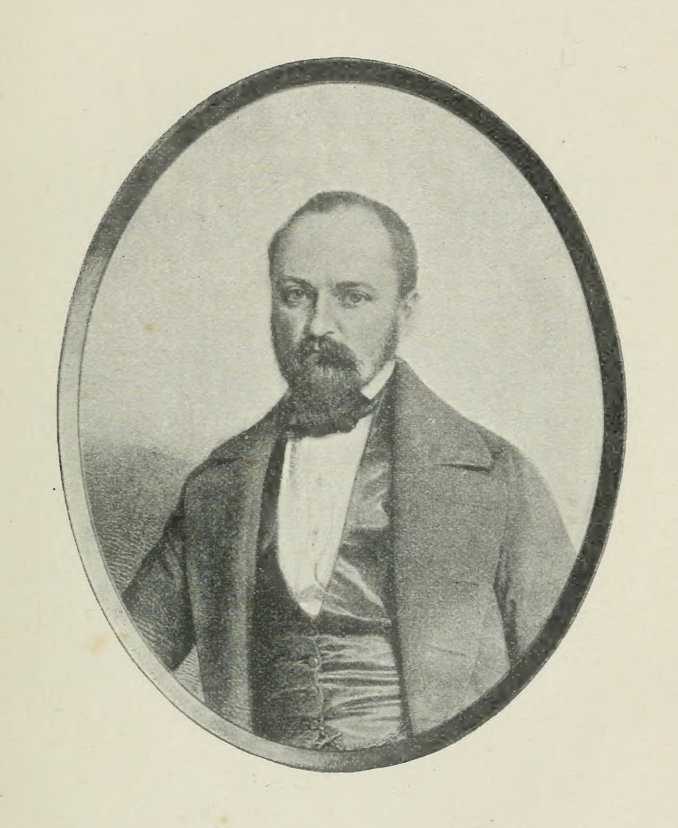


Наталія Александровна Герценъ.

(Съ дагерротипа, 1849 г.).



А. И. Герценъ.

(Съ литографіи, 1848 г.).

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА.

Томъ VII.

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

и

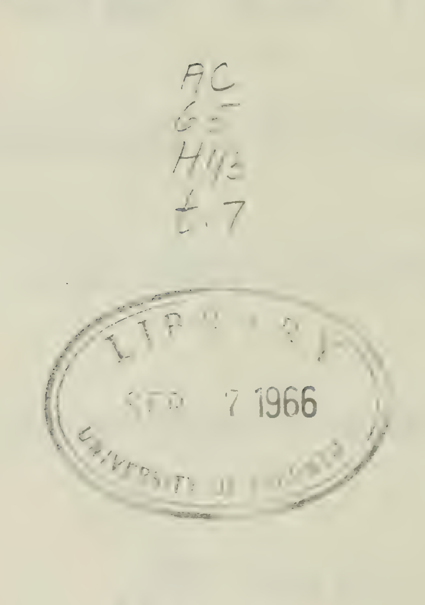
Переписка съ Н. А. Захарьиной.

ВЪ СЕМИ ТОМАХЪ.

Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя).

Томъ VII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1905.



Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

Оглавленіе VII-го тома.

Переписка А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной.

Переписка А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной.

Первыя записочки.

(БЕЗЪ УКАЗАНІЯ ГОДА И ЧИСЛА.)

(Безъ обозначенія числа).

Сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшая Наталья Александровна! Увѣрьте княгиню Марью Алексѣевну, что я упалъ самымъ безвреднымъ образомъ и поблагодарите за участіе и вниманіе. Эмильѣ Михайловнѣ мое почтеніе. Я на дняхъ самъ буду.

Весь вашъ *Александръ Герценъ.*

15 августа 1832 (или 1833) г.

Любезнѣйшая Наталья Александровна! Сегодня день вашего рожденія, съ величайшимъ желаніемъ хотѣлось бы мнѣ поздравить васъ лично; но, ей Богу, нѣтъ никакой возможности; я виноватъ, что давно не былъ, но обстоятельства совершенно не позволили мнѣ по желанію расположить временемъ. Надѣюсь, что вы простите мнѣ, и желаю вамъ полнаго развитія всѣхъ вашихъ талантовъ и всего запаса счастья, которымъ надѣляетъ судьба души чистыя. Эмиліи Мих. мой поклонъ.

Преданный вамъ *Александръ Герценъ.*

Надѣюсь на нынѣшней недѣлѣ у васъ быть (вѣроятно въ субботу).

18 сентября.

Люб. Н. А.!

Посылаю в[амъ] требуемый томъ исторіи Карамзина.

Пред. отъ всей души *А. Г.*

(Безъ обозначенія числа).

Natalie! Мы ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ къ намъ. Маменька надѣется, что, несмотря на угрозы вчерашнія отъ Егора Ив., Эмилія Михайловна, *навѣрное*, будетъ къ намъ.

Итакъ до свиданія. Весь вашъ *Алекс. Герценъ.*

(Безъ обозначенія числа).

Любезнѣйшая Наталья Александровна! Жалѣю, что вы такъ врасплохъ просите у меня книгъ; ей Богу нѣту; посылаю *Уранію*, тамъ повѣсть *Нищій* и романъ Вальтеръ Скотта. Статья моя ужъ болѣе не моя! Стихи вы найдете списанными на другой сторонѣ записки, для меня они прелестны; какъ видна душа чистая, неземная, гдѣ еще не померкло небесное начало ея. Впрочемъ, у вся-

каго свой вкусъ! Боюсь дурной хвалой портить. Эмильѣ Михайловнѣ кланяюсь и очень желаю, чтобъ вамъ обѣимъ время шло весело.

До свиданія *Ал. Герценъ.*

Отрадный міръ.

Съ тѣхъ поръ. какъ я сроднилась
Съ страданіемъ горькимъ и тоской,
Звѣзда надеждъ моя затмилась
И ненавистенъ край земной!
Но есть міръ вѣчный и прекрасный,
Куда летаю я,
Гдѣ чувствую душою страстной
Всю прелесть бытія.
Тотъ міръ открытъ для наслажденья,
Въ немъ вѣчная любовь,
Въ немъ нѣтъ тоски, и нѣтъ мученья
И страсти не волнуютъ кровь. *Л.*

Удивительно ли, Natalie! что я тамъ бываю почти всякій день. и все мало; вотъ образчикъ первый попавшійся чувствъ и души не у одной особы, а у всего семейства.

Александръ Герценъ.

Суббота.

Хоть и очень недавно я писалъ къ вамъ, Наталья Александровна, но хорошій случай жаль пропустить, и потому я пишу опять (Вы въ прошлой разъ сами ничего мнѣ). Татьяна Петровна ѣдетъ надняхъ къ дядѣ въ Тулу, который за нею прислалъ лошадей. Но ея еще здѣсь нѣтъ. Пассеки всѣ здоровы. Вотъ отвѣты на ваши вопросы. Теперь остается, пожелавъ вамъ покойной ночи и пріятнаго сна (ибо вѣрно у васъ спать одна изъ самыхъ значительныхъ забавъ), повторить искреннѣйшую преданность.

Ал. Герценъ.

Эм. Мих. больна *тоскою по Москвѣ;* есть очень дѣйствительное лѣкарство— воротиться въ Москву, чему и я весьма буду радъ.

1833 годъ.

Іюня 26.

Я обѣщался вамъ написать, любезнѣйшая Наталья Александровна! и вотъ съ величайшей аккуратностью выполняю обѣщаніе.

Экзаменъ кончился, и я—кандидатъ! Вы не можете себѣ представить сладкое чувство воли послѣ четырехлѣтнихъ безпрерывныхъ насильственныхъ занятій; теперь я отданъ самому себѣ и теперь только начну свое образованіе, ибо хотя я и *кончилъ курсъ.* но собралъ такъ мало, что стыдно на людей смотрѣть.

Вспомнили ли вы и Эмилья Михайловна обо мнѣ въ четвергъ? День былъ душной. и пытка наша продолжалась отъ 9 утра до 9 вечера.

Какъ проводите время? Теперь деревня рай, и я съ радостью бы поѣхалъ,... на короткое время, ибо для меня и Москва не хуже рая. Я привыкъ, я люблю Москву. въ ней я выросъ, въ ней тѣ нѣсколько человѣкъ, которые искренно,

долго будутъ жалѣть обо мнѣ: другіе города представляютъ мнѣ только множество людей, и я посреди ихъ одинъ одинехонекъ, —а это грустно! Впрочемъ, ежели будетъ нужда, будетъ польза, я готовъ ѣхать хоть въ Камчатку, хоть въ Грузію, лишь бы въ виду было принести какую-нибудь пользу родинѣ.

Я думаю, вы теперь все гуляете, а я что же за trouble fête, что останавливаю своимъ письмомъ. Итакъ, прощайте. Преданный вамъ Александръ Герценъ.—Маменька кланяется вамъ и Эм. М. и М. С.

P. S. Марьѣ Степ. прошу свидѣтельствовать [не разобрано]. Эмильѣ Михайловнѣ мое почтеніе и благодарность за пріятныя минуты, которыя я съ нею провелъ. Пассеки *всѣ* вамъ кланяются. Я ихъ рѣдко теперь видаю; но, впрочемъ, я ненасытенъ: никогда не скажу, что довольно часто. Сейчасъ отъ васъ письмо, благодарю за все. Пас. буду кланяться и, еще болѣе, покажу ваше письмо. Я васъ спрошу такъ же, какъ вы нѣкогда меня: *почему же вы собирались* писать именно Любѣ. Но надѣюсь, что васъ этотъ вопросъ не такъ удивитъ, какъ меня вашъ.

А. Г.

Іюля 5 или 6 не знаю.

Напрасно, Наталья Александровна, напрасно вы думаете, что я ограничусь однимъ письмомъ; вотъ вамъ и другое. Мнѣ чрезвычайно пріятно писать къ тѣмъ особамъ, съ которыми есть какое-то сочувствіе. Такихъ людей такъ мало, такъ мало, что и дести бумаги не изведешь въ годъ къ нимъ на письма.

Я кандидатъ—это правда; но золотую медаль дали не мнѣ; впрочемъ, дали такому человѣку, съ которымъ я бы постыдился вступить въ соперничество. Весь университетъ дивится этому. Мнѣ серебряная медаль. Одна изъ трехъ!

Замѣчаніе Эмиліи Мих. на мое письмо, вѣроятно, очень хорошо; но я его совершенно не понялъ и не постигаю, почему самую простую фразу обратить въ насмѣшку, и съ этой насмѣшкой вспомнить давно забытое что-то. Я очень благодарю Эм. Мих. за участіе въ моемъ кандидатствѣ.

Живу я теперь—небо копчу, то есть почти ничего не дѣлаю. Ежели гулять не дѣло, ежели купаться не дѣло, ежели ѣсть не дѣло? Вчера былъ я съ Пассеками на Воробьевыхъ горахъ; это—священное мѣсто для меня; тамъ я еще при переходѣ изъ младенчества въ юношество болѣе и болѣе знакомился съ Огаревымъ; тамъ довѣряли мы другъ другу мысли, томившія души наши, тамъ бывалъ я чистымъ, восторженнымъ юношею, и теперь во многомъ разочарованный, кое-гдѣ сожженный страстями, я съ восхищеніемъ перебиралъ тамъ всѣ перемѣны, бывшія со мною въ эти 10 лѣтъ; можетъ, во многомъ я улучшился, но это не въ самое послѣднее время. У меня есть статья о Воробьевыхъ горахъ, я ее прочту вамъ и Эм. Мих., я о ней, кажется, ужъ говорилъ вамъ. Дивно дѣйствіе нагорнаго воздуха! Какая-то гармонія звенитъ въ ушахъ, вы задыхаетесь, вы готовы плакать, все земное исчезло, все небо на землѣ. И тутъ-то, тутъ-то имѣть возлѣ себя друга, и ему перелить свои ощущенія не черезъ холодильникъ пера, а пламенной, каленой лавой рѣчи. Но, впрочемъ, въ эти торжественныя минуты мало или ничего нельзя говорить,—земной языкъ недостаточенъ. Музыка, одна музыка неопредѣленная, таинственная перенесетъ душѣ ощущеніе другой души. Я заврался, извините!

Право, болѣе писать не о чемъ; была ужасная гроза, перебило нѣсколько человѣкъ; вообще, не проходитъ недѣли, чтобы не было или вьюги, или града, или

чего-нибудь. Жары смертныя, для меня это всего ужаснѣе, ибо и внутри жаръ и снаружи жаръ, есть отчего сдѣлаться котлетой жареной. Это презабавно, будутъ подавать котлеты изъ Герцена, немножко сухо мясо! Вотъ вамъ и Эм. Мих. новые стихи Огарева, которые недавно получилъ изъ Пензы. Княгинѣ Мар. Ал. мое *глубочайшее* почтеніе, Эм. Мих. *дружескій* поклонъ, вамъ—два.

Александръ Герценъ.

Сегодня актъ, но я не былъ! ибо не хочу быть вторымъ при полученіи награды.

1834 годъ.

(Безъ обозначенія числа).

Теперь я понялъ le ton de l'exaltation твоихъ записокъ: ты влюблена. Я не претендую на то, что ты не сказала мнѣ этого сама, ибо эти вещи трудно говорятся. Но я знаю, и посему почитаю вправѣ говорить съ тобою объ этомъ. Ни слова объ опасности любить, о цѣли, о планѣ, это все не по моей части. Но достоинъ ли онъ тебя? Умѣетъ ли, можетъ ли любить?—Пришли мнѣ листокъ его журнала, я тебѣ его возвращу, но тогда я буду судить холодно, строго, какъ палачъ. Ты не знаешь, что такое люди, и еще менѣе, что такое юноша: между юношею въ 19 лѣтъ и въ 23 уже нѣтъ сходства, это разные люди. Не трать напрасно своего сердца, не играй страстями, —обожжешься, вѣрь мнѣ въ этомъ; я опаленъ со многихъ сторонъ. Я знаю, что по большей части les premières amours— это ничего, c'est de l'eau tiede, это одинъ опытъ; но зачѣмъ же изнашивать рано сердце? Я не знаю его, — но у меня нѣтъ голоса внутри, который бы говорилъ, что онъ достоинъ моей сестры. Повторяю, что не знаю его, не обижайся. Но вѣрь, что ежели бы отъ меня зависѣлъ этотъ выборъ, я былъ бы ужасно разборчивъ; развѣ ты не знаешь себя, что такъ неглиже бросаешь свое сердце первому встрѣтившему отъ того, что онъ первый? Ежели ты мнѣ напишешь, что уже рѣшено, кончено, ты любишь его серьезно, я умолкну, ибо тутъ оканчивается власть брата, еще болѣе, я готовъ всѣми силами помогать тебѣ. Но слова эти мнѣ надобно было сказать. Ты знаешь ли, что такое люди обыкновенные?.. Іоаннъ, поэтъ-Евангелистъ, сказалъ: «*Ты ни холоденъ, ни горячъ. О, если бы ты былъ холоденъ или горячъ!*» Впрочемъ, они могутъ *составить счастье:* но твое ли это счастье, Наташа? Ты слишкомъ мало цѣнишь себя. Лучше въ монастырь, нежели въ толпу.

Помни одно, что я говорю по тому, что я твой братъ, по тому, что я гордъ за тебя и тобою, по тому, что я хотѣлъ бы, чтобы твоя жизнь была полна и извѣстна. Но ежели ты сама уже рѣшила, то прости мнѣ и знай, что я ничего не имѣю противъ твоей любви. Люби и не испытай никогда, что мои слова истинны; пусть они ложь, лишь бы ты счаслива.

Въ горькую минуту послалъ я тебѣ прошлую записку; оттого она глупа, брось ее въ печь. Я съ тѣхъ поръ еще разъ получилъ письмо отъ Ог.; вотъ тебѣ выписка: «L'autre jour donc je repassais dans me mémoire toute ma vie. Un bonheur qui ne m'a jamais trahi—c'est ton amitié. De toutes mes passions une seule qui est restée intacte c'est mon amitié pour toi—car mon amitié est une

passion». — О, дружба! Ни слова болѣе; но каково долженъ любить тотъ, у кого дружба страсть.

Отчего ты не въ ладу съ Эмильею Мих.? Мнѣ, кажется, что, кромѣ меня да ея, у тебя ужъ нѣтъ друзей.

Въ заключеніе еще слово: онъ тебя любитъ, вѣрю, что жъ тутъ мудреннаго и что же бы онъ былъ, еслибъ не любилъ, видя хоть тѣнь вниманія; но я умоляю тебя, не говори ему о своей любви долго, долго, этотъ мигъ ужасенъ (но можетъ ты уже сказала?), тогда ты въ его власти. Наташа, ежели бъ я могъ разсказать тебѣ одно происшествіе, — но я не могу сего сдѣлать. Прощай.

Твой братъ *Александръ Герценъ.*

(Безъ обозначенія числа).

Какихъ чудесъ на свѣтѣ не водится, Natalie: я, прежде нежели получилъ послѣднюю твою записку, отвѣчалъ тебѣ на всѣ вопросы, какъ будто въ магнитическомъ ясновидѣніи. Я слышалъ, ты больна, грустна. Береги себя, пей съ твердостью не столько горькую, сколько отвратительную чашу, которую наполняютъ тебѣ *благодѣтельные* люди. На счетъ меня ты мечтаешь какъ ребенокъ, то есть какъ существо чистое и незнакомое съ людьми. Не одиночество, а размышленія довели меня до страшныхъ слѣдствій; конечно, бываютъ минуты грустныя и отъ одиночества, но не всѣ отъ него. Не стыдно ли думать, что я сержусь за такой вздоръ; это тебѣ вѣрно сказали, шутя. Очень много надобно, чтобъ разсердить меня.

Я вспомнилъ анекдотъ, думая о твоемъ намѣреніи идти въ монастырь. Въ 1820 году австрійское правительство хватало и судило за карбонаризмъ всѣхъ итальянцевъ. Между прочими взяли поэта Сильвіо Пеллико. У него была сестра, которую онъ ужасно любилъ. Пеллико былъ приговоренъ къ смерти и *по милосердію* монарха отосланъ на десять лѣтъ въ подземелье Шпигельберга. Сестра его, не перенося разлуки, пошла въ монастырь. И какъ прелестно описываетъ Пеллико чувства, съ которыми онъ узналъ въ мрачной тюрьмѣ судьбу сестры. Его другъ, заключенный съ нимъ вмѣстѣ, Марончелли, написалъ поэму ей въ честь [1]).—Прошло 10 лѣтъ; въ 1831 году Сильвіо, худой и изнеможенный, вышелъ изъ подземелья, полетѣлъ въ свою Италію и что же онъ нашелъ?— Одинъ гробовый крестъ на могилѣ своей сестры... Ужасная минута для брата.

Прощай, я тороплюсь, хочу писать и ужъ некогда, и пишу именно для того, чтобы тебя разсѣять чѣмъ нибудь; мнѣ досадно, что ты грустна.

J'ai l'honneur de vous saluer.

Alexandre.

10 декабря.

Сейчасъ написалъ я къ полковнику письмо, въ которомъ просилъ тебѣ о пропускѣ; отвѣта еще нѣтъ, вѣроятно, спросятъ твою фамилію, и ты также будешь упомянута между нашими возмутительными кинжальными именами. Но

[1]) *Воскресенье.* Тамъ по крайней мѣрѣ не разлучаютъ друзей, и не [не разобрано] цѣпь, за которую скованъ человѣкъ съ рукою друга.

у васъ это будетъ труднѣе обдѣлать, я полагаюсь на маменьку. Ты бы могла прожить сто лѣтъ, не побывавши въ жандармской казармѣ у арестанта. Итакъ, твое счастіе на счетъ меня: ты была послѣдній изъ моихъ друзей, котораго я видѣлъ передъ взятіемъ (мы разстались, съ твердой надеждою увидѣться скоро, въ десятомъ часу, а въ два часа я уже сидѣлъ въ части) и ты первая опять меня увидишь; зная тебя, я знаю, что это тебѣ доставитъ удовольствіе, будь увѣрена, что и мнѣ тоже, — ты для меня родная сестра, иначе я не почитаю. Мнѣ раздираютъ душу твои домашнія непріятности, положеніе твое ужасно; но несчастія приносятъ ужасную пользу, они поднимаютъ душу, возвышаютъ насъ въ собственныхъ глазахъ.

О себѣ много нечего мнѣ говорить: я обжился, привыкъ быть колодникомъ, выброшеннымъ изъ общества, государственнымъ преступникомъ, на будущее я не смотрю,—что будетъ, то будетъ. Самое грозное для меня это разлука съ Огаревымъ; этотъ человѣкъ мнѣ нуженъ, необходимъ, я безъ него одинъ томъ недоконченной поэмы, отрывокъ. И какъ онъ твердъ въ своемъ несчастіи! Но его ли глубокой душѣ потрясаться отъ этихъ земныхъ толчковъ? Я его ни разу не видалъ—то есть порядочно; но однажды я сидѣлъ одинъ въ горницѣ въ коммиссіи, допросъ кончился, но намъ не даютъ встрѣчаться; изъ моего окна видны были освѣщенныя сѣни; вдругъ подали дрожки, я бросился инстинктомъ къ окну, отворилъ форточку и видѣлъ, какъ сѣлъ плацъ-адъютантъ и съ нимъ Огаревъ; я весь дрожалъ, какъ влюбленный, но дрожки укатились, и ему нельзя было меня замѣтить, я самъ едва его видѣлъ, едва разглядѣлъ, можетъ даже это былъ не онъ. Неужели намъ суждена гибель, и какая гибель, нѣмая, глухая, о которой никто не узнаетъ! Зачѣмъ же природа дала намъ эти огненныя души, стремящіяся къ дѣятельности и къ славѣ, неужели это насмѣшка?!—А въ такомъ случаѣ это самая забавная насмѣшка: такъ смѣялся, я думаю, Аббадонна, падая съ рая въ адъ. Но нѣтъ, здѣсь въ груди горитъ вѣра сильная, живая, есть Провидѣніе! Я читаю съ восторгомъ Четьи-Минеи, вотъ гдѣ божественные примѣры самоотверженія, вотъ были люди!—Итакъ Эм. Мих. будетъ въ Москвѣ и вы съ ней будете говорить пантомимами—хорошо; но я никакъ не буду съ ней говорить, ибо не надѣюсь на скорый выпускъ: стоитъ разъ поймать человѣка, ужъ они постоятъ за то, чтобъ не отворить клѣтку. Можетъ, развѣ по старому русскому обычаю, къ Святой откроютъ клѣтку. Жаль, но que faire!—Я слышалъ, ты читала *Пиковую Даму*; игра, это – страсть, о которой ты не имѣешь никакого понятія, но страсть сильная, часто волнуетъ она меня, и стоитъ разъ пуститься мнѣ, я сдѣлаюсь самымъ бѣшенымъ игрокомъ, но я боюсь, какъ Германъ.—Прощай и помни и люби брата твоего Ал. Герцена. Отвѣтъ слишкомъ веселый, позволенія пропустить не даютъ.

31 декабря.

Я ужаснулся, написавъ тебѣ прошлую записку, и долго думалъ, посылать ли ее, и еще болѣе ужаснулся, получивъ твой отвѣтъ. Никогда не возьму я на себя той отвѣтственности, которую ты мнѣ даешь, никогда! Я предложилъ тебѣ быть другомъ, и другомъ въ полномъ смыслѣ, то есть я хотѣлъ сообщить тебѣ взглядъ истинной на людей; но присемъ я предположилъ твердость характера, которая у тебя и есть и которая необходима; я знаю, у тебя есть много *своего*, зачѣмъ же ты такъ отдаешься въ волю мою; ты еще не совсѣмъ знаешь меня, во мнѣ ху-

дого, можетъ, болѣе, нежели добраго; я знаю себя, мое воображеніе испачкано, мое сердце замарано, пятно разврата въѣдается глубоко, стереть его могутъ одни несчастья; зачѣмъ же ты говоришь: дѣлай изъ меня, что хочешь? Нѣтъ, я хочу, *чтобъ ты сдѣлала изъ себя, то что ты можешь изъ себя сдѣлать;* съ своей стороны, я берусь способствовать этому развитію, отнимать преграды. Я ненавижу покорность въ друзьяхъ, я ее только хотѣлъ бы въ толпѣ, покорность унижаетъ. Я не такъ милъ себѣ, чтобы хотѣть видѣть въ тебѣ себя; нѣтъ, я хочу *въ тебѣ видѣть тебя*, и тебя такъ, какъ Богъ создалъ твою душу, безъ примѣси обстоятельствъ, потому что Богъ твою душу хорошо создалъ. Пойми меня и не толкуй въ кривь все сказанное тутъ, это не отказъ, но объясненіе. Скажу яснѣе: я не хочу, чтобъ ты отвергла всѣ узы родства, отъ того что я ихъ отвергаю, сойди въ свою душу и спроси себя и слушай отвѣта, — я, съ своей стороны, только сдѣлаю вопросъ. Впрочемъ, я знаю, что ты писала свою записку *сгоряча*, а тутъ пишется многое, что несогласно съ холодною мыслію.

Что касается до твоего положенія, оно не такъ дурно для твоего развитія, какъ ты воображаешь. Ты имѣешь большой шагъ надъ многими, тебя опытъ научилъ кой-чему; правда, опытъ учитъ желѣзною рукою, но за то его уроки съ плодомъ. Ты, когда начала понимать себя, очутилась одна — одна во всемъ свѣтѣ. Другіе знали любовь отца и нѣжность матери, у тебя ихъ не было.—Никто не хотѣлъ тобою заняться, ты была оставлена себѣ. Что же лучше для развитія? Благодари судьбу, что тобою никто не занимался; они тебѣ навѣяли бы чужого, людского, они согнули бы ребяческую душу; теперь это поздно. Ежели же ты говоришь о свѣтскомъ воспитаніи, надобно умѣть презирать его: оно хорошо для людей, которые не имѣютъ никакого звука, ибо оно имъ придаетъ видъ людской. У кого же есть душа, тотъ въ ней найдетъ болѣе нежели въ воспитаніи. Ты какъ будто жалѣешь, что твоя жизнь несчастлива, но на что счастіе, и какое счастіе здѣсь на землѣ?

Еще замѣчаніе: ты пишешь, что ты обрекла себя прежде на *гибель безвѣстную;* я не понимаю послѣдняго слова. Чего же ты хочешь? извѣстности, славы? Храни Богъ, чтобъ тебя коснулась эта ужасная болѣзнь; я испыталъ и испытываю, что это такое, и не могу подняться до самоотверженія, потому что я нечистъ, потому что мысль эта запала слишкомъ рано въ грудь мою, слишкомъ истерзала ее,—но ты... впрочемъ, можетъ ты не понимаешь.

Прощай, твой братъ *Александръ.*

Ежели тебѣ нѣтъ средствъ беречь мои записки, жги ихъ: бѣда тебѣ, ежели попадутся М. С.—При семъ записка къ Эм. Мих.

У колодника нѣтъ праздника и нѣтъ Новаго года; но у васъ есть — поздравляю.

1835 годъ.

8 февраля.

Наташа, тебѣ, какъ сестрѣ Герцена, Герценъ не боится прямо объявить новость, которая съ виду хуже нежели въ сущности. Комиссія приговорила меня, Огарева и Сатина (кромѣ нѣкоторыхъ еще) сослать на 5 лѣтъ на Кавказъ; но обыкновенно государь, утверждая, уменьшаетъ срокъ въ половину. Итакъ, я

поѣду на $2^1/_2$ года на Кавказъ; тамъ дивная природа, дикая и необузданная, какъ черкесы; мнѣ эта новость и не горька, и не сладка,—лучше на Кавказѣ 5 лѣтъ, нежели годъ въ Бобруйскѣ. Хуже всего, что все то время должно пропасть въ моей карьерѣ, ежели забудемъ пользу отъ занятій. Я не разлюбилъ Русь, мнѣ все равно, гдѣ-бъ ни было мнѣ дано поприще, идти по немъ я могу; но создать поприще не въ силахъ человѣка. О Боже, Боже, когда же сбудется хоть одна мечта изъ тѣхъ, которыя раздираютъ мнѣ душу,—неужели никогда [1]).

У меня была Эмилія Мих.; спасибо ей, не забыла колодника. Очень мало людей, которыхъ я желаю видѣть теперь, она въ этомъ числѣ; я люблю людей, которые ярко чувствуютъ, на нихъ не такъ замѣтно клеймо, которымъ чеканитъ людей судьба, «нужныхъ на мелочные расходы», какъ сказалъ кто-то. — Она меня весьма потѣшила твоей встрѣчей съ кн. Оболенскимъ. Бѣдная Natalie! Тебѣ достается за брата, но, ей Богу, твоя дружба ко мнѣ имѣетъ самый звонкій отголосокъ въ моей душѣ. Ни въ счастьи, ни въ тюрьмѣ, ни ссыльнымъ я не перемѣнюсь. У тебя, говорятъ, мысль о монастырѣ,—не жди отъ меня улыбки при этой мысли; я понимаю твою мысль, она высока; но ее взвѣсить надобно очень и очень. Неужели тебѣ не волновала грудь мысль сильная, огненная—любовь? Монастырь—отчаяніе; теперь нѣтъ монастырей для молитвъ. А ты развѣ сомнѣваешься, что встрѣтишь человѣка, который тебя будетъ любить, котораго ты будешь любить. О, съ какою радостью я возьму его руку и твою,—онъ будетъ счастливъ, у тебя прелестная душа. Ежели же этотъ онъ, этотъ идеалъ, который зрѣетъ съ 16 лѣтъ въ груди дѣвушки, не явится,—иди въ монастырь, это въ милліонъ разъ лучше пошлаго замужества. Но, ради Бога, думай объ этомъ дольше.

Сегодня уѣзжаетъ изъ Москвы капитанъ Ивашкинъ, бывшій жандармъ; повѣришь ли, что я съ нимъ прощался тронутымъ: онъ простой, добрый человѣкъ и болѣе ничего, но онъ первый принялъ участіе въ преступникѣ, котораго боялись, онъ первый протянулъ безъ всякихъ мыслей мнѣ здѣсь руку. О, какъ чувствительны эти знаки въ моемъ положеніи, какъ больно, обращая глазъ свой, видѣть коварные глаза чиновниковъ тайной полиціи и ихъ исполнителей! Прощай, твой братъ

Александръ.

21 февраля.

Въ горестяхъ есть какая то сильная поэзія. Вообрази себѣ эту минуту, когда Христосъ сказалъ, что его предадутъ ученики, и опечаленный Іоаннъ, юноша-любимецъ, склонилъ свою главу на грудь Спасителя. Какое счастье можетъ сравниться съ этой минутой—для нихъ обоихъ. Какъ сладко было склонить Іоанну свою голову на эту грудь, въ которой созрѣла мысль перерожденія человѣка и въ которой были силы и выполнить ее, и сѣсть рядомъ съ Богомъ, и погибнуть за людей. И съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ Христосъ на Евангелиста-поэта, который такъ вполнѣ понялъ его и такъ чисто предался ему. Но гдѣ же *нашъ* Христосъ? Кому *мы* склонимъ на грудь опечаленную голову? Неужели мы ученики безъ учителя, апостолы безъ Мессіи? Я готовъ переносить страданія и не

[1] Въ подлинникѣ позднѣйшая приписка рукой Н. А. Герценъ карандашемъ: «сбылась мечта и совсѣмъ не та, о которыхъ думалъ!»

Прим. издат.

такія, какъ теперь; но не могу снести холода, съ какимъ смотритъ свѣтъ на насъ оловянными глазами, пусть бы насъ ненавидѣли, это все лучше. Вотъ колодникъ Петръ въ цѣпяхъ приближается къ Риму, и весь народъ бѣжитъ встрѣтить его; насъ кто встрѣтитъ и кто проводитъ? Можетъ, одинъ смѣхъ. Меня въ комиссіи обвиняли въ сенъ-симонизмѣ, я не с.-симонистъ, но вполнѣ чувствую многое съ ними заодно. Нѣтъ жизни истинной безъ вѣры...

Господи, какъ этотъ опытъ показалъ мнѣ людей; нынче въ модѣ ругать людей и вѣкъ, не потому я говорю, а по глубокому убѣжденію. Одни грустные звуки вырываются изъ моей души нынче, она похожа на монастырскій колоколъ.

Статью ты получила, слышалъ я сейчасъ; прошу обратить вниманіе на IV главу (разговоръ Игумна съ эпиграфомъ изъ Августина); это, можетъ, лучшее, остальное все гиль.—Твое *безпристрастное* мнѣніе о ней. Addio

Ал. Герценъ.

Мартъ.

Наташа, другъ мой, сестра, ради Бога не унывай, презирай этихъ гнусныхъ эгоистовъ, ты еще слишкомъ снисходительна къ нимъ, презирай ихъ всѣхъ! Они мерзавцы. Ужасная была для меня минута, когда я читалъ твою записку къ Emilie. Я весь трепеталъ. И она теперь въ рукахъ Льва Алексѣевича и я писалъ ему письмо, писалъ и къ папенькѣ и *иное* выраженіе имъ не понравится. Но я одинъ въ отвѣтѣ, мои плечи здоровы, они вынесутъ, лишь бы тебѣ помочь. Боже, въ какомъ я положеніи, ну, что я могу сдѣлать для тебя, колодникъ и не нынѣ-завтра ссыльный, какая слабая опора! Клянусь, что ни одинъ братъ не любитъ болѣе сестру, какъ я тебя, но что я могу сдѣлать. О власть! Ежели теперь ты не будешь видѣться съ Emilie, пиши черезъ меня къ ней. Но что же тебѣ дѣлать, еще не знаю, я слишкомъ бѣшусь, чтобы разсуждать. А скоты, дураки счастливы!

Твоя записка объ Ал. С. получена, и я доволенъ тобой до крайности. Забудь его коли такъ, это былъ опытъ, а ежели бы любовь въ самомъ дѣлѣ, то она не такъ бы выразилась. Его журналъ par malheur смѣшонъ, любовь къ Поварской и пр.. Но для чего ты пишешь: «можетъ онъ надѣется». Пускай себѣ. Развѣ для него недовольны *счастливые дни*, которые ты ему дала, или развѣ ты виновата, что онъ любитъ. Это тебѣ должно быть пріятно, и какъ же иначе? [1]) Привыкай къ удивленію толпы, ты выше ея. Нѣтъ, что-то тяжело на сердцѣ, не могу писать. Ахъ, Natalie, несчастіе намъ суждено,— но на что же счастіе; я какъ то всегда дѣлаюсь выше послѣ такой непріятности. «Прощай, покамѣстъ, истинный другъ».

Я вообще сталъ какъ то ярче чувствовать съ тѣхъ поръ, какъ выброшенъ изъ общества людей. И потому нынче провелъ такъ скучно, какъ нельзя болѣе. Теперь я писалъ къ Эм. Мих., второй часъ, а все еще спать не ложусь, тутъ попалась мнѣ повѣсть Гоголя (Арабески, ч. II) «Невскій проспектъ»; во всякое другое время я бы расхохотался надъ нею, но тутъ она свернула меня вдосталь. Поэтъ-живописецъ влюбился въ публичную женщину; ты не знаешь, что такое эти твари, продающія любовь: не можетъ быть болѣе насмѣшки надъ всѣмъ чистымъ какъ онѣ, я знаю ихъ очень. Повѣришь ли, что повѣсть эта меня тронула, не-

[1]) Позднѣйшая приписка карандашемъ рукой Н. А. Герценъ: «ты тогда не зналъ меня совершенно».

Примѣч. издат.

смотря что она писана смѣшно. Я вспомнилъ подобный примѣръ, бывшій при моихъ глазахъ. Какъ можно ихъ любить любовью?

.... Власть красоты, красота земная есть отблескъ Бога.

Ха ха-ха, что я вздумалъ,—какъ Левъ Алексѣев. и пап[енька] и Comp. нынче, чай, весело день провели.

Я къ тебѣ съ просьбою, въ которой я хочу испытать твою дружбу (зачѣмъ ты меня все подчуешь властью, не хочу власти,—дружбы, равенства) Я слышалъ, что тебѣ часто бываетъ нужда въ деньгахъ, напиши сколько; твои нужды такъ ограниченны, что я всегда могу, не дѣлая обиды себѣ, открывать тебѣ кредитъ. Особенно теперь мнѣ некуда деньги дѣть, да еще сверхъ того, шалостями играя (съ дурацкимъ счастьемъ во всѣхъ мерзостяхъ), я набралъ даже лишнія. Когда мнѣ нужны деньги, я просто беру ихъ у Огарева. Вѣрно ты не откажешься сдѣлать мнѣ это удовольствіе. У друзей все общее. Итакъ пиши сколько?

Je veut renier terre et ciel pour vous voir le jour de ma naissance, mais je ne le crois guère. Diable, c'est bien triste que peut être nous nous verrons pas plus de 2 fois avant de partir pour l'exil, et comment—en prèsence de m-me la princesse et de son amie. Но ты сама писала мнѣ что не пространство дѣлитъ друзей.

Суббота. Вчера былъ у меня Левъ Алексѣев.; это хорошо,—показываетъ, что онъ не сердитъ за письмо, напротивъ; но ни какъ не могъ я завести разговоръ объ этомъ, офицеръ мѣшалъ.

Со мною преуморительная перемѣна: я съ нѣкотораго времени видимо глупѣю, и вообрази, что ежели такъ буду я усовершаться въ глупости, то года черезъ два я un fou à lier; это должно быть очень пріятно, я еще не испыталъ этого; тогда счастіе ко мнѣ рѣкою.

Знаешь, какъ я теперь фантазирую: читаю долго-долго что нибудь хорошее и, бросивъ книгу, переношусь туда, въ міръ этой книги, и я могу нѣсколько часовъ совершенно жить въ другомъ вѣкѣ, съ его понятіями и пр. Мило, очень мило; ежели это первый шагъ сумасшествія, то я непрочь сойти съ ума.

Прощай, пиши же, что было и какъ. А я тебя всю ночь тогда видѣлъ во снѣ, но какъ то странно, смутно. То я у васъ, и все какъ надобно: Аркадій въ первой передней, Макашина въ послѣдней передней, потомъ ты, мы давно не видались, но ты гораздо меньше, почти такая, какъ ты была еще при Александрѣ Алекс., когда мнѣ показывала рулетку (помнишь?), но тутъ дѣлался изъ всего садъ, и я искалъ съ тобою проститься, ибо мнѣ надобно ѣхать въ ссылку (этого то я не забылъ во снѣ) и пр. и пр.

Александръ Герценъ.

P. S. Ты не будь въ претензіи, что такъ долго тебѣ не возвращена *Легенда*; это нужно, мои партизаны пустили ее по Москвѣ, спасибо и на этомъ.

---

2 апрѣля.

По клочкамъ изодрано мое сердце, не знаю, во все время тюрьмы я не былъ до того задавленъ, стѣсненъ, какъ теперь. Не ссылка этому причиною. Что мнѣ Пермь или Москва, и Москва — Пермь. Но слушай все до конца.

31 марта потребовали насъ слушать сентенцію. Торжественный день. Кто не испыталъ этого, тотъ никогда не пойметъ. Тамъ соединили 20 человѣкъ, которые должны прямо оттуда быть разбросаны, одни по казематамъ крѣпо-

стей, другіе по дальнимъ городамъ; всѣ они провели девять мѣсяцевъ въ неволѣ. Шумно и весело сидѣли эти люди подъ ножемъ, въ большой залѣ, когда я взошелъ, и Соколовскій, главный преступникъ, съ усами и съ бородою бросился мнѣ на шею, а тутъ Сатинъ; уже долго послѣ меня привезли Огарева, все высыпало встрѣтить его. Со слезами и улыбкой обнялись мы. Все воскресло въ моей душѣ, я ожилъ, я былъ юноша, я жалъ всѣмъ руку, я любилъ всѣхъ ихъ, я мечталъ. Словомъ, это одна изъ счастливѣйшихъ минутъ жизни,—ни одной мрачной мысли. чего было мнѣ боятся на ту минуту? Наконецъ, намъ прочли приговоръ, сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что Государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ (Соколовскій въ крѣпость): Огаревъ въ Пензу, Сатинъ въ Симбирскъ, я въ Пермь. И надежда свободы отъ тюрьмы свѣтилась, и съ сей надеждой я воротился въ казармы. Все было хорошо, но вчерашній день, да будетъ онъ проклятъ, сломалъ меня до послѣдней жилы. Я тебѣ разскажу. Со мною содержится Оболенскій. Когда намъ прочли сентенцію, я спросилъ дозволеніе у Цинскаго намъ видѣться; мнѣ позволили. Возвратившись, я отправился къ нему, между тѣмъ, объ этомъ дозволеніи забыли сказать полковнику. На другой день мерзавецъ офицеръ Соколовъ донесъ полковнику объ этомъ, какъ о противузаконномъ поступкѣ, и я такимъ образомъ замѣшалъ трехъ лучшихъ офицеровъ, которые мнѣ дѣлали Богъ знаетъ сколько одолженій; всѣ они имѣли выговоръ и всѣ наказаны и теперь должны, не смѣняясь, дежурить три недѣли (а тутъ Святая). Я грызъ себѣ пальцы, я плакалъ, бѣсился, рвался, и первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, было мщеніе. Я опозорилъ этого Соколова, я разсказалъ про него вещи, которыя могутъ погубить его,—и вспомнилъ, что онъ бѣдный человѣкъ и отецъ 7 дѣтей. Но должно ли щадить фискала, развѣ онъ щадилъ другихъ? Чертъ съ нимъ! Мнѣ надобно, чтобъ я былъ отмщенъ. Это происшествіе тѣмъ сильнѣе огорчило меня, что я еще весь былъ мягокъ и полонъ отъ вчерашняго свиданія; вдругъ весь чистый, поэтическій восторгъ превратился въ какую то злость, и я доселѣ готовъ, ей-Богу, готовъ зубами грызть всякаго. Къ этому прибавокъ. Кто, кто смѣетъ насъ теперь держать? Намъ прочли сентенцію и не берутъ труда выпустить. О звѣри, звѣри, дикіе звѣри, а не люди. «Люди—порожденіе крокодиловъ, ваши слезы вода, ваше сердце желѣзо», какъ говоритъ Шиллеръ. Ты не можешь себѣ вообразить, какъ эта ничтожность тяжела. Что же мы? Игрушки. Какъ высокъ и необъятно высокъ Огаревъ,—этого сказать нельзя; передъ этимъ человѣкомъ добровольно склонилъ бы я голову, ежелибъ онъ не былъ нераздѣльною частію меня. Этотъ человѣкъ вполнѣ, весь принадлежитъ идеѣ и общей дѣятельности; что для него жизнь, богатство... Помнишь, что я писалъ тебѣ въ прошлый разъ, наша жизнь рѣшена, жребій брошенъ, буря увлекла, *куда?* не знаю. Но знаю, что *тамъ* будетъ хорошо, тамъ отдыхъ и награда. Человѣчество! для него все, для него родятся *люди*, ему обязаны мы; но что мы можемъ? Малое,—но и малое есть нѣчто. «*Послушайте, братія, не нищихъ ли міра сего Богъ избралъ быть богатыми вѣрою*» (посл. Іакова). Да и кто были апостолы? Нѣтъ, наша будущность въ нашихъ рукахъ. Да будемъ мы забыты и презрѣнны, ежели схоронимъ въ землю тѣ малые таланты, которые намъ далъ Богъ!

Прощай, Наташа, скоро, скоро увидимся, скоро, скоро разстанемся надолго. Ежели меня еще дней пять продержутъ, я надѣлаю чертъ знаетъ что. Я умѣлъ терпѣть, но теперь ужъ они превосходятъ мѣру. Прощай, посылаю тебѣ братскій поцѣлуй.

Александръ.

10 апрѣля.

За нѣсколько часовъ до отъѣзда я еще пишу, и пишу къ тебѣ; къ тебѣ будетъ послѣдній звукъ отъѣзжающаго. Вчерашнее посѣщеніе растаяло мое каменное направленіе, въ которомъ я хотѣлъ ѣхать. Нѣтъ, я не камень, мнѣ было нынче грустно ночью, очень грустно. Natalie, Natalie, я много теряю въ Москвѣ, что у меня только есть. О, тяжко чувство разлуки, и разлуки невольной. Но такова судьба, которой я отдался. она влечетъ меня, и я покоряюсь. Когда же мы увидимся? Гдѣ? Все это темно; но ярко воспоминаніе твоей дружбы; изгнанникъ никогда не забудетъ свою прелестную сестру.

Итакъ, участь голубя тебя не пугаетъ, голубь—что то небесное, отъ него навѣваетъ не землею. Именно, чистота твоей души вчера такъ сильно на меня дѣйствовала.

Можетъ быть.... но окончить нельзя, за мною пришли. Итакъ прощай, прощай надолго. но ей Богу не навсегда, я не могу думать сего.

Все это писано при жандармахъ 10 апрѣля 1835 г., 9 часовъ.

На оборотѣ написано карандашемъ рукою Н. А. Герценъ:

«Моя любимая записка. Когда-то мы прочтемъ вмѣстѣ, это безпредѣльное *можетъ быть!* Когда посмотримъ на эти царскія врата, за которыми Святая Святыхъ».

Затѣмъ—приписано чернилами рукою А. А. Герценъ:

«Не хочу, Ангелъ мой, чтобъ ты безъ любимой записки встрѣтила 9 апрѣля. Да, *можетъ быть* теперь ясно...

Люблю, люблю, люблю тебя—на этомъ листкѣ недоставало этого слова».

Твой *Александръ*.

1838 года 3 апрѣля.

Безъ обозначенія числа.

Eh bien, chère soeur, voila que tout est feni, voila qu'il faut partir. Колокольчикъ динь-динь-динь. Et vive l'exil et les exilés. On ne sait pas encore le sort d'Ogareff. En tout cas nous nous verrons. Посылаю тебѣ своихъ волосъ [1]).

Нижній-Новгородъ, 16 апрѣля.

Наташа! Вотъ и тебѣ нѣсколько словъ отъ изгнанника. Всякая минута отталкиваетъ меня далѣе и далѣе отъ всѣхъ васъ. Ничего нѣтъ у меня въ Перми, а туда ѣду; все въ Москвѣ, а она меня выбросила. Прощай, некогда писать, иду смотрѣть царь-рѣку Волгу. Прощай.

Твой *Ал. Герценъ*.

Эм. Мих. поклонъ.

Апрѣля 22, Казань.

Далеко, далеко умчало меня, другъ Natalie! Страшное положеніе быть доведену до такого одиночества, въ которомъ надобно въ себѣ одномъ искать все;

---

[1]) На подлинникѣ карандашемъ приписано рукою Н. А. Герценъ:

«Это было на Страстной недѣлѣ: получивъ, я вообразила, что ужъ ты уѣхалъ—слезы не лились, синія пятна выступили на лицѣ, я бросилась къ Петру — «нѣтъ еще-съ» и сердцу легче, я заплакала, пятна еще не прошли и меня повезли подъ Новинскъ! Тутъ-же посланъ медальонъ!

Примѣч. издат.

нѣтъ человѣка, нѣтъ груди дружеской на этомъ пути, нѣтъ звука понятнаго или... Виноватъ. Воспоминаніе—надгробный памятникъ прошедшему, но памятникъ живой, и природа, съ другой стороны,—вотъ что у меня осталось. Я разсѣянъ, мнѣ мудрено это движеніе послѣ 9 мѣсяцевъ тюрьмы, я не могу себѣ еще дать ни въ чемъ отчета. Неси же, неси же, буря, которая увлекла меня, я ввѣряюсь тебѣ!

Часто вижу я Москву и васъ всѣхъ во снѣ,—сонъ есть положительное добро, и какъ хороши сны иногда, и будто бы это вздоръ, — вѣдь, живемъ же, когда спимъ, и помнимъ сонъ, какъ быль.

Прощай. Твой братъ *Ал. Гер.*

Ты получишь отсюда казанскій гостинецъ отъ меня. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Эмиліи Михайловнѣ кланяйся и скажи, чтобъ она не забывала пріятелей и друзей за одною далью.

[Пермь].

Теперь, chère Natalie, твой чередъ писать ко мнѣ. Я, наконецъ, въ Перми.

Это ужасно, что было со мною ныньче утромъ; прихожу нанимать квартиру, а хозяйка спрашиваетъ: «нуженъ ли вамъ огородъ и стоило для коровы?» Grand Dieu! Неужели есть возможность мнѣ имѣть огородъ и корову? Ха, ха, ха, да это чудо! Огородъ и корову,—я скорѣе заживо въ гробъ лягу. Вотъ какъ мелочная частность начинаетъ виться около меня! А что, въ самомъ дѣлѣ, бросить всѣ эти высокія мечты, которыя не стоютъ гроша, завести здѣсь домъ, купить корову, продавать лишнее молоко, жениться по разсчету и умереть съ плюмажемъ на шляпѣ, — право, не дурно, «исчезнуть какъ дымъ въ воздухѣ, какъ пѣна на водѣ» (Данте).

Пріѣхавши на мѣсто, я только узналъ все, что̀ я потерялъ, разставаясь съ Москвою; нѣтъ, сколько ни мудри, а разлука дѣло ужасное; это замерзшее озеро— и нѣмо, и холодно. Какъ живо у меня въ памяти твое посѣщеніе въ Крутицахъ, и что же это было?—Нѣсколько часовъ въ цѣлой громадѣ времени — и прежде, и послѣ. Да, у насъ въ жизни только есть нѣсколько минутъ, и свѣтлыхъ, и изящныхъ, остальное что-то земное и грязное. Это фонари, освѣщающіе дорогу; далеко назади блестятъ они звѣздочкой. Когда же, сестра, когда же мы увидимся?

Ахъ люди, люди, люди злые,
Вы ихъ разрозпили... [1])

Да, вы меня разрозняли со всѣми. Прощай, пиши. *Александръ.*

Москва, мая 28, вторникъ.

И я пишу къ тебѣ, Александръ, другъ мой! Отрадно мнѣ поговорить съ тобою, и это еще въ первый разъ послѣ нашей разлуки, — не сердись на меня за это, я не виновата. Ужасно тяжко было у меня на сердцѣ, взяла перо писать

[1]) Приписка карандашемъ, сдѣланная впослѣдствіи: «Не посмѣлъ написать сердца».

Примѣч. издат.

къ тебѣ.—и легче, какъ будто мы съ тобой ближе стали. Грустно безъ тебя здѣсь, Александръ, ужасъ какъ грустно! Ты разсѣянъ, тебѣ представляются все новые предметы, новыя лица, ты смотришь на Пермь и иногда забудешь, что въ уголкѣ Москвы живетъ Наташа, а я... мнѣ все, все напоминаетъ, что другъ далеко. Ахъ, повѣришь ли, сердце обольется кровью, какъ раздумаешься о тебѣ: за тысячу верстъ, одинъ, Богъ знаетъ что съ тобою, и если бы не вѣра, не крѣпкая надежда на Провидѣніе, я бы совершенно упала духомъ. Но нѣтъ, еще вѣра моя слишкомъ слаба, чтобъ предать тебя въ руки Его и быть совершенно спокойной на твой счетъ. Я читаю Посланія Іакова,—тутъ почерпаю многое; они очищаютъ душу мою и укрѣпляютъ мою вѣру. Ну, не все ли напоминаетъ мнѣ тебя? Беру Евангеліе—вспоминаю тебя; вѣдь, ты велѣлъ мнѣ читать Посланія. Да, тысячеверстное пространство раздѣляетъ насъ,—и мы такъ близки!

Часто перечитываю я твои прежнія письма, и что хочешь говори, а я въ нихъ нахожу все: отраду, утѣшеніе, мудрость, — однимъ словомъ, нахожу въ нихъ тебя; и какъ выше становлюсь я въ собственныхъ глазахъ, прочитавши нѣсколько изъ нихъ; тотъ, кого я такъ люблю, чья дружба для меня все на свѣтѣ, въ кого такъ вѣрую, говоритъ мнѣ: «я гордъ за тебя и тобою». О, какъ много выражаютъ эти слова! Они для меня дороже цѣлаго листа, кругомъ уписаннаго похвалою; а не вѣрить тебѣ—не вѣрить собственному существованію; съ тобою (хоть ты и за тысячу верстъ, но всегда со мною) я забываю, что существуетъ на землѣ лесть, что истины нѣтъ во многомъ.

Помню, ярко помню день нашего свиданія и прощанія; сказать тебѣ не умѣю, себѣ отчета дать не могу въ чувствахъ, волновавшихъ тогда душу мою: небо и земля, рай и адъ! Сердце мое было такъ полно, такъ полно, что я забывала говорить; но какъ будто высказала все, будто незамѣтно мнѣ самой душа моя вылилась въ твою душу; тогда я забыла весь свѣтъ, глядя на эту маленькую горницу, забыла, что у меня есть жилище, что есть зданія красивѣе; глядя на тебя, забыла все на свѣтѣ; я не видала, какъ прошли эти часы; все это время показалось мнѣ однимъ мгновеніемъ, а минута прощанія — о, горькая минута!— тысяча счастливѣйшихъ въ будущемъ едва ли мнѣ заплатятъ за нее. Простившись съ тобою въ корридорѣ, я хотѣла воротиться къ тебѣ, взглянуть еще разъ, но не было силъ.

Дорогою все еще я была согрѣта свиданіемъ, но, когда вошла въ твою комнату... Потомъ, странно, явилась въ душѣ надежда видѣть тебя еще, даже въ день твоего отъѣзда мнѣ все казалось; но въ третьемъ часу принесли мнѣ твою послѣднюю записку, тутъ... О, эта минута еще была ужаснѣе прощанья! Тамъ самая горесть умалялась твоимъ присутствіемъ; еще глядя на тебя, я думала, что не увижу долго, а тутъ, тутъ... и нѣтъ болѣе надежды! О, когда же мы увидимся, когда, Боже мой? Пиши мнѣ, братъ, ради Бога, пиши. Послушай, если, живши долго въ дальней сторонѣ, ты перемѣнишься и при свиданіи будешь только дивиться прежнему желанію видѣться,—избави Богъ! Чему-жъ мнѣ послѣ вѣрить? Но нѣтъ, нѣтъ, я не сомнѣваюсь въ тебѣ!

Emilie нѣтъ въ Москвѣ, и я еще не писала къ ней и отъ нея не получала; вотъ всѣ разъѣзжаются, оставляютъ меня — и Егоръ Ивановичъ ѣдетъ; грустно! Ты, вѣрно, усталъ читать, — я потому такъ мелко пишу, чтобъ больше уписалось. Два письма, на которыя я не отвѣтила,—зонтикъ прелестный и башмаки я получила, — честь твоему вкусу! Благодарю отъ души, за все! Прощай, Александръ, будь здоровъ, спокоенъ, не забывай меня, но вспоминай безъ горестнаго

чувства. Что ты дѣлаешь? Мы ѣдемъ скоро въ деревню, тамъ я спишу твою *Легенду*. Еще прощай, Христосъ съ тобой. Твоя сестра Наташа.

Кланяюсь Петру, онъ, кажется, такъ тебя любитъ и служитъ усердно. Когда ты возьмешь огородъ и корову, тогда, вѣрно ужъ женишься на этой хозяйкѣ, ежели она богатая вдова, но, я думаю, ты до садоводства не охотникъ. Вообрази, что послѣ тебя я ни разу не была у васъ и не видала маменьку, вѣдь, это ужасно! Когда-жъ взойдетъ моя звѣзда, моя свобода?

Довольно часто посѣщаю я гулянья, но все это такъ скучно, нѣмо. Да, когда ты женишься вотъ на этой вдовѣ, тогда я выйду замужъ за князя Оболенскаго, который бываетъ у насъ довольно часто; маменька даетъ намъ случай быть вмѣстѣ: онъ... да что, все глупости, вздоръ, не стоитъ объ этомъ писать; богатство, княжество для меня на что?—красивый мундиръ и подавно, скорѣе буду послушницей, нежели княгиней. Пусть они доканчиваютъ ничтожные дни свои ничтожно, а мнѣ — далека я отъ всего этого. Низки и жалки они для меня. Не шумныхъ свѣтскихъ удовольствій, не княжества ищу я .. скорѣе ничего! Прощай, пиши сестрѣ твоей, которая тебя такъ много любитъ.

Москва, іюня 3, понедѣльникъ.

Братъ, послѣднее письмо твое разстроило меня до слезъ (не потому, что я женщина, — нѣтъ, я во многомъ умѣю быть твердою). Ахъ, Александръ, Александръ! и ты думалъ, что я не хотѣла писать къ тебѣ, что я забыла, кого же? – тебя! Мнѣ больно, что ты такъ мало увѣренъ во мнѣ, сомнѣнье друга убиваетъ, сердце мое сжато тоской. *Вѣрь же*, что я не виновата. О, если бы ты зналъ, если бы *вѣрилъ*, съ какою радостью, съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ я получаю твои письма! Въ разлукѣ съ тобой они одни, какъ яркія звѣзды на мрачномъ небѣ, освѣщаютъ путь мой, и послѣднее, хотя въ немъ... но, вѣдь, это все ты, ты, такъ пиши же. Теперь ты въ Вяткѣ; слава Богу, почти 400 верстъ ближе къ намъ! Тебя окружаетъ все новое, перо утомилось бы, если бы вздумалъ описывать, но что я скажу тебѣ новаго? *Все* такъ, какъ было прежде, нигдѣ, ни въ чемъ не нахожу новаго, кромѣ себя; да, во мнѣ новыя силы, всѣ непріятности сношу я съ большею твердостью; я какъ-то становлюсь надъ этимъ все выше и выше, ничто мелочное, частное не тревожитъ меня, вовсе не касается меня. «Они мнѣ жалки, какъ червь презрѣнный, безмолвно гибнущій въ пыли». Жизнь моя все такъ же однообразна, я и не ищу разсѣянности, одно воспоминаніе, одна мечта дѣлаютъ меня болѣе счастливою, нежели всѣ эти глупости. Мечта, мечта!.. а ты не велишь мечтать.

Помнишь ли, разъ послѣ ужина мы сидѣли въ саду, еще мѣсяцъ такъ ярко намъ свѣтилъ, ты говорилъ намъ съ Emilie, что не должно мечтать; но когда нѣтъ ничего въ существенности? О, какъ иногда я счастлива въ мечтахъ! Забудешь суровость настоящаго, мечта унесетъ далеко-далеко въ края будущаго, которые такъ близки, но такъ непостижимы, воображеніе разрисуетъ ихъ, и прелестны *тѣ края*, но –все мечта! Иногда уснешь съ милою мечтой, и — какіе сны! Видаю тебя, другъ Александръ, часто видаю, и какъ люблю я этотъ сонъ, и страшно мнѣ проснуться, но все мечта! Я ничего не ищу, ничего не желаю, я все имѣю въ друзьяхъ и пусть, о, пусть я погибну, какъ голубь, но участью моею не промѣняюсь ни съ кѣмъ! О, если бы я могла жить для друга, жертво-

вать ему всѣмъ, если бы жизнь моя была ему полезна... тогда на что же искать другого неба?

Бываютъ дни, въ которые я совершенно счастлива; наканунѣ праздника пошла я ко всенощной; въ храмѣ душа свѣтлѣе, выше, я *молилась*; прихожу домой, мнѣ *подаютъ твою записку*.

Эта страница у тебя всегда пустая, но я не буду отмщать, пишу еще, и врядъ ли у тебя стаетъ терпѣнья читать такую мелочь. Брось, взорви, когда тебѣ наскучило, я все снесу, но только не сомнѣвайся во мнѣ, ради Бога, не сомнѣвайся; сомнѣнье друга — это такъ холодно, такъ отъ него вѣетъ льдомъ, грусть сжимаетъ сердце, душа цѣпенѣетъ, и гдѣ же дружба, съ которой жизнь, небо и вѣчность?

До сихъ поръ, до сихъ еще поръ не могу привыкнуть къ мысли, что тебя ужъ здѣсь нѣтъ, что тысяча верстъ насъ раздѣляетъ. Въ деревню, въ деревню! Мнѣ душно, мнѣ тѣсно въ Москвѣ, такъ *все* въ ней пыльно, все камень, каменные люди, каменныя сердца!

Все еще не получаю писемъ отъ Emilie; можно ли такъ быть невнимательной къ друзьямъ? Ахъ, люди, люди, все вы *люди!*

Прощай, прощай, другъ Александръ.
Не забывай ты меня.
Пиши, пиши.

Досадно: осталось пустое мѣсто, да нечего написать.

Continuer à vous dire tout ce que j'ai sur le coeur, il me semble que je ne finirais pas.

Ахъ, Вятка, Вятка! *Коханна* Вятка!.. Скажи, Александръ, еще, неужели намъ суждено не видаться долго, долго? Какъ эта мысль ужасна, и то жизнь наша коротка, и такъ мы мало *живемъ*, и еще половину жизни — быть въ разлукѣ съ любезными сердцу... Прощай, *досвиданія* не здѣсь, такъ *тамъ!* Чтобы было съ нами, если-бы не вѣрили въ будущую жизнь, иногда и о смерти мысль утѣшительна, но Его воля.

6 и 12 іюня [Вятка].

Письмецо твое, Natalie, я получилъ; это первый голосъ московскихъ друзей, ибо я, кромѣ писемъ изъ дому, ни откуда не получалъ. Грусть навело оно на меня. Какое нѣмое и больное чувство разлуки! Я готовъ былъ плакать, все перевернулось въ моемъ сердце. Нѣтъ, страшны письма, когда разлука такъ грозна и такъ непроизвольна!

Что тебѣ сказать о себѣ? Перемѣны? Перемѣна въ душѣ собственно не бываетъ у людей, у которыхъ есть душа. Но я не тотъ же. Ты не знаешь, что такое быть изгнанникомъ въ чужбинѣ, гдѣ (по словамъ Гёте) часто протянешь руку и, вмѣсто человѣческой руки, сдавишь кусокъ дерева. Были минуты сладкія,—горесть имѣетъ свою поэзію, — минуты полноты душевной, минуты, въ которыя даже надобно было хоть нѣсколько излить все, въ ней клубящееся. Но, все-таки, какая-то пустота въ сердцѣ, и это меня мучаетъ. Вообрази себѣ, что я мало занимаюсь, иногда часы цѣлые послѣ обѣда лежу въ dolce far niente, двадцать разъ привожу себѣ я въ память минуты счастья въ Москвѣ и съ какою-то насмѣшкой сравниваю тогда съ теперь. Природа одна могла бы мнѣ замѣнить друзей, но и она здѣсь такъ скупа и свирѣпа, что доселѣ я мало пользуюсь ею. Но не думай, что я сдѣлался томнымъ, печальнымъ съ виду; нѣтъ, я все съ тою

же наружностью, все такъ же острю, заставляю хохотать и смѣюсь, но вдругъ середь этого смѣха... Душно, Наташа, душно!

Вѣра, она меня не оставила, что же я былъ бы безъ нея; вѣра твердая, но развѣ Онъ не вѣрилъ, когда, изнемогая отъ злобы людей, Онъ—Сынъ Божій—просилъ, да мимо идетъ Его чаша сія?

Теперь я въ Вяткѣ. Пермь меня ужаснула, это преддверіе Сибири, тамъ мрачно и угрюмо. Здѣсь получше и ближе, теперь я не 1,400, а только 1,000 верстъ отъ Москвы.

Говоря о Перми, я вспомнилъ слѣдующій случай на дорогѣ; гдѣ-то проѣзжая въ Пермскую губернію, ночь я почти не спалъ, ибо дорога была дурна, на разсвѣтѣ я уснулъ крѣпкимъ сномъ; вдругъ множество голосовъ и сильные звуки желѣза меня разбудили. Проснувшись, увидѣлъ я толпы скованныхъ на телѣгахъ и пѣшкомъ отправляющихся въ Сибирь. Эти ужасныя лица, этотъ ужасный звукъ и рѣзкое освѣщеніе разсвѣта и холодный утренній вѣтеръ,—все это наполнило такимъ холодомъ и ужасомъ мою душу, что я съ трепетомъ отвернулся; вотъ эти-то минуты остаются въ памяти на всю жизнь.

Да, ты правду пишешь, что въ послѣднее свиданіе ты, забывъ говорить, высказала все. Да, Наташа, я все понялъ и на что были слова? Можетъ, не все сказала бы ты, можетъ, они ослабили бы то, что мы понимали тою высшею симпатіей, тою гармоніей душъ, которая такъ сблизила наши существованія [1]).

«Ты смотришь на Пермь и иногда забудешь, что въ уголкѣ Москвы живетъ Наташа». О, это-то и лучшія минуты, когда я забываю все! Побольше этихъ минутъ забвенія, въ нихъ я только и отдыхаю, это сонъ души, не упрекай меня за нихъ. Прощай. Еще напишу нѣсколько словъ, но не теперь (6 іюня).

Нѣтъ, больше ни слова (12 іюня).

Ал. Герценъ.

[**Москва**].

Qu'il est dur d'être continuellement séparée des personnes avec lesquelles je voudrais passer ma vie, et de remontrer, de voir et revoir sans cesse tant d'êtres ennuyeux! Mon coeur voudrait parler il sent qu'il n'est point écouté, il voudrait rapondre, on ne dit rien, qui puisse aller jusqu'a lui. Ah! mon frère, est ce que toute ma vie je dois passer au milieu de ces êtres froids! Cette idée me fait horreur. Et le monde, qu'est ce que ce monde pour moi? Un vaste desert; et ce chaos ne m'offre qu'une solitude affreuse où règne un morne silence.

Ты мнѣ все пеняешь, что я не пишу къ тебѣ, теперь ужь, вѣрно, ты получилъ мое мелкое писаніе и бранишь за него—ломать глаза надъ пустяками! Ахъ, Александръ, Александръ, если бы ты читалъ мои письма съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ я пишу ихъ. Тутъ я забываю разлуку, забываю, что эти строки, прежде нежели дойдутъ до тебя, измѣрятъ 1.000 верстъ. Но не грозны для меня эти тысяча верстъ если бы воля! Посохъ въ руки, съ котомкой за спиной, вѣра въ Провидѣніе, надежда видѣть тебя родили бы во мнѣ новыя силы, съ ними я презпрала бы всѣ трудности дальней дороги, и... вотъ ужъ Вятка!

---

[1]) Позднѣйшая приписка рукой Герцена (карандашемъ): „И послѣ этого я могъ такъ низко пасть, такъ забыться? Вотъ куда привели эти лучшія минуты забвенія".

Примѣч. издат.

Ноги чуть двигаются, спѣшу, удвоиваю шаги, спрашиваю квартиру Герцена, бѣгу и... нахожу тебя, любезный братъ мой!.. Какой восторгъ! Какое восхищеніе!.. Ты не *думай*, чтобъ я говорила это потому, что теперь этого невозможно сдѣлать, — нѣтъ, клянусь, если бы только воля... Ахъ, ты, воля моя, волюшка дорогая!..

И такъ, эти тысяча верстъ только тебя унесли отъ насъ далеко, а насъ отъ тебя онѣ не отдалили, мы тебя любимъ также, ты живешь въ Вяткѣ и въ сердцахъ нашихъ. Часто, очень часто, поздно вечеромъ, подъ открытымъ окномъ, провожу я по цѣлымъ часамъ (только тутъ мнѣ не мѣшаютъ думать), мечтая о всѣхъ милыхъ, дальнихъ. Случается, исчезнетъ Поварская, дома, люди, все, кромѣ неизмѣримаго пространства, и вдали я вижу домъ, открытое окно и подъ окномъ сидишь ты, какъ будто глядишь на дальнюю дорогу, и въ глазахъ твоихъ, во всѣхъ движеніяхъ выражается грусть по родинѣ; кажется, я слышу шорохъ твой, кажется, вздохъ твой долетѣлъ до меня и жду я голоса, различаю слова твои. «Пора спать!»—прокричитъ стражъ мой, и я прощусь съ окномъ, съ яснымъ вечеромъ, но не съ друзьями, и во снѣ я вижу все ихъ-же.

На-дняхъ напишу я къ моей Emilie; отъ нея еще не получала ни строчки,— какая холодность! Я не могу равнодушно сносить равнодушія тѣхъ, кого люблю. Но пусть она забыла меня, только я вѣчно буду *я*. Я не разлюблю людей, пока Александръ будетъ мнѣ другомъ, и не сомнѣваюсь, что онъ будетъ имъ вѣчно.

Не правда ли, другъ? О, дивная душа, тебѣ ли играть дружбой, тебѣ ли быть подобнымъ *людямъ?*

Александръ, прости мнѣ, что я пишу тебѣ только о себѣ, но, ей-Богу, не знаю никакихъ новостей, хотя и живу въ столицѣ, не знаю, потому что не хочу знать. И этотъ маленькій листокъ исписала весь о себѣ,—какъ интересно!

Не вижу почти никого, даже, вообрази, не была ни разу у васъ и не видала маменьку; вѣдь, это, ей-Богу, ужасно!

Скоро поѣдемъ въ деревню, еще въ маѣ собирались и до сихъ поръ въ этой душной Москвѣ, гдѣ все напоминаетъ разлуку.

Прощай, не забывай твою Наташу. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя письма. Пиши, пиши, это—единственная отрада друзьямъ въ разлукѣ. Не заживайся долго въ дальней сторонѣ, нашъ путникъ милый. Ты не *повѣришь*, какъ безъ тебя скучно, пусто.

Adieu, mon frère, n'oubliez pas votre soeur et soyez assuré de mon amitié vive et éternelle.

Іюнь мѣсяцъ, всѣ жалуются на несносный жаръ, а для меня Москва — погребъ, гадкій, душный погребъ.

О комъ ты совершенно не помнишь, та тебѣ кланяется, — это Сашенька поповна: она милая дѣвочка, я ее люблю, она вмѣстѣ со мной плачетъ о тебѣ и восхищается, когда я получу отъ тебя письмо. Я всѣхъ люблю, кто тебя любитъ.

Москва, іюня 17, понедѣльникъ.

Александръ, ты мнѣ пенялъ, что не пишу, а самъ не хочешь утѣшить и строчкой. Вотъ, наконецъ, мы ѣдемъ въ деревню, наконецъ, я была у васъ! Ты не можешь вообразить, съ какимъ восхищеніемъ я ѣхала; непремѣнно надѣялась увидѣть маменьку, но надежда меня обманула. Тѣмъ-то и тяжка мнѣ жизнь

моя, Александръ, что меня удаляютъ ото всѣхъ, ото всѣхъ, съ кѣмъ отрадна мнѣ каждая минута, кто принимаетъ во мнѣ участіе.

Дальній, милый другъ! Утѣшь меня хоть строчкой. Какъ съ дѣтства заключенному въ темницу отраденъ свѣтъ, мелькнувшій на минуту, такъ для меня отрадно каждое слово твое. Ты не постигаешь этого вполнѣ, о, конечно, нѣтъ! Но вѣрь мнѣ, что даже и не въ темницѣ, даже и не заключенная я съ одинаковымъ восторгомъ буду получать твои письма, и въ ясной жизни тотъ день будетъ мнѣ прекраснымъ днемъ (но какая же ясная жизнь, когда съ тобой въ разлукѣ?!)

Можетъ быть, мнѣ запретятъ брать перо въ руки и тогда я совсѣмъ не буду къ тебѣ писать, а, можетъ быть... о, тогда много, много буду писать! Мнѣ былъ допросъ, не получаю ли отъ тебя писемъ, не пишу ли къ тебѣ? Разумѣется, я отвѣчала *нѣтъ*. а папенька сказалъ маменькѣ, что я пишу; она говоритъ: *мнѣ* послышалось.

И такъ, видишь, какъ страшно къ тебѣ писать. Но что будетъ, то и будетъ, я не боюсь страшнаго, я подниму руку и съ тяжелою цѣпью и сквозь желѣзную рѣшетку достану начертить слово, когда ты этого хочешь. А ты... у тебя не такъ душно, ты можешь дѣйствовать рукой свободно, почему же не хочешь написать?

Какъ грустно мнѣ стало, когда я была у васъ!

Какой мракъ, какая стужа! Когда же взойдетъ солнышко? Когда настанетъ ясный день?

Я скоро замерзну, глаза такъ привыкнутъ къ темнотѣ, что послѣ свѣтъ для нихъ будетъ невыносимъ. Скажи, Александръ... нѣтъ, не то...

Когда я взяла перо, думала, что много скажу тебѣ, но написала много, а ничего не сказала. Погоди немножко, теперь я въ хлопотахъ, во вторникъ ѣдемъ, т. е завтра, все укладываю, отправляю, ужасная суматоха.

Писала я къ Emilie...

Послушай, Александръ, ежели ты мнѣ не напишешь... нѣтъ, все-таки, буду писать, лишь бы тебѣ не наскучить.

Пора, прощай, другъ.

Наташа.

Нѣтъ, не могу проститься съ тобой, не пожелавъ тебѣ ничего; и такъ, всего лучшаго въ свѣтѣ!.. Прощай!

Каждый четвергъ я жду съ такимъ нетерпѣніемъ: изъ Вятки приходитъ почта... Придетъ четвергъ, — уже солнце на закатѣ, а нѣтъ письма; грустно, тяжело: здоровъ ли другъ? Но мрачныя мысли исчезаютъ, вѣра, надежда и молитва оживляютъ душу. Мнѣ кажется, я слышу, ты говоришь мнѣ: «Полно, не грусти, Наташа, я буду писать къ тебѣ».

Дай же мнѣ обнять себя за это утѣшеніе, братъ, другъ. Я получу уже твое письмо въ Загорьѣ. Жаль мнѣ разставаться съ Москвой, хоть и не *все* въ ней, но есть еще люди, которыхъ я люблю искренно. Вотъ *человѣкъ,* онъ хочетъ того, что его иногда огорчаетъ: грустно, а, все-таки, хочу ѣхать въ деревню!.. [Послѣ двухъ зачеркнутыхъ строкъ]. Прости, что замарала, не учтиво.

[Безъ обозначенія числа].

Прости, другъ мой Natalie, прости мои глупые упреки. Ты сама знаешь, какъ давитъ эта нѣмая разлука, и ни вѣсточки, ни отрадной капли!..

Твои записки на меня имѣютъ давно страшное вліяніе. Ими я возобновляю въ памяти всю юность. Отъ О. писемъ нѣтъ, и я не пишу, твои же записки такъ ярко вспоминаютъ все время восторженной и фантастической жизни въ Москвѣ. Да и въ нихъ такая полнота чувствъ! О. Наташа, Наташа, да, ты сестра моя, ты самая близкая родная моей души. И ты всякой разъ пишешь, что увѣрена въ моей дружбѣ,—это худо, это признаки сомнѣнія. Нѣтъ, въ тебѣ я не сомнѣваюсь, въ твоемъ сердцѣ есть у меня мѣсто...

Мнѣ не нужно себя увѣрять, что ты мнѣ сестра.

Но зачѣмъ же я падаю? Да, я падаю. Эта буря прошлаго года меня подняла, а ссылка томитъ, я падаю.

Наташа, другъ мой! Прощай! *А. Герценъ.*

---

25 іюня, Вятка.

Cara carissima! Нѣтъ, ей-Богу, я не могу привыкнуть къ этой жизни. Не имѣть ни одного сердца, въ которое бы могъ перелить восторгъ свой, свои чувства, нѣтъ ни одного человѣка, который хотѣлъ бы понять меня *или могъ бы.* Безъ симпатіи я не могу жить. За одинъ часъ, проведенный съ *О.*, за одинъ часъ, проведенный съ *тобою,* я отдалъ бы много, согласился бы мѣсяцъ сидѣть въ тюрьмѣ, мѣсяцъ лежать больнымъ. Тюрьма! Да что же страшнаго въ тюрьмѣ? Я смотрю, какъ на блаженное время, на прошлые 9 мѣсяцевъ тюрьмы. Тамъ возвышалась моя душа, тамъ прахъ земной слеталъ съ нея, тамъ я ежели не видалъ друзей, то слышалъ, какъ билось ихъ сердце. А потомъ эти свиданія... свиданіе съ тобою... Отдайте мнѣ мою тюрьму, отдайте моего жандарма у дверей, лишь бы мелькомъ я могъ видѣть тѣхъ, въ сердцахъ коихъ я создалъ храмъ свой,—тѣхъ, которые стоятъ божествами, святыми въ храмѣ моего сердца. А здѣсь я вяну, тухну и долженъ видѣть это. Какая пошлая жизнь!

Загорье, іюня 26 дня.

Другъ, ты узнаешь, ты поймешь, какъ утѣшило меня твое письмо. Это—ясный лучъ солнца, изрѣдка освѣщающій мрачное мое жилище; это—звѣздочка, которая горитъ на темномъ сводѣ и свѣтитъ во мглѣ. Гори, гори, моя звѣзда, освѣщая путь мой, свѣтъ твой сладокъ и отраденъ душѣ моей!

Я совершенно оживаю, обновляюсь, когда получаю отъ тебя письма, снова чувствую, снова желаю, надѣюсь и молюсь. Но этотъ промежутокъ, когда я не имѣю отъ тебя никакого извѣстія, убиваетъ меня. Пространство, раздѣляющее насъ, дѣлается для меня безмѣрнымъ, надежда свиданія исчезаетъ, мрачныя мысли затмѣваютъ душу, грусть, тоска стѣсняютъ сердце; тогда... я исчезаю, я не живу,—какъ мало въ жизни моей часовъ, въ которые я живу!

Письмо твое дышетъ какою-то грустью и безнадежностью, Александръ. Твоей-ли душѣ изнемогать подъ ударами судьбы? Тебѣ-ли... но и Сынъ Божій просилъ: «да мимо идетъ Его чаша сія», и явился ангелъ съ небесъ, укрѣпляя Его. Отецъ Его—твой Отецъ—ниспошлетъ и въ твою душу лучъ отрады и терпѣнія. Крѣпись, мой другъ, въ странѣ страданій не вѣченъ нашъ жестокій плѣнъ. Да, не вѣченъ, и разлука наша не вѣчная,—придетъ пора, настанутъ дни счастія и снова другъ нашъ съ нами, и Александръ съ друзьями!

Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я въ Загорьѣ. Мнѣ нравится сельская жизнь. Домъ нашъ съ одной стороны на горѣ, передъ окнами прелестный палисадникъ,

внизу большой прудъ; направо роща и видны развалины плотины; на лѣвой сторонѣ садъ на 4 десятинахъ,—огромныя липовыя аллеи; на томъ [берегу]—горы, церковь и сосѣднія села и деревни. Позади дома идетъ дорога изъ Москвы, и далеко-далеко видно, кто ѣдетъ. Прелестное мѣстоположеніе! Множество маленькихъ овраговъ, и куда ни поди, вездѣ остановишься: прекрасно, прекрасно! Тѣмъ еще грустнѣе вздумать, что дальній другъ переноситъ и холодъ, и самую несносную погоду. Рано утромъ я встаю, — твой зонтикъ, книга и въ корзинкѣ твой стаканъ,—отправляюсь гулять, изъ родника пью воду и хожу по аллеямъ. Ясное утро, ароматическій воздухъ и гимны птицъ,— все это гонитъ прочь мрачныя мысли и приводитъ душу въ священный трепетъ.

Тутъ часто, стоя на горѣ, привожу себѣ на память счастливыя минуты моей жизни: ихъ мало, но тѣмъ еще онѣ для меня дороже, и этотъ дивный, прелестный, страшный день—день моего свиданія и прощанія съ тобою на Крутицахъ... Но вотъ въ ближней церкви раздался звукъ колокола къ заутрени... исчезло все... Какое умиленіе, какая небесная тишина въ сердцѣ и какъ высоко отъ земли молитва поднимаетъ, уноситъ мою душу, колѣна преклоняются... Отецъ небесный! Ты видишь глубину сердецъ. Ты слышишь тайное моленіе....

Прощай, Александръ, прощай, до свиданія. Когда ты не будешь имѣть свободы воротиться сюда, сюда—въ Москву, гдѣ радости и горе твой юный духъ, пылая, обнималъ, тогда я (вѣдь, буду-же я когда-нибудь свободна) прилечу въ мою родину—Вятку!!!

Твоя *Наташа.*

Ты знаешь, что мнѣ запрещено писать къ тебѣ, и ежели узнаютъ даже, что ты пишешь ко мнѣ, то... но чему быть, того не миновать; мнѣ ничего не страшно здѣсь, я не боюсь обломковъ стараго строенія,—они не ушибутъ меня. Дай руку мнѣ, Александръ, прости!

Какъ ни хорошо Загорье, но я одна здѣсь, со мною нѣтъ Emilie, мнѣ все чуждо и всѣмъ я чужда, но... тамъ, далеко, живутъ мои милые друзья... Ахъ, Александръ, Александръ... Напиши крошечную записочку къ Emilie, я пошлю ей; вѣрно, ты ее этимъ много утѣшишь. Она ко мнѣ недавно писала. Что-то она, моя Эмилія? Всѣ, всѣ далеко отъ меня!

Загорье, іюня 28.

Прихожу домой, мнѣ подаютъ пакетъ изъ Москвы. *Пакетъ изъ Москвы!* Нѣтъ-ли и отъ Александра записки? Ахъ, вотъ, вотъ его рука!

Да, ты правъ, на что увѣренія, на что слова тамъ, гдѣ душа и сердце?..... Ты не имѣешь извѣстія объ О., ужасно! Какъ тяжело мнѣ было, когда я не получала писемъ отъ Emilie!

На-дняхъ въ будни пошли мы къ обѣднѣ, наканунѣ я получила твое письмо и такъ еще радость была свѣжа въ душѣ моей; дорогой я думала о тебѣ; устала, день былъ жаркой и надо все входить на горы и спускаться въ овраги; храмъ стоитъ на горѣ одинъ, ничего нѣтъ подлѣ него, ни жилища, ни дерева, однѣ могилы кругомъ, простыя, надъ коими памятникъ—свѣжій дернъ или кирпичъ, все тихо, тихо и еще не благовѣстятъ,—все это наполняетъ душу необыкновенными чувствами. Наконецъ, обѣдня началась, церковь пуста, никого не было, кромѣ насъ; мнѣ что-то тяжело было на сердцѣ, не было въ душѣ этой небесной тишины, которая ограждаетъ ее отъ *житейскаго.* Въ храмѣ на молитвѣ и съ

душой, полной земли, я стояла безъ вниманія,—вотъ ужъ и Апостола читаютъ; вдругъ душу мою пробудили эти слова: *«во всемъ скорбяще, но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми. Гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе»*. Помнишь-ли, въ первой запискѣ ты писалъ мнѣ эти слова?

Прощай, Александръ, нельзя писать. *Наташа.*

[Приписка карандашемъ; іюля 1, понедѣльникъ, 5 часовъ утра].

Какое ясное утро! И какъ ясно въ душѣ моей! Ахъ, Александръ, это непостижимо, почему въ душѣ моей такая безпечность! Я живу только друзьями, воспоминаніями; ничто, ничто *окружающее* меня не имѣетъ никакого вліянія на душу мою; *все*, мнѣ все равно, ни радуетъ, ни печалитъ.

Какое утро! Что-то ты дѣлаешь теперь. Вѣрно спишь крѣпкимъ сномъ на постели; а я—вотъ, вокругъ меня и зелень, и цвѣты, подъ ногами прудъ, птицы поютъ, вотъ и къ заутрени ударили...

О если бы ты былъ въ Москвѣ, какъ бы часто смотрѣла я на дорогу, не идетъ ли другъ, какъ бы я побѣжала къ тебѣ навстрѣчу... Но... Да, вѣдь, придетъ же время, побѣгу навстрѣчу тебѣ. Прощай. Александръ, другъ, братъ мой.

Твоя *Наташа.*

Загорье, іюля 12.

Тебѣ не страшна тюрьма, тамъ ты слышалъ, какъ билось сердце друзей твоихъ, а теперь? Теперь неужели ты не слышишь?.. О, какъ сильно оно бьется! Что-жъ тебѣ страшно, мой другъ, не эти ли 1000 верстъ? Но онѣ не раздѣляютъ тебя съ друзьями; нѣтъ той минуты, когда бы я не была съ тобою. Одиночество? Одинокъ тотъ, у кого на всемъ свѣтѣ никого нѣтъ, а кто въ разлукѣ... Нѣтъ, Александръ, ты не одинокъ!

Черезъ недѣлю настанетъ день, ужасный день, въ который годъ тому назадъ я узнала, что̀ такое въ жизни несчастье, память его никогда не умретъ въ душѣ моей; глубоко, глубоко запечатлѣлась она въ ней. Ничто не можетъ стереть клейма, вклейменнаго жестокою рукой судьбы. Такъ, Александръ, мнѣ страшна тюрьма, теперь ты далеко, но сердце спокойно, другъ свободенъ, а тогда... О, ужасное время! Нѣтъ, нѣтъ, не хочу тюрьмы твоей; жить на волѣ и знать, что тутъ, за этою рѣшоткой, за этимъ страшнымъ ключемъ, сидитъ мрачный и одинокій другъ, что этотъ жандармъ у дверей стережетъ его! О, нѣтъ, пусть я не вижу тебя, пусть не слышу твоего голоса, лишь бы ты на волѣ, лишь бы ты свободенъ!

Порой приходитъ смущать душу страшное воспоминаніе, какъ я проходила мимо твоего окна... Бѣгите, бѣгите прочь горькія мысли! Александръ, другъ мой, свободенъ!

Списала я твою *Легенду;* не думала, чтобъ ее послали тебѣ: не хорошо написана, а папенька желалъ имѣть; но ее къ тебѣ послали... извини, что дурно писано. Теперь буду переписывать *Германскаго путешественника.* Съ какимъ удовольствіемъ жду я, когда мнѣ пришлютъ его.

Прощай, не упадай духомъ, обопрись на святое слово Евангелія, тогда ты перенесешь все, и не разлуку!

О, какъ люблю я тебя, родная Вятка, ты мнѣ болѣе столицы, въ тебѣ я живу, въ тебѣ все!

Ты купилъ лошадей, наконецъ, заводишься хозяйствомъ, можетъ быть, теперь тебѣ не такъ страшно будетъ [завести] огородъ и корову.

Я слышала, что твоя должность трудная и много дѣла, — какъ же ты пишешь, что мало занимаешься? Обнимаю тебя. Будь здоровъ.

Наташа.

Теперь три часа пополудни, я одна сижу въ саду подъ огромною липой и пишу на скамейкѣ одна - одинехонька. Я сейчасъ была на сѣнокосѣ, сгребала сѣно и ужо пойду работать въ саду: розы и всѣ цвѣты обработаны моими руками. Въ день Казанской Божіей Матери, я только что пришла отъ обѣдни, мнѣ принесли изъ Москвы твое письмо.

Вятка, 24 іюля.

Другъ мой, Наташа, я долженъ былъ себѣ на долгое время отказать въ утѣшеніи писать къ тебѣ; я знаю все, что было въ Москвѣ; первый разъ могу это сдѣлать и сдѣлаю.

Я былъ грустенъ, очень грустенъ... Несмотря на всѣ опыты, я еще не совсѣмъ увѣрился въ низости людей: на-дняхъ одинъ изъ здѣшнихъ знакомыхъ, также несчастный, также сосланный, поразилъ меня своею подлостью. Ледъ облегъ мое сердце, еще сверхъ сего одна ошибка въ человѣкѣ,—и ледъ сталъ толще, но вдругъ твое письмо! Наташа, ты мой ангелъ утѣшитель! Ты и О. заняли всю душу мою. Какъ звучны, какъ исполнены высокихъ чувствъ твои слова! Благодарю тебя! Это не какая-нибудь phrase banale; нѣтъ, эта благодарность вылетѣла изъ глубины души. Какъ пусто все вокругъ меня, пусто и въ душѣ! Есть минуты, въ которыя я натягиваю какое-то забвеніе, но обстоятельства не хотятъ никогда меня долго усыплять; холодная, костяная рука дѣйствительности будитъ меня среди сна. Отчаявшись найти человѣка, я сначала выдумалъ себѣ разныя занятія, гдѣ было бы много всего, но мало людей, — гулять за городомъ, ѣздить на охоту; но все это утомляетъ и пустота, какъ умирающій съ голоду, проситъ хлѣба, пищи, а тутъ нѣтъ ея. Потомъ обратился я къ свѣтской жизни,—ибо и здѣсь есть гостиныя, — но сплетни меня выгнали; сплетни только по слуху знаютъ въ столицѣ, надобно побывать въ маленькомъ городкѣ, чтобъ узнать ихъ, надобно углубиться въ плоскую жизнь провинціала, чтобы ненавидѣть ее. Что же оставалось? Прихоти и *нѣга* въ полномъ объемѣ; попробовалъ я, я утопалъ, задыхался въ восточной нѣгѣ и, признаюсь, тутъ была пища воображенію моему,—оно какъ-то сдѣлано на манеръ южной, итальянской,—я проводилъ по нѣсколько часовъ въ какомъ-то упоеніи, но и тутъ положили отраву и съ этимъ я долженъ былъ разстаться. Что же осталось? То, съ чего бы надлежало начать,—возвратиться въ себя, употреблять всѣ силы, чтобы воскреснуть, для этого-то мнѣ и нужны твои слова и слова О., но послѣднихъ нѣтъ и ждать нельзя скоро.

Да, твое письмо потрясло меня, и это не первой разъ. Оттаялъ ледъ души моей. Твой образъ, какъ образъ Дантовой Беатриче, заставляетъ меня стыдиться моей ничтожности. Пиши же, пиши же, моя Беатриче. Не брани меня, другъ мой, за это самозабвеніе, не брани, что я предавался страстямъ, какъ бы забывая свое призваніе. Мой пламенный, порывистый характеръ ищетъ безпре-

рывной дѣятельности, и ежели нѣтъ ея въ хорошемъ, обращается въ худое. «Чѣмъ способнѣе къ произростанію земля,—говоритъ Данте, — тѣмъ болѣе на ней родится плевелъ и тѣмъ диче, лѣсистѣе она становится, ежели ее не засѣваютъ».

Прощай же, сестра, другъ, моя Наташа; грустна жизнь Александра, но онъ не потерялъ ни вѣры въ себя, ни вѣры въ будущее.

Ал. Герценъ.

Доставь прилагаемую записку Эм. М.

Загорье, 26 іюля.

Другой мѣсяцъ нѣтъ мнѣ отъ тебя ни строчки, ты, вѣрно, хочешь узнать мое терпѣніе; не испытывай такъ жестоко; вѣрь, у меня его много, я все снесу съ терпѣніемъ и всего буду ждать съ терпѣніемъ, но отъ тебя... да ты самъ знаешь все. Пиши, вѣдь, откладывая день за день, легко можно отвыкнуть и совсѣмъ забыть, и что ежели ты... на что тогда мнѣ жизнь? Умирая, я разстанусь съ одними воспоминаніями.

Какъ бѣденъ и какъ малъ человѣкъ въ отсутствіи друга, какъ все холодно и нѣмо вокругъ него! Яркое солнышко его не грѣетъ, луна не свѣтитъ ему привѣтно, люди не такъ къ нему радушны и самъ онъ не любитъ ихъ, какъ братьевъ, и жизнь его—сонъ.

Вчера вовсе неожиданно пріѣхалъ къ намъ Левъ Алексѣевичъ съ Сережей. Онъ мнѣ сказывалъ, что ты веселишься въ Вяткѣ, мнѣ это было чрезвычайно пріятно слышать, еще, что, *можетъ быть*, ты скоро возвратишься...

Другъ, ты все поймешь!

Прелестна деревенская жизнь, Александръ! Какъ бы отдохнула душа жителя столицы въ этихъ мѣстахъ, гдѣ природа сама украсилась безъ помощи рукъ человѣка! На что паркъ, на что бульваръ и пруды? Что они передъ этимъ простымъ, но очаровательнымъ ландшафтомъ? Смотри, вонъ противъ дома, на томъ берегу рѣки, на горѣ, между березъ, которыя уныло наклоняютъ густыя вѣтви свои въ воду, виднѣется стадо, а подъ одной изъ этихъ березъ пастухъ играетъ на свирели; не промѣняю я этого поэтическаго звука на цѣлый оркестръ: пусть онъ гремитъ тамъ, гдѣ зной веселости безумной обдаетъ толпу, тамъ, гдѣ нуженъ сильный, страшный громъ, чтобы разбудить душу, а мнѣ отдайте мою свирель.

Часто по вечерамъ хожу я гулять по берегу и не далѣе, какъ вчера,—что за дивный вечеръ! Тихо, маленькій вѣтерокъ чуть колышетъ деревьями, коегдѣ пернатая вспорхнетъ, споетъ вечерній гимнъ и умолкнетъ; полный мѣсяцъ смотрится въ рѣкѣ, яркія звѣзды горятъ въ небѣ... и въ эти часы, полные поэзіи и святости, чья душа не вознесется *туда*, чьи колѣна не преклонятся предъ *Нимъ?*]

Въ эти-то только часы я отдыхаю отъ *дневныхъ трудовъ*, въ эти часы слетаетъ небесная отрада въ мою душу и въ эти часы ты всегда со мною. Я забываю тебя, когда глаза мои видятъ гнусность и низость, когда уши мои слышатъ только хулы и брань. Нѣтъ, зачѣмъ воспоминаніе о тебѣ помѣщать въ *эти черные* часы? У меня есть часы святые.

Пора! Дай мнѣ на прощанье руку твою, другъ. Прости! *Наташа.*

Мнѣ за тебя пеняетъ маменька, что рѣдко пишу, а тебѣ кто за меня попеняетъ? Некому! Но на что же пенять?

Ахъ, если бы это сбылось, если бы мы вмѣстѣ въѣхали въ Москву! Но, вѣдь, ты не любишь Москву, можетъ, тебѣ Вятку будетъ жаль?

А теперь какъ уныло гудитъ вѣтеръ, мнѣ что-то грустно стало и темно такъ; ужъ близко полночь; лягу спать, не увижу ли во снѣ тебя?

Загорье, августа І.

Августъ! Осень приближается, ужасъ, какъ не люблю я осень! Другъ, Александръ! Прости мнѣ, я тебѣ пеняла, что ты мнѣ не пишешь, но, можетъ быть, папенька не приказалъ тебѣ, можетъ быть, ты думаешь, что мнѣ чрезъ это выйдетъ непріятность,—я ничего рѣшительно не боюсь; но что бы то ни было, да ежели ты находишь какія препятствія,—не пиши, и за 1000 верстъ я узнаю и откликнусь тебѣ, когда ты позовешь меня. Счастлива я, что, несмотря на всѣ опасности, еще могу беречь у себя твои письма; къ нимъ я буду прибѣгать съ грустною душой и въ нихъ найду то, что люди у меня отнимаютъ и, *когда можно*, буду къ тебѣ писать. Еще есть у меня утѣшеніе! Люди, вы не всего лишили меня, лишая забавъ и удовольствій, которыми только и живетъ, и дышетъ юность; веселье, счастье души моей вы не поймете, вы не отнимите ихъ у меня, они вѣчно будутъ моими. Да, Александръ, горька разлука, горька жизнь безъ друга; родина становится чужбиной, сама себѣ чужда, но, когда блеснетъ мысль свиданія, мысль этой встрѣчи,—надежда, какъ свѣтлое солнце, разгонитъ мрачныя мысли и яркимъ свѣтомъ озаритъ все существованіе.

Александръ, неужели... нѣтъ, я этому боюсь вѣрить; еще ужаснѣе, когда обманешься, и возможно ли, чтобъ такъ скоро?.. О, другъ! Когда же, гдѣ увидимся съ тобою? Такъ далеко... и нельзя писать!..

Сегодня я тебя видѣла во снѣ, будто ты пріѣхалъ сюда, въ Загорье; я повела тебя въ садъ, въ рощу, сидѣла съ тобою на берегу рѣки, показывала тебѣ свою комнату... и, проснувшись, чуть не заплакала, что это былъ сонъ. Прощай. Послушай, Александръ, когда, когда-нибудь, ежели будетъ можно, напиши мнѣ хоть слово. Теперь прощай, не могу болѣе писать; когда будетъ можно, напишу еще.

Слава Богу, еще есть свободная минута! Есть дальнія пустыни, куда приходятъ посвящать себя Богу и ведутъ самую строгую жизнь. Не могу допустить, чтобы человѣкъ палъ до такой степени, чтобъ не было на землѣ святой обители, общества людей, истинно посвятившихъ себя уединенной и строгой жизни для собственнаго усовершенствованія въ добродѣтели и для блага ближнихъ,—есть на землѣ святая обитель, есть между нами такіе люди, но гдѣ же эта обитель? Гдѣ эти люди? Современемъ,—теперь я не могу объ этомъ думать... Ты писалъ ко мнѣ, что когда еще жизнь кажется запечатаннымъ письмомъ, не должно бросать его. Пора, пора сорвать эту печать! Несносно! Прощай! Ужъ солнце на закатѣ, какъ страшенъ кровавый видъ его! Будемъ ли мы когда-нибудь смотрѣть вмѣстѣ на закатъ солнечный?

„Взойдетъ заря
И съ той зарей“...

Наташа.

Гдѣ-то теперь моя Эмилія? Во все время разлуки она только разъ писала ко мнѣ.

7 августа.

Другъ мой, Наташа! Отнюдь не хотѣлъ тебя испытывать, меня судьба хочетъ всѣмъ испытывать. Впрочемъ, я недавно писалъ къ тебѣ и къ Emilie, но ты еще не могла получить.

Я нѣсколько воскресъ, нѣсколько сталъ выше обстоятельствъ, но душа моя еще больна, раны закрылись, но горе, ежели кто къ нимъ притронется! Со всякимъ днемъ я болѣе и болѣе разочаровываюсь въ людяхъ. «Ихъ сердце—камень, ихъ слезы—вода, люди—порожденіе крокодиловъ»,—какъ говорилъ Шиллеръ, проведшій всю жизнь въ любви къ людямъ. Еще когда люди просто злы, просто злодѣи, тогда они, по крайней мѣрѣ, имѣютъ свою физіономію. Но обманщики,—обманъ унижаетъ человѣка до послѣдней степени. Измѣна! Ужасное слово! Но не былъ ли я когда нибудь измѣнникомъ? Я когда-то любилъ, а теперь не люблю. Но я любилъ откровенно, отъ души, и разлюбилъ откровенно, отъ души. А, впрочемъ, это доселѣ клеймитъ меня, это пятно. За то я здѣсь былъ славно обманутъ. Я все могу перенести, кромѣ обмана; обманутый всегда шутъ, надъ нимъ смѣются. Впрочемъ, за всякую опытность благодарю душевно судьбу, опытъ—дивная вещь; но да не испытаетъ душа твоя *опытовъ*, пусть она останется и свѣтла, и чиста, пусть твоя душа будетъ мѣстомъ отдохновенія моей души. О, какъ я благодарю Бога, что мы братъ и сестра, но нѣтъ, мы болѣе, мы ближе!

«Что такое дружба?—спросилъ онъ. — «Два пальца на одной рукѣ, соединенные, но не одно»,—отвѣчала Эсмеральда.

«Что такое любовь?»

«Два существа, соединяющіяся для составленія одного ангела».

A propos прочти этотъ романъ: *Notre Dames de Paris*. Егоръ Ив. пусть достанетъ.

Ты пишешь, что я здѣсь веселюсь. Сережа вретъ. Не завидуй этому веселью.

Ал. Герценъ.

Загорье, 15 августа.

Нѣтъ, я не могу болѣе вынести этого! Теперь жизнь моя какъ темная, холодная ночь. Александръ, другъ мой, дай мнѣ слово, одно только слово; оно, какъ яркая звѣзда, засіяетъ на этихъ небесахъ, на которыхъ померкла для меня красота съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ не пишешь. Милый братъ, зажги звѣзду на моемъ темномъ небѣ; въ ней вся моя отрада, все утѣшеніе, надъ нею Богъ! Вчера въ пакетѣ Егора Ив. я нашла письмо ко мнѣ, надписано: «Наташѣ», точно твоя рука! Я вся затрепетала и такъ крѣпко сжала его, какъ будто нѣсколько сильныхъ хотѣли у меня отнять его, и долго, долго не распечатывала... какъ будто сердце предчувствовало—это было не отъ тебя... И гдѣ же это время золотое, куда умчалось ты, когда почти каждую недѣлю я получала отъ тебя? Оно умчалось, умчалось далеко! Но пусть такъ, пусть оно не приходитъ, теперь ты свободенъ. Кругомъ меня все такъ мертво, нѣмо; и небо, и люди мнѣ чужды, и эти письма... о, теперь они терзаютъ мнѣ душу! Въ нихъ такъ ярко влита печать минувшаго-счастливаго, давно ужь не читаю я ихъ; какъ возьму въ руки, слезы градомъ; возьмите отъ меня все за одинъ часъ на Крутицахъ, за одинъ только часъ! Вчера же папенька прислалъ мнѣ платочекъ и пишетъ, что онъ присланъ отъ тебя мнѣ къ именинамъ,—не знаю, что-то мнѣ не вѣрится...

Но хочу вѣрить, что онъ отъ тебя, мнѣ пріятнѣе будетъ надѣть его Спѣшу обнять, я не могу болѣе писать.

Наташа.

16-е. Завтра ѣдутъ въ Москву, —вотъ тебѣ еще нѣсколько строкъ. На той недѣлѣ, вовсе неожиданно, я крестила сына у одного крестьянина; хочешь ли, я тебѣ опишу сельскія крестины? 8 числа с. м. у насъ на полѣ служили молебенъ, ибо время засѣвать хлѣбъ; тутъ одинъ крестьянинъ проситъ священника окрестить родившагося въ эту же ночь у него сына. Маменька мнѣ позволила быть крестною матерью, священникъ—крестнымъ отцомъ, и вотъ я съ младенцемъ на рукахъ предъ Всевышнимъ отрекаюсь отъ дьявола и всѣхъ грѣховъ за невиннаго! По окончаніи таинства я понесла моего крестнаго сына къ его матери. Боже мой, какія шумныя веселости столицы замѣнятъ это тихое сладкое удовольствіе? Въ эту минуту я бы не промѣняла цѣлый городъ на одну эту бѣдную хижину. Ты не можешь вообразить, какая радость и какое восхищеніе изображались на лицѣ кумы моей, когда я сѣла подлѣ нея на соломенную постель. Со всѣхъ сторонъ благодаренія и благословленія сыпались на меня градомъ; меня тронули слова старушки. «Барышня, ты —ангелъ!»—сказала она мнѣ такъ выразительно, съ такимъ чувствомъ. Ей Богу, и въ этихъ душахъ есть сильная поэзія! Когда я, благословивъ моего крестнаго сына, пошла домой, вся семья вышла меня провожать, съ истиннымъ усердіемъ прося мнѣ у Бога всѣхъ благъ. День этотъ сдѣлалъ на меня пріятное вліяніе. Да, бываютъ дни, коихъ впечатлѣнія остаются надолго въ памяти. Разъ въ Москвѣ сижу я подъ окномъ, идетъ еще довольно молодой человѣкъ; выразительное лицо его говорило, что душа была растерзана отчаяніемъ, большіе, черные глаза его были полны слезъ; онъ говорилъ по-нѣмецки — я не понимала, по-французски и по-русски. Онъ служилъ въ гвардіи и по какому-то случаю лишился всего: одежда его была вся изодрана ужаснѣйшимъ образомъ и онъ просилъ хлѣба; я дала ему хлѣба и рубль (у меня не было больше денегъ). «Боже, и хлѣба, и денегъ!» сказалъ онъ, горько заплакавъ. Я сама едва удержала слезы; съ тѣхъ поръ не видала болѣе незнакомца, но его лицо у меня въ глазахъ и эти слова, произнесенныя съ сильнымъ волненіемъ: «Боже, и хлѣба, и денегъ!» еще отдаются и теперь въ моихъ ушахъ. «Есть думы —ихъ не отогнать, есть тѣни—имъ не исчезать».

Прощай, Александръ, умоляю тебя, ежели *можно*, напиши мнѣ хоть одно слово. Осенній вѣтеръ бушуетъ, небо пасмурно, какъ печаленъ теперь видъ Загорья! Ну, что же? Въ Москву! Въ Москву! Но и тамъ все печально, и тамъ все нѣмо и пусто для меня!

Наташа.

Безпрестанные дожди и стужа мѣшаютъ бѣднымъ крестьянамъ сѣять хлѣбъ. У насъ ужасный холодъ, пренепріятно теперь жить въ деревнѣ; я думаю, теперь и ты озябъ?

—

Загорье, августа 26.

Наконецъ, голосъ родной души раздался въ моей душѣ,— и я воскресла! Этотъ голосъ необходимъ для нея, онъ одинъ только уничтожаетъ въ ней все грустное, одинъ только возвышаетъ ее надъ всѣмъ земнымъ. Душа твоя еще больна; ежели бы люди были добрѣе, радушнѣе, тебѣ бы не такъ горька была разлука, но и ты

обманутъ, Александръ! Провидѣніе, можетъ быть, предназначило тебѣ совершить многое, потому и испытуетъ во многомъ. «Оно сперва хочетъ закалить свое оружіе, потомъ употреблять его»,—сказалъ ты самъ. Безъ этой мысли ужасны *опыты*. Но избави тебя Богъ подобныхъ встрѣчъ, мнѣ больно за тебя. Да, дивная вещь—любовь! Люби, но чтобъ она была *тебя достойна*, тогда ты уже не разлюбишь и самъ не будешь обманутъ. Но гдѣ-жъ *она*, гдѣ достойная тебя?

Утомленный битвой жизни, усталый, разочарованный, ты будешь вознагражденъ, ты встрѣтишься съ *нею*, и *она* примиритъ тебя съ землею, ея любовью обновится предъ тобою человѣкъ. О, какъ я люблю всѣхъ тѣхъ, кого ты любишь, каково же я буду любить ту, которая сдѣлаетъ тебя счастливымъ!...

Нѣтъ, Александръ, нѣтъ, другъ мой, я имѣю понятіе выше о дружбѣ, нежели Эсмеральда. Какое слабое сравненіе: «два пальца, на одной рукѣ соединенные»! Святѣйшее чувство! Оно такъ сильно, такъ пламенно въ душѣ моей, что уже любви нѣтъ мѣста въ ней. Смерть не разлучаетъ двухъ существъ, связанныхъ любовью,—но дружбою?...

Дружба имѣетъ начало свое въ *Немъ*. Мы всѣ соединимся съ Нимъ, ежели будемъ этого достойны. О, какъ эта мысль ведетъ меня къ добродѣтели, какимъ умиленіемъ наполняетъ мою душу; тамъ я неразлучна съ Нимъ и... съ тобою!...

Покамѣстъ прости, другъ; ежели можно будетъ, напишу еще слово. Теперь 7 часовъ утра, наши встаютъ, а у меня нѣтъ особенной комнаты. Сегодня я жду Егор. Иван. Онъ обѣщался достать мнѣ *Notre Dame de Paris*. Adieu, oh, mon aimable frère!

6 часовъ вечера.

Нѣтъ, нельзя писать, прощай, мой другъ, да сохранитъ тебя Всевышній!...

Наташа.

Помнишь ли, два года тому назадъ ты въ этотъ день былъ у насъ и подарилъ мнѣ статью, посвященную тобою сестрѣ Людмилкѣ?

Вятка.

Другъ мой, Наташа! Ты знаешь причины, по коимъ я сталъ рѣже писать къ тебѣ; ни слова объ этомъ.

Поздравляю тебя съ твоими именинами: я знаю, что вниманіе и въ дружбѣ утѣшаетъ; я думаю, ты получила и подарокъ, о коемъ я писалъ; я въ твои именины былъ на огромномъ обѣдѣ и пилъ за твое здоровье чистѣйшимъ клико.

Наконецъ, и здѣсь нашелъ я одного человѣка, съ которымъ немного... покороче,—это для меня необходимость; я часто говорю съ нимъ о тебѣ, мой другъ, даже показываю иногда твои письма. Ты пишешь о скоромъ свиданіи,—я не думаю, чтобъ оно очень скоро было.

Въ *Легендѣ* я прибавляю новый опытъ своей души, тамъ хочу я выразить, какъ самую чистую душу увлекаетъ жизнь пошлая, такая, которую я веду здѣсь. Жизнь та же, которую ведутъ *всѣ* [1]).

Часто, другъ мой, беру я твой медальонъ; много мнѣ говоритъ онъ; ты—чистая сторона моей жизни, ея поэтическая сторона, ибо наша дружба—поэзія, въ ней даже не участвуетъ мое славолюбіе, которое участвуетъ у меня во всемъ. Это самое святое чувство. О, Наташа, когда же, когда же я опять увижу тебя?

[1]) Позднѣйшая приписка рукой Герцена: „И не написалъ ничего". *Примѣч. издат.*

Ты все пишешь объ уединенiи отъ свѣта... и я опять повторю, что смѣшно бросать запечатанное письмо, не читая его. Впрочемъ, въ семъ отношенiи положенiе дѣвицъ лучше нашего; вы и такъ далеко отъ свѣта, и ежели ваша жизнь такъ же полна, какъ наша, она отстранена отъ жизни *собственно*,—ты понимаешь смыслъ, въ которомъ я употребляю это слово.

Прощай, прощай, посылаю тебѣ братскiй поцѣлуй.

Алек. Герценъ.

Москва, 3 сентября.

Александръ! Ты избаловалъ меня своими письмами; вотъ уже скоро три недѣли, какъ я не получала отъ тебя, мой другъ, и стало и скучно, и грустно. Я повторяю тебѣ, голосъ твой мнѣ необходимъ, но ужъ, вѣрно, ты писалъ, да письма долго не приходятъ,—жду и не дождусь. Одно утѣшенiе—перечитываю прежнiя твои письма. Ахъ, другъ мой, я къ тебѣ съ просьбой: вечеромъ, когда тебѣ не захочется ничего дѣлать, вели кому-нибудь снять съ себя силуэтъ и пришли эту бумажку мнѣ; это можно сдѣлать въ одну минуту, и ты не можешь соскучиться сидѣть безъ движенiя. Я вчера цѣлый вечеръ сидѣла недвижно, двадцать разъ снимали съ меня силуэтъ, и никто не могъ сдѣлать похоже, а я хотѣла сдѣлать его послѣ въ миніатюрѣ и послать къ тебѣ.

Вчера была я въ городѣ, покупала шелкъ и атласъ, а теперь спѣшу начать вышивать тебѣ портфель, потому и прощаюсь съ тобою такъ скоро, братъ мой.

Твоя *Наташа.*

4-е, пятница. Еще тебѣ нѣсколько словъ. Глядя на комету, я думала о тебѣ, мой другъ, можетъ быть, и ты въ это же самое время смотрѣлъ на нее, и, можетъ быть, и ты вспомнилъ меня въ эту минуту. Иногда бываютъ минуты, въ которыя мнѣ такъ хорошо и весело, и радостно. Это тѣ минуты, въ которыя ты вспоминаешь меня, мой другъ; я вѣрю этому—и еще веселѣе и радостнѣе на сердцѣ. А какъ весело работать для тебя! О, другъ мой! мой Александръ!

Прощай, мнѣ некогда. Твоя *Наташа.*

А пишешь ли ты свой журналъ? Я десять разъ начинала и каждый разъ, написавши нѣсколько страницъ, сожгу его; иное слишкомъ монотонно, холодно, нѣмо и мертво, а другое... что *слова* съ дѣйствительностью? Не мнѣ...

Москва, сентября 7 (?).

Сердце мое истерзано, я видѣла еще ужасный опытъ окаменѣнья сердца человѣческаго, не надъ собой только, мой другъ; но это было бы для меня сноснѣе, а видѣть другого страдающимъ и не имѣть средствъ помочь ему,—о, это—ужасно! Чувствовать въ душѣ такое сильное желанiе, такое стремленiе, и встрѣчать на каждомъ шагу, каждую минуту препятствiя!... О люди, люди! О, другъ мой, какъ страшно жить среди такихъ людей! Какъ ужасны картины несчастiя ближняго, какъ раздираютъ онѣ мнѣ душу, и ни голосъ мой не достигаетъ до людского сердца, ни я не имѣю возможности пособить. Душа моя такъ смущена, мой другъ, сердце сжато, снѣгомъ занесло меня всю;... одно утѣшенье, одна отрада, одно убѣжище душѣ моей—твоя душа, другъ мой; ты согрѣешь, оттаешь мою душу, ты не дашь мнѣ возненавидѣть человѣка; о, какъ необходимъ мнѣ твой

голосъ, твои слова; люди все болѣе и болѣе открываютъ мнѣ свою низость, внушаютъ къ себѣ ненависть, презрѣнье; но, другъ мой, это—грѣхъ, ужасный грѣхъ, надо любить и жалѣть каждаго, а я боюсь ихъ и удаляюсь съ ужасомъ; о ежели бы я могла перемѣнить ихъ, дать имъ другое сердце, но я — *ничто*, я—ничтожное существо, со всѣмъ желаніемъ, но ничего не могу сдѣлать. Какъ убиваетъ это чувство собственной ничтожности.

Ты мнѣ не пишешь другой мѣсяцъ. Пиши, право, мнѣ ужасъ какъ грустно. О, какое утѣшенье мнѣ твои письма, какъ примиряютъ они меня и съ жизнью, и съ землею, примиряютъ меня съ собой,—ты, мой другъ, твоею дружбою заставилъ меня любить самое себя; я теперь такъ горда, что мнѣ больно вспомнить, кто были моими воспитателями и съ кѣмъ я провела всю жизнь мою; и еще больнѣе, что, можетъ быть, еще долго, долго буду зависить отъ нихъ и должна подражать имъ. Но, нѣтъ, прости мнѣ этотъ ропотъ; я сегодня въ грустномъ расположеніи; меня чрезвычайно разстроила грубость сердца человѣка, я страдаю при каждой новой встрѣчѣ его паденія. Да проститъ имъ Богъ, не знаютъ, что дѣлаютъ!

На дняхъ была у меня Саша; намъ ничего нельзя съ нею говорить, надъ нею и надо мною есть караулъ; когда мы ѣдемъ другъ къ другу, тогда я пишу, беру съ собою письмо и, ежели можно, отдаю ей, и она—также. Во всемъ смыслѣ плѣнницы! Хоть и говорить нельзя, молча пріятно быть съ тѣмъ, чья душа родная моей душѣ, онѣ бесѣдуютъ, онѣ понимаютъ другъ друга и тутъ не нуженъ земной языкъ.

Получила письмо отъ Emilie; она огорчается, что ты ей не пишешь, но теперь ужъ вѣрно получила и мое, и твое письмо.

Уѣзжая изъ деревни, я воображала, что въ Москвѣ найду что нибудь новое,—все какъ было прежде!

Другъ мой, я тороплюсь писать, сейчасъ только узнала, что есть возможность писать къ тебѣ и ужъ время отсылать письмо.

Прощай, мой другъ, будь веселъ, твоя сестра *Наташа*.

Вятка, 6 сентября.

Другъ мой, Наташа! Грустна твоя прошлая записка. Ты давно не получала отъ меня писемъ, но, я думаю, съ тѣхъ поръ получила три. Трудно мнѣ было отказывать тебѣ и себѣ въ этомъ, но я какъ-то окрѣпъ, привыкъ ко всякаго рода лишенію. Какъ давно не читалъ я ни строки отъ О.! Повторяю тебѣ, твои записки на меня имѣютъ дивное дѣйствіе: это струя теплоты на морозѣ, дыханіе ангела на мою больную грудь Завидую твоей чистотѣ, святости твоей души. Я, впрочемъ, не совсѣмъ падшій, я понялъ то наслажденіе, которое ты испытала на крестинахъ у крестьянина. Люблю я народъ, люблю, несмотря на его невѣжество, на его униженной, подлой характеръ, ибо сквозь всей этой коры проглядываетъ душа дѣтская, простота,. даже что-то доброе. Встрѣча твоя съ солдатомъ нашла еще живѣйшій отголосокъ въ сердцѣ ссыльнаго. Много видѣлъ я теперь несчастныхъ, но одного не могу забыть. [1]) Теперь мнѣ здѣсь немного

[1]) Приписано карандашемъ: „встрѣча въ Перми, вѣроятно, ссыльнаго поляка Цихановича, которому на прощанье Герценъ подарилъ въ Перми запонку, а Циханович даль ему нѣсколько звеньевъ изъ желѣзной цѣпочки“. *Примѣч. издат.*

лучше; во-первыхъ, потому, что я потерялъ последнюю надежду скоро возвратиться; во-вторыхъ, потому, что губернаторъ обратилъ вниманіе на меня и употребилъ на дѣло болѣе родное мнѣ: на составленіе статистики здѣшней губерніи. Смѣшной у меня нравъ,—я, какъ кокетка: бѣда, ежели на меня не обращаютъ вниманія, я вяну тогда. [1]) Вниманіе друзей избаловало меня.

7 сентября. Вчера былъ на бумажной фабрикѣ. Чудное впечатлѣніе сдѣлали на меня машины! Огромныя колеса влекутся съ бѣшенствомъ какою-то невидимою силой, обращая бездну другихъ колесъ съ трескомъ и шумомъ. Я сошелъ внизъ, и одна скользкая, мокрая доска отдѣляла меня отъ этого ада; стоило оступиться, чтобы погибнуть, но я остановился; трескъ, шумъ, обращеніе колесъ,— все это наполняло меня чѣмъ-то поэтическимъ. Нѣмецъ, водившій меня, сказывалъ, что когда-то солдатъ поскользнулся и упалъ; черезъ секунду выбросило его голову и колесо облило кровью стѣну и потомъ выбросило [письмо обрывается].

Загорье, 8 сентября, воскресенье.

«Пусть душа твоя будетъ мѣстомъ отдохновенія моей души». О, какою высокою мыслью, какою благородною гордостью эти слова наполняютъ мою душу! Что мнѣ эти несчастія, эти непріятности, которыя каждую минуту отравляютъ мою жизнь! Съ твоею дружбой, съ вѣрою, съ любовью къ человѣку и съ истиннымъ глубокимъ состраданіемъ къ его слабостямъ я иду твердо и рѣшительно по пути, мнѣ предназначенному. Впереди я не вижу для себя ничего, не вижу цѣли моего существованія, но съ тобою оно мнѣ не тягостно; стремиться къ добродѣтели, содѣлать душу мою достойной быть мѣстомъ *отдохновенія твоей души*—вотъ цѣль моего существованія. Но твоя душа, Александръ, *всегда* была мѣстомъ отдохновенія моей души; иногда злоба людей перевѣшиваетъ твердость моего духа, силы меня оставляютъ и я склоняюсь подъ ихъ ударами, но одно воспоминаніе, одна мысль о тебѣ даютъ мнѣ новую твердость,—и снова я выше ихъ, снова счастлива и довольна. О, Александръ! твоя дружба въ несчастіи—моя отрада и утѣшеніе, въ счастіи—подпора и вожатый!

Вотъ уже три мѣсяца я не видала Москвы, но не желаю и видѣть ея, выключая нѣкоторыхъ живущихъ тамъ. Я люблю деревню, здѣсь менѣе слѣдовъ человѣка, а гдѣ менѣе слѣдовъ его, тамъ меньше и разрушенія; здѣсь свободнѣе; я много гуляю, *иногда* далеко одна ухожу отъ дому, и тутъ—я не одна: всѣ, всѣ вы, друзья мои, со мною, всѣ такъ близко меня; тутъ я могу свободно говорить съ вами, смотрѣть на васъ, и эти минуты для меня блаженны, но не продолжительны,—меня тотчасъ позовутъ домой, и опять—все тѣ же пѣсни. А теперь, какъ многихъ, я думаю, стремятся мысли и желанія въ Москву,—центръ веселостей и удовольствій, но ты не думай, чтобъ они плѣняли и меня; нѣтъ, я слишкомъ чужда этихъ шумныхъ обществъ, ничто въ нихъ меня не привлекаетъ, мнѣ кажется, тамъ толпятся люди, которые проводятъ всю жизнь свою ничтожно, полагая главнѣйшею обязанностью не пропустить ни одного бала, но что же, развѣ моя жизнь не ничтожна?...

Ты провелъ всю жизнь въ занятіяхъ и не можешь вообразить, какъ несносна эта бездѣйственность; она тяготитъ меня, убиваетъ и разливаетъ въ душѣ моей какую-то мрачность, но, видно, такъ суждено!

[1] Позднѣйшая приписка карандашемъ рукою Герцена: „вотъ одна изъ причинъ паденья". *Примѣч. издат.*

Ты перемѣнилъ и прибавилъ многое къ *Легендѣ*, — очень бы желала я переписать ее для себя. Ты пишешь, чтобъ я не завидовала твоему веселью, — нисколько, но желаю отъ всей души, чтобы ты сколько-нибудь забылъ грустную разлуку. Ахъ, не грусти, братъ, когда-нибудь и мы соединимся на пути;... а покамѣстъ прости, не забывай

Твою *Наташу*.

Недавно получила отъ Emilie, она ужасно скучаетъ и груститъ, — какъ бы я желала ее видѣть!...

Сентября 18-го, Загорье.

Отъ души благодарю тебя и за поздравленіе, и за подарокъ, другъ мой, братъ! А я еще все собираюсь вышить тебѣ что-нибудь; въ деревнѣ нельзя, а вотъ — пріѣхавъ въ Москву...

Наконецъ, и въ Вяткѣ ты нашелъ существо, которое можетъ тебя постигнуть, — уважай этого человѣка. Теперь у меня мысль занята однимъ. Ты не знаешь, Emilie любитъ N., я долго тебѣ не писала объ этомъ, потому что не имѣла на оное ея согласія; теперь она пишетъ: «ежели ужъ ты писала объ этомъ брату, такъ и я стану писать». Давно онъ ей открылся въ любви, и она сказала ему, что любитъ его; обручились, и онъ писалъ къ ней уже два раза. Она не хотѣла отвѣчать ему на первое письмо, потомъ пишетъ ему, что она его любитъ, принадлежитъ ему и здѣсь, и тамъ, но не идетъ за него, ибо не можетъ его сдѣлать счастливымъ, будучи бѣдна. На что же ему богатство, когда онъ ее любитъ?... Онъ не бѣденъ самъ; я увѣрена, Александръ, что они бы были счастливы, — у нея прекрасная душа. Его же ты знаешь. О, какъ бы я желала, чтобъ они соединились!... Половина горя моего убудетъ, когда Emilie будетъ счастлива. Только мнѣ на нее ужасно досадно, зачѣмъ такъ жестоко испытывать его? Я читала его письма: нѣтъ сомнѣнія, что онъ ее любитъ, что она будетъ счастлива. Теперь ея положеніе ужасно, оно раздираетъ мнѣ душу, — ее сгубила бѣдность, она много перетерпѣла въ своей жизни, много испытала, и въ душѣ ея осталась какая-то мрачность, отпечатокъ ударовъ судьбы. Еще она пишетъ ему, чтобъ онъ выбиралъ себѣ невѣсту. «Кто страстно любитъ, тотъ ревнуетъ», и она почти созналась въ этомъ мнѣ; сестра его писала къ ней, что онъ бываетъ часто на балахъ и веселится тамъ, — да развѣ, любивши, нельзя находить удовольствіе на балѣ? Пиши къ ней ради Бога, чтобъ она не сумасшествовала. Какъ жаль, что мы съ ней не вмѣстѣ, даже и писать часто не могу. Сейчасъ я окончила письмо къ Сашѣ Боборыкиной, ты, кажется, знаешь ея братьевъ. Я ее ужасно люблю, это прелестное существо; давно мы были знакомы, давно я любила ее въ душѣ, но боялась обмануться; наконецъ, несчастіе насъ свело, она открыла мнѣ свою душу, прелестную благородную душу, чуждую вовсе ничтожества свѣта, и съ тѣхъ поръ мы съ нею близкія, родныя сестры. Часто говорю я съ ней о тебѣ, дальній другъ. Она умѣетъ чувствовать, умѣетъ цѣнить все прекрасное, высокое, понимаетъ меня и восхищается тобою. Какое счастье найти между этими холодными, мраморными сердцами модныхъ дѣвицъ — теплую душу съ чистѣйшими понятіями! Не любивши свѣтъ, не любивши часто выѣзжать, она бываетъ на балахъ и въ собраніи, ибо на это воля ея отца, но она совершенно не находитъ удовольствія въ шумныхъ обществахъ. У нея есть другая сестра, старше ея,.. ту я не люблю; она вовсе не сходна ни нравомъ, ни душою съ Сашей; въ ней

ужасный эгоизмъ и она причиняетъ много непріятностей сестрѣ своей. Въ Москвѣ мы часто переписываемся, ибо рѣдко видимся, а здѣсь я живу три мѣсяца и не *могла* ни разу къ ней написать. Дивное вліяніе дѣлаетъ на меня бесѣда съ тѣми, съ кѣмъ у меня есть сочувствіе; кажется, я дышу другимъ воздухомъ, кажется, всѣ люди не такъ дурны, и я сама становлюсь выше.

Ты часто берешь мой медальонъ, часто и я смотрю на твои волосы; они у меня на шеѣ, на шнурочкѣ. Какъ ты испугалъ тогда меня этимъ подаркомъ! Я вообразила, что ужъ въ Москвѣ мнѣ остался только этотъ маленькій пучокъ волосъ! Завтра, завтра мы въ Москвѣ! Для меня это все равно, что завтра мы въ лѣсу,—и пусто, и нѣмо для меня тамъ все. Есть люди, которыхъ люблю, знаю, и они меня любятъ, но все тамъ нѣтъ тебя! Невидимкой прилетѣла бы я къ тебѣ, взглянула бы на тебя, мой несравненный другъ, и опять,—когда такъ судьбѣ угодно,—въ толпу, въ среду живыхъ мертвецовъ.

Душевно поздравляю тебя съ перемѣной должности; по этой части я не понимаю ничего, но радуюсь, ибо знаю, что этого ты желалъ.

Экипажи вывезены, все суетится, шумитъ... Прощай!... И я иду укладываться... Прощай! Какъ грустно это слово! Лучше до свиданія!

Обнимаю тебя. Твоя сестра *Наташа.*

P. S. А *Notre Dame de Paris* я не могла достать прочесть, ужасно досадно! Въ послѣдній разъ Загорье.

Москва, 23 сентября.

Вотъ уже третій день я въ Москвѣ; мудрено этотъ шумъ и суета послѣ деревни. Подъѣзжая къ Москвѣ, мнѣ виденъ сталъ Симоновъ монастырь и Крутицы. Я и безъ того думала всю дорогу о тебѣ, но тутъ проснулось все въ моей душѣ. Крутицы! Зачѣмъ же вы прячетесь за монастырь? Зачѣмъ же мнѣ робко говорить: «теперь мы чужіе тебѣ, его уже нѣтъ здѣсь»? Да, его уже нѣтъ здѣсь, онъ далеко-далеко, но вы все мнѣ знакомы, ваши стѣны мнѣ родныя, въ нихъ схоронено много его думъ и мечтаній, онѣ цѣлыхъ 9 мѣсяцевъ были свидѣтелями его терпѣнія, 9 мѣсяцевъ повѣрялъ онъ имъ тайны души своей; онѣ священны для меня. И слова эти не исчезли даромъ, холодный камень далъ имъ отголосокъ: онъ грустно, сиротливо простоналъ: «онъ далеко-далеко!...» И всѣ длинныя, безконечныя казармы повторили: «онъ далеко!» Какъ печаленъ видъ ихъ, онѣ все еще тоскуютъ о тебѣ,—я разсталась съ ними, какъ родными, и грустно стало, и долго смотрѣла вдаль, ужъ когда онѣ исчезли изъ виду. Въѣхали въ Москву; все та же дѣятельность и все, все попрежнему, но только въ этотъ разъ Москва приняла меня какъ-то холодно, безпривѣтно, и сердце облегчилось лишь на другой день—пріѣздомъ моей Саши. Я къ ней послала сказать, и черезъ нѣсколько часовъ она пріѣхала. Трехмѣсячная разлука сблизила насъ еще болѣе, мы сильнѣе любимъ другъ друга. Она была больна, ужасно перемѣнилась и горе... но, однимъ словомъ, она на меня сдѣлала ужасное впечатлѣніе; мнѣ и теперь грусно, *ужасно* видѣть близкаго страдальца. Новая непріятность: они наняли домъ очень далеко отъ насъ; нѣтъ надежды видѣться съ нею часто, даже и переписываться.

Я думаю, ужъ ты получилъ мое письмо, гдѣ писано объ Эмиліи; я увѣрена, что ты не противъ этого. Напиши къ ней, я прошу тебя объ этомъ. Она пріѣдетъ въ Москву еще только въ декабрѣ.

Сегодня цѣлое утро у насъ были *гости;* несносно для меня это положеніе убивать время самымъ глупѣйшимъ образомъ. Но потомъ пришелъ папенька, отъ него я услышала многое о тебѣ и отдохнула, и стало веселѣе. Прощай, теперь 4 часа послѣ обѣда, нельзя болѣе писать.

11 часовъ вечера. Послушай, другъ мой, зачѣмъ ты такъ рискуешь, на что было подходить такъ близко къ колесу? Самъ же ты пишешь о солдатѣ; о! у меня отъ воображенія волосы дыбомъ становятся; ради Бога, впередъ не рискуй такъ, я на тебя сержусь за это. Когда еще тебѣ вздумается пошалить, поиграть опасностью,—вспомни меня. О, мой другъ, мой Александръ! Зачѣмъ ты называешь себя падшимъ? Неужели я ослѣплена? Нѣтъ, въ тебѣ все *безподобно*, ты для меня безподобный.

И такъ, еще намъ съ тобою долго не видаться; это твое желаніе, ты доволенъ этимъ; но, впрочемъ, страшно сжато сердце при этой мысли. Помнишь ли, разъ ты сидѣлъ у насъ въ залѣ и, склонивъ голову на руку, сказалъ, что уѣдешь *когда-нибудь* въ Италію; у меня навернулись слезы отъ того только, что мы когда-нибудь разстанемся, а теперь еще, можетъ, нѣсколько лѣтъ предстоитъ быть розно... Да будетъ Его воля!

Передъ отъѣздомъ изъ деревни я любовалась чудною картиной: у насъ [загорѣлся] овинъ въ 9 часовъ вечера, противъ самыхъ оконъ; я никогда не видала такъ близко пожара. Когда опасность миновала, а овинъ еще все горѣлъ, и черный дымъ столбомъ, и зарево кровавою лентой на небѣ,—я вышла на дворъ; полная, блѣдная луна ярко свѣтила, и свѣтъ ея сливался съ пламенемъ, съ искрами, съ чернымъ клубящимся дымомъ, съ кровавою полосой, и я не знала, которому *свѣту* отдать преимущество. Ежели бы былъ маленькій вѣтерокъ, такъ, можетъ быть, ужь Загорья не существовало бы. А жаль, что мы оттуда уѣхали: 4 свадьбы вдругъ тамъ будутъ играть; я бы *повеселилась*.

Надо лечь спать; не знаю, завтра удастся ли приписать еще. Прощай же, мой безподобный другъ. Прощай, обнимаю тебя, жму твою руку.

Наташа.

А зачѣмъ у тебя такіе засаленные карманы? Не велика бѣда, что записки мои вымараны, а ежели ты положишь въ нихъ что-нибудь лучше, такъ жаль будетъ замарать. А я какъ богата твоими письмами! Съ 1833 года ты писалъ ко мнѣ 51 разъ, слѣдственно 51 разъ думалъ и помнилъ обо мнѣ!

Прощай! Какая свѣтлая ночь! Какія звѣзды! Что то ты дѣлаешь теперь, мой другъ? Въ этотъ часъ мы съ тобою никогда не бывали вмѣстѣ. Какъ не хочется оставлять пера, какъ не хочется гасить свѣчу, однако... прости, покойной ночи!.

Москва, 24 сентября.

Сегодня я получила твое письмо отъ 24 іюля, два мѣсяца тому назадъ!.. О, другъ мой, мой Александръ! И кто же выдернулъ меня изъ ничтожества, какъ не ты? Кто мнѣ далъ понять высокое, прекрасное, кто поставилъ меня высоко надъ толпою, какъ не ты? И ты, мой другъ, ты, мой ангелъ хранитель, ты же зовешь меня своимъ ангеломъ утѣшителемъ! О, счастливая, счастливая! Но нѣтъ, это слово слишкомъ слабо выражаетъ состояніе души моей; я болѣе, нежели счастлива, я пью небесное блаженство на землѣ. Еще ребенкомъ я любила тебя безъ памяти, боялась тебя и каждое слово твое было мнѣ—законъ; я прыгала отъ ра-

дости, когда ты обращалъ на меня вниманіе и всегда завидовала Тат. Пет., всегда спрашивала ее о всемъ твое мнѣніе и твои мысли. Можетъ быть, ты и не думалъ о мнѣ тогда, какъ уже я гордилась тѣмъ, что твоя сестра. Потомъ все болѣе и болѣе любила тебя, все выше и выше становился ты въ душѣ моей и, наконецъ, сталъ самымъ близкимъ, роднымъ ея другомъ, божествомъ. Съ какимъ восторгомъ я принимала каждое доказательство твоей дружбы, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала той блаженной минуты, когда бы ты назвалъ меня своимъ другомъ! Насталъ этотъ часъ, истинно блаженный часъ, святой! Съ твоею дружбой я нашла небо на землѣ. И ты, дивной другъ мой, ты завидуешь чистотѣ души моей,—тобою, твоею дружбой (очищенъ) съ нея прахъ земли, ты мнѣ далъ свободный полетъ *туда!* Горжусь, горжусь твоею дружбой, горжусь, что смѣю назваться твоей сестрой. И чѣмъ выше, чѣмъ далѣе отъ земли, тѣмъ милѣе мнѣ она, тѣмъ больше люблю человѣка, тѣмъ больнѣе душѣ его паденіе.

Чего мнѣ желать болѣе на землѣ, чего желать? У меня все есть. Онъ наградилъ меня щедро. Онъ мнѣ далъ въ удѣлъ половину неба, я богатѣе всѣхъ, счастливѣе всѣхъ, и все мое богатство, все мое счастіе, все небо — въ тебѣ, мой братъ-другъ!

Ночь, бьетъ 12 часовъ. Прощай!

25-е, середа. Здравствуй, мой другъ! Благовѣстятъ къ заутрени,—еще темно и ненастливо, – мнѣ не заспалось оттого, что я еще съ вечера думала увидѣть сегодня твою маменьку и съ нетерпѣніемъ ждала разсвѣта, но дождь идетъ, навѣрное, меня не пустятъ обѣдать ко Льву Алек. Каково это, мой другъ, я не видала ее съ тѣхъ поръ, какъ была у тебя,—ужасно, ей Богу, ужасно! Съ какимъ наслажденіемъ я привожу себѣ на память часы, проведенные у васъ въ домѣ! Тогда грозная туча разлуки не помрачала души моей, все было и свѣтло, и тепло. Но зачѣмъ же я не знала будущее? Тогда бы я наглядѣлась на тебя, мой другъ, наговорилась бы съ тобою и не слыхала бы упрека моей души.

Вчера я была въ городѣ. Въѣзжая въ родимый Кремль, вспомнила тебя,—и онъ что-то показался мнѣ грустнымъ, на немъ давно не было твоего слѣда, онъ груститъ объ Александрѣ. Погрусти со мной, Кремль родимый, потоскуемъ о немъ вмѣстѣ: онъ — твой сынъ, вѣрный, достойный сынъ, мой несравненный братъ и другъ. Когда люди не слышатъ меня и молчатъ, сами камни становятся краснорѣчивы и даютъ отголосокъ на каждый звукъ моей души, и потому прости мнѣ, ежели я иногда люблю болѣе камень, нежели человѣка. Иногда дерево, былинка говорятъ мнѣ болѣе цѣлой толпы,—одушевляясь, она [унижаетъ] достоинство людей.

Я давно знала, что свѣтская жизнь не можетъ наполнить пустоты *души твоей:* я вовсе не знаю ея, далека ея сплетенъ, но и для меня она не представляетъ ничего.

Полно же грустить, мой другъ, друзья твои близко тебя, ты не разлученъ съ ними. Мнѣ ужасно больно, что ты не получаешь отъ О.; я знаю, каково это, тутъ уже нѣтъ утѣшенія. Не браню я тебя за твое самозабвеніе, въ этомъ виновны люди; я увѣрена, что въ самомъ самозабвеніи ты не забывалъ своего призванія, увѣрена, мой Александръ, что ты не дашь побѣдить [себя страстямъ], борись съ ними,—вотъ тебѣ моя рука на помощь.

Мнѣ непріятно, что ты узналъ о здѣшнихъ непріятностяхъ, а я просила, чтобъ тебѣ не писали о нихъ. Теперь мнѣ, право, лучше, мой другъ; кажется, люди стали добрѣе, а, можетъ быть, и потому, что во мнѣ болѣе самоотверженія.

26, четвергъ. Сейчасъ ушелъ отъ насъ папенька; онъ былъ вчера на именинахъ у Сережи и сказывалъ, что тамъ обѣдалъ тотъ, который ѣдетъ въ Вятку. Онъ видѣлъ почти всѣхъ твоихъ, онъ разскажетъ тебѣ о всѣхъ, кромѣ меня. Но пусть такъ, я разскажу тебѣ сама о себѣ. Въ деревнѣ я ужасно загорѣла, ибо все гуляла безъ шляпки, немного выросла и подурнѣла,—то не мое замѣчаніе, а всѣхъ. Папенька много приговаривался къ тому, чтобъ меня отпустили сегодня обѣдать у Л. А., да все было тщетно.

Сегодня я была у обѣдни у праздника; тамъ хорошо пѣли,—пѣніе дѣлаетъ на меня большое вліяніе; какъ жаль, что у меня нѣтъ голоса!

Прощай, мой другъ, теперь стану писать къ Эмиліи, тутъ же отошлю и твою записку. Костенька пришла ко мнѣ и проситъ написать тебѣ отъ нея поклонъ; это славная старушка, какое усердіе,—вообрази, что каждую оказію она относила мои письма къ Егору Ивановичу и присылала отъ него, таясь отъ всѣхъ домашнихъ и будучи въ опасности быть встрѣченной на улицѣ кѣмъ-либо изъ людей, ибо это перенесли бы М. С.; впрочемъ, это только одинъ [врагъ], а прочіе меня любятъ.

Обнимаю тебя, жму твою руку,—прощай! Будь веселъ и здоровъ. Дай Богъ, чтобъ ты не обманулся въ томъ человѣкѣ, о которомъ ты мнѣ писалъ; счастливъ онъ, ежели всегда будетъ достоенъ твоей дружбы. Когда будешь на бумажной фабрикѣ, не становись же на ту доску, ради Бога, не шути такъ дерзостно надъ жизнью; не забывай, что у тебя есть сестра

Наташа.

Вятка, 1 октября.

Другъ Наташа!

Много получилъ я вчера писемъ, два твои и еще одно — воскресили опять, какъ и всегда, меня. Это ты уже знаешь.—буду прямо отвѣчать.

Ты что-то пишешь въ предпрошлой запискѣ о любви, — неужели ты думаешь, что я здѣсь влюбленъ? Это смѣшно, тогда бы я просто написалъ тебѣ все. Но еще вопросъ, былъ ли я когда-нибудь влюбленъ? У меня была потребность любить, неопредѣленное, но сильное чувство, нѣмое и тяжелое. Тогда явилось мнѣ существо несчастное, убитое, и, мнѣ казалось, я полюбилъ его. Но душа моя уже не была тогда юною, я тратилъ свою жизнь, свои страсти въ безумныхъ вакханаліяхъ.

Ежели-бы я былъ тогда чистъ, я весь предался бы любви. Тутъ я увидѣлъ, что идеалъ мой не осуществленъ, но я былъ любимъ. Вотъ ужасъ! Я обрадовался, когда меня взяли, думая, что разлука заставитъ забыть ее, но забылъ, что любовь должна была еще сильнѣе сдѣлаться за мои страданія и несчастія.

...У меня же съ половины 1834 года не было ни искры любви, было одно раскаяніе. Пріѣхавши въ Пермь, я развернулъ ея записки,—содрогнулся и, не имѣя духа перечитать, бросилъ ихъ въ огонь, ибо преступленіе, измѣна съ моей стороны. Но развѣ я виноватъ, что ошибся, принявъ неопредѣленное чувство любви за любовь *къ ней?* Развѣ я виноватъ, что она такъ далека отъ моего идеала? Ты, сестра, ты ближе, несравненно ближе къ моему идеалу, нежели она. Что же касается до обману, о которомъ я тебѣ писалъ отсюда, тутъ не было любви, меня обманули *изъ денегъ*, но обманули такъ діавольски, что, кромѣ женщины, никто не могъ бы этого сдѣлать. Въ то время, какъ я думалъ своею ду-

шой поднять одну падшую душу, я былъ въ дуракахъ, и самолюбіе мое было обижено.

Я сколько ни ломалъ головы, не могу догадаться, въ кого влюблена Emilie; напиши мнѣ, пожалуйста. Я принимаю въ ней самое искреннѣйшее участіе, ибо и ея душа знала страданія, и душа поэтическая.

Радъ душевно, что ты нашла друга. Но время, но опытъ — единственныя права, чтобъ дружбу признать истинною. Что значитъ имѣть друга, это я знаю; что значитъ ошибиться въ человѣкѣ, и это я знаю,—это кусокъ мяса, отодранный отъ своего сердца, горячій и кровавый. Не всегда тотъ, кто дѣлается изъ друга равнодушнымъ человѣкомъ, сначала обманываетъ; нѣтъ, есть люди, въ которыхъ тлѣетъ кое-что благородное, они вспыхиваютъ при созвучіи съ душою пламенной. Но есть ли довольно твердости въ нихъ, чтобъ поставить дружбу выше всего, и скорѣе перенести все, нежели оцарапать, помять дружбу? *Обстоятельства, жизнь*—вотъ девизъ, подъ знаменемъ котораго эгоизмъ мертвитъ все. Я любилъ Вадима и Тат. Петр.,—и что же вышло изъ нихъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ? А Огаревъ? Теперь мы совсѣмъ разлучены, но ты права— развѣ разстояніе дѣлитъ? Это смѣшно.

Я все еще не совсѣмъ устоялся; знаю это, потому что теряю пропасть времени, играю въ карты — очень неудачно, куртизирую *кое-кому* гораздо удачнѣе. Здѣсь мнѣ большой шагъ надъ всѣми кавалерами, кто же не воспользуется такимъ случаемъ? Впрочемъ, шутки въ сторону, здѣсь есть одна премиленькая дама, а мужъ ея больной старикъ, она сама здѣсь чужая, и въ ней что-то томное, милое,—словомъ, довольно имѣетъ качествъ, чтобы быть героиней маленькаго романа въ Вяткѣ, — романа, коего авторъ честь имѣетъ пребыть, заочно цѣлую тебя.

Ал. Герценъ.

12 октября, Вятка.

«Съ 1833 года ты писалъ ко мнѣ 51 разъ, слѣдственно 51 разъ думалъ и помнилъ обо мнѣ». Наташа! Развѣ нужно въ нашей дружбѣ еще дѣлать увѣренія? Развѣ ты думаешь, что я могъ бы только 51 разъ думать о тебѣ, о *тебѣ!*

На-дняхъ я видѣлъ сонъ ужасный; этотъ сонъ не отъ Бога. Въ Москвѣ мы сидѣли съ тобою у папеньки въ горницѣ, кто-то взошелъ и спросилъ меня: «Это сестра твоя?» Я молчалъ. Папенька сказалъ: «Нѣтъ, не сестра!» и что-то въ душѣ моей прокричало прегромко: «нѣтъ, нѣтъ, не сестра». И вдругъ я у насъ въ саду одинъ, мѣсяцъ свѣтилъ и какая-то вода шумѣла, волновалась возлѣ; я лежалъ подъ деревомъ и мнѣ было душно отъ тысячи страстей. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Эрнъ (здѣшній пріятель мой) и съ хохотомъ говоритъ: «Ну, что твоя высокая дружба, твоя братская любовь? Одинъ обманъ себя и другихъ». Онъ захохоталъ еще, и я проснулся въ какомъ-то бѣшенствѣ. Не размышляй объ этомъ снѣ, онъ ужасенъ, онъ не отъ Бога. Я его забыть не могу, и вообрази, что я доселѣ какъ будто сержусь на Эрна за то, что видѣлъ во снѣ его смѣхъ. Но знаешь ли, что всего ужаснѣе? Эта мысль уже не новая, она явилась мнѣ разъ на яву. И когда же? Въ Крутицахъ, когда ты была у меня, я держалъ твою руку. Эта мысль представилась, я вспыхнулъ въ лицѣ и отдернулъ руку, и проклялъ мысль сію. И вотъ она явилась во снѣ. *Забудь это!* Я себя назвалъ падшимъ,—да, я падшій. Зачѣмъ, зачѣмъ ты подошла такъ близко къ моему существованію? Оно увлечетъ въ бездну, въ ту бездну, гдѣ кипятъ страсти и волнуются; тамъ

видно небо, но одно отраженное небо. Не сходи въ эту пропасть. Я весь взволнованъ, дай отдохнуть.

14 октября. Наконецъ, я имѣю вѣсть отъ него, отъ О., — какъ грустна эта вѣсть! О, сколько перестрадали мы съ іюля 1834! Но душа его все та же обширная и глубокая. И отъ тебя двѣ записочки. *Ты и онъ* — понимаешь ли это раздвоеніе самого меня, въ тебѣ и въ немъ часть моей души. Въ васъ много перемѣнилось отъ прикосновенія со мною, и тѣмъ ближе мы. Вотъ моя рука тебѣ на вѣчную дружбу, *на вѣчную симпатію.*

Вотъ что: я нѣсколько сумасшедшій, да, тогда, когда одинокій и безъ занятій и безъ мыслей я пережигаю страстями свою душу. Я дошелъ до величайшей нелѣпости. Любить, — можно ли жить съ моею душой, съ моимъ бѣшенствомъ безъ любви? Любить, стало быть. Но мысль соединить свою жизнь съ жизнью женщины обливаетъ меня холодомъ. Понимаешь ли ты глупость любви, которая не ищетъ полнаго обладанія предметомъ своимъ? Это чортъ знаетъ что! Вотъ тутъ сейчасъ и откроется нелѣпость, до которой я дошелъ: есть среднее чувство между *земною любовью и дружбой.* Я давно верчусь около этой мысли, но не писалъ ея тебѣ. Зачѣмъ же пишу теперь? Зачѣмъ, а я почемъ знаю, зачѣмъ? Ужъ написано, и я считаю себя не въ правѣ отнять у тебя писанное тебѣ.

Нѣтъ, не я очистилъ твою душу, это вздоръ: я отворилъ тебѣ дверь въ міръ другой, не въ тотъ, въ которомъ толпа,—и больше ничего, я былъ привратникъ, не болѣе. Ты увидѣла, что ты дома въ этомъ мірѣ, въ мірѣ ангеловъ, а я—падшій остался у дверей. Ахъ, это прощаніе въ Крутицахъ! Ты точно тогда ангеломъ слетѣла ко мнѣ.

Да, вѣришь ли ты этому чувству между любовью и дружбой? Еще болѣе, я сдѣлаю вопросъ страшный, оттого что я теперь, въ сію минуту, безумный, иначе онъ не сорвался бы у меня съ языка. *Вѣришь ли ты, что чувство, которое ты имѣешь ко мнѣ, одна дружба? Вѣришь ли ты, что чувство, которое я имѣю къ тебѣ, одна дружба? Я не вѣрю.*

Твой *Ал. Герценъ.*

---

15 октября. Ради Бога, твой силуэтъ, да чтобъ былъ очень похожъ, иначе не хочу. Нѣтъ, когда я смотрѣлъ на комету, я не думалъ о тебѣ, откровенно признаюсь, ибо я ѣхалъ ночью съ вечера почти пьяный, вдругъ комета въ глаза, я тогда думалъ о картахъ, о винѣ и пр. Журнала своего я не пишу, мой журналъ былъ бы хуже всякаго угрызенія совѣсти. Силуэтъ здѣсь некому снять. Прощай.

15 октября, Москва.

Почему-же ты винишь себя, другъ мой? За что дѣлаешь себѣ упрекъ? Развѣ можно назвать измѣной, преступленіемъ равнодушіе съ твоей стороны къ той особѣ, которою ты былъ любимъ? Нѣтъ, ибо я знаю нѣкоторую особу, которая также восхищалась тобою, видя, можетъ быть, половину твоихъ достоинствъ, и довольно-бы было одного твоего взгляда, чтобы заставить ее *мечтать*; но ты не зналъ этого и не замѣчалъ, и виноватъ-ли въ этомъ? Твой идеалъ, мой другъ, долженъ быть такъ чистъ и прекрасенъ, такъ высокъ, что мудрено найти его на землѣ. Я не видала ни одной дѣвицы, которая-бы была совершенно тебя достойна.

Я съ восхищеніемъ перечитывала твое письмо,—о, братъ мой, о, благородный другъ мой! Какъ виднѣется въ немъ прекрасная душа твоя, ты видишь преступленіе тамъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей вины. Счастлива, счастлива *она*. даже будучи не любима тобою; счастлива, что могла подняться до того, чтобы понять тебя и любить тебя!

Ты пишешь, что тратишь много времени на...: «здѣсь мнѣ большой шагъ надъ кавалерами,—кто-же не воспользуется такимъ случаемъ?» Пусть каждый, кромѣ тебя; никогда-бы я не желала видѣть тебя ни за карточнымъ столомъ, ни съ фигурною фразой, которая ничего не значитъ для той, кто сама что-нибудь значитъ. Впрочемъ, прости мнѣ, мой другъ, это замѣчаніе,—можетъ, ты свѣтъ знаешь лучше, нежели я сама себя; мнѣ только больно, когда густое покрывало толпы задѣваетъ тебя, но надъ тобою оно рѣдѣетъ; ты среди ея горишь, какъ алмазъ въ грязи, и какъ ярко, и какъ чисто твое сіяніе! Тогда какъ ты проводишь жизнь твою въ шумѣ, *въ веселіи*, въ суетѣ,—дни мои текутъ такъ тихо и однообразно! Чуждая свѣта, я чужда и безчисленныхъ его переворотовъ и несчастій; почти никого не вижу, ничего не слышу; вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы изъ деревни, и еще моя нога нигдѣ не была, кромѣ церкви; жизнь моя похожа на монастырскую жизнь вполнѣ. Изрѣдка Москва дунетъ на меня,—и холодъ обдастъ мою душу, и страшно станетъ, но у меня есть міръ, гдѣ я отдыхаю, гдѣ согрѣваюсь, гдѣ пью отраду и утѣшеніе.

Эмилія любитъ Николая *Сатина*; когда его семейство было здѣсь, она у ихъ очень часто была, мать и сестра его любятъ ее ужасно, а онъ пишетъ ей, что не можетъ жить безъ нея. Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится! Обстоятельства ихъ такъ раздѣляютъ, и меня беретъ ужасъ за Emilie. О, дай Богъ, чтобы душа ея послѣ столькихъ бурныхъ плаваній нашла надежную пристань! Онъ давно *нравился* ей, но она не говорила, что любитъ его, думая, что онъ только куртизируетъ ей, даже и мнѣ долго-долго не говорила о любви; вдругъ приходитъ ко мнѣ съ кольцомъ на рукѣ, которымъ обручилась съ Н., и говоритъ, что дала ему слово.

Теперь я читаю въ первый разъ *Les Croisades*; высокая душа Матильды и благородная душа Малекъ-Аделя изгнали совершенно изъ моей памяти гнусный поступокъ, который поразилъ меня. Какъ я люблю и уважаю Малекъ-Аделя и какъ боюсь, чтобы Матильда не пала, боюсь разстаться съ мыслью, что душа, живущая въ немъ, презираетъ все земное.

Каждый доброжелательный *требуетъ* названія друга, и у меня много доброжелательныхъ, я люблю многихъ, но друзей у меня мало, мало, очень мало, и это *малое* составляетъ для меня *многое*, и я живу имъ, и у меня нѣтъ иного счастья, ни иного блаженства. Сашу Бобор. я не назову моимъ другомъ, но въ ней такъ много благороднаго, душа ея такъ близка моей душѣ, такъ созвучна съ нею, что я могу назвать ее сестрой, и свиданіе съ нею всегда мнѣ приноситъ большое удовольствіе.

И такъ, ты принимаешься писать романъ, а развѣ кончилъ ужъ *Легенду*?..

О нѣтъ, мой другъ, не играй пожалуйста въ карты; неужели это тебя можетъ занять?.. Это время лучше употребить... Ты лучше меня знаешь на что.

Прощай, твоя сестра *Наташа*.

Октября 22, Москва.

Ужъ поздно, спѣшу хоть строчку написать тебѣ: сегодня мнѣ минуло 18 лѣтъ, ужасъ! Я съ какою-то грустью смотрю на быстроту времени, которая мчитъ, уноситъ съ собою все, почти все; особенно этотъ день мнѣ бываетъ грустно,—прошедшее, настоящее и будущее попеременно занимаютъ душу, воображенiе рисуетъ картины и ясныя, и мрачныя, сердце что-то не на мѣстѣ, сомнѣнiе тревожитъ духъ, но чѣмъ все это оканчивается? А это болѣзненное состоянiе души, въ это время, когда земное не представляетъ намъ, кромѣ унылаго и печальнаго, душа рвется прочь отъ земли, ей свободнѣе летѣть *туда*, она улетаетъ въ свою отчизну, тамъ все ей родное и тамъ она пьетъ радость, утѣшенiе и съ надеждою вѣчности слетаетъ вновь на землю; тутъ уже изгнанiе ея не такъ ей ужасно, горесть не такъ уже доступна ей, она полна еще неба, и все вокругъ нея дышетъ небомъ, на всемъ такъ ясно видѣнъ отпечатокъ божества. *Теперь* мнѣ вовсе не грустно.

Другъ мой, какъ отъ тебя давно я не получала, вотъ это только затмѣваетъ теперь ясность души моей, а папенька прислалъ мнѣ отъ тебя на платье матерiю, называемую по-вятски (кучунъ-гук-гукъ). Давеча былъ Бобор. и привезъ мнѣ письмо отъ Саши; это сдѣлало мнѣ большое удовольствiе. Егоръ Ивановичъ обѣдалъ у насъ. — награди его Богъ за его добродушiе; много обязана я его дружбѣ и цѣню все въ полной мѣрѣ.

Ну, прощай-же, пора спать, я только хотѣла поговорить съ тобою сегодня хоть перомъ, мой другъ. Прощай! 12 час вечера.

24-е. Вчера мы были у папеньки; ты не можешь себѣ представить, мой другъ, съ какимъ восхищенiемъ я ѣхала туда; тамъ все такъ громко говоритъ о тебѣ, и, притомъ-же, я была увѣрена, что увижу маменьку; это-бы было первое свиданiе съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нею были у тебя.

Но нѣтъ! лучше-бы не ѣздила,—слышала только ея голосъ, а не видалась, и, уѣзжая, украдкою взглянула въ твою комнату... Неужели, неужели въ самомъ дѣлѣ вѣроятно, что разлука уменьшаетъ нашу привязанность и что время уноситъ даже самое воспоминанiе? Нѣтъ, это — мысль тѣхъ, которые никогда не любили, не имѣли друзей, я не вѣрю, не вѣрю этому; никогда я тебя столько не любила, какъ теперь, и можетъ-ли быть, чтобы тотъ, кто далъ мнѣ узнать жизнь и счастье, сдѣлался, наконецъ, мнѣ чужимъ?!

Кажется, я писала тебѣ въ прошломъ письмѣ, что читаю *Les Croisades*; какая торжественная минута для Матильды, когда Малекъ-Адель сдѣлался христiаниномъ, и что за душа! Вотъ какъ ярко горитъ на ней печать божества, какая благодать; а ты, мой другъ, завидуешь чистотѣ *моей души*. Пока прощай, еще до свободной минуты. 7 часовъ утра.

Наташа.

27 октября, Москва.

Другъ мой!

Вѣрую, вѣрую, что насъ съ тобою соединяетъ дружба, дружба, самая высокая, которой нѣтъ примѣра. На землѣ у меня нѣтъ существа драгоцѣннѣе тебя, я люблю тебя болѣе всѣхъ на свѣтѣ. Ежели это чувство болѣе, выше дружбы,—я не умѣю назвать его, но вѣрю ему. Никогда, никогда я не буду любить, никогда не позволю никакому чувству въ душѣ моей стать выше того чувства, которое я имѣю къ тебѣ. Мнѣ любить—значитъ найти существо выше,

достойнѣе тебя, но *я* никогда его не найду. Въ душѣ моей одно чувство выше любви къ тебѣ—любовь къ Богу, но эти два чувства такъ тѣсны, такъ соединены между собою: безъ любви къ Богу я не могу любить тебя, безъ любви къ тебѣ не могу любить Бога. Ежели дружба не можетъ такъ сблизить два существа, не можетъ подняться такъ высоко, пусть это будетъ чувство между *земною любовью и дружбой*. Когда я думаю не согласно съ тобою, я обманываюсь. А ты вѣришь ему?

Любить, не желая полнаго обладанія предметомъ любви своей,—я понимаю тебя; кажется, понимаю; но почему ты все, писанное тобою, называешь безумствомъ,—не понимаю.

Прежде ты пугалъ меня ужасною участью голубя, теперь—бездною, пропастью; не страшна мнѣ участь голубя, сладко мнѣ его страданіе, радостно погибну я съ моею ракетой, ежели ей суждена гибель; не устрашусь бури на волнующемся морѣ страстей,—вѣдь, я буду плыть съ тобою, съ тобою, и съ кѣмъже, съ кѣмъ мнѣ надежнѣе плаваніе, другъ мой, скажи мнѣ, съ кѣмъ? Кого, кого я должна любить на землѣ болѣе тебя, братъ мой, скажи мнѣ, кого? Ни съ кѣмъ и никого! Да, ни съ кѣмъ и никого!..

Ужасенъ сонъ твой, еще ужаснѣе мысль твоя на яву: когда я не сестра тебѣ, когда мы чужіе... о, нѣтъ, нѣтъ, братъ мой, не отвергай сестры твоей, нѣтъ... но, вѣдь, это ты? Пусть такъ! Но въ душѣ отверженной ты будешь братомъ вѣчно, вѣчно!

29-е октября. Третьяго дня я не могла писать болѣе; прочтя твое письмо, тотчасъ стала отвѣчать на него, но вдругъ такъ стѣснилось что-то въ груди, что то сильно взволновало душу, и всю ночь я безпрестанно просыпалась, будто ты все будилъ меня. Кстати, я скажу тебѣ мой сонъ. На-дняхъ видится мнѣ: съ одной стороны, небо покрыто *черною тучей* такъ, что не различишь съ землею, съ другой—ясно и чисто, и на этомъ свѣтломъ небѣ сіяетъ *крестъ,* посреди его полоса, будто онъ треснулъ. Какое несчастье еще предстоитъ мнѣ... Я видѣла тебя заключеннымъ, испытала ужасную минуту разстанія и теперь въ разлукѣ, что-же еще можетъ угрожать мнѣ? Вѣчная разлука?—Я не боюсь ея, *тамъ* мы будемъ вмѣстѣ. И рѣшительно все, касающееся до одной меня, не страшитъ меня. Впрочемъ, я не вѣрю снамъ.

Ты получилъ вѣсть отъ *него*, слава Богу. А я все придумывала, не могу-ли я какимъ-нибудь образомъ достать отъ него и прислать тебѣ, но все оставалась при своей мысли. И такъ, мы съ нимъ сроднились тобою; я не знала семьи, рано-рано оставили меня родные, одинокая всю жизнь, всѣмъ чужая... въ тебѣ все мое родство.

Другъ мой, напиши-же къ Emilie; теперь ты знаешь, кому она отдала свое сердце; они счастливы будутъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Мнѣ жаль ее, она до сихъ поръ въ деревнѣ, ей, вѣрно, тамъ скучно, напиши къ ней, пожалуйста. Она меня поразила разъ своимъ замѣчаніемъ... но, прости мнѣ, я не напишу его тебѣ.

Вечеръ того-же числа. Все спитъ вокругъ меня, одна я съ моею думой, съ моимъ Александромъ. Бывало, какую грусть наводило на меня мое положеніе; оно казалось мнѣ ужаснымъ, каждый часъ былъ отравленъ горькою мыслью, ничто не радовало меня вполнѣ, и грудь ребенка знала мученія одиночества, сиротства, самая молитва не давала душѣ больной лѣкарства, самая мысль о Богѣ была несовершенна, самая вѣра мертва. Явился ты... и я узнала теперь, что

есть границы желаніямъ смертныхъ, что, будучи на землѣ, мы можемъ жить въ небѣ, узнала, что есть для человѣка состояніе, въ которомъ душа поетъ одни гимны благодарности.

Слава въ вышнихъ Богу!!!...

Прощай, въ моей комнатѣ страшный холодъ, я ужасно иззябла. Жму руку на прощанье, руку моего брата, о, ради Бога—брата! Всѣхъ, кто только умѣетъ и какъ умѣетъ, буду просить снять свой силуэтъ и самый похожій пришлю тебѣ. Прощай еще разъ, мысленно обнимаю тебя.

Твоя сестра *Наташа.*

Я воображаю, что я въ Сибири, на моемъ окнѣ ледъ толще ладони, только свѣтъ фонарный, перебѣгая по льдинкамъ и переливаясь разными цвѣтами, напоминаетъ Москву. Хочешь-ли, я пришлю тебѣ прочесть одну изъ записокъ Саши, вотъ ты увидишь, какъ она мила, будешь имѣть о ней какое-нибудь понятіе.

Ноября 12, Москва.

Каждый разъ, когда начинаю къ тебѣ писать, мой другъ, думаю, зачѣмъ мнѣ писать къ *тебѣ?* Всѣ мои мысли, всѣ чувства тебѣ извѣстны; сердце и душа моя раскрыты тебѣ и ты, можетъ быть, знаешь меня лучше, нежели я сама, но не утерплю, мой другъ, и опять пишу тебѣ. Вѣрно, ты еще не получалъ моего письма —отвѣтъ на твое послѣднее? Я опять повторяю торжественно: въ душѣ моей нѣтъ чувства выше того, которое я имѣю къ тебѣ, кромѣ любви къ Богу!...

Другъ мой, Александръ! Ежели ты постигаешь, сколько я люблю тебя, ежели вѣришь, что *ты своею* дружбой далъ мнѣ познать прекрасное и высокое, заставилъ любить Творца, созданіе, жизнь и самое себя... да, *ежели ты вѣришь мнѣ*,—я не требую отъ тебя болѣе.

Съ какою полною радостью, съ какимъ неизъяснимымъ восторгомъ смотрю я *теперь* на жизнь, какъ прекрасна и какъ полна жизнь *моя!*

Поздравляю тебя съ твоими именинами! Я по-своему буду праздновать этотъ прекрасный день; грустно, что мы не вмѣстѣ. Я давно дошила для тебя мой подарокъ, но все еще въ отдѣлкѣ у мастера, и очень жаль, что я не могу его прислать тебѣ теперь. Emilie пишетъ мнѣ, поздравляетъ меня съ *дорогимъ именинникомъ*, также и тебя, дорогой мой, поручила поздравить. Сама она не пишетъ тебѣ, потому что ждетъ отъ тебя письма, въ которомъ ты будешь писать объ N. Я и безъ того не очень здорова, и вчера получила отъ нея письмо и еще болѣе разстроилась, — она огорчена. N ей не пишетъ давно очень, и она думаетъ, что онъ уже разлюбилъ ее, измѣнилъ, и Богъ знаетъ что, но... ежели такъ въ самомъ дѣлѣ? О, нѣтъ, это ужасно! Вѣдь, ты знаешь его? Можетъ ли онъ такъ жестоко издѣваться надъ безталанною сиротой?..

Какъ ужасно я провела ночь и какъ не хорошо себя чувствую,—спокойствіе и счастіе Emilie мнѣ дорого, очень дорого. Напиши ей, будемъ утѣшать ее, мой другъ: она вѣруетъ въ насъ обоихъ, въ нашей дружбѣ только можетъ найти отраду въ горести; мнѣ жаль ее, очень жаль; отдохнувши, стану ей писать.

Вѣришь ли, мой другъ, какъ мнѣ непріятно теперь, что многіе меня *жалѣютъ*, находятъ жизнь мою, мое положеніе ужасными,—увѣряю всѣхъ, что я

счастлива, что не желаю болѣе, и... не вѣрятъ!.. Будь мое положеніе еще ужаснѣе, несноснѣе, одинъ лучъ *моего солнца* разгонитъ всѣ мрачныя тучи и въ душѣ моей, и въ небѣ. Прощай, мой другъ, не пишу болѣе, потому что...

Твоя сестра и другъ *Наташа*.

---

12 ноября [Вятка].

Natalie! Давно я не писалъ къ тебѣ; что дѣлать, давно не была душа моя чиста и свѣтла. Нѣтъ, моя теперешняя жизнь дурна; какъ я ни стараюсь стать выше всего этого, не могу. Ссылка хуже тюрьмы. Шумныя удовольствія, коими я иногда хочу убить время, оставляютъ пустоту, туманъ. И нѣтъ души созвучной;... правда, есть здѣсь одно существо, которое понимаетъ меня, существо, наполненное поэзіи,—это та дама, о которой я какъ-то разъ тебѣ писалъ, шутя, и это существо глубоко избито судьбою и, можетъ, несчастнѣе меня: 15-лѣтъ отдана она замужъ за развратнаго и сквернаго человѣка, и онъ доселѣ живъ и тиранъ ея. Неужели въ самомъ дѣлѣ на то только природа даетъ душу высокую, благородную, чтобы мучить ее? Нѣтъ, эти мученія выдумалъ самъ человѣкъ, некого винить [1]).

Еще сосланный—Витбергъ; мы живемъ вмѣстѣ, — человѣкъ колоссальный, художникъ въ душѣ и съ душою высокой. Это важное пріобрѣтеніе для меня. Человѣкъ, который когда-либо создалъ мысль высокую, человѣкъ, который на исполненіе одной мысли посвятилъ всю жизнь, высокъ и еще выше, когда люди отняли возможность у него проявить свою мысль, когда обстоятельства гнетутъ его.

Тебя, я думаю, испугала или удивила моя прошлая записка, которую я окончилъ ужаснымъ вопросомъ о нашей дружбѣ. Я съ трепетомъ запечаталъ ее. Но не бойся никакой истины. Объ этомъ предметѣ мнѣ нельзя было молчать, грудь моя слишкомъ тѣсна, чтобы хранить его молча. Но теперь ни слова болѣе до тѣхъ поръ, пока не получу отвѣтъ твой.

Ты оправдываешь меня въ моемъ поступкѣ, о которомъ я писалъ тебѣ. Нѣтъ, я не правъ, ибо ты не знаешь всѣхъ обстоятельствъ. Я былъ далекъ отъ обмана; но я видѣлъ, что *она* еще не удовлетворяетъ тому требованію, которое я дѣлаю существу, съ коимъ я могъ бы слить свою жизнь. Зачѣмъ же я увлекъ ее? Зачѣмъ не остановилъ, прежде нежели она, убѣжденная въ моей любви, сказала, что она любитъ меня? Что я увлекъ ее, это не мудрено, я знаю силу своего характера и вліяніе, которое могу имѣть. Зачѣмъ же я воспользовался этимъ, чтобы приковать ее къ себѣ?.. И, можетъ, въ этомъ участвовало самолюбіе... Зачѣмъ ты, другъ мой, такъ чисто думаешь обо мнѣ? Ты придаешь мнѣ много своего. О, какъ бы я былъ счастивъ, ежели бы былъ то, что ты думаешь! Я краснѣлъ, читая твою записку. Нѣтъ, не отъ излишества благородства обвинялъ я себя, а потому, что я виноватъ. Я много утратилъ души... Тебѣ неизвѣстно, что такое за слѣды, за морщины на сердцѣ оставляетъ развратъ. Увы!

Une mer y passerait, sans laver la tache,
Car l'abime est immense et la tache est au fond.

О какой особѣ ты говоришь, которую заставлялъ мечтать взглядъ мой?.. Я догадываюсь, но скажи мнѣ просто, *что за секреты?*

---

[1]) Позднѣйшая приписка карандашемъ рукою Герцена: «Зачѣмъ я пожалѣлъ ее».

Примѣч. издат.

Ты хочешь, чтобъ я писалъ къ Emilie о любви ея; пожалуй, но это мудрено. Напиши ей, что я тебѣ пишу, что онъ самый благородный человѣкъ, что онъ поэтъ, что ежели она будетъ его жена, она будетъ счастлива, я ей ручаюсь; но онъ молодъ, я никогда не посовѣтую ему жениться, а, впрочемъ, у него душа не моя, онъ можетъ быть счастливъ въ тѣснотѣ семейнаго круга, а мнѣ, мнѣ нуженъ просторъ. Прощай мой другъ, мой ангелъ.

Александръ.

Москва, 18 ноября.

Еще поздравляю тебя, мой другъ! Воспоминаніе о тебѣ нераздѣльно съ моимъ существованіемъ, а на этотъ день я переселюсь къ тебѣ совершенно. Я счастливыми почитаю тѣ минуты, въ которыя мнѣ не мѣшаютъ быть съ тобою; ты такъ живо представляешься мнѣ, твои движенія, твои привычки,—все, все такъ ярко въ моей памяти, настоящее, дѣйствительное съ его горемъ и радостью исчезаетъ, я вся живу въ мечтѣ, мечта осуществляется, заслоняетъ собою грозныя 1.000 верстъ; дружба освѣщаетъ картину счастія, вѣра въ Провидѣніе льетъ въ душу какую-то небесную радость, благодать, и тутъ-то, въ эти минуты, небо мнѣ ближе, нежели земля!

Вотъ что, мой другъ, прежде ты писалъ мнѣ: «Нѣтъ, любить я не долженъ, это исковеркаетъ меня всего, это оврагъ, въ которомъ я погублю свою будущность, а моя будущность не мнѣ принадлежитъ»... Потомъ еще пишешь: «Я очень боюсь *этого чувства*, оно либо потухнетъ, либо сожжетъ меня». Прочитавъ это, я еще болѣе склонилась передъ тобою, ты еще выше сталъ, —что за душа! До какой степени самоотверженіе! Съ твоимъ огненнымъ характеромъ, съ твоею пламенною душой отдать себя вовсе человѣчеству, побѣдить страсти, заглушить голосъ любви, голосъ сердца!.. Но въ послѣднемъ письмѣ твоемъ: «Любить, можно ли жить съ моею душой, съ моимъ бѣшенствомъ безъ любви,—любить, стало быть»!» Александръ! когда ты забылъ, что ты уже не свой,—я напомню тебѣ, что ты не долженъ поколебать твердѣйшаго столпа, Христа человѣчества. Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мнѣ страшно за тебя,—нѣтъ, погоди любить, мой Александръ, докончи, докончи начатое тобою.

Ноября 19. Я въ радости, жду къ Николину дню Emilie; давно мы съ ней разстались, и переписка была затруднительна; душа моя переполнена, надо отлить въ чью нибудь душу, а здѣсь меня никто такъ не знаетъ, какъ она, можетъ быть, никто такъ и не любитъ, какъ она; а ей, я знаю, теперь я нужна необходимо, въ ея сердцѣ столько любви, столько страданія, и кому ближе она къ сердцу, какъ не мнѣ? Правда, у нея есть родныя сестры, но я ей ближе ихъ. Такъ судьба меня сроднила съ ней, она дѣлитъ со мной свое горе, я дѣлю съ ней мое счастье и оттого счастливѣе вдвое. Повѣришь ли ты, мой другъ, кому *доступна* моя душа, тѣ завидуютъ мнѣ; да, завидуютъ.... скажи, не бьется ли радостно твое сердце?..

20-е, середа. Такой маленькій листокъ я пишу столько дней. Что дѣлать? Вотъ жизнь, которой завидуютъ!.. И каково же, другъ мой, не дописавъ, должна оставить перо! Что дѣлать? Прощай, Господь съ тобою!

Твоя *Наташа.*

Ноября 24, Москва.

Полно же, другъ мой, унывать, полно, какъ бы ни дурна была твоя жизнь, какъ бы она ни была мрачна и холодна. Онъ указалъ тебѣ *этотъ путь*. Грустно мнѣ, больно видѣть страданія души *твоей!* Ужасна должна быть жизнь, могущая поколебать *тебя*, но и *я* не отчаяваюсь, вѣдь, *все*, и *все твое*, въ Его рукахъ. «Буди, Господи, милость Твоя на насъ, *якоже уповахомъ на Тя!*» Не будемъ роптать на нашу участь, она — отъ Него, да будетъ съ нами Его воля! Впрочемъ, тебѣ не нужны утѣшенія мои: Тотъ, Кто посылаетъ тебѣ испытанія, да пошлетъ и твердость сносить ихъ безъ роптанія. Вѣдь, и ты человѣкъ, надо же отдать дань его слабости.

Твои именины, мой другъ, я ходила къ обѣдни. Никогда я такъ не молилась; я шла молиться за тебя! Кажется, небо отворилось мнѣ, кажется, я видѣла самого Бога, такъ я была близка къ Нему во время молитвы. И весь день была у тебя въ гостяхъ и весь день было легко и радостно, какъ будто разстоянія не существовало между нами. Какъ же лучше было провести мнѣ *этотъ день?..*

25-е, понедѣльникъ. Нѣтъ, мой другъ, твой вопросъ не испугалъ меня, и что же страшнаго въ немъ? Ты хотѣлъ знать, до какой степени я люблю тебя, но я никогда не буду умѣть выразить вполнѣ свою душу, ты безъ словъ поймешь меня; долго бы, много бы нужно было говорить, чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, что я чувствую, но для чего это? Другимъ какое дѣло, да и я не подѣлюсь ни съ кѣмъ; кто *знаетъ* меня, тотъ и пойметъ, ежели хочетъ, мою душу, а ты, ты понялъ меня въ Крутицахъ, когда я молчала? Другъ мой! Вѣрь же, что я не боюсь тебя, что слова твои не пугаютъ меня. «Это самое благородное, самое святое чувство, Наташа»,—сказалъ ты мнѣ разъ, и я сама знаю это, чувствую, какъ оно свято, какъ чисто, какъ ведетъ къ прекрасному, къ добродѣтели... Этому-то чувству я посвятила мое сердце, мою душу, ему-то посвящу всю жизнь, все существованіе. Я поставила дружбу выше любви; да, мой Александръ, дружба въ душѣ моей выше, выше любви! Я никого никогда не буду, не могу любить. Единственная цѣль дѣвушки, какъ думаютъ многіе, а, можетъ быть, и всѣ,—выдти замужъ,—да, только выдти замужъ, то есть пристроиться, нажить свой домъ, свое хозяйство, свою волю. Особенно это мнѣніе простирается на тѣхъ, которыя съ дѣтства угнетены судьбою, лишены средствъ жить въ довольствіи, которымъ одна надежда на улучшеніе жизни—замужество! Но я никогда не допущу этого, — нѣтъ, это вовсе не справедливо. Я знаю многихъ угнетенныхъ судьбою, но души ихъ такъ благородны, чтобъ искать человѣка, могущаго только единственно облегчить ихъ бѣдность. Какъ моя участь ни казалась мнѣ прежде ужасною, мысль эта не касалась меня, я даже не вѣрила, чтобъ она существовала. Найти существо, въ которомъ бы все носило печать Создателя, печать яркую, не стертую землею, душу, достойную вполнѣ быть храмомъ Божества,—однимъ словомъ, существо, которому бы я не видала подобныхъ, вотъ единственное желаніе, которое я имѣла съ 14 лѣтъ. Тогда я еще не понимала тебя вполнѣ; зная тебя только *урывками, предугадывала* существованіе моего идеала въ тебѣ,—и не ошиблась... О, Богъ знаетъ, что было бы со мною, ежели бы ошиблась!. Найдя *это существо*, у меня оставалось въ груди еще желаніе достигнуть его дружбы, и когда ты мнѣ протянулъ руку, другъ мой, ты далъ мнѣ болѣе, нежели жизнь. Найдя въ тебѣ все, что я желала, болѣе, нежели что смѣла желать, я отдалась тебѣ душою и могу-ль дѣ-

литься ею съ кѣмъ? Нѣтъ, слишкомъ глубоко пустила корни свои дружба во всемъ существѣ моемъ: одну ее я буду лелѣять, ею только буду любоваться, садъ души моей только ея цвѣтами буду украшать, ничья рука не коснется сорвать мой любимый цвѣтокъ; любовь къ Богу, какъ роса, какъ лучъ солнца, дастъ жизнь моимъ цвѣтамъ.

[Вятка], 25 ноября.

Ну, слава Богу, я получилъ отвѣтъ на безумное письмо мое; твоя душа такъ высока и чиста, что она его не поняла вполнѣ. Нѣтъ, нѣтъ, вѣрь мнѣ, это былъ бѣшеный порывъ, болѣе ничего, это было изступленіе дружбы. И мудрено ли? Отдаленный отъ всѣхъ друзей, одинъ голосъ вызывалъ меня изъ тяжелаго усыпленія, и этотъ голосъ былъ не мужской, а чистый голосъ, святой голосъ дѣвы, и эта дѣва — ты, да, твои записки всегда пробуждали меня. Отъ этого чувство дружбы и благодарности все усиливалось болѣе и болѣе и, наконецъ, вырвалось судорожно. Почему называю я безумнымъ то письмо, спрашиваешь ты? — потому, что въ немъ затемнено чувство дружбы другимъ чувствомъ, да, тогда, когда я писалъ это, я былъ не братъ тебѣ, но твоя записка все исправила; ты подобна той дѣвѣ изъ чужбины, о которой мечтаетъ Шиллеръ, которая своимъ достоинствомъ, своею высотой оттолкнула все земное.

Ты приказывала мнѣ писать къ Emilie о ея любви, исполню это, но именно какъ приказъ, не по своей волѣ. Я съ ней не такъ близокъ, чтобъ писать о подобныхъ предметахъ. Да и о чемъ тутъ совѣтовать? *Онъ любитъ, она любитъ*, все дѣло въ шляпѣ. Будутъ ли они счастливы? Разумѣется, онъ благороденъ, имѣетъ много поэзіи и мало характера. Впрочемъ, рано ему жениться. И потому, прежде нежели я напишу рѣшительно, уговори ее, чтобъ она написала мнѣ хоть строчку объ этомъ, я тогда буду въ правѣ. Не сердись, что я мало пишу, ужасно усталъ и что-то не способенъ ни къ чему, а потому прощай, *сестра моя*.

Твой братъ *Ал. Герценъ*.

Отдери остальную часть и пошли Emilie.

26 ноября, Москва.

Другъ мой, со мною было ужасное вчера вечеромъ; ужасное, говорю я, потому что не ужасно ли благородному сердцу огорчить того, кому обязанъ? Ты знаешь, что дѣлалъ для меня Егоръ Ив., я имѣла самыя сильныя доказательства его дружбы и всегда была ему признательна и любила его искренно съ дѣтства; когда стала болѣе понимать, цѣнила еще болѣе его одолженія и всегда готова была сдѣлать все для него, что̀ бы могло ему принести удовольствіе. Но любила съ такою довѣренностью, такъ дѣтски... хотя иногда и замѣчала, что онъ любитъ меня болѣе, нежели бы я желала, но пропускала это такъ, безъ вниманія, даже не хотѣла замѣчать. Иногда онъ меня спрашивалъ, поѣхала ли бы я съ нимъ въ Петрозаводскъ, въ Сибирь,—я всегда обращала это въ шутку, смѣялась и говорила, что, какъ ни люблю его, а не рѣшусь съ нимъ ѣхать никуда; потомъ спрашивалъ, пошла ли бы я за него,—опять я смѣялась и показывала, будто принимаю за шутку. Всегда избѣгала случаевъ оставаться съ нимъ одна, но никакъ не давала ему замѣтить это, чтобы не огорчить его недовѣрчивостью; вчера мы остались одни за фортепіано (я привыкла къ его ласкамъ), онъ называлъ

меня самыми нѣжными именами, вдругъ глаза наполнились слезами, онъ задрожалъ,—ужъ и тутъ я испугалась ужасно,—съ необыкновеннымъ чувствомъ спросилъ меня, люблю ли я его столько, чтобъ выйти за него? Другъ мой, ты знаешь меня, можешь вообразить, каково мнѣ это было... «Поражайте, иль дайте жизнь!»—прибавилъ онъ, съ трудомъ произнося слова. Въ то время, какъ слышала я это признаніе любви, сердце мое было такъ далеко, такъ далеко отъ того, кто произносилъ его! Мнѣ жаль его было. ужасъ, какъ жаль, но что же было дѣлать? Обыкновенно въ этихъ случаяхъ у меня рождается необыкновенная твердость. Сердце мое не смущалось, когда я отвѣчала холодно князю Обол.,—посторонній, не заслуживающій вовсе моего вниманія человѣкъ (такіе люди мнѣ всегда надоѣдаютъ),—а тутъ родство, привычка, одолженія, притомъ же, я привыкла его любить,—мнѣ жаль его было, я не могла вдругъ огорчить его, я молчала. «Что-жь, вы не не рѣшаетесь дать мнѣ жизнь и сдѣлать ее счастливою на вѣкъ?»—«Я любила васъ всегда, какъ *брата*, люблю, и...» Онъ не далъ мнѣ договорить: «Какъ брата, не болѣе?»—«Нѣтъ!»—сказала я твердо, не могла болѣе сносить его вида и ушла. Ужасно, мой другъ, ужасно, ей-Богу! Тебѣ невѣроятно это? О я сама не вѣрю, все это будто сонъ,—и безъ того человѣкъ этотъ убитъ судьбою, и безъ того несчастливъ онъ, а тутъ еще я довершаю его несчастіе! Но что же мнѣ дѣлать? Это сверхъ моихъ силъ, я готова для него сдѣлать многое, но ужъ это не въ моей власти! Не могу вообразить, что я опять его буду видѣть такъ часто,—это мое мученіе! Сначала онъ дѣлалъ всѣ доказательства, почему я должна непремѣнно выдти замужъ, представлялъ мое положеніе теперешнее и будущее,—что предстоитъ мнѣ впередъ. Безъ пріюта, безъ покрова... О, все это правда, я сама слишкомъ ясно вижу всѣ обстоятельства, но меня они нисколько не устрашаютъ: монастырь, дальняя пустынь—развѣ не есть убѣжище безпріютной сиротѣ? Скорѣй туда, нежели поработить себя той жизни, на которую я и теперь смотрю съ отвращеніемъ. назвать мужемъ человѣка, къ которому не имѣешь ни малѣйшей любви! Назвать только—и то ужасно, а посвятить ему жизнь, еще болѣе—сердце, душу!... О. другъ мой, милый другъ, нѣтъ, пусть лучше вѣтеръ носитъ меня по степямъ, какъ перекати-поле, безъ пріюта, безъ покрова, авось донесетъ до родной межи!

Не пиши ему объ этомъ.

Съ этимъ письмомъ, я думаю, ты получишь портфель моей работы; онъ подаренъ тебѣ въ день твоихъ именинъ, но не былъ готовъ; прими его, какъ самое малѣйшее доказательство безграничной любви моей къ тебѣ и дружбы. Каждая шелковинка въ этой работѣ унизана моими мыслями, изъ коихъ нѣтъ ни одной, въ которой бы ты не былъ первый предметъ ихъ.

Ты все винишь себя... Ежели ты виноватъ въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли твоего раскаянія? Это еще сильнѣйшее доказательство благородства твоей души. Нѣтъ, мой другъ, какъ ты ни хочешь умалить себя, для меня ты будешь все также высокъ. также прекрасенъ; мнѣ кажется, я родилась съ этою мыслью, съ нею пойду и въ вѣчность. Небо предназначило тебѣ быть моею звѣздой, зачѣмъ же ты хочешь затмиться, моя звѣзда? Гори, гори, играй ярче, съ тобою розыграется и сердце мое!...

Отчего ты съ трепетомъ печаталъ твое письмо. гдѣ спрашивалъ о дружбѣ? Оттого, что ты мало вѣруешь въ твою сестру, ты боялся за меня, не правда ли, мой другъ? Нѣтъ, мой Александръ, не такъ мало вѣры въ тебя имѣетъ твоя Наташа,—оно навело на меня небольшое замѣшательство оттого, [что] я знала,

что ты не спокоенъ. Не бойся меня, я замолчу, я исчезну, ежели это нужно будетъ для тебя.

Ты хочешь знать, о комъ я говорила тебѣ, — не любопытство ли, не самолюбіе ли это? Я не могу сказать этого. Конечно, тебѣ все равно!

Къ Эмиліи писала въ тотъ же день, какъ получила отъ тебя.

Прощай, мой другъ, сегодня у насъ всенощная; съ нѣкоторыхъ поръ я люблю даже и эту службу. Непріятное и лѣнивое пѣніе дьячка я не слушаю, оно деретъ уши; душа поетъ свои гимны, но я люблю часы молитвъ, тутъ каждый болѣе или менѣе сближается съ божествомъ, я чувствую необыкновенную отраду послѣ молитвы. Бываешь ли ты у обѣдни? Прощай, Александръ, прощай, мой другъ, обнимаю тебя.

Наташа твоя

А знаешь ли, какой у насъ былъ пиръ-горой въ твои именины? Всѣхъ, кого можно было, я поила за твое здоровье, и Костенька проплясала цѣлый вечеръ.

Прощай.

- - -

2 декабря, Москва.

Какъ я счастлива сегодня, мой другъ! Знаешь ли? У меня была маменька. Воспоминаніе этого дня не только не изгладится въ душѣ моей, даже и на рукѣ: она подарила мнѣ кольцо, которое никогда не оставитъ ея. Ты поймешь мою радость, — это было первое свиданье послѣ того, какъ мы разстались съ ней въ слезахъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, съ душой, полною горькой разлуки. Въ этомъ свиданіи много неизъяснимаго. Теперь нѣтъ этой живой боли роковой минуты прощанія, которая терзала тогда мою душу; но разлука все еще длится, и сердце, полное надежды, съ трепетомъ считаетъ каждое кольцо этой длинной цѣпи, — много ли еще? Неизвѣстно... и нѣмая боль давитъ, тѣснитъ, а тутъ, возлѣ, нѣтъ души, могущей раздѣлить эту боль, нѣтъ сердца, въ которомъ бы отдалось эхо біенія моего! Увидѣвшись съ маменькой, я чувствовала созвучіе во всемъ. Моя любовь къ тебѣ, надежда, грусть, воспоминанія, — все слышало звонкій отголосокъ въ душѣ твоей родной, — я не была тогда отдѣльною частью ея, мы были одно; этотъ часъ пролетѣлъ для меня однимъ мгновеніемъ и оставилъ въ душѣ черту на всю жизнь.

И такъ, съ тобою есть люди съ душою, — зачѣмъ же ссылка представляется тебѣ такъ грозною? Богъ мой, чего бы я ни отдала за то, чтобы видѣть тебя... но что же отдать мнѣ? У меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя!

3-е, вторникъ. Полночь. Сегодня вечеромъ получила я твое письмо. Другъ мой, это уже второе, гдѣ замѣтна въ тебѣ разсѣянность, или ты смущенъ, или занятъ?

Я знала, что твое письмо испугало тебя больше, нежели меня. Успокойся, другъ мой Александръ, оно не перемѣнило во мнѣ рѣшительно ничего, оно не могло заставить меня любить тебя ни больше, ни меньше. Не страшись, ради Бога, не страшись за меня, — путь мой не туда, куда стремятся люди бурнымъ потокомъ, и ведетъ меня по немъ не рука человѣка; только едва достигаетъ до моего слуха шумъ этого страшно-волнующагося моря, куда впадаетъ бурный потокъ, но и его заглушаетъ твой голосъ. Повторяю, не бойся, въ существѣ моемъ нѣтъ меня, *я* исчезла, въ немъ живетъ лишь *Онъ* и *ты*. Это не пугаетъ

тебя, вѣдь, я сестра твоя. Я посвящаю все въ мірѣ дружбѣ, никакое другое чувство не владѣло такъ сильно моею душой («а любовь къ Алекс. Сер.?» скажешь ты. Другъ мой, я еще тогда почти не вышла изъ ребячества, да это и не *любовь* была, и недовольно ли было одного твоего слова, чтобъ изгнать его совершенно изъ мысли?). Я поставлю его выше всѣхъ чувствъ на свѣтѣ послѣ любви къ Богу; пусть ему создаютъ храмъ чистые сердцемъ, пусть несчастные открываютъ въ немъ полное небо блаженства, пусть толпа поклоняется ему.

Другъ мой! отчего же ты такъ разсѣянъ, отчего такъ грустенъ? Но нѣтъ, болѣе ни слова. Мнѣ самой что-то стало грустно, что-то стѣснило сердце. Прощай!

Твоя *Наташа*.

Emilie сама скоро будетъ въ Москвѣ; я отдамъ ей твое письмо. *Благодарю!*...

Давно уже 3-й часъ, а я не могу заснуть. Окончивъ письмо мое, я взяла ящикъ съ твоими письмами; на одномъ изъ нихъ ясны крупныя слезы,—это послѣднее письмо твое ко мнѣ въ Москвѣ.— о, ужасное время! Когда я получила его, мнѣ тяжелѣе было, нежели когда я уѣзжала съ Крутицъ.

Вѣришь ли, что я провожу по нѣскольку часовъ въ какомъ [то] забвеніи настоящаго и живу совершенно этимъ днемъ? Это—счастливѣйшій день въ моей жизни... и ужасный день! Я перечитывала многія изъ твоихъ писемъ.—нѣтъ, все грустно, пишу къ *тебѣ*, все грустно.—есть утѣшеніе выше, прощай, обращусь къ Нему!

4-е. Потому я тебя такъ просила написать къ Emilie, что она желала этого и дожидалась отъ тебя хоть одно слово, чтобы написать самой. Вчера, простившись съ тобою, я заснула,—Онъ послалъ мнѣ утѣшеніе во снѣ: я видѣла тебя. А развѣ не существуетъ средняго чувства между любовью и дружбой?

[Вятка], 5 декабря.

«C'est bien plus que la terre et le ciel—c'est l'amour» V. Hugo.

Другъ мой Наташа! Твоя записка отъ 18 ноября упрекаетъ меня въ недостаткѣ самоотверженія, въ томъ, что я противорѣчилъ себѣ. Помнишь ли ты, сколько разъ я твердилъ тебѣ, что ты слишкомъ поэтически поняла мой характеръ. Сальный лучъ свѣчи блеститъ отраженный въ бриліантѣ. Твоя душа еще такъ свѣжа и такъ небесна, что она отразила въ себѣ одно свѣлое души моей, и этотъ свѣтъ есть свѣтъ земного огня; много яркости, но дымъ, но копоть, но мракъ съ нимъ не разрывенъ. Вспомнимъ сначала жизнь мою. Чрезвычайно пламенный характеръ и дѣятельность были у меня соединены съ чувствительностью. Первый ударъ, нанесенный мнѣ людьми, былъ смертный ударъ чувствительности, на могилѣ ея родилась эта жгучая иронія, которая болѣе бѣситъ, нежели смѣшитъ. Я думалъ затушить всѣ чувства этимъ смѣхомъ, но чувства взяли свое и выразились любовью къ идеѣ, къ высокой мысли, къ славѣ. Но еще душа моя не совсѣмъ была искушена. Развратъ, не совсѣмъ порочный,- порочнымъ я бывалъ рѣдко, -- но развратъ, какой бы ни былъ, истощаетъ душу, оставляетъ крупинки яда, которыя всѣ будутъ дѣйствовать.

Une mer y passerait, sans laver la tache.

Car l'abime est immense et la tache au fond.

Я сказалъ: «не совсѣмъ порочен», это только потому, что я не былъ холоденъ въ порокахъ. Хладнокровіе, изысканность—вотъ признакъ порока. Это

были увлеченія, бѣшенство—тѣмъ хуже; горе душѣ, увлекающейся низкимъ! Ядъ былъ принятъ, но *судьба* готовила уже противоядіе, и это противоядіе—тюрьма. Прелестное время для души! Тамъ я былъ высокъ и благороденъ, тамъ я былъ поэтъ, великій человѣкъ. Какъ презиралъ я угнетеніе, какъ твердо переносилъ все и какъ твердо выдержалъ искушенія инквизиторовъ!... Это лучшая эпоха моей жизни: она была горька для моихъ родителей, для моихъ друзей, но я былъ счастливъ. За тюрьмою слѣдовала ссылка. Слушай исповѣдь до конца, я съ тобой говорю все, открываю все. Въ Перми я не успѣлъ оглядѣться, но здѣсь, пришедши въ обыкновенную жизнь, окруженный мелочами смѣшными и подлыми, притѣсненіями маленькими, душа моя упала съ высоты и вмѣстѣ съ потребностью fare-niente, нѣги, чувственныя наслажденія и опять развратъ, слѣдственно. Такъ провелъ я нѣсколько мѣсяцевъ—это ужасно! Иногда, получая твою записку, кровь вспыхивала, я стыдился себя, грызъ губы, смотрѣлъ въ щель на тотъ міръ свѣта, откуда упалъ, и—божусь тебѣ—не имѣлъ силъ подняться. Одинъ твой голосъ будилъ меня, онъ одинъ выходилъ изъ того міра, гдѣ цвѣла моя душа, и я любилъ тебя все болѣе и болѣе, и минуты прощанія нашего ежедневно бродили, какъ сновидѣніе, въ моей головѣ. Я не занимался и теперь ничего не дѣлаю, ибо занятія по службѣ отнимаютъ бездну времени, я привыкалъ къ вздорной жизни гостиныхъ (и провинціальныхъ): скажу прямо, мнѣ нравилось играть первую роль въ обществѣ, забывая, что это общество въ Вяткѣ. Наконецъ, душа устала, утомилась; она до того падала, что захотѣла воспрянуть оттого, что увидѣла всю пустоту, ужасную пустоту, наполненную смрадомъ, больнымъ дыханіемъ поддѣльныхъ страстей. Тогда сквозь всего этого тумана блеснула молнія и при ея свѣтѣ исчезъ туманъ, день еще не насталъ, но туманъ очистился. И это огненное слово было—любовь. Сначала я хотѣлъ оттолкнуть эту мысль или это пророческое чувство, я боялся его, и тогда-то я писалъ, что не *долженъ любить, что боюсь этого чувства*. Но голосъ въ груди былъ слишкомъ силенъ. Опостылѣли мнѣ эти объятія, которыя сегодня обнимаютъ одного, а завтра другого, гадокъ сталъ поцѣлуй губъ, которыя еще не простыли отъ вчерашнихъ поцѣлуевъ. Мнѣ понадобилась душа, а не тѣло. Мысль любви высочайшая, отстраняющая все нечистое, мысль святая, любовь—это все, ибо самая идея есть любовь, самое христіанство—любовь. Чувство построяющее.

Ты говоришь: «докончи начатое тобою». Нѣтъ, я не совсѣмъ погибъ, я не отчаяваюсь въ будущемъ.

Прощай, отдохну.

12 декабря. Маменька пишетъ, что ты посылаешь твой портретъ; жду его съ нетерпѣніемъ: я люблю тебя, люблю твои черты, пусть еще чаще напоминаетъ онъ мнѣ мою Natalie. Прощай. Сегодня у меня болитъ голова, пустота вездѣ и въ душѣ, и въ сердцѣ, и не хочется думать, и не хочется курить сигару.

Прощай, кланяйся Emilie.

Твой братъ *Александръ*.

Полночь, 16-е декаб., Москва.

Съ тѣхъ поръ, какъ я писала къ тебѣ въ послѣдній разъ, грусть тѣснила мое сердце, душа моя страдала средп этой пустыни, гдѣ ни травки, ни малѣйшаго звука. Провидѣніе поселило ее на ней для того, чтобы она полнѣе постигла *тотъ*

край, гдѣ обитаетъ жизнь, небо, Богъ. Я возношусь въ тотъ край, когда душа моя чиста, когда говоритъ о небѣ, зоветъ небо, рвется къ небу. О, какъ дивенъ этотъ край! Тамъ я обнимаю съ любовью и того, при комъ леденѣю въ пустынѣ, тамъ все существо мое—одна любовь, тамъ... о, вообрази, какого я люблю *тебя тамъ!* Ты не раздѣленъ съ божествомъ, другъ мой, дивное созданіе Бога, достойное созданіе Творца! Александръ, пусть мы розно на землѣ, пусть, но небо насъ соединитъ. Я чувствую въ душѣ моей канунъ небеснаго праздника. Кругомъ меня ледяныя горы, одинъ лучъ души моей растаетъ ихъ. Кругомъ меня пусто, одна мысль о тебѣ окружитъ меня ангелами. Ко мнѣ нѣтъ воззванія,—твое слово, одно слово—для меня пѣснь вселенной! Братъ мой, жизнь моя, и ты такъ далеко!

Я бы превратилась въ одно изъ тѣхъ бездушныхъ, жалкихъ созданій, которыя, можетъ быть, могутъ находиться близко тебя, приняла бы безобразную, отвратительную наружность его, чтобы посмотрѣть только на тебя издали. Ты правъ, правъ, разлука ужасна, я не могу болѣе сносить ее съ такою твердостью. Addio. 1 часъ пробилъ, всѣ покоятся крѣпкимъ сномъ; вотъ часы молитвы, вотъ мгновенія души. Съ тѣмъ взяла перо, чтобы написать, что вчера видѣла Emilie, но до завтра.

17-е, вторникъ. Отдала Emilie твое письмо; она хотѣла отвѣчать. Николай ея не пишетъ къ ней. Боже мой, зачѣмъ я счастливѣе тѣхъ, кто милы моему сердцу? Она погибнетъ, ежели онъ измѣнитъ ей; ахъ, люди, люди! Какъ много прекраснаго, святого губятъ ваши холодныя, черствыя сердца! Какъ много чувствъ гаснетъ отъ вашего дыханія! Эти примѣры ужасаютъ меня,—но чего бояться мнѣ?... О, если бы можно, я искупила бы своими страданіями друзей моихъ, я бы отдала имъ свое счастье, свою жизнь; но пусть такъ, пусть они выпиваютъ до дна горькую чашу. Блаженство неба замѣнитъ земное! Вѣра, она не оставляетъ меня, съ нею я смотрю съ твердостью на несчастіе ближнихъ. Всѣ, кого я люблю, болѣе или менѣе поражены ударами судьбы: или несчастія выводятъ душу изъ мрака, или даютъ ей они полетъ на небо. Ужасны слѣды ударовъ, сердце обливается кровью видѣть глубокія раны, слышать стоны страждущаго, но играетъ радостью, когда въ этихъ стонахъ звучитъ ясный, чистый голосъ неба: онъ примиряетъ страдальца съ землею, съ бѣдствіями, поетъ ему пѣснь о вѣчности и подъ эту пѣсню утихаетъ бурное море и страстей его, и мученій. Какъ прекрасенъ человѣкъ въ несчастіи съ чистою вѣрой въ Провидѣніе! Тутъ онъ есть таковъ, какимъ его создалъ Богъ, тутъ онъ отдаетъ людямъ все, что они поселили въ нее, очищаетъ душу отъ всего, что они навѣяли на нее. Почему не пройти одно мгновеніе мрака, когда тысячи солнцевъ свѣтятъ на насъ въ вѣчности? Почему не прожить нѣсколько лѣтъ въ разлукѣ на землѣ, когда будешь вѣчно вмѣстѣ на небѣ?

Придетъ лѣто, я пойду въ Кіевъ, оттуда къ тебѣ. Это у меня изъ головы не выходитъ, но какъ устроить? (какой вздоръ!—скажешь ты).

21-е, суббота, 2 часа пополудни. Восторгъ! Сейчасъ отъ тебя письмо. Я скоро устаю ждать отъ тебя писемъ, дѣлаюсь больна душою, тоскую, скучаю, и жизнь становится несносна. Утромъ я узнала, что пріѣхалъ Эрнъ; нѣсколько часовъ показались мнѣ цѣлымъ годомъ, я была внѣ себя отъ нетерпѣнія, наконецъ, славу Богу!... Другъ мой! ей-Богу, ты уже слишкомъ много придаешь мнѣ и слишкомъ отнимаешь у себя. Ну, ежели я въ самомъ дѣлѣ такая, какъ ты говоришь,—какъ же я должна смотрѣть на того, кто меня сдѣлалъ такою, кто всю жизнь мою былъ единственнымъ свѣтиломъ, единственнымъ спасителемъ?

Не будь тебя, и я на вѣкъ, на вѣкъ осталась бы ничтожной, погибла бы во мракѣ: ежели бы не твой, чей бы голосъ вызвалъ меня изъ этого ничтожества, изъ этого мрака? Да и если не тебѣ, кому быть моимъ ангеломъ-спасителемъ? Ты мнѣ посланъ Богомъ, ты провидѣніе Его, Александръ, другъ мой, спаситель мой! Нѣтъ, ты не лучъ сальной свѣчи, а солнце, и это солнце свѣтитъ, играетъ и смотрится въ душѣ моей, какъ въ чистыхъ водахъ ручья: о, посмотри въ этотъ ручей, какъ прекрасенъ, какъ дивенъ ты въ струяхъ его! И этому солнцу нѣтъ заката, ручей не знаетъ ночи, не знакомъ ни съ луной, ни со звѣздами онъ любитъ одно солнце, видетъ одно солнце и спокойно катитъ свѣтлыя воды, гдѣ отражается одно солнце. Любовь... я не знаю ея, я не могу любить, душа полна однимъ тобою, нѣтъ мѣста въ ней другому существу, другому чувству, кромѣ любви къ Нему, дружбы къ тебѣ. Я не думала упрекать тебя, а только хотѣла напомнить тебѣ, чтобъ ты *не отнималъ чужого*. Да что же такое любовь? Неужели это выше того, какъ я люблю тебя, неужели идеалъ любви можетъ быть прекраснѣе тебя, неужели у меня остается еще мысль, которая не посвящена тебѣ, неужели я могу любить болѣе?... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Хоть ежели суждено судьбою мнѣ всю жизнь быть такъ далеко отъ тебя,—душа моя вознесется на небо съ тѣмъ чувствомъ, которымъ полна теперь; ее не могутъ поколебать ни разстоянія, ни время, ни обстоятельства. Можетъ, и оттуда донесется къ тебѣ пѣснь ея,—пѣснь, которою она воспоетъ тебя на небѣ. Но полно, неужели ты не любишь меня столько, чтобы вѣрить мнѣ, и неужели этого мало тебѣ? Пусть твоя душа дочитаетъ въ душѣ моей то, чего я не умѣю вылить на бумагу.

Ты хочешь сказать, мой другъ, что я ослѣплена, что я пристрастна къ тебѣ, потому вижу въ тебѣ одно хорошее, — нѣтъ мнѣ кажется, я вижу тебя такъ, какъ ты есть, и любуюсь тобою и люблю тебя. Но послушай, что хочешь говори, ужъ и ты не властенъ помрачить сіяніе того, кому я поклоняюсь въ храмѣ души моей, разлучить меня съ тѣмъ, съ кѣмъ ни смерть, ни небо не разлучатъ. Ты можешь заставить умолкнуть звукамъ души моей, можешь заставить меня исчезнуть, я буду послушна во всемъ, затвори двери души, одна буду внимать ей, уйду въ землю, но не можешь ты отнять чувствъ, мыслей души моей,—они посвящены тебѣ, они полны тобою, они—ея собственность.

И такъ, тебѣ не страшно болѣе чувство любви, оно близко душѣ твоей, оно не погубитъ тебя? Люби. Люби, плыви по морю любви, оно бурно, темно, оно страшно волнуется, можетъ, волны его вознесутъ корабль твой къ небесамъ!... Приди иногда взглянуть на чистыя и безмятежныя струи ручья; въ водахъ его ты увидишь и небо, и самого себя, приди отдохнуть на берегу его, прислушайся къ журчанію его, ты узнаешь голосъ, знакомый, родной, голосъ твоего друга, твоей

Наташи.

22-е дек.

Еще пишу тебѣ, можетъ, это въ послѣдній разъ нынѣшній годъ. Мнѣ грустно, мой другъ, что ты обманулся: это и тебѣ, я думаю, было досадно, но не тужи: мудрено устроить, а буду всячески стараться, и, во что бы то ни стало, у тебя будетъ мой портретъ. Я не надѣюсь имѣть твоего, мой другъ, но образъ твой начертанъ въ душѣ моей не кистью художника.

Ну, видишь ли, Александръ, какъ прекрасна, какъ высока душа твоя? Ты споткнулся, увидѣлъ, что пропасть близка, собралъ силы, вспорхнулъ и теперь

съ высоты глядишь съ раскаяніемъ на то бѣдное мѣсто, гдѣ стоялъ прежде, гдѣ близокъ былъ къ гибели. Нѣтъ, ей Богу, я не находила подобныхъ тебѣ!

И передъ тобою мелькало прощаніе на Крутицахъ, другъ мой; скажу откровенно: я не думала, чтобъ ты любилъ меня столько и теперь... Но, нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, прости, прости мою недовѣрчивость, клянусь, это оттого, что я слишкомъ мало цѣню себя; свою душу, свои мысли я люблю только потому, что онѣ полны тобою, жизнь моя драгоцѣнна только тѣмъ, что она посвящена тебѣ, тѣмъ, что она твоя; что во мнѣ есть хорошаго, это только то, что я умѣла постигнуть тебя, что душа моя стала вся отвѣтомъ на одно воззваніе души твоей. Словомъ, въ себѣ я люблю тебя.

Что будетъ со мною далѣе? Придетъ ли время, когда я увижу тебя? Нѣтъ, грустно мнѣ переноситься въ мое будущее. Гдѣ я буду? Куда еще бросятъ меня люди? Мнѣ все равно, тамъ или индѣ; я знаю, гдѣ ни буду, вездѣ далеко отъ тебя. Петербургъ... страшно! Тамъ все чужое, кромѣ кладбища; Москва... здѣсь нѣтъ тебя; Вятка... о, Вятка, Вятка! Тамъ я давно живу душою, тамъ моя обитель, тамъ мое солнце, тамъ мой Александръ, тамъ я не буду.

23-е, понедѣльникъ. Возможно ли! Два года минетъ, какъ мы безпечно веселились на праздникѣ! Помнишь ли ты это время? Тогда и мысль о разлукѣ не туманила моей души, а теперь?... Много, много въ моей памяти дней, часовъ, мгновеній, которыхъ свѣтъ не помрачитъ ни сіяніе, ни мракъ будущихъ. Даже повѣришь ли ты, тотъ день, когда я тебя видѣла въ первый разъ съ папенькой и съ Егор. Ив. въ домѣ княж. Анны Бор., такъ же ясенъ и теперь, какъ тогда. Ты сидѣлъ у окна противъ солнца, и мнѣ больно было смотрѣть на тебя; я полюбила тебя, но боялась подойти къ тебѣ (страхъ этотъ продолжался до 9 апр. 1835 года).

Признаніе Е. И. нисколько не разрушило нашей дружбы; онъ, кажется, довольно покоенъ, не упоминаетъ мнѣ болѣе ничего, даже, кажется, не надѣется, и я, право, довольна, что все это кончилось. Онъ собирается въ Петрозаводскъ; мнѣ жаль; я привыкла къ нему: тогда и сообщенія съ вашимъ домомъ прекратятся.

Боже мой, какъ бы я желала видѣть Эрна! Я еще никого не видала изъ Вятки отъ тебя, и Зонненберга не видала и хорошо, а то право, я кинулась бы ему на шею; ежелибъ и Петръ твой пріѣхалъ, Богъ знаетъ, какъ бы я обрадовалась ему! Слышала, въ какой опасности находился ты при переѣздѣ Волги; сердце замерло, и во снѣ тотъ день видѣлось, что я спасаю тебя отъ смерти. Да сохранитъ тебя вездѣ и во всемъ десница Всевышняго! Прощай, мой другъ, прощай, мой Александръ, молитвы и благословеніе друга съ тобою.

25-е, среда, 3 ч. утра (всѣ у заутрени). Въ первый разъ встала такъ рано: это для того, чтобы первой поздравить тебя, мой другъ. Не хочу провести такой великій праздникъ безъ того, чтобы не сказать съ тобою нѣсколько словъ,— это облегчитъ меня на цѣлый день. Какъ ужъ грустно будетъ, два года тому назадъ и ты былъ у насъ сегодняшній день. Помнишь ли и какъ упалъ? Прощай. Обнимаю тебя.

Вятка, 25 декабря.

Natalie! Въ твоей запискѣ отъ 2 дек. есть фраза, которую тебѣ самъ Богъ продиктовалъ. Эта фраза однимъ разомъ ярко и звонко проговорила, что ты мнѣ и что я тебѣ, и я перечиталъ сто разъ ее, я поцѣловалъ ее со слезами на глазахъ: «чего бы я ни отдала, чтобъ видѣться съ тобою... Но что же отдать мнѣ? У меня

ничего нѣтъ, *кромѣ тебя*». Другъ мой, да, я твой, да, ты поняла меня; теперь мнѣ ясно, почему ты не испугалась той записки. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, я отдалъ самого себя тебѣ. Насъ ничто не разорветъ никогда. «Не бойся меня, я исчезну, ежели это нужно для тебя». Для чего ты это написала? Въ этихъ словахъ кроется мысль холодная, но я молчу, —мало ли что иногда приходитъ въ голову?

Происшествіе, бывшее съ тобою, потрясло меня сильно. Да, это ужасно прибавлять несчастіе несчастному! Что ты при этомъ не была холодна, этому вѣрю, я разлюбилъ бы тебя, ежелибъ ты могла тутъ быть холодною. Есть ужасная вещь—*предопредѣленіе:* оно ежели гонитъ кого, то гонитъ до погибели. Старайся всѣми средствами затушить эту страсть въ немъ, но помни, что всякое холодное слово—ножъ въ сердце. Я воображаю себя на его мѣстѣ... нѣтъ, этого не могу вообразить, ибо я не могу тебя представить безъ любви ко мнѣ. Грусть на меня нагнало это извѣстіе тѣмъ болѣе, что я не ждалъ его.

Я понялъ тебя въ Крутицахъ, когда ты молчала, пишешь ты,—да, я тогда много понялъ.

Моя тоска, о которой ты говоришь, проходитъ: теперь есть у меня человѣкъ, который понимаетъ всякій восторгъ, поэтъ и несчастный—Витбергъ. Я не могу жить въ одиночествѣ. Онъ посланникомъ неба явился ко мнѣ. Итакъ, судьба умѣетъ и гнать, и лѣчить раны. Какъ онъ любитъ свою жену, съ какимъ восторгомъ говоритъ о ней! Почему ты съ такимъ пренебреженіемъ говоришь о замужествѣ? Тебѣ довольно дружбы; но то, что ты разумѣешь, ангелъ мой, подъ словомъ дружбы, не есть дружба; иначе никогда не вылилось бы изъ души твоей эти слова: «я отдалась душою и могу ли дѣлиться ею съ кѣмъ?» Тогда ты могла бы дѣлиться.

Твоей работы портфель я получилъ, благодарю;.. но знаешь ли, что я съ досадою получилъ ее. Я съ чего-то вообразилъ, что посланъ твой портретъ, вмѣсто него—портфель. Мой портретъ у тебя будетъ. Витбергъ сниметъ съ меня для папеньки (замѣть, что великій человѣкъ нарисуетъ *почти* первый мой портретъ), но я уже просилъ, чтобы тебѣ доставили хорошую копію. Пусть онъ утѣшаетъ тебя въ разлукѣ, а разлука наша долга, Наташа, она не кончится Вяткою. Но, наконецъ, когда все пройдетъ, когда и годы странствованія промчатся, когда опредѣлится путь, по коему я *могу* идти,—тогда, тогда не будетъ разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать другому), тогда повѣрю я, что есть полное блаженство, тогда,... но тогда это—далеко, далеко, ангелъ мой.

Прощай, твой *Александръ*.

25-го декабря. Съ праздникомъ поздравляю и съ новымъ годомъ. Что-то будетъ въ эти новые 365 дней?... Грустно встрѣтилъ я 1835 годъ. А помнишь ли 6 января 1834 года у Пасакина: ты, Emilie и луна—дѣйствующія лица?

Москва, декабря 31-го.

Какъ грустно и какъ скучно провожу я этотъ праздникъ, другъ мой Александръ! Все что ни толпится вокругъ меня, все чуждо мнѣ; чѣмъ многолюднѣе, тѣмъ больше мое одиночество; не знаю, право, отчего, грусть овладѣла мною, и я до безразсудства предалась ей, а тутъ еще, вообрази! Emilie присылаетъ сказать, что она отчаянно больна! Посылаю къ ней, она велитъ сказать мнѣ, что

приготовляется къ смерти, завѣщаетъ положить себя въ Симоновѣ и меня приглашаетъ туда же. Боже мой! въ эту минуту мнѣ представилось все въ ничтожномъ видѣ, я готова была, я желала умереть (прости мнѣ это), я видѣла гробъ и въ немъ Emilie. О, въ эту минуту я легла бы подлѣ нея, радостно простилась бы со всѣмъ на свѣтѣ, но не брани меня, я вспомнила о тебѣ въ это время,— вспомнила, что тамъ, далеко, есть существо, въ которомъ заключается для меня все на свѣтѣ; разставаясь съ Emilie, я не разсталась бы со всѣмъ... Но до сихъ поръ все еще грустно. Сію минуту пришли отъ Emilie. Ей, слава Богу, лучше. Я ея не увижу до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ выздоровѣетъ. Не была я нигдѣ и маменьку съ тѣхъ поръ не видала, и Саша Боб. больна, и я не очень здорова. O, mon âme! pourquoi êtes-vous triste et pourquoi me troublez-vous?

Какъ-то разъ и я гадала. Тебѣ вылилась изъ воску фигура въ видѣ колонны и сверху человѣкъ съ трубою—слава! Я *хочу* вѣрить этому. А мнѣ вышелъ лѣсъ пустой, безъ листьевъ.

Вотъ въ другой разъ прерываютъ меня за этимъ письмомъ; еще радостная вѣсть отъ Саши: и ей лучше, и скоро пріѣдетъ ко мнѣ. Теперь жду отъ тебя.

Прощай. до завтра; не люблю я писать въ такое грустное расположеніе. Обѣщаю тебѣ быть умнѣе, съ 1835 годомъ оставлю, отгоню прочь отъ себя всѣ мрачныя мысли; не хочу поздравлять тебя съ новымъ годомъ томнымъ голосомъ, не хочу присылать тебѣ желаній унылаго сердца. Дай погрустить послѣдніе часы, дай проститься со всѣмъ, что онъ, 1835 годъ, уноситъ съ собою, а тамъ, а тамъ... что Богъ дастъ, то и будь! (3 часа пополудни).

Бьетъ 12 часовъ... Съ новымъ годомъ, другъ мой! Жму руку, цѣлую тебя; что-жъ пожелать мнѣ тебѣ, чѣмъ подарить тебя?... Вотъ мое сердце, вотъ душа моя со всѣми желаніями и благословеніями, выбирай или возьми всѣ; но ихъ слишкомъ много, тебѣ тяжело будетъ, человѣкъ не въ силахъ снести столько счастья на землѣ, сколько я желаю его тебѣ, хоть, можетъ быть, это малѣйшая часть того, которое ожидаетъ *тамъ*. На что слова? Прислушайся къ каждому слову моей души, внемли ея звукамъ... довольно!...

Мнѣ не грустно теперь; насъ раздѣляетъ 1.000 верстъ, и мы такъ близки! Я чувствую твое присутствіе, вижу тебя, слышу твой голосъ,—кажется, воздухъ, которымъ дышу, полонъ тобою, нѣтъ, я счастлива! Зачѣмъ же падаю я, зачѣмъ? Другъ мой, прости мнѣ: это болото, которое я перехожу по узенькой дощечкѣ, втянуло бы и самаго сильнаго, я оступаюсь иногда, но еще, благодаря небо, имѣю силы спастись. Оно не оставляетъ меня гибнуть въ отчаяніи. Душа расцвѣтаетъ для новой жизни, для новой радости. Да расцвѣтетъ и твоя душа къ новой жизни и къ новой радости! Небо, его ангелы, самъ Богъ да будутъ съ тобою! Вся жизнь твоя да будетъ свѣтла, какъ солнце! Другъ мой, душа моя такъ полна въ сію минуту молитвой о тебѣ, что я не могу говорить.

Прощай, мой Александръ, твоя

Наташа.

1-е января, 1836 года. Emilie лучше, но все еще не можетъ писать сама: она тебѣ кланяется и поздравляетъ съ новымъ годомъ и желаетъ много, много.

1836 годъ.

2-е января.

Туманъ исчезъ, опять свѣтло и ясно! Только недостаетъ письма отъ тебя, и я-бы возвратилась совершенно въ прежнее состояніе. До сихъ поръ не могу дать себѣ отчета въ этой неразгаданной грусти. Откуда и отчего она? Стоитъ-ли обращать вниманіе на все то, что окружаетъ меня? Это, право, ужасно глупо! Впрочемъ, не сердись ты на меня, другъ: видишь, не довольно-ли у меня силы, не довольно-ли я разсудительна? Насталъ праздникъ, и кто не проводитъ его съ родными, съ друзьями, а я? Я одна-одинехонька! Вотъ этого довольно было, чтобъ разстроить меня, а тутъ еще въ прибавокъ... но что объ этомъ говорить? Эмилія моя выздоравливаетъ, сегодня ожидаетъ къ себѣ Эрна замаскированною дамой; это презабавно. Говорятъ, онъ похожъ на тебя; ужасно жаль, что не увижу его.

Боже мой, когда-то мы увидимъ тебя, нашъ дальній, милый другъ? Почти миновался первый годъ, но сколько еще ихъ впереди? Ты, вѣрно, торжествуешь въ Вяткѣ, но я знаю, что это тебя не утѣшаетъ: много людей, но нѣтъ груди, которая-бы обручалась съ тобою каждою мыслью, много глазъ (прекрасныхъ), но нѣтъ взора, въ которомъ-бы ты сіялъ какъ солнце въ небѣ, а здѣсь, въ Москвѣ, есть люди, которыхъ грѣетъ воздухъ Вятки!.. Я первая, я не боюсь срывать цвѣтовъ съ души и переносить ихъ на бумагу, которая принесетъ ихъ въ Вятку, я не боюсь за нихъ холода: тамъ они не замерзнутъ.

Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горитъ!
Не люби ее такъ страстно.
Для тебя-ль она горитъ,
Для меня-ли, я не знаю,
Но при ней мнѣ такъ свѣтло;
Но при ней я не страдаю,
Безъ нея мнѣ тяжело!

Прощай, мой милый другъ, пой пѣсни, веселись; придетъ пора, и мы запоемъ вмѣстѣ... Меня прервали, забыла, что хотѣла написать. Спѣшу.

Прощай, не грусти-же,—смотри, какъ я весела.

Твоя *Наташа.*

2-е января.

Да, самъ Богъ водилъ мою руку, когда я писала тебѣ, что *у меня ничего нѣтъ, кромѣ тебя*. Самъ Богъ, мой Александръ! Онъ далъ мнѣ *все* въ одномъ тебѣ. Онъ далъ мнѣ душу, способную любить одного тебя. Какъ хороша я теперь, другъ мой, какъ полно счастья все существо мое, какая музыка въ душѣ моей. Теперь я вся гимнъ любви, слушай эту музыку: она небесная, она отъ Бога, она твоя! Самъ Богъ обручилъ наши души, Онъ создалъ насъ другъ для друга, и если здѣсь намъ суждена разлука, *тамъ*, мой другъ, намъ вѣчное соединеніе,—тамъ, въ отчизнѣ! Какъ обширна, какъ прекрасна моя душа теперь, мой Александръ: она обняла, отразила *твою* душу! Теперь мнѣ ясны и этотъ страхъ души, и этотъ трепетъ сердца, когда въ Крутицахъ ты бросилъ на меня взглядъ, этотъ взглядъ, полный чѣмъ-то непонятнымъ, неразгаданнымъ мнѣ тогда, взглядъ, котораго лучъ и теперь озаряетъ мою душу, когда сказалъ ты

мнѣ: «*и такъ, участь голубя не пугаетъ тебя?*» Еслибъ открылъ ты тогда мою душу, еслибъ вслушался въ ея звуки!.. Теперь мнѣ ясно, зачѣмъ я такъ долго, долго останавливалась на этомъ таинственномъ: «*можетъ быть*... но окончить нельзя, за мной пришли». Богъ знаетъ, что *можетъ быть*, но что ты мнѣ посланъ Богомъ, что душа моя—отголосокъ твоей души, это я знаю,— сказала я тогда. И съ тѣхъ поръ, мой другъ, въ душѣ моей не оставалось мысли, которая-бы не была создана тобою, въ жизни минуты, которая-бы не была посвящена тебѣ. Богъ создалъ меня съ любовью къ тебѣ. «Тогда, тогда не будетъ разлуки, тогда склоню я голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать другому)». Когда въ этой груди поселилъ тебя самъ Богъ, тебя одного, одного тебя, мой Александръ,.. ты одинъ склонишь твою голову на грудь мою, одинъ назовешь меня твоей. И когда придетъ это *тогда*, и когда буду я съ тобою?... *Оно* далеко, говоришь ты... Я отдамъ цѣлую жизнь за минуту счастья, куплю страданіями одно мгновеніе съ тобою! Въ тебѣ, мой другъ, заключается весь міръ для меня, въ тебѣ я молюсь, въ тебѣ удивляюсь Создателю, въ тебѣ боготворю природу,—словомъ, я живу въ тебѣ. Не правда-ли, Саша, я создана только для того, чтобъ любить тебя? О, сколько недостаетъ въ здѣшнемъ мірѣ звуковъ для того, чтобы вполнѣ излить душу, вполнѣ передать ея блаженство! Тогда, мой другъ, и разлука не была-бы такъ ужасна. Но я не смѣю, боюсь думать, чтобъ для насъ не настать часъ свиданія: скорѣе Богъ отниметъ душу, нежели предастъ ее такому мученію. Какая встрѣча, какое свиданіе! При одной мысли сердце рвется вонъ изъ груди.

Много получишь ты отъ меня писемъ, мой другъ, многое выбросила-бы теперь я изъ нихъ, но они уже отосланы, ты самъ выбрось, что тебѣ не нравится.

Помню, помню 6 января, помню каждое твое слово, и луна, замазанная киселемъ, и восточная звѣзда. О, тогда мысль о тебѣ мелькала въ моей душѣ, какъ быстрая молнія: то озаритъ яркимъ блескомъ и въ мигъ исчезнетъ, то вдругъ растворится небо, и она трепетно-блѣдно сіяетъ и потомъ опять исчезнетъ, и страшно мнѣ было, и я пугалась этой молніи, а теперь, теперь... Пусть эта молнія разгоняетъ своимъ сіяніемъ всѣ тучи надъ твоею головой, пусть душа моя будетъ пристанью твоей душѣ въ долгое, бурное твое плаваніе. Теперь я не скажу, чтобы когда-нибудь тебѣ было нужно, чтобъ я исчезла,—нѣтъ, я не думаю этого, ни одно тонкое облако сомнѣнія не затмитъ твоего сіянія.

У меня будетъ портретъ твой? Другъ мой, какъ понимаешь ты мою душу, какъ проникаетъ взоръ твой глубину ея! Не досадуй на бѣдный мой портфель, и портретъ мой будетъ у тебя, непремѣнно будетъ, и почти первый, потому что еще я питалась груднымъ молокомъ, когда снимали съ меня портретъ у папеньки.

Не легла-бы я всю ночь, не уснула-бы, не люблю я сонъ, онъ разлучаетъ иногда меня съ тобою. Прощай, милый, единственный другъ мой.

Твоя *Наташа*.

Полночь. Вотъ уже шесть часовъ, какъ я получила твое письмо. Я здорова теперь совершенно.

Пятница, 3-е. Вообрази, мой другъ, я видѣла сегодня маменьку и Эрна. Тебѣ не нужно говорить, въ какомъ я была восторгѣ. Маменька мнѣ дала слово, что у меня будетъ твой портретъ. Эрну я хотѣла сказать много, много, но наше свиданіе продолжалось только нѣсколько минутъ. Я увѣрена, что они приняли

меня за сумасшедшую, я была не въ состояніи принять холодную наружность при встрѣчѣ съ Вятскими, я была такъ, какъ я есть, и, повѣришь-ли, мнѣ грустно было разстаться съ ними, я-бы умчалась съ ними въ дальній путь, въ тотъ край, гдѣ живетъ моя душа, гдѣ ей свѣтло, какъ въ раю. Долго и много говорила я о тебѣ съ Прасковьей Ан.; въ это время подлѣ нея я забыла всю Москву, боялась пропустить хоть одно ея слово, и что-жь тутъ удивительнаго?

Скажи, мой другъ, неужели это можетъ статься, чтобъ Сатинъ не любилъ Emilie? Нѣтъ, право, это невозможно! Мнѣ ужасно больно, что Emilie такъ мало любитъ; можно-ли, одно то, что онъ къ ней не пишетъ, увѣрило ее совершенно, что онъ измѣнилъ ей, такъ мало вѣры, такъ много холода въ ея душѣ. Любить-ли—это, не вѣря въ его любовь?.. Прощай, мой Александръ.

Твоя *Наташа.*

1-е. Сегодня я была въ Донскомъ монастырѣ въ первый разъ, тамъ хорошо поютъ, только я не люблю видъ кладбища. Это такъ громко говоритъ о разлукѣ; разлука—смерть, а смерть—разлука. На кладбищѣ я съ тобою разсталась въ послѣдній разъ. Ваганьково, колокольня... Ахъ, что-то Огаревъ? Получаешь-ли ты отъ него? Люблю я его, очень люблю. У него нѣтъ души, изъ которой-бы онъ могъ пить хоть каплю утѣшенія.

---

15 января.

Я удрученъ счастьемъ, моя слабая земная грудь едва въ состояніи перенесть все блаженство, весь рай, которымъ даришь ты меня. Мы поняли другъ друга! Намъ не нужно, вмѣсто одного чувства, принимать другое. Не дружба, любовь! Я тебя люблю, Natalie, люблю ужасно, сильно, насколько душа моя можетъ любить. Ты выполнила мой идеалъ, ты забѣжала требованіямъ моей души. Намъ нельзя не любить другъ друга. Да, наши души обручены, да будутъ и жизни наши слиты вмѣстѣ. Вотъ тебѣ моя рука, она твоя. Вотъ тебѣ моя клятва, ея не нарушитъ ни время, ни обстоятельства. Всѣ мои желанія, думалъ я въ иныя минуты грусти, несбыточны; гдѣ найду я это существо, о которомъ иногда болитъ душа? Такія существа бываютъ созданія поэтовъ, а не между людей. И возлѣ меня, вблизи, расцвѣло существо, говорю безъ увеличеній, превзошедшее изящностью самую мечту, и это существо меня любитъ, это существо—ты, мой ангелъ. Ежели всѣ мои желанія такъ сбудутся, то гдѣ я возьму достойную молитву Богу?

Я получилъ письмо отъ Emilie. Всегда отъ души любилъ ея пылкій, страстный нравъ. Это письмо сильно потрясло меня, она много страдаетъ, жаль ее. Впрочемъ, двумя мѣстами въ ея письмѣ я очень недоволенъ Первое меня даже взбѣсило; поелику тутъ о тебѣ, то считаю за нужное выписать оное и объяснить: «Тебѣ нравится,—пишетъ она,—Peauline, про которую я уже знаю, *но не скажу Наташѣ*». Да кто-же проситъ, чтобы скрывать мои поступки или мысли, или что-бы то ни было тебѣ, которой я все открываю? Я умѣю самъ отвѣчать за мои дѣйствія и, вѣрно, въ нихъ нѣтъ такого, чего-бы ты не могла знать. Я ей извиняю, потому что она второпяхъ, вѣрно, писала, не думая. О какой Peauline рѣчь, я хорошенько не знаю, но очень понимаю, что это какія-нибудь сплетни Зонненберга. Здѣсь двѣ Peauline и обѣ очень хороши, и обѣ нравятся мнѣ и, pour passer le temps, я обѣими очень занятъ. Но гдѣ-же тутъ тайна отъ тебя. Если-

бы я любилъ которую-нибудь и тогда я-бы написалъ тебѣ. Но душею, сердцемъ люблю тебя, тебя одну, а для шутки, для забавы любезничаю съ Полинами,— впрочемъ я самъ писалъ уже къ тебѣ объ одной.

При семъ [письмо] къ Emilie: отошли, запечатавъ.

16 января, 1836 г., Москва.

Когда ты сказалъ мнѣ, Александръ, что отдалъ мнѣ самого себя, я почувствовала, что душа моя чиста и высока, что все существо мое *должно быть* прекрасно. Другъ мой, я была счастлива тѣмъ, что могла восхищаться тобою, любить тебя, становилась выше и добродѣтельнѣе отъ желанія быть ближе къ твоему идеалу; казалось, до него мнѣ, какъ до звѣзды небесной, высоко. Я жила однимъ тобою, дышала твоею дружбой, и весь міръ былъ красенъ мнѣ однимъ тобою. Я чувствовала, что я сестра тебѣ, и благодарила за это Бога; искала, чего желать мнѣ,—клянусь, не находила, такъ душа моя была полна, такъ довольно ей было твоей дружбы. Но Богъ хотѣлъ открыть мнѣ другое небо, хотѣлъ показать, что душа можетъ переносить большее счастье, что нѣтъ границъ блаженству любящимъ Его, что любовь выше дружбы... О, мой Александръ, тебѣ знакомъ этотъ рай души, ты слыхалъ пѣснь его, ты самъ пѣвалъ ее, а мнѣ въ первый разъ освѣщаетъ душу его свѣтъ, я—благоговѣю, молюсь, люблю.

Другъ мой, Александръ, я-бы желала сдѣлаться совершеннымъ ангеломъ, чтобы быть совершенно достойной тебя, желала-бы, чтобы въ груди, на которую ты склонишь твою голову, вмѣщалось цѣлое небо, въ которомъ-бы тебѣ не доставало ничего, а она богата одною любовью, однимъ тобою. И съ этою любовью сколько вѣры въ тебя, и можно-ли любить безъ вѣры? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, мой ангелъ, твой идеалъ далеко, ищи его тамъ, тамъ, ближе къ Богу, а здѣсь, на землѣ, нѣтъ его. Ты можешь быть идеаломъ многихъ, а быть твоимъ... Мнѣ часто бываетъ грустно, когда я обращаюсь на себя и вижу всю ничтожность свою предъ тобою, мой несравненный Александръ: грудь моя слишкомъ тѣсна, чтобы заключить въ себѣ все, чего-бы ты желалъ; можетъ, и душа моя слишкомъ далека твоей души, чтобы слиться съ нею въ одно? Нѣтъ, мой ангелъ, ищи несравненнаго, неподражаемаго, а мнѣ ты много найдешь подобныхъ; не склоняй головы твоей на слабую грудь, которая не въ силахъ снести столько прекраснаго, столько святаго. Грустно стало мнѣ... Прощай.

17-е. Ты простишь мнѣ эту грустную мысль, мой другъ. Разлука, даль,— все это смущаетъ иногда мою душу и наводитъ на нее облако. Ежели я далека твоего идеала, далека очень, то любовь моя къ тебѣ сдѣлаетъ меня близкою къ нему; я чувствую, что уже я перемѣнилась во многомъ, чувствую, что я стала лучше... и нѣтъ, прекрасна должна быть душа, умѣвшая понять тебя и любить тебя!

Я еще не видала твоего портрета. Ахъ, мой другъ, когда я услышала, что онъ уже здѣсь, заплакала отъ радости, отъ одного воображенія, что увижу твой портретъ (только портретъ!). Ахъ, зачѣмъ я такъ далеко отъ тебя, зачѣмъ я не могу смотрѣть на тебя, слышать твой голосъ, предупреждать твои желанія, отгадывать твои мысли, радоваться, глядя на тебя, плакать вмѣстѣ съ тобою, отдать жизнь мою за одну минуту твоей жизни?!..

Съ какимъ восторгомъ я иду въ храмъ Божій, съ какимъ восторгомъ молюсь; мнѣ есть о комъ просить, мнѣ есть о комъ молиться. И какъ люблю я

всѣхъ и какъ хочу, чтобы всѣ меня любили; любите, любите сестру, друга Александра, любите ту, на чьей груди онъ склонитъ голову!

Сегодня маменька именинница,—поздравляю тебя, мой другъ! Какъ-бы желала я провести этотъ день съ нею, но это невозможно. Ежели-бы я видѣлась съ нею чаще, разлука съ тобою не была-бы для меня такъ ужасна, но и этого я лишена. Пусть меня угнетаетъ все на свѣтѣ, пусть длится эта горькая разлука, ежели такъ угодно Богу, но я не сомнѣваюсь, я вѣрую, что придетъ пора, настанутъ дни, когда я буду съ тобою, и тогда одна смерть оторветъ меня отъ моего друга.

Можетъ, ты назовешь меня мечтательной, но, другъ мой, скажи, могу-ли я разстаться съ мечтами, съ мыслями, съ которыми ты неразлученъ?... Часто, когда люди не толпятся вокругъ меня, передо мною исчезаетъ все земное, все житейское, одинъ ты, съ кѣмъ я не разстаюсь ни на минуту, остаешься со мною. Прекрасны эти мгновенія! Въ нихъ мы такъ близки съ Богомъ, все такъ полно нашею любовью; въ эти мгновенія, кажется, самое небо завидуетъ намъ, самъ Богъ благословляетъ нашу любовь; вся вселенная воспѣваетъ любовь, будто все—любовь.

Свѣтла жизнь моя, Александръ, еще свѣтлѣе моя душа. Когда буду съ тобою, тогда этотъ свѣтъ потонетъ въ тебѣ, какъ звѣзда въ сіяніи солнца

А Emilie несчастная! Сколько силы, сколько мужества и вѣры надо имѣть, чтобъ перенести эту ужасную измѣну! О какое страшное слово, отъ него душа горитъ и замерзаетъ, лучше умереть, лучше погибнуть, нежели испытать ее.

Прощай, жизнь моя, мой Александръ, ты давно не имѣешь отъ меня писемъ и, вѣрно, грустишь,—вѣрно потому, что мнѣ ужасно грустно самой; безъ твоихъ писемъ, какъ безъ воздуха, я не могу жить. Новое горе: ежели у меня будетъ твой портретъ и мнѣ не позволятъ имѣть его у себя и не позволятъ взять съ собою въ деревню, это ужасно,—чтобъ на него смотрѣлъ всякій холодными глазами! Прощай еще.

Вся твоя *Наташа*.

22 января, Вятка.

Наташа! Сколько перестрадала моя душа въ нѣсколько дней, ты не можешь себѣ вообразить. Получивъ съ Эрномъ твои записки, я разомъ воспрянулъ и поднялся, мнѣ сдѣлалось легче дышать, свѣтлѣе смотрѣть,—словомъ, я обновился, и тутъ, среди самыхъ восторженныхъ мечтаній, когда всѣ чувства, какъ воздухъ на горѣ, тѣснятъ своею чистотой, я узналъ, что умеръ Медвѣдевъ, о женѣ котораго я тебѣ писалъ, мы съ Витбергомъ бросились туда. Horrible! Онъ ничего не оставилъ, кромѣ своего трупа. Бѣдность со всѣмъ ужасомъ своимъ. Она лежала въ обморокѣ. Мы остались тутъ, распоряжались, хлопотали, и вообрази себѣ, что ея обморокъ продолжался *два дня съ половиной*. Вотъ слѣды общественнаго устройства и того высокаго развитія, до котораго воображаютъ люди, что достигли. Она лежала одна, ни одной дамы, ни одной руки, протянутой на помощь. Въ эту минуту такъ ярко выразился эгоизмъ людей со всею холодною гнусностью своей, что я ненавидѣлъ всѣхъ. Наконецъ, я кое-какъ стыдомъ и укоризнами заставилъ нѣкоторыхъ пріѣхать. Витбергъ не отходилъ двѣ ночи отъ несчастной. Теперь она въ чувствахъ. Но что впередъ? Мрачная, сырая галлерея несчастій! Она не знала всю жизнь слова—счастье; прекрасная собою, образованная, она была брошена отцомъ въ объятія игрока; онъ все про-

игралъ. Это цвѣтокъ, который сорванъ былъ не для того, чтобъ украшать юную грудь, а для того, чтобы завянуть на могилѣ. И трое дѣтей — не ужасно-ли? Я писалъ Егору Ивановичу о займѣ для меня 1.000 рублей. Я хочу ихъ доставить ей. Только не говори объ этомъ, ибо я не писалъ, на что мнѣ деньги, пусть думаютъ, что на вздоръ. И никому не говори, — это тайна. И не ужасно-ли принимать благотворенія ей, одаренной душою высокой и благородной? Нѣтъ, въ тиши, въ туманѣ домашней жизни есть несчастія ужаснѣе Крутицъ и цѣпей. Тѣ только громки, а эти тихо, незамѣтно, червемъ точатъ сердце и отравляютъ на вѣки жизнь.

И были люди, которые хохотали надъ ея несчастіемъ и надъ моимъ состраданіемъ. Это не люди.

Были другіе, которые сказали, что она притворяется; эти сами притворяются людьми, — они дикіе звѣри.

За то съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на Витберга, на этого высокаго человѣка, еще на Эрна и на m-lle Trompeter, которые тутъ, забывая и домъ, и сонъ, и пищу, хлопотали обо всемъ! Въ душѣ ихъ награда, и *тамъ*, можетъ быть, будетъ награда. Но *не здѣсь*, — здѣсь насмѣшка имъ будетъ. Но, вѣдь, и я умѣю насмѣхаться, и ядъ въ моей ироніи.

Прощай, мой ангелъ; среди всѣхъ этихъ мрачныхъ минутъ твой прелестный образъ утѣшалъ меня, память о тебѣ возобновляла мои силы.

Твой *Александръ*.

29-е января, Москва.

Научи меня, ангелъ мой, молиться, научи благодарить Того, Кто въ чашу моей жизни влилъ столько блаженства, столько небеснаго, кто такъ рано далъ мнѣ вполнѣ насладиться счастьемъ. Когда я хочу принесть ему благодареніе, вся тлѣнность исчезаетъ, я готова предъ лицомъ самого Бога вылить всю душу молитвой. Но этого мало, и жизни моей не станетъ довольно возблагодарить Его; ты научилъ познать Его, научи, научи благодарить Его, ангелъ мой!

Напрасно ты боялся, другъ мой, чтобъ меня не отняли у тебя. Когда я встрѣтила тебя, душа моя сказала: вотъ *онъ!* И я не видала никого, кромѣ тебя, и любила одного тебя. Я не знала, что люблю тебя; думала, что это дружба, и предпочитала ее всему на свѣтѣ и не желала узнать любви, и никѣмъ не желала быть любимой, кромѣ тебя. Вѣрь, Александръ, я бы была *довольно* счастлива, ежели бы умерла и сестрою твоей, да, довольно, а теперь я слишкомъ счастлива! Тебѣ этого недовольно, ты слишкомъ великъ и пространенъ самъ, чтобъ ограничиться такимъ маленькимъ счастьемъ; въ обширной груди твоей и за нимъ будутъ кипѣть волны другихъ желаній, другихъ красотъ и цѣлей. Богъ создалъ тебя не для одной любви, путь твой широкъ, но труденъ, и потому каждое препятствіе, остановка и неудача заставятъ тебя забыть маленькое счастье, которымъ ты обладаешь, заставятъ тебя отвернуться отъ твоей Наташи. А я, мой другъ, мнѣ нечего желать, мнѣ нечего искать, мнѣ некуда стремиться; путь мой, желанія, цѣль, счастье, жизнь и весь міръ — все въ тебѣ!

Тебѣ душно на землѣ, тѣсно на морѣ, а я, я потонула, исчезла, какъ пылинка, въ душѣ твоей; и мудрено ль, когда душа твоя обширнѣе моря и земли? И неужели, другъ мой, я могу сказать: «j'ai pour ami, pour époux, pour serviteur, pour maître un homme, dont l'âme est aussi vaste qu'une mer sans bornes,

aussi féconde en douceur, que le ciel... un dieu enfin!..». Да, я могу, я должна говорить это. И ты, другъ мой, говори: «Наташа, ты любишь меня», говори мнѣ это, ангелъ мой, въ этихъ словахъ мое счастье, ибо я сама и любовь моя созданы тобою.

Я видѣла твой портретъ. Ты можешь вообразить, что это за минута была для меня, но зачѣмъ тутъ были люди? Они мнѣ не дали насмотрѣться на тебя, наговориться съ тобою. О, въ эту минуту я бы расцѣловала ту руку, которая изобразила такъ похоже твое лицо и его выраженіе! А если бы видѣла его, на колѣняхъ упросила бы списать для меня.

...«Я тебя люблю, насколько душа моя можетъ любить», а насколько же душа *твоя* можетъ любить? Какой океанъ блаженства! Знаешь ли, я иногда не вѣрю своему счастью,— такъ велико, такъ дивно оно. Тотъ ли это Александръ, передъ которымъ я преклонялась душою, тотъ ли, чьи слова были мнѣ заповѣдью, тотъ ли, кого я боготворила?.. И прошедшія надежды и мечты, которыми я жила, но которыя мнѣ казались несбыточны, снова возстаютъ толпами въ душѣ и волнуютъ ее: но вдругъ я обращаюсь къ настоящему,—воскресаю всѣмъ существомъ, и облако сомнѣнія исчезаетъ, и ясно вижу ясное небо.

Давно я слышала о Полинахъ, но, *зная* тебя, я не писала тебѣ, зачѣмъ же ты пишешь мнѣ? Не прощаю и Emilie, что она писала тебѣ, но она слишкомъ занята своимъ несчастьемъ, потонула въ немъ и духомъ, и душою. Я не послала тебѣ ея письма, въ которомъ она пишетъ тебѣ о словахъ: «онъ можетъ быть счастливъ въ тѣсноти семейнаго круга, а мнѣ нуженъ просторъ». Она вовсе не такъ поняла ихъ, я объясняла ей, увѣряла и уговорила не писать этого, но изъ твоего письма вижу, что она писала. Истерзанная душа ея во всемъ находитъ для себя новыя мученія. Легче разстаться душѣ съ тѣломъ, нежели душѣ съ душой, а она, кажется, разлучена съ *нимъ* навѣки.

1-го февраля, пятница. Вчера я получила твое письмо отъ 22 янв. и не могла безъ слезъ читать его. Нѣтъ, никогда человѣкъ съ душой не можетъ быть совершенно счастливъ. Я —чего недостаетъ мнѣ? чего не дано мнѣ Богомъ и, кромѣ разлуки (хотя это и ужасное несчастіе), есть ли у меня несчастье?.. Нѣтъ, кромѣ ея, на душѣ нѣтъ тусклаго пятна, нѣтъ крошки горькой. А несчастья ближнихъ, а ихъ страданія?!... Развѣ *ихъ* не *мое*? Я несчастна ихъ несчастьемъ, я страдаю ихъ страданіями, мнѣ больна ихъ боль; и, притомъ, невозможность помочь! Это верхъ мученій, это выше собственнаго бѣдствія, это рана неисцѣлимая! Возьмите мое счастье, возьмите самое меня, изорвите поклочкамъ и раздайте несчастнымъ, лишь бы на одинъ мигъ облегчить ихъ участь!.. Нѣтъ, и это не поможетъ! Какую же жертву я еще могу принять, что я могу сдѣлать для нихъ? Разстаться съ тобою? Это выше моихъ силъ, это выше моей добродѣтели, но ежели бы я была увѣрена, что этотъ терновый вѣнецъ спасетъ несчастныхъ, благословляя жребій свой, я бы надѣла его на мое сердце и каждой каплей крови искупляя несчастнаго, я бы благодарила Бога за разлуку съ тобою, но съ этими благодареніями вырывался бы голосъ муки, вопли души моей, они заглушили бы молитву мою, да проститъ Всевышній меня,—да не вмѣнитъ ихъ въ ропотъ. Смертный не можетъ принести большей жертвы.

Прочтя твое письмо, я живо представила себѣ несчастную и бѣдствіе ея, мнѣ стало тяжело, мой другъ, я плакала, я молилась за нее, и тутъ только отдохнула моя душа; мнѣ казалось, Отецъ нашъ услышалъ мое моленье и облегчилъ ея горе, и, въ то же время, засіяла мысль о вѣчности. Тутъ я съ радостью

смотрю на раны, на страданія и муки тлѣннаго, ибо оно искупляетъ нетлѣнное. Да подкрѣпитъ васъ Богъ, несчастные, да озаритъ Онъ ваши души мыслью о будущемъ блаженствѣ, которое ожидаетъ васъ *тамъ* наградою за вашу жизнь-страданіе—здѣсь!

Дай мнѣ обнять тебя, дай еще преклонить предъ тобою голову мою, посланникъ неба! Ты такъ величественъ, такъ свѣтелъ въ твоихъ добродѣтеляхъ! Я думаю, что уже не могу любить тебя болѣе, и съ каждою минутой люблю болѣе и болѣе. Александръ! будь всегда такимъ. Мед. у меня изъ головы не выходитъ: облегчи, сколько можешь, ея участь; тяжело ей будетъ получать вспомоществованіе,—ежели можно, пусть она не знаетъ теперь, что это ты.

Я презираю богатствомъ; ничего нѣтъ гаже для меня, какъ это золото, вымученное у земли руками преступниковъ (для новыхъ преступленій), а иногда завидую богатымъ; нѣтъ, у нихъ ничего нѣтъ завиднаго: иногда желаю богатства, хотѣла я сказать, желаю денегъ, денегъ, и не для того, чтобы залить золотомъ свое сердце такъ, чтобы до него не проникали ни слезы, ни вопли несчастныхъ. Сердце кровью обливается, когда въ нѣсколькихъ шагахъ богачъ тонетъ въ золотѣ, не замѣчая, что душа его становится монетой, на которую онъ ни здѣсь, ни тамъ не купитъ ничего, кромѣ мученій, и вблизи его бѣднякъ безъ куска хлѣба, у котораго несчастія убили и надежду на будущее, и мысль о вѣчной жизни. Снялъ бы съ сердца ихъ эту золотую корку, сквозь которую и слово Евангелія не проникаетъ: тогда бы они, помня о Лазарѣ, не сказали бы холодно бѣдняку: «Богъ дастъ!»

Прощай, мой другъ, подвизайся въ добродѣтели, да исчезнутъ всѣ преграды на пути твоемъ!

Твоя *Наташа*.

Утѣшай Мед.; пусть ихъ смѣются надъ тобою.

3-го февраля, Москва.

Ты очень утѣшилъ твоимъ письмомъ Emilie. Она вѣритъ въ тебя. Теперь ея единственная отрада — наша дружба. Зачѣмъ ты ей пишешь *вы*? Это слишкомъ церемонно; она обижается этимъ. Александръ, я люблю ее ужасно, она сестра мнѣ, не чуждайся ея, будь и ты ей братомъ; у нея есть родныя, но, я знаю, что она никого такъ не любитъ, какъ меня и тебя, тутъ все ея родство, все утѣшеніе... Она много поддерживала меня, когда еще душа моя была слишкомъ слаба выносить всѣ пытки, весь холодъ окружающаго меня. Люблю, люблю ужасно ее, хотя между нами большая разница. Сердце ея изранено, истерзано; это скелетъ, на которомъ еще осталось немного тѣла; и сколько разнообразнаго въ ея душѣ: разрушенные храмы, могилы, кресты, вѣнцы, развалины:.. а между этимъ кое-гдѣ горитъ огонекъ, и вьется дымъ, и курится кровь—страшно! А я—у меня и въ сердцѣ, и въ душѣ, и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ, и въ будущемъ—все ты, тобою и въ тебѣ!

Прощай, мой Александръ, некогда писать; я только хотѣла исполнить желаніе Emilie—попенять тебѣ за *вы*. Обнимаю тебя, другъ мой, прощай, пиши мнѣ о Мед.: всѣ несчастные, близки моему сердцу. Твоя *Наташа*.

Третьяго дня подъ Новинскимъ былъ пожаръ; искры и головешки летѣли на нашъ домъ. Я все время держала ящикъ съ твоими письмами: мнѣ нечего было больше спасать! Сгорѣлъ лучшій балаганъ [1]).

[1]) Въ этомъ письмѣ есть приписка отъ Эмиліи. *Примѣч. издат.*

7 февраля, Москва.

Другъ мой, ангелъ мой, какъ я счастлива, какъ я люблю тебя! Миллiонъ разъ перечитываю твои письма, наизусть ихъ затвердила, и все мнѣ въ нихъ какъ будто ново. Тебя любить,—неизмѣримое блаженство, а быть любимой тобою?.. Ангелъ мой, гдѣ взять мнѣ столько чистоты, столько святости, чтобы совершенно быть достойной тебя? Что дѣлать мнѣ, что думать, чего желать, о чемъ молиться? Я слишкомъ мала, чтобъ вообразить то счастье, котораго бы тебѣ было довольно: научи меня, скажи мнѣ, и я все выпрошу у Него; теперь Онъ услышитъ меня, теперь я доступнѣе къ Нему. Александръ! любовью къ тебѣ я стала ближе къ Нему, ближе къ ангеламъ, ближе къ той странѣ, гдѣ мы будемъ съ тобою вѣчно. Да, Онъ слышитъ мою молитву, Онъ видитъ каждое желанiе моей души, Онъ любитъ меня, Александръ! Да, Онъ любитъ меня, иначе я бы не была любима тобою!

Вчера нѣсколько часовъ я говорила о тебѣ съ Emilie. Кажется, моя любовь, не затуманенная ни малѣйшимъ сомнѣнiемъ, мои надежды, моя вѣра заставили ее забыть все темное, весь мракъ, которымъ она окружала себя, прояснили ея душу,—словомъ, заставили ее любить *по-моему*. Нѣтъ, нѣтъ никто не можетъ любить такъ, какъ я! По крайней мѣрѣ, она стала любить *попрежнему*. Мы вспоминали прошедшее, переносились въ будущее, и какъ ярко, какъ свѣтло, какъ небесно рисовалось оно намъ! Ахъ, если сбудутся всѣ мечты наши! Наконецъ, мы поспорили: я говорю, что я съ тобою буду счастливѣе, нежели она съ Николаемъ: она утверждала противное, я не хотѣла уступить, и споръ нашъ долго продолжался, и вообрази, мой ангелъ, я побѣдила! «Emilie простительно спорить — скажешь ты, — а не стыдно ли мѣрить свое счастье тебѣ, Наташа, *тебѣ?*» Да, я виновата, другъ мой, прости меня, мой ангелъ: да, я не могу, я не должна сравнивать себя съ другими, съ другими мѣрить *мое счастье!* Свѣтъ солнца и [свѣчки] имѣютъ ли что сходное между собою, нужно ли ихъ сравнивать?

Весело, очень весело намъ было. Наконецъ, говоря долго, призвавъ всѣ мечты, всю силу воображенiя, давъ всему образъ и жизнь, мы замолчали... и за эти часы я бы отдала нѣсколько дней, за это молчанiе говорила бы цѣлый день. Прощай мой ангелъ, цѣлую тебя; меня зовутъ.

12 февраля, Вятка.

Ангелъ мой, Наташа, я тону, тону совершенно въ этомъ морѣ любви; свѣтлы, прозрачны его волны, глубоко оно и обширно. Наташа! Богъ послалъ тебя мнѣ, Онъ зналъ, что душа моя будетъ страдать отъ людей, Онъ зналъ, что обстоятельства будутъ терзать меня, и Ему стало жаль, и Онъ послалъ тебя. Все уврачевалось, все; больше еще: за временныя несчастья Онъ послалъ мнѣ блаженство на цѣлую жизнь. Другъ мой, слаба моя грудь, она хотѣла бы раздаться, чтобъ сильнѣй любить тебя.

Я зналъ почти, что ты мнѣ напишешь: но въ какомъ я былъ состоянiи, когда читалъ твои послѣднiя записки! Я дрожалъ, я испугался всего счастья своего, я не могъ перевести духъ. Понимаю, очень понимаю твои чувства при взглядѣ на мой портретъ. Жаль, что ты не была одна. Какъ же ему и быть не похожимъ? Витбергъ смотрѣлъ не на одно лицо, онъ смотрѣлъ и на душу, онъ знаетъ ее, и потому мой портретъ оживленъ.

Но на что же ты, Наташа, въ своихъ письмахъ такъ хвалишь меня? Это тяжело читать: увѣряю тебя, что только въ твоей небесной, божественной душѣ отразился я такимъ совершеннымъ. Во многихъ мѣстахъ запятнана душа моя, во многихъ мѣстахъ испорченъ и сломанъ характеръ. Люби меня такъ, какъ я есть, люби меня съ недостатками, Наташа, и объ этой-то любви говори мнѣ. Развѣ можетъ быть похвала болѣе, понятнѣе моему сердцу, какъ твоя любовь? Но не придавай мнѣ болѣе, нежели сколько есть въ душѣ моей, чтобы послѣ съ горестью не увидѣть недочета. Горько смотрѣть художнику на свое произведеніе, когда оно не вполнѣ выразило его идеалъ. Но что произведеніе для художника? Одна мысль, одна фантазія,—и другія мысли уже толпятся въ головѣ. А любить такъ, какъ ты любишь меня, можно разъ. Страшно тутъ видѣть невыполненнымъ идеалъ, страшно, ибо на него потрачена не одна мысль, а вся душа, вся жизнь. Наташа, смотри же прямо на твоего Александра, не придавай ему ничего, брось идеалы, въ которые ты вылила часть меня и часть неба, находящагося въ твоей высокой душѣ. На что они тебѣ? Возьми меня земного, люби меня, я отдаю тебѣ себя, но болѣе не могу сдѣлать. Да, я хотѣлъ бы быть ангеломъ, чтобъ увеличить этотъ даръ, но я человѣкъ и далеко не совершенный. Самыя эти огненныя страсти, которыя такъ жгутъ мою грудь, такъ направляютъ ее къ изящному и великому, часто, часто влекутъ меня въ пороки и... послѣ я раскаиваюсь, но не имѣю силъ прямо стать противъ нихъ. Теперь нравственное начало моей жизни будетъ любовь къ тебѣ. Такъ слетала къ Данту его Беатриче изъ рая въ видѣ ангела, чтобы вывести его изъ обители скорби безконечной туда, въ обитель радости.

О, Наташа, ты такой же ангелъ! Нѣтъ, исчезли всѣ мои идеалы, всѣ они блѣдны передъ тобою: каждое слово твоего письма заключаетъ блаженство. Чѣмъ, чѣмъ, о, Боже, я заслужу передъ Тобою это счастье? Чѣмъ, какими несчастіями заплатить могу землѣ за то, что былъ наверху блаженства еще здѣсь?

Прощай. Твой *Александръ*.

Отъ Emilie получилъ письмо; благодарю ее и буду непремѣнно писать, но не теперь.

[?]

Наташа! Наконецъ, я нашелъ чувство, занявшее все, не наполненное въ моей душѣ. Наконецъ, всякое стремленіе, всякое земное чувство, всякій порывъ получили значеніе и цѣль — любовь къ тебѣ. Вотъ высокая идея изящнаго, наполнившаго грудь мою. Странно, что я прежде не понималъ этой связи нашихъ душъ. Наше свиданіе въ Крутицахъ много сказало. Безумная радость, трепетъ при полученіи твоихъ записокъ говорили много, но я вполнѣ не могъ опредѣлить, любовь ли это. Помнишь записку, въ которой я писалъ, что не вѣрю нашей дружбѣ? Тогда въ эту минуту я былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи: все кипѣло, бушевало во мнѣ и внутренній голосъ сильно прокричалъ: «*ты любишь ее*». Съ тѣхъ поръ существо мое просвѣтлѣло, согрѣлось, блаженство разлилось въ сердцѣ. До этого я имѣлъ какую-то поверхностную возможность заниматься хорошенькимъ личикомъ, быть полувлюбленнымъ, по крайней мѣрѣ, несовсѣмъ равнодушнымъ. Когда же раздался тотъ сильный голосъ, съ тѣхъ поръ всѣ эти земныя дѣвы — всѣ пали передъ небеснымъ образомъ ангела. Истинно странно: вѣдь, я любилъ тебя до этого, но, не давъ себѣ отчета,

я увлекался страстями, и отъ этого-то ярче и прокричалъ голосъ. Нигдѣ не встрѣчалъ я того, что искала душа, вездѣ минутное увлеченіе, даже шалость, а послѣ —пустота и потребность высшаго. Вдругъ все наполнилось! О, Natalie, не словами, нѣтъ, взглядомъ, поцѣлуемъ я тебѣ передамъ все небо, которое ты мнѣ подарила!

19-го февраля. Еще маленькая записка отъ тебя, еще слово любви. Я богатъ, богатъ!

Тебѣ, кажется, не хотятъ послать портретъ. Странно! Въ послѣднее время, то есть во время моего несчастія, я сблизился съ п[апенькою] нѣсколько. Я видѣлъ несомнѣнныя доказательства его любви, вниманія, вижу ихъ и теперь. Но доселѣ п[апенька] меня совсѣмъ не знаетъ; это любовь къ сыну, каковъ бы онъ ни былъ, а не любовь къ Александру. Отказъ послать тебѣ портретъ, и, притомъ, весьма жесткій, удивилъ меня. Ну, что, ежели я ему напишу, что люблю тебя? Что фраза въ письмѣ п[апеньки]: «ей надобно идти замужъ, а не сантиментальничать», — въ переводѣ значитъ: «тебѣ надобно умереть и перестать любить».

На душѣ моей лежитъ еще одна исповѣдь тебѣ; давно собираюсь ее высказать, я очищаюсь, высказывая тебѣ свои пороки: ты моя связь съ небомъ; но не могу еще высказать ее. Опять земное. Нѣтъ силъ оторваться, стать выше всего, стать рядомъ съ тобою. Ну, какъ же мнѣ не завидовать тебѣ? Ну, какъ же всему роду человѣческому не завидовать мнѣ, которому принадлежишь ты?

Прощай. *Александръ.*

Кажется, все высказалъ, а черезъ четверть часа опять душею хочется писать тебѣ.

15-го [?], суббота, Москва.

Не знаю, мой другъ, почему тебѣ пеняютъ, что ты ко мнѣ рѣдко пишешь. Я ни слова не говорила объ этомъ ни маменькѣ, ни Егору Ив., и увѣрена, что когда есть возможность, ты не пропускаешь, ибо ты знаешь, что для меня твои письма, знаешь, что твои слова также, и еще болѣе необходимы для меня воздуха. Теперь, я думаю, ты уже получилъ и наши письма съ Emilie. Ежели бы можно было, я бы ничего болѣе не дѣлала, какъ говорила бы съ тобою, хоть черезъ бумагу, но нѣтъ ни времени, ни мѣста и на это. Да мнѣ кажется, ежели бы и было, то я никогда бы не могла выразить того, что чувствую, какъ люблю тебя. И зачѣмъ говорить? Земной языкъ недостаточенъ для того, чтобы перелить душѣ ощущенія другой души; ты знаешь все безъ словъ, твоя душа понимала мою душу, отвѣчала ей и тогда, когда еще я молчала. Другъ мой, ангелъ мой, не думай, ради Бога не думай, чтобъ когда - нибудь малѣйшее сомнѣніе о тебѣ вселилось въ моемъ сердцѣ, скорѣе усомнюсь въ своемъ существованіи.

Вчера я получила письмо отъ Саши Б. Между прочимъ, она пишетъ: «тогда бы мы переселились *со всѣми, кого ты любишь и кого я люблю,* въ южные края». Сколько блаженства въ этой мысли! Она не выходитъ у меня изъ головы; даже, проснувшись ночью, я воображала, что я съ тобою тамъ, гдѣ родина музыки и молитвы, гдѣ вся страна—гимнъ Богу и пѣснь любви. Хоть бы одно изъ моихъ мечтаній сбылось! Другъ мой, прекрасна жизнь, когда она отдана человѣку, котораго боготворишь: съ каждымъ часомъ я люблю ее болѣе. Теперь меня ужасаетъ мысль о смерти; не страшно было мнѣ умереть прежде, а теперь — хотя со мною и не умретъ моя любовь, но уже на землѣ не останется человѣка

который бы любилъ тебя столько, истинно не останется, — избави Богъ! Нѣтъ, у меня столько вѣры, я не сомнѣваюсь, что я буду съ тобою, мой ангелъ.

На-дняхъ я играла преглупую роль. Пріѣхалъ изъ Петербурга одинъ Ивановъ, о которомъ мнѣ говорила сестра Орлова и которому *было говорено* обо мнѣ. Всѣ спали послѣ обѣда; я должна была выйти къ нему одна. Это меня ужасно смѣшило, хотя я сначала и не знала, что онъ былъ тотъ самый. Ты не повѣришь, какъ мнѣ всѣ эти глупости надоѣли. Но тѣмъ я далѣе отъ нихъ, тѣмъ ближе съ тобою, другъ мой, кажется, съ каждою изъ нихъ возростаетъ мое достоинство, каждая отталкиваетъ меня далѣе отъ земли, слѣдственно, все ближе и ближе къ тебѣ, мой Александръ.

Сейчасъ надо отсылать письмо; спѣшу ужасно, и некогда было послать къ Emilie. Она, навѣрное, написала бы къ тебѣ. Она мнѣ сказывала, что послала тебѣ мою записку, которая еще была писана тогда, какъ ты написалъ мнѣ въ первый разъ, что отдалъ мнѣ себя; и что же въ ней удивительнаго? Это одна капля изъ того моря любви, которое наполняетъ мою душу. Да что я все говорю тебѣ о себѣ, тогда какъ ты у меня безпрестанно и въ душѣ, и въ глазахъ? Прощай же, другъ мой, успѣваю только обнять тебя.

Твоя *Наташа*.

22-е февраля, суббота, Москва.

Другъ мой, ангелъ мой, одно слово, одно только слово, потому что некогда, а хочу непремѣнно писать тебѣ сегодня, — я пріобщалась. Ты можешь вообразить, какъ чиста теперь душа моя, какъ я небесна, какъ люблю тебя! Никогда не говѣла я съ такимъ благоговѣніемъ, не исповѣдалась съ такимъ раскаяніемъ и никогда не чувствовала себя такъ достойною сообщиться съ Христомъ. Какъ я чиста теперь, мой ангелъ! Вотъ теперь я чувствую, что я достойна тебя, Александръ, другъ мой! Ты не хочешь, чтобъ я хвалила тебя, ну, что-жь ты хочешь? Вѣдь, ты знаешь, я люблю тебя, обожаю, боготворю, и эта любовь возвышаетъ меня, я чувствую сама, мнѣ другіе говорятъ это. Я стала добрѣе, лучше и это именно ты, ты, ангелъ, твоя любовь сдѣлала меня такой! Теперь не могу видѣть бѣднаго, несчастнаго; сердце обольется кровью, я заплачу о томъ, что не имѣю средствъ помочь, и тотчасъ ты предо мною, и я ищу утѣшенія въ твоихъ глазахъ, и удѣляю своего счастья несчастному, и, кажется, ему легче, кажется, участь его уже облегчилась отъ того, что ты тутъ. Развѣ я придаю тебѣ слишкомъ много?.. Полно, Александръ, полно другъ мой, не говори мнѣ этого: неужели въ тебѣ мало и еще надо дополнять воображеніемъ твое достоинство? О, нѣтъ, мой Александръ, мнѣ порукой въ томъ моя любовь, ибо я никого бы не могла такъ любить, какъ люблю тебя. Отнять у меня эту любовь — значитъ отнять всю чистоту, всю святость, все прекрасное, все возвышенное, и что же послѣ я останусь?.. Прощай, устала ужасно; кругомъ меня говорятъ, кричатъ.

Прощай, обнимаю тебѣ.

Хотѣла одно только слово — какое длинное слово! Сейчасъ была у меня Эмилія, — все такъ же мила, хороша, прелестна, а Николай ея... Писалъ ли ты къ нему? Ухъ, страшно!

«*Теперь нравственное начало моей жизни будетъ любовь къ тебѣ*». Я все читаю съ восторгомъ въ твоихъ письмахъ, а тутъ слезы градомъ полились отъ умиленія, я невольно упала на колѣни передъ Тѣмъ, Кто соединилъ жизнь мою, маленькую пылинку, съ твоею жизнью — бурнымъ и обширнымъ моремъ.

Тутъ болѣе даже, нежели любовь, тутъ само небо, самъ Богъ! Изъ этого чувства мы извлекаемъ *все*, черезъ него мы можемъ достигнуть всего, имъ можемъ купить не только земное счастье, но и блаженство небесное, вѣчное. Любя тебя, я рвусь изъ ничтожества къ великому, къ изящному; любя тебя, люблю всѣхъ ближнихъ, всю вселенную. И ты, Александръ мой, и ты, любя твою Наташу, можешь стать противу всѣхъ искушеній, можешь направить порывы пламенной души твоей къ одному высокому и изящному. Можно ли, чтобы ты увлекался въ пороки? Нѣтъ, между ними и тобою—я! Ты прежде наступишь на меня, отнимешь у меня жизнь, поставишь ногу на грудь мою, чтобы перешагнуть къ пороку, и тогда только, когда меня не будетъ, когда я буду подъ ногами твоими... нѣтъ, нѣтъ, этого никогда не будетъ, ангелъ мой; рука Бога ведетъ тебя, и Онъ не оставитъ тебя, не покинетъ! Я молю Его объ этомъ, молю, чтобы въ душѣ твоей не померкло небесное начало ея, чтобъ утвердилъ тебя въ добродѣтели, чтобъ содѣлалъ насъ съ тобою совершенно достойными назвать небеснаго Отца отцомъ нашимъ, а мы—дѣти Его!.. О, другъ мой, сколько счастливъ можетъ быть человѣкъ! Какъ Онъ любитъ насъ, какъ научаетъ быть добродѣтельными! Вознесемъ же души наши къ Нему, обнимемъ добродѣтель и съ нею пойдемъ по той лѣстницѣ, которая ведетъ на небо! Прощай, цѣлую тебя. Нельзя больше писать. Давеча была у меня Саша Б. Вотъ еще прелестнѣйшее созданіе; кажется, ничто въ свѣтѣ никогда не можетъ разорвать нашей дружбы.

24-е, понедѣльникъ. Да огромно наше счастье съ тобою, Александръ, мнѣ бы тяжело было нести его, ежели-бъ я знала, что ты не раздѣляешь его со мною; можетъ бы, я умалилась, упала бы подъ его тяжестью, а теперь у меня крѣпкая подпора, вожатый, другъ; теперь мнѣ не страшна огромность счастья и несчастья, я не боюсь этихъ великановъ: ты больше ихъ, и я такъ близко тебя! Я воображаю, мой другъ, когда мы будемъ вмѣстѣ,... о, мы тогда будемъ совершенны, тогда мы будемъ жить только втроемъ съ добродѣтелью, тогда у меня будутъ средства быть полезной несчастнымъ и тогда, тогда-то ты только увидишь, сколько я люблю тебя, узнаешь, что̀ ты для меня! А, можетъ быть, ты ожидаешь отъ меня болѣе, нежели я могу сдѣлать? Ну, что же? Ты научишь меня. Александръ, ты можешь изъ меня все сдѣлать, потому что до меня никто не касался, кромѣ тебя, на мнѣ ничего не видно, кромѣ твоего, во мнѣ отражается одного тебя сіяніе и потому, какъ велико оно будетъ въ твоей душѣ, такъ же отразится и въ моей, умалится оно въ твоей,—можетъ померкнуть и моя душа. Потому-то, другъ мой единственный, ты долженъ собрать твои силы, твою любовь, чтобъ противустать вліяніямъ, которыя могутъ помрачить твою душу и мою, которыя, запятнавъ тебя, увлекутъ и меня. Но ты, мой ангелъ, ты, мой Александръ, ужели нужна тебѣ я, чтобъ стоять твердо на высотѣ и не поколебаться? Да удержитъ, да укрѣпитъ тебя десница Всевышняго!

Будто я могу обмануться въ тебѣ, другъ мой, будто я могу воображать тебя болѣе, нежели какъ ты есть. Нѣтъ, Александръ: можетъ, еще я не могу постигнуть всего твоего величія, а уже люблю такъ тебя. Ты дашь мнѣ узнать всего себя, дашь любить, ежели я могу, еще болѣе, ты поднимешь меня такъ же высоко, какъ ты высокъ самъ, и тогда въ насъ будетъ одно изящное, одно небесное. Обнимаю тебя, другъ мой.

Твоя *Наташа.*

Что Медвѣдева? Не оставляй ее, другъ мой, будь и ея ангеломъ утѣшителемъ.

22-го февраля, Вятка.

Да, да, Наташа, въ Италію, въ Италію! Надобно отдохнуть отъ сѣверной природы и отъ сѣверныхъ людей! И мы узнаемъ до дна блаженство, ежели ты будешь со мною тамъ. Это не мечта, невозможнаго тутъ нѣтъ. Мы должны соединиться, мы будемъ соединены, — итакъ, что же мудренаго, что вмѣстѣ будемъ въ Италіи? Твоя любовь мало-по-малу пересоздаетъ меня; чистый ангелъ, пожертвовавшій собою для меня, могъ одинъ это сдѣлать. Я сталъ спокойнѣе смотрѣть на будущее, я подавляю въ себѣ эту судорожную потребность дѣятельности, которая, происходя изъ началъ высокихъ, была худо направлена. Человѣкъ не долженъ забѣгать Провидѣнію, не долженъ натягивать себѣ поприще. Ежели онъ избранный, Провидѣніе не потеряетъ его, лишь бы онъ самъ не погубилъ врученныхъ талантовъ. Ежели же не избранный, то его задавитъ огромность предположенія безъ силъ исполнить. Провидѣніе дало мнѣ огромный залогъ,—оно мнѣ дало тебя. Искали ли мы другъ друга? Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, это случилось само собою,—и хорошо, таковъ путь Провидѣнія. Сознать свою силу и ждать его призыва.

Меня очень безпокоитъ петербургскій посѣтитель, потому что эти безотвязчивые люди, которыми ты окружена, замучатъ тебя *выгодною партіей*. Будь тверда и, ежели нужно, скажи имъ прямо, что ты любишь меня, что ты любима и что этого перемѣнить ни они, никто не можетъ. Въ такомъ случаѣ и я буду писать; разумѣется, дождавшись на это отъ тебя разрѣшенія. Бѣды нѣтъ, пусть они знаютъ, одно злое должно искать мрака, а наша любовь такъ чиста, такъ высока. Впрочемъ, я и не думаю, чтобъ это нашло сильное противодѣйствіе. Я много надѣюсь на каменную твердость мою, много надѣюсь и на любовь ко мнѣ. Сначала удивятся, потомъ скажутъ, что это предвидѣли, потомъ морали, потомъ устанутъ, - и побѣда наша. На первый случай можно сказать маменькѣ, но это трудно для тебя. Тутъ есть средство — Emilie. Однакожь, замѣть, все это надобно сдѣлать въ крайности. Ты не хотѣла, чтобъ холодные глаза смотрѣли на мой портретъ, тѣмъ болѣе, зачѣмъ холодными разсужденіями обнаруживать огненное, пламенное чувство нашей любви? Бѣдная Natalie! Меня терзаютъ впередъ непріятности, которыя ты получишь. Пиши мнѣ о нихъ подробно. Это легче, иначе мое воображеніе построитъ чудеса. Я улыбнулся, читая о твоемъ спорѣ съ Emilie о счастьи. Оно похоже на споръ, что лучше—*роза* или *лилія*, какъ будто въ созданіяхъ Бога есть лучшее, какъ будто то и другое не изящно. Богъ никому не отдалъ на аренду счастья. Всякая душа, хорошо созданная, пусть раскроетъ себя любви чистой, изящному, и она узнаетъ блаженство, — можетъ, иначе, сообразнѣе себѣ, но узнаетъ его. Но и этотъ споръ мнѣ нравится, тутъ есть что-то дѣтское, что-то такое наивное. Какъ ты мила, моя Наташа, во всѣхъ изгибахъ твоей прелестной души!

2-го марта. Грустно мнѣ что-то это время. Моя любовь къ тебѣ безпрерывно влечетъ меня въ Москву. Тягостна наша разлука. Боже мой, когда же напечатлѣю поцѣлуй любви на твоихъ устахъ? Первый поцѣлуй для тебя. Тогда только я отряхну съ себя всю землю, всю пыль, тогда тобою я буду существомъ чистымъ. Мрачныя мысли бродятъ у меня въ головѣ всю недѣлю. Вчера пришло мнѣ въ голову, что̀ будетъ со мною, ежели ты умрешь? Безуміе или самоубійство. Нѣтъ, рѣшительно не могу жить безъ тебя, лучше возвращу Богу жизнь, нежели томиться безъ тебя здѣсь. Прощай.

4-го марта. Прощай, мой ангелъ, вчера я выздоровѣлъ отъ моей грусти. Прощай, цѣлую тебя.

Твой *Александръ*.

29-го февраля, Москва.

Вѣрно, ты не любилъ меня тогда, какъ писалъ изъ Крутицъ на мою мысль о монастырѣ. «А развѣ ты сомнѣваешься, что встрѣтишь человѣка, который тебя будетъ любить, котораго ты будешь любить? О, съ какою радостью я возьму его руку и твою! Онъ счастливъ будетъ: у тебя прелестная душа». Да, я увѣрена, что ты и не думалъ тогда обо мнѣ, а я тутъ же сказала: да неужели я буду кого-нибудь любить болѣе тебя, неужели на свѣтѣ есть существо, которому я пожертвую дружбою моей къ тебѣ? «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ голосъ души моей, ты создана любить одного его!»

Итакъ, мой ангелъ, другъ мой, ты одинъ жилъ въ душѣ моей, одному тебѣ поклонялась я всю жизнь мою. О, какъ я счастлива, какъ благодарю Бога, что могу отдать тебѣ и сердце, и душу, созданныя для одного тебя и полныя однимъ тобою! Еще задолго, задолго говорила мнѣ Emilie, что это не дружба, а любовь, но я не смѣла вѣрить, не смѣла сказать тебѣ и спросить своего сердца. И потому такъ часто приходила мнѣ мысль о удаленіи свѣта; сколько разъ писала я къ Emilie, что мы бы стали жить съ ней вдвоемъ, далеко отъ всѣхъ, отъ всѣхъ, кромѣ несчастныхъ, поклонялись бы всю жизнь одному тебѣ, для одного бы тебя была храмомъ душа моя, и каждое біеніе сердца, каждое ощущеніе души были обѣтомъ не принадлежать другому. Повѣришь ли, другъ мой, когда ты писалъ, что не вѣришь дружбѣ, я и тогда была далека, слишкомъ далека отъ того, чтобы думать, что я любима тобою, а во мнѣ уже было все любовь (тогда я называла это дружбою и точно была въ томъ увѣрена). Не знаю, какимъ образомъ я перешла отъ дружбы къ любви и не нахожу разницы между прежнимъ чувствомъ и теперешнимъ: стало—все было любовь! На Крутицахъ, только на Крутицахъ, блеснула эта молнія въ душѣ моей и опять также мгновенно исчезла, какъ исчезаетъ молнія на небѣ. Когда ты спросилъ меня: «итакъ, участь голубя не пугаетъ тебя?» —пожалъ мою руку, посмотрѣлъ на меня, въ эту минуту Богъ рѣшилъ судьбу мою, Онъ сошелъ самъ и соединилъ насъ. О, въ эту минуту съ нами былъ самъ Богъ! А помнишь, когда ты склонилъ голову на плечо мое, тутъ мнѣ слышался голосъ неба: «познай твое высокое предназначеніе, ты создана для *него*, люби его и служи ему». И я твоя, Александръ!

Да, кажется, мнѣ не хотѣли дать твоего портрета, но я просила маменьку. На-дняхъ, когда былъ у меня Ег. Ив., она заѣхала за нимъ, я накинула на себя салопъ, выбѣжала на крыльцо, и вотъ ужъ въ сѣняхъ, и вотъ я съ маменькой. Небо было такъ ясно, столько звѣздъ горѣло на немъ и такія яркія; также свѣтло и въ душѣ моей горѣли мысли и чувства; я обнимала ее, цѣловала руки, хотѣла назвать маменькой, но... Пришедши домой, мнѣ все слышались ея слова: «Я отдала списать для тебя его портретъ, скоро будетъ готовъ» Больше ничего не помню: или мы не говорили ничего болѣе, или отъ восторга я не слышала, что она говорила мнѣ, и не чувствовала, что̀ говорила сама. Знаетъ ли она, мой ангелъ, что ты любишь меня? Вѣдь у меня нѣтъ мысли тайной отъ тебя, зачѣмъ и эту скрывать? Мнѣ что-то тяжело, другъ мой, когда я подлѣ нея и не смѣю назвать матерью, не смѣю высказывать всего о тебѣ; тутъ является мрачная мысль, необходимость чуждаться родныхъ душою, но я готова все вынести и еще больше этого, ежели это *нужно*.

Ты напишешь папенькѣ о нашей любви... Мнѣ не страшно за себя, и что можетъ быть страшнаго послѣ разлуки съ тобой? Но ежели *ты*, мой другъ, подвергнешь себя гнѣву его, непріятностямъ, которыя въ такомъ случаѣ посыпятся

на тебя со всѣхъ сторонъ? О, нѣтъ, нѣтъ, я опять повторяю мысль мою, которую ты назвалъ нѣкогда холодною: лучше я исчезну, нежели принесу тебѣ собою малѣйшую непріятность, тебѣ; но опять, развѣ можетъ быть пріятность, пріятность тебѣ безъ меня? Я оставляю совершенно твоей волѣ все, что касается *до насъ*. Пусть бушуютъ вѣтры, воетъ буря, пусть громъ гремитъ, пусть мрачно небо,—въ моей душѣ всегда свѣтло и ясно, когда ясно въ твоихъ взорахъ, свѣтло въ твоей душѣ.

Ты поѣдешь на Кавказъ... Какъ мнѣ грустно стало, когда я прочла это! Меня не будетъ съ тобою!

О, другъ мой, милый другъ, ангелъ мой, Александръ, прости мнѣ, твердость моя тутъ колеблется, такъ далеко... опасности... меня нѣтъ съ тобою... о, грустно, грустно! Не пеняй за эту слабость; ты знаешь, во мнѣ довольно и силы и твердости, знаешь, другъ мой, что онѣ впервые поколебались при разлукѣ съ тобою; не брани же и за эти слезы, я рѣдко-рѣдко плачу. О, да сохранитъ тебя Всевышній! Боже, Боже, одна молитва—услыши меня. Я не смѣю роптать на Провидѣніе за разлуку, не хочу быть преградой на пути твоемъ; пусть ты выполнишь твое предназначеніе; ты долженъ пройти всѣ пути, которые Онъ указалъ тебѣ, и уже потомъ—отдохновеніе, счастье и любовь! Но почему же я не могу быть спутницею твоей, дѣлить твои труды, помогать тебѣ? Да, я еще не могу, видно, выполнить всѣхъ требованій твоихъ, и Провидѣніе знаетъ это, и потому я еще далеко отъ тебя и потому мы не вмѣстѣ. Но когда Онъ вполнѣ образуетъ меня? Долго время испытанія, но пусть оно еще будетъ долго-долго, лишь бы я сдѣлалась совершенно достойной дѣлить судьбу твою, быть твоею спутницей. О, я бы многое вынесла для того, чтобы усовершенствоваться! Ты такъ высоко обо мнѣ думаешь, такъ много придаешь мнѣ, вѣдь, ты не жилъ со мною, ангелъ мой, почему такъ твердо увѣренъ въ моемъ достоинствѣ? Богъ соединилъ насъ; въ тебѣ Онъ послалъ мнѣ *все*, но ты, ты, Александръ, о, я знаю тебя, потому-то такъ и трепещу при мысли, что ты мой, что ты любишь меня! Но да будетъ Его воля: когда уже Онъ соединитъ тебя со мною, Онъ и дастъ мнѣ все, чтобы быть достойной тебя. Нѣтъ, не ѣзди на Кавказъ безъ меня, ангелъ мой, подожди еще, будетъ время... И тогда ты не одинъ будешь бесѣдовать съ природой, тогда въ пѣсняхъ твоихъ не будетъ звучать тайный голосъ тоски о разлукѣ со мною, тогда мы вмѣстѣ, я и ты, разскажемъ ей наше блаженство, и наши рѣчи заставятъ трепетать ея сердце, заставятъ ее любить и молиться вмѣстѣ съ нами.

1-го марта. Александръ, Александръ, другъ мой, ангелъ мой! съ каждымъ днемъ новое счастье, съ каждымъ днемъ новое блаженство! Знаешь ли, ангелъ мой, маменька благословляетъ насъ, она называетъ меня дочерью, она счастлива...

О, Александръ, какъ мы счастливы! Давеча была у меня Emilie отъ маменьки; она ей говорила. О, другъ мой, Александръ, молись... Когда я увижу ее, когда сама услышу отъ нея? О, какъ Онъ любитъ насъ!

Другъ мой, на душѣ твоей тайна? Почему же ты не скажешь мнѣ ея, ангелъ мой. Что-нибудь страшное? я не испугаюсь; важное?—не знаю, не могу отгадать. Что останавливаетъ тебя открыть мнѣ ее? Ты называешь ее порокомъ; ежели можно сказать мнѣ, такъ это не порокъ. И ты скажешь, не правда ли, мой другъ? Да, откроешь, потому что я увѣрена, что на душѣ твоей нѣтъ порока, нѣтъ тайны отъ меня и не можетъ быть. Ты говоришь: какъ же не завидовать всѣмъ тебѣ въ томъ, что я принадлежу тебѣ? О, нѣтъ, что завиднаго тутъ! Пусть завидуютъ тебѣ самому, пусть стараются достигнуть до тебя и

пусть придутъ ко мнѣ поучиться любить и находить блаженство на землѣ. А несчастная Emilie. . о, зачѣмъ это облако на нашемъ небѣ? Я содрагаюсь отъ ея страданій; кажется, всей дружбы нашей не довольно, чтобъ утѣшить ее. Но, вѣдь, Онъ посылаетъ бѣдствія, Онъ же пошлетъ и твердость снести ихъ.

О. женится... онъ женится... какъ бы желала я знать ту, которая узнала его: но онъ ли женится, или его женятъ? Мы счастливѣе, счастливѣе съ тобой, ангелъ мой, всѣхъ счастливѣе!

Прощай же, другъ мой, обнимаю тебя, мой Александръ, цѣлую тебя, ангелъ мой, прости!

Твоя *Наташа*.

[Москва], 3-е марта.

Сколько разъ съ новымъ наслажденіемъ перечитывала я эти слова: «теперь нравственное начало моей жизни будетъ любовь къ тебѣ». О, Александръ, о, другъ мой, какъ ты любишь меня!

Не даромъ, бывало, прежде меня томило какое-то неразгаданное чувство, какая-то потребность, которую могло пополнить лишь цѣлое небо, но ты, ты... ангелъ, сокровище мое, развѣ въ тебѣ не цѣлое небо, не весь рай?

Съ какимъ нетерпѣніемъ жду я видѣть маменьку? Зачѣмъ тебя не будетъ тутъ? Отовсюду льется намъ счастье; кажется, и въ воздухѣ счастье, и отъ всѣхъ людей вѣетъ счастьемъ. Но нѣтъ, признаюсь, иногда горько смотрѣть на эти мертвыя лица, особенно когда все волнуется, кипитъ и горитъ въ душѣ; я бы желала во взорахъ каждаго видѣть участіе, слезу, которая бы была залогомъ родства душъ, чтобы всѣ радовались со мною, всѣ бы молились, но этотъ холодъ, это безотвѣтное пожатіе руки... Впрочемъ, что-жъ до нихъ, не въ тебѣ ли весь міръ для меня, всѣ люди? Тобою я ихъ люблю, тобою я имъ родная и они мнѣ братья. Въ тебѣ все мое родство, вся радость, въ тебѣ моя молитва и все святое. Неужели еще намъ долго, долго не видаться? О, какъ я боялась всегда спросить тебя объ этомъ, но, ангелъ мой, вѣдь, наша судьба въ рукахъ у Бога, не огорчайся и ты. Еще обнимаю тебя всею душой.

Еще нѣсколько словъ. Горько, горько, говорю я, видѣть равнодушіе въ людяхъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ я люблю тебя, я сама неравнодушна ни къ одному существу; всѣ, всѣ стали близки моему сердцу. Хотѣла бы, чтобъ и они сблизились со мною, но они не понимаютъ меня, жаль... За то какое наслажденіе быть съ Emilie, какъ отражается въ ея глазахъ мое счастье, какъ звонко эхо въ ея душѣ! Еще Саша Бобор. О, желала бы я, чтобы ты узналъ ее, она ужасно любитъ меня: я ея *единственный другъ*, и сколько въ ней родного, и какъ она счастлива моимъ счастьемъ! Да, истинно, я не знаю, кто-бъ имѣлъ столько богатства на землѣ, богатства небеснаго, какъ я... Меня все отрываютъ. Опять прощай. 5 часовъ вечера.

10-й часъ. Сейчасъ смотрѣла въ открытую форточку,—какъ хорошо *тамъ*! Я люблю небо, когда и мрачно оно. Гдѣ, гдѣ я ни была съ тобою, и на Крутицахъ, и въ Вяткѣ, и на Кавказѣ, спасала тебя, умирала за тебя, молилась съ тобою на горахъ, слушала говоръ морскихъ волнъ... Долго, долго мечтала, но вдругъ вздумала, что сказалъ бы ты, еслибъ видѣлъ меня на сыромъ воздухѣ? Тотчасъ закрыла форточку и простилась съ моими плѣнительными мечтами. Береги и ты себя, ангелъ мой, Александръ, береги,—когда не жаль тебѣ себя, вспомни меня.

Ты проводишь цѣлые часы въ думахъ обо мнѣ, и эти думы—молитвы, гимны Богу? У меня нѣтъ минуты, въ которую бы я не была вся въ думахъ о тебѣ,—стало, вся жизнь моя—молитва, вся жизнь—гимнъ Богу.

Еще цѣлую тебя, ангелъ мой, прости.

Что Медвѣдева? Напиши мнѣ о ней.

Марта 6. Витбергъ, счастливая Витбергъ! Я не знаю ея, но когда услышала, что она ѣдетъ къ мужу, въ Вятку, невольно навернулись слезы. Ангелъ мой, другъ мой, Александръ, когда же, когда же настанетъ для насъ эта блаженная минута? Я воображаю ихъ свиданіе... свиданіе наше... Прощай, другъ мой, пока обнимаю тебя душевно за 1.000 верстъ! Некогда, еще прости, еще цѣлую тебя.

Твоя *Наташа.*

Марта 14-го.

Какое пасмурное небо, также пасмурно и въ душѣ моей. Двѣ недѣли отъ тебя нѣтъ писемъ. Увѣрена, что ты здоровъ, помнишь меня, любишь, но что-то тяжело на сердцѣ, грустно. Скоро годъ, какъ мы разстались, годъ тому дню, который для меня полонъ былъ блаженства и страданія, въ который я впервые постигла вполнѣ и радость, и горе. Какъ тихо идетъ время съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ! Нѣтъ, какъ я ни утѣшаю себя воспоминаніями, надеждами, мечтами, все горько, все тяжко. Я тебѣ писала объ одномъ радостномъ, свѣтломъ души моей, чтобъ не огорчать болѣе тебя, ангелъ мой, и безъ того теперешняя жизнь твоя не ясна; но нѣтъ, тяжело грустить въ одиночествѣ... Что-жъ, когда намъ не суждено радоваться, такъ хоть погорюемъ вмѣстѣ! Не знаю сама, но такъ померкло въ душѣ, какъ будто ты уѣхалъ еще далѣе. Получивъ послѣднее письмо, я ждала еще недѣлю съ терпѣніемъ—нѣтъ! Ждала и другую, но уже это было тревожное ожиданіе; приходитъ четвергъ—нѣтъ писемъ. Все померкло. Отъ этого, я думаю, мнѣ такъ грустно. Но это всегда: я неутѣшна до тѣхъ поръ, пока не получу твоего письма, и только тутъ просвѣтлѣетъ душа моя. О, въ это мгновеніе, кажется, все небо на землѣ; нѣтъ, не кажется, а съ самомъ дѣлѣ земля становится тогда небомъ, и все такъ весело, радостно кругомъ: всѣ тѣни исчезаютъ, отъ всѣхъ вѣетъ на меня счастьемъ и любовью. Но потомъ проходятъ дни, и я опять жду писемъ, и опять все грустно, и все такъ мрачно...

Утро 16-го, понедѣльникъ. На этомъ словѣ меня разлучили съ тобою, и до сихъ поръ не было минуты возможной взяться за перо. Вчера прозвучало въ ушахъ моихъ это сильное, животворное слово: *получили*!—прозвучало оно въ душѣ, но это только для того, чтобъ еще болѣе возмутить ее: письма получили, а ко мнѣ нѣтъ... Ангелъ ты мой, другъ мой, грустно, грустно, и какъ все вокругъ меня нѣмо и безпривѣтно!

Послѣ обѣда. Сейчасъ отъ тебя письмо. О, еслибъ ты видѣлъ меня теперь, ангелъ мой! Все перемѣнилось. Какъ громко стучитъ сердце: ему тѣсно въ груди, оно рвется вонъ, просится въ Вятку, въ Вятку, а душа слилась съ Божествомъ; теперь она—чистая, теплая молитва. О, Александръ, Александръ, Богъ соединилъ меня съ тобою, а любовь твоя сблизила меня съ Богомъ!

Тебя безпокоитъ петербургскій; полно, мой другъ. Я пеняю себѣ, что писала тебѣ объ этомъ. Онъ давно уѣхалъ и никому не пришло въ голову, зачѣмъ онъ былъ. Я его видѣла два раза, не знаю его, но... тутъ-то я вполнѣ увидѣла, что такое сестра чужая. Не безпокойся, ангелъ мой. Но что-жъ, ежели бы и

стали принуждать меня выйти за кого замужъ? Я не боюсь этого нисколько; напротивъ, пусть тогда увидятъ, что я слушалась и угождала имъ не изъ страха и низости, а изъ сожалѣнія къ нимъ и къ ихъ невѣжеству, но угождала въ случаяхъ, гдѣ не было души и чувства, а тогда, тогда они увидятъ, кто я, и испугаются прежней своей власти. Я знакома съ грозою, другъ мой, теперь меня уже не устрашатъ ни громъ, ни молнія. Каждый ударъ, каждый раскатъ будетъ намъ свадебною пѣснью. О, чего бы я не перенесла, мой Александръ, но во всякомъ случаѣ жертва была бы не велика: ты мой защитникъ, твоя любовь мой щитъ, и что можетъ побѣдить насъ.

Ты пишешь сказать маменькѣ только въ крайности. Она знаетъ; но я не могу надивиться, какимъ образомъ; Emilie говоритъ, что она не сказывала. Маменька сама начала, и вотъ какимъ образомъ. Говорили о Бирюковѣ. Emilie говоритъ: хорошо бы это было, еслибъ ихъ соединить. Маменька посмотрѣла на нее съ удивленіемъ и сказала: «А Сашенька?» Изъ этого восклицанія можно было все прочесть въ мысляхъ ея. Потомъ уже Emilie говорила съ ней откровенно. Тутъ маменька сказала, что она благословляетъ насъ, довольна *твоимъ выборомъ*, счастлива нашимъ счастьемъ. Но я ея еще не видала. Она очень пеняла Emilie, зачѣмъ она писала тебѣ о Бирюковѣ: «На что возмущать его счастье?»—сказала она ей. Ты я думаю, тоже безпокоишься о томъ, что писала тебѣ Emilie. Я пеняла ей за это. Но послушай, Александръ, когда я радостно и твердо ожидаю испытанія и того поприща, на которомъ я явлюсь побѣдительницей, тѣмъ болѣе ты долженъ смотрѣть на все это равнодушно и съ презрѣніемъ. Но зачѣмъ же такія ничтожныя орудія употребляютъ для испытанія моей твердости и мужества? Впрочемъ, нужны ли тебѣ еще доказательства?

Теперь въ душу мою залѣзла тяжелая дума. Ты ѣдешь на Кавказъ... Сердце замираетъ, когда ты предстанешь въ моемъ воображеніи одинъ въ горахъ, съ дикой природою, съ дикими людьми... О, нѣтъ, мой ангелъ, ты не поѣдешь! Сколько разъ меня потрясала эта мысль... Напиши мнѣ навѣрное, поѣдешь или нѣтъ?

Итакъ, мы поѣдемъ въ Италію? Это не мечта? О, сколько намъ счастья впереди! Да, я бы не желала остаться съ тобою здѣсь. Куда-нибудь, далеко-далеко, чтобы не слыхать холодныхъ разсужденій, выдуманныхъ анекдотовъ и всѣхъ нелѣпостей, которыми Москва въ мигъ наполняется при появленіи чего-нибудь необыкновеннаго и высокаго, чтобы не встрѣчать любопытныхъ взоровъ, которые спрашиваютъ и не требуютъ отвѣта. О, это ужасно, несносно! Нѣтъ, мы непремѣнно уѣдемъ отсюда, чтобы на свободѣ подышать счастьемъ и любовью. Нѣтъ ничего непріятнѣе для меня, какъ обратить на себя вниманіе людей. Одни сами съ собою поживемъ, а тамъ, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ.

Какая неограниченная любовь — лишить себя жизни по смерти моей! О, Александръ, какъ я любима! Кто измѣритъ обширность моего блаженства? Какой великанъ несчастья не исчезнетъ передъ его огромностью? Но только это ужасно: можетъ-ли самоубійство соединить насъ *тамъ?* Нѣтъ, ангелъ мой, смерть скоситъ насъ вмѣстѣ своею косой. Какая ужасная мысль—умереть послѣ тебя или прежде: Боже, какъ я равнодушна была прежде; мнѣ даже пріятно было размышлять о переселеніи изъ чужбины въ родной край, а теперь, теперь мнѣ все чужое, гдѣ нѣтъ тебя, и самое небо чуждо, когда не будетъ тебя тамъ со мною.

Скоро день твоего рожденія, поздравляю! А въ подарокъ посылаю мой поцѣлуй.

Прощай, обнимаю тебя, мой Саша. Твоя вся *Наташа.*

Наташа «Герценъ»—чудо, прелесть!

Спѣшу ужасно: я еще много-бы написала.

Помнишь, ты говорилъ Emilie, что желалъ-бы носить мнѣ записки того, кого я буду любить? Думалъ-ли ты тогда, что ты самъ будешь писать ихъ?

26 марта, Вятка.

Ангелъ мой, моя святая! Я удрученъ счастьемъ, всею душой упиваюсь этимъ блаженствомъ, этою любовью,—всею душой, и душа моя не можетъ помѣстить всего рая твоей любви. Въ самый день моего рожденія получилъ я твое письмо съ m-me Witberg. Я пилъ каждую строку, я переливалъ въ свою душу весь этотъ небесный огонь, вырывавшійся въ каждой строкѣ. Наташа, Наташа, о, ты права: тамъ, гдѣ я сидѣлъ въ цѣпяхъ, тамъ сочеталъ насъ самъ Богъ. Съ тѣхъ поръ рѣшена твоя судьба. Ты говоришь, что я не любилъ тебя тогда, когда говорилъ, что сожму руку твоему избранному. Ты права и нѣтъ. Я любилъ тебя прежде Крутицъ, но не давалъ отчета въ своемъ чувствѣ, еще болѣе— хотѣлъ уничтожить въ себѣ всякую любовь: боялся погубить тебя, связавъ съ моимъ бурнымъ существомъ твою жизнь. И писалъ тѣ строки, именно отталкивая отъ себя и отъ тебя мысль любви. Но наше прощаніе рѣшило все, и какъ смѣть человѣку холодно располагать судьбою своей тогда, когда есть Провидѣніе? Я помню тотъ взглядъ, которымъ я смотрѣлъ въ твою душу, когда спрашивалъ объ участи голубя. И этотъ взглядъ, воротившись назадъ въ мою грудь, принесъ съ собою вѣсть съ неба, вѣсть рая—твою любовь. Ангелъ, ангелъ! Какъ намъ быть съ Emilie? Мнѣ раздираетъ душу ея ужасное положеніе. Увѣрь ее, что я никакого письма отъ N. S. не получалъ. Ей-Богу, не получалъ,—съ чего она взяла это? И увѣрена-ли она въ томъ, что онъ не любитъ ея? Впрочемъ, онъ вѣтренъ, я знаю, но винить его не смѣю. Странно человѣческое сердце. Потребность любви въ сердцѣ благородномъ такъ сильна, что всякое сочувствіе, всякую симпатію принимаетъ за любовь и самъ вдается въ обманъ. Я испыталъ это. Но любовь въ самомъ дѣлѣ,—о, это другое! тутъ не можетъ быть перемѣны: это—самая жизнь, самое начало жизни,—ты знаешь ее, Natalie!

Сейчасъ мнѣ что пришло въ голову: *Natalia* значитъ родина. Родина! Не высокъ-ли смыслъ этого слова, соединенный съ словомъ *Александръ*—мужественная защита? И все это, увѣряю тебя, не случай. Случая нѣтъ, вездѣ перстъ Его. Это іероглифъ съ высокимъ смысломъ.

Маменька знаетъ,—надобно было знать, это хорошо. Впрочемъ, нашему соединенію никто не можетъ препятствовать. *Онъ* соединилъ насъ. Тебя мучаютъ теперь Бирюковымъ. Пора, видно, имъ сказать. Я напишу къ маменькѣ; хотя и трудно мнѣ это, но напишу.

Одно обстоятельство есть только, которое можетъ сдѣлать намъ тьму непріятностей,—это законъ о родствѣ, который, казалось-бы, и миновалъ насъ, но тамъ есть одно поясненіе, которое ежели они узнаютъ, то могутъ повредить, *но не долго.* Я объ этомъ и думать не хочу. Ты хочешь дѣлить со мною всѣ трудности моего пути. Дѣли ихъ: я тебѣ дарю половину своихъ несчастій, неси ихъ: я горжусь моими несчастіями, ни съ кѣмъ ихъ не хочу дѣлить: съ тобою все дѣлю... Нѣтъ, Наташа, словъ нѣтъ сказать тебѣ все, что хочу,—ты понимаешь.

Ты спрашиваешь, что такое тяготитъ мою душу? Отъ тебя скрывать это тяжко, но тяжело и сказать. Люди, люди, эта дрянь, эта сволочь увлекла меня

въ одинъ скверный поступокъ, и я его сдѣлалъ. Его оправдаютъ большая часть людей, но... но онъ порочень въ смыслѣ нравственномъ: я шалилъ вещью, которою шалить не должно, и силою своего характера сдѣлалъ болѣе глупостей, нежели сдѣлалъ-бы другой. Яснѣе скажу послѣ, теперь не могу.

На Кавказъ я не ѣду, слѣдственно, можешь успокоиться. А признаюсь, мнѣ хотѣлось туда: Вятка скучна, но благословляю судьбу, бросившую меня сюда. Встрѣча съ Витбергомъ выкупаетъ половину непріятностей разлуки:

... весь художникъ онъ,
Онъ все окинулъ быстрымъ окомъ
На полѣ вымысла широкомъ,

какъ говоритъ Огаревъ въ одномъ изъ своихъ мечтаній.

Медвѣдева живетъ теперь съ нами, то-есть съ семействомъ Витберга, и у насъ довольно весело. Прощай.

Пиши всегда о полученіи моихъ писемъ.

28-го марта. «Счастливая Витбергъ», писала ты: да, конечно, счастливая! Имѣть мужемъ великаго человѣка и быть такъ нѣжно любимой! Вчера онъ вспомнилъ всѣ ужаснѣйшія гоненія и несчастія, коими тѣснятъ его, заплакалъ и, обнимая жену, сказалъ мнѣ: «Не женитесь, Ал. Ив., чтобы не сдѣлать несчастнаго такого существа,—и, помолчавъ: —а ежели женитесь, то выберете такого ангела, какъ она!» Она заплакала и бросилась ему на шею. Сцена эта была торжественна. Я стоялъ, молча, опершись на столъ, грудь подымалась, и душа рвалась къ тебѣ. Нѣтъ, не случай свелъ меня съ этимъ человѣкомъ! А сколько разныхъ встрѣчъ я видѣлъ теперь, скитаясь изгнаннымъ! Нѣкоторыя я опишу. Одна уже готова, и я тебѣ пришлю ее. *Легенду* я исправилъ, но не совсѣмъ: скучно отдѣлывать слогъ.

Наташа! Попробуй немного заняться нѣмецкимъ языкомъ. Emilie тебѣ будетъ помогать. Мнѣ хочется тебѣ открыть это море поэзіи германской литературы. Хочу познакомить тебя съ тѣмъ Шиллеромъ, о которомъ сказалъ Огаревъ:

Съ слезою чистой, какъ роса,
Глядитъ на небо голубое,
Родныя ищетъ небеса...

A propos, я уже нѣсколько разъ писалъ, чтобы мнѣ прислали стихи Огарева: *I tempi*, которые были у тебя или у Emilie. Онъ женится странно, но я боюсь судить прежде полученія отъ него письма. Можетъ, это увлеченіе минутное, тогда бѣда или горе.

29-го марта. Христосъ Воскресе! ангелъ мой, и дивись, Наташа, дивись, я видѣлъ сегодня во снѣ и, кажется, въ первый разъ, что поцѣловалъ тебя,—мы похристосовались заочно сномъ. И какой дивный сонъ! Я трепеталъ весь, когда мои губы коснулись твоихъ; грудь хотѣла разорваться, и на этомъ я проснулся.

Бывало, въ этотъ праздникъ я пріѣзжалъ къ вамъ, и ты являлась между сволочью, которою набитъ вашъ домъ,—дорого-бы далъ и нынче провести съ тобою. Прощай.

Я въ мундирѣ со шпагою ѣду къ губернатору.

1-го апрѣля. Новая мысль для повѣсти. Человѣкъ, одаренный высокою душой и маленькимъ характеромъ,—человѣкъ, который въ минуту размышленія стряхиваетъ прахъ земли и въ слѣдующую затѣмъ платитъ дань всѣмъ предразсудкамъ, оттого, что слабый характеръ согнутъ, подавленъ толпою, не можетъ выработаться изъ мелочей.

Ежели вздумаю писать, то стоитъ только придѣлать рамку къ этой мысли. Нравится-ли тебѣ мысль эта? А статья моя — *Встрѣча* готова и, впередъ знаю, тебѣ весьма понравится. Прощай, пиши, когда только возможно, обо всемъ и всего болѣе о твоихъ чувствахъ, о твоей душѣ.

Цѣлую тебя.

Утро, 27 марта, Москва.

Какъ весело, какъ пріятно провела я день твоего рожденія, Александръ! Я его истинно *праздновала*. Еще наканунѣ мнѣ нездоровилось, а въ Благовѣщеніе лежала въ постели. Сначала грустно мнѣ было. Я собиралась къ заутрени, не могла быть и у обѣдни. Потомъ все уврачевалось: маменька узнала о моей болѣзни и пришла навѣстить меня. Ты знаешь, какъ я желала видѣть ее, какъ желала слышать отъ нея самой то, что говорила мнѣ Emilie,—все исполнилось! Я была въ восторгѣ отъ ея вниманія и попеченія: мнѣ легче стало. Нельзя было говорить намъ много, но мнѣ кажется, въ одномъ словѣ ея я прочла всю душу и сама однимъ словомъ высказала все. Много навѣщаютъ меня, не всѣхъ-бы желала видѣть, но безъ горькаго не видать и сладкаго. И вчера она была у меня, жду ее и сегодня. Теперь я совсѣмъ здорова, только еще не схожу внизъ.

Да, мнѣ стало легче, когда увидѣла маменьку, и совсѣмъ не чувствовала болѣзни, когда услышала, что есть надежда на твое возвращеніе къ осени. Ахъ, Александръ, мой ангелъ, за что, *за что* Творцу такъ много, такъ обильно награждать меня? Истинно много неразгаданнаго въ судьбѣ моей. Къ тому-ль росла я, такъ-ли готовили меня, чтобъ быть подругою твоей? Видно, самъ Богъ лелѣялъ меня, самъ Онъ готовилъ меня тебѣ! Потомъ ты былъ моимъ преобразователемъ, ты далъ мнѣ новую душу, утончилъ все существо мое, — я — твое созданье, Александръ! И ты одинъ лишь поймешь меня, ты одинъ постигнешь, какъ благоговѣю я при мысли, что я любима тобою. Нѣтъ, никто, никто изъ обладающихъ драгоцѣннѣйшими сокровищами здѣшняго міра не насладится малѣйшею частью того блаженства, въ которомъ я тону, какъ въ волнахъ глубокаго моря.

Будь спокоенъ, ангелъ мой: всѣ тѣни, всѣ призраки *жениховъ* исчезли. Теперь меня ничто не тревожитъ. А скоро-ли пройдетъ это лѣто? Emilie очень часто бываетъ у меня. Что у нея плановъ, распредѣленій! Онѣ съ маменькой дѣлятъ намъ комнаты, выбираютъ себѣ, и конца нѣтъ разсужденіямъ, а я себѣ ничего не могу вообразить. Быть съ тобою—вотъ весь планъ, вся цѣль! Остальное не мое.

Сама маменька уговорила Насакина не говорить ничего о Бирюковѣ.

Прощай.

Христосъ воскресъ!

Я одна. Благовѣстъ къ заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе.

Христосъ воскресъ, мой Александръ! — сказала я, открывъ глаза, и нѣтъ отвѣта... Ты слышалъ меня, мой ангелъ, ты сказалъ: «воистину воскресъ, моя Наташа!»

Какая даль, какая даль, Боже мой! Когда-жъ мы вмѣстѣ встрѣтимъ Свѣтлое Воскресенье?

Вчера была у меня маменька. Мы долго были однѣ. Она говорила мнѣ *много, много:* она боится тебя за меня. Успокой ее, мой другъ. Другимъ *можно*

бояться, Александръ, вѣдь, другіе смотрятъ на насъ обоихъ безпристрастно. Тебѣ-ль, тебѣ-ль, мой Александръ, было избрать себѣ невѣстою меня? Меня, горькую сироту, угнетенную людьми, лишенную ими даже необходимаго образованія?... Не брани за эти слова! Ты знаешь меня только по письмамъ. Что мудраго, что О. любитъ *Рославлеву?* Она старѣе его, не хороша собою, за то какія глубокія познанія, какая блестящая образованность замѣняютъ въ ней лѣта и красоту!.. Она *всегда* его пойметъ, онъ на *все* найдетъ въ ней отвѣтъ. Совсѣмъ не то твоя Наташа, слишкомъ бѣдно было ея приготовленіе. Но, Александръ, другъ мой, ангелъ мой, любимъ-ли такъ О., какъ ты любимъ, отдана-ли ему такъ и вся жизнь, и вся душа?..

Твоя, твоя Наташа, на вѣкъ твоя; ея любовь перевѣситъ весь умъ, всю образованность и ученость, одна ея любовь будетъ для тебя всѣмъ на свѣтѣ. О, милый мой, и во всей простотѣ я поняла тебя! Что-же нужно мнѣ еще учить, что нужно узнавать еще? Понявши тебя, мой ангелъ, что остается мнѣ загадкой? Нѣтъ, нѣтъ, пусть боятся другіе, а я люблю, люблю тебя: ты мой, я твоя.

Только *помни,* Александръ, что у твоей Наташи, кромѣ любви, нѣтъ ничего. Помни, это тебя говорю *я*. Прощай, ѣду къ обѣднѣ.

30-е, понедѣльникъ. Грустно, грустно провела я вчерашній день. Никогда такъ не чувствую я своего одиночества, какъ въ то время, когда люди толпятся, шумятъ кругомъ меня. Одинъ человѣкъ былъ по душѣ. Ахъ, Александръ, съ какою радостью я встрѣтила его! Многое перемѣнилось въ душѣ при его видѣ: это—Василій Васильевичъ, и мнѣ удалось съ нимъ говорить немного, и это немногое было о тебѣ. Прежде него и остальное время все было ужасно грустно: я воображала, каково тебѣ! Мнѣ то ужасно, что ты такъ огорчаешься разлукою; мой другъ, мнѣ страшно, что я съ немногими минутами радости принесу тебѣ много горя, страшно, что собою могу отвлечь тебя, можетъ быть, отъ многаго. Не попустому были сказаны эти слова: «любовь испортитъ мою будущность, а моя будущность не мнѣ принадлежитъ». Но опять я думаю: на все Его воля.

На-дняхъ читала я романъ: страшно... Нѣтъ нигдѣ такой чистой, такой святой любви, какъ наша любовь, Александръ. Какъ ужасна слѣпая любовь! Въ какія низости, въ какіе пороки увлекаетъ она! Нѣтъ, не такова любовь наша. Та создана сердцемъ, исполненнымъ пороками и страстями, та губитъ самого создателя; наша—создана самимъ Богомъ: она обновляетъ, святитъ душу, очищаетъ землю, сближаетъ съ Богомъ. Ахъ, Александръ, неужели это сбудется когда-нибудь, что мы одни съ тобою далеко отъ родного сѣвера и родныхъ сѣверныхъ... Мечты, мечты! Чѣмъ онѣ прекраснѣе, величественнѣе, тѣмъ менѣе сбываются А я думаю, что-бы было со мною, ежели-бы этого не совершилось? Я-бы умерла.

Другія называютъ любовь нашу мечтою. Нѣтъ, нѣтъ, это не мечта; можетъ ли мечта такъ обнять всю душу, такъ пересоздать все существо? Когда эта любовь мечта, такъ какой-же мѣры должна быть любовь истинная? Прощай, мой ангелъ; пока я не увижу тебя, я не могу совершенно быть покойна. Прощай, цѣлую тебя.

Твоя *Наташа*.

31-е, вторникъ. Сейчасъ Егоръ Ивановичъ принесъ твой портретъ. Хоть и не очень похожъ, но все такъ взволновалось, все перевернулось въ душѣ. Прощай —грустно.

Обнимаю тебя.

Москва, апрѣля 3.

Душа моя, прости, я все огорчаю тебя. Когда я писала послѣднюю записку, мнѣ было ужасно грустно. Послѣ мнѣ досадно, браню себя, но въ то время нѣтъ силъ затаить тоску въ душѣ и не раздѣлить ея съ тобою. И безъ того горька тебѣ разлука, а когда знаешь, что не одинъ страдаешь, тогда она во сто разъ болѣе гнететъ душу. Теперь я жду приближенія осени, какъ воскресенья. Не могу равнодушно представить себѣ минуту нашего свиданія. Но что-жъ потомъ?... Что значитъ, ангелъ мой, ты мнѣ написалъ, что разлука наша не кончится Вяткой? Во мнѣ леденѣетъ вся кровь, когда я воображу, что, можетъ быть, еще буду провожать тебя въ другой разъ, въ другой разъ прощаться... тогда я прощусь навѣки! Нѣтъ, не снести мнѣ другого разставанья!

Портретъ твой, ангелъ мой, утѣшаетъ и огорчаетъ меня вмѣстѣ. Есть сходство. По цѣлымъ часамъ смотрю на него, смотрю цѣлою рѣчью, цѣлымъ небомъ, цѣлою душой; полотно одушевляется, понемногу принимаетъ жизнь, кажется, еще мигъ — и я услышу твой голосъ, еще поцѣлуй — и ты обнимаешь самъ меня... Холодъ полотна, запахъ краски выводятъ изъ очарованія, нѣтъ жизни, нѣтъ души въ милыхъ чертахъ; о, тогда ты убійственно смотришь на меня,—съ горестью закрываю портретъ и еще, еще становится грустнѣе. Но, вѣдь, этотъ портретъ не тотъ, который писалъ Витбергъ, потому-то онъ и не одушевленъ, потому и смотритъ на меня такъ холодно, такъ чуждо, будто удивляется моему восторгу, моей любви, моимъ слезамъ. Я рада, что о немъ не знаютъ, на него никто не смотритъ, кромѣ меня.

4-е, пятница. Сегодня меня *возили*, была и у папеньки... Онъ много говорилъ о томъ, что мнѣ надо выйти замужъ, и о томъ, какъ должно уважать узы родства.

Александръ, во мнѣ онъ много находитъ недостатковъ. Другъ мой, какая буря, грозная буря ожидаетъ насъ въ будущемъ! Но что все это для меня? Одинъ твой взглядъ, одно слово — и весь міръ исчезъ, вся вселенная—ты! Не страшны мнѣ морали, угрозы, —страшна твердая родительская воля; когда не суждено намъ соединиться, скорѣе желаю оставить... Нѣтъ, нѣтъ, мой ангелъ, нѣтъ, мой Александръ, ничего я не желаю, кромѣ твоей любви, а тамъ да свершится, что Ему угодно!

6-е, воскресенье. Вчера меня возили подъ Новинскъ. Это пестрое море, что-то лѣниво волнуется, что-то уныло шумитъ, все смотритъ сиротливо, но это, можетъ быть, только мнѣ такъ кажется; теперь, гдѣ болѣе веселья, шуму и людей, тѣмъ скучнѣе для меня. Другіе не вѣрятъ этому или называютъ это мечтательностью, романтизмомъ,—ты простишь мнѣ, Александръ, эту мечтательность. Никогда я не любила веселиться одиноко, а теперь, ангелъ мой, можетъ ли мнѣ быть весело за тысячу верстъ отъ тебя? Грусть нагнало на меня это гулянье. Впрочемъ, мнѣ было веселѣе: одинъ часъ, проведенный съ другомъ, оставляетъ надолго въ душѣ удовольствіе, а я весь вечеръ говорила съ Сашей Б. о тебѣ. Этотъ разговоръ счистилъ съ души всю пыль, всю тоску гулянья. Я не могу быть другомъ въ половину: она знаетъ *все*, и я говорю безъ принужденія и вижу яркое сочувствіе, вижу слезы восторга отъ моего счастья... Мнѣ веселы эти часы, тутъ я веселюсь душою; какое блаженство видѣть слезы умиленія въ глазахъ друга, видѣть, какъ онъ счастливъ моимъ счастьемъ! Тутъ кажется, что онъ и любитъ вмѣстѣ со мною. Но эти часы такъ же рѣдки и дороги для меня, какъ часы уединенія: или быть одной, или имѣть подлѣ себя существо, могущее понять меня!

Александръ, меня зовутъ мечтательной; ежели я кажусь въ самомъ дѣлѣ такою, то это съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ тебя. Съ начала нашей разлуки мнѣ было тягостно присутствіе каждаго: я хотѣла на свободѣ плакать, предаваться своей горести, на свободѣ провожать тебя мыслями въ твоемъ пути. Это обратилось въ привычку; до сихъ поръ люблю быть одна: тутъ мнѣ не мѣшаютъ бесѣдовать съ тобою. Итакъ, я живу воспоминаніями, надеждами и... мечтами. Мечты, мечты... каждая изъ нихъ полна тобою, кажется переплетена твоими мечтами, обвита около тебя... Могу-ль разстаться съ ними, могу-ль не мечтать, не быть мечтательной?

Занятія мои не развлекаютъ меня болѣе, какъ прежде, книги не утѣшаютъ, теперь я не могу читать съ жадностью о чувствахъ, о любви... Все бѣдно, все ничтожно передъ тѣмъ, что въ душѣ моей. Одно желаніе, одно стремленіе прежнее такъ же пламенно, съ такою же силой волнуетъ грудь мою; оно, кажется, поселилось въ ней съ перваго взгляда, брошеннаго мною на міръ: это — все обнять, все постигнуть, увидѣть истину лицомъ къ лицу, облетать все поднебесье; это желаніе усиливается съ моею любовью къ тебѣ, безъ нея же оно бы погасло, исчезло. Но я желаю, желаю, стремлюсь, стремлюсь—и ни шагу впередъ! Всѣ размышленія, всѣ изслѣдованія, всѣ труды разлетаются, какъ ласточки, при мысли: *онъ любитъ меня!* Чего желать, чего искать, что узнавать мнѣ послѣ этого? Зная, что ты любишь меня, я знаю все; имѣя твое сердце, я имѣю все. Другъ мой, жизнь моя, душа моя, мое все! Когда же, когда же я увижу тебя, услышу твой голосъ, когда сама прочту въ глазахъ твоихъ твою любовь, когда увижу въ нихъ отраженіе любви моей?

Четвергъ. Сегодня десятое апрѣля!...

Минулъ годъ! Тяжело и сказать—*годъ разлуки!...*

4 часа пополудни. Священный день, священные часы моей жизни! Тутъ я прочла въ одномъ твоемъ взорѣ мою судьбу, мое будущее, мое блаженство; тутъ ты держалъ мою руку, и я невольно вздрагивала, пугалась, когда оставлялъ ее: тутъ ты склонилъ голову на мое плечо, какъ будто для того, чтобъ отдохнуть отъ прошедшаго и собрать силы для будущаго; тутъ мы смотрѣли другъ на друга, и въ этихъ взорахъ сердца наши, безъ вѣдома насъ самихъ, излились до дна; тутъ наши души говорили, любились, любили; тутъ Богъ соединилъ насъ навѣки.

Вечеръ. Давеча не могла продолжать,—рука дрожала, сердце билось, настоящее для меня не существовало. Все, все, что въ эти часы прошлаго года было въ душѣ,—все воскресло и еще ярче, еще сильнѣе горѣло, волновало ее. Все, что тогда еще было для меня почти загадкой, теперь какъ ясное небо обнимало все существо мое, и твой образъ, ангелъ мой, сіялъ солнцемъ въ этомъ небѣ (мнѣ не нужно было смотрѣть на портретъ). Страшно было приближеніе этихъ часовъ .. будто всходила на высокую гору; наконецъ, достигла, на вершинѣ ея отдохнула, помолилась: спуститься уже было легко. Будемъ ли мы вмѣстѣ этотъ день будущаго года? Теперь мнѣ стало легче: минулъ, минулъ черный годъ! Но отчего же теперь медленнѣе пошло время? Минуты превратились въ часы, часы въ цѣлые дни... Дождусь ли я твоего взгляда, твоего слова?

11-е, суббота. Лишь тотъ кто съ дѣтства былъ заключенъ въ мрачной темницѣ, не видалъ родныхъ и не зналъ близкихъ сердцу, долго томился, страдалъ душою, потомъ ангеломъ былъ изведенъ, увидѣлъ весь красный Божій свѣтъ, узналъ родныхъ, узналъ блаженство,—лишь тотъ можетъ постигнуть состояніе

души моей. Какъ утѣшають меня маменька и Егор. Ив.! Я писала тебѣ объ его чувствахъ, писала и о томъ, что все кончилось, прошло, но оно не было такъ. Впослѣдствіи я увидѣла, что онъ сталъ скрытѣе, но любовь не уменьшалась. О, сколько я перестрадала въ то время! Мнѣ въ милліонъ разъ было бы легче, еслибъ онъ ненавидѣлъ меня. Онъ зналъ, что я люблю тебя, и молчалъ; когда же узналъ это отъ меня самой, сдѣлался боленъ и при каждомъ свиданіи ужасно плакалъ; ты можешь вообразить весь ужасъ моего положенія: ничто и никто, кромѣ тебя, не могло бы облегчить мою душу. Наконецъ, вдругъ все перемѣнилось: я не беру на себя этого, — нѣтъ, само Провидѣніе захотѣло облегчить его страданія. Онъ пишетъ ко мнѣ, что не смѣетъ явиться передъ моими глазами, проситъ, чтобъ я указала ему мѣсто въ отношеніи ко мнѣ, чтобъ я повелѣвала ему къ моему удовольствію, къ моей прихоти, а къ его несчастью и вреду, онъ на все готовъ... Ужасъ, ужасъ! Человѣкъ родной, близкій, любимый мною, гибнулъ, страдалъ, и все черезъ меня, и я ничего не могла сдѣлать къ облегченію его участи! Сама страдала, и тебя не было со мною. Но, собравъ нѣсколько нестройныхъ, взбунтованныхъ мыслей, я отвѣтила ему. Предложила ему быть *нашимъ братомъ, нашимъ другомъ истиннымъ*. Онъ понялъ меня. Первымъ доказательствомъ этого и первымъ основаніемъ *дружбы* былъ твой портретъ. Онъ подарилъ мнѣ его, и съ тѣхъ поръ ни слова о прошедшемъ, ни одного взгляда, въ которомъ бы не выражалось чистѣйшей дружбы и братской любви. Веселъ, доволенъ, счастливъ, — вотъ что бы я могла сказать, ежели бы не знала прежде его души. Онъ увѣрялъ даже меня, что молится теперь не обо мнѣ одной, а о *насъ двоихъ*, и я вѣрю. Зная, сколько бы это огорчило тебя, мой другъ, я не писала тебѣ объ этомъ, но теперь, когда все кончилось, я должна тебѣ сказать это для того, чтобы ты былъ справедливъ противъ него; видѣлъ бы, сколько онъ достоинъ нашей дружбы и уваженія. Иногда я удивляюсь ему, какая твердость, какая сила души! Я плачу ему дружбой, но чувствую, что эта дружба несовершенна, что она могла бы быть полнѣе, но это не въ моей волѣ. Любовь заняла во мнѣ все и, не изгоняя другихъ чувствъ, не даетъ имъ простора: съ тобою, съ любовью я бы забыла всѣхъ и все на свѣтѣ.

Прощай, обнимаю тебя и цѣлую много, много разъ.

Твоя *Наташа*.

Апрѣля 7, Вятка.

Мнѣ что-то грустно сегодня, Наташа, и потому пишу къ тебѣ. Тягостна наша разлука. Тщетно истощаю я все, выдумываю занятія и развлеченія, нѣтъ для меня искренняго, душевнаго, полнаго удовольствія безъ тебя. Среди шума вакханалій, среди лицъ ликующихъ вдругъ черная мысль подымается со дна бокала, улыбка останавливается на устахъ, и мрачное чувство разлуки давитъ. Душа вянетъ безъ тебя; ежели во мнѣ еще такъ много дурного, — это оттого, что нѣтъ тебя со мною: прикосновеніе ангела очищаетъ человѣка. Твои письма разбудили меня, когда я, забывши себя, или, лучше сказать, искавши средствъ забыть себя, падалъ: твоя любовь можетъ одна поддержать меня выше людей. Ты плакала, читая, что любовь сдѣлалась нравственнымъ началомъ моего бытія: безпрерывно я испытываю справедливость сихъ словъ. Лишь только что-нибудь мелкое, порочное навернется на умъ, какъ вдругъ мысль о твоей любви освѣтитъ душу, и порочное, мелкое исчезаетъ при свѣтѣ ея. О, Наташа, вѣрь, Про-

видѣніе послало тебя мнѣ. Мои страсти буйныя, что могло бы удерживать ихъ? Любовь женщины: нѣтъ, я это испыталъ. Любовь ангела, любовь существа небеснаго, твоя любовь только можетъ направлять меня.

10 апрѣля Вчера, ангелъ мой, ты думала обо мнѣ цѣлый день, я знаю,— и я думалъ о тебѣ. Раздѣленные, мы были вмѣстѣ. Великій день, въ который, какъ ты выразилась, сочеталъ насъ Богъ. Девять мѣсяцевъ тюрьмы, годъ ссылки забыты за одно это свиданіе. Вчера же получилъ я отъ тебя двѣ записки, изъ коихъ одной я очень не доволенъ. Что съ тобою, Наташа, откуда этотъ тягостный, горькій звукъ изъ души твоей, въ которой должна быть одна любовь, одна любовь? Это не разлука: ту грусть я понимаю, я самъ, оторванное дерево отъ родины, отъ моего неба, грущу; но тутъ что-то другое. «Только *помни*, Алекс., что у твоей Наташи, кромѣ любви, ничего нѣтъ». Именно этого и жаждала моя душа; что-жъ? къ чему это все сказанно?... Или ты, писавши, не думала, или у тебя больна голова, или ты забыла, что пишешь къ Александру? Именно тутъ, въ этихъ строкахъ, я и вижу, что, кромѣ любви, есть еще и предразсудки. Говоря мнѣ: *помни* и подчеркнувъ это слово, ты какъ будто дѣлаешь условія, на коихъ отдаешься мнѣ. Наташа, ты высока, какъ ангелъ, брось этотъ вздоръ; я знаю тебя, не я выбралъ, Богъ выбралъ тебя мнѣ. *Помни* и ты, что та, которую я избралъ себѣ, та, которая превзошла уже идеалъ, созданный моею мечтой, должна быть выше существъ простыхъ. Но поцѣлуй любви пусть помиритъ насъ. Я понимаю, что можетъ иногда набѣжать грустная минута на душу, и тогда она издастъ грустные звуки, какъ порванная струна арфы.

Вотъ что надобно сдѣлать намъ, во-первыхъ. Теперь я почти въ открытой ссорѣ съ княгиней, надобно съ ней поладить, а то какъ же мы будемъ видѣться? Нельзя ли какъ-нибудь, чтобъ она мнѣ написала хоть строчку въ папенькиномъ письмѣ, и тогда я буду къ ней писать, и мы помиримся.

Ты пишешь мои слова, что любовь испортитъ мою будущность; я теперь другого мнѣнія, и вспомни, что я писалъ прошлый разъ: я всѣми силами хотѣлъ оттолкнуть мысль о любви и потому говорилъ это. Я не искалъ тебя. Провидѣніе указало. Будь же увѣрена въ благости намѣреній Его Будущность нельзя испортить любовью. Да кто же смѣетъ выкликать себѣ высокую будущность?—и тутъ подлежитъ отдаться Провидѣнію.

Твой на вѣки *А. Герценъ*.

Нашей Emilie искренній дружескій поклонъ; все собирался къ ней писать и не успѣлъ, но скоро исправлюсь. Пиши всякій разъ о ней.

Цѣлую тебя—твой *Александръ*.

---

14 апрѣля, Москва.

Жизнь моя, душа моя! Вчера я получила твои письма. Каждое слово льетъ блаженство въ душу, каждое слово даетъ новый міръ чувствъ и мыслей. Боже, Боже мой, знала ли я, предчувствовала ли мое будущее? О, Александръ, Александръ, ангелъ мой!...

Сейчасъ только *отучилась*. Твоя воля для меня священна, твое желаніе— законъ. Вчера же вечеромъ выучила нѣмецкую азбуку, теперь читала по складамъ. M-me Matthey у насъ на нѣкоторое время и, пока не будетъ ей мѣста, я буду у нея учиться, а Emilie на дняхъ ѣдетъ въ деревню. О, чему бы я ни стала учиться, другъ мой, чтобъ понимать *всегда* тебя! Теперь все у меня отнято:

запрещаютъ читать, запрещаютъ писать, быть въ другой комнатѣ, играть на фортепіано, — словомъ, все, что можетъ принести малѣйшую пользу. *Цѣлый день* должна быть съ ними, вечеромъ долѣе 10 часовъ не позволяется сидѣть со свѣчей; утромъ встаю рано, но со мною въ одной комнатѣ М. С. и Бочкар. на одномъ диванѣ. Прощай, ѣду къ Насакинымъ, тамъ мнѣ будутъ предлагать руку Бирюкова, объ этомъ предупредила меня маменька. Вотъ первый шагъ... Прощай, карета подвезена.

Вечеръ. Пріѣхала! Все кончилось: я просила маменьку отвѣчать за меня, теперь ужъ не касается это болѣе до меня. Нѣсколько минутъ мы были съ ней наединѣ, она мнѣ все сказала, что ты писалъ, и вторично благословляетъ.

Александръ-Наталья; да, да, дивный смыслъ, и я вѣрю, что это не случай, нѣтъ: тутъ перстъ Бога. И я напишу тебѣ мое новое замѣчаніе. Папенька передъ кончиной благословлялъ всѣхъ дѣтей, меня одну благословилъ образомъ Александра Невскаго, и тутъ опора, и тутъ воля Его: почему родитель, оставляя насъ сиротами, поручилъ меня одну святому Александру? Такъ, мой ангелъ, все, все съ самаго моего рожденія благословляло меня быть твоею подругой! И ты даешь мнѣ половину всего? Ты дѣлишься со мною? Ты богатъ, мой Александръ, а что я удѣлю тебѣ? Мнѣ нечего дѣлить, ужь я все отдала тебѣ, все!...

15 среда. Маменька вчера говорила, что при жизни к[нягини] мы не можемъ соединиться; ея несогласія я не боюсь, лишь бы она не вооружила всѣхъ. Но что, мой другъ, развѣ мы менѣе черезъ это счастливы? Каждое препятствіе есть новый узелъ нашихъ сердецъ. Тебѣ хотѣлось на Кавказъ... Ты пріѣдешь сюда осенью, но, вѣдь, это не надолго? О, ужасно, ужасно, страшно, ангелъ мой, еще впереди нѣсколько лѣтъ разлуки... Оставаться здѣсь... Я помню, что ты говорилъ о Москвѣ; провожать тебя... Нѣтъ, лучше положиться во всемъ на Него. Я теряюсь въ мысляхъ, и душа страдаетъ: гдѣ-жъ вѣра, гдѣ-жъ молитва? Твоя любовь сроднила меня съ небесами съ тѣхъ поръ, когда моя душа дерзаетъ вопрошать Его; они мнѣ кажутся отвѣтомъ. О, посмотри, мой ангелъ, на эти небеса, когда душа твоя взбунтована,—посмотри, какъ утихаетъ въ ней бурное волненіе при видѣ этого безмятежнаго океана, какъ все свѣтлѣетъ въ ней яркимъ свѣтомъ звѣздъ, сама бы она заиграла звѣздочкой на далекомъ, далекомъ, но родномъ ей небѣ, сама бы оттуда своимъ свѣтомъ свѣтила въ душу страдальца земного, радостно бы простилась съ своею кельей, душною кельей. Но кто разлучитъ ее съ тобою? Самое небо не манитъ ея, когда надо разстаться съ тобою. Земля, земля! О, не завидуй небу; душа моя, не рвись *туда*,—твоя душа на землѣ!

Emilie, Emilie... Несчастная!... Онъ все отнялъ у нея, онъ отворилъ ей дверь въ міръ свѣтлый и опять захлопнулъ ее, и ей вѣчная тьма, вѣчный мракъ. Какъ она ждетъ смерти! Кто у нея здѣсь? У нея никого не было, кромѣ меня; она хотѣла или похоронить меня, или дождаться развязки и спокойно умереть,— впрочемъ, предпочитала первое: «мнѣ жаль отдать тебя кому-нибудь», говорила она; но, вѣдь, ты знаешь, она вѣруетъ въ тебя, и теперь спокойна и желаетъ скорѣе умереть. Нѣтъ, Александръ, онъ не любилъ ея, когда измѣнилъ. Но зачѣмъ же увѣрять въ любви, зачѣмъ онъ клялся ей? Ты не знаешь всего: они проводили по нѣсколько часовъ одни, онъ говорилъ ей объ ихъ будущей жизни, онъ звалъ ее своей, отдалъ ей самого себя и сказалъ, что ихъ ничто не разлучитъ. Я пришлю тебѣ, ежели можно, его стихи, посвященные ей. О, другъ мой, зачѣмъ же есть такія сердца, зачѣмъ не всѣ любятъ такъ, какъ мы? Тогда бы

не было на землѣ несчастій, тогда бы вся земля была любовь. Я не знаю, что можетъ облегчить ея душу, и, думаю, не долго будутъ длиться ея страданія. Я бы все сдѣлала, чтобъ ее утѣшить. Пришли же мнѣ *Легенду* и *Встрѣчу*. Человѣкъ съ высокою душой и маленькимъ характеромъ—тутъ цѣлое море для повѣсти. Главное, она можетъ принести пользу. Пиши. Сегодня я начну учиться писать нѣмецкія слова. Языкъ этотъ мнѣ кажется чрезвычайно легкимъ. Ахъ, зачѣмъ люди утратили эти 18 лѣтъ моей жизни, ими бы многое купилось, и теперь, когда стремленіе во всей силѣ,—вездѣ преграды! Когда у меня была маменька, говоря объ Огаревѣ, она сказала: «Невѣста его не молода и не хороша, но какъ образована и умна! Нѣмецкую литературу знаетъ лучше его. Онъ страстно ее любитъ». Эти немногія слова навели тѣнь на мою душу, въ нихъ какъ будто излился невольный упрекъ ея;.. но новыя ласки ея и увѣренія утѣшили снова.

Когда же ты, Александръ, ты, мой ангелъ, будешь моимъ учителемъ? Прощай, обнимаю тебя, другъ мой.

Твоя *Наташа*.

Ежели есть возможность поправить твой поступокъ, никогда не поздно. Прости, ужасно спѣшу, всѣ встали, еще цѣлую тебя.

23-е апрѣля, Москва.

Сегодня я была на именинахъ у Егора Ивановича, пріятно провела время, очень пріятно и очень грустно вмѣстѣ. Я въ первый разъ была въ саду послѣ того, какъ видѣла тебя въ немъ въ послѣдній разъ. Долго ходила по той дорогѣ, по которой, бывало, хаживалъ ты, что-то невольно глаза обращались къ твоимъ окнамъ, искали въ нихъ тебя, мой ангелъ, и въ воображеніи ты являлся, какъ бывало прежде, у открытаго окна, на лѣстницѣ... Ахъ Саша, Саша, ангелъ, когда-жъ ты будешь со мною, другъ мой?... Каждое дерево, каждый кустъ говорилъ мнѣ о тебѣ; тамъ мнѣ все мило, все родное,—и какъ все пусто!... Вспоминали съ Emilie о прошедшемъ, и она съ растерзаннымъ сердцемъ, съ утраченными чувствами, похоронивъ всѣ надежды и мечты, и она, воскрешая минувшее, улыбалась, но все что-то было такъ уныло. Одна Маша Корицко [?], рѣзвая, не знакомая ни съ горемъ, ни съ счастьемъ, безпечно веселилась.

25-е, суббота. Вчера получила твое письмо.

Александръ, Александръ, другъ мой, прости меня, о, я виновата, очень виновата! Ангелъ, прости меня. Мало того, что эта мысль была у меня въ головѣ, я еще написала ее тебѣ, холодная, грустная, мрачная мысль. Александръ, только это не моя мысль, не я создала ее. Тогда, какъ я писала тебѣ это письмо, мнѣ было странно грустно. Наканунѣ праздника я была больна и душой, и тѣломъ, къ тому же, эту мысль вселили въ меня. Хотя бы, кажется, и трудно было вселить ее мнѣ, она у меня была нѣсколько дней въ головѣ, я испугалась ея, не имѣлъ силъ вдругъ побѣдить ее, изгнать, и написала тебѣ. Она исчезла давно. Ангелъ мой, о, можетъ ли что-нибудь грустное, кромѣ разлуки съ тобою, тяготить мою душу, полную одною, одною любовью? Нѣтъ, хотя насъ дѣлитъ тысяча верстъ, хотя между нами кладутъ тысячу преградъ.... неба достигаютъ горы, которыя я должна пройти, чтобы придти къ тебѣ, но кто можетъ положить преграду душѣ? Путь ея свободенъ: и черезъ эти горы, и черезъ ужасныя пропасти она несется, летитъ вольно, быстро къ своему милому: тамъ ея родина, ея небо, ея жизнь, ея душа.

Какъ ты грустишь, мой Александръ! Нѣтъ, не на одно страданіе, не на одно горе Онъ слилъ наши души, наши существованія. Розно, далеко другъ отъ друга, мы еще не видали радости въ нашей любви; придетъ же пора... Ангелъ мой, вѣрь со мною, придетъ пора, и мы вмѣстѣ, изъ одной чаши будемъ пить одно блаженство. Когда любовь наша дана намъ Имъ, такъ она не будетъ источникомъ горестей для насъ; все небесное одинъ свѣтъ, одинъ рай, а любовь наша не небесная ли?

Боже мой, что со мною было, какъ могла я написать тебѣ такую мрачную мысль? Я вспыхнула вся, читая твое письмо. Забудь это, ангелъ мой: это не мной сказано, тутъ нѣтъ моего; нѣтъ, когда предразсудки, мелочи толпою вокругъ меня, твоя любовь, какъ цѣлительная пелена, обовьетъ все существо мое, и ничто земное не проникаетъ эту священную пелену; одна рука Провидѣнія можетъ снять ее съ меня, но и оно не сниметъ; въ ней я и *тамъ* предстану, въ ней буду ликовать съ ангелами; безъ нея—я прахъ, безъ нея мнѣ вѣчное изгнаніе, вѣчная тьма. О, Александръ, ты мой создатель, ты мой отецъ! Скажи, что бы было со мною, когда бы ты не любилъ меня, и что бы была я? Тогда бы не было *меня*, тогда бы было больше только однимъ человѣкомъ.

По-нѣмецки я читаю, списываю, твержу наизусть. Только это занимаетъ теперь меня, развлекаетъ нѣсколько. Среди горькихъ мыслей, убитая разлукой, я не способна внимать ничему, все чуждо мнѣ, все говоритъ мнѣ, что ты далеко, что тебя нѣтъ со мною: и такъ текутъ цѣлые часы, цѣлые дни. Теперь мысль, что ты желаешь, чтобъ я училась, что надо приготовить урокъ, будитъ меня, и я прилежно занимаюсь, и твое имя на языкѣ вмѣстѣ со словами Gott, Heiland, Engel... Странно, мой другъ, съ удовольствіемъ учусь, съ удовольствіемъ и перестаю учиться; съ какою быстротой, сбросивъ съ себя нѣмецкія оковы, я лечу къ тебѣ, мой ангелъ, тутъ уже ничто меня не разлучаетъ съ тобой, ничто не тѣснитъ тебя изъ мыслей, и я такъ жадно, съ такимъ наслажденіемъ пью эти минуты и опять съ новымъ желаніемъ принимаюсь за урокъ, и опять съ новою быстротой несусь къ тебѣ.

Не могу придумать, какимъ бы образомъ сдѣлать, чтобъ тебѣ написала к[нягиня]. Этого никогда не будетъ, за это отвѣчаю. Она теперь очень рѣдко бываетъ у папеньки и каждый разъ ссорится и почти все за меня; онъ на моей сторонѣ. Нѣтъ, придумай другое средство, это невозможно. А видѣться намъ, — знаешь ли, что можетъ быть способомъ?— нѣмецкій языкъ. M-me Metthey у насъ не будетъ, я буду просить учиться у тебя; вѣрно, папенька будетъ на нашей сторонѣ, и кн[ягинѣ] нельзя будетъ отказаться. Я въ восхищеніи отъ одного вообpaженія,—и я буду у тебя учиться!... Ангелъ, ангелъ мой, какое блаженство, какіе часы! Зимніе вечера намъ можно будетъ проводить вмѣстѣ, но... развѣ ты навсегда пріѣдешь сюда? Эта мысль разстроила цѣлый храмъ, созданный изъ счастливыхъ мечтаній. Навсегда-ль, навсегда-ль, ты взойдешь, мое солнце, или лишь согрѣешь мою душу и закатишься опять въ синюю даль?...

26-е, воскресенье. Вчера не могла я писать болѣе. Такъ всегда лишаюсь я всѣхъ способностей при посѣщеніи мрачной мысли о новой разлукѣ,—все отпадетъ отъ сердца, все—туманъ кругомъ, снѣгъ ляжетъ на душу, и одна молитва, одна вѣра можетъ только утѣшить меня въ эти грустныя минуты. Мнѣ ли не вѣрить, мнѣ ли сомнѣваться въ Немъ? Мнѣ ли...

Знаешь ли, мой другъ, что странно? Когда я была у папеньки, мнѣ казалось, что я дома, что всѣ посторонніе въ гостяхъ *у насъ*, и такъ сроднилась съ этою

мыслью, что, ѣхавши домой, думала, что я ѣду въ гости. Какъ скучно, какъ несносно въ гостяхъ! Когда-жь я поѣду домой, мой ангелъ?

Ты пишешь: «Что намъ дѣлать съ Emilie»? Она велѣла сказать тебѣ, чтобъ ты забылъ ее, забылъ ея несчастье и не писалъ бы къ ней, потому что «слово» счастье для нея теперь непонятный, пустой звукъ. Она также къ тебѣ не будетъ писать, «чтобы не затуманить его яснаго неба»,—говоритъ она. Твой языкъ теперь ей непонятенъ, въ немъ каждое слово звучитъ любовью, счастьемъ, а это ей такъ же далеко, такъ же незнакомо, какъ занебесье. «Избави Богъ, но ежели, когда онъ научится говорить понятнымъ мнѣ языкомъ, тогда пусть напишетъ, я отвѣчу ему».—сказала она мнѣ. Боже мой, Боже мой! И такая прелестная душа такъ убита несчастіемъ, что даже въ ней родилось сомнѣніе въ друзьяхъ, будто они не поймутъ ея страданій, будто въ ихъ душѣ она не услышитъ... [слово вырвано] Боже мой и Ты посылаешь такія несчастія! Впрочемъ, я еще дивлюсь ей: нѣтъ, твердость ея необыкновенна, бываетъ время, когда я забываю, что она такъ несчастна.—моя любовь, мое блаженство отражается въ ея душѣ и на мигъ она забываетъ себя. Пиши къ ней, Александръ, я прошу тебя, мой другъ: твои письма, я знаю, приносятъ ей утѣшеніе: на-дняхъ она уѣзжаетъ въ деревню и до декабря мѣсяца. Тогда ужь ты будешь здѣсь, мой ангелъ, со мной.

Твоя вѣчно *Наташа*.

Машенька Корицко [?] кланяется тебѣ.

Я познакомилась также съ Машенькой Эрнъ.

27-е, понедѣльникъ. Вчера я говорила о тебѣ съ к[нягиней]. Она сердится, что ты не вспомнишь о ней, даже не припишешь никогда почтенія. «Онъ воображаетъ, что ему никто не нуженъ», — прибавила она. Я думаю, это можно сдѣлать... впрочемъ, какъ ты думаешь.

Сегодня мнѣ снилось, будто я плыву по морю, и ни челнока, ни какого судна въ виду, и не страшно мнѣ, и я плыву беззаботно... Такъ отдалась я волнамъ твоей любви. Безбрежно, бурно море, и я безъ паруса, безъ весла, безъ челнока плыву по немъ безусловно; дуетъ ли вѣтеръ, бушуетъ ли непогода,—не страшно мнѣ: я сроднилась съ моремъ, съ волнами. Его спокойствіе льетъ тихое, святое блаженство въ мою душу, его волненіе небесно-очаровательно! И на волнѣ любви вознестись до неба!

Вѣдь, ты вѣришь, другъ мой, что та мысль не моя? Вини меня только въ томъ, что я допустила ее посѣтить мою душу, что *она* могла заставить ее издать грустные звуки. Разлука, разлука, ангелъ мой, всему виною. «Поневолѣ снится страшный сонъ». O, wenn werde ich dich sehen, mein lieber Freund?!

Я бы не желала, чтобъ *они* были при нашемъ свиданіи. До сихъ поръ мнѣ напоминаютъ о ки. Об., къ которому я чуть не бросилась на шею, вообразивъ, что это ты. Да, надо тебѣ помириться съ к[нягинею], а то она говоритъ, что, когда ты возвратишься, она не будетъ позволять намъ быть вмѣстѣ, увѣрившись, что ты непремѣнно долженъ сдѣлаться хуже, живши *на воль, за глазами*. Ахъ, люди, люди, какъ они жалки, мой ангелъ! Какъ можетъ Его созданіе, Его подобіе такъ унизиться, такъ много принять дурного! Но я вѣрую, рано или поздно просвѣтлѣетъ и ихъ душа: Онъ Святъ: прахъ Ему не доступенъ, Онъ благъ, не погубитъ своего созданія!

28-е, вторникъ. Ты говоришь, мой другъ, что любовь Emilie не была ли одно увлеченіе? Еслибъ оно и такъ было, легко-ль разстаться съ мечтою, кото-

рая была единственною усладой горькой жизни; равнодушно ли видимъ мы, какъ блѣднѣетъ роза, какъ опадаютъ ея листики? Смерть одного цвѣтка между сотнею наводитъ на душу меланхолію, навѣваетъ на нее мысль горькую, унылую, мысль и о нашемъ разрушеніи... А *это* былъ единственный цвѣтокъ ея души! И онъ поблекъ, и онъ увялъ... умеръ!... Страшно, страшно, о, другъ мой! только ты миришь меня съ людьми, только ты заставляешь меня вѣрить имъ, любить ихъ.

Ужели онъ не любилъ ее, когда писалъ къ ней изъ Симбирска: «A peine arrivé à S. je m'empresse de t'écrire, angélique amie. Jamais je n'etais aussi complètement seul — qu'ici; jamais je n'avais aussi besoin de savoir qu'il y a une personne dont l'âme harmonise avec la mienne, et qui forme, pour ainsi dire, la seconde moitié de moimême, jamais, te dis-je, plus qu'àpresant: et pourtant je ne suis pas encore certain de posséder cette chère moitié, si indispensable pour que je sois un être complet, pourtant des demi-soupçons me rongent parfois l'âme... et cet état mixte m'est pénible...» Ужель это мечта, одно воображеніе, одинъ обманъ, ужели тутъ нѣтъ любви? Когда эти слова чертила одна пылкая мечта,—прощаю, но когда тутъ есть хоть искра любви? Божусь тебѣ, мой ангелъ, не понимаю, вовсе не понимаю. Ничто въ свѣтѣ не заставитъ меня вѣрить, что любовь можетъ такъ скоро, такъ легко гаснуть, говорю тебѣ,—и ты скажешь, я знаю, ничто въ свѣтѣ. Не вѣрю, чтобъ *она* могла когда-нибудь погаснуть,—и потомъ, думать что тутъ обманъ... Подождемъ.

Прощай, милый мой, единственный!
Обнимаю тебя всею душой Твоя.

Стихи О. посылаю. Прости, что тою почтой не послала: ихъ у меня не было. Еще прощай, еще обнимаю тебя, другъ мой, душа моя, еще цѣлую тебя много, много. Спѣшу ужасно.

27-е апрѣля, Вятка.

Давно, душа моя, нѣтъ отъ тебя писемъ. Дай Богъ, чтобъ эта почта принесла что-либо, хоть строчку. Наташа, ты, вѣдь, знаешь, какъ радостно получать письма и какъ горько ихъ ждать. По счастію, моя пустая жизнь кончилась, я опять занимаюсь, хотя не такъ много, какъ прежде, но съ пользою. Не должно удаляться отъ людей и дѣйствительнаго міра; это старинный германскій предразсудокъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ есть своя полнота, которая не находится въ жизни кабинетной и которая учитъ многому. Человѣкъ не созданъ для уединенія. Но горе тому, кто тратитъ душу свою на пустоту этого міра, забывая другой, высшій. Разбитый, больной, печальный явился я сюда и потому искалъ въ ложномъ шумѣ утѣшенія. Это не могло долго продолжаться. Ты ускорила еще мое возвращеніе къ идеальному, и годъ этотъ не совсѣмъ пропалъ въ жизни моей: онъ богатъ опытомъ, чувствами и болѣе всего любовью къ тебѣ, мой ангелъ. Теперь у меня въ головѣ бродитъ планъ весьма важной статьи, можетъ, для развитія которой нужно написать цѣлый романъ, который поглотитъ въ себѣ и ту тему, о которой писалъ тебѣ въ прошломъ письмѣ, и многое изъ моей собственной жизни. Я рѣшительно хочу въ каждомъ сочиненіи моемъ видѣть отдѣльную часть жизни души моей. Пусть ихъ совокупность будетъ іероглифическая біографія моя, которую толпа не пойметъ, но поймутъ люди. Пусть

впечатлѣнія, которымъ я подвергался, выражаются отдѣльными повѣстями, гдѣ все вымыселъ, но основа—истина.

Теперь меня чрезвычайно занимаетъ религіозная мысль —паденіе Люцифера, какъ огромная аллегорія, и я дошелъ до весьма важныхъ результатовъ. Но въ сторону это!

Вотъ и май скоро; годъ, что я здѣсь; но прямой положительной надежды нѣтъ на возвращеніе. Боже мой, какъ гнетутъ насъ люди; они намъ дозволили въ продолженіе почти двухъ лѣтъ одно минутное свиданіе, одинъ поцѣлуй, и то прощальный. А какъ мы нужны другъ другу! Хуже всего, что нѣтъ положительной надежды. Никто не хочетъ прямо стать за сосланнаго. О, Наташа! Здѣсь-то узналъ я еще болѣе гнустность обыкновенныхъ людей, ибо здѣсь она во всей наготѣ, даже не прикрыта легкою тканью образованности, и какъ же надобно благодарить судьбу, что и здѣсь я нашелъ душу высокую—Витберга.

Но знаешь ли, чему ты чрезвычайно удивишься, что я почти всякій день здѣсь, въ Вяткѣ, [говорю] о тебѣ. Да, почти всякій день, и это для меня какое-то дивное наслажденіе. Но съ кѣмъ?—спросишь ты. Любовь робка на языкѣ, и потому никогда не являлся ни одинъ звукъ ея при Витбергѣ, который какъ будто отталкиваетъ довѣріе сего рода своимъ гранитнымъ характеромъ. Не говорилъ я о ней и съ Медвѣдевой, *ибо я знаю, что ей это было бы непріятно*, она и такъ довольно несчастна. Но помнишь ли другую Полину, нѣмочку, о которой я какъ-то писалъ тебѣ? Въ ней тьма поэзіи, и, не знаю почему, ей одной я высказалъ всю любовь мою къ тебѣ и съ тѣхъ поръ ты составляешь одинъ предметъ нашихъ разговоровъ. Въ благодарность за сіе я требую, чтобъ ты въ слѣдующей запискѣ написала къ ней хоть строчку, только по-французски. Зови ее просто Pauline. Она заслуживаетъ это, ибо она отъ души желаетъ, чтобъ твой Александръ скорѣе былъ въ твоихъ объятіяхъ. Напиши же непремѣнно, какой-нибудь комплиментъ, un rien.

У тебя новое фортепіано, пишетъ маменька. Занимайся музыкою какъ можно болѣе. Я напишу домой, чтобы тебѣ доставили одинъ Rondoletto Герца, который мнѣ ужасно нравится и который я очень часто заставляю играть.

29-е апрѣля. И такъ, Огаревъ полюбилъ свою невѣсту за нѣмецкую литературу, пишешь ты, а поелику ты не знаешь ея, слѣдственно, тебя не стòитъ любить. Перестань же писать такой вздоръ, моя милая Наташа, не стыдно ли тебѣ? Твоя душа часто приводитъ меня въ удивленіе своею высотой, своею святостью, а еслибъ ты знала астрономію, то это еще не дало бы тебѣ права на мое удивленіе. Не унижай себя, ты—ангелъ, ангелъ, ты мнѣ самимъ Богомъ послана; я тебя люблю за твою душу, люблю за твою любовь, которая вся ты, люблю потому, что не могу не любить тебя. Неужели пламенный языкъ моихъ писемъ, эта струя огня, можетъ оставлять хотя тѣнь сомнѣнія, что я обращу малѣйшее вниманіе на внѣшнее что-либо?

И такъ, пусть же благословеніе твоего отца исполнится, пусть Александръ Невскій — твой патронъ. Знаешь ли, что и меня онъ благословилъ тѣмъ же образомъ, и онъ со мною здѣсь. О слѣдующей разлукѣ не думай. Довольно мрачнаго и въ настоящемъ. Въ Москвѣ я не останусь, но даю тебѣ клятву при малѣйшей возможности не разлучаться съ тобою. Я уже писалъ, что сбрасываю на твои плечи половину тягостей моей жизни, неси же ихъ вмѣстѣ съ твоимъ Александромъ.

Къ концу нынѣшняго мѣсяца, т. е. мая, рѣшится важный вопросъ: можно

ли надѣяться въ 1836 году быть въ Москвѣ? Ежели молитва дѣйствуетъ, то чью же молитву небо можетъ лучше принять, какъ твою?

Какъ счастлива Витбергова жена въ несчастіи! Но вѣрь, вѣрь, будутъ минуты и у насъ, когда рай намъ позавидуетъ. Прощай, некогда болѣе писать. Цѣлую твои руки, тебя, твои глаза. О, приходи скорѣй то время, когда живой поцѣлуй, продолжительный, страстный, сотретъ все мрачное!

Твой, твой *Александръ*.

Emilie, говорятъ, сердится на меня за то, что давно я ей не писалъ. Увѣрь же ее, что я ее люблю, какъ сестру, и потому на что же требовать доказательствъ матеріальныхъ—писемъ? Писать къ тебѣ —это необходимость, это воздухъ для меня, это жизнь. Но, впрочемъ, я напишу, можетъ, по слѣдующей почтѣ. Впрочемъ, она говоритъ, что я не отвѣчалъ на письмо, а мнѣ кажется, я писалъ отвѣтъ.

Благодарю за нѣмецкій языкъ. Достань себѣ черезъ Ег. Ив. методу Жакото учиться языкамъ. Она облегчитъ.

— — —

8-е мая. Москва.

Теперь мнѣ грустно, Александръ, со мною много непріятностей. Вчера прощалась съ Emilie; она была мнѣ большимъ утѣшеніемъ въ разлукѣ съ тобою. Съ нею ты былъ единственнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ, въ ея истерзанной душѣ отражалось мое счастье, и на мигъ она забывала горе и хоть на мигъ отдыхала отъ собственныхъ страданій. Теперь, въ чью душу перелью я избытокъ счастья души моей, кто пойметъ огненный языкъ мой? Ей же онъ былъ внятенъ, очень внятенъ; и тяжко ей въ ея несчастіи не имѣть подлѣ себя друга!

Потомъ, мнѣ такъ пріятно было исполнить твое желаніе выучиться по-нѣмецки; имѣя случай, я твердо рѣшилась достигнуть этого и такъ горячо принялась, что m-me Ма не могла надивиться. Двѣ недѣли прошли для меня, какъ два дня; я была довольна собой. Теперь она уѣхала отъ насъ. Вдругъ все кончилось: всѣ средства отняты,—не большая ли это непріятность? А скоро и мы сами поѣдемъ въ деревню, мнѣ ужасъ, какъ не хочется: тамъ я совершенно связана, даже и фортепіано не берутъ туда никогда. Но зачѣмъ же я и тебя заставляю хмуриться? Лучше перестану писать. Да и что все это, когда ты, ангелъ, любишь меня?

9-е, суббота. Два дня мнѣ было ужасъ какъ грустно; все, что тебѣ писала выше, туманило мою душу, но вдругъ твое письмо! Нѣтъ, ни объ Emilie, ни о нѣмецк. языкѣ, ни о фортепіано грустила я, а о томъ, что давно не было отъ тебя писемъ, ангелъ мой! Странно сердце человѣка, безпредѣльно, необъятно сердце любящее! Чего недоставало мнѣ за минуту? Пол-вселенной?! Одну строчку, одно слово твоею рукой! Вотъ и письмо, тутъ много словъ, много строчекъ, цѣлый листъ, —нѣтъ, все мало! Все это было, могло уже многое перемѣниться,—а что теперь ты, гдѣ ты, здоровъ ли ты? И рой думъ толпится въ головѣ, думъ ясныхъ и тяжелыхъ, сердцу тѣсно въ груди, взвилась бы ласточкой и понеслась въ милую, родную, дальнюю сторону —къ тебѣ, къ тебѣ! Пиши, пиши тотчасъ мнѣ, когда узнаешь, что можно надѣяться намъ обнять другъ друга не заочно. О, мчись скорѣе, время! Милый, милый, пріѣзжай! Какъ ждетъ тебя твоя подруга! Мысль свиданія, будто солнце, льется въ душу... Ахъ, Александръ, ангелъ

мой, скажи, можно ли любить болѣе, какъ я люблю тебя? Говорю тебѣ,—я забываю себя: этого мало, я не существую, во мнѣ твоя душа, твое сердце, я вся—ты, твоя мысль, твоя любовь. Знаешь ли, Александръ, читая въ твоемъ письмѣ о Медвѣдевой, у меня навернулись слезы на глазахъ, сердце сжалось... Несчастная! Она любитъ тебя?... О, другъ мой, спаси, спаси ее, не убивай! Ты не говоришь ей теперь обо мнѣ потому, что ей было бы это непріятно, но легче ли будетъ ея сердцу узнать это *послѣ?*... Мнѣ жаль ее; ты можешь все, Александръ, тебѣ поручаю ее, спаси ее отъ самого себя. Ты раскаивался прежде, что завлекъ несчастное существо,— стало, въ любви М. не ты виною? Не будь же виною въ ея страданіяхъ, въ несчастіи всей ея жизни. Ангелъ мой, будь чистъ всегда; полагаюсь на тебя. Прощай, обнимаю тебя и, цѣлуя, повторяю: спаси ее, спаси!

Воскресенье. 11-е. Давеча я была въ соборѣ. Какое необъятное чувство наполняетъ душу въ этомъ священномъ зданіи! Сколько людей, влекомыхъ вѣрою, протекало въ немъ, сколько душъ врачевалось въ святыхъ стѣнахъ его! Кто, бывши въ Москвѣ, не пришелъ поклониться мощамъ угодниковъ, кто выходилъ изъ дверей его съ ожесточеннымъ сердцемъ?.. Невольно переселяешься въ мрачную бездну минувшаго, въ мертвой дали его возстаютъ призраки; будто слышишь еще его тихій, но уже исчезающій шепотъ... Могильное дыханіе минувшихъ столѣтій наводитъ на душу тайный трепетъ, но святыня, алтарь, чаша искупленія воззываютъ къ молитвѣ, и душа, развивъ земную оболочку, звонкимъ, чистымъ гимномъ возносится на небо. Я вышла оттуда, полная благоговѣнія. Я думаю, ты помнишь, какъ мы, сочетанные на небѣ, но еще чужіе на землѣ, были тамъ вмѣстѣ?

Ты снова проводишь время въ дѣятельности полезной, а записки твои прошлаго года, бывало, тревожили иногда меня. Пришли же мнѣ, если можно, твою статью. Я съ нетерпѣніемъ ее жду. Придетъ ли то время, когда и я буду помогать тебѣ,—хоть очиню перо, хоть перепишу что-нибудь?! Ты не можешь себѣ вообразить, какъ мнѣ странно кажется теперешнее мое положеніе. Столько оковъ, столько униженій, столько повелителей надо мною, тогда какъ я не признаю ничьей власти надъ собой, кромѣ твоей, и одинъ прахъ, одно ничтожество кругомъ, тогда какъ въ груди столько пространства обнять прекрасное! Но пусть: чѣмъ болѣе перегораетъ золото, тѣмъ чище оно!

13-е, вторникъ, рано утромъ. Какъ хорошо мнѣ теперь: сосѣдки мои уѣхали на день въ деревню; я одна,—отдыхаю, какъ свободно дышать! Долго, долго я теперь мечтала, ангелъ мой, и все о тебѣ, о тебѣ! Потомъ обратилась къ себѣ, разсматривала состояніе моей души. Какое дивное созданіе человѣкъ, какая святая искра душа его, эта часть самого Бога! Въ жизни моей мало было дней радостныхъ, но я не помню, чтобъ душа моя была въ такомъ состояніи, которое бы я желала замѣнить другимъ. Ни въ какихъ угнетеніяхъ въ ней не исчезало чувство собственнаго достоинства; никакое горе не удаляло ее отъ Бога; всегда во всемъ нераздѣльна божественнаго начала своего! Можетъ, ничтожество предметовъ, окружающихъ меня съ самаго рожденія, нелѣпость воспитанія, люди, среди которыхъ я росла, набросили на душу тонкую ткань, подъ которою дышало чувство, смыкались очи душевныя, но которая не могла потушить небеснаго огня, зажженнаго въ ней Творцомъ, и бывало мнѣ душно, тяжко во мракѣ подъ этою тканью. Знаю, чувствую, что есть міръ другой, есть лучшее, но какъ достигнуть мнѣ до него, какъ увидѣть его? Нѣтъ силъ сдернуть занавѣсъ... но прелестно и это состояніе души! Окруженная мракомъ, она яснѣе видѣла соб-

ственный свѣтъ и, чтобы не угасъ онъ, не сходила въ міръ обыкновенный, не тратила чувства на обыкновенное, и жила однимъ стремленіемъ, однимъ порывомъ къ лучшему, трепетно ждала того мгновенія, пока само Провидѣніе изведетъ ее изъ темницы и покажетъ путь. И въ этомъ плѣну были минуты наслажденія, минуты святыя, когда, тѣснимая въ самой себѣ, рвется изъ собственныхъ предѣловъ и сквозь страшныя преграды, достигнувъ неба, сливается съ божествомъ, величіемъ—съ общею душой!

Ты былъ всегда единственнымъ жителемъ того міра, о которомъ самая мечта была для меня наслажденіемъ: ты былъ для меня во всемъ единственнымъ. Я чувствовала, что мы не чужіе, но насъ дѣлило многое, многое, и чтобы преодолѣть это многое, потребна была воля самого Провидѣнія. Съ первою запиской твоей изъ Крутицъ вдругъ приподнялось покрывало съ души, и уже потомъ съ каждою строкой рѣдѣлъ туманъ, свѣтъ становился ярче, обширнѣе и тамъ, гдѣ занималась только заря, теперь горитъ пламенное солнце, и горитъ такъ ярко, такъ огромно, какъ въ самомъ небѣ.

Удивительно, Александръ, даже въ прощаніи съ тобою, въ разлукѣ владѣетъ душою горесть, священная, полная какою-то дивною поэзіей, — горесть, въ которой душа находитъ отраду, самое наслажденіе! Нѣтъ, не знаетъ тотъ себя, своей души, кто ищетъ утѣшенія во всемъ, кромѣ себя, тотъ истинно жалокъ!

Но когда-жъ, ангелъ мой, мы будемъ съ тобою пить наслажденіе изъ чаши блаженства, а не извлекать его по каплѣ со дна моря горькаго?

«Придетъ пора, и съ той порой...»

Огаревъ! ты правъ, твоя пора пришла!

Теперь пора внизъ, позаботиться о хозяйствѣ, о столѣ, т. е. заступить мѣсто М. С., не ужасно ли это? Я воображаю, это тебя ужасно бы разсердило. Прощай пока, мой свѣтъ, моя жизнь, цѣлую тебя, твоя

Наташа.

24-е, воск. [?]. Какъ ты долго не имѣешь отъ меня писемъ! Мнѣ несносно за тебя, ангелъ мой; я спрашиваю всегда, когда можно послать къ тебѣ или отдаю заранѣе. Е. И. назначилъ въ этотъ четвергъ, и я не могу прежде, хотя меня это ужасно мучаетъ, а особенно послать мнѣ на почту нельзя.

Какъ тебѣ тяжело, досадно, грустно: мнѣ не легче, другъ мой; еще больше недѣли ожиданія—это ужасно! А, можетъ, скоро и совсѣмъ не будешь ждать отъ меня писемъ! Напиши же, когда узнаешь навѣрное, когда возвратишься, и пиши скорѣе. Прощай, ангелъ, пока заочно цѣлую тебя, до свиданія!

Твоя, твоя *Наташа.*

Ноты Герца принесъ Е. И., только не твое Rondoletto. Когда-жъ мнѣ заниматься музыкой? Мнѣ запрещаютъ и бранятъ за это, а теперь—въ деревню: ужасъ, какъ досадно! Во всемъ полагаюсь на будущее, теперь живу одною любовью. Еще разъ цѣлую тебя.

Получилъ ли ты письмо со стихами О.?

26-е, понедѣльникъ. Ты не можешь вообразить, мой ангелъ, какъ мнѣ тяжко, какъ я мучаюсь, что ты такъ долго не получаешь отъ меня писемъ! Я знаю, какъ это несносно: что подумаешь ты?—какъ досадно тебѣ! Я сама за это сержусь на всѣхъ. Маменька у меня не была, и потому мнѣ эти дни грустно: мнѣ необходимо нужно было ее видѣть: я бы отдохнула. Меня утомили чужое вниманіе и холодное участіе. Въ нихъ капли нѣтъ лекарства. Но, можетъ, и я

слишкомъ требовательна: ищу твоего взгляда, ищу звука твоего голоса, а возможно ли это?...

Кажется, нравъ мой перемѣнился. Смотрю на землю, на всю природу, смотрю такъ жадно, такъ внимательно, будто ищу тебя, но вездѣ чужой образъ, безотвѣтный, и мнѣ невольно досадно и тяжко. Съ поспѣшностью нетерпѣливо взоръ обращается къ небу, глубоко впивается въ его синюю даль, ищетъ тебя въ небѣ; тамъ отраднѣе ему, но тамъ нѣтъ тебя, моего ангела, и невольный ропотъ въ душѣ...

О, когда-жъ, когда-жъ усталые, утомленные глаза мои найдутъ свою отрадную, надежную пристань—твой взоръ? Впервые, Александръ, впервые я увижу въ немъ любовь твою, впервые услышу отъ тебя слово любви! Нѣтъ, я выразить не могу тебѣ, что я чувствую, какъ жду тебя, какъ мнѣ весело, какъ грустно, какъ несносны мнѣ люди, какъ я люблю всѣхъ! Теперь я здорова. Прощай, мой ангелъ, другъ мой.

Твоя *Наташа.*

---

12 мая, Вятка.

Ангелъ мой, Наташа! блеснулъ первый лучъ надежды, маленькій лучъ, едва видный. О, Боже, ежели бы онъ былъ не тщетный, ежели бы черезъ мѣсяцъ или два я могъ тебя прижать къ моему сердцу и въ твоихъ объятіяхъ забыть всѣ двухлѣтнія страданія! Моли, моли Бога, Наташа; молитва твоей чистой души, можетъ, будетъ услышана.

На-дняхъ меня Полина просила написать ей что-нибудь на память, и я написалъ слѣдующее: «Влекомый таинственнымъ пророческимъ голосомъ, пилигримъ шелъ въ Іерусалимъ. Тяжка была дорога, силы его изнемогали, онъ страдалъ. Господь сжалился и послалъ ему утѣшителя съ чашею, наполненною небеснымъ питьемъ. Съ восторгомъ принялъ пилигримъ его; но, отдовая ему чашу, сказалъ: «Посланникъ неба! Благословляю нашу встрѣчу, но съ радостію покидаю тебя, ибо я знаю нѣчто выше тебя, святую Дѣву, къ ней иду я, къ ней стремлюсь, ей моя жизнь. Моли Бога, чтобъ скорѣе соединился съ нею!» И эта святая дѣва—ты, моя Наташа, да, все, все радостно покину я для тебя, для тебя, которая такъ меня любитъ. Ты моя святая, высокая дѣва.

13-е мая. Я началъ и уже довольно написалъ еще новую статью. Въ ней я описываю мое собственное развитіе, чтобы раскрыть, какъ опытъ привелъ меня къ религіозному воззрѣнію. Между прочимъ, я представилъ тамъ сонъ или, лучше, явленіе, въ которомъ нисходитъ ко мнѣ дѣва, ведущая въ рай, какъ Беатриче Данте. Этотъ сонъ мнѣ удалось хорошо написать. Витбергъ былъ очень доволенъ, но не зналъ причины. Онъ думаетъ, что я такъ живо представилъ мою мечту и что моя мечта такъ хороша, а я проста описалъ тебя, и не мечта, а ты такъ хороша.

Кажется, сегодня годъ, что я поѣхалъ изъ Перми. Обыкновенно при такихъ воспоминаніяхъ говорятъ: какъ скоро идетъ время! Ну, я этого не скажу про этотъ годъ,—нѣтъ, медленно, какъ долгій ядъ, какъ болѣзнь, велъ онъ меня, и я, кажется, ощущалъ шероховатость каждаго дня его 366 дней. Но скажу откровенно: будь ты здѣсь, и я перенесъ бы его, конечно, не безъ грусти, но легко.

Что-то Ог.? Женился ли? Никакой вѣсти отъ него, а и онъ мнѣ необходимъ, какъ ты: мы врозь—разрозненные томы одной поэмы. Хорошая библіотека не удовлетворится одною частью. Ахъ, гдѣ то будетъ эта хорошая библіотека!

Сегодня я ждалъ отъ тебя письмо, но не получилъ,—досадно. Я знаю, что тебѣ самой трудно не писать ко мнѣ долго, знаю, что тебѣ писать ко мнѣ такъ же необходимо, какъ дышать, но досадно. Я такъ счастливъ, получивъ твое письмо, такъ веселъ. Ухожу въ свою комнату, бросаюсь на диванъ и читаю, и перечитываю десять разъ. И сердце такъ бьется, и кровь такъ кипитъ, готовы слезы литься изъ глазъ, и дыханіе дѣлается прерывисто. Это мои счастливѣйшія минуты здѣсь, потомъ цѣлые дни мечтаю о каждой строкѣ. О сколько блаженства принесла ты мнѣ, и какая высокая душа отдалась мнѣ.

Да, будутъ минуты, когда мы не позавидуемъ раю, а рай позавидуетъ намъ. Твой, твой вѣчно

Александръ.

18-е, Духовъ день, понедѣльникъ.

Сегодня былъ у насъ папенька; удивительно, Александръ, будто сердце его предчувствуетъ, что твое существованіе должно соединиться съ моимъ. Каждый разъ, какъ видитъ меня, дѣлаетъ наставленія, какъ приготовляться быть хорошею женой, потомъ, какъ угождать мужу, повиноваться и пр. Но нужно ли все это мнѣ, ангелъ мой?... Мнѣ кажется, твой капризъ, твоя малѣйшая прихоть будетъ моимъ закономъ, исполненіе ихъ—наслажденіемъ. И существуетъ ли, и можетъ ли существовать въ любви капризъ и упрямство? Это такъ мелко, такъ ничтожно и такъ далеко нашей души. Нѣтъ, никогда ничего темнаго не вспадало мнѣ на мысль, да и что, что можетъ помрачить душу, озаренную, потонувшую въ свѣтѣ твоей любви, какъ утренняя звѣзда въ яркомъ морѣ солнечнаго свѣта? Другъ мой, будто я когда-нибудь *принуждена* буду исполнить твое желаніе,— развѣ твоя и моя воля не все равно, будто есть разница между твоими и моими желаніями?

Тотъ, кто не любилъ, не вѣдаетъ дивнаго наслажденія служить малѣйшею пользой существу любимому, не только быть необходимою неотдѣльною частью его самого. Когда я желаю чего-нибудь, мечтаю о чемъ, меня не нужно увѣрять, что ты думаешь о томъ же, желаешь того же.

Но я, можетъ, слишкомъ мала, чтобъ обнять всю обширность твоей высокой мечты; можетъ, грудь моя слишкомъ слаба, чтобы поднять всю тяжесть сокровищъ твоей души, но ты мнѣ далъ жизнь, ты и возростишь меня; ты далъ любовь, ты дашь и силу.

Сію минуту прощалась съ Сашей Б. надолго, надолго, и какъ знать, можетъ, и навсегда... Грустно, Александръ, и чтобъ облегчить душу, пишу къ тебѣ; ты самъ знаешь разставаться съ людьми, въ чьей душѣ есть звонкій намъ отголосокъ, и теперь уже я совершенно одна: ни она, ни Emilie не возвратятся прежде глубокой зимы, а тогда уже, можетъ быть, ты будешь здѣсь, со мною... О, ангелъ, Александръ мой, какая мысль! Какъ дивно врачуетъ она душу, какъ Божье слово изгоняетъ грусть и мракъ! Чья разлука оставитъ слѣдъ свой въ душѣ моей, когда я надѣюсь, что ты будешь здѣсь, со мною? А прелестное существо эта Саша, я люблю ее. Вихрь свѣта не изломалъ ни одного чувства ея, не обезобразилъ ни одной мысли; напротивъ, стѣсняя ее болѣе и болѣе своими глупостями, заставилъ ее углубиться въ самое себя, надѣть покрывало, которое поднялось впервые при встрѣчѣ со мною, а толпѣ она будетъ вѣчно загадкой и толпа вѣчно недоступна ея. Она любитъ меня и не вѣритъ, чтобъ я ее любила, будто любовь требуетъ въ жертву дружбу? Будто не надо никого любить, чтобъ любить

тебя? Нѣтъ, всѣхъ, кого я любила, люблю и теперь, и еще больше люблю. Мнѣ не нужно было отнимать ни у кого любви тебѣ... Это не заемная, нѣтъ, это особенная любовь, которою бы самое небо пожалѣло дѣлиться.

20-е, среда. Александръ, на душѣ у меня лежало всегда грустное чувство, тяжелое, какъ камень. Я не писала тебѣ о немъ, потому что ни ты, ни я помочь этому не можемъ, но сегодня я ужасно разстроена и молчать не въ силахъ. Что будетъ съ бѣднымъ братомъ моимъ Петрушею? У меня отняты были даже средства, возможность имѣть съ нимъ сообщеніе. Мысль о его положеніи всегда убивала меня, но я, все-таки, воображала его лучшимъ, нежели оно есть. Живетъ въ Шацкѣ у какого-то купца и ходитъ въ уѣздное училище. Мальчикъ съ способностями, немного моложе меня, и какое поприще предстоитъ ему? Нѣтъ человѣка, отъ котораго бы можно было ждать помощи. Сегодня я получила оттуда письмо, пишетъ, что у нихъ скоро экзамены и что, несмотря на то, что ему *всѣ* (и кто же эти всѣ?) совѣтуютъ перестать учиться, онъ непремѣнно намѣренъ продолжать: впрочемъ, спрашиваетъ моего совѣта. Откровенно говорю тебѣ, другъ мой, это убиваетъ меня: твоя любовь не можетъ залѣчить эту рану, и я не ищу утѣшенія себѣ, я требую помощи моему брату. Ну, что я могу теперь сдѣлать для него? Написать Алек. Алек., ему все равно, ему не больно, что родной братъ его останется мужикомъ или нищимъ, и слова мои не будутъ имѣть ни малѣйшаго успѣха: это странный человѣкъ. За себя никогда у меня не вырывался ему упрекъ, а это невольный ропотъ души за родного. Рѣшительно нигдѣ, ни въ комъ нѣтъ надежды. Это страшное чувство, Александръ; оно посѣтило мою душу съ тѣхъ поръ, какъ я стала понимать. Я не таила его отъ тебя, ангелъ мой, а не писала все же потому, что не утѣшенія хочу себѣ, а помощи брату, которой ты не можешь теперь сдѣлать. И зачѣмъ пишу теперь, не знаю; это непріятно тебѣ будетъ,... но пусть же все вмѣстѣ—и радость, и горе!

Потомъ сестра Катя, говорятъ, прекрасная собою, 15-лѣтъ, также живетъ у купца, и теперь они уже чувствуютъ свое положеніе. О, я знаю, какъ ѣдко, какъ убійственно юной душѣ чувство беззащитности и сиротства? Я сама взросла одна-одинехонька на чужой полянѣ, и мнѣ знакомы бури и завываніе вѣтровъ и непогоды... Впрочемъ, Богъ—сиротокъ Отецъ. Чѣмъ лучше была моя жизнь ихъ, чѣмъ радостнѣе было сердцу? Можетъ, еще больше испытало оно мученій, еще яснѣе видѣло бездну, до которой былъ одинъ шагъ,... но за то какая награда!.. Я не отчаяваюсь, что когда-нибудь и я буду имѣть средства быть для нихъ полезной. Тѣмъ болѣе горько мнѣ, что у нихъ никого нѣтъ, кромѣ меня, а что я для нихъ?

21-е, четвергъ. Ужель, ужель, ангелъ мой, я увижу тебя не одною мечтой, не одною мечтой мы обнимемъ другъ друга?... Когда я прочла: «блеснулъ лучъ надежды»... о, вѣрь, Александръ, мнѣ казалось, что небо отворилось, и я увидѣла тебя тамъ въ сіяніи, и мнѣ недоставало только крыльевъ летѣть къ тебѣ! Ты сказалъ: «молись», и рука невольно поднялась къ небу съ твоимъ письмомъ, и вся душа готова была излиться молитвой: въ эту минуту въ ней не было земного, о, нѣтъ, нѣтъ, земного не было,—тогда ты слился въ ней съ божествомъ, и я не знаю, молила ли я Его о свиданіи съ тобою, или поклонялась тебѣ...

Это письмо особенное дало мнѣ наслажденіе, въ немъ ничего не было, кромѣ тебя, кромѣ твоей любви, и мнѣ такъ несносно писать къ тебѣ о постороннемъ. И такъ, мой пилигримъ, мой милый странникъ, ни посолъ Божій, ни небесное питье не утолили твоей жажды видѣть твою дѣву. О, вѣрь же, и дѣва твоя не

промѣняетъ земного страданія съ тобою на небесное одинокое блаженство. И что мнѣ небо? Душа моя давно не проситъ неба, не ищетъ его, давно не говоритъ о небѣ голубомъ; ея небо не голубое, оно болѣе ясно и болѣе свято, и это-то небо на землѣ, и въ этомъ небѣ ты ангелъ, и ты-то есть это самое небо!

Ни пламенное воображеніе, ни самая пылкая юная мечта не могла представить мнѣ такой безпредѣльной, необъятной любви, какъ моя любовь къ тебѣ, мой Александръ! Что будетъ со мною, когда ты пріѣдешь? Какъ сильно и теперь сердце бьется, глаза полны слезъ, но только умоляю тебя, другъ, чтобъ *ихъ* не было тутъ, я не хочу ихъ: они отравятъ нашу встрѣчу. Разумѣется, мученіе не пересилитъ радости, но зачѣмъ же ранить эту радость! Пусть она будетъ совершенная, полная: пусть распадутся всѣ оковы, и пусть она будетъ вольная.

Мы скоро ѣдемъ въ деревню и пробудемъ тамъ, можетъ быть, долѣе сентября... Пріѣдешь ли ты туда? Это только 15 верстъ отъ Москвы. Да, ангелъ мой, ты пріѣдешь, ты не можешь быть такъ близко отъ меня и не видаться со мною. И такъ, я теперь ѣду въ Загорье на свиданіе съ тобою? Это ужасно; судьба непремѣнно хочетъ продлить нашу разлуку, но я не сомнѣваюсь, мой ангелъ, что придетъ то время, о которомъ ты пишешь.

24-е, воскресенье. Ангелъ мой, Александръ! Ты требуешь, чтобъ я написала Полинѣ. Я сама требовала отъ себя этого, но во мнѣ есть что-то, чего я не могу преодолѣть сама. Это ужасно глупо; я увѣрена, что ты разсердишься на меня за это меньше, нежели я, и простишь скорѣе, нежели я прощу себя. Не знавши ея, я люблю ее за то, что ей одной открылъ ты свою душу,—стало, съ нею одной находишь полную отраду въ разлукѣ. Люблю ее за тебя, за ея душу и желала бы доказать ей это, но —со временемъ. Скажи же мнѣ, другъ мой, разсердила я тебя этимъ? Прости, ангелъ мой, меня, прости, мой Александръ, я не могу еще теперь вдругъ сбросить всѣ глупости, въ которыя облачили меня. Ежели Полина не любитъ, она не пойметъ моихъ чувствъ къ ней, передай ей словами, а когда ты будешь со мною, мы вмѣстѣ будемъ писать къ ней.

Теперь еще нѣсколько словъ о несчастной Медвѣдевой. Ты не можешь вообразить, какъ мнѣ больно ея положеніе. Когда теперь ей «*было бы непріятно*», со временемъ для нея *это будетъ убійственно*. Я говорю это по опыту. Будучи далека отъ любви къ Е. И., какъ нельзя больше, не давая ему ни малѣйшей надежды, отказывая всегда рѣшительно его предложенія, я была съ нимъ близка, какъ съ братомъ, и не говорила о тебѣ, именно думая, что *ему бы было это непріятно*, а онъ и такъ несчастливъ, но что же теперь изъ этого? Мнѣ раздираетъ душу видъ его, и онъ же говоритъ, что онъ обманутъ, что я убила его, а все въ томъ, что я не сказала ему о тебѣ раньше, хотя онъ же самъ говоритъ, что зналъ это очень давно. Тѣмъ не менѣе, больно мнѣ, что невиновна въ его несчастіи и принесла ему столько страданія. Спаси ее, другъ мой, и такъ довольно несчастій, довольно мрачнаго окружаетъ любовь нашу. Теперь ни ласки мои, ничто не можетъ утѣшить, развеселить, по крайней мѣрѣ, Е. Иван., и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Мнѣ самой видъ его несносенъ, не могу видѣть его страданій и не могу помочь. Но ужъ будетъ о печальномъ, довольно! Теперь, дай расцѣловать тебя, мой ангелъ, дай обнять тебя, другъ, мое сокровище, забудемъ все мрачное; я боготворю тебя, ангелъ, развеселись. Прощай. Жду къ себѣ маменьку. Я не выхожу изъ своей комнаты: немножко простудилась,—это такъ, ничего.

21 мая [Вятка].

Милый другъ мой, Наташа, твои письма отъ 28 апрѣля, наконецъ, я получилъ. Ты, кажется, желаешь, чтобъ я писалъ къ княгинѣ, и по нынѣшней почтѣ пошлю ей просвору и преглупое письмо.

О какой второй разлукѣ ты говоришь безпрерывно? Нѣтъ, нѣтъ, мы не должны, мы не можемъ быть еще разъ разлучены на долго! Нѣтъ, я усталъ, изнемогъ отъ того, что нѣтъ со мною моего ангела хранителя... Сегодня ночью я видѣлъ тебя такъ живо, такъ хорошо. Это было у насъ, мы сидѣли вдвоемъ; право, въ тебѣ было что-то болѣе земного—просвѣтленное, небесное, и ты улыбалась мнѣ: я взялъ твои обѣ руки и устами прильнулъ къ твоимъ устамъ: поцѣлуй долгій, долгій,—ну, вообрази сама, описать этого нельзя. Только сонъ все еще живо предо мною. Гордая мысль вдругъ овладѣла сегодня мною, когда я перечитывалъ письмо твое. Мнѣ казалось, что я достоинъ вполнѣ этой высокой, святой любви, съ которою ты навсегда безусловно отдалась мнѣ, ибо я чувствовалъ въ себѣ силу сдѣлать тебя счастливою, чувствовалъ, что моя пламенная, восторженная душа одна можетъ тебѣ открыть всю сладость жизни и полной симпатіи, думалъ потому, что рядомъ ставилъ съ тобою свою душу,—и ужаснулся своей гордости. Ты и я—какая необъятная разница! Небо и земля, чистый огонь жертвенника Господня и раздирающій огонь пожара! Наташа, я молюсь на тебя, никогда, клянусь тебѣ, никогда я не могъ бы возвыситься до твоей высоты. Никогда. Я могу быть тверже, сильнѣе тебя, но выше—никогда!

Твоя душа—душа ангела, она не испытала ничего. Благословляю твое странное воспитаніе. Ты развилась сама: чѣмъ менѣе опыта, тѣмъ чище осталась душа, тѣмъ менѣе въ ней земли. А я—въ 24 года испытавшій все злое и доброе. Моя голая душа вся въ рубцахъ; горькій опытъ положилъ въ мою душу основу жгучей ироніи. Я состарѣлся жизнью, я даже запятналъ свою совѣсть, и ежели бы въ самую критическую эпоху моей жизни—9 апрѣля 1835 г. не слетѣла съ неба откровеніемъ, такъ сказать, любовь, я погибъ бы въ нравственномъ отношеніи. Конечно, я не остался бы, сложа руки, этому залогъ—жажда славы, но мое моральное бытіе исчезло бы, и все носило бы отпечатокъ чисто земного. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ лучшее доказательство. Говоря объ *нихъ*, ты не только прощаешь имъ всѣ непріятности, которыхъ ты ежедневная жертва, но еще молилась о нихъ, это ты. Я не могу сего сдѣлать.

24-е мая. Сейчасъ возвратился я съ Великой рѣки и усталъ ужасно. Но слова два скажу съ тобою, ангелъ мой, прежде нежели лягу спать. Торжественность этого національнаго праздника удивительна. Я пріѣхалъ туда ночью часа въ два, но толпы народа уже не спали, вездѣ шумъ, крикъ. Тутъ рядъ телѣгъ дѣлаетъ настоящую крѣпость, и за нимъ тысячи мужиковъ, толпы нищихъ и уродовъ, толпы черемисъ, вотяковъ, чувашей съ ихъ странными, пестрыми костюмами, съ ихъ нарѣчіемъ. Разумѣется, я спать не легъ, а бросился въ это море людей. Часовня, гдѣ образъ, стоитъ подъ крутою горой... Но нѣтъ, не хочу въ твоемъ письмѣ писать объ этомъ, возьми папенькино письмо черезъ Егор. Иван., тамъ найдешь все это. Къ тебѣ—о любви, о любви, которою такъ полна душа моя. Я, какъ ребенокъ, обрадовался, увидѣвъ твоею рукой писанныя нѣмецкія слова. О, ангелъ мой, какъ ты кротко исполняешь мои желанія, какъ совершенно отдала ты мнѣ свою волю! Но долженъ ли я принять на себя такъ много, я—земной, вести тебя, чистую, святую? Долженъ, ибо твоя любовь очиститъ меня, ибо и я отдаюсь тебѣ совсѣмъ. Много надеждъ далъ я тебѣ въ прошломъ письмѣ; уже

половина ихъ утрачена: опять разлука увеличилась. Что дѣлать, всю надежду на Бога. Можетъ, это наказаніе мнѣ за *то пятно*, о которомъ я не говорилъ тебѣ. Но за что же и ты страдаешь отъ разлуки? Страдай, ангелъ мой: страданіе твое искупитъ *пятно*.

Наташа! При семъ письмо къ Emilie; доставь ей. Въ выписанномъ тобою мѣстѣ изъ письма С. я не вижу того пылкаго чувства, которое ты видишь въ нихъ. Его выраженія слишкомъ узорчаты. Такъ ли выражается любовь? Возьми всѣ мои записки, тамъ не найдешь натяжекъ.

[Прочти] записку къ Emilie, болѣе я не писалъ къ ней, потому что мнѣ жаль терзать ея душу. Цѣлую тебя.

А. Герценъ.

Москва, іюня 1-го.

Итакъ, я скоро увижу тебя, ангелъ мой, Александръ. Скоро искупятся наши страданія, какое блаженство — въ награду за нихъ! Каждый дорожный, каждый колокольчикъ заставляетъ трепетать мое сердце, и невольно слезы на глазахъ. Но мы ѣдемъ въ деревню и, стало, я не встрѣчу тебя здѣсь, и наша разлука продлится еще нѣсколькими днями, потомъ ты пріѣдешь ко мнѣ. О, какъ я счастлива, другъ мой! Сегодня мы ѣздили прощаться. Была у папеньки, я ходила съ маменькой въ саду, можетъ, въ послѣдній разъ, и дай Богъ, чтобъ это было въ послѣднее безъ тебя! Простилась съ твоимъ портретомъ, должна была отдать и тотъ, который былъ у меня. Я увѣрена, что тебя увижу прежде ихъ.

Александръ, ангелъ мой, тебѣ я отдала себя, одному тебѣ открыта вся душа моя, только передъ тобою изливаются мысли мои безъ покрывала: ты знаешь, долженъ знать меня болѣе, нежели я сама. О, тяжекъ, Александръ, тяжекъ предметъ, о которомъ я должна писать тебѣ, тѣмъ болѣе, что онъ тебѣ долженъ быть непріятенъ, но въ душѣ моей нѣтъ силъ сносить его молча. Не нужно увѣрять тебя, что *я не могла любить Е. И. болѣе, нежели брата*, не нужно увѣрять и въ томъ, что не старалась доказывать ему большей любви, но съ дѣтства любила его истинно, душевно, много (только не знаю отчего, всегда меньше тебя). Сначала я не замѣтила его страсти, потомъ долго не вѣрила ей, но когда увидѣла яснѣе, я испугалась и, говорю откровенно, въ душѣ родилось нѣкоторое отвращеніе къ нему. Но тогда была со мною Эмилія, она могла успокоить меня, могла заставить меня думать, что это все вздоръ, пустяки, воображеніе; долго и послѣ не обращала я вниманія и любила его такъ довѣрчиво, такъ откровенно; иногда бы лучше согласилась пролежать мѣсяцъ больной, нежели быть съ нимъ нѣсколько минутъ, когда онъ придетъ по секрету, но не доказывала ему этого никогда. Увѣряла, что люблю его, какъ брата, и всегда отказъ на многократныя предложенія. Когда жъ узналъ онъ о любви моей къ тебѣ, тутъ, не говоря ни слова, доказывалъ, что знаетъ и какъ тягостно это для него. Положеніе мое было ужасно; его несчастье тяготило мою душу и я не находила средствъ помочь; дѣлала все, что придетъ мнѣ въ голову, и знаю, что дѣлала бездну глупостей, потому что съ нимъ я была почти безумная, не понимала, что говорю, что пишу, излишнею холодностью боялась огорчить, излишнею лаской боялась подать надежду. Вскорѣ потомъ, послѣ ужасныхъ сценъ и слезъ, онъ вдругъ перемѣнился, сдѣлался веселъ и спокоенъ, и я вѣрила, Александръ, и съ дѣтской безпечностью говорила съ нимъ о тебѣ, а теперь онъ сдѣлался мрачнѣе, нежели прежде, при-

сутствіе мое ему въ тягость и, что всего ужаснѣе, считаетъ себя обманутымъ. Александръ, я дѣлала много глупостей, дѣлала много противъ себя, теперь все это какъ тяжкій сонъ, потому не могу дать яснаго отчета ни тебѣ, ни себѣ! Но ты знаешь, скажи, могла ли я съ намѣреніемъ завлекать его, забавляться его страстью, какъ игрушкой, и потомъ равнодушно бросить ее и разбить въ дребезги? Могла ли я это сдѣлать? Одна мысль обливаетъ меня холодомъ, одна мысль приводитъ въ ужасъ. Смотри прямо на меня, Александръ, суди меня строго, я въ твоей волѣ, я требую отъ тебя этого. Та, которая избрана тобою и Богомъ, должна быть чище неба, яснѣе солнца, она должна быть святая, и, любя тебя такъ безпредѣльно, я требую отъ нея этого болѣе, нежели ты можешь требовать, потому что я люблю тебя болѣе, нежели ты можешь любить себя. Я не вижу, чтобъ это обстоятельство оставило на душѣ моей малѣйшее пятнышко, пылинку; я бы не могла скрыть отъ тебя ихъ, но, можетъ, они скрыты отъ самой меня; смотри ты, Александръ, въ мою душу...

Нѣтъ, полно! Тяжко! Ангелъ мой! Я любила всю жизнь одного тебя, всю жизнь болѣе всѣхъ на свѣтѣ; пусть знаетъ это весь свѣтъ, чиста душа моя, чиста, какъ небо, свята, какъ твоя любовь. Все, что сдѣлано дурно, сдѣлано потому, что я все слишкомъ принимала къ сердцу, слишкомъ много желала сдѣлать лучше.

Но мнѣ грустно, страхъ какъ грустно, что сколько непріятнаго тебѣ черезъ меня есть и еще можетъ быть. Я все снесу, все вытерплю, лишь бы принять на себя всѣ твои горести и страданія. Съ самаго начала и до сихъ поръ любовь наша окружена самыми мрачными горестями. Боже! пронесутся ли когда эти тучи? Ты говорилъ, что ракета опасна голубю; не опаснѣе ли голубь для ракеты? Но уже существованія ихъ слиты въ одно: имъ одна гибель, одно блаженство!

5-е, пятница. Какъ безумно я писала тебѣ, ангелъ мой! Это оттого, что, глядя на его страданія, я вообразила, не виновна ли я въ нихъ? Но нѣтъ, нѣтъ, я чувствую, что душа моя чиста, иначе она не была бы такъ ясна и покойна. Все, что я дѣлала и могу дѣлать—молиться за погибающаго друга. Твое письмо отъ 21 мая получила. Слишкомъ, слишкомъ много, спаситель мой, придаешь ты мнѣ. Провидѣніе пеклось обо мнѣ, когда всѣ меня покинули. Оно замѣнило мнѣ отца и мать. Оно было моею няней, моимъ учителемъ—и для кого все это?... Для кого удалило оно всѣхъ и само возрастило меня, какъ не для тебя, и что бы была я безъ тебя?

Никто изъ людей, никто не участвовалъ въ моемъ воспитаніи: Богъ хотѣлъ самъ приготовить меня быть твоею помощницей, и ты единственный, который можешь составить мое блаженство на землѣ и приготовить къ небесному: одному тебѣ могла я отдаться такъ вполнѣ,– скажу откровенно, мой другъ, хотя я видѣла въ себѣ бездну недостатковъ, но чувствовала [нѣсколько словъ вырвано]... и сколько ни было встрѣчъ, никогда [никого] не находила достойнымъ, чтобъ отдать себя [нѣсколько словъ вырвано]... ты... я долго не вѣрила, что любима тобою [нѣсколько словъ вырвано]. Ужасно спѣшу. Завтра ѣдемъ въ деревню. Сейчасъ придетъ маменька проститься. Теперь рано, утро, всѣ спятъ. Я иду въ садъ. . Грустно разставаться съ Москвою; къ счастью, берутъ фортепіано. Не на долго я нарадовалась, безцѣнный другъ мой, еще разлука, разлука! Господи, пошли твердость и терпѣніе! Прощай, мой ангелъ, милый мой Александръ. Прости, прости же и ты; я буду чувствовать, когда тебѣ грустно. Да,

дивный сонъ! Сбудется ли это когда-нибудь на-яву? Всею душой обнимаю и цѣлую тебя.

Твоя *Наташа.*

Къ Эмиліи отошлю.

Загорье, іюня 8-го.

Теперь три часа пополудни. Я одна-одинёшенька наверху въ огромной комнатѣ, гдѣ одинъ развалившійся диванъ и ветхій столъ, но мнѣ такъ хорошо, такъ свободно, не промѣняла бы ея на дворецъ.

Москва почти пуста для меня, потому, когда я собиралась, грустное чувство тяготило душу; что-то слишкомъ одиноко, слишкомъ противно. Но передъ тѣмъ, какъ ѣхать, пришла ко мнѣ маменька проститься, и я утѣшилась. Прощаясь, она перекрестила меня и будто тѣмъ подтвердила еще, что мы, дѣти ея, соединены навѣки. Тутъ новое наслажденіе узнала душа: такъ долго я была всѣмъ чужая, такъ долго... и вдругъ родное благословеніе!

Третій день не нарадуюсь свободой, не налюбуюсь всею прелестью и красотой природы. Теперь мнѣ, кажется, хорошо здѣсь, я не жалѣю, что оставила Москву. Со мною нѣтъ никого: природа—моя подруга, ей повѣряю я любовь мою, святую тайну души, съ ней безпрерывно говорю о чудесахъ Божіихъ, которыя совершились надо мной, о моемъ спасителѣ, о моемъ Александрѣ... О, пусть бы прилетѣлъ невидимкой подслушать эту тайную, священную бесѣду души съ природой, подслушать языкъ, которымъ онѣ передаютъ другъ другу блаженство и любовь, подслушать гимны ихъ, ихъ молитву, тогда-бъ увидѣлъ ты, *что* ты мнѣ и какъ я люблю тебя, ангелъ мой! Тогда бы открылось передъ тобою все безграничное море любви моей, о которой ничто обыкновенное не можетъ дать понятія.

Что-то мнѣ не вѣрится, Александръ, чтобы мы еще долго не увидѣлись съ тобою: слишкомъ мучительна душѣ разлука, желаніе быть съ тобою такъ огромно, ему тѣсно въ моей груди; кажется, оно разлилось вокругъ меня на далекое пространство,—и все, самый воздухъ дышетъ грустью и тоскою, все зоветъ тебя, все ищетъ тебя, все трепетно ждетъ минуты свиданія. Быть съ тобою розно такъ долго,—выше всякаго страданія на свѣтѣ; но когда-бъ этимъ искупилось то пятно, о которомъ ты говоришь,—я охотно иду еще на большія мученія; пусть малѣйшій поступокъ твой, малѣйшая ошибка очищаются моими страданіями; все радостно снесу я для тебя, ангелъ мой; всему награда - твоя любовь!

Вообрази, я забыла писать и долго, долго говорила съ тобою, времени много прошло, пора разставаться. Балконъ открытъ и какой ароматическій воздухъ, какая нѣга! Когда же ты услышишь, когда я скажу тебѣ: ангелъ мой, посмотри, какъ хорошо? Прости!

Середа, 10-е. Твое письмо и просвиру к[нягиня] получила еще въ Москвѣ и чрезвычайно была довольна. Ну, теперь, мнѣ кажется, вы немножко помирились. Впрочемъ, она замѣтила, что «что ты, плутяга, знаешь, съ чѣмъ къ кому подъѣхать». Но это почти необходимо было: она очень сердилась на тебя, а впередъ это могло бы послужить большимъ препятствіемъ намъ видѣться. Несносно унижаться до того, чтобъ обманывать и притворяться, я знаю, какъ это несносно, и потому болѣе цѣню твою жертву; это - истинно жертва, ибо, хотя въ необходимости, но ничто такъ не трудно, не непріятно, какъ говорить то, чего не думаешь,—дѣлать то, чего не желаешь.

Для меня это стало еще более невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ ты писалъ мнѣ изъ Крутицъ, что собесѣдники мои имѣютъ на меня вліяніе и научили меня притворяться.

Зачѣмъ ты придаешь мнѣ столько, Александръ? Не воображай болѣе, нежели есть, и, можетъ, ты увидишь, что это еще слишкомъ мало, слишкомъ бѣдно... Что же высокаго, что дивнаго тутъ, что я *имъ* прощаю, что молюсь о нихъ? И что же бы я была, если-бъ я не дѣлала этого? Онѣ жалкія, несчастныя, онѣ требуютъ вниманія и любви болѣе, нежели кто-нибудь другой, притомъ же, онѣ мнѣ не сдѣлали никакого зла: прежде, еще давно, мнѣ казалось много непріятнымъ; а теперь. . Богъ съ ними, я ничего не замѣчаю и рѣшительно прощаю имъ все, и можетъ ли душа моя страдать отъ этихъ маленькихъ толчковъ? Онѣ отняли у меня многое, но ты, развѣ ты не далъ мнѣ болѣе, нежели отнято? Благословляю ихъ за все претерпѣнное мною, все это вело меня къ краю, къ небу, къ тебѣ. Правда, я бы могла погибнуть здѣсь и съ моею душой, могла-бъ умереть, но Онъ послалъ любовь, послалъ тебя, мой спаситель!..

Другъ мой, милый мой Александръ, какое богатство, какое сокровище привезла я сюда съ собою! И какъ далека я была всего этого прошлаго года! Помню, какъ теперь, на этомъ мѣстѣ читала твое письмо, гдѣ ты говоришь: «о, какъ я благодарю Бога, что мы братъ и сестра, но нѣтъ, мы болѣе, мы ближе»... И въ самомъ дѣлѣ я чувствовала, что мы болѣе, ближе, и таила это отъ самой себя, и тонкій лучъ теперешняго блаженства свѣтилъ въ душу, но свѣтилъ мелькомъ, будто украдкой, и свѣтъ его болѣе пугалъ меня, нежели манилъ за собою, — такъ огромно, такъ высоко казалось мнѣ тогда счастье, въ которомъ я тону теперь, какъ песчинка въ морѣ. Бывало, какъ сердилась я на Emilie за то, что она говорила мнѣ, что я люблю тебя болѣе, нежели можно любить брата: мнѣ досадно было, что она не понимаетъ меня, не понимаетъ высокой дружбы... И рѣшительно переставала говорить, когда она мнѣ скажетъ, что ей кажется даже, что и ты любишь меня болѣе, нежели сестру. Можно ли тебя понимать такъ мелко? — думала я всегда. Такъ низко поставило меня Провидѣніе въ глазахъ самой меня, чтобы во всемъ величіи дать увидѣть послѣ мое предназначеніе, чтобы заставить меня забыть себя и жить однимъ тобою. Не гони эту мысль, что ты одинъ можешь сдѣлать меня счастливою; ты правъ, да, одинъ, одинъ ты можешь быть *моимъ ангеломъ*, одному тебѣ могла я отдать свою душу, въ одномъ тебѣ могла найти жизнь свою.

[Приписка, сдѣланная карандашемъ].

Пятница, 12-е. Каждая свободная минута посвящается тебѣ, мой ангелъ. Теперь я одна, далеко, далеко отъ дома—на горѣ. Дома мнѣ душно, тѣсно, нехорошо; тамъ даже иногда я какъ будто умаляюсь, а здѣсь мнѣ нѣтъ границъ...

Здѣсь все—былинка, дубъ, земля
И небо ясное, и храмъ святой,
Любовь и жизнь—все часть меня,
Самъ Богъ—все нераздѣльно[е] со мной!

И тутъ-то еще тягостнѣе мнѣ съ тобой разлука, ибо тутъ всею силой, всею необъятною душой я люблю тебя, а ты далеко...

Знаешь ли, почему еще я люблю быть на открытомъ воздухѣ? Тогда я воображаю, что и ты не дома, а душѣ отрадно и то, что не подъ разными крышами, а подъ однимъ небомъ, дышемъ однимъ воздухомъ.

Теперь многое въ природѣ гармонируетъ съ моею душой: ясно небо, но къ

западу темная туча, и сквозь нее слабо свѣтитъ солнце, но свѣтитъ отрадно, привѣтно, съ любовью, какъ ты изъ-за 1.000 верстъ. Кругомъ уныніе, и тишина, и пустота, но средь этой пустыни стоитъ церковь —мое первое, единственное утѣшеніе и прибѣжище: молитва; и вѣтеръ шумитъ, и дождикъ накрапываетъ, и слезы на моихъ глазахъ...

Прощай! Отсюда далеко видна дорога изъ Москвы; не получая послѣдняго твоего письма, я думала встрѣчать по ней тебя.

16-е, вторникъ. Какъ долго не приходитъ отъ тебя письмо, какъ и ты, мой ангелъ, долго не получаешь моихъ. Прощай, будь веселъ, здоровъ, спокоенъ. О, скоро-ль, скоро-ль я увижу тебя такимъ? Всею душой обнимаю тебя, ангелъ мой, прощай.

Твоя *Наташа.*

Къ Emilie отослала твое письмо. Чье страданіе не умалится отъ вдохновенныхъ, отъ святыхъ словъ твоихъ? Еще цѣлую.

Не пиши ничего Е. П. о томъ, что я писала тебѣ; оставь такъ. — современемъ все перемелется.

Фортепіано со мною и Rondoletto Герца со мною.

11-го іюня. Вятка.

Ангелъ мой, Наташа! Давно нѣтъ писемъ отъ тебя, и я грустенъ. Исчезла надежда [надписано 17 іюня: и возвратилась опять еще блестящѣе] скораго свиданія; больно, очень больно. Какъ дерево каждымъ листомъ тянется къ солнцу, протягиваетъ ему свои вѣтви, глохнетъ безъ него, блѣднѣетъ, теряетъ свой зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды, такъ душа моя дѣлается *туже, мелочнѣе* отъ удаленія надежды на скорое возвращеніе. О, Наташа, Наташа! Неужели этотъ свирѣпый, неумолимый рокъ, который доселѣ управлялъ мною, требуетъ такихъ жертвъ для исполненія своихъ судебъ? Нѣтъ, тобою я не пожертвую ему! Можетъ ли быть чувство святѣе, чище, благословеннѣе Имъ, какъ наша любовь? Какая глупая мечта: ежели-бъ возможность была тебѣ быть въ Вяткѣ. Ну, я не знаю какъ, —вдругъ бы здѣсь открылись мощи и претолстая княгиня вздумала бы помолиться о продленіи жизни на 88 году и ты съ нею. Или... ты бы жила у насъ въ Москвѣ (разумѣется, послѣ смерти княг.) и пріѣхала бы съ маменькой сюда на мѣсяцъ. О, тогда я первый дамъ подписку, что и въ Вяткѣ рай!

Я рѣдко занимаюсь отъ всей души. Найдетъ иногда минута, день, когда я много думаю и пишу, потомъ опять дѣйствительная жизнь и пустая. Утро всякаго дня гибнетъ или въ канцеляріи, или у губернатора (Чести много, а пользы мало, ибо представленіе не сдѣлано). Для того, чтобъ убить послѣ обѣда, также всѣ мѣры взяты. Я сдѣлался страстный охотникъ до верховой ѣзды. Часу въ шестомъ на коня и ѣду себѣ за нѣсколько верстъ, куда глаза глядятъ. Въ верховой ѣздѣ удивительное наслажденіе: какая-то сила сознается въ человѣкѣ, когда онъ обуздываетъ этого большого звѣря и заставляетъ его исполнять желаніе свое, даже капризъ. Когда же въ туманный, сырой день я выѣзжаю далеко за городъ, а синяя даль останавливаетъ взоръ, тогда я опускаю поводья; лошадь идетъ шагомъ, и мечты толпами вертятся, и вдругъ глубокій вздохъ, и я, пришпоривъ лошадь, пускаюсь во весь карьеръ. Далѣе, пріѣхавъ домой усталый, я либо куда-нибудь... пить шампанское, либо спать, — и *день прожитъ*, и я съ восторгомъ вижу, что днемъ ближе свиданіе съ моею Наташей.

15-е іюня. Вчера весь вечеръ перечитывалъ твои письма. Какая прекрасная поэма любви и какъ сильно развивается эта страсть, которая теперь совсѣмъ захватила всю душу твою! О, какъ счастливъ я, и не долженъ ли гордиться, что любимъ такою душой? Сначала *любовь* твоя прячется за дружбу; слово *братъ* вездѣ; потомъ ты ставишь дружбу наравнѣ съ любовью; потомъ слово дружба и братъ совсѣмъ исчезаютъ: я для тебя *твой Александръ*. Ты сама говоришь: любовь выше дружбы, ты хочешь потонуть во мнѣ, ты хочешь быть звѣздочкой (это писано было въ декабрѣ 1835 г.), коей свѣтъ поглощается солнцемъ. О, ангелъ мой, цѣлую тебя, цѣлую, цѣлую! И чтобъ я смѣлъ роптать на судьбу, я, счастливецъ?.. Послѣ этого чтенія я легъ спать,—и вотъ мой сонъ. Вижу я, что я пріѣхалъ въ Москву. Бѣгу къ тебѣ, говорятъ, ты спишь. Вхожу въ горницу, и ты на постели спишь. Я сталъ тихо на колѣни передъ тобою и, сложивъ крестомъ руки, смотрѣлъ на небесныя черты твои. Ты проснулась, улыбка показалась на твоемъ лицѣ, и ты отвернулась, думая, что видишь меня во снѣ. Тутъ я бросился въ твои объятія. Судьба, зачѣмъ это сонъ? Зачѣмъ я именно тутъ проснулся?

17-е іюня. Наташа! перекрестись, ангелъ мой, сегодня пошло мое представленіе въ Петербургъ, и черезъ мѣсяцъ будетъ отвѣтъ. Можетъ отказъ, но, можетъ, и свобода, и твой Александръ полетитъ, какъ стрѣла, въ объятія своего ангела, своей Наташи. Получилъ вчера два письма твои. Нѣтъ мѣры тому блаженству, которое ты льешь на меня. Каждая строка заключаетъ въ себѣ счастье. И будто я заслужилъ это? Ты пишешь, что я буду сердиться за то, что не писала къ Полинѣ. Да развѣ я требую рабской покорности? Сколько разъ я еще прежде писалъ тебѣ: будь самобытна, мы равны. Зачѣмъ же тебѣ быть рабою моей? Нѣтъ, мнѣ понравилось твое ослушаніе. Но не забывай этого существа: оно несчастно и высоко.

Не удивительны ли наши симпатіи? Ты мнѣ пишешь о моихъ прежнихъ письмахъ, а я на той сторонѣ писалъ тебѣ о твоихъ письмахъ. И даже то же самое замѣчаніе... И чтобъ мы не должны были соединиться и на вѣки? Вздоръ! Въ Загорье необходимо пріѣду. Ахъ, ежели бы я возвратился въ августѣ и, въ день твоего ангела, прижалъ бы тебя со всѣмъ бѣшенствомъ любви къ моей груди! Ежели бы!.. Люди, люди, не мѣшайте этому огню, онъ выше васъ!

Я не забылъ, какъ мы были въ соборѣ съ папенькой. Нѣтъ, не чужая и тогда мнѣ была ты, мы только тогда не понимали, что насъ такъ тѣсно связываетъ.

По-нѣмецки занимайся одна. Твое положеніе грустно, но переноси его; въ немъ развилась та прелестная душа въ тебѣ, предъ которой я повергаюсь на колѣни, которой я молюсь. На Алексѣя Александровича надѣяться нечего, я разлюбилъ его холодный умъ; но попробуй, скажи, чтобъ Е. И. написалъ ему. Напрасно пишешь, ангелъ мой, предчувствіе въ *моралягъ* папеньки. Я улыбнулся, читая это; нѣтъ, это происходитъ отъ страсти читать морали. Статьи своей по почтѣ не пошлю. Жди оказіи или, лучше, жди меня самого со статьями. Все, что только льется съ пера моего, все согрѣто любовью, вездѣ ты, какъ идеалъ изящнаго, святого, видна.

Прощай, моя дѣва. Усталый пилигримъ придетъ же изъ обѣтованной земли на родину, изъ земли страданій Христа, съ масличною примиренія въ рукахъ, придетъ къ своей дѣвѣ и будетъ вполнѣ счастливъ, и благословитъ удѣлъ смертнаго на землѣ. Цѣлую тебя еще... и еще. Твой *Александръ*.

Полина кланяется; я ей перевелъ писанное тобою.

19 іюня [Вятка].

Ангелъ мой! Наконецъ, ты вызвала меня на послѣднее признаніе. Тяжело мнѣ оное сдѣлать, тяжело будетъ тебѣ его читать. Ты увидишь, какъ твой Александръ далекъ отъ того совершенства, которое ему придала твоя святая любовь. Слушай, Наташа, и ежели найдешь силу, не порицай меня. Ты мнѣ писала прошлый разъ: *«спаси Мед.»*. Да, я съ декабря мѣсяца постоянно думаю объ этомъ, и съ тѣхъ поръ угрызенія совѣсти не оставляютъ меня. Я уже писалъ тебѣ, что по пріѣздѣ сюда, увлеченный чувствомъ досады, я развратничалъ, желая въ наслажденіяхъ грубыхъ, въ винѣ, въ картахъ найти средство забыться. Но это скоро мнѣ опостылѣло. Твоя ангельская рука исторгла меня съ края пропасти. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года пріѣхала сюда М. съ мужемъ и остановилась въ одномъ домѣ со мною (во флигелѣ). Вездѣ говорили о ней, какъ о красавицѣ, какъ о образованной дамѣ, которая не обращаетъ ни на кого вниманія. «Такъ обратитъ же на меня», —подумалъ я и отправился къ нимъ въ гости. Эта самолюбивая мечта, продиктованная самимъ адомъ, была замѣчена многими, и всѣ подстрекнули меня болѣе. Что же я нашелъ при ближайшемъ знакомствѣ? Юный цвѣтокъ, сорванный не для невѣсты, но для могилы. Существо, далекое отъ высокаго, идеальнаго, но на которомъ несчастія разлили какую-то поэзію. Мнѣ ее стало жаль. Близость наша вскорѣ открыла мнѣ, что она не равнодушна ко мнѣ, и я, повѣришь ли, изъ шалости, изъ стремленія ко всякой симпатіи, не только не остановилъ перваго порыва ея, но увлекъ ее. Я увидѣлъ свое торжество и вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, сильный голосъ совѣсти осудилъ меня. Когда же умеръ ея мужъ, я былъ совсѣмъ убитъ. Тутъ только я вполнѣ понялъ всю гнусность, всю низость поступка моего. Я хотѣлъ загладить его, но какъ, чѣмъ? Вотъ пятно, о которомъ я писалъ къ тебѣ. Я знаю,—и ты ужаснешься этого поступка, и твое сужденіе мнѣ дороже сужденія всего рода человѣческаго. О, Наташа, какъ далеко увлекается человѣкъ, когда онъ даетъ волю страстямъ!

Но слушай далѣе. Первая записка, въ которой я писалъ къ тебѣ о любви, когда я, перебравъ всѣ элементы бытія человѣческаго, увидѣлъ, что всѣ мои страданія происходятъ именно отъ стремленія къ тебѣ, что это чувство —любовь, и любовь самая пламенная, — эта первая записка сорвала покровъ съ глазъ моихъ. Я остановился. Я оттолкнулъ отъ себя всѣ эти чудовища съ змѣинымъ лицомъ, которымъ предавался, я воскресъ любовью къ тебѣ. Надлежало исправить главнѣйшую ошибку. Я мало-по-малу сталъ показывать равнодушіе къ ней, увѣрялъ, что ея душа не такъ глубока, чтобъ истинная любовь запала въ нее; она забудетъ меня; но говорить о тебѣ нельзя.

Вотъ тебѣ моя исповѣдь! Она мрачна, ужасна. Вздумай мое положеніе: ты не знаешь, что такое угрызеніе совѣсти послѣ низкаго поступка. О, Наташа, будь ангеломъ благости, прости твоему избранному, твоему Александру! Никогда подобный поступокъ не навернется на сердце мое, клянусь тебѣ. Одно самолюбіе увлекало меня, а не любовь; могу ли я любить хотя минуту, кромѣ тебя, моя божественная? Повѣрь, не можетъ быть хуже наказанія, какъ то, что я пишу къ тебѣ, что я признаюсь тебѣ. О, какъ давно тяготила эта тайна и какъ тщательно скрывалъ я ее отъ тебя, но, наконецъ, слава Богу, высказалъ и съ трепетомъ буду ждать отвѣта.

Ни слова не прибавлю.

22-е іюня. Итакъ, написано это признаніе, которое тяготило мою душу. Дорого стоило мнѣ его написать, еще труднѣе было умалчивать: между мною и тобою не должно быть ничего тайнаго. Будь же и ты откровенна. Скажи, насколько палъ твой Александръ въ душѣ твоей? Читая это письмо, можетъ быть, ты раскаялась, что такъ безвозвратно отдалась человѣку, который былъ способенъ на низость. О, Наташа, я все снесу, всякій упрекъ, — я его заслужилъ! Твоя любовь не могла разомъ поднять меня. Вспомни, первое слово любви отъ тебя было въ декабрѣ, а происшествіе, о которомъ я пишу, было въ сентябрѣ. Я проснулся, увидѣлъ гнусность этого поступка, тогда какъ писалъ тебѣ первый разъ о любви, помнишь, какое судорожное состояніе было тогда въ моей душѣ? Я очень знаю, что *толпа* не осудитъ меня, она назоветъ это шалостью, вѣтренностью весьма простительною, но я не долженъ себя судить правилами толпы. Повторяю, что увѣренъ, что у ней пройдетъ эта страсть и въ заключеніе прибавлю, что половину преступнаго я бросаю тѣмъ людямъ, которые подстрекнули меня. Толпа! Разъ я отдался вамъ, люди нечистые, и вы воспользовались этимъ, чтобы запятнать меня. Наташа, Наташа! пожалѣй объ Александрѣ и, ежели твое сердце такъ обширно благостью, прости ему.

Твой *Александръ.*

Вложенная при семъ записка огорчитъ тебя, мой ангелъ, но что же дѣлать: я обязанъ былъ это признаніе сдѣлать предъ тобою. *Можетъ быть*, черезъ полтора мѣсяца я въ Москвѣ,—вотъ тебѣ лучшее утѣшеніе за всю грусть той записки. Полина говоритъ, что мнѣ не надобно умирать, - такъ счастливъ я. Да, обыкновенно люди одними несчастіями хвастаютъ, но я прямо говорю, что болѣе блаженства, какъ я пью полною чашей изъ твоей души, не можетъ вмѣститься въ груди человѣка.

29-е іюня. Ужасная тоска! Я весь боленъ, камень лежитъ па душѣ. Чѣмъ ближе развязка, тѣмъ страшнѣе. Можетъ, прежде нежели ты будешь читать это письмо, я прочту судьбу свою. *Еще годъ ссылки или черезъ 6 недѣль я прижму тебя мой ангелъ, къ моей груди.* Какая противуположность! Боже, Боже! Я ничего не могу дѣлать; часто мнѣ кажется, что расположенъ писать, беру перо, беру бумагу, и воображеніе чертитъ яркую картину нашего свиданія. Беру книгу, а смыслъ ея мнѣ непонятенъ. Нѣтъ, нѣтъ, клянусь тебѣ, никогда ты не могла быть болѣе любима, ни ты, ни одна дѣва Есть предѣлъ страстямъ человѣка,—я достигъ его.

Я писалъ тебѣ когда-то, что намѣренъ составить брошюрку подъ заглавіемъ *Встрѣчи*: теперь планъ этого сочиненія расширился. Все яркое, цвѣтистое моей юности я опишу отдѣльными статьями, повѣстями, вымышленными по формѣ, но истинными по чувству. Эти статейки вмѣстѣ я назову *Юность и мечты.* Теперь, когда все еще это живо, я и долженъ писать, и потому уже долженъ писать, что юность моя прошла, окончилась 1-я часть моей жизни. И какъ рѣзки эти отдѣлы! Отъ 1812 до 1825 ребячество, безсознательное состояніе, зародыши человѣка; но тутъ вмѣстѣ съ моею жизнью сопрягается и пожаръ Москвы, гдѣ я валялся 6-ти мѣсяцевъ на улицахъ, и станъ Иловайскаго, гдѣ я сосалъ молоко подъ выстрѣлами. Передъ 1825 годомъ начинается вторая эпоха; важнѣйшее происшествіе ея—встрѣча съ Огаревымъ. Боже, какъ мы были тогда чисты, поэты, мечтатели! Эта эпоха юности своимъ девизомъ будетъ имѣть *дружбу.* Іюль мѣсяцъ 1834 окончилъ *учебные* годы жизни и началъ *годы странствованія.* Здѣсь начало мрачное, какъ бы взамѣнъ безотчетныхъ наслажденій юно-

сти: но вскорѣ мракъ превращается въ небесный свѣтъ: 9 апрѣля откровеніемъ высказано все, и это—эпоха *любви*, эпоха, въ которую мы составили одинъ *я*, это—эпоха твоя, эпоха моей Наташи.

1-е іюля. Получилъ твои письма, ангелъ мой; [гони] этотъ призракъ, пугающій тебя. Что за вздоръ! Виновата ли ты, что ты хороша и что въ тебя влюбился человѣкъ, не стоющій твоей души, не постигающій ее? Мнѣ жаль его, душевно жаль, но что же дѣлать? Надобно стараться, чтобъ онъ уѣхалъ изъ Москвы, вотъ и все. Полно же представлять себя виновной! Ты говоришь о участи голубя; теперь эта аллегорія уничтожена, она должна пасть послѣ высокихъ словъ въ твоемъ послѣднемъ письмѣ: «но ужъ существованія ихъ слиты въ одно, имъ одна гибель, одно блаженство». О, ангелъ мой, какъ ты глубоко поняла меня и любовь! Странно, ты дѣлаешь меня судьею поступка, въ коемъ ты совершенно права, и, въ то же время, я пишу къ тебѣ о своемъ поступкѣ, въ коемъ я совершенно неправъ. Въ томъ, что ты говорила о себѣ, я читалъ собственный приговоръ свой.

Черезъ 15 дней, можетъ быть, отвѣтъ будетъ здѣсь. О, Господи, не продляй еще эту черную разлуку, дай же мнѣ отдохнуть на груди Тобою подаренной дѣвы отъ всѣхъ этихъ волнъ, бившихъ корабль мой и грозившихъ мнѣ гибелью! Прощай, жизнь моя, моя святая, моя дѣва, прощай, цѣлую тебя.

Твой *Александръ*.

Загорье, іюня 22-го.

Боже мой, Александръ, какъ давно нѣтъ отъ тебя писемъ! Ангелъ мой, я знаю, ты не можешь забыть твою Наташу, но не имѣть столько времени извѣстія отъ тебя—ужасно! Право, бываютъ минуты, въ которыя я готова бѣжать въ Москву, въ Вятку, на край свѣта искать тебя,—тебя, который необходимъ мнѣ, какъ огонь и воздухъ, какъ молитва и благодать Божія? Но что же останавливаетъ меня? Ни робость, — чего бояться мнѣ, что могутъ мнѣ люди? Ни трудность предпріятія, — чего не снесу я? для тебя? Ничего, нѣтъ, ничего земного не останавливаетъ меня, а мысль, что Провидѣніе указало мнѣ этотъ путь, что самимъ Богомъ предназначено мнѣ только прикоснуться чаши любви, полной блаженства, и выпить всю горечь до дна чаши разлуки: странно, страшно и въ безмѣрной любви къ тебѣ, ангелъ мой, располагать своею судьбой безъ воли Его! А если-бъ не эта мысль, давно бы, давно все было презрѣно и забыто, давно-бъ исчезли всѣ преграды, и если-бъ ты самъ не презрѣлъ меня за это, давно-бъ я жила, дышала твоимъ взоромъ, твоею улыбкой, рѣчью... О, другъ мой, благодари Бога, что съ этою любовью Онъ далъ мнѣ столько мужества, моли Его, чтобъ Онъ не отнималъ десницы своей. Вѣрь, если-бъ не самъ Господь велъ меня, любовь къ тебѣ поглотила бы все существо мое, тогда-бъ я забыла и Его, и тогда, конечно, погибла бы, исчезла. Онъ, милосердный, не покидаетъ меня ни въ восторгѣ, ни въ страданіяхъ; я чувствую при каждомъ потрясеніи, Александръ, что рука Его готова поддержать меня. Клянусь, если-бъ не та мысль, ничто-бъ въ свѣтѣ не остановило меня идти къ тебѣ, и не знаю, чего бы не рѣшилась предпринять, чтобы скорѣе видѣть тебя! Но да будетъ Его воля, я все вручила Ему, всего жду отъ Него.

Давно уже и во снѣ не вижу тебя, милый другъ мой, хотя часто спѣшу заснуть, чтобы хоть мечтой полюбоваться. Онъ отнялъ у меня маленькія, сла-

быя утѣшенія, чтобы въ Немъ одномъ искать ихъ, чтобы стремиться къ высшему, не къ земному. Но, признаюсь, для меня выше земного сны, въ которые я видаю тебя, и нѣсколько бы дней отдала за одинъ этотъ часъ,—это было для меня величайшимъ, неизъяснимымъ утѣшеніемъ. Онъ отнялъ его. Онъ знаетъ, что душа моя способна найти высшее, и она обрѣла его, ангелъ мой, въ молитвѣ, въ вѣрѣ. Торжественно повторяю, я готова сносить все, что пошлетъ Онъ мнѣ въ удѣлъ. Не вполнѣ узнала я счастье, не вполнѣ узнала я блаженство, но я узнала твою любовь, и что же выше этого, чего ждать мнѣ на землѣ?... Другъ мой, я готова отдать Богу душу за твою любовь, но для тебя еще хочу жить на землѣ.

Вообрази, какъ я провожу теперь время. Бочк. уѣхала въ Москву къ сестрѣ на свадьбу: для компаніи мнѣ остались к[нягиня] и М. С. Погода предурная, и цѣлый-то Божій день мы втроемъ. Но не думай, другъ мой, чтобъ это было мнѣ уже слишкомъ тяжко,—нѣтъ, мой ангелъ, съ *тѣхъ поръ*; ничто мелкое, окружающее меня, не можетъ имѣть вліянія на мою душу: любовь заграждаетъ всякое стороннее впечатлѣніе, и все стирается, исчезаетъ при вспоминаніи о тебѣ. Какъ же бы я узнала себя, если-бъ Богъ не послалъ мнѣ испытанія, и чѣмъ бы доказала, что могу дѣлить съ тобою твои несчастія?

Теперь я вижу сама, что *могу многое*.
Прощай, мой ангелъ, Господь съ тобою.

24-е, среда. Сегодня я проснулась ужасно поздно, но и тутъ открыла глаза съ улыбкой и со слезами. Видѣла тебя во снѣ, мой ангелъ! Всѣ эти дни мнѣ было грустно, и какъ я ни старалась разсѣять себя, какъ душа ни прибѣгала къ молитвѣ, неизвѣстность о тебѣ, какъ камень, тяготила сердце; даже повѣришь ли, возьму читать Евангеліе, Посланія, ты безпрерывно на умѣ, и не вижу и не понимаю ничего. Погашу свѣчу и стану молиться, на мысль приходитъ, гдѣ ты теперь, что дѣлаешь, что думаешь? И каково же, мой другъ, и молитва не облегчила меня, и я ложилась не съ свѣтлою, какъ всегда, душою; словомъ, эти дни я была совершенно скудельный сосудъ. И Ему стало жаль меня, и Онъ послалъ мнѣ во снѣ тебя. Вижу, я съ тобою въ огромныхъ комнатахъ наверху какого-то незнакомаго дома, тихо ходимъ, ты молчишь, а у меня душа была такъ полна, такъ полна! Долго молча мы ходили рука съ рукой, потомъ тебѣ нужно было куда-то идти, и, цѣлуя меня, ты сказалъ: «Наташа! ты вся любовь и какъ я люблю тебя!» Тутъ я проснулась отъ сильнаго восторга,—нѣтъ, болѣе нежели восторгъ, я никогда на яву не испытала этого чувства. И сонъ этотъ облегчилъ меня ужасно, и цѣлый день не надивятся, отчего я такъ весела. Предъ пробужденіемъ моимъ подлѣ меня стояла дѣвушка и видѣла, какъ у сонной меня изображалась на лицѣ радость и удовольствіе. Такъ, мой ангелъ, самая мечта твоя веселитъ меня и радуетъ душу! Чего не могло сдѣлать во мнѣ чтеніе Христовой жизни, божественныхъ наставленій, чего самая молитва не могла сдѣлать, то сдѣлала мечта, оживленная тобою. Но не грѣхъ ли это? Не можетъ ли быть это противно Ему? Нѣтъ, Онъ самъ далъ мнѣ любовь, Онъ самъ послалъ мнѣ тебя, Онъ самъ отдалъ мою душу тебѣ! Бывало, когда душа моя была такъ свободна и такъ пуста, что каждую минуту готова была оставить все здѣшнее и переселиться *туда*, тогда бывало я смотрю на міръ, на эту безпрерывную суету и дѣятельность людей и думаю: что можетъ заставить ихъ столько трудиться и хлопотать, къ чему все это? И что можетъ заставить ихъ жалѣть о здѣшнемъ и бояться вѣчности? А теперь, теперь, когда душа моя полна тобою, какъ вселен-

ная Божествомъ, я дивлюсь, какъ могутъ жить безъ любви, какъ, любя, не желаютъ вѣчности, гдѣ нѣтъ разлуки!

Я теперь совершенно безумная, мой ангелъ; ты такъ живо представляешься мнѣ: куда ни пойду, кажется, все къ тебѣ иду, кто назоветъ меня, кажется, ты зовешь, каждому готова сдѣлать все, каждому готова открыть мою душу и сказать: любите его, поклоняйтесь ему, молитесь на него! Не постигаю, какъ не всѣ могутъ боготворить тебя! какъ не всѣ могутъ очиститься, освятиться воспоминаніемъ о тебѣ! Я буду святая, Александръ, когда Богъ соединитъ насъ, но мы уже и теперь соединены,—когда я буду жить съ тобою, хотѣла я сказать.

Ты сейчасъ засмѣешься: мнѣ гадаютъ о тебѣ въ карты, и выходитъ тебѣ дорога и скорое свиданіе съ червонною дамой, и *я вѣрю*!... Вѣрить картамъ можно только любя.

Я воображаю (какъ ты писалъ), теперь ты сидишь на диванѣ и читаешь письмо мое, и [вырѣзано нѣсколько словъ] дрожатъ, и сердце бьется, и ты громко [вырѣзано нѣсколько словъ], и я услышу тебя, ангелъ мой, мой Александръ!

Сегодня папенька имениникъ,—поздравляю тебя.

25-е, четвергъ. Что говорю я тебѣ о любви моей? Такъ ли можно любить тебя, ангелъ мой, такой ли любви достоинъ ты? Но я чувствую, что не могу любить болѣе. Я смотрю, чувствую, дышу, живу любовью, но все мало; нѣтъ, нѣтъ, Александръ, еще мала душа моя, чтобъ вмѣстить еще бо́льшую, высшую любовь, которой достоинъ ты. И ты такъ много во мнѣ видишь; зачѣмъ ты пишешь это, ангелъ мой; нѣтъ, право, я ничтожна передъ тобою, я половину неисполняю того, что должна. Я бы хотѣла, чтобъ *твоя* подруга была единственная, а я такъ мала, такъ еще низка! Прощай, мой ангелъ, всею душой обнимаю тебя, всею душой цѣлую тебя. Твоя, твоя *Наташа*.

Сегодня рожденіе маменьки,—поздравляю тебя.

Іюня 27. Загорье. Сейчасъ пошлютъ въ Москву. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду,—авось привезутъ отъ тебя письмо.

Іюня 28, воскресенье, Загорье.

Не даромъ все это время я была внѣ себя отъ нетерпѣнія, не даромъ мнѣ не спалось всю ночь эту, ангелъ мой, не даромъ сердце хотѣло вылетѣть на встрѣчу московскимъ: съ ними ѣхало твое письмо! Но какимъ терпѣніемъ безпрерывно я должна вооружаться! Только что пріѣдутъ, лечу на крыльцо: письма! И вотъ огромный пукъ писемъ. Надо отобрать, которыя можно читать к[нягинѣ]. Иду *туда*, меня заставляютъ читать все, что только пишется изъ Москвы, и это продолжается такъ долго, и еще потомъ надо пережидать, пока все утихнетъ, всѣ успокоятся. Тутъ я прошусь въ рощу или садъ. Съ восторгомъ смотрю на письмо твое, еще запечатанное, и тутъ какое-то наслажденіе,—потомъ печать долой. - и я вовсе потону въ строкахъ, писанныхъ твоею рукой, ангелъ мой!

Какъ ты грустенъ, мой Александръ! Почти каждое твое слово звучитъ уныло, томно. Ангелъ мой, Александръ! Ну, вообрази, я стою возлѣ тебя, обнимаю тебя, цѣлую, становлюсь на колѣни, держу твои руки и смотрю прямо въ твои очи и умоляю не грустить; неужели ты не утѣшишься, неужели не улыбнешься? Полно, мой милый, не тоскуй: что̀ разлука, когда я люблю тебя такъ! Не погружайся, другъ мой, въ горькія думы, не смотри такъ уныло; я съ тобою, ангелъ мой, неразлучно съ тобой; здѣсь одно тлѣнное, а душа моя безъ оболочки обитаетъ

подлѣ тебя, она у твоего изголовья во время сна твоего, въ шумной бесѣдѣ, на пирушкѣ, иль когда ты въ раздумьѣ на конѣ, иль когда одинокій въ своемъ кабинетѣ. душа моя каждое мгновеніе съ тобою, всегда, вездѣ.—и ты грустишь, и ты тоскуешь?!

Больно мнѣ, что ты, Искандеръ, говоришь, что «душа твоя становится *хуже, мелочнье*» отъ удаленія надежды на скорое возвращеніе. Моя душа *одно* съ твоею, и она *хуже, мелочнѣе.* О, нѣтъ, нѣтъ, мой отецъ; поставимъ душу нашу выше несчастій, выше разлуки, выше насъ самихъ, вознесемъ ее до высоты Бога; каждое страданіе, каждый вздохъ —ступень лѣстницы, ведущей на небо. Построимъ же ее выше, чтобъ далѣе быть земли.

Сама придумывала я, какъ бы очутиться мнѣ въ Вяткѣ. Хочешь, я увѣрю к[нягиню], что въ сновидѣніи мнѣ велѣно идти въ Кіевъ, и непремѣнно получу позволеніе и, разумѣется, явлюсь къ тебѣ, буду и въ Кіевѣ! Но подождемъ, что Богъ дастъ черезъ мѣсяцъ. Ахъ, что-то Онъ дастъ?!

Не желай смерти к[нягинѣ], ангелъ мой: почему знать, можетъ еще есть большія препятствія нашему соединенію, и можетъ ли она быть препятствіемъ, ежели это угодно Богу? Я никогда ничего не желаю, кромѣ твоей любви, кромѣ счастья тебѣ,—иному желанію нѣтъ мѣста въ моей груди. Помнишь ли, разъ ты писалъ мнѣ: «тутъ-то и ошибка, Наташа, я счастливъ никогда не буду», а мнѣ кажется, это несправедливо, ангелъ мой, *мнѣ кажется, ты когда-нибудь* будешь счастливъ. Ахъ, а я сколько счастлива сегодня, и какъ весела! Твое письмо на груди моей, ангелъ мой. Прощай!

1-е іюля, среда. И я увижу, и я обниму тебя, ангелъ мой, въ мои именины. Глубоко въ душу запала эта мысль, и день, и ночь одно на умѣ. Боже, Боже мой! услышь мое моленье... но да будетъ Твоя воля! Теперь я все воображаю, гдѣ встрѣчу тебя, какъ увижусь съ тобою и что будетъ съ тобою, и что будетъ со мною! И убійственное положеніе быть при *нихъ*; меня обливаетъ холодомъ, когда я вспомню эту принужденность, это притворство, къ которымъ нужно будетъ прибѣгать тогда, и пусть лучше ихъ знаютъ все, пусть гоненіе увеличится, лишь бы не скрывать небесное, святое чувство, лишь бы не бояться сказать всѣмъ, что ты *любишь меня.* Я знаю впередъ, недолго я буду въ состояніи таить мою любовь, да и зачѣмъ, мой ангелъ? Изъ каприза, изъ невѣжества нѣсколькихъ человѣкъ? Смѣшно и низко бояться людей до такой степени: пусть всѣ звуки, всякій голосъ умолкнутъ при божественномъ гимнѣ любви нашей, пусть мракъ и темнота разсѣются при свѣтѣ ея, пусть все мелкое, ничтожное исчезнетъ при появленіи ея необъятной! Одно меня смущаетъ: папенька такъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ... А надо мною не властенъ никто, при появленіи тебя, всякая власть исчезаетъ, и я вольная птица!

Когда ты уѣзжалъ изъ Москвы, и я знала день твоего отъѣзда и не знала еще, отпустятъ ли меня къ тебѣ,—надежда и сомнѣнье... почти также трепетала душа моя, какъ теперь: почти такъ же, ангелъ мой, потому что и тогда она предчувствовала важность нашего свиданія, предугадывала великую тайну Провидѣнія. Этотъ день—единственный день въ моей жизни; и *тотъ взглядъ* твой—единственный: ты ужъ никогда не будешь на меня такъ смотрѣть. Имъ промѣняли мы наши души и сердца, имъ отдали себя другъ другу, и въ немъ же излилось Божіе благословеніе.

Получила письмо отъ Emilie (на твое еще нѣтъ отвѣта). Она, кажется, спокойнѣе, не видно того отчаянія, той боли, которой стоны выходили изъ души

ея съ каждымъ словомъ. О сколько перестрадала душа моя, глядя на нее, и какъ перенесла она, и какъ еще можетъ жить на свѣтѣ! Въ ней много вѣры: она одна могла спасти ее. Она пишетъ: «напиши твоему Александру, что я жду его. Я знаю, онъ принесетъ мнѣ новую жизнь и вынесетъ мою Наташу изъ ада». Мнѣ нигдѣ не будетъ рая въ разлукѣ съ тобою, и всѣ непріятности, всѣ глупости не стóитъ назвать адомъ, мнѣ жаль минуты заняться ими и обратить вниманіе; нѣтъ мысли лишней посвятить на этотъ вздоръ. Теперь все, все слито, соединено въ одномъ тебѣ. О, другъ мой, мой ангелъ, мой Александръ!

Когда бы сонъ твой сбылся на яву, когда бъ ты пріѣхалъ и бѣжалъ ко мнѣ! Только я не хочу спать тогда, коль ты такъ близко меня,—нѣтъ, я бы сама бѣжала далеко увидѣть тебя. Желала бы тебя увидѣть сонньмъ, встрѣтить твой первый взглядъ, твое первое слово, твою улыбку и сказать тебѣ, ангелъ мой: «я увидѣла и услышала тебя прежде, нежели ты меня?» Но... ахъ, исполнится ли когда мое желаніе? Я слишкомъ многаго хочу. Александръ, Александръ, чтó бы я ни отдала, чтобъ взглянуть на тебя, хоть на соннаго! Другъ мой, ахъ, когда же ты пріѣдешь.- -ахъ, скоро ли это будетъ?

2-е, четвергъ. Душа моя такъ полна, Александръ, что мнѣ необходимо хоть сколько нибудь отлить въ твою душу. Цѣлые часы я бываю въ какомъ-то дивномъ состояніи, по цѣлымъ часамъ въ забвеніи всего, что окружаетъ меня, въ забвеніи всего земного, ангелъ мой, кромѣ тебя. Нѣтъ, необыкновенная это радость, необыкновенное желаніе, — мысль, что, можетъ быть, я скоро увижу *тебя*, услышу *твой* голосъ, буду съ тобою, *съ тобою*!... Одна эта мысль отстраняетъ все отъ души и одна владычествуетъ въ ней и, сильная, уноситъ ее высоко-высоко, показываетъ небо, рай, гдѣ мы будемъ съ тобою вмѣстѣ, и небесною пѣснью, небеснымъ благоуханіемъ обливаетъ все существо мое. Сойдя на землю, я сношу на себѣ остатки музыки небесной, и будто отъ меня ужъ льется ароматъ... и долго не слышу, и не понимаю языка людей, и все такъ странно... [вырвано слово]. Это часы, въ которые душа, забывъ все рѣшительно, живетъ въ одномъ тебѣ, пьетъ одну любовь твою. Но тогда, какъ усталая, утомленная настоящимъ и его суровостью и тяжестью она послѣдними силами ловитъ малѣйшую надежду, а злые люди отнимаютъ и ее, —тутъ, готовая упасть, подавленная грустью и тоскою, изливаетъ все страданіе передъ Богомъ, и утихаютъ муки, и чистая молитва несется къ престолу, и, кажется, самъ Богъ сходитъ въ душу утѣшить ее, и она спокойно смотритъ на даль, раздѣляющую ее съ тобою, и на тяжелыя оковы свои.

3-е, пятница. Какъ люблю я верховую ѣзду; ахъ, если-бъ я ѣздила! Когда-бъ ты былъ у насъ, мы поѣхали бы вмѣстѣ. Я воображаю, какъ пріятно на закатѣ солнца, когда все утихаетъ, и птицы не такъ весело поютъ, и люди не такъ живо суетятся, и все усталое, утомленное отъ дневныхъ заботъ ждетъ успокоенія, все становится тихо и уныло, туманъ стелется на землю, и ѣхать далеко отъ деревни по полю или по большой дорогѣ съ тобою!... И зачѣмъ ничего этого намъ нельзя, почему мы лишены съ тобою всего.! Потому, что мы даны другъ другу, потому, что въ любви нашей и безъ этихъ маленькихъ удовольствій блаженство безмѣрно. Часто вечеромъ сижу на берегу одна, и думы несутся къ тебѣ, несутся толпою, какъ жаворонки улетаютъ въ теплые края. Иногда кажется, ты теперь иль въ раздумьѣ на конѣ, иль стрѣлою разсѣкаешь воздухъ, иль, усталый, тихо ѣдешь домой, а дома нѣтъ никого: никто не летитъ тебѣ на встрѣчу, ничьи поцѣлуи не стираютъ пыли съ лица твоего, нѣтъ груди склонить голову...

Грустно тебѣ, ангелъ мой, грустно! Ну, воображай же за то, что я мыслями, душой лечу къ тебѣ и стираю пыль съ тебя, и не смѣю дохнуть, чтобъ не помѣшать заснуть тебѣ.

Александръ, милый мой Александръ! Что, если-бъ я лишилась тебя?... Этого не будетъ, этого никогда, никогда не можетъ быть: страшно стонетъ душа отъ одной мысли. Я бы не успѣла ни сойти съ ума, ни отнять жизнь у себя: въ то-жъ мгновеніе разорвалось бы мое сердце и ни одного мгновенія я не была бы съ тобою розно.

Прощай, душа моя, ангелъ мой, другъ мой, цѣлую тебя, цѣлую.

Твоя *Наташа*.

Нѣтъ, вовсе *они* не такъ дурны, какъ мы о нихъ думаемъ. Я была не хороша, Александръ, потому мнѣ все казалось нехорошо, а теперь я счастлива, полна тобою, твоей любовью, слѣдственно и хороша, и они мнѣ добры и хороши.

6-е. Другой день мнѣ ужасно скучно. Мало-по-малу у меня все отнимается; ужъ я не говорю о разлукѣ съ тобой, ангелъ мой, она убила меня, и Богъ знаетъ, когда изгладятся слѣды ея; но въ эту самую тяжкую, самую горькую эпоху моей жизни мнѣ посылались маленькія утѣшенія, лишалась и ихъ одинъ по одному, но твои письма—это выше утѣшенія, это лекарство, мгновенно утишающее самую нестерпимую болѣзнь души, это пластырь, исцѣляющій глубокія раны, нанесенныя ей твоимъ несчастьемъ, и твоя любовь!.. Но любить тебя, быть любимою тобой и такъ далеко отъ тебя, и такую жизнь вести, и не имѣть твердой, положительной надежды!.. Я не смѣю роптать, ангелъ мой; тверда вѣра, твердо упованіе, и опять скажу, могу-ль жаловаться судьбою, будучи любима тобою, единственное мое счастье, жизнь моя, мой Александръ? Но я слишкомъ ничтожна, слишкомъ слаба: такъ ли должно переносить все, имѣя твою любовь? Вчера пріѣзжала къ намъ прощаться Алек. Ан. Бочк.; она ужъ не будетъ жить у насъ: ее берутъ Оболенскіе на мѣсто той сестры. Мы не были большими друзьями съ ней, но привыкли другъ къ другу, дѣлили все горькое; я любила ее: она начинала понимать меня и въ ужасныхъ слезахъ провела цѣлый день; я плакала и сама. Горько что-то, милый мой, какъ все покидаетъ меня, все мѣняется, одна я неизмѣнна на своемъ мѣстѣ, одна даль съ тобою неизмѣнна... Она, уѣзжая, заставила меня оглянуться на мое положеніе, и тутъ во всей убійственной красѣ представилось оно мнѣ, и взглядъ этотъ посыпалъ землею душу мою... Пусть тебѣ извѣстно каждое состояніе души моей, ангелъ мой, пусть ты видишь, что я не такъ высока, не такъ небесна, какъ воображаешь ты, и пусть ты любишь Наташу — существо слабое, жалкое, а не ту мечту, которая восхищаетъ тебя. Какъ немного надо, чтобъ убить во мнѣ веселье, даже восторгъ! Всѣ эти дни я только и мечтала о свиданіи съ тобою и, казалось, это будетъ непремѣнно, и самыя плѣнительныя мечты вѣнкомъ обвивали больное сердце, и оно въ нѣгѣ и восторгѣ будущаго забывало минувшее и настоящее горе; но вдругъ это маловажное обстоятельство столкнуло вѣнокъ, изломало его, и всѣ мечты разсыпались; и все представляется мнѣ земною стороной,—разумѣется, не ты и не твоя любовь, —вы не имѣете ничего земного, вы всѣ - свѣтъ, всѣ—одно божественное, святое, одинъ рай, — а мое положеніе, разлука съ тобою. Эта громадная масса темноть и страданій кажется мнѣ еще огромнѣе, еще темнѣе, еще ужаснѣе, и такъ слаба надежда... Нѣтъ, я недостойна теперь писать къ тебѣ, ангелъ мой, прости меня; я не могу, не имѣю силы побѣдить своей слабости. Теперь

только и думаю, что ты не пріѣдешь, и эта мысль давитъ меня къ землѣ и сыплетъ прахъ на душу... Гдѣ-жъ душа, которой поклоняется Александръ?

7-е, вторникъ. 4 часа утра. Ты, вѣрно, въ глубокомъ снѣ, мой ангелъ. Я уже давно встала и читала Посланія апостольскія и твои. Малѣйшее паденіе мое пугаетъ меня ужасно; тотчасъ придетъ въ голову: можетъ ли такъ упадать духомъ и ослабѣвать вѣрою «*та, которая должна быть выше существъ простыхъ?*» Я ищу всѣ средства встать, опираюсь на все, ничто не помогаетъ даже приподняться мнѣ, и все валится, рушится опять вмѣстѣ со мною, но молитва и мысль о твоей любви обновляютъ скоро душу и возносятъ ее выше, нежели она была. Теперь я совсѣмъ иная, теперь ты можешь обнять меня, цѣловать меня, теперь, ангелъ мой, я твоя, твоя Наташа! Я подъ открытымъ окномъ. Дивное утро, еще все тихо, и птицы не поютъ; все спитъ кругомъ, одна я говорю съ тобою, другъ мой. Когда намъ суждено скорое свиданіе, хорошо, что я одна: пусть остальное время разлуки все посвящается тебѣ, я не хочу дѣлить даже послѣдней грусти, и она мила, священна мнѣ. Пусть все кипитъ въ моей душѣ, дивная борьба свѣтлой надежды—обнять тебя черезъ мѣсяцъ—съ мрачною мыслью: не видаться еще долго, долго... О, ангелъ мой, что̀-бъ ни было, какъ бы ни свирѣпъ былъ мой удѣлъ, твоя любовь сохранитъ меня и спасетъ. Не пробуждайся, Александръ, если видишь меня во снѣ, а я пойду гулять или опять лягу,—можетъ, и я увижу во снѣ моего ангела...

10-е, пятница. Ахъ, хоть бы я письмо отъ тебя получила, и если бы ты написалъ, ангелъ мой, что укладываешься, собираешься въ путь, въ возвратный путь! Надежда видѣть тебя оживитъ меня. Пиши, пиши, мой Александръ, можетъ, недолго потерпѣть намъ, а тяжка неизвѣстность: я каждый часъ изнемогаю. Ты писалъ, что черезъ мѣсяцъ ждать отвѣта, — одна недѣля ужъ осталась. О, ради Бога, напиши мнѣ тотчасъ и лети скорѣе самъ. Покинь все, ангелъ мой, и лети ко мнѣ, мой спаситель. Если же отказъ, пиши и то скорѣе. Теплаго времени ужъ не много остается, чтобъ успѣть мнѣ придти къ тебѣ до зимы; только бы взглянуть на тебя, только бы услышать твой голосъ, и я опять радостно буду переносить все. Когда судьбы Его требуютъ нашей разлуки, нашихъ страданій, да совершится воля Его, но только мнѣ нужны силы, нужна твердость, а ихъ можетъ только дать твой взглядъ, твое слово. Повидавшись съ тобой, я готова хоть на смерть. Итакъ, прощай, мой Александръ, прощай, милый мой, ангелъ ты мой, обнимаю тебя, цѣлую. Дай Господи скорѣй сказать тебѣ: здравствуй, мой неоцѣненный, дивный, прелестный Александръ. Прощай!

Твоя *Наташа.*

Не пріѣдетъ ли Полина когда въ Москву? Кланяйся ей. Право, мнѣ кажется, если-бъ мы встрѣтились съ ней, то стали бы друзьями. Тебя, мой ангелъ, еще обнимаю. Господь съ тобою, будь веселъ и здоровъ. Лети-жъ ко мнѣ, лети!

9-е іюля, Вятка.

Ангелъ мой, ты давно не получала моихъ писемъ, пишешь ты отъ 24 іюня. Точно, я не писалъ тогда долго, не желая передать грусть, которая наполняла мою душу, но съ тѣхъ поръ ты, вѣрно, получила нѣсколько записокъ отъ меня. Тебя тяготитъ наша разлука. О, Наташа, собери всѣ силы, пострадай за буду-

шее благоденствіе. Мы будемъ счастливы, клянусь тебѣ; при первой возможности ты моя совсѣмъ, но, признаюсь тебѣ, и мнѣ ужъ черезъ силу эта разлука. Дружба. широка ея грудь, она помогаетъ мнѣ много, но не дружбы ищетъ душа, а любви. Странно, я былъ, по крайней мѣрѣ, беззаботенъ по наружности; теперь, ожидая такъ скоро рѣшенія, я перемѣнился, и самъ вижу это: я сталъ мраченъ, задумчивъ, разсѣянъ. Ничто меня не веселитъ, и моя иронія стала ядовитѣе, и мой смѣхъ злѣе. Нѣтъ, Наташа, не могу жить безъ тебя: эта жертва ужасна. За одинъ взглядъ, за одинъ поцѣлуй я далъ бы теперь нѣсколько лѣтъ жизни. Ты не знаешь, что такое поцѣлуй,—мой поцѣлуй будетъ первымъ на твоихъ губахъ; я горжусь этимъ. Да, ты мое созданіе, моя олицетворенная мечта, одна ты и можешь меня сдѣлать счастливаго.

Дружба! Въ ней есть что-то холодное, эгоистическое; это два круга пересѣкшіеся, какъ говоритъ Огаревъ. Но любовь—чувство, оживившее меня, приведшее меня къ религіи, отдавшее мнѣ тебя,—это два круга, изъ коихъ одинъ поглощенъ другимъ, какъ будто внутренняя часть другого. [Графическое изображеніе такихъ круговъ]. Одно средоточіе! Отчего же, видаясь съ друзьями, я только радуюсь, но при одной мысли свиданія съ тобой—трепещу? Можно ли намъ надѣяться на соединеніе вѣчное при жизни всѣхъ нашихъ? Наташа, вѣдь, страшно основывать свое счастье на смерти другихъ, страшно, какъ воронъ, заглядывать въ глаза и накликать смерть. Но врядъ ли это возможно иначе. Впрочемъ, лишь бы мы были вмѣстѣ, лишь бы могли хоть разъ въ недѣлю видѣться, и тогда уже счастье неизмѣримое,—и развѣ мы тогда же не соединены? Предоставимъ остальное Провидѣнію. Не понятны иногда Его пути, но я вѣрю въ нихъ и слѣпо повинуюсь. Можетъ, все устроится легче, нежели ты думаешь—и я думаю.

15-е іюля. Впрочемъ, со стороны папеньки [вырвано слово] большихъ препятствій. Но княгиня... Я ее поздравилъ съ именинами.

Ангелъ мой, сегодня 15 іюля. 20 будетъ два года нашей прогулкѣ на скачкѣ. Тогда уже мы были близки другъ другу, тогда уже вся моя душа открывалась тебѣ. А послѣ... разъ видѣлись и какъ сблизились, какъ слились наши существованія!

20 іюля ждутъ отвѣта изъ Петербурга. Страшное число! Оно начало годину бѣдствій, оно начнетъ, *можетъ быть*, время счастья. Но отчего же я боюсь это *можетъ быть*, отчего проклятое *можетъ быть и нѣтъ* морозомъ обливаетъ сердце? Нѣтъ, нѣтъ, довольно страданій, довольно опыта! Полина кланяется тебѣ. Она тебя любитъ отъ всей души. Желалъ бы, чтобъ вы познакомились: прекрасная душа и пренесчастная. Какъ будто нѣтъ земного счастья для души небесной? Что-то наша Emilie? Статья моя *Мысль и откровеніе* пишется и первая часть хороша. Прощай, ангелъ мой, прощай, цѣлую тебя!

Твой на вѣки *Александръ*.

Загорье, 12 іюля, воскресенье.

Читая признаніе твое, ангелъ мой, я залилась слезами. Далеко оттого, чтобъ ты палъ въ душѣ моей, о, нѣтъ, нѣтъ, Александръ; клянусь тебѣ, ежели-бъ ты сдѣлалъ что слишкомъ порочное,—этого не можетъ быть никогда,—но если бы, и тогда я омывала слезами и молитвою грѣхъ твой, просила бы Бога, чтобъ Онъ

за тебя наказалъ меня, а чтобъ ты унизился въ душѣ моей, чтобъ любовь моя умалилась одною каплей?.. О, другъ мой, какая мысль, какая ужасная мысль, и чтобъ я раскаялась, отдавшись тебѣ! Больно мнѣ, если ты думалъ такъ, писавши это ко мнѣ. Мнѣ жаль тебя, Александръ, горько, что въ тебѣ не стало силъ устоять противъ того стремленія, которое вовлекло тебя въ этотъ поступокъ. Но, ей-Богу, я слишкомъ постигаю весь ужасъ тогдашняго твоего положенія, и этотъ холодъ, и эти оковы, и эти убійственные взоры на каждомъ шагу, и твою душу. Всею душой, всею любовью моею прощала тебя на каждомъ словѣ. Вѣрь же, Александръ, вѣрь, милый мой, что, читая письмо, ни одна темная мысль о тебѣ не посѣтила души моей. Не думай, чтобъ любовь моя придавала тебѣ излишнія достоинства,—нѣтъ, ты, Александръ, создалъ во мнѣ эту любовь, ты возвысилъ ее, а не она тебя. Успокойся же, ангелъ мой, о, не спрашивай, насколько палъ ты въ душѣ моей: я не умѣю, не могу исчислить, насколько ты становишься выше, святѣе въ душѣ моей. Чего стоитъ твое раскаяніе? О, ей-Богу, оно выше твоей вины, а если разлука наша наказаніе, то она давно, давно искупила пятно это въ душѣ твоей, и ты прощенъ небесами. Я не скажу съ толпою, чтобъ это была шалость, вѣтренность простительная, но ты ясно видишь, что это дурно, можетъ, даже видишь хуже, нежели оно есть, и уже этого никогда не будетъ, я отвѣчаю тебѣ за тебя; нѣтъ, зачѣмъ теперь тебѣ вынужденное *равнодушіе*, теперь ужъ найдено тобою то сердце, которое, кажется, создано изъ одной любви къ тебѣ, найдена та душа, которая не видитъ, не знаетъ ничего, кромѣ тебя и Бога. Обнимаю, обнимаю тебя, ангелъ мой, цѣлую тебя и клянусь, что ты еще выше, святѣе въ душѣ моей, потому что я воображала гораздо болѣе о томъ пятнѣ, о которомъ ты почти въ каждомъ письмѣ говорилъ мнѣ. Вѣрь же и тому, что и Богъ простилъ тебя: одни мои страданія могли-бъ искупить твою вину, а твои?.. И я молю Его, о, только успокойся, ради Бога, не воображай, чтобъ ты измѣнился передо мною, чтобъ я насколько-нибудь отлонилась отъ тебя, увѣряю тебя, въ тебѣ нѣтъ ничего, что было бы внѣ объятій души моей. Теперь просьба о ней. Ежели ты не можешь прибавить ей счастья, не умножай горя ея, заставь ее разлюбить тебя незамѣтно ей самой и пуще всего при разставаніи не давай надежды: не то страданія ея будутъ тяжки и продолжительны. Кому бы я съ такою увѣренностью поручила спасеніе несчастной? Тебѣ же... Вѣришь ли, мой ангелъ, какъ покойна я, отдавая судьбу *ея* въ *твои* руки. Старайся же всѣми силами не принести ей собою ни малѣйшей непріятности. Ты самъ говоришь, что ужъ она довольно несчастна и безъ новыхъ ударовъ. Да поможетъ тебѣ Богъ спасти ее!

Іюля 13, понедѣльникъ. Боже мой, Господи! Ты уже знаешь теперь судьбу нашу, Александръ, а я томима сомнѣніями. Можетъ быть, ты въ восторгѣ благословляешь Бога, а я и просить Его не могу теперь (потому что ужъ рѣшено). И что съ тобою, если ты получилъ роковое извѣстіе?.. Если такъ, не изнемогай, мой ангелъ, подъ бременемъ, которое налагаетъ на тебя Всевышній. Пройдетъ и тотъ годъ разлуки, и мы выше въ терпѣніи, выше въ покорности волѣ Его, выстрадавъ наше соединеніе, будемъ наслаждаться жизнью и любовью. Вспомни, чѣмъ сильнѣе испытаніе, тѣмъ выше награда: въ страданіяхъ, въ мученіяхъ, въ разлукѣ, во всемъ да будетъ слава Богу! Мнѣ страшно за тебя, Александръ. Александръ, ангелъ мой, внемли словамъ моимъ, не упадай съ твоею высокою душой, вздумай, что будетъ со мною, когда *ты* хотя сколько-нибудь окажешь слабость, вспомни, сколько сынъ Божій претерпѣвалъ для человѣка. Ахъ, да что мои слова? Вознесись ты только къ нему душою, и Онъ ниспошлетъ тебѣ и силу,

и твердость. Можемъ ли мы придумать и желать къ нашему счастью лучше Его? Если суждена намъ еще разлука, этотъ тяжкой годъ будетъ высочайшею ступенью той лѣстницы, которая ведетъ къ блаженству, высочайшею и послѣднею ступенью! Когда ослабѣешь ты, я изнемогу вовсе, и что же тогда? Я покойна буду, когда ты будешь покоенъ, и радостно перенесу все, если буду знать, что ты не огорчаешься. Ежели душу твою не посѣтитъ мысль, что благость Божія превышаетъ все на свѣтѣ, что то, что опредѣлено Имъ, не можетъ быть лучше устроено, то вспомни хоть твою Наташу, которая погибнетъ вовсе, увидѣвъ, насколько слабъ ты. Сердце мое переломлено, но я не изнемогаю: одно прибѣжище — Онъ: ежеминутно возношусь духомъ *туда*, и одна неизвѣстность, въ какомъ ты теперь положеніи, тяготитъ душу мою.

Какая ужасная гроза теперь на небесахъ, какое молніе и громъ! Такъ иногда взволнуется духъ мой. Ахъ, если-бъ я могла хоть одно слово получить отъ тебя!.. Скажи, что можетъ усладить хоть немного твою душу? Повелѣвай мною, ангелъ мой: я все, все предприму, о, скажи, скажи, ради Бога, требуй все отъ меня,— все, что возможно, будетъ выполнено. Ты мнѣ все представляешься теперь въ горести... и я не могу такъ живо вообразить твоей радости.

Ахъ, ну, ежели ты знаешь теперь, что черезъ мѣсяцъ ты увидишь меня!.. Не могу писать, не могу думать, ангелъ мой, обнимаю тебя... О, когда же, когда же?.. Прощай, жизнь моя, мой Александръ! О, прелестный, дивный другъ мой, повѣй, повѣй на меня хоть тѣмъ воздухомъ, которымъ дышешь ты, хоть обрати взоръ твой въ ту сторону, гдѣ твой вѣрный другъ, твоя Наташа! Все небо потемнѣло, при сіяніи молнія пишу къ тебѣ, неподражаемый, цѣлую тебя, цѣлую, душа моя, Господь съ тобою.

Іюля 15, середа. Нѣтъ, Александръ, если-бъ не вѣра, никогда-бъ я не перенесла тѣхъ душевныхъ волненій, которыя все это время отнимаютъ у меня даже способность думать. Это ужасъ! То вдругъ надежда обниметъ душу и дивные сны лелѣютъ ее, то вдругъ сомнѣніе, иль даже совершенное отчаяніе своими холодными, костяными руками вырываетъ душу изъ объятій надежды и давитъ къ своей холодной, желѣзной груди, и подъ унылые напѣвы его страшны видѣнья! Ей-Богу, я бы спокойнѣе вынесла разлуку, ежели бы знала, что ты не убитъ ею. Ангелъ мой! можетъ быть, уже нѣсколько дней, какъ ты получилъ отвѣтъ, и уже нѣсколько дней, какъ ты грустишь! Ну, успокойся, ради Бога, хоть на сію минуту, читай и перечитывай письмо мое и воображай, что твоя Наташа, твоя дѣва, умоляетъ тебя на колѣняхъ не предаваться грусти. Милый мой, промчится годъ... и мы вмѣстѣ, вмѣстѣ на вѣки.

Для меня все исчезло теперь. Не слышу, не вижу ничего, не понимаю, я вся теперь—одно *ожиданіе*. Обо мнѣ не думай, божусь любовью моей, я твердо снесу отказъ, цѣлый годъ буду ждать тебя и унывать не стану, не стану и грустить; все, все перенесу, лишь бы ты, мой ангелъ, не унывалъ, не грустилъ. Я увѣрена, что ты успокоишься хоть сколько-нибудь, получа это письмо, и меня терзаетъ то, что ты еще не скоро его получишь.

Какъ несносенъ день для меня, какъ тревожна ночь! Поручаю Полинѣ утѣшать тебя; скажи ей это отъ меня.

Нѣтъ, ни слова болѣе, мой Александръ, нѣтъ мыслей у меня теперь, не знаю, что писать, не знаю, что пишу. И послушаешься ли ты меня, успокоишься ли ты хоть немного? Господи, да будетъ воля Твоя, но дай намъ силы нести. Прости! Прощай! Если ты въ скорби, прибѣгай къ молитвѣ. О, блаженна душа, которая

въ жаждѣ прибѣгаетъ къ этому источнику! Прощай, Александръ, другъ мой, цѣлую тебя.

16-е. Можетъ, ты ужъ написалъ ко мнѣ, мой ангелъ, если же нѣтъ, умоляю тебя, напиши скорѣй. Тебѣ-жъ теперь я писать не стану болѣе, подожду, авось-ли-бъ съ этою оказіей будетъ отъ тебя письмо. Только повторяю мое моленье: если намъ еще разлука, ты мнѣ помоги перейти эту ступень, а я... Моя душа всегда готова, обопрись на нее, ангелъ мой. Итакъ, прощай, прощай, Александръ. Ни черезъ годъ, ни черезъ десять лѣтъ не можетъ измѣниться сердце твоей Наташи. Съ тѣхъ поръ, какъ оно чувствуетъ, — чувствуетъ одну любовь къ тебѣ: словомъ, мое сердце, моя душа — любовь. Богъ возьметъ ее на небо, и не будетъ и меня на землѣ.

Прощай же, милый мой. Твоя *Наташа.*

20-е іюля.

Итакъ, два года черныхъ, мрачныхъ канули въ вѣчность съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною была на скачкѣ; послѣдняя прогулка моя въ Москвѣ, она была грустна и мрачна, какъ разлука, долженствовавшая и нанесть намъ слезы, и дать намъ болѣе другъ друга узнать. Божество мое! Ангелъ! Каждое слово, каждую минуту вспоминаю я. Когда-жъ, когда-жъ прижму я тебя къ моему сердцу? Когда отдохну отъ этой бури? Да, съ гордостью скажу я, я чувствую, что моя душа сильна, что она обширна чувствомъ и поэзіею, и всю эту душу съ ея бурными страстями дарю тебѣ, существо небесное, и этотъ даръ великъ. Вчера былъ я ночью на стеклянномъ заводѣ. Синій и алый пламень съ какимъ-то неистовствомъ вырывался изъ горна и изъ всѣхъ отверстій, свистя, сожигая, превращая въ жидкость камень. Но наверху, на небѣ свѣтила луна, ясно было ея чело и кротко смотрѣла она съ неба. Я взялъ Полину за руку, показалъ ей горнъ и сказалъ: «*Это я!*» Потомъ показалъ прелестную лину и сказалъ: «*Это она, моя Наташа!*» Тутъ огонь земли, тамъ свѣтъ неба. Какъ хороши они вмѣстѣ!

22-е іюля. Минуты грустныя все еще также часто налетаютъ на мою душу; судорожное ожиданіе отвѣта изъ Петербурга меня томитъ. И только ты, ты одна, моя божественная дѣва, могла поселить такую любовь. Передъ тобою исчезаютъ всѣ остальныя страсти и потребности мои. Ежели-бъ не свиданіе съ тобою, что влекло бы меня такъ сильно, такъ безпрерывно въ Москву? Родительскій домъ? Но развѣ я не зналъ, что рано или поздно долженъ буду покинуть его? Служба, путешествіе, все должно было меня на время разлучить съ нимъ. Право, мнѣ больно, что мною нанесено столько скорби родителямъ, хотя я и не виноватъ въ томъ, что Богъ мнѣ далъ душу выше толпы, таланты выше обыкновенныхъ людей, а въ этомъ вся моя вина. Друзья?—и они меня влекутъ сильно къ себѣ, но гдѣ они, развѣ въ Москвѣ? Огарева тамъ нѣтъ. Занятія?—здѣсь въ тиши я могу работать. Нѣтъ, все это не могло бы такъ мощно влечь меня; даже мое самолюбіе указываетъ мнѣ скорѣе на Петербургъ, нежели на Москву. Но Москва у меня не раздѣльна съ Наташей, я люблю Москву за тебя, я въ ней люблю тебя.

Любовь—высочайшее чувство; она столько выше дружбы, сколько религія выше умозрѣнія, сколько восторгъ поэта выше мысли ученаго. Религія и любовь, онѣ не берутъ часть души, имъ часть не нужна, онѣ не ищутъ скромнаго уголка въ сердцѣ, имъ надобна вся душа, онѣ не дѣлятъ ея, онѣ пересѣкаются, сливаются. И въ ихъ-то слитіи жизнь полная, человѣческая. Тутъ и высочайшая поэзія, и восторгъ артиста, и идеалъ изящнаго, и идеалъ святого. О, Наташа!

Тобою узналъ я это. Не думай, чтобъ я прежде любилъ такъ; нѣтъ, это былъ юношескій порывъ, это была потребность, которой я спѣшилъ удовлетворить. За ту любовь ты не сердись. Развѣ не то же сдѣлало все человѣчество съ Богомъ? Потребность поклоняться Іеговѣ заставила ихъ сдѣлать идола; но оно вскорѣ нашло Бога истиннаго, и онъ простилъ имъ. Такъ и я: я тотчасъ увидѣлъ, что идолъ не достоинъ поклоненія, и самъ Богъ привелъ тебя въ мою темницу и сказалъ: «Люби ее, она одна будетъ любить тебя, какъ твоей пламенной душѣ надобно, она пойметъ тебя и отразитъ въ себѣ». Наташа, повторяю тебѣ, душа моя полна чувствъ сильныхъ, она разовьетъ передъ тобою цѣлый міръ счастья, а ты ей возвратишь родное небо. Провидѣніе, благодарю тебя!

Что Emilie? Кланяйся ей.

Цѣлую тебя, ангелъ мой, *быть можетъ*, скоро, черезъ мѣсяцъ этотъ поцѣлуй будетъ не на письмѣ, но на твоихъ устахъ!

Твой до гроба *Александръ*.

29-е іюля, Загорье.

Твое письмо отъ 9 числа я получила въ Москвѣ. М. С. ѣхала туда за своими дѣлами, многого стоило, чтобъ отпустили и меня. Но, наконецъ, я въ Москвѣ и у меня маменька, Машенька Эрнъ и твое письмо! Ангелъ мой, какую боль, какое страданіе не вылечитъ твоя любовь? Написавъ тебѣ послѣднее письмо, во мнѣ замерло все: ожиданіе рокового извѣстія наполнило душу какимъ-то страхомъ, ужасомъ. *Еще годъ разлуки!* Часто я вздрагивала, когда заговоритъ кто со мною, взойдетъ въ дверь, каждую минуту сердце обливалось кровью. Теперь... Господи! теперь, мой ангелъ, пишешь ты, все рѣшено... и я не знаю; если и разлука... Онъ хочетъ, чтобъ ты страдала. Да будетъ такъ, Господи. Уже душа моя не взволнована такъ. Развѣ мнѣ еще мало? Развѣ я могу требовать болѣе?

Потому-то мнѣ такъ и страшно думать о будущемъ, что оно основано *почти* на смерти другихъ. При этой мысли затмѣвается все, я гоню ее, она отравляетъ душу. Да что же еще нужно намъ, ангелъ мой? Кажется, я писала тебѣ,—*вѣдь мы даны другъ другу*, и развѣ есть что болѣе, выше, чего намъ не достаетъ? Я, я не жду ничего; ты любишь меня, я боготворю тебя, счастлива, на верху блаженства твоей и своей любви, для меня ничего нѣтъ болѣе, жду одного, но и это не мало—*взглянуть* на тебя! Ахъ, ангелъ мой, клянусь тебѣ, что съ мыслью, что я любима тобою, съ возможностью *иногда* видѣть тебя, говорить съ тобою (нѣтъ, хоть и не говорить; смотрѣть и говорить— все то же), поцѣловать тебя, я бы прожила всю жизнь. Ты говоришь, Александръ, что твой поцѣлуй будетъ первый; неправда, я видѣла во снѣ, что ты поцѣловалъ, и такъ никогда никто на яву меня не цѣловалъ, даже ты, стало, это былъ первый поцѣлуй. Да что же такое, ежели мы еще нѣсколько лѣтъ проживемъ такъ, какъ, помнишь, при Emilie? Суббота или воскресенье, воскресенье или суббота—счастливые дни. Тогда я буду благословлять и плѣнъ мой, и мое рабство, только Emilie ужаснется этого, а я съ восхищеніемъ жду твоихъ посѣщеній. Ахъ, не правда ли, ангелъ мой, какое блаженство, какъ мы счастливы другъ другомъ! Правда, не сносно при нихъ; но, вѣдь, только языку могутъ они запретить, а не глазамъ: развѣ не довольно и того, чтобъ смотрѣть на тебя? Ахъ, какая страшная мысль! Боже мой, желать смерти для своего счастья,—можетъ ли тутъ быть счастье? Я же, повѣрь, Александръ, всѣхъ ихъ люблю теперь болѣе прежняго.

Тогда ничто не смѣтало праха съ души моей, и она была такъ мелка, что останавливалаcь на всѣхъ ничтожныхъ непріятностяхъ и болѣла при малѣйшихъ ударахъ, а теперь я вижу, что они мнѣ не сдѣлали ничего, что они дурны сами для себя и заслуживаютъ одно состраданіе. И теперь я, *сколько могу*, избавляю ихъ непріятнаго, и мнѣ самой лучше. Пусть кругомъ меня будутъ дикіе звѣри, лишь бы видать тебя хоть разъ въ недѣлю! Прости, ангелъ мой, цѣлую тебя.

31-е. Поздравительное твое письмо получено. Конечно, это можетъ мирить васъ нѣсколько, а чтобы совершенно перемѣнить мнѣніе кн[ягини], - это, мнѣ кажется, не легко. О Александръ, мой Александръ! Сколько жертвуешь ты для меня, какъ унижаешь себя! О, ангелъ мой, если-бъ я могла выразить тебѣ, сколько я счастлива, но, нѣтъ, земной языкъ недостаточенъ, да и зачѣмъ? Будто ты самъ не знаешь. Какъ много твердятъ о любви, какъ много называютъ ею, и какъ мало душъ, которыя понимаютъ ее!... Иль она божественная печать не многихъ избранныхъ?

Сколькихъ знаю я, которые говорятъ: *я люблю*, но никогда ни въ одной душѣ я не видала тѣни той любви, которою соединилъ насъ Богъ. Много читала, много слыхала о любви и нигдѣ не находила подобія тому чувству, которое мы съ тобой звали «дружбою», а потому я была увѣрена, что чувство дружбы ничто въ свѣтѣ не можетъ перевѣсить. Помнишь ли, помнишь ли ты, Александръ, ту жалкую дѣвочку, которая, молча, почти украдкой, бывало, смотрѣла на тебя, которая едва ль заслуживала твоего воспитанія? Вспомни ее, съ нея ты нечаянно сбросилъ все людское и нашелъ одну чистую, святую любовь.

Что было съ тобой, ангелъ мой, 20-го числа? Я не помнила себя весь день (тогда у насъ былъ Лев. Ал. и Сережа!). Каждая минута, проведенная съ тобою два года тому назадъ въ этотъ день, приходила мнѣ на умъ, каждое слово твое горѣло на сердцѣ,—и какъ все живо! Помнишь, ты сидѣлъ со мною въ каретѣ у насъ? Какъ прежде проходилъ мимо, какъ всѣ вмѣстѣ бродили по могиламъ, потомъ какъ незамѣтно мы отдѣлились отъ толпы. Ахъ, помню, помню, тогда исчезло для меня все, тогда я видѣла и слышала только брата моего Александра и его любимую колокольню. Разставшись, долго глядѣла на тебя, долго прислушивалась къ стуку колесъ, которыя увозили отъ меня такъ далеко, такъ надолго все, чѣмъ я жила, чѣмъ дышала! И все-то это прошло! Александръ, Александръ, ангелъ мой, какъ я люблю тебя!

1-е августа. Насталъ и августъ!...

2-е, воскресенье. Александръ, Александръ! Боже мой! дай же мнѣ силы пережить эти дни! Вчера я была у обѣдни, вчера я молилась. Никогда душу мою не волновали такъ страшно безнадежность и отчаяніе, и никогда не отдавалась я Его Провидѣнію съ такою полною увѣренностью. Вчера, какъ нарочно, пѣли этотъ дивный канонъ Богоматери. 24 дня остается... Что ты теперь? Ахъ, что съ тобой, другъ мой, или ты въ хлопотахъ и собираешься въ Москву? Ахъ, если-бъ это было такъ! Нѣтъ, не могу писать, прости, ангелъ мой. Придетъ ли пора сказать: здравствуй? Придетъ ли пора обнять не заочно?

3-е. Ты говоришь — дружба. Я весь свѣтъ люблю тобою, но уже для меня нѣтъ тѣхъ дней, которые я проводила въ однихъ воспоминаніяхъ о моихъ друзьяхъ: я равнодушно читаю ихъ письма, равнодушно думаю о свиданіи съ ними; нѣтъ, нѣтъ, у меня нѣтъ никого, кромѣ тебя, нѣтъ ничего, кромѣ любви. Всѣ они потонули, какъ звѣздочки, въ сіяніи солнца: я не очарована болѣе ими, я не восхищаюсь ихъ дружбой. Что они, когда есть *ты*, что ихъ дружба,

когда ты любишь меня? Но, все-таки, я ихъ люблю, они вѣчно мнѣ родные. О, много отрадныхъ часовъ давали мнѣ друзья; я готова для нихъ сдѣлать многое, но отдать имъ себя такъ, какъ прежде... я не принадлежу себѣ болѣе. О, прелестный другъ мой, о, дивный мой Александръ! За что такъ обидѣла тебя судьба, за что такъ много она дала мнѣ?

Вчера пошли мы въ лѣсъ и нечувствительно пришли, куда же? Въ Царицыно. Оно болѣе трехъ верстъ отъ насъ. Всѣ устали ужасно, но у всѣхъ еще доставало силы восхищаться прекраснымъ садомъ, а я бродила сиротою, не чувствительна къ усталости, нечувствительна къ красотамъ природы и трудамъ человѣка. Я такъ полна тобою, ничто, ничто меня не трогаетъ, забываю время, когда утро и послѣ обѣда. О, Александръ, пережилъ ли кто въ 80 лѣтъ болѣе, нежели я въ 18, или, лучше сказать въ 8 мѣсяцевъ?

Эмилія пишетъ мнѣ, но рѣдко и мало. Я не пеняю ей за это: я ее знаю. Къ ней же я пишу, хоть и мало, но часто. Зимою она пріѣдетъ въ Москву. Несчастная, она лишена всего на свѣтѣ! У нея отняли все и въ цвѣтѣ лѣтъ... Дивлюсь ея твердости, я бы давно лежала въ могилѣ:

Сноснѣе тлѣть въ землѣ сырой,
Чѣмъ жить и быть тебѣ чужой.

И Полина несчастна? Александръ, скажи, что же сдѣлала я, чѣмъ заслужила я такое блаженство? Сколько высокихъ, чистыхъ душъ испытываютъ одно страданіе, а я, я... Но и для нихъ, можетъ, свѣтило солнце, и мое будущее закрыто. Только я знаю, что *я* несчастна не буду никогда. Прощай, ангелъ мой, Александръ. Долго не посылаютъ къ тебѣ моихъ писемъ,—что дѣлать? Помочь этому нельзя, но когда-нибудь ты получишь и это, и оно принесетъ тебѣ хоть каплю радости. Другъ мой, не забывай же моей молитвы, не упадай подъ ударами. Можетъ, Провидѣніе испытуетъ твою твердость. Если-жъ позволеніе пришло, лети, лети скорѣе къ твоей Наташѣ. Цѣлую, обнимаю тебя, Господь съ тобой!

Твоя вѣчно *Наташа.*

Полинѣ жму руку. Желала бы встрѣтиться съ нею, только тогда бъ, когда прошли бы всѣ тучи.

Теперь у насъ гоститъ дочь священника. Я думаю, ты помнишь ее,—ее зовутъ Сашей. Тоже прекрасное созданіе, и за что люблю ее болѣе: разъ она писала мнѣ о тебѣ и, вмѣсто всего твоего имени, написала А (окруженное лучами). Не правда ли, какъ полно она выразила свое понятіе о тебѣ?

Еще прощай, еще цѣлую, еще обнимаю. Твоя *Наташа.*

Что твой Эрнъ? Я ужасно люблю его сестру, — прелестное существо!

1-е августа, Вятка.

Хочу опять сказать тебѣ, ангелъ мой, нѣсколько словъ о себѣ, о внутренней жизни моей. Можетъ, скоро явлюсь я въ твои объятія, можетъ, ты найдешь перемѣну во мнѣ, и потому вотъ полный отчетъ о себѣ. Да, во мнѣ есть перемѣны послѣ 20 іюля 1834 г., послѣ 9 апрѣля 1835 г. и, наконецъ, послѣ декабря 1835 г. Какъ мало времени, но сколько происшествій, опытовъ, испытаній, чувствъ и мыслей! Сначала, мрачное заключеніе, угрозы, словомъ тюрьма, подняли меня, я узналъ свою силу, свою твердость, повторяю—я былъ поэтъ! И эта поэма кончилась восторгомъ самымъ чистымъ, самымъ небеснымъ—сви-

даніемъ съ тобою, твоею любовью; но испытаніе не должно было кончиться этимъ, я узналъ себя токмо на одномъ поприщѣ. Ссылка и вмѣстѣ съ нею частная воля, новый образъ жизни. Тогда я упалъ; можетъ, слишкомъ напряженное состояніе души въ заключеніи требовало этой жертвы. Твой голосъ, какъ голосъ Бога къ избранному народу, воскресилъ меня: но мнѣ нужна была опора твердая, крѣпкая. Душа вырвалась уже отъ пыли земной, но тѣло еще лежало, и, дивись Провидѣнію, въ самое это время явился Витбергъ. Наша жизнь встрѣтилась, наши несчастія насъ сблизили, и еще болѣе симпатія души тѣсно и крѣпко связала мою жизнь съ его жизнью. Великій человѣкъ, великій художникъ, испытавшій верхъ славы и верхъ несчастія, видѣвшій почти исполненною свою гигантскую мечту и плакавшій на развалинахъ ея, этотъ человѣкъ остался твердъ и прямъ, какъ колонна каррарскаго мрамора, и такъ же бѣлъ, какъ она: напрасно бросали грязь въ нее: грязь смылась (можетъ слезою). Чувствуя возлѣ себя этого сильнаго человѣка, я оттолкнулъ послѣднюю слабость; къ тому же высокое чувство любви, любви не сладострастной, но небесной, утвердило на прочныхъ камняхъ мое нравственное бытіе, *и я выросъ*. Пустая жизнь первыхъ мѣсяцевъ здѣсь оставила токмо опытъ и раскаяніе; послѣдующая заставила меня сознаться въ новыхъ силахъ души, я пріобрѣлъ болѣе положительности и въ мысляхъ, и въ дѣйствіяхъ, я научился обуздывать себя, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, усилилась и мысль, и дѣйствіе. Вотъ тебѣ еще клочокъ моей исповѣди. Кому же, какъ не тебѣ, долженъ я разсказывать все заповѣдное моей души, тебѣ, которой я отдалъ и душу, и сердце, и жизнь?

Въ *Телескопѣ* напечатана моя статья *Гофманъ*, въ 10 № за 1836 годъ. Пишу тебѣ для того, что ты, вѣрно, равнодушно не взглянешь на подпись *Искандеръ*. Впрочемъ, ее напечатали небрежно, не выправивъ: не знаю даже, кто это вздумалъ.

Опять давно нѣтъ твоихъ писемъ, цѣлыя три недѣли. Я знаю, что это не отъ тебя, а отъ отправленія, и потому не ропщу, но, признаюсь, когда приходитъ почтовый день, когда приносятъ письма и нѣтъ отъ тебя, мнѣ становится тяжело и грустно, я кусаю губы и готовъ плакать. О, мой ангелъ, моя божественная, какъ я люблю тебя!

4 августа. Черезъ три недѣли твои имянины. О, какъ пламенно желалъ бы я въ этотъ день тебя видѣть! Это была моя мечта, моя шалость, это не выходило у меня изъ головы, и, кажется, почти нельзя надѣяться, можетъ потому, что ужъ слишкомъ близко, что столько блаженства нельзя себѣ представить. Отвѣта еще нѣтъ изъ Питера. Но ежели это случится?... Зачѣмъ послѣ жить? Тогда земное все совершено, тогда должно бы было умереть, ежели-бъ не было еще другого призванія, ибо хотя мысль славы теперь не такъ душитъ меня: любовь все облагородила, но совершенно съ этою мыслью я разстаться не могу. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты не можешь себѣ представить, не можешь, того моря блаженства, которое раскроетъ тебѣ моя любовь; она поглотитъ тебя. Мною, во мнѣ будетъ твоя жизнь.

5-го августа. Опять почта и опять не прислано твоихъ писемъ. Неужели и маменька не чувствуетъ, что такое для меня твои письма? Какъ это больно! Прощай, прижимаю тебя къ сердцу.

Твой и навѣки *Александръ*.

Я занятъ очень литературнымъ трудомъ, о которомъ скажу послѣ.

7-го августа, Загорье.

Александръ, Александръ! Дай силы мнѣ нести все блаженство, которымъ ты даришь меня безпрерывно, ангелъ мой! Каждое слово твое перечитываю съ новымъ наслажденіемъ, въ каждой строкѣ неисчерпаемое счастье, каждая изъ нихъ такъ полна любовью, такъ полна—и чьею же любовью? О, Александръ, и ты же придаешь мнѣ столько!.. Что вся душа моя передъ одною твоею мыслью, передъ однимъ чувствомъ твоимъ? Нѣтъ, полно же, не называй себя земнымъ огнемъ, не зови меня луною, вѣдь, ужъ я сказала: ты солнце, я звѣздочка, и мой свѣтъ угасъ при появленіи одного луча твоего; не спорь же, мой Александръ, скажи и ты: «да, Наташа, я солнце (о, какъ идетъ къ тебѣ это названіе, золотое мое солнышко!), а ты—звѣздочка, капля твоего свѣта потонула (а не изчезла) въ морѣ моего огня». Ну, пусть буду я восточною звѣздой, ей много подобныхъ, она только немного ярче другихъ.

Господи! Долго-ль же, Александръ, будетъ томить меня это *можетъ быть?* Ты все обнадеживаешь меня: писалъ, что 20-го іюля придетъ отвѣтъ, потомъ пишешь уже и отъ 23-го, а все неизвѣстность! Письмо твое я получила третьяго дня передъ тѣмъ, какъ ложиться спать. Прочтя его, долго не могла заснуть: ты безпрерывно являлся мнѣ то въ прошломъ высокою тайной, передъ которою я съ благоговѣніемъ поверглась въ прахъ, то въ будущемъ... И эти-то святыя мечты убаюкали меня и навѣяли на душу дивный сонъ. Передъ разсвѣтомъ я уснула и вижу, ты пріѣхалъ и стоишь въ стеклянныхъ дверяхъ у коридора, дожидаешься, чтобъ я нечаянно встрѣтилась съ тобой. Я бросилась къ тебѣ, и весь міръ забытъ, не только грозные взоры! Не ручаюсь и на яву; до нихъ ли мнѣ тогда будетъ, когда я увѣрюсь, что предо мною *ты?* Ты только смотрѣлъ на меня и улыбался, я долго цѣловала тебя, и потомъ молча мы смотрѣли другъ на друга, долго-долго... Проснувшись, я было закричала: гдѣ-жъ ты, Александръ? На что-жъ, на что-жъ просыпаться, зачѣмъ разбудила меня судьба? Пусть бы длился этотъ сонъ до твоего пріѣзда!

Вчера мы были въ Царицынѣ; съ нами ѣздилъ Воробьевъ. Я, право, чуть не заплакала, зачѣмъ не ты на его мѣстѣ? О, какъ бы неизъяснимо протекли эти три часа, которые мы провели тамъ! Садъ хорошъ, но что-то грустенъ, мраченъ. Пустыя аллеи, покинутый дворецъ дышатъ тоской, и тамъ мнѣ еще грустнѣе стало. Да, я не знаю, гдѣ я найду удовольствіе безъ тебя; куда ни приду, все кажется опустѣлымъ, тоскующимъ о тебѣ. О, зачѣмъ, зачѣмъ, увѣряешь меня, Александръ, что ты сдѣлаешь меня счастливой? Не довольно ли смертному только любить, чтобы быть счастливымъ? А я—я люблю, я любима! *И какъ люблю и какъ любима!*

Пусть мое будущее будетъ мрачнѣе прошедшаго, я не смѣю требовать большаго счастья на землѣ. Но твои слова: «Пострадай, Наташа, за будущее благоденствіе» пишутъ небесными красками картины будущаго, и душа засмотрится на нихъ, и уже настоящаго ей мало!

8-е. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ видно, что ты немного спокойнѣе, и я спокойнѣе. Ужасна, несносна разлука, но когда я знаю, что она тягостна и для тебя, мученія ея увеличиваются. Я жду тебя, ангелъ мой; ты преобразишь меня: тогда, тогда только, можетъ быть, я буду тѣмъ, что ты воображаешь во мнѣ. Я трепещу твоего разочарованія: знаю, во мнѣ нѣтъ сотой доли твоего идеала, развѣ одна тѣнь его, но ты, ты можешь все, ты одушевишь эту тѣнь, ты сдѣ-

лаешь ее божествомъ, ангеломъ. Съ тобою, о, я знаю, съ тобою я буду выше существъ обыкновенныхъ, одно присутствіе твое освятитъ меня, и какъ же не быть святою съ тобой? Всю жизнь я знала только Бога и тебя, всю жизнь любила только Его и тебя, въ душѣ своей я не вижу ничего, кромѣ тебя, люблю себя за одну любовь твою ко мнѣ; кажется, я вся созданіе твоей любви, но, можетъ быть, люди навѣяли на меня и своего... О, страшно, страшно, ангелъ мой, Александръ, пусть лучше Богъ возьметъ у меня жизнь, кежели-бъ ты увидѣлъ во мнѣ недостатокъ: а это легко можетъ быть: ты не жилъ со мною, можетъ быть, во мнѣ много и дурного... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть: тогда бы я не любила тебя. Можетъ ли существо, понявшее тебя, любившее тебя, имѣть большіе недостатки? Нѣтъ. И потому я имѣю какое-то особенное чувство ко всѣмъ тѣмъ, которые къ тебѣ были неравнодушны. Не знавши Мед., я люблю ее всею душой, мнѣ жаль ее, ужасно жаль, и божусь тебѣ, Александръ, готова сдѣлать многое, очень многое для того, чтобы она всю жизнь свою благословляла встрѣчу съ тобою. Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о прежней любви своей? Ангелъ мой, развѣ не то же было со мною? Вѣдь, и я воображала, что люблю Бирюкова; но вотъ что странно, я почти не смѣла открыть это самой себѣ, когда ты не зналъ объ этомъ, и думала, что одно твое слово, и я перестану любить. Такъ любовь ли это? Я видѣла, что онъ не равнодушенъ ко мнѣ, и мнѣ это нравилось, и поэтому нравился и онъ мнѣ. Мнѣ же было тогда 15 лѣтъ, и первая почти встрѣча была съ нимъ. Но, стало, ты сердишься на меня за это, когда говоришь, чтобы я на тебя не сердилась? Но полно же, ангелъ мой, что говорить намъ о томъ, что было прежде откровенія; теперь мы знаемъ, что мы созданы другъ для друга, что вся жизнь моя, вся душа моя—пѣснь любви къ тебѣ. О, Александръ! Когда-жъ, когда-жъ я обниму тебя, мой божественный другъ? Когда я услышу изъ устъ твоихъ о любви, когда прочту ее я въ глазахъ твоихъ?.. Ангелъ мой, ангелъ, Александръ мой, о, жизнь моя, душа моя, хоть бы я издали взглянула на тебя, услышала бы только голосъ твой!.. О, чѣмъ, чѣмъ, Александръ, воздамъ я тебѣ? Отдала тебѣ душу, жизнь,—этого мало: я бы желала, чтобы не было подобной той, которую ты любишь.

Прости, обнимаю тебя, цѣлую, цѣлую.

10-е. 16 дней остается до назначеннаго тобою дня. Я ужасно недовольна собою. Ежедневно мнѣ пеняютъ, что я не весела, задумчива, а перемѣниться нѣтъ силъ. Тяжко принять веселый видъ. Мысль, что, можетъ быть, еще годъ розно съ тобою, гонитъ и самую улыбку. Видъ мой сталъ суровѣе, мрачнѣе, а это означаетъ недостатокъ твердости, слабость характера. Но что-жъ мнѣ дѣлать, ангелъ мой? Я умѣю владѣть собою, умѣю скрывать и переносить многое, но гдѣ ты, тамъ я вся, тамъ нечего удѣлить мнѣ людямъ. Но что же, впрочемъ, я готова для нихъ дѣлать и дѣлаю все, а быть веселой безъ тебя—не могу.

Александръ, ангелъ мой, зачѣмъ ты написалъ въ послѣднемъ твоемъ письмѣ: «твой до гроба?» Неужели за гробомъ вѣчность безъ тебя? На что-жъ говорить о небѣ, на что искать неба? Мое небо тамъ, гдѣ ты. Я не помѣняюсь съ жителями неба, не отдамъ земного странствованія на райскую жизнь. Нѣтъ, нѣтъ! Александръ мой, милый, на что же Богъ соединилъ насъ здѣсь, когда за могилой намъ вѣчная разлука? Развѣ радости небесныя могутъ замѣнить мнѣ тебя? Тобою я свята, ты мой ангелъ, ты мое небо, ты мой рай, моя свѣтлая жизнь: гробъ не разлучитъ насъ; мы не переживемъ другъ друга: раставшись съ тѣломъ, не двѣ души возлетятъ на небо, а одинъ ангелъ. Для чего же здѣсь вмѣстѣ,

когда тамъ розно? Не для того ли Богъ слилъ наши существованія въ одно, чтобы мы другъ другомъ становились добродѣтельнѣе, чище, выше, святѣе, чтобы другъ другомъ сближались съ Нимъ? Не для того ли, чтобы, будучи въ обители скорби и печали, мы находили другъ въ другѣ и небо, и рай, чтобы содѣлали себя *здѣсь* быть достойными другъ друга *тамъ?* Я твоя вѣчно, твоя и здѣсь, твоя и тамъ! Мнѣ не страшна могила, мнѣ сладко будетъ лежать и въ землѣ, по которой ты будешь ходить. Мнѣ кажется, раставшись съ тѣломъ, душа моя не покинетъ землю, когда еще на ней будешь ты, тогда она будетъ твоею спутницей, и ужъ ни языкъ коварнаго, ни рука злого не коснется тебя, милый мой,—душа моя охранитъ тебя, умолитъ за тебя.

О, мой Александръ! Что можетъ сравниться съ тобою? Что можетъ замѣнить тебя? Если-бъ ты и не любилъ меня, я боготворю тебя; мое блаженство безгранично тѣмъ, что ты есть, что я тебя знаю, что я умѣю любить тебя. Несравненный, неподражаемый! И измѣрь же, измѣрь ты самъ весь рай души моей, когда я могу назвать тебя *моимъ Александромъ!* Будь *моимъ до гроба*, а я твоя, твоя на вѣки! Твоя, твоя! Твоею на землѣ, твоею и въ небесахъ!

12-е. Въ думахъ о тебѣ я не вижу, какъ идутъ дни, но они тяжки: еще двѣ недѣли остается...

Полинѣ жму руку. Какъ бы я желала ее видѣть! Не пріѣдетъ ли когда она въ Москву? Ей Богу, люблю ее всей душой, она же несчастна; можетъ быть, она нашла бы каплю утѣшенія въ моей дружбѣ. Кто же останется ей утѣшителемъ, когда ты уѣдешь? Это странно, существа, которыя близки со мною, угнетены судьбою, но зато какой счастливецъ можетъ сравниться съ ними душею? Въ ней ихъ благо, и какое сокровище свѣта замѣнитъ его? Эмилія пишетъ ко мнѣ. Она все гадаетъ о тебѣ, желаетъ ужасно, чтобъ ты пріѣхалъ, и боится этого, будто она меня не знаетъ? Объ N почти не говоритъ ничего. О, дай Богъ, чтобъ ея страданія хоть сколько-нибудь уменьшились! Непростительно, если она бережетъ меня; я отдаю друзьямъ все свѣтлое, пусть они выльютъ всю горечь въ мою душу, пусть каждый изъ нихъ возложитъ бремя свое на плечи мои,—я все снесу за нихъ, я подѣлюсь съ ними моимъ блаженствомъ. Любовь не уменьшаетъ дружбы: это чувство безпредѣльно въ душѣ безпредѣльной. Правда, я уже не могу отдать имъ себя, какъ прежде, но боли ихъ такъ же больны моему сердцу. Ангелъ мой! ужель я не могу сказать тебѣ «до свиданія»? О, другъ мой, дай обнять тебя хоть заочно!

14 августа.

Ангелъ мой, божество—Наташа! ты, вѣдь, моя твердая дѣва, и потому я не боюсь объявить тебѣ, что наша разлука продолжится еще долго. Отвѣтъ пришелъ и отрѣзалъ надежды и мечты на скорое свиданіе, и это письмо придетъ къ тебѣ 26 августа, вмѣсто меня. Будь же тверда, Наташа! Въ самой любви, въ полной, сильной любви моей найди себѣ утѣшеніе, будь самоотверженна для того, чтобы послѣ полною чашей пить блаженство. Можетъ, еще цѣлый годъ, много времени, но Провидѣніе знаетъ цѣль... Слезы твои омочутъ эти строки... О, Наташа! для Александра будь тверда, не прибавляй тягости его кресту. Я буду къ тебѣ писать очень часто, очень много,— вотъ одно возможное вознагражденіе. О твоемъ путешествіи въ Кіевъ и не думай; а, можетъ, я сыщу современемъ иное средство. Оставимъ это. Береги себя, будь тверда; не счастье обыкновенное предстоитъ намъ, я впередъ тебѣ пророчилъ. Я получилъ два письма

твоихъ. О, нѣтъ, нѣтъ, ничего не прибавила тебѣ моя мечта, — нѣтъ, ты превзошла всякую мечту, и что могла бы придать небесному творенію земная фантазія? Эти письма окрѣпили снова мою душу: достаточно одной строки отъ тебя, чтобы врачевать всѣ раны моего сердца. Быть такъ любиму, какъ я, и смѣть роптать, — это было бы святотатство. Ты пишешь: «отчего же мы лишены всего? — потому, что мы даны другъ другу». Помни же эти твои слова, пусть они тебѣ служатъ такимъ утѣшеніемъ, какъ мнѣ.

«Гдѣ же та душа, которой поклоняется Александръ?» О, Боже, во всякомъ словѣ, даже въ звукахъ грусти, въ изнеможеніи, — вездѣ ярко видна эта душа. Молюсь тебѣ, ангелъ Божій, посланница неба. Но только одно: оставь мысль идти въ Вятку, это рѣшительно невозможно, я приказываю оставить ее. Ты говоришь, чтобъ я твердо принялъ отказъ: я исполнилъ это, — какъ мраморный обелискъ, окрѣпъ я, и градъ, разбиваясь объ него, не дѣлаетъ трещины; исполни же и ты свое обѣщаніе, будь и ты покойна, насколько можно. Пиши чаще, чаще! А я проведу этотъ годъ совсѣмъ иначе. Буду много заниматься, буду безпрерывно сидѣть дома и, какъ прежнихъ лѣтъ отшельники проводили время въ молитвѣ къ Богородицѣ, я буду проводить время въ молитвѣ къ тебѣ. Годъ лишенія, годъ траура души можно легко бросить злому генію за одну минуту блаженства, а оно настанетъ для насъ.

А, можетъ, все еще скоро перемѣнится, можетъ, голосъ мой тронетъ папеньку, и онъ постарается, чтобъ ты съ маменькой навѣстила меня здѣсь. Только въ этомъ случаѣ не надобно торопиться. Теперь буду хлопотать о твоемъ портретѣ: онъ дѣлается мнѣ необходимымъ образомъ, передъ которымъ я буду изливать и свою любовь, и свои несчастія.

16 августа. Итакъ, твоя любовь простила мой черный, гнусный поступокъ: тѣмъ лучше, — я это прощеніе принимаю не какъ заслуженное, а какъ даръ твоей любви, какъ раскаявшійся преступникъ принимаетъ милосердіе Христа. «Спаси ее», — говоришь ты: все дѣлаю я для этого, но доселѣ большихъ успѣховъ нѣтъ. Ей надобно ѣхать, но нѣтъ средствъ. Худо, очень худо, но съ моей стороны все будетъ сдѣлано. Впрочемъ, не слишкомъ ли торопливо, ангелъ мой, ты простила меня? Всѣ подробности, которыя тебѣ неизвѣстны, всѣ противъ меня. Но ты совершенно права, что впередъ ничего подобнаго не случится.

Отъ Emilie получилъ письмо: та же искренняя, теплая дружба и та же грусть, раздирающая душу: я буду ей писать съ будущею почтой. Какъ она убита горемъ! А мы, разлученные только матеріально, — мы, слитые въ одно за 1.000 верстъ, мы сѣтуемъ! О, Боже, чего нельзя перенести за твою любовь? «Мы даны другъ другу», повторяю, будь же тверда, береги себя для твоего Александра, котораго вся жизнь, всѣ чувства, всѣ мысли въ тебѣ, Наташа.

Жду отвѣта съ нетерпѣніемъ на это письмо. Смотри же, Наташа, главное требованіе — мысль о Кіевѣ съ корнемъ вонъ: эта мысль заставила меня ужаснуться: она велика, прелестна, но несбыточна, и потому я требую въ твоемъ слѣдующемъ письмѣ полное отреченіе отъ нея. Ты отдала свою судьбу въ мои руки, — итакъ, предоставь же мнѣ печься о нашемъ соединеніи, я не останусь сложа руки.

Пиши же, ангелъ, пиши болѣе. Твое письмо — это роса. Оно окропляетъ святою водой, дыханьемъ неба мою земную душу.

Еще цѣлую, еще. *Александръ.*

17 августа. Наташа! Люди не имѣютъ столько энергіи, чтобы противиться намъ. Я хочу писать къ папенькѣ о портретѣ твоемъ; ежели онъ догадается причину, тѣмъ лучше. Ну, что, ежели бы ты вдругъ высказала все княгинѣ? Вѣдь, есть же, можетъ, хоть уголокъ у нея въ сердцѣ, гдѣ еще осталось человѣческое чувство! Ты можешь говорить и за меня все, что хочешь, ибо ты будешь говорить такъ, какъ я: твоя душа часть моей. Даже нельзя ли преклонить на нашу сторону гнусную Марью Степановну? Это для нея будетъ большое счастье: въ первый разъ послѣ своего звенигородскаго бракосочетанія и разоренія Звенигорода Наполеономъ она замѣшается въ дѣло святое; а употребить ее, какъ орудіе, что за бѣда? Ее убѣдить легко; обѣщай именемъ моимъ подарки, деньги, что хочешь, — я свято выполню. Пожалуй, буду самъ къ ней писать, самъ обѣщать, но, смотри, поступай осторожно и пуще — не вздумай повѣрить, что она дѣйствуетъ изъ участія, — нѣтъ, употреби ее какъ стропилы, какъ доску, брошенную черезъ грязь.

19 августа. Пора, душа моя, посылать на почту. Ты получишь отъ Егора Иван. посланныя мною книги — *Notre Dame de Paris*. Это тебѣ мой подарокъ. Сверхъ того, я жду случая или того, чтобы *наши* узнали, тогда я пришлю тебѣ кольцо, которое давно уже назначилъ.

Въ твои именины я выпью цѣлую стопу, цѣлую шайку шампанскаго! Ахъ, кабы у меня былъ твой портретъ, я бы могъ цѣловать его, я бы могъ остановить на немъ взоръ и часы цѣлые смотрѣть на него. Нѣтъ, матеріальный знакъ не излишенъ,—нѣтъ, нѣтъ, твой портретъ, ради Бога!

Знаешь ли, съ чего началась вся эта исторія съ Мед., которая, всетаки, какъ клеймо каторжнаго, пятнаетъ меня? Она прекрасно рисуетъ, и я просилъ ее *для тебя* нарисовать мой портретъ. Она обѣщалась это сдѣлать тайно отъ мужа. Я благодарилъ ее запиской, она отвѣчала на нее. Благородный человѣкъ остановилъ бы ее; мой пылкій, сумасбродный характеръ унесъ меня за всѣ предѣлы. А теперь она очень видитъ, что я не люблю ея, и должна довольствоваться дружбой, состраданіемъ. Фу, какой скаредный поступокъ съ моей стороны!

Прощай, моя Наташа, моя жизнь, цѣлую тебя, твои руки. О, Боже, когда-жъ, когда-жъ? Полина въ восторгѣ, что ты не забываешь ея. Она тебѣ кланяется отъ всей души, какъ германка.

Прощай же, наконецъ... Душно! Твой *Александръ*.

---

23 августа, Загорье.

Итакъ, еще не до дна выпита чаша разлуки! Послѣднія капли ея еще горче. Боже, дай силы допить ихъ!

Съ какимъ трепетомъ ждала я твоего письма, мой ангелъ, надѣясь узнать въ немъ рѣшеніе: то прелестныя, яркія мечты поглощали меня, то я вдавалась въ грусть и безнадежность. Но 26 было уже такъ близко, а я не имѣла отъ тебя ни одного слова цѣлыхъ три недѣли; иногда мнѣ мечталось, что ужъ ты или въ дорогѣ, или давно въ Москвѣ и насъ разлучаютъ только 15 верстъ. Но неизвѣстность меня томила, я жаждала хоть одного слова отъ тебя. Наконецъ, вчера получаю твое письмо отъ 1 числа; отдохнула, успокоилась грудь. Не видно еще конца разлуки, но ты здоровъ, ты пишешь мнѣ, — и я счастлива, довольна, а остальное вручаю Провидѣнію. Сердце мое билось небесною радостью при мысли,

что ты будешь у меня въ именины; больно было разставаться съ нею, но можно ли роптать? И теперешнее счастье обширнѣе души моей и поглощаетъ ее собою. Ты правъ, ты правъ, ангелъ мой, что я не могу представить себѣ того моря блаженства, которое раскроетъ мнѣ твоя любовь. Какъ ни высоко, какъ ни необъятно счастье, воображаемое мною, я знаю, оно ничто передъ тѣмъ, что создастъ любовь твоя. Я уже говорила тебѣ, что обыкновенная моя жизнь пересоздалась любовью къ тебѣ въ чистѣйшій гимнъ, но когда ты любишь меня, когда мы будемъ вмѣстѣ! . О, Александръ, Александръ! это счастье велико, велико, невообразимо; итакъ, можно-ль надѣяться?.. Нѣтъ, мой ангелъ, можетъ, ты не простишь мнѣ мою мысль, но напишу ее тебѣ, — она моя. Какимъ чистымъ, какимъ неизъяснимымъ восторгомъ будетъ полна душа моя при свиданіи съ тобою, я буду тогда ангелъ, и тогда-то бы мнѣ распроститься съ землею! О, не правда-ль, это дивно: зачѣмъ мнѣ жить тогда, чего мнѣ ждать тогда?.. Всѣ восторги, всѣ радости души моей потемняли то люди, то грозная разлука, а тогда что затмитъ его? Прожить 18 лѣтъ на землѣ для того, чтобы разъ обнять тебя!.. Ахъ, знаешь ли, я забыла, что ты пишешь мнѣ то же и, перечитавъ письмо твое, какъ удивилась, нашедши эту мысль. Вотъ, мой ангелъ, какъ безпрерывно встрѣчаются доказательства нашей симпатіи. Да, умереть бы тогда, но жить на небѣ безъ тебя? Эта мысль зоветъ меня на землю, я не хочу неба,—я хочу хоть страдать, но быть тамъ, гдѣ ты.

25, вторникъ. Ты пишешь о перемѣнахъ; да, Александръ, истинно эти два года лучшіе въ твоей жизни. Какъ богаты они мыслью, какъ полны чувствомъ, и сколько въ нихъ высоты и поэзіи! Они — даръ Бога. Можетъ быть, на нихъ положитъ основаніе свое твоя будущность, и будущность высокая. Тюрьма и ссылка будутъ подножіемъ ея!

Писаніе мое прервано было пріѣздомъ Насакиныхъ и Ег. Иван. И какъ скучно я провела нынѣшній день. Не люблю я быть съ такими людьми; только правда, при видѣ ихъ возвышаешься какъ-то еще болѣе, еще болѣе рвешься изъ оковъ обыкновеннаго. Зато какой дивный вечеръ: я до 8 часовъ гуляла. Какъ было тихо, тепло! Я неслась душою къ тебѣ, ты былъ такъ близко, близко меня, о, мой ангелъ! И не божественны-ль тѣ часы, въ которые думаешь о тебѣ, о твоей любви и чувствуешь себя достойной ея? Прости, мой свѣтъ, завтра наговорюсь съ тобою. Я уже въ постели, велятъ тушить огонь. Ангелъ, цѣлую тебя, прощай! 11 часовъ.

26, среда. Здравствуй, милый, единственный другъ! Сію минуту открыла глаза, — и тотчасъ за перо. Чѣмъ же мнѣ начать мой праздникъ, какъ не словомъ къ тебѣ, чѣмъ подарить себя болѣе, какъ не этимъ? Итакъ, уже и 26, опять бумага, опять перо передаютъ тебѣ мою душу... Когда-жъ, когда-жъ?..

Вчера я долго сидѣла надъ рѣкой одна. Благовѣстили ко всенощной. Какъ спокойна, какъ чиста была моя душа въ это время! Исчезло все суетное, житейское: я видѣла одно небо, слышала одинъ призывъ святого храма, а душа, душа .. она была тогда вся ты, и послѣ восторга, послѣ молитвы я обратилась на себя. Что бы могло сдѣлать меня несчастною? Смерть твоя? — нѣтъ, потому что я не переживу тебя. Итакъ, что же можетъ убить меня при жизни твоей? Если ты перестанешь любить меня, — можетъ, это убьетъ меня, я тогда умру, но несчастной не назовусь. Дунулъ вѣтеръ и навѣялъ пылинку на твое лицо, дунулъ въ другой разъ, — и ея уже нѣтъ; а лицо твое все такъ же ясно, чисто, все такъ же благородно, прекрасно и величественно, а пыль *исчезла;* косну-

вшись лица твоего, она не падетъ ужъ ни на что, она стала освященною. Можетъ быть, Провидѣніе такъ же и меня навѣяло на твою душу, какъ пылинку; можетъ, Его же рука сотретъ меня, и ты все такъ же чистъ, высокъ, святъ и божественъ, и буду-ль смѣть я роптать на *Него*, на *тебя?* Кто отниметъ у меня то, что дано было мнѣ твоею любовью, кто отниметъ тогда у меня мою любовь? Нѣтъ, клянусь тебѣ, мой ангелъ, я и тогда буду счастлива, ежели будешь счастливъ ты. Молиться о тебѣ, служить тебѣ, любить тебя — развѣ это не счастье, не блаженство? Послѣ этихъ размышленій я обратилась на людей. Какъ жалки онѣ! И онѣ же жалѣютъ обо мнѣ! Твоей любви, кажется, не вѣритъ никто, кромѣ меня и Саши Боборыкиной; Эмилію убила измѣна, а другіе... Кто-жъ можетъ вполнѣ постигнуть тебя, кто можетъ обнять твою необъятную душу? Прощай, ѣду къ обѣднѣ молиться не о себѣ. Цѣлую тебя.

И со мною были перемѣны, другъ, и въ тѣ же числа, кромѣ одного. Твоя первая перемѣна 20 іюля 1834, моя 21 и 9 апрѣля и, наконецъ, генварь. Что было со мною, какъ я узнала о твоемъ взятіи! И послѣ тѣхъ поръ я стала совсѣмъ не та. Въ глазахъ моихъ перемѣнилось все; сначала нѣсколько дней не осушала глазъ, потомъ острое чувство горести превратилось въ нѣмую, тяжкую боль и тоску: исчезли для меня радости, веселье, забавы. Тутъ я совершенно перестала быть ребенкомъ: полюбила уединеніе, мечты, — и всѣ-то онѣ посвящались тебѣ. Потомъ это 9 апрѣля!.. Но тайна души моей еще не была мнѣ открыта. Ты свѣтилъ мнѣ изъ-за облака, и я изъ тюрьмы въ щелку смотрѣла на тебя; въ январѣ жъ распалась тюрьма, загорѣлось солнце, прошли всѣ тучи: ни облачка, и съ тѣхъ поръ ты — *мой Александръ!* Съ тѣхъ поръ земля мнѣ рай, люди — друзья мои, душа моя — яркая звѣздочка, жизнь моя — гимнъ чистѣйшій, съ тѣхъ поръ *я* не существуетъ, — тобою, въ тебѣ *я;* съ тѣхъ поръ *ты* для меня *все*.

Не хороша теперешняя жизнь моя, Александръ, самая пустая жизнь, т.-е. то время, когда я съ ними, а съ ними я цѣлый день неразлучна. Встаю я теперь въ 7, а иногда въ 6 часовъ: свобода до 8, потомъ къ нимъ и до 2 часовъ. Тутъ полтора часа мнѣ свободныхъ, только и это не всегда; послѣ нихъ до 10 вечера я въ плѣну; ночь — моя, только безъ огня. Читать, играть на фортепіано запрещается, развѣ по особенному благоволенію. Всегдашній предметъ разговора или ты, или маменька, или Филаретъ. И такимъ образомъ утекаютъ дни, недѣли, мѣсяцы. Но жизнь внутренняя, жизнь души полна, изящна, исполнена поэзіи и любви къ тебѣ. Цѣлые часы я погружаюсь въ молитву, будучи окружена земнымъ, обыкновеннымъ, я исчезаю въ благоговѣйномъ восторгѣ передъ Его созданіемъ, но чаще всего, болѣе всего, ангелъ мой, я бесѣдую съ тобою; ты безпрерывно въ умѣ и въ сердцѣ. Чья душа полнѣе и чья жизнь глупѣе? Но, повторяю, я не ропщу, не смѣю, не должна роптать.

Не сердись на меня, ангелъ мой, что я зову себя пылинкой, Александръ, Александръ! Ты много видишь [во мнѣ], а я знаю себя, и гдѣ-жъ найти совершенно достойную тебя? О, жизнь, о, душа моя, что твоя Наташа передъ моимъ Александромъ.

Прощай, еще сегодня надо писать къ Сашѣ, къ Эмиліи.

Ты думалъ обо мнѣ весь день, я знаю, потому мнѣ сегодня не грустно было такъ, какъ тѣ дни. Прелестно начался день, прелестно и окончился. Въ 9 часу я пришла домой съ поля, гдѣ крестьяне убирали хлѣбъ и пѣли пѣсни. Много ходила я вдоль дороги, смотрѣла, какъ догорали послѣдніе лучи солнца. Ахъ,

Александръ, какой рай былъ въ душѣ! Мнѣ казалось... нѣтъ, я чувствовала, что и ты глядишь на закатъ и думаешь обо мнѣ. Я чувствовала, что и твое сердце также полно, что твоя грудь хочетъ разступиться, что ты летишь ко мнѣ душой, и я видѣла тебя, мой ангелъ, насмотрѣлась на тебя, я цѣловала воздухъ, въ которомъ носился милый призракъ.

Средину дня я провела въ хлопотахъ о невѣстѣ: дочь нашего священника — и бѣднѣйшіе люди. У насъ имѣютъ прітщеніе. Я что есть силы помогаю, работаю. Ахъ, зачѣмъ у меня нѣтъ много денегъ? А тѣ, которымъ и некуда ихъ дѣвать, и не для чего беречь, смотрятъ равнодушно на бѣдность. Боже! это нельзя вообразить, какъ убійственно положеніе иныхъ несчастныхъ, и не хотятъ вникнуть, не хотятъ обратить вниманія. Какъ я сердита въ это время, какъ я не люблю *ихъ* тогда! Вѣришь ли, тогда я отворачиваюсь отъ нихъ, мнѣ больно на нихъ смотрѣть, я готова плакать, наконецъ; они становятся для меня жальче несчастнаго, угнетеннаго судьбою. Теперь мнѣ маленькое развѣяніе. Я играю большую роль: относятся во многомъ ко мнѣ, туалетъ невѣсты въ полномъ моемъ распоряженіи.

Прощай, мой Александръ, прощай, обнимаю тебя, пріятный сонъ! И я [ложусь]. Цѣлую тебя, прощай.

28, пятница. Какъ больно мнѣ, что ты такъ долго не получаешь моихъ писемъ! Я знаю по себѣ, какъ это тяжело. Какъ долго нѣтъ отъ тебя, я дѣлаюсь больна, мнѣ ничто не мило, настоящее тогда гнететъ меня, будущее страшитъ и все кажется сновидѣньемъ, исключая мрачнаго. Когда получу отъ тебя, — о какъ счастлива я въ это время! Ничто тогда мнѣ не кажется невозможнымъ, кажется, ты тогда ближе ко мнѣ, ну, словомъ, тогда я совершенно воскресаю. Папенька, поздравляя меня съ именинами, между прочимъ, пишетъ, что занимается избраніемъ мнѣ жениха и уже одного имѣетъ въ виду. Е. И. говоритъ, что это долженъ быть Водо. Ты не безпокойся объ этомъ и не думай, я сама не боюсь ничего. Княгиня, кажется, довольна этимъ и тревожится, и боится. Если не ошибается Саша, то, кажется, к[нягиня] нѣсколько догадывается о тебѣ. Впрочемъ, это не навѣрное. Она слышала только, что к[нягиня] говорила М. С. о нашемъ родствѣ, а еще прежде, по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы, к[нягиня], говоря мнѣ о маменькѣ, сказала: «мнѣ кажется, она готовитъ тебя въ дочки себѣ». Пусть ихъ, Богъ съ ними! Я рѣшительно ни о чемъ не безпокоюсь и не боюсь: ты, мой ангелъ, любишь меня, вотъ и все, а тамъ пусть хоть сожгутъ меня. Я вѣрую въ тебя, вѣрую, и этой вѣры никто на свѣтѣ не отниметъ у меня, хотя, кажется, стараются многіе. Писать всего я не могу, потому что знаю, что письма мои иногда читаются, и пишу мелко для того, что не всякій разберетъ, а ты, я увѣрена, съумѣешь прочесть, какъ бы ни было написано. Да, вотъ какъ это спасло меня. Разъ я писала къ тебѣ, и М. С. вошла неожиданно въ комнату. Что дѣлать? Письма не дать ей я не могла. Она въ очкахъ смотрѣла его и повѣрила, что это французскіе стихи.

Ахъ, скоро ли, скоро ли увижу тебя, мой Александръ, ангелъ мой? Какъ иногда бываетъ тяжко! Летѣла бы, летѣла бы къ тебѣ, хоть взглянуть! Много, много непріятнаго въ моей теперешней жизни, но все бы это было мнѣ ничего, если-бъ ты былъ близко меня; конечно, и теперь я не должна обращать ни на что вниманія, и не обращаю, но иногда не въ силахъ равнодушно все вынести. Главное — беззащитность: каждый имѣетъ право обидѣть. Вотъ какъ мала, другъ мой; мнѣ ли, мнѣ ли чувствовать обиды другихъ, когда ты любишь такъ меня, но, вѣдь, я не ангелъ!

Статью твою я читала, прочту ее и еще. Я часто перечитываю *Легенду*. Никакая повѣсть, никакой романъ, ничто меня не можетъ занять такъ, какъ Ѳеодора. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду твои вятскія статьи. Да пріѣзжай же, мой ангелъ: я устаю, изнемогаю, ждавши тебя. Тогда начнется новая жизнь: я знаю, я буду совсѣмъ иная, тогда я сближусь съ твоимъ идеаломъ. Отъ Emilie получила 25-го. Это былъ мнѣ пріятный подарокъ. Она думаетъ, когда они узнаютъ о любви, то не пустятъ ее на дворъ. Это пустяки, вздоръ. Все также грустна, все также любитъ, также упадаетъ: но не знаю я, несчастна ли она, когда слышала ужъ, я думаю, милліонъ разъ отъ него, что обожаема *имъ*, когда онъ клялся ей. Зимою она должна будетъ оставить этотъ домъ. Опять почти нѣтъ пристанища, это ужасно! Если-бъ была возможность когда-нибудь отдохнуть ей на моихъ рукахъ, отдохнуть отъ всѣхъ битвъ жизни, которыя утомили ее! Кажется, посылаютъ въ Москву, потому я спѣшу. Прощай, мой ангелъ. Если отложатъ до завтра, напишу еще слово. Прощай, цѣлую тебя.

Твоя *Наташа*.

29, суббота. Я не люблю оканчивать моихъ писемъ къ тебѣ въ грустномъ расположеніи. Вчера писала я о обидахъ. Это глупость, совершенная глупость, все вздоръ, все ничтожное, и оно не должно изливаться передъ тобою. Надо, чтобъ съ тобой говорила одна чистая, непомраченная ничѣмъ земнымъ, полная любви душа или одна любовь. Ты прости мнѣ. Божусь тебѣ, рѣдки минуты, въ которыя я думаю о чемъ другомъ, кромѣ тебя, мнѣ становится тогда тяжело, и я тотчасъ сбрасываю все недостойное, и ты опять остаешься въ душѣ моей единственною мечтой, опять, какъ ангелъ Божій, льешь на меня рай и святость. Жалкіе! Не жалѣйте вы меня, жалѣйте о себѣ, — я счастлива, счастлива, и нѣтъ на свѣтѣ меня счастливѣе! О, будущее мое! вамъ оно такъ страшно (но что-жъ дивнаго, — и тутъ вамъ страшна вѣчность), вы не поймете, вы не постигнете его и тогда, когда оно совершится.

Ангелъ мой, Александръ, дивятся, что я зову тебя ангеломъ! Да, ты мой ангелъ, ты мой спаситель, ты отецъ мой, ибо ты далъ мнѣ жизнь, а до тѣхъ поръ, пока ты не обращался на меня, я была мертвая, неодушевленная. Ангелъ, ангелъ мой; прощай, обнимаю тебя. Вѣрно въ первомъ письмѣ твоемъ я узнаю рѣшеніе. О, какъ громко забилось сердце! Прощай.

Твоя, твоя вѣчно *Наташа*.

---

25 августа, Вятка.

Итакъ, вотъ онъ — тотъ день, о которомъ я мечталъ цѣлые мѣсяцы! Завтра онъ придетъ холоденъ, непривѣтенъ, опять въ той же дали, въ той же Вяткѣ. Конечно, всѣ дни равны, да и что не равно сердцамъ холоднымъ? Но это 26 августа для меня не равно всѣмъ днямъ: это день — ея, день той небесной гостьи, той Наташи, которая снесла рай со своей родины для того, чтобы отдать его больной человѣческой душѣ юноши, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отдать ему и себя. Ангелъ мой, моя душа изстрадалась бы безъ тебя, самая дружба не достаточна, чтобы внести гармонію въ душу, исполненную страстями противуположными, это могла сдѣлать ты одна, и я одинъ стоилъ этого; да, да въ этой-то сломанной душѣ, пораженной такъ горько самыми близкими людьми, въ ней цѣлый міръ блаженства для тебя.

Вся моя жизнь представляетъ мнѣ два чувства, два стремленія. Они-то образовали меня и дали силу переносить многое. Я былъ еще ребенокъ лѣтъ 12, но какая-то неопредѣлимая, горькая мысль заставила меня бросить игрушку, ибо люди меня встрѣтили *обидой, оскорбленіемъ*; тогда уже щеки мои были блѣдны, и глаза горѣли мыслью и чувствомъ. Но куда ни прикасался я, вездѣ встрѣчалъ одинъ камень, одинъ холодъ или чувство безъ силы и исполненное мелочи (Татьяна Петр.). Тогда я могъ погибнуть, тогда я могъ еще броситься въ свѣтскую жизнь, заглушить все, убить все, но Провидѣніе судило иначе: оно дало Огарева мнѣ. И какъ торжественна была минута, когда мы, юноши, дѣти, обняли другъ друга, узнавъ, какъ близки наши души! Это было въ 1826 году на Воробьевыхъ горахъ. Солнце освѣщало всю Москву, вся Москва смотрѣла на насъ. О, какъ радостно билось мое сердце. Это *первое чувство* мое — *дружба*, оно спасло меня, сохранило. Мы дали другъ другу руку и пошли вмѣстѣ на всю жизнь. Горькій опытъ снова дотронулся холодною рукой; 1834 года снова возвращенная внутрь душа ломалась, самая твердость ея приготовляла паденіе, и ты, ангелъ неба, явилась мнѣ 9 апрѣля, и я протянулъ мою закованную руку и пилъ этотъ свѣтъ, который лился изъ твоихъ очей, и... я былъ спасенъ, — это *второе чувство — любовь*. И послѣ не ввѣряться Провидѣнію, когда оно такъ явно ведетъ меня? Нѣтъ мѣста въ груди моей третьему чувству: остальное мелко, слабо, зависитъ отъ этихъ двухъ. Но ты скажешь: истина? изящное? Развѣ оно болѣе не имѣетъ мѣста въ тебѣ? О, нѣтъ, права идеи неотъемлемы, но, какъ христіанинъ во Христѣ поклоняется Богу, такъ тобою и Имъ, въ тебѣ и въ Немъ понимаю, чувствую святое, изящное.

Давно собирался я тебя побранить, почему ты никогда не посылаешь мнѣ стиховъ твоего сочиненія? У тебя прекрасный талантъ къ поэзіи. Оборони, Господь, пренебрегать имъ. Тѣмъ-то поэтъ и одаренъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный не можетъ выразить чувства, оно льется стихомъ поэта. А у тебя столько чувствъ, столько высоты! Пиши же, ангелъ мой, и посылай мнѣ.

Возвращаюсь къ прежнему. Любовь была выше дружбы. Дружба дала мнѣ мысль и чувство, любовь — чувство и вѣру. Дружба страдала, изнемогала со мною отъ боренья идей, любовь несла спокойствіе и гармонію. Тамъ — общее страданіе, здѣсь — общее блаженство.

26 августа. Поздравляю тебя. Сегодня у меня пируютъ дамы и, разумѣется, Полина. Мнѣ весело, что меня поздравляютъ съ твоими именинами; мы уже и теперь даже въ глазахъ постороннихъ — одно. И съ какою гордостью я буду благодарить за твой тостъ! Въ церкви я не былъ, я рѣдко могу молиться и всего рѣже въ церкви. Можетъ, сегодня принесутъ письмо отъ тебя, тогда и я буду веселъ. Прощай. Въ дополненіе къ моей жизни, которая вся изложена въ письмахъ къ тебѣ, въ слѣдующемъ письмѣ я напишу о дѣйствіи на мою душу нѣкоторыхъ авторовъ. Такимъ образомъ, со временемъ по письмамъ къ тебѣ я могу написать всю жизнь, а она не должна быть забыта, самъ, отдѣльно отъ толпы... Прощай же Natalie!

Твой *Александръ*.

Объяви для нынѣшняго дня мое благоволеніе Костенькѣ, Сашѣ... Я ихъ не забылъ: все близкое къ тебѣ имѣетъ право на мое вниманіе. Даже моя келья въ Крутицахъ свята твоимъ посѣщеніемъ.

Цѣлую тебя.

31 августа, Загорье.

Ангелъ мой, Александръ! Тяжелъ ли крестъ, который ты несешь со мною? Тяжелъ, тяжелъ ужасно. Но смѣю ли я изнемогать, когда должна помогать тебѣ нести его? Могутъ ли ослабѣвать силы мои, видя твердость твою? И ты вѣрь, Александръ, что новый годъ разлуки коснулся груди моей, какъ стрѣла гранита. Теперь зови меня своею, я достойна этого священнаго имени; теперь цѣлуй меня, обнимай, я заслужила все; этотъ поцѣлуй — награда моей покорности, эти объятія отдохновеніе отъ труда моего! Ты не какъ ракета умчалъ меня, но какъ ангелъ Господень на крыльяхъ своихъ вознесъ на небо. А любовь твоя, любовь... это — стѣна, водруженная самимъ Богомъ, *ею* ограждена душа моя, и ты самъ скажи, какое орудіе можетъ уязвить сквозь эту стѣну? Понесемъ же, понесемъ крестъ нашъ! Я не смѣю просить тебя удѣлить мнѣ болѣе: мы составимъ одну душу, одного ангела, должна быть и одна тяжесть, и одна сила.

Вчера получила я твое письмо отъ 14 августа. «Слезы твои омочатъ эти строки», — да. И этими же строками я утерла ихъ. Мысль, что каждая изъ нихъ падаетъ на твое сердце и жжетъ его, что грусть моя умножаетъ твою и увеличиваетъ бремя, заставила меня скоро придти въ себя и со всею силой, со всею вѣрой, со всею любовью поднятъ новый крестъ и нести его. Мы даны другъ другу!

Успокойся, милый ангелъ, въ Кіевъ я рѣшительно не иду, дождусь, пока самъ Богъ укажетъ мнѣ путь въ Вятку: тогда онъ будетъ вѣренъ и безопасенъ. Но признаюсь тебѣ, другъ, трудно мнѣ вырвать эту мысль, она далеко въ сердцѣ пустила корень. Несбыточное и трудное предпріятіе, но оно своею огромностью уменьшало ужасъ долгой разлуки, которой, — хотя я не ждала навѣрное, — испугалась одной мысли. Теперь оставляю его, гоню: оно не согласно съ тобой. Ангелъ мой! Вѣрь же, не только съ кротостью, съ покорностью, нѣтъ, этого мало, съ радостью несу я крестъ. Не ослабѣвай и ты, божественный другъ. Какъ же перенесемъ мы наше соединеніе, наше блаженство, когда не перенесемъ разлуки и горя? Приготовимся, будемъ тверже, сильнѣе, выше и святѣе.

То занимали мою душу прелестныя, полныя счастья и надежды мечты, теперь же... Если только будетъ возможно, каждое утро и вечеръ буду писать тебѣ, — это необходимо для меня, какъ молитва; буду отдавать тебѣ отчетъ въ чувствахъ и мысляхъ каждаго дня, тогда скорѣе пройдетъ *этотъ годъ*, не такъ чувствительна будетъ разлука. Тебя, мой ангелъ, умоляю писать, какъ только можно. Вѣдь, только тогда-то я и живу. Малѣйшая подробность, каждая бездѣлица, касающаяся тебя, занимаетъ душу мою цѣлые дни. Пиши чувства, пиши мысли, все, все. Я даю тебѣ обѣтъ не грустить, не тосковать, переносить съ твердостью все; мало того, глаза мои, уши и сердце будутъ затворены для всего, кромѣ любви. Все могу я пережить, одной минуты безъ любви къ тебѣ не переживу. Тебѣ съ мольбою преклоняю колѣна, ангелъ Александръ! Не изнемогай, не ослабѣвай! Твоя Наташа умретъ, если душа твоя помрачится грустью. Да, я вѣрую, настанутъ, настанутъ дни свѣта, вѣрую, на землѣ намъ будетъ небо!

Давеча письмо мое было прервано пріѣздомъ невѣсты. Я убирала ее къ вѣнцу. Свадьба у насъ во флигелѣ, и я пировала на ней. Теперь уже 12 часовъ. Прощай, всею душой обнимаю тебя.

1 сентября. Съ первою же оказіей напишу, чтобъ маменька старалась какъ-нибудь уговорить папеньку подарить мнѣ твой потретъ, тотъ, который у

меня былъ. А о своемъ я много хлопотала, бывши въ Москвѣ, но или ожиданіе самого тебя, или что другое не заставило обратить вниманіе на это никого. Ты самъ объ этомъ старайся, я тутъ не могу ничего. Но твой портретъ не такъ похожъ, мое воображеніе наполняло недостатки; мнѣ казалось иногда, что на этомъ полотнѣ горятъ твои дивные, огненные глаза, казалось, съ нихъ льется на меня струя любви, что твои уста не безотвѣтны; но, Александръ, если ты можешь, пришли мнѣ твой портретъ черезъ папеньку; теперь у меня каждую ночь горитъ лампада: если сердитые люди не дадутъ мнѣ насмотрѣться на тебя днемъ, ночь, цѣлая ночь моя! Ангелъ мой, пришли, ради Бога, это еще болѣе подкрѣпитъ меня; не такъ великъ, чтобъ мнѣ не нужно было разставаться съ нимъ надолго. Твои волосы, которые, помнишь, ты прислалъ мнѣ передъ отъѣздомъ, я ношу всегда съ собою, и первая твоя записка изъ Крутицъ, ты въ ней впервые назвалъ меня сестрою, впервые сказалъ *ты*, также неразлучна со мною. Это моя святыня, минуты не могу пробыть безъ нея, не могу уснуть спокойно, если нѣтъ ея со мной. Я погожу лучше писать о твоемъ портретѣ; если ты мнѣ обѣщаешься, тогда совсѣмъ не буду просить, а то, отдавши мнѣ тотъ, можетъ быть, не отдадутъ присланнаго тобою. О, если-бъ онъ былъ такъ же похожъ, какъ тотъ, который писалъ Витбергъ! На тотъ я не смѣю смотрѣть, когда смотрятъ на меня,—такъ сильно онъ на меня дѣйствуетъ.

Съ какимъ восторгомъ я жду кольца! Я прежде обручилась съ тобою, носишь ли ты мое? Впрочемъ, оно было послано *брату Александру*. Книги мнѣ пришлютъ съ будущею оказіей. Ты писалъ мнѣ еще прошлаго году, чтобъ я прочла *Notre Dame de Paris*, и какъ я сердилась, мнѣ Ег. И. не прислалъ ихъ, потому что Ег. И. Кучина не совѣтовала давать этихъ книгъ 17-ти лѣтней; теперь ужъ мнѣ 18, стало, и по ихнему можно! Жду ихъ съ нетерпѣніемъ. Цѣлую тебя за этотъ подарокъ. То-то и есть, мой ангелъ, что у к[нягини] нѣтъ уголка въ сердцѣ съ человѣческимъ чувствомъ; впрочемъ, нѣтъ, можетъ, и много, да только нѣтъ въ ея сердцѣ уголка для тебя. И я готова сказать ей, открыть ей все, но знаю навѣрное, что это послужитъ къ большому затрудненію, можетъ повредить: она тогда вооружитъ и папеньку. Надобно сперва, чтобъ онъ началъ, чтобъ онъ *хотѣлъ*, и тогда... она его боится, а мнѣ чего будетъ бояться? Всего важнѣе и нужнѣе согласіе папеньки, а надо мною власти не имѣетъ никто. Но что ты пишешь о Марьѣ Степановнѣ? На что же, мой ангелъ, тутъ вмѣшивать ее? Неужели, кромѣ этого ржаваго, негоднаго желѣза, Богъ не пошлетъ намъ орудіе? Когда можно избѣгнуть, не должно унижаться. У нея же, кажется, единственное твердое чувство — ненависть къ тебѣ, какъ къ злоумышленнику (на ней основанъ патріотизмъ ея весь), и я почти увѣрена, что оно перевѣситъ жадность и корыстолюбіе: если-бъ и не такъ, на что, мой ангелъ, на что мѣшать нечистое тутъ? Провидѣніе устроитъ все, не станемъ же портить начатаго *Имъ*? Намъ указана дорога, она терниста, трудна, но она указана намъ, *сю* и пойдемъ. Ты подумай самъ и увидишь, что М. С.—недостойное орудіе. И зачѣмъ подарками, деньгами покупать счастье? Чистотою, святостью души, любовью купимъ его, ангелъ мой. Ты пишешь, что, можетъ быть, папенька постарается, чтобъ мнѣ побывать у тебя съ маменькой, ахъ, если-бъ это сбылось, если-бъ сбылось!

Ты хочешь обратиться къ уединенію. О, мой милый отшельникъ! Оставь эти пустыя гостиныя, что въ нихъ? Въ нихъ только много сора и пыли, а въ уединенной жизни удивительная полнота, съ тобою же Витбергъ. Будь съ нимъ бо-

лѣе, занимайся, пиши Наташѣ, и годъ промчится, — и ты прилетишь ко мнѣ! А, можетъ, еще въ это время перемѣнится многое, многое; можетъ быть, очень можетъ быть, что я прилечу къ тебѣ. Папенькѣ тяжело такъ долго не видать тебя; не вздумаетъ ли онъ къ тебѣ собраться?.. Да, предоставимъ все Богу: Онъ не требуетъ нашей помощи въ дѣлахъ Своихъ. Я весь этотъ годъ буду приготовляться предстать передъ тобою, какъ передъ самимъ Богомъ. Ты помогай мнѣ. Наставляй меня, другъ мой. Послушай, Александръ, вѣдь, я знаю, что я не совершенна, и ты знаешь это, и потому мнѣ необходимы твои заповѣди. Приказывый, повелѣвай мнѣ: я отдала тебѣ всю душу мою и слѣпо вѣрю всѣмъ словамъ твоимъ. Пиши мнѣ, какія книги читать. Rondoletto Герца я играю. Напиши, что еще тебѣ нравится: я хочу во всемъ безпрерывно видѣть тебя, знать наизусть малѣйшія твои желанія и хоть за 1.000 верстъ исполнять ихъ. Да и что же будетъ облегчать мою душу? Но ты не думай, я не грустна, божусь тебѣ, нѣтъ: удивительная твердость и вѣра явились во мнѣ при этой вѣсти. Благодарю Бога и тебя, что я узнала ее въ твоемъ письмѣ. И чего бы ни вынесла я, какую бы чашу ни приняла изъ твоихъ рукъ! Цѣлую тебя, цѣлую.

Вечеръ. Ахъ, скоро ли оказія, скоро ли пошлютъ тебѣ это письмо? Можетъ быть, завтра ты получишь послѣднее мое письмо: оно такъ полно надеждами: тебѣ тяжело будетъ читать его. Вотъ только что теперь меня тревожитъ ужасно: ты будешь все безпокоиться обо мнѣ, но я увѣрена, это письмо утѣшитъ тебя, ибо это не пустыя слова, не пустое утѣшеніе тебѣ, нѣтъ, передъ тобою изливается вся душа моя, и если-бъ она изнемогала, къ кому-бъ прибѣгнуть, какъ не къ тебѣ? Ты врачъ моей души, и кто же, какъ не ты, долженъ знать болѣзни ея? Кто же, какъ не ты, можешь уврачевать ихъ? Но я здорова, силы обременены, но не истощены. Пріятный сонъ! То есть желаю видѣть меня. Прощай! Сегодня я начала шить тебѣ помочи: если выйдутъ хороши, подарю ихъ тебѣ въ именины. Радуются моему прилежанію: они не знаютъ моего секрета! Ну, прощай же, ангелъ. Спи, цѣлую тебя.

3. четвергъ. Вчера цѣлый день, цѣлый вечеръ я тонула въ счастливѣйшихъ мечтахъ и восторгѣ, и они казались мнѣ сбыточны и такъ близки. Ты былъ со мною тутъ, мы собираемся въ Италію, мы ѣдемъ, мы уже тамъ... И небо юга, и воздухъ —любовь, и люди— огонь... Не пристало намъ съ нашею душой, съ нашею любовью быть закованными во льдахъ сѣвера, зябнуть отъ его холода, мерзнуть въ воздухѣ его, нѣтъ, туда, туда, въ Италію! Я согрѣлась одною мыслью о путешествіи въ Италію, — и мнѣ казалось ужъ [сорвано слово] холоднымъ взяться за перо. На что было писать? Ты самъ былъ такъ близко меня, ты самъ говорилъ со мною. О, Александръ! ангелъ мой! и въ самомъ заточеніи, и въ угнетеніи, въ самой разлукѣ, какъ полна, какъ изящна жизнь моя, какъ свѣтла! Вѣрю, ангелъ мой, вѣрю, что твоя любовь никому не создавала подобнаго блаженства и никто никому не создавалъ подобнаго. Никто и не любилъ тебя такъ, и никто не былъ такъ любимъ, какъ ты. Но когда жъ придетъ то время, когда ты увидишь самъ любовь мою, не на бумагѣ? Можно надѣяться хоть черезъ годъ? Но я боюсь и спрашивать. Получаешь ли ты отъ О.? Когда-то вы увидитесь, и сколько тогда будетъ перемѣны... Ахъ, Сатинъ, Сатинъ, зачѣмъ онъ измѣнилъ?

Впрочемъ, Александръ, ты не относи къ моему достоинству твердость, съ которой я узнала, что еще годъ разлуки предстоитъ намъ. Я не знаю, что-бъ было со мною, если-бъ эта вѣсть дошла до меня прежде твоего письма. Я-бъ со-

вершенно упала духомъ и предалась бы отчаянію, но такъ какъ я всегда съ безумною радостью получаю твое письмо, особенно же послѣднее, нераспечатанное, — оно обѣщало такъ много, и я ужъ въ ту минуту прочла его. Сердце сжалось, брызнули слезы, но твои слова, — о, Александръ! о, единственное созданіе!—«Будь тверда для Александра, не прибавляй тяжести его кресту», —какъ слово самого Бога озарило душу. Мнѣ прибавлять тягость твоему кресту? Нѣтъ, нѣтъ! И, не имѣя силъ побѣдить слабость свою, я упала на колѣни передъ образомъ Спасителя. Не могу сказать тебѣ, мой ангелъ, что было со мной. Мнѣ казалось, самъ Богъ смотрѣлъ на меня, казалось, Онъ внялъ молитву души моей, безсловесную, но пламенную, выразительную, казалось, уста Его отворились, и я слышала, — это не привидѣніе, нѣтъ, — я слышала, слышала, какъ Онъ тихо сказалъ мнѣ: «будь тверда». Для него, для него, Господи! И снова залилась я слезами. Но съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ умножаются силы, я становлюсь тверже, крѣпче; безпредѣльная надежда на Него, твоя любовь— все это безпрерывно обновляетъ на мнѣ ризу терпѣнія, и эти дни еще ни разу грустный звукъ не выходилъ изъ груди моей. Ты и твоя любовь видна вездѣ и во всемъ. Другъ мой! Ахъ, если-бъ еще я могла чаще знать о тебѣ, если-бъ я видѣла пріѣзжихъ изъ Вятки, или хоть бы почта приходила почаще, но все это невозможно; даже говорить о тебѣ не съ кѣмъ, я точно въ пустынѣ, окруженная звѣрями. Правда, есть существо, привер женное мнѣ тѣломъ и душой, но оно вполнѣ не можетъ понять меня, мнѣ не достаточно его. Но я ужъ не спрашиваю болѣе, почему мы лишены всего.

Прелестный другъ мой, мой Александръ! Можетъ, ты сидишь теперь въ своемъ кабинетѣ, не пишешь, не читаешь, а задумчиво куришь сигару, и взоръ углубленъ въ неопредѣленное, и нѣтъ отвѣта на многократныя привѣтствія вошедшаго. Гдѣ-жъ твои думы? Куда стремится взоръ? Гдѣ душа твоя? Гдѣ весь ты?.. Не давай отвѣта. Пусть придутъ ко мнѣ...

4, пятница. Ты пишешь,—можетъ, еще цѣлый годъ. Но что же сказано изъ Петербурга? Неужели не назначено срока? Если нѣтъ, тогда, можетъ, и въ слѣдующій разъ пришлютъ отказъ. Но Богъ пошлетъ крестъ, Онъ пошлетъ и силу. Ты, Александръ, твердо принялъ отказъ, пишешь ты, и потомъ болѣе о себѣ ни слова. Въ каждомъ словѣ все утѣшеніе мнѣ, все велишь быть спокойной, твердой и кончаешь письмо: «душно!» Ты грустишь, мой ангелъ, вижу, ты грустишь. И можно-ль веселиться, можно-ль совершенно быть спокойной? Все отъ насъ закрыто, все тайна для насъ, а настоящее такъ мрачно и холодно. Въ самой надеждѣ, въ самой вѣрѣ сердце иногда ноетъ, и рѣдки, рѣдки минуты, въ которыя оно освобождается совершенно отъ земли, въ которыя оно любитъ въ небѣ. И какъ не грустить?.. Ты ужъ видѣлъ, другъ мой, что твоя Наташа тверда, что послушна тебѣ въ самой убійственной горести, будь и ты, ради Бога, будь спокойнѣе! Тебѣ душно, душно, о, Александръ! Но не скрывай, не пиши противнаго, изливай всю душу твою, всю грусть, — тебѣ будетъ легче, отраднѣе, ты болѣе перенесешь. Пиши, мой милый, пиши все. Кто болѣе меня оцѣнитъ твои чувства, кому дороже малѣйшее ощущеніе твое? О, какъ я сама желаю, чтобъ у тебя былъ мой портретъ! Тутъ много утѣшенія, я знаю. Проси папеньку, но пришли сперва свой, и тогда ты будешь въ правѣ требовать моего. Пусть, пусть догадываются, узнаютъ, только не надобно, чтобъ знали о перепискѣ. Это отъ всѣхъ тайна. А ты знаешь, что мнѣ ужасно строго было запрещено къ тебѣ писать. Но, впрочемъ, если это необходимо, такъ что-жъ такое?

Развѣ я могла послушаться княгини? Она увидитъ сама, что требовала невозможнаго. Только тогда надо будетъ стараться спасти отъ вѣчныхъ преслѣдованій Сашу и Костю. Онѣ въ нашемъ заговорѣ, и отсюда всѣ письма къ тебѣ идутъ черезъ ихъ руки, также и твои ко мнѣ.

Пора въ Москву; какъ холодно здѣсь! А тамъ не увижу ли я Сашу Б., Эмилію? Впрочемъ, меня теперь уже такъ не радуетъ свиданіе съ ними, и имъ всѣмъ я принесу съ собою горе. Emilie боялась твоего пріѣзда, а Саша — она выше страха земного, выше людей и ихъ злобы, что-бъ ни было, она желала пламенно твоего возвращенія, и эта вѣсть ей будетъ горька, ея слезы смѣшаются съ моими.

5, *суббота*. Полно же, Александръ, упрекать себя въ поступкѣ съ Мед. Твое раскаяніе чрезмѣрно велико, и оно давно искупило его и отъ тебя же зависитъ совершенно изгладить его передъ самою Мед., а я все, что знаю и чего не знаю, отъ всей души простила. И ты перестань винить себя, мой другъ: и орелъ спускается на землю, но взлетѣть выше его и ближе къ солнцу не можетъ никто.

Ты знаешь самъ, но не могу еще не попросить тебя быть осторожнѣе, не прибавлять ей ударовъ, не огорчать ее. Она мнѣ ужасно жалка и, какъ всѣ несчастныя, близка моему сердцу. Куда же она ѣдетъ, не въ Москву ли? Тогда бы я постаралась, если бы было можно, познакомиться съ нею и, насколько бы стало меня, утѣшить ее. Что-жъ, развѣ нельзя у папеньки попросить денегъ? Можетъ быть, онъ бы для этого и прислалъ тебѣ. Пусть пріѣзжаетъ сюда и Полина: я бы обрадовалась ей, какъ самой близкой, родной. О, и сколько-бъ я наговорилась съ нею о тебѣ! Если-бъ и Петръ пріѣхалъ, я бы и того расцѣловала, заплакала бы отъ радости. И теперь краснѣю, когда вспоминаю о восторгѣ съ Эрнъ. Они, вѣрно, подумали, что я безумная, —такъ обрадовалась я его матери и ему. Теперь я въ большой дружбѣ съ Машенькой, его сестрой, и даже переписываемся. Прелестное существо! Люблю ее ужасно, а видѣлись только три раза.

Какое несбыточное желаніе! Если-бъ твой портретъ былъ у меня въ браслетѣ! Я бы ни на минуту не разсталась съ нимъ. Но это рѣшительно невозможно. Если-бъ и былъ онъ, не позволили-бъ его носить.

Итакъ, вотъ уже цѣлая недѣля, какъ отняты у меня всѣ надежды, всѣ райскія мечтанія! И сколько еще такихъ недѣль впереди! И всѣ онѣ составляютъ одну мрачную, самую темную, холодную ночь. Но и въ этой суровой ночи, и на этомъ черномъ небѣ горятъ кое-гдѣ звѣздочки. Пройдутъ тучи, очистится небо и всѣ онѣ загорятся, заблещутъ во всей красѣ. Такъ и въ душѣ моей: сквозь грусть и тоску кое-гдѣ проглядываетъ, свѣтится яркая мечта, даже восторгъ иногда. Вечеромъ, играя на фортепіано, одна въ огромной комнатѣ, вдругъ останавливаюсь, волшебствомъ исчезаетъ все, — и предо мною является мой ангелъ, мой Александръ, и улыбка на лицѣ, и слезы на глазахъ. Но улыбка потомъ становится горькой, и слезы горькія... Но придетъ время, придетъ пора, и мы увидимъ радость не во снѣ и будемъ плакать сладкими слезами. Душа моя, Александръ! Свѣтъ, рай души моей! Страшно ревутъ кругомъ насъ грозныя волны, но не потопятъ онѣ нашего корабля: Кормчій нашъ—любовь; самъ Богъ правитъ имъ. Шумите, шумите, сердитыя, но напрасенъ вашъ гнѣвъ, напрасно усиліе, — вы не устрашите меня: со мною Александръ; не устрашите его: съ нимъ Наташа! И самъ Богъ съ нами! И не напрасно ли вы пѣнитесь, иль вы сердиты на свою ничтожность?

Воскресенье, 6. Можетъ, еще двѣ недѣли не дойдетъ къ тебѣ это письмо, а ты ждешь его съ нетерпѣніемъ. Мнѣ тяжко за тебя! Думаешь, тревожишься обо мнѣ: или ты знаешь силу своей любви и твердо увѣренъ, что твоя Наташа не только годъ, 10 лѣтъ прожила бы въ заточеніи, въ тюрьмѣ, не видавъ свѣта Божьяго, за твою любовь? Да, въ этомъ-то ты долженъ быть увѣренъ, но *ждешь съ нетерпѣніемъ* и не получаешь, и тебѣ тяжело. Боже! сколько наслажденія получить листокъ бумаги, которая 1.000 верстъ несла на себѣ твои думы, мечты твои, твою любовь,— которая такъ долго была въ твоихъ рукахъ и на которой взоръ твой долго, долго останавливался! Какъ не быть отъ него въ восторгѣ, какъ не расцѣловать его, какъ не облить слезами? Вѣришь ли, мнѣ иногда кажется, что онъ одушевленъ, что онъ слышитъ меня, понимаетъ; о, съ чѣмъ можно сравнить его, на какія сокровища можно промѣнять? Нездорова-ль я,—беру твои письма, и мнѣ легче; давитъ ли душу тоска и грусть,—опять за мою святыню, за мое лекарство, и выздоравливаю душою. О, мой ангелъ! и будто тутъ мало наслажденія, будто можно смѣть роптать? Я-бъ хотѣла весь этотъ годъ прожить въ маленькомъ чуланѣ, лишь бы получать отъ тебя чаще, чаще и писать бы больше, больше. А ты напиши, чтобъ скорѣе отправляли къ тебѣ мои письма, за мною не станетъ, только на почту самой отсылать невозможно. Только меня ужасно мучаетъ, что ты такъ долго не получишь моего отвѣта, зато я увѣрена, что онъ принесетъ тебѣ утѣшеніе, ангелъ мой. Странно, хоть слово скажу съ тобой, а все легче на душѣ, веселѣе.

Понедѣльникъ, 7. Александръ! Мнѣ чрезвычайно пріятно, что ты намѣреваешься этотъ годъ провести иначе, не потому, ангелъ мой, чтобъ я боялась, что разсѣяная жизнь заставила-бъ тебя меньше думать обо мнѣ (я бы не любила тебя, если-бъ это пришло мнѣ въ голову),— нѣтъ, а разсѣяная жизнь пуста и въ ней теряется многое, пріобрѣтенное въ жизни уединенной; тутъ безпрерывная созерцательность, безпрерывно новыя открытія, тамъ трата, и трата безполезная. Самъ же ты на опытѣ видѣлъ, какъ нелѣпа и беззвучна эта толпа, какъ смрадно и дымно въ ея гостиныхъ. Правда, ты-бъ могъ присутствіемъ своимъ освятить ее, возвысить, но она бы не поняла тебя, не оцѣнила бы, и, можетъ, одна холодная невнимательность была-бъ отвѣтомъ твоему огненному, небесному воззванію.

Итакъ, на чтожъ быть съ нею, на что безъ пользы тратить тебѣ себя? Сколько можешь ты найти въ Витбергѣ! Но еще болѣе найдешь въ самомъ себѣ: ты—море, ты—небо, въ тебѣ миріады солнцевъ. О, посмотрись, какъ дивенъ, какъ прекрасенъ ты, ангелъ мой! Александръ, Александръ! Ты единственное созданіе, тебѣ бы дала я цѣлый міръ, тебѣ бы... О, мой ангелъ, какъ назвать ихъ людьми? Что же они, когда они не боготворятъ тебя, не молятся тебѣ? Могу ли я не любить тѣхъ, которые мечтали о тебѣ, любили тебя? Стало, они мнѣ близкіе, родные. И тебя-то я смѣю, могу назвать своимъ! О, Александръ!

Ангелъ мой! Я въ восхищеніи, неожиданно оказія, вдругъ, послѣ завтра, отошлютъ на почту и ты скоро получишь. Ангелъ мой, обнимаю тебя, цѣлую, цѣлую тебя.

Твоя, твоя *Наташа.*

Загорье, сентября 7.

Я разскажу тебѣ, ангелъ мой, происшествіе, весьма маловажное, но которое сдѣлало на меня впечатлѣніе. Оно доказываетъ, какъ не теряется самая малая

крошка добра, какъ все получаетъ свою награду. Недѣли три тому назадъ пришелъ сюда бѣдный полякъ наниматься вырывать пенья, — это и вообразить нельзя, сколько труда въ этой работѣ! Онъ просилъ не дорого, но ему (будто на смѣхъ) давали еще дешевле, потомъ и вовсе отказали.

Человѣкъ, покинувшій родину, семью, молодую жену, шедшій 1.000 верстъ кровавымъ трудомъ добыть хлѣба и малость принести семейству, — на чужой сторонѣ, вмѣсто привѣта, вмѣсто жалости, встрѣчаетъ взоры, какими смотрятъ на скотовъ!.. Сердце мое ломилось на двое при видѣ этого несчастнаго и ихъ, еще несчастнѣйшихъ его! Но что же я могу?.. Долго съ нимъ говорила, просила накормить его и дать ночлегъ. Онъ пришелъ въ другой разъ и сошлись цѣною (можетъ, и крайность принудила). Прошло три недѣли. Тутъ я получила твое письмо, тутъ душа моя была взволнована и еще то, что еще долго не получишь отвѣта моего, терзало меня. Вдругъ вчера поздно вечеромъ оказія въ Москву, и съ кѣмъ же? Этому поляку вздумалось побывать въ Москвѣ, и наканунѣ почтоваго дня! Съ нимъ пошлю къ тебѣ мое письмо. Не воскресилъ ли онъ меня? Не воздалъ ли съ лихвою? Безъ него бы еще цѣлую недѣлю, а, можетъ быть, и болѣе мнѣ ждать и мучиться. Какъ много награды за одно сострадание!

Ты, мой ангелъ, велишь писать болѣе, а мнѣ необходимо въ душу твою изливать хоть каплю души своей. Я ловлю *мои* минуты и посвящаю ихъ тебѣ. Твоя бесѣда приноситъ мнѣ новую жизнь, силу, твердость, благодать. Моя пусть принесетъ тебѣ хоть одну каплю утѣшенія!

8. *среда*. Сегодня мнѣ грустно, все дышетъ на меня тоскою; мысли мрачны, сердце сжато. Не стану тебѣ много писать: одни унылые звуки льются изъ души; они и на тебя навѣютъ уныніе. Видишь ли, какъ непостоянна твоя Наташа, какъ мала и слаба душа ея, какъ необходимы ей твои слова? Душа жаждетъ одного взгляда, а еще цѣлый годъ холодной, пустынной, мрачной годъ раздѣляетъ будущее глубокимъ оврагомъ, а настоящее — мракъ, настоящее—ледъ. И не къ кому склонить голову, и нѣтъ взора, который бы могъ понять!.. Прости мнѣ, прости, мой ангелъ!

10-е. Пронесся слухъ, будто ты въ Петербургѣ, — не вѣрю. Неужели бы, желая сдѣлать сюрпризъ своимъ пріѣздомъ, ты бы огорчилъ меня такъ, сказавъ, что еще годъ разлуки? Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю! Нѣтъ, видно, мнѣ опредѣлено Богомъ не видать тебя долго, долго. Ему извѣстна цѣль. Можетъ быть, я еще недостойна дѣлить высокую твою участь, быть спутницей ангела; можетъ быть, недостойна и того, чтобы видѣть тебя, какъ награду за совершенство во всѣхъ добродѣтеляхъ. И этотъ годъ искупитъ послѣдніе недостатки мои, сотретъ послѣдній прахъ. Покорность Его волѣ, терпѣніе смоютъ всю землю. Но болѣе всего — любовь! Любовь! Любовь святая, побѣдившая испытанія, гоненія, образовавшая душу, давшая, наконецъ, небо, и самого Бога, и тебя! О, эта любовь искупитъ многое! И чего бы я ни вынесла, чтобы быть совершенно, совершенно тебя достойною! Въ эти дни я уже вижу въ себѣ перемѣну: земля, люди все далѣе, далѣе отъ меня, и я все ближе и ближе къ тебѣ, мой ангелъ. Болѣе сострадания къ ближнему, болѣе равнодушія къ собственнымъ ранамъ и, ей-Богу (хотя третьяго дня вырвался изъ души горькій звукъ), я съ радостью несу этотъ крестъ. Онъ уже мнѣ вѣрная порука блаженства въ будущемъ. Не на одно же страданіе онъ далъ намъ эту душу, эту любовь?

12-е. Костенька въ Москвѣ, а Саша въ восторгѣ, что ты вспомнилъ ее, и считаетъ себя счастливою и выше существъ обыкновенныхъ, будучи упомянута

въ нашей перепискѣ и получивъ отъ тебя благоволеніе. Она въ самомъ дѣлѣ выше существъ простыхъ и заслуживаетъ вниманія. Я не надѣюсь встрѣтить въ подобномъ состояніи такую душу и столько чувства. Но надобно прибавить, что единственное, пламенное желаніе ея — умереть (особенно разлучившись со мною), ибо кругомъ нея мерзкое поле (какъ она выражается), а она *одна*. Ты не забылъ ее, ангелъ мой, благодарю! Это существо не должно быть забыто никогда. Едва ли любитъ меня кто во всемъ домѣ сотую долю того, какъ любитъ она.

6 сентября, Вятка.

Сердце полно, полно и тяжело, моя Наташа, и потому я за перо писать къ тебѣ, моя утренняя звѣздочка, какъ ты себя назвала. О, посмотри, какъ эта звѣзда хороша, какъ она купается въ лучахъ восходящаго солнца, и знаешь ли ея названіе?—Венера-любовь! Всегда восхищался я ею, пусть же она останется твоею эмблемой, такая же прелестная, такая же изящная, святая, какъ ты.

Въ самый день твоихъ именинъ получилъ я два письма отъ тебя, —сколько рая, сколько счастья въ нихъ!

О, Боже, Боже, быть такъ любимымъ и такою душой! Наташа, я все земное совершилъ, остается еще одно наслажденіе — упиться славой, рукоплесканіемъ людей, видѣть восторгъ ихъ при моемъ имени, — словомъ, совершить что-либо великое, и тогда я готовъ умереть, тогда я отдамъ жизнь, ибо что мнѣ можетъ дать жизнь тогда? Я одного попросилъ бы у смерти: взглянуть на тебя, сказать слово любви голосомъ, взглядомъ, поцѣлуемъ, одинъ разъ: безъ этого моя жизнь не полна еще.

Ты пишешь, что я не жилъ никогда съ тобою, что, можетъ быть, въ тебѣ множество недостатковъ, которыхъ я не знаю, что ты далека отъ моего идеала. Перестань, ангелъ мой, перестань, нѣтъ, ты прелестна, ты выше моего идеала, я на колѣнахъ предъ тобою, я молюсь тебѣ, ты для меня добродѣтель, изящное, все бытіе, и я тебя такъ знаю, какъ только могъ подняться до твоей высоты. Вѣдь, и ты не жила со мною, но я смѣло говорю: твое сердце не ошиблось, оно нашло именно того, который могъ ему дать блаженство; я понимаю, чего хотѣла твоя душа, — я удовлетворю ей. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я могъ сдѣлать счастливою всякую дѣвушку съ благороднымъ сердцемъ, —о, нѣтъ, именно тебя, тебя! Мой пламень сжегъ бы слабую душу, она не вынесла бы моей любви, она бы не могла удовлетворить безумнымъ требованіямъ моей фантазіи, ты превзошла ихъ. Клянусь тебѣ нашею любовью, что никогда я не видалъ существа, въ которомъ было бы столько поэзіи, столько граціи, столько любви и высоты, и силы, какъ въ тебѣ. Это все, что только могла придумать мечта Шиллера. Я иногда, читая твои письма, останавливаюсь отъ силы и высоты твоей; тебя воспитала любовь, ты безпрерывно становишься выше. Возьми одну мысль твою идти въ Кіевъ, — она безумная, нелѣпая, но высота ея превышаетъ высоту самыхъ великихъ поступковъ въ исторіи. Слезы навернулись, когда я читалъ это. Я не спорю, можетъ, другіе скажутъ, что ты *мечтательница*, что никогда не будешь *хозяйка*, т. е. жена-кухарка, но тотъ, у кого въ душѣ горитъ огонь высокаго, тотъ пойметъ тебя, и ему не нужно другихъ доказательствъ, кромѣ одного письма. А я, любимый тобою, любящій тебя, я, будто, не знаю моего ангела, моей Наташи?

30 августа были именины Александра Лаврентьевича; мнѣ хотѣлось ему

сдѣлать подарокъ такой, который имѣлъ бы смыслъ, который навсегда былъ бы документомъ моего уваженія къ человѣку великому. Долго думалъ я и вдругъ пришло въ голову подарить твою работу —портфель. Сначала я испугался одной мысли разстаться съ тою работой, при которой за каждою ниткой была мысль обо мнѣ, мнѣ было жаль. Такъ вотъ и подарокъ, сказалъ внутренній голосъ, вотъ истинная жертва, потому-то и надлежитъ ему ее подарить, что жаль. Я написалъ на первой страницѣ: «А. Л. Витбергу въ знакъ симпатіи искренней и безпредѣльной даритъ работу Наташи А. Герценъ 1836 г., августа 30, въ Вяткѣ», и подарилъ ему; сначала онъ не хотѣлъ брать, но я сказалъ ему, чего стоитъ мнѣ подарокъ: онъ взялъ со слезами. И отчего же, думалъ я, мнѣ скупиться? Развѣ рука, дѣлавшая это, не моя? И какъ могъ я болѣе почтить его, какъ не работой *ея руки?*

Ты пишешь о Мед., говоришь, что думала, что пятно, о которомъ я писалъ, несравненно чернѣе. Что же чернѣе этого поступка? Я не знаю, можетъ, «убійство»— не чернѣе такой гнусности; нѣтъ, не извиняй меня: простить ты можешь, оправдать — нельзя. Это былъ послѣдній шагъ мой въ безнравственности. Тогда, терзаемый непонятою любовью къ тебѣ, терзаемый своею ничтожною и скверною жизнью, окруженный людьми холодными, я обращалъ всюду взоръ, потухавшій отъ разврата, чтобы найти симпатію. Будь тогда Витбергъ, будь Полина, —и не было бы пятна на совѣсти, и не было бы угрызенія. Первое существо высшее была она; она поняла меня (я писалъ тебѣ это тогда же): въ ней есть поэзія; она, жена мужа стараго, котораго никогда не любила и не могла любить, она бросилась со всею довѣренностью души чистой ко мнѣ, и что жъ я сдѣлалъ? Слѣдовало бы остановить, а вмѣсто того... О, не старайся оправдывать меня! Воскрешенный твоею любовью, твоею небесностью, я хотѣлъ тотчасъ спасти ее, но съ ужасомъ увидѣлъ, что поздно. Правда, съ самой весны она не слыхала отъ меня ни одного слова, которое бы могло ее болѣе завлечь, но и то правда, что она отъ этого страдаетъ, отъ этого больна; она безъ того столь несчастная, не зная о тебѣ, воображаетъ, что я влюбленъ въ Полину. Я думалъ сказать ей о тебѣ прямо, но это все равно, что дать рюмку яда. Вотъ твой идеальный Александръ.

9 сентября. Прощай, ангелъ мой, можетъ, сегодня получу письма отъ тебя. Прощай, я теперь спокойнѣе смотрю на разлуку. Онъ знаетъ, что и для чего. Жму твою руку, цѣлую ее, цѣлую тебя.

Твой *Александръ.*

9 сентября. Ангелъ мой, я и забылъ тебѣ написать планъ повѣсти, которую я уже началъ. Напиши мнѣ откровенно твое мнѣніе. Витбергу она не очень нравится.

Юноша, жившій до 17 лѣтъ въ деревнѣ, пылкій, но подавленный холодомъ родныхъ, является въ университетъ учиться медицинѣ. Онъ робокъ, застѣнчивъ, у него нѣтъ друзей: онъ боится шумной вакханаліи студентовъ; у него нѣтъ дѣвы, которая раздѣлила бы его страданія, его одиночество, и онъ живетъ одною наукой. Однажды ему надобно разсѣкать какой - то женскій трупъ въ анатомической залѣ, онъ пришелъ, уже вонзилъ ножъ въ тѣло, у котораго лицо было покрыто. Когда вздумалъ онъ взглянуть на него— —и что же? Это тѣло прелестной дѣвушки. Онъ влюбился въ нее (извини это глупое выраженіе, я тороплюсь); эта любовь — первое его чувство, оно сильно, оно ростетъ, оно должно сжечь его, уничтожить, свести съ ума, сломать всю душу и все тѣло. И вотъ онъ крадетъ

трупъ и сожигаетъ его. Этотъ пепелъ въ урнѣ — все, что у него есть на бѣломъ свѣтѣ; онъ любитъ этотъ пепелъ, онъ не можетъ жить безъ него, и тутъ блеснула мысль, что алхимики имѣли средства воскрешать, и что же значитъ греческой миѳъ феникса, возрождающагося изъ пепла? Парацельсъ и Аполлоній Тіанскій воскрешали, и самъ Іисусъ. Вотъ рѣшена его жизнь: онъ ищетъ этотъ способъ. Проходятъ годы и онъ, погруженный во мракъ мистики и колдовства, ищетъ и ищетъ, и онъ будетъ искать всю жизнь, ежели бы жизнь его была долѣе Маѳусаила. Но тайна не открывается; однако, *надежда* (главная идея повѣсти) съ нимъ, безъ нея онъ умеръ бы. Заключеніе: онъ сѣдой старикъ, одичалый, полубезумный, все еще работаетъ и ищетъ *тайны воскрешенія*. Слабый, больной, онъ уже на одрѣ смерти говоритъ друзьямъ: теперь близко, близко къ открытію,... засыпаетъ: она слетаетъ къ нему, и онъ не существуетъ болѣе.

Желаю разобрать, такъ скверно написалъ этотъ листъ.

14 сентября, Загорье.

Вчера поздно, уже ложась въ постель, я получила твое письмо отъ 25 августа. Александръ! земной языкъ не можетъ изобразить небесной радости, блаженства неземного, которыя льютъ въ душу мою каждое слово, каждая черта твоей руки! Но тебѣ достаточно бы было видѣть меня, когда я читаю, передъ тобой отверзты душа и сердце. Еще никогда никто не видалъ, какъ я распечатываю твои письма; эти часы я не дѣлю ни съ кѣмъ: никто недостоинъ быть участникомъ въ нихъ. Я дѣлюсь ими съ однимъ Богомъ. Прочитавъ, я долго не могу обратиться опять къ пустой дѣятельной жизни, взору тяжко встрѣчать предметы, напоминающіе о людяхъ и ихъ ничтожности. Онъ ищетъ лазури неба, лучей солнца, даже голосъ человѣческій мнѣ непріятенъ: въ немъ звуки земные, а душа полна пѣсни рая, гармоніи неба. Тогда мнѣ не нуженъ никто. *Ему* ввѣряю любовь мою, съ Нимъ дѣлю радость и блаженство мое и *только* съ *Нимъ* дѣлюсь тобою. Давно, Александръ, со взглядомъ на письмо твое ужъ я поднимаюсь, свѣтлѣю... и потомъ съ каждымъ словомъ свѣтъ увеличивается, съ каждымъ словомъ я выше и выше, наконецъ, все измѣняется, самый воздухъ, окружающій меня, наполняется какою-то святостью, какимъ-то небеснымъ ароматомъ. Тутъ въ благоговѣйномъ восторгѣ я повергаюсь на землю, и молитва ль, или любовь, иль одинъ восторгъ несется къ Богу, — не знаю, но знаю, что Онъ внимаетъ, отвѣтствуетъ мнѣ небомъ, отвѣтствуетъ тобою!

Итакъ, вся жизнь твоя представляетъ два чувства — *дружбу* и *любовь*. *Мною* и *Огаревымъ* полна душа твоя. *Два раза* ты былъ на краю пропасти и спасенъ *два раза*. Еще до любви ты извѣдалъ горе и восторгъ, ты переплылъ цѣлое море дружбы и знакомъ и съ его бурею, и съ нѣжнымъ колыханіемъ водъ его,—ты испилъ въ немъ до одной капли. И когда брошенъ судьбою на сухую землю, когда жесткій песокъ и колючіе терніи окружали тебя, воспоминаніе моря облегчало душу, но не исцѣляло, не спасало тебя, и море было далеко, далеко! Тутъ рука *Его* погрузила тебя въ море *другое*, въ море любви. Это море безгранично, въ немъ дна нѣтъ и береговъ не видно, и земли не видно, оно сливается съ небомъ, и тонкой черты не видно, раздѣляющей ихъ, и песокъ, и терніи остались за нимъ далеко, далеко, тамъ, на землѣ! Но, ангелъ мой, ты и до меня былъ то, что есть, и до меня ты видѣлъ небо на землѣ (письмо твое въ Красномъ). А я, 14 лѣтъ въ *первый разъ* открывъ глаза, въ первый разъ бросивъ

взоръ свой на весь міръ, увидѣла во всемъ мірѣ *одного тебя*, и тутъ что-то непостижимое обняло все существо мое, и тобою наполнялась вся вселенная. Но ты отъ меня былъ и далеко, и высоко. До этого никакое чувство, никакая мысль не волновала такъ сильно души моей, ничто не занимало, не наполняло ея. Тутъ-то я стала выше толпы, выше многаго, тутъ душа моя начинала быть тѣмъ, что она теперь. Потомъ я встрѣтилась съ Emilie, потомъ съ Сашей Б., но ужъ прежде нихъ я была согрѣта, прежде нихъ была полна непостижимымъ, и дружба къ нимъ не было чувство начальное,—нѣтъ, это были *лучи восходящаго солнца*. Но я сама узнала это только 20 іюля 1834 года, тогда, когда узнала, что ты для меня. Остальное ты все знаешь самъ. Итакъ, видишь ли, мой ангелъ, вся жизнь моя представляетъ *одно* чувство — *любовь*. Тобою начала я жить, тобою образовалась душа моя, тобою узнала я все изящное, все святое; ты отворилъ мнѣ небо, ты далъ познать Бога. Съ 14 лѣтъ я жила, дышала тобою, съ 14 лѣтъ ты жизнь моя, душа моя. Эти люди потушили бы во мнѣ божественную искру, убили бы въ юной груди все благородное при самомъ зарожденіи. Но ты свѣтилъ мнѣ, и мракъ не могъ объять меня. На тебя положила я мою надежду, мое спасеніе и твердо вѣрила, что рано или поздно *твоя рука* изметъ меня изъ пропасти, что *ты* откроешь мнѣ міръ иной, что *въ тебѣ* найду я этотъ міръ, міръ рая, міръ любви. И всѣ-то эти сны, лелѣя душу мою три года, наконецъ, сбылися на яву! И послѣ этого мнѣ не благословлять Провидѣніе, послѣ этого мнѣ не молиться на тебя!.. Можетъ, иного цѣлая жизнь не полна такого блаженства, которымъ полно каждое мгновеніе моей жизни.

15-е, вторникъ. Странно, мой ангелъ, что заставляетъ папеньку хлопотать такъ о моемъ замужествѣ? Съ послѣднею оказіей писалъ еще к[нягинѣ], что играть свадьбы — дѣло христіанское и что пора въ Москву, а тамъ устроитъ меня, съ ея согласія и разрѣшенія. Не понимаю. Ну, что, ежели въ самомъ дѣлѣ онъ настоитъ на томъ, чтобы познакомить жениха моего съ к[нягиней] и ежели онъ ей понравится? Разумѣется, страшнаго ничего тутъ нѣтъ, никто не можетъ *велѣть* мнѣ идти замужъ, да только то, что мое непослушаніе можетъ разсердить его и удвоить несогласіе на наше соединеніе; не замѣчаетъ ли онъ, не догадывается ли? Или не вложилъ ли ему Богъ мысль о тебѣ... и... Мы скоро поѣдемъ, кажется, въ Москву, и тутъ начнется эта драма. Я все подробно буду писать тебѣ, а до тѣхъ поръ ты не безпокойся ни о чемъ и не дѣлай никакихъ подвиговъ. Можетъ, все пустяки. О, ангелъ мой, кто, кто ужъ не выбиралъ мнѣ жениховъ и какихъ! Бывало, сердце кровью обольется, теперь же пусть въ отмщеніе *ихъ* сердце кровью обольется. Ты не думалъ о невѣстѣ. Я готовила посвятить себя уединенію, создать въ душѣ храмъ одной дружбѣ къ тебѣ, а другіе приготовляли мнѣ жизнь пошлую, безцвѣтную, беззвучную, а Отецъ небесный устроивалъ все иначе. И какой бы смертный могъ вообразить, предугадать и обѣщать столько блаженства? *Ихнее* счастье — это *земля*, перемѣшанная съ *золотомъ;* гдѣ сильнѣе запахъ денегъ, тамъ тверже основано ихъ счастье, а наше счастье — это цѣлое небо, и мы въ немъ непостижимы *имъ*, какъ звѣзды...

Однако же, можетъ, тебѣ нужно это знать, мнѣ кажется, к[нягиня] и М. С. (хотя, можетъ быть, у папеньки и въ головѣ нѣтъ) думаютъ на тебя; я заключаю изъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ папенька писалъ, онѣ стали со мною хуже, безпрерывно бранятъ тебя и маменьку, даже и папеньку. Да, къ тому же, при этомъ разговорѣ я всегда краснѣю, и это придаетъ имъ охоты продолжать

его. Жалкіе люди! Они думаютъ прибавить этимъ повиновеніе, или... Да что такое они думаютъ? Пусть все, что хотятъ: звѣздамъ не слышенъ шумъ ихъ, грязь не долетитъ до насъ; какъ ни бросаютъ они ее высоко, она упадетъ на ихъ же головы. И сверхъ того, можетъ, одно наше сіяніе будетъ освѣщать путь ихъ въ глухую, темную, холодную ночь. О, Александръ, Александръ! Пусть меркнетъ все кругомъ насъ, — свѣтъ нашъ разгонитъ весь мракъ, всѣ тучи. Ангелъ мой, ангелъ! Ты только вообрази, какъ пройдетъ этотъ годъ! Лети же, лети скорѣе, время!

17, четвергъ. Ты пеняешь, что я не присылаю тебѣ стиховъ моего сочиненія. Если-бъ они были, то, безъ сомнѣнія, я присылала бы ихъ тебѣ, но вотъ уже два года, какъ я не пишу стиховъ. «Какъ! — скажешь ты, — эти-то два года самые свѣтлые, самые полные изъ твоей жизни, два года рая на землѣ, полные любовью, мною, ты не находишь, что писать? И когда въ тебѣ столько поэзіи, ты не хочешь излить ее стихами?» Не то, ангелъ мой, нѣтъ. Выходя изъ дѣтства, я промѣняла игрушки на стихи, потомъ, когда душа моя стала развиваться, передъ нею открылась снѣжная поляна и пронзительный холодъ повѣялъ съ нея, но поэзія меня отогрѣвала, стихи цвѣтами выростали на этой полянѣ, а теперь, ангелъ мой, теперь, когда любовь твоя, какъ небесный сводъ, покрываетъ душу мою, окропляетъ ее божественною росой, теперь душа моя цвѣтетъ, какъ цвѣтокъ рая, и нужны-ль стихи, чтобы донесть къ тебѣ ароматъ ея? Нѣтъ! Райскій цвѣтокъ, не облекаясь въ слово (оно бы и не вмѣстило его), льетъ въ душу твою и ароматъ рая, и музыку рая. Ты говоришь: «у тебя столько чувства», сколько же надобно, чтобы вполнѣ выразить его?.. Нѣтъ, каждую минуту земной языкъ становится для меня бѣднѣе, недостаточнѣе.

Могутъ ли звуки земные
Рай душевный выражать?
Любви тайны святыя
Словами можно-ль облекать?..

Но ты хочешь стиховъ, и я буду писать. Пусть въ блѣдныя выраженія земного языка изольются переливы огня небеснаго. И не небесные ли будутъ звуки пѣсни любви небесной?

19, суббота. Notre Dame de Paris я получила. Еще и еще цѣлую тебя за этотъ подарокъ. Вообрази, онѣ заставили меня читать, и обѣ! Сначала смотрѣли ее, вертѣли на всѣ стороны (какъ мартышка очки въ баснѣ Крылова); имъ казалось, что и отъ переплета пахнетъ *вольнодумствомъ!* Какъ бы позабавила тебя эта сцена! Досадно то, что мнѣ еще не удается порядочно прочесть ее. Но уже Эсмеральда мнѣ знакома, и я въ восторгѣ отъ нея. Эсмеральда, Эсмеральда! Помнишь ли слова ея на вопросъ (Gringoire'a) о дружбѣ и любви? Помнишь ли, что они растворили мнѣ двери души твоей, двери моего неба, рая!..

Emilie отошлю твое письмо. Ты велишь прочесть ей мое? Вѣдь, она въ деревнѣ и долго не пріѣдетъ, послать къ ней я не могу, — такъ я спишу для нея. О, какъ счастливою должна считать себя Emilie, имѣя тебя другомъ, — она, которую шалость твоя приводила, *бывало*, въ восхищеніе, и какъ же мнѣ *было* не любить ее? Наша дружба твердая, вѣчная. Это послѣднее письмо изъ Загорья.. Завтра отправляются. Скоро и я увижу мою Москву, милую, родную Москву: въ ней пришла я на землю и въ ней вознеслась на небо.

Прощай, прощай же, жизнь моя! Твоя *Наташа.*

Полинѣ salut d'amitié.

19 сентября, Загорье.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Никогда не сомнѣвалась я въ вашей дружбѣ, но присланныя вами книги и память о моихъ именинахъ были новымъ доказательствомъ оной и принесли мнѣ новое величайшее удовольствіе. Все лѣто я провела пріятно. Теперь мы собираемся въ Москву. Дай Богъ, чтобъ и вы возвратились скорѣе туда, гдѣ ждутъ васъ съ нетерпѣніемъ родные, друзья и всею душой любящая сестра.

Наташа.

21 сентября, Загорье.

Вчера посылали въ Москву, и я ждала отъ тебя, моя душа. Ужъ поздно, не ѣдутъ! Головная боль превозмогла нетерпѣніе. Я легла прежде всѣхъ и уснула. Сегодня чѣмъ свѣтъ открываю глаза, подлѣ меня твое письмо! Да, да, Александръ, пусть буду я эта звѣздочка яркая, звѣзда восточная, Венера, Любовь! А ты, ты—это море свѣта, огня, любви, ты будь это солнце!

Въ Москвѣ у меня одно окошко, и оно на востокъ. Когда купили этотъ домъ, мнѣ было *14 лѣтъ*, и изъ этого окна я въ первый разъ увидѣла *утро*. Дивное вліяніе сдѣлала на меня эта звѣзда, чистая, игривая, такая далекая отъ земли и такая привѣтная, и это солнце, и свѣтъ его, и его лучи. Въ первый разъ съ восторгомъ, съ упоеніемъ смотрѣла я, какъ свѣт*ъ ся* блѣднѣлъ въ его лучахъ, какъ гасла она, купаясь въ его сіяніи, какъ тихо, тихо погружалась въ него и потомъ какъ вовсе исчезла въ солнцѣ! «Если-бъ душа моя была такъ чиста, свѣтла, такъ высока и такъ привѣтна, если-бъ такое же солнце, такой же океанъ свѣта и любви... гаснуть въ его сіяніи, потонуть въ немъ; а безъ солнца я не хочу быть звѣздочкой, но и солнце не можетъ быть безъ звѣздочки»... Вотъ мысли, занявшія тогда мою душу. И съ тѣхъ поръ рѣдко просыпала я восхожденіе солнца, какъ будто бы въ небесныхъ явленіяхъ я читала мое будущее и восхищалась имъ, и почти каждое утро встрѣчала мою звѣздочку, и съ каждымъ днемъ, глядя на нее, становилась свѣтлѣе, ярче, ближе къ ней. Черезъ полтора года послѣ этого ты говорилъ о своихъ чувствахъ при этой картинѣ (вечеръ 6 января, 1834 г., у Насакиныхъ), и тутъ вскорѣ востокъ мой заалѣлъ, и душа блѣднѣла въ твоихъ лучахъ, и купалась въ твоемъ сіяніи, и теперь она потонула въ тебѣ, какъ та звѣздочка потонула въ солнцѣ! Скажи, ангелъ мой, не похожи ли на эти свѣтила мы съ тобою? Какъ ихъ Творецъ создалъ вмѣстѣ, въ одинъ день, какъ они не могутъ свѣтить одинъ безъ другого, такъ и наши существованія, наши души сходны, сближены, слиты въ одно. Какъ эти свѣтила погаснутъ вмѣстѣ, такъ и души наши вмѣстѣ покинутъ землю, и какъ вѣчность не имѣетъ конца, такъ и имъ не будетъ разлуки. И что намъ земля, люди, тысяча верстъ, смерть, когда мы вѣчно вмѣстѣ, вѣчно одна душа, одна любовь, одинъ ангелъ? Вѣчно, вѣчно! О, божество мое, мой Александръ! вѣришь ли, иныя минуты я готова летѣть на небо, не видавшись съ тобою на землѣ! Не въ душной кельѣ, не въ земныхъ оковахъ встрѣтить тебя, а чистымъ, небеснымъ ангеломъ и тамъ у Бога уготовить жилище тебѣ! О, Александръ, Александръ!.. Знаешь ли ты, какъ хорошо твое имя? Знаешь ли, сколько блаженства въ немъ, сколько рая?.. Когда темнѣетъ кругомъ меня, когда разлука мрачною стѣной поднимается, ростетъ изъ земли, съ какою вѣрой, съ какимъ благоговѣніемъ произношу я *Александръ*, — и тамъ, гдѣ мракъ, — сіянье, гдѣ горькія слезы,

тамъ—слезы восторга! О, если бы люди меня понимали, если-бъ я, желая объяснить имъ вдругъ все святое, все небесное, все изящное, все божественное, весь рай, могла бы сказать имъ только *Александръ*, и они бы этимъ именемъ постигнули все!.. О, Боже! Да, вмѣсто молитвы, я готова говорить предъ Нимъ только: Александръ! Александръ! Что же можетъ быть краснорѣчивѣе этого, доходнѣе? Какъ яснѣе могу я выразить Ему мою благодарность и какъ, чѣмъ, скажи, мой ангелъ, я могу полнѣе излить предъ Богомъ мою душу, какъ не сказавъ Ему: Александръ? Въ этомъ имени изливается вся душа моя, радость, восторгъ и молитвы, и все, все.

23-е. четвергъ. Слава, слава! Прежде я не понимала, что такое слава, прежде равнодушно произносила это слово, оно мнѣ было чуждо. И какъ могла я ждать себѣ славы, и на что мнѣ было искать ее? Теперь же... у меня есть Александръ! Онъ мой спаситель, мой ангелъ хранитель; онъ далъ мнѣ блаженство, далъ рай; въ немъ моя жизнь, моя душа; имъ красенъ міръ, имъ люблю вселенную, ему бы отдала ее, передъ нимъ поставила бы всѣхъ на колѣни поклоняться, молиться ему! А, тутъ... видѣть съ какою холодностью смотрятъ на портретъ его, какъ равнодушно произносятъ его имя, — о, я готова плакать тогда, какъ ребенокъ! Нѣтъ, нѣтъ! Твой образъ долженъ сохраниться на землѣ, пока она будетъ существовать; имя твое должно звучать до тѣхъ поръ, пока голосъ человѣческій будетъ слышенъ; должно, чтобъ при воспоминаніи о тебѣ грудь старца расцвѣтала юностью, чтобъ юныя души, согрѣтыя тобой, какъ солнцемъ, украшали міръ дивными произведеніями. Нѣтъ, Александръ, я не хочу умереть безъ того, чтобы въ каждомъ взорѣ не видать слезы умиленія и восторга при твоемъ имени, чтобы въ каждомъ существѣ не встрѣтить поклонника твоего, чтобы во всѣхъ сердцахъ не найти пламя, возженнаго тобою! И тогда... выслушай, ангелъ. Тогда, какъ ты будешь во всемъ блескѣ, когда души, согрѣтыя тобою, расцвѣтутъ, и твое сіяніе освятитъ дивные плоды цѣлаго сада, тогда, тогда... О, Александръ! тогда въ послѣднее услышать отъ тебя слово любви, прочесть ее во взорѣ твоемъ, испить въ поцѣлуѣ твоемъ и... потонуть въ тебѣ, какъ Венера въ солнцѣ!.. Тогда мнѣ тѣсно будетъ на землѣ.

Да, душа моя нашла въ тебѣ все, чего искала она не на землѣ. Ты именно *тотъ*. Идеалъ мой блѣденъ передъ тобою, это одна тѣнь твоя. И я бы никого на свѣтѣ не могла любить, никого бы не могла сдѣлать счастливымъ,—да, рѣшительно никого. Развѣ могла бы я кому отдать такъ свою душу, какъ тебѣ? Развѣ бы нашла въ другомъ столько?

Да, мой ангелъ, меня зовутъ мечтательницей, меня *жалѣютъ!* Правда, что теперь меня ничто не занимаетъ... погребъ, кухня... Я буду ѣсть хлѣбъ и воду, чтобы только и не слыхать о нихъ. Чего у меня много или вовсе нѣтъ, мнѣ все равно; да, для меня также все равно—день или ночь, лѣто или зима. Что мнѣ до этого? Я не тѣмъ живу, не тѣмъ полна душа моя. Лишь бы дали мнѣ свободу быть одной. А тогда, мой ангелъ, тогда... о, повѣрь мнѣ, и въ самой бездѣлицѣ, въ самой мелочи откроется цѣлый міръ пріятнѣйшихъ заботъ, и повѣрь, они не помѣшаютъ высокому, идеальному. И ты не думай, чтобы твоя Наташа не умѣла быть хозяйкой (только совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели М. С.). Нѣтъ, я не ангелъ! Вотъ опять спустилась на землю, но небо мое со мной, во мнѣ! Будто нѣтъ поэзіи, будто нѣтъ высоты въ безпредѣльномъ желаніи угодить тому, кѣмъ для меня все дышетъ въ подвселенной, безпрерывно нести ему рай и блаженство, освѣщать всю жизнь его, душу, и до малѣйшей бездѣлицы, близ-

кой къ нему, исполнить изящнаго?.. Кто не любитъ, тотъ не пойметъ этого чувства, не увидитъ въ немъ бездны радостей и счастья.

Какъ много ты утѣшилъ меня, ангелъ мой, подаривъ мою работу Александру Лаврентьевичу! Вѣроятно, онъ сбережетъ твой подарокъ до конца жизни и всю жизнь будетъ напоминать и меня человѣку великому. Не прощаю тебѣ, что ты сначала испугался этой мысли. Не даромъ столько удовольствія неизъяснимаго находила я, вышивая этотъ портфель, его ожидала участь великая, я въ восхищеніи! За это вышью тебѣ еще. Но знаешь ли горе? К[нягиня] у меня взяла на ридикюль гирлянду, которую я начала для тебя! Мнѣ хочется вышить тебѣ ермолку; утѣшь меня, смѣряй свою голову и напиши мнѣ, сколько вершковъ. Знаю, тебѣ это большая коммиссія: легче-бъ написать цѣлую статью. и, вѣрно, забудешь и не напишешь; но утѣшь же меня, Александръ, я въ горѣ. Авось ли не отниметъ ермолку, или я отдамъ ее ей съ тѣмъ, чтобы она носила ее!

Витбергу не нравится начатая повѣсть, а мнѣ кажется только, она нѣсколько мрачна. Впрочемъ, я боюсь сказать тебѣ рѣшительно: гдѣ ты. тамъ для меня все совершенно, превосходно. изящно, и потому, можетъ быть, думая нѣсколько дней о твоей повѣсти, я не нашла въ ней даже того, что бы могло не понравиться Витбергу. и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы ты окончилъ ее. «Онъ сжегъ тѣло, пепелъ въ урнѣ, и это все, что есть у него на свѣтѣ. Онъ любитъ этотъ пепелъ, не можетъ жить безъ него». Какъ тутъ хорошо! Эта любовь къ праху! Но можно-ль любить тѣло, не знавши души? Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ! Если-бъ я тебя не знала никогда и увидѣла бы твой портретъ, неужели бы я не посвятила, не посвятила всей жизни на то, чтобы *найти* тебя? Неужели бы у меня было другое сокровище, кромѣ твоего портрета, другое чувство, кромѣ любви къ твоему образу? Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нравится, окончи эту повѣсть, ежели не отсовѣтуетъ тебѣ Витбергъ.

Послушай, Александръ; меня терзаетъ, наводитъ ужасъ на меня мысль, что есть существо, которому сказать обо мнѣ все равно, что дать рюмку яда... Я содрогаюсь. Это облако, это туманъ. Предпочитать раю то, что нанесетъ. можетъ быть, смерть несчастной? Скажи, нѣтъ ли средства, нельзя ли какъ, чтобъ мы познакомились съ нею, чтобъ она полюбила меня (о себѣ я не говорю, я уже люблю ее много за ея несчастье, за любовь къ тебѣ, за ея страданія), чтобъ она нашла во мнѣ друга, повѣрила свою душу. и тогда ей, можетъ быть, легче будетъ перенести, можетъ быть, она не будетъ такъ несчастна тогда. Если ей лучше? Ты писалъ, что она больна. Я сравниваю ее съ собою, и ты можешь вообразить, легко ли мнѣ.

25, пятница. Мед. не идетъ у меня изъ головы. Непремѣнно, непремѣнно нужно, чтобы прежде, нежели она узнаетъ, что ты любишь меня, чтобъ она видѣла меня: прежде не говори ей, ради Бога. Не правда ли, мой Александръ, мы не можемъ быть счастливы совершенно, то есть спокойно наслаждаться счастьемъ прежде, нежели Мед. не будетъ спокойна? Это главное, о чемъ ты долженъ стараться. Согласіе *нашихъ* это ничего передъ этимъ: тамъ одинъ капризъ, тутъ истинное чувство. Вотъ два существа, которымъ Провидѣніе нанесло удары мною: Ег. Ив. и Мед.: теперь и впередъ должно стараться облегчить ихъ участь. но для перваго я не могу ничего, а Мед., мнѣ кажется, я могла-бъ утѣшить, кажется! Или если-бъ она уѣхала... Но развѣ это можетъ ослабить, уменьшить любовь? Мнѣ грустно. Александръ! Но какъ и что бы ни было, я люблю тебя, боготворю. Мнѣ бъ сладка была и смерть отъ руки твоей. Этотъ годъ смоетъ твой посту-

покъ. Мед. выздоровѣетъ тѣломъ и душою, и тогда мы не позавидуемъ раю и рай позавидуетъ намъ. Другъ мой, милый мой Александръ, будь веселъ и покоенъ для твоей Наташи, для будущаго.

27, воскресенье. Скажу съ тобою хоть слово, ангелъ мой! Сжато сердце. Экипажи готовы, отправляемся въ Москву. Но что найду я тамъ? Кто встрѣтитъ меня? Пуста, мертва и холодна для меня Москва; она чужая мнѣ. О, если-бъ я также собиралась въ путь, путь дальній и туда, гдѣ средь стужи и снѣговъ цвѣтетъ моя весна, гдѣ средь мрака и тумана горитъ мое солнце, туда, туда... гдѣ мой Александръ, гдѣ мой ангелъ! Жизнь моя, душа моя, мой Александръ, — болѣе ни слова... Ангелъ мой, цѣлую тебя, цѣлую.

Какое мрачное впечатлѣніе сдѣлала на меня участь Эсмеральды! Столько любви, столько высоты и поэзіи, и награда — одинъ позоръ! А Клодъ Фролло? Я отдыхала нѣсколько дней, прочитавъ его: впечатлѣніе такъ сильно и теперь содрогаюсь при воспоминаніи — horrible, horrible! Тутъ много страшнаго, мой ангелъ; я никогда ничего подобнаго не читала.

Я думаю, ты получилъ черезъ папеньку записку мою. Онъ самъ велѣлъ мнѣ написать. Какъ это непріятно обманывать и притворяться, хотя необходимость, но я краснѣла, писавши ее, унизилась въ собственныхъ глазахъ, и мнѣ такъ казалось трудно и мудрено написать тебѣ, какъ будто въ первый разъ. Можетъ, и тебѣ оно непріятно, такъ ты прости меня, ангелъ мой, — необходимость, необходимость! И ты будешь отвѣчать на нее. На что же мы должны обманывать?

Сентября 29, Москва. Третій день въ Москвѣ... Много встрѣчъ, свиданій, но все это холодъ, все чужое, все утомляетъ меня ужасно, и ни минуты свободы! Я утомилась, отдохну съ тобою, ангелъ мой. 4 мѣсяца я привыкла видѣть однообразное движеніе, слышать одинаковые звуки (т. е. не слыхать и не видать), не дѣйствовать, не быть участницей въ *ихъ* кругѣ, а теперь необходимо и слушать, и смотрѣть, и дѣйствовать. Это совершенно ужасно! Люди, утопая, уничтожаясь сами въ пустомъ шумѣ, въ пустой дѣятельности, исторгаютъ и меня изъ стройнаго свѣтлаго міра и безжалостно обрываютъ мои мечты. Все такъ странно, дико, я чего-то робѣю, что-то страшно мнѣ, прибѣгаю къ тебѣ, спаситель мой, источникъ жизни, блаженства и любви! Съ какою жадностью взялась я за перо!.. О, Александръ, Александръ, ангелъ мой, на что жъ такъ пусто, такъ темно вокругъ меня, на что такъ холодно? Въѣзжая въ Москву, я уже почувствовала какую-то боль, ознобъ, и однѣ Крутицы, которыя чуть виднѣлись, повѣяли на меня роднымъ тепломъ, и онѣ мнѣ больше сказали, нежели люди. Вообрази и теперь меня отрываютъ и опять должна разстаться съ тобою... Съ неудовольствіемъ собиралась я къ Пасакинымъ, но вдругъ пришла мысль послать къ маменькѣ, что я буду тамъ, и назначить у нихъ rendez-vous. Она очень недовольна тобою и велѣла повторить, чтобъ ты никакъ не открывалъ *имъ* теперь, что она совершенно противъ этого. И справедливо: это не поможетъ, но еще болѣе повредитъ, вооружитъ ихъ. Я долго сама размышляла и находила истинно-невозможнымъ и рѣшительно безполезнымъ, но вдругъ среди этихъ темныхъ размышленій, гдѣ такъ много и людей и ихъ злобы, блеснула мысль *ѣхать къ тебѣ* съ маменькой. Встрепенулось сердце при этой мечтѣ. Что мнѣ люди, что ихъ сужденія, ихъ злоба, ихъ угрозы? Я бы поѣхала къ тебѣ, я бы забыла весь свѣтъ, но — если и узнаютъ, не пустятъ. Не могу спокойно вообразить, что нынѣшнюю зиму маменька къ тебѣ поѣдетъ, а я нѣтъ. Ангелъ мой, Александръ, жизнь моя, на что же ты такъ далеко отъ меня? Не даль, не версты раздѣляютъ, а люди.

Но ты обѣщалъ мнѣ быть твердымъ, я обѣщала тебѣ быть твердой, — исполнимъ же нашъ обѣтъ!

Свиданіе съ маменькой отогрѣло меня, мы долго были однѣ, много говорили о тебѣ, и чего же мнѣ болѣе желать въ разлукѣ съ тобою? Но сколько бы я ни говорила о тебѣ, съ кѣмъ бы ни говорила, никогда не нахожу такого полнаго, святого наслажденія, какъ остаюсь одна съ тобою! Все не такъ говорятъ о тебѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось, обыкновеннымъ голосомъ, обыкновенными словами... Не того, не того ищетъ, жаждетъ моя душа! Прощай, ужъ за полночь, надо ложиться. Ангелъ мой, цѣлую тебя.

30-е. Ахъ, если-бъ я поѣхала къ тебѣ! Когда маменька сказала мнѣ, что она зимою поѣдетъ, а мнѣ *невозможно*, я заплакала, какъ ребенокъ, и склонила голову къ ней на плечо, но вижу сама, что невозможно, — знаешь ли, что будетъ, если узнаютъ? К[нягиня], опомнившись, запретъ меня, и я не буду даже имѣть возможности получать твоихъ писемъ, не только писать. И сегодня, что мнѣ досталось за то, что я съ маменькой была въ другой комнатѣ! Боже! до какой степени низки, жалки эти люди! Но ты не повѣришь, ангелъ мой, съ какимъ терпѣніемъ, удовольствіемъ я все переношу. Любить *такъ, такъ* быть любимой и видѣть, какъ далеки люди понять насъ, какъ они бросаютъ вверхъ грязь и сами же ею покрываются, переносить за то, что мы свѣтлы, высоки,— это наслажденіе!

Да вотъ еще замѣчаніе. Еще можно-бъ было рѣшиться открыть имъ, если-бъ маменька была не противъ этого и если-бъ мы переписывались черезъ почту прямо, а то, согласись самъ, положеніе Е. И. пренепріятное. Господи! Господи! Ты далъ мнѣ *его*, онъ спасъ, воскресилъ меня, онъ далъ мнѣ жизнь, душу, все,— не отнимай же, Боже, жизни моей, не отнимай рая души моей!

Ну, прощай, ангелъ мой, я страхъ какъ тороплюсь. Не ужасно ли и это: ничего не дѣлать и не имѣть минуты посвятить тебѣ? Но, вѣдь, ты любишь меня, божество мое! Прощай, всѣмъ сердцемъ, всею душою обнимаю тебя и цѣлую, цѣлую.

Твоя *Наташа.*

Сейчасъ былъ папенька. Мы оставались долго одни. Приказываетъ повиноваться, слушаться к[нягини] и М. С. Я всегда при немъ ужасно робка. Не безпокойся о томъ, что я тебѣ писала: это одни предположенія, пустяки. Еще прощай, еще цѣлую.

Ахъ, Полинѣ. Полинѣ не забудь кланяться, не обыкновеннымъ поклономъ, а поклономъ души, понимающей все прекрасное и изящное.

Сентября 21, Вятка.

Другъ мой, вотъ нѣсколько уже дней меня томитъ и мучитъ злобный демонъ. Онъ сталъ было рѣже посѣщать мою душу, но возвратился опять со своимъ ядовитымъ дыханіемъ. Люди — ты еще не знаешь, что это за отвратительное чудовище люди — о, не знай ихъ! Пусть твоя душа всю жизнь знаетъ одного Бога и того человѣка, котораго Онъ тебѣ далъ; не знай толпы съ ея низкими страстями. Ты знаешь, какъ отъ дыханія тускнѣетъ свѣтлое зеркало, такъ и чистая душа тускнѣетъ отъ дыханія толпы. Я смотрю на нихъ и думаю, да въ самомъ ли дѣлѣ они существуютъ, или только призраки уродливые, каррикатуры? Всякій, кто станетъ выше толпы, тотъ врагъ ея, того толпа побьетъ кам-

нями, тотъ попадаетъ въ очарованный кругъ, изъ котораго выйти не можетъ, ломаетъ свою душу, влечетъ въ гибель съ собою все, близко подходящее къ нему, и толпа хохочетъ, аплодируетъ и мечетъ грязь ему въ лицо. Одна связь съ небомъ— любовь. Человѣкъ — падшій ангелъ, Люциферъ, ему одна дорога къ небу, къ земному раю, это любовь; это самоуничтоженіе двухъ въ одну душу, это то, что мнѣ раскрыла ты, ангелъ, ты, достойная примирить человѣчество съ Богомъ. И притомъ еще я, очищенный твоею любовью, когда взгляну на себя,— сколько во мнѣ эгоизма! Эгоизмъ — это проказа, это чума душъ человѣческихъ, остатокъ паденія, прямое наслѣдство Люцифера. Наташа, Наташа, твое присутствіе мнѣ необходимо, я избитъ судьбою, избитъ людьми, вся душа въ рубцахъ, все сердце въ крови, ты одна можешь уврачевать, одинъ взглядъ — и кончено, я забуду людямъ обиды, которыми они осыпаютъ меня ежедневно. Можетъ, судьба и возвратитъ меня спустя годъ!

Твоихъ писемъ съ Макаровымъ я еще не получалъ, ибо онъ не пріѣзжалъ, а на-дняхъ будетъ; жду ихъ, какъ узникъ вѣсти о свободѣ.

Въ прошедшихъ твоихъ письмахъ было написано, — ты писала ими то, что для Emilie кажется ужасно положеніе наше, когда я возвращусь, ежели оно останется то же, а тебѣ не кажется оно ужасно. Да, я увѣренъ въ этомъ, я знаю твою душу, она выше земной любви, а любовь небесная, святая не требуетъ никакихъ условій внѣшнихъ. Знаешь ли ты, что я доселѣ не могу думать, не отвернувшись отъ мысли о бракѣ? Ты моя жена! Что за униженіе: моя святая, мой идеалъ, моя небесная, существо, слитое со мною симпатіей неба, этотъ ангелъ — моя жена! Да, въ этихъ словахъ насмѣшка. Ты будто для меня женщина, будто моя любовь, твоя любовь имѣетъ какую-нибудь земную цѣль! О, Боже, я преступникомъ считалъ бы себя, я былъ бы недостоинъ твоей любви, ежели-бъ думалъ иначе; тѣснѣе мы другъ другу принадлежать не можемъ, ибо наши души слились, ты живешь во мнѣ, ты — я. Но ты будешь моей, и я этого отнюдь не принимаю за особое счастье, это — жертва гражданскому обществу, это — оффиціальное признаніе, что ты моя — болѣе ничего. Упиваться твоимъ взглядомъ, перелить всю душу, не говоря ни слова, однимъ пожатіемъ руки, поцѣлуй, которымъ я передамъ тебѣ душу и выпью твою, чего же болѣе? Отчего же Emilie съ ея душою такъ поверхностно поняла любовь, она— любившая!..

Повѣсть я началъ и написалъ IV главы. Тамъ являются двѣ женщины на сцену. Елена, которой я придалъ характеръ Медв., это женщина земная, это любовь матеріальная, доведенная до поэзіи, но до поэзіи земной, и княжна, которой я нѣсколькими чертами далъ твой божественный характеръ, гдѣ уже и слѣда нѣтъ земли, гдѣ одно небо, и небо яхонтовое, небо Италіи. Но все это набросокъ. Впрочемъ, ты тамъ найдешь толпу выраженій изъ нашихъ писемъ. Прощай покамѣстъ, буду ждать писемъ; мнѣ крайняя нужда въ нихъ, чтобъ забыть людей.

23 сентября. Макарова нѣтъ, и я грустенъ и утомленъ, ничего болѣе теперь не напишу. прощай, мое другое «я», нѣтъ, не другое «я», а то же самое. Мы врозь не составляемъ «я», а только вмѣстѣ. Прощай, свѣтъ моей жизни!

Ежели ты не читала *Мечты и жизнь* Полевого, то попроси, чтобы Егоръ Ив. досталъ ихъ тебѣ. Тамъ три повѣсти: *Блаженство безумія*, *Эмма* и *Живописецъ*, и всѣ три хороши, очень хороши. Цѣлую твою руку.

Александръ.

Ангелъ... ангелъ! Нѣтъ, я не могу выразить, какъ бы я назвалъ тебя: все то, что выражается въ звукахъ музыки; все то, что видишь при захожденіи солнца, при взглядѣ на луну,—все то сплавь въ одно, и все это едва выразитъ тебя. Наташа, нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ, земля недостойна такого чувства, какъ твоя любовь.

Я никогда не плачу, но я плакалъ, читая твои послѣднія письма, и это были слезы восторга; о, какъ счастливъ я былъ съ этими слезами! Посмотри на меня, вотъ твой Александръ, со слезами на глазахъ, прижимаетъ твою руку къ своему сердцу, которое бьется такъ сильно, сильно любовью къ тебѣ. Я былъ раздраженъ людьми (какъ писалъ къ тебѣ въ прошлой запискѣ) и вдругъ два письма (одно отъ 26 августа, другое отъ 3 сентября), и все исчезло, и я плакалъ отъ восторга, и это лучшая моя молитва Богу, моя благодарность Промыслу за то, что онъ далъ мнѣ потерянный рай. Что былъ бы я безъ тебя? Я гордъ, самолюбивъ, страсти мои дики, я погибъ бы въ борьбѣ съ людьми или сдѣлался бы эгоистомъ; дружба не могла бы измѣнить меня, а ты явилась и повела, куда же?—въ царство небесное. О, Наташа! Не много буквъ въ этомъ словѣ, но въ немъ все, въ этомъ восклицаніи; твое имя замѣняетъ мнѣ весь языкъ человѣческій. Пойми его, ты поняла его, поняла, ты знаешь, что значитъ это слово Александръ. Милый другъ мой, я сойду съ ума отъ счастья; всякій день я сливаюсь болѣе и болѣе съ тобою. Что, ежели бы мы могли составить одного человѣка? Нѣтъ, это скверно, я хочу пить свѣтъ изъ очей моей Наташи; этотъ свѣтъ снесенъ ею оттуда.

Когда Данте терялся въ обыкновенной жизни, ему явился Виргилій и рядомъ бѣдствій повелъ его въ чистилище; тамъ слетѣла Беатриче и повела его въ рай. Вотъ моя исторія, вотъ Огаревъ и ты.

Знаешь ли ты, что опять есть надежды, и надежды большія? Егоръ Ив. можетъ разсказать тебѣ. Можетъ, гораздо менѣе году остается до свиданія. О портретѣ буду хлопотать; вѣроятно, Витбергъ не откажетъ, но совѣстно просить его; но будь увѣрена, что, ежели есть возможность, мой портретъ еще лучше того, которой у папеньки, будетъ у тебя, потому не хлопочи о дурномъ портретѣ. Но кто же напишетъ твой портретъ? Этого я Литунову [?] не довѣрилъ бы: высокъ долженъ быть душою человѣкъ, который дерзнетъ на бумагѣ повторить твои божественныя черты, это могъ бы сдѣлать Рафаэль, понявшій мечтою Мадонну.

Ты рада, что я болѣе сижу дома. Однакожъ, не воображай, что въ самомъ дѣлѣ я не выхожу никуда; цѣлое утро въ канцеляріи, обѣдаю почти черезъ день у губернатора, а тамъ иногда и вечеръ гдѣ-нибудь, но только по необходимости. Когда я прочелъ твои письма, я не могъ сидѣть дома, все кипѣло, я опять былъ юноша, горѣлъ жизнью, поскорѣе одѣлся я и пошелъ гулять. На все смотрѣлъ я сильнѣе, повторяя въ памяти всѣ выраженія твои, и, наконецъ, отправился къ Полинѣ подѣлиться счастьемъ. Трудно удержать въ груди восторгъ. И знаешь ли, что болѣе всего привело меня въ восторгъ въ твоихъ письмахъ? Это то мѣсто, гдѣ ты говоришь, что, можетъ, иногда середь людей я задумаюсь, и не велишь сказывать, а велишь тебя спросить о причинѣ. Послушай, въ этихъ нѣсколькихъ словахъ твоихъ для меня вся ты съ этою совершенною преданностью и этимъ самоуничтоженіемъ во мнѣ.

Водо тебѣ въ женихи, ха, ха, ха!... Un homme comme il faut c'est à dire, comme il n'en faut jamais. Это умора! И неужели онъ смѣетъ думать? Да онъ послѣ этого дуракъ. Смѣлъ ли когда-нибудь червякъ просить Бога, чтобъ Онъ ему далъ

въ подруги лучшее свое твореніе, своего любимаго ангела, мою Наташу? Нѣтъ, не вѣрю, это на него выдумали: такой гигантской мысли не заронится въ голову столоначальника и титулярнаго совѣтника Октавія Тобіевича Водо.

Еще разъ о Мед. Наташа, Бога ради, не старайся заглушить голосъ совѣсти во мнѣ. Мой поступокъ черенъ. Она страдаетъ,—это ужасно! И гдѣ-жъ справедливость? Богъ даетъ мнѣ ангела за то, что я погубилъ женщину. Чѣмъ это все кончится,—не знаю, но предчувствіе не къ добру. Ахъ, по крайней мѣрѣ, хоть бы она или я уѣхали отсюда! И я, — всѣ шутки въ сторону, — былъ не доволенъ твоимъ выраженіемъ: «ты можешь въ ея глазахъ загладить свой поступокъ». Или ты это, не думавши, писала, или я дивлюсь, какъ такой вздоръ взошелъ тебѣ въ голову. Она любитъ въ самомъ дѣлѣ, и, слѣдственно, одна любовь можетъ принести ей облегченіе, а не *оправданіе*. Любовь земная сильна, она тѣмъ болѣе жжетъ, что у ней нѣтъ другого міра, куда удалиться отъ зла земли. Ты, мой ангелъ, говоришь, что любила бы всякую, мечтавшую обо мнѣ; она терзается, зачѣмъ я такъ близокъ съ Полиной. Впрочемъ, я все дѣлаю, я намекалъ даже на тебя, я говорилъ, что она должна забыть меня для дѣтей своихъ, но доселѣ что-то все это не очень успѣшно.

Итакъ, Саша и Костя мои агенты; благодарю ихъ теперь словомъ, а въ послѣдствіи — дѣломъ. Я какъ будто предчувствовалъ это, написавъ имъ поклонъ.

Emilie не вѣритъ вполнѣ моей любви; я понимаю, какое она право имѣетъ на сомнѣніе, и не сержусь. Но скажи твоему другу Сашѣ Б., что мы поняли другъ друга, что она должна быть высока, будучи другомъ тебѣ и пламенно вѣря въ любовь нашу. Мнѣ хочется ее видѣть: я люблю сильныя души. Найдетъ ли она любовь на землѣ? Безъ любви жизнь дѣвушки безсмысленна, это солнце безъ свѣта, неконченный аккордъ въ музыкѣ. Благодарю тебя за то, что ты поправила мою ошибку и отстранила Мар. Ст. отъ насъ. Я душевно смѣялся, какъ она читала записку за французскіе стихи и какъ она ненавидитъ меня изъ патріотизма. Ну, покамѣстъ довольно. Иду спать. Прощай, можетъ, въ одно время во снѣ ты увидишь меня, а я тебя, тогда наши души вмѣстѣ, сливаются, цѣлуются... Ахъ, иногда какъ бы хотѣлось продлить сонъ! Прощай, вѣроятно, ты давно покоишься, ангелъ мой,—уже второй часъ. Зачѣмъ не на груди твоего Александра, зачѣмъ?

Ты доселѣ восхищаешься *Легендой*. Мысль ея хороша, но выполненіе дурно, несмотря на всѣ поправки; ее еще надобно передѣлать. «Германскій путешественникъ» сразу написалъ лучше. Не знаю, что-то съ новою повѣстью будетъ; нѣкоторыя мѣста хороши.

Ты спрашиваешь о твоемъ кольцѣ; я, кажется, тебѣ писалъ, что я его уронилъ въ щель на станціи въ Нижегородской губерніи. Мнѣ его смерть жаль до сихъ поръ, но, вѣроятно, судьба хотѣла, чтобъ не это кольцо было твоимъ знакомъ на моей рукѣ, оно было подарено до 9-го апрѣля. Тебѣ кольца я не пошлю до тѣхъ поръ, пока они не узнаютъ.

29 сентября. Рѣшено, у тебя будетъ превосходный портретъ. Я хотѣлъ его доставить къ твоему рожденію, но это врядъ возможно ли, ибо сегодня только Алекс. Лавр. я упросилъ, а тяжелая почта ходитъ 14 дней.

Я писалъ маменькѣ, чтобъ тебѣ доставили бѣлый палатинъ; мнѣ они очень нравятся; не знаю, будетъ ли исполнено. Прощай, мой ангелъ. Ты права, что смерти бояться нечего: тамъ-то и начнется жизнь настоящая, тамъ ты можешь

быть еще изящнѣе; здѣсь ты достигла верхъ земнаго изящества. Прощай, цѣлую тебя много и много.

Твой и за гробомъ *Александръ.*

Преуморительная записка въ папенькиномъ письмѣ, ха. ха, ха! Помилуйте-съ, Наталья Александровна, не стóитъ благодарности.

---

4 октября, Москва.

Что, ангелъ мой, что затмило твою душу? Люди—толпа, забудь ихъ, забудь. Ужель они имѣютъ столько силы, чтобъ мучить, томить тебя? Я чувствую, ты боленъ. Но эта любовь, эта душа, все существо, полное одной любви къ тебѣ, созданное для одного тебя, ужели оставляютъ въ твоемъ сердцѣ мѣсто земной скорби? Отвернись отъ нихъ, посмотри сюда, въ эту душу, здѣсь твое небо, и оно ясно и чисто, здѣсь блаженство твое, и оно велико, безпредѣльно, и все это твое, твое! Отдохни на этой груди, гдѣ только Богъ и ты. О, если-бъ ты зналъ, какъ больно мнѣ такое состояніе твоей души! Лучше-бъ я сама вынесла жестокую болѣзнь, лучше-бъ... До завтра, ангелъ мой, прости! Въ тяжкую минуту давеча получила твое письмо и еще тяжеле стало.

5, понедѣльникъ. Вчерашній день былъ тягостенъ. Но ты скажешь: «могутъ ли у тебя быть тяжелые дни?» Могутъ, ангелъ мой, и вотъ почему. Когда отъ тебя долго нѣтъ писемъ, я больна, и единственное лекарство и отрада—уединеніе. Я одна—и все земное исчезаетъ, ты и я одно божество, одинъ ангелъ, и любовь, какъ небо, обнимаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, тогда не надо ни портрета, ни писемъ, безъ нихъ мы такъ ясны, такъ близки, такъ глубоко въ тебѣ. Непродолжительны минуты этого божественнаго восторга, минуты не здѣшней жизни (и я бы не могла послѣ нихъ жить на землѣ, душа не возвратилась бы уже въ мрачную темницу, не облеклась бы въ тяжкія оковы), но онѣ оставляютъ въ душѣ надолго свѣтъ, и земная боль долго не доступна ей. Не получая отъ тебя писемъ отъ 6 сентября, я утомилась и искала минуты отдыха, жаждала капли отрады и, вмѣсто того, вообрази, кругомъ меня люди, говорятъ мнѣ, смотрятъ на меня... мученье! О, если-бъ тутъ былъ твой портретъ, или хоть бы черта твоей руки, я-бъ потонула въ ней, и ничей голосъ, ничей взоръ не досталъ бы меня въ ней; но у меня ничего не было и мнѣ было больно и слушать, и смотрѣть, и день былъ тяжелъ. Но вдругъ твое письмо!.. Мое присутствіе заставитъ тебя забыть людей и ихъ обиды, уврачуетъ больную душу твою... Зачѣмъ же, другъ мой, ты отнялъ у меня мысль идти къ тебѣ? Что тутъ невозможнаго? Давно бы я была на половинѣ дороги, а теперь Богъ вѣдаетъ, когда увидимся: я знаю навѣрное, что не поѣду съ маменькой. И какъ рвется къ тебѣ душа, и какъ тяжко!.. Но послушай, ты знаешь самъ, что мы будемъ вмѣстѣ (и скоро, можетъ быть), что ничто на свѣтѣ воспрепятствовать этому не можетъ, что ты любимъ такъ, какъ ни одинъ смертный не былъ и не можетъ быть любимъ, что во мракѣ будущаго сіяетъ звѣзда славы... Оставь же, другъ мой, ропотъ твой, тебѣ уже многое дано, ввѣрься же Провидѣнію. О, сейчасъ бы, сію минуту летѣла, бѣжала бы къ тебѣ! Я бы заградила своею душой этихъ чудовищъ, утолила бы жажду твоей души питьемъ небеснымъ, сама бы излилась въ нее любовью, но еще рано это блаженство, еще мы не совершенны, и потому неси крестъ мой, Александръ! Ну, посмотри, какъ радостно сіяетъ мое лицо подъ этимъ бременемъ, и тяжесть его не перевѣшиваетъ вѣры моей; твою душу что же можетъ

колебать? Обиды? Я уже сказала тебѣ, это грязь, они бросаютъ въ тебя ее, но ты высоко, грязь не достаетъ тебя и падаетъ на нихъ же. И какъ же мнѣ не быть счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ? Ни люди, ни ихъ злоба мнѣ не знакомы, я боюсь понять толпу съ ея ничтожествомъ, меня ужасаетъ малѣйшее пятно въ существѣ, созданномъ по образу и подобію Его, мнѣ становится тяжело: будто оно пятнаетъ самое меня, и одно спасеніе — бѣгу къ тебѣ, бросаюсь въ волны твоей любви и долго боюсь обратиться на нихъ. Потому-то я и люблю такъ быть одна; тутъ ужъ пылинки нѣтъ. О, какъ хорошо тогда!

6, вторникъ. Другъ мой, не вини Эмилію. Она боится за меня твоего возвращенія, и это не означаетъ, что она поверхностно поняла любовь, но что она извѣдала до дна людей, ихъ злобу и несчастье. Развѣ намъ легко будетъ въ минуту свиданія остановиться въ 10 шагахъ другъ отъ друга? Два года стремившись безпрерывно другъ къ другу, не замѣчая ни колючихъ терній, ни острыхъ камней, которыми усѣянъ путь нашъ, не чувствуя ранъ, которыми они покрыли насъ, кровь льетъ, мы истерзаны, но до того-ль? Вѣдь, мы идемъ другъ къ другу, и чѣмъ больше ранъ, чѣмъ сильнѣе страданіе, тѣмъ ближе мы, и зато мы любимъ наши раны, наше мученье, и вдругъ... Боже! Александръ! Перенесу ли я, чтобы, увидѣвъ тебя, остановиться? Если перенесу, это будетъ новый опытъ душевной силы: но ты скажешь: «на что-жъ остановиться?» И я скажу: на что, на что? Если бы люди могли *только* умножить раны, прибавить мученья, но, ангелъ мой, вѣдь они *могутъ* опять насъ разлучить, и это не будетъ разлука двухъ, они въ другой разъ разорвутъ одно сердце! Эмилія права! Но мнѣ прости эту мысль, Александръ! Въ ней не видно неба... но она уже, повѣрь, исчезла. Нѣтъ, нѣтъ, никто не можетъ противиться намъ, устрашить насъ, ничто не можетъ заставить меня остановиться, когда увижу тебя: тогда все будетъ забыто, все исчезнетъ, если не превратится въ одинъ гимнъ, въ одну гармонію, въ одинъ аккордъ!

Свѣча гаснетъ, цѣлую тебя и ложусь. Прощай.

7-е. Говорятъ, сегодня оказія, хоть одно слово, ангелъ мой! Вотъ что пришло мнѣ въ голову. Я не поѣду къ тебѣ, это вѣрно; если-бъ можно было, чтобы Эмилія навѣстила тебя съ маменькой! Она правый глазъ мой. Напиши мнѣ на это свою мысль. Обнимаю, цѣлую тебя, Александръ мой, мой ангелъ, моя жизнь, душа моя! Спѣшу, прощай.

Твоя *Наташа.*

10 октября. Душа моя такъ полна, такъ полна... божусь тебѣ, ангелъ мой, нѣтъ словъ! Получила твое письмо отъ 29 сентября. Нѣтъ, Александръ, не могу выразить ничего... Когда *ты* плачешь отъ восторга, получая мои письма, вообрази-жъ меня, и къ тому надежда и портретъ!.. Вдругъ такъ много блаженства; другая бы не вынесла. Но я уже боюсь вѣрить обѣщаніямъ, мы такъ ужасно были обмануты, но душа опять полна тѣмъ трепетнымъ ожиданіемъ, волненіемъ, которое не можетъ замѣнить никакое спокойствіе души. Можетъ, эта надежда мнимая, но уже для меня все перемѣнилось, все посвѣтлѣло, все наполнилось ожиданія... Ахъ! когда же, когда же, когда же?.. Александръ, неужели кто-нибудь достоинъ будетъ быть при нашемъ свиданіи? Когда я ни при комъ не распечатываю твоихъ писемъ, никто недостоинъ въ это время быть со мною, а тогда, тогда!.. О, ангелъ мой, мнѣ кажется, обнявшись въ первый разъ, не только души наши будутъ высоко отъ земли, но и тѣло наше поднимется на воздухъ. И въ

какомъ восторгѣ я отъ портрета и отъ того, что онъ будетъ писанъ Витбергомъ? Я имѣю къ нему безпредѣльное уваженіе. О, Александръ, какъ я счастлива и сколько благодарна Александру Лаврентьевичу! Теперь скорѣе просить прощеніе за выраженіе, что ты можешь загладить свой поступокъ въ глазахъ Мед. Какая глупость! Какая нелѣпость! Не могу сама понять ничего въ этихъ словахъ, на что это похоже; даже не помню, какъ я это писала, ужъ, конечно, не думала этого, выбрось это и забудь, ради Бога; вѣрно, писавши это, я слышала голосъ М. С. и шаги кн[ягини]. Какъ досадно, я ужасно сердита на себя! Оправданія— любви! Другъ мой, забудь, забудь, прошу тебя; нѣтъ, я вовсе такъ не думаю!

Завтра оказія, хочется писать къ тебѣ, а тутъ нельзя, силъ нѣтъ! И я еще не опомнюсь отъ восторга; рука дрожитъ. Прощай пока, мое небо, мой рай.

Мнѣ столько же хочется, чтобы у тебя былъ мой портретъ, сколько хотѣлось имѣть твой, но здѣсь нѣтъ другого Витберга; желаніе невозможное, но какъ бы хорошо, если бы онъ снялъ первый портретъ съ меня! Къ Литунову [?] я не имѣю большой довѣренности. Впрочемъ, тебѣ надо попенять, на что ты воображаешь такъ много о моемъ лицѣ. Я совсѣмъ не хороша (не обижайся, я говорю безпристрастно) и, сверхъ того, очень перемѣнилась послѣ 20 іюля 1834 г., и иногда это меня ужасно сердитъ не за себя, но я бы желала, чтобы *твоя* Наташа во всемъ была совершенство и красота, и есть многія лица, съ которыми бы я помѣнялась.

Получа письмо, ты бѣжишь къ Полинѣ дѣлить радость, со мною же никого нѣтъ, и я ищу тогда небо и дѣлюсь съ Богомъ, и повѣришь ли, въ состояніи цѣлый день пробыть на землѣ, не помня и не думая о ней, и, если бы со мной была Саша или Эмилія, я бы не могла сказать имъ ни слова, но увѣрена, что отъ одного взгляда на меня, отъ одного прикосновенія ко мнѣ въ ту минуту все существо ихъ просвѣтлѣло бы и исполнилось благоговѣнія; такъ очищаютъ, такъ освящаютъ меня твои письма. Для Эмиліи кончено все, она отжила на землѣ, а Саша... съ ея душою... но она говоритъ мнѣ часто: «Увѣряю тебя, Наташа, что я никогда не буду любима и любить не могу; *вѣдь, на землѣ нѣтъ другого Александра!*» И она права! Права — у нея два чувства: любовь къ отцу и дружба ко мнѣ.

Всѣ эти дни я ждала къ себѣ маменьку, а теперь еще съ большимъ нетерпѣніемъ: она разскажетъ мнѣ о *надеждѣ*. Ахъ, если она совершится, если скоро, скоро... да ужъ ничего не скажу. Нѣтъ, каково это? У меня будетъ образъ Александра! Да, Александра, лучшаго созданія Божьяго, единственнаго моего спасителя, моего ангела,—ну, словомъ, Александра! Я его не повѣшу на стѣну, чтобы *всякой* видѣлъ,—о, нѣтъ, это будетъ награжденіемъ добродѣтели, а сама я... о, Александръ! вообрази все самъ...

Да, можетъ быть, я похожа на Дантову Беатриче, но на тебя, мой ангелъ, божусь моей любовью, никто не можетъ быть похожимъ, подобнаго никогда Творецъ вселенной не создавалъ, не создавалъ! И я знаю, что ты знаешь это самъ, но не могу вытерпѣть, мое первѣйшее наслажденіе говорить съ тобою о тебѣ, да я бы ни съ кѣмъ ни о чемъ другомъ не говорила, если бы все были достойны этого. Иногда я совершенно ребенокъ, хожу по комнатамъ и вспоминаю, какъ ты бывалъ у насъ, гдѣ сидѣлъ, что говорилъ, все, все, и смѣюсь одна, и готова громко говорить одна, все это разсказываю въ милліонный разъ Эмиліи и потомъ сравниваю *тогда* съ *теперь* и плачу, и смѣюсь, и не знаю что!

10. Я и не хочу, другъ мой, чтобъ ты заперся въ четырехъ стѣнахъ: это невозможно; а радуюсь тому, что ты не будешь искать разсѣянія среди людей!

Служба — это необходимость, быть съ Полиной — высшая необходимость: я знаю, какъ тяжело не имѣть подлѣ себя существа, которому бы можно перелить горе иль восторгъ. Какъ я люблю Полину, какъ бы желала видѣть ее!

Я слышала, Водо и не думаетъ обо мнѣ. Онъ меня не знаетъ, а папенька и Левъ Ал. въ восхищеніи отъ него и отъ воображенія, чтобъ онъ за меня сватался, но и этого бы никогда не было,—онъ ищетъ много денегъ. Смѣшные люди! Превесело смотрѣть, какъ они хлопочутъ, суетятся, стараются, и все изъ-за денегъ, и все секретно отъ меня! Я воображаю, ангелъ мой, какое будетъ ихъ удивленіе.

Бѣлые палатины мнѣ самой очень нравятся, но я никуда не ѣзжу, и напрасно, ежели выполнятъ твое повелѣніе, а портретъ, я думаю, поспѣетъ къ 22. Ангелъ мой, въ какомъ я буду восхищеніи! Только прикажи же, чтобъ непремѣнно его отдали мнѣ, а то папенька скажетъ опять, что мнѣ не надо *сентиментальничать*. Мнѣ кажется, онъ меня не любитъ; я боюсь его ужасно.

Полевого мнѣ обѣщали достать. Да когда же я дождусь хоть одной изъ твоихъ статей?

И я, Александръ, сойду съ ума отъ счастья... о, это ужасно, нѣтъ, нѣтъ! Что же, мы будемъ оба сумасшедшіе? Костенька безъ памяти любитъ тебя и меня, и для нея мы бы были совершенство, если бы не думали *лишнихъ пустяковъ*. Въ вашемъ домѣ все это извѣстно и, вѣроятно, въ другомъ видѣ; начинается маленькая перестрѣлка, а тамъ и громъ пушекъ раздастся. Пусть ихъ, пусть ихъ, на здоровье!

О какъ мы счастливы, Александръ!... Потомъ

Кто не знакомъ съ восторгомъ дивнымъ,
Съ священнымъ трепетомъ души,
Кто звукамъ тайнымъ и призывнымъ
Внималъ съ холодностью въ тиши.
Кто на небесное призванье
Въ груди отвѣта не слыхалъ
И кто въ божественныхъ мечтаньяхъ
Свой идеалъ не создавалъ,
Тому я душу не открою:
Онъ не пойметъ любви святой.
Не подѣлюсь съ его душою
Твоею — какъ небомъ съ землей!
Ему останется все тайной,
Непостижимою во мнѣ,
Какъ край тотъ ясной, но и дальній,
Какъ все въ подзвѣздной сторонѣ.
Тому-жъ, кто самъ звѣздою ясной
Въ душѣ родной ему сіялъ,
Кто все постигъ душой прекрасной,
Любовь волнами изливалъ,
Безъ словъ, лишь взглядъ одинъ я подарю,
Онъ въ немъ прочтетъ тебя,—любовь,
И душѣ больной блаженство вновь
Я этимъ взоромъ отворю.

Ни разу мнѣ не удавалось заняться порядочно; скучно такъ жить, но я буду писать. Вотъ еще образчикъ:

Какъ дивно все Его творенье,
Какъ все изящностью дышитъ
Когда душа въ самозабвеньи
Въ надзвѣздный міръ къ Нему паритъ,

Когда всю землю забываешь,
Нечистоту, коварство злыхъ.
Въ объятьяхъ неба отдыхаешь
И видишь ангеловъ святыхъ.
Какъ полны святостью мгновенья.
Когда живешь на небесахъ,
И какъ высоко наслажденье—
Душѣ у Бога быть въ гостяхъ!
Но ты открылъ своей любовью
Другое небо, другой рай.
Ты поглотилъ твоей душою
Во мнѣ то небо и тотъ край.
За облака меня не манитъ.
Тамъ нѣтъ тебя и пусто все,
Душа на небо ужъ не взглянетъ,—
Въ тебѣ блаженство все ея.
Тамъ гармонія. Но не слыхать
Тамъ музыки твоихъ рѣчей,
Тамъ ярко солнце! Но не видать
Тамъ Александровыхъ очей!
И тамъ была бы сиротою
Твоя Наташа безъ тебя.
Когда же ангелъ мой со мною,—
Богатѣй всей вселенной я!

Ужасно спѣшу, прощай, мой свѣтъ, мой ангелъ! Не хороши эти стихи, но обѣщаю тебѣ лучше, когда будетъ побольше время, а эти я вчера писала отъ 11 до 12, слушая безпрерывное повтореніе: пора спать.

Обнимаю тебя, милый другъ мой. Ахъ, Александръ, какъ весело называть тебя другомъ, ангеломъ, божествомъ!

Москва, октября 12.

Спѣшу подѣлиться съ тобою моею радостью. Какъ я счастлива, Боже, какъ счастлива! Вчера у меня была маменька. Я двѣ недѣли въ Москвѣ и никого не видала изъ *своихъ*, ни съ кѣмъ не говорила отъ души. Маменька-жъ... Тутъ такъ все близко съ тобою, такъ полно тобою, вся ея жизнь въ тебѣ, и кто-жъ лучше пойметъ меня, оцѣнитъ любовь къ тебѣ? Я была въ сильномъ восторгѣ, и она такъ мила, такъ ласкова, съ такимъ участіемъ говорила!...

Я бы измучилась, если-бъ видѣла въ ней малѣйшую тѣнь недовѣренности ко мнѣ. И она будетъ счастлива, будетъ; остальные годы ея жизни будутъ яснѣе, цвѣтущѣе, нежели самая юность ея; не вѣря въ это, я бы не могла быть вполнѣ счастлива. Тутъ и Машенька Эрнъ, тутъ и одна изъ моихъ Сашъ, все это родныя, одна семья, все любитъ меня, все обожаетъ тебя, всѣхъ сердца открыты, всѣ говорятъ о тебѣ, о возвращеніи, о свиданіи, о будущемъ... Нѣтъ, мало и недѣли обыкновенной моей жизни, чтобы заплатить за одинъ такой часъ! И потомъ эта таинственность, часовые, караульные, условные знаки, все это полно преданности, усердія, и потомъ грозный непріятель, его жестокость, его пронырство, и такъ счастливо все кончилось, ни одинъ косой взглядъ не встрѣтилъ насъ. О, ангелъ мой, какъ вездѣ, во всемъ я счастлива, и все это потому, что вездѣ, во всемъ я ношу съ собою сердце, полное тобою и любовью! О, безъ тебя я-бъ стосковалась и въ раю, другъ мой!

13, вторникъ. Теперь я нѣсколько отдыхаю, а то всѣ эти дни была измучена. Сестра Саши въ злой чахоткѣ и сдѣлалась больна при смерти. Она мнѣ

много, много служила, да и при томъ же находила большое утѣшеніе въ моихъ посѣщеніяхъ. Ужасно несносно видѣть такое страданіе человѣка, но можно-ль отказать? А потомъ Саша находила единственное убѣжище и отраду плакать о ней со мною. Умирающая, и слезы безпрерывно были у меня въ глазахъ. Теперь ей лучше и мнѣ лучше. Боже мой! Куда ни оглянись, вездѣ страданія и несчастія, или бѣдность, или болѣзнь, или разлука. И какъ ужасно, когда посланъ крестъ душѣ, не имѣющей силъ нести его, не могущей вполнѣ предаться Его волѣ! Какъ сильна тутъ горесть, какъ сильны страданія! Но что не перенесетъ душа, озаренная вѣрою? Мнѣ бы надо было умереть въ разлукѣ съ тобою, но неся крестъ, изнемогая, я обращаюсь къ Нему, и льется благодать и чаша подкрѣпленья.

Маменька говорила мнѣ о надеждахъ... Нѣтъ, все что-то сомнительно, долго, долго, ангелъ мой, не увижу я тебя, но вѣрь, ужъ мы такъ близки, такъ близки, терпи, другъ мой, сколько зато блаженства: посмотри, посмотри, сколько свѣта въ будущемъ. Теперь ты знаешь, сколько я тебя люблю, тогда-жъ узнаешь еще болѣе: все то, что нельзя выразить словами, для насъ теперь тайна, а въ нашихъ душахъ такъ много невыразимаго земнымъ языкомъ, а тогда все откроется, весь этотъ тайный міръ блаженства, мы вовсе потонемъ въ него, вовсе забудемъ землю; въ немъ, въ этомъ мірѣ нѣтъ даже дверей *туда*, это все одно, и мы нечувствительно переселимся *туда!* О, Александръ, Александръ!...

Какъ-то давно я слышала нѣчто непріятное о маменькѣ. Будто она сомнѣвается, жалѣетъ и прочее, я прямо спросила ее,—и все это вздоръ, глупость, ложь, и теперь у меня нѣтъ ни малѣйшей тѣни... Ангелъ мой, другъ мой, обнимаю тебя!

16-е. Вчера у насъ былъ прежній мой учитель. Я думаю, ты помнишь его, — дьяконъ Павелъ Сергѣевичъ. Вотъ, Александръ, человѣкъ! Вотъ истинный послѣдователь евангельскаго ученія! Я его безмѣрно уважаю. Вообрази, онъ угнетенъ почти всѣмъ на свѣтѣ и никогда я не слыхивала отъ него ни малѣйшаго ропота. Во всѣхъ испытаніяхъ чудное величіе духа и вѣра. Никогда ты не увидишь его печальнымъ. Онъ, смѣючись, говоритъ, что дѣти просятъ хлѣба, а мука вся и негдѣ взять. Многіе, вмѣсто всякаго утѣшенія и вспомоществованія, говорятъ ему: «Какъ ты жалокъ!» — и онъ отвѣчаетъ не признательностью, а большимъ сожалѣніемъ о нихъ. Онъ какъ будто совершенно умеръ для здѣшняго міра и весь живетъ въ мірѣ духовномъ. И какъ ясны и полны его бесѣды; послѣ нихъ, оглянувшись на себя, сколько увидишь темноты и недостатка!

Ты дивишься, что я кротко переношу *ихъ* непріятности и готова имъ многое сдѣлать, многимъ жертвовать, что молюсь о нихъ —слабая черта! Христосъ молился о распявшихъ его, а онѣ — развѣ сдѣлали мнѣ вредъ? Можно ли сердиться, когда въ болѣзни даютъ горькія лекарства? Странное ихъ воспитаніе, горькое, сдѣлало мнѣ много пользы, и *ты его, мой ангелъ, благословляешь.* Я еще роптала, когда не понимала этого, а теперь на все то, что они льютъ на меня горькаго, я смотрю, какъ на лекарство, которое не только теперь, но и впередъ можетъ предохранить меня отъ многихъ болѣзней. Да, ихнее воспитаніе дало то, чего бы не могли дать милліоны, и сколько-жъ я должна имъ быть благодарна, и могу ли жаловаться и роптать? Если-бъ не кн[ягиня], гдѣ бы я была, знала ли бы тебя? Я не договорила, что хотѣла сказать. Надобно дѣлать и находить равное наслажденіе, дѣлавши для друга и недруга, а во мнѣ этого и нѣтъ: дѣлаю для нихъ, нахожу удовольствіе, но все не такое, какъ бы я дѣлала для Emilie или Саши, ужъ не говорю о тебѣ... до этого надо достигнуть.

Двѣ недѣли нѣтъ отъ тебя писемъ Какъ я жду 22, это будетъ почтовый день. О, когда же мы забудемъ почтовые дни, когда они намъ не нужны будутъ? Мнѣ что-то опять иныя минуты бываютъ горьки, очень горьки, только тогда, какъ кругомъ меня люди и нѣтъ никого. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ сдѣлается больно смотрѣть, больно слушать, устану говорить и готова лечь въ постель; но тѣ же часы, когда я съ тобою, о, тутъ совсѣмъ другое! Вообрази, ангелъ мой, я могу нѣсколько часовъ пробыть съ тобою, смотрѣть на тебя, слышать твой голосъ и повѣрять тебѣ всѣ изгибы моей души, и такъ живо, такъ живо... ну, кажется, чего бы еще? Нѣтъ! сонмъ мечтаній улетаетъ, и предо мною опять тянутся тысячи верстъ; опять сердцу грустно, тошно. А знаешь ли, какъ я привыкла дѣлиться всѣмъ съ тобою? Когда мнѣ нужно что-нибудь сдѣлать, и я въ нерѣшимости, тотчасъ воображаю, какъ бы ты велѣлъ мнѣ сдѣлать, и съ слѣпою довѣренностью исполняю.

Послушай, Александръ, другъ мой, не огорчайся ты поступкомъ съ Мед., не упрекай себя. Знаешь ли, можетъ, само Провидѣніе допустило тебя: ты бы могъ возгордиться твоимъ достоинствомъ, высотою и святостью души, и этотъ врагъ опаснѣе: не правда ли? — и, можетъ, ты былъ близокъ къ этому; Провидѣніе послало Мед., и ты смирился, ты съ большею горячностью очищаешь твою душу и становишься еще выше, еще совершеннѣе. И я не постигаю, какъ могла я подняться до того, чтобы такъ много пенять тебѣ, мой Александръ! Другъ мой! Если бы ты столько зналъ себя, тогда бы ты не любилъ меня. Прощай, мой прелестный, дивный, единственный!

20-е. Скорѣе писать къ тебѣ, жизнь моя, — мнѣ грустно. Ты знаешь, что́ для меня Саша Б., и я объ ней пять мѣсяцевъ не слышу ни слова: вдругъ мнѣ говорятъ—отъ нея письмо! Вообрази, цѣлый день ждала, ждала такъ, какъ бы ты ждалъ отъ О. Наконецъ, посылаю за ними, и что же? —они потеряны! Какъ это больно мнѣ, ты понимаешь, и тутъ же я отослала къ ней пукъ своихъ писемъ: можетъ, и они пропадутъ. Потомъ вдругъ получаю письмо отъ Emilie, тоже не радостное... Я такъ скрывала отъ нея объ N, а она знаетъ и это ее должно ужасно мучить. Она идетъ въ монастырь. Какъ терзаетъ меня ея участь. Боже мой, да почему-жъ я не могу облегчить ея страданій и на что же я столько счастлива, чѣмъ выше моя заслуга? Если бы я могла спасти ее! Знаешь ли, мнѣ кажется, она не долго проживетъ на землѣ, горе ея убійственно, страданія безмѣрны и послѣдніе-то дни съ нею нѣтъ меня. Ангелъ мой, Александръ, на что же я такъ счастлива, будто мы не равны съ нею? На что она дожила до измѣны N? И ты еще не знаешь, сколько она несчастлива. Можетъ быть, она пойдетъ въ Кіевъ. Вотъ видишь, если бы ты тогда меня не остановилъ, я была бы у тебя и ее бы довела до Кіева, а теперь—кто ей будетъ спутникомъ? Грустно мнѣ, ужасно грустно: Эмилія несчастна, а мы не можемъ помочь ей.

Однакожъ скоро, скоро четвергъ!

21-е. Сегодня мы были у папеньки. Тамъ твой портретъ, — вотъ все, что влечетъ меня туда. О, какъ *онѣ* милы, какъ я ихъ люблю, когда онѣ ведутъ меня въ гости къ твоему портрету! Вѣдь, я пять мѣсяцевъ не видала, ангелъ мой, твоего образа, пять мѣсяцевъ... а скоро онъ безпрерывно будетъ предъ моими глазами. Завтра, навѣрное, отъ тебя письмо, завтра будетъ у меня маменька, завтра я буду писать къ Эмиліи, къ Сашѣ, къ тебѣ... Ахъ, если бы завтра же и такъ долго жданный, такъ много желанный портретъ! Нѣтъ, этого не будетъ: слишкомъ много такъ вдругъ радостнаго; но, все-таки, я скоро по-

лучу его... Ахъ, Александръ, отъ одной мысли я ужъ готова плакать, внѣ себя. Вообрази, какъ добра маменька: ей все хочется, чтобы *онъ* были со мной снисходительнѣе, или какъ это сказать, и, вообрази, она для этого *сама* будетъ шить ридикюль для М. С.! Впрочемъ, это напрасно: знаютъ ли свиньи толкъ въ бисерѣ?

Давеча, послѣ всенощной, кн[ягиня], поздравляя меня съ наступающимъ рожденіемъ, замѣтила, что, вѣрно, я предназначена къ высокой цѣли, родившись въ день Казанской Божіей Матери. Какъ не ошиблась! Я за то поцѣловала у нея руку.

Итакъ, прощай, милый другъ мой; скоро и 22, а съ нимъ и твое письмо. Того-то и жду я. Прощай.

Октября 10, Вятка.

Наташа! Прежде нежели ты получишь это письмо, у тебя (ежели отдадутъ) будетъ мой портретъ — мой подарокъ въ день твоего рожденія. Сходство разительное, тамъ все видно на лицѣ—и моя душа, и мой характеръ, и моя любовь. Кромѣ Витберга, кто могъ бы это сдѣлать? Витбергъ рисовалъ именно для тебя; ты должна непремѣнно начать какую-нибудь работу именно для него и постарайся, ежели можно, къ 15 января, и что-нибудь *очень* изящное,—посовѣтуйся съ маменькой. Я воображаю твою радость, твои слезы. Я радовался, что черты моего лица выражаютъ столько жизни и восторга, ибо это — черты избраннаго тобою, таковы онѣ должны быть. Это Александръ Наташинъ.

Письмо, писанное предъ отъѣздомъ изъ Загорья, я получилъ (отъ 17 сентября) по прошлой почтѣ. Твоя любовь все также орошаетъ душу мою свѣтомъ, блаженствомъ, и ты все также—одна любовь. Ты пишешь, что я прежде любви былъ такой же. О нѣтъ, нѣтъ! Если я воспиталъ твою душу своимъ огненнымъ авторитетомъ, ежели прелестная душа твоя приняла, какъ бы изъ симпатіи, одну форму съ моей (ты знаешь ли, что ты очень похожа на меня во многомъ? Возьми слогъ твоихъ писемъ, образъ мыслей), ежели все это вліяніе справедливо, то не забудь, что ты совершенно пересоздала меня. Когда я понялъ, что люблю тебя, у меня явилась религія настоящая, ненависть ко всему порочному, я бросилъ остатки школы, — словомъ, *любовь* сдѣлалась основой моего нравственнаго бытія, въ то время, какъ прежде эта основа была *самолюбіе*. Какое разстояніе! Теперь я не могу уже такъ ядовито смѣяться надъ всѣми. Да, мы помѣнялись: въ твою чистую, свѣтлую душу я бросилъ огонь, и она запылала; въ мою огненную душу ты бросила слово рая, и она стала очищаться, но еще не очистилась. О, какъ гнусенъ я кажусь себѣ иногда, какъ еще доселѣ я не умѣю твердо отказаться отъ всего порочнаго! Можетъ, твое присутствіе сдѣлаетъ очищеніе полнымъ, можетъ... Но раскаяніе, угрызеніе совѣсти!—они написаны черною краской, и ихъ сама любовь не можетъ смыть, это дѣло Бога. Твоя жизнь, пишешь ты, съ 13 лѣтъ выражаетъ одно чувство — любовь. Это такъ истинно, какъ то, что моя выражаетъ два чувства — любовь и дружбу. И смотри же, такъ и быть должно. Твоя жизнь нашла себѣ цѣль, предѣлъ, твоя жизнь выполнила весь земной кругъ, въ моихъ объятіяхъ должно исчезнуть твое отдѣльное существованіе отъ меня, въ моей любви потонуть должны всѣ потребности, всѣ мысли. Словомъ, твоя душа — часть моей души, она вскорѣ воротилась къ цѣлому и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣтъ ей отдѣльности. Итакъ, любовь

должна была и воспитать, и развить твою душу, любовь — тебя привести ко мнѣ, любовь приведетъ и къ Богу. Но жизнь моя еще не полна; это не жизнь части, а жизнь цѣлаго. Сверхъ частной жизни, на мнѣ лежитъ обязанность жизни всеобщей, универсальной, дѣятельности общей, дѣятельности въ благо человѣчества, и мнѣ одного чувства было бы мало. Любовь принадлежитъ мнѣ, т.-е. Александру: дружба, какъ симпатія универсальной жизни, принадлежитъ мнѣ, какъ человѣку. Я безъ тебя — нравственный уродъ, человѣкъ безъ сердца, Байронъ, презирающій все человѣчество. Ты безъ меня — начало дивнаго пѣснопѣнія, коего продолженія не существуетъ, разверзтыя уста безъ рѣчи, взоръ, обращенный въ пустоту туманной степи. Разбери это, и ты увидишь перстъ Провидѣнія. Кто, кромѣ меня, осмѣлился бы продолжать эту поэму, кто—дать рѣчь этимъ устамъ и сказать взору: смотри на меня? Кто? Единственно тотъ во всей вселенной..., кто, сожигаемый буйными страстями и помыслами, подъ которыми ломается душа, обратилъ умоляющій взоръ на небо, прося его *любви*, какъ спасенія, и кому въ огненную печь не побоялась ввергнуть ты, ангелъ, свою жизнь, еще болѣе — свою вѣчность. Однажды сдѣлавъ это, ты — *я*, Александръ и Наташа не составляютъ *мы*, но одно мое «я», «я» полное, ибо ты совершенно поглощена, тебя нѣтъ болѣе.

Октября 11. Скажи твоей Сашѣ, чтобъ она и не думала умирать. Я даю ей мое благородное слово, что, какъ только это будетъ возможно, я выкуплю ее на волю, и она можетъ всю жизнь служить тебѣ. Служить тебѣ не есть униженіе; если бы ты была барыня, я не посовѣтовалъ бы, но ты ангелъ, и весь родъ человѣческій, ежели станетъ передъ тобой на колѣни, онъ не унизится, но сдѣлаетъ то, что онъ однажды уже сдѣлалъ передъ другой дѣвой.

Воображаю, что исторія о портретѣ крайне интересна, напиши всѣ подробности. О, ваше сіятельство, княгиня Марья Алексѣевна! О, напрасно запала дума, что папенька именно обо мнѣ думаетъ! Право, нѣтъ; ему хочется *пристроить* тебя и тѣмъ разазъ очистить совѣсть отъ попеченій, которыхъ нѣтъ. Я бы, право, давно написалъ ему: онъ любитъ меня, но вотъ бѣда, мы не поймемъ другъ друга, ибо говоримъ разными нарѣчіями, и слова моего языка, вырванныя изъ жизни самого человѣчества, не имѣютъ перевода въ языкѣ формъ, приличій, пользы. Я буду говорить: «Отецъ! это часть моей души, она умретъ безъ меня, я безъ нея уже и не сынъ тебѣ и не сынъ земли, мы встрѣтились и вмѣстѣ пойдемъ на небо, насъ нельзя раздѣлить». А мнѣ въ отвѣтъ скажутъ: «Ты молодъ, это мечты, надобно подождать чина коллежскаго ассесора, ты можешь черезъ женитьбу сдѣлать связи: да и все, что ты сказалъ, безуміе». Ну, какъ же намъ понимать другъ друга? А, впрочемъ, увидимъ

Ты говоришь, что теперь на зло имъ, вмѣсто всѣхъ жениховъ, которыхъ *они* выискивали, явился я. Я не женихъ. Я явился, какъ владѣлецъ, за своею собственностью: ты моя уже теперь. Но что же ты воображаешь имъ на зло? Вѣдь, достоинства мои не безусловно хороши, а только въ твоихъ глазахъ. Тысячи отвергли бы мою руку, ежели бы я имѣлъ глупость имъ протянуть ее. И потому въ ихъ глазахъ невелико счастье быть моею, — напротивъ, они тогда будутъ жалѣть, что ты не пошла за Бирюкова, наприм., который и честный человѣкъ, и служитъ у министра юстиціи, и изъ хорошей фамиліи.

Очень вспомнилъ я то мѣсто въ *Notre Dame*, о которомъ ты пишешь. Таковы наши симпатіи. Мы рѣшительно останавливаемся на одныхъ мысляхъ и чувствахъ. Впрочемъ, въ Эмеральдѣ любовь земная. Ежели-бъ ты могла читать

Шиллера, тамъ ты нашла бы нашу любовь. Впрочемъ, это только у одного Шиллера. Ты не воображай, что не научишься нѣмецкому языку. Пусть пройдетъ черная година, моя ссылка и твое затворничество, тогда это легко сдѣлать.

Замѣть, мой ангелъ, что я на портретѣ въ самомъ томъ костюмѣ, въ которомъ былъ 9 апрѣля 1835 г. Этотъ костюмъ для меня священенъ, ибо этотъ день счастливѣйшій въ моей жизни. Доселѣ эти два-три часа, проведенные тогда съ тобой, какъ память о потерянномъ раѣ, о золотомъ вѣкѣ, утишаютъ всѣ душевныя боли. Ежели я когда-нибудь буду настолько силенъ, я превращу казематъ, гдѣ сидѣлъ въ Крутицахъ, въ часовню. Пусть на томъ мѣстѣ, гдѣ слетѣлъ ангелъ съ неба, возсылаются мольбы Господу.

12 октября. Я тебѣ разскажу сонъ преудивительный, который я принимаю за указаніе и вслѣдствіе котораго буду дѣйствовать. Не принимай сны за ничтожные образы воображенія; вѣра въ нихъ не предразсудокъ; правда, что сны высокіе рѣдко посѣщаютъ человѣка: этому причина наша жизнь. Что можетъ шепнуть душа на ухо человѣка, объѣвшагося за ужиномъ, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ ничтожностяхъ? Но когда душа дѣйствуетъ, когда человѣкъ засыпаетъ съ чистою душой, эти образы не ничто. Слушай. 7 октября отправилъ я твой портретъ, 7 октября получилъ твои письма, читалъ ихъ, перечитывалъ, упивался любовью, тобою, мечталъ и, перечитавъ еще разъ, заснулъ и вижу: я въ Москвѣ, дома, у насъ, только что пріѣхалъ, всѣ рады, но я тороплюсь, я не могу вполнѣ отвѣчать на ихъ привѣтъ, меня влечетъ скорѣе къ тебѣ, и вотъ ужъ сумерки, и я пошелъ къ тебѣ съ Матвѣемъ (мой камердинеръ). Идемъ. Самыя тѣ улицы, все какъ надобно, но вдругъ улица оканчивается утесомъ, съ котораго надобно сойти внизъ, а онъ крутъ, какъ стѣна, едва есть камни, за которые можно цѣпляться. Я сдѣлалъ шагъ, взглянулъ внизъ, глубоко ужасно, но тамъ свѣтитъ солнце. Мнѣ стало страшно. Я обернулся и сказалъ Матвѣю: «Есть другая дорога, а тутъ страшно». «И идя *къ ней*,— отвѣчаетъ Матвѣй, — вы будете дѣлать обходъ и бояться?» Я покраснѣлъ и началъ спускаться, но вскорѣ страхъ опять воротился, и я сѣлъ. —«Что, ужъ вы устали? —сказалъ Матвѣй,— не хотите ли, я поведу васъ? Вы, вѣдь, идете *къ ней*». И я снова, краснѣя, пустился въ путь. Далѣе все смутно, и я не помню. Итакъ въ обходъ не слѣдуетъ идти. Прямой путь, имъ я и пойду къ тебѣ, моя божественная, мой ангелъ небесный. Можетъ, a propos портрета папенька напишетъ что-нибудь, тогда — Провидѣніе! ты привело ее ко мнѣ, ты указало ей меня, тебѣ отдамся я!

14 октября. Прощай, Наташа. Сейчасъ получилъ письмо отъ Тат. Петр. Это забавно, годъ не писалъ ея мужъ, а теперь издаетъ журналъ, такъ требуетъ моей помощи. Pas si bête, я не принадлежу къ тѣмъ молодымъ писакамъ, которымъ достаточно свистнуть, чтобы получить статью.

Повѣсть идетъ впередъ.

Статья о Вяткѣ идетъ впередъ.

Новая повѣсть есть въ головѣ, страшная, ядовитая. Въ будущій разъ напишу планъ. Прощай же, милая.... ну, какъ, какъ тебя назвать? Ангелъ, божество, все мало,—назову Наташа. Прощай!

Твой *Александръ*.

Сегодня именины Мед.

Полина кланяется. Бѣдная Полина, она очень несчастна, угнетена безъ всякихъ средствъ.

18 октября. Наташа, что можетъ быть тяжелѣе, горче, какъ не сознаніе собственныхъ недостатковъ, пятенъ? Твое послѣднее письмо отъ 29 сентября сначала привело меня въ восторгъ. Наташа, ты велика, ты не досягаемая для человѣка. Нѣтъ, это не увлеченіе говоритъ во мнѣ,—нѣтъ, я понялъ тебя вполнѣ, ты велика, повторяю. Потомъ я взглянулъ на себя, и будто ты, ангелъ, можешь отдаться (отдалась уже!) человѣку земному, нечистому? Твое величіе меня подавило: я падаю на колѣни предъ тобой, я молюсь тебѣ, но какъ же я стану рядомъ. Звѣзда любви! Ну, а какъ солнце выйдетъ на горизонтъ безъ свѣта, кровавымъ пятномъ? Звѣзда будетъ грустно и одиноко свѣтить на выгорѣвшемъ солнцѣ. Наташа, тяжело, ей-Богу, тяжело. Нѣтъ, моя любовь должна все выкупить; любови я тебѣ принесу цѣлое море, цѣлую вселенную. Ею наполнятся лучи солнца. Я ужасно люблю тебя, я такъ сроднился съ этою мыслью любви, что безъ нея уже нѣтъ ничего для меня: ни людей, ни міра, ни Бога, нѣтъ самого меня. Когда я, очищенный твоею любовью достигну твою чистоту, тогда, только тогда мы будемъ равны и тогда останется идти къ Нему и цѣлую вѣчность любить, и цѣлую вѣчность благодарить, что мы даны другъ другу. Моя повѣсть—это моя жизнь. Онъ хочетъ стянуть душу ея и опять заключить въ оковы земного бытія. Эгоизмъ! ангела хочетъ запылить землей, а не себя сдѣлать ангеломъ. Такъ и я. Ты чистою молитвой летѣла бы въ рай, но на мнѣ остановился твой взоръ, на моей красотѣ конечнаго, и я стягиваю тебя въ удушливую сферу страстей. Наташа, сдѣлай же изъ меня ангела!

Твоя безусловная любовь заставила тебя поставить на одну доску Егор. Ив. и Мед. Ты развѣ виновата, что онъ не могъ равнодушно видѣть столько *славы* творца, и ты сказала ему тотчасъ, что не можешь любить его, и осталась чиста. А я? Какая чернота, какое злоупотребленіе своего изящества! Я погубилъ ее. Можетъ, при самомъ началѣ я могъ бы остановиться; о, я видѣлъ, что она боялась меня, умоляла взоромъ не открывать покровъ, подъ которымъ она спрятала душу, а я сорвалъ его изъ самолюбія и нашелъ тамъ любовь и слезы. Ни на любовь отвѣчать, ни слезъ отереть я не могъ. Что же сдѣлать оставалось? оставить ее падать? Самое христіанское дѣло, и когда она пала, подать руку и начать спасать. Наташа, это обстоятельство положило штемпель преступника на мою душу. И что за ролю я теперь играю? И какую прелестную, поэтическую душу погубилъ я? И этотъ человѣкъ смѣетъ думать о Наташѣ? Вотъ что утроиваетъ мой крестъ, вотъ что дѣлаетъ мою мечту дикой, мрачной.

Черезъ четыре дня твое рожденіе. 19 лѣтъ тому назадъ провидѣніе Господа, безъ различія пекущееся о родѣ человѣческомъ и о каждомъ человѣкѣ, предугадывая страданіе, мученіе и паденіе человѣка, рожденнаго пять лѣтъ до того, послало тебя съ вѣстью утѣшенія неба,—тебя, Natalia,—вести его на родину, въ которую бы онъ не пришелъ. Господи! я не умѣю молиться, но умѣю выразумѣть твой крестъ, твое указаніе, и такъ, какъ уничиженный христіанинъ проситъ святыхъ молиться за себя, такъ я ее, чистоту безусловную, умоляю передать мою молитву. Прощай!

Повѣсть ростетъ въ моей мысли. Тутъ будетъ все: философія, поэзія, жизнь, мистицизмъ и на каждой страницѣ *ты*. Я цѣлыя мѣста выпишу изъ твоихъ писемъ, и потому эта повѣсть будетъ носить надпись: Александръ / Наталія } Герценъ,—у меня отдѣльно уже не можетъ ничего быть. Бѣжимъ, бѣжимъ въ Италію подъ

другое небо! Тамъ выскажу я все то, о чемъ теперь не хочу говорить, и выскажу не словомъ, а природой, взоромъ и поцѣлуемъ.

21 октября. Получилъ еще записочку отъ тебя и отъ княгини въ папенькиномъ письмѣ. Право, не соберусь съ силами тебѣ отвѣчать въ томъ же тонѣ, трудно тебѣ сказать *вы*, тебя назвать Наталья Александровна. Лучше не буду писать.

Твое рожденіе въ день *Пресвятой Дѣвы*, мое—въ *Благовѣщенье*. Я былъ тою вѣстью, которая принесла откровеніе, счастье Дѣвѣ, и ты—та дѣва, которой должно искупиться бытіе мое. Смотри, какъ то, что соединяетъ, устраиваетъ Провидѣніе, во всемъ согласно съ главною мыслью: и наши имена, и благословеніе тебя образомъ, и самые дни рожденія.

22 октября. Ангелъ мой, поздравляю тебя, цѣлую въ твои прелестныя уста, цѣлую еще и еще. Какъ-то тебѣ отдали портретъ? Твой восторгъ, твои слезы и, будто, ты съумѣла скрыть волненіе? Не можетъ быть. Ну, а ежели его не отдали тебѣ... буду ждать. Всѣ наши пили твое здоровье. Полина была цѣлый день, она посылаетъ тебѣ и поздравленіе, и поклонъ всею германскою душой. Семейство Витберга тебѣ не чужое: оно родное твоему Александру.

28 октября. Вчера пріѣхалъ прокуроръ и не привезъ отъ тебя письма, а привезъ мнѣ извѣстіе, что портретъ тебѣ отдадутъ. Теперь уже отдали. Папенька пишетъ, что онъ не такъ похожъ, а маменька находитъ большое сходство.

Я грустенъ, и не отъ внѣшнихъ причинъ, а отъ самого себя. У меня нѣтъ твердости стать на ту высоту, просвѣтленную, чистую, которую указываетъ христіанство, на ту высоту, на которой стоишь ты, дѣва рая. Ежели-бъ я не понималъ этой высоты, тогда меня не терзалъ бы и голосъ глубокій, сходный съ угрызеніемъ совѣсти. Мое существованіе какъ-то колеблется, и, можетъ, пылкость характера увлекаетъ съ края на край. Я какъ медаль, у которой съ одной стороны архангелъ Гавріилъ, а съ другой—Люциферъ. Я знаю, что я теперь очень глубоко не паду, знаю, что нравственное чувство перевѣситъ страсти, но знаю и то, что это не я, а ты, ты меня сдѣлала нравственнымъ. Не гордость страдаетъ отъ этой мысли,—нѣтъ, ибо ты и я нераздѣльное, единое,—а горько то, что я на тебя смотрю, какъ на небо, и понимаю, что не стою тебя, что я хуже. И какая же дерзость тебя низводить собою на землю! Таковъ человѣкъ, Наташа! Богъ, спасая его, посылаетъ Христа, а онъ распинаетъ Его. Но Провидѣніе уже рѣшило. Будь же моею опорой, спаси меня отъ самого меня, тебѣ я отдаю все бытіе мое, управляй имъ. Витбергъ недавно говорилъ: «Вы въ послѣднее время очень перемѣнились, и къ лучшему, но я боюсь, ежели у васъ не будетъ поддержки, вы можете увлечься». Витбергъ не знаетъ, что самъ Господь далъ мнѣ опору и что она не отымется у меня до послѣдняго дыханія. Прощай же!

Твой *Александръ*.

Шелковинка приложенная есть мѣрка моей головы.

---

22 октября, четвергъ.

Александръ!.. Нѣтъ, теперь я не могу писать. Ангелъ мой, передо мною твой образъ! Довольно! Теперь не нужно говорить; ты видишь этотъ взоръ, который теперь богатѣе неба, видишь слезы, которыми любуются ангелы, ты слышишь въ каждомъ біеніи моего сердца пѣснь, молитву, гимнъ? О, ты слышишь, слышишь! Я цѣлую руку Витберга, дарю его слезою,—это достойная его награда. Отъ прикосновенія къ твоему портрету я свята, небесна, почти равна съ тѣмъ,

на кого молюсь всѣмъ существомъ моимъ. Дай наглядѣться на тебя, божество мое. Какъ хорошъ мой Александръ! Какой взглядъ! Что за глаза! Ангелъ мой, какъ не забыть неба, какъ всей вселенной не забыть, глядя на этотъ взоръ? Кто видѣлъ яхонтъ неба Италіи, кто видѣлъ всѣ дивныя небесныя явленія, всѣ красоты природы, кто видѣлъ все, но не видалъ этого взора, тотъ еще ничего не видалъ. Скажи же Александру Лаврентьевичу, что я цѣлую руку, изобразившую на бумагѣ этотъ взоръ. Что было и какъ—это все до завтра. Нѣтъ, теперь чувства мои слишкомъ святы, ихъ нельзя вылить на бумагу, только скажу тебѣ, Александръ, въ жизни моей былъ одинъ только день: 9 апрѣля—прощаніе съ тобою; будетъ другой—*свиданіе*. Первый - луна, послѣдній—солнце, а нынѣшній день между ними—звѣздочка. И я дивлюсь, какъ за 1.000 верстъ отъ тебя я могу быть въ такомъ восторгѣ, какъ можетъ въ этой мрачной, холодной ночи разлуки свѣтить звѣздочка! И какъ же мнѣ не окропить слезой ту руку, которая зажгла эту звѣздочку? Взойдетъ солнце, но она не погаснетъ, она будетъ вѣчно свѣтла и ярка, и, какъ она, вѣчно не погаснетъ память [объ] Александрѣ Лаврентьевичѣ, она будетъ вѣчно также и свѣтла, и ярка. Итакъ, до завтра, ангелъ мой хранитель! У меня твой портретъ! твой портретъ!

23. Не успѣла придти въ себя отъ портрета, получаю твои письма. Распечатала, но не смѣю читать: душа еще переполнена, а тогда вовсе не въ состояніи буду взять перо въ руки (я всегда, прочитавъ твои письма, нѣсколько часовъ ничего не дѣлаю—или хожу скоро по комнатѣ, или сижу молча, не замѣчая, что кругомъ меня дѣлается). Хочешь, я тебѣ весь день опишу? Тебѣ не скучно будетъ читать и скучнаго, написаннаго мною. Подняли меня до свѣта, въ 5 часовъ, къ обѣднѣ. Да, надобно сказать тебѣ, что я вовсе не ждала портрета въ этотъ день и по твоимъ словамъ, а ждала маменьку съ письмами и даже во снѣ всю ночь ждала и ждала. Пріѣзжаю отъ обѣдни. Дождь ливмя: не будетъ папенька. А онъ наканунѣ мнѣ говорилъ, если успѣетъ выбраться, пріѣдетъ поздравить меня и съ маменькой. Всѣ спятъ, одна хожу по комнатамъ. Что-то грустно, затуманилась душа, какъ октябрьское небо; погода дурна, стало, папеньки не будетъ, стало, маменьки не будетъ, и потому и писемъ не будетъ. И день этотъ впереди казался мнѣ цѣлымъ октябремъ, а онъ -твой праздникъ,- как же не грустно? Иду наверхъ, вдругъ въ сѣняхъ меня обнимаетъ, цѣлуетъ, плачетъ, смѣется, произноситъ смѣшанно: «Натаксандръ», - кто же? Это моя Саша К., покинувшая отчаянно больного отца своего (священника), претерпѣвшая за то упреки, брань, а, все-таки, прибѣжавшая видѣть и поздравить меня. Если бы и я ея не любила, если бы она не имѣла особенно хорошихъ качествъ, такая любовь тронула бы и каменное сердце (а она, чтобы дать тебѣ полное, совершенное понятіе, кажется, я писала тебѣ, что разъ, хотѣвъ что-то сказать о тебѣ, она не написала всего имени, а А. и кругомъ сіяніе). Я стала повеселѣе, да и на небѣ прояснилось. Говорятъ, чтобъ настала хорошая погода и прошелъ дождикъ, надо насчитать 40 плѣшивыхъ,—все исполнено! Свѣтлѣетъ, свѣтлѣетъ на небѣ! Приходитъ Ег. Ив. съ нотами отъ себя, съ пряникомъ и прекрасною матеріей на платье отъ Льва Алексѣевича. Все это не до меня касается. Когда же мое, мое отдадутъ мнѣ, письма моего Саши? Письма! Являются незнающія лица. Наконецъ, идемъ обѣдать. Опять небо пасмурно и, кажется, дождикъ. Вдругъ въ третьемъ часу карета на дворъ. «Отказать! сказать: за столомъ!» Входитъ папенька. Ну, признаюсь, никогда я ему не была такъ рада (видно, сердце чувствовало привезенную имъ святыню). Вышли изъ-за стола.

лечу наверхъ; вѣрно, тамъ маменька, письмо. Нѣтъ, никого... Не помню, какъ очутилась опять внизу съ печальнымъ лицомъ. Папенькѣ, видно, жаль меня стало, а прошло почти полчаса, какъ онъ у насъ, — велѣлъ принести картонъ изъ кареты. Я отгадала: тутъ только хвосты, которые мнѣ купили вмѣсто палатина, и за которые я цѣлую тебя, душа моя: прелестные и мнѣ же давно такихъ хотѣлось; но это все мало, я хочу болѣе... Вдругъ... вдругъ... Ангелъ мой, не требуй, чтобъ я написала, какъ увидѣла твой портретъ, какъ взяла его, что дѣлала. Я божусь, не помню ничего; только помню, что я, глядѣвши долго, помню, еще въ папенькиныхъ рукахъ, сказала: «И неужели онъ мой?» -и только потому помню, что эти слова раздаются и теперь въ моихъ ушахъ. Видно, тихо были сказаны, не знаю даже, мной-ли, но кому-жъ болѣе? Какъ смотрѣла княгиня Марья Алексѣевна и Макашина, что говорили, что дѣлали, божусь — не помню. Я тутъ исчезла, вся превратилась въ восторгъ, даже казалось, и горница-то вся полна восторгомъ, и свѣтлѣе стала, и лучше, и что даже и кн[ягиня] и Макаш. въ восторгѣ, и весь домъ, и вся Москва, и вся земля! Я цѣловала съ жаромъ папенькину руку, пролетѣла по всѣмъ комнатамъ и, наконецъ, ворвалась въ свою келью. Теперь со мной нѣтъ людей, никто не смотритъ, никто не слушаетъ, все далеко, все исчезло, и со мной твой образъ!..

И съ той минуты, божественный Александръ, твоя Наташа, какъ роза, полуувядшая отъ непогоды, но оживленная солнцемъ и росою, какъ соловей, выпущенный изъ клѣтки, которая была обклеена бумагою, и увидавшій впервые свой лѣсъ, свою зорю, какъ звѣздочка, которая была задернута черною тучей, которую прогналъ вѣтеръ, и звѣзда свѣтло, ярко, радостно играетъ на небѣ, да и это все не полно, не такъ выражаетъ, ты вообрази самъ. Сидя съ твоимъ портретомъ въ рукахъ, со взоромъ, потонувшимъ въ твой взоръ, я не могу ужъ этого описать. Теперь меня все тянетъ наверхъ, въ мой уголокъ, и я каждую свободную минуту бѣгу по лѣстницѣ и прямо къ столику: тамъ онъ, онъ! Даже мнѣ кажется, и весь домъ нашъ, и вся Москва исполнились святостью, радостью, восторгомъ и, право, кажется, *всѣ* веселѣе смотрятъ оттого, что портретъ Александра Ивановича пріѣхалъ въ Москву. Ахъ, Александръ! и какое сходство, выраженіе!.. Какъ хорошъ ты! Какъ хорошъ! Никто не находитъ большого сходства, кромѣ маменьки. А то даже папенька говоритъ: въ глазахъ что-то не твое. Что-же мудренаго, конечно, для всѣхъ, и для него, и даже для меня, въ твоемъ взорѣ новое. Какъ ты, а я, мой ангелъ, нахожу, что ты смотришь на портретѣ такъ, какъ ты смотрѣлъ на меня 9 апрѣля, держа крѣпко, крѣпко мою руку и спрашивая о голубѣ. Да и костюмъ тотъ же, какъ онъ мнѣ нравится, какъ идетъ къ тебѣ! Ты никогда не былъ такъ хорошъ, какъ въ немъ.

Продолженіе дня: пришедши наверхъ, я залилась слезами, цѣловала образъ твой, пала съ нимъ на колѣни, лицо мое было обращено къ небу, но я его не видала, смотрѣла не на него, показывала ему твой подарокъ и такъ долго стояла; мнѣ казалось, всѣ силы небесныя, самъ Богъ смотритъ на тебя, дивится своему созданію, дивится другому, могущему изобразить его. Торжественныя мгновенія! Не знаю, долго ли бы еще я пробыла въ этомъ самозабвеніи... кто-то вошелъ. Для праздника я хотѣла освѣтить и стѣну свою. Тотчасъ кругомъ ленту (портретъ безъ петли), и часа три надъ изголовьемъ моей постели былъ точно тотъ же Александръ, который года три тому назадъ сидѣлъ въ ногахъ, тотъ же дивный, единственный, божественный. Потомъ я сняла его и уже болѣе никогда не повѣшу, развѣ въ большой праздникъ. Я его всегда могу видѣть, а другіе, кромѣ

моихъ, развѣ только чрезъ убѣдительную просьбу. Въ 6 часовъ вечера Е. И. сталъ давать урокъ (въ первый разъ послѣ деревни). Только что я сѣла за фортепіано, говорятъ, маменька наверху. Какъ быть? Ничего, забывши все, я побѣжала къ ней, и тутъ мы вмѣстѣ радовались, восхищались. Передъ нею ничего нѣтъ скрытаго у меня. Но письма? Еще не пришли, но я не смѣю роптать, обманувшись въ ожиданіи, ибо столько награждена сверхъ ожиданія. Не долго побыла она у меня, но еще болѣе умножила мое счастье нѣсколькими минутами своего посѣщенія. Такъ добра она, Александръ, такъ ласкова, совершенная мать, а я такъ долго не видала ласкъ матери. И она же объявила мнѣ, что письма Саши Б. найдены. Еще радость! Урокъ конченъ. Пріѣзжаетъ Левъ Алексѣичъ и Сережа и письма Саши! Не имѣя 5 мѣсяцевъ о ней даже слуху, вдругъ пакетъ цѣлый, ею написанный! Мнѣ душно было въ комнатѣ, тѣсно на землѣ, — туда, туда хотѣлось мнѣ съ твоимъ портретомъ, туда съ моимъ счастьемъ, съ моимъ восторгомъ; земля недостойна тогда была меня. Ахъ, что я говорю? да когда *ты* на землѣ? Ангелъ мой, прости, нѣтъ, нѣтъ, не промѣняю я землю на небо, нѣтъ, нѣтъ! Ну, далѣе. Вскорѣ послѣ этого письмо отъ брата Петруши. Еще радость и горе вмѣстѣ. Но ужъ не напишу ничего,—ты не можешь теперь помочь. Жду, какъ уѣдетъ Л. А., у меня пакетъ отъ Саши Б. и я не могу его читать, уже 9 часовъ, ахъ, какъ несносно! Уѣхалъ, наконецъ, тутъ ужинать. Вотъ еще пренестерпимая для меня должность — *ѣсть*. Душа, все, все существо полно неба, полно тебя, святыни, Бога, а тутъ ѣшь говядину! Это умереть можно. Но я солгала, сказала, болитъ голова, не хочу ужинать; другое мученье: сиди за столомъ и смотри, какъ люди безъ пощады мучаютъ себя, ѣвши изъ всѣхъ силъ. Полчаса мнѣ показалось вѣкомъ. Лечу наверхъ. О, какъ, какъ тамъ хорошо теперь! Долго, долго просидѣла я неподвижно, глядя на твой образъ. Велича[етъ] душа моя Господа!.. Тутъ написала я тебѣ нѣсколько строкъ, болѣе не могла: перо падало изъ рукъ, и онѣ невольно воздѣвались къ небу, къ Нему. Велѣно свѣчу погасить, но... о, Александръ, смотри, какъ до самой малости, вездѣ, во всемъ мнѣ счастье. Свѣча погашена, слѣдственно, темно, слѣдственно, я не могу видѣть портрета,– нѣтъ, ничего не бывало. Противъ моего окна цѣлый переулокъ съ фонарями,—и мнѣ еще лучше видно, нежели при свѣчѣ. И вотъ такимъ-то образомъ провела я 22, день моего рожденія, день твоего праздника. Безпрерывная радость, восторгъ, наслажденіе. Тихо, пріятно закрылись глаза, и всю ночь надо мною порхалъ небесный образъ и навѣвалъ рай своими крыльями. Наступилъ день, а я ужъ давно не спала, давно бесѣдовала съ тобою; еще когда свѣтъ чуть брежжился для другихъ, а въ моемъ уголкѣ всю ночь и солнце не заходило. Я должна сказать тебѣ, что *имъ* я очень благодарна,—*они* такъ хорошо вели себя весь день, какъ нельзя лучше требовать. Взглянувши на твой портретъ въ то время, какъ я этого не видала, *они* послѣ мнѣ ни слова, какъ будто его и нѣтъ; даже не посмотрѣли въ другой разъ. Благодарна, ей-Богу, благодарна отъ всей души, а то бы я измучилась, глядя, какъ онѣ глядятъ на тебя. Что-то будетъ со мною будущее 22 октября? Что??..

Теперь прощай, мой жизнодавче! Съ правой стороны портретъ, съ лѣвой письмо, распечатанное, развернутое, не читанное; какое терпѣніе! Больше не въ силахъ — прощай до завтра, мой ангелъ! Ахъ, Александръ, Александръ! Если-бъ такъ же похожій портретъ мой былъ у тебя! О, ты еще не знаешь, что значитъ имѣть портретъ! Мнѣ тяжко за тебя. Какъ бы, какъ бы? Но, можетъ, и папенька похлопочетъ. Прощай же! Твою руку.

24, суббота. Знаешь ли, что теперь, моя душа? Взять цвѣтъ зари, цвѣтъ солнца, луны, звѣздъ, неба и тотъ цвѣтъ, котораго еще мы не видимъ, взять пѣніе соловья, дивную музыку земли, гармонію неба, гимнъ ангеловъ, взять всѣхъ благоухающихъ цвѣтовъ земныхъ и, наконецъ, красотъ рая,—все это вмѣстѣ, и все еще мало, все это не изобразитъ того, чѣмъ полна душа моя. Со вчерашняго дня я все еще перечитываю твои письма (да я и никогда не перестану ихъ перечитывать), т. е. ничего не могу дѣлать, кромѣ того, чтобы попеременно читать или портретъ, или письмо. Ну, посмотрись ты, ради Бога, какъ ты хорошъ! Видалъ ли ты кого-нибудь подобнаго? Я всегда восхищаюсь тобою, теперь ты еще похорошѣлъ. Я не любила никогда зеркала, теперь не стану вовсе смотрѣться: мнѣ досадно за тебя.

И кто, кто, кромѣ меня, можетъ видѣть сходство? Кто тебя знаетъ? *Они* тебя всегда видѣли во фракѣ или сюртукѣ, а на портретѣ ты... (забыла, какъ называется). Такъ что же тутъ похожаго? Да не сердись же, если я скажу тебѣ еще тысячу разъ, какъ ты хорошъ! Не могу, не могу вытерпѣть, глядя на твои черты, чтобъ не сказать и душой, и словами: вотъ мой Александръ, и какъ онъ хорошъ! Ну, повѣрь мнѣ, никогда Богъ подобнаго не создавалъ. Цѣлую тебя, пріятный сонъ!

25, воскресенье. Да, непремѣнно я вышью что-нибудь Витбергу. Объ этомъ я думала прежде твоего письма. Но знаю, что-бъ ни вышила, что-бъ для него ни сдѣлала, ничѣмъ достойно не возблагодарю его,—я вѣчно останусь у него въ долгахъ. Что онъ мнѣ сдѣлалъ, того я никогда ему не могу сдѣлать. Изъ 1.000 верстъ онъ сдѣлалъ 500, изъ темной ночи — разсвѣтъ, изъ страданій измученнаго сердца—восторгъ. Но, можетъ, онъ уже награжденъ; онъ чувствуетъ, что онъ сдѣлалъ, и награда въ его душѣ. Удостоюсь ли я когда видѣть этого великаго человѣка? Послушай, если онъ не будетъ возвращенъ, то, когда пройдутъ всѣ тучи, ты меня свезешь въ Вятку видѣть Александра Лаврентьевича.

Я не понимаю, что ты хочешь сказать этимъ, что доселѣ не умѣешь отказаться отъ всего порочнаго? Что было, то все, повѣрь, искупила разлука и если не твои, такъ мои страданія. А настоящее... не могу постигнуть, что тутъ можетъ быть порочнаго? Ты любишь меня, трудишься для славы, для блага человѣчества,—что можетъ замѣшаться тутъ нечистое? Но не забывай, что мы на землѣ, земные и что только тогда, какъ кончимъ наше странствованіе, скинемъ странническую одежду, явимся на свою родину и облечемся въ ризы нетлѣнія, тогда только земныя потребности умолкнутъ. Былъ ли кто безгрѣшенъ, кромѣ Іисуса? Можетъ ли быть другая Дѣва Марія? И потому ты и меня такъ не величай, —это слишкомъ. Но и то, скажу тебѣ, ты можешь, можешь, Александръ, безъ моего присутствія быть совершенно чистымъ. Одна мысль быть достойною тебя руководствуетъ мною, одна эта мысль заставляетъ забыть всю землю, себя, и выпить хоть бы цѣлый океанъ болѣзней, гоненія, страданія, пройти сквозь огонь, лишь бы смѣть сказать: *я люблю его! онъ мой!* Такъ и ты, другъ мой, ангелъ мой, можешь бросить все, чтобъ насъ не дѣлила ни малѣйшая пылинка, чтобъ Наташа, Александръ, Богъ—было бы все нераздѣльное (сколько то можно на землѣ), все одно изящное, одно святое, одна любовь.

Да, да, жизнь моя, кто бы, кромѣ тебя, заставилъ меня говорить, смотрѣть, дышать? Кто бы, кто?.. Я не на землѣ, я не [въ] небѣ, моя родина не то и не другое. Я въ тебя, въ твоей душѣ, она моя родина, она моя обитель, мой рай, мое будущее, моя вѣчность, все! Разлучить съ нею меня ничто не можетъ, какъ

ангела съ небомъ. Я все вижу сквозь твою душу, говорю, дѣйствую, не выходя изъ нея, и *тамъ* мнѣ не будетъ другой обители.

Саша моя воскресла. Она не ходитъ, а летаетъ. Плачетъ сладкими слезами, не отходитъ отъ моихъ колѣнъ, хочетъ жить, боится смерти, считаетъ себя счастливѣйшей изъ смертныхъ. Ты, другъ мой, съ нею вмѣстѣ утѣшилъ и меня. Хотя это у меня всегда было въ головѣ, но не знаю, что-то казалось невѣрнымъ, думала встрѣтятся препятствія, но сказано тобою — половина свершена. И мнѣ весело, что я не разстанусь съ Сашей, мнѣ бы никогда не нажить подобной фрейлины. Душа ея прекрасно создана, мнѣ же удалось нѣсколько обработать ее. Она это понимаетъ и не находитъ другого блаженства на землѣ, какъ стоять предо мною на колѣняхъ. И прежде она вѣрила мнѣ, что, если возможно, не разстанемся, но то же сомнѣніе, страхъ; и отъ воображенія, что мы когда-нибудь будемъ съ нею розно, бывало, обливается слезами, а какъ я сказала, что пишешь ты, право, безъ чувствъ невозможно было ее видѣть: стоя на колѣняхъ, она слушала слова твои, какъ голосъ неба, и мы обѣ вмѣстѣ плакали. Кто первый замѣтитъ, что я нездорова? Саша. Кто первый увидитъ, что я грустна? Саша. И, словомъ, я для нея весь міръ, всѣ родные, отецъ и мать (которые, впрочемъ, живы), и теперь объ одномъ молится, чтобы не пережить меня. Ея будущность очень меня тревожила: теперь я спокойна, ангелъ мой. Насъ все будетъ окружать необыкновенное, все прекрасное, изящное. Саша проситъ написать тебѣ, что она у ногъ твоихъ не за свободу, а за то, что ты хочешь, чтобы она мнѣ служила, за то, что удостоиваешь ее такого высокаго счастья на землѣ.

26. Ты пишешь о папенькѣ. Да, конечно, ему будетъ больно, что его Шушка, единственный въ свѣтѣ, о которомъ онъ безпрерывно говоритъ, котораго такъ любитъ и губернаторъ и, наконецъ, передъ которымъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ всѣ встаютъ (это его, мнѣ кажется, чрезвычайно утѣшаетъ, онъ нѣсколько разъ разсказывалъ), которому предстоитъ блестящая будущность, слава, слѣдственно, и блестящая *партія*, и вдругъ... Да, я увѣрена, что его это очень огорчитъ, но, можетъ, противиться не станетъ изъ любви къ тебѣ. Потому что, что касается до Шушки, то все безподобно. А мнѣ мои скажутъ: грѣхъ, преступленіе, да и что лестнаго? — не можетъ имѣть подданныхъ, вотъ благодарность за всѣ материнскія благодѣянія; а я надѣялась, скажетъ кн[ягиня] М. А., имѣть въ тебѣ подпору и *подспорье*, выдавъ тебя за Воробьева: свой докторъ, — чего это стоитъ (и это въ самомъ дѣлѣ у нихъ въ головѣ, но онъ еще настолько имѣетъ ума и души, что, кажется, не дерзаетъ и помыслить, и зато лишеніе пяти тысячъ и тряпокъ). Да, что же намъ-то до этого за дѣло? Пусть, что хотятъ говорятъ, насъ ничто не можетъ ни разрознить, ни сблизить. Смѣетъ ли кто хоть взглянуть въ твою душу? А я въ ней глубоко и туда меня не достигнетъ ни ропотъ людей, ни брызги бушующаго океана жизни, какъ бы онъ ни вздымалъ высоко свои горькія волны.

Да, ты выучишь меня по-нѣмецки. Но и теперь я не покидаю, т. е. урывками, украдкою. Если-бъ у меня былъ лексиконъ, я бы могла читать и Шиллера. Вообрази, я хотѣла тебѣ дать замѣтить, что ты на портретѣ въ томъ же костюмѣ, въ которомъ былъ 9 апрѣля, а ты то же пишешь. Да, о, ангелъ мой, часовню, часовню на мѣстѣ тюрьмы, той тюрьмы, которая уже свята твоимъ въ ней заключеніемъ. Пусть поютъ гимны на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ двухъ человѣкъ сдѣлался одинъ ангелъ, на этомъ мѣстѣ почиваетъ духъ Божій, благословеніе Господне.

Если бы я прожила сто лѣтъ на землѣ,— и тогда бы, предъ смертью, въ глазахъ у меня была бы одна картина — 9 апрѣля. Когда окончится день, все утихнетъ, уснетъ, а я наговорюсь съ тобою, нагляжусь на тебя, когда и мои глаза станетъ смыкать сонъ: я ѣду въ дрожкахъ по ужасной дорогѣ съ маменькой, плывемъ почти въ Крутицы... Маленькая дверь, выглядываетъ твой Васильевъ; входимъ — темный коридоръ, я вся дрожу, сердце рвется изъ груди, не могу идти, держусь за стѣну, маменька ведетъ меня. Пунцовая ермолка изъ двери... Какъ Божье слово: *иди!* — и я ужъ тамъ, подлѣ тебя, рука моя въ твоей рукѣ, твой взоръ, и я понимаю рай, и я ужъ не земная, и казематъ — небо, и ты — ангелъ!.. Настаетъ утро, предъ пробужденіемъ, я уже вижу его, въ просонкахъ открываются глаза, и не сквозь свѣтъ вижу я твой образъ, сквозь тебя весь свѣтъ. Нѣтъ, Александръ, никогда, нигдѣ, никто не зналъ такой любви, она еще никогда не посѣщала земли, только здѣсь въ этой душѣ, очищенной тобою, нашла она себѣ достойную обитель, на нее промѣняло небо. Александръ! Александръ!

Во мнѣ нѣтъ никакихъ предразсудковъ; но инымъ снамъ я вѣрю и вовсе не считаю это за предразсудокъ. Я помню сонъ, который видѣла лѣтъ 8 назадъ и который моя родная маменька велѣла записать. Вижу, среди обширнаго поля маленькая хижина. Я тамъ одна, и мнѣ тѣсно въ ней, и что-то страшно. Я была еще ребенокъ. Премаленькое окошко, долго смотрѣла я въ него, наконецъ, кто-то говоритъ мнѣ: идетъ *Спаситель*. Гляжу, и точно такой, какъ пишется, Христосъ, и въ сіяніи приближается къ окошку, благословилъ меня и самъ наклонился предо мною. Мнѣ стало весело и хорошо, какъ ребенку. Проснувшись, я всѣмъ разсказывала этотъ сонъ и теперь его не могу забыть. Можетъ, очень можетъ быть, что путь твой ко мнѣ и на яву будетъ оканчиваться утесомъ страшнымъ, но не надо идти въ обходъ.

31 октября, Москва.

Нѣтъ, ты не можешь знать, не можешь вообразить, Александръ, что такое *имѣть портретъ!* И я не могу описать, выразить тебѣ этого. Теперь куда хотѣть мнѣ изъ дому, чего искать, чего желать видѣть? Все, все, что только можно имѣть въ разлукѣ съ тобой, я имѣю. Домъ—храмъ, въ немъ твой образъ, ему я молюсь, ему повѣряю всѣ тайныя думы, слушаю, что онъ говоритъ мнѣ; ну, словомъ, у меня все дома, и я не могу ни слышать, ни видѣть, ни дышать, какъ только вотъ здѣсь, въ этомъ уголкѣ предъ твоимъ изображеніемъ. Ты знаешь, съ какою радостью, бывало, я ѣхала къ вамъ, теперь меня и туда не тянетъ. Развѣ тамъ болѣе, нежели здѣсь? Сегодня повезли меня со двора (въ первый разъ послѣ того, какъ у меня твой портретъ), къ Насакинымъ. Тамъ маменька; я рада ее видѣть: я не жалѣю, что выѣхала, говоришь (болѣе глазами, чѣмъ словами, потому что тутъ была кн[ягиня]), мнѣ весело, я забыла о портретѣ. Но прошло нѣсколько время... пора домой!.. Нѣтъ, ничѣмъ я не могу заплатить Александру Лаврентьевичу! И непріятности-ль какія, мрачныя ли думы тревожатъ душу,—все, все врачуетъ животворящій образъ. Въ свободныя минуты я попеременно беру то письма, то портретъ, одно безъ другого какъ-то не полно, — и тутъ-то я забываю весь міръ, чуждый мнѣ, забываю даже, ахъ, повѣришь ли?—забываю Сашу, Эмилію. Да что же дивнаго? Я люблю ихъ, онѣ прелестны, но ими безъ тебя я не могу жить. Моя жизнь, моя душа, я вся — *ты*, и потому рѣдки минуты, въ которыя бы я что-нибудь думала иное, лю-

била бы кого, кромѣ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, меня нигдѣ, ни въ чемъ нѣтъ, я вся въ тебѣ! Да, много жизни, много блаженства приносятъ письма, портретъ много... но, Господи!

Ты будешь теперь путешествовать. Открывается *путь*... Да благословится начало его! Вдругъ взбунтовалось все въ душѣ, прощай. Ложусь. О, явись хоть во снѣ предо мною, ангелъ мой!

3 ноября. Ты не можешь вообразить, мой Александръ, какъ изстрадалась я другой день за Эмилію. Все опишу тебѣ, и сама же я виновата. Ты знаешь, какъ я люблю ее, знаешь, что̀ я для нея: у нея во всемъ свѣтѣ—ты и я, и каково бы ей было, если бы ей запало въ душу сомнѣніе въ моей дружбѣ? Сомнѣніе въ томъ, что у нея осталось на землѣ единственною отрадою, единственнымъ чувствомъ, жизнью. Но она такъ раздражена, малѣйшая бездѣлица ее пугаетъ, пылинка ей кажется чудовищемъ, а я поступила съ нею непростительнымъ образомъ. Видишь ли, какъ я получила твой портретъ 22 октября,—это было наканунѣ почтоваго дня въ Зарайскъ, къ Emilie, — какъ не сообщить ей мое блаженство? Какъ не подѣлиться восторгомъ? Но ужъ поздно, ночь, мнѣ некогда было писать прежде; да я и тебѣ сказала не много тогда, въ такомъ была восторженіи. Но ждать еще недѣлю писать Emilie невозможно. Вотъ я ей и набросала безсвязно нѣсколько словъ, что получила твой портретъ, что онъ разительно похожъ, что лежитъ предо мною, и только. Получаю вчера отъ нея письмо, гдѣ излилась вся страдальческая, разочарованная, измученная душа ея. Она терзается неизвѣстностью, воображаетъ, что твой портретъ отдали мнѣ по какому-нибудь необыкновенному случаю, пеняетъ мнѣ за разсѣянность, упрекаетъ въ холодности, думаетъ, что я перемѣнилась. Это ужасно!.. Вотъ слѣды ошибки *въ одномъ человѣкѣ*. Мнѣ ли перемѣниться? И перемѣниться къ ней! Вѣдь, она мнѣ самая близкая, родная! Отнять ее у меня значило бы вырвать кусокъ моего сердца, ея участь на моихъ рукахъ, за нее отвѣтъ Богу никто не дастъ кромѣ меня; да, Александръ, потому что на свѣтѣ у нея никого нѣтъ, кромѣ меня; ни успокоить, ни утѣшить никто не можетъ ее; она нигдѣ не найдетъ себѣ отдыха; здѣсь, въ этой груди ея надежная пристань, въ ней все ея земное счастье, никто того не можетъ сдѣлать для нея, что могу я. И потому моя обязанность, долгъ мой — пещись о ней, заграждать собою отъ всѣхъ ударовъ, которыми еще можетъ поразить ее свѣтъ. Не такъ ли? А я поступила такъ необдуманно, огорчила ее. Одна любовь къ тебѣ, ангелъ мой, заставившая меня сдѣлать оное, извиняетъ мой поступокъ. Она получитъ отъ меня письмо, которое успокоитъ ее... Но пока еще не получитъ? Вѣришь ли, какъ это меня тревожитъ, я не могла почти спать ночью, и если бы ты не явился мнѣ во снѣ, эту ночь можно бы назвать мучительною. Такъ, мой ангелъ, мы должны никогда,—если то будетъ можно,—не покидать Emilie; отнять у нея насъ значило бы вынуть изъ живой сердце.

4, среда. Нѣтъ, я мало люблю тебя, божественный Александръ! Не такъ должно любить тебя! Въ тебѣ должно быть все: весь свѣтъ, вся вселенная, въ тебѣ должны потонуть всѣ думы, всѣ чувства, вся душа; при одной мысли о тебѣ должно все исчезнуть, какъ мракъ ночи при восхожденіи солнца. И истинно, что ни есть на свѣтѣ прекраснаго, дивнаго, изящнаго, высокаго, все это въ сравненіи съ тобою — какъ полночь съ полуднемъ. Я настолько высока, свята, что могла понять тебя, любить тебя, но еще не настолько, чтобы забыть, покинуть все, всѣхъ, превратить всѣ чувства въ одну любовь. Какъ я еще могу

такъ любить Emilie, могу такъ любить Сашу, могу любить многихъ, думать о нихъ, даже жертвовать для нихъ многимъ? Вѣришь ли, я иногда краснѣю отъ этой мысли и, если-бъ ты былъ тутъ, готова упасть предъ тобою на колѣни, и послѣ этого долго, долго совершенно погружена въ тебѣ; порваны всѣ нити, связывающія меня съ людьми, я свободна, я вся въ тебѣ, и тогда меня не можетъ вызвать ни смерть друга, ни его воскресеніе, и тогда я могу сказать: я люблю Александра! Но потомъ снова являются образы, слышны голоса, видны нити, связывающія меня со многими, онѣ становятся крѣпче, и я снова ихъ люблю и не могу забыть для тебя. На что же я ихъ люблю, на что ихъ такъ привязала къ себѣ? На что знаю ихъ, замѣчаю, когда люблю тебя, когда ты любишь меня? Эмилія, которая имѣетъ много сестеръ, много чужихъ, которые любятъ ее, какъ сестру, говоритъ, что *во всемъ свѣтѣ я у нея одна*. Саша Б., у которой отецъ, семья, говоритъ, что я одна у нея; моя Саша тоже, Саша К. тоже и потомъ собственные мои родные... на что я отдалась имъ такъ? Какъ могла удѣлить столько сердца имъ, любивши тебя? какъ? о, ангелъ мой, мой Александръ! Ты заставилъ меня забыть себя, уничтожиться въ тебѣ, заставь же забыть и весь свѣтъ, и друзей. Я не хочу ихъ любить и не могу ихъ не любить, хочу, чтобъ все умерло, кромѣ тебя, и готова сама умереть за нихъ. Или это — эти 1.000 верстъ ярче оттѣняютъ дружбу, крѣпче связываютъ меня съ ними? О, такъ когда же, когда же исчезнутъ онѣ? Тогда-то я совершенно покину тебя, земля, покину васъ, друзья! Тогда-то я уйду въ моего Александра, и вашъ голосъ не достигнетъ до меня, вы не вызовете меня, тогда я не ваша, не ваша!

Ты получишь, ангелъ мой, снурочекъ моей работы. Къ 23 я бы ничего не успѣла сдѣлать болѣе. Носи его хоть въ карманѣ, онъ очень милъ, мнѣ нравится, а для тебя одно въ немъ достоинство — цвѣтъ моихъ волосъ. Дай Богъ, чтобъ ты этотъ день встрѣтилъ весело, а впрочемъ, да будетъ Его воля! Я буду праздновать здѣсь, можетъ, и меня будутъ поздравлять, только не многіе. О, какъ будетъ рваться къ тебѣ мое сердце; да я и не знаю, что со мной будетъ!

Вспоминай меня въ сумерки. Это любимое мое время дня. Тутъ я всегда хожу по комнатѣ и смотрю на твой портретъ. Въ это время онъ такъ похожъ, такъ похожъ... У меня слезы на глазахъ, я прихожу въ восторгъ, мнѣ кажется, что ты тогда слышишь голосъ души моей, видишь меня. Вспоминай же.

Теперь хлопочемъ съ маменькой, какъ бы сдѣлать что-нибудь Витбергу. Я говорила ей, чтобъ она купила узоръ и велѣла бы папенькѣ подарить мнѣ его съ тѣмъ, чтобъ вышить для тебя, а это будетъ для Александра Лаврентьевича. Прощай, ангелъ мой. Полинѣ жму руку. Тебя крѣпко, крѣпко цѣлую.

Твоя *Наташа*.

Отъ Эмиліи къ тебѣ письмо.

Да, я во многомъ похожа на тебя. Да, нельзя быть иначе. Съ тѣхъ поръ, какъ я понимаю, ты мой идеалъ, совершенство. Я и Тат. Пет. любила за то безъ ума, что она подражала тебѣ. Еще прощай, еще тебѣ поцѣлуй.

---

1 ноября, Вятка.

Письма твои отъ 4 и 11 октября получилъ. Нѣтъ, не люди, не толпа затмили мою душу, а я самъ ее затмилъ, и это-то меня терзаетъ, мучитъ. Ты

такъ прелестна, такъ чиста, ты утренняя звѣзда, а я туча, облегающая ее, я мракъ, поглощающій свѣтъ звѣзды. Ты все простила мнѣ, ты не хочешь сіять иначе, какъ для меня; но могу ли я все простить себѣ? Emilie пріѣхать сюда— опять мечта несбыточная, и зачѣмъ? Ты не знаешь жизнь маленькаго города, вдали. На меня обращены множество глазъ, я здѣсь значительное лицо, любимецъ губернатора, москвичъ и богатый человѣкъ. Пріѣздъ дѣвушки далъ бы поводъ къ толкамъ, которыхъ я не вынесъ бы, да и что скажутъ въ Москвѣ? Нѣтъ, эту мысль къ сторонѣ. Въ нѣсколькихъ послѣднихъ письмахъ папеньки я вижу, что онъ ко мнѣ имѣетъ большую довѣренность, что онъ весьма доволенъ, что я пріобрѣлъ здѣсь *репутацію* (!) хорошаго чиновника, что обо мнѣ пишутъ въ Петербургъ, что меня представляютъ для описанія губерніи министру и проч. Это хорошо, я очень радъ, это поможетъ намъ болѣе всего. Знаешь ли, что я вскорѣ надолго буду лишенъ писемъ отъ тебя, мой ангелъ, я только жду инструкцій отъ министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы ѣхать по губерніи, и это продолжится мѣсяца два. Тысячи двѣ верстъ надо будетъ объѣздить, и я получу уже твои письма по возвращеніи въ Вятку.

Надежды, о коихъ я писалъ отъ 29 сентября, весьма основательны. Я имѣлъ разныя извѣстія изъ Петербурга. Наша разлука очень долго, кажется, не можетъ продолжаться. Наше свиданіе... О, Боже! неужели оно будетъ *при нихъ?* Нѣтъ, нѣтъ... это ужасно! Развѣ нельзя? Я пріѣду въ третьемъ часу. Княгиня спитъ, Саша будетъ на караулѣ, ты выйдешь въ залу. Только одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй, и тогда я готовъ цѣлый годъ притворяться. Но минуту свиданія погубить этикетомъ нельзя, не могу, столько жертвовать людямъ невозможно, они не стоятъ этой минуты. Или я, когда пріѣду, остановлю порывъ и сутки отдалю свиданіе, а на другой день уговорю, чтобъ тебя звали къ намъ обѣдать. У насъ вольнѣе, лучше, и ты у насъ дома, тамъ ты чужая. Устрой, какъ хочешь, только этой минуты не похищай у Александра.

Что за глупость пишешь ты о твоемъ лицѣ! Будто я его не знаю, будто оно не есть выраженіе твоей свѣтлой, небесной души, будто оно не такъ же полно любовью, какъ твои письма. «Оно перемѣнилось съ 20 іюля 1834 г.». Да, я знаю, ибо я его видѣлъ — *9 апрѣля 1835 г.*, величайшій день моей жизни. Точно оно перемѣнилось, такъ, какъ черты Спасителя преобразились на горѣ Ѳаворѣ въ день Преображенія. Ты «помѣнялась бы со многими лицомъ». Но я, вѣдь, не люблю многихъ тѣхъ, а тебя, только тебя, и развѣ любовь моя чувственна. Наташа, увѣрь же себя въ своей высотѣ. Ты прелестна, ты все для меня. Твоя Саша Б. думаетъ, что нѣтъ другого Александра. О, какъ ошибается она! Эта смѣсь добродѣтели и пороковъ, этотъ ангелъ и дьяволъ, эта любовь и эгоизмъ, эти обломки разныхъ истинъ, чувствъ, заблужденій, разврата, восторженности, эта медаль, на которой, съ одной стороны, Христосъ, а съ другой — Іуда Искаріотскій, называемые Александръ, какъ далеки они отъ совершенства! Есть много юношей, высокихъ, чистыхъ, которые совсѣмъ не меркли. Она найдетъ отзывную пѣснь своему призванію. Ты отдалась бурной жизни моей, и мнѣ жаль тебя. Ты или поведешь меня въ рай, или падешь со мной такъ, какъ пали легіоны ангеловъ, прельщенныхъ красотой Люцифера. Твоя судьба рѣшена. Но ежели она не любила, — о, пусть сохранитъ ее Богъ отъ изломанной души, которая гложетъ своими зубами свое сердце и упивается своею кровью. Море свѣтло, море обширно, оно зоветъ къ себѣ, прельщаетъ, но пропасть сокрыта подъ зеркальною поверхностью, оно бурей губитъ смѣлый челнъ. А ты говорила,

что я знаю свое достоинство,— правда, знаю, но далеко не увлекаюсь, какъ ты, ибо ты — одна любовь во мнѣ. Посмотри на Витберга. Его жизнь развивалась какою-то древнею поэмой, нигдѣ ни пятнышка, вездѣ величіе, а я? 24 года—и нажилъ рубцы на душѣ и тѣлѣ, и нажилъ угрызеніе совѣсти.

Благодарю за стихи. Мысли хороши, но стихи кое-гдѣ не хороши: больше извольте, madame, обрабатывать. Прощай, моя утренняя звѣзда. Ее называютъ еще *Гесперъ*—надежда. Прощай!

Твой *Александръ*.

4 ноября. Черная хандра моя улеглась. Страсть дѣятельности снова кипитъ и жжетъ меня. Люди, люди, дайте мнѣ поприще и болѣе ничего не хочу отъ васъ, дайте извѣдать силу, за что же ей понапрасну пропадать въ груди? О, какъ скверна жизнь въ провинціи, какъ здѣсь все сведено на однѣ матеріальныя нужды, на одни матеріальныя удовольствія. Здѣсь нѣтъ умственной дѣятельности, здѣсь нельзя прислушаться, какъ смѣлая мысль пролетитъ ряды и взволнуетъ души и отзывается. Чортъ знаетъ, откуда опять эта страсть дѣятельности! Да, на томъ поприщѣ я сдѣлаюсь достоинъ тебя. Прочь спокойствіе, пилигримъ! Иди снова въ путь и тамъ, въ Сіонѣ Божіемъ, отряси прахъ ногъ твоихъ и тамъ среди песковъ Палестины пошли молитву твоей Дѣвѣ пречистой. Трудъ, трудъ, изнеможеніе и... и слава, наконецъ! А ежели ея не будетъ? Вздоръ! Что же этотъ пламень въ груди, эти мечты, около которыхъ свиваются всѣ элементы души, насмѣшка, что ли?

Силенъ былъ ударъ въ мою грудь; я самъ его нанесъ. Вымарай его, вылечи, и я опять юноша. Съ восторгомъ обращаю взоръ на Крутицы. Тамъ я былъ чистъ, благороденъ, тамъ я видѣлъ это 9 апрѣля и достоинъ былъ его; а послѣ этого такъ пасть глубоко отвратительно, послѣ 9 апрѣля!

Но Господь простилъ Израиля за то, что, имѣя откровеніе, поклонялись змѣѣ въ пустынѣ. И ты простила мнѣ.

Прощай!

Ты просишь статей. Три пошлются въ печать черезъ двѣ недѣли. Прочти со вниманіемъ *Третью встрѣчу*; во *Второй* ты найдешь 9 апрѣля. Когда я очень мраченъ, я всякій разъ вижу тебя во снѣ, и потому благословляю эту мрачность. О, Наташа, Наташа!

7 ноября. Вятка. Третьяго дня получилъ я, ангелъ мой, твои письма отъ 12 до 27 октября. Сколько радости, сколько успокоенія принесли мнѣ они! Ты замѣтила грусть и черное моихъ послѣднихъ писемъ. Все отлетѣло, и моя душа тонула въ любви, въ восторгѣ. И пуще всего благодарю тебя за полное описаніе 22 октября. Да, этотъ день пусть займетъ мѣсто между 9 апрѣля и тѣмъ будущимъ, неизвѣстнымъ. Прибавь еще тотъ день, когда судорожно и бѣшено я тебѣ писалъ о дружбѣ и о любви, когда, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ чаду, я первый разъ открылъ свою душу послѣ 9 апрѣля и нашелъ въ ней любовь яркую, пламенную,—любовь, указавшую мнѣ путь на небо, замѣнившую мнѣ нравственность, совѣсть, пересоздавшую меня воспоминаніемъ 9 апрѣля и тѣмъ голосомъ ангела, который проникалъ такъ глубоко въ мою измученную грудь при полученіи писемъ отъ тебя.

Наташа, ты писала какъ-то давно: «мы не искали другъ друга»; нѣтъ, не искали, но мы и не свершили бы земного назначенія, мы увяли бы безъ другъ друга. Я дошелъ бы до холоднаго разочарованія въ людяхъ и сжегъ бы себя, и сжегъ бы все близкое и, можетъ, погибъ бы, лишась вѣры въ безсмертіе, а ты —

грустнымъ звукомъ, слезою воротилась бы къ Богу, тамъ у Него отстрадать за земную жизнь. Провидѣніе устроило иначе.

Другъ мой, *сестра моя* (оставимъ это прелестное названіе — что можетъ лучше выразить гармонію души, какъ не братство?), сестра моя! Ты еще не видала людей, твоя жизнь прошла въ затворничествѣ, поэтому *ты могла* легко идеализировать меня, какъ типъ, сдѣлать изъ меня ангела, ибо я одинъ былъ у тебя передъ глазами. Но не думай, чтобъ я хотѣлъ сказать, что ты ошиблась въ главномъ, — нѣтъ, ты нашла душу родную, равную своей, въ рубцахъ, но столь же направленную туда, какъ и твоя душа, безъ чистоты, но съ раскаяніемъ живымъ. Вотъ для чего я это говорю: я иначе жилъ, я пережилъ много, я встрѣчалъ многихъ; мнѣ увлечься было мудрено, и потому ты вполнѣ должна вѣрить, что нѣтъ между людьми высшаго совершенства, какъ ты; воспитанная горемъ и любовью, ты развилась дивно, чудесно, все, что мечталъ пламенный Шиллеръ, создавая свои небесные идеалы, все въ тебѣ горитъ. Не для того эти слова, чтобы хвалить тебя; но я не могу удержать себя, чтобы не высказать ихъ, ибо ты иногда какъ-то робко становишься возлѣ меня. Наташа, вѣрь, ты выше меня, потому-то ты и облагородила мою душу, потому-то я и люблю тебя такъ безгранично, такъ много, такъ сильно. Въ тебѣ для меня слито все, что выше меня: религія, красота, вѣра, надежда и любовь!

Теперь къ твоимъ письмамъ. Прежде всего, память прелестнаго дня 22 октября пусть посвятится отнынѣ не одной тебѣ. Виновникъ твоего восторга имѣетъ на него право. Пусть этотъ день во всю нашу жизнь будетъ днемъ воспоминанія и благодарности Витбергу. Пусть послѣ твоего тоста будетъ его тостъ, пусть середь нашей любви, нашего счастья навернется слеза о великомъ страдальцѣ. Я въ восторгѣ отъ твоей мысли, чтобъ я тебя свозилъ въ Вятку къ нему. Эта мысль у меня давно; я свято обѣщалъ себѣ, прежде нежели ты писала; вездѣ наша симпатія вѣрна. Дай Богъ, чтобъ онъ не дожилъ до этого посѣщенія, но, кажется, его страданія не скоро окончатся. Вотъ удѣлъ прекраснаго на землѣ!..

Да, ежели это испытаніе, ежели это униженіе, посланное мнѣ отъ Бога, чтобъ смирить меня (Мед.), то цѣль достижена: я въ глазахъ моихъ преступникъ, еще хуже — обманщикъ, и это пятно я скоблю съ сердца, а оно безпрерывно выступаетъ. Всего хуже, что я не имѣлъ твердости сказать ей прямо о тебѣ. 1.000 разъ я былъ готовъ на это и не могъ. Что же за роля теперь моя,— роля этого человѣка, котораго ты называешь совершеннымъ, божественнымъ? Выбора нѣтъ: или убить ее однимъ словомъ, или молчаніемъ и полуобманомъ играть подлую роль, выжидая время. Я рѣшился на послѣднее. Тутъ вполнѣ я наказанъ. Иногда я желалъ бы, чтобъ все это узналъ Витбергъ; онъ на меня смотритъ съ такою любовью, тогда онъ посмотрѣлъ бы съ презрѣніемъ. Пуще казни нѣтъ, это хуже кнута, но тогда я считалъ бы себя вполнѣ наказаннымъ. Ты имѣешь полное право показывать Сашѣ Б. мои письма, но не тѣ, въ которыхъ есть что-либо о Мед.,—это тайна между мною и тобою, тутъ третьяго не должно быть.

Бываютъ минуты, за которыя я не взялъ бы всѣхъ благъ міра, которыя хуже тяжкой болѣзни. Тогда обыкновенно я сажусь у себя наверху передъ столомъ и дрожу отъ холода, и лицо мое блѣдно, и я не смѣю въ руки взять твоихъ писемъ, ибо я долженъ страдать. Ежели-бъ я не вызвалъ ее на это чувство, ежели-бъ я не столкнулъ ее своею рукой (я не могу тебѣ сказать всѣхъ

подробностей, вѣрь на слово), тогда было бы дѣло другое. Полина замѣтила во мнѣ эти минуты и много разъ спрашивала, что такое: «Вы должны быть такъ счастливы, такъ счастливы?» Я тѣмъ несчастенъ, — отвѣчалъ я ей, - - что недостоинъ взора того ангела, который мнѣ отдался, тѣмъ, что я вижу всю ничтожность свою и всю небесность Наташи, тѣмъ, что на моей душѣ лежитъ угрызеніе совѣсти... Довольно...

Витбергъ велѣлъ тебѣ сказать, чтобъ ты свой поцѣлуй перевела на губы съ рукъ, тогда онъ его приметъ. Ежели будешь шить что-либо, постарайся къ 15 январю, — это день его рожденія. Но, смотри, что-нибудь очень хорошее, достойное его и тебя. А чтобъ не было затрудненій, я напишу папенькѣ объ этомъ.

Ты забыла, какъ называютъ костюмъ, въ которомъ я на портретѣ, и я расхохотался надъ серьезностью, съ которой *три раза* въ письмѣ просишь напомнить. БЕШМЕТЪ. Вотъ за то дивными буквами, въ родѣ почерка княгини Марьи Алексѣевны. Ты пишешь, что я *могу* теперь бросить все земное, порочное. Ха, ха, ха, въ томъ-то и дѣло, что *могу*, что *долженъ*, и не дѣлаю этого! Тутъ-то и есть эго необъятное разстояніе между человѣкомъ Александромъ и ангеломъ Наташей.

Полина въ восторгѣ отъ твоего обѣщанія кольца изъ волосъ. Пришли и мнѣ браслетъ изъ волосъ. Медальонъ твой часто бываетъ у моихъ губъ.

---

7 ноября, Москва.

Теперь я, мой ангелъ, *сестра милосердія*. У насъ внизу больные, вверху больные, во флигелѣ больные, и я кому порошокъ, кому микстуру, кому слова два-три, вмѣсто лекарства. Письмо твое прислали въ то самое время, какъ кн[ягиня] была чрезвычайно довольна моими попеченіями. Сколько я могла замѣтить, она была имъ очень довольна, заставляла нѣсколько разъ перечитывать и слушала *съ чувствомъ*, потомъ сказала: «Дай Богъ, чтобъ все это было правда; въ немъ умъ есть, онъ можетъ образумиться». И я увѣрена, что ея мнѣніе легко бы можно было перемѣнить, если-бъ не М. С.; она много, много вредитъ. Но Богъ съ ней, будто она можетъ быть препоной намъ на пути, по которому насъ ведетъ самъ Господь? Ко мнѣ же твое письмо я читала съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ пишу тебѣ черезъ папеньку. Вѣдь, это явный обманъ, тяжело, мой ангелъ! Прощай, я подлѣ постели кн[ягини], страшно писать. Жду, не принесутъ ли мнѣ письмо отъ тебя; вѣрно, есть.

Я эти дни сама полубольная, и знаешь ли отчего? Безпрестанно слышу и вижу такія низости, подлости, силъ нѣтъ! Кто-бъ то ни былъ, но коль скоро онъ унижается, дѣлаетъ что-нибудь недостойное души благородной, конечно, мнѣ грустно, я готова плакать, и, наконецъ, до того измучаюсь, что почти больна. А теперь я столько слышала объ измѣнахъ, о такихъ низкихъ поступкахъ, что это вообразить нельзя. О, мой ангелъ! о, мой Александръ! За то съ какимъ восторгомъ, съ какою вѣрою прибѣгаю я къ твоему образу, къ твоимъ письмамъ, они тоже образъ твоей души. Какъ я отдыхаю тутъ, какъ забываю все земное и горькое и какъ наполняюсь свѣтомъ, святостью! Тутъ я передъ тобою, какъ лампада передъ Спасителемъ.

Иногда я думаю: не было тебя, — я или бы вовсе погибла, утратила бы сердце и душу, или бы меня задушили эти стѣны, убили бы эти глаза, и я

давно-бъ, не вынося этого, бѣжала куда-нибудь вдаль, въ пустыню. И правда, ну, что меня привязываетъ къ этому свѣту, что? Ей-Богу, ангелъ мой, до сихъ поръ я смотрю, если-бъ не ты, что за пустота, что за глупость, что за чернота! Съ самыхъ юныхъ дней покинуть все это было первою моею мыслью, посвятить себя Богу, думать объ одномъ небѣ,—вотъ къ чему я готовила свою душу. Но ты, о, я не знаю, какъ и выразить, что такое былъ ты и прежде для меня, тобою я любила *его*, тобою земля была для меня богатѣе неба, и теперь...

Ну, да когда же, когда же, милый Александръ, ты увидишь самъ все то, чего ни, слово, ни перо выразить не могутъ? Пусть мнѣ скажутъ: ты увидишь *его*, но въ ту же минуту умрешь. Такъ что-жъ? Хочу, хочу умереть, лишь бы видѣть еще разъ тебя, божественнаго!

Ноября 14, середа. Вчера вечеромъ получила твое письмо отъ 28 октября. Все та же безгранная душа, та же любовь, то же небо и рай. Но, Александръ, я скажу тебѣ серьезно, скажу рѣшительно, ты огорчаешь меня. Что за мысль, будто ты не *стоишь* меня, будто ты *хуже* меня? Я говорила давно тебѣ, такъ и есть. Ты еще мало знаешь себя. О, если бы ты зналъ себя хоть такъ, какъ я тебя знаю,— тогда бы ты и меня не любилъ, тогда бы и цѣлой вселенной было бы мало любви твоей. Что за совершенство воображаешь ты во мнѣ? Зачѣмъ столько святости, столько небеснаго придаешь существу слабому, земному, которому вдунула душу твоя любовь, которое, дыша однимъ тобою, сдѣлалось малымъ подобіемъ тебя. И не должна ли я, я, мой ангелъ, я, любовь твоя, мучится тѣмъ, что низвела тебя съ высоты твоей, что заставила обратить на себя твой взоръ, и еще дерзновеннѣе, занять, наполнить душу *твою*? Будто я не должна была довольствоваться тѣмъ, что ты есть, что ты великъ, славенъ, свѣтелъ; будто для меня было бы мало *издали* боготворить тебя, возсылать къ тебѣ пламенные обѣты мои, возноситься къ тебѣ душою, всѣмъ существомъ поклоняться тебѣ, но все это такъ, чтобы ты не замѣтилъ этого, чтобъ не оскорбить тебя тѣмъ. Нѣтъ! Я возвысила слишкомъ мой голосъ, я дерзнула слишкомъ близко вознестись къ тебѣ, но это вина не моя, Александръ, то допустило Провидѣніе. И теперь, когда ты исторгъ меня изъ тьмы и мрака, далъ душу, далъ крылья, направилъ полетъ мой, далъ мѣсто въ своей душѣ, теперь ты уже говоришь, что не стоишь меня! Да ты вообрази только то, что была бы *я* безъ тебя, что была бы я, если бы ты не внялъ моему голосу, если бы не опустилъ взоръ свой такъ низко, что могъ увидѣть меня... Что?..

Не глядя ли на тебя, карабкалась я изъ ничтожества, въ которомъ гибнетъ такое неисчисленное множество людей, одаренныхъ прекрасною душой; не слыша ли твой голосъ, я поняла, что и изъ моей души можетъ литься пѣснь стройная; наконецъ, не мысль ли одна, чтобъ быть сколько-нибудь тебя достойной, сбросила съ меня все, чѣмъ обернули меня люди? Остальное сдѣлала любовь. Вѣдь, ты видишь, ты знаешь, что сдѣлалъ ты, и отпираешься отъ своего созданія, и говоришь, что творецъ ему иной. Ну, клянусь тебѣ, Александръ, вѣрь моимъ словамъ, какъ любви моей, я не могу вообразить, не могу представить себѣ, что бы такое могло быть въ *тебѣ* порочнаго и чернаго, какъ говоришь ты. Это для меня непостижимо! Въ чемъ, какъ можешь ты быть низкимъ? Тутъ я теряюсь, тутъ вовсе, наконецъ, ничего не понимаю и, пришедши въ себя, вижу: я на колѣнахъ, руки, взоръ воздѣты къ тебѣ, ты протягиваешь мнѣ обѣ руки, я лечу, лечу... и все еще далеко, далеко такъ отъ тебя!

Можетъ, ты всю черноту свою, все недостоинство хочешь доказать поступ-

комъ съ Мед.? Не дерзай такъ смѣло судить себя и въ этомъ, бойся оскорбить *Его,* придавая излишнюю черноту поступку этому. Вѣрнѣе всего, что Провидѣніе само послало тебѣ ее, видя уже, насколько высокъ ты (можетъ, ты былъ близокъ къ самозабвенію въ своемъ величіи), напомнить тебѣ, что ты смертный, предохранить тебя отъ опаснѣйшаго врага — гордости. Она страдаетъ, страдаетъ отъ тебя, конечно, это ужасно; отъ этой мысли все существо мое ноетъ, но и тутъ еще есть средство. О, Господи! окончи нашу разлуку. Одно моленье, тогда окончатся наши страданія и страданія Мед. Я увѣрена, Александръ, ну, не знаю сама почему, а мнѣ кажется, когда мы познакомимся съ ней, ей будетъ легче, даже она можетъ совершенно исцѣлиться.

Не воображай, не воображай, Бога ради, во мнѣ столько чрезвычайнаго. Можетъ, сблизившись совершенно, ты увидишь во мнѣ бездну недостатковъ, тогда какъ и одного довольно, чтобы заставить вѣчно страдать и твою любовь, и твою гордость. Не думай, чтобъ я слишкомъ боялась за себя, боялась бы унизиться въ твоихъ глазахъ; правда, это ужасно, но я могу быть счастлива и рабой твоей, *я* бы снесла все, если бы ты легко могъ перенести разочарованіе. Да, Боже мой! Что это, Александръ, право, это недостойно тебя, унижаться такъ предо мною! Ты называешь меня ангеломъ, такъ неужели бы я могла сдѣлаться ему подобной, подражая человѣку *простому?* Когда ты еще не высокъ, еще не чистъ, я, стало, еще меньше. Подумай хорошенько. Пока прощай, цѣлую тебя. Сумерки, едва видно — часы бесѣды моей съ твоимъ образомъ, словомъ, это только 1.000 верстъ дѣлитъ насъ (если разстояніе дѣлитъ); болѣе не говоримъ ни о чемъ,—или мы оба одинъ ангелъ, или оба одинъ человѣкъ.

Вечеръ. Не правда ли, мой другъ, какъ иногда тягостно стѣснять свои думы и чувства на бумагѣ? Излила бы все свободною рѣчью, безъ помощи пера. Тутъ такъ что-то все скоро стынетъ, все не такъ, какъ въ душѣ. Нѣтъ, тяжко что-то; иногда я съ досадою бросаю перо и мысленно, душой говорю съ тобою. Мнѣ кажется, ты тогда яснѣе слышишь меня. Мы дойдемъ, наконецъ, до того, что нашей любви не будетъ уже выраженій въ земномъ языкѣ. Пора, пора окончить тебѣ путь муки и страданій! Пора, ангелъ мой, склонить тебѣ голову на ту грудь, гдѣ найдешь и отдохновеніе прошедшихъ битвъ, и канунъ блаженства вѣчнаго. Пора!! Тогда ты не скажешь болѣе, что не достоинъ твоей Наташи (горе разлуки говоритъ эти слова), тогда-то мы будемъ одно, одно, и тогда только я могу совершенно, — ежели уже ты самъ возлагаешь на меня такъ много, — служить тебѣ опорою на камняхъ преткновенія и освящать минуты темныя. Нѣтъ, Александръ, ну, что мнѣ весь свѣтъ, друзья мои? Я все покину тогда, все, все; я хочу, чтобы ты одинъ занималъ всю душу мою, чтобъ она была любовь къ одному тебѣ. Уѣдемъ, покинемъ все: холодную родину, холодныхъ друзей. Они не могутъ облегчить разлуки нашей; что же могутъ, когда мы будемъ вмѣстѣ? Все покинемъ, все... Дальше, дальше отсюда, ото всѣхъ. Тебя одного хочу я, въ тебѣ будетъ и моя родина, и мои родные, и мои друзья, въ тебѣ будетъ все. Скорѣй же, скорѣй мчись, зима! Авось-либо хоть лѣтомъ!..

Знаешь ли, что бываетъ со мною? Сижу, думаю о тебѣ, забываюсь... И мнѣ кажется, ты меня зовешь, зовешь; слышу твой голосъ, и я опрометью, съ восторгомъ бѣгу въ другую комнату... Остановись! —говорятъ мнѣ пустыя стѣны... Нѣтъ, если-бъ не зима, ушла бы я къ тебѣ. Чего бояться? Со мною было бы Провидѣніе.

Ночь. Да, я все покину, я не могу дѣлить моего сердца, оно должно быть полно однимъ тобою. Не будь тебя, что мнѣ Эмилія, что мнѣ Саша Б... Тобою сроднилась я съ ними. Какъ они малы, ничтожны передъ моимъ Александромъ, за что я люблю ихъ? Онъ далеко, его нѣтъ со мною, я страдаю, и они меня не утѣшаютъ, не облегчаютъ души моей, а когда я буду съ нимъ, тогда мнѣ всѣ будутъ друзья, тогда всѣхъ я буду любить, какъ ихъ. На чтожъ я такъ отдалась имъ? Нѣтъ, я забуду ихъ, забуду все для него. Проходятъ цѣлые дни, недѣли въ однѣхъ воспоминаніяхъ о немъ. Можетъ быть, если-бъ мнѣ не напоминали о нихъ, я бы не вспомнила и цѣлый годъ! Такъ и надо, это хорошо, это восхищаетъ меня. Ему я принесу себя, полную однимъ имъ, одною любовью къ нему!

За мѣрку головы благодарю: за то пока до браслета посылаю локонъ.

12, четвергъ. Когда еще сначала я писала тебѣ въ Крутицы, что отдаюсь тебѣ, что ты можешь изъ меня сдѣлать то, что хочешь, *ты* отвергнулъ это, ты боялся взять на себя такъ много, чтобъ направлять маленькій, легкій челнокъ, а теперь ты отдаешь мнѣ себя, ты говоришь мнѣ: правь этимъ величайшимъ, изящнѣйшимъ зданіемъ — кораблемъ! Ты писалъ это въ тревожномъ раздумьи, тебя раздражило что-нибудь. И я напрасно на томъ листѣ говорю, что я когда-нибудь могу быть твоею опорой. Нѣтъ, Александръ, ты навсегда долженъ покинуть эту мысль. Правь ты мною и собою. Когда въ *чемъ-нибудь* есть у насъ опора, мы начинаемъ менѣе дѣйствовать сами, мало-по-малу вдаемся въ безпечность, и, наконецъ, полагаемся вовсе на эту опору и не достигаемъ желаннаго. Тебѣ-ль искать опоры? Ты такъ великъ, такъ силенъ самъ. Ты самъ можешь достигнуть той высоты, на которую указываетъ христіанство. На что же ты избѣгаешь *труда* и ищешь моей помощи? Такъ, ежели я и могу возвести тебя туда, можно-ль, чтобъ ты былъ вторымъ по меня? Нѣтъ, Александръ, я отнимаю мою руку, я не хочу умалить величія твоего своею помощью, говорю тебѣ: ты *можешь самъ.* Итакъ, преодолѣвай, стремись! Крылья твои пространны, они умчатъ тебя высоко, лишь не опускай ихъ. И тутъ уже униженіе, и тутъ паденіе, что ты говоришь мнѣ: «правь мною»? Воспряни, Александръ, и съ высоты твоей глаголи мнѣ: «гряди по мнѣ». Ты говоришь: «Я знаю, что я теперь глубоко не паду, знаю, что нравственное чувство перевѣситъ страсти». Какая бездна, какія страсти? Ты миновалъ ихъ. Оглянись назадъ, онѣ далеко, далеко за тобой. Впереди путь широкій, гладкій: правда, по сторонамъ, можетъ, есть пропасти, и пропасти еще ужаснѣе прежнихъ, но ихъ и не видно: онѣ загорожены высокимъ валомъ — любовью ко мнѣ. Ты не пойдешь въ стороны (валъ этотъ превысочайшій и съ обѣихъ сторонъ твоего пути) съ тѣмъ, чтобъ перейти валъ и упасть въ бездну: что же останется мнѣ?

«Но когда солнце»... Постой, ежели уже ты этого не знаешь, такъ я знаю, Александръ, что солнце не выйдетъ на горизонтъ пятномъ кровавымъ; я говорю тебѣ, — тебѣ, что въ свѣтѣ его потонетъ и небо, и земля. А мнѣ это говоритъ моя душа. Не вѣрить ей — не вѣрить любви моей. Ты ужасно самолюбивъ, Александръ. Какъ, еще тебѣ мало, еще тебѣ не достаточно Его созданья, и ты отдаешь его додѣлывать, дополнять такому слабому, такому еще ничтожному существу въ сравненіи съ тобою, отдаешь мнѣ поправлять дѣло рукъ Его? Но я не скажу болѣе ничего. Ты видишь самъ, мой ангелъ, что твои слова, и слова важныя, сказаны тобою необдуманно. Говорилъ ли орелъ голубю: научи меня летѣть къ солнцу? Ежели еще продлится наша разлука и такое же будетъ дѣлать вліяніе на тебя,—избави Богъ!

Что-то О.? Можно ли это? Ни слова о немъ! Да что и еще хуже—это слова: *повидимому, счастливъ!* Такъ небрежно, протяжно, лѣниво, такъ беззвучно и такъ безъ вниманія — *счастливъ!* И о комъ же? Какъ глупы люди, какъ они жалки! И каково же, мой ангелъ, вѣдь, и о насъ такъ же будутъ говорить. Это ужасно! Такъ пусть лучше ничего не говорятъ. А какъ же это сдѣлать, оставаясь здѣсь? Бѣжать, бѣжать дальше отъ мѣстъ, гдѣ полужизнь и полудуша, бѣжать туда, гдѣ полно все!

Вѣдь, это странно, мой ангелъ, я никакъ не могу вообразить себя и тебя дома на сѣверѣ. Посмотри, сѣрое небо, все одѣто въ бѣлый саванъ, какъ мертвецъ, у всѣхъ посинѣвшія губы, такъ холодно... О, нѣтъ, нѣтъ, не оставляй меня здѣсь! Я даже съ жадностью слушала о Саратовской губ. одну пріѣзжую оттуда, о Саратовѣ... а тамъ, «гдѣ родина музыки и молитвы . . Là bas, là bas! O, mon ange gardien, nous dirigerons nos pas!

Ахъ, знаешь ли чудо? Во время болѣзни кн[ягини] я была все подлѣ ея постели, и разъ разговорились о тебѣ. Согрѣшила, солгала я нѣсколько то, что ты писалъ мнѣ о Четьи-Минеяхъ, о Посланіяхъ апостоловъ. Я сказала, что все это ты говорилъ мнѣ, какъ я была у тебя въ Крутицахъ; кн[ягиня] въ восхищеніи. Наконецъ, я вынудила ее сказать, «что тебѣ дано прекрасное сердце и душа, данъ обширный умъ отъ Бога, но что воспитаніе портило тебя ужасно и что, наконецъ, Провидѣніе само доканчиваетъ твое воспитаніе». Болѣе всего помирило ее съ тобою это то, что я сказала, что ты мнѣ велѣлъ читать Евангеліе и Посланія и что до того мнѣ не приходило (какъ и имъ) это въ голову. Ну, право бы, мнѣ кажется, въ скоромъ времени тебя можно было поздравить съ совершеннымъ миромъ съ кн[ягиней], если бы не М. С. Не понимаю я, за что такая ненависть, и какую власть она имѣетъ на кн[ягиню],—это ужасно!

15, воскресенье. Какъ ты думаешь, Александръ, какъ провела я эти три дня? И день, и ночь не выхожу изъ спальной кн[ягини]. Мнѣ немного понездоровилось, и за это меня не пускаютъ ни наверхъ, ни въ другую комнату. Есть отъ чего занемочь вдвое. Да и портрета-то твоего нельзя видѣть. На минуту принесла мнѣ его сегодня Саша для праздника, и то это съ опасностью. Вотъ въ эти-то минуты надобно имѣть твердость и терпѣніе. Что же остается мнѣ дѣлать при глазахъ у кн[ягини]? Одно—думать и думать, мечтать и мечтать! Но теперь эти думы и мечты тревожны: ты пишешь, что ты грустенъ и отъ самого себя. Нѣтъ, Александръ, я не ожидала, чтобы ты могъ когда-нибудь...

16, понедѣльникъ. Это ужасъ! Не могу читать ничего, не могу смотрѣть на твой образъ, не могу думать, дышать... Нѣтъ, ей-Богу, на Крутицахъ тебѣ было лучше!

Рѣшилась сказать тебѣ хоть слово, это облегчитъ меня, ангелъ мой. Ежели еще продержутъ меня здѣсь, занемогу. Одна отрада—ночь, и то если бы не было лампады, я бы сошла съ ума. Но, впрочемъ, это глупо, какое малодушіе: почему не стерпѣть? Завтра, навѣрное, я буду въ моемъ дворцѣ и тамъ, тамъ ты, тамъ письма, мечты, тамъ и воздухъ есть, а здѣсь и того нѣтъ!

---

10 ноября.

Я разскажу тебѣ случай, бывшій со мною на-дняхъ. Онъ большей части людей покажется ничтожнымъ, иные улыбнутся, но я пишу тебѣ. А ты такъ совершенно, такъ вполнѣ понимаешь меня, какъ никто, какъ одинъ Онъ. Я долго

читалъ духовныя книги, много размышлялъ о христіанствѣ, сочиняя статью о *религіи* и *философіи*. Усталъ; пора было спать. Я многое раскрылъ, написалъ мысли совершенно новыя и радовался. Безъ всякихъ мыслей раскрываю Эккартсгаузена и попалъ на слѣдующее мѣсто св. писанія: «И бѣси вѣруютъ и трепещутъ». Я содрогнулся! Да, вѣра безъ дѣлъ мертва. Не мышленіе, не изученіе надобно; дѣйствованіе, любовь — вотъ главнѣйшее. Любовь Бога создала слово воплощенное, т.-е. весь міръ. Любовь построила весь Христову. И почему мнѣ именно открылось это мѣсто? Случай, — вздоръ! Нѣтъ случая! Это нелѣпость, выдуманная безвѣріемъ. Этотъ текстъ раскрываетъ или, лучше, указываетъ на многое. Я падшій ангелъ, но всему падшему обѣщано искупленіе; ты — путь, черезъ который я долженъ подняться. Судьба тебѣ предназначила великое: и одну погибшую овцу кто воротитъ, заслуживаетъ царство небесное. И какое счастье исполнитъ тебя, когда, остановивъ на мнѣ твой взоръ, ты скажешь: онъ гибнулъ, и я спасла его любовью, собою; онъ сгорѣлъ бы, и я его огонь обратила къ небу. Наташа, прелестна твоя судьба! И какъ вѣчна должна быть любовь, возгорѣвшаяся на этомъ основаніи! Повторяю, любовь есть прямая связь Бога съ человѣкомъ.

Ровно годъ тому назадъ я, истощивъ всѣ глупости и буйства, но не истощивъ души своей, вздохнулъ по высокому назначенію, по тебѣ. Ровно годъ тому назадъ я торжественно окончилъ эту оргію нѣсколькихъ мѣсяцевъ преступленіемъ и, перегорая въ тысячѣ страстяхъ, погубилъ несчастную женщину для того, чтобы найти и тутъ пустоту, чтобы оставить угрызеніе совѣсти и, наконецъ, созвать съ неба ангела хранителя и воскреснуть въ свѣтѣ звѣзды восточной, въ объятіяхъ Наташи. *Ровно годъ* — и все перемѣнилось. Мы выросли. Я не такъ отчетливо понималъ себя. Ты также. Ты сдѣлалась разомъ иная, сказавъ: «люблю тебя, Александръ»; тогда ты развернулась во всей славѣ, во всемъ блескѣ. Я боялся любви, но, наконецъ, написалъ: «Можно ли жить съ моимъ бѣшенствомъ, съ моею душой безъ любви, стало-быть, любить!» Ты мнѣ отвѣчала отъ 18 ноября 1835 года: «Сначала я читала твое письмо спокойно, а теперь мнѣ страшно за тебя. Нѣтъ, погоди любить, *мой* Александръ»... И мы ужъ тогда любили другъ друга. Слово *мой* все говоритъ. И ты не знала, что любовь, твоя любовь одна спасетъ меня. Ты писала тогда же (отъ 26 ноября 1835 г.): «Я исчезну, ежели это надобно»,—и, между тѣмъ, уже не имѣла духа подписаться сестрою, а написала *твоя* Наташа. Зачѣмъ не прежде мы открыли наши души? Зачѣмъ?

11 ноября. Теперь нѣсколько словъ и только. Вчера былъ на балѣ и грустилъ. Воротился часа въ 4, и теперь голова пуста. Иногда на людяхъ, въ толпѣ, я забываюсь и безотчетно отдаюсь минутному бѣшенству и веселости. Вчера я сидѣлъ одинъ и сердился на всѣхъ и досадовалъ. Прощай, милый другъ, прощай!

Повѣсть остановилась: занятія другія есть. Статей своихъ еще не посылаю. На все есть причины. Я не имѣю надежды получить твой портретъ. Можетъ, такъ и надобно, чтобы вся эта полоса была черна для меня и безотрадна. И я это говорю, получая твои письма! Прости, другъ мой. О, твои письма нужнѣе воздуха! Безъ нихъ... нѣтъ, безъ нихъ и представить себѣ жизни не могу. Ты пишешь, что мой портретъ многіе находятъ не похожимъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, мой взглядъ не тотъ, который видѣли до іюля 1834 года. Теперь въ немъ горитъ любовь и отражаются сильныя потрясенія.

Приметъ ли мой поклонъ твоя Саша Б.? Право, не надобно видѣть человѣка для того, чтобы быть знакомымъ. Ты знакома съ Полиной и болѣе, гораздо болѣе, нежели съ тѣми, которыхъ видишь часто. Итакъ, ежели приметъ, передай [1]).

Твой здѣсь и *тамъ Александръ.*

17 [ноября].

Ну, вотъ, мой ангелъ, терпѣніе все преодолѣваетъ.... Зато какъ я вознаграждена! Почти недѣлю просидѣла въ карантинѣ, а теперь одна въ своей кельѣ, и твой портретъ предо мною, и я могу до сыта наглядѣться на тебя, мой ненаглядный, и наговориться, и даже могу писать! Ахъ, какъ хорошо, какъ весело, какъ легко! Право, чудно, невѣроятно показалось бы всякому изъ *нихъ*, что съ каждымъ шагомъ, съ каждою ступенькой наверхъ къ тебѣ во мнѣ умножались силы, жизнь, восторгъ, и уже я коснулась до моего завѣтнаго столика, очищенная совершенно и отъ земли, и отъ людей, и отъ ихъ цѣпей. Такъ, мой ангелъ, смотри, сколько ты приносишь мнѣ блаженства и за 1.000 верстъ, сколько счастья, радости, удовольствія заключается для меня въ лоскуткѣ бумаги, присланной тобой! Но этого еще мало бы было, если-бъ ты приносилъ мнѣ только радость, жизнь, удовольствіе, – нѣтъ, Александръ, ты сдѣлалъ изъ меня (почему-жъ мнѣ не сказать, это не изъ самолюбія, нѣтъ; тутъ все *ты*, твоя слава, твоя любовь; я должна говорить все), — ты изъ меня сдѣлалъ добродѣтель, сдѣлалъ то, чего бы ни одни родители, никакой бы мудрецъ не могъ сдѣлать. И ты же, мой ангелъ, мой спаситель, отецъ мой, мой жизнодавецъ, ты же, Александръ, говоришь, что не стоишь меня. Господи, если-бъ я умѣла только изъяснить, умѣла бы выразить. Но нѣтъ ни словъ, ни выраженій, ни мыслей даже столько нѣтъ, чтобы дать тебѣ малѣйшій очеркъ того, что ты для меня. Всей жизни моей, всей души моей мало воздать тебѣ, да и что же на землѣ... Тамъ, тамъ запою я тебѣ, мой ангелъ, гимнъ, котораго не достойна земля, тамъ засіяю я предъ тобою свѣтильникомъ яркимъ, чистымъ. Здѣсь онъ иногда теменъ.

Письмо, письмо отъ тебя, такъ прощай же, кончу потомъ.

19-е. Опять все то же и то же! Опять будто ты туча, будто не достоинъ меня. Знаешь ли, какъ мнѣ тяжко и горько читать это? Лучше бы ты сказалъ мнѣ: «нѣтъ, Наташа, какъ ты ни чиста, какъ ни высока, какъ ни прелестна ты, но все еще недостойна любви моей; лети, лети выше, приближься хоть сколько-нибудь ко мнѣ, будь хоть сколько-нибудь похожа на меня... И тогда,— тогда я протяну тебѣ мою руку, отдамъ сердце и душу». И тогда бы стремленіе моей души къ изящному и святому было-бъ сильнѣе, и тогда-бъ я была ближе къ тому ангелу, котораго ты воображаешь во мнѣ. А теперь ты говоришь: «увѣрь же себя въ своей высотѣ»,—могу ли я это сдѣлать, когда ты не велишь вѣрить въ высоту твою? Ты говоришь, что я увлекаюсь въ тебѣ, а я чувствую, что я далека отъ того, что ты видишь во мнѣ. Ты съ 13 лѣтъ моей жизни велъ меня въ рай, какъ Богъ, ведшій израильтянъ въ обѣтованную землю въ видѣ облачномъ, и ты же называешь себя тучею... Говорю, мнѣ легче-бъ, если бы ты находилъ во мнѣ болѣе дурного, нежели въ себѣ, легче-бъ, если бы ты забылъ

[1]) Рукою Натальи Александровны приписано: «1836, ноября 23, понедѣльникъ 7 часовъ вечера, получено въ гостиной, читано у Александра въ комнатѣ, на его диванѣ».

Примѣч. издат.

меня, находя мою высоту недостойною твоей высоты. Это все сноснѣе, нежели слышать, что ты называешь себя недостойнымъ *меня*. Ну, какъ не быть въ тебѣ твердости покинуть землю и ея нечистоту, какъ не сдѣлаться тебѣ ангеломъ, когда другихъ ты дѣлаешь ангеломъ, какъ не взойти тебѣ на небо, когда ты приводишь туда другихъ? Какъ не сдѣлаться тебѣ, Александръ, изящнымъ совершенно, когда ты видишь столько изящества въ своемъ созданьи? Горько, тяжело мнѣ, ты навелъ на меня ужасную тоску. Но послушай, разсмотри хорошенько, Александръ, ради Бога, умоляю тебя, прошу на колѣняхъ, ангелъ мой (не испугайся того, что я скажу тебѣ), разсмотри, Александръ, быть можетъ, очень можетъ быть, причиною всему этому я. 9 апрѣля я *показалась* тебѣ существомъ чистымъ, небеснымъ, тогда ты былъ угнетенъ, тогда ты не видалъ никого лучше меня, но теперь, можетъ, видишь несовершенную мечту, изломанный идеалъ, — словомъ, ничтожность, и эта-то ничтожность низвела тебя съ твоей высоты, и ты приблизился къ землѣ и полюбилъ ее, и она запылила тебя, сковала, и въ тебѣ нѣтъ силъ взлетѣть на прежнее мѣсто, и это-то, можетъ, тебя терзаетъ, мучитъ. Ради Бога, не сердись на меня, не упрекай прежде, нежели разсмотришь все это. Посвяти на это день, недѣлю, мѣсяцъ (хоть годъ, вѣдь, тутъ твое спасенье), и если слова мои истинны, т.-е. ежели ты увидишь, что *я* удерживала твое стремленіе, *я* не пускала тебя на ту высоту, куда указываетъ христіанство, увидишь, что я запылила твою душу, брось, забудь Наташу и уже не ищи на землѣ исполненія надеждъ, воплощенія ангела, не ищи любви. Тамъ, тамъ обрѣтешь ты твоего ангела, твою звѣзду, тамъ твоя любовь, тамъ все. А я исчезну (какъ говорила и прежде), и тебѣ не будетъ преграды идти туда! Что-жъ ты дивишься, на что нахмурился, Александръ? Ты говоришь: «силенъ ударъ въ мою грудь, вымарай, вылечи его!» Ты говоришь: «душа моя запятнана». Что же дѣлать мнѣ, когда я не вижу въ тебѣ пятенъ, когда ты для меня все на свѣтѣ: и добродѣтель, и святое, и рай, и божество? Мнѣ кажется, тебя къ землѣ не привязываетъ ничто, кромѣ меня, кажется, я единственное пятно, затмевающее твою душу. Скажи-жъ, скажи, что дѣлать мнѣ, какъ повѣрить, что ты, мой Александръ, ангелъ и дьяволъ? О, это страшно! Ты говоришь: «сдѣлай изъ меня ангела». О, если бы для этого я могла отдать жизнь мою! Нѣтъ, этого мало: жить и всю жизнь страдать. Но какъ же страдать любимой тобою? Невозможно. Ну, если-бъ я знала, чтобъ тебѣ сдѣлаться ангеломъ, надо первое — забыть меня, презрѣть и, съ тѣмъ вмѣстѣ, разстаться со всѣмъ, что привязываетъ къ землѣ, къ нечистому,—неужели-бъ я не желала быть презрѣнною тобой? Боже мой, Боже!.. Александръ, Александръ! На что же на душѣ твоей пятно не я? Зачѣмъ все темное, все нечистое души твоей не любовь къ Наташѣ, зачѣмъ?.. О, тогда бы я смыла и пятно это, тогда бы я сдѣлала тебя ангеломъ, тогда бы это было въ моей волѣ, и я была бы вполнѣ счастлива, а теперь,—что могу я?.. Да и могу ли я дѣлать изъ тебя то, чему уже я поклоняюсь въ тебѣ, что боготворю? Но это ужасъ, ужасъ! Ты говоришь, что я увлекаюсь... Итакъ, Александръ, моя любовь къ тебѣ одно увлеченіе? Тебѣ не страшно было сказать это мнѣ? Ты равнодушно говоришь: «Наташа, то, къ чему ты стремилась всю жизнь, что воображала, наконецъ, обрѣтеннымъ, чему отдала и жизнь, и сердце, и душу, и вѣчность, — то, что сдѣлало тебя ангеломъ, чѣмъ живешь ты теперь, есть ничто, одна мечта, воображеніе: мало того, это темнота въ той степени, въ которой тебѣ видѣлся свѣтъ».

Но, что-жъ... нѣтъ, мнѣ теперь ужасно тяжело! Прости мнѣ все, что я сказала тебѣ, ангелъ мой. Сердце сжато, сдавлено. Летѣла бы къ тебѣ, послѣ одного взгляда на тебя умерла бы у ногъ твоихъ, и тамъ бы, уже тамъ, стала бы молить Его, когда теперь моя молитва не доходитъ, а здѣсь могу ли я желать умереть, не видавши тебя? Довольно... тяжко!..

Скажу только одно, и скажу не *такъ*, а потому, что я это знаю, что увѣрена въ этомъ, что въ томъ порука мнѣ самъ Богъ: *я* не паду, а *ты нераздѣльное со мною!*

Прощай, твою руку... Не сердись же на меня, скорѣе забудь все, все, будь братъ Христовъ и не говори мнѣ: «а ты?». Что мнѣ до меня, когда есть *Александръ?!*

Ужъ за полночь. Я не сплю и не могу спать. Ты передо мною, твое искупленіе .. моя любовь... мнѣ вести тебя въ рай... мнѣ пасть тобою... пасть черезъ любовь къ тебѣ?.. Нѣтъ, Александръ! Не отнимай моей вѣры, не отнимай любви или вынь изъ меня сердце, убей душу. Нѣтъ, Александръ, ты тотъ, который прославитъ Его, ты тотъ, который докажетъ Его величіе, премудрость, благость. Въ тебѣ увидятъ изящество Его созданія, въ тебѣ поклонятся Ему, ты спасеніе *ихъ*, ты блаженство моей души, ея награда. Что мнѣ вѣчность въ раю безъ тебя?

Я покойна. Какъ странникъ, скитающійся долгую жизнь на землѣ въ горѣ и страданіяхъ, возвращается, наконецъ, къ Богу, въ немъ отдыхаетъ, въ немъ получаетъ награду за все, такъ я отъ бурь моихъ возмущенныхъ думъ и чувствъ возвратилась къ тебѣ, мой свѣтъ! Здѣсь мой покой, здѣсь мнѣ награда, и ты ужъ не отнимешь этого у меня, ангелъ мой? Нѣтъ, не отнимешь. Другъ мой. Александръ. Мой Александръ! Прости, пріятнаго сна на разсвѣтѣ!

22 ноября. Наконецъ, наступаетъ 23 ноября! Вѣдь, ангелъ мой, этотъ день для меня больше, нежели для тебя 26 августа. Но и онъ, этотъ священный день. настанетъ мрачный, холодной, день моего Александра, а мой Александръ за 1.000 верстъ! Но я обниму тебя, я прижму тебя къ моему сердцу и за эту даль мое поздравленіе долетитъ къ тебѣ прежде всѣхъ поздравленій вятскихъ, я не покину весь день тебя. Ты меня увидишь, услышишь мой голосъ, ты будешь чувствовать, что твоя неразлучная съ тобою. О, какъ утѣшительна, отрадна эта мысль! Но зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, я не у тебя, зачѣмъ не мой поцѣлуй—первый подарокъ тебѣ?

Грустно, грустно, но завтра я не буду грустить. Я буду стараться весь день быть веселой такъ, какъ бы я была весела вмѣстѣ съ тобою, а то грусть моя долетитъ къ тебѣ и навѣетъ мрачность на твою душу. У насъ была всенощная (св. Митрофанія). Неужели для тебя это, Александръ, не имѣетъ никакой важности? Нѣтъ, я люблю службу и дома; это придаетъ торжественность; и я всею душой молилась. Пойду къ ранней обѣднѣ, а тамъ, тамъ... Не знаю, сомнительно, но, можетъ быть, умилосердятся, пустятъ меня къ папенькѣ. Лев. Ал. очень просилъ меня сегодня, но очень не надѣюсь.

Послѣ всенощной всѣ поздравляютъ другъ друга съ наступающимъ праздникомъ Митрофанія, одна я не поздравляла никого и меня никто. И тутъ мнѣ еще холоднѣе стало на этой снѣжной полянѣ, и сжалось сердце, и рвалось къ тебѣ, и ныло. Одна моя вѣрная Саша въ темномъ уголкѣ, украдкой, со слезами поздравила меня съ дорогимъ именинникомъ.

Я немного теперь спокойнѣе, но какъ перечитаю твое послѣднее письмо,

кровью сердце обольется. О, Александръ, Александръ! Стало, ты еще не знаешь, что́ ты для Наташи. Я сказала тебѣ: мнѣ легче бы, когда-бъ ты презрѣлъ меня, нежели ты называешь себя недостойнымъ меня. Но объ этомъ теперь ужъ ни слова. Можетъ, на прощанье скажу нѣсколько словъ еще. При одномъ воспоминаніи содрогаюсь.

Итакъ, прощай, Александръ, прощай, мой свѣтъ! Ужъ что хочешь ты говори, не затмить тебѣ моего Александра, моего солнца, оно свѣтло, свѣтло такъ горитъ здѣсь въ душѣ... О, другъ мой! Обнимаю тебя, прощай же!

Сегодня я ждала маменьку и не видалась съ ней,—грустно,—съ 22 октября! Что-то завтра?..

18 ноября.

Наташа! По нынѣшней почтѣ я не писалъ тебѣ. Какая-то пустота, какая-то усталь наполняла душу во всю недѣлю. Да, хоть бы былъ портретъ твой. Я всю эту недѣлю былъ менѣе способенъ, нежели когда-нибудь, ко всему великому, менѣе ощущалъ любовь,—словомъ, самъ былъ менѣе. Наташа! усталъ я, очень усталъ! Напрасно думаю я заглушить голосъ души дѣятельностью: онъ прокрадывается наружу и точитъ сердце. И гдѣ-жъ берегъ? Твердо перенесъ я тогда отказъ, но какъ перенести эту нѣмую разлуку съ тобою? Люди! отдайте мнѣ ее, отданную мнѣ самимъ Богомъ!

Получилъ сегодня твое письмо отъ 31 октября. Зачѣмъ же ты хочешь порвать всѣ нити съ людьми? Любовь однимъ объятіемъ обнимаетъ все, грѣетъ все: и природу, и человѣчество, и самое Божество. Такой жертвы я не требую. Да, весь міръ твой во мнѣ, ты отдѣльно не существуешь, но развѣ, погружаясь въ мою душу, ты не можешь взять съ собою и дружбу? Я для тебя не жертвую друзьями, я ихъ люблю, какъ прежде, еще болѣе, ибо любовь очистила мою душу. Тогда только должна ты оставить все, когда мой призывный голосъ это скажетъ, и то не перестанешь любить ихъ. Шнурокъ получилъ, благодарю. Я поцѣловалъ его со слезою на глазахъ, намоталъ на руку и задумался... и думалъ долго.

Emilie идетъ въ монастырь. Дай, Господи, ей силы окрѣпнуть! Молитва, религія—онѣ все уврачуютъ. Я ни слова противъ, пусть идетъ, пусть покинетъ людей, которые не умѣли оцѣнить ея пламенную душу, ея порывистый нравъ. Въ самихъ страданіяхъ есть своя поэзія, высокая и святая. Вѣра и надежда... пусть онѣ замѣнятъ ей любовь.

23 ноября. Ангелъ! Теперь сумерки, то время, въ которое ты мечтаешь обо мнѣ, и нынче ты, вѣрно, его провела со мною отъ утра. Гости мѣшаютъ писать. Тебѣ не нужно говорить много, не нужно говорить, что, сидя съ толпою, я тамъ, тамъ, въ маленькихъ горницахъ княгининаго дома. Весь день провелъ я грустно и скучно и даже мнѣ не было пріятно смотрѣть, что почти всѣ съ истинною любовью, съ преданностью пили мое здоровье, ибо въ ихъ тостахъ была доля состраданія, и я чувствовалъ, что, одинокій, оторванный отъ тебя, этотъ день я достоинъ былъ состраданія.

Сверхъ нашихъ домашнихъ, т.-е. здѣшнихъ, и Полины, есть въ Вяткѣ два человѣка, которые мнѣ преданы такъ искренно, такъ отъ души, что дружба ихъ меня трогаетъ. Это Эрнъ и учитель гимназіи Скворцовъ. Ихъ вниманіе, ихъ стараніе, чтобъ я сколько-нибудь былъ веселъ, заставляли меня притво-

ряться беззаботнымъ, но плохо удавалось. Нѣсколько словъ о Скворцовѣ. Отъ природы очень умный человѣкъ, онъ прозябалъ въ провинціальной жизни, мелкой, пустой, сведенной на матеріальныя требованія. Я бросилъ мысль и чувство въ его душу, и она отвѣтила. Я воротилъ его къ ученымъ занятіямъ. и онъ какъ бы изъ благодарности привязался всѣмъ сердцемъ ко мнѣ, влюбился въ меня. Опять прощай. Цѣлую тебя.

24 ноября. И даже эта дружба ко мнѣ мнѣ тягостна. Всѣ они ошибаются, всѣ воображаютъ меня лучшимъ, нежели я есть, и это душитъ, терзаетъ. Я смотрю иногда съ проніей на ихъ заблужденія, и самая острая сторона этой ироніи язвитъ мою душу, а не ихъ. Въ нихъ настолько осталось натуральнаго. прямого, что они не могутъ подозрѣвать подъ этою блестящею фразой, въ этомъ одушевленномъ взорѣ что-либо дурное. А я знаю себя, знаю, какъ я палъ и падалъ, не долженъ ли хохотать надъ ними. Но я не обманщикъ, я часто срываю съ себя покрывало, показываю душу въ ранахъ. Ихъ вина, ежели не понимаютъ. Ничто, ничто не можетъ меня вылечить отъ этихъ мыслей, кромѣ тебя, а тебя то и нѣтъ со мною. Иногда мнѣ кажется, что я —анчаръ, это дерево, которое зоветъ усталаго путника середь степи, и, когда тотъ бросится подъ тѣнь его, онъ отравленъ. Одна ты изъ яда можешь сдѣлать нектаръ. Боже, возврати же меня скорѣе къ ней! Ты видишь, что я не могу безъ нея ни жить на землѣ, ни придти на небо!

23 ноября, понедѣльникъ, 1-й часъ утра.

Поздравляю, поздравляю тебя, ангелъ мой! Теперь моя очередь цѣловать тебя... О, какъ бы я поцѣловала тебя! Но все равно, пусть долетитъ къ тебѣ и поздравленіе, и гимнъ, и молитва, и поцѣлуй моей души. Тебѣ остается только вообразить, какъ бы все это было, если-бъ мы были вмѣстѣ. Болѣе не успѣваю сказать тебѣ ни слова, *(велѣли)* иду завиваться. Туда, туда ѣду... я не знаю, какъ это сказать... но чего-жъ яснѣе, ѣду домой! Саша ждетъ съ гребенкой. Нѣтъ, еще словечко. Какъ я ни стараюсь преодолѣть себя,—грустно. Боже мой! Летѣть къ тебѣ—это слишкомъ легко, прелестно, идти—медленно, бѣжать,—если-бъ можно, катиться клубкомъ... О, воля, воля! Но мнѣ будетъ весело, я предчувствую. Не письмо ли отъ тебя?..

12 часовъ вечера. Хочется еще тебя поздравить и расцѣловать, мой Александръ! Явись предо мною! Я бы такъ долго, долго смотрѣла на тебя... долго!.. Теперь слушай отчетъ всего, что происходило 23 ноября 1836 г.—день твоего тезоименитства, день великій. Съ 6 часовъ вчерашняго вечера и до 1 часу сегодняшняго утра (выключая ночь) продолжались морали, правила, наставленія. О... тутъ надо твердость! Потомъ, не лучше морали, повелѣніе завиться — несносно! Наконецъ, конецъ всему скучному, тяжкому, пыльному, я *одна* дома. Ты можешь вообразить это чувство. Съ 9 апрѣля я не была тамъ *одна,* да и до того-ль мнѣ было тогда, одна я, или вокругъ меня легіоны сторожевыхъ? Прелестная, полная радости чистой, высокой, ровной была встрѣча моя съ маменькой. *Мнѣ хотѣлось ея поздравленія.* Потомъ папенька .. я подарила ему ермолку, которую вязала именно для него, но она, кажется, пошлется тебѣ. Не носи ея, она для тебя не хороша. Онъ во весь день былъ со мною такъ хорошъ, какъ бы я не желала лучше. Что-то особенное (можетъ, воображеніе), за столомъ говорилъ, что я похожа на богиню; и даже М. С. послалъ пряничковъ

(какъ кстати — она нездорова), велѣлъ приписать тебѣ... и проч., и проч. Во мнѣ-жъ чудныя были чувства: то мнѣ становилось такъ грустно, такъ грустно (разлука!), то, казалось, изъ другихъ комнатъ несся твой голосъ и я, повинуясь чему-то невѣдомому, шла туда и будто ждала тебя, да и досадно, что долго не идешь... Прелестнѣйшія минуты эти, когда я украдкой уйду въ твою комнату... Гдѣ земля? гдѣ люди? гдѣ все, кромѣ Александра? Теперь я могу спросить это, но тогда не могла. Твой диванъ... Тутъ мы сиживали, тутъ ты спалъ всегда, тутъ воскресло все, что было до твоего отъѣзда. И, признаюсь, многихъ бы не желала я тогда видѣть, особенно многаго слышать. Но, мой ангелъ, безъ тебя этотъ день я бы не могла лучше провесть. И какое-жъ заключеніе? Письмо отъ тебя! Странно, ты все говоришь мнѣ—увлеченіе! Да какъ же мнѣ-то не вѣрить моему сердцу? Посмотри, обмануло ли оно меня хоть одинъ разъ? Завтра отвѣтъ на письма, сегодня довольно и прочесть ихъ. Итакъ, праздникъ ужъ миновался въ Москвѣ (въ душѣ моей онъ вѣчной), что-то въ Вяткѣ? Я безпрерывно придумывала, что ты дѣлаешь? Ты также, и наши думы встрѣчались, мѣнялись, сливались, только, можетъ быть, я отгадала многое, а ты, вѣрно, и не воображаешь, чтобъ я такъ дивно пировала. Затѣмъ, мой имениникъ, прощай, вѣдь, я еще только три раза читала твое письмо. Въ заключеніе всего, всего, цѣлую тебя, ангелъ мой. Пусть и сонъ подаритъ тебя, пусть онъ навѣетъ тебѣ мой образъ.

24, вторникъ. Итакъ, ты спокоенъ, Александръ. Тебя не давитъ эта тяжкая мысль, что ты не достоинъ меня? Тебя не жжетъ буйное стремленіе къ славѣ? Ангелъ мой! Пусть я прелестна, пусть нѣтъ между людьми высшаго совершенства, какъ я, но кто-жъ, кто меня сдѣлалъ такою? Разсмотри съ самаго начала мою жизнь. Была ли у меня мать? Нѣтъ. Кто же первый, не зная самъ того, заступилъ ея мѣсто, т.-е. началъ меня въ колыбели свѣтлыхъ мечтаній, питалъ своимъ взоромъ, словомъ—*кто?* Былъ ли у меня отецъ?.. Кто-жъ первый положилъ основаніе въ душѣ моей всему изящному и святому? *Кто?* Былъ ли у меня братъ, сестра или кто-нибудь *родной?* Было все и *въ комъ?* Былъ ли другъ у меня, спутникъ души въ тѣхъ лѣтахъ, когда мы такъ ищемъ симпатіи, когда нуженъ обмѣнъ мыслей, чувствъ и души? Былъ, былъ этотъ дивный, святой другъ у меня, былъ и *кто же?* Наконецъ, кто спасъ меня, вырвалъ изъ тѣсныхъ объятій земли, разорвалъ цѣпи, которыми меня сковали люди, отворилъ въ рай врата и привелъ къ Господу, *кто?* Скажи, отвѣчай мнѣ, Александръ! Скажи, смѣла ли я назвать кого сими священными именами, кромѣ тебя? Ты моя мать, мой отецъ, братъ и другъ, ты мой спаситель и ангелъ хранитель! А слава, слава... кто прославитъ Его, ужель останется не прославленнымъ здѣсь и *тамъ?*

Можетъ, ты разсердишься на меня за нѣкоторыя мѣста въ томъ листѣ, наприм., что я бы желала быть единственнымъ пятномъ на душѣ твоей и проч., но теперь ужъ прости. Я вижу, ты спокойнѣе, въ твоей душѣ свѣтлѣе стало,—покойнѣе и я. О, какъ тяжко было мнѣ!

Ну, ужъ не стану я говорить тебѣ ни слова противъ, почему ты единственный, который занялъ всю душу мою. Прошу и тебя не спорить, что во всемъ свѣтѣ, во всей вселенной ты единственный могъ сдѣлать изъ *Наташи, брошенной людямъ, Наташу — Александру,* что одного тебя я могу любить и боготворить, однимъ тобою дышать, блаженствовать и быть тѣмъ, что я есть. А что я *робко* становлюсь возлѣ тебя... Когда ты говоришь: «но какъ же я

стану *рядомъ* съ звѣздой любви?» Я скажу: «но какъ же равняться звѣздѣ съ тобою, мое солнце?» Ахъ, Александръ!.. Многое хотѣла сказать, но скажу только—*тогда, тогда* мы будемъ равны вполнѣ, братъ и сестра, одно сердце, одна душа, одна любовь, ангелъ одинъ!

О, непремѣнно, иначе невозможно. 22 октября раздѣли пополамъ мнѣ и Витбергу. Этотъ праздникъ теперь удвоенъ. Если ты позволишь, я поцѣлую его въ щеку, въ губы... Нѣтъ! Это только тебя. До сихъ поръ мнѣ папенька не даритъ узора (сберегая мои глаза, какъ говоритъ маменька). Что мнѣ дѣлать? Все неудача, а какъ сильно желала бы я подарить Александра Лаврентьевича! Теперь едва-ль успѣю. Полинино кольцо до половины сплетено. Для тебя отрѣжу цѣлую прядь изъ косы и сдѣлаю браслетъ.

Саша Б. скоро пріѣдетъ въ Москву. Я знаю, она будетъ въ восторгѣ отъ твоего поклона и *испугается*. Да, она боится тебя ужасно, любитъ тебя, дивится тебѣ, а себя воображаетъ ничтожной и даже просила меня сжечь всѣ ея письма наканунѣ свадьбы. Я дала слово и не выполню. Прелестная Саша!

Да, никто третій не долженъ знать о Мед. Но какъ же мнѣ быть, когда пріѣдетъ Emilie? Ты почти во всякомъ письмѣ писалъ о ней, а не дать ей писемъ, что подумаетъ она? При семъ отъ нея письмо къ тебѣ. Бѣдная, бѣдная Emilie, страдалица! Въ холодныя минуты, т.-е. тогда, какъ ты одинъ въ своей комнатѣ, блѣдный, вообрази, что моя душа вьется, летаетъ надъ тобою, ты успокоишься и будешь согрѣтъ. Не въ одну ли изъ этихъ минутъ ты писалъ мнѣ твое письмо отъ 1 и 4 ноября? Послѣ него и на меня приходили минуты, часы даже тяжкіе. Я была блѣдна и дрожала, и сердце ломилось оттого, что мой Александръ называетъ себя ангеломъ и дьяволомъ, медалью, на которой съ одной стороны Христосъ, съ другой—Іуда Искаріотскій. О... страшно! Но, повторяю, теперь я спокойна и весела.

Письмо твое я получила *дома* и читала въ твоей комнатѣ, на томъ диванѣ, гдѣ прежде ты спалъ. Оканчиваю,—приходятъ дѣти Льва Ал. (я ему обязана, что пустили меня) и маменька. Попался мнѣ бешметъ, и я расхохоталась надъ собою въ свою очередь и тѣмъ развеселила всѣхъ и заставила смѣяться. А знаешь ли еще анекдотъ объ этомъ бешметѣ? У Саши есть знакомая Нѣмчинова, одна молоденькая дѣвушка, у нея братъ: какъ ей не знать бешмета? Мнѣ досадно—какъ позабыть? Но у кого же спросить? Саша тотчасъ записку къ ней: «Непремѣнно напиши всѣ названья мужскихъ костюмовъ». Та думала, что она сошла съ ума, испугалась и прибѣжала провѣдать ее. Да, этотъ-то бешметъ такъ идетъ къ тебѣ, мой красавецъ! Ахъ, ты въ немъ милъ! Да я же видѣла тебя въ немъ одинъ разъ въ жизни—9 апрѣля. Да,

Тому прошло ужъ много время,
Быть можетъ, и вѣка пройдутъ,
Но день *девятаго апрѣля*
Они съ собой не унесутъ!

Темно; ничего не вижу. Прощай. Ты ужъ изусталъ страхъ, читая такую мелочь. И два-то мѣсяца не прочтешь ни строчки. Но что жъ, мой ангелъ, ты не грусти только ради Бога, а то мнѣ, вѣдь, будетъ тяжело. Вѣроятно, во всемъ будетъ успѣхъ. Объ одномъ просьба Наташи: берегись, зима, страшный холодъ, а въ дорогѣ закутайся, завернись самъ, пока нѣтъ меня съ тобой. Какъ гадко все написано, ты не разберешь. Спѣшу,—теперь, вѣдь, я должностной человѣкъ.

25 ноября. Да, и «бѣси вѣруютъ и трепещутъ». Все, что внѣ любви, — мракъ, нечистота, страданіе, скорбь и грѣхъ. Любовь—рай, любовь—Богъ, любовь—Наталія и Александръ! Да, да, мой ангелъ, кто бы взялся измѣрить мое счастье при взглядѣ на тебя, спасеннаго мною? Но скажи мнѣ, неужели бы сыскался кто-нибудь измѣрить и твое счастье при взглядѣ на *твое созданье?*

Я неизъяснимое нахожу удовольствіе перечитывать твое письмо отъ 25 декабря 1834 г. Это первое, первое, въ которомъ ты говоришь прямо: «Наташа! люблю тебя!» Ахъ, что счастья обоимъ намъ принесло это слово!

Не ѣзди на балъ, когда тебѣ на нихъ скучно. И для меня ничего нѣтъ глупѣе въ свѣтѣ, какъ эта суета, изнуреніе себя, изнуреніе души безъ цѣли, на вѣтеръ.

Ну, слава Богу, слава Богу, ты покойнѣе! Я ожила. Не пиши же мнѣ болѣе такихъ ужасовъ о себѣ. Теперь прощай, цѣлую тебя, цѣлую много, много.

Твоя, твоя *Наташа.*

Я думаю всѣ волосы обрѣзать: такой у меня на нихъ расходъ.

Саша просила написать тебѣ отъ нея и написать то, что она не можетъ выразить. Но когда она услышала то, что ты писалъ о ней маменькѣ, ужасно смутилась. Она говоритъ: «Гдѣ больше денегъ, тамъ меньше души». Еще прощай!

1 декабря, Москва. Замѣтилъ ли ты, въ ноябрѣ 1834 года написалъ ты мнѣ первую записку изъ К[рутицъ] и въ ноябрѣ 1835 года писалъ впервые о любви. Ноябрь 36 года прошелъ; что будетъ въ 37 году? Другую недѣлю я не имѣю отдыха, ангелъ мой. Вообрази, кн[ягиня] нездорова и М. С. больна. Внизу неотлучна отъ первой, приду наверхъ, тамъ... Но ты не думай, чтобъ я слишкомъ тяготилась этимъ. Конечно, оно не можетъ быть пріятно и легко, но я готова выносить въ десять, въ милліонъ разъ болѣе. Душно, тѣсно, гадко, но душой я такъ счастлива, такъ счастлива! Ты безпрерывно освѣщаешь ее, свѣтильникъ мой святой, безпрерывно наполняешь блаженствомъ; можетъ ли что-нибудь въ свѣтѣ тяготить меня? Только больно то, что не имѣю минуты свободной написать тебѣ иль кому изъ друзей; и на то не ропщу: я имѣю много утѣшенія, слишкомъ много.

Ты, вѣрно, теперь въ дорогѣ, и что за ужасная дорога и погода! Сердце замираетъ. Не оттого пишу тебѣ мало, что въ грустномъ расположеніи, — рѣшительно минуты нѣтъ свободной. Теперь моя должность играть съ кн[ягиней] въ карты, черезъ часъ ходить освѣдомляться о здоровьи Макаш. разговаривать съ Тат. Иван. и тому подобное. Но повторяю, мой ангелъ, не ропщу я, не тяготитъ меня это слишкомъ. Еще пришло мнѣ въ голову, когда я сидѣла цѣлый вечеръ между кн[ягиней] и Тат. Ив.: «*между двухъ розъ шиповникъ взросъ*». Итакъ, прощай, тороплюсь ужасно.

Твоя, твоя, ангелъ мой!

Три дня собиралась писать тебѣ и сегодня эта первая свободная минута. Цѣлую тебя, другъ мой!

25 ноября, [Вятка].

Странно, удивительно созданъ человѣкъ. Я, обремененный, удрученный счастьемъ, грущу. Кончено! Не хочу болѣе ни одного грустнаго звука. Мнѣ ли

грустить? Что же дѣлать несчастному, который не нашелъ привѣта въ мірѣ, котораго любовь отвергнута, когда я буду предаваться грусти? Брани меня, ангелъ, брани. Я не долженъ грустить, любимый тобою. Горько быть встрѣченнымъ холодомъ реальнаго міра, но я не видалъ этого холода. Во мнѣ есть какая-то сила, какой-то магнетизмъ, вселяющій симпатію, и бѣда только въ томъ, что часто излишняя энергія уноситъ меня за предѣлы. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ вся моя жизнь. Когда же я былъ лишенъ симпатіи? Никогда, съ ребячества меня избаловали, и въ то время, когда другой благословилъ бы жизнь свою за одну встрѣчу съ человѣкомъ, умѣющимъ чувствовать, я требую болѣе и болѣе, я не могу дышать, дѣйствовать безъ обширной, широкой симпатіи со всѣхъ сторонъ. Это не самолюбіе, это какая-то экспансивность души, которая не можетъ удовольствовать сама себѣ и ищетъ людей, свѣтитъ на нихъ, и лучъ, отраженный, согрѣтый сочувствіемъ, возвращается въ нее, исполненной жизни, любви. Ни одна симпатія не удовлетворяла мнѣ такъ, какъ любовь твоя и Огар. Тутъ предѣлъ, болѣе не можетъ требовать безумная фантазія моя. Доселѣ я въ тебѣ не знаю ни одного малѣйшаго пятнышка. И вся эта чистая небесная душа предалась одному чувству, и именно въ ней нѣтъ мѣста ничему другому. Ты должна была полюбить меня, несмотря на всѣ недостатки мои, на всѣ пороки. Эта масса волнующихся чувствъ, эта жадность симпатіи, эти требованія, которымъ не человѣкъ, а ангелъ можетъ удовлетворить, должно было увлечь тебя, ибо за симпатію твою кто могъ бы заплатить?

Прощай. Можетъ, сегодня получу письмо отъ тебя и совсѣмъ отгоню мрачныя тучи. Нѣтъ, не доволенъ я письмами своими къ тебѣ. Душа требуетъ сказать гораздо болѣе, — и не могу. Смертельно хочется съ тобою поговорить. Власть слова, живого слова, и взгляда и всего вида—огромна. Мертвая буква никогда не выразитъ всего. И неужели еще нѣтъ берега нашей разлуки? И неужели, когда я буду въ Москвѣ, люди намъ будутъ ставить границы и заставлять говорить о Насакинѣ, когда мы имѣемъ такъ много разсказать другъ другу о нашей любви, о нашей симпатіи?

Прощай же, ангелъ!

Твой *Александръ*.

30 ноября. На-дняхъ, сидѣлъ я вечеръ у архіерея. Много говорили о религіи, о католицизмѣ и пр. Наконецъ, онъ завелъ рѣчь о перестройкѣ собора съ Витбергомъ, и я задумался. Вдругъ громко начали бить часы съ курантами. Я осмотрѣлся: старинная зала, едва освѣщенная, мертвая тишина и бой часовъ, особенной, монотонный. И что же вспомнилось мнѣ со всею подробностью? Домъ княжны Анны Борисовны со всѣмъ своимъ отжившимъ характеромъ, съ мертвою стоячестью, съ вылинявшимъ штофомъ на стѣнахъ, и середь этого надгробнаго памятника—ты, ребенокъ въ траурѣ, какъ тебя привезли. Ты — чужая, удивленная, что попала въ этотъ кругъ,—дитя, но уже несчастное. Сладко было мечтать. Съ тѣхъ поръ я нѣсколько дней все думаю о ребячествѣ твоемъ, я воскресилъ всѣ подробности, возстановилъ всѣ частности. Я не могъ бы вспомнить всего одною памятью, магнетизмъ любви открылъ все прошедшее. Ты писала какъ-то о первой встрѣчѣ со мною у княгини. Я вспомнилъ, какъ я видѣлъ тебя у Александра Алексѣевича, какъ ты показывала мнѣ фортунку. Все, все, слово отъ слова представляется мнѣ отдѣльными картинами и вездѣ ты главное лицо, ты жизнь, ты свѣтъ. Много страдала ты, много страдаю я; утрутся наши слезы, благословимъ судьбу: ты, можетъ, не была бы моя Наташа, я,—мо-

жетъ, не былъ бы достоинъ тебя при счастливѣйшихъ обстоятельствахъ. Гоненіе на меня еще не окончилось. Недавно мнѣ опять была большая непріятность. Объ этомъ, впрочемъ, ни маменькѣ, никому не говори. Больно, душно, но пусть разомъ ужъ все оборвется, а тамъ за черными годинами пусть разомъ свѣтлая полоса. Потребность видѣть тебя превратилась въ болѣзнь. Иногда я въ какомъ-то безсиліи горести бросаюсь на диванъ и кусаю губы. Но не настала, видно, еще минута, въ которую Провидѣніе назначило отдать меня тебѣ. «Да мимо идетъ чаша сія; но какъ Ты хочешь»... И при всемъ этомъ я счастливъ чрезвычайно, безмѣрно. Твои письма—отрывки изъ прелестной симфоніи любви—достаточны, чтобы поставить меня выше всѣхъ ударовъ судьбы. Можно ли грустить, будучи такъ любимъ? Таковъ человѣкъ: ему все мало, и когда многіе отдали бы жизнь за одну строку такую, какъ каждая въ твоихъ письмахъ, у меня, все-таки, не умолкаетъ голосъ, требующій болѣе письма—твоего взгляда. Взглядъ выражаетъ гораздо болѣе письма. Взглядъ живъ, онъ горитъ, онъ свѣтитъ, онъ самъ беретъ отвѣтъ изъ другого взгляда. Нѣтъ, сколько ни думай, а разлука тяжка, утомительна.

2 декабря. Прости меня, мой ангелъ. Болѣе писать некогда. Цѣлую, цѣлую и цѣлую тебя, твои ручки.

Александръ.

Москва, 3 декабря.

Сегодня впервые я вздохнула свободно: могла выйти въ другую комнату, походить, подумать. Эти дни мнѣ было такъ тяжко, такъ душно... Ты можешь вообразить, Александръ, каково быть безпрерывно на *ихъ* глазахъ, мало того, смотрѣть въ ихъ глаза! И потомъ по нѣсколько часовъ сряду играть въ карты съ кн[ягиней], по нѣсколько часовъ слушать Тат. Ив., по нѣсколько часовъ проводить у кровати Макаш., говорить съ нею, развлекать ее! Цѣлую ночь слушать оханье больной и все остальное время не смѣть взглянуть, какъ хочется, вздохнуть даже... это ужасно! Но силы и твердость меня не покидали. *Онъ* любитъ меня, и мнѣ не снести этого? Напротивъ, въ этомъ угнетеніи я чувствовала себя выше, легче, ближе къ нему, къ тебѣ. Случалось, на какое-нибудь мгновеніе засыпала душа, и тогда-то ярко чувствовала я всю тягость и несносность своего положенія, но въ то же мгновеніе изъ-за черной тучи выкатывалось мое солнце яркое, свѣтлое, такое, такое святое! И свѣтъ, свѣтъ кругомъ и въ душѣ, и въ сердцѣ, все свѣтъ, свѣтъ! И предъ этимъ свѣтомъ исчезаютъ мои мучители, весь нашъ домъ; я остаюсь одна среди луга, среди цвѣтовъ, одна передъ моимъ свѣтиломъ и согрѣваюсь огнемъ его, и свѣтлѣю его свѣтомъ.

Но для чего жъ я написала все это? Будто ты мало знаешь силы и любовь Наташи? Не то, мой ангелъ. Сегодня я получила твое письмо отъ 18 ноября. Сколько грусти въ немъ, тоски, сколько темныхъ и мрачныхъ мыслей! О, Александръ! вижу, со всею высотою и святостью Наташи, ангелъ мой, тебѣ мало Наташи. Мало, что хочешь, говори. Боюсь я, будешь ли ты вполнѣ счастливъ, когда и разлуки не будетъ, когда и голову свою ты склонишь ко мнѣ на грудь. Страшно, страшно, боюсь!

Почему я не такъ много грущу? Почему мнѣ легко все мое бремя? Почему слезы мои сопровождаются почти всегда улыбкой? Меня объ этомъ не спроситъ тотъ, кто знаетъ, что я любима тобою. Сверхъ любви твоей, остается ли мнѣ

что желать? Но, вѣдь, это *твоя* любовь. А моя... И я не смѣю сказать тебѣ болѣе: не грусти. Можетъ, тебѣ мало, недостаетъ, и что же дамъ я, гдѣ возьму?.. Довольно было сказать тебѣ мнѣ: «Наташа, не грусти, не прибавляй тѣмъ тягости моему кресту», чтобъ мнѣ окрѣпнуть на всю кровавую разлуку, во всѣхъ пыткахъ. А тебя я умоляла, просила, одна слеза твоя убила бы меня, положила въ гробъ, но ты грустишь и грустишь. Ужъ я не знаю, что писать мнѣ, что говорить тебѣ. Хотя на послѣднемъ листкѣ ты и пишешь: «Не хочу болѣе ни одного грустнаго звука. Мнѣ ли грустить?»,—но я вижу отсюда, и теперь ты грустенъ, мраченъ, задумчивъ, блѣденъ. Свѣтъ мой такъ малъ, что оставляетъ въ твоей душѣ мѣсто мраку. Скажи, гдѣ жъ взять мнѣ его болѣе, чтобъ изгнать этотъ мракъ, вытѣснить его? Господи! Ты такъ безпредѣленъ въ твоихъ созданіяхъ, и ихъ красота и изящество такъ необъемлемы, слава Твоя не можетъ ограничиться мною, есть созданья прекраснѣе, любимѣе Тобою, дай ему лучшее меня, равное ему. Я блаженствую, онъ — страдаетъ, потому что онъ такъ свѣтелъ, высокъ, а я мала и ничтожна... О, если-бъ я встрѣтила существо, могущее дать тебѣ столько, сколько ты мнѣ далъ, я бъ уничтожилась, исчезла бы... Но какъ же удовлетвориться землею неземному? Поздно очень. Ложусь. Прощай. Если-бъ я знала, что ты твердо перенесешь разлуку, я бы не смѣла произнести ни одного грустнаго звука, а теперь грустно мнѣ, очень грустно...

Утѣшитъ ли тебя поцѣлуй мой? Вотъ десять, сто, тысячи.

Прощай! Веселый сонъ!

4-е, пятница, 11 ч. вечера. Теперь ты грустишь, что за 1.000 верстъ отъ меня; пріѣдешь, будешь грустить, что за 1.000 шаговъ; будемъ вмѣстѣ опять, можетъ, будетъ твоя грусть у тебя, первое, что въ разлукѣ съ Огаревымъ... о, Александръ! Такъ-ли должны мы переносить несчастія? И какъ смѣть надѣяться получить вѣнецъ, когда не хотимъ взять креста? На крестъ — вѣнецъ! Я не смѣла-бъ роптать, когда бы ты былъ твердъ, но грусть твоя отнимаетъ все у меня. Нѣтъ! не должно изнемогать, одна бы понесла я крестъ, но могу-ли одна нести награду? Неси, неси его со мною, братъ мой, одинъ трудъ намъ и страданье, одна награда и блаженство. Какой путь, какъ мы истерзаны, измучены и какъ тяжелъ крестъ,—но несемъ его, несемъ! Идемъ далѣе—ужъ видѣнъ берегъ родной, святой берегъ... удвоимъ силы... и что ждетъ насъ тамъ, ангелъ мой... какъ назвать это, какъ выразить?.. но ты знаешь. Ахъ и неужели при этой мысли ты можешь оставаться грустнымъ и мрачнымъ? Неужели при ней не распадутся съ души твоей оковы тоски? Быть не можетъ. Ты на меня посмотри, Александръ,— ни облачка во взорѣ, ни одной струи на душѣ, — такъ тиха и покойна она. Ты отчаиваешься, что не будешь имѣть моего портрета. Неправда, онъ будетъ у тебя, непремѣнно, да только ты ужасно нетерпѣливъ: если-бъ это отъ меня зависѣло, тогда-бъ — ты *рекъ и бысть*; но ты не забывай, что кромѣ души все рѣшительно, что до меня касается, зависитъ отъ людей. А тебѣ сердиться на нихъ, досадовать—стыдно. Вотъ потерпи немного, пріѣдетъ Эмилія, выпроситъ у кн[ягини] *для себя* списать портретъ и пошлетъ тебѣ; это возможно и сбыточно какъ нельзя больше. Ну, теперь, повеселѣе-ли ты, душа моя? Ради Бога, ангелъ мой, успокойся, еще будетъ намъ радостей много, много... Да я не знаю, какъ бы ни грустно мнѣ было,— только стоитъ вообразить, какъ увижу тебя — кончено! Готова на всѣ истязанія и пытки. А ужъ мнѣ-ли бы не грустить! Ни слова ужъ о томъ, что розно съ тобою; дальше: рѣдкіе могутъ равнодушно смотрѣть на мою

жизнь, а я средь вьюги и снѣговъ цвѣту свѣжѣе тѣхъ, которые и въ оранжереяхъ, и въ богатыхъ вазахъ выписныхъ; по мнѣ ходятъ, топчутъ меня, а я бодрѣе и цѣлѣе тѣхъ, за которыми такъ ухаживаютъ, поливаютъ, ставятъ въ тѣнь и на солнце, выправляютъ каждую вѣтку, каждый листокъ. Едва отъ земли меня было видно, а ужъ люди сроднили меня съ горемъ, дали извѣдать и зной, и стужу, и я окрѣпла: не страшны бури мнѣ, не пугаютъ меня черныя тучи И что за жизнь веду я теперь, и гдѣ ты, ты—жизнь моя, гдѣ ты? О, какъ бы не плакать мнѣ, какъ бы не умереть? Но можно-ли, когда ты любишь меня? И говорить ли мнѣ тебѣ еще о моемъ счастьѣ, сколько ни скажу и что ни скажу,—все будетъ мало предъ тѣмъ, что въ душѣ! Да и на что говорить, и какъ мнѣ смѣть говорить тебѣ о себѣ, не твое ли я созданье? Не лучше ли меня ты знаешь мою душу?

Итакъ, дай мнѣ твою руку, поцѣлуй меня, посмотри такъ, какъ смотрѣлъ 9 апрѣля, вспомнимъ этотъ день, оглянемся за два года, и тамъ у насъ съ тобою много, много... (врядъ у кого за 20 лѣтъ можетъ быть столько), потомъ о будущемъ... — и прочь тоска, прочь грусть. Не мѣсто вамъ въ сердцѣ моего Александра, какъ темному пятну на солнцѣ! Повеселѣе-ли ты, ангелъ мой? хоть немножко? хоть крошечку? Милый, милый, неоцѣненный другъ, душа, жизнь моя! Свѣтъ души и жизни моей! Не меркни, не убивай души, не отравляй моего счастья твоею грустью, вѣдь я не прибавляю тягости твоему кресту? Хоть надъ этой строчкой улыбнись, и прощай! Давно ужъ ночь. Обнимемся, ангелъ мой, еще, и опять до свободной минуты! Прощай же, я засну пріятно, покойно, не измѣняй и ты!

Стала засыпать, и вдругъ мнѣ представились твои глаза, и такъ живо, такъ живо,—у насъ холодно и я озябла, но огонь ихъ согрѣлъ меня. Вотъ, вотъ они прелестныя, дивныя очи твои, какъ смотрятъ они на меня, сколько говорятъ мнѣ... и послѣ этого грустить?..

6-е, воскресенье. Ты недоволенъ твоими письмами ко мнѣ? Напрасно, другъ мой. Когда бы мои приносили тебѣ хоть половину счастья противъ того, сколько приносятъ твои! Правда, твоя грусть, твои страшныя эти письма убиваютъ меня: прочтя ихъ, я страдаю, ибо ты представляешься мнѣ въ страдальческомъ видѣ, твоя блѣдность, твой взоръ полный тоски, чело твое, омраченное роемъ страшныхъ думъ... Можешь вообразить, какъ мертвитъ меня, какъ давитъ сердце желѣзная рука горести,—и истинно тогда я страдаю, вполнѣ страдаю... Но Онъ не покидаетъ меня надолго, я прибѣгаю къ молитвѣ, какъ олень усталый съ пылкой жаждой бѣжитъ къ свѣтлому источнику, и снова дышу любовью и тобою и ужъ не страдаю и чувствую, что легче и тебѣ. И тогда ужъ я вижу ясную сторону твоихъ писемъ, купаюсь въ ея свѣтѣ, и рай мнѣ на землѣ! Когда-бъ ты вѣрилъ этому, тогда-бъ не написалъ, что недоволенъ своими письмами, а я, скажи, могу ли быть довольна своими? Въ нихъ и грусти нѣтъ и мыслей тѣхъ нѣтъ, но развѣ ты менѣе грустишь?.. Тяжело мнѣ, что я не могу облегчить души твоей. Итакъ, что же *я* для тебя?.. Повторяю опять: тебѣ мало Наташи, со всею чистою и высокою ея душою, со всею любовью ея—мало, Александръ!

Да, я не должна, не могу разлюбить друзей моихъ, и вѣкъ не перестану любить. Всѣмъ бы пожертвовала имъ, кромѣ тебя, а тебѣ—пожертвовала бы всѣми ими! Нѣтъ, Александръ, когда-бъ я всѣхъ любила, не той любовью, которою люблю тебя,—ты единственный, и любовь къ тебѣ единственная,—а любила бы такъ, какъ люблю однихъ друзей, тогда бы я любила не для себя, а тобою,

тогда-бъ увѣрилась я въ своемъ совершенствѣ и знала бы, что люблю тебя, какъ должно тебя любить. Но все еще я далека того, куда стремлюсь. На что мнѣ *моихъ* друзей, всѣ люди должны быть мнѣ друзьями, зачѣмъ это отдѣльное «мое»? Одинъ ты мой, тобой должна я всѣхъ равно любить, но я еще мало люблю тебя!..

Не хочется писать, чего не хочу выразить,—все не такъ, если-бъ я смотрѣла на тебя и говорила бы, и ты слушалъ бы меня, это совсѣмъ другое! Но еще это будетъ, будетъ, будетъ!

9-е, среда. Опять къ твоей грусти! Я не могу выносить, чтобы ты былъ побѣжденъ чѣмъ-нибудь, ты, могущій самъ побѣждать многое. Не стѣсняй, не умаляй такъ необъятной души твоей, чтобъ находить утѣшеніе только во мнѣ: есть утѣшитель болій меня — духъ святой, уготовай въ душѣ храмъ Ему, и онъ сойдетъ въ нее и будетъ обитать въ ней, и тогда не коснется ея ни самая жестокая, ни самая ужасная горесть. И зачѣмъ, ангелъ мой, выбирать мѣсто и ждать время? Онъ лишь ждетъ такого воззванья, ты въ забвеніи меня найдешь усладу, возстани, воззри, воскликни изъ глубины души... и тебѣ не нужно будетъ ждать такъ долго, такъ издалека слово утѣшительное; о, повѣрь мнѣ, послушай меня, если любишь. Еще слово, другъ, затвори сердце твое ко всему, открой его одной любви.

Скоро пріѣдетъ Emilie, скоро портретъ мой у тебя будетъ. Часто думаю я о твоихъ вятскихъ друзьяхъ, всѣхъ люблю, всѣхъ ихъ благодарю душою, но съ *22 октября* чаще всѣхъ и болѣе всѣхъ думаю и вспоминаю о Витбергѣ.

Не могу я равнодушно вздумать, что Эмилія покинетъ насъ, но не смѣю воротить ее съ пути, на который зоветъ ее Богъ, желала бы только, чтобъ она хотя разъ взглянула на насъ *тогда, тогда*, послѣ же—сама бы я надѣла на нее ризу странницы и дала бы въ руки посохъ.—Александръ, и ея судьба мнѣ кажется прелестна! Если-бъ люди не изгнали ея изъ среды своей,—нашла-ли бы она въ ней столько, сколько найдетъ теперь? «Марія же благую часть избра, яже не отнимется отъ нея». Я желаю пламенно, чтобъ и Саша Б. не выходила *замужъ*. Эмилія несетъ Ему сердце избитое, истерзанное, Саша—пусть возвратитъ Ему такое, какое далъ Онъ ей.—Ахъ, у меня есть прелестная мысль, святая и сбыточная, Александръ, при свиданьи я тебѣ ее открою, но, можетъ, ты ужъ угадалъ! Ахъ, если-бъ, если-бъ сбылось это!

Вотъ Полинѣ кольцо (не знаю пошлютъ-ли его): мои волосы, моя работа—вотъ и все! Но пусть это будетъ малѣйшимъ доказательствомъ моей къ ней дружбы и благодарности; можетъ, никогда во всю жизнь мы здѣсь не встрѣтимся,—такъ пусть оно будетъ ей напоминать ту, которая, не видавши ея, любила какъ друга и сестру. Мнѣ жаль ее будетъ, какъ ты уѣдешь изъ Вятки, или у нея тамъ другъ, кромѣ тебя? Привези ее съ собой.—Эрнъ и Скворцовъ также безъ тебя осиротѣютъ, да я думаю вся Вятка надѣнетъ трауръ.

Прощай, или уже не перестать-ли намъ говорить это грустное слово *прощай*, оно раздираетъ душу, и ты пишешь въ послѣднемъ письмѣ: *опять прощай!* Итакъ до свиданья! Теперь буду твой браслетъ плесть. Спѣшу, не думай, чтобъ серьезныя или интересныя занятія меня отвлекали, нѣтъ: для угощенія 4 особъ, которыхъ ты называешь сволочью,—что я такъ тороплюсь и перестаю говорить съ тобою... Боже мой, Боже!... Ну, ангелъ, опять было хотѣла сказать прощай, нѣтъ, вѣдь мы увидимся скоро, скоро, душа моя.

Разскажу тебѣ глупость, можетъ, разсмѣешься. На дняхъ приходила таин-

ственная какая-то особа къ Макаш., которая не сказала своего имени никому, кто у нея ни спрашивалъ; послѣ я узнала, что она приходила сватать меня! Какая гадость! Да вотъ что забавно: теперь они ужасно досадуютъ, если имъ покажется. что я похудѣла или поблѣднѣла, заставляютъ какъ можно больше ѣсть и тому подобное. Вотъ новое еще гоненіе и угнетеніе! иныхъ наказываютъ голодомъ. это все сноснѣе. Но отвернемся отъ нихъ, поглядимъ другъ на друга и до свиданья, ангелъ мой!

5-е декабря, Вятка.

Еще годъ кончается, еще рубцы опыта. рубцы воспоминаній, рубцы думъ. еще неисполненныя надежды, еще вздохъ и улыбка надъ ошибочными мечтами, надъ призраками. созданными фантазіей и убитыми міромъ реальнымъ. И во всемъ этомъ году одна отрада изгнаннику, одно вознагражденіе, одно блаженство—любовь. И она болѣе нежели замѣна, болѣе нежели врачеваніе, она ведетъ на небо. — зачѣмъ и говорить. что она. И, съ другой стороны, черная сторона. царство мрака и низости, опять то же—толпа, люди. О Боже! сжалься надъ этой массой. надъ этой канавой нечистоты, гнусности и пороковъ. Твоя жизнь тебя отстранила отъ людей, слава Богу. зачѣмъ тебѣ ихъ знать, самое *знаніе* тяжело. какъ угрызеніе совѣсти, для тебя я представитель человѣка, съ любовью необъятной. я защищу тебя отъ людей. мною знай ихъ, а не своимъ опытомъ. Но я узналъ ихъ. эти 3 бурные года мнѣ раскрыли многое, я замѣшался въ толпу и, какъ лазутчикъ. высмотрѣлъ ея тайны, ибо она не боялась скрывать ихъ отъ меня. думая. что я принадлежу къ ней. Не хочу я упрека въ несправедливости: и тутъ я встрѣтилъ людей съ душою, но ихъ голосъ молчалъ, гибнулъ, они боялись показать чувство. Я магнетизмомъ, симпатіей заставлялъ ихъ сбросить на минуту маску, одушевиться изящнымъ. А толпа хохочетъ, она не знаетъ изящнаго и мараетъ, какъ уголь, все святое.

Попроси. чтобъ тебѣ достали 16 № «Телескопа», прочти тамъ повѣсть *«Красная Роза»*, ты найдешь въ Біанкѣ знакомое, родное твоей душѣ. Да читала-ли ты Шиллерову Дѣву Орлеанскую перев. Жуковскаго? Прочти непремѣнно, и тамъ все твое, высокое, небесное.

Давно не присылали твоихъ писемъ. Досадно. Благодарю за приписку въ папенькиномъ письмѣ. Да, 23-го ноября именно въ то же время я думалъ о тебѣ, мой ангелъ.—Между именами бывшихъ у насъ ты написала только Наташа; въ самомъ дѣлѣ. на что тебѣ было писать болѣе. тебя я узналъ бы по одной буквѣ, по одной черточкѣ. И на что тебѣ было писать болѣе имени, фамилію припишу я и я же заставлю уважать ее. У насъ съ тобою нѣтъ прошедшаго, нами должно начаться новое существованіе,—на насъ не падаютъ пятна прошлыхъ поколѣній. мы чисты и сами дадимъ значеніе себѣ.—Прощай, ты получишь надняхъ маленькую статейку, воспоминаніе о Перми, напиши свое мнѣніе. Цѣлую тебя много, много.

Теперь я лежалъ на диванѣ долго и перечитывалъ твои письма, съ нѣкотораго времени я чаще прежняго ихъ читаю и всегда, когда окончу чтеніе, душа чище, взоръ чище, и я готовъ броситься на колѣни и молиться Тому, Который далъ мнѣ ангела. Перечитавъ письма отъ 1835, я съ трепетомъ. съ благоговѣніемъ взялся за 1836, какъ жрецы храма іудейскаго брались за священныя книги откровенія. Въ тѣхъ письмахъ любовь – покрыта завѣсою, *она тайна*, съ началомъ новаго года эта тайна объясняется. *2 января 1836* ты первый

разъ замѣнила слово дружба любовью, въ первый разъ, какъ бы борясь съ моею пламенностью, увлеклась и вмѣстѣ сказала и себѣ, и мнѣ: «Я люблю Александра». О, какъ полны воспоминаній яркихъ протекшіе годы, мы не тщетно жили, мы все извѣдали, пора отдыха пришла, чтобъ запастись новыми силами, пора склонить мою измученную голову на твою измученную грудь, пора моему взору исчезнуть въ твоемъ взорѣ, пора прильнуть устами страдальца къ устамъ ангела и пора ангелу сместь пятна и пыль съ души его.

Завтра именины Огарева. Ахъ, какъ мы съ нимъ разрознены! Что-то онъ— хоть бы одно свиданье, хоть бы одно письмо въ 3 мѣсяца. И сколько мнѣ ему сказать надобно,—я пересоздался съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались... а когда увидимся?

При этомъ письмѣ приложилъ я прелестные стихи Гюго, чрезвычайно хорошіе,—надѣюсь по моей рекомендаціи и вамъ, милостивая государыня, понравятся.

9-е декабря. Вчера вечеромъ получилъ твои письма отъ 7 до 25 ноября.

Сначала принесли только одно письмо отъ папеньки, а я ждалъ непремѣнно отъ тебя. Кровь бросилась мнѣ въ голову, я былъ болѣе, нежели раздосадованъ, и тѣмъ съ большимъ восторгомъ минутъ черезъ пять получилъ твой пакетъ.— Отвѣчать сегодня не буду, а со слѣдующей почтой; нѣкоторыя мѣста твоего письма обдали меня холодомъ и негодованіемъ, но твоя любовь все загладила, я не могу сердиться на тебя. Ты не хочешь понять то, что я писалъ въ моихъ прошлыхъ письмахъ. Тутъ нѣтъ ни униженія, ни гордости. Въ моей душѣ есть элементы высокіе, святые, исполненные поэзіи, и съ тѣмъ вмѣстѣ страсти низкія, и я скорѣе согласенъ имѣть ихъ, нежели быть однимъ изъ рядовыхъ людей. Ты смотришь безпрерывно на одну хорошую сторону и я не отрицаю ея, но знай же и дурную. Ежели-бъ тебѣ сказали, что *кто-то* обманулъ женщину, увлекъ ее, лишилъ спокойствія, несчастную сдѣлалъ еще несчастнѣе,—что сказала бы ты,... узнавши, что этотъ *кто-то* я? Ты изыскиваешь средства оправдывать меня, лучше бы было, ежели бы ты осыпала меня упреками. Но нѣкоторыя выраженія твоего письма даже жестоки,—этого я не заслужилъ; для чего ты говоришь теперь, что исчезнешь для моей пользы и пр., когда знаешь, что я не могу жить безъ твоей любви? Буду писать пространно обо всемъ. Теперь скажу только, что̀ страннаго находишь ты въ томъ, что я образовалъ твою душу, а теперь ты ведешь меня, — эта мысль такъ проста, такъ ясна... Какъ будто ученики всегда ниже учителя. Рафаэля училъ же живописи кто-нибудь, Іоаннъ крестилъ Іисуса и сказалъ, что недостоинъ перевязать ремень его сандаліи...

И съ чего ты взяла, что я холоденъ къ Огареву? Прощай, будь весела, будь спокойна, я не такъ мраченъ, я опять весь святъ твоей любовью. Прощай, цѣлую тебя, цѣлую твой локонъ. Слышала-ли ты, что «Легенда» попала въ чужія и пречужія руки.

Твой Александръ.

10-е декабря.—Вятка.

Я тебѣ обѣщалъ отвѣтъ, и вотъ начало его. Нѣтъ, ты не хотѣла вникнуть въ глубокое страданье моей души, я писалъ въ минуты грусти и униженія,—но голосъ былъ вѣренъ, я не лгалъ на себя. Я понимаю свою силу, свои достоинства и понимаю, что съ ними я *могъ бы, я долженъ бъ былъ* быть гораздо выше; но еще къ собственной силѣ прибавилась сила небесная, опора священная—твоя любовь. — И я палъ. Какъ же ничтожна моя твердость! Это правда, я тотчасъ

образумился,—но *не я*, а любовь твоя сдѣлала это, клянусь тебѣ, а ты говоришь, что свела меня на землю, и Богъ знаетъ что за выраженья въ твоемъ послѣднемъ письмѣ,—ты, не жалѣя меня, писала ихъ. Но я не сержусь, вотъ тебѣ рука моя, и это заслуженное наказаніе, всѣми этими ударами я искупаю себя... Я требую справедливости, Наташа, справедливости и болѣе ничего. Я тебѣ говорю, проникнутый любовью и восторгомъ: ты высока, ты ангелъ; я готовъ запечатлѣть эти слова кровью и душой и вѣчностью. Ты отвергаешь ихъ и отчасти изъ самолюбія (прости мнѣ) подчиняешь себя мнѣ, для того, чтобъ придать еще болѣе своему избранному, и требуешь, чтобъ я согласился, чтобъ я ни слова противъ этого. Я тебѣ говорю: вотъ моя душа, сломанная и запятнанная, но она сильна любовью къ тебѣ, вотъ преступленіе, которое оставило на ней слѣдъ; а ты отвѣчаешь: все это вздоръ, я не хочу, чтобъ на твоей душѣ были пятна и, слѣдственно, отбрось угрызенія совѣсти и считай себя за серафима. Разсуди, гдѣ тутъ справедливость. Твоя гордость не хочетъ согласиться, что на мнѣ могутъ быть пятна, ибо согласиться съ этимъ—согласиться со своей ошибкой; чтобъ доказать тебѣ это, я сошлюсь на то мѣсто твоего письма, гдѣ ты меня увѣряешь, что поступокъ съ М. потому не преступленіе, что, можетъ, Провидѣніе нарочно такъ устроило. На это отвѣтъ скоръ. Можетъ; но вспомни Евангеліе, тамъ сказано: по писанію пророковъ Сыну Человѣческому *назначено* быть предану; «но горе тому, кто его предастъ, лучше-бъ не родиться ему».—Гдѣ въ моихъ письмахъ ты находишь униженіе? Я тебѣ говорю: веди меня, и повторяю еще сто разъ: веди—не къ славѣ, не къ дѣятельности, не къ поприщу, туда найду я самъ дорогу, ежели она только проложена для меня, нѣтъ, дѣло о небѣ, дѣло о той святой обители чистыхъ душъ, куда я самъ не попаду безъ тебя, на которую я даже не обращалъ вниманія прежде любви къ тебѣ. Съ 13-ти лѣтъ, говоришь ты, велъ я тебя въ обѣтованную землю,—но знаешь-ли, что Моисей, который велъ израильтянъ, умеръ въ пустынѣ, ибо былъ недостоинъ взойти туда, однако велъ, — итакъ, тотъ, кто ведетъ, не всегда выше того, котораго ведетъ. Наконецъ, ты говоришь: «можетъ, причиною всему этому я». Да, безъ всякаго сомнѣнія ты: не будь тебя, никогда свѣтлыя, высокія мысли нравственности не посѣтили бы моей души. Чего же ты испугалась этого? Я тебѣ писалъ—самолюбіе и гордость вотъ были основы моей жизни до любви, а отъ этихъ мертвыхъ земныхъ началъ мудрено было дойти до идеи нравственной. Ты, ты ангелъ причиною тому, что я не могу выносить пятна на душѣ.—Благодарю за совѣтъ обдумать, не *показалось*-ли мнѣ, что ты мой идеалъ, не ошибся-ли я въ тебѣ—и на это посвятить хоть годъ. Благодарю! Но воспользоваться совѣтомъ не могу. Идея любви есть идея жизни во мнѣ; совершено, возвратиться я не могу, я твой, — не могу, даже лишеніе жизни, не знаю, представило ли бы возможность идти назадъ и холодно разобрать, ты ли идеалъ мой, или мнѣ *показалось*. Ежели бъ я могъ до того холодно любить, чтобъ дѣлать цѣлый годъ счеты о достоинствахъ твоихъ, ты не была-бъ мой идеалъ, тогда я былъ бы ничтожный человѣкъ и никогда не могъ бы ни подняться до тебя, ни быть любимымъ тобою. И я говорилъ тебѣ много разъ, что ты меня идеализируешь, но никогда не говорилъ: «иди назадъ, оставь меня». Я не могъ этого сказать, ибо знаю, что ты не можешь уже воротиться. Я тебѣ говорилъ: вотъ душа моя, въ ней море огня, въ ней море энергіи, любви и поэзіи для тебя,—но есть въ ней и пропасти, есть въ ней и черное, знай это впередъ и не удивись, что увидишь эти привидѣнія послѣ. Наташа! Наташа! Горе было бы тому, кто осмѣлился бы мою любовь назвать *показавшеюся мечтою*,

горе ему, одной тебѣ прощаю я все, даже это... И желанье смерти явилось у тебя вслѣдъ за совѣтомъ. Труденъ крестъ, который ты взяла, отдавшись мнѣ, и ты говоришь, едва испытавъ его тягость, лучше умереть и бросить, покинуть Александра его участи, его бурнымъ страстямъ, и людямъ, и толпѣ!

Ну, довольно объ этомъ. Будь увѣрена, ангелъ мой, что ни тѣни неудовольствія, ни тѣни досады не осталось у меня. Ты все-таки останешься моя путеводная звѣзда, моя награда за всѣ страданія, моя святая, мое божество. О, Наташа! сколько принесла ты мнѣ съ своей любовью, это видитъ одинъ Богъ. — Правда, разлука разливаетъ что-то мрачное по моей душѣ, я утомленъ, но ты требуешь твердости. Кончено, сдѣлаю все, но если иногда звукъ грусти и печали вырвется изъ души и невольно дойдетъ до тебя въ письмѣ, вздохни вмѣстѣ и вспомни, что и твой Александръ человѣкъ

Прощай. Поцѣлуй любви, пламенной, долгій и чистый, какъ небо, посылаю тебѣ.

11-е декабря. Ты пишешь, что ты лампадка, зажженная передъ моимъ образомъ. Я всегда дивился глубокой поэзіи твоихъ мыслей, и это такъ же прелестно, какъ солнце и звѣздочка, и еще вѣрнѣе. Икона свята, но она не имѣетъ свѣта. Лампадка для иконы — меньше нежели икона, но она-то освѣщаетъ ее, она-то сноситъ свѣтъ, —небесное земному, тѣлесному веществу иконы. Ты поэтъ, ангелъ мой, и любовь научила тебя этимъ пѣснопѣніямъ, исполненнымъ истины и глубины, которыя раздаются на каждой строкѣ твоихъ писемъ.

Ты мечтаешь о югѣ, я тебѣ покажу благодатную землю и яхонтовое небо Италіи. Наша жизнь не пойдетъ тащиться скучно и вседневно, нѣтъ, я осуществлю жизнь полную, артистическую, жизнь совсѣмъ на другихъ основаніяхъ. Пришлю тебѣ на память итальянскія картинки, можетъ, по этой тяжелой почтѣ.

Декабря 12-е.

Третьяго дня рано разбудила меня головная боль и все утро было тяжело, но кн[ягиня] собиралась къ папенькѣ, и я черезъ силы поѣхала. Каждая вещь, которой ты касался,—уже не чужая мнѣ, а родная, близкая, и мнѣ кажется, что она понимаетъ меня, чувствуетъ, когда я гляжу на нее полными слезъ глазами, съ полнымъ любви сердцемъ; кажется, сама издаетъ звукъ, говоритъ о тебѣ, сбрасываетъ съ себя покрывало времени и показываетъ все минувшее, которое, какъ будто, врѣзалось на ней для моего утѣшенія. И потому, хотя и въ нашемъ домѣ много такихъ священныхъ вещей, одушевленныхъ памятью о тебѣ, но у васъ какъ-то болѣе все дышетъ тобою. Это-же былъ четвергъ, день почты, да и не знаю, все, все что-то влекло меня туда. При мнѣ принесли отъ тебя письмо папенькѣ, при мнѣ читали, видѣла маменьку, видѣла твою комнату, жду себѣ письма,—и чего-жъ мнѣ болѣе желать безъ тебя?—Но какъ пріѣхала, бросилась въ постель... впрочемъ, мнѣ это не въ тягость, ибо тутъ я одна, воля думать, воля дышать, тутъ со мною твои письма, портретъ... и я не прочь болѣзней (у себя на верху), онѣ сноснѣе низу, тѣхъ комнатъ, сноснѣе *ихъ* глазъ! К[нягиня] и Мак. хуже болѣзней (не прощай мнѣ этого).—И вотъ я одна въ своей кельѣ,—тишина, осторожный стукъ маятника, въ углу маленькій огонекъ лампады, блѣдный лучъ мѣсяца, чуть-чуть прокравшійся сквозь занавѣсъ; все это давало просторъ моимъ мечтамъ, и среди самыхъ милыхъ воспоминаній о прошломъ, гдѣ у меня все ты, и только ты... среди яркихъ, цвѣтистыхъ на-

деждъ—твое письмо! Другъ мой, и этотъ маленькій листокъ (гдѣ еще двѣ стороны пустыя!) принесъ много облегченія и головѣ моей, и моему сердцу, которое и въ самомъ раю не перестало-бы болѣть о тебѣ.—Еще, можетъ быть, и совсѣмъ бы онъ вылечилъ меня, но ты, моя душа, грустенъ.

И для чего-же ты не пишешь подробно о *непріятности?* «Но объ этомъ ни маменькѣ, никому не говори».—Да, никто не любитъ такъ, никто и не вынесетъ столько!—Но, другъ, тяжела эта неизвѣстность, въ ней такъ страшно сердцу, такія страшныя картины представляетъ воображеніе... Впрочемъ, чтобъ ни было,—я надѣюсь на твою любовь, она не допуститъ тебя ни предаться горести, ни потерять вѣру въ *Него.* Богъ силенъ и крѣпокъ, Богъ скорый помощникъ призывающимъ его. Да, и послѣ ночи — день, послѣ зимы — лѣто, послѣ бури—тишина, послѣ муки—вѣнецъ. Отдадимся Ему совершенно во всемъ, во всемъ. Часто, ангелъ мой, дивясь Его Промыслу, дивясь твоей любви, я забываюсь въ счастье, уничтожаюсь... Но вдругъ мысль разлуки и всего, что ты переносишь, мгновенно будитъ меня и заставляетъ страдать, и тутъ-то я прошу такъ много, такъ много;... но все это бореніе души съ горемъ, всѣ эти пламенныя желанія, вся потребность непреодолимая тебя видѣть, жить въ тебѣ и тобою, дышать твоимъ дыханіемъ, вся эта буря утихаетъ при воспоминаніи словъ Христа: «но како Ты хочешь».—И вѣрь, тутъ я достойна тебя болѣе, нежели когда-нибудь, ибо тутъ измученное сердце мое, истрадавшееся за тебя, и любовь къ тебѣ сливаются въ одно съ любовью Бога и Его волей; тутъ я люблю тебя, Его, мои страданья и твои даже, мой ангелъ, потому что *Онъ такъ хочетъ.*

13-е. Вчера имѣла я извѣстіе объ Сашѣ Б. Они будутъ сюда еще послѣ новаго года. Если-бъ кто могъ замѣтить мое волненіе при встрѣчѣ съ братомъ ея,— не повѣрилъ-бы, что это дружба (разумѣется, кто не понимаетъ этого чувства), и тутъ сколько надобно было переломить себя, ждать, пока кончится разговоръ о погодѣ и урожаѣ, пока настанетъ очередь возвысить свой голосъ. Люди! Какъ во всемъ умѣютъ они вмѣшать долю огорченья, какъ все могутъ отравить однимъ взглядомъ! И сколько потребно терпѣнія на каждомъ шагу! Но я вознаграждена. Саша такъ высока, такъ высока, она бы предъ всѣмъ семействомъ, предъ цѣлымъ свѣтомъ не остановилась назвать меня единственнымъ другомъ, она не побоялась поручить брату своему сказать при всѣхъ, что желаетъ въ Москву только для того, чтобы видѣть меня и не желала бы въ нее, если-бъ не было меня. И какъ удивило это *ихъ,* какъ разинули они ротъ и въ избыткѣ радости, что мной *занимаются благородные, порядочные* люди. Кн[ягиня] воскликнула: «какъ счастлива Наташа и какъ добра и *снисходительна* ваша сестрица!» Не ошиблись, что я счастлива, и болѣе, въ милліонъ разъ болѣе, нежели *они* могутъ постигнуть, но и я не ошибусь, ежели скажу еще того громче,—какъ вы несчастливы и жалки!

О!... сегодня мнѣ не хорошо; грусть и тоска о тебѣ имѣютъ невыразимую высоту и святость, онѣ, наполняя сердце, возвышаютъ его, очищаютъ, сближаютъ съ Богомъ, святятъ его, дѣлая покорнымъ Его Промыслу; но я, кажется, писала тебѣ о вліяніи на меня низкихъ поступковъ людей,—въ такомъ-то положеніи я весь день нынѣшній, я какъ въ чаду, какой-то дымъ, мгла обнимаетъ меня кругомъ, такъ тяжело, такъ тяжело... О! скоро-ль же пройдетъ эта ночь? Зачѣмъ солнце мое такъ долго за черной тучей? Когда-жъ взойдетъ оно? Когда настанетъ жизнь свѣта?..

15-е. Воспоминанія! Что, если-бъ ихъ не было?.. Не помню я о томъ, какъ видѣла тебя еще у папеньки, хотя многое того времени врѣзалось въ головѣ у меня и въ сердцѣ, но все рѣшительно, что было послѣ,— съ самаго того дня, какъ я видѣла тебя впервые у княжны Анны Б..— все это живо, ярко, ново въ душѣ моей. И съ чѣмъ сравнять тѣ минуты, когда ни говорить не хочется, ни слушать, ни смотрѣть, вдали отъ всего милаго, родного сердцу, предаться волнамъ цѣлаго моря воспоминаній и купаться въ нихъ, и отдыхать на днѣ моря... Помнишь-ли то Свѣтлое Воскресенье (еще въ томъ домѣ), когда ты пріѣхалъ къ намъ съ Огаревымъ и заставилъ его христосоваться со мною и тѣмъ заставилъ меня бояться другого Свѣтлаго Воскресенья? Всѣ эти большіе годовые праздники и потомъ визиты къ Татьянѣ Петровнѣ... за что я любила такъ ее и разговаривать съ нею? Чему же дивиться? Она любила тебя и говорила мнѣ все о тебѣ. Съ начала знакомства ея съ Пассеками она много мнѣ о нихъ говорила, но я все оставалась къ нимъ равнодушна: когда-жъ узнала твое о нихъ мнѣніе и расположеніе къ нимъ, право, мой ангелъ, думала, что я не буду въ царствѣ небесномъ, ежели не познакомлюсь съ ними, и имѣла ко всему семейству такое уваженіе. Разъ Татьяна Петровна спрашивала меня (шутя), за кого ей лучше выйти за Вадима или за Рагозина: я на это ей сказала: «за того, за кого *велитъ* вамъ идти Александръ Ивановичъ». И съ какимъ удовольствіемъ, бывало, разспрашивала ее о всѣхъ подробностяхъ жизни вашей въ Васильевскомъ, а ужъ съ 33 года и далѣе — нечего говорить? Приходитъ Рождество, Святки... Вспомни, какъ ты упалъ у насъ въ залѣ, потомъ вечеръ у Насак.. луну, «замазанную киселемъ», свой костюмъ и далѣе, гдѣ все это? Куда оно дѣвалось? Гдѣ душа и жизнь Александра? Тамъ, тамъ, далеко... онъ и не слышитъ меня, и не видитъ, онъ одинъ, грустный, туманный,—а тогда и облачка не было на его челѣ, и облачка?.. Да, а теперь черныя тучи облегаютъ его, но сквозь нихъ горитъ лучъ ясный, свѣтлый, лучъ блаженства, счастья, лучъ Наташи и любви!.. О, Александръ!

Видѣла тебя во снѣ сегодня и не хотѣлось ужъ и встать и смотрѣть ни на что, всѣ эти дни *они* несноснѣе прежняго, свободы мнѣ ни на минуту, даже послѣ ужина Мак. приходитъ ко мнѣ за ширмы съ чулкомъ до тѣхъ поръ, пока я лягу и погашу свѣчу... Тысячу разъ принимаюсь писать къ тебѣ и тысячу разъ мнѣ мѣшаютъ, словомъ, безъ позволенья мнѣ нельзя попросить позволенья! Это смѣхъ. Какъ мы были у папеньки, въ его комнатѣ, я была блѣдна отъ холода, а отъ маменьки пришла съ розовыми щеками и за это мнѣ досталось!.. Право, кажется, съ каждымъ днемъ они усовершенствуются въ странностяхъ. Теперь ты мнѣ скажешь, можетъ быть, что я только словами проповѣдую терпѣнье,—вовсе нѣтъ, мой другъ, все это я пишу тебѣ для смѣха, «мнѣ скучно одной смѣяться, итакъ, вмѣстѣ съ тобой». Все-бы это нужды нѣтъ, если бы не тратилось на ихъ глупости и капризы столько времени... Легко ли, почти 20 лѣтъ учиться, какъ при нихъ взглянуть, ступить...

18-е декабря. Молись, молись, Александръ, въ минуты горькія! Ничто не можетъ уврачевать такъ душу, заставить съ твердостію переносить несчастія, любить ихъ, какъ молитва.

Это ужасъ, что со мною было послѣдніе дни: повторяю, болѣзнь самая тяжелая — легче, сноснѣе. И я изнемогла, истрадалась... Разлука съ тобой вдругъ такъ облегла черной тучей мою душу, что мнѣ ни пятнышка свѣта... Эта неизвѣстная твоя непріятность, и къ тому-жъ собственныя, здѣшнія непріятности

до того измучили меня, что я безъ силъ и безъ движенія едва дышала, и сердце обливалось кровью, глядя на эти кровавыя картины. Даже — мнѣ было время писать къ тебѣ, и я не смѣла взять пера въ руки. Теперь-же положеніе наше и обстоятельства все тѣ-же, но я не та-же! Словъ нѣтъ для того, чтобъ выразить тебѣ дѣйствія молитвы, — молись, и ты поймешь меня. Но, ангелъ мой, не могла бы я молиться, ничто-бъ, ничто-бъ не защитило меня отъ бурь, которыхъ я жертвой, если-бъ не *ты*, не *твоя любовь!* Вотъ все мое упованіе, защита и блаженство! Вчера, стоя передъ *Нимъ* съ сокрушеннымъ сердцемъ, я ждала свыше утѣшенія, и вдругъ мысль любви твоей озарила меня и въ то-же время вмѣсто просьбы я принесла Ему благодарность. Можно-ли требовать болѣе??

Вчера узнала я, что Emilie скоро пріѣдетъ, и въ восхищеніи видѣть ее и отъ того, что у тебя скоро будетъ мой портретъ.

Маменька и Егоръ Ивановичъ все въ неудовольствіи на меня, что я не открываю имъ своихъ нуждъ; увѣрь-же ихъ хоть ты, что я ихъ имѣю менѣе, нежели кто-нибудь на свѣтѣ, и если есть нужды, то такія, которыя одинъ Богъ можетъ удовлетворить. Правда, теперь я бѣдна, у меня нѣтъ ничего, потому что тебя нѣтъ, а развѣ тебя мнѣ можетъ замѣнить что-нибудь въ свѣтѣ? Все, что только можно желать и имѣть безъ тебя — твои письма и твой портретъ, — я имѣю ихъ. А далѣе — пусть солнце померкнетъ, пусть... пусть адъ вокругъ меня, — что-же мнѣ-то до того?

Вотъ скоро 25-е число; годъ тому назадъ, въ этотъ день ты впервые призналъ любовь твою и впервые излилъ ее въ письмѣ ко мнѣ, «*но тогда, тогда не будетъ разлуки... тогда я склоню голову на грудь твою и повѣрю, что есть полное блаженство*» — но гдѣ-же, гдѣ-же это *тогда?*

22-е, понедѣльникъ. Бываютъ минуты, въ которыя я теряю надежду видѣть тебя... я захлебнусь скоро горькою волной... плыву чрезъ силы... О! когда-жъ достигну я тебя, пристань моего спасенья? Александръ!

Такъ много сказать тебѣ, ангелъ мой, и ничего не могу!

---

12 декабря, Вятка.

Эти грустныя минуты нѣмой боли, которыя ты такъ не любишь въ моихъ письмахъ, — онѣ бываютъ у меня приливами. Миновало нѣсколько дней и я успокоиваюсь, могу заниматься, думать, читать; но когда злой демонъ опять начнетъ кричать, я бросаю все и предаюсь мрачной фантазіи; иногда самый ничтожный случай, едва холодное дыханіе людей, малѣйшій упрекъ разрушаютъ твердость, которая, какъ осенній ледъ, можетъ держаться до перваго толчка.

Знаешь-ли, чѣмъ я теперь занимаюсь усердно и отъ души. Я досталъ огромное сочиненіе Винкинга объ архитектурѣ и перебираю эти памятники, отвердившіе жизнь народовъ, — много мыслей родилось, всѣ сообщу тебѣ, когда будемъ вмѣстѣ. Покамѣстъ перечитай съ величайшимъ вниманіемъ въ «Notre Dame de Paris» двѣ главы (кажется, въ третьемъ т.) — Abbas beati Martini и Ceci tuera cela. Непремѣнно прочти хоть 5 разъ, покуда вполнѣ понятна будетъ эта мысль. Тамъ ты узнаешь, что эти каменныя массы живы, говорятъ, передаютъ тайны. Какъ пламенно жду я времени, когда я тебѣ буду отдавать отчетъ въ суммѣ, въ итогѣ всѣхъ этихъ занятій отъ школы до ссылки, всѣхъ страданій, сомнѣній, мыслей, фантазій, опытовъ; трудно мнѣ было доходить, — тебѣ отдамъ я готовое. Ты вполнѣ поймешь меня, это я знаю: отрывки изъ

твоихъ писемъ иногда такъ сливаются съ моими мыслями, что нѣтъ между ними и черты раздѣляющей. Скорѣй, скорѣй приходи, эта полная жизнь.

13-е декабря. Еще о томъ мѣстѣ въ «Notre Dame»; я знаю, что изъ 1.000 женщинъ читавшихъ, 999 пропустили именно эти главы или не обратили никакого вниманія, —для того-то ты и должна ихъ прочесть, ибо ты болѣе, выше этихъ женщинъ. Какъ я пріѣду въ Москву, я тотчасъ начну брать всѣ мѣры для нашего соединенія; мы должны быть вмѣстѣ, для того чтобъ развитіе наше было полно.— Хотѣлъ писать много, но Эрнъ пріѣхалъ. Addio!!

15-е декабря. Ты получишь по этой-же почтѣ офиціальную приписку въ княгининомъ письмѣ, я съ намѣреніемъ назвалъ тебя Наташей въ немъ,— желаю знать, какъ это примется ими.

16-е декабря. Собирался писать сегодня къ Emilie и опоздалъ. Часто, очень часто думаю я объ ней; иногда мнѣ приходитъ въ голову, что и самый монастырь есть слабость. Пусть она откровенно съ довѣренностью предается Провидѣнію: ежели Сатинъ не былъ назначенъ ей, то развѣ не слѣдуетъ покориться Персту Божію? Трудно, очень трудно, но тѣмъ выше будетъ душа. Ты много разъ писала, что тебя мучитъ, что всѣ одаренные душою высокой, пламенной несчастны. Не ихъ эта земля, они со своей душой гости другого края, имъ незнакомы обычаи и жизнь земли, на ней до́ма — толпа; но кто-же изъ нихъ согласится промѣнять свои несчастія на безцвѣтное счастіе толпы? Для нихъ есть другой міръ, онъ еще здѣсь начинается, это тотъ міръ, куда летитъ звукъ арфы, подымается обелискъ, а для толпы ничего нѣтъ, кромѣ столовой и спальни.

А горько видѣть эти страданья, сердце обливается кровью и тѣмъ досаднѣе, что толпѣ ихъ не растолкуешь, что она даже не платитъ участіемъ. Сколько слезъ чистыхъ, но жгучихъ льются въ тиши и уничтожаютъ жизнь, — коихъ обнаруженіе произвело бы не болѣе какъ смѣхъ. Полина по всѣмъ правамъ занимаетъ мѣсто въ числѣ этихъ существъ, которыя какъ-бы ненарочно, или случайно попали совсѣмъ не въ тотъ кругъ, въ которомъ быть должны. Изъ искреннѣйшей, чистой дружбы пріѣхала она сюда съ женою аптекаря и куда-же попала, въ Вятку; ты не знаешь, что такое дальняя страна, тамъ всѣ нечистыя, дикія страсти, всѣ образы обольщеній, гнусностей на волѣ, и аптекарь, подлый дуракъ, навѣрное не защититъ ее, ежели обидятъ. Но я не могу разсказать всего, при свиданьѣ и со слезами будешь ты слушать ея мрачную повѣсть. Но никогда не падетъ она, душа у ней высока и прелестна. *Говорятъ,* будто она очень неравнодушна ко мнѣ, — ужасно, ежели-бъ это было правда; но тутъ съ моей стороны не было ничего сдѣлано, я не виноватъ, впрочемъ, я не вѣрю; разумѣется ей и не должно быть равнодушной къ одному человѣку, который беретъ такое искреннее участіе въ ней и готовъ многое сдѣлать. Прощай, Витбергъ тебѣ кланяется, я цѣлую, цѣлую. Прощай-же ангелъ.

Твой *Александръ.*

Москва, декабря 22.

Утѣшитель мой небесный! Вчера чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ изнуренная страданіями я не могла написать тебѣ болѣе трехъ строкъ, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ мнѣ тяжело было и глаза открыть, и дышать, и думать,—я была уже совсѣмъ иная, была *твоя* Наташа, ибо твои строки

меня воскресили, взору дали свѣтъ, душѣ жизнь... И мои слова могли обнять тебя холодомъ, негодованьемъ.

Александръ проститъ *Наташѣ!*

Не помню, что писано, я была тогда ужасно взволнована, безъ вѣдома моего, со дна души думы лились на бумагу. Ты взволнованъ, ты истерзанъ,—не довольно ли этого, чтобъ убить вполнѣ все?

Что пишешь ты о низкихъ страстяхъ души твоей,—я не могу увѣрить себя, чтобъ на тебѣ была малѣйшая брызжинка той грязи, которой захлебываются люди, въ которой тонутъ, – и скажи, моя-ли это вина? Рѣшительно во всемъ я вижу тебя единственнымъ, ты для меня выше всего на свѣтѣ, созданнаго Имъ, святѣе, прекраснѣе, совершеннѣе. Въ тебѣ я дивлюсь Его премудрости, благоговѣю передъ величіемъ Его, поклоняюсь Его благости. — Александръ, тобою познаю я Его. Ангелъ мой, и неба, и вѣчности не искала бы я, когда бы ты не былъ небесенъ и вѣченъ! Твое слово — моя заповѣдь. Вотъ малѣйшій тому опытъ: теперешняго моего положенія вообразить нельзя вполнѣ, иногда нѣсколько дней мнѣ нельзя прочесть твоей строчки, такой караулъ, такъ слѣдятъ за мной, и со всѣмъ этимъ я не смѣю грустить и тосковать, потому что ты пишешь: «не грусти, Наташа, будь весела». Иногда навернутся слезы,— какъ, мнѣ прибавлять тягость кресту его?.. и улыбка замѣняетъ слезы и тамъ, гдѣ грудами черныя тучи, свиваются вѣнкомъ свѣтлыя думы. Когда-бъ я не знала твоихъ желаній, – не знала-бъ что желать; когда-бъ тебя не знала, не знала-бъ что любить и любви бы не знала и сама бы была ничто. Но теперь многихъ твоихъ желаній я не выполняю, потому что *не могу* выполнить ихъ, то-есть потому, что теперь я невольница, въ цѣпяхъ, но придетъ пора... О! толпы, толпы поклонятся той, которой дано понять и оцѣнить Александра, небеса позавидуютъ пространству души, обнявшей столько любви. Стихи Гюго получила. Если-бъ меня спросили, нравятся-ли *мнѣ* они, я бы сказала, спросите о томъ Александра. Послѣдняя строка ихъ – ключъ къ воспоминанію о прошломъ, она написана тобою въ письмѣ послѣднемъ, предъ тѣмъ, гдѣ ужъ ясно все. Помню, какъ я прочла ее, замерло сердце, не знаю, читать-ли далѣе... такъ пугала меня огромность моего счастья, необъятная любовь твоя. Но рѣшилась. – и тамъ ты все пишешь о любви, а ни слова о любви ко мнѣ, и я успокоилась, ибо я боялась *дня* и хотѣла долѣе насладиться *разсвѣтомъ*.

Вѣрно ты, другъ мой, не разобралъ, что писала я объ Огаревѣ. Я говорила съ досадою о холодности отвѣта, произносимаго небрежно и лѣниво тѣми, кого я спрашивала о немъ, а ты говоришь, будто я пишу о твоей къ нему холодности. Теперь ночь, я еще дерзаю не гасить огонь и дрожу отъ страха: si madame Макаш. пробудится! Ну, такъ что-жъ? ничего, только за это завтра я должна буду лечь въ потьмахъ! Она говорила мнѣ о томъ, что я отказала Бирюкову; я сдѣлалась, будто ничего не знаю, ни слова ей на это (низко, гадко, но какъ же, ступивъ въ грязь, не замарать ноги?), не знаю, отъ кого дошло это. И потомъ все говоритъ мнѣ о тайнахъ, о гибели .. и к[нягиня] давеча же упрекала меня, что я въ угожденіе тебѣ занимаюсь книгами, по твоему приказанію училась нѣмецкому языку и чтобъ все это оставила до тѣхъ поръ, пока выйду за *нѣмца*. Немудрено, если до нихъ и все дойдетъ. Но пусть ихъ! Теперь они спятъ, и чернота ихъ спитъ, отдыхаетъ отъ своихъ подвиговъ, а мы бодрствуемъ, мы и во снѣ живемъ болѣе, нежели они на яву. Но кто же это *мы?* Это —Наташа, любовь, Александръ! Трое составляющіе одно. О, и какъ прелестно, дивно, свято

это я! какъ полно оно! Оно море, оно небо, оно...; человѣческій языкъ, не удостоенъ словомъ, могущимъ вполнѣ выразить, что оно! Долго еще не усну я, сидя на стулѣ у постели, буду мечтать о тебѣ.

23-е. Письмо твое к[нягиня] получила сегодня вечеромъ; она слушала его съ большимъ и пребольшимъ удовольствіемъ, а я читала съ содроганіемъ: обманъ, лесть... знаю, что это необходимость и пора привыкнуть, но все-таки каждый разъ пугаюсь, какъ невиданнаго чудовища. Когда-жъ, когда уста наши затворятся для неправды, когда безъ страха ты заговоришь истину? все это *тогда! Тогда!!* Ко мнѣ же приписку я читала съ величайшею пріятностью, тутъ маски нѣтъ, а тонкій, прозрачный флеръ, ихъ вина, ежели не видятъ сквозь него. Ты вѣрно думалъ, что, назвавъ меня въ *томъ* письмѣ *Наташей*, откроешь что-нибудь новое?.. Не только зарѣ, и самому солнцу не улыбнется камень! Я нарочно произносила громко и медленно Наташа!!! Ни малѣйшаго вниманія. Повторяю, камень и солнцу не улыбнется, а въ *ихъ* письмѣ *Наташа*— заря и чуть-чуть блѣдная, тонкая; надобно быть солнцу, чтобъ улыбнуться этой зарѣ! Камень все также недвижимъ, также поросъ мохомъ и травой, также глубоко въ землѣ, также камень!

Жду съ нетерпѣніемъ итальянскія картинки... только Италіи недоставало въ уголкѣ моемъ! Благодарю тебя, мой ангелъ, за этотъ подарокъ, я какъ ребенокъ восхищаюсь имъ заранѣе и жду не дождусь. Какъ ты утѣшаешь меня! А я для тебя не могу сдѣлать ни па волосъ... Если-бъ ты зналъ, какъ больно мнѣ, что я не могу подарить Александра Лаврентьевича. Даже и настолько-то не имѣть власти, возможности,—но все жалобы и жалобы; это слабость, вѣдь ужъ сказано разъ —*придетъ пора!...* Только я должна тебѣ сказать, что на меня имѣютъ большое подозрѣніе. Мак. часто намекаетъ о тайной перепискѣ, называетъ Е. И. почтальономъ и тому подобное. я никогда ей на это ни полслова. Не правда-ли, говорить нечего, да она и не стоитъ этого.

24-е. Сегодня сочельникъ, суета, усталь, пыль и голодъ, – я ни въ чемъ не участница! Я какъ птица съ вершины дерева смотрю равнодушно, какъ у корня его работаетъ груда муравьевъ, *имъ* надо много рукъ и ногъ, нужна земля, сучки, сухой листъ, мнѣ—крылья, небо, солнце. Завтра... завтра... 25-е число! Но что же оно? Оно померанцевое дерево въ цвѣту! Да, это 25-е было бы просто ель, ель, которую ни зной, ни стужа не измѣняетъ, если бы оно не было осыпано какъ померанцевыми цвѣтами воспоминаньемъ о тебѣ. Не отъ корня на немъ вѣтви, не отъ вѣтвей почки и цвѣты! Нѣтъ! отъ *цвѣтовъ* почки, отъ почекъ вѣтви и самый корень отъ цвѣтовъ! Довольно-бъ, довольно-бъ бросить одинъ огненный цвѣтокъ померанца на мертвую елку, чтобъ оживотворить ее, сдѣлать изъ нея дерево юга, исполненное музыкой поэзіи,— но тутъ не одинъ цвѣтокъ, цѣлая корзина... Благовѣстъ къ обѣднѣ... прощай, ангелъ мой. Мнѣ завтра будетъ грустно, грустно, и среди-то людей безъ человѣка! Не знаю почему, а завтра я какъ будто имѣю надежду получить отъ тебя письмо... ужели? Боюсь я нынче предугадывать, а какъ бы была весела тогда... Какъ ни прелестно померанцевое дерево, какъ ни разливаетъ оно ароматъ, музыку, не замѣнитъ оно все одной строки твоей, одного слова. Тоска моя ужъ начинается, не нахожу мѣста,... а ужъ завтра! Прости, прости меня.

25-е декабря. О чувствахъ ужъ писать не стану, ты знаешь ихъ и вѣрнѣе меня. Но вотъ тебѣ утро 25-го декабря 1836 г. Едва я открыла глаза, какъ уже на нихъ навернулись слезы. Въ церкви душа не гимнъ пѣла, она стонала.

И весь день тянулся передо мной ржавой, желѣзной цѣпью, но Провидѣніе, зная слабость души моей, зная, что я не ты, послало мнѣ бездну утѣшенія. Въ обѣдню въ церковь принесли мнѣ письмо отъ Саши Б. и исполненное все грусти, но оно отъ нея, и потому грусть и утѣшеніе вмѣстѣ. Дома-жъ потянулась, загремѣла эта ржавая цѣпь, всегдашніе праздничные люди... и, будто невольно запутавшись въ нее, явился и Егоръ Ивановичъ... Тутъ я отказываюсь отъ твердости, будто все и самыя стѣны издаютъ грустные звуки, будто и цвѣты померанца и все дерево говоритъ томно и печально —*«нѣтъ его»*... Но вслѣдъ за горькими слезами я плакала отъ радости, съ Е. И. вмѣсто тебя твое письмо!—О, Александръ! О, ангелъ мой! Какъ я виновата, какъ виновата предъ тобой! (Но и предъ собою...) Я не смѣла бы просить прощенія... Теперь не могу писать, нельзя, только скажу тебѣ, мой божественный, единственный, что все это страшное, мрачное оттого явилось въ душѣ моей и излилось къ тебѣ, что ты былъ мраченъ и истерзанъ, потому что я не могу обнять твоего пространства и разсмотрѣть своей малости. Но ужъ ты простилъ меня? О, если-бъ я могла упасть на колѣни предъ тобой, несравненный! Мѣшаютъ, зовутъ, прощай!

Вечеръ. Я изъ самолюбія подчиняюсь тебѣ?.. изъ гордости не хочу согласиться, что на тебѣ могутъ быть пятна?.. Самолюбіе... гордость... они—слабость *людей*, недостатокъ ихъ, грѣхъ!.. Но какое же разстояніе отъ людей до твоего идеала?.. Тамъ — канава нечистоты (говоришь ты), здѣсь — изрядное свѣтило, мало, цѣлый міръ, и міръ превосходнѣйшій міра видимаго, изящнѣйшій, въ немъ есть и солнца и планеты,—но нѣтъ астрономовъ, кромѣ тебя, могущихъ назвать ихъ, опредѣлить ихъ величину, дать имъ свойства... *Тотъ* міръ наполняетъ *эѳиръ*, и въ томъ эѳирѣ плаваютъ *тѣла небесныя; этотъ*—наполняетъ *любовь*, плаваетъ *душа небесная, тамъ* все Богъ, *здѣсь*—все Богъ и *ты!*—Такъ смотрю я на твой идеалъ, такъ понимаю его, благоговѣю предъ нимъ, гдѣ же въ немъ мѣсто гордости и самолюбію?—Александръ, ты не хочешь повѣрить (не могу сказать—понять, потому что ты знаешь это), не хочешь повѣрить, что весь этотъ дивный міръ, святой, необъятный въ свѣтѣ и пространствѣ,—весь преданъ тебѣ, погруженъ въ тебя, не видитъ себя въ тебѣ, теряется, исчезаетъ... Нѣтъ, ты этому не хочешь повѣрить! Я бы дала тебѣ все больше и больше—лучше, лучше, но ты это называешь гордостью, самолюбіемъ... Въ *твои* слова я вѣрую, *они заставляютъ* меня вѣрить, что я горда, самолюбива... да, я вѣрю и я же исторгну плевелы, брошенные людьми въ садъ, насажденный для тебя самимъ Богомъ! Вотъ—душа моя, смотри, въ ней нѣтъ уже этихъ пороковъ, она одна любовь, любовь къ одному тебѣ, любовь человѣка-ангела къ человѣку-ангелу, здѣсь нѣтъ совершенныхъ ангеловъ, это *тамъ*, только тамъ мы будемъ одинъ ангелъ.—Итакъ, можно ли считать за ошибку, что я полюбила тебя съ небесностью ангела и съ слабостями человѣка? Мы созданы другъ для друга, и другъ другомъ возвышаемся, совершенствуемся, блаженствуемъ здѣсь и получимъ царство небесное!

Самолюбіе и гордость—наказаніе въ двухъ словахъ за... [вырвано] 2 удара за 200... [вырвано] Богъ и грѣшниковъ милуетъ послѣ... [вырвано] не отвергнешь, если я подойду къ тебѣ и обниму тебя и расцѣлую.

26-е декабря. Въ твоей любви мнѣ не нужны опыты и доказательства, я ихъ не требовала даже въ дружбѣ; но если-бъ было существо, достойное вѣровать въ нее и невѣрующее,—ему довольно-бъ было прочесть безумное мое письмо и твое отъ 10 декабря. Ангелъ мой, я ужаснулась, читая въ письмѣ твоемъ то

мѣсто, гдѣ ты напоминаешь о *желаніи моемъ умереть*. — клянусь тебѣ, я испугалась себя, не могла остаться одна сама съ собою безъ твоихъ писемъ, безъ портрета. —Умереть! Нѣтъ, я не умру, не покину моего Александра людямъ, страстямъ, толпѣ, бѣдствіямъ земнымъ... нѣтъ, не покину! Пусть всѣ эти стрѣлы, не долетя до него, изломятся на груди моей, какъ на скалѣ гранита. Нѣтъ, нѣтъ, ангелъ мой, Александръ, забудь ради Бога все это, прости меня, клянусь никогда подобные звуки не выльются изъ души моей, никогда мысли подобной не залетятъ въ душу... Брось, сожги этотъ черный листъ и забудь все, что писано въ немъ. — можетъ, это была послѣдняя дань недовѣренности къ себѣ. Теперь я готова всѣмъ говорить, что для меня бы не было ничего, если-бъ не было Александра, но что и для тебя ничего бы не существовало, если-бъ не было меня, кромѣ дружбы, кромѣ О.

Довольно, прочь всѣ эти увѣренія, сомнѣнія, страхъ... кончено. Ты *все* для меня, я *все* для тебя! Сомнѣваться въ себѣ, значитъ, сомнѣваться въ тебѣ. Да, никто-бъ не могъ понять тебя столько, оцѣнить, дать тебѣ столько — никто... кромѣ меня! Но что еще это теперь? Вотъ минется кровавая разлука, и тогда я вполнѣ буду *я*, теперь мнѣ все ставятъ границы.

28-е декабря. Знаешь ли, что сейчасъ было со мною? Макашева говоритъ открыто, что я переписываюсь съ тобой, что прощаніе въ Крутицахъ погубило меня и что портретъ также погубилъ, клянется, что скажетъ все к[нягинѣ], говоритъ, что слышала отъ тѣхъ людей, которые все знаютъ и смѣются надъ нами; откровенно скажу тебѣ, я боюсь не за себя, что мнѣ *они*? А маменькѣ и Е. П. можетъ быть непріятность. Не знаю, что мнѣ дѣлать? Впрочемъ, я Мак. на это ни слова не сказала и все время, пока она стояла передо мною, я будто читала со вниманьемъ; это было сейчасъ, она только улеглась и все еще поетъ, а ужъ 12-й часъ ночи; можетъ быть, я глупо сдѣлала, что не рѣшилась пуститься лгать, что есть силъ, и увѣрить ее, что все это ложь и неправда, но что-жъ мнѣ дѣлать, я не могла. Если еще будетъ это говорить, рѣшусь говорить все противное, потому что ужъ всѣ письма далеко убраны, сыскать она ихъ не можетъ, также и доказать ей нечѣмъ, она же останется въ дурахъ. Впрочемъ, она ужъ обѣщала у меня все обыскать и непремѣнно сказать к[нягинѣ]. Я того и жду, что будетъ допросъ, но ты не бойся, надѣйся на мою твердость, въ перепискѣ ни за что не признаюсь, потому что это многихъ погубитъ. Во всемъ этомъ я кладу подозрѣніе на Насакиныхъ; Мак. въ большой съ ними дружбѣ и какъ пришла вчера отъ нихъ, такъ сказала дѣвушкѣ, которая мнѣ служитъ, что ее зашлютъ туда, куда воронъ костей не заносилъ, за то, что она передаетъ письма, хотя та ни въ чемъ не виновата. Но меня здѣсь въ домѣ, ежели кто знаетъ пере[писку], не откроютъ ни за что на свѣтѣ, и я увѣрена, что все это сплетни Насак.; онѣ самые низкіе люди обѣ, я безпрерывно вижу это на опытѣ!

Итакъ, ангелъ мой, не безпокойся, умоляю тебя, ежели не будешь получать отъ меня такъ часто писемъ, рѣшительно минуты нѣтъ свободной. Мак., какъ нечистый духъ, преслѣдуетъ меня, каждое движенье, взглядъ все замѣчено, переведено к[нягинѣ] и въ самомъ скверномъ видѣ. Не знаю даже, будетъ ли возможность писать; умоляю, другъ, ангелъ мой, не огорчайся, я тверже перенесу это.—Господи! Ахъ, когда ты пріѣдешь!

На многое не отвѣчала я тебѣ, не знаю, можно ли будетъ завтра взять перо въ руки. Цѣлую тебя, божество мое Александръ, обнимаю, ангелъ мой... О!

Каково это, гдѣ твои письма?.. Но ужъ пусть же ихъ досыта наругаются надо

мной; все, все имъ прощаю, только тяжело мнѣ, тяжело и больно за тебя.— Бѣжала бы я отсюда, не оглянувшись, но *Онъ* посылаетъ это крестъ, — какъ же не нести его!

Пожалѣй мою Сашу, у нея умерла сестра, которую она любила необыкновенно, теперь она на моихъ рукахъ, несчастная, и она это выноситъ! Только. Боже, пошли силу переносить все!—Ну, другъ мой, ангелъ, можетъ послѣднее письмо и еще долго, долго не получишь ты отъ меня: Мак. говоритъ, какъ увидитъ перо у меня въ рукѣ, приведетъ к[нягиню], отъ нея не спасешься, —такъ не огорчайся же, мой другъ, не грусти, и я буду тверда и весела. Ты пиши, впрочемъ, увидимъ... Я, кажется, теперь одурѣла, не знаю, что сказать... Оставила одно твое послѣднее письмо для отрады и утѣшенія... оно хранится подъ грудою нотъ. Прощай, когда жъ пріѣдешь ты?

29-е. Въ залѣ, стоя на колѣняхъ, пишу на стулѣ...

Какъ я удивилась, что ты пишешь мнѣ, чтобъ я прочла въ Notre Dame со вниманіемъ именно тѣ главы, которыя я читала и перечитывала и прежде съ большимъ вниманіемъ. Да, мой ангелъ, пойму я тебя совершенно, съ какою жаждой жду я того времени, когда буду съ тобой... Эта пустая и тяжелая жизнь утомила меня, безъ сильнаго восторга не могу представить жизнь съ тобою, но когда-жъ, когда-жъ это будетъ? О, если-бъ знали до дна эту лохань, въ которой я теперь!.. Во всѣхъ углахъ шепчутъ, и все объ насъ, будто все полно подозрѣнья и любопытства. Мак., я увѣрена, разнесетъ это по всѣмъ дворамъ, и вообрази, ежели кто видитъ у меня въ рукахъ хоть простую бумажку, тотчасъ кричатъ, какъ скоро услышатъ шаги Мак.: идетъ! идетъ!... Это ужасно непріятно. Макаш. сама разсказывала все въ дѣвичьей, что слышала это отъ Насакиныхъ. Жалкіе!

Пропускаю еще милліонъ гнусностей и подлостей, которыя содѣваются кругомъ меня; теперь о томъ, какъ бы избавить маменьку и Е. И. отъ неудовольствія. Ты же, Александръ, милый другъ, будь покоенъ, не бойся за меня, ну, вѣдь, они не могутъ насъ разлучить, а письма... ахъ, ты и прежде мнѣ писалъ: «Наташа, я и жизни не могу вообразить безъ твоихъ писемъ». Ангелъ мой, еще не совсѣмъ испытано наше терпѣнье, и покорность Ему докажемъ! Съ увеличеніемъ несчастій теперешнихъ увеличивается блаженство будущее!

Много, много тебя обнимаю и цѣлую. Витбергу душевное поздравленье со днемъ его рожденья и поклонъ, исполненный почтенья. Прости!

Вся твоя, твоя и твоя!

Дек. 31. Еще одинъ часъ, и сумрачный, туманный, черный, кровавый, *тридцать шестой годъ* потонетъ въ вѣчность! *Одинъ часъ его* остался, и о немъ можно говорить все. Онъ былъ тиранъ, тиранъ безжалостный, жестокій, страшный, онъ давилъ меня тяжелой пятой, терзалъ желѣзными своими когтями, приводилъ въ оцѣпенѣніе холодомъ своего дыханья, словомъ мучилъ на смерть... Но я жива! я побѣдила этого гиганта! Остались рубцы, раны... они сотрутся *когда-нибудь*, исчезнетъ слѣдъ тяжкой борьбы, но сила, твердость, высота, купленныя кровью и страданьями, не убудутъ во вѣки вѣковъ! Забудь и ты, ангелъ, прости ему, онъ ужъ не существуетъ, онъ мертвецъ...

Другъ мой, вѣрно ты теперь думаешь обо мнѣ. 12-й часъ, послѣдній часъ, проведемъ вмѣстѣ его. Мнѣ кажется, ужъ я давно не писала тебѣ и теперь рискую много, но пусть ихъ! Я не жертвую ничего своему спокойствію, мнѣ не нуженъ покой!! Такъ ли отражается лазурь —въ сонной, лѣнивой, полумертвой

водѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ пуховыми берегами, какъ въ чистой, яркой и рѣзвой струѣ, которой путь далекъ, которой и преграды нѣтъ?.. Отъ нужды, изъ необходимости пьютъ воду изъ *пруда*, и нехотя смотрится въ ней мѣсяцъ, и вовсе не видно въ ней звѣздочки... Стремится всякій къ быстрой *рѣкѣ*, любуются ея величіемъ, *ясными* водами, прислушиваются къ ея говору... Она чрезъ страшныя пространства передастъ вздохъ и слезу, носитъ необъятныя тяжести, работаетъ, трудится, рвется для блага человѣка, а силы ея все болѣе и болѣе... Путь ея шире, далѣе и далѣе, достигаетъ *моря*, наконецъ!.. Не хочу, не хочу покоя я! Раздвиньтесь, берега! Исчезни плотина.. и я сольюсь съ моремъ, и его волны сольются съ моими струями;... пусть пѣна, пусть далеко брызжины;... люди жаждутъ, рѣка слезами своими напоитъ ихъ, мимоходомъ катясь къ своему морю.

Макашева, кажется, не рѣшается объявить княгинѣ о нашей перепискѣ, боясь получить выговоръ и потерять довѣріе к[нягини], но преслѣдованія, вѣроятно, не окончатся до конца моего заключенія! 10 лѣтъ терпѣла я за неизвѣстное благо... не стерплю-ли половину за твою любовь??

Авось либо карандашъ не сотрется, перо скрипитъ, а меня отъ Мак. раздѣляетъ только холстина и 3 шага!

Александръ! Вслушайся, всмотрись... и нѣтъ 1.000 верстъ, и твоя Наташа съ тобой!

Три дня я по нѣскольку разъ разсматривала твои картинки и восхищаюсь и мечтаю о той странѣ, о томъ небѣ, о тебѣ, о Немъ!

23-е декабря.

Наташа, ангелъ, прелестное существо! Итакъ, ты начала уже страдать отъ меня, я это предвидѣлъ, я это предсказывалъ. — но иначе угодно было Провидѣнью, твоя жизнь навсегда влита въ мою жизнь, влекись же бѣшеной фантазіей со мною куда? все равно, лишь бы со мною. Твои послѣднія письма отъ 9 дек. наполнили меня грустью, даже томностью. Въ нихъ видно глубокое страданье, и я причиной ему, съ моей безумной фантазіей, съ моимъ эгоизмомъ, словомъ, съ моей душою. О, Наташа, Бога ради, не повторяй, что мнѣ мало тебя, Бога ради. Нѣтъ, нѣтъ, твоя любовь, твоя душа показала мнѣ, что и здѣсь на землѣ могутъ осуществляться идеалы поэта. Не повторяй же, Наташа. И ты говоришь обо мнѣ, какъ будто я не понимаю твоей любви. Люблю, люблю тебя всей этой энергіей моего характера и никого бы не могъ такъ любить... только не говори этихъ словъ. Оставь мою грусть, она проходитъ. Что дѣлать, ровнаго, гармоническаго счастья мнѣ не дано, но ты, ты счастлива, какъ ангелъ. О ежели-бъ я могъ, однимъ объятіемъ я высказалъ бы тебѣ все и безграничное блаженство мое, и грусть, все, все;—тогда только поймешь ты, что ты мнѣ. Я готовъ плакать теперь, а я твердъ; готовъ цѣловать край твоей одежды, только успокойся, будь весела; я хочу, чтобъ ты лечила мою больную душу, а ты заражаешься ею... Зачѣмъ ты говоришь мнѣ о моемъ блаженствѣ, будто я не знаю, что нашелъ я въ этой душѣ прелестной, въ твоей душѣ!

Почему ты не такъ грустишь, спрашиваешь ты, да развѣ есть на тебѣ пятна? Развѣ ты не можешь понять, какъ меня долженъ терзать проклятой поступокъ съ М Ты и я. Опять скажешь, зачѣмъ я тебя высоко поставилъ. Да не я ставилъ — Богъ. Ежели-бъ я такъ ослѣпленъ былъ собою, что не видѣлъ бы, на

какой *высотѣ* я могъ бы быть и гдѣ теперь... Читала-ли ты у Жуковскаго Абадонну:

Сумраченъ, тихъ, одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона
Зрѣлся отъ всѣхъ удаленъ серафимъ Абадонна;
Печальною мыслью бродилъ онъ въ минувшемъ... онъ вспоминалъ
Прежнее время, когда онъ, невинный, былъ другъ Абдіила.

Ты, Наташа, мой Абдіилъ — мой ангелъ-хранитель, и тебя-то я мучу. Еще зачѣмъ ты безпрестанно хвалишь меня? Знаешь-ли ты, что я ужасно самолюбивъ и гордъ: хвалить меня,—это дикому звѣрю показывать пурпурную ткань, это напоминать ему цвѣтъ крови...—Ты молишь Бога, чтобъ онъ далъ мнѣ созданье лучше тебя... Погоди, да возьму-ли я у Него? Отнять тебя матеріально здѣсь, это можетъ Провидѣнье, дать другую не въ Его силахъ. Или ты, или мнѣ не нуженъ никто здѣсь и опять ты же—тамъ. Останови же свою молитву,—ты ею обидишь Провидѣнье. Душно! душно! Оставь, искорени эту несчастную мысль, что мнѣ мало твоей души. Да послѣ этого ты, право, не вполнѣ вѣришь въ мою любовь.—И что-жъ собственно дурного въ моей грусти? въ безумной веселости человѣкъ тратитъ свою душу, въ грусти онъ возвышается, въ грусти поэзія, а въ веселости—смѣхъ.

Ты спрашиваешь, утѣшитъ-ли меня твой поцѣлуй—твой поцѣлуй—*ты спрашиваешь*? Ха, ха, ха... вотъ забавная мысль пришла въ голову (начинаю быть веселымъ); погоди, дай смыть съ губъ тѣ нечистые поцѣлуи сладострастные, которыми онѣ запятнаны съ самой юности, ты замараешь свои уста. Можетъ, странно тебѣ, что я говорю подобныя вещи прямо тебѣ; да, этого не скажетъ влюбленный юноша съ розовыми ланитами, съ розовой душой, съ розовымъ умомъ своей Юліи, Минѣ, Альсинѣ—такой же дѣвѣ. Но я и ты—у насъ другое отношенье, вспомнимъ нашу силу. Моя душа давно потеряла запахъ розы, мои щеки давно блѣдны,—съ 14 лѣтъ ломали меня мысль и чувство. И оттого-то моя грусть, что я хотѣлъ бы тебѣ, божественная, принесть себя божественнаго. Ты говоришь, довольно для тебя. Но для меня недовольно то, что я тебѣ даю собою.

Кто будетъ рисовать твой портретъ? Ежели человѣкъ, который не удивляется тебѣ, не любитъ тебя, не можетъ понимать — не надобно. Рафаэль, этотъ Рафаэль, котораго называютъ божественнымъ, осмѣлился Мадоннѣ дать лицо Форнарины—своей любовницы, а Италія молилась, удивлялась. Ну, вы, господа съ кистью, вотъ вамъ Наташа, это ангелъ, это ужъ не женщина, съ которой стерта божественная печать нечистыми объятіями, нѣтъ, она такова, какъ была до рожденья въ раю,—да гдѣ этимъ дуракамъ придти въ голову изобразить Богоматерь, какъ она была; имъ довольно представить женщину и ребенка.—Твой портретъ. Что-жъ, скоро-ли я прижму къ сердцу своему хоть портретъ.

Я, кажется, понялъ мысль, которую ты называешь святою, несбыточною,—да, понялъ ее. Эта мысль мелькала у меня, все-таки симпатія наша превосходитъ все на свѣтѣ. Я понимаю тебя, однако ты напиши мысль свою, можетъ, я ошибся. *Ангелу не хочется быть человѣкомъ*, ему низко, тѣсно, удушливо въ этой темницѣ. И чтобъ мнѣ всѣ утѣшенія находить не въ тебѣ одной!... Ты — моя поэзія, ты именно все, что осталось чистаго и непорочнаго въ душѣ моей.

Получаешь-ли ты аккуратно мои письма, я пишу почти всякую почту, а ты отъ 9 декабря отвѣчаешь на письмо отъ 18 ноября.

Ну, прощай, до будущаго года не пошлю письма. Вѣрь же, что твоя любовь

принесла мнѣ болѣе, нежели сколько я надѣялся. Вѣрь, что въ тебѣ нашелъ я все, чего искала душа. Дай Богъ, чтобъ скорѣй ты все увидѣла на опытѣ.

Твой *Александръ*.

Я продолжаю безпрерывно заниматься архитектурой. Путешествовать, путешествовать непремѣнно. Emilie дружескій, сердечный поклонъ... А, вѣдь, въ монастырѣ будетъ скучно. Ежели Mademoiselle Alexandrine 1-ая приметъ мой поклонъ, передай и увѣрь, что я совсѣмъ не страшенъ. Некогда! Addio!

1837 годъ.

1-е января.

Natalie! Вотъ и новый годъ, прощай 1836-й! Ступай въ вѣчность! Моего благословенія нѣтъ на тебѣ: ты давилъ меня съ перваго дня до послѣдняго, въ тебѣ не жизнь, а судорожное движеніе. Прощай же. Ну, а этотъ новый что принесетъ — неужели ничего? Желаній два, три — довольно и для меня, и для тебя. Надеждъ — нѣтъ. Я писалъ къ тебѣ письмо 25 декабря и изодралъ его: это въ первый разъ, ибо однажды написанное письмо я уже считаю собственностью твоей, но письмо это было такъ нелѣпо, что я рѣшился не посылать. Всѣ праздники я провелъ какъ нельзя хуже. Часто думалъ я, что совсѣмъ пересталъ быть тѣмъ Александромъ, твоимъ Александромъ, и представлялъ себя такъ, какимъ-то неудавшимся существованіемъ. Сегодня, т. е. въ первомъ часу ночи, я говорилъ съ Полиной о тебѣ: ужъ вѣрно и ты въ то же время думала обо мнѣ... Ангелъ, ангелъ! Письмо твое получилъ (отъ 22 декабря). Непріятность, о которой писалъ, не такъ важна, чтобъ стоило о ней писать.

Прощай на нѣсколько часовъ.

Вечеръ. Нѣтъ, жаль мнѣ стало 36-й годъ; за что же я его такъ безжалостно, такъ холодно оттолкнулъ? А твои письма развѣ не осыпаютъ его свѣтомъ и эфиромъ, а дружба Витберга, а дружба и симпатія въ этой глуши даже,—не правда ли, какъ я неблагодаренъ? Чего нельзя перенести за одну строку твоихъ писемъ, гдѣ буквы принимаютъ какой то звукъ и гармоніей страсти раздаются въ глубинѣ души. Съ какою жадностью я тысячу разъ перечитывалъ въ прошедшихъ письмахъ твоихъ, гдѣ ты меня утѣшаешь въ грусти; ну, такъ и видна слеза на глазахъ и улыбка: и то и другое горитъ любовью, и пламенное желанье слезу оставить себѣ, а улыбку передать мнѣ.

4-е января. Вотъ тебѣ, Наташа, новость: можетъ, черезъ мѣсяцъ или два Полина уѣдетъ отсюда и куда же?... Вздумать страшно: за 400 или 500 верстъ отъ Перми, на заводъ, куда хочетъ опредѣлиться мужъ ея подруги, у которой она живетъ.

Бѣдная! она завянетъ, пропадетъ даромъ и нигдѣ кругомъ нѣтъ спасенія; одна рука, которая сдѣлала-бъ для нея все — это моя рука, но она закована въ тяжелыя цѣпи. И что ее заставляетъ ѣхать? Какая то поэтическая дружба къ подругѣ, которая очертя голову вышла за дурака и теперь мыкаетъ съ нимъ горе. Неужели Провидѣніе такъ непонятно управляетъ дѣйствіями нашими, жизнью,—что иногда имѣетъ весь видъ слѣпого случая. Эта новость меня огорчила. Ея положеніе почти не лучше Emilie—та обманута любовью, эта цѣлой жизнью. У той въ воспоминаньи есть свѣтлая полоса, у этой сумерки и даже

темнота. Ты пишешь, что не можешь видѣть низостей людей и страданія другихъ. Я крѣпче тебя, но, признаюсь, вся твердость моя таетъ отъ вида этихъ судорогъ души, выбивающейся изъ-подъ гнета обстоятельствъ и на которую летитъ ударъ за ударомъ. Но низости дѣлаютъ на меня другое вліяніе—потребность, жажду мести. Ахъ, Наташа, чего я ни наглядѣлся въ это послѣднее время: какъ дики, грубы страсти и какъ подлы, низки люди (слава Богу, что не всѣ). Около губернатора въ губерніи, гдѣ нѣтъ дворянства, обращается все, какъ около солнца; власть его не ограничена, и, слѣдовательно, тутъ то сосредоточиваются всѣ искательства и интриги,—и я поневолѣ, ежели не хочу зыкрывать глаза, долженъ видѣть этихъ гадкихъ животныхъ, трепещущихъ, съ клеветою во рту, со страхомъ, чтобъ не открылись ихъ дѣла и пр. и пр. Вотъ тебѣ анекдотъ въ въ доказательство. Недѣли двѣ тому назадъ, одинъ изъ здѣшнихъ personages надѣлалъ мнѣ грубостей на балѣ,—весь городъ былъ тутъ, но ни одинъ человѣкъ не показалъ, что я правъ или нѣтъ, всѣ молчали, даже говорили, что не слыхали. На другой день губернаторъ сказалъ, что я рѣшительно правъ и что тотъ долженъ извиниться передо мной,—и весь городъ закричалъ: «Герценъ правъ», и пошло участье, и свидѣтели, и все нашлось. (Опять повторю, что есть исключенія). Съ тѣхъ поръ я ужъ просто сталъ ненавидѣть здѣшнее общество.

6-е января. Три года тому назадъ, вечеромъ, у Насакина,—и какъ живо все это въ памяти, какъ свѣтло, какъ похоже на ту прелестную луну, на которую мы смотрѣли. И сколько прожито съ тѣхъ поръ! Всю свѣтлую недѣлю 34 года я бушевалъ, это была одна вакханалія въ 7 дней и послѣдняя: не воротится то юношеское увлеченіе, тотъ огонь, та безотчетная веселость. Вскорѣ послѣ Огаревъ взятъ. Наша прогулка на кладбищѣ была также разставаніемъ съ другимъ элементомъ юности, съ тихой, гармонической симпатіей,—желѣзныя руки приняли меня изъ твоихъ рукъ. Но я былъ высокъ, чистъ, я очищеніемъ 9-ти мѣсяцевъ, страданіями и лишеніями, приготовлялся къ 9 апрѣля 1835 г.— Это въ моей жизни *преображеніе*, ты матеріальная, земная по тѣлу преобразилась въ глазахъ моихъ въ ангела невещественнаго, святого. Сколько воспоминаній, сколько воспоминаній! Получила-ли ты мою статью?—Прощай, прости, что мало писалъ—я глупъ всѣ эти дни.

Твой *Александръ*.

---

1 января.

Пробило 12 часовъ! И вотъ 1-е января 1837 года! Ангелъ мой, другъ милый, неизмѣнный Александръ!

... Нѣтъ! Я ничего тебѣ не напишу, *вслушайся, всмотрись!*

. . . .

Охъ, что-то скажетъ намъ этотъ незнакомецъ! Боже мой, Господи! . . .

Ну, другъ, цѣлую тебя много, много, много... и до завтра,—я устала, мнѣ нужно отдохнуть. Не постель, не сонъ мое отдохновеніе (давно я отдала ихъ *имъ*), нѣтъ, утомленная, измученная, давно я не могла возвыситься до бесѣды съ Богомъ. Теперь я очистилась отъ земли.

Вечеръ 1-го января. Прелестное было утро сегодня! Я бы была довольна, если-бъ знала, что ты также провелъ его. Твое письмо отъ 2 и 3 дек. и Эмилія, какъ двѣ звѣзды, прорѣзали тучу... Нѣтъ, нѣтъ, мой ангелъ, я не страдаю! Не говори ты этого. Меня тревожитъ не грусть твоя, я знаю, испытала грусть, и грусть обо мнѣ возвышаетъ тебя, очищаетъ, она отрадна, сладка душѣ твоей, и

угрызенія... но Александръ, что бы ни было, ты мой, я твоя, мы одно, а вмѣстѣ мы прелестны, дивны, святы; другъ же безъ друга—жалкіе, несчастливые странники земные, люди!..

Эмилія все та же прелестная, эфирная, я ужасно ей обрадовалась. Много, много тебѣ сказала бы я, божество мое, но... но... вѣдь придетъ Макаш!.. Браслетъ отдамъ отдѣлать, стряпчій мой пріѣхалъ. А ужъ портретъ не могу и придумать, какъ устроить теперь, догадаются, что для тебя. *Мысль ту* скажу тебѣ, какъ буду съ тобою. Боборыкины не пріѣхали и долго не будутъ по обстоятельствамъ. Къ Сашѣ Б. братъ ея просилъ меня написать, и я *должна была* отказать!.. Люди! Люди!.. Я покойна, не весела, да я и не люблю веселья, моя грусть—второе чувство послѣ любви. Ангелъ мой, твоя Наташа.

5-е января. Почти недѣля,—а я ни строчки къ тебѣ... тяжело... Ужель 37 годъ будетъ также мраченъ; неужели, Александръ, я тебя не увижу до будущаго?.. Боже!..

Рѣдко, рѣдко вижу твой портретъ, еще рѣже читаю письма, а писать къ тебѣ... люди! Люди, что вамъ я сдѣлала?—Пріѣзжай, мой ангелъ, и не оставляй меня здѣсь долго, это и вообразить нельзя, *что здѣсь!*

Эмилія и въ другой разъ была у меня и еще болѣе принесла грусти. Она и маменька требуютъ, чтобъ я для безопасности отдала ей спрятать у себя письма твои; я не знаю опасности, давно она исчезла для меня, а воля ихъ,—съ письмами не разстанусь, развѣ ты этого захочешь.

Наконецъ, я готова высказать все кн[ягинѣ], но, вѣдь, она не отпуститъ меня къ тебѣ, подождемъ. Ты обо мнѣ не безпокойся, другъ мой, я тверда.

Твои письма аккуратно доходятъ до меня, а мои, кажется, долго не отсылаются на почту.

Какъ тать нощная оглядываюсь. Прости, мой ангелъ! Ахъ, да когда же я буду съ тобой? Милый, когда, когда?

6-е января. Три года тому назадъ, что было въ этотъ день? Я думаю, ты помнишь.

Наконецъ, меня свозили и къ папенькѣ! Ты не можешь вообразить, сколько утѣшаетъ меня свиданіе съ маменькой, ея вниманіе, ласки; долго послѣ того не могу я назвать кн[ягиню] маменькой.

Ни о чемъ теперь я не молюсь, мой Александръ, какъ только-бъ взглянуть на тебя. Вѣрю, вѣрю, какъ нельзя больше, что для тебя нѣтъ лучшаго существа, другой Наташи...

Просыпаюсь... и уже дрожу вся отъ мысли, что еще далекъ *тотъ день*... особенно послѣднее время. Часто глядя на к[нягиню], я готова сказать: «пустите меня къ нему, отдайте ему меня». Именно наша жизнь должна быть необыкновенная, сколько я ни слышу, ни вижу—ни одной не позавидовала, я хочу жить только той жизнью, которую можешь дать только ты.

Теперь не прежняя пора воли и свободы. До свиданья, душа моя...

8-е января. Вчерашній вечеръ меня не было дома; одна, безъ *нихъ*... и этого уже слишкомъ довольно, не правда-ли, другъ мой? Но скажу гдѣ я была: въ театрѣ!—Сначала мнѣ грустно было: чѣмъ болѣе свѣта, тѣмъ темнѣе въ душѣ, чѣмъ многолюднѣе, тѣмъ чувствительнѣе мое одиночество. Долго сидѣла я задумавшись, даже не замѣчая ни что на сценѣ, ни что вокругъ меня, но маменька, сидя за мною, сказала: «какъ Сашенька будетъ радъ, что ты была въ театрѣ». Конечно, я *должна* веселиться. Тутъ я могла восхищаться прелестною увертюрой Обера.

Рицардомъ. Сонковской. Оттаво — словомъ, *я была* въ театрѣ! Не менѣе занимательно было наше домашнее представленіе. гдѣ дѣйствующія лица к[нягиня] и Левъ Ал. Полгора часа онъ бранилъ ее за меня. Благодарю! Въ 12 часу пріѣхала я домой, въ ушахъ увертюра, въ глазахъ Фенелла. въ душѣ ты! Долго не спала я, часъ отъ часу мнѣ становилось душнѣе.—что мнѣ Фенелла и весь театръ! Хоть вѣкъ спать, лишь бы снился ты! Съ этимъ закрыла я глаза и. вообрази, мой ангелъ, видѣла всю ночь тебя. будто ты пріѣхалъ, я бѣгу къ тебѣ, смотрю на тебя, но, Боже мой, это сонъ, только сонъ. а въ самомъ то дѣлѣ я смотрю на... что ужъ и говорить. за три пріема пишу эту страницу! Какъ душно вчера мнѣ стало въ въ театрѣ. представлялась Италія. наша Италія. Александръ! а тебя не было со мною.

Нельзя писать, ну что-жъ? Я зато пойду смотрѣть картинки; мнѣ кажется, на нихъ цвѣтутъ твои мечты и придаютъ красоту и ароматъ моимъ, встрѣчаясь и сливаясь съ ними. А Боборыкины не пріѣдутъ до будущаго года... Эмилія пріѣхала... о, Александръ!..

9-е января. И забыла описать тебѣ прелестное мгновенье. Рано вырвалась я изъ дому всѣми неправдами, ѣхавши въ театръ. Папенька еще спалъ. такъ тихо все, всѣ шепчутъ. я отправилась въ гостиную. полная луна освѣщала всѣ комнаты, одна... раздолье!.. Зажгли лампу. пришла Маша. . прощайте мечты!— Много разъ еще я перечитывала *Ceci tuera cela*, да—но, Александръ, когда-жъ я буду заниматься съ тобою? Пора. мой ангелъ. ты долго зажился въ Вяткѣ.

10-е, воскресенье. 11 час. вечера. Спасибо Маттей, она опять переѣхала къ намъ, и мнѣ нѣтъ мѣста наверху.—Теперь вся ночь моя! Я одна въ цѣлой гостиной, просторъ дышать, мечтать. писать! Какъ я весела, довольна, не оглядываюсь, не прислушиваюсь. . Александръ, ангелъ мой. я съ тобою!

До сегодняшняго дня въ душѣ моей была разлита какая-то мрачность, безсиліе. страданье; жестокость и чернота людей меня подавили, какую-нибудь минуту удавалось мнѣ писать къ тебѣ, и каждая строка ропотъ, несвязный звукъ. Теперь душа покойнѣе, свѣтлѣе. все забыто, прощено и всѣ забыты, только ты. другъ мой. со мною. Быть одной—блаженство. Это лучше театра, лучше концерта!

Ты говоришь, что я заражаюсь твоею душой, то-есть, ты хочешь сказать, зачѣмъ моя душа чувствуетъ боль души твоей. зачѣмъ страдаетъ твоимъ страданьемъ? Если-бъ душа твоя не была моей душою и моя твоей, тогда-бъ ты былъ отъ меня какъ небо отъ земли и странно-бъ было между нами малѣйшее сходство. но когда мы одно? Пятна твои пятнаютъ и меня, не твоя одна. и моя кровь должна литься. чтобъ смыть ихъ, и мы это видимъ на опытѣ. Но не для того соединилъ насъ Богъ, чтобъ умножать пятна, чтобъ глубже падать, нѣтъ! Мы другъ для друга свѣтильникъ, ходатай, лѣстница къ Нему. Ты однимъ мановеньемъ. взглядомъ, существованьемъ своимъ сдѣлалъ изъ меня ангела: не такъ обширны силы мои, не тотъ взоръ. мнѣ потребно болѣе труда... но я назначена, создана для того и достигну!

Странно. съ нѣкоторыхъ поръ я безпрерывно жду тебя (какъ будто ты писалъ мнѣ. что скоро будешь). Смотрю на улицу, въ дверь:... позовутъ-ли меня, я вся вспыхну, не о твоемъ-ли пріѣздѣ скажутъ мнѣ. иль это предчувствіе. тайный вѣстникъ сердца? Пора! Довольно жить мечтой, надеждой, сномъ, - довольно. О, какъ сердце кипитъ. рвется... Три года ждать каждый день. каждый часъ. каждую минуту. и только ждать. три года!... Душа моя! Милый другъ

мой, Александръ. Ну, что писать? Возьми цѣлую тетрадь, она полна однимъ, все однимъ. Крутицы, Разлука, Будущее!

Былъ Вадимъ у насъ. Я не могла его видѣть равнодушно: они уѣзжали въ Харьковъ. а тебя взяли тогда. все это вспомнилось.

Нѣтъ! Что ни думаю. какъ ни размышляю, какъ ни покоряюсь Провидѣнью. душа томится, вянетъ безъ тебя...

Нѣтъ, по тебѣ, по тебѣ...

Прощай, хоть письма твои почитаю.

9-е января.

Ты теперь уже давно получила. Наташа. отвѣты на письма, въ которыхъ упрекала меня въ грусти. въ этомъ демонѣ. смущающемъ мою душу. Можетъ, въ нихъ были фразы, которыя тебѣ не понравятся. впередъ прошу простить. Такъ написалось! Сверхъ всѣхъ причинъ, у меня въ самой душѣ есть зародышъ тоски, несмотря на всю живость характера. Безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій я впадаю иногда въ задумчивость мрачную и давящую. Таковъ былъ Байронъ. мучившій безпрерывно самъ себя призраками и идеальными понятіями. Твое присутствіе разсѣетъ все это. твои письма единственное спасеніе теперь. Гюго говоритъ. что человѣкъ съ талантомъ похожъ на Мазепу, привязаннаго къ хвосту дикой лошади. Лошадь влечетъ его по камнямъ. по холмамъ. онъ избитъ, полумертвъ и воскресаетъ торжествующимъ. Да. но ежели послѣ всѣхъ мученій, страданій не будетъ торжества... Будущее нѣмо и завѣшено. оно, можетъ, смѣется этимъ гаданьемъ. Но зачѣмъ-же, ежели какому-нибудь человѣку ничего не предоставлено сдѣлать. кромѣ *прожить* свой вѣкъ. зачѣмъ-же внутри его души кричитъ неумолкаемый голосъ: «тебѣ душно. тѣсно, въ тебѣ есть сила, создай себѣ міръ дѣятельности. раздвинь узкія границы жизни. проложи новую колею въ пути ея. разлей огонь. который въ твоей душѣ. подѣлись мыслью и чувствомъ съ людьми». Зачѣмъ? Сколько людей спокойно и безмятежно живутъ въ маленькомъ кругу дѣятельности. я уже не говорю о людяхъ безъ всякихъ способностей, нѣтъ, люди очень умные. очень добрые... и очень пошлые. Бываютъ минуты. я имъ завидую. но это минуты устали, утомленія. Могла-ли-бъ ты, моя прелестная подруга. сестра. могла-ли-бъ ты любить меня. ежели-бъ я былъ изъ числа *этихъ добрыхъ людей*... У нихъ своя любовь. свои идеалы съ запахомъ кухни и домашняго благосостоянія.

Дай Богъ имъ долги дни!

Двадцать четыре года время. въ которое у другихъ юность въ полномъ цвѣтѣ. въ полномъ разгулѣ. гдѣ еще призраки принимаются за дѣйствительность и чаша жизни еще полна. еще не почата. А я! Взгляни на мое лицо, истомленное страстями, мыслями. обстоятельствами. избыткомъ счастья и избыткомъ несчастья. Въ 24 года я усталъ жизнію, и что было бы со мною. ежели-бъ твоя любовь не слетѣла ко мнѣ съ неба. когда я. сбившійся съ дороги. мрачный, унылый. преслѣдуемый дикими звѣрями. готовъ былъ потерять остальной дрожащій лучъ надежды. Съ твоей любовью обновилась душа. И зато какую любовь, какое поклоненіе принесъ я моей спасительницѣ. моей Беатриче. Я не искалъ, кому отдать свою душу, Провидѣнье само распорядилось. И кто смѣлъ бы взять эту больную душу съ ея судорожными движеніями. съ ея необъятными требованіями? Кто, кромѣ тебя, Natalie!

10 января. Заниматься продолжаю архитектурой,— вѣка прошедшіе встаютъ со своими пирамидами, храмами, соборами и разсказываютъ свою жизнь; слава Богу, что можно переселяться въ то время, когда не пугались великаго, когда изящное считалось необходимою потребностью. А теперь—переходъ болѣзненный, гдѣ все высокое спитъ, гдѣ только думаютъ о матеріальныхъ нуждахъ, и горе тому, кто не падаетъ съ головою въ болото. Послѣ огромной войны 1812 года явился человѣкъ геніальный, хотѣвшій гору превратить въ храмъ, хотѣвшій камню дать силу текста евангельскаго, посвятившій всю жизнь одной мысли,—этотъ человѣкъ былъ не на мѣстѣ въ нашемъ вѣкѣ, его понялъ благочестивый царь, но современники не поняли, освистали, отравили, очернили. Это Витбергъ, но его подвигъ не умретъ, его память, какъ память страдальца Тассо, вдохновитъ поэта и станетъ рядомъ съ строгими, важными тѣнями людей, которые пренебрегали всѣмъ земнымъ для одной высокой мысли.

Повѣсть моя остановилась; но все еще не бросаю, хочется выразить мысли, заповѣдныя въ душѣ, хочется еще облечь въ образы всѣхъ дѣйствовавшихъ на мою жизнь: я тебѣ однажды писалъ (кажется, изъ Крутицъ), что я набралъ нѣсколько барельефовъ изъ своей жизни, тамъ Emilie, тамъ есть другіе и вездѣ *ты* и *Огаревъ*. А какъ приходится писать,—все недостаточно, у людей съ истиннымъ талантомъ этого не бываетъ. Впрочемъ, одинъ барельефъ изсѣченъ вѣрно, это—Мед., можетъ, потому, что она слишкомъ сильно потрясла мою душу, слишкомъ выказала слабую душу мою.

Я хотѣлъ писать очень много, не могу, одна мысль, около которой обвилась душа моя,—это, что не будетъ писемъ. Пиши хоть маленькія, нѣколько строкъ. Пришла пора бросать маску; ежели не будетъ въ самомъ дѣлѣ писемъ, я напишу папенькѣ; буду требовать, мой голосъ имѣетъ силу. И хоть бы малѣйшая положительная надежда на возвращеніе. Ну, Провидѣнье воспитываетъ круто, оно закаляетъ душу, какъ дамаскинный кинжалъ, а ежели душа не вынесетъ закала,—ну, такъ броситъ ее. А каково тогда будетъ брошенной душѣ?... Да дѣло не въ ней, дѣло во всемъ человѣчествѣ, я понимаю это, частно можетъ человѣкъ страдать, быть несчастливымъ; ну, попробуемъ силу, такъ и быть, есть, что-ли, еще на душѣ, на сердцѣ у меня мѣсто, въ которое можно ударить,—надобно поискать, есть-ли?.. Это смѣшно... Главный ударъ невозможенъ, твою любовь нельзя отнять, она останется при мнѣ, остальное какъ-нибудь слажу. Твоя смерть—ей-Богу, и это невозможно, тогда переломится орудіе, нѣтъ, это невозможно. Прощай, ангелъ, ангелъ. Нѣтъ, буду твердъ, на смѣхъ имъ буду твердъ; по слѣдующей почтѣ отвѣтъ на твои письма.

Твой *Александръ*.

13-е января. Ангелъ мой! Получилъ твои письма до 29 декабря. Ты, ты—во всякой строкѣ, но это письмо поразило меня, я не могъ плакать, я вскочилъ, какъ дикій звѣрь, котораго дразнятъ, бѣшенство, а не огорченіе!—*Я не буду получать отъ тебя писемъ или очень рѣдко.* Возьмите все, люди, все, только оставьте эти письма. Неужели и это, нѣтъ, тутъ не найду я твердости. Цѣлыя недѣли я живу надеждою на твои письма, и не получать ихъ. О, Наташа, это больно, очень больно. Это священная капля росы, которая падаетъ на страдальческую душу, и ее хотятъ отнять;... но какъ-бы то ни было, я готовъ вынести: можетъ, этимъ мирится со мною Провидѣнье, можетъ, это наказанье, которымъ излечиваются угрызенія совѣсти, смываются пятна,—но наказаніе же-

стокое. Вотъ мои руки, куйте ихъ въ цѣпи, и я не поморщусь,—но не получать писемъ отъ тебя—вздоръ! Проклятіе на толпу. Emilie въ Москвѣ теперь. Emilie! Другъ, ты найдешь средство доставлять мнѣ хоть изрѣдка письма отъ Наташи. Ты можешь тогда гордиться тѣмъ, что одна ты дала средство, чтобъ душа моя не увяла подъ этими ударами.

---

13 января [Вятка].

Александръ проститъ Наташѣ.

Александръ прощать тебѣ, прощать ангелу... о, я видѣлъ избытокъ любви, съ которымъ были писаны упреки; нѣтъ, не прощать, а прижать тебя къ груди и одними объятьями, одними поцѣлуями выразить все, выразить и на минуту не существовать въ этомъ мірѣ, а вырвать эту минуту оттуда. Я писалъ тебѣ давеча со слезами на глазахъ, не прошло 6 часовъ, какъ отправилъ письмо, и хочу опять писать. Когда же я дойду до предѣла любви? Эта страсть, эта симпатія къ тебѣ растетъ и пожираетъ кругомъ всѣ мелкія чувствованія,—я нашелъ средство еще болѣе полюбить тебя и съ тѣхъ поръ, какъ грозитъ другая разлука—прекращеніе переписки.

Такъ ты боялась разомъ читать мое первое письмо о любви,—ты хотѣла насладиться разсвѣтомъ. Ты задохнулась отъ этихъ словъ, которыя струею огня подымались съ листа и жгли твое невинное, святое сердце, ты задохнулась отъ счастія; какъ живо вижу тебя съ этимъ письмомъ въ рукѣ, рука дрожитъ, пылаетъ лицо, грудь, душа,—и ты моя, моя навсегда, погибла, какъ говоритъ Марья Ст., начала жить полною жизнью,—скажу я (не правда ли, у меня съ М. Ст. разный образъ мыслей?).— Пусть пройдетъ эта полоса мрака и горести, ты найдешь на груди моей, найдешь все, чего искала мечта, клянусь, я еще болѣе тебѣ дамъ блаженства, нежели мечта вмѣщаетъ.

16-е января. Другъ мой! Я писалъ сегодня въ письмѣ къ папенькѣ: «я могу противъ 15-го января 1837 года поставить отмѣтку *отъ души весело провелъ время*», и повторю тебѣ. Это было рожденье Витберга. За нѣсколько дней тайно отъ него готовили всѣ мы живыя картины. Я былъ антрепренеръ, директоръ и пр. Наконецъ, въ самый день рожденья сцена поставлена, и онъ не зналъ, что будетъ. Картины сочинилъ я, и ты узнаешь въ нихъ мою вѣчную мысль, мысль о Наташѣ. 1-я представляла Данта, утомленнаго жизнью, измученнаго, изнуреннаго: онъ лежитъ на камнѣ, и тѣнь Виргилія ободряетъ его и указуетъ туда, къ свѣту; Виргилій посланъ спасти его Беатричей. Дантъ былъ я, и длинные волосы, усы и борода и костюмъ среднихъ временъ придали особую выразительность моему лицу. 2-я—Беатриче на тронѣ: Лучія—свѣтъ поэзіи и Матильда—благодать небесная открываютъ вуаль: Дантъ, увидѣвъ ее, бросается на колѣни, не смѣетъ смотрѣть, но она съ улыбкой надѣваетъ вѣнокъ изъ лавровъ. У меня слезы были на глазахъ, когда я стоялъ у подножія трона,—я думалъ о тебѣ, ангелъ мой. 3-я—Ангелъ (роль ангела была дана Полинѣ) держитъ разверстую книгу, въ ней написанъ текстъ: «да мимо идетъ меня чаша сія, но яко Ты хочешь». Беатриче показываетъ грустному Данту этотъ текстъ,—Лучія и Матильда на колѣняхъ молятся. Успѣхъ былъ болѣе, нежели ожидали. Александръ Лаврентьевичъ по окончаніи взошелъ на сцену со слезами, долго, долго жалъ въ своихъ объятіяхъ. «Какъ поднялась занавѣсь, говорилъ онъ, я увидѣлъ вашу мысль, и кто, кромѣ васъ, взялъ-бы Данта и религіозный предметъ. Я самъ былъ тронутъ и жалъ руки этого дивнаго человѣка. Требовали

повторенія. Я первый разъ слышалъ со сцены себѣ рукоплесканія. Повторили. Потомъ Александръ Лаврентьевичъ посадилъ меня на тронъ Беатриче и надѣлъ на меня лавровый вѣнокъ. Я изъ рукъ великаго артиста получилъ его и отчасти заслужилъ.— Вотъ тебѣ, ангелъ мой, описаніе всего дня, да, этотъ день провелъ я прекрасно. Беатриче была m-me Wittberg.

Полина благодаритъ много, много за кольцо, она дивится множеству работы за нимъ. Я показалъ въ твоемъ письмѣ Скворцову его фамилію,— онъ былъ въ восхищеніи, и въ самомъ дѣлѣ, ежели сильно слово іерея, который читаетъ имена за здравіе и упокой, то не важнѣе-ли еще, когда имя произнесено ангеломъ, какъ ты.

Этотъ лавровый листокъ изъ вѣнка, коимъ увѣнчалъ меня Александръ Лавр.—сохрани его въ воспоминаніе 15-го января 1837 г.

18-е января. Сегодня годъ, что умеръ Медвѣдевъ. Какъ теперь помню, я лежалъ на диванѣ у себя, когда человѣкъ пришелъ сказать. Я содрогнулся. Тогда-же поклялся спасти бѣдную женщину, и губилъ ее болѣе и болѣе, ибо дружба уже не принималась, искреннее участіе получило другое истолкованіе. Ее надобно было спасти еще отъ двухъ другихъ бѣдствій, отъ бѣдности и отъ гнуснаго преслѣдованія. Я и Витбергъ, сколько могли, сдѣлали это. Что была-бы она безъ Витберга,— этого представить нельзя. Что за преслѣдованіе?— спросишь ты. Погоди, когда пріѣду въ Москву, я разскажу, и ты поблѣднѣешь отъ ужаса и отъ презрѣнія къ людямъ. Ты увидишь тогда, сколько надобно было твердости съ нашей стороны, чтобъ стать прямо защитниками, щитами несчастной; увидишь тогда, что значитъ городъ за 1.000 верстъ отъ Москвы,— гдѣ все дико, свирѣпо и необузданно. Не думай, чтобъ моя жизнь здѣсь была такъ тиха и спокойна, какъ воображаютъ. Здѣсь интриги со всѣхъ сторонъ, партіи, ссоры, и я лажу со всѣми, ибо считаю всѣхъ равно недостойными, чтобъ привязываться къ однимъ болѣе, нежели къ другимъ.

Недавно пришла мнѣ въ голову прегордая мысль: ежели ты такъ хороша, такъ небесна и изящна и отдалась мнѣ совсѣмъ, совершенно, то не долженъ-ли и я быть такой-же. Да! но во мнѣ этотъ лучъ свѣта раздробился, преломился и онъ, можетъ, ярче твоего.—знаешь, какъ пурпурно и блестяще стекло на разбитомъ мѣстѣ.—а въ тебѣ онъ сохранился во всей чистотѣ и бѣлизнѣ. Зачѣмъ въ нашихъ картинахъ не ты, ангелъ мой, представляла Беатриче? Я рѣшительно боленъ по нашему свиданію, ничто, ничто, даже и самыя литературныя занятія не могутъ теперь занимать всю душу. Ты... ты и болѣе ничего въ груди, въ головѣ, въ сердцѣ, въ душѣ.

Прощенія нѣтъ. Прощай, ангелъ, святая моя, мое все, все, моя Наташа.

Твой *Александръ.*

12 [января].

Вчера получила твою статью «Первая встрѣча»: ты все спрашиваешь моего мнѣнія, я съ восторгомъ читала ее, для меня прелестно, тутъ все знакомое, родное, твое все. И кстати получила я ее: тысячи гирь тянули меня къ землѣ, но слова твоего незнакомца заставили меня краснѣть и воспрянуть, и тутъ-же взоръ мой походилъ на Маріевъ, которымъ онъ смотрѣлъ съ развалинъ Карѳагена на Римъ. Не стоитъ, вѣдь, писать о томъ, какъ *встрѣча* была принята *ими*, теперь-же некогда.

Послѣ завтра рожденіе Александра Лаврентьевича! Вмѣсто подарка, приношу ему душевное поздравленіе, цѣлое море искреннѣйшихъ желаній; также и тебя, другъ, поздравляю съ именинникомъ; когда-нибудь этотъ день мы всѣ вмѣстѣ будемъ праздновать. Что-жъ, ангелъ мой, письма отъ тебя нѣтъ? двѣ недѣли ужъ почти, можно-ли это? Ну, прощай, ужасно тороплюсь. Цѣлую тебя, другъ мой.

Когда-жъ ты поѣдешь по губерніи? Самыя послѣднія строчки въ статьѣ растрогали меня, опять взволновались всѣ чувства, явившіяся при твоемъ отъѣздѣ—дорожный... жандармъ... слова, которыми нанесено столько ранъ моему сердцу.

13-е. Александръ, другъ мой, когда-жъ конецъ моему заключенью? Когда конецъ возвращенью твоему? О! тяжко... душно!.. Я изнемогаю, но не падаю! Нѣтъ, пережиты томительныя 10 лѣтъ, перенесены кровавыя 3 годины... Господь поддерживалъ меня, а теперь любовь... она второе Провидѣнье. И съ какою же гордостію, съ какимъ торжествомъ тогда мы скажемъ: «*мы перенесли это*», но теперь-то тяжело. Вчера я, сколько можно, смотрѣла на твой портретъ (и день бы цѣлый не оставила его, если-бъ оставили меня), легче груди, изливъ на этотъ милый образъ слезу, вздохъ... Онъ, кажется, чувствуетъ, отвѣчаетъ, но рѣдки и эти мгновенья. Остальное время я не знаю, на что похожа моя жизнь, зачѣмъ же тебѣ пишу я это? Это должно тебя тревожить, огорчать, но ужъ давно я сказала: одно страданье намъ, одно блаженство. Но ты не безпокойся много, среди всѣхъ этихъ ужасовъ я часто прихожу въ восторгъ и на глазахъ выступаютъ слезы сладостныя,—это минуты твои, мой ангелъ.

14-е. Любовь моя не можетъ долго оставаться секретомъ въ нашемъ домѣ: почти всѣ знаютъ; Макашина догадывается или слышала отъ кого-нибудь, только, кажется, боится вѣрить этому; даже эта толстая попадья говорила к[нягинѣ], что видѣла во снѣ моего суженаго—точь въ точь—ты! Видно по всему—скоро развязка! Давно пора,—да вотъ что еще забавно—Мак. на каждомъ шагу мнѣ говоритъ «берегись!» Душно, силъ нѣтъ! Вздоръ, можно все перенесть!

Что-то подумалъ папенька, читая въ твоей «Встрѣчѣ»: «*Свиданье послѣ мрачной разлуки, разлука послѣ мрачнаго свиданья*»... въ Кру. Ты ни съ кѣмъ не былъ разлученъ долѣе, какъ со мною, и свиданье же 9-го апрѣля! Папенька очень ко мнѣ хорошъ послѣднее время, но... но... Ахъ, если-бъ переносить все безъ ропота!..

Можетъ, завтра или еще ужо—твое письмо, и вмѣсто стона гимнъ, и вмѣсто тучи солнце.

Желала-бъ я очень выписать многое изъ твоей «Встрѣчи» для Саши Б.; она жестоко больна тѣломъ и душой, но рѣшительно нѣтъ возможности. Эмилія еще не читала ея, но знаю,—и ей принесетъ она много. Я получила ее съ сильною радостью и въ то время, какъ перечитывала съ восторгомъ въ третій разъ про себя, заставили меня читать вслухъ. Хотя ужъ и прежде чтенія осыпали меня и съ тобою соромъ, бранью и дрожью,—что мнѣ до того! Я читала громко, ясно, даже останавливалась на томъ, что меня болѣе восхищало, перечитывала и голосъ задрожалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ *мчалась коляска*, и я не боялась вздохнуть и призадуматься... *Встрѣча*, воскресивъ душу, всю мрачность минувшаго и всю святость настоящаго, убила способность притворяться или, лучше, умертвила вовсе страхъ земной. Пусть ихъ видятъ (если могутъ видѣть), что я восхищаюсь тобою, поклоняюсь тебѣ, боготворю, люблю тебя, пусть, они не отнимутъ у меня ничего. Изліяніе этого восторга—не довѣренность къ нимъ, не признаніе, нѣтъ:

развѣ солнце унижается или теряетъ свѣтъ, проникая и самыя норы змѣиныя, а это люди! Письмо, письмо скорѣй, я жажду, источникъ жизни моей и блаженство, Александръ! О, если-бъ не ты!

15-е января. Пусть кругомъ меня канава нечистоты, пусть они меня душатъ своимъ ядовитымъ дыханьемъ (зачѣмъ я говорю это?.. Но на что-жъ въ самомъ дѣлѣ ихъ дыханье ядовито?) Пусть это домъ княгини Хованской, пусть на мнѣ цѣпи, и я посреди васъ! Вотъ рука моя тебѣ въ доказательство, вотъ другая великому новорожденному. Вы оба Александра, оба великіе, великіе и душой и бѣдствіями, можетъ, все въ васъ сходно... но ты, ты, ты мой Александръ!

17-е. Съ именинницей, другъ мой! О, какъ бы хотѣлось мнѣ самой быть у нея, но все, все еще предстоитъ намъ въ будущемъ. У меня нѣтъ маленькихъ желаній: прежде,—люди губили ихъ, они исчезали, какъ едва расцвѣтшій цвѣтокъ отъ холодныхъ утренниковъ, потомъ, потомъ—потомъ солнце поглотило звѣзды. Но есть желанія, о!...

Наконецъ, твое письмо отъ 1-го января; впередъ не рви твоихъ писемъ ко мнѣ, я мучилась 2 недѣли. Грустное впечатлѣніе сдѣлалъ на меня отъѣздъ Полины, всей душой жаль ее. Сейчасъ была у меня Emilie, прости! Нельзя болѣе писать, я дала ей «Встрѣчу», какъ лекарство страждущему, часто читала я ее и болѣе разговоръ съ незнакомцемъ. Ангелъ, прощай.

Вечеръ. Бѣдная Полина, я все объ ней думаю, но, впрочемъ, что-жъ? Не для друга-ли она жертвуетъ собой? Я, нѣтъ, я теперь друзьямъ не пожертвую собой, я твоя, а она..., но на что-жъ мои разсужденія, когда есть Провидѣнье?

Ты жалуешься на людей, Александръ, да, вспоминая о нихъ, никогда нельзя быть вполнѣ счастливыми. Видѣть братьевъ страждущими, угнетенными несчастьемъ, бѣдствіемъ—сносно, не правда ли, Александръ? Потому что за этими ранами виднѣется вѣнецъ блаженства небеснаго, за этой нищетою — чертогъ божественный, въ ихъ стонахъ отзывается голосъ чистой, святой, напоминающій о раѣ,—а видѣть брата съ сердцемъ желѣзнымъ, видѣть его во мракѣ здѣсь и тамъ и не имѣть возможности спасти его... о, тутъ нѣтъ отрады, нѣтъ утѣшенья и ужъ не слезы льются тутъ, а кровью плачетъ сердце. Оттого-то такъ мнѣ и несносно быть окруженной этими истинно несчастными братьями... Перевернуть нельзя листа, затрещитъ, бѣда. . Итакъ, душа моя, пріятный сонъ!

18-е. Нѣсколько ночей сряду видится все мнѣ, будто ты пріѣхалъ; скоро-ли же, скажи, мой ангелъ? Заждалась тебя твоя Наташа, изныло все сердце ея, почти полгода протекло съ августа 36, такъ и быть, если еще мѣсяцевъ 6... О, ужасно..., но я переживу ихъ, если-жъ долѣе?— Опять скажу, какъ не вынести за твою любовь, какъ не вынести? Сердце вянетъ, глядя на тѣхъ, чья жизнь, какъ сонная прудовая вода, хоть и въ зеленыхъ берегахъ она, хоть и покойна,... но что въ ней? Не хочу жить той жизнью я: «Mich ruft der Herr zu einem anderen Gescheft».

Вечеръ. Да, Жаннъ д'Аркъ довольно было освободить городъ отъ осады; мнѣ — имперіи цѣлой спасти мало, ибо мнѣ предназначено *спасти Александра.* Недаромъ же свѣтитъ душа моя, недаромъ исчезаетъ вся вселенная передъ любовью моей, недаромъ страданья эти и муки... Господи, я вѣрую. Придетъ пора; должна придти пора, когда я скажу словами, душой, сердцемъ, всѣмъ существомъ моимъ, тобою,—*совершилось!* и потомъ:

Hinauf—hinauf—die Erde flieht zurück—
Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude!

19-е. Нѣтъ, нѣтъ, не говори, другъ, что Полина *столько же* несчастна, сколько Emilie, не говори; ты, не обдумавъ, это сказалъ, вникни: *обманута любовью*, а что такое любовь? — Полина, — у ней есть будущее, у нея есть сердце, полное жизнью и чувствомъ, у нея природа, у нея вселенная, твоя дружба у нея, а Emilie... Ты говоришь, что у нея въ воспоминаніи есть свѣтлая полоса... Ангелъ мой, лучше бы ея не было, ибо за этой полосой исчезаетъ все для нея: и жизнь, и чувства, весь міръ, я думаю и такъ быть должно, что и мы для нея ничто, или малое. И что для нея за дверью гробовой? Вѣчность безъ него!.. Нѣтъ, пусть ѣдетъ Полина, да благословится путь ея, онъ теменъ, мраченъ и дологъ, можетъ быть; но она еще молода, взойдетъ ея солнце, взойдетъ... А для Emilie ужъ все отцвѣло, порывы бурь умчали ея весну; ни надежды, ни настоящаго, ни будущаго, ничего нѣтъ! Она должна была оставить домъ Наумовыхъ, гдѣ нашла хорошихъ людей. Куда-то еще забросить ее судьба!

Твою руку—прощай!

Наташа.

Москва, января 22.

Сейчасъ твое письмо!! — Я страхъ сердита на себя, но въ самомъ-то дѣлѣ не виновата. Я знала, какъ огорчитъ тебя вѣсть, что не будешь получать отъ меня писемъ, но могла-ли утаить отъ тебя это, будучи совершенно увѣрена, что всѣ средства отняты?.. Ангелъ мой, успокойся, но что же мнѣ увѣрять тебя еще, когда цѣлыхъ 2 листа у тебя въ рукахъ? Остается только благодарить неимовѣрную низость Макаш. Узнавши о перепискѣ, она сначала боялась скрыть ее, и видно было, что совершенно рѣшилась пересказать все к[нягинѣ]; потомъ, увидѣвши мою твердость и гордость, кажется, усомнилась и уже боялась, донеся, *можетъ быть*, ложное, навлечь себѣ тьму непріятностей и быть выгнанной изъ дому, хоть за то она и много напѣваетъ к[нягинѣ]. Хотя еще меньше воли и свободныхъ минутъ, но все-таки есть *иногда возможность* съ величайшею осторожностью, вооружась тысячью глазъ, взять перо и лоскутокъ бумаги. Что мнѣ до того, что я не виновата передъ тобою, когда черезъ меня ты, ангелъ мой, уже изстрадавшійся, истерзанный, огорченъ еще, уязвленъ глубоко! Но я думаю, послѣ того письма получилъ еще, и сердцу легче. По неизъяснимому милосердію этихъ жестокосердыхъ, я теперь наверху и могу писать.

Такъ, мой ангелъ, божественный другъ, спаситель мой во всѣхъ превратностяхъ, въ мукахъ сердца и въ судорогахъ души твоей, тебѣ можетъ быть утѣшеньемъ то, что вездѣ всегда твоя Наташа—*твоя Наташа*. Ты не обманутъ! Ропщи, грязная толпа, вздымай свои пѣнистыя волны, гордое море, бѣшенствуй, раздирайся Этна, не достать вамъ звѣзды, не затьмить вамъ ея. Нѣтъ! Это можетъ только одно солнце...

Александръ, не прощу я тебѣ, если ты будешь изнемогать, иди, иди, пусть подъ ногами тернія, пусть на голову твою сыплется каменный дождь, пусть въ грудь сотни стрѣлъ,—тамъ, на концѣ этого пути стоитъ твоя Наташа, тамъ конецъ и ея пути страдальческаго, тамъ... Иди! иди! иди! я иду!

Наконецъ, я не умѣю выразить, что такое твой портретъ; я смотрю на него, говорю ему, иногда громко, и чувствую его теплое дыханье, и вижу огонь твоихъ очей, и слышу голосъ твой! Витбергъ, Витбергъ, ты понялъ Наталію? —Не правда-ли, ты покойнѣе, мой Саша, а я все тружусь надъ Орлеанской дѣвой, изъ которой есть отрывки въ моей нѣмецкой книжкѣ, переведенной достать не

могла, хочу непремѣнно понять вполнѣ по-нѣмецки; хотя и это занятіе для меня подъ желѣзной рѣшеткой. но, вѣдь, какая бы ни была рѣшетка, она все рѣшетка и сквозь нее видно! —Другъ, ангелъ мой, ради меня будь повеселѣе. Пока прощай, милый. Еще хочется почитать твое письмо, а времени остается немного. — Какъ мы счастливы!

23-е января. Ты пишешь о людяхъ, чья жизнь течетъ тихо и безмятежно, и говоришь, что иногда завидуешь имъ. Я думаю, Татьяна Петровна помнитъ нашъ разговоръ, когда еще мнѣ было 14 лѣтъ; тогда только ей повѣряла я свои думы съ тайнымъ желаньемъ узнать, сходны-ли онѣ съ твоими; такъ и тогда эта *счастливая жизнь* не имѣла для меня ничего привлекательнаго; нѣтъ, юная, почти дѣтская душа уже постигала высшую цѣль созданнаго по *Его образу*, и тогда уже она предчувствовала міръ другой, совершенно несходный съ тѣмъ, въ которомъ заслужить отъ *всѣхъ доброе имя* и имѣть добраго мужа есть верхъ блаженства! И тогда еще тайный пророческій голосъ говорилъ мнѣ: «не туда твой путь», и пророчество его сбылось. Меня бы никогда не стало облечься въ полное вооруженіе *хорошей хозяйки* и выступить на поприще обыкновенной жизни. Я бы не вынесла. И потому-то съ этими крыльями, съ этимъ стремленіемъ я не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не было отвѣта на вопросы: *Что я? Для чего я? Куда я?* —Теперь я знаю, что я на *своемъ мѣстѣ* и пусть выростаютъ изъ земли новыя Этны, пусть на мѣстѣ Уральскаго хребта будетъ бездонная пропасть, пусть потрясется вся земля, я останусь на *своемъ мѣстѣ*.

А что ты *иногда*, можетъ, завидуешь безмятежнымъ свѣтлымъ днямъ тихой жизни... О! Я это очень понимаю, только перестань, другъ мой, завидовать имъ; я знаю, ты перестанешь.

Еще холодное сомнѣнье оковываетъ душу твою: «можетъ, будущее — мракъ, можетъ, тамъ насмѣшка, а не исполненіе нашихъ мечтаній и надеждъ» — можетъ! Но Александръ! Развѣ не довольно было бы для насъ предстать предъ *Нимъ* побѣдителями всѣхъ золъ и бѣдствій и самихъ себя? И развѣ тогда осталось бы еще сомнѣніе въ блаженствѣ вѣчномъ, неземномъ? —Но мы много страдали, много, и на землѣ для насъ должна начаться та жизнь, которою будемъ жить въ небесахъ.

Вотъ, напримѣръ, женился профессоръ Веселовскій, жена его была мнѣ знакома въ дѣвкахъ, и всѣ кричатъ: «ахъ, какъ она счастлива! Не имѣя ничего, вдругъ—мужъ профессоръ и 10.000 дохода! И она говоритъ: «какъ я счастлива, ma chére, если-бъ Богъ вамъ далъ такую же судьбу!»—Благодарю за желанье и желаю, чтобъ оно осталось при ней, хотя и профессоръ... но, mich ruft der Herr zu einem anderen Gescheft!! Хоть и десять разъ принимаюсь за перо, но страница написана, прощай мой міръ, мой рай!

Вечеръ. Это чудо! Можно ли еще что выдумать къ моему угнетенью, неужели бы у нихъ стало настолько ума? Если станетъ — пусть! Только ты, мой Александръ, можешь повѣрить, какъ я выше всего этого, ибо только ты одинъ во всемъ свѣтѣ понимаешь меня вполнѣ.

Не далѣе какъ сегодня сдѣлала я надъ собою замѣчаніе (ты знаешь ли это, что даже выходъ въ другую комнату мнѣ запрещенъ, даже перемѣна мѣста въ той же комнатѣ). Давно не играла я на фортепіано, подали огонь, иду въ залъ,— авось либо смилосердятся! Нѣтъ, воротили, заставили вязать; пожалуй, только сяду у другого стола, подлѣ нихъ мнѣ невыносимо.—можно-ли хоть это? Нѣтъ, непремѣнно сядь тутъ, рядомъ съ попадьей, слушай, смотри, говори! Фу!

На минуту мнѣ стало досадно, я покраснѣла и вдругъ тяжелое чувство грусти сдавило грудь мою, но не оттого, что я должна быть рабою ихъ, нѣтъ, а мнѣ смертельно стало жаль ихъ,—чьи они рабы? И тутъ я сидѣла цѣлый вечеръ, глядя на нихъ съ состраданьемъ и возносясь духомъ къ той непостижимой благости, которая такъ много излилась на меня и такъ многаго лишила ихъ. Я не сердилась на нихъ, нѣтъ, мнѣ хотѣлось открыть покровъ, которымъ завѣшено отъ нихъ все высокое и святое, хотѣлось подѣлиться съ ними... Но и это не въ моей волѣ!

24-е, воскресенье. Недавно ушла отъ меня Emilie, она кажется покойнѣе,— но ужъ что объ томъ говорить!

Все та же дружба, то же самоотверженіе — прелестна Emilie! О монастырѣ мысль кажется блѣднѣетъ; впрочемъ, мысли ея теперь непостоянны. Она отдала сдѣлать для тебя браслетъ, на который я жертвую третью долю косы. Какъ ждетъ она тебя, говоритъ, что твое возвращеніе возвратило бы ей половину жизни. А неправда-ли, Александръ, какъ сбылось ея пророчество при твоемъ разсказѣ объ Эмиліи Гебель, еще ты былъ за это въ неудовольствіи на нее?—Но это странно, въ самомъ еще счастіи она, бывало, призадумывалась и говорила, что оно измѣнитъ ей. Видно, всегда въ сердцѣ есть тайный вѣстникъ, — о, и мой вѣстникъ не обманетъ меня, я дождусь, дождусь тебя, мнѣ прежде могилы отворятся врата небесныя.—Да, это иначе не можетъ быть, это говоритъ голосъ моей души.

Благодаря M-me Mathey я каждый вечеръ хожу съ нею часъ или полтора по комнатамъ. Она глуха, не въ духѣ, и вотъ мнѣ раздолье думать. Признаюсь, хоть бы только для этого желала я, чтобъ она пожила у насъ, но мнѣ жаль ее.

Опять къ *счастливой жизни добрыхъ* людей; со всѣмъ тѣмъ, что я счастливѣйшая изъ смертныхъ, что небо меня не манитъ, потому что тамъ нѣтъ еще тебя, никогда мнѣ не приходило въ голову просить у Бога продолженія жизни, потому что, если-бъ и теперь умерла я, смерть для меня была-бъ переходомъ отъ жизни къ жизни, отъ блаженства полунебеснаго въ совершенное. А *они*, то-есть, добрые счастливцы, сколько-бъ ни прожили, все имъ кажется мало, потому что они не живутъ, а влачатъ цѣпь годовъ, исполненныхъ обѣдовъ, вечеринокъ и тому подобное, а Вѣчность, Небо — это имъ незнакомое, чуждое, вовсе непонятное и, слѣдственно, страшное, и смерть, то-есть, Врата къ Богу, первѣйшее зло. Тяжело смотрѣть на ихъ жизнь, она стираетъ съ человѣка подобіе Божіе и уподобляетъ скоту. О, если-бъ открылись очи ихъ! Мы не доживемъ съ тобой до этого, но отрадно, восхитительно думать, что когда-нибудь цѣлыя страны поймутъ цѣль *Его* и сольются въ одинъ потокъ, стремящійся къ ней, и отдадутъ сотни лѣтъ за одно мгновенье жизни!

Саша Б. больна, это меня очень огорчаетъ; если-бъ я могла быть съ нею, хоть ночи у кровати ея, она въ ужасномъ одиночествѣ! Но кто-жъ великій не страдаетъ?

Я испытала еще новое чувство. Всѣ твои письма сохраняются очень далеко. Не стало у меня терпѣнья не видать ихъ такъ долго, прошу принесть хоть взглянуть; только не знаю, съ кѣмъ изъ друзей свиданье у меня трогательнѣе свиданія съ милою, священною для меня книгою, въ которой у меня много, такъ много... можетъ полжизни, половина блаженства схоронено въ ней. Но я только успѣла взглянуть на нее, поцѣловать ее и опять толстая стѣна и желѣзный замокъ разлучили насъ, можетъ, очень надолго! Хотя и одна я въ горницѣ, но все прислушиваюсь и оглядываюсь. Прощай листокъ, пока еще ты не попался въ руки невѣрныхъ! А тебя, мой Ангелъ, я такъ цѣлую, какъ, можетъ быть, че-

резъ годъ, или два, иль десять (!) въ этотъ день, въ этотъ же часъ буду цѣловать. 25-е января, 7-й часъ вечера.

Къ ночи. Третьяго дня я пріятно очень провела нѣсколько часовъ, читала «Легенду» твою Сашѣ Кліентовой; она слушала ее не въ первый уже разъ, и я видѣла слезы восторга на глазахъ ея, и зато я съ большимъ чувствомъ перечитала для нея еще. Есть люди, которымъ мнѣ жаль дать «Легенду» и «Встрѣчу» или что-либо твоего произведенья, — «не разсыпайте бисера передъ свиньями». Я бы желала, чтобъ голосъ твой встрѣчалъ во всѣхъ полный отзывъ, а не терялся-бъ попустому въ дикой пустынѣ.

26-е. Странный сонъ, но, можетъ, онъ сбудется и на яву! Вижу толпу усталыхъ странниковъ передъ нашимъ домомъ: изнуренные, блѣдные, покрытые пылью,—они кланяются въ окна и просятъ чего-то; никто не обращаетъ на нихъ вниманія, ушла и я, потому что, кромѣ слезы и вздоха, мнѣ нечего дать имъ; прихожу опять, они еще все ждутъ... не пить-ли хотятъ они? И я побѣжала за водою, налила огромную кружку, напилась прежде сама,—вода необыкновеннаго вкуса и чиста какъ зеркало,—спѣшу съ радостью къ окну, зову этихъ несчастныхъ, подаю имъ сосудъ. . и что же? Они не приняли его, смѣются надо мною и всѣ расходятся! Я проснулась съ сжатымъ сердцемъ и до сихъ поръ не приду въ себя. Ужели этотъ сонъ пророческій? Ужель онъ обѣщаетъ, что и на яву цѣлыя толпы жаждущихъ странниковъ отвергнутъ сосудъ съ цѣлебнымъ питьемъ, и бѣгутъ отъ посланнаго и надсмѣются надъ нимъ?— Да, смѣйся, толпа, всѣмъ дерзающимъ обратить тебя послѣ Того, Кого распяла ты.—Только я не забуду этотъ сонъ, можетъ, онъ напоминаетъ мнѣ, что мысли мои слишкомъ дерзновенны, не по силамъ, что я не въ самомъ дѣлѣ ангелъ спаситель для многихъ... Но что же мнѣ эти многіе? Богъ съ ними! Я бѣжала за водой, почерпнула, поднесла имъ, они отвергли, Богъ съ ними! Но сосудъ остался у меня, еще, можетъ, придутъ ко мнѣ за водою!

Можетъ быть, я напою.

Иногда я воображаю тебя углубленнымъ совершенно въ занятія; кажется, вижу, съ какимъ вниманіемъ ты вслушиваешься въ разсказъ древняго храма иль собора о тайнахъ вѣковъ прошедшихъ; видъ на тебѣ серьезный, важный, даже какъ будто неприступный. И вдругъ, переселившись туда, за нѣсколько сотъ лѣтъ, среди бесѣды съ одушевленнымъ мраморомъ, исполнившись святостью и высотою нѣсколькихъ вѣковъ, грудь твоя становится для тебя тѣсна, потребность подѣлиться, перелить, и ты этимъ взоромъ, которымъ сейчасъ проникалъ въ грудь потонувшаго въ вѣчность столѣтія, ищешь твою подругу и вхохновеннымъ, восторженнымъ голосомъ зовешь Наташу,—и если этотъ взоръ не видитъ меня, то вѣрно душа слышитъ полный отзывъ души моей.

Александръ, когда мы будемъ вмѣстѣ, намъ нечего будетъ разсказывать другъ другу о прошедшемъ, да развѣ мы были разлучены? Къ чему-жъ нашъ ропотъ? Зачѣмъ грустные льются изъ груди звуки? Зачѣмъ грусть раздираетъ душу??

Нѣтъ ли высочайшаго, безмѣрнаго блаженства и въ самыхъ страданіяхъ нашихъ? Когда мы ропщемъ—мы недостойны нашей участи, мой ангелъ.

Прощай, жду пятницу, мнѣ принесутъ письмо!

Твоя *Наташа.*

27-е. Витбергу и Полинѣ сожми за меня руку. Тебя же, ангелъ мой, крѣпко, крѣпко обнимаю и цѣлую, цѣлую...

А, вѣдь, я виновата передъ тобой, моя душа, что напугала попустому? Но ежели бы не написала и послѣ бы мнѣ не дали ни бумаги, ни пера? Если-бъ заперли меня? Если-бъ, если-бъ... Зато же не пропущу ни одной возможной минуты, чтобъ не писать тебѣ, милый другъ мой.—Да! ты просишь простить иныя фразы въ прошлыхъ письмахъ, *простить!*

Наташа, Наташа, Наташа.

Москва, января 29-го.

Ужасъ, ужасъ, что со мною происходило сегодня утромъ, я даже имѣла глупость плакать; но утирая слезы, воображала, какъ буду весела вечеромъ, ибо ждала письмо. Такъ и есть!

Мысль, что ты въ этой дали, въ этой несносной Вяткѣ *цѣлый день* провелъ *весело отъ души,* развеселила и меня, такъ что я теперь не въ состояніи ни думать о непріятностяхъ, ни о тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ мнѣ. Теперь я вся одинъ восторгъ, одна улыбка, даже не жалѣю, что меня тогда не было съ тобой... Вижу, вижу Данта... и Беатриче тамъ... о, Александръ! Можетъ-ли еще въ сердцѣ моемъ оставаться чему-нибудь мѣсто, когда твое такъ полно Наташей? И, ты еще... но нѣтъ, ни слова болѣе, нельзя!—Прелестный другъ, можетъ когда-нибудь и мнѣ ты дашь роль въ живой картинѣ.—Лавровый листокъ я поцѣловала съ глубокимъ чувствомъ и слеза чистая, полная радости, любви и уваженія капула на него, онъ былъ въ рукахъ Витберга и короновалъ твою голову.—Прощай!

1-е февраля. Столько времени не имѣть возможности писать тебѣ, и теперь прислушиваюсь и оглядываюсь,—но эти два дня я весела, т.-е. душа покойна, свѣтла и такъ близка съ тобою, съ Нимъ, такъ близка!.. Нѣтъ, не ропщу я на васъ, люди, нѣтъ, прощаю все вамъ отъ души, благодарю васъ,—все это черное, нечистое, тяжелое, все, что вы бросаете въ меня, чѣмъ угнетаете, не чернитъ меня, не низводитъ на землю, не тяготитъ, нѣтъ, смотрите, если можете видѣть меня, я далеко отъ васъ, высоко надъ вами и свѣтъ кругомъ меня и во мнѣ и радость одна, одно блаженство... смотрите! Но нѣтъ, вамъ ужъ я стала почти невидима, между нами обширное пространство... Васъ, васъ жаль мнѣ, объ васъ болитъ мое сердце, а за мои несчастья, за страданья благодарю васъ! Это лѣстница, по которой я вхожу туда, туда... Къ Нему, къ Нему!

Къ ночи. Да, познаю я не во внѣшнемъ, не въ обстоятельствахъ, не въ дѣйствіяхъ природы и людей счастіе души высокой; нѣтъ, никогда они вовсе покорить ее не могутъ, когда-бъ зависѣла она отъ нихъ, на что ей *любовь,* на что *тотъ міръ?* Александръ, Александръ, что сдѣлалъ ты изъ меня! И чтобъ была я безъ твоей любви, безъ тебя? Ангелъ, мой отецъ—ты, и мать и все на свѣтѣ!

2-го февраля. Необыкновенное состояніе! Я не могу даже удержать моего восторга при *нихъ,* и какъ это должно дивить ихъ! Будто все обратилось ко мнѣ лучшею стороною, поэтической стороною, даже разлука... Я такъ люблю тебя, жизнь моя, *такъ* люблю! И любивши-то тебя такъ, переношу съ терпѣніемъ и кротостью разлуку съ тобою изъ *любви* къ *Нему!* О, вникни въ эту мысль, она пространнѣе небесъ, она-то и поглотила мою душу; погрузись ты въ нее, это море, океанъ блаженства и блаженства небеснаго, святого, оно замѣнится

другимъ послѣ разлуки. Ради Бога вникни. Вознесись со мною до такого самоотверженія и скажи потомъ: «Наташа, я твой Александръ!»

5-е. Вчера цѣлыхъ 3 часа были мы у Нас..! Лучше-бъ оставили меня на морозѣ 3 часа, лучше-бъ на печкѣ три часа, а тамъ... какая гадость. Здѣсь, у к[нягини] я хоть нѣсколько приглядѣлась, а у нихъ такъ все рѣзко, разительно... Ну, ужъ люди, ужъ жизнь! — Вчера же былъ четвергъ, а письма нѣтъ...

По цѣлымъ часамъ переселяюсь я въ будущее. Мечты! мечты! иногда говорю о немъ, но это очень рѣдко, очень рѣдко, потому что рѣдкіе понимаютъ меня, а вполнѣ никто. Тотъ понимаетъ, кому не нужно много словъ, кто самъ доканчиваетъ начатое, для кого каждый взоръ, движенье - цѣлая рѣчь. А изъяснять мысли словами и словами облекать всѣ тайные, священные изгибы души—утомительно, лучше вовсе не дѣлиться ими. Тебя, тебя ждетъ душа моя, для тебя кипятъ и волнуются въ ней думы высокія, дивныя, онѣ перельются только въ твою душу, а другія... Я боюсь, не сбылся бы сонъ мой на яву. — Эмилія рѣдко бываетъ у меня, обстоятельства ее гнетутъ; Саша Б. здорова, ѣдутъ сюда, я въ восхищеніи. Дальше отсюда, дальше! Братъ, другъ души моей, туда, туда... Теперь эта жизнь тягостна для меня, съ тобою будетъ вдвое, потому что тогда я буду еще чище, еще выше. Туда, туда веди меня, гдѣ бы мнѣ не нужно было отворачиваться, закрывать глазъ и содрагаться...

Нѣтъ! Слишкомъ свѣтлы мечты!.. Но развѣ есть что-нибудь невозможное съ тобою?..

Прощай, посолъ за посломъ, не могутъ жить безъ меня!

6-е. А до августа еще 7 мѣсяцевъ...

Въ письмахъ у меня все одно и то же: любовь, разлука, блаженство, страданіе, ты, Богъ... да, *только-то* у меня и есть, а что за ними, -то стороннее, чужое, не мое, кромѣ дружбы. Страшно устала я, а все еще хочу идти, и пока не сдѣлаютъ меня неспособною къ малѣйшему движенью, все буду идти, идти, ползти, наконецъ, и тогда уже, тогда!! *Онъ* правосуденъ.

9-е. Вотъ твой и браслетъ, не знаю, пошлютъ ли, я просила маменьку. Ты скажешь, мой ангелъ, зачѣмъ вырѣзали мое имя на золотѣ! И будешь правъ, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было вырѣзывать его на золотѣ?..

Прощай, нельзя, спѣшу! Обнимаю тебя, другъ мой, ну, прощай же, милый!

Твоя *Наташа*.

Пришло въ голову о лампадѣ и иконѣ. Ты говоришь лампада даетъ свѣтъ иконѣ; да, безъ нея икона была бы темна, но все такъ же свята, а лампада безъ иконы просто ночникъ и только отъ иконы получаетъ святость.

Еще и еще тебя, душа моя, такъ цѣлую, цѣлую.

Твоя, твоя *Наташа*.

30-е января, Вятка.

Слава Богу, письма отъ тебя, слава Богу - роса небесная пала на изнемогающее растеніе въ степи. Встрепенулось оно и каждымъ листомъ пьетъ эту росу и пьетъ свѣтъ солнца и свѣтъ лазури, оживленное росой. Еще разъ - слава Богу, такъ ко времени пришли твои письма, какъ нельзя болѣе.

О совершеннѣйшей симпатіи нашей и говорить нечего. Провожая старый годъ, я писалъ точно тоже къ тебѣ, что ты ко мнѣ, то же проклятіе ему сначала

и то же прощеніе въ минуту смерти. Да, онъ былъ тиранъ удушливый, этотъ 36 годъ, но мы его знаемъ, всѣ 12 частей его прожиты. а этотъ развѣ съ радостнымъ лицомъ явился? Послѣдніе годы нашей жизни похожи на исторію римскихъ цезарей, гдѣ рядъ злодѣевъ наслѣдовалъ другъ другу, гдѣ въ минуту смерти какого-нибудь Тиверія народъ отдыхалъ, чтобъ черезъ день страдать отъ Нерона. Я потерялъ вѣру въ 37 годъ, онъ не принесъ съ собою рекомендательнаго письма; 1835 вознаградилъ за себя 9 апрѣлемъ, 36 ничѣмъ, а 37 явился съ холоднымъ лицемъ тюремщика. Ты, я думаю. слышала объ одномъ происшествіи въ Москвѣ отъ маменьки или Е. Ив... Оно даетъ опредѣленіе всему 37 году, какъ кажется.

По прошлой почтѣ Полина получила письмо о смерти ея брата, котораго она ужасно любила, который могъ быть поддержкой для ихъ семейства и которому было 25 лѣтъ. Тутъ-то вполнѣ я увидѣлъ недостатокъ человѣческаго языка: что я могъ сказать ей въ утѣшенье? Правило покорности опредѣленію тутъ эта высокая мысль принимала характеръ пошлой проповѣди. Положеніе ея было ужасно. Теперь она больна сильной грудной болью, ужъ не чахотка-ли, а она къ ней довольно расположена. И послѣ этого человѣкъ берется понять законы, по которымъ ведетъ Провидѣніе. Нѣтъ. ихъ постигнуть невозможно. Человѣкъ понялъ высокимъ инстинктомъ. еще лучше откровеніемъ, тотъ общій законъ, по которому Богъ ведетъ человѣчество; онъ понялъ. что вся эта природа есть возвращеніе отъ паденія. Но частности этого закона тайна Его. Наша жизнь разгадана: развѣ не ясно, для чего ты существуешь, для чего страдала, страдаешь? Даже самая смерть наша нисколько ни уничтожитъ этой ясности, мы жили, мы не были праздны, я сливался съ универсальной жизнью, ты со мной, мы возвысили другъ друга, итакъ, тутъ есть цѣль. Возьми, съ другой стороны, Витберга: точно тоже, его жизнь полна, кончена, совершенна, богата. А эти существованія какъ понять, *эти возможности* безъ развитія. этихъ жаждущихъ безъ удовлетворенія. Не прелестна-ли душа нашей Emilie, и она какъ будто родилась, чтобъ видѣть во снѣ одинъ часъ призракъ блаженства и потомъ за сонъ страдать всею жизнью. Но не тщетно же существованіе ихъ. Нѣтъ, я твердо вѣрю въ строгую послѣдовательность и отчетливость Провидѣнія. Да самыя страданія эти не очищаютъ ли ихъ душу, не направляются ли болѣе къ небу? Душа, много страдавшая, пренебрегаетъ землею, это-то и надобно. Недостаточно еще имѣть чистыхъ два. три порыва въ двѣ. три недѣли; надобно, чтобъ все существованіе было этимъ порывомъ, а сюда ведетъ или блаженство высокое, гармонія, или несчастіе и борьба. Почему же тотъ способъ избирается, а не другой? Вѣрь. что избирается тотъ, который лучше ведетъ къ цѣли; сомнѣніе есть уже преступленіе. Но какъ найти твердости, чтобъ спокойно переносить и тою же молитвой благодарить за ударъ ножомъ въ сердце и за небесный цвѣтокъ, брошенный ангеломъ. Какъ? Вотъ въ этомъ-то вся задача. Опять воротимся къ Чашѣ горькой и къ молитвѣ на Масличной горѣ. Но, признаюсь, этихъ силъ я не имѣю, переношу,... но не всегда безъ ропота... Оно, зная слабость. проститъ. Зачѣмъ давала ты Дидротовымъ кухаркамъ «Встрѣчу»? Для нихъ это *наборъ словъ*.

3-е февраля. Давно ли, другъ мой, я писалъ тебѣ о нашихъ картинахъ изъ Данта, а теперь буду писать о театрѣ. Я игралъ и притомъ хорошо, вчера, передъ всѣмъ городомъ, слышалъ апплодированье, радовался ему и былъ въ душѣ актеромъ. Вотъ тебѣ во мнѣ новый *талантъ:* ежели когда буду въ нуждѣ,-

могу идти въ бродячіе актеры.—Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, созданъ человѣкъ: душа моя, истерзанная страданіями, измученная, казалось бы, должна была разлить мракъ на всякомъ дѣйствіи,—и бываютъ минуты такія, когда я боюсь оставаться одинъ, бѣгу къ людямъ отъ себя и наоборотъ — могу иногда предаться веселости, дурачиться. Три недѣли готовилъ я съ прочими участниками этотъ театръ, и занимались этимъ, какъ важнѣйшимъ дѣломъ. Ну, довольно о вздорѣ.—Что преслѣдованія относительно писемъ? Пиши все, не давай мнѣ волю дѣлать догадки. Мнѣ приходило въ голову просить государя объ отпускѣ и прямо сказать причину. Пусть увидятъ хоть одну записку твою, и тогда, ей-Богу, меня отпустятъ—хоть на недѣлю. Здѣсь я нашелъ одну картину, въ которой есть двѣ-три черты лица твоего, весьма малое, но сходство, а можетъ, и никакого нѣтъ, но воображеніе добавило; я купилъ ее и часто, часто смотрю. Ну, прощай же, ангелъ, сестра, писать некогда да и усталъ еще отъ спектакля и отъ шампанскаго, и оттого, что въ 5 часовъ легъ спать.

Цѣлую, цѣлую тебя

Александръ.

10-е февраля. Вятка.

Ангелъ мой, опять письмо, опять письмо!

Я зналъ, что тебѣ болѣе нежели понравится *Встрѣча*; вспомни же, что это не вымыселъ, что этотъ гордый несчастіемъ человѣкъ и теперь живъ, что я и теперь могу представить себѣ этотъ взоръ съ струею огня, что его подарокъ цѣлъ, у меня. Прекрасный человѣкъ,—и онъ не забудетъ нашу встрѣчу. Со временемъ пришлю еще статей; онѣ тебѣ нужны, онѣ какъ письмы на цѣлые часы могутъ замѣнить въ разлукѣ меня.

Съ восторгомъ видѣлъ я въ твоихъ письмахъ выписки изъ шиллеровой Іоганны; ежели ты хоть и съ трудомъ, но можешь читать Іоганну, то успѣхъ сдѣланъ, я тебѣ пришлю ее всю. Читай, читай Шиллера, онъ всю жизнь мечталъ о дѣвѣ, въ которой бы была доля Іоганны и доля Теклы, онъ всю жизнь звалъ съ неба ангела, онъ не принадлежалъ къ этому міру,—но этотъ ангелъ не слетѣлъ для него, и грустный звукъ заключилъ его жизнь мечтанія (Resignation); въ этой грустной пѣсни онъ говоритъ, что кубокъ наслажденій не былъ имъ раскрытъ. Наташа, могу ли я это сказать, имѣя тебя? Я ужасно счастливъ, болѣе, гораздо болѣе, нежели заслужилъ. Высокая душа Шиллера должна была полуувянуть: она нашла только полъ-отзыва. А тотъ мрачный, угрюмый Байронъ, мученикъ своей души, и тотъ жаждалъ любви, любви высокой, сильной, пересоздающей, какъ огонь изъ камня, въ блестящее стекло. И Байронъ ничего не нашелъ, онъ бѣжалъ холодной родины и съ корабля кричалъ: «Прости о родина, ночь добрая тебѣ», съ чувствомъ полнаго негодованья: онъ зналъ, что ни слезы, ни вздоха объ немъ тамъ. — А я! Не слишкомъ ли это для человѣка. Господи! мнѣ страшно становится иногда,— чѣмъ выкупимъ мы нашу любовь? Чѣмъ бы ни было, все равно; эта любовь дала мнѣ все высокое, все изящное, пусть же во имя ея разитъ меня громъ, пусть смерть — мнѣ все равно. Да будетъ воля Его.—Читай же Шиллера, сначала, ежели трудно, это ничего, а я тебѣ доставлю что-нибудь изъ его сочиненій.

О Emilie и о Полинѣ мое мнѣніе было въ прошломъ письмѣ, теперь я понялъ страданія душъ высокихъ, это горькая мѣра Провидѣнія, но пусть онѣ поцѣлуютъ руку карающаго, она ихъ ведетъ къ *полной жизни* на землѣ, къ бла-

женству *тамъ*. Ты мнѣ напоминаешь разговоръ съ Emilie о Гебелевой дочери, о, этотъ разговоръ, весьма ничтожный самъ въ себѣ, тысячу разъ навертывался мнѣ на умъ,—и всякій разъ я скрипѣлъ зубами и кровью обливалось сердце [вырѣзана верхняя половинка второго полулиста] любить. Но разговоръ съ Emilie пророчествовалъ другое, это мою проклятую встрѣчу съ М. Да, я вспоминаю его и холодный потъ на лбу, и волосы подымаются. Боже мой, когда поправлю я эту ошибку, когда заглажу это преступленіе? Доселѣ не сдѣланъ и первый шагъ.

Я на тебя сердитъ (въ самомъ дѣлѣ) за то, что ты отрѣзала такъ много волосъ: это самоуправство, развѣ ты смѣешь распоряжаться твоими волосами, безъ моей воли? Все мое! Третью часть: будто на браслетъ можно употребить третью часть косы, да я скорѣй отдалъ бы три пальца на правой рукѣ. Впредь, сударыня, будьте осторожнѣе, а то буду ставить на колѣни спиною къ моему портрету и не велю поворачивать головы.

14-е февраля. Вятка.

Продолжая мысль, сказанную въ прошломъ письмѣ (можете справиться), я сдѣлалъ вопросъ, —стало-быть, требованія на жизнь были болѣе, колоссальнѣе, изящнѣе у Шиллера, у Байрона, нежели у меня, и потому я удовлетворенъ, а они нѣтъ? Но это не только несправедливо, но даже я перегналъ ихъ. Требованія Шиллера, напримѣръ, ясны, по его сочиненіямъ можно легко возстановить тотъ идеалъ, котораго осуществленія жаждала душа его. Это вмѣстѣ Іоганна д'Аркъ и Текла, даже наружность его идеала понятна. Я требовалъ не менѣе, о, нѣтъ, и нашелъ въ тебѣ болѣе, гораздо болѣе, нежели требовалъ.—Провидѣніе хотѣло избаловать меня, но балованныхъ дѣтей наказываютъ впослѣдствіи. Но съ которой же стороны ждать это наказаніе? Со стороны частной, индивидуальной жизни моей—невозможно. Остается другая половина моего бытія, столь же существенная, столь же необходимая—общая, универсальная жизнь, поприще... Горе, ежели тамъ! Трудовъ не боюсь, несчастій не боюсь, но неудачи боюсь. А для частной жизни одной не живутъ люди съ пламенной душой.

Мнѣ уже 24 года, и я еще не знаю, что я буду дѣлать, я еще не отгадалъ приказъ Провидѣнія, данный моей жизни: *писать* или *служить?*

Литературное поприще неудовлетворительно, тамъ нѣтъ этой жизни въ самомъ дѣлѣ; служить—сколько униженія, сколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока моя служба можетъ быть полезна? Вотъ тебѣ, ангелъ мой, вопросы, занимающіе меня въ послѣднее время.

15-е февраля. Я думалъ о своихъ статьяхъ, перечитывая начало повѣсти «Тимъ». Нѣтъ, все это ужасно слабо, едва набросаны контуры: смѣло, но бѣдно, очень бѣдно. Лучшая статья моя «*Германскій путешественникъ*». Право, ты увлекалась «Легендой», она же у тебя непоправленная. «*Мысль и откровеніе*»—хорошо потому, что тутъ нѣтъ повѣсти, а просто пламенное изложеніе моей теоріи. Все поправить надобно, а это-то и худо. Какъ же можно сдѣлать лучше въ холодную минуту то, что писано въ жару одушевленія, и еще хуже, что во время этого одушевленія написанное неудовлетворительно.

Ты пишешь, ангелъ мой, что скоро все узнаютъ; не знаю почему, а я очень желалъ бы, чтобъ это случилось поскорѣе. Сопряжено съ непріятностями, да что-жъ дѣлать? А ежели скорѣе онѣ начнутся, то скорѣе будутъ прошедшими.

Лишь бы мнѣ добраться до Москвы. А, вѣдь, ты права, Наташа, что намъ нечего будетъ разсказывать о разлукѣ, потому что мы были все время вмѣстѣ. Знаешь ли, какъ ты вѣрно изобразила тѣ минуты, когда, нѣсколько часовъ серьезно занимаясь, я, вдругъ, со вздохомъ, и глазомъ и душою ищу мою Наташу, чтобъ подарить ей мысль, потомъ и трудомъ нажитую. Именно такъ, какъ ты пишешь Симпатія!

17-е февраля. Пишутъ изъ Москвы, что не получали отъ меня письма, а я пишу всякую почту, стало, и твое пропало. Жаль, ибо ты будешь грустить, жаль и потому, что каждое письмо есть продолженіе одной нити, кольцо одной цѣпи, кольцо живое и необходимое. Да, по этимъ письмамъ къ тебѣ можно возстановить всю жизнь мою съ 1834 года. Тутъ мечты, надежды, страданія, восторги, паденіе, тутъ всего болѣе *я* и, слѣдственно, тутъ же сама ты. Какъ лучъ свѣта, бѣлый и чистый, преломляясь о камень, возвращается цвѣтистымъ и яркимъ назадъ, — такъ и твоя прелестная душа спокойно выливается въ твоихъ письмахъ и принимаетъ пурпуръ огня въ моихъ и яркость луча преломленнаго. И летитъ опять къ тебѣ, такъ какъ и преломленный лучъ бѣжитъ земли и стремится опять къ небу.

Ложась спать, я засыпаю всякій разъ съ мыслью: днемъ ближе къ свиданью. А оно не подвигается, и время, какъ носильщикъ, обремененный излишней тяжестью, крехтя, переступаетъ съ ноги на ногу, а путь-то далекъ! Но лишь бы онъ не останавливался Тамъ восточная звѣзда, тамъ весь обѣтованная, тамъ моя Наташа. Къ ней, къ ней, и хотя бъ еще болѣе страданій.

Emilie жму руку. Тебя цѣлую. *Александръ.*

Москва, 15-е февраля.

Три недѣли не получала отъ тебя писемъ; писать не стану, ты можешь вообразить, въ какомъ состояніи душа моя, не имѣя пищи три недѣли... Но уже вотъ три часа, какъ твое письмо отъ 30 января у меня. Если-бъ была возможность излить на бумагу и перемѣну, и блаженство, и всю душу! Нельзя, потому что нѣтъ словъ и потому что люди отнимаютъ эту возможность. Ты спрашиваешь о преслѣдованіяхъ, — не стоитъ писать о томъ, довольно, Александръ, если иногда я могу начертить тебѣ хоть одно слово, а остальныя глупости, низости хотя и продолжаются, но оставимъ ихъ глупымъ и низкимъ. Теперь я не могу и думать о нихъ, теперь я такъ высока и свята, о, ангелъ мой, и мнѣ не называть тебя божественнымъ и не боготворить тебя! Ты весь въ этихъ словахъ: «не довольно имѣть два, три чистыхъ порыва въ двѣ, три недѣли, — надо, чтобъ вся жизнь была одинъ этотъ порывъ», — да, къ тому-то и есть мое безпрерывное стремленье, къ тому-то и ведетъ и приведетъ насъ любовь. Иногда мнѣ кажется, что еще я слишкомъ мало страдаю, завидую другимъ въ несчастіяхъ; что-бы ни отняло у меня Провидѣніе, кромѣ тебя, чѣмъ бы ни угнело, — ты, твоя любовь — вотъ мое прибѣжище, вотъ мой рай и никогда не смѣю я произнесть ропота. Пишу на походномъ столѣ и такъ неловко, то есть на колѣняхъ... Прощай, ахъ какъ бы много сказать, но нельзя, авось-либо завтра выйдетъ минутка.

16-е. Отъ маменьки я ничего не слыхала, но ты пишешь, что потерялъ вѣру въ 37 годъ: это отняло у меня надежду на свиданье съ тобою въ этомъ

году, и утомленный голосъ души только говоритъ мнѣ, что я увижу тебя *когда-нибудь*. Итакъ, разлука можетъ продолжиться болѣе года, болѣе, болѣе... Послушай, Александръ, ты вѣришь мнѣ, не сомнѣвайся же, что съ этою мыслью—*я увижу тебя когда-нибудь*—душу мою озарила новая небесная сила, новое упованіе и покорность. Кажется, съ нею я болѣе еще люблю тебя...

Ты пересоздалъ меня, ты мнѣ мать и отецъ, братъ и другъ, и Ангелъ, и все... чего же еще? Къ чему сомнѣнье? На что этотъ недовѣрчивый грустный взоръ на будущее, когда *такое* настоящее?

Полина, Полина! Да, болѣе нечего сказать языкомъ, какъ да будетъ Его воля! Какъ жаль мнѣ ее, какъ жаль! третьяго дня была у меня Emilie, вотъ еще созданье!.. Господи, или ты знаешь, кому посылать такіе кресты! Не напишу тебѣ о ней ничего, довольно чернаго и вокругъ тебя, но сердце мое раздирается, глядя на нее, даже самыя обстоятельства... ужасъ, ужасъ! Мы мѣсяцъ не видались съ нею... Ты хотѣлъ просить отпускъ, показать письмо мое... Если-бъ всѣ твои, мои прочитали они, чтобъ вышло изъ этого?.. Ты понимаешь меня. Предадимся Ему, Александръ, Онъ далъ намъ другъ друга, все остальное ничтожно передъ этимъ даромъ. И малѣйшій ропотъ твой или мой есть уже преступленье...

Ночь. Тебя утѣшаютъ двѣ, три черты лица моего... Погоди, я опять имѣю надежду, вотъ Эмилія примется къ мѣсту, тогда увидимъ. Я пріискивала всѣ средства—невозможно!

На-дняхъ была у насъ одна дама, которая любитъ меня и которую я за это не люблю: ты понимаешь, какъ несносно то, что *она* называютъ любовью. Къ тому-жъ она хлопочетъ, что есть мочи, пристроить меня: разъ она такъ этимъ меня разсердила, что я вслѣдъ ей пропѣла:

Гробовой скорѣй покроюсь пеленой,
Чѣмъ безъ милаго узорчатой фатой,

но она, кажется, не вслушалась.

Когда ты будешь актеромъ, къ тому времени и у меня есть про запасъ *талантъ*: ридикюли моего произведенья на расхватъ въ Москвѣ, а если пройдетъ мода на нихъ, выдумаю другіе.

Съ полученія твоего письма у меня вертится мысль въ головѣ, обнимаетъ душу и даже я часто громко говорю: «я увижу его *когда-нибудь*»... когда-нибудь... одинъ,—одинъ взглядъ, и прости земля!

Ангелъ мой, жизнь моя, Александръ, другъ мой, какъ я тебя люблю, какъ бы писала я тебѣ много, много... Вотъ тутъ только иногда я искоса посмотрю на людей. Но, вѣдь, не меньше ты меня за то любишь, что пишу мало, и моя любовь не меньше и мы сами не меньше. О! Какъ бы я пожала твою руку.

Прощай, можетъ, не удастся еще писать.

17-е февраля. Сейчасъ читала въ газетахъ, что пріѣхалъ изъ Италіи живописецъ, имя его Рафаэль, онъ пишетъ миніатюрные портреты. Желаніе списать для тебя портретъ и невозможность такъ вдругъ взволновали меня, я покраснѣла, слезы на глазахъ, и спаслась только притворнымъ смѣхомъ. Но до сихъ поръ Италія, Рафаэль, портретъ для тебя волнуютъ меня. Ты пеняешь, что я прочла «*Встрѣчу*» имъ: если бъ не заставили меня, ни за что бы не прочла. Прощай, другъ мой, я мирюсь опять съ этимъ словомъ *прощай!*

Твоя *Наташа*, твоя *Наташа*.

Москва, февраля 18-е.

Воскликну и я въ свою очередь: опять письмо! опять письмо! Счастлива я, ангелъ мой, получая отъ тебя черезъ мѣсяцъ, черезъ двѣ, три недѣли, и два четверга сряду!..

Братъ, я думала прежде, что ты высокъ, и высокъ такъ, какъ нельзя быть выше, а теперь вижу, что могъ быть выше и есть больше, нежели былъ.

Вотъ два письма: я не столько ихъ перечитываю, какъ прежнія (все-таки люди), но вижу, ясно вижу.— ты сталъ выше, чище, святѣе, стало, и я тоже, если *могу* находить это въ тебѣ, стало, и любовь небеснѣе?.. Зовутъ, прощай!

19-е. Да, я болѣе люблю тебя, болѣе,... а мнѣ все казалось, что я достигла предѣла любви.—«Чѣмъ мы выкупимъ нашу любовь?»— говоришь ты. Чѣмъ? говорю я. Не несчастьемъ должна она выкупиться, Александръ: для двухъ душъ, слившихся въ одну, не существуетъ несчастья, онѣ другъ изъ друга пьютъ блаженство, другъ другу льютъ рай, другъ въ другѣ живутъ! Но чѣмъ же выкупить это сліяніе, это сочетаніе, самоуничтоженіе, дающее двойную жизнь? Чѣмъ, повторимъ мы милліонъ разъ, и милліонъ разъ повторитъ намъ сама любовь: «приношеніемъ въ жертву Ему и себя, и того существа, безъ котораго ты ничто». Я ничто безъ тебя, Александръ; потому-то и должна Ему жертвовать тобою, что Онъ далъ мнѣ тебя.

А! не маловажное происшествіе! Вчера была въ городѣ, иду пресерьезно, глаза въ землю, задумавшись о томъ, какъ бы не упасть, вдругъ на ухо мнѣ: «рулетка, барышня, рулетка, не угодно ли купить?» Я ужасно испугалась и, вмѣстѣ, до того обрадовалась, что это, кажется, подивило самаго разносчика. Рулетка, рулетка... Ты помнишь ли, что такое рулетка? Я — нѣтъ, а слышала отъ тебя, что когда-то, во времена оны, когда еще голова моя была въ серебренныхъ кудряхъ, я показывала тебѣ рулетку. Понимаешь ли, что рулетка сама по себѣ ничто для девятнадцатилѣтней, но тутъ ты, тебѣ я показывала ее ребенкомъ... и съ тѣхъ поръ не видала этой игрушки и, можно сказать, съ восхищеньемъ встрѣтилась съ старой знакомой, съ которой, можетъ, лѣтъ 15 была въ разлукѣ. И вообрази,— тутъ же, въ рядахъ, сырыхъ, холодныхъ, мрачныхъ, явилась передо мною огромная картина... Не знаю, кто бы взялся на нее сдѣлать раму, а картина-то очаровательная и произведенье рулетки! Я купила ее изъ благодарности и часто ею играю.

Прощай, можно ли написать столько о вздорѣ.

20-е. Во снѣ видѣла тебя, тебя, другъ мой! Будто деревня, рано, рано утромъ мы стоимъ у окна, ты одной рукой обнялъ меня, другой указываешь на нѣсколько солнцевъ, выходящихъ изъ деревъ; проснулась—въ самомъ дѣлѣ рано, утро, но сѣрое, и небо сѣрое, и комната моя сѣрая, и кошка сѣрая...

Такъ бы иногда отдала годъ жизни за одинъ сонъ!

Ахъ виновата! впередъ не буду, обѣщаюсь, что безъ твоей [воли] не спадетъ и волосъ съ головы моей! Однако, ты строгъ, я не ожидала, боюсь! А знаешь-ли, въ самомъ дѣлѣ, я покраснѣла и сердце замерло, какъ прочла: «я на тебя сердитъ (въ самомъ дѣлѣ)»,—если-бъ на этомъ словѣ отняли у меня письмо, я-бъ заплакала.

Я Emilie не даю твоихъ писемъ, въ которыхъ есть М.; она о ней не знаетъ. Однако, какъ меня ни пугали, какъ ни сердились, ни угрожали,—я устояла, не

отдала подъ чужую кровлю твоихъ писемъ; если гибнуть имъ,— пусть подъ одною со мной.

Не написала-бъ я тебѣ замѣчанія Emilie при твоемъ разсказѣ, если-бъ находила малѣйшее сходство въ поступкѣ Пассека съ твоимъ. Ты слишкомъ строгъ; но полно объ этомъ, я не умѣю тебѣ говорить объ этомъ и всегда разсержу тебя. Что не будешь ты говорить, мой отвѣтъ—я все-таки люблю тебя, боготворю, ты все-таки божество для Наташи и спасенье ея! Да и кто же, кромѣ Христа, былъ безгрѣшенъ? Даже апостолы... Но не сердись, не сердись, я замолчу.

Макаш. у обѣдни. Однако, прощай, пора наливать чай, признаюсь, важный резонъ перестать писать; да, смѣшно, добрые люди, да вы же и смѣйтесь.

25-е. Александръ, вѣрить-ли? Господи, вѣрить-ли?.. Оставь души надежды и сомнѣнья, *люби* и *вѣруй*! Говорятъ, скоро наше свиданье, говорятъ только, и что, ежели еще долго будутъ говорить?.. Необыкновенное состояніе души: не смѣть надѣяться, обманувшись такъ много въ своихъ надеждахъ, не смѣть сомнѣваться, испытавъ столько неожиданныхъ наслажденій. Люби и вѣруй, повторю душѣ и обниму тебя, ангелъ мой, всею душою за 1.000 верстъ и паду предъ Нимъ на землю.

Эти дни нельзя было и подойти къ письмамъ, все то же и то же.

Я не покойна, волнуется духъ: «что-жъ онъ, будетъ иль нѣтъ? Скоро увижусь съ нимъ? вотъ здѣсь можетъ, можетъ быть»... Мечты то вдругъ озаряютъ меня свѣтомъ и одѣваютъ тучей... Другъ души! Милый! Милый!

Что Витбергъ? Что Полина? Я часто, часто о ней вспоминаю. Что Эрнъ? Что Соколовъ?..

Какая насъ большая семья! И все родные духомъ. А объ Огаревѣ ни слова ужъ давно, давно. Распростилась я съ Эмиліей; грустно, Александръ, она несчастная вполнѣ, страдалица, но зато *тамъ!*

Ты пишешь, что потеряно письмо; я получила отъ 18 янв., 3 фев., 10 фев. и 14 фев.; ежели потеряно — жаль смертельно, лучше день жизни потерять!

Завладѣли вовсе у меня твою *Встрѣчу*; едва отдадутъ, возьмутъ опять; хорошо, если *люди* читаютъ ее. О! инымъ бы ни за что не дала. Ты сердитъ на «Легенду»; разумѣется, для *другихъ* надо бы ее *отдѣлать*, а я не могу безъ восторга читать ее: всѣ мысли твои, всѣ идеи, въ какую бы форму облечены ни были, имѣютъ для меня вѣчно ихъ свѣтъ, высоту и величіе, которые другимъ не доступны, то-есть, тѣмъ, кому нужна вызолоченная рама, чтобъ восхититься Рафаэлевой кистью.

Да, хорошо, если-бъ разразилась ужъ эта туча, а то опять затихла... Для меня есть необыкновенная пріятность въ этихъ непріятностяхъ, которыя я переношу за письма, за любовь, за тебя...

Другъ ты мой! Ахъ когда...

Прощай! Твоя Наташа.

27 вторн. Прощай, Александръ! Милый другъ, не отказывай Вадиму въ помощи; великодушіе не унижаетъ.

Вчера больная (Сашина сестра) проситъ меня принести *животворящій образъ*, и я, съ восторгомъ, со слезами отправилась къ ней, и больная чувствуетъ себя лучше съ тѣхъ поръ, какъ я сидѣла у нея на постели и какъ она удостоилась видѣть твой портретъ. Такъ я буду сама молиться на него, меня онъ будетъ исцѣлять отъ всѣхъ недуговъ, и имъ я буду исцѣлять больныхъ и дѣлать чудеса. Я всѣмъ буду показывать его, кто попроситъ съ вѣрою. Ангелъ мой! Ангелъ!

Теперь я жду Сашу Б.; она скоро пріѣдетъ, вотъ радость! Вотъ она-то преклонитъ колѣна предъ нимъ. О, какъ я жду ее! Мнѣ необходимо раздѣлить мое блаженство. Но замѣть, что она еще ни одного изъ твоихъ писемъ не читала,-такова наша жизнь.

Полинѣ скажи, если она хочетъ, я пришлю ей кольцо изъ моихъ волосъ, которое я сплету сама. Она несчастна, мнѣ ужасно ее жаль, но когда она имѣетъ высокую душу, вѣру?..

О Водо ужъ замолчали, онъ хочетъ денегъ, а у меня нѣтъ ихъ и конецъ всему!—Желаю ему золотую невѣсту!

Прощай же. Цѣлую твои глаза, мой ангелъ, обнимая тебя.

Твоя *Наташа*.

Какъ называется то, въ чемъ ты написанъ, въ чемъ былъ 9-е апрѣля; у всѣхъ спрашивала, никто не знаетъ, сама забыла; бурка? нѣтъ? Напиши.

Смѣхъ видѣть меня за нѣмецкой книгой, будто я краду что-нибудь и боюсь, чтобъ не застали. Ты хочешь мнѣ прислать Шиллера; надо, чтобъ *они* не знали, а то не только тогда читать, и книгу-то отнимутъ. Главное, нуженъ лексиконъ, а у меня его нѣтъ, но, можетъ, будетъ. Иногда надъ какимъ-нибудь словомъ сижу, сижу, думаю, роюсь,— не знаю! Фу! Досадно смерть; и тутъ же мысль, что *когда-нибудь* я буду знать это и многое, многое, буду съ тобой читать понѣмецки, говорить, восхищаться твоимъ Шиллеромъ, приведетъ меня въ восхищеніе и я безъ сердца начинаю открывать, что яснѣе для меня. Die vier Weltalter старалась я понять прилежно, но хладнокровно; когда же дошла «die Götter sanken vom Himmelstron», покраснѣла отъ радости до слезъ: въ «Легендѣ» читала я эти стихи и не понимала и такъ хотѣлось понять! Въ самомъ дѣлѣ, *ужасно*, въ полномъ смыслѣ этого слова, не понимать, что писано твоей рукой; ахъ, если-бъ... да что, мечта!.. Еще Богъ знаетъ, когда будетъ это можно?.. Я-бъ желала выучиться по итальянски.

29 февр. Благословляю день, въ который могу взяться за перо. Другъ мой, другъ мой, съ кѣмъ же, какъ не съ тобой говорить мнѣ, кому и для кого эта душа? Ахъ, тяжело, неизъяснимо тяжело молчанье, которое грозитъ намъ въ будущемъ передъ *ними*, а теперь, за 1.000 верстъ, имѣть столько передать, столько перелить... и невозможность! Никогда я не произнесу ропота, но душа стонетъ невольно отъ тяжести даже чувствъ высокихъ, которыми не даютъ ей подѣлиться. Нѣтъ, мой ангелъ, говорить, говорить тебѣ и взоромъ, и рѣчами! Сколько думъ, чувствъ... Ахъ, какъ хочется писать! боюсь и начинать, заплачу, когда позовутъ меня. Только скажу тебѣ, что вчерашнимъ днемъ я довольна, имѣла случай сдѣлать добро и это такъ утѣшило меня, такъ утѣшило.. ты понимаешь это чувство. Сегодня была Emilie; вотъ новость: ѣдетъ на-дняхъ во Владимірскую губернію. Что ты скажешь на это? И что сказать мнѣ тебѣ еще?.. Всю недѣлю меня посылали кататься... Не хотѣлось. Наконецъ, сегодня была, и то съ Emilie, тамъ, въ знакомомъ тебѣ мѣстѣ, знакомомъ ребенку и старцу, блаженному и несчастливцу... *Новинское*! Ты все также пестро, шумно, весело, все, все также ты. Новинское, для другихъ, но я не та же, какою видѣло ты меня прежде, и для меня не то же ты!..

Но мнѣ досадно на себя, зачѣмъ было подарить его слезою?

Вотъ и великій постъ, первое марта, первый день весны (хотя и не похоже на весну), скоро Благовѣщенье, Свѣтлое Воскресенье, лѣто... Прошла зима, о ко-

торой я мечтала цѣлое лѣто, но что же будетъ лѣтомъ, о которомъ мечтала цѣлую зиму?.. Да, бываетъ время, нѣтъ сомнѣній и надеждъ для будущаго, душа умѣетъ презирать все ее окружающее, не замѣчаетъ ни людей, ни ихъ дѣйствій, живетъ одной любовью, однимъ тобою, и дѣла нѣтъ ей, ты здѣсь иль тамъ, адъ или рай вокругъ; она любитъ, любитъ и вотъ все для нея! Но, другъ мой, не всегда она на этой высотѣ, я еще не достигла ея; нѣтъ, часто, очень часто меня утомляетъ и тяготитъ все, что только близко меня, даже, можетъ, ты и не простишь этого Наташѣ: иногда я долго, долго не поднимаю глазъ, такъ надоѣло мнѣ все и вѣ, не хочу дотронуться до стола иль до чего бы то ни было, что въ употребленіи у *нихъ*; и потомъ день и ночь эти люди, эти разговоры... изнемогаю! И сколько послѣ этого чувствую я себя виноватою передъ тобой, недостойною тебя... Но ты простишь, ангелъ мой, мнѣ и эту досаду и капризы. Любовь, одна любовь къ тебѣ сдѣлала меня неспособною выносить обыкновенную жизнь, обыкновенныхъ людей; одно стремленіе ко всему святому, изящному и великому, соединенному въ одномъ тебѣ, заставляетъ съ горестью смотрѣть на настоящее. Прощай!

Письмо отъ тебя! Письмо отъ тебя!

2-е марта. Провидѣніе избаловало тебя,—согласна, ты любимое созданье, лучшее созданье; въ тебѣ болѣе, нежели въ комъ другомъ отражается мысль Его, ты *можешь* болѣе, нежели кто другой, исполнить, окончить, усовершенствовать эту мысль: всѣ недостатки — дань воплощенію: новые года дадутъ новыя силы побѣждать слабости, да, я вѣрую, ты выполнишь твое предназначенье. Но, чтобъ Провидѣніе баловало для того, чтобъ впослѣдствіи наказать — заблужденіе, Александръ! Ни тѣни истины въ этихъ словахъ! Исполнить душу благороднѣйшими, святѣйшими чувствованіями, дать силу и чистоту постигнуть тайны высокія, озарить свѣтомъ, уподобить себѣ и за *это* послѣ наказать? Что съ тобою, другъ мой, какая нелѣпая мысль! Тутъ, я думаю, совсѣмъ напротивъ: настоящею, реальною жизнью ты ничуть не избалованъ, ты несчастливъ, несчастливъ, Александръ, потому что изгнанникъ, потому что твоя Наташа не дѣлитъ твоего изгнанья, итакъ, за что-жъ тутъ наказанье? А счастье твое — твоя душа, ты, любовь! Ты оскорбляешь Провидѣніе, придавая ему неправосудную строгость.

Ты говоришь: *писать* или *служить*. Можетъ, я бы тутъ ничего не понимала и не думала-бъ даже о пользѣ отъ *службы* и литературныхъ занятій, если-бъ не ты. Вопросъ слишкомъ важный, и избави Богъ, если только обстоятельства рѣшать его, но при настоящихъ, кажется, только отъ тебя зависитъ выборъ. Я увѣрена, другъ мой, ты простишь мнѣ, если я скажу на это мою мысль, въ твоей волѣ уничтожить ее, выбросить изъ моей головы, замѣнить тысячею новыхъ, лучшихъ; но вотъ она такъ, какъ есть въ моей головѣ: *служить* первая *неволя*, прости очаровательная мечта о путешествіи! Можетъ, ты скажешь—эгоизмъ! Хорошо, оставимъ мысль объ Италіи, о ея небѣ, о ея природѣ, о ея жизни, исполненной огня и поэзіи; забудемъ, забудемъ эту страну, любимицу солнца, пожертвуемъ всѣми мечтами *пользѣ* отечеству! Но мнѣ кажется, *польза отъ службы*, какъ бы ни была она велика, все будетъ *обыкновенною* и, сколько бы ты ни сдѣлалъ *службой*, все будешь обыкновенный служивецъ, какихъ *много*, потому что тебѣ указанъ путь, поставлены границы, предъ тобою и за тобою также идутъ, также служатъ; и напередъ можно опредѣлить, чего достигнешь ты послѣ многихъ лѣтъ, многихъ усилій, пожертвованій; итакъ,

ты будешь служить, какъ *обыкновенно* служатъ, сдѣлаешь пользу обыкновенную! А *писать*... о! тутъ не проложенная *уже* дорога, не *истоптанная* уже, нѣтъ, ты можешь открыть тутъ себѣ цѣлое поле и только самъ проложишь себѣ дорогу и только самъ пойдешь по ней! И можешь тогда быть несравненно полезнѣе себѣ и другимъ. Первая дорога невѣрна, не въ твоей власти; зависимость, слѣдственно, и всѣ сопряженныя съ нею низости, непріятности, вся чернота, или неокончаніе, неуспѣхъ начатаго, безполезные труды, стало. Вторая дорога твоя, собственно твоя, ты можешь ее сдѣлать шире, уже, длиннѣе, короче, здѣсь труды необыкновенные и польза необыкновенная! И тутъ (прости молодости) Италія, Италія! Свобода! Воля! Море!

Жизнь *необыкновенная!!!*

Прощай, другъ, душа моя, некогда!

3-е марта. Съ кѣмъ, какъ не съ тобою, ангелъ мой, подѣлиться мнѣ этой бурей, этой грозой, которая теперь въ душѣ моей. Вообрази мое положеніе, ты знаешь, что для меня Emilie, знаешь, что Саша Б.' Съ Emilie я воображала встрѣчать тебя, думала, что она будетъ вѣстникомъ благодатнымъ... Нѣтъ! она завтра придетъ *прощаться*, обнимемся въ послѣднее. О! какъ знать, увидимся-ли когда! Саша, я ждала, ждала ее, она тоже мнѣ необходима и ты бы сказалъ это, если-бъ зналъ ее, нѣтъ мѣры въ дружбѣ и почтеніи, которыя я имѣю къ ней. Ждала годъ и думала, еще не увижусь долго,—завтра, завтра день свиданья съ ней! Дай силы, другъ мой, Александръ, Александръ, приди на помощь мнѣ! Встрѣчать и провожать! Два чувства сильныхъ борются въ душѣ моей, какъ свѣтло одно, такъ черно другое, они равны и побѣды быть не можетъ, борьба жестокая, я изнемогаю, прощай, не могу писать отъ волненья.

Но, но, если-бъ это былъ *пріѣздъ твой*, всякое чувство слабо и ничтожно было-бъ тогда передъ моимъ восторгомъ, можетъ, я не вынесла бы его.

21-го февраля, Вятка.

Ангелъ мой! Недѣлю цѣлую мнѣ что-то нездоровилось, было скучно, очень скучно и, знаешь-ли, чѣмъ я вполовину вылечился, или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ вылечилъ вполнѣ душу—твоими письмами. О Наташа, Наташа... ты болѣе, болѣе, нежели человѣкъ; слово человѣка не можетъ приносить столько рая, столько счастья: слово уже убитое, на бумагѣ,—что-же твоя живая рѣчь, рѣчь и взоръ?.. И все это мое!

Я съ радостью увидѣлъ, что я въ февралѣ прошлаго года уже писалъ къ тебѣ о тайнѣ, которая тяготитъ меня, о пятнѣ, ибо ты спрашиваешь отъ 1-го марта. Слѣдственно, я недолго скрывалъ отъ тебя свое паденіе; это меня утѣшило, а я, не помня, горько упрекалъ себя въ скрытности, и къ кому же: къ Наташѣ!

Утро начинается, чистъ, свѣжъ воздухъ, алая полоса пророчитъ что-то на востокѣ, все уже живо, все готово къ чему-то,—но солнца нѣтъ. Это твои письма 1835 года. Навѣрное можно сказать, что скоро огненное солнце покажется и обольетъ своими лучами все, но его еще нѣтъ, и потому въ иныхъ мѣстахъ еще темно, шатко,—но съ опредѣленнымъ появленіемъ любви твоя душа вдвое развилась и вдвое выросла. Вотъ доказательства: «развлеченный новыми предметами, ты иногда забудешь, что въ уголкѣ Москвы живетъ Наташа» — и далѣе: «послушай, если живешь долго въ дальней сторонѣ, ты перемѣнишься и при свиданьи будешь только удивляться прежнему желанію видѣться» (Мая 28, 1835

въ Пермь). Жизнь моя здѣсь становится съ каждымъ днемъ несноснѣе, мало того, что я разорванъ надвое разлукою съ тобою, мало ссылки, мало проклятой исторіи съ М., прибавились еще такія отношенія, что—или будь честной человѣкъ и жди грому на голову, или поддайся самымъ безнравственнымъ, самымъ отвратительнымъ дѣламъ, самымъ гнуснымъ униженіямъ; а могу-ли я это? И при всемъ томъ совершенная безгласность. О, Господи, когда Ты изведешь меня изъ этого города! Досадно, отвратительно.

22-е. Сколько ни знай впередъ всю гнусность людей, сколько ни будь разочарованъ, все же нельзя быть холоднымъ зрителемъ ябедъ, клеветъ, интригъ... А какъ надобно быть почти болѣе, нежели зрителемъ, о, тогда, лучше еще 1.000 верстъ, лишь бы спокойную жизнь. Ахъ, какъ часто я съ слезою почти вспоминаю мою лачугу въ Крутицахъ. Тамъ я былъ счастливъ. Вчера, ложась спать, я живо представилъ себѣ весь ужасъ моего настоящаго положенія и невольно заключилъ молитвою... Я рѣдко молюсь; молитва въ самомъ дѣлѣ требуетъ или дѣтскую душу, или высокую простоту, но тутъ я молился отъ всей души: за что же, за что такъ тягостенъ мой крестъ и такъ мало силъ! Я знаю, какая награда меня ждетъ — небесный ангелъ съ небесной любовью, но развѣ эти частныя гадости ведутъ къ тому, чтобъ сдѣлать меня чище, лучше? Ко всему прочему еще новый ударъ Витбергу: у него уже обобрали все, теперь хотятъ, такъ сказать, отнять и самыя крохи отъ куска хлѣба, уже исторгнутаго изъ устъ. Пришелъ приказъ отобрать разныя вещи у него и продать съ аукціона.— И Ты все это допускаешь!

Дивенъ путь Провидѣнія.

24-е февраля. И вотъ дѣйствіе молитвы — вчера получилъ я письма, въ которыхъ мнѣ даютъ болѣе, нежели надежды на скорое возвращеніе. Я живъ! Но погодимъ еще вполнѣ предаваться радости: тогда — тамъ, склоняя мою голову на твою грудь, когда любовь будетъ литься эфиромъ изъ твоихъ глазъ на мою душу, о, тогда—тогда я прощу эти черные годы, благословлю ихъ, но еще не теперь. Впрочемъ, надежды очень велики, — ужели и онѣ лопнутъ. Что же? Провидѣнье знаетъ, куда ведетъ и какъ. Но снова посылаю молитву къ престолу Божію, чтобъ онъ окончилъ мои страданія. — Весна, весна все оживаетъ, все живетъ вдвое, птицы ворочаются. Природа расковывается, можетъ, и я вмѣстѣ съ природой раскуюсь и прилечу вмѣстѣ съ птицами, но не по одной дорогѣ: тѣ летятъ съ юга, а я съ сѣверо-востока. Дорога, колокольчикъ, станціи, города, Москва, ты. Тутъ все оканчивается, что имѣетъ окончанье, тутъ начинается безконечное, святое, небесное.

24-е февраля. Хотѣлъ-было уже совсѣмъ кончить, но, нѣтъ, жаль съ тобой разстаться, еще что-нибудь скажу, ибо я веселъ. — Ну, какъ же будетъ наше свиданье, тысячу разъ въ воображеньи я его представлялъ съ разными перемѣнами, тысячу разъ видѣлъ во снѣ. А страшно, сердце бьется при одной мысли, ей-Богу, страшно, я боюсь тебя той боязнью, тѣмъ страхомъ, которымъ трепещетъ христіанинъ, прикладываясь къ потиру, принимая св. причастіе. На бумагѣ мы сдѣлались храбры. Наташа, мнѣ хочется хохотать, очень хочется и плакать хочется очень. Ну, а ежели это вздоръ и свиданье далеко, далеко... Это демонъ какой то шепчетъ. Нѣтъ, пришло, кажется, время. Милый другъ, ангелъ мой, можетъ, къ Святой я въ Москвѣ. Придумай же, какъ намъ увидѣться только на одну секунду, только обмѣнять одинъ взоръ безъ нихъ, и въ этомъ взорѣ будетъ все: и благодарность за то, что ты спасла меня отъ меня самого, и

любовь, и радость, и не одна моя любовь—и твоя любовь, и я увижу все это и довольно, потомъ готовъ разсказывать о Николаѣ Хлыновскомъ княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, готовъ слушать, «что этотъ опытъ долженъ показать мнѣ, какъ надобно себя вести»—готовъ все, что угодно: совѣты толстой попадьи, брань Макашиной, лай маленькой собачки,—что, чай, она жива, ну, та мохнатенькая, на точеныхъ ножкахъ?

Offene Tafel придите всѣ, бросайте въ меня грязью, каменьями или, еще хуже, бросайте словами, я буду тихъ, спокоенъ, только въ задатокъ тотъ взоръ, тотъ взглядъ.—Много будетъ непріятностей, ха, ха, ха! Ненадобно ѣхать въ Италію, тамъ много комаровъ; всѣ непріятности—вздоръ, которыя не отнимаютъ клочка сердца и души, они капризны, — склонять голову, потому что унизительнѣе верхъ взять, нежели покориться. Они будутъ вздоръ требовать, — это-то и хорошо, кабы они дѣло требовали,—бѣда бы съ ними. Вотъ какъ я тебѣ скажу о здѣшнихъ непріятностяхъ и за что я ихъ несъ, тогда дашь другой вѣсъ этому слову.

Вѣсть о скоромъ возвращеніи провела тигровымъ языкомъ по сердцу, теплая кровь бѣжитъ того воспоминанія, воспоминанія. — Ну, прощай, можетъ, до свиданья.

Emilie расцѣлуй. *Александръ.*

27-е февраля, Вятка.

Другъ мой! Это чувство страха, о которомъ я тебѣ писалъ въ прошломъ письмѣ, совершенно мною овладѣло. Чѣмъ ближе подвигается время нашего свиданья, тѣмъ сильнѣе оно. Въ два огромные года тебѣ былъ полный досугъ идеализировать меня, все, что могло родиться въ прелестной фантазіи твоей,—все было отдано этому существу, половина я и половина мечта твоя, и вдругъ,—я являюсь, мечта уже не можетъ имѣть мѣста, я оттолкну ее, а какъ должна быть изящна мечта святой, чистой души! И насколько я замѣню ее другими достоинствами. Ну, не страшно ли, Наташа? Мнѣ даже страшно увидѣться съ нашими, съ домомъ, съ комнатой, теперь я чувствую, что я одичалъ въ казармахъ и въ глуши. Сколько опыта горькаго и свинцоваго привезу я съ собою въ эту комнату, на этотъ диванъ, гдѣ бурно, безотчетно, вольно нѣжилась моя юность; не юноша склонитъ на него голову съ мечтою несбыточной, но прекрасной, а человѣкъ, утратившій половину своихъ вѣрованій, половину довѣрія къ людямъ. О, какъ состарилась бы душа моя, ежели-бъ твоя любовь не оживила ее! Ты и еще два-три человѣка любовью и дружбой выкупили для меня современное человѣчество: и Руссо не бѣжалъ бы въ лѣсъ отъ людей, ежели-бъ онъ имѣлъ хоть въ половину столько симпатіи, сколько досталось на мой удѣлъ.—Вѣчная молитва благодарности Провидѣнію: я погибъ бы безъ симпатіи и Оно послало ангела и людей съ душой, чтобъ спасти меня.

Но не слишкомъ ли я отдался мечтѣ о возвращеніи, не знаю,—или внутренній голосъ обманываетъ, или я возвращусь скоро: онъ не молчитъ, какъ прежде, а громко указываетъ на весну —И неужели, когда я пріѣду, мы должны будемъ видаться, tirés a quatre épingles, въ недѣлю разъ? Я думалъ и не нахожу средства: какая огромная жертва, но ежели мы принесли обстоятельствамъ почти 3 года, то будемъ жертвовать *имъ* днями. — а тамъ, почемъ знать, что и какъ будетъ. Перстъ Божій указалъ тебѣ на меня, онъ тебѣ громко сказалъ *9 апрѣля:* «Вотъ онъ, люби его»... (твое письмо отъ февраля 1836). Я сначала не вполнѣ

понялъ этотъ голосъ; но онъ громко и звучно повторилъ мнѣ: «она одна спасетъ тебя».—Оставимъ же ему остальное, главное, конечно, мелочи сами расположатся.

Ты, я думаю, досадовала на меня, что долго не получала письма, а письмо пропало здѣсь въ почтовой конторѣ,—и мнѣ больно это.

3-е марта. Прелестный браслетъ—благодарю, благодарю—нѣтъ, а имя твое на золотѣ хорошо, именно я радъ, что оно вырѣзано, это для меня священный іероглифъ счастья, блаженства, будущаго, я часто пишу на бумагѣ твое имя и долго смотрю на него. Natalie! въ этихъ 7 буквахъ выражена для меня большая половина бытія моего. Благодарю, ангелъ, горячій, пламенный поцѣлуй любви тебѣ и поцѣлуй дружбы Emilie.

И письмы отъ 29 января и 15 февраля получилъ: отвѣтъ ты знаешь—*я люблю тебя*, вотъ содержаніе всѣхъ писемъ: *люблю, люблю и любимъ ангеломъ.* Тутъ должна остановиться рѣчь человѣческая. Я никогда не читалъ нѣкогда знаменитаго романа «La nouvelle Héloise»: на дняхъ я нашелъ его здѣсь и принялся перелистывать; онъ весь въ письмахъ,—и я расхохотался. Руссо былъ великій человѣкъ, но онъ, должно быть, понятія не имѣлъ о любви. Эти письма и наши письма, тутъ все разстояніе между пресмыкающейся по землѣ травою и пальмой, которая всѣми листами смотритъ на небо. Какъ у нихъ любовь чувственна, матерьяльна, какъ виденъ мужчина и женщина, и нигдѣ существо высшее, которое онъ хотѣлъ представить. И эта женщина при первой мысли любви готова пасть и пала, а, вѣдь, какъ бы то ни было, паденіе женщины страшно, грустно.—По несчастію, я это знаю!

Ну, вотъ какой я вѣтреный, въ твой запискѣ лежала еще записка запечатанная, я, не смотря, распечаталъ, читаю—не ко мнѣ, а къ Emilie—и я все думалъ, что за чѣмъ-нибудь прислана она мнѣ, прочелъ всю. Pardon! И немного на тебя въ претензіи: изъ этой записки я вижу, что тебѣ и Emilie нужны деньги, и почему же ты не обратилась ко мнѣ? Я получаю слишкомъ 4.000 въ годъ, неужели я не могу прислать тебѣ, сверхъ того у меня со всѣхъ сторонъ кредитъ. Что за ложная деликатность и съ кѣмъ же? Сейчасъ напишу маменькѣ, чтобъ она доставила тебѣ что-нибудь на первый случай, и впередъ прошу адресоваться къ вашему покорному слугѣ.

Прощай, ангелъ мой, прощай, ахъ, быть можетъ, скоро я прижму тебя къ груди моей, увижу твой взоръ!

Полина тебѣ кланяется дружески, искренно,—вы очень коротко знакомы. Прощай же, пора быть будничнымъ человѣкомъ и заниматься пустяками.

Твой въ вѣчность *Александръ.*

4-е марта.

Къ тебѣ, къ тебѣ несется звукъ чистой, ясной, святой, звукъ души твоей Наташи, о, дружба! Я видѣла ее, Александръ, ее, моего друга, мою сестру по душѣ, мою Сашу! Видѣла! видѣла! О, какими риѳмами, какой музыкой выразить это состояніе души? Ни риѳмъ, ни струнъ! Вѣдь, эта душа твоя, твое созданье, смотри же ее, какъ свѣтла она теперь, ни пылинки, *ея* рѣчь, *ея* взоръ, взоръ друга, голосъ друга очистили, освятили ее, слушай, слушай, Александръ, эту гармонію... и небо ей внимаетъ, и вся природа воспѣваетъ святую дружбу. Тебѣ бы только быть при этомъ свиданіи. И что же сказала я ей, она мнѣ? «Что?» спроситъ всякой, но ты, ты, постигшій глубину и высоту чувства, не оскорбишь

его вопросомъ. Ты знаешь, что говоритъ душа душѣ родной, тебѣ знакомъ ихъ неземной языкъ, ты слушалъ его, ты самъ говорилъ имъ.

И Emilie была и еще не въ послѣдній разъ! Что будетъ со мной, когда *я увижусь съ тобой!!* Но меня похищаютъ изъ моего рая, меня зовутъ на землю, въ землю... пусть, пусть тѣло въ гробу тлѣетъ, душа высоко, душа въ небѣ, въ тебѣ! Прощай!

5-е. Вчера не сквозь темное стекло смотрѣла я на солнце, а сквозь солнце смотрѣла на темную землю, и она казалась мнѣ лучшею, тоже свѣтлою, тоже прекрасною, и души *людей* казались тоже свѣтлѣе, небеснѣе, и я не хотѣла отыскивать въ нихъ темныхъ пятенъ, чтобъ не отравить святого веселія души, но со вчерашняго прошло ужъ много, цѣлая ночь и нѣсколько часовъ дня... Часто, получивъ ударъ, не чувствуешь боли въ эту минуту и не замѣчаешь даже его, но послѣ черное, большое пятно напоминаетъ объ ударѣ и долго, долго не проходитъ, но я не боюсь болѣзней физическихъ.— Слышать *отъ другихъ* пошлыя сужденія, вздоры—ничего, да и что до нихъ, когда не слушаешь ихъ: часто, почти всегда, я не слушаю, что говорятъ мнѣ *эти другіе*, но вчера мнѣ говорила *Эмилія*,—я *слушала*, потому что ее всегда слушаю... Александръ, Александръ! Нѣтъ, это не глубокое убѣжденіе, это одни слова... Скажи, ангелъ мой, можетъ ли Emilie, наша Emilie, думать это... да нѣтъ, я не скажу тебѣ, что она сказала, мнѣ страшно вообразить... не послышалось мнѣ?.. Но если тебѣ, душа моя, не открою я этого,—кому же, кому лечить раны моего сердца!

Приготовься, выслушай, это ужасно.

Какъ скоро мы остаемся съ Emilie однѣ, разговоръ о тебѣ. Вдругъ она мнѣ говоритъ пресерьезно: «Наташа, любовь *проходитъ*». Не помню, что я возразила на это, только она повторила опять: «*вѣрь мнѣ*». О! какъ я была рада, что кто-то вошелъ и разговоръ этотъ прекратился, впервые порадовалась, что намъ *помѣшали*. Прибѣжище мое, Александръ! Если-бъ не ты, куда-бъ, куда-бъ укрыться мнѣ отъ людей, о, какъ страшны они иногда, какъ одно слово, одинъ взглядъ ихъ заставляетъ дрожать, какъ отъ крещенскаго мороза, что-бъ стало со мною среди этихъ льдовъ? Не спасли-бъ меня Вѣра и Надежда, не спасла-бъ Любовь меня, если-бъ она была не твоя! О, нѣтъ! Одинъ ты, съ твоей бурной и ясной, огненной и святой душой могъ спасти душу Наташи. Твоя душа!... О, какъ часто, какъ долго я погружаюсь, возношусь въ это небо; ясность, спокойствіе его гармонируетъ болѣе съ моей душой, но въ какомъ благоговѣйномъ восторгѣ я предъ грозой его! Если-бъ даже смерть несла она мнѣ... съ молитвой, съ восторгомъ закрыла-бъ я глаза и послѣдній образъ на землѣ, послѣдняя мысль, послѣднее чувство —любовь! Александръ мой, зачѣмъ я не могу тебѣ высказать, тебѣ, всего, зачѣмъ нѣтъ словъ, нѣтъ звуковъ, которые-бъ вполнѣ передали мою любовь!.. Но будто ты не знаешь?.. О, нѣтъ! Пора кончиться пути страдальческому, къ тебѣ на шею, въ твои объятья, къ ногамъ твоимъ! Умереть, умереть хочу я, если смертію можно купить взглядъ твой! Въ самомъ дѣлѣ, ну зачѣмъ я человѣкъ? Лучше-бъ быть столомъ, подушкой, иль перомъ, или луной! Тогда-бъ *люди* не знали ея рожденья и ущерба, я-бъ все смотрѣла въ твое окошечко...

Я и забыла объ Эмиліи! Да нѣтъ, пока забудемъ, забудемъ ее, пока свѣжи эти слова—«*любовь проходитъ*», такъ она не любила, не любила! Не знаетъ любви! Она мечтала, она играла, шалила, забавлялась,—въ ней страшно мнѣ разочароваться, больно... если она выйдетъ замужъ (разумѣется не за N)! О!... Возьми, возьми меня скорѣй отсюда, и далѣе, далѣе, далѣе отъ тѣхъ, кого люблю

и кто за это терзаетъ меня, убійственно любить безъ уваженья... Лишь бы мою Сашу Б. не покинуть, но Богъ и съ ней! Она такъ свята, чиста, высока... Въ послѣднее свиданье она говорила: «о, если-бъ не обязанности, я бы жила съ тобою (то-есть, *тогда, тогда*!), но это невозможно. Будь только ты *счастлива* и я пожертвую моимъ *счастьемъ* видѣть тебя». Какая душа! Какъ люблю ее... но хочу разстаться и съ ней, хочу, для того, чтобъ только тобой жить, въ тебѣ, для тебя, мой Александръ! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ ни жизни, ни смерти, не довольно будетъ выразить любовь мою... вѣчность... Богъ... и будто она *проходитъ*... Emilie не знаетъ тебя. А Саша Б. не знаетъ твоей любви, какъ же, она мнѣ говоритъ: «другъ мой, такъ ли *онъ* тебя любитъ, какъ ты его?» О! когда такъ, прощай, Emilie! прощай, Саша! Вы не знаете *его*, его *любовь*; что мнѣ ваша дружба, пустите, пустите меня къ нему! Въ раю ли, въ страшныхъ ли пустыняхъ, въ снѣгахъ ли онъ, но лишь бы онъ, я лечу, бѣгу, бѣгу къ нему, босая по льдинамъ, безъ судна по морю, сквозь огонь! Къ нему, къ нему!.. Ахъ, прощай!

6-е. Знаешь ли, мой Александръ, о чемъ я сегодня плакала, горько плакала? Читая «*Живописца*» Полевого, мнѣ вдругъ представился ты, съ твоей необъятной душою, недосягаемой любовью, ты поэтъ, художникъ въ душѣ, болѣе, чѣмъ *Аркадій*, выше, непостижимѣе, его и я—*Вѣринька!*... Да, Аркадій увлекся мечтою, онъ думалъ, что душа ея родная его и любилъ, и какъ любилъ!.. Когда онъ сказалъ это убійственное: «она *не понимаетъ!*»,—заныло, сжалось мое сердце, такъ страшно стало за тебя, такъ страшно,—я задрожала, оставила книгу и такъ рада, рада была, что полились слезы. О, если-бъ я несчастьемъ моимъ, моимъ вѣчнымъ страданьемъ, безпрерывною смертью могла бы принесть тебѣ благо, тогда-бъ я знала, что я что-нибудь есть для тебя, *сдѣлала* для тебя, а то ни одной жертвы, ни одной раны за любовь къ тебѣ! Тогда-бъ я знала, что мученья люблю для тебя, а не тебя только для наслажденья, и, можетъ, я не совершенно понимаю твою душу... но не заслуживаю твоего презрѣнья, уничтожаясь предъ тѣмъ, что дано мнѣ постигнуть въ тебѣ. И что же, о, Боже! Если для всей жизни моей, для всей души, для вѣчности довольно одного взгляда *его*, а для его взгляда мало всей души моей, всей жизни?..

Цѣлый часъ ходила я теперь по комнатѣ. Да, въ наружности я далека даже Вѣриньки, далека, какъ тюльпанъ розы, но душа... за нее порука мнѣ твоя любовь!

Ночь. Сію минуту дочитала «*Блаженство безумія*» (1836, сентября 23, ты писалъ, чтобы я прочла «Жизнь и мечты» Полевого, у меня не было ихъ). Такъ я не единственная, Александръ! Помнишь ли, я писала тебѣ такъ блѣдно, такъ мало, такъ связно о томъ блаженствѣ, о той любви, которой на землѣ довольно одного взгляда, одного объятья, одного слова, одного поцѣлуя, о любви моей недавно писала... и еще долгую разлуку, страданья, муки... и чтобъ, взглянувъ на тебя, только успѣть сказать на землѣ:

Kurz ist der Schmerz und ewig ist die Freude!

Недавно это писала я, а «*Блаженство безумія*» еще въ 33-мъ году! Такъ, стало, прежде меня... прежде, чѣмъ я сама постигла тайну рожденія жизни и смерти, была уже постигнута эта тайна, одѣта въ слово, отдана людямъ, мнѣ больно... Но, нѣтъ. Развѣ можно постигнуть любовь – тайну Бога и вѣчности, не зная тебя, Александръ, не любя тебя этой любовью? Полевой – мужчина, Полевой не зналъ тебя, и это чувство, данное Адельгейдѣ, одна тѣнь, одинъ контуръ

того, что въ душѣ моей. Я покойна. Прощай! Нѣтъ, не прощай, а закрой глаза, склонись на подушку, забудь сонъ, то есть, жизнь — и мы вмѣстѣ.

O! dahin, dahin mein Geliebter.

6-е марта, Вятка.

Вѣришь ли ты въ силу тѣхъ восточныхъ талисмановъ, которые служили и лекарствами тѣла, и лекарствами души, въ эти неодушевленные камни, изрѣзанные знаками и буквами, въ коихъ осталась *сила* человѣка, съ вѣрою вручающаго. Я вѣрю, я испыталъ это. Третьяго дня мнѣ было много непріятностей, рядъ маленькихъ гадостей, рядъ низкихъ притязаній; я пріѣхалъ домой раздосадованный, бросился на постель и не могъ уснуть, я кусалъ губы и сердился, наконецъ, взялъ твой браслетъ ..

Нѣтъ, доселѣ еще не было вещи, которую бы я столько любилъ, которой бы столько радовался; я долго-долго смотрѣлъ на него. Это ея волосы, тысяча разъ касалась рука ея, можетъ, она поцѣловала его на дорогу, можетъ, она ему завидовала, и я цѣловалъ твой браслетъ и смотрѣлъ на него съ такою любовью, съ такимъ чувствомъ! Все мрачное отлетѣло, сила влилась въ грудь. А твое имя. Странная вещь, какъ будто я не могу его написать на всякомъ клочкѣ бумаги; можетъ, это ребячество: но твое имя, вырѣзанное тутъ, возлѣ твоихъ волосъ, наполняетъ всю душу свѣтомъ и небомъ. Числа и года нѣтъ, и это хорошо, мы соединены во-вѣки, это имя есть моя молитва, времени ему нѣтъ. О, Наташа, какъ я тебя люблю, одно чувство только поставлю я рядомъ съ моей любовью—это твою любовь. Ты совершенно также любишь меня, это въ каждой строкѣ, нѣтъ, въ каждомъ дыханіи. Есть люди, которые говорятъ, что всѣ эти матеріальные памятники не нужны. Да, они правы въ одномъ отношеніи: ежели-бъ самъ Рембрандтъ писалъ твой портретъ, то все-же онъ не будетъ такъ хорошъ, какъ образъ твой, начертанный въ душѣ моей, но, тѣмъ не менѣе, эта внѣшняя опора фантазіи подымаетъ ее. Но, говорятъ, всѣ эти вещи сами по себѣ ничего, а только одно воображеніе даетъ имъ цѣну. Однако, когда усталый путникъ беретъ посохъ, — хоть посохъ самъ по себѣ и ничего не значитъ, но онъ ему замѣняетъ часть тѣла.—Можетъ, я долго-бы грустилъ тогда, можетъ, черныя мысли бродили-бы, какъ тучи, въ головѣ и голубое небо,—ты, едва-бы было видно, а твой браслетъ разомъ исцѣлилъ меня. Да и сами люди, что-же иное, какъ не матеріальный знакъ своей души. Ну, довольно философствовать.

Икона только свята для того, кто въ нее вѣритъ, лампада свѣтитъ для всего рода человѣческаго. Икона средство для человѣка идти вверхъ. А лампада съ неба унесла солнечный лучъ на землю. Вотъ тебѣ въ отвѣтъ на воспоминаніе объ этой мысли.

7-е марта. Вчера былъ годъ одному прелестному случаю со мной. Я привезъ вѣсть утѣшенія одному несчастному человѣку, видѣлъ слезы восторга на мужественномъ лицѣ воина. Это одна изъ минутъ, которыя остаются въ памяти до гробовой доски. Я писалъ тогда, справься.

Въ сотый разъ повторяю, что такое за гадкая жизнь въ маленькомъ городѣ, вдали отъ столицъ, гдѣ всѣ трепещутъ одного, гдѣ этотъ одинъ распоряжается, какъ турецкій паша. Нигдѣ нельзя видѣть ниже человѣка, какъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ a la Wiatka. Надобно признаться — урокъ очень полезный прослужить два, три года въ дальней губерніи. Тамъ, въ столицѣ, хоть

наружность приличная, а здѣсь все открыто, тамъ метутъ грязь, а здѣсь она по колѣна!

10-е марта. Ангелъ мой, надежды подтверждаются. Боже мой, какъ волнуется кровь, какъ бьется сердце при этихъ словахъ. Я прижму къ груди своей эту небесную, эту святую, этотъ идеалъ мой, которой я молился два года и которая казалась такъ же недосягаема, какъ небо. Нѣтъ, тысячу разъ думая, представляя, я не могу постигнуть, какъ мы увидимся, священный покровъ лежитъ еще на этой минутѣ, мы сорвемъ его и полетимъ въ объятія другъ друга. —Я теперь ничего не дѣлаю, не могу ни о чемъ думать, кромѣ объ отъѣздѣ. А горько будетъ, Наташа, ежели и эти надежды лопнутъ,—хоть-бы взглянуть мнѣ дали на тебя, въ цѣпяхъ бы свозили въ Москву, на полчаса, и были-бъ опять силы на годъ.

Твой, ангелъ мой, твой *Александръ.*

Emilie кланяюсь дружески; она, вѣрно, не сердится, что я къ ней не пишу; ей-Богу, мнѣ трудно писать къ кому-бы то ни было, кромѣ тебя.

8-е марта.

Недѣлю цѣлую тебѣ нездоровилось, и меня не было съ тобой! И я не ходила за тобой, лечила тебя не я, не я!.. Какъ стало тяжело мнѣ, когда прочла эти строки, ужасно вообразить тебя больного безъ меня. Но, слава Богу, кажется, вѣдь, легче тебѣ? Берегись, другъ мой, ради самого Бога берегись, особенно—пока некому беречь тебя.

Какъ страшитъ меня теперешнее твое положеніе... но что-же страшнаго? Вѣдь, *люди* накажутъ, *люди* изгонятъ, *на землѣ* страданіе (да и можно-ли это назвать страданьемъ) временное, а не *Онъ* изгонитъ, не мщеніе на небесахъ, не мука вѣчная!

Сколько ни твердили мнѣ, что есть надежды большія... сердце встрепенется, но не грѣется, не питается этими надеждами, наконецъ, вотъ черезъ твои уста, черезъ твое письмо явились эти надежды ко мнѣ... на самомъ дѣлѣ онѣ все тѣже, но ужъ для меня не тѣ-же! Какъ жадно обняла я ихъ, какъ пламенно отдалась имъ! Прости земля, холодъ, люди!—все зазвучало райскою пѣснью, все засіяло цвѣтами заоблачными, прочь хоть на мгновеніе людское сомнѣніе!—Надежда! ты мнѣ была чужая, когда тебя представляли мнѣ люди, тогда я не хотѣла слушать тебя, смотрѣть на тебя, тогда я боялась тебя, а теперь—возьми, возьми меня, я твоя! Если-бъ не *его* рука указала *тебя*, ты все-бъ оставалась мнѣ невѣроятною, но теперь я не въ силахъ обороняться; ежели даже ты, Саша, отвергнешь меня, я буду ползти за тобой до тѣхъ поръ, пока *Онъ* скажетъ: «оставь надежду», да, до тѣхъ поръ...

Итакъ, вотъ и ты объ этомъ знаешь, пишешь, надѣешься... О! Неужели, неужели, Господи?!.. Тѣсно въ груди... одинъ вздохъ наполнилъ бы, кажется, всю вселенную... Милосердія двери отверзи намъ!.. Александръ!.. Ахъ, нѣтъ, неужели я похристосываюсь съ тобой... неужели и для насъ будетъ *Свѣтлое Воскресенье?*.. Да скажи-же, ангелъ мой, ахъ неужели!.. Все молчитъ, все .. но зачѣмъ-же бы небо такъ было ясно, зачѣмъ бы звѣзды такъ весело играли, зачѣмъ бы невидимое, непостижимое что-то, что-то божественное, святое, утѣшительное носилось надо мною, если-бъ все это не было отвѣтомъ?.. До завтра! Милый!

Часъ тому назадъ получила твое письмо отъ 21 февраля.

9-е. Что слышится мнѣ?—твой голосъ; что вижу?—твои глаза, твой лобъ, ты, ты, даже—повѣришь-ли—чувствую запахъ кнастера, которымъ три дня пахло отъ косы моей послѣ 9 апрѣля 35. Долго, долго вчера послѣ письма ходила я по комнатѣ, ахъ, Александръ! Гдѣ тѣ слова, которыми-бъ я могла выразить тебѣ чувства? *Придумать, какъ увидѣться!* Нѣтъ! нѣтъ! тутъ думать я не могу, передъ мыслью увидѣться исчезаютъ всѣ другія, для меня все равно, увижу-ль я тебя въ облакахъ близъ неба, иль въ тучѣ людей,—все равно, лишь-бы видѣть, видѣть, видѣть!.. Рѣдко, очень рѣдко спрашиваю я, *какъ увидѣться?*.. Но когда *могу* объ этомъ размышлять, то думаю и желаю, чтобъ тутъ не было ни единой души, ни одного глаза,—никто не достоинъ быть тутъ, никто. Пусть одинъ Тотъ, Кто одну душу далъ тебѣ и мнѣ, будетъ свидѣтелемъ нашей горести и радости; людей не надо, не надо! Но какъ-же? Нельзя-ли, какъ ты пріѣдешь... ахъ, ей Богу, не знаю, что сказать... пріѣдешь, пріѣдешь и довольно! и все тутъ! о чемъ далѣе думать. Однако, нѣтъ, не хочется мнѣ при *нихъ*, а избѣгнуть невозможно, развѣ какъ ты еще прежде писалъ, въ 3-мъ часу послѣ обѣда, Саша на караулѣ... или нѣтъ, лучше я пріѣду къ тебѣ, папенька напишетъ, что ты не очень здоровъ съ дороги, пришлетъ за мной Вѣру или хоть Альмока, только-бъ ради самого Бога безъ Макашиной!.. Да, ангелъ мой, ну, придетъ-ли тогда намъ въ голову обдумывать свиданье, ты просто какъ изъ коляски, такъ ко мнѣ! Или я просто одна уйду изъ дому, ну, что они мнѣ сдѣлаютъ, не догонятъ! Прощай, ѣду къ обѣднѣ, мы говѣемъ; о, какъ буду я теперь поститься, молиться!..

Да, сегодня жаворонки прилетаютъ, ахъ, только жаворонки! Я весела, съ какимъ удовольствіемъ смотрю на испеченнаго жаворонка, будто лѣтъ 10 тому назадъ.

Къ Святой, а до Святой только 6 недѣль! Да, ровно 2 года ночи, ночи темной, мрачной, хоть были и звѣзды и мѣсяцъ былъ, но что все это передъ солнцемъ? Какъ я буду приготовляться къ этому великому дню, онъ будетъ второй въ моей жизни; 7 недѣль постилась и молилась я, и уже потому удостоилась *9-го апрѣля*, и къ этому, наступающему великому, святому дню,—о, надо очиститься, возвыситься... Не такъ буду приготовляться къ нему, какъ готовятся *показаться* жениху, нѣтъ, а какъ-бы предстать *туда*, какъ-бы готовилась я къ переходу отъ жизни временной къ вѣчной, къ вознесенью съ земли на небо!

Александръ, Александръ, ангелъ мой! Не знаю, какъ перенесть свиданье! Ты боишься меня, а я развѣ не писала тебѣ о моемъ страхѣ? Боюсь, боюсь тебя, спаситель мой! Отецъ мой! Боюсь предстать недостойною дочерью предъ тобою, братъ мой, назовешь-ли *тогда* ты меня твоею сестрой? Ангелъ мой, достойная ли буду я подруга твоя?..

Милый, милый, душа моя, жизнь, лети, лети къ твоей Наташѣ!

Господи! За что-же Ты такъ немилосердъ къ этому великому душой. Витбергъ... я думаю, что съ нимъ будетъ, какъ ты уѣдешь. Да неужели нѣтъ средства помочь ему? Ахъ, какъ это все терзаетъ меня. Что здоровье Полины?

Москва, марта 13.

Сегодня я пріобщалась. Бываютъ минуты, часы, дни цѣлые, въ которые душа чиста, свѣтла, свята, какъ небо, какъ сама любовь, но эти дни болѣе, нежели когда-нибудь, я была достойна предстать предъ тобою. Надежда на скорое свиданіе умножила во мнѣ желаніе и увеличила силы къ умерщвленію всего земного.

Предъ тобой, спаситель мой, я не должна и не могу скрывать ничего хорошаго и дурного; ты долженъ видѣть плоды любви и утѣшаться ими, долженъ и остальную темноту превращать въ свѣтъ. Безъ любви никогда-бъ я не могла вкусить столь высокаго восторга въ таинствахъ покаянія и евхаристіи: молитва, постъ, покаяніе, сообщеніе со Христомъ—все исполнено любви къ тебѣ, все нераздѣльно съ тобой; да, *Онъ* велитъ любить все прекрасное, истинное, великое! Нѣтъ тебя; нѣтъ и искры Божества, нѣтъ свѣта въ душѣ, все темно, непостижимо, тайно, недоступно пресмыкающейся. Ты-же, ангелъ мой, отдавъ мнѣ свою душу, свою любовь, далъ и небо мнѣ, и вѣчность, и Бога! Но еще мы несовершенны во многомъ, и потому ни одной молитвы не исходитъ изъ устъ моихъ, которая бы не была о тебѣ, а гдѣ ты, тамъ и я. Признаюсь, даже на исповѣди я просила Бога болѣе объ отпущеніи твоихъ грѣховъ и, принимая тѣло и кровь Господа нашего, будучи близка съ Нимъ, молилась не о себѣ, о тебѣ. Но что-же писать объ этомъ, будто-бы могло быть иначе! Вчера, исповѣдавшись священнику, я долго послѣ читала, исповѣдывалась самому Богу, молилась, молилась... и заснула. Вдругъ, такъ ясно и громко говорятъ мнѣ, что ты пріѣхалъ, лечу! Кажется, тѣла на мнѣ нѣтъ, такъ легко, и вотъ ты, ты, мой Александръ, другъ мой, не обыкновенный человѣкъ, не обыкновенный юноша, нѣтъ, того бы я не обняла такъ, тотъ не унесъ бы меня въ міръ гармоніи и блаженства! На тебѣ былъ видъ просвѣтленный, выражающій цѣлое небо любви, рай,—ты простеръ ко мнѣ руки, я бросилась въ твои объятія, какъ во врата небесныя, и, легкую какъ перо, ты взялъ меня на руки и принесъ въ комнату, гдѣ папенька и маменька и гдѣ слышалась музыка... Тихо отворила Саша ко мнѣ дверь, но я проснулась, сердце билось громко, часто, небо ужъ свѣтлѣло, розовая лента перепоясывала лазурь, благовѣстили къ заутрени, и мысль сообщенія съ Христомъ обняла все существо мое. Я встала; прочитано правило; вотъ и храмъ, вотъ чаша искупленія... Зачѣмъ, зачѣмъ не вмѣстѣ съ тобою приступала я къ ней! Прошелъ часъ, два, непріятны посѣщенія и говоръ людей, когда летишь въ небо, жаждешь бесѣды ангеловъ и серафимовъ,—но я вознаграждена! Вотъ этотъ листокъ, писанный тобой отъ 27 февраля, защита мнѣ отъ земли! —Прощай, всѣ отдохнули, просыпаются, пора и мнѣ заснуть жизнью ничтожной; о, нѣтъ! нѣтъ! Мы всегда, вездѣ мы можемъ быть тѣмъ, чѣмъ Онъ создалъ насъ. Прощай, другъ мой!

14 с. 7-й часъ, а я ужъ давно, давно встала, была у заутрени. Послѣднее время я нахожу необыкновенную отраду быть въ храмѣ. Кому же, какъ не Ему, въ разлукѣ съ тобою, повѣрю я и грусть мою, и радость, тайную предвѣстницу будущаго, и любовь, и тебя! Къ кому обращу этотъ взоръ, гдѣ вся душа, вся любовь, весь ты! Я разлюбила говорить съ людьми давно, давно, даже не знаю, любила ли когда, но это время разлюбила говорить даже съ друзьями. Никто, никто такъ не пойметъ меня, никто не дастъ душѣ отвѣта, одинъ Онъ!..

Скажи, другъ мой, когда-же увѣришься ты, что я люблю не мечту, а тебя? Мнѣ это больно. И что-же въ самомъ дѣлѣ *я*, когда не могу увѣрить тебя въ этомъ?..

Конецъ разлукѣ, конецъ! конецъ! Боже! Ему надо доказательствъ въ любви моей, онъ не вѣритъ ей вполнѣ и какъ тяжко должно быть ему это невѣріе! Господи, прекрати-же нашу разлуку, можетъ быть, тогда... но ежели и тогда онъ скажетъ: «мнѣ *половина* любви твоей принадлежитъ, другая мечтѣ».— страшно! Нѣтъ, можетъ быть, я увѣрю тогда его, докажу... Милый другъ, зачѣмъ-же и теперь ты огорчаешь меня? Будто я разочаруюсь при свиданіи! Какой

ты жестокій, и не увеличиваешь ли ты тѣмъ болѣе мой страхъ, не убиваешь ли тѣмъ и во мнѣ вѣру, что я именно *твоя Наташа?* Но я постигаю... прощаю, прощаю, божество мое, тебѣ все, лишь пріѣзжай скорѣй, лишь скажи твоимъ голосомъ, взоромъ—люблю тебя, Наташа! Прощай!

Нѣтъ, это въ самомъ дѣлѣ смертельно больно мнѣ, ежели ты думаешь, что я воображаю болѣе, нежели ты есть. Фу!.. какъ тяжело вздохнулось. Да чѣмъ-же изгнать эту мысль? Чѣмъ? А тѣмъ, чтобы пріѣхать къ Наташѣ и прочесть не на письмѣ, а въ глазахъ любовь такъ, какъ она есть. Такъ пріѣзжай-же, пріѣзжай!—Какъ я ни отдаюсь на волю Божію, какъ ни вѣрую, что все къ *лучшему*, а, право, морозъ по кожѣ, какъ вспомню прошлые годы, какъ мы еще говорили: *Вы-съ*, Александръ *Иван.*, *Вы*, Наталья *Алексан.* и сидѣли одинъ въ углу, другой въ другомъ и кой-когда заводили рѣчь о погодѣ, о гуляньѣ, о деревнѣ... Ужасъ! да, и какъ вообразишь, что, можетъ, еще *нѣсколько*, можетъ, *много* лѣтъ будемъ такъ *жить поживать!*.. Скорѣй рѣшенье, что на нихъ смотрѣть,—да, впрочемъ, что-же предпринять? Пріѣзжай ужъ только, тогда поговоримъ, тогда я много скажу.

Теперь я вижу, что не только свои, но и чужія ввѣренныя мнѣ тайны я не должна скрывать отъ тебя, другъ милый! Очень хотѣлось написать къ тебѣ объ одномъ существѣ, которое, не знаю, любитъ ли Эмилію, но знаю, что влюбленъ въ нее. Она—не знаю и теперь, что сказать тебѣ – мнѣ *кажется*, она *спокойнѣе*, *кажется*, *не хочетъ еще любить*, *кажется*, *сжалится* надъ *нимъ!* Но кто-же этотъ онъ? Юноша, ея ровесникъ Александръ, его имя (но, вѣдь, на свѣтѣ много Александровъ), красавецъ, по ея словамъ, получаетъ 3.000 въ годъ, управляетъ какими-то конторами въ магазейнахъ, бывалъ каждый день по нѣскольку часовъ у ея сестры, гдѣ она жила, говорилъ ей глазами и языкомъ, блѣдностью и румянцемъ о любви; но что это все? Не знаю, не знаю, не знаю! Я сильно была взволнована, смущена ея разсказами, я терялась; но, вѣдь, она страшно, ужасно несчастна; я люблю ее, прекрасная душа, но зачѣмъ-же падать? Слава Богу, она принялась къ мѣсту, уѣхала до зимы, можетъ быть, романъ этотъ тѣмъ и кончится, дай Богъ! Она не желала сообщить тебѣ обо всемъ этомъ, а что хотятъ скрыть отъ тебя, стало, въ этомъ нѣтъ ничего великаго и святого! Потому и я не писала тебѣ, но смотри, какъ случай самъ открылъ все, только чтобъ ей оставалось это неизвѣстнымъ. Можетъ, со временемъ ты самъ отъ нея узнаешь. Судьба ея до сихъ поръ загадка, что за море! Мудрено тутъ плыть безопасно и плыть ей.

Почему ты заключаешь, что мнѣ нужны деньги?—Нисколько, вѣрь мнѣ, а если-бъ и была нужда, развѣ далеко мнѣ искать ихъ? Маменька и Егоръ И. часто предлагаютъ, но, право, какъ-же брать, когда ненужно, и будто это церемонія, да мнѣ дѣться съ ними некуда бы было, да и самъ разсуди на что? Вольно *имъ* не вѣрить, что я не нуждаюсь въ нужномъ для *нихъ*, что могу и хочу обойтись безъ необходимаго для нихъ, а я не понимаю, какъ тебѣ вошло въ голову, чтобъ я въ самомъ дѣлѣ, имѣвши нужду, не написала тебѣ. Когда я могу удѣлять бѣднымъ, стало, карманъ мой не пустъ, хотя, правда, въ немъ немного, но довольно для того, чтобъ *отвести душу – не отказать просящему!* Итакъ, милый, не безпокойся о моихъ нуждахъ; я сама, право, ихъ не замѣчаю, а когда замѣчу, честное слово, напишу. Эмилія принялась къ мѣсту, стало, и ей ненужны. А въ запискѣ къ ней я только спрашивала, ненужно ли?

Вообрази мое удивленіе, думала, что давно Е. И. ей отдалъ записки, и за-

была объ нихъ при свиданіи съ нею, ужъ до того-ль тогда! Вдругъ,—я думала, привидѣлось, и за дѣломъ прокатились 2.000 верстъ! Прощай, мой ангелъ, мнѣ что-то невесело, цѣлый день толпилась у насъ всякая всячина, надоѣли до смерти, устала и тѣломъ и духомъ! Но отдохновеніе мое недалеко, вотъ столикъ —въ немъ портретъ, вотъ груда книгъ, за ними письма! Чего-же, чего-же еще? Обнимаю, обнимаю, душа моя—прости!

15-е. Когда я сказала Сашѣ Б. твой поклонъ, она какъ-бы испугалась и сказала: «это слишкомъ много, онъ знаетъ меня черезъ тебя, ты-же видишь меня черезъ твою прекрасную душу, а я желала-бъ знать, какъ нашелъ бы онъ меня, не зная, что ты такъ любишь меня, что я другъ тебѣ, когда-бъ я была то, что ты...» Насъ прервали; этимъ людямъ не довольно того, чтобъ имъ не мѣшали говорить, надо еще ихъ слушать и попеременно повторять: да-съ, нѣтъ-съ. Богъ съ ними! Саша Б. имѣетъ прекрасную душу, но свѣтъ, но семейство не дали узнать ей себя, потому она такъ часто недовольна собой и такъ мало надѣется на себя. Мудрено вамъ будетъ сблизиться, ежели не будетъ перемѣны въ нашей жизни.

Я о чемъ ни говорю, о чемъ ни думаю,—все это освѣщено надеждой и кончается тѣмъ, что все превратится въ одинъ свѣтъ: я даже не могу вполнѣ постигнуть, что ты пріѣдешь. Необъятная мысль, а грудь тѣсна! Ты пріѣдешь, я увижу тебя, услышу, ...нѣтъ, это слишкомъ! это не можетъ быть! Когда за 1.000 верстъ отъ тебя, отъ одной мысли о тебѣ, я прихожу въ такой восторгъ и мнѣ нужно покрывало, какъ Моисею, едва переношу этотъ восторгъ, душа едва можетъ оставаться въ своей мрачной темницѣ, едва не разорветъ оковъ и не взлетитъ на небо, а тогда, тогда... тогда, Александръ! О! ты правъ, правъ, страшно оставаться тогда на землѣ, съ людьми и безъ покрывала. И этотъ ли домъ, та ли комната должна быть мѣстомъ свиданья,—онъ не выдержитъ, онъ развалится; поле, гора, облака, небо,—вотъ что можно избрать для встрѣчи нашей. Ахъ, и послѣ-то этой встрѣчи—надо будетъ ходить по землѣ, какъ и всѣ ходятъ, пить, ѣсть,—ужасно! Прощай!

Еще о нуждахъ,—маменька ужасно меня балуетъ, Егоръ И. тоже; онъ даже, признаюсь, надоѣлъ мнѣ своими безпрестанными разспросами о надобностяхъ, но всѣ мои увѣренія не въ прокъ, непремѣнно найдетъ случай купить мнѣ что-нибудь или дать денегъ. Маменька тоже, и вотъ на-дняхъ подарила мнѣ перчатки, которыя мнѣ, я думаю, долго не придется надѣть, такъ онѣ нарядны и хороши. Да что лучше-то всего, это то, что я, увѣряя всѣхъ, что мнѣ ненужно ничего,—болѣе всѣхъ увѣрила въ этомъ себя! Опять прощай.

Вечеръ. Мнѣ грустно. Отчего прежде самое невозможное, несбыточное казалось мнѣ такъ просто? И кто просилъ вмѣшаться тутъ разсудку? онъ такъ грубо, жестоко и ясно говоритъ: *нѣтъ, нельзя, не будетъ, невозможно!* И зачѣмъ обдумывать; если эти мысли не покинутъ меня день, два, я сдѣлаюсь больна. И въ самомъ дѣлѣ, ужасно, ангелъ мой, ужасно не видаться годъ, два, за 1.000 верстъ, а за нѣсколько шаговъ не видаться цѣлую недѣлю — это несравненно ужаснѣе. Прежде, и вотъ не такъ давно, мнѣ казалось, что, увидѣвшись съ тобою разъ, мы ужъ будемъ неразлучны, неразлучны вѣчно, и двери гроба отворятся намъ въ одно время, но это еще возможно, да и быть иначе не можетъ; а то, чтобъ ужъ не разставаться съ тобою по жизнь съ первой встрѣчи... Охъ, какъ больно, какъ тяжко, невыносимо! Тутъ цѣлый бы годъ показался намъ минутой, а намъ не дадутъ, можетъ быть, и часу! Смертельно грустно мнѣ, другъ мой, и я не могу удержаться, чтобъ не написать тебѣ этого, не могу, потому что эта мысль истер-

зала-бъ мою душу, если-бъ осталась въ ней тайной отъ тебя. Легко ли будетъ удержаться мнѣ, не броситься къ тебѣ, не заплакать, не пасть на колѣни? Притворяться... лучше лишиться чувствъ! И писать не могу, и молчать не въ силахъ, да, теперь-то я вижу, что многое, многое — мечта, кромѣ тебя, кромѣ любви. Горько разстаться съ этими мечтами, Александръ, даже самая мрачнѣйшая изъ нихъ свѣтлѣе, существеннѣе; напр., ты изгнанникъ, въ глуши, вдали, въ снѣгахъ, съ тобою *только* я, я твой ангелъ-хранитель, твоя подруга, твоя раба, на груди моей твоя отдыхаетъ голова, и я-же отогрѣваю твои ноги,—а реальное — ты на Арбатѣ, а я на Поварской!

Въ самомъ дѣлѣ я нехорошо себя чувствую.

Прощай! Милый, милый Александръ, ангелъ мой!

16-е. Разсвѣтаетъ, я давно не сплю, но не больна, это позволяетъ мнѣ надѣяться на себя. Не должно-ли-бъ намъ отдаться совершенно на Его волю, что будетъ, то будетъ, зачѣмъ страхъ, это означаетъ недостатокъ вѣры,—да что-же мнѣ дѣлать, ангелъ мой, скажи? Если-бъ мнѣ предстояло путешествіе—нѣсколько тысячъ верстъ, пѣшкомъ, одной,—чего бояться мнѣ тогда, я-бы знала, что иду къ тебѣ и *домой*, что ужъ тогда люди не имѣютъ власти оторвать меня отъ моего Александра, а тутъ... Вѣдь, ты знаешь, испыталъ, какъ несносно притворяться въ чемъ-нибудь ничтожномъ, вообрази-же, каково... Ахъ, Боже мой, я дрожу вся, Александръ, о, ужасно!—кругомъ люди, холодные, жестокіе, кругомъ столько глазъ, полныхъ любопытства, а не участья, каждую минуту будешь ждать, чтобъ на тебя не бросились, не связали-бъ руки, не закрыли-бъ глаза и не бросили-бъ въ чуланъ. Во мнѣ много твердости, я знаю, но когда думаю обо всемъ этомъ, кажется, ея во мнѣ нѣтъ вовсе. И я не могу скрыть отъ тебя эту слабость, ты прощаешь мнѣ ее, Александръ? Другъ мой, не могу-же я быть такою, какою ты бы желалъ, какою-бъ желала я сама. Можетъ, еще многое надо будетъ тебѣ передѣлать во мнѣ, чтобъ достигнуть этого. А можетъ, все устроится лучше, нежели-бъ мы желали. Его планы и наши? Вѣрую, вѣрую, Господи, помоги, моему невѣрію! Я прогнѣвляю Бога недовѣрчивымъ взглядомъ на будущее. Простится тому, кому не дано было отраднаго дня въ жизни, да, тому простится недовѣрчивой, робкой шагъ впередъ, а той, кому данъ ты, твоя любовь... виновата передъ Нимъ и предъ тобою!

Ну, вотъ, мой ангелъ, теперь я заслуживаю твоего прощенія: посмотри, какъ ясно въ душѣ, нѣсколько часовъ я такъ покойна, такъ покойна — ни одной изъ прежнихъ мыслей не прокралось въ душу, она однимъ полна,—ты пріѣдешь, я увижу твой взоръ, тотъ взоръ, которымъ говорилъ мнѣ самъ Богъ 9-го апрѣля, услышу голосъ, отъ котораго и прежде, еще давно, давно, громко билось сердце.—Да пріѣдешь ли?

Все, все къ лучшему! Сомнѣнье—грѣхъ, страхъ —грѣхъ, кто любитъ, тотъ не боится, да и я, вѣдь, не боюсь. А вчерашнія мысли, а вчерашнее безуміе, а блѣдность? Все прошло! Я опять твоя твердая, непоколебимая Наташа.

Вечеръ. Заранѣе радуюсь, что тебѣ не такъ будетъ грустно въ день твоего рожденія, я думаю, ты получишь письма. Итакъ, хоть прочти, коли не услышишь моего поздравленія! Я ужъ заранѣе собираюсь къ тебѣ въ гости и на весь день! Меня не любятъ отпускать никуда, такъ хорошо же, я, не спросясь, отправлюсь, и они этого не замѣтятъ! Воображенье и мечта скорѣе умчатъ меня, чѣмъ борзые кони, и имъ не догнать меня! Ахъ, какъ весело! Они, право, предобрые, чего у нихъ нельзя сдѣлать!

Итакъ, мой ангелъ, со днемъ твоего рожденія! Крѣпко, крѣпко, много, много цѣлую тебя, милый. Вспомни меня. Еще и солнышко не взойдетъ, еще и заря не зарумянится, а я ужъ буду съ тобой душою, буду молиться о тебѣ, если позволятъ, пойду къ заутренѣ, потомъ соберусь и отправлюсь на рожденье. Праздникъ! праздникъ! И неужели ты не увидишь и не услышишь меня? Безъ сомнѣнья, глаза и уши не будутъ счастливы, а душа—о, я знаю, она встрѣтитъ родную гостью, она услышитъ ея поздравленье, обнимутся, сольются... Прощай же! Вѣдь довольно? У тебя же гости, надо и ими заняться, мы свои, сочтемся. Душа моя, Саша, другъ прелестный, несравненный! Какъ же я сержусь, что потеряно письмо твое, много-бъ отдала я за него. Прощай. Полинѣ, Витбергу, всѣмъ, всѣмъ нашимъ и поклонъ и рукопожатіе.

Твоя *Наташа.*

Марта, 17-го, среда.

Странно! Скажи, Александръ, отчего все это происходитъ: то цѣлый день мнѣ кажется минутой, то минута вѣкомъ? То кажется и самое солнце мрачно, то ночью такой озаряетъ свѣтъ меня, будто небеса разверзлись, и даже эѳиръ не заграждаетъ славы Его? Отчего то наслаждаюсь я всѣмъ существомъ, сливаюсь съ тобою, вижу, какъ отражается душа моя въ твоей, какъ звѣздочка въ океанѣ, вижу, ясно вижу, какъ переплетены наши существованія, какъ во многихъ мѣстахъ жизни твоей рѣдѣетъ туманъ и даже вовсе исчезаетъ при появленіи меня: вотъ путь страшный, сколько страданій, муки, какой тяжкій крестъ, но чрезъ этотъ путь, чрезъ эти раны, этимъ крестомъ ты купишь вѣнецъ и какой вѣнецъ — мою любовь, любовь вѣчную! То вдругъ я не узнаю себѣ, смотрю съ удивленьемъ на это существо, которое такъ ограничено во всемъ, даже въ любви, и мнѣ становится страшно, я боюсь, презираю себя, въ душѣ поднимается страшная буря и не въ моей власти утишить ее... Не смѣю взглянуть на портретъ, взоръ твой полонъ любви, а знаю ли я, что достойна ея? Не смѣю читать писемъ, въ нихъ столько надеждъ на будущее, а знаю ли я, что буду въ состояніи исполнить ихъ?.. исполнить твои надежды—твои надежды!

Вечеръ. Что вѣщаетъ мнѣ мое сердце? Отчего оно бьется такъ, какъ никогда не билось,—то слезы на глазахъ, то улыбка, то вмѣстѣ и грустно, и весело! Нехорошо на землѣ, Александръ, о, если-бъ не ты!.. Глядя давича на Кремль, на народъ,—дивное, святое чувство наполняетъ душу, когда смотришь на это соединеніе созданія Бога и человѣка, но въ ту же минуту мнѣ захотѣлось покинуть землю, ибо то и другое громко говорило мнѣ о моемъ одиночествѣ, и тогда я никакъ не могла вообразить, чтобъ, будучи на землѣ, мы могли быть разлучены, мнѣ казалось, что ты въ небѣ, глядишь на меня, зовешь, и съ какимъ бы восторгомъ вылетѣла душа изъ темницы, покинула-бъ землю, гдѣ казалось, нѣтъ тебя... если я сойду съ ума?

18-е. Наступаетъ вечеръ, меня беретъ тоска, — какъ долго ждать еще утра! Восходитъ солнце — сердце замираетъ, отъ нетерпѣнья готова плакать, скоро-ль увижу конецъ дня! И такъ медленно, медленно переступаетъ время, и я все жду то утра, чтобъ ждать вечера, то вечера, чтобъ ждать утра!

Странно смотрѣть на эту суету, на хлопоты, на всѣ дѣйствія людей; казалось бы, все должно было умолкнуть и съ благоговѣйнымъ трепетомъ ждать твоего пріѣзда.—люди, люди, вы всегда люди! Говорятъ, бываетъ ужасно грустно передъ радостью: если вѣрить этому замѣчанію, такъ не должно сомнѣваться

въ твоемъ возвращеніи: все померкло, всѣ мечты покинули душу, всѣ чувства слились въ одно—ожиданье. Твой взглядъ—награда за цѣлую жизнь. И въ самомъ дѣлѣ, Александръ, зачѣмъ тогда еще жить? Чего ждать? Развѣ есть что болѣе твоего взгляда? Длинна, холодна была зима, придетъ лѣто, —но, что же, послѣ ждать опять возвращенія зимы?

Другъ мой, сколько прошло великихъ постовъ, вотъ и этотъ скоро *переломится*! И страстная недѣля пройдетъ и придетъ святая, когда же, когда же окончится *нашъ великій постъ?* Когда пройдутъ страстные годы и придетъ свѣтлый? Вотъ, что я думаю. Возвратившись, не открыть-ли тебѣ всего папенькѣ? Сгоряча, отъ радости видѣть тебя, можетъ, онъ приметъ это великодушнѣе. Тогда ты не можешь упрекать себя въ недовѣрчивости къ нему, онъ также, и вы помиритесь. Впрочемъ, да будетъ твоя воля!

Неужели меня повезутъ опять въ деревню и на все лѣто?..

19-е. Ты молишься, Александръ? молись, молись! Я всегда почерпала неизъяснимую отраду въ молитвѣ, но душа не съ такимъ горячимъ восторгомъ прибѣгала къ этому источнику небеснаго утѣшенія, чувствуя, что она прибѣгаетъ къ нему одна (ты всегда писалъ, что рѣдко молишься), теперь же... О, ангелъ мой! съ какой увѣренностью, съ какой пламенной вѣрой, преклоняя колѣни, я возношу душу мою *туда*, надѣясь, что она встрѣтитъ тамъ и твою. Для молитвы нѣтъ опредѣленнаго время, ни мѣста: вся жизнь, все пребываніе на землѣ должно быть молитва. Но мы такъ еще несовершенны... по крайней мѣрѣ, сколько станетъ силъ нашихъ, мы должны стремиться къ этому источнику. И чѣмъ же болѣе, когда и этимъ не въ состояніи будемъ возблагодарить Его! Хотя я твердо знаю, что наши души соединены самимъ Богомъ, что онѣ одна душа, но все кажется въ нихъ болѣе созвучія, болѣе гармоніи, когда, оставляя или забывая, по крайней мѣрѣ, темницы свои и эту огромную тюрьму—землю, несутся высоко, туда, гдѣ ничто не заграждаетъ Его престола, гдѣ ни малѣйшее облачко не раздѣляетъ ихъ, и уже тамъ-то онѣ одна душа, одинъ Богъ! Сколько разъ мы видѣли неограниченную симпатію нашу, Александръ, во всемъ, сколько ты писалъ о ней, но еще ни разу о той, которая-бъ въ одно время, въ одну минуту возносила насъ къ Богу, а это высшая симпатія и что предъ нею остальная?

Вечеръ. И потому, повторяю тебѣ: молись! Когда я съ молитвой смотрю на небо, вѣришь ли, кажется, изъ-за облакъ вижу твой образъ, и нѣтъ желанія, нѣтъ силъ опустить глазъ на землю, хотя и на ней есть твой образъ, но не такой! Поднимаю ли руки къ Нему, кажется, ты простираешь оттуда ко мнѣ свои, и я держусь за нихъ, держусь въ небѣ за твои руки и не чувствую тяжести своей, и какъ горько, горько опять стать ногою на землю! Послѣднее время я чаще стала молиться, почти весь день безпрерывно улетаю высоко отъ земли, тамъ ты мнѣ виднѣе, ближе, тамъ ничто не дѣлитъ насъ!

Позднѣе. Письма! письма! отъ 6 до 10 марта. Вотъ ужъ и не знаю, что сказать болѣе, да развѣ есть что-нибудь болѣе письма въ разлукѣ? О, если-бъ можно съ нимъ бѣжать, въ степь, въ лѣсъ... лишь бы не тутъ. Александръ мой!

20-е марта. И ты спрашиваешь, вѣрю ли я въ силу талисмановъ, ты спрашиваешь тогда, когда у меня есть столько вещей, присланныхъ тобою, твоихъ. О портретѣ и говорить нечего, но неужели я не писала тебѣ о *стаканѣ*, присланномъ съ гауптвахты, гдѣ вырѣзано тобою число, годъ и наши имена? Когда неможется мнѣ, стаканъ всегда подлѣ постели, не лекарство я наливаю въ

него, онъ самъ имѣетъ въ себѣ болѣе цѣлебной силы, нежели что-либо изъ аптеки, я наливаю въ него воды и, хочется или нѣтъ, пью понемногу съ величайшимъ удовольствіемъ и, кажется, легче мнѣ становится; мысль, что сколько разъ этотъ стаканъ былъ въ твоихъ рукахъ, сколько разъ до него касались твои губы, да и, Боже мой, какъ описать все, что тогда передумаешь, перечувствуешь! Довольно того, что, пивши изъ него, даже глядя на него, неоднократно я выздоравливала. А твои волосы, присланные изъ Крутицъ, —развѣ ты забылъ, что я писала о нихъ: теперь на мнѣ ихъ нѣтъ, я *принуждена* была разстаться съ ними послѣ исторіи съ Макаш., а, бывало, не могла покойно заснуть безъ нихъ, и никакой путь не казался безопаснымъ, если не было со мной моего талисмана,—теперь же я боюсь носить ихъ: увидятъ, отнимутъ; но часто, часто, ангелъ мой, беру ихъ. цѣлую... О, какое неизъяснимое наслажденье, какое успокоенье, отраду даютъ они мнѣ! Болитъ ли голова—кажется легче, когда приглажу ихъ, ноетъ-ли сердце —кажется, тайный голосъ говоритъ съ упрекомъ: «развѣ у тебя нѣтъ лекарства?» А портретъ... но, но можетъ *все это* скоро замѣнится взоромъ твоимъ!.. О, Александръ!

Зачѣмъ нельзя раскрыть грудь, голову, онѣ такъ тѣсны, такъ тѣсны, не дивлюсь самоубійству, но оно означаетъ ничтожность человѣка. Когда стало у меня силъ перенесть столько горя, станетъ ихъ перенесть и радость, иначе я-бъ была недостойна тебя. Но заранѣе вся трепещу отъ одной мысли: такъ бы страшилась, такъ бы радовалась явиться я передъ *Нимъ*. Господи, и развѣ можно, позволительно тутъ быть третьему? развѣ Ты кого сподобишь!

Вечеръ. Другъ мой, я слабое существо, самолюбивое,—ты вѣруешь въ мою любовь, ставишь ее рядомъ съ твоею, — и какъ восхитительна эта вѣра, это сравненіе! А что-бъ мнѣ до того! Любить тебя развѣ не есть обладать цѣлымъ небомъ, раемъ, развѣ, сверхъ этого, можетъ быть наслажденіе? Нѣтъ, имѣть въ душѣ это сокровище—имѣть Бога въ душѣ! И чему же тутъ радоваться, что ты вѣришь моей любви, ставишь ее наравнѣ съ своею,—быть самой въ этомъ увѣренной, вотъ главное. Но какое чувство наполняетъ нашу душу, когда мы надѣемся, что наша молитва и возношеніе приняты Богомъ? То самое, которое наполнило мою душу при чтеніи: «одно чувство только поставлю я рядомъ съ моей любовью—это твою любовь».

О, мой братъ!

Ночь. 1-ый часъ. М. С. пошла къ заутренѣ, я хотѣла похрабриться, встала для того, чтобъ писать тебѣ, но не могу, мой ангелъ, голова кружится, въ глазахъ темнѣетъ, итакъ, здравствуй и прощай, пріятной сонъ! Можно ли это, однакожъ, что я не могу тебѣ пожертвовать сномъ? Какъ досадно, но ты вѣрно простишь меня, душа моя, хоть дай обнятъ себя, поцѣловать, милый мой!

21 марта. Хлопоты, суета, волненье, крикъ: «вотъ счастье! вотъ счастье!» И, наконецъ, я удостоилась видѣть эту *счастливую* и *осчастливленную*. Сегодня были женихъ Дим. Пав. и его невѣста. Въ самомъ дѣлѣ они счастливы, это видно очень ясно; въ ихъ лицахъ, въ разговорѣ, во всемъ выражается такое большое счастье и такое обыкновенное... Пожелаемъ и мы имъ *долголѣтняго* счастья, а намъ пусть дадутъ на одну минуту! Съ тѣхъ поръ какъ возобновились надежды, я часто застаю Сашу въ слезахъ.—желаетъ ужасно твоего возвращенья для меня и ужасно боится его для себя, думая, что насъ ты разлучишь; что это за прекрасное существо, какія чувства,—мнѣ душевно было-бъ жаль покинуть ее одну среди людей, которыхъ кругъ ей назначенъ судьбой! Она погибнетъ, пропадетъ.

Меня тревожитъ молчанье Emilie,— немудрено, ежели она больна, и одна одинехонька... Во всей ея жизни не было дня, которой бы свѣтомъ своимъ порадовалъ меня: даже во времена N. S. все что-то было перемѣшано съ сомнѣніемъ, съ чѣмъ-то мрачнымъ, она не вѣрила вполнѣ, а отдалась вполнѣ! Какая разница въ нихъ съ Сашей Б.: обѣ онѣ близки, милы и дороги моему сердцу, но я всегда скажу, что Саша Б. открыла мнѣ душу ясную, святую, свѣтлую, какъ майскій день, и отдала мнѣ большую часть этой души и облила свѣтомъ все время съ первой встрѣчи, надѣюсь, что и впередъ въ дружбѣ ея я не найду ничего, кромѣ высочайшаго удовольствія; а Emilie... Съ перваго взгляда на ея душу сжалось мое сердце, потому, что душа ея истерзана была уже до встрѣчи со мною, первое чувство, которое она мнѣ ввѣрила, было чувство величайшаго страданья; она заставила меня плакать не сладкими, а горькими, самыми горькими слезами, и что такое вся жизнь ея, вся душа,—ни разу не вспоминала я объ ней безъ содраганья... Какъ давно я не видалась съ маминькой, съ января мѣс., а какъ бы хотѣлось, я бы поговорила съ ней, разспросила бы ее подробно, а безъ нея мнѣ некому сообщить.

Пошелъ снѣгъ и замерло сердце, я вспомнила твои слова: «и я раскуюсь съ природой,—снѣгъ—цѣпи природы», и я готова была плакать, зачѣмъ идетъ снѣгъ. Но только ангелъ мой, милый Александръ, мы не должны такъ вдаваться надеждами, надо готовиться и къ грозной вѣсти. Я увѣрена въ тебѣ, жизнь моя, увѣрена въ твоей твердости, вѣрѣ, преданности Промыслу, но знаю тяжело тебѣ будетъ, о, я знаю это! Такъ тогда-то, другъ мой, не забудь твою Наташу, ты знаешь,—твое страданье мое, но только удвоенное. Рано или поздно будемъ вмѣстѣ!

Вечеръ. До того мнѣ стало душно *тамъ съ ними*, до того несносно, что я сказала, что болитъ голова и ушла сюда, къ себѣ, и цѣлыхъ два часа сидѣла недвижно на своемъ диванѣ подлѣ любезнаго окошка. И сумерки настали, и огонь вездѣ засвѣтили, я сижу въ потьмахъ одна и ненужно мнѣ людей и ненужно мнѣ огня! Ты, ты, ангелъ мой, со мной и свѣтло въ душѣ, свѣтло и кругомъ. Долго смотрѣла я на эту улицу, по которой ты такъ часто ходилъ, ѣздилъ.... теперь грязна она, черна, что-то грустна, такъ сиротлива,—и я вспомянала ту ночь, о, ужасную ночь, которую провела я въ тоскѣ неизъяснимой, вообразивъ съ чего-то, что ты уже уѣхалъ: какъ каждый стукъ тогда увеличивалъ боль въ груди, будто ѣхали у меня по сердцу... И потомъ вдругъ отдавалась надеждѣ—по этой улицѣ, можетъ быть, онъ скоро проѣдетъ, придетъ ко мнѣ,—можетъ, я не одинъ разъ пойду по ней съ нимъ, можетъ, можетъ... О, другъ мой милый, почему же не можетъ быть? У Бога милости много...

Не могу видѣть дорожныхъ, тройку, не могу видѣть, а колокольчикъ, о, какъ задрожатъ всѣ жилы при его звукахъ. Дайте ему тройку, самыхъ лихихъ коней, дайте крылья ему иль мнѣ!.. Иль заставьте ползти меня на колѣняхъ.

Саша Б. благодаритъ тебя за вниманіе и кланяется. Твой поклонъ для нея кажется очень много; она убѣдительно просила меня, какъ можно меньше писать тебѣ о ней,—боится твоего разочарованья. Вотъ приготовляется мнѣ торжественная минута, это когда я покажу ей твой портретъ; мы условились,—она пріѣдетъ, то есть, всѣ силы употребитъ пріѣхать въ такой часъ, когда у насъ никого не будетъ, предлогомъ выйти въ другую комнату будутъ твои итальянскія картинки: и съ какимъ нетерпѣньемъ жду я этого время; съ какою гордостью, съ какимъ восторгомъ, съ какимъ благоговѣньемъ скажу я ей: «*вотъ Онъ!*» и знаю напередъ: безъ словъ, однимъ взоромъ она удовлетворитъ меня.

Предъ послѣднимъ письмомъ ты писалъ, что все содержаніе *всѣхъ* нашихъ писемъ—*люблю*. Да, какъ многимъ, да, я думаю, всѣмъ съ исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, переписка наша показалась бы скучной, томительною, одно и то же, одно и то же! А для насъ—повтори ты къ ряду милліонъ разъ—*люблю тебя* и я милліонъ разъ буду съ новымъ наслажденіемъ перечитывать эти слова, каждое изъ нихъ богатѣе, полнѣе прежняго, а прежнее не уменьшается, не темнѣетъ. И сколько разъ повторю я тебѣ: «Люблю тебя, мой Александръ!» и все хочется сказать опять, и все кажется еще ни разу не сказала такъ, какъ бы желала.—Однако прощай, другъ мой, говорятъ наши отъужинали, пора гасить огонь и закрыть глаза, будто сплю, чтобъ не взяли подозрѣнья. Прощай, милый, прощай, вотъ тебѣ поцѣлуй и благословенье на сонъ грядущій.

Вечеръ. 22-е. Жалуюсь тебѣ,—все это время я была капризна, несносна. Пусть *они* взяли бы у меня, что имъ нужно, пусть бы заставили дѣлать, что угодно, лишь бы оставили меня, не казались бы на глаза!.. Эгоизмъ—низко, не простительно... Впрочемъ, если-бъ я могла перемѣнить ихъ, обратить... а я знаю, что не могу сдѣлать этого ни пожертвованьемъ для нихъ всей жизни, ни пожертвованьемъ души! Но все неправа я, все недостатокъ самоотверженья.

23-е. Да, конечно, неправа я; неправы и *они*... но мирюсь съ ними и съ собой: все прощаю, приближеніе праздника, Благовѣщенія, наполняетъ душу благоговѣньемъ, ограждаетъ свѣтомъ,—и помрачить ли его дыму?—Великій день! Я говорю это какъ христіанка и Наташа. Праздную Благовѣщенье Твое, Святая Дѣва, праздную рожденіе твое, Александръ! Молюсь Тебѣ, Богоматерь, покланяюсь Тебѣ, Жизнедавче мой! Ты вняла молитвѣ ребенка сироты—«покрой мя покровомъ Твоимъ». Не покровъ ли Твой, не вся ли щедрота Его, не вся ли благодать Его, не вся ли любовь Его даны мнѣ *въ немъ!* Внемли же, Боже! Внемли, Пресвятая, благодарственную, безсловесную пѣснь!..

Благовѣщеніе,—рожденіе,—весь родъ христіанской празднуетъ этотъ день, я праздную вдвойнѣ.

Какое сходство—Благовѣщеніе и Девятое апрѣля! Архангелъ Гавріилъ и твой взоръ. Я восхищаюсь, что пойду къ заутренѣ, о если-бъ весь день могла я провести во храмѣ: люди, жизнь ихъ будутъ тяготить меня, среди нихъ праздникъ униженъ, помраченъ. Но когда уже необходимость быть въ ихъ средѣ, когда нѣтъ воли уйти на высокую гору и тамъ сливатся съ вѣчностью и Богомъ, когда нѣтъ этой горы,—я всему-бъ дала видъ торжества, засвѣтила-бъ лампады, зажгла-бъ всѣхъ взоры и сердца огнемъ Божественнымъ, заставила-бъ всѣхъ перенестись за осмнадцать вѣковъ, туда, въ тихое уединенье, и вмѣстѣ съ Пречистой воспѣть «величи душа моя Господа». Тогда-бъ,—тогда-бъ я не сомнѣвалась, что въ день Благовѣщенья будетъ праздуемъ день твоего рожденія—до скончанія вѣка! Но какъ же больно, какъ сильно поражаетъ душу и наводитъ уныніе мысль, что люди такъ ограничены! Прощай, неоцѣнимый другъ мой.

Вечеръ. Сегодня былъ папенька, большихъ надеждъ на твое возвращеніе, кажется, онъ не имѣетъ, однако говоритъ, если оно будетъ лѣтомъ, то намѣревается сдѣлать маленькое путешествіе съ тобой, не знаю, къ Троицѣ иль куда. Мнѣ непремѣнно кажется, что и я поѣду. «Есть у сердца вѣстникъ тайный».—Прелестный день, весна настоящая, и потому что-то полегче на сердцѣ, но, можетъ, опять выпадетъ снѣгъ!

24-е марта. Хотя подвергаясь опасности, другой день перечитываю твои письма, мой другъ!

Какъ незамѣтно, плавно перешла дружба въ любовь, вся жизнь моя была ночь, въ дѣтствѣ и далѣе блистали кое-гдѣ звѣздочки и гасли и прятались за тучу. Начало переписки—разсвѣтъ, заря моей жизни, ярче, ярче, алѣе, золотистѣе... солнце! И все потонуло въ океанѣ свѣта и огня. Александръ, любовь моя не родилась во мнѣ уже на землѣ, — нѣтъ, я была рождена съ нею, я принесла ее въ міръ съ собой, она существовала до рожденья моего. О, Александръ, Александръ!

Это письмо ты получишь на 6-й недѣлѣ поста, отвѣтъ будетъ ужъ на святой, а развѣ ты не будешь самъ на святой? Милый, милый мой другъ! Еще съ завтрашнимъ днемъ! Такъ много, такъ крѣпко тебя цѣлую.

Твоя, твоя *Наташа.*

Ежели-бъ мы продолжали споръ объ иконѣ и лампадѣ,—безъ сомнѣнья, я бы одержала побѣду, но — уступаю! Когда ты молишься о прекращеніи твоихъ страданій, какъ же я должна молиться? Себѣ чего просить мнѣ у Бога, все мое въ тебѣ, ты мое жилище, ты благо мое, ты все здѣшнее и будущее, земное и небесное и вѣчное, все, все!

20-е марта.

Наташа, другъ мой, ангелъ мой, вотъ уже три недѣли и нѣтъ письма, тяжело, больно,—я вяну, блекну, когда нѣтъ этой животворной росы, я дѣлаюсь хуже, падаю, теряю силу. Съ нынѣшней почтой я ждалъ навѣрное, получилъ нѣсколько писемъ, съ восторгомъ распечаталъ и ни строки отъ тебя. Маменька пишетъ: «на этотъ разъ отъ Наташи послать нечего, вѣроятно, будетъ къ слѣдующей почтѣ!» Наташа, я не въ упрекъ тебѣ говорю и я знаю, ежели бы ты могла, всякой день писала бы, нѣтъ, но, другъ мой, мнѣ тяжело быть безъ писемъ и потому я говорю объ этомъ. Надежда на свиданье еще продолжается, мечты о свиданьи безпрерывно занимаютъ душу, онѣ принимаютъ, такъ сказать, плоть и тѣло, когда-то осуществятся совсѣмъ. Что, ежели 9 апрѣля придетъ мое освобожденье, въ этотъ великій день моей жизни?

На дняхъ мое рожденье. Двадцать пять лѣтъ! Ничего не совершено, многое прожито, пережито и — странно, необыкновенно прожито: для большей части людей, встрѣчавшихся со мною, я былъ безполезенъ или вреденъ, но для тебя, для Ог. . . . Тутъ нечего и говорить; я съ гордостью признаюсь, что я для тебя былъ и буду все, — слѣдственно, тебя такъ же, какъ и меня, можно поздравлять съ этимъ днемъ и еще болѣе.

21-е марта. Никогда не бываетъ въ жизни человѣка полосы совершенно свѣтлой, безъ малѣйшей примѣси тѣни; казалось бы, можетъ ли быть безусловнѣе радости, какъ мой отъѣздъ отсюда, однако, я предвижу, что мнѣ очень грустно будетъ разстаться съ Витбергомъ, —я такъ свыкся съ нимъ, у насъ такъ много симпатіи и я знаю, что для него трудно и горько будетъ остаться одному, а здѣсь уже никого не останется, въ чью душу онъ могъ бы перелить свои высокія думы и чувства, даже жена его, при всѣхъ достоинствахъ, не можетъ вполнѣ обнять великаго человѣка. О, она не Наташа, которой я смѣло могу довѣрить и думу, и мечту. А трудно жить одному — какъ египетскому обелиску, исписанному іероглифами, среди степи, гдѣ не бываетъ нога человѣческая. Господи, исторгни его изъ этого бѣдственнаго положенія, вознагради за

все злое, что сдѣлали ему люди. Жаль будетъ мнѣ и Полину — но, кажется, судьба для нея мѣняется: одинъ человѣкъ, о которомъ я разъ тебѣ упоминалъ, Скворцовъ, страстно любитъ ее, человѣкъ прекрасный, благородный и образованный, лучшій изъ всѣхъ жителей Вятки; вѣроятно, онъ женится на ней. Жаль, что доселѣ я въ ней не видалъ любви къ нему, но грѣшно не любить человѣка, такъ сильно любящаго; съ нимъ она можетъ быть счастлива. Жаль Мед. — что ей предстоитъ? Бѣдность, беззащитность и глубокое проклятіе прошедшему и безнадежный взоръ на будущее, и все зло, которое я сдѣлалъ ей par dessu le merite. И моя вятская жизнь не безцвѣтна, и она оставляетъ воспоминанія, вотъ доказательство, что не внѣ души, а внутри ея заключается наша жизнь, какъ въ сѣмени цѣлое дерево, внѣшнее—только условіе развитія. Въ Вяткѣ я сдѣлалъ переходъ отъ юношества въ совершеннолѣтіе; странно, въ Москвѣ я еще не успѣлъ оглядѣться послѣ университета и узналъ людей безъ маски въ Вяткѣ; тутъ ихъ скорѣе можно узнать, ибо люди здѣсь ходятъ по домашнему, не давая себѣ труда скрываться. Но не ребенокъ ли я? Кто не подумалъ бы, читая эти строки, что онѣ писаны за день до отъѣзда, но вѣрнаго ничего нѣтъ, и легко можетъ быть, что еще черный длинный годъ перейдетъ черезъ мою голову здѣсь. Прощай, эта мысль облила меня холодомъ. Цѣлую тебя.

24-е марта. Тысячу разъ говорилъ я тебѣ, что счастье мое не имѣетъ предѣловъ. И послѣ этого скажутъ, что человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ. Господи, я болѣе ничего не требую отъ Тебя. Пусть продолжится ссылка, пусть люди гонятъ меня, я счастливъ, счастливъ. Письма отъ тебя замѣнили все черное свѣтомъ и вдругъ приносятъ еще письмо — и это письмо отъ Ог. Съ августа 1835—первое! Нѣтъ, Наташа, не могу ни высказать, ни даже чувства привесть въ порядокъ. Я плакалъ, читая его письмо, я поцѣловалъ эту бумагу, писанную его рукой; такого подарка я не ждалъ въ свое рожденье. Онъ еще болѣе сталъ, еще выше и такъ же пламенно любитъ меня. Надобно послать тебѣ списокъ съ его письма, удивляйся ему, на колѣни передъ нимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилось ужасное сомнѣнье, *кто она*, избранная имъ. Вотъ письмо отъ нея ко мнѣ. Нѣтъ, обыкновенная женщина не можетъ написать *такъ* къ незнакомому, она достойна его. Оцѣни его дружбу, вотъ первыя строки его письма. «Наши сношенія рѣдки, только два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались; какъ долго носилъ я эти письмы съ собой, какъ много слезъ пролилъ надъ ними, и, наконецъ, ихъ нѣтъ, слѣды ихъ въ памяти слабѣе, рѣже, и вотъ становишься ими недоволенъ, припоминаешь черты знакомаго лица, хочешь быть съ нимъ вмѣстѣ, хочешь обнять брата родного по душѣ и ловишь призракъ, призракъ исчезаетъ и на сердцѣ становится тяжело и черно!»

И какая увѣренность во мнѣ, — великъ, великъ человѣкъ, умѣющій такъ чувствовать. Ты будешь другомъ его Маріи, онъ самъ будетъ другомъ тебѣ. Волнуется душа, но это не буря, это игра океана, теперь я силенъ, теперь я высокъ. Радостно встрѣчу 25 марта съ твоимъ письмомъ въ одной рукѣ, съ его письмомъ въ другой. Я богатъ, ужасно богатъ. Кто дерзнетъ теперь со мною состязаться,—одна ты и одинъ онъ.

Отвѣчать на твои письма теперь не стану, потому что не могу—и слишкомъ много хочется передать, и терпѣнья нѣтъ говорить. По слѣдующей почтѣ напишу отвѣты. Теперь оставь меня въ упоеньѣ любви и дружбы, теперь поцѣлуй меня, я теперь хорошъ, я чувствую это; но это «теперь» не всегда, опять запылюсь, опять сдѣлаюсь будничнымъ человѣкомъ.

Зачѣмъ же тебѣ пришла въ голову такая нелѣпая мысль, когда ты читала «*Живописецъ*»?. Ты — Вѣринька, ха, ха, ха, это изъ рукъ вонъ. Ты, передъ душой которой я повергался въ прахъ, молился, ты сравниваешь себя съ обыкновенной дѣвочкой. Нѣтъ, тотъ, кто избралъ такъ друга, тотъ не ошибся и въ выборѣ *ея*. Какъ будто я васъ самъ избралъ! Не Господь ли привелъ васъ ко мнѣ и меня къ вамъ? Прощай. Свѣтло на душѣ!

Этимъ словомъ я рѣдко оканчиваю письма.

Твой *Александръ*.

Ежели будетъ досугъ и терпѣнье по той почтѣ пришлю списокъ съ письма Ог.

Ты скрывала отъ Ег. Ив. твою любовь ко мнѣ. А зачѣмъ? —Я скрылъ отъ Мед., но тутъ есть причина. Онъ пишетъ объ этомъ мнѣ.

Москва, марта 25, утро 5 часовъ.

Ангелъ мой! Можетъ быть, ты еще не проснулся, — я съ двухъ часовъ съ тобою; небо, усѣянное звѣздами, первое поздравило меня съ новорожденнымъ! О, какъ оно полно было и милости, и благодати, и торжества, и любви! Казалось, воздухъ согрѣтъ былъ твоимъ дыханьемъ, казалось, все утихло, съ умиленьемъ внимая пѣснямъ силы небесной, и я молчала, — но голосъ души не умолкалъ, онъ вмѣстѣ съ ангелами пѣлъ поздравленья ей и тебѣ. И я не сомнѣваюсь, что ты или въ сонномъ видѣньѣ летѣлъ въ мои объятья, или проснулся отъ душевнаго отзыва на мой голосъ. Дивное время, —вся земля одѣлась бѣлою одеждой, все небо ясно, — сама природа празднуетъ праздникъ Царицы Небесной и царя души моей! Какъ бы тихо, тихо стала я на колѣни у изголовья твоего, поцѣловала-бъ тебя,—нѣтъ, нѣтъ, страшно разбудить. Я-бъ только смотрѣла на тебя, слушала-бъ твое дыханье, удерживала-бъ свое, до тѣхъ поръ, пока ты открылъ бы мнѣ твои глаза, и первая, первая-бъ я принесла тебѣ поздравленье души, уже очищенной молитвою и исполненной любви, и уже тогда-бъ тебя поцѣловала, обняла... Но все это еще тамъ, тамъ, далеко впереди, за той завѣсой, которую души наши не могутъ проникнуть, которую подниметъ одинъ Онъ. Я счастлива надеждой!..

А пока, въ утѣшенье — —вотъ изображенье твоего лица, вотъ изображенье души твоей, портретъ и письма.

10-й часъ, вечеръ. Теперь вѣрно у тебя вся семья наша, праздникъ праздникамъ! А я... что-жъ, и я была и есть съ тобою... Крѣпки, толсты стѣны, тяжелы оковы, но не душа въ этихъ стѣнахъ, не душа въ оковахъ!

Прощай же, мой Александръ, не могу болѣе писать, а такъ много волнуется въ душѣ и рвется къ тебѣ,—и этого лишена... но не лишена того, чтобъ быть съ тобой душою, ангелъ мой, чтобъ слышать и видѣть тебя сквозь громъ и тучи!

26-е, вечеръ. Хочу, хочу говорить тебѣ... но что жъ скажу? Люблю тебя! люблю тебя! нѣтъ ничего болѣе этого. И не для этихъ ли только двухъ словъ даны мнѣ глаза, голосъ, жизнь, душа. Александръ, Александръ! Въ одной точкѣ— тебѣ заключается болѣе, нежели въ цѣлой бы книгѣ къ кому другому. Часто грустно, смерть, что нельзя писать, жду, ищу минуту, хоть одну минуту, и наступаетъ даже цѣлый часъ! Съ восторгомъ беру перо—теперь-то!.. но ужъ урочный часъ почти проходитъ, а передо мною листъ пустой и чернила высохли на перѣ: но мнѣ легче, я наговорилась, я высказала все тебѣ, что хотѣла, все... и

неужели оно исчезло, не донеслось до тебя.—быть не можетъ, не можетъ! Когда на все я чувствовала отзывъ, обмѣнъ...

Все это время меня занимаетъ безпрерывно сходство Благовѣщанія съ девятымъ апрѣля; когда каюта твоя въ Крутицахъ будетъ обращена въ часовню, на той стѣнѣ, подлѣ которой была твоя постель, чтобъ было изображено Благовѣщенье.

Огаревъ! гдѣ ты? что? какъ?.. часто объ немъ думаю... О, Провидѣнье! вчера мнѣ говорили о немъ, но что-жъ изъ этого, все равно, если-бъ и не говорили, всякій видитъ и опредѣляетъ по-своему. Ты не пишешь,— а тяжела тебѣ съ нимъ разлука, могу-ль я его замѣнить? Море моремъ не поглощается.

Другъ, конецъ марта, апрѣль скоро, май, лѣто... Природа сброситъ цѣпи, сброситъ саванъ, заживетъ двойной жизнью.—спадутъ ли цѣпи съ нашей души, скинетъ ли она трауръ?.. Прощай, засни покойно и пріятно!

Отъ Emilie получила давича изъ Смоленска и успокоилась о ней нѣсколько. Тебя цѣлуетъ. Прощай же, милый.

28-е, утро. Всѣ у обѣдни, одна я дома. Глядя на твои письма, на портретъ, даже на башмаки, которые я храню, какъ драгоцѣнность, потому что они присланы тобою и съ надписью твоей руки «Наташѣ», думая о моихъ письмахъ, о браслетѣ, — мнѣ захотѣлось перешагнуть впередъ лѣтъ за сто и посмотрѣть, какая будетъ ихъ участь на землѣ? Вещи, которыя были для насъ святыней, которыя лечили наше тѣло и душу, которыя были для насъ одушевленными, съ которыми мы бесѣдовали и которыя замѣняли намъ нѣсколько другъ друга въ разлукѣ, — что будутъ онѣ послѣ насъ, послѣ вѣка и далѣе?.. Останется ли въ нихъ сила ихъ, ихъ душа? разбудятъ ли, согрѣютъ ли онѣ чье сердце? разскажутъ ли дивную повѣсть нашу, наше страданіе, блаженство, любовь?.. будетъ ли въ награду мнѣ хоть одна слеза восторга отъ потомства? еще найдутся ли такіе, которые бы ихъ вопросили?.. Теперь я не знаю никого, кто бы вполнѣ постигалъ нашу любовь и могъ бы другому дать о ней понятіе, какъ же надѣяться, чтобъ тогда... О, власть!.. Тогда бы *тамъ, гдѣ мы преобразились*, соорудить храмъ и сокровищницу, положить прахъ нашъ на томъ мѣстѣ, гдѣ мы впервые приняли благовѣстіе другъ отъ друга; и всѣ эти орудія, которыми мы оборонялись отъ людей, отъ земли, отъ ударовъ рока, отъ самихъ себя,—всѣ перенести въ другую храмину, подлѣ первой, и завѣщать, чтобъ юность приходила туда исповѣдывать истинную любовь. Но какъ все это несбыточно, какъ далеко отъ того, что есть и будетъ!

Письма, пересоздавшія меня, превратившія тьму въ свѣтъ, стонъ въ голосъ, страданье въ рай, смерть въ жизнь, портретъ чудотворный, — все испытаетъ участь обыкновенную, участь, которую испытываетъ на землѣ все истинно прекрасное, высокое и святое. Какъ больно это! какъ больно!.. Но, Александръ, какъ смѣть удѣлять столько горести нашимъ письмамъ, нашимъ талисманамъ, когда душа человѣка еще такъ темна предъ самымъ гвоздемъ Господа, предъ гробомъ Его, предъ крестомъ?..

Прощай! надо написать къ завтрему Emilie.

Вечеръ. Давича была Саша Б. и что-то грустна, грустно стало и мнѣ, — пора ужъ и письмамъ быть. 11-й день не получаю. — Другъ мой милый, о мой Александръ! Ты знаешь, какъ я тебя люблю?..

29-е. Зачѣмъ рождаются мечты, которыя не могутъ сбыться, онѣ только терзаютъ, наводятъ уныніе. Какъ грустно мнѣ становится, когда воображу, что

портретъ твой. наконецъ, будетъ висѣть безвѣстнымъ въ чьемъ-нибудь кабинетѣ. иль даже, можетъ, какой-нибудь ребенокъ. играя имъ, резобьетъ стекло и сотретъ твои черты... Александръ. неужели это малодушіе? Нѣтъ, мой ангелъ, не будь такъ строгъ, вѣдь ты знаешь, что для любви нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго,—вѣчность ей, итакъ, зачѣмъ же портретъ твой не можетъ быть въ 2837 году тѣмъ, чѣмъ былъ въ 1837?..

Все ничтожно! все. чему начало и конецъ — земля. Одна любовь безсмертна, да и что же предъ ней все остальное? Пусть гибнетъ. исчезнетъ все, душа моя не содрогнется. она не боится тлѣнія. не боится смерти, она ждетъ съ восторгомъ, то время, когда перенесетъ любовь свою туда, гдѣ одинъ свѣтъ, одно величіе, одинъ Богъ! А тебѣ, земля, въ послѣдній часъ я протяну руку и однимъ пожатіемъ выражу мою благодарность и за пріютъ. и за гостепріимство.

30-е. Тихо, медленно двигается время, а вотъ ужъ меньше трехъ недѣль до Свѣтлаго Воскресенія.., а все то же. ни малѣйшаго знака приближенія *нашего воскресенія.*

Keine Luft von keiner Seite!
Todesstille fürchterlich!..

Четвергъ, четвергъ, скорѣе приходи! а сегодня еще вторникъ!.. Какъ равнять мнѣ всѣ дни, какъ не ждать мнѣ четверга? Можетъ, тогда воскресну я душой, можетъ, новый запасъ надеждъ онъ принесетъ. можетъ... ахъ, можетъ. тогда смѣлѣе я скажу:

Es säuseln die Winde,
Es nährt sich der Schiffer.
Geschwinde! Geschwinde!
Es teilt sich die Welle,
Es näht sich die Ferne;
Schon seh'ich das Land! (Goethe).

О, дуй же вѣтеръ! разсѣкайтесь волны! Несите милаго ко мнѣ!

1-е апрѣля. О, если-бъ вырваться изъ этой толпы! О, если-бъ перелетѣть это пространство, и обнять его, и пасть къ ногамъ его!.. Николай! Братъ мой, почему я не могу поцѣловать руки твоей, которая принесла столько счастія ему? Почему не могу обнять колѣнъ твоихъ, зачѣмъ эти слезы не льются на твою грудь?.. О, Александръ! о, мой ангелъ Александръ, что принесло сегодня мнѣ письмо твое! О, ты знаешь, знаешь безъ словъ; взгляни на небо,—тамъ вѣрнѣе изображена душа твоей Наташи; что на землѣ выразитъ ея состояніе? Не къ тебѣ, нѣтъ, для тебя довольно. къ Нему, къ Нему! излить всю благодарность, все небо, весь рай души. Свѣтло. свѣтло. мой ангелъ, на душѣ, вся душа свѣтъ!

И *она* достойна *его!* Тяжелыя цѣпи спали съ души, *онъ счастливъ,* но довольно, довольно, не могу болѣе!

Черезъ нѣсколько часовъ. И кто же для меня на свѣтѣ первый по тебѣ. какъ не онъ? Онъ, столько тебѣ близкой, родной, кто меня пойметъ болѣе? оцѣнитъ любовь къ тебѣ?...— «*Онъ* и *ты,* понимаешь ли раздвоеніе *самого меня?*» Я половина тебя, онъ другая, онъ и я — ты! Какъ же близки мы, какъ нераздѣльны? Троица!..

Ночь. Какъ всѣ мы. родные. разсѣяны по землѣ; когда же соберемся въ одну семью? и ты, Ог.! и ты, Витбергъ! и всѣ вы!.. иль. окончивъ странствованія, соединимся уже тамъ на родинѣ, у Отца? Кто въ темницѣ, кто въ цѣпяхъ, кто утомленъ на пути страданья, кто распятъ на крестѣ? Отче нашъ! Мы дѣти твои, да будетъ съ нами воля Твоя!

Трудовъ, трудовъ, ранъ, страданья, муки и дверь *туда!..* Вотъ Престолъ Его, вотъ Онъ,—вотъ вѣнецъ — родные! — Вознесите крестъ Его, пойдемте за Нимъ; по пути Его, онъ сядетъ одесную!

Александръ! Николай! и вы, сестры и братья!

2-е апрѣля. Почти всю ночь не спала,—сердце бьется, волнуется грудь, хочется на небо, тамъ пересказать, тамъ подѣлиться съ ангелами. Безпрерывно я о немъ думаю и эти думы были мрачны, перемѣшаны съ сомнѣньемъ (и простительно-ли оно *намъ* въ *его* выборѣ?), искала случая говорить о немъ, хоть слышать,—а это слышанное, вмѣсто того, чтобы приносить облегченіе, терзало мою душу, увеличивало мракъ и страданье, потому что, что ни говорили мнѣ о немъ, или было двусмысленно, или обѣщало болѣе дурное, нежели хорошее, и — о, Боже! какъ это меня огорчало, — не одинъ разъ я принуждена была выйти во время разговора, чтобъ скрыть слезы. Часто и долго смотрѣла я на письмо ея, будто въ этихъ обыкновенныхъ, всемірныхъ словахъ можно угадать что-нибудь, найти малѣйшій лучъ души, его молчанье, неизвѣстность о немъ, я воображала, какъ тебѣ это тяжело, и свинцомъ давило грудь и желѣзо проходило сквозь сердце, тупое, ржавое. Теперь все это исчезло,—жду письма его, ежели еще ты не списалъ, прошу тебя, Александръ, непремѣнно, непремѣнно пришли.

3-е. «Двадцать пять лѣтъ прожито и ничего не совершено», говоришь ты, Александръ. Какъ, неужели это сознаніе истинное? Двадцать пять лѣтъ—много: я увѣрена, что ни одинъ и изъ обыкновенныхъ людей не терялъ столько втуне, а какъ же сказать это тебѣ? Ты не совершилъ громкаго, славнаго передъ людьми, но сколько, можетъ, совершилъ великихъ подвиговъ передъ Богомъ! Сколько посѣяно должно быть въ эти годы и какихъ плодовъ должно ждать въ будущіе! Какъ еще молодъ ты, Александръ; какое поле предъ тобою! Можетъ, оно въ иныхъ мѣстахъ будетъ сухо, черство, закостенѣло,—сколько запасти силъ надо, труда будетъ много, много, можетъ въ кровь превратится потъ; и какъ непостижима счастлива та, которая будетъ приносить отдохновеніе этимъ трудамъ! Ангелъ мой, какъ я постигаю чувства Дѣвы Маріи при благовѣстіи Архангела! Это смиреніе, этотъ ужасъ, это блаженство. Да, какъ могло бы быть!.. но я раба Господня!..

Широкое поле! Какъ залубенѣло ты, какою дичью поросло! и какъ уныло ты, какъ мрачно, сиротливо... И стада птицъ не вьются надъ тобою, на тебѣ нѣтъ для нихъ ни зернышка, и звонкихъ пѣсенъ ихъ не слыхать, онѣ летятъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ ждетъ ихъ смерть голодная, и слѣда людского не видно на тебѣ, люди боятся трудовъ, которыми ты грозишься имъ (боятся, быть можетъ, и плодовъ!), но, не тоскуй ты, поле широкое, не грусти,— не долга твоя кручина, сиротство твое и безжизненность: соха *его* вспашетъ, разобьетъ твою окаменѣвшую землю, и камень разсыпется въ рукахъ его, и посѣянное имъ окропитъ Господь дождемъ, и изъ далекихъ странъ придутъ за хлѣбомъ. Александръ! не ищи славы земной, ищи службы Богу, и я обмою ноги твои слезами и оботру волосами головы моей. Ты видишь это поле, ты знаешь его болѣе меня, болѣзнуешь болѣе, — тебѣ, тебѣ предназначено превратить камень смерти въ хлѣбъ жизни и напитать тысячи;.. изломится желѣзо сохи, — останутся руки, утомишься, изнеможешь, — тебя ждетъ твоя Наташа, приди къ ней и найдешь покой и отдохновеніе и почерпнешь новыхъ силъ и довершишь начатое!

Александръ, можетъ, другой цѣлою жизнью не пріобрѣлъ ничего, можетъ, достигъ славы, увѣнчанъ былъ лаврами... и сошелъ одинокій въ могилу, и ни одна слеза, истинно горячая, не канула на запылившійся вѣнокъ, и вся жизнь без-

цвѣтно протекла въ одиночествѣ: а ты, тебѣ только 25 лѣтъ и уже извѣданы море дружбы и любви! уже найдено сердце, душа, которыя полны однимъ тобою, живутъ однимъ тобою, для одного тебя! Вотъ тебѣ залогъ будущаго!

Каждый часъ, каждая минута твоей жизни должны быть полны и велики; на пять талантовъ пріобрѣтены другіе пять, и иначе я думать не могу.—Тебѣ 25 лѣтъ, а уже ты другъ, спаситель, ангелъ, жизнодавецъ.

5-е. Да! и послѣ этого люди скажутъ, что нѣтъ на землѣ счастья совершеннаго! Но, вѣдь, это люди... Не довольно ли для человѣка—въ какомъ бы онъ положеніи ни былъ, сколько-бъ его ни угнетали обстоятельства—не довольно ли для облегченія всѣхъ страданій вспомнить, что онъ созданъ для славы Его, что онъ *можетъ* прославить Его! А когда сверхъ этого счастья, которое можетъ пріобрѣсть каждый, кто захочетъ сбросить съ себя иго нерадѣнія,—Господь посылаетъ непостижимое блаженство! Ты, Александръ... о, мой ангелъ! Какъ часто, какъ часто, занявшись чѣмъ-нибудь обыкновеннымъ, иногда даже нужнымъ, вдругъ я бросаю все, какая-то невидимая сила несетъ меня въ мой уголокъ, я не чувствую тогда ногъ и въ восторгѣ, въ слезахъ бросаюсь на землю, я ничего не говорю, и что бы сказать мнѣ? Но кажется небо отверзто, *Онъ* слышитъ и видитъ душу мою, Онъ озаряетъ божественнымъ свѣтомъ, даетъ силъ выносить эту жизнь, даетъ надежды, и ты, ты являешься мнѣ въ открытомъ небѣ... Господи! Пусть этотъ часъ будетъ послѣднимъ въ моей жизни, ежели я *его* недостойна! Ежели я достойна быть рабой его,—оставь меня на землѣ, продли жизнь, насколько она будетъ нужна ему! Другъ мой, жить для тебя, не значитъ ли жить для Него?.. О, Александръ! Александръ!

Что за ночь! Вспоминаешь ли ты меня въ эти часы, при сіяніи луны, подъ небомъ, осыпанномъ звѣдами? Можно ли равнодушно смотрѣть на эту природу красавицу, а ты не раздѣленъ у меня со всѣми красотами. Не твоя ли душа это синее небо, какъ полно оно щедроты и гнѣва, какъ полно тайны для смертныхъ!.. Тягостны, невыносимы цѣпи, которыя не даютъ летѣть туда, въ это небо, ясное и грозное, въ этотъ яхонтъ!..

Ангелъ мой, вѣдь, сны ничего не значатъ, особенно на яву, но это моя слабость,—я люблю сны, я вѣрю, что ихъ Богъ посылаетъ для того, чтобы поддержать человѣка, подкрѣпить силы, утѣшить. Вижу! ты пріѣхалъ и никого лишняго при свиданіи; входитъ папенька съ письмами въ рукахъ, плачетъ и обнимаетъ насъ... Ни слуху, ни духу земли, и ты, человѣкъ, ежели сольешься съ этой лазурью, ежели будешь свѣтить свѣтомъ звѣзды, ежели не будетъ на тебѣ ни пылинки,—тогда ты будешь доступенъ насъ, а теперь далѣе, далѣе и отъ изголовья, на которое слетѣла небесная греза! Ахъ, зачѣмъ онѣ ходятъ мимо меня, зачѣмъ смотрятъ на меня,—всегда у меня навертывались слезы, когда крестьянка, взятая изъ деревни вверхъ, говорила: «кабы крылья да пушокъ, улетѣла-бъ какъ душокъ!» улетѣла-бъ, улетѣла-бъ и я изъ этого *верха*, вонъ туда, гдѣ такъ горитъ звѣздочка!.. Не дѣтство мечты, мой Александръ, пожалуй, какъ хочешь назови ихъ, только дай помечтать, полетать надъ тобою, подсмотрѣть взоръ, подслушать то, что еще не выходило изъ устъ, дай, дай, посмотрѣть вотъ такъ прямо въ очи...

Устала! грустно, пріѣзжай! ничто не радуетъ, не веселитъ, устала, Александръ,—дай отдохнуть, пора, пора!

6-е. Вчера меня насмѣшила княгиня. Я была въ другой комнатѣ, а она проситъ Льва Алек. сыскать *какого-нибудь добренькаго секретаря, богатень-*

каго мнѣ въ женихи! Видно я имъ надоѣла, а, можетъ быть, изъ доброжеланья пристроить при себѣ!

Я не постигала, почему Е. И. всегда упрекалъ меня въ томъ, что я скрывала отъ него мою любовь къ тебѣ, и еще болѣе не постигаю, зачѣмъ пишетъ объ этомъ къ тебѣ,—никогда, ни отъ кого въ свѣтѣ не скрывала, не скрываю и не намѣрена скрывать ничего, ибо я чувствую (можетъ, и ошибаюсь), что въ душѣ у меня нѣтъ такого, что-бъ боялось свѣта, тѣмъ болѣе любовь и любовь къ кому же? и какая?.. Ну, есть-ли тутъ возможность думать, что я ее скрывала *тому, кто понимаетъ* и меня, и ее, и тебя! Святотатство! А то, что я сама не начинала ему говорить о ней, то, что я молчала, когда онъ съ ироніей дѣлалъ мнѣ намеки о тебѣ, если можно назвать *скрывала*, тогда и я скажу—скрывала! Только недолго, ибо я ему, наконецъ, написала и, кажется, еще и маменька не знала. Ежели я не ошибаюсь, то, кажется, вся причина этому та, что не онъ *первый* узналъ, какъ и самъ онъ говорилъ мнѣ это, упрекая, что ужъ *даже* и Emilie знала, а онъ—нѣтъ, и еще называетъ это такъ, какъ я бы *никому* не позволила себѣ сказать,—что *я водила его за носъ!* Всего описывать много, скажу только, Александръ, тебѣ, что я во всю жизнь не претерпѣла ни отъ кого столько, какъ отъ него,—это былъ первый страшный, вѣроятно, и послѣдній обманъ въ человѣкѣ. Благодарна за все, что онъ дѣлалъ для меня, желала-бъ заслужить ему, если-бъ ему это было нужно, а равнодушно видѣть его не могу, это *крестъ*, посланный мнѣ Богомъ, и онъ, вѣрь мнѣ, какъ ни тяжелъ,—я несу его невинно. Ежели бъ чувствовала хоть тѣнь угрызенья,—я-бъ уничтожилась. Жаль мнѣ Егора Ив., всей душой жаль, но что же могла я для него, что могу? Одно—молитва! Можно ли было чистосердечнѣе предаваться чувству искренней привязанности и благодарности, и что же вышло!.. Онъ былъ самымъ мрачнымъ облакомъ моей жизни, кѣмъ-то будетъ?

Вотъ скоро и девятое апрѣля! Приближеніе этого дня имѣетъ дивное вліяніе, становишься святѣе, изящнѣе. Праздникамъ праздникъ! Преображеніе. Два года, два года не вижу тебя, не слышу, и два года вижу и слышу тебя болѣе, нежели когда-нибудь!..

Тогда было на третій день Свѣтлаго Воскресенья, а нынѣ еще до страстной недѣли, какъ все это ярко на душѣ! Да можетъ ли когда потускнѣть то, что начертала любовь, Богъ! Ты пишешь, можетъ, въ этотъ день придетъ вѣсть освобожденья; не имется вѣры! страшно, невѣроятно и то, что «еще черный годъ пройдетъ». О, Ты! Вѣдующій все, услыши меня! Да, и я часто думаю, какъ больно будетъ Витбергу, Полинѣ, да и всей Вяткѣ разставаться съ тобою, особенно Витбергу; можетъ, и его страданье прекратится, мы вмѣстѣ будемъ молиться о немъ.

Прощай! пошлю къ маменькѣ, можетъ, завтра она будетъ къ тебѣ писать. Не отъ меня ты такъ долго не получалъ моихъ писемъ, но мнѣ равно грустно и это.

Твоя *Наташа*.

Полинѣ желаю..—..—..—.

25-е марта.

Тебѣ, тебѣ, ангелъ мой, посвящаю я этотъ день; онъ великъ для тебя такъ же, какъ мнѣ 22 октября. Другъ мой, сестра, тобою узналъ я, что и здѣсь доля блаженства райскаго,—нельзя оцѣнить того, что ты сдѣлала мнѣ; но чему же дивиться,—чистый ангелъ, ангелъ Божій и могъ только воскресить Абадонну. о!

и во мнѣ было прежде все непомеркнуто, чисто, какъ въ твоей душѣ, иначе ты не любила бы твоего Александра, онъ не былъ бы твоимъ.—ты возвратила мнѣ небо, великъ твой подвигъ, но велика и любовь моя, ей нѣтъ предѣловъ, это не любовь та, *которая проходитъ*. Умри—и твой Александръ явится туда къ тебѣ съ той же любовью, онъ не можетъ еще разъ любить, судьба рѣшена; но зачѣмъ эти пятна на моей душѣ, которыя я такъ хотѣлъ бы соскоблить и которыя, какъ кровь, опять выступаютъ. Какъ хотѣлъ бы я юношей чистымъ заключить тебя въ мои объятья, но прошедшее «вѣчно нѣмо»,—оно прошло и поправки сдѣлать невозможно Вотъ я вижу тебя, ты думаешь обо мнѣ, нѣтъ не думаешь, думать это что-то холодное, думать можно и объ Макашиной, нѣтъ ты, ты... я, ты тутъ со мной, о, дай же я прижму тебя къ груди, эта грудь много волновалась, много страдала, но въ ней все поглощено тобою. Прощай, идутъ.

29-го марта. Ты права, положеніе наше въ Москвѣ будетъ ужасно, и именно ужасно своей мелочностью: грандіозное, высокое исчезаетъ въ несчастіяхъ, и останутся непріятности гадкія, подлыя. О, вы—и вы смѣете иногда называть себя родными.

Конечно, преодолѣвъ такія огромныя несчастія, мы побѣдимъ ихъ, но хуже всего, это—самая ничтожность всѣхъ гадостей, которыя будутъ дѣлать противъ насъ. Это похоже на зубную боль: болѣзнь вовсе не опасна, а дѣлаетъ мученій болѣе иной смертельной болѣзни. И надобно до времени *имъ* покориться, я первый склоню голову; не смѣшно ли: я, выдержавшій натискъ столькихъ непріязненныхъ силъ твердо, смѣло, долженъ смиренно вынесть капризъ Макашиной. Но есть Богъ! Впрочемъ, мы и такъ можемъ переписываться, хотя я далеко не ставлю рядомъ живую рѣчь съ мертвымъ письмомъ. О нѣмецкомъ языкѣ не заботься, была бы охота и лишь бы я былъ въ Москвѣ.

Ты совершенно права насчетъ службы, но, вѣдь, и одной литературной дѣятельности мало, въ ней недостаетъ *плоти*, реальности, практическаго дѣйствія, ибо, право же, человѣкъ не созданъ быть писателемъ, письмо есть уже отчаянное средство сообщить свою мысль. Какъ же быть,—объ этомъ поговоримъ послѣ, кое-что я придумалъ, но все это хаосъ, сбродъ проектовъ, мнѣ нуженъ О., его глубокій взоръ, его высокая душа пусть рѣшитъ: покамѣстъ онъ за путешествіе тѣломъ и душой. A propos, списка съ его письма не пошлю, прочтемъ его вмѣстѣ, я отвѣчаю по этой почтѣ, я ей писалъ о тебѣ. Что? Сама догадаешься.

Зачѣмъ ты противъ свадьбы Emilie, ежели она полагаетъ, что *любовь проходитъ;* впрочемъ, и я увѣренъ, что любовь безъ уваженія можетъ *пройти*. А какое уваженіе могла она имѣть къ S., который къ прекрасному лицу въ прибавокъ имѣлъ душу хорошую, но безъ всякаго характера. Она гораздо выше его. Сверхъ того, стало, не было тутъ перста Божія, ежели и онъ нашелъ средство, чтобъ *любовь прошла*... [Вырѣзана верхняя половина второго полулиста].

31-го марта. Ангелъ мой, прости, что мало пишу, опоздалъ. Цѣлую тебя, милый другъ, моя Наташа. Вспомни, что сегодня 2 года, какъ читали намъ сентенціи. Еще, еще цѣлую.

3-го апрѣля, Вятка.

Мартъ прошелъ въ безпрерывныхъ ожиданіяхъ. Ежели что будетъ, то непремѣнно до половины мая: итакъ,—опять ожиданіе, волненія, надежды, трепетъ радости и трепетъ страха. Хуже всего, что я теперь не могу ровно ничѣмъ заниматься. Возьму книгу,—и мысль свиданія, вѣчная мысль о тебѣ, останавли-

вастъ, и я бросаю книгу, и все такъ любимое мною въ занятіяхъ кажется теперь сухо, холодно, мертво передъ мыслью любви; но это пройдетъ, я дѣятеленъ по характеру, и какъ будто самая любовь похожа на dolce farniente итальянцевъ, которые любятъ ни о чемъ не думать. Нѣтъ, она сообщаетъ всему бытію какой-то взглядъ особый, изящный, она развиваетъ даже въ чертахъ лица поэзію и блаженство. Наташа, есть люди, которые никогда не любили; это дурные люди или дураки, которымъ глупость загородила душу отъ всѣхъ чувствъ, или холодные эгоисты, которые собою загородили отъ себя весь міръ. Говорятъ, что были люди, которые съ открытыми объятіями, съ теплой душой вступили въ міръ и не нашли привѣта. Я не совсѣмъ вѣрю этому; конечно, толпа можетъ хохотомъ принять живое чувство, но будто не найдется *одна душа* симпатическая, а развѣ не довольно одной души,—твоей души мнѣ, моей души тебѣ? Можетъ, были въ самомъ дѣлѣ, какъ исключеніе, такіе несчастливцы, но не такъ, какъ говорятъ нынѣшніе поэты. Тассо былъ очень несчастенъ, любивши принцессу Элеонору, но онъ былъ наружно несчастенъ: Элеонора любила его, и онъ собственно былъ несчастенъ оттого, что, сынъ страны полуденной, не могъ подняться до любви безтѣлесной, идеальной, которая была у одного Данте, и то потому, что Беатриче умерла, когда Данте былъ въ первой юности. Кстати, между тысячами дурачествъ, которыя всѣ повторяютъ, находится общее правило всѣхъ романовъ: «путешествія успиваютъ любовь». Что за жалкій народъ, говорящій подобныя сентенціи. Какъ будто стройное, гармоническое чувство, спокойно, величественно развивающееся, ниже, слабѣе бѣшенаго, сломаннаго чувства, въ которомъ звукъ отчаянія пересѣкаетъ звукъ блаженства. Какъ будто океанъ въ тихую минуту менѣе изященъ, нежели потокъ, сердящійся на колесо мельницы. А можетъ, эти препятствія и нужны для душъ безъ энергіи, чтобъ ихъ расшевелить. Плохіе поэты пьютъ водку для того, чтобы придти въ восторгъ. Но геній, Гёте, Шекспиръ—не унизитъ себя до насильственнаго средства, да оно ему и ненужно такъ, какъ ненужно костыля здоровому. Толпа имѣетъ свои афоризмы, свой катехизисъ, гдѣ все по ихъ мѣркѣ, все пригнано къ ихъ уродству, къ кривымъ глазамъ, къ горбамъ на ихъ душахъ. И они вѣрятъ въ свои правила твердо, незыблемо, и этихъ правилъ тьма у нихъ на всѣ случаи. Слыхала ли ты отъ нихъ, что послѣ брака любовь простываетъ, это pendant къ предыдущему, и опять въ своемъ отношеніи они правы: ежели въ *женѣ* видѣть одну физическую *женщину*, ежели любовь основывается на одномъ хорошенькомъ лицѣ,—то правило вѣрно. А развѣ у нихъ бываетъ другая любовь? Но что тутъ и толковать, дай Богъ, чтобъ толпа поправила свою уродливую душу; это и будетъ, но когда?.. —«Что вы находите такъ много и часто писать въ Москву, это страсть марать бумагу», сказалъ Витбергъ. Я улыбнулся и не сказалъ ни слова,—онъ не знаетъ о моей любви, онъ не знаетъ тебя, прощаю ему. Впрочемъ, ежели-бъ и зналъ, онъ всего не оцѣнилъ бы: ему 50 лѣтъ и его жена—хорошая, добрая, очень неглупая женщина, такъ, какъ бываютъ женщины хорошія, добрыя и очень неглупыя. Ее можно любить, цѣловать, холить,—но дѣлить съ ней душу, всякую мысль нельзя, она не подымется на твою высоту, я былъ бы несчастливъ съ такой женой. Онъ счастливъ, погруженный весь въ одну мысль своего дивнаго труда и своихъ несчастій, онъ, такъ сказать, однѣ минуты отдыха дѣлить съ нею. Горе, ежели онъ когда-нибудь потребуетъ болѣе! А ты сравнивала себя съ Вѣринькой Полевого и черезъ нѣсколько дней сердилась на меня, что я сказалъ, что ты прибавила мнѣ чистоты твоей небесной фантазіей. Будто ты не

знаешь, какъ сходны, созвучны наши думы? Я знаю, что ты меня любишь со всѣми недостатками, словомъ, такъ, какъ я есть. такъ любитъ Ог. меня, и признаюсь, я не могу полной дружбой платить тѣмъ, которые любятъ мои таланты, а не меня самого; чтобъ любить достоинство на это еще нѣтъ нужды быть другомъ, на это надо одно только умѣнье оцѣнить. Но при всемъ томъ, ты не можешь знать многихъ недостатковъ и пороковъ во мнѣ и, сверхъ того, какъ естественно тому, что мы любимъ, придать еще и еще достоинство. Я себя, напр., никогда не сравнивалъ съ Phoebus Chateaupero (въ Notre Dame de Paris), а ты не побоялась унизить себя до Вѣриньки. Кто правъ, mademoiselle??.. Вѣрь же, вѣрь, мой ангелъ, что мой выборъ, т.-е. выборъ Провидѣнія, былъ не ошибоченъ: ты все, чего требовала моя душа, все и еще болѣе, нежели я требовалъ.

Полина все такъ же мила, все такъ же отъ всей души любитъ тебя и кланяется всякой разъ. Да, я хотѣлъ тебѣ написать: въ прошломъ письмѣ ты спрашиваешь о *Соколовѣ*, т.-е. о Скворцовѣ. Вниманье къ друзьямъ, которые и здѣсь отогрѣваютъ мою душу! Скоро 9 апрѣля, большой праздникъ въ нашемъ календарѣ, крестъ въ кружкѣ, это *Благовѣщенье* нашей жизни.

Прощай, иду къ губернатору обѣдать, опять будни, опять душу застегнуть, униженія. Но у меня есть ты..

6-е апрѣля. Какъ ты хороша, ангелъ мой! Вся эта душа, чистая и развитая одной любовью, выражена на твоемъ прелестномъ лицѣ, въ твоихъ глазахъ. Я такъ хорошо, такъ хорошо видѣлъ тебя во снѣ. Мы сидѣли на диванѣ,—я долго смотрѣлъ на тебя и прижалъ къ своей груди. Весь день носился этотъ образъ передо мною. Кто поспоритъ со мною въ счастьѣ! А вотъ я тебѣ разскажу вздорный случай, но я былъ отъ него въ восторгѣ. На-дняхъ одинъ знакомый, шутя, началъ раскладывать карты, надобно было загадать нѣсколько дамъ; я загадалъ тебя на червонной дамѣ и 4 раза легъ червонный валетъ подлѣ нея. Повторили гаданье и вышло опять тоже; признаюсь, я былъ внѣ себя отъ радости. И тутъ, и тутъ воля Его должна была подтвердиться.

Однакоже *будущія* московскія непріятности часто приходятъ мнѣ въ голову; доселѣ я не предвижу ни малѣйшаго средства пособить этому, а, вѣдь, грустно намъ будетъ иногда отъ этихъ мелочей, очень грустно! Ты пишешь: «скорѣй къ концу, скорѣй рѣшенье». Да какъ, гдѣ же возможность? Или я твердой волей разобью песочные камни капризовъ и предразсудковъ,—не смѣю надѣяться; ты права, въ наружномъ отношеніи мы несчастны, но наружное преходяще, а внутреннее вѣчно, какъ наша любовь, а съ нею и блаженство. Наташа, неужели отецъ можетъ отвергнуть горячую, пламенную просьбу сына, неужели отецъ своею рукою можетъ изъ рукъ сына вырвать чашу питья небеснаго и заставить его пить изъ лужи. Разумѣется, я чашу не пущу изъ руки, но горько же видѣть руку отца, протягивающуюся для того, чтобъ отнять ее,—а можетъ, она протянется, чтобы благословить! Можетъ быть,—а плохо вѣрится. «Не захочетъ огорчить сестрицу». Ха, ха, ха! Это было бы похоже на то, чтобъ врачъ, боясь разбудить спящаго, не пошелъ бы на помощь умирающему. Досадно, черныя тучи подымаются тамъ, гдѣ я хотѣлъ бы одно яхонтовое небо, свѣтлое, какъ твое чело, голубое, какъ твои глаза.

7-е апрѣля. Душа моя, я сейчасъ писалъ письмо къ княгинѣ и приписку къ тебѣ и мнѣ такъ было смѣшно, что я могъ бы написать цѣлый листъ глупостей.

Мочи нѣтъ смѣшно, я твой Александръ, я моей милой прелестной подругѣ, моей Наташѣ, пишу деликатно-вѣжливое письмо.

Я передалъ Эрну твое воспоминаніе о немъ; его маменька кланяется тебѣ: она истинно добрая, прелестная старушка, любитъ меня отъ всей души, холитъ какъ сына, бранитъ какъ сына и помнитъ тебя, а кто хоть разъ видѣлъ тебя, тотъ уже въ моихъ глазахъ имѣетъ огромныя права. Прощай моя . . . . да какъ бы тебя назвать, все мало, моя божественная Наташа, мой серафимъ, мой ангелъ хранитель!

Нѣтъ еще свѣтлой вѣсти о свободѣ. Ахъ, и страшно, да лишь бы тебя обнять, лишь бы випть въ себя свѣтъ твоихъ глазъ, какъ пьетъ подсолнечникъ лучи солнца.

Прощай! Полинино кольцо уже начинаетъ осыпаться, несмотря, что она его вставила въ золото; браслетъ всегда со мною, но не на рукѣ, чтобъ глаза *толпы* не смѣли видѣть.

Александръ.

7-е апрѣля.

Чувствовалъ-ли ты, мой Александръ, вчерашній вечеръ, что о тебѣ такъ много было говорено, что твоя Наташа *отдыхала?*... Мы были у Боборыкиныхъ, и два часа слишкомъ я была съ *ней!* отдохнула! — Тебѣ посылаетъ она salut d'amitié. Что за душа! вообрази, Александръ, тогда какъ у нея единственное счастье—дружба, одна отрада розно со мною—нѣсколько словъ, написанныхъ моей рукой; она умоляетъ не отнимать у тебя ни минуты и не жертвовать для нея, зная, что они рѣдки. Не любить и понимать такъ любовь? и неужели жизнь ея будетъ вся такъ безцвѣтна, одинока?.. Рабство?.. Что для нея свѣтъ, богатство, семья,—все бы кинула она, разсталась бы со всѣми, чтобъ бѣжать со мной на край свѣта, куда-нибудь въ глушь, чтобы жить одной дружбой, одной молитвой, а я развѣ могу? . Прежде, когда еще твоя любовь не освятила мою душу, я бы не поняла Сашу, я бы сама не могла подняться до нея, а теперь, теперь— благодарю Бога за ниспосланіе такого друга, дивлюсь въ ней *Его* созданью, благоговѣю предъ Его воплощенной мыслью, но еще это далеко отъ тебя, о, ты!!!—

8-е. Сколько передумаешь, перечувствуешь и въ одинъ часъ, сколько пролетитъ тайныхъ, невѣдомыхъ міровъ, прекрасныхъ, дивныхъ, какъ насмотрится тамъ душа, сколько свѣта принесетъ оттуда на бѣдную землю, сколько животворныхъ капель на завянувшихъ людей . . . . въ одинъ часъ, а дни цѣлые проходятъ безъ того, чтобъ перелить тебѣ хоть одну мечту, и всѣ онѣ отлетаютъ безъ отзыва опять туда, къ своему источнику, хотя бы и люди были столько милостивы, дали бы просторъ писать. Но развѣ мертвое слово, которое Богъ знаетъ въ чьихъ не было устахъ, кѣмъ не было писано,—есть сосудъ, могущій вмѣстить столько жизни и свѣта? можетъ ли ограниченное до такой степени обнять неограниченное?.. достаточно ли храма, созданнаго вѣками, тысячами людей - дать понятіе о молитвѣ?.. Что предприметъ человѣчество, чтобъ выразить *любовь?*..

Ангелъ мой, я забыла писать. Гдѣ я сижу, оттуда не видно ничего, кромѣ неба и чуть-чуть краевъ кровель домовъ. Наши куда-то уѣхали, передо мною твой портретъ. «Что предприметъ человѣчество, чтобъ выразить любовь?» Эта мысль такъ заняла меня, я положила перо, черты твои слились съ небомъ, съ солнцемъ... Забудь, забудь хоть на минуту все, и представь себѣ, вообрази... но какъ же назвать это, я не умѣю выразить, Александръ, и слова такого нѣтъ,. . но все равно, какъ ни скажу, ты поймешь меня! Итакъ, все забудь, никуда не смотри, кромѣ вотъ на это небо, на солнце. Что прекраснѣе ихъ въ природѣ!

Вообрази теперь, какъ черты твои, изображенныя карандашомъ на бумагѣ, отдѣляются... свѣтлѣютъ... горятъ,—горятъ огнемъ святой любви, о, какъ горятъ... сливаются съ голубымъ свѣтомъ, съ огненными лучами... и вотъ, ты—небо, ты—солнце, солнце и небо—твой образъ! Скажи, можешь ли ты это представить себѣ? Вся природа твой ликъ, огненный, лучезарный. Не видно ни растеній, ни горъ, ни морей, ни людей—все ты, твое око. Я не могла сносить свѣта, закрыла глаза, не могла выносить своего ничтожества, заплакала, и эти капли слезъ еще не высохли, вотъ онѣ на полу.—Прощай, ѣдутъ.

Вечеръ. Нѣтъ, никто, даже и ты, мой преизящный, не можешь постигнуть, что было давича со мною,—самой мнѣ это кажется сномъ. Но видѣнье это останется въ душѣ навѣки. Любовь! Александръ! туда! туда!..

Позднѣе. Какъ грустно, какъ грустно; отчего же мнѣ нѣтъ письма? Другъ, милый другъ, какъ это тяжело, я такъ ждала сегодняшняго дня, такъ была увѣрена... отчего ты не пишешь? Ахъ, вотъ ужъ и праздникъ скоро... Что, мой другъ, надежды только насъ манятъ, о, Господи, долго-ли это будетъ? Душа моя, Александръ, да зачѣмъ же нѣтъ письма мнѣ? какъ это больно! Прощай, когда такъ, мнѣ смертельно стало грустно, о, жизнь моя! Завтра *девятое!* Прощай, цѣлую тебя, обнимаю тебя. *Девятое апрѣля, пятый часъ пополудни!*

Александръ! Александръ!

Вотъ мрачный коридоръ... вотъ Васильевъ съ веселымъ лицомъ... пунцовая ермолка... и тюрьма, храмъ, земля, небо, какъ хочешь назови, назови, все равно для меня, потому что это маленькое пространство, огражденное четырьмя толстыми стѣнами, темное, сырое, для меня было вся вселенная, и въ ней—ты, мое *все!*

Вотъ *взоръ*... голосъ неба, благовѣствующій спасеніе, преображеніе, вознесеніе. О, мой ангелъ благовѣститель!..

Да, въ этомъ часу два года тому назадъ *совершилися!*

Сумерки, чуть-чуть видно, тогда, въ 35 году, въ это время я, исполненная чѣмъ-то тайнымъ, пренебеснымъ, тайнымъ мнѣ самой, одна долго ходила и думала о всемъ уже иначе, смотрѣла иначе, и все казалось не такъ, какъ было прежде... да, вотъ ужъ два года, какъ я *живу!* Два года знаю небо, рай, знаю Бога, тебя!.. Отецъ мой, Александръ!

Не вижу болѣе, прощай!

Вечеръ. Милый другъ мой, ангелъ мой, какъ все это живо! Каждое слово, каждый взглядъ, пожатіе руки и *тотъ взглядъ*...

Вотъ какъ провела я нынѣшній день: проснулась рано и отправилась на Крутицы... Столько воспоминаній свѣтлыхъ, дивныхъ наполнило душу въ одинъ мигъ, тяжело не раздѣлить ихъ,—и я написала Сашѣ Б., что сегодня *девятое*,—полегче! Потомъ къ обѣднѣ, никогда въ нашей церкви не пѣли такъ хорошо, какъ сегодня, давно и не молилась я такъ;... но вдругъ вошло въ голову, что будетъ черезъ годъ, въ этотъ день? И при этой мысли душа вздрогнула, какъ бы задернуло все облакомъ... Въ эту минуту запѣли: «сами себя и другъ друга и весь животъ нашъ предадимъ Христу Богу», на душу слетѣло успокоенье и потомъ—«нынѣ житейское отложимъ попеченіе» исцѣлило совершенно. Ты писалъ, что, можетъ быть, сегодня придетъ вѣсть исполненія надеждъ... Господи! ужели ты не услышишь гласа моего? Ужели исполненіе молитвы моей противно Провидѣнію Твоему и Святой волѣ Твоей!.. Скоро услыши меня, Господи! или пошли силы мнѣ новыя и крѣпость! Но какъ Ты хочешь, Богъ мой.

11-е. Лишь открыла вчера глаза, мрачныя воспоминанія толпою, будто окрыленныя, слетѣлись и захватили душу. 10-е апрѣля... два года тому—приготовленіе, укладываніе въ дорогу, прощаніе, чувства твои, послѣднія ко мнѣ строки, послѣдній взглядъ на Москву, тамъ, гдѣ... облако пыли, горькій плачъ колокольчика, послѣдній звукъ и копытъ, и колесъ и колокольчика.—молчаніе! И послѣ всего этого я, я сирота, чужая всѣмъ, съ кѣмъ осталась, лишенная уже всего... О, это ужасъ, ужасъ! Будто небо для того отверзлось, чтобъ послѣ въ большій ужасъ привесть черною тучею; но ужъ два года горькихъ прожито, сколько-то остается еще въ чашѣ?

Отъ всѣхъ этихъ воспоминаній такъ стѣснило грудь, такъ больно, тяжело стало, невыносимы сдѣлались мнѣ и *они*, и домъ и все! Хотѣлось бы уйти куда-нибудь дальше, дальше, и тамъ, на свободѣ, выплакать весь свинецъ, давившій душу, иль растопить его въ пламенную молитву... Я выпросила позволеніе ѣхать въ Кремль; но ни вѣковыя стѣны соборовъ его, ни полы ихъ, истертые стопами вѣрныхъ, ни чудотворныя иконы, ни святая святыхъ не облегчили души мнѣ,—и тамъ было душно, тѣсно, *мои два года* казались мнѣ и длиннѣе, и мрачнѣе *ихъ вѣковъ*. Вечеромъ ушла въ свою комнату и долго, долго сидѣла у открытаго окна. Что-то тамъ, въ этой сторонѣ?.. И вотъ блеснула звѣздочка на сѣверо-востокѣ, повѣялъ вѣтеръ,—онъ взглянулъ въ даль, въ небо же, можетъ быть, онъ вздохнулъ! Не помню, что было послѣ.

Вечеръ. Да что же тутъ удивительнаго, какъ не понять ей, моей Сашѣ, родной сестрѣ души моей, какъ не понять все, что говоритъ твой портретъ! Я ожидала этого, я знала, что это будетъ такъ, отчего же забилось такъ мое сердце, когда я подала ей портретъ и увидѣла слезы на глазахъ ея, и восторгъ, и умиленье, отчего въ эту минуту она казалась мнѣ еще выше, еще святѣе, казалось, я болѣе полюбила ее?.. Александръ, нѣтъ другой Саши! Если-бъ она ненавидѣла меня, и тогда бы я преклонилась предъ ней, а эта необъятная дружба... Она говоритъ, что душа ея не можетъ вмѣстить болѣе любви, что весь міръ ея, вся жизнь, вся душа—дружба. Если-бъ видѣлъ ты, какъ благодаритъ она меня за одну строчку, за одну минуту, посвященную ей,—ты не можешь не любить ея, ангелъ мой, такую близкую, родную душу души твоей Наташи. И ни въ комъ, ни въ комъ нѣтъ столько самоотверженія, столько неба!

О, мой Александръ! Что жъ не пишешь ты? Что же не ѣдешь ты?..

Вечеръ 12-го числа. Письмо! Благодарю Бога, благодарю тебя. Но мнѣ уже становится мало этого листа, исписаннаго тобою—прочту, перечитаю, и поцѣлую его и прижму крѣпко, крѣпко къ груди и еще перечитаю... много, много, ангелъ мой, тутъ, *много!* но не *довольно;* освѣтится душа, но не вся, есть много мѣстъ темныхъ, больныхъ, глубоко вдавленныхъ разлукой, и письмо не можетъ ихъ исцѣлить! Да вотъ письмо твое,—а мнѣ грустно, и жалѣю, и стремлюсь... Ничего теперь не придумываю, *какъ* ты пріѣдешь, *какъ* намъ видѣться,—лишь пріѣзжай! Только ненадобно, Александръ, Бога ради ненадобно, какъ ты говоришь, «склонить голову»—избави Господи! *Тебѣ* склонить *твою* голову предъ ними... а зачѣмъ? что изъ этого? Меньше одной непріятностью, меньше однимъ угрожающимъ взглядомъ, и для этого тебѣ склониться? Никогда! Ежели Богъ судилъ *имъ* препятствовать намъ, такъ и земной нашъ поклонъ ничего не выиграетъ, а ежели они сами себя судили на это,—то стоитъ ли и взоръ на нихъ склонять, не только голову предъ ними! Ахъ, какъ все это ничтожно, мало, погляжу я, будто только и жить, что на землѣ, съ людьми, будто и вѣчности нѣтъ,—а устала я ужасно, Александръ!

Вечеръ 14-го. Можетъ быть, ты говѣешь эту недѣлю, можетъ, теперь уже исповѣдывался,—*ты говѣешь, ты исповѣдуешься.*—тутъ не то говѣнье и не та исповѣдь, которыми готовятся къ причастію бѣдные, земные христіане;... но кому *дано* много, отъ того и *взыщется* много. Думая, что ты говѣешь, эти дни я умерщвляла и себя, сколько стало силъ; умереть, то-есть, сойти съ неба на землю—родиться для тебя, нести крестъ—жизнь для тебя, распяться за тебя, перейти въ вѣчность, чтобъ ждать туда тебя... о, ты!.. Какъ не любить *Ему* тебя, какъ не излить цѣлое небо щедротъ своихъ на тебя, какъ не направить шаги твои, какъ не указать путь тебѣ?.. какъ не принять хоть одно изъ моихъ пламенныхъ моленій?.. Возьми все отъ меня, уничтожь меня, лишь бы онъ... О, Всевѣдущій! —встрепенулась, воспрянула душа твоя при слышаніи—«Се женихъ грядетъ во полунощи»? Пѣла-ли она съ родною ея—«Чертогъ твой вижду, Спасе мой?» Ежели Онъ не просвѣтилъ ее благодатію Своею,—она свѣтла была огнемъ молитвы моей и согрѣта имъ.

6-й часъ утра 17-го апрѣля. Страстная суббота. И солнце позднѣе встало, медленнѣе вышло изъ-за тучи, блѣдное, грустное, и опять покрылось тучей, и все что-то грустно, и отъ всего вѣетъ грустью и увеличиваетъ мою. Я одна шла за плащаницей. Можетъ быть, въ то время ты видѣлъ меня во снѣ. Отрадно, другъ мой, въ то время, какъ ты усталый, измученный трудами дня, отдыхаешь,—идти въ церковь молиться о тебѣ, просить новыхъ силъ въ новыхъ трудахъ, твердости въ превратностяхъ, свѣта и указанія Его на пути темномъ и бурномъ! Отраднѣе еще, ангелъ мой, встрѣчать душу твою тамъ, куда возноситъ молитва мою! Но со всѣмъ тѣмъ, что я безпрерывно съ тобой душой, что праздную духовно Воскресеніе Христово, мнѣ грустно, всѣ приготовленія къ весельямъ наводятъ на меня уныніе. Когда дождусь того, какъ буду съ тобою, мой Александръ! О, тогда вся жизнь будетъ Свѣтлое Воскресенье. Завтра я всѣхъ обниму, но кого же обниму я съ радостью?.. Слеза благодарности Александру Лаврентьевичу канетъ на портретъ, но слезы разлуки потопятъ ее. Иногда я такъ забудусь, что мнѣ кажется, что у меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ портрета, что ты весь тутъ, но стекло такъ холодно, и я, вздрогнувъ, бѣгу, сама не зная куда. Прощай, скоро встанутъ, я пока согрѣюсь немного; не спавши со второго часа, ужасно озябла.

10-й часъ вечера. Никогда, во всю жизнь мою не было мнѣ весело въ это время: ребенкомъ плакала о томъ, что никто мнѣ завтра не подаритъ куклы и не похристосуется нарядным яйцомъ; по-больше—плакала о томъ, что я всѣмъ чужая, что никто не приласкаетъ меня; еще по-больше—не знаю о чемъ!.. но все это слезы дѣтскія, почти глупость. А теперь, —о, какъ бы желала я хоть бы нѣсколькими каплями уменьшилось горькое море, потопившее душу мою!.. Но нѣтъ, каждая капля превращается въ желѣзный длинный гвоздь и пронзаетъ насквозь мое сердце. Ангелъ мой, какъ тяжко!... но со всѣмъ этимъ какъ я счастлива! О, кто, кромѣ тебя, мой братъ, пойметъ это соединеніе страданія съ блаженствомъ, ибо кто испыталъ его, кромѣ насъ? Вообрази это сердце, пронзенное несмѣтнымъ множествомъ орудій, все окровавленное и полное любовью, такъ что каждая капля крови, падая на землю, напояетъ и ее любовью, и воздухъ, и согрѣваетъ ихъ и дымится до самаго неба. Прощай, стану читать Евангеліе, у меня ихъ два: Христово и твое. Господь далъ мнѣ твое, и оно указало и открыло мнѣ Господне, и такъ они нераздѣльны, одно безъ другого не существуетъ для меня.

Пробило 12 часовъ, ударили вездѣ въ колоколъ... Христосъ Воскресе!

Пойдемъ вмѣстѣ въ храмъ, мой Александръ, тамъ мы ближе, тамъ ничто насъ не разлучаетъ, одинъ Богъ съ нами. Ежели мы пойдемъ не рука съ рукой, то съ одной душой. Я заснула немного и видѣла тебя, только что-то неясно, смутно. но перестанемъ грустить, обнимемся радостно душами.

4 часа утра. Ну что, мой ангелъ, развѣ мы не вмѣстѣ встрѣтили Христово Воскресеніе, развѣ не вмѣстѣ молились, радовались? Пусть раздаются громкіе поцѣлуи, они только звучны. но звукъ ихъ такъ же нѣмъ и пустъ, какъ звукъ чугунной доски. въ которую сторожъ бьетъ ночью. А нашъ поцѣлуй—онъ былъ тихъ, не виденъ и не слышенъ никому, даже намъ самимъ, но души наши его чувствовали, это поцѣлуй ангельскій. Прощай, можетъ, увижусь во снѣ съ тобой.

8 часовъ. Насталъ и день- вотъ теперь-то будетъ грустно! Лучше быть больной и здѣсь, наверху, одной, нежели тамъ, въ этой лужѣ. Ты скоро отправишься также съ поздравленіями; жаль мнѣ тебя. какъ, я думаю, непріятны эти визиты! Какой дождь льетъ.

Пополудни 3 часа. Все нарядилось, насуетилось, разговѣлось и улеглось спать.—вотъ *ихъ* праздникъ! Брани меня, Александръ, за то, что я такъ много вижу дурного въ людяхъ и осуждаю. къ чему это? «Не осуждай, не осужденъ будешь». Да, часто желала-бъ я быть слѣпа и глуха, мнѣ кажется это легче, нежели ихъ окаменѣніе. Я часто заслуживаю выговоры, а ты, мой духовникъ, такъ рѣдко ихъ дѣлаешь мнѣ. Зачѣмъ не воскресаютъ они душою, зачѣмъ сердца ихъ не горятъ такъ молитвой и не таятъ такъ въ восторгѣ, какъ свѣчки, которыя они зажигаютъ съ такимъ усердіемъ, зачѣмъ не радуются Воскресенію Христа и тому, что прошелъ постъ? Все это мнѣ больно, обо всемъ этомъ я не могу молчать. Священникъ прощаетъ мнѣ это осужденіе, онъ называетъ его духовною ревностью [1]), а ты?

Мнѣ начинало становиться чрезмѣрно грустно, тѣмъ болѣе, что я надѣялась получить отъ тебя письмо и не получила, никто ни слова о тебѣ, будто ты не существуешь, а одинъ идеалъ, одна мечта живетъ въ душѣ—будто я сама мечта! Состояніе это тяжело; приходитъ Василій Васильевичъ; я имѣю къ нему что-то особенное, хотя мало знаю его черезъ тебя; онъ спрашивалъ о тебѣ, желалъ твоего возвращенія,—довольно! Хоть одно существо, одинъ знакомый голосъ, и я стала приходить въ себя. Пріѣзжаетъ Саша Б. Какое согласіе душъ, какая симпатія! Послѣ послѣдняго нашего свиданія она много претерпѣла и тутъ почерпнула утѣшеніе и запаслась новыми силами, —станетъ ли ихъ до другого свиданія!?. И мнѣ стало полегче, она много говорила о тебѣ. Душа моя, говорятъ, ты будешь въ маѣ; Василію Васильевичу кажется, что ты будешь на праздникахъ... Кто-то пріѣхалъ, прощай!

10-й часъ. Какъ я устала! Цѣлый день безпрестанно, ежели не должна была сама говорить, то слушать и смотрѣть. Александръ, вѣдь, это нехорошо, это похоже на самолюбіе, не желать быть съ тѣми, отъ которыхъ я не надѣюсь получить ни одной мысли, ни одного звука, думать, что уже много сдѣлала для нихъ, сказавъ съ ними нѣсколько словъ, наконецъ, люди сами будутъ бѣгать отъ меня, считать за многое взглянуть на меня—ахъ, что-жъ! это прекрасно! Какой просторъ тогда, какая воля! Мнѣ даже непріятно, когда на меня глядятъ съ примѣчаніемъ! Закрылась бы, если-бъ можно было. Я не увѣрена, что это дурно, скажи мнѣ, и я буду стараться перемѣниться, но это трудно будетъ.

[1]) Апостолъ Павелъ говоритъ: «праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя!»

20-е. Вчера не было минуты даже взяться за перо, смертельно устала. Ахъ, что это какъ мнѣ грустно, письмо твое еще отъ 31-го марта, не въ дорогѣ-ли ты?.. О, такъ будто въ дорогѣ писать нельзя? Отчего нѣтъ письма, отчего? Не знаю, что написать, такъ грустно мнѣ, прощай!

Твоя, твоя, твоя *Наташа.*

Правда, можно бы пожелать Emilie замужества, но надо знать, *кто онъ?* Избави Богъ, ежели изъ огня да въ полымя!

Свѣтлое Воскресеніе было темно для меня, я думала, что и вся святая недѣля будетъ грустна, — нѣтъ, я видѣлась съ маменькой! И сколько еще впереди мнѣ удовольствій: сейчасъ получу твое письмо, завтра поѣду на именины къ Сашѣ Б., а послѣ завтра маменька обѣщала быть у меня и съ Машей Эрнъ!.. Вотъ сколько принесъ мнѣ нынѣшній праздникъ, ужъ что же принесетъ будущій?.. Кн[ягиня] твоимъ письмомъ сначала была довольна, а какъ увидѣла, что ты даже и Костеньку вспомнилъ, а Макаш. нѣтъ, то и мнѣ досталось. Отъ поклоновъ твоихъ всѣ въ восхищеніи, и каждая за каждый приноситъ тысячу, *особенно Саша.*

[**9 апрѣля**].

Ангелъ мой, сегодня *девятое апрѣля!* Два года! и доселѣ еще не кончено. Тяжко. Господи, да мимо идетъ меня чаша сія!

Твоя душа—вотъ моя награда, вотъ мое блаженство, и наша симпатія не токмо въ каждомъ чувствѣ, но даже въ самыхъ словахъ. Вчера получилъ я твое письмо (отъ 17-го марта до 24-го), и ты въ немъ пишешь, что въ нашей жизни 9-е апрѣля есть благовѣщенье, то-есть, слово въ слово, что я тебѣ писалъ за день до полученія твоего письма (отъ 7-го апрѣля). Ты говоришь еще о симпатіи молитвы; нѣтъ, Наташа, у меня утрачена эта чистота души, которая тебя подымаетъ къ Нему. Молись ты обо мнѣ, тебѣ назначено меня спасти, молись же. Еще недостаточно имѣть святое чувство религіи для того, чтобъ умѣть молиться; какъ я могу передъ Нимъ стоять на той же высотѣ, на которой ты стоишь? Вся твоя жизнь одно чистое дуновеніе вѣтра, одно утро весны, твои дѣтскія уста привыкли къ молитвѣ, съ ней засыпала ты, съ ней просыпалась, и потомъ эта молитва переплелась съ любовью чистой, высокой. больше не было у тебя чувствъ, вся жизнь твоя сведется на нихъ, даже не было разсѣянія, даже не было матерьяльныхъ удобствъ жизни. А я—рано разбудили мою душу мечты и мысли, и не было чистоты въ этихъ мечтахъ; гордость и самолюбіе захватили душу, и одно чувство дружбы спасло меня отъ холоднаго эгоизма.

Знаешь-ли ты, что до 1834 года у меня не было ни одной религіозной идеи; въ этотъ годъ, съ котораго начинается другая эпоха моей жизни, явилась мысль о Богѣ, что-то не полонъ, не достаточенъ сталъ мнѣ казаться міръ, долженствовавшій вскорѣ грозно наказать меня. Въ тюрьмѣ усилилась эта мысль, и потребность Евангелія была сильна; со слезами читалъ я его,—но не вполнѣ понялъ; доказательствомъ тому *Легенда.* Я выразумѣлъ самую легкую часть—практическую нравственность христіанства, а не само христіанство. Уже здѣсь, въ Вяткѣ, шагнулъ я далѣе, и моя статья *Мысль и откровеніе* выразила религіозную фразу, гораздо высшую. Но путь, которымъ я дошелъ до вѣры,—не тотъ, которымъ ты дошла: ты вдохнула вѣру при первой мысли, можетъ еще до нея, она тебѣ далась, какъ всему міру—откровеніемъ, ты ее приняла чувствомъ, и это

чувство наполнило и мысль, и любовь. Со мною было обратно: я такъ успѣлъ перестрадать и пережить много, что увидѣлъ съ ужасомъ на 23 году жизни, что весь міръ этотъ суета суетствій, и, испуганный, сталъ искать отчизны души и мѣсто покоя.

Первый примѣръ были апостолы и святые, въ нихъ я видѣлъ именно тотъ покой, котораго недоставало въ моей душѣ. Отчего же? Отъ вѣры,—надобно же было узнать, что такое вѣрованіе, но у меня недоставало чистоты понять Евангеліе; тогда-то Провидѣніе сдѣлало чудо для меня, послало 9-е апрѣля. Этотъ переворотъ былъ огроменъ. Тебѣ можетъ странно, что я, сильный и высокій человѣкъ въ твоихъ глазахъ, былъ совершенно пересозданъ тобою въ нѣсколько часовъ, въ которые ты не говорила ни слова, но это такъ. Тѣло отстало отъ души, я уснулъ, и сонъ мой—печальная жизнь въ Вяткѣ была послѣдняя дань пороку.

Проснувшись, я другими глазами взглянулъ на природу, на человѣка и, наконецъ, на Бога, я сдѣлался христіанинъ и пламенное чувство любви къ тебѣ усилилось благодарностью. О, Наташа, Наташа, какъ великъ этотъ день 9-е апрѣля въ нашей жизни! Но, при всемъ этомъ, до молитвы далеко; молитва у меня бываетъ какъ молнія мгновенна и ярка въ минуту сильной горести, въ минуту сильнаго восторга,— въ обыкновенное же время нѣтъ потребности. Умъ дѣйствовалъ у меня прежде сердца,—и вотъ слѣды. Молись же, ангелъ, за меня, молись. Ты всегда возражаешь мнѣ, когда я ставлю себя ниже тебя, я и не ставлю свою любовь ниже твоей, но то, что я понимаю очевидно, ясно—это утрата чистоты душевной. Наташа, ты будешь счастлива: твоя душа, тихая, кроткая, небесная, будетъ радоваться моей душой, какъ поэтъ радуется бурному морю, ты будешь счастлива одною мыслью, что этотъ человѣкъ, отдѣльный отъ толпы, бурный и огненный, тебя любитъ; но зачѣмъ же мнѣ лгать на себя, во мнѣ всѣ элементы земли съ стремленіями туда, въ тебѣ—небо, нисходящее на землю. Я однажды писалъ: ты—лучъ свѣта, чистый, падающій на мрачную планету; я—отраженный землею переломленный лучъ, утратившій бѣлый цвѣтъ и возвращающійся пурпуромъ. И не вѣрна ли твоя вѣчная мысль, что мы составили одно существо?

10-го апрѣля. Не въ томъ ли и состоитъ жизнь всего человѣчества, чтобъ, наконецъ, выразить собою одного человѣка, одно существо, одну душу, одну волю, и это человѣчество сплавившееся—Христосъ, это его второе пришествіе, возвращеніе къ Богу. Для этого ненужно сходства нравовъ, а сходство души. Я и Ог. совершенно разнородные люди снаружи, и оттого-то мы такъ тѣсно соединены: въ немъ спокойствіе убѣжденій, мысль почившая; я весь дѣятельность, и потому вмѣстѣ мы выражаемъ мысль и дѣятельность; такъ и ты будешь выражать непомеркнутое, чистое начало человѣка, а я—человѣка земного; вмѣстѣ мы—и ангелъ, и человѣкъ. Представь себѣ все человѣчество, соединенное такъ тѣсно любовью, подающее другъ другу руку и сердце, дополняющее другъ друга,—и великая мысль Творца и великая мысль христіанства откроется передъ тобой. Что мѣшаетъ этому соединенію? Тѣло, въ смыслѣ матеріальномъ, эгоизмъ, въ смыслѣ духовномъ,—вотъ орудіе, которымъ дѣйствуетъ Люциферъ противъ воплощеннаго слова. Какъ будемъ вмѣстѣ, я вполнѣ передамъ тебѣ эту религіозную мысль. Впрочемъ, она у тебя была прежде, нежели я писалъ. Въ одномъ изъ твоихъ писемъ была она, только иначе сказанная.

Послѣдняя минута въ Крутицахъ была посвящена тебѣ. Написавши нѣсколько строкъ, мнѣ стало легче. Сердце мое затворилось, горесть перешла границу,

лилась мимо. Я не плакалъ, но чувство гадкое овладѣло мною, когда жандармъ сѣлъ на козлы. Я простился за заставой, бросился въ коляску и молчалъ, колокольчикъ зазвенѣлъ, ямщикъ началъ кричать, я слушалъ со вниманіемъ. Вдругъ жандармъ стихъ на козлахъ, обернулся къ Москвѣ, снялъ фуражку и перекрестился на Ивана Великаго,—сердце мое сжалось; но я не хотѣлъ взглянуть ни на Москву, ни на Ивана Великаго и курилъ сигару, завернувшись въ плащъ. Петръ говоритъ, будто иногда слезы катились по щекамъ, не помню; а знаю, что я далъ извозчику четвертакъ, чтобъ онъ скакалъ сломя голову. Это было ровно два года тому назадъ, почти въ то же время, какъ я пишу теперь. Я тебѣ писалъ изъ Перми объ ужасномъ чувствѣ, когда я переправлялся черезъ Оку: разливъ былъ широкъ, паромъ, казалось, былъ неподвиженъ, а берегъ отодвигался; мнѣ было жаль его,—съ этимъ берегомъ отодвигалось все родное отъ меня, и надолго... Въ Пермь я въѣхалъ безъ особыхъ чувствъ; но въ Вятку я приплылъ по разлитію, и мрачное чувство овладѣло мною, я думалъ: вотъ входъ въ чужой городъ, который запрется для меня. Это испытываетъ звѣрь, попавшійся въ тенета. О, растворитесь, о, вороты. Родимый берегъ, родимый городъ, возьми меня назадъ. Тамъ небесная дѣва томится разлукой, къ ней, къ ней! Прощай, будемъ надѣяться. А пора, ей-Богу, пора...

11-го апрѣля. Я перечиталъ написанныя строки, и опять вспомнилось мое путешествіе, быстро мелькали города, нигдѣ не останавливался и все смотрѣлъ съ тупымъ вниманіемъ человѣка, котораго сейчасъ разбудили. Вся эта дорога оставила одно воспоминаніе, какъ я чуть-чуть было не потонулъ на Волгѣ; разливъ былъ слишкомъ на 15 верстъ, и буря ужасная, рѣка и разливъ волновались, какъ море, огромныя и широкія волны били въ дощаникъ, легкой, тонкой, сколоченной изъ нѣсколькихъ досокъ; пьяный татаринъ поднялъ парусъ, его тотчасъ сломало, и бросило насъ въ пень дерева, корма проломилась, вода струею потекла. Первая минута была ужасна, 5 верстъ отъ одного берега, 10 отъ другого. Петръ началъ плакать, татаринъ молиться, а Провидѣніе бросило на мель дощаникъ, и черезъ часъ его поправили и черезъ три часа, несмотря на бурю, я уже пріѣхалъ и, сидя на берегу, ѣлъ печеныя яйца. Тутъ я испыталъ опять твердость характера: первую минуту меня обдало холодомъ, но мгновенно явилась мысль вѣры въ Провидѣніе, и я, закутавшись въ ерчакъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ смотрѣлъ, чѣмъ кончится эта исторія. Солдатъ хотѣлъ послать за другимъ дощаникомъ, я не велѣлъ, я увѣренъ былъ, что Провидѣніе не сорветъ такъ рано едва распускающуюся жизнь,—и надежда моя была вѣрна. Впрочемъ, я, кажется, уже писалъ тебѣ объ этомъ, итакъ, «простите повторенье».

13-го апрѣля. Я писалъ, чтобъ тебѣ подарили отъ меня переводъ шекспирова Гамлета: читай его со вниманіемъ, это великое твореніе, въ будущемъ письмѣ скажу нѣсколько словъ объ этой трагедіи. Она въ себѣ заключаетъ самую мрачную сторону бытія человѣка, цѣлую эпоху человѣчества.

14-го апрѣля. Ужасно, ежели ты въ маѣ уѣдешь въ деревню, я безъ внутренняго бѣшенства не могу вздумать объ этомъ. 20... верстъ и, можетъ, разъ видѣться. И пріѣхать, когда ужъ тебя не будетъ. Прощай, ангелъ, божество, другъ мой; прощай! Твой Александръ.

---

17 апрѣля, Вятка.

Я говѣлъ дурно, разсѣянно, только утромъ въ Великую Пятницу немного исправился, написавъ коротенькую статейку, въ родѣ продолженія статьи «Мысль

и Откровеніе». Нѣтъ, намъ уже трудно сродниться съ церковными обрядами: все воспитаніе, вся жизнь такъ противоположны этимъ обрядамъ, что рѣдко сердце беретъ въ нихъ участіе. Вникая въ обряды нашей церкви, въ нихъ открывается глубокій, таинственный смыслъ: но привычное къ практическому, матеріальному, [дѣлаетъ то, что] мы умомъ, а не сердцемъ разбираемъ ихъ. А, можетъ, надобно имѣть болѣе невинную душу? Формы дѣйствуютъ лучше на народъ; онъ подавленъ ими, и не ища далѣе, не понимая ихъ, онъ молится усердно.

Въ прошломъ письмѣ я обѣщалъ тебѣ нѣсколько словъ о шекспировомъ Гамлетѣ. Человѣчество живетъ въ разныя эпохи, по двумъ разнымъ направленіямъ: или оно имѣетъ вѣрованіе, и тогда всѣ искусства запечатлѣны религіозностью, надеждою на лучшій міръ, или оно низлагаетъ вѣрованіе, и тогда что за удѣлъ поэта: небо у него отнято вѣкомъ, люди, ломающіе вѣру, обыкновенно гнусны, въ собственной душѣ находитъ онъ пустоту, и ему остаются два чувства: проклятіе и отчаяніе. Въ такую-то эпоху жилъ Шекспиръ. Внимательно пересмотрѣлъ онъ сердце современниковъ и нашелъ порокъ и низость, и вотъ поэтъ съ негодованіемъ бросилъ людямъ ихъ приговоръ: каждая трагедія его есть штемпель, которымъ клеймятъ разбойника: въ Шекспирѣ нѣтъ ничего утѣшающаго, глубокое презрѣніе къ людямъ одушевило его, и даже состраданія въ немъ нѣтъ: онъ прямо указываетъ на смердящія раны человѣка и еще улыбается. Гамлета можно принять за типъ всѣхъ его сочиненій и, несмотря на то, что я десять разъ читалъ Гамлета, всякое слово его обливаетъ холодомъ и ужасомъ. Гамлетъ добродѣтеленъ, благороденъ по душѣ, но мысль отомстить за отца овладѣла имъ и, когда онъ поклялся отомстить убійцѣ отца, тогда узналъ, что этотъ убійца его родная мать. И что же съ нимъ сдѣлалось послѣ перваго отчаянія? Онъ началъ хохотать, и этотъ хохотъ адскій, ужасный продолжается во всю пьесу. Горе человѣку, смѣющемуся въ минуту грусти, душа его сломана и нѣтъ ей спасенія. Вотъ тебѣ, ангелъ мой, введеніе, остальное ты сама увидишь; кромѣ сильнѣйшаго генія, никто не сладилъ бы съ такой трудной темой, но душа Шекспира была необъятна.

18-го. Ночь. Христосъ воскресе. Наташа! Ангелы поютъ славу Его, итакъ, пой славу Его. Я сейчасъ изъ собора; дивное служеніе, что за торжество; спать не хочу, меня душитъ тоска,—эти люди, эти холодные, чужіе. О, Наташа, какъ гадко мое настоящее положеніе! И этотъ день всѣ ликуютъ, бѣдный отдаетъ послѣднюю копейку, чтобъ веселиться, и веселится. А колодникъ плачетъ надъ цѣпью, а изгнанникъ— плачетъ о родинѣ. Имъ нѣтъ праздника, я испыталъ то и другое. Зачѣмъ замолкли эти надежды, которыми я питался съ половины февраля. Девятое апрѣля было тоже на Святой, и какая разница: тогда я видѣлъ небо разверзающееся, какъ Іоаннъ, и слышалъ голосъ: «это мой ангелъ возлюбленный, я его послалъ спасти тебя. Люби его». А эта Святая что мнѣ покажетъ, —я и забылъ великую честь обѣдать за столомъ его превосходительства; о, да ежели на то пошло, я пресчастливый человѣкъ: сюда будетъ наслѣдникъ, многіе стараются лишь бы взглянуть на него, а я ему буду показывать выставку, какая зависть возродится! А я бы имъ отдалъ охотно и свой чинъ, и свои деньги, лишь бы скакать въ Москву. Странное дѣло, въ душѣ презираешь иныхъ людей, а больно, когда они обижаютъ; правда, вѣдь, ежели и оселъ лягаетъ, то боль не менѣе; но ослы добры, они рѣдко лягаютъ, а люди, нѣтъ, это не люди...

Я перечиталъ твое письмо, писанное въ прошлую Святую: любовь та же, грусть та же, но ты тогда еще не вполнѣ понимала себя, тебя что-то пугала

мысль быть любимой мною, я тогда досадовалъ за это чувство. Ты болѣе всего мнѣ нравишься, когда говоришь, какъ въ прошедшемъ письмѣ: «Терпи, Александръ, страдай, тебя ждетъ награда, моя любовь». Да, болѣе награды не можетъ быть и въ небѣ. Прощай, ангелъ мой, скоро надобно надѣвать мундиръ. Прощай... Нѣтъ, что хочешь, говори, а разлука дѣло ужасное, и такая разлука. И въ прошломъ году въ этотъ день ты надѣялась скоро видѣть меня, можетъ и въ будущемъ, а можетъ... нѣтъ, надежда, ты блѣдна, Богъ съ тобой. Я цѣловалъ много разъ твой браслетъ, христосовался съ нимъ.

19-го апрѣля. Вотъ завтра двѣ недѣли, какъ нѣтъ почты, и этого еще недоставало. Фу, какъ несносны праздники, когда на душѣ мракъ и будни. Гнусные люди живутъ здѣсь, отсюда ближе къ аду, нежели изъ Москвы. Новыя гадости, я долженъ или бороться съ гораздо сильнѣйшими, или сдѣлать подлость, которую-бъ ни одинъ благородный человѣкъ мнѣ не простилъ. Повѣришь ли, что преслѣдованія Мед. идутъ до того, что ее хотятъ лишить той помощи и защиты, которую она имѣетъ въ домѣ Витберга. Наташа! лучше еще годы разлуки, но я не сдѣлаюсь орудіемъ подлаго человѣка. Ты спросишь: да за что эти преслѣдованія? Лучше не спрашивай, есть вещи, которыхъ не знать—душѣ легче.

20-го апрѣля. Изъ всѣхъ горестей самыхъ жгучихъ нѣтъ ничего хуже, какъ чувство собственной неправоты. Разлука ужасна, но мысль, что наши души нераздѣльны, утѣшаетъ, а это чувство неправоты не можетъ имѣть облегченія ни внѣ, ни внутри; ему недоступно утѣшеніе. И ежели бы было доступно, то это значило бы, что душа унизилась, пала; итакъ, еще надобно благословлять эту ядовитую боль, ибо она послѣднее условіе, по которому человѣкъ сознаетъ неполное паденіе свое. Я давно не писалъ тебѣ о М.; но тутъ съ тѣхъ поръ ничего не поправилось, и признаюсь, холодный потъ выступаетъ иногда на лицѣ, и я не имѣю характера и силы разомъ окончить все это. Нѣсколько разъ говорилъ я о тебѣ съ восторгомъ, съ одушевленіемъ, показывалъ твой браслетъ, и это было не понято, да и немудрено,—она считаетъ меня за благороднаго человѣка, а могъ ли благородный человѣкъ такъ гнусно обманывать... Господи, продолжи еще разлуку, обрушь на меня еще несчастій, подвергни еще гоненіямъ, только дай средства выйти изъ этого заколдованнаго круга! О, Наташа, твое небесное сердце никогда не испытаетъ ничего подобнаго, а какъ это тяжело...

Почты все еще нѣтъ, но ежели и будетъ, что же она принесетъ мнѣ... Можетъ, нѣтъ отъ тебя писемъ, а мнѣ нужно ихъ для выздоровленія.

21-го апрѣля. Повѣсть моя не двигается, да, кажется, и не двинется. У меня нѣтъ таланта къ повѣстямъ; сверхъ того, я хотѣлъ въ нее влить многое изъ своей жизни, а все это еще слишкомъ свѣжо, чтобъ можно было писать. Хуже всего, что не хочется ничего дѣлать. Дай Богъ какой-нибудь перемѣны, такъ жить изъ рукъ вонъ тяжело. Но что все это передъ святой мыслью твоей любви, тѣмъ достойнѣе я буду О. и тебя. Прощай, ангелъ мой, прощай твой, и здѣсь и тамъ, Александръ.

Москва, 20-го апрѣля, въ 11 час. вечера.

Я было разсердилась *очень* на Е. И., что онъ не отдалъ мнѣ твоего письма третьяго дня. Какъ, какъ не отдать *мнѣ* письма *твоего?* Это ненатурально, безчеловѣчно, ежели *нельзя* отдать было—прислать! Но мысль, что письмо есть, что чрезъ нѣсколько часовъ оно будетъ у меня, все освѣтила, исчезла и досада,

и грусть!—Часто, много я виновата передъ тобою, ты ужъ другой разъ пѣняешь мнѣ сравненіе себя съ Вѣринькой,—это тебѣ непріятно... Прости Наташѣ, прости любви! Ты говоришь, что имѣешь еще недостатки, неизвѣстные мнѣ — *тебѣ вѣрю* и *тебя люблю!* Со всѣми совершенствами, со всѣми недостатками, ну, такъ, какъ ты есть. Ты такъ высокъ, такъ пространенъ, такъ свѣтелъ, что я иногда совершенно кажусь себѣ погруженная въ тебя, какъ песчинка въ море; но не думай, чтобъ я унизилась,—нѣтъ, я знаю себѣ цѣну. Гордость моя иногда бываетъ даже излишняя; напр., мнѣ кажется унизительнымъ употребленіе пищи: брашно,—нетлѣнное, духовное мнѣ! унизительны попеченія объ одеждѣ: подражаніе модамъ, облако—риза моя! унизительно сообщеніе съ людьми: ангелы — бесѣда моя!

21-го, утро. Ты пишешь о сужденіяхъ толпы, о любви,—о, они такъ же глупы, ложны и кривы, какъ и всѣ правила ихъ, какъ и она сама? Но хорошо, по крайней мѣрѣ, что она, считая этотъ предметъ недостойнымъ, мало распространяется о немъ. Но что же, мой другъ, развѣ она, толпа, не права въ томъ, что «можно быть счастливымъ и безъ любви, и гораздо болѣе и вѣрнѣе»; полюбивши, наконецъ—что необходимы препятствія, разлука, несчастія, чтобъ упрочить любовь, и то ненадолго, потому что женитьба заставитъ открыть глаза, увидѣть, что все это глупость, мечтательность и что супружеское счастіе заключается въ привычкѣ и то тогда только, когда жена хорошая кухарка, а то, что за жена, если мужу подаютъ супъ, или слишкомъ горячъ, или слишкомъ холоденъ, пересоленъ или недосоленъ; а, сверхъ всего этого, у нея есть правило, за которое она и тѣломъ и душой, это то, что «чѣмъ пламеннѣе любовь, тѣмъ скоропреходящѣе».—права, очень права толпа въ подобныхъ сужденіяхъ, да и какъ же ей не быть во всемъ этомъ увѣренной и не увѣрять другихъ, когда она въ себѣ видитъ безпрестанные примѣры и подтвержденія. Меня пусть не беретъ она труда увѣрять, потому что я вѣрю всему, что она гласитъ *о своей любви*, и можемъ ли *мы* оспаривать ее? Никакъ; она не знаетъ нашу любовь, какъ міръ надзвѣздной; дать имъ понятіе о ней такъ же трудно, и какъ увѣрить степного мужика, что солнце не одно, а милліоны ихъ, и еще труднѣе! Ихъ сужденія не только не проходятъ мимо нашей любви, даже не поднимаются ни на вершокъ отъ земли, такъ что же до нихъ тѣмъ, кто далѣе солнца отъ земли?.. Жалка толпа! Какая всегда меня беретъ грусть, какъ я насмотрюсь на этого урода, наслушаюсь его ропота, содрагательно видѣть тѣлесныя уродливости и болѣзни, а душевныя?.. выгодно иногда имѣть слѣпую душу. Какъ часто на молитвѣ, сближаясь съ Богомъ, созерцая красоту Его, славу и милосердіе,—этотъ изувѣченый нищій, толпа, мелькаетъ мимо меня, и я задрожу отъ холода, отъ страха, но молитва моя пламеннѣе, смѣлѣе. Когда послѣ Его молитвы, молитвы Сына Божія, послѣ распятія Его, толпа оставалась толпою,—что же моя молитва?

Вечеръ. Сегодня Царицы Александры, у меня три именинницы моихъ и рожденіе Emilie. Саша Б. всегда такъ много говоритъ о тебѣ, такъ разспрашиваетъ. А знаешь ли, я рѣже стала произносить твое имя,—проговорю цѣлый день и скажу менѣе, нежели Александръ, напишу тетрадь и напишу менѣе, нежели Александръ, это имя—книга Бытія, Природа, Вѣчность, Богъ! Никогда не произношу я его всуе, не смѣю даже произносить его въ этой тѣснотѣ, гдѣ сперлось дыханіе толпы; на высокой, на высокой горѣ, ближе къ Небу пусть вся музыка души выразитъ одно—Александръ, и это одно—все, и оно наполнитъ то, чему нѣтъ высоты, низу и границъ, пусть этотъ яхонтъ и бриллiантъ неба, пусть все

небо (если о немъ можно сказать—*все*) звучитъ Александръ, а землѣ довольно одной ноты, она одушевитъ ее, вольетъ двойную жизнь въ ея тѣло. Александръ, да знаешь-ли ты, какъ я люблю тебя?.. Нѣтъ, я мало люблю, мало, мало! Любить тебя любовью, которая можетъ вмѣститься въ этой тѣсной тюрьмѣ, любовью, которая сноситъ плѣнъ и оковы, не значитъ любить! Нѣтъ, я не люблю тебя: если-бъ любила, тѣло мое превратилось бы въ пепелъ, и на необъятное пространство вкругъ тебя сгорѣло бы все нечистое, ты очутился бы въ раю, любовь моя цвѣла бы дивной розой и лилией, наполняла-бъ все благоуханьемъ, зрѣла-бъ виноградомъ и оранжемъ, служила-бъ тебѣ ангелами, лилась бы музыкою на тебя... А я... я живу и въ чемъ же? въ чемъ и скоты живутъ, въ тѣлѣ, и, можетъ, долго проживу, и, можетъ, умру отъ старости, отъ болѣзни... Нѣтъ, я не люблю тебя! Зачѣмъ такъ крѣпко сдѣлано это тѣло, что въ душѣ нѣтъ силъ сбросить его.

22-го. Вотъ и апрѣль проходитъ, и май скоро, май!.. Сколько разъ свѣтила намъ надежда, и сколько разъ заходила за черную тучу... Ангелъ мой, Александръ, другъ мой, ты говоришь «страшно»; нѣтъ, мнѣ уже не страшно: что ихъ гнѣвъ, угрозы, самыя наказанія, когда ты будешь здѣсь? Воля Отца Небеснаго побѣдитъ волю отца земного, ты не предвидишь средствъ, и не надо ихъ предвидѣть. *Онъ* уже придумалъ ихъ; будемъ ждать исполненія; на что наши руки тамъ, гдѣ Его рука? Въ минуты, когда я слаба, когда меня обвѣетъ землею, боюсь того и другого, желаю многое перемѣнить, и шагу страшно сдѣлать впередъ,—когда же... когда же я *твоя Наташа?* О!.. посмотрѣлъ бы ты на меня давича... Перебирая всѣ листы души моей, я многое пропустила, почти все, что было до тебя, нѣсколько и послѣ, потому что, видѣвши тебя, я долго еще оставалась тѣмъ, чѣмъ была бы вѣчно безъ тебя; но вотъ я не только вижу,—начинаю понимать тебя, узнавать въ тебѣ знакомаго, родного, но еще не брата, еще не друга, о, до того еще долго, долго... долго? А вотъ ужъ я въ восхищеніи, что ты просишь черезъ меня муравьинаго спирта у княгини, поздравляешь письменно съ рожденіемъ меня, ты подписываешься (въ пригласительной запискѣ къ *вамъ* обѣдать) *вашъ* Александръ,—я счастлива совершенно! Остановлюсь на этомъ счастьѣ, теперь, пропустивъ 4 года или 5—поставить это *совершенное* счастье подлѣ того, которое теперь въ душѣ, уже я не знаю, какъ и назвать его, когда *то* совершенное?.. Что сдѣлаютъ люди солнцу, когда пустятъ въ него ядра изъ всѣхъ пушекъ своихъ? тоже сдѣлаютъ они и намъ своими словами. Тяжело быть *розно* съ тобою, тяжело, сложа руки, оставаться или, еще что хуже, дѣлать ботвинью тогда, какъ отъ трудовъ льетъ съ тебя кровавый потъ, и не мочь не только раздѣлить эти труды, не мочь отереть этотъ потъ, не мочь раздѣлить и минуты отдыха!.. Видитъ Богъ, какъ тяжело... *Онъ облегчитъ!..*

Ужъ поздно, пора кончить, еще нѣсколько словъ,—душа моя становится все лучше и лучше, любовь возноситъ ее до всего высокаго, изящнаго, святого, но при всемъ этомъ бываютъ минуты темныя, темныя,... что значитъ, что она еще не совершенно хороша. Надо многое сказать объ Emilie, но ужъ до завтра, совѣтую и тебѣ отдохнуть,—такъ мелко писано. Руку! пріятный сонъ, мой ангелъ.

23-го. Я не хотѣла писать Emilie о томъ, что *ты знаешь*, что *ты не противъ*, потому что она имѣетъ неограниченную вѣру въ тебя, и это могло бы ускорить ея рѣшимость; но я получила отъ нея письмо; съ *нимъ* она видѣлась послѣ меня, на станціи, получила отъ него письмо... онъ ей нравится, находитъ его достойнымъ и вотъ что пишетъ мнѣ: «Помоги мнѣ, Наташа, расположить моимъ сердцемъ, я не буду отвѣчать ему, пока не получу твоего отвѣта». Изъ

этого видно, что уже кончено, рѣшено, не доставало только моего согласія,—я даю ей его и для успокоенія написала все, какъ ты узналъ и какъ ты не противъ. Неужели Господь не умилосердится надъ нею, сколько, сколько потерпѣла она, право, кажется, ото всего и ото всѣхъ на свѣтѣ. Пора къ пристани! Тебѣ она велѣла написать, что хотя не сердится за то, что ты не пишешь ей, но желала-бъ хоть одну строчку.

3-ій часъ пополудни. Какая суета, спѣшатъ, торопятся и все это подъ Новинское... Оставимъ ихъ тамъ, я не была и не буду; не туда стремятся мысли и чувства, немного подальше... О! какъ бы я посмотрѣла теперь на тебя, одну бы минуту, одинъ мигъ! Перемѣнился ли ты съ тѣхъ поръ... иногда я такъ живо тебя представлю, что меня спрашиваютъ, отчего я покраснѣла. Вонъ идутъ двое, —ростъ и осанка его похожи на твои и она, какъ будто, на меня похожа, зачѣмъ же они идутъ подъ Новинское?.. И, вѣдь, какъ всѣ пресерьезно, преважно, преторжественно шествуютъ туда,—будто тамъ ты, или, по крайней мѣрѣ, я, а въ самомъ дѣлѣ мнѣ досадно на нихъ, не глупо ли это, Александръ? Да что еще! Я воображаю, что непремѣнно когда-нибудь они поумнѣютъ, что всѣ эти глупости, вздоры, которые такъ грабятъ ихъ душу и карманъ, кончатся,—безумная мысль!—Ангелъ мой, я не могу себѣ представить, что *тогда* мы также будемъ съ этими людьми, также необходимо будетъ имѣть съ ними сношеніе, сближеніе... нѣтъ ненадо! Но, вѣдь, что я ни воображаю, все это невозможно: какъ хотѣть жить совершенно небесною жизнью на землѣ? Мнѣ все бы одна природа, такая, какъ создалъ ее Богъ, а не какъ передѣлали ее люди, все бы души чистыя, высокія, а не такія... Но на что же мнѣ это все? на что, когда есть ты, твоя душа! Милый, милый!!.

Вечеръ 24-го. Къ тебѣ, къ тебѣ, ангелъ мой, на твое сужденье! Помнишь ты эту дѣвочку, стыдливую еще такую, застѣнчивую, которая не могла и не умѣла сказать слова—помнишь? Ну, это я все также краснѣю, запинаюсь... о, пренесносная! Любовь, создавшая изъ ничтожества *твою Наташу*, не можетъ въ Наташѣ создать *имъ* ни одного взгляда, ни одного слова. Мнѣ-бъ нужды нѣтъ, да тебѣ это будетъ досадно. Пусть бы меня называли глупой, дикой. Кажется, Войноровскій говоритъ:

«Я-бъ желалъ, чтобъ люди узника чуждались,
Чтобъ меня среди сихъ скалъ,
Какъ привидѣнія, пугались»...

Съ какимъ восторгомъ всегда я повторяла эти слова; но ты скажешь: «какъ! чтобъ *мою* Наташу называли глупою»... Прости, прости мнѣ, ангелъ мой! что-жъ дѣлать мнѣ, когда я такъ мало дорожу мнѣніемъ людей, они сами такіе нехорошіе... О, если-бъ не ты! Ну, право, легче-бъ лежать подъ гробовой крышей, среди мертвецовъ, тамъ, гдѣ-нибудь далеко, на кладбищѣ... пусть ночь, пусть вѣтеръ, пусть ливмя дождь!.. Пусть-бы ужъ они были нехороши, да не такъ ничтожны. Самое дурное это ихъ ничтожность: повѣришь ли ты, чтобъ я это писала, видѣвшись нѣсколько часовъ тому назадъ съ Сашей Б.? Да, Александръ, и я была съ ней нѣсколько часовъ, а пишу это, потому что тутъ были другіе, много другихъ... Вѣдь, не могу же я всѣхъ карикатуръ обратить въ лики серафимовъ, вмѣсто испорченной, обезображенной души—дать свѣтлую, ясную, какую даетъ Богъ, не могу сонъ превратить въ жизнь дѣятельную, не могу заставить летать тѣхъ, которые едва ползаютъ... Къ чему-жъ это волненье, эта боль, стремленіе, буря?..

Тогда и въ тебѣ было много земного, любовь очистила, сдунула землю, о! надо какъ можно меньше земли, Александръ, хотя мы *на ней*, хотя будемъ *въ ней!* Пусть глаза мои прежде засыплютъ землею, нежели одна пылинка ея упадетъ на душу!!. Александръ, какъ можно меньше земли! О, неужели страшно заслужить отъ *нихъ* названье «чудака». Въ самомъ дѣлѣ, нехорошо, непростительно воображать, что я не могу ни съ кѣмъ говорить, кромѣ тѣхъ... короче сказать—кромѣ *своихъ*: да, конечно, непростительно *воображать*, а ежели на самомъ дѣлѣ такъ? Непростительно же? Помири меня, другъ мой, съ *ними*, научи говорить, присѣдать имъ, научи глядѣть на нихъ, — клянусь, я не умѣю! Какъ бѣжать отъ людей, когда еще долго, можетъ быть, жизнь съ ними; вотъ видишь ли, какая я негодная,—напримѣръ, скажутъ: «ахъ, какъ же, онъ (или она) прекрасный человѣкъ, *предостойный*, вѣжливый, искательный»... довольно, довольно! У меня сердце ужъ повернулось, ужъ я сердита, огорчена, хочу говорить, учить, наставить на путь истинный, открыть глаза,—а этого нельзя, какъ же ужиться мнѣ съ людьми? Жить-то съ ними можно, да какъ же стерпѣть, чтобъ они видѣли черное бѣлымъ, а бѣлое чернымъ? Какъ стерпѣть, ангелъ мой, чтобъ солнце называли *только* желтымъ, а не видали-бъ ни свѣта, ни лучей?..

Вся эта страница, кажется, бредъ. Если я въ бреду, дай Богъ скорѣе опомниться, какъ тяжко въ этомъ бреду, и дай Богъ увидѣть людей не такими, какими вижу ихъ въ бреду—теперь.

Ночь. Пусть называютъ меня мечтательницей, набравшейся романовъ, ханжой... Я не *имъ* говорю, тебѣ. Мнѣ такъ тяжело, тяжело было отъ того, что я *нѣсколько* посмотрѣла на людей, слышала ихъ; долго стонало сердце и ломилась грудь отъ этой тяжести, но... но будто у меня нѣтъ крыльевъ, нѣтъ тебя! Вы болѣе ничѣмъ со мною не подѣлитесь, люди, у васъ ничего *нѣтъ* больше? Прощайте! Лечу къ нему, туда, туда къ нему!.. И вотъ—ужъ это не кусочекъ грязи съ букашками, да тутъ и матеріи нѣтъ никакой,—свѣтъ, одинъ свѣтъ! Музыка... а не тотъ пискъ, трескъ и ворчанье, не они, не они, а онъ, онъ, онъ! . . . .

«Въ мірѣ скорби будете; но дерзайте, яко азъ побѣдихъ міръ». Ужели *скорбь*—болѣзни, бѣдность, разлука? *Люди*. Не читай болѣе одного раза моихъ писемъ,—они утомительны. Даромъ, что я не люблю земли, а и тутъ ея много. О! кто бы спасъ меня, кромѣ тебя! тебѣ и душа моя, тебѣ, тебѣ!

26-го апрѣля. Благодарю за письма (отъ 9-го апрѣля до 14)! Что такое между нами *благодарю?* тутъ-то оно и имѣетъ совершенное значеніе, а внѣ—пустое слово. Благодарю, Александръ! Да, да, часто и долго погружаюсь я въ мысль о союзѣ, о которомъ пишешь ты, о томъ союзѣ, который дѣлаетъ насъ всѣхъ членами Христа, необходимыми для составленія цѣлаго, мысли Его, человѣка. Какой сверхъестественный восторгъ обнимаетъ душу, когда все это разнообразіе, всѣ сердца, души, стремленія, желанія, мысли всѣхъ людей сольешь въ одну дивную, гармоническую пѣснь Творца! Тогда-то не чувствуешь земли, тогда-то врагъ—тѣло не властно надъ Божьей рифмой! И послѣ—какъ долго неразрывно сердце съ *ихъ* сердцами, какъ долго не тѣсно въ груди,—она становится широкою, безграннoю... но, наконецъ, мелькнетъ самолюбіе во взорѣ, сердце, обваленное въ землѣ... и вотъ, вмѣсто хлѣба, рука человѣка, рука брата, моя рука «дастъ камень». Распадается человѣкъ, мало-по-малу всѣ узы врозь, и—одна глава—Христосъ! Гдѣ-жъ цѣль шестидневныхъ трудовъ—подобіе Его? Тутъ почувствуетъ нога землю, рука цѣпи, грудь крестъ, нальются въ глаза слезы и канутъ на душу—но ты!? но эта симпатія, но эта гармонія, сочетаніе, слитіе

душъ нашихъ?.. Онъ обѣщалъ быть посреди двухъ или трехъ, собравшихся во имя Его,—когда мы еще не одна—Онъ посреди насъ!.. Сегодня годъ свадьбѣ Огарева.

27-го. Молиться о тебѣ — да, мнѣ молиться о тебѣ! Ты пишешь, Александръ, что уста мои привыкли къ молитвѣ, что я съ ней засыпала, съ ней просыпалась. Да и что же была бы я безъ молитвы тогда, какъ душа, открывшись впервые, искала привѣта, созвучья и находила одинъ холодъ моралей или каплю участья въ чашѣ эгоизма, когда я протягивала всѣмъ руку, и никто не жалъ ее? что бы была я, если-бъ Онъ не воззвалъ ко мнѣ, не протянулъ руку свою?.. Но теперь молитва моя не *та*, нѣтъ. Тогда она была ограничена и временемъ, и словами, тогда она была *только убѣжище* мое отъ недруга - міра, тогда я могла пересказать, что такое молитва, какъ я молюсь, а теперь... я не читаю «Отче Нашъ»; молитва, не сжатая назначеннымъ часомъ, не связанная словомъ, молитва — это вся душа, вся любовь, вся жизнь; но и у меня есть обыкновенныя минуты, въ которыя я не молюсь, рѣдки и коротки эти минуты и тяжки! но все это означаетъ еще несовершенство мое, я должна, *могу* достигнуть его любовью. Вотъ торжественныя, несравненныя минуты, Александръ, когда солнце устанетъ освѣщать суету-суетъ, когда сама суета устанетъ суетиться и наляжетъ на небо тѣнь, на землю сонъ, — вознестись къ Его престолу, туда, гдѣ нѣтъ ни тѣни, ни сна, прижаться къ Его груди, отдохнуть отъ земли, подѣлиться тобою и почерпнуть тебѣ изъ этой груди даровъ небесныхъ, божественныхъ!.. Молиться о тебѣ! Молиться о тебѣ! О, мой Александръ, о, ангелъ мой, о, другъ мой! Вся жизнь моя молитва о тебѣ, молитва разлучитъ и душу съ тѣломъ!

Но со всею чистотой моей, какъ вѣра безъ дѣлъ мертва, такъ и я безъ тебя ничтожество... Благодарю, благодарю воспитателей моихъ, что они лишили меня всего того, что *они могли* дать мнѣ! тогда мнѣ было непріятно, я сѣтовала на нихъ, теперь—во всѣхъ дѣйствіяхъ ихъ вижу Провидѣніе Его. Я бы желала *ихъ* вознаградить за это, но, видно, я не предназначена для этого; напротивъ, я приношу имъ собою однѣ непріятности—*тамъ* награда имъ!

Да что и говорить, мой другъ, о симпатіи нашей! Ты замѣтилъ, что мы даже одинаково выразились о девятомъ апрѣля, я не замѣтила этого прежде тебя, удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Ты, Ог., я—троица единосущная, нераздѣльная, и всѣ трое—одинъ ты. Какъ мнѣ хочется прочесть «*Мысль и Откровеніе*». Ты скажешь: «что это такое *хочется*, слишкомъ холодно, обыкновенно»; да замѣть, что мнѣ никогда ничего не хочется обыкновенно, потому я смѣло употребляю это выраженье. «*Легенда*» у Василья Васильевича; я давала ему ее не съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ давала многимъ, перешлю и «*Встрѣчу*» ему,—прощай пока! Полно, свѣтла душа моя!

3 часа пополудни. Два года твоему опасному путешествію по Волгѣ,—а я плакала надъ описаніемъ его, и сердце замирало, будто я вижу тебя на грозныхъ волнахъ близъ смерти... О, какъ это живо! страшно, страшно! Но Господь спасъ тебя,—*Онъ* знаетъ для *чего!*

Опять отъѣздъ твой—можетъ, скоро будетъ въѣздъ! а воспоминаніе этого распятія копьемъ пронзаетъ сердце. Сколько перестрадалъ, сколько вынесъ ты! И неужели еще далекъ покой, далека награда?..

Вятка! Тебя любитъ Богъ, потому что Онъ тебя избралъ мѣстомъ *его* изгнанья. Во всю жизнь твою у тебя не было подобнаго изгнанника, гордись *двумя годами*, они твои, разсказывай о нихъ дѣтямъ своимъ, напиши свѣтомъ на сердцѣ

твоемъ *два года* и тогда, какъ предстанешь тамъ предъ Нимъ, какъ ангелъ будетъ вѣсить дѣла твои, — всю тяжесть мрачныхъ дѣлъ твоихъ перевѣсятъ свѣтлые два года! Но только два, довольно тебѣ; о, Вятка! не требуй болѣе, отдай *его* мнѣ, онъ мой, онъ душа моя, онъ жизнь моя, онъ—я, отдай мнѣ меня! Благодарю тебя за твою дружбу, за твое гостепріимство, прощаю холодность и непривѣтъ, и тебя же, врагъ—другъ мой, умоляю возвратить его мнѣ, преклоняю колѣни души моей... Вятка! Вятка!..

Что заранѣе бояться, можетъ, мы поздно поѣдемъ въ деревню, можетъ, вовсе не поѣдемъ! Можетъ, и ты пріѣдешь только къ моимъ именинамъ... ахъ, Богъ знаетъ, что *можетъ быть!..*

Вѣдь, это странно, будто вѣкъ не видала тебя и будто сію минуту видѣла! Вотъ на этомъ диванѣ (въ к[нягининой] спальнѣ), на самомъ этомъ мѣстѣ сидѣлъ, глядѣлъ, говорилъ, хоть и не для меня... вотъ здѣсь, именно здѣсь показывалъ, какъ мечутъ банкъ, и отъ слова до слова вся рѣчь твоя, всѣ взгляды, сплелись вокругъ меня огромнымъ вѣнкомъ, и самое свиданіе и самая жизнь вмѣстѣ не разорветъ этого вѣнка. И каково будетъ на самомъ же этомъ мѣстѣ мнѣ сказать тебѣ: «благодарю васъ, Александръ Ивановичъ, за то, что вы помнили меня въ Вяткѣ, *иногда* писали ко мнѣ»,— а затѣмъ? тогда мы вмѣстѣ прочтемъ *имъ* наши письма. Но что же изъ этого будетъ?... О, нѣтъ, нѣтъ, ни за что на свѣтѣ, это одно поруганіе. Да что намъ за дѣло, что *будетъ* тогда: мы *будемъ* вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ ближе!

Вечеръ. Ты писалъ, что жена Витберга можетъ только дѣлить съ нимъ минуты отдыха,—это не выражетъ даже и помощницу. Ты, мой Александръ, удѣлилъ мнѣ половину своихъ несчастій, ты мнѣ сказалъ: «*съ тобой, Наташа, все дѣлю*». Я не хочу тихо колыхаться на зеркальной поверхности океана любви, нѣтъ; вмѣстѣ труды и изнеможенья, вмѣстѣ отдыхъ и покой! Теперешняя жизнь моя или, вѣрнѣе, препровожденіе время несносно для меня своею пустотою, бездѣйственностью, а еще болѣе занятіями ничтожными. Всегда во мнѣ была наклонность къ занятіямъ умственнымъ, но всегда я встрѣчала вездѣ затворенныя двери. *Тогда* онѣ всѣ разомъ растворятся для меня, и ты разомъ передашь мнѣ то, что я собиралась бы, можетъ, цѣлую жизнь. Вотъ тутъ невольно опять повторится—скорѣе! скорѣе! . . . .

Что за зàмки строю я, пусть ихъ называютъ воздушными, съ тобою я знаю, что все возможно. А звѣзда стоитъ надъ окномъ и смотритъ на меня, и свѣтитъ мнѣ, и говоритъ о томъ, чего не слышатъ уши,—это онъ, онъ мое свѣтило, это только одна мысль *его*, а онъ солнце безъ восхода и заката. Прощай! Душа!

28-го. Прости меня, ангелъ мой, я теперь не могу вспомнить, что написала вмѣсто *Скворцова, Соколова*. Прости, но неужели это невниманье? Видно. Полина усердно носитъ кольцо, когда оно осыпается, а можетъ, и оттого, что оно въ золотѣ. Что ея судьба! Для Скворцова я желаю,—но ежели она равнодушна? Не думаешь ли ты, что вятскіе друзья твои мнѣ ничего? Нѣтъ, ты этого не думаешь: что бы чувствовалъ ты, если-бъ зналъ, что у тебя есть родные братья и сестры, о которыхъ ты прежде не слыхалъ и никогда не видалъ... а Полина, Скворцовъ, Витбергъ и Эрнъ — сестра и братья мнѣ по душѣ!.. Скажи мое истинное почтеніе маменькѣ Эрна, какъ я ее помню, очень, очень помню—уважаю и люблю. Мудрено и ей меня забыть: вѣрно, во всю ея жизнь никто съ перваго раза не былъ ей такъ радъ, не говорилъ съ такимъ жаромъ и такъ откровенно, какъ я. Черезъ два дня *май!* можетъ и *только!..* Но, мой другъ мысленно, ду-

шою обнимемся крѣпко, крѣпко и намъ будетъ легче. Благодарю за Гамлета! Я читала его и хотѣла купить, но мнѣ не позволили бы. Въ первый разъ читаю Шекспира и начала Гамлетомъ! Можетъ, еще я его не совершенно понимаю, но пусть геній приметъ и мое удивленье, какъ отъ вдовицы двѣ лепты—особенно, когда Гамлетъ открываетъ душу матери. Еще благодарю. Прощай, Александръ, давай мнѣ обѣ руки, жму ихъ. Цѣлую тебя. Твоя Наташа.

28 апрѣля.

Наташа! и этотъ лучъ надежды сталъ меркнуть, блѣднѣть; теперь пишутъ другое изъ П., а мы было такъ дѣтски отдались надеждамъ. Милый ангелъ, будемъ еще терпѣть,—стыдно, терпѣвши столько, унывать наконцѣ.

Я теперь переѣхалъ на нѣсколько дней къ Эрну, и видъ изъ моей комнаты на поле и на рѣку, которая теперь въ разливѣ; часто сажусь я на окно и устремляю глаза, вижу даль, и тогда мнѣ вольно мечтать о тебѣ, моя небесная подруга... Всѣ чувства, всѣ мысли, все мое существованіе превращается болѣе и болѣе въ свѣтлое чувство любви, ты еще болѣе для меня, нежели была; какимъ совершеннымъ сиротою была бы я безъ тебя—не обижая дружбы, она никогда не могла бы дать столько. Наташа, Наташа, ей-Богу, я не думалъ, чтобъ когда-нибудь я могъ такъ любить, но зналъ-ли я, что на землѣ есть ангелъ, и что этотъ ангелъ полюбитъ меня... Губернаторовъ сынъ женится, надняхъ былъ у него обѣдъ послѣ помолвки, я пристально смотрѣлъ на жениха и невѣсту: какъ мы должны благословлять Бога, что онъ намъ далъ душу, раскрытую чувствительнымъ и высокимъ. Я воображаю тебя и себя тогда, за нѣсколько дней до вѣчнаго соединенія (которое, впрочемъ, одна форма, ибо мы соединены на вѣки), какой восторгъ, какая радость,—а эти, женихъ *строитъ куры* невѣстѣ, невѣста *жеманится*, все натянуто, холодно, а онъ кричитъ: «о, какъ ее люблю!» Толпа, иди своей дорогой, счастливый путь, но ежели ты идешь направо, то я съ Наташей пойду налѣво; иди съ своими получувствами, полумыслями, полусуществованіями; намъ надобенъ просторъ и просторъ, обширнѣе всего шара земного, намъ надобно небо.

Часто, смотря на толпу, мнѣ приходитъ въ голову та простонародная сказка, гдѣ царевичъ былъ засмоленъ въ бочку и брошенъ *въ Море-Океанъ*. Царевичъ сталъ рости, тѣсно ему въ бочкѣ, онъ и проситъ дозволенія ноги протянуть.— «Да, вѣдь, ты потонешь, добрый молодецъ».—«Нужды нѣтъ, отвѣчалъ онъ, лишь бы протянуться: лучше тонуть въ океанѣ, нежели, скорчившись, жить въ бочкѣ». Я совершенно согласенъ съ этимъ царевичемъ. Вотъ тебѣ еще анекдотъ за тѣмъ же обѣдомъ. Vis-à-vis со мною сидѣла одна очень миленькая барышня; между прочимъ, разсказывала она мнѣ, что ежели кто хочетъ въ одно время думать объ отсутствующемъ другѣ, когда тотъ думаетъ, то стоитъ прежде посмотрѣть на луну и сказать три раза belle lune pense à moi и пр.—Положимъ, что такъ, сказалъ я, но не лучше-ли была бы та симпатія, которая заставила бы *ее* писать точно то же за 1.000 верстъ, что *онъ* пишетъ здѣсь, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ. Толпа услышала и говоритъ, что это невозможно: я хохоталъ, —подумали, что и я не вѣрю этому. А сколько разъ съ восторгомъ и трепетомъ души читалъ я свою мысль въ твоемъ письмѣ,—да и что же тутъ удивительнаго, развѣ есть видимый предѣлъ между твоей душою и моей; одно различіе—ты любишь меня, я—люблю тебя. Но, *кажется*, chère amie, это не разрушаетъ симпатіи.

Ты пишешь въ прошломъ письмѣ, чтобъ сказать папенькѣ обо всемъ тотчасъ по пріѣздѣ: я тысячу разъ думалъ объ этомъ, но еще не рѣшился. Ты знаешь-ли его характеръ, холодный и разсудительный, его врасплохъ не застанешь. И потому надобно прежде знать сколько-нибудь его мнѣніе; ибо ежели я сдѣлаю прямой вопросъ, то отрицательный отвѣтъ совершенно разъединитъ меня съ нимъ. но что онъ можетъ имѣть противъ нашего соединенія? Я молодъ - хорошо, я откладываю на два, на три года, лишь бы впередъ рѣшено было, что не будутъ тебя мучить, что спасутъ тебя отъ Макашиныхъ, дадутъ волю заниматься, и мы будемъ i promesi spasi, какъ называютъ итальянцы, и это состояніе прелестно. Ну, еще наше препятствіе—деньги; послѣднее время онъ такъ былъ щедръ ко мнѣ, что стоитъ только продолжать; вѣтреность—но неужели два года ничего не доказываютъ? Ахъ, если-бъ все это обдѣлалось письмами; я намекалъ раза два, но онъ какъ будто не видитъ; въ послѣднемъ письмѣ я пишу о слухѣ, что я здѣсь женюсь, который отъ нечего дѣлать распустили здѣшніе господа, пишу какъ нелѣпость; но это можетъ навести на серьезное,—буду ждать его отвѣта. Впрочемъ, Natalie, все это вздоръ, мы будемъ соединены, клянусь твоей любовью, какъ—все равно, когда—все равно.

Природа расковалась, а я нѣтъ!

О сколько болѣзненныхъ, жгучихъ мыслей толпилось въ груди, когда я перечитывалъ, какъ ты вечеромъ смотрѣла на улицу. Поварская,—и ты свята для меня, съ какимъ благоговѣніемъ пойду я по твоему каменному хребту, я поцѣлую тебя, я слезою почту тебя. Оттуда со скачки я взглянулъ въ послѣдній разъ на нее, облако пыли покрывало ее и одинъ шпицъ *той* колокольни, какъ штыкъ часового блисталъ въ преддверіи,—грустно мнѣ тогда было: и я не видалъ съ тѣхъ поръ Поварской скоро 3 года, и продолжается грусть.

Я какъ-то сталъ глупѣе съ тѣхъ поръ, какъ надежда опять отлетѣла, что-то усталое, не живое въ душѣ, сержусь, капризничаю и письмомъ этимъ я недоволенъ, цѣлая страница вздору, но я знаю, что для тебя мое письмо, и потому безъ особенныхъ причинъ не лишаю тебя этого удовольствія. Прощай.

Кланяйся твоей Сашѣ, Emilie, когда будешь писать. Полина жметъ твою руку. Цѣлую тебя, мой ангелъ... ангелъ Наташа.

Александръ.

30-го апрѣля.

Ангелъ, ты всегда отрываешь меня отъ душной земли и переносишь въ небо, это твое назначеніе и, божественная, великая, какъ ты его исполняешь! Вотъ твои письмы (отъ 25 марта—6 апр.) И я, воспитанный, спасенный счастливой дружбой и любовью, сказалъ, что въ 25 лѣтъ ничего не сдѣлалъ. Нѣтъ, вижу, что надобно искоренить славолюбіе, это высшая степень эгоизма и зачѣмъ же жаждать еще чувствъ, еще блаженства, когда душа черезъ край наполнена. Твое письмо, какъ чистое дуновеніе рая разбудило меня. Ежели я имѣю силу, ежели Провидѣніе не тщетно разливаетъ дары, то будущность моя совершится безъ натяжки, стоитъ только слѣдовать персту, указующему путь; этотъ перстъ мнѣ указуетъ теперь одно— тебя, и я понимаю почему. Кто могъ, кромѣ тебя, остановить меня среди разгула буйной жизни? Но это еще легче было, ибо въ душѣ никогда не померкало доброе начало; но кто могъ бы потрясть мою давнишнюю мечту о славѣ, ту мечту, которая тревожила меня ребенкомъ, заставляла не спать ночи и заниматься во время курса, переносить страданія, эта мысль была свя-

тая святыхъ моей души, ты однимъ словомъ, одной строчкой потрясла до основанія этотъ алтарь гордости, я излечусь отъ него, вотъ тебѣ моя рука и душа будетъ чище. И въ самомъ дѣлѣ—ну, ежели нѣтъ назначенія громкаго и я *натяну* его, оно обрушится на меня, какъ гранитная скала, а не для того созданныя рамена поникнутъ и чужое задавитъ меня.

Развѣ мысль, восторженная, живая сама въ себѣ, и любовь, и дружба недостаточны душѣ? О, какъ дурна должна быть та душа, въ которой останется мѣсто для рукоплесканья толпы, которую она будетъ дѣлить со всякимъ фокусникомъ. И послѣ этого мнѣ не молиться на тебя. Наташа, Наташа, моя спасительница! Шиллеръ говоритъ о дѣвѣ Орлеанской: «и избралъ Господь голубицу для исполненія воли своей». Святая голубица, слетѣвшая изъ рая, ангелъ Господень, царствуй надо мной, передъ посланникомъ Божіимъ не стыдно склонить главу. И какъ святы, какъ чисты эти орудія Господа. Наташа, ни слова болѣе, я счастливъ, чрезмѣрно счастливъ... Да, да, одинъ взоръ, одно объятье, и покинемъ землю, черную, грубую, гадкую землю! Взгляни на это блаженство, разлитое въ моей душѣ, и помолись,— это твое дѣло, ты принесла рай въ земную душу. Молись,—ты совершила свое призванье.

Рѣка здѣсь широкая, и теперь разливъ; я долго катался на лодкѣ, небо было чисто, вода спокойна; я мечталъ о небѣ и о тебѣ, я находилъ какое-то общее разительное сходство между тобою и этимъ воздухомъ весны, и этой лазурью, я, ничтожный, созерцалъ, понималъ это небо такъ, какъ понимаю и созерцаю тебя, мнѣ было хорошо; часъ передъ прогулкой я получилъ твое письмо, и этотъ видъ, эта величественная рѣка продолжали твое письмо,—я чище, святѣе понималъ его. Наташа! Наташа! Какъ велика ты, пересоздавшая меня!

Хочу нынѣшнее лѣто провести лучше, я не надѣюсь въ 37 году увидѣть тебя (мое пророчество объ этомъ годѣ сбылось), я открою свою душу всѣмъ чистымъ наслажденіямъ, буду таскаться по полямъ, лѣсамъ, буду ѣздить верхомъ, почти никуда не ходить и пуще всего отучусь отъ этого грубаго обыкновенія пить вино. Пусть это короткое лѣто будетъ поэтическимъ потокомъ; одно мѣшаетъ —служба. Ты, ангелъ, перенесешь разлуку; Богъ дастъ тебѣ силы довершить начатое.

3-го мая. Еще письмо (отъ 7-го до 19-го апрѣля)—послѣдняя буря улеглась въ душѣ, и я спокойно посмотрѣлъ около себя. Твое письмо похоже на чистый воздухъ Пиренейскихъ горъ, который вѣетъ иногда на Италію, чтобъ освободить ее отъ сирокко, ядовитаго дыханія Африки. Тогда все живое воскресаетъ, дышетъ легко, смерть и тягость проходятъ. Опять та же симпатія, которая, наконецъ, превращается въ совершенное слитіе, безраздѣльное, полное нашихъ душъ. Ты и я совершенно одинакимъ образомъ встрѣтили праздникъ.

Итакъ, княгиня просила Льва Алекс. о богатомъ женихѣ, о женихѣ съ мѣстомъ. Я знаю, что изъ этого ничего не будетъ и что Л. Ал., выходя изъ комнаты, забылъ; но сколько непріятностей ждетъ тебя, ежели явится какой-нибудь дуракъ подъ протекціей Макашиной. Нѣтъ, пора маску долой. И, вѣдь, они не понимаютъ, какой небесный ангелъ ввѣренъ Богомъ имъ на сохраненіе. О, Дидротова кухарка! И меня считали вѣтренымъ мальчишкой. Пора, пора... Уже мысль одна о женихѣ, даже въ нелѣпѣйшихъ головахъ, есть для меня обида, ужасная, нестерпимая. О, какъ неумолима, жестока судьба—я скованъ, связанъ, брошенъ въ дикую сторону, и всѣ надежды—только зарницы, намекающія на свѣтъ, а не день. Только дай же мнѣ честное слово, какія бы непріятности ни были, ты

ихъ не скроешь отъ меня,—все знать гораздо легче, нежели часть. Я не понимаю, чего бояться мам[еньке] сказать объ этомъ папенькѣ; развѣ для этого надобно открывать переписку, развѣ нельзя сказать о нашемъ свиданьѣ? Погожу немного, да разомъ напишу все отъ доски до доски. А тебѣ, ангелъ, слезы—я сотру ихъ, я превращу ихъ въ слезы восторга.

5-го мая. Вчера ночью поѣхалъ я кататься на лодкѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ блѣдно, разливъ черезъ поля, лѣса соединяетъ рѣку съ озеромъ, отстоящимъ на $5^1/_2$ верстъ; я поѣхалъ туда. Рѣка была спокойна, небо спокойно, луна бѣжала за нами по водѣ, и нерѣдко волна, взброшенная весломъ, подымалась, чтобъ сверкнуть, какъ молнія, и исчезнуть. А по другую сторону—мракъ.

Хороша природа, вездѣ хороша, и тутъ мнѣ былъ просторъ и досугъ мечтать о тебѣ. И ты, ангелъ, пишешь, что, смотря на природу, ты находила въ ней меня —вездѣ наша симпатія. «Что было бы съ тобою, спросилъ Скворцовъ, ежели-бъ ты обманулся въ ней и въ Ог.?»—Я отвѣтилъ, что это такъ нелѣпо, что нельзя и сказать. Что была бы вселенная, ежели-бъ не было Бога, ея-бъ не было, и нечего придумывать; ибо Богъ есть, такъ и любовь въ моей жизни, тутъ ничто не можетъ потрясти моей вѣры. Онъ покраснѣлъ отъ своего вопроса, жалѣлъ, что высказалъ его, дивился моему счастью.

Я вспомнилъ поэта:

... le Seigneur
Mêle eternellement dans un fusion hymen
Le chant de la nature au cri du genre humain.

Съ одной стороны, рѣка, горы, даль, съ другой— маленькія лачуги, гдѣ царятъ бѣдность и большой каменный острогъ, который печально смотрится въ рѣку и звенитъ цѣпями и дышетъ вздохами.

Прощай, сестра, другъ. Прощай, моя Наташа. Когда взгруснется, подумай о моей любви, подумай, какъ безпрерывно и всегда ты въ душѣ моей,—и грусть отлетитъ.

Прощай же, кажется, нельзя обвинять, что рѣдко пишу.

Твоей Сашѣ братскій поклонъ, я самъ хотѣлъ бы написать ей нѣсколько словъ.

Addio!

Александръ.

Вотъ тебѣ, милый другъ, слово въ слово письмо Огар. Читай и восхищайся.

«Писалъ очеркъ моей системы (который, можетъ, дойдетъ и до тебя) и усталъ ужасно; но еще есть силы писать къ другу, къ вѣчному, неизмѣнному другу.

Наши сношенія рѣдки; только два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались; какъ долго носилъ я эти письмы съ собою, какъ много слезъ пролилъ надъ ними и, наконецъ, ихъ нѣтъ; слѣды ихъ въ памяти слабѣе и рѣже, и вотъ становишься ими недоволенъ, припоминаешь черты знакомаго лица; хочешь быть съ нимъ вмѣстѣ, хочешь обнять брата, родного по душѣ, и ловишь призракъ: исчезаетъ, и на сердцѣ становится тяжело и черно... Много перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ мы не вмѣстѣ. Я женился!.. Не смѣй при этомъ словѣ съ горестной улыбкой вспоминать о Танѣ, Танѣ, которая любовью эгоистической выколдовала его изъ круга друзей. Моя Марія пожертвуетъ всѣмъ для будущности; не смѣй тоже сомнѣваться въ *твоемъ* другѣ; онъ вѣренъ самому себѣ, какъ истина. *Нѣкоторые* сомнѣвались во мнѣ. Но ты, не правда-ли, ты ни на минуту не сомнѣвался, ты лучше знаешь меня. Эта увѣренность, что есть человѣкъ, который никогда не усомнится во мнѣ, въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни былъ, эта увѣренность — мое сокровище; твоя

дружба—мое сокровище. «Одно во всю жизнь не измѣняло мнѣ, это твоя дружба», писалъ я нѣкогда; теперь скажу, что есть еще сокровище неизмѣнное—это любовь моей жены. Другъ! Я счастливъ ею, люби ее какъ сестру, она достойна того, я за нее ручаюсь. Я писалъ къ нимъ, что я счастливъ, но они въ ней видѣли Таню и не радовались моему счастью; они любили во мнѣ орудіе идеи, но не человѣка. Другъ! ты любилъ меня для меня, да, ты будешь радъ, когда я скажу тебѣ: я счастливъ! Ты не скажешь мнѣ неправеднаго укора, ты меня знаешь, ты въ меня вѣришь. Они укоряютъ меня въ недѣятельности! Въ какой недѣятельности? Почему они знаютъ. что я дѣлаю? Мой умъ идетъ впередъ, онъ не спитъ, онъ собираетъ войско идей. Укоряютъ, почему рѣдко показываюсь въ общество. Ты самъ живешь въ провинціи. ты знаешь, что это за общество: собраніе какихъ-то уродовъ между обезьяной и человѣкомъ, отуманенныхъ предразсудками, лѣнивыхъ умомъ, развратныхъ душою. которые не имѣютъ даже привлекательной стороны негра въ Америкѣ — страданія. Что же я тутъ буду дѣлать? Въ моемъ углу любовь и чистота душевная. мысль никогда недремлющая, тутъ я готовлю пищу своей дѣятельности на всю жизнь. Ты поймешь и не осудишь.

Моя женитьба не разстроила ничего, мы по-прежнему ѣдемъ, съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе удостовѣряюсь. что необходимо ѣхать. О, чего-бъ я не отдалъ за часъ свиданія съ тобою! Сколько мыслей толпится въ головѣ, сколько желаній, сколько силы стремиться далѣе! Нѣтъ, мы не умремъ, не отмѣтивъ жизнь нашу рѣзкою чертою. Я вѣрю, эта вѣра мое святое достояніе. Вѣрь и ты, да ни одна минута отчаянія не омрачитъ души твоей; кто вѣритъ, тотъ чистъ и силенъ! Пусть эти строки напомнятъ тебѣ твоего друга, въ нихъ половины нѣтъ того, что на душѣ; но будь доволенъ и этимъ. Придетъ время, и мы снова будемъ вмѣстѣ, тогда пробьетъ нашъ часъ, и мысль вступитъ въ дѣйствительность. Еще разъ, не отчаивайся. Моисей въ пустынѣ говорилъ съ Богомъ. Христосъ постился сорокъ дней. Мы теперь постимся. Его постъ, это сомнѣніе въ самомъ себѣ и въ новой вѣрѣ. Онъ увѣрился, мысль вступила въ дѣйствительность, и міръ назвалъ его Спасителемъ. Обстоятельства понуждаютъ насъ къ тому, что тѣ дѣлали добровольно, умѣй пользоваться ими. Прощай, братъ, другъ, прощай, обнимаю тебя; *она* къ тебѣ пишетъ. Вотъ тебѣ моя рука, вотъ тебѣ моя слеза на память. Прощай!».

Да, Наташа, ты должна быть сестрою, другомъ этого человѣка, онъ тебя не знаетъ, но *я* писалъ ему. Мы будемъ когда-нибудь вмѣстѣ, и тогда увидишь ты эту обширную, глубокую, спокойную душу, онъ — твою душу, небесную и исполненную поэзіи, твою душу, состоящую изъ одной любви и принадлежащую его другу. Вы поймете другъ друга. Прощай.

Александръ.

[**2 мая**].

Послѣдній разъ я писала тебѣ 29-го апрѣля, теперь ужъ 2-ое мая и все это время мнѣ не было минуты сказать съ тобою слова!.. Какъ это тяжело, я была болѣе нежели больна; такъ много видѣла, такъ много слышала, то-есть, глазами и ушами, и такъ устала и ни минуты отдыха! Невыносимо. —я выношу все, и все прощаю *имъ!* Правда, въ эти дни были два часа дивные, святые, я ихъ такъ ждала, такъ ждала, и они наградили меня вполнѣ—это *всенощная*. Ты знаешь, для молитвы не нужно ни времени, ни мѣста, вся душа, вся жизнь должна быть молитва, и какъ же ихъ ограждать, стѣснять каменными стѣнами, какъ устремлять на иконостасъ, сдѣланный руками людей, и какихъ людей, и какъ сдѣланный? Но, проведя долгое время съ *ними*, не имѣя свободы и ночью даже (потому что у насъ жило одно изъ тѣхъ существъ, которыхъ ты называешь сволочью), я боялась. чтобъ у меня не отняли и этихъ двухъ часовъ, но на этотъ разъ *имъ* искренняя благодарность! У насъ служатъ въ теплой церкви, въ холод-

ную отворена дверь. и я стала тамъ одна—далеко отъ меня молилась старушка, передъ иконами горѣли двѣ лампады, слышно пѣніе... Блѣднѣютъ на душѣ полосы, проведенныя толпою, стихаетъ голосъ сильнаго страданія, закрываются и самыя раны, миръ низлетаетъ на душу и обнимается съ любовью... Островъ покоя! Подумала я, какъ пусто тамъ за этими стѣнами, гдѣ все волнуется, какъ море, гдѣ люди, какъ волны, то высоко, то низко, гдѣ все безмолвно, лишь одинъ шумъ, одинъ ропотъ... а здѣсь?—Гимны, бесѣда Создателя съ созданьемъ, здѣсь свѣтъ и миръ Христовъ! а я не хотѣла пространства, не хотѣла высоты, они были со мною, во мнѣ. Вдругъ поднялся страшный вѣтеръ, засвисталъ, завылъ, сталъ рваться въ двери, въ окна церкви, стучать желѣзнымъ замкомъ, но не стало силъ у него отперетъ замокъ и пробраться хоть въ скважину; и онъ крутилъ песокъ, одинъ песокъ, и вздымалъ его столбомъ выше церкви. Море житейское! Люди!.. Самый вѣтеръ подтвердилъ мысль мою. Но я была невредима и недосягаема на островѣ покоя. Ангелъ мой! ужъ второе мая, *мая!..* Природа одѣвается надеждой, одѣта ли ею наша душа?.. О! какъ все взбунтовалось... Прощай! ужъ ночь.

3-е мая. Какъ мрачно твое письмо!.. какъ это тяжело мнѣ!.. Я боялась начать о Мед., не будучи увѣрена въ успѣхѣ твоемъ, и не ошиблась. Тяжело получать такія письма, даже вспоминать о ней, но каково же молчать тебѣ, нести все на сердцѣ?.. Говори, говори, пиши, сколько можешь, сколько нужно къ твоему облегченію, переливай *все* въ мое сердце, оно не померкнетъ, не изноетъ. Ежели бы Мед. забыла тебя, была бы счастлива, тогда бы мы не должны мучиться и томиться *пятномъ*, ибо это было бы уже недостатокъ надежды на Его благость. Онъ Самъ велѣлъ каяться для *очищенія* и прощаетъ кающихся. Но *она* несчастна, любитъ тебя и, можетъ, надѣется, что ты женишься на ней.

Я была бы *все та же, та же любовь, то же блаженство* внутри, а наружно—*кузина, любящая тебя безъ памяти.* Я бы жила съ вами, я бы любила *ее,* была бы сестрою ея, другомъ, всю бъ жизнь положила за *ея семейство;* внутри была бы *твоя Наташа,* наружно—*все, что бы она желала.* Но какъ же тебѣ соединить жизнь свою съ жизнью *женщины?* Какъ *тебѣ* нести ярмо мужа?.. Тебя мучаетъ это и меня не меньше, тебѣ тяжело молчать и мнѣ. Давай же говорить о ней, придумывать облегчить участь ея, но тутъ есть стороннія гоненія, ты не объясняешь ихъ, и я не могу вообразить какія; можетъ, это главное ея несчастіе: но все равно нашъ долгъ облегчить, хотя-бъ то стоило жизни, хотя-бъ вѣчная разлука на землѣ. О! я все вынесу, все, все! Александръ, ты знаешь, что *я все вынесу.* Когда-бъ пятно твое не могло смыться моими слезами, кровью моей, отдало ли бы Провидѣніе меня тебѣ? Нѣтъ. Но не нужно ни слезъ, ни крови, оно уже стерто, можетъ быть, *должно* быть, любовью моей, она такъ необъятна. Она выше всякаго раскаянія, всѣхъ жертвъ, она самое искупленіе!

Поздно, *надо* ложиться. О, мой Александръ! о, мой Александръ! *Мой!..*

4-е. Знаешь-ли, что мнѣ казалось сегодня весь день? Мнѣ казалось, что *ихъ* такъ легко будетъ умилостивить, такъ легко, и сама не знаю, почему казалось, всѣ препятствія и непріятности мы можемъ переломить, какъ сухіе прутья, не вдругъ, не вмѣстѣ, а по одному?.. казалось такъ! А можетъ быть, въ самомъ-то дѣлѣ, тутъ есть прутья желѣзные, не переломить ихъ! Не переломить? Такъ растопить любовью! О, предъ нею все растаетъ, какъ воскъ отъ огня!

Александръ, Александръ! нѣтъ, никто тебя такъ не зналъ, никто такъ не любилъ! Представляй мнѣ свои недостатки, пороки,— вѣрю тебѣ, люблю тебя. И

чѣмъ сильнѣе, глубже паденіе, тѣмъ выше любовь, тѣмъ безпредѣльнѣе, — она искупленіе, она все перевѣситъ. И со всѣмъ этимъ, что я передъ тобою? Минута въ вѣчности!.. Ахъ, кажется, и солнце-то передъ тобой блѣдная искра!.. Александръ! я росту съ каждымъ днемъ, это я чувствую сама, многое мнѣ становится ближе и яснѣе... Проходи земная ночь! отдернись занавѣсъ съ востока! Разлетайтесь, исчезайте сновидѣнья — пора жить! О, мой милый другъ! какъ могутъ тебѣ быть такъ чувствительны удары людей, какъ можетъ литься по твоей душѣ черная рѣка грусти, когда я люблю тебя такъ? Ты не знаешь любви моей, тебѣ надо видѣть ее, слышать... Нѣтъ, нѣтъ, прости мнѣ! нѣтъ, я понимаю и это вѣрованіе въ меня и эти страданія...

5-е. Другъ мой, ангелъ мой, Сашхинъ, сію минуту была у меня маменька; это посѣщеніе мнѣ величайшая радость и утѣшеніе. Rendez vous въ саду. майское солнце печетъ, 3 часа пополудни, я весела, Александръ! Она говорила мнѣ все, все до слова; разговоръ съ папенькой не утѣшителенъ, да невозможно-жъ съ перваго раза, тебя нѣтъ, и потомъ это такъ еще, мимоходомъ. Погоди, милый другъ, вотъ пріѣдешь ты, старичекъ будетъ добрѣе отъ радости, а теперь не пиши ему, ничего не пиши, это только можетъ повредить. На своихъ я не смотрю, это все чужое, чужое... а папенька, ему не надо дѣлать напротивъ; нѣтъ, да я теперь никакъ не могу придумывать ничего мрачнаго, такъ мнѣ весело, легко! Душа моя, не грусти и ты—хоть на эту минуту... Вѣдь, пройдетъ-же чернота, пройдетъ! а тамъ?.. Только папенькино нужно согласіе, а *мои,* они послѣ того увидятъ меня не дольше часа, или, пожалуй, хоть день имъ подарю! А ужъ какъ они, бѣдные, хлопочутъ, отыскиваютъ *порядочнаго, достойнаго*—желаю успѣха!..

Не проси же, Александръ, маменьку *начинать:* въ самомъ дѣлѣ для нея затруднительно это, не пиши и самъ. А тамъ, какъ пріѣдешь, въ первомъ восторгѣ свиданія проси папенькинаго благословенія, не горячась, не противорѣча, сперва загадкой, не сказывая *кто,* но только-де достойная *вашего сына* — добрая, скромная, почтительная, не глупая, *не богатая* и недурна собой,— что жъ ему потребовать еще. Ахъ, ну да можетъ ли устоять тогда что-нибудь противъ нашей любви,—ничто, ежели на это воля Бога. Маменька сказала: «а тамъ мы поѣдемъ съ тобой въ чужіе края»... Какъ мнѣ стало весело послѣ этого, кажется, только стоитъ велѣть закладывать. А все это пустое. *Мы даны другъ другу!* Пусть небо смѣшается съ землею, пусть все превратится въ хаосъ, *мы даны другъ другу!* А маменька необыкновенно была мила сегодня—какъ отрадно, Александръ, вырваться изъ этого холоднаго, замороженнаго круга хоть на минутку, хоть на минутку отдохнуть съ родными.

6-е. Какъ безпокоитъ меня то, что ты не занимаешься. Во-первыхъ, время *твое* не должно пропадать, сокровище это не твое, и ты не имѣешь права расточать его; во-вторыхъ, и для тебя бездѣйственность несносна, она умножаетъ грусть и истощаетъ силы. Я думала, что ты мнѣ привезешь оконченное *Мысль и Откровеніе,* а ты не хочешь даже и продолжать, развѣ мѣшаетъ что тебѣ написать изъ жизни своей то, что еще свѣжо? Будетъ время, когда не будетъ свѣжо, не будетъ и охоты писать не свѣжее. Что архитектура, продолжаешь ли заниматься ею? Какъ часто переселяюсь я въ это *тогда* — не извѣстное, тайное, какъ жизнь за гробомъ; какъ безпрерывно мы будемъ заниматься, ты будешь объяснять мнѣ, чего я сама не достигну, передашь мнѣ совершенно чуждыя мнѣ теперь тайны; безпрерывный трудъ, безпрерывное возвышеніе и ровно, одина-

ково, чтобъ вмѣстѣ стать на послѣднюю ступень, чтобъ вмѣстѣ намъ отворились двери гроба и двери неба!.. Какъ люблю я быть на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ; въ домѣ тѣсно что-то, душно, и потомъ мысль, что мы подъ разной крышей, что насъ, сверхъ пространства, раздѣляетъ желѣзо, камни, дерево... А на воздухѣ... чудно, что со мною было вчера: вечеръ дивный, прелестный; сперва послѣ обѣда провели мы у Насак.; тамъ былъ и папенька. Иногда онъ кажется мнѣ совершенно недоступенъ и, увидѣвши его, становится тяжелѣе и грустнѣе. Возвратившись домой, я не могла минуты оставаться съ *ними* и ушла въ садъ. Воздухъ очаровательный, съ одной стороны—заходило солнце и небо золотилось отъ послѣднихъ лучей его, съ другой—восходилъ мѣсяцъ, тоже ясный, и вкругъ него чистое, голубое небо, ни облака, а на землѣ зеленая трава, распускающіеся цвѣты — прекрасно все! Но мнѣ не до того, право, мнѣ не хочется смотрѣть на тебя, красавица природа, если-бъ даже соловей запѣлъ, не стала-бъ слушать; мнѣ грустно, мнѣ горько, что я такъ далеко: его, отдай мнѣ его или брось меня къ нему!.. И съ каждымъ мигомъ становилось все грустнѣе и грустнѣе, я удерживала слезы... Вдругъ, дивись моему ребячеству, вошло въ голову: можетъ быть теперь, сію минуту ты также на воздухѣ, также подъ открытымъ небомъ, и мы дышимъ однимъ воздухомъ, ходимъ не по разнымъ доскамъ, а по одной землѣ, не разное желѣзо надъ нами, а одна голубая кровля, ни одинъ замокъ не дѣлитъ насъ! И мысли, и думы вмѣстѣ, и взоры встрѣчаются, и ужъ, казалось, звуки твоего голоса доходятъ до меня... и я произнесла — Александръ, съ полною увѣренностью, что ты меня слышишь, я бъ увидѣла тебя, но въ садъ кто-то пришелъ работать, заговорили голоса,—о, какіе голоса дикіе, странные, точно ржавая задвижка, и что за слова, я ничего не поняла, тогда я забыла, какъ *говорятъ люди,* и сама не умѣла ничего сказать по ихнему. Приходъ этотъ разсердилъ меня, нѣтъ, сердиться я не могла, слишкомъ полна была душа, а что-то сжало сердце, мнѣ сдѣлалось больнѣе отъ этихъ голосовъ. Но мечта такъ была сильна, что она снова умчала меня въ свои заповѣдныя страны; исчезли люди, шумъ ихъ затихъ; прислушиваюсь: твой голосъ! Александръ, ангелъ мой! Я протягивала руки и спѣшила идти, что есть силы, и думаю, вотъ скоро, скоро... и въ самомъ дѣлѣ скоро пришла не къ тебѣ только, а къ старому дереву рябины —полуживому... и это меня не разочаровало! Пришла ко мнѣ Саша, и я съ жаромъ, съ восторгомъ увѣряла ее, что мы съ тобой не разно, что намъ можно и слышать, и видѣть другъ друга, и скоро опять замолчала, чтобъ не проронить ни одного слова твоего... «Матушка, поди домой, вотъ забранятъ!» — сказала Костя у калитки.

Мнѣ Гамлета купили, *купили!* Нѣтъ, лучше просто, Ег. Ив. принесъ, -благодарю тебя! А страшно его читать, меня послѣ все спрашивали, отчего на мнѣ видъ мрачный. Когда онъ увѣщевалъ мать, я залилась слезами, тутъ лучше всего. Александръ, на письмѣ ты храбришься, но знаю, тяжело тебѣ. Другъ, не унывай! Но ужъ у меня нѣтъ словъ далѣе для утѣшенія и что тебѣ сказать болѣе. *твоя Наташа.*

Пожми и за меня Полинѣ руку.

За Сашу и Emilie благодарю.

6-е Вечеръ. Мало того, что словесно рекомендуютъ жениховъ со всѣхъ сторонъ, даже по запискамъ! Теперь отыскиваютъ какого-то адъютанта, да что намъ до этого за дѣло. Что мнѣ сказать тебѣ интересное, отрадное, чѣмъ занять, утѣшить? О! ежели-бъ я была съ тобою, тогда-бъ не спросила объ этомъ, тогда-бъ...

тогда-бъ... Глаза мои совсѣмъ не голубые, какъ ты воображаешь, но я-бъ посмотрѣла на тебя. Бываетъ съ тобою —начнешь писать съ мыслью, что эти строки поѣдутъ 1,000 верстъ, недѣлю будутъ въ дорогѣ, что еще *когда-то* ты получишь ихъ?... и тотчасъ же вообразишь такъ живо, такъ живо, ну вотъ, кажется, тутъ подлѣ и бросишь перо, и заглядишься, и заслушаешься?.. Въ самомъ дѣлѣ: я большая... мечтательница, а зачѣмъ же *они* не осуществляютъ мечтаній моихъ? тогда-бъ я не была мечтательница? Будемъ дѣтьми... назначимъ часъ, въ который намъ обоимъ непремѣнно быть на воздухѣ, это будетъ часъ свиданья, часъ, въ который мы будемъ увѣрены, что насъ не дѣлитъ ничто, одна даль. Въ 8 часовъ вечера, тутъ тебѣ вѣрно свободнѣе, можетъ быть, даже это часъ твоего гулянья. Давича вышла я на крыльцо, но мнѣ будто кто сказалъ, что ты дома, и я воротилась.

Можетъ, скоро, скоро, скоро!... Ты знаешь, какъ забьется, закипитъ сердце, когда въ немъ раздается это *скоро!* знаешь, какъ рука сожметъ тогда перо, такъ что оно вдребезги, вотъ какъ теперь... но имъ еще можно написать, ангелъ мой Александръ, другъ мой! Душа, жизнь, да нѣтъ все не такъ хочу назвать, перо изломано, не пишетъ, да и цѣлое-то бы не написало, но ты прочтешь и то, что не написано.

7-е. Иногда я собираю тебѣ лавры со всего свѣта, ставлю всѣхъ на колѣни предъ тобою, повергаю на землю, сажаю тебя на тронъ, вѣнчаю царемъ всей земли, и всю эту славу, все это величіе освящаю любовью... Да, тогда-бъ и я стала на колѣни, хоть съ послѣднимъ, хоть позади всѣхъ, если-бъ умаленіе мое увеличило тебя еще! Иногда... о! это лучше, бѣгу съ тобою въ даль, степь иль глушь, въ пустыню... Тамъ престолъ, корона, слава и весь міръ кажутся ничтожествомъ, тамъ я обвиваю тебя любовью, и она идетъ къ тебѣ лучше порфиры, короную любовью, и на твоей головѣ она величественнѣе тіары; всю необъемлемую пустыню населяю любовью, и она замѣняетъ милліоны людей, преклоненіе колѣна ея выражаетъ болѣе преклоненія колѣнъ неисчислимой толпы, и подножіе твое любовь, и все любовь!.. А что же между этимъ? Между обладаніемъ всей землею и отреченіемъ отъ всей земли? что? Право, я не могу ничего вообразить *средняго* для тебя, то или другое! А что среднее, то пусть остается среднимъ, то не наше. Намъ — иль небо на землѣ, иль земля въ небѣ, а вы среднiе — ищите средней славы, средняго самоотверженія, размѣряйте небо и отыщите и въ немъ среднее!.. А мы, а мы!!!...

Ты писалъ: «*ежели что будетъ*, то непремѣнно до половины мая». Скоро, скоро половина! Ахъ, страшно, прижался бы къ тебѣ, пока пройдетъ эта половина, не убьетъ ли она своимъ появленіемъ. Какъ могла я тебѣ пенять за то, что ты не занимаешься, ну, возможно ли дѣлать что-нибудь теперь, теперь въ такомъ ожиданіи, и что же я сама? День иль ночь — не знаю, въ гостиной съ дураками иль въ углу темной спальни одна — не замѣчаю. Душа вовсе освободилась отъ владычества надъ собою тѣла и вольной птицей носится далеко отъ него, далеко отъ земли, тамъ, куда ты направилъ полетъ ея, откуда видно тебя... Вѣдь, кажется, читаю такъ громко, съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ чувствомъ, что даже устану, а ни одной мысли не втѣснится въ голову, такъ полна она твоими сборами, твоимъ отъѣздомъ, твоимъ путемъ, свиданьемъ!.. ни одного чувства, и то тѣсно въ груди, и то ужъ нѣтъ возможности скрывать!..

Охъ, какъ грустно!.. Другъ мой, милый, Александръ, Саша, подумай обо мнѣ теперь, назови меня, мнѣ будетъ легче! Ночь, темнота, а я цѣлый часъ смотрѣла

вонъ туда, гдѣ не видно ничего... О, когда же, когда же, ангелъ мой!.. Прощай. Первый часъ. Прощай до зари, ежели проснусь.

Поздно, вечеръ 8-е. Чтобъ объ этомъ писать, да какъ же не писать! Въ другой разъ мы разлучены не будемъ. И развѣ тебѣ не все интересно, что я пишу?...

Бьетъ 6, холодно, пасмурно, иду въ садъ, а ужъ ты знаешь, что значитъ для меня быть не въ домѣ! Карета на дворѣ—Саша Б... Кто-то говоритъ «сколько это бьетъ»? — 10-й часъ! Боже, да гдѣ же эти 3 часа, какъ они пролетѣли, куда дѣвались!.. Ужъ тамъ надѣваютъ перчатки... а у насъ—и твой портретъ, и твое письмо (отъ 9-го апр.), и *Встрѣча*, и тутъ возлѣ итальянскія картинки, Шекспиръ, Гюго... вся надзвѣздная страна! Дайте намъ вѣкъ, и мы превратимъ его въ одно мгновенье, вашего и праха не будетъ, а мы будемъ все также юны, пламенны и все еще не вышедши изъ колыбели! Съ какимъ полнымъ, совершеннымъ восторгомъ читала я Сашѣ Б. твою *Встрѣчу* (только пропустя описаніе обѣда), съ какою увѣренностью, не поднимая глазъ, останавливалась на тѣхъ мѣстахъ, которыя прочесть скоро больно бы было душѣ. Идти обыкновеннымъ шагомъ тамъ, гдѣ она погружается, какъ въ водахъ Іордана, гдѣ ей отворяется небо, гдѣ она молится тебѣ... Прощаясь, я сказала ея кузинѣ: «мы поѣдемъ въ чужіе края». «и будемъ *ѣсть печеныя яйца*»—сказала Саша Б. Неужели они были вкусны послѣ смертельной опасности? Я терпѣть ихъ не могу.

Недолго намъ побыть съ Сашей Б., въ этомъ мѣсяцѣ они ѣдутъ въ Курскъ, а мы въ Загорье не знаю когда поѣдемъ. Черезъ полгода увидимся, *какъ-то* увидимся! *гдѣ-то!* Ужели все также, здѣсь-же?.. Ежели Саша Б. будетъ любить, то на землѣ будетъ любить не долѣе вѣрно дня, она умретъ. Дружба ея такъ пламенна, такъ безпредѣльна, земная темница не вынесетъ долго сильнѣйшаго чувства, она распадется, превратится въ пепелъ. Что еще я жива, такъ это особенное чудо Провидѣнія, оно знаетъ цѣль моей жизни.

Гамлетъ опять у меня, я еще его не читала порядочно, а только такъ съ жадностью, торопясь, пересмотрѣла и то, сидя у окошка, мимо котораго тянулись ряды экипажей и подлѣ котораго сидѣли чучелы со звукомъ и съ движеніемъ. Прощай, мой ангелъ, мой Александръ, цѣлую тебя, другъ мой, цѣлую... Какъ чисто и пламенно цѣлуетъ меня Саша Б., остерегаясь однакожъ, знавши, что я не люблю,— дивлюсь, какъ можетъ она меня такъ цѣловать, а я ее—нѣтъ! Тебя-жъ... ахъ, Александръ!..

10-е. Такъ опять нѣтъ надежды?.. Такъ ты не пріѣдешь лѣтомъ?.. и долго не пріѣдешь?.. долго, Александръ, долго, долго???.. Нѣтъ, погоди, хотѣла писать, не могу. Я получила твое письмо отъ 28 апрѣля.

Ночь. Въ деревню! Въ деревню! Везите, ведите меня въ деревню! Москва—точно пустая скорлупа. Въ поле, на траву, хоть съ скотами! только дальше отсюда, дальше. Тамъ хоть тихо, и это нѣсколько гармонируетъ съ состояніемъ моей души, здѣсь — безумная суета, безцѣльное стремленіе и стукъ, этотъ несносный стукъ и шумъ!.. Что прерываетъ благодѣтельный сонъ, который соединяетъ съ тобою, что разгоняетъ и пугаетъ мечты, что сбрасываетъ вдругъ, неожиданно съ неба на мостовую, отчего становится такъ больно, больно... что, наконецъ, свидѣтельствуетъ и увѣряетъ, что сотни тысячъ уходятъ съ земли въ землю, *проѣхавши только по мостовой во всю жизнь?* Все стукъ этотъ, несносный стукъ, какъ я не могу терпѣть его. Итакъ, еще долго я не увижу тебя, еще долго буду здѣсь... Дай посмотрѣть въ окно, ну посмотри, мой ангелъ, посмотри, душа моя, Александръ, ангелъ мой, жизнь моя, Саша, Саша, посмотри,

ну, что дѣлитъ насъ? Вонъ нашъ домъ, свѣтлый, ясный и какой большой! О! посмотри-же ты, вонъ души наши—одна душа! Она дома *тамъ*, что до тѣла, пусть его тлѣетъ въ землѣ, хоть на землѣ! только ему разлука, а душамъ .. О! милый другъ, божество мое, не правда ли давишнія слова меня унижаютъ и тебя, разумѣется, намъ вотъ такъ надо чувствовать, какъ теперь, а будто за этой далью ты меня не видишь, не слышишь.

Да, да мы не розно, это вздоръ, одни предразсудки, это разсчеты людей... Показывайте мнѣ чудныя сокровища, показывайте дивныя произведенія великихъ художниковъ,—ненадо мнѣ, не хочу смотрѣть, тутъ все глаза внизъ, и дайте взору подняться *туда*, дайте возвратиться ему, изгнаннику, на родину — выньте эти стекла изъ окна, или, по крайней мѣрѣ, не опускайте шторъ, не закрывайте ставень!.. Что такое тысяча верстъ, вѣдь, это все люди-же вымѣряли руками (или ногами?), а намъ мѣрить землю, намъ?.. Да развѣ мы имѣемъ какое-нибудь сообщеніе съ *ихъ* жилищемъ, развѣ мы именно для того предназначены, чтобы повторять *ихъ* рѣчи, подтверждать ихъ? Языкъ ихъ намъ не знакомъ, мы не понимаемъ его, мы не умѣемъ имъ говорить... Вздоръ, нѣтъ разлуки! Вижу—вотъ открытое окно, ты на окнѣ, вонъ поле, рѣка... но все еще что-то далеко... Земля! пусти меня ближе къ нему, не дотрогивайся до меня, не стони надъ ухомъ, не сыпся на меня, пусти, пусти —окно, ты, въ рукахъ сигара, взоръ, взоръ, а во взорѣ что?.. О! не повѣрю я перу, не повѣрю бумагѣ, она улетитъ съ этой тайной на небо, а я хочу, чтобъ дошла до тебя. Никто, никто, никто на свѣтѣ не пойметъ, ты-же *Александръ!* Начало мое, жизнь, конецъ мой, Александръ... Погоди!

Но отчего-же руки такъ слабы, такъ дрожатъ, какъ будто на нихъ пудовыя цѣпи, отчего больно грудь, отчего слезы, отчего...

Руку! — взмахнемъ вмѣстѣ крылами, чтобъ ни пылинки на нихъ, летимъ-выше, выше, выше еще — здѣсь! Вотъ нашъ край, наша родина, въ ней и верстъ нѣтъ, и мѣрить нечѣмъ.

Не смотри-же вдаль, закрой глаза, я съ тобой.

11-е. Да въ самомъ дѣлѣ, нельзя этого сказать папенькѣ вдругъ, рѣшительно,—отказъ будетъ тоже рѣшительный и послѣ трудно будетъ съ нимъ сладить. А ты хочешь обдѣлать все письмами, — вотъ маменька напишетъ тебѣ, какъ онъ далекъ отъ этого. Ну, что если онъ напишетъ к[нягинѣ] въ Загорьѣ, и будетъ ее упрекать за то, что допустили меня? А ежели будетъ просить согласія и благословенія?.. Разумѣется, ангелъ мой, мы ближе быть уже не можемъ, даже—я скажу тебѣ, что, глядя на все эти обряды, мнѣ приходитъ въ голову, если-бъ избавиться ихъ? Что это такое помолвка, сговоръ—даже названы-то глупо, а вѣнчанье — Боже мой! купленное соединеніе рублей за 100... зрѣлище... Я смотрѣла свадьбу Голохв., вѣришь-ли всѣ, всѣ до одного кромѣ тѣхъ, которые стояли сзади жениха и невѣсты были обращены лицомъ къ нимъ, а къ алтарю спиною и машинально крестились, мнѣ стало больно, и я-бы убѣжала, если-бъ пустили. Хорошо, хорошо, не позволяйте вѣнчаться, ненужно, только вы не знаете, что мы обручены уже и обвѣнчаны *тамъ*. *Отцомъ*. Что намъ купленая молитва попа, и на что намъ увѣрять и доказывать *всѣмъ*, что мы соединены, не вѣрьте пожалуй, — да какъ-же намъ, ангелъ мой, быть вмѣстѣ, какъ, чтобъ мнѣ не смѣли сказать— «тебѣ съ мальчикомъ неприлично быть», чтобъ насъ не встрѣчалъ грозный взоръ, онъ не опасенъ, но обливаетъ холодомъ, — вотъ если-бъ папенька меня взялъ къ себѣ, ничего ненадо болѣе; тогда-бъ и сердить его не

зачѣмъ. Или хоть-бы намъ можно было быть вмѣстѣ хоть *часъ,* одинъ только часъ въ день, безъ сторожей, безъ караульныхъ. Какъ не согласны вчерашнія мои слова съ сегодняшними,—это значитъ, что я не постоянна, не могу долго держаться на высотѣ, что не совершенный ангелъ—нѣтъ, Александръ, отъ того, другъ мой, что я бы хотѣла отдать тебѣ жизнь мою до одной минуты, и не больно ли, что ее *они* отнимаютъ насильно у тебя и у меня, что тратятъ ее на вздоръ?.. Итакъ, я не думаю, чтобъ былъ малѣйшій успѣхъ черезъ переписку, и маменька говоритъ тоже, впрочемъ, да будетъ твоя воля, Александръ, и опять что мудраго,—воля Отца Небеснаго побѣдитъ волю отца земного. Кажется, я писала тебѣ это. Прощай пока.

Повѣришь ли ты, что я была сердита! да, и серьезно. Третьяго дня, т. е. воскресенье—день гулянья, и оно уже мнѣ надоѣло, началось катанье,—какъ бы намъ избавиться его? Я ужъ весь день читала Гамлета и тихо и громко, онъ раздираетъ душу, даже мрачность развилъ во мнѣ, прошусь въ садъ, намъ отвѣчаютъ: «сидите, глядите на гулянье». Чувствит[ельно] благод[арны], мы ужъ наглядѣлись. «Да развѣ для васъ, для того сидите, чтобъ видѣли, что мой домъ не пустой», сказала к[нягиня]. Я разсердилась, очень разсердилась—унижены! но, вѣдь, это глупость, зачѣмъ я пишу? *Такъ.*

Вечеръ. На что-жъ ты капризничаешь, самъ-же ты говорилъ, что горести возвышаютъ. Зачѣмъ ты переѣхалъ къ Эрну, неужели ты такъ грустенъ, что не можешь быть одинъ? Но, вѣдь, и онъ тебя не утѣшитъ, мнѣ тяжелѣе становится, когда я грустна и подлѣ меня близкіе душою. Да какъ-же можно такъ не ясно писать, Александръ: «изъ Пет. пишутъ *другое*»—что-же пишутъ?

А *они* говорятъ о симпатіи! Жалкая симпатія, которой покровительствуетъ мѣсяцъ. Но когда онъ въ этомъ случаѣ такъ могучъ, то ужъ намъ обратиться къ нему развѣ съ тѣмъ .. нѣтъ слишкомъ глупо, не кончу. Да, я шью приданое, и кому же? Бочкаревой, она идетъ за кн. Оболенскаго; какъ они *счастливы* оба, по старой дружбѣ она открываетъ мнѣ всѣ тайны, читаетъ его записки и съ какой радостью, и что же? Нѣсколько ласковыхъ словъ безъ мысли и чувства дѣлаютъ ее счастливой; какъ что-то всѣ жалки, но оставимъ ихъ, что это я все глупости пишу.—мнѣ всѣ надоѣли, никого не хочу видѣть, ни говорить ни съ кѣмъ не хочу, даже съ Сашей Б., что мнѣ ей сказать?

Ночь.—Хоть пиши-же ты чаще. Можетъ быть, мы въ одно время пріѣдемъ въ Москву, я изъ Заг., ты изъ Вятки. Можетъ. Вотъ что, маменька боится говорить болѣе съ папенькой, боится, что и твои письма разсердятъ его, такъ думала и я, а теперь иначе. По немножку, по крошечки, чуть-чуть его приготовить. Ежели будетъ въ немъ малѣйшая надежда, своимъ я прямо вдругъ скажу. Давеча Макаш. говоритъ, чтобъ я ей дала все, ежели меня возьмутъ безъ приданаго? Я говорю: «Да отдадите ли вы меня, ежели возьмутъ безъ приданаго? Тогда-бы я все вамъ отдала (а что?)».—Да кто онъ, значительно спросила она, но намъ помѣшали продолжать. Прощай, Александръ, много думъ, много всего въ душѣ, что-то не пишется, мой ангелъ,—не пойти ли мнѣ въ Кіевъ.

Твоя *Наташа.*

[12 мая, Москва.]

Теперь утро, половина 4 часа. Что-то ты, гдѣ-то ты?.. это письмо, я думаю, долго не дойдетъ до тебя, а до тѣхъ поръ я надѣюсь окрѣпнуть, теперь-же не

могу молча выносить состоянiе души моей. Можетъ быть, и вовсе не пошлю этого письма.

Первый день по полученiи твоего письма о затменiи надежды, грусть и твердость попеременно наполняли мою душу; вдругъ сожмется сердце, и слезы его выступятъ на глаза, не успеютъ кануть,— выступаютъ другiя отъ умиленiя и благодарности за блаженство и крестъ. Вчера-же, съ ранняго утра и вотъ до сей минуты (сонъ, продолжавшiйся около 4 часовъ, былъ тяжелъ и безпокоенъ), ни одной капли, ни одного луча на душу... Я скрываю, но всѣ спрашиваютъ: «отчего я печальна, какое несчастiе со мною?» *Иные* думаютъ, что я завидую княжеству Бочкар. За что ни примусь, и такъ неловко, такъ не умѣю, какъ будто въ первый разъ въ жизни; нужно сказать что-нибудь, и я не умѣю объясниться, не нахожу словъ, все безотвѣтно, все нѣмо на землѣ; небо затворено! Я говорю, да будетъ воля Твоя! но не отъ души, за этимъ слѣдуетъ, да неужели *Его* воля на то, чтобъ половина жизни моей (можетъ и болѣе) протекла вдали отъ тебя, среди людей, которыхъ и видъ мнѣ несносенъ, *въ полномъ ихъ распоряженiи?* Неужели Онъ хочетъ, чтобъ 20 лѣтъ изъ моей жизни брошены были уничиженiю и страданiямъ, чтобъ прожить въ мечтѣ до тѣхъ поръ, пока и мечты умрутъ?.. Я надѣюсь, что рано или поздно увижусь съ тобой, но развѣ Матерь Iисуса Христа не знала, что онъ воскреснетъ, когда плакала надъ тѣломъ Его? Ни что, ни что не занимаетъ меня; на глаза нальются слезы и возвращаются еще горьче, жгучѣе и каждая капля проѣдаетъ сердце. Къ самому истинному расположенiю, къ самому живому чувству иныхъ я теперь какъ мраморъ, лучше бы на меня не обращали вниманiя, лучше вовсе-бъ не замѣчали меня, сильной горести нуженъ просторъ, а участiе стѣсняетъ ее. Довольно, черезъ письмо и съ тобой тяжело говорить. Что же я буду дѣлать до тѣхъ поръ, пока начнется день у насъ, то-есть, какъ я буду смотрѣть, говорить, дѣйствовать все противъ себя, все притворно, что? Я облокочусь на окно и буду смотрѣть вонъ туда, гдѣ ничего не видно, а мнѣ все кажешься ты, да какъ-же два, три часа просидѣть, какъ истукану, и ничѣмъ не заняться, когда можно? Ты объ этомъ меня не спросишь, только ты!

14-е. Что-жъ мнѣ сказать тебѣ, другъ? Много, но все это мрачно, а ужъ и безъ того ты грустенъ. Перечитываю твое послѣднее письмо, оно раздираетъ мою душу, послѣ него все померкло, не могу выносить здѣшней жизни, а воображу Загорье... Да, впрочемъ, все почти равно, тамъ болѣе природы, здѣсь болѣе людей; люди сами заставляютъ себя чуждаться, грусть дѣлаетъ чуждою природу, даже какъ будто досадно, зачѣмъ цвѣтетъ она тогда, какъ блекнетъ сердце. Каждая тройка, каждая четверня, заложенная въ рядъ, будто ступаетъ у меня по груди и продавливаетъ ее своими подковами; всѣ дорожные—родные мнѣ, я смотрю на нихъ сквозь слезы, съ живѣйшимъ чувствомъ, и провожаю взоромъ и слухомъ, пока не видно и не слышно экипажа: *не оттуда-ли* они! не *туда-ли* ѣдутъ?..

15-е. Вотъ просторъ—Макаш. уѣхала на день въ деревню! Вѣрно ко мнѣ придетъ маменька! въ надеждѣ будущихъ благъ мнѣ повеселѣе. А знаешь-ли, отчего я вчера вечеромъ немножко отогрѣлась? Самый маловажный, ничтожный случай. Ну, вѣдь, ужъ увѣрятся ли еще, что насъ ни земля, ни небо не разлучатъ; что мы съ начала мiра и послѣ конца его вѣчно *одно,* только бурное, вольное стремленiе твое и мой плѣнъ мѣшали намъ видѣть это до 1835—9 апрѣля. Я не дорожу людскимъ мнѣнiемъ, но, не знаю изъ чего, только думаю не изъ са-

молюбія, желала бы всѣхъ покорить, очистить душу, влить въ нее свѣтъ, вѣру, заставить мыслить и чувствовать согласно. Ты помнишь ли ту высокую дѣвушку у насъ, ее зовутъ тоже Натальей, она безъ мѣры любитъ меня и безпрестанно твердитъ, кабы увидѣть меня *помѣщицей*, княгиней, царицей! и про тебя все знаетъ, не знаю почему, наконецъ, со слезами говоритъ: зачѣмъ я хочу *губить* себя, тогда какъ бы могла *играть первую роль* и всѣхъ ослѣплять собою; мнѣ это наскучило да и ее стало жаль, а какъ помочь? Ты знаешь *народъ*, какъ трудно перемѣнить малѣйшее его сужденіе, но вообрази — я успѣла, она [со] слезами перекрестилась на образъ: «Батюшка, Царь небесный, коли къ благополучью ея, соверши, коли нѣтъ, отврати», потомъ перекрестила меня: «ну, мое сокровище, видно самъ Господь тебя наставилъ, дай Создатель дожить, да хоть глазкомъ взглянуть, какъ ты будешь жить *въ довольствѣ*». Я цѣловала старушку, я любила тутъ ее горячо, мнѣ стало легче. Малодушіе-ли это, не знаю, только это сдѣлало на меня пріятное впечатлѣніе.

16-е. Маменька не была вчера, не знаю почему, хотя я и привыкла ко всякаго рода лишеніямъ, но мнѣ оттого стало еще грустнѣе.

Вечеръ. Мнѣ всѣ несносны, но я, вѣрно, еще несноснѣе для всѣхъ, не могу принудить себя быть любезной, быть тѣмъ, чѣмъ хотятъ люди. Съ утра и до ночи безпрестанно сегодня у насъ были гости, смерть! Маски, куклы — и для нихъ надѣвать маску, и для нихъ быть куклою!.. Какъ тягостно это, какъ тягостно. Ангелъ мой! Дальше ихъ, дальше ихъ, эти игрушки обратятъ всѣ кровавые труды твои въ игрушки... Слава, слава, о! ихъ рукоплесканія и восклицанія такъ же ничтожны, какъ полетъ и жужжанье мухи, дальше ихъ, Александръ, или сдѣлай изъ людей человѣка одного. И достижима цѣль, и отдыхай на груди моей, и перейдемъ скорѣе туда, туда, гдѣ ничего нѣтъ подобнаго, или возьмемъ природу въ *третіи*...

Все ропотъ, подкрѣпи меня!..

17-е. Александръ, другъ мой, ангелъ мой, Александръ, что-же мнѣ все грустно и какъ грустно... Твоей ли Наташѣ такъ унывать, ей ли не имѣть силъ стать выше всего, но что жъ мнѣ дѣлать... Не будетъ ли скоро письма? безъ того мнѣ Божій свѣтъ не милъ и къ тому-жъ ни минуты уединенія...

Ты любишь меня, чего же еще?.. Александръ, Александръ!

На развѣтѣ. Еще минулъ день усталп и томленья. Май жегъ и палилъ своимъ дыханіемъ. Люди—люди морозили и мертвили своимъ дыханіемъ. Много ихъ видѣла я сегодня — маскарадъ! Послѣ того каюта моя — рай. Все въ домѣ улеглось, вѣрный сторожъ мой захрапѣлъ, я открыла тихонько окно, долго еще сидѣла подлѣ него съ затуманенной душою, и мнѣ было такъ жарко и такъ холодно... Безпрестанный стукъ колесъ, говоръ людей, мельканіе черныхъ фигуръ, пирушка у сосѣдей, освѣщеніе ихъ дома, бренчанье фортепіанъ и, наконецъ, молнія, все это какъ-то стѣсняло меня, держало на землѣ, но вотъ — ужъ все утихло подо мною, прошла и туча съ неба — хорошо! вонъ заря занялась и тебя, ангелъ, ясно я вижу и слышу. Хороша земля и ночью, прекрасно небо, звѣзды... Земля сгоритъ, свѣтила погаснутъ, а любовь?! Вѣчность! Александръ!..

Мак. пробуждается, не выдумала бы посѣтить меня. Прощай, дивной другъ мой!..

Вечеръ. И ты простишь мнѣ, ангелъ мой, цѣлую недѣлю грусти, цѣлую недѣлю странствованія по землѣ, цѣлую недѣлю безъ вознесенія *туда*?.. Ежели и ты простишь, я не прощаю! возможно-ли?.. О, божественный другъ, теперь я не

вижу даже и мѣстъ тѣхъ, гдѣ ползала. Твое письмо!!! Дай мнѣ поцѣловать твою руку.

Я вижу—ты твердъ, покоенъ, сколько можно желать, ты благословляешь Его и за разлуку,— вотъ, вотъ что воскресило меня! Да, лѣто, десять лѣтъ мы будемъ разно и будемъ благословлять Его непрестанно и будемъ такъ-же юны, такъ-же святы, какъ 9 апрѣля. Какъ вдругъ, мгновенно я вознеслась, какъ исчезло все до послѣдней пылинки, какъ обнялъ меня миръ и свѣтъ, по полученіи твоего письма. Забудь все, что писано до нынѣшняго вечера въ этомъ письмѣ, я сама боюсь вспомнить, теперь я иная, мой Александръ, совершенно, другъ мой, братъ родной, вѣрь, вѣрь Наташѣ—не грустно ей, не тяжко. О! какъ высоко, какъ близко тебя... Богъ! Любовь! Александръ! Александръ! и нельзя писать мнѣ теперь много, а завтра надо послать письмо, только ты не тревожься. О, теперь долго, долго будетъ литься изъ души моей одна молитва, одна гармонія.

За письмо брата Огарева безмѣрно благодарю! Да, «придетъ пора, и съ той порою». . . . .

Я вся восторгъ! Прости, ангелъ мой, прости это тяжелое, темное чувство, которое туманило такъ мою душу, которое выжимало изъ души одинъ стонъ, даже ропотъ... Зато теперь,—о, какъ я обнимала всѣхъ, кого только можно, какъ жала руки,—будто онѣ понимаютъ меня! А давича, давича не могла сказать слова, не могла подарить свѣтлымъ взглядомъ—и кого же! Мою родную, мою Сашу Б., у которой ничего на землѣ, кромѣ меня.

Скоро мы ѣдемъ въ деревню, я рада. Тамъ далеко всѣхъ и всего — одна природа. Я буду чище тамъ, буду *совершенно готова* предстать предъ тобою. И ты — дальше всего бурнаго; говори больше съ природой, слушай ее, а людей — нѣтъ, дальше ихъ, дальше ихъ!..

Ты хочешь знать всѣ непріятности, Александръ; не стоитъ, мой другъ, да пока еще и нѣтъ ихъ; изволь, буду писать. Отъ маменьки настоятельно не требуй, чтобъ она сказала папѣ; понемногу самъ приготовь его къ этому. Ты говоришь мнѣ — слезы. Александръ, неужели ты думаешь, я буду плакать?..

Прощай же, *нельзя* писать, обнимаю тебя, ангелъ мой, такъ, какъ восторгъ обнимаетъ мою душу.

Твоя *Наташа*.

Ночь бы всю не сомкнула глазъ, проговорила бы все съ тобою, теперь я не боюсь говорить, не останавливаюсь. Слушай же, слушай... подними глаза, зажми уши, слушай-слушай!

Саша Б. ѣдетъ черезъ недѣлю въ Воронежъ, Курскъ и потомъ въ деревню. Ты ужъ не успѣешь написать ей,—а какой бы восторгъ ея! Въ октябрѣ они возвратятся, въ октябрѣ и мы пріѣдемъ въ Москву, въ октябрѣ и ты пріѣдешь ко мнѣ...

15 мая.

Милый ангелъ мой, представь себѣ, какъ я занятъ. Вотъ ужъ три дня, какъ получилъ твое письмо и одинъ разъ успѣлъ только прочесть его. Проклятая выставка вся на моей шеѣ; но скоро отдыхъ. Я былъ печаленъ все это время. Мнѣ очень живо представлялись всѣ непріятности, которыя насъ ждутъ и, какъ привидѣніе, онѣ заставляли потрясаться. Характеръ папеньки ужасенъ! Непреклонность. Но все это лишь на время отдалитъ насъ, придетъ время блаженства

безоблачнаго. Наташа, отъ сколькихъ бурь. отъ сколькихъ ударовъ, отъ сколькихъ ранъ я буду отдыхать на груди твоей, моя дивная, моя святая! И среди этого направленія твое письмо. Ты такъ наивно, такъ мило, высоко отдаешься Провидѣнію. Мнѣ всегда приходится смотрѣть на тебя вверхъ, ты всегда небесная, я — человѣкъ. Развѣ одна любовь недостаточна для нашего блаженства, чего же еще? Мы вѣримъ другъ въ друга, и эта вѣра спасетъ насъ.

18 мая. Сейчасъ съ бала, гдѣ былъ наслѣдникъ; ночь поздняя, и я усталъ ужасно. Поздравь меня, князь былъ очень доволенъ выставкой, и вся свита его наговорила мнѣ тьму комплиментовъ, особенно знаменитый Жуковскій, съ которымъ я часъ цѣлый говорилъ. Завтра, въ 7 часовъ утра, я ѣду къ нему. Много ощущеній, но все смутно, ни въ чемъ еще не могу дать отчета, и ты, ангелъ, не брани, что на этотъ разъ, вмѣсто письма, получишь бѣлую бумагу. Прощай, моя Наташа; очень усталъ.

Твой *Александръ.*

19 мая. Надобно ѣхать. Еще прощай, цѣлую тебя.—Я видѣлъ тебя во снѣ сегодня. О, моя Наташа!

Москва, мая 19-ое.

Я знаю, *вѣрю,* что не увижу тебя долго, долго... и не унываю; та же молитва, та же благодарность. Я тверда, вѣра моя непоколебима, все снесу я за себя, но когда въ письмахъ твоихъ прокрадывается грусть, какъ темное пятно на солнцѣ, мнѣ становится и тяжко, и несносно, и до того слабѣю, что не имѣю силъ прибѣгнуть къ молитвѣ. Слава Богу—Онъ дастъ тебѣ крѣпость, слава Ему! Пройдетъ лѣто, пройдетъ много лѣтъ,—мы не усомнимся ни единажды, что придетъ это таинственное, это святое, непостижимое *наше тогда!* И оно придетъ, и тогда ненужно будетъ лѣстницы, ведущей на небо: само небо сойдетъ на землю. Сколько разъ я читала, перечитывала и опять читала и перечитывала письмо Огарева, и съ каждымъ словомъ желаніе обнять брата становилось непреодолимѣе; единственный человѣкъ, который можетъ понять эту любовь и оцѣнить ее, ибо онъ единственный понялъ и оцѣнилъ тебя. Съ какою довѣренностью открою я ему душу, въ ней также безпредѣльная симпатія съ его душою—любовь къ тебѣ. Александръ! Какой другъ у тебя, какая подруга! И послѣ этого искать славу, послѣ Евангелія—обѣщанія цыганки?.. Нѣтъ, пусть дѣянія твои будутъ такъ велики, чтобъ не только толпа, но и люди бъ не могли оцѣнить ихъ; ни одного бездушнаго рукоплесканія, ни одного замороженнаго восторга; а лавры истинные, лавры, которыхъ нѣтъ лучше у Творца—Дружба и Любовь! Ты дважды увѣнчанъ—на 14 и 24 годахъ жизни. Онъ не коронуетъ даромъ.

21-е. Ты будешь проводить это лѣто болѣе съ природой, нежели съ людьми. Я тоже: въ Загорьѣ такое уединеніе, кромѣ своихъ,—но я привыкла не замѣчать ихъ. Тамъ ничего нѣтъ московскаго, а въ Москвѣ много дурного. Съ одной стороны, дома, рѣка, валъ и ужъ ничего людского, не видать никакого жилья, даже никто почти тамъ не ходитъ; это моя любимая сторона. Все время, которое остается до свиданья, дано намъ для очищенія послѣднихъ малѣйшихъ недостатковъ, для приготовленія, итакъ, надо пользоваться имъ, не длить его. Проведя 4 мѣсяца съ природой, говоря съ нею, слушая только ее, невольно будешь выше и чище, потому что она разсказываетъ объ одной любви, о Богѣ; невольно забудешь черную сторону человѣка и воротишься къ нему съ большею довѣрен-

ностью, пламеннѣе, отраднѣе обнимешь его. Съ началомъ зимы начнутся снова надежды, и — Богъ знаетъ, что будетъ этой зимою! А то лѣто — будущее — *можетъ быть*, вдыхая воздухъ Италіи, подъ ея вѣчно яснымъ небомъ, мы будемъ вспоминать о родномъ сѣверѣ...

Вечеръ, поздно. Я была на свадьбѣ, мой другъ! Одна я одѣвала къ вѣнцу Бочкареву, одна стояла подлѣ нея въ церкви, да сзади только Макаш. и, можетъ, одна молилась о нихъ... Жаль мнѣ ее. Впрочемъ, все такъ весело, живо, молодые *такъ* счастливы—дай Богъ!

Опять къ тебѣ, мой ангелъ, мой другъ неоцѣненный! Скучно говорить о другихъ. Ахъ, взглянула бы на тебя минуточку, мигъ одинъ, ангелъ мой, душа моя!...

Хоть самъ ты назови меня мечтательницей, а я не могу глазъ отвесть съ неба, когда оно такъ ясно и чисто, какъ теперь, *кто-то* рисуетъ на немъ твой образъ, а похожѣе Витбергова!.. Я далека ропота, но какъ избѣгнуть того чувства, которое сожметъ душу, когда въ восторгѣ протянешь туда руки, и онѣ прижмутся къ груди однѣ?..

Александръ, что это — непостоянство, малодушіе, иль недостатокъ подъ другимъ какимъ-нибудь названіемъ (у людей): то предаваться совершенно волѣ Его, благословлять самыя бѣдствія, то грустить и скрывать эту грусть даже отъ себя? Вся жизнь моя должна быть одинъ *гимнъ*, одинъ *полетъ*, а я *иногда молчу*, иногда *хожу*.

22-е. Вчера невѣста, за нѣсколько минутъ предъ вѣнцомъ, пожелала мнѣ скораго соединенія съ тобою; я благодарила ее, и у меня навернулись слезы. «Вотъ чего я не постигаю,—сказала она, —вы всегда перемѣнитесь въ лицѣ при одномъ имени его, даже слезы на глазахъ, а я люблю Сержа моего, только ни разу *объ немъ* не плакала». Мнѣ *нечего* было сказать ей на это. Сохрани Богъ, ежели Саша Б. пойдетъ такъ замужъ! а можетъ, она сдѣлаетъ это изъ любви къ отцу? Лучше бѣдность ей, болѣзни, смерть, нежели замужество! Какъ бы желала она *выкупить* себя, отдать имъ все и ѣхать съ нами. Ахъ, лучше ей гробовой вѣнецъ, нежели вѣнчальной! Теперь утро; какое пѣніе воздушныхъ жителей, какая зелень, какъ все цвѣтетъ... Александръ, жизнь моя!

24-е. Ты называешь меня святой голубицей, слетѣвшей изъ рая,—это слишкомъ много, но я не смѣю отрицать: я твоя, твое созданье, любуйся имъ, величай его, мое дѣло—*быть* такою, какою ты видишь меня. При мысли о твоей любви я сама чувствую въ себѣ святость, чувствую, насколько выше другихъ, вижу въ небѣ вѣнецъ надъ головою моей, въ своей душѣ вижу небо... Да тогда-то, тогда-то летѣлъ бы далѣе отъ земли! не эгоизмъ-ли это? тогда я не хочу ничего слышать, ничего видѣть, тогда я ненавижу свое тѣло, съ восторгомъ бы подарила его землѣ и вознеслась бы въ свою отчизну — туда, туда! Ангелъ, другъ. Александръ, ты не сдѣлаешь мнѣ за то укора, вѣдь, тогда-бъ не розно съ тобою, а ближе, тѣснѣе-бъ я была! Я-бъ смотрѣла на тебя тогда всѣмъ небомъ, всѣмъ небомъ говорила-бъ съ тобою и все небо лила бы на тебя... а теперь? Не хорошо теперь, пусти меня туда!..

Вечеръ. Получила письмо отъ Emilie. Или-бъ забыла она N. S., или-бъ переселилась туда!.. это письмо огорчило меня. Она была тяжело больна и теперь не оправилась еще, но главное — страданія души. Наконецъ, я не могу понять ее; видно, она сама себя утѣшала, говоря «любовь проходитъ», это только на словахъ, а въ душѣ она любитъ N.; но къ чему было все, что было съ Але-

ксандромъ Д.,—не постигаю! Моихъ силъ недостаетъ, дружбы недостаетъ облегчить ее... что дѣлать? Оставить на власть Божію, Онъ не посылаетъ сверхъ силъ. Она омрачаетъ мою душу, жаль мнѣ и этого юношу—бѣдный! На зарѣ жизнь его покроется тучами. Теперь я вижу, что и я для нея ничто, что же послѣ этого осталось ей на землѣ? Пусть покинетъ ее, здѣсь не умѣли понять, оцѣнить эту душу, а небо отзовется ей.

Тебѣ она посылаетъ поклонъ. Прощай, несчастья близкихъ подавляютъ меня, и послѣ этого жить на землѣ, съ этими людьми?.. Выносимѣе стукъ молотка, которымъ заколачиваютъ гробъ, Выносимѣе послѣдняя горсть земли праху, нежели гвозди ихъ въ душу, нежели одна пылинка на душу... но — ангелъ мой! Ты правъ, ты правъ! «Когда взгрустнется — подумай о моей любви и грусть отлетитъ». Да! Руку мнѣ твою. Тебѣ меня во снѣ!

28-е. И вотъ я одна остаюсь въ Москвѣ, сегодня уѣзжаетъ Саша Б.; наговорилась я съ нею, наглядѣлась на нее третьягодня въ послѣдній разъ. Они были у насъ 4 часа, но мы не думали, чтобъ это было послѣднее свиданье. Она очень просила А. отпустить меня къ ней вчера проститься; обѣщаніе дано, но вообрази — ахъ люди! люди! Мнѣ страшно думать, что они люди! — меня не пустили проститься съ нею, съ другомъ, съ сестрою моей, и оттого, что шелъ дождь и замочилъ бы *трехтысячную карету!*... Итакъ, мы разстаемся съ нею на полгода, можетъ долѣе, долѣе, можетъ на вѣки, не простясь, оттого, чтобъ не замочить карету; фу, душно!.. Но быть такъ, когда такъ есть, что же *они* намъ сдѣлаютъ? Саша жметъ твою руку, я сказала ей, что ты пишешь, но она хотѣла непремѣнно прочесть сама, и я дала ей твое письмо отъ 30 апрѣля; когда дошла до своего имени, — она вся перемѣнилась въ лицѣ, крѣпко сжала мою руку, и слезы навернулись на глазахъ. Увидишь-ли ты ее когда-нибудь??.. Вчера я провожала, теперь уже княгиню, Алекс. Анд.; счастливы и они, мой другъ, своимъ счастьемъ, какія только есть слова для выраженія блаженства, онъ всѣ ихъ мнѣ разсказалъ, она тоже, но... но.. Ты самъ догадаешься, что я хотѣла сказать. Александръ, Александръ!..

30-е мая. Третьягодня получила твое письмо отъ 15 мая. Ты хочешь, чтобъ я поздравила тебя съ тѣмъ, что *довольны* выставкой, — поздравляю отъ всей души, но не знаю, что же изъ этого? *Тьма комплиментовъ* принесетъ-ли пользу? Впрочемъ, все это не лишнее — пригодится впередъ. Я воображаю, какъ утомила тебя эта выставка, какъ ты усталъ, но теперь ужъ и отдохнулъ, я думаю. Пиши же болѣе, другъ мой, не браню тебя, что послѣднее письмо почти пустое, но получать отъ тебя такія письма—право, больно, особенно теперь. Ну, что Жуковскій? Это посѣщеніе интересуетъ меня болѣе всего изъ твоей выставки. Я тоже устала, тоже утомлена, только совсѣмъ въ другомъ родѣ: вотъ ужъ нѣсколько дней какъ домъ нашъ безпрерывно набитъ — право, не знаю, какъ, не обижая человѣка, назвать ихъ—напр. Madame Mathey, попадья, имъ подобныя, и съ утра до ночи и ночь то даже я съ ними—ужасъ! Но ты, твоя любовь дастъ мнѣ терпѣнье на *все*. Не двадцать, не десять и не двухъ лѣтъ жду я жизни съ тобою—одного взгляда! онъ будетъ, хоть передъ смертью.

31-е. Александръ, ангелъ мой, душа! Вотъ я съ повинной головой передъ тобою,—ты имѣешь все право укорять меня въ недовѣрчивости, но я куплю у тебя прощенье, слушай. Ты взялъ у меня слово писать о всѣхъ непріятностяхъ, я дала его и себѣ въ душѣ, но не могла выполнить — еще-ли мало тебѣ? Я хотѣла все твердо перенесть и потомъ явиться передъ тобою невредимою, пройдя

сквозь огонь и воду, но у меня не стало силъ, все рѣшительно, что съ тобою нераздѣльно, для меня невыносимо. Являлось много жениховъ, но все еще такъ, мимоходомъ, я ни одного не видала; наконецъ, за одного принялись очень серьезно. я и не знала, что онъ ужъ нѣсколько разъ видѣлъ меня въ нашемъ приходѣ, хотя мнѣ и подозрительно было, для чего мнѣ велятъ *къ лицу одѣться?* Поѣхала въ прежній приходъ, и тамъ онъ, и нельзя было не замѣтить, что все сдѣлано съ намѣреньемъ; но и этотъ разъ я оставила безъ вниманья. Вчера же, не постигаю отчего - иль это предчувствіе недобраго, его пріѣздъ и въ той церкви. и съ родными поразилъ меня; я стояла чуть жива, потемнѣло въ глазахъ, дрожала вся отъ холода, а голова горѣла. Господи! люди... Какъ? храмъ Божій?!. и потомъ *меня* на показъ! Я не умѣю объяснить тебѣ чувство. которое овладѣло тогда мною, и сама его не понимаю. Ты знаешь мою твердость, знай и слабость: къ вечеру у меня сдѣлалась лихорадка. Неизвѣстно, что будетъ впередъ. теперь пока мнѣ только велѣли *замѣтить* его, только шепчутъ. но ужъ и это все невыносимо! И мало того, что я равнодушна къ искреннимъ желаніямъ и къ преусерднымъ крестамъ, - они меня сердятъ, наводятъ уныніе на меня. Теперь со мною поступаютъ гораздо снисходительнѣе. Макаш. сама отъ большого ума сказала мнѣ. что хочетъ *задобрить* меня, ласкается, ищетъ исполнить мои желанія, но уже у меня нѣтъ желаній, которыя бы *они* хотѣли и могли исполнить. Ласки ихъ, ихъ снисходительность въ тысячу разъ хуже брани и гоненья: тогда *они* жалки. теперь презрительны. Скоро, однакожъ. въ деревню, и все прекратится.

1-е іюня. Ну, вотъ, другъ мой, я исполнила твою волю—все сказала, исполни и ты мою просьбу, не безпокойся объ этомъ вздорѣ, ничего не можетъ выйти изъ этого. и мнѣ-то казалось это страннымъ только потому, что я не говорила объ этомъ тебѣ. Развѣ имѣетъ кто-нибудь право выдать меня замужъ? Объ этомъ нечего и думать, непріятно только быть дѣйствующимъ лицомъ въ *ихъ* комедіи. Отвернемся отъ нихъ, пусть ихъ хлопочутъ, выдаютъ и выходятъ замужъ, что намъ до того! Передъ любовью нашей все это, и они сами—исчезаютъ какъ дымъ. Нехорошо мнѣ здѣсь, но хочу мученій, хочу страданій вдвое. лишь бы купить ими одинъ день, одинъ часъ, минуту одну!..

Никто, никто не можетъ постигнуть,—ты увидишь *тогда*, ангелъ мой, какъ душа моя пренебрегаетъ землею. какъ она на пути къ небу. Повѣришь-ли ты, иногда дни цѣлые я не замѣчаю, гдѣ я, что дѣлаю, съ кѣмъ?..

Душа ни въ чемъ не беретъ участія. летитъ далеко, далеко, высоко, высоко, и неужели ты не чувствуешь у себя небесной гостьи! Несмотря на то. что ты пересоздалъ меня совершенно, я все еще мѣняюсь. Все болѣе силы. болѣе свободы, болѣе любви! Другъ, мой несравненный другъ!

Ахъ, да зачѣмъ говорить, какъ глупъ языкъ человѣческій!

Вотъ ужъ и іюнь—лѣто; скоро три года...

Прощай, можетъ, маменька будетъ къ тебѣ завтра писать, отошлю письмо. Будь совершенно покоенъ, Александръ; нѣтъ, для тебя этого мало, — радуйся, радуйся всѣмъ истязаніямъ, награда есть!

Цѣлую тебя, милый, обнимаю. жму руку, твоя, твоя Наташа.

Ежели-бъ я видѣлась съ маменькой. то, можетъ бы. и теперь не написала тебѣ *о Г. Богдановѣ.*

28-го мая.

То, что ты пишешь о М., взволновало меня: разлукою на землѣ поплатиться, разлукою съ тобой—это нелѣпость, это не вмѣщается въ мою голову. На колѣняхъ идти въ Іерусалимъ, истомить себя постомъ — это ничего, но разлукою съ тобою купить ея спокойствіе и спокойствіе своей совѣсти не могу, *не могу*. Да и откуда явилась эта женщина между нами, что ее поставило упрекомъ, Немезидой — между нами, кто просилъ ея вздоха средь пѣсни восторга? Мой злобный геній указалъ мнѣ ее; но и сама она часть этого злобнаго генія. Развѣ она права, бросившись на шею юношѣ, котораго едва знаетъ и тогда, какъ мужъ ея былъ живъ; а послѣ — развѣ я не подавалъ ей всѣ средства подняться, но было поздно; я похожъ въ этомъ случаѣ на робкаго отравителя, который сперва даетъ ядъ, а послѣ, испугавшись, даетъ противоядіе! Надеждъ она не имѣетъ на будущее, не знаю, будетъ ли имѣть и будущее.

Трудна земная жизнь человѣка, усталъ, очень усталъ! Восьмой и девятый часъ - гдѣ бы ни былъ, что бы ни дѣлалъ, будетъ твой; это часъ Ave Maria въ Италіи, и все повергается на колѣни предъ Дѣвою, буду и я горячимъ лицомъ повергаться предъ тобою. О, Наташа!

Къ Эрну я переѣхалъ, потому что для меня отдѣлывается новая квартира, а не бѣжалъ отъ грусти; когда мнѣ грустно, я люблю быть одинъ; но когда весело и радостно на душѣ,— тогда мнѣ нужны близкіе люди. А съ тобою, сестра, дѣлилъ бы я и грусть, и радость, и думы, надежды и отчаяніе, все, все—да развѣ и не дѣлили, Наташа, а въ Кіевъ ходить ненадобно, не забѣгай Провидѣнію, посмотримъ, что будетъ далѣе.

Слышалъ я пап[енькинъ] разговоръ и первый, и второй, —онъ жестокъ, неумолимъ, исполненъ угрозы, а не любви. Онъ намекалъ въ моемъ письмѣ (не говоря ни слова о тебѣ), и на что же полагаетъ главную надежду, на деньги. Это дурно; бѣдность—только и осталось мнѣ испытать, остальныя бѣдствія, страданія — знакомы; ну, что же, развѣ можно меня испугать бѣдностью, развѣ я уже такой безталанный, что не найду себѣ существованія? Ха, ха, ха, а служба, а перо,— это большая ошибка съ его стороны; благодарностью, любовью можно бы хоть *сконфузить* меня; а то деньгами — misère! Итакъ, настоящія несчастія какъ только окончатся, начнутся несчастія будущія. Давай же руку, подруга вѣчная, давай, и пойдемъ на встрѣчу бѣдствіямъ, — вонъ рѣдѣетъ лазурь, и тамъ вдали вѣнокъ, онъ будетъ на нашемъ челѣ; для насъ сплели его ангелы.

Я обдумываю новую статейку *I. Maestri,* воспоминаніе изъ моей жизни, Дмитріевъ и Жуковскій. «Мысль и откровеніе» кончены давно, а повѣсть бросилъ; писать повѣсти, кажется, не мое дѣло. Впрочемъ «Мысль и откровеніе» не имѣютъ конца, эта статья, въ которую надобно вписывать каждую религіозную мысль, рама сдѣлана, а формы никакой нѣтъ; это повѣсть, разговоръ, диссертація, это изложеніе чувствъ и думъ, какъ вылилось, слѣдст. вздоръ, что она кончена.

Итакъ, опять надежда, а знаешь ли, что намъ рѣшительно грѣшно роптать за то, что всѣ прежнія неудачны. Слабость моя заставила дать имъ мѣсто въ груди моей, онѣ никогда не должны быть въ ней, всѣ прежнія надежды. Провидѣніе бережетъ чистоту моей біографіи; слушай, на какомъ правѣ могъ я надѣяться, чтобъ меня простили прежде другихъ? Развѣ это было бы справедливо, развѣ вкусенъ былъ бы мнѣ плодъ, данный по *протекціи?* Теперь совсѣмъ не

то. Теперь съ поднятымъ челомъ я могу принять освобожденіе. Меня видѣли — одинокъ, безъ опоры, съ названіемъ сосланнаго; увидѣли меня — и оцѣнили: тутъ не было просьбы, сперва узнали меня, потомъ кто я, такъ теперь я возьму премію за талантъ, — есть-ли тутъ хоть пятнышко? Наташа! Дивны пути Его; къ этому присоединяется еще одно *важное обстоятельство*, оно совпадаетъ съ *тьми гоненіями М.* — тутъ требуется съ моей стороны твердость и прямизна, можетъ, это искупленіе пятна. И я борюсь, противъ меня сила и низость, а я, съ твердымъ убѣжденіемъ, съ волею, борюсь, чѣмъ бы ни кончилось. И путешествіе наслѣдника именно случилось въ то время, когда надо было дѣйствовать рѣшительно; до путешествія, можетъ, еще сломали бы меня, теперь невозможно. Много загадокъ, да, погоди, послѣ скажу le mot de l'enigme. Ты говоришь, что я иногда пишу *неясно*, не слѣдуетъ изъ этого, что ты иногда дѣлаешь замѣчанія *не думавши*.

1-е іюня. Какъ ты мила, мой ангелъ, я смѣялся, и слезы навернулись на глазахъ, когда прочелъ, «что ты вышла на крыльцо, но тотчасъ воротилась, ибо я былъ въ комнатѣ». Дитя! прелестное дитя — такихъ бо есть царствіе небесное. Въ этихъ бездѣлкахъ выражается вся душа: да, ты права, тебѣ ненужно много писать, чтобъ я понялъ. Поставь точку, черту, и я скажу твою мысль. Въ Москвѣ ли ты? Я боюсь, что деревня затруднитъ нашу переписку. Прощай. Твой Александръ.

2-е іюня. Сейчасъ получилъ отъ мам[еньки] письмо. Папенька, кажется, началъ и хочетъ препятствовать *всѣми* силами; у насъ противъ него *одна* сила, но *сила любви*. Наташа, ангелъ мой, присягаю тебѣ жизнью и царствомъ небеснымъ, ты будешь моя, ежели мы будемъ живы.

Александръ.

3-е іюня.

Вотъ, наконецъ, и маменька у меня была, моя милая, добрая, несравненная маменька! Я знала, что она придетъ вчера и встала сегодня чѣмъ свѣтъ, ждать ее въ саду. Только вообрази, вотъ забавная сцена: среди самаго серьезнаго разговора является вѣстовой и доноситъ, что ея высокобл. г-жа Макаш. кубаремъ скатилась съ постели на чердакъ и къ окошку, изъ котораго видно въ садъ! Но это намъ нисколько не помѣшало, мы ужъ наговорились, и время было разставаться. Маменька посѣщаетъ меня тихонько не только отъ *моихъ*, даже и отъ папеньки, потому что онъ въ неудовольствіи на нее за меня съ тѣхъ поръ, какъ, было, она ему намекнула только обо мнѣ. Да, ужасно, въ немъ ни малѣйшей надежды, и всѣ-то соединенными силами ищутъ жениховъ и стараются выдать меня. Я думаю, скоро будутъ рѣшительно мнѣ говорить, а теперь все еще только намеками: ласкаютъ меня, холятъ, зовутъ душенькой, спрашиваютъ: «хочешь ли»; безпрерывно говорятъ *о немъ*, какъ познакомиться, какъ помолвить, сговорить, какъ и гдѣ обвѣнчать, покупаютъ и кроятъ приданое, — не правда ли, все это очень весело?.. И ни души здѣсь, съ которой бы отдохнуть, ни существа, которому-бъ хоть взоромъ удѣлить тяжелый гнетъ сердца... Такъ что жъ? и не надо! Я не дѣлюсь моимъ вѣнцомъ, моимъ блаженствомъ, не хочу дѣлиться горемъ и крестомъ — все мое!

Я потеряла вѣру въ наше свиданіе, не имѣю ея и въ соединенье. Вѣра въ любовь, въ тебя — со мной, во мнѣ, я! Благодарю васъ, господа женихи, васъ, добрые старатели и старательницы, и даже васъ, Мар. Степ.! Вы оттолкнули

меня еще далѣе отъ земли, вы показали мнѣ еще яснѣе ея и ваше ничтожество. Хочу мукъ, хочу страданія, хочу носить вѣнецъ терновый; ты самъ, Христосъ, его носилъ!—Ангелъ мой, Александръ! Жизнь моя... да, ты моя жизнь, а то, что люди зовутъ жизнью, то сонъ, нелѣпый сонъ, и земля — темница ихъ, не правда ли, она изгнанье, одно временное, короткое изгнанье?

Вотъ, кажется, мигъ, и я *тамъ!*

Gehorsam ist des Weibes Pflicht auf Erden
Das harte Dulden ist ihr schweres Loos;
Durch strengen Dienst muss sie geläutert werden,
Die hier gedienet, ist dort oben gross.

А, неужели въ этомъ свѣтломъ, яхонтовомъ морѣ нѣтъ капли для меня?!!

Стой и ты со мною наравнѣ.

Вчера получила твое письмо отъ 22 мая.

5-е іюня. Вотъ тебѣ и награда за труды — встрѣча съ Жуковскимъ. Въ жизнь мою я еще не видала ни одного великаго человѣка, но постигаю совершенно радостный трепетъ и восторгъ души, находясь близъ него, и это желаніе, и это стремленіе стать рядомъ. Воображаю ропотъ толпы, зависть... Но неужели, когда засмотришься на полетъ орла, когда какъ будто самъ съ нимъ близокъ къ солнцу,—чувствителенъ укусъ мухи?—Иногда, забывъ ограниченность возможностей и способовъ, замечтавшись далеко и высоко, я посѣщаю всѣхъ великихъ людей, считаю жизнь свою не днями, не годами, а ихъ взглядами, которые, можетъ, нечаянно они дарятъ мнѣ; и съ равнымъ благоговѣйнымъ трепетомъ стою у гробницъ ихъ и внимаю—голосъ ихъ не умолкаетъ и за могилой; но еще усиліе, еще порывъ—и ихъ не существуетъ! Ни звѣздочки, ни голубого пятнышка—все солнце, все Александръ!

6-е. Что же тебя испугало такъ то, если-бъ я осталась тебѣ вѣкъ кузиной? Александръ! не вѣкъ ли я твоя, ты мой? Но что объ этомъ говорить, этого не можетъ быть, мы найдемъ средство спасти несчастную—дай Богъ! Ну, а если-бъ ничто, ничто на свѣтѣ... да нѣтъ, это невозможно просто! А отъ мысли—*я твоя кузина* — ненадо отвыкать; захочешь ли ты проклятьемъ отца купить соединенье? Я увѣряю тебя, при жизни его оно не можетъ, не можетъ быть, а мы развѣ можемъ желать конца ея?.. Да и что же страшнаго... я... бытіе мое и теперь уже такъ полно, такъ полно.. Когда ты написалъ, что намъ не видѣться въ 37-мъ году, и маменька увѣрила, что папенька ни за что на свѣтѣ не позволитъ, сперва сердце сжалось, я была нѣсколько времени женщина, потомъ оглянулась на землю,—она показалась мнѣ такъ чужда, такъ далека; я спокойно смотрѣла на небо и ждала, чтобъ оно отворилось мнѣ, и мнѣ не жаль тогда было оставить тебя на землѣ *одного;* сбросивъ тѣло, я-бъ неразлучно была съ тобою, и кто-бъ тогда воспрепятствовалъ?.. А теперь малѣйшій прутикъ ужъ преграда намъ. Ахъ, повѣришь ли, мнѣ не хотѣлось даже твоего взгляда; кинувъ землю землѣ, душа отлетѣла-бъ прямо къ тебѣ и, какъ ангелъ-хранитель, носилась бы надъ тобою и день, и ночь!.. Съ этими чувствами я сѣла въ саду на траву; солнце еще было высоко; я думала, что вижу его съ земли въ послѣдній разъ; оно садилось скоро конецъ дня, скоро конецъ разлуки!.. Я не хотѣла, боялась пошевелиться, чтобъ не опоздать порхнуть изъ душной, тѣсной, гладкой темницы, я чуть дышала... а меня позвали, повели ужинать!..

Опять земля! дай же мнѣ руку, дай твой взглядъ, дай мнѣ твой поцѣлуй,—здѣсь я не могу жить безъ нихъ, о, мой Александръ!

8-е. Все-бъ съ тобой говорила, все бы писала, а тутъ... о, Богъ съ ними!.. Меня посылаютъ на Пруды, посылаютъ на бульваръ, зачѣмъ? Спроси ихъ. Давно-бъ мы были въ деревнѣ, если-бъ не задумали сбыть меня съ рукп. Фу... люди!..

Но Алексанеръ, не оттого несносна мнѣ жизнь, я не могу выносить того рая, того неба, которое ты далъ мнѣ, идя рядомъ съ *ними*, одной дорогой, однимъ шагомъ!..

Не могу выносить этой необъятной, святой любви въ грубомъ, гадкомъ тѣлѣ! Я томлюсь... я хочу, чтобъ эта общая пыль поклонялась душѣ моей, потому что душа моя такъ высока, такъ велика, потому что она вся любовь къ тебѣ, хочу, чтобъ земля—тѣло превратилось въ пепелъ, въ прахъ отъ лица ея, исчезла бы.... а эта душа заключена въ этомъ прахѣ!..

Прощай, другъ, невозможно продолжать, кругомъ уши и глаза безпрерывно. Постигаешь ли ты меня вполнѣ, или осуждаешь и укоряешь? Ты постигаешь меня, но это желаніе, это стремленіе *туда* останется тебѣ чуждо навсегда. Мой вѣнецъ уже на мнѣ, я хочу сложить его у Его престола, ты неси вѣнецъ и корону...

9-е. Прощай, Александръ, не успѣваю ничего болѣе сказать тебѣ. Ну, что же, когда?..

Твоя *Наташа.*

7-е іюня.

Еще и еще пишутъ мнѣ о непріятностяхъ, которыя ждутъ насъ въ Москвѣ. Признаюсь, при всей твердости моей, это нѣсколько оскорбляетъ меня. Итакъ, Наташа, видно весь міръ, вся вселенная должна для меня быть заключена въ одной тебѣ. Странно управляетъ судьба. Посмотри, какъ всякой рекрутъ, всякой солдатъ идетъ въ отпускъ домой; забыты потъ и пыль казармъ, забыты притѣсненія, горести, мысль свиданія со *своими* отталкиваетъ все горькое, и вотъ эта минута радости откровенной, безотчетной... А я, послѣ горькихъ испытаній, послѣ бурь, послѣ тюрьмы и изгнанья, явлюсь домой, и холодная мысль станетъ между сыномъ и отцомъ, и отравленъ первый поцѣлуй. Голосъ сильный, святой скажетъ: «Это твой отецъ, онъ много для тебя сдѣлалъ»; и другой голосъ, такой же сильный, скажетъ: «Вотъ этотъ человѣкъ — единственное препятствіе между тобою и твоимъ счастьемъ»,—и нѣтъ уже безотчетной радости. О, люди! Не знаю, писалъ ли я тебѣ, но, все равно, напишу еще разъ: у меня есть одна прелестная мысль, за нее я ухватился обѣими руками, это послѣдняя дань юности, это молитва благодарности Богу и тебѣ, это заключеніе поэтической жизни. Слушай. Когда ты будешь моя, когда я буду воленъ располагать жизнью, то мы начнемъ вотъ съ чего. Уѣдемъ въ Италію, не въ большой городъ, нѣтъ, въ какой-нибудь самый незначительной, въ Ниcу или гдѣ-нибудь въ Сициліи, хоть въ деревеньку, лишь бы на берегу моря; море мнѣ необходимо, море—это торжество природы, auguste fanfare. Тамъ проживемъ мы годъ или два *безъ людей*, тамъ, убаюканные волнами моря и теплымъ воздухомъ, мы отдохнемъ, тамъ мы будемъ счастливы. О, Наташа, мы будемъ блаженны, одна любовь, одна любовь займетъ это время—сотрется пыль съ души, заростутъ эти глубокія раны, сотрутся эти черныя пятна. Тутъ наберемъ мы запасъ силъ и чувствъ на всю жизнь. Приходи же время это; за что же вянуть намъ, дожидая его долго? А послѣ что?.. Тогда я съ вѣрою отдамся Провидѣнію и человѣчеству,

тогда я уже кончу все земное, тогда, если жизнь моя не нужна, я могу умереть, ибо что можетъ собственно *мнѣ* дать жизнь лучшаго, какъ эти два года съ ангеломъ. О, съ какимъ восторгомъ посмотрю я тогда съ горы на природу Италіи, на эту лучшую часть планеты, и съ какимъ восторгомъ обращу взоръ на тебя, на это лучшее созданіе планеты. Какъ обниму я тебя, и сколько любви найдешь ты въ этихъ объятіяхъ! Тамъ разскажу я тебѣ исторію моего сердца, которую ты уже такъ хорошо знаешь, и повѣсть моя будетъ огненна, и съ восхищеньемъ будешь ты слушать ее. И слезу вмѣстѣ прольемъ на эти воспоминанія, и улыбку пошлемъ въ ихъ могилу. Наташа, будь же тверда; теперь пройдемъ черезъ это болото, настанетъ день, мы его минуемъ, — и жизнь наша сольется въ одинъ потокъ, котораго путь къ небу.

8-е іюня. Я теперь читаю огромное сочиненіе Dumont d'Hurwille «Voyage autour du Monde». Востокъ—какъ манитъ онъ... [вырвано слово] душу, умѣющую чувствовать; тамъ другая природа, пышная, огромная; тамъ другіе люди съ вѣчнымъ покоемъ, съ почившею мыслью, съ минутнымъ пробужденіемъ, съ поэзіей; тамъ люди затеряны, какъ песчинки ихъ Гималая, ихъ подавила богатая природа. Желалъ бы я взглянуть на Востокъ, на Индію—колыбель идей и фактовъ, на мистическій Египетъ... И будто это невозможно, и будто годъ жизни нельзя потратить для этихъ странъ.

Перечитывалъ твои письма прошлаго года, въ маѣ и іюнѣ писанныя. Мы тѣ же, совершенно тѣ же, выше ты не могла подняться, ты достигла предѣла человѣчества, сказавъ люблю, но развилась ты многостороннѣе съ тѣхъ поръ. И тогда уже мы надѣялись на скорое свиданье. Какъ жестоко играла съ нами судьба! Ровно годъ тому назадъ, 8 іюня 1836 г., писала ты первое письмо изъ Загорья. Тамъ ли ты, ангелъ, теперь?

Вотъ что прервало мое письмо: слышу пѣніе, подхожу къ окну, и изъ воротъ противъ моего дома несутъ покойницу, жену бѣднаго офицера. Холодно провожаютъ гробъ человѣкъ десять постороннихъ; отирая слезы, идетъ старикъ-мужъ, передъ крышей гроба какой-то юродивый съ кривляньемъ, съ сумашедшимъ видомъ,—пронесли и слѣдъ простылъ, но что-то мрачное осталось на душѣ; лучше тѣ похороны, гдѣ пышность заглушаетъ думы, лучше тѣ, гдѣ плачъ и стенанія,—на живыхъ обращается тогда вниманіе, а тутъ смерть во своей наготѣ. Спи же мирно, незнакомая!

9-е іюня. Ты какъ-то писала, что застѣнчива; знаешь ли, что я съ нѣкотораго времени сдѣлался дикъ со всѣми посторонними, кромѣ близкихъ знакомыхъ, мнѣ даже становится душно, тѣсно въ груди, когда есть кто-нибудь чужой въ комнатѣ.

По письму отъ мам[еньки] отъ 2 іюня видно, что ты еще въ Москвѣ. Съ будущей почтой жду отъ тебя.

Прощай, Natalie, прощай, мой ангелъ. Твой *Александръ.*

Полина всякій разъ проситъ писать много, много дружбы и симпатіи.

Москва, іюня 11-го.

Прошлаго года въ маѣ ты писалъ «первый лучъ надежды», а уже сколько ихъ съ тѣхъ поръ гасло, загоралось снова и снова гасло! Теперь же... другъ, подумай только—*три года*... три года, это ужасно. Вчера получила твое письмо

(отъ 28 до 2 іюня). Неопредѣленное чувство наполняетъ душу; оно не есть настоящая, совершенная, яркая надежда, нѣтъ въ немъ и тѣни сомнѣнья, но чувство прелестное, святое,—жаль будетъ разстаться съ нимъ и *тогда!* Какъ спокойно смотрю я на окружающую меня суматоху — что мнѣ до того? Хотя, впрочемъ, довольно серьезно подвигаются впередъ; тотъ, о которомъ я тебѣ писала, остался въ сторонѣ; онъ человѣкъ очень хорошій, но небогатый, а за небогатаго надо давать *больше*, и потому ему отказъ. Другой — адъютантъ, 400.000 имѣетъ, и то, и другое,—это по насъ! Ужъ даже и его превосх Дим. Пав. Гов. отзывается о немъ очень съ хорошей стороны. Вотъ снова наши старушки ласковы и веселы, снова старина выходитъ со дна сундука на бѣлый свѣтъ, пересматривается, считается, переписывается — смѣхъ, если-бъ было съ кѣмъ смѣяться! Я думала спастись отъ всего этого въ Загорьѣ, ничего не бывало, тамъ въ пустынѣ св. Екатерины назначается *еще посмотрѣть на меня*— фу!.. Да, что же, впрочемъ, пусть ихъ, когда хочется. Папенька сердитъ на маменьку за меня, а со мною, напротивъ, очень хорошъ; вчера былъ у насъ, много говорилъ о тебѣ и съ примѣтнымъ восхищеньемъ, даже сказалъ, что желаетъ очень видѣть тебя. Ну, Богъ съ ними! Письмо твое я получила вчера въ 7 часовъ вечера, а прочесть могла только въ девятомъ, и если-бъ ты, мой ангелъ, видѣлъ, съ какимъ восторгомъ вылетѣла я въ садъ съ мыслью, что и ты подъ открытымъ небомъ, что слышишь меня, видишь!.. Ахъ, Господи! Чего мнѣ еще? Неужели въ десницѣ твоей есть еще дары?..

Тогда я буду совершенной ангелъ, а человѣку не вынести столько, не заслужить столько!

Вотъ, вотъ рука моя—идемъ, идемъ! Что тамъ за необъятная, черная масса? Люди. О! сколько ихъ, и всѣ на насъ! Идемъ, идемъ, любовь, Богъ, ты и я — одно единое, нераздѣльное.—Свѣтъ!—и черная масса—ницъ! —Папенька звалъ меня многократно въ садъ къ себѣ, и, кажется, это хотятъ выполнить, кстати и проститься—можетъ, уже поѣдемъ, и до октября я не увижу твоего жилища. Ну, прощай, душа моя, ужасъ неловко писать на колѣняхъ, да и пора внизъ. А меня спрашиваютъ, какое купить одѣяло, бѣлое или розовое, а не даютъ выбрать перо иль иголку...

12-е. Какъ живо въ памяти, въ сердцѣ —вотъ подъ этимъ деревомъ, на этой лавочкѣ мы сидѣли съ тобой; тутъ ты читалъ Огареву, вотъ по этой дорожкѣ ходили вмѣстѣ, по этой аллеѣ шли въ послѣднія, и все пусто, наконецъ, все мертво! И уже тому три года... Не вышла бы изъ твоей комнаты, въ ней, кажется, все одушевлено, все понимаетъ меня, отвѣчаетъ мнѣ; но, хотя много въ ней—великихъ, славныхъ, самъ Наполеонъ, а все пусто!.. Ужели она останется такою же и по пріѣздѣ моемъ изъ деревни?

Гдѣ-то Саша Б.! Вотъ что симпатія: вчера мы ѣхали мимо ихъ дома, я вся затрепетала, вылетѣла бы обнять хоть эти стѣны, хоть ихъ поцѣловать, но крѣпко клѣтка заперта.

11-й часъ, вечеръ, 13-е. Какъ бы много, много раздѣлить съ тобою—и надо ложиться! Сейчасъ пріѣхала изъ парка. Сколько ощущеній, воспоминаній сколько... Кладбище, *колокольня*, все, все... До завтра, ангелъ мой.

14-е. Ѣдемъ, ѣдемъ! Прощай, Москва, со своими бульварами, садами и паркомъ — все вздоръ! Тамъ, далеко отъ нихъ, отъ всѣхъ, подъ кустомъ ивы иль сирени душа моя будетъ и выше, и чище, и полнѣе, и богатѣе, а тутъ... Что это такое, какъ мнѣ скучно было, мой ангелъ, какая толпа, и будто всѣ собрались

для того, чтобъ сказать вмѣстѣ: «*намъ нечего дѣлать*!» Зато я видѣла хоть издали кладбище, помнишь?.. Ѣхала зато по той же дорогѣ, гдѣ и тогда, и въ тотъ же часъ: и все такъ же, такъ же красно небо, такъ же пыльно... О, другъ души, вообрази, что за чувства были въ душѣ, и это свиданье въ первый разъ послѣ того.—Велятъ укладываться, прощай!

15-е. Завтра ѣдутъ. Можетъ, не удастся сказать тебѣ ни слова, моя душа.

16-е. Черезъ нѣсколько часовъ меня не будетъ въ Москвѣ и надолго. Что-то будетъ въ это время?.. Прощай, мой ангелъ, невозможно писать, прощай, обнимаю тебя и цѣлую.

Твоя *Наташа.*

Полинѣ душою кланяюсь.

Кажется, остановки въ перепискѣ не можетъ быть, я все устроила, развѣ что непредвидѣнное—избави Богъ. Ну, мой ангелъ, еще объятья, еще поцѣлуй!

Загорье, іюня 17-го.

Здравствуй, ангелъ мой! Охъ, какъ легко стало на сердцѣ, какъ вышла минутка поговорить съ тобою! Я улыбнулась, перекрестилась, какъ взяла перо. Хотѣлось мнѣ поля, лѣса, хотѣлось свирѣли и пѣсни соловья, меня задушила Москва своимъ каменнымъ горячимъ дыханіемъ, пылью, утомила стукомъ, суетою, а болѣе—ея люди... Мнѣ хотѣлось уѣхать изъ Москвы ненадолго, только-бъ отдохнуть—къ твоему пріѣзду воротиться; можетъ, и будетъ такъ! Но съ первымъ шагомъ сердце сжалось; съ маменькой нельзя было и проститься, прощались съ другими и за одну слезу платили безъ счету. Но вотъ поле, лѣса, монастыри—Симоновъ! Душа простерла крылья, взвилась быстро изъ тѣсноты земной, и отъ полета слетѣла съ нея пыль, и тамъ у солнца высохли слезы, она созерцала *девятое апрѣля*. Пріѣхавши сюда, опять стало грустно—стужа и окружающіе меня тому причиною, но это минутное—со мною *письма* и *портретъ*!!..

18-е. Ужъ третій день въ деревнѣ, а не насладилась ни гуляньемъ, ни пѣснями крестьянъ и соловья, — ужасный холодъ, будто природа мститъ мнѣ за Москву, а въ комнатѣ здѣсь не лучше Москвы: три вдовы и всѣ три вдругъ разсказываютъ, какъ ихъ *покойники* были въ параличѣ, какъ онѣ за ними ходили, хоронили ихъ... и безъ того холодно!

Вчера вѣрно получили отъ тебя письмо, а я нѣтъ... Зато, Боже мой, что можетъ сравниться съ восторгомъ, когда увидишь за версту ползущую изъ Москвы телѣгу, и сердце почувствуетъ, что она везетъ... Въ мигъ превратится въ рай мрачная моя келья, и люди всѣ такъ добры, хочешь прижать ихъ къ сердцу, подѣлиться его небомъ, и будто деревья шумятъ радостно, и каждый листокъ трепещетъ отъ восторга... Природа! только она теперь со мною, только ей могу сказать слово изъ души, и какъ понимаетъ она его, родная моя!.. Александръ, ангелъ мой, милый другъ!!.

19-е. Кажется, нонѣшнее лѣто мнѣ будетъ здѣсь лучше, нежели всѣ прошлыя: съ нами mad. Methey, и изъ нея сдѣлалась прелестная, чудная старушка; учитъ меня по-нѣмецки и, видя, что это непріятно к[нягинѣ], сама изыскиваетъ время, чтобъ мнѣ не доставалось, ходитъ со мной гулять, ну, словомъ, я отъ нея въ восхищеніи; зато же ужъ какъ Макаш. свирѣпствуетъ, бррр!.. прости ей, Господи!

Вчера былъ прелестный день, я много ходила въ полѣ—очарованіе! Я-бъ не взяла теперь цѣлаго города за десятину иль менѣе пустой земли, но она пуста для пустыхъ, а тѣ, кто понимаютъ красоту и изящество природы, кому ясенъ

ея языкъ, доступны тайны ея, чье сердце не затворено камнемъ, не залито золотомъ, кто можетъ стать съ нею рядомъ, можетъ съ нею вмѣстѣ пѣть хвалу Его,—тотъ не промѣняетъ одного цвѣтка на дворецъ: тамъ пусто, здѣсь Богъ! И что значитъ цѣлая громада каменьевъ, наваленная вѣками, тысячами людей, предъ этой гвоздикой? И тамъ, на этихъ каменьяхъ люди дѣлаютъ, рисуютъ цвѣты... дали ли они хоть одному цвѣтку лазурь и солнце незабудки?.. Дивная, божественная природа! и человѣкъ долженъ быть превосходнѣе ея!..

Точно птица, долго заключенная въ клѣткѣ, вырвавшись на волю, летала я по полю, срывала каждый цвѣточекъ, каждый казался мнѣ чудомъ, улетѣли мои 10 лѣтъ! и я девятилѣтнимъ ребенкомъ веселилась; бабочка, букашка, мушка всякая такъ меня занимала; улетѣли и эти 9 лѣтъ. Я была ровесница вотъ этому ландышу, васильку, но ты—ты неразлученъ! неразлученъ, Александръ!!

20-е. Думала ли я, уѣзжая отсюда прошлаго года, что проведу здѣсь еще лѣто, —такъ все рѣшаетъ Богъ! Я думала ужъ, ежели... такъ не переживу! А Онъ, милосердый, посылаетъ силу и крѣпость. Упованіе мое на Него не умаляется, а растетъ... можетъ, вся жизнь моя пройдетъ въ однихъ ожиданіяхъ, въ горѣ, я не перестану благодарить Его... О! что моя благодарность? Дерзновенная мысль *достойно возблагодарить Его!* Пусть, видя меня въ скорбяхъ и страданіяхъ и въ часъ кончины, и послѣ смерти, любящіе меня поютъ славу Ему, да будетъ она неразлучна съ воспоминаніемъ обо мнѣ. Кто *знаетъ* меня, тому наружныя муки не помѣшаютъ видѣть блаженство души моей. Что разъ Тобою дано, не отнимется во вѣки! Такъ вѣрую я въ Него, въ тебя, мой Александръ!..

21-е. Есть здѣсь роща, и садъ, и цвѣтникъ,—ничто мнѣ такъ не по сердцу, какъ поле; поле—свобода! что за чувство, когда открывается предъ взоромъ это безконечное пространство надежды, которому рама—одна лазурь! О, какъ бы, опершись на твою руку, я долго, долго стояла тутъ... безъ тебя не могу на одномъ мѣстѣ оставаться долго, будто ты близко отъ меня, и я все ищу, и сказать хочу, и обнять, и безпрестанно путешествую съ мѣста на мѣсто, и все нѣтъ тебя!.. А вообрази, мой ангелъ, эту картину: лазуревая рамка, кверху золотистая (это закатъ солнца) въ ней зеленый бархатъ, а на этомъ мы и ничего болѣе!.. тутъ видна церковь, но я забываю иногда и на церковь смотрѣть, душа не вмѣщается въ ея стѣны. —Не жаль мнѣ Москвы, только бы твои письма, твои письма! Хорошо здѣсь, ни новыхъ глупостей, ни новыхъ гадостей не слышишь, а старыя не могутъ заглушить призывного колокола, ни даже журчанья ручейка. Если-бъ не ты, никогда-бъ человѣкъ не могъ довести меня до такого восторга, какъ природа; здѣсь нѣтъ отмѣнныхъ красотъ, но я готова при первомъ шагѣ пасть ницъ и цѣловать землю, гдѣ нѣтъ людского слѣда, —такъ прелестна, такъ свята она тамъ, такъ каждая былинка доказательство Его мудрости и величія; но что этотъ восторгъ, что это умиленіе предъ тѣмъ чувствомъ, которымъ ты обнялъ мою душу?.. Прощай, моя душа, милый Александръ! ужъ ночь; у меня подъ поломъ цѣлое гнѣздо хорьковъ—пріятные сосѣди, какая возня у нихъ, крикъ!

23-е. Поздравляю тебя съ новорожденнымъ...

24-е. А сегодня съ именинникомъ! Не могу не написать тебѣ моего сна. Вижу: пріѣзжаемъ къ папенькѣ; онъ бѣжитъ намъ навстрѣчу, это меня удивило, и вдругъ онъ мимо насъ въ залъ, на крыльцо; кто-то говоритъ: «видно, дорогой гость пріѣхалъ». Сердце мнѣ въ мигъ сказало, *кто* этотъ гость, и вотъ я стрѣлой помчалась. Я первая встрѣчу!.. силъ нѣтъ, теряю чувства... прихожу въ себя, спѣшу видѣть, спѣшу слушать—и слышу храпѣніе Макашиной, вижу

все ту же пустую келію! Ужасно. Невозможно писать, минуты нѣтъ. Пріѣхавши сюда, я еще ни разу не брала въ руки твоихъ писемъ, комната моя почти проходная, подлѣ нея *они* сидятъ весь день, но, вѣдь, придетъ же пора!..

25-е. Такъ пройдутъ эти три мѣсяца туманные, одинокіе; въ нихъ должна душа моя омыться совершенно; взойдетъ ясное солнце, и она засіяетъ ясною звѣздою. Жизнь моя здѣсь подобна жизни цвѣтка долины, брошеннаго судьбою въ глушь между дикою травою: тѣсно ему, душно, но онъ все клонится къ родимой сторонѣ, тянется къ небу и видитъ его, и пьетъ его лазурь, его свѣтъ: растетъ имъ, цвѣтетъ имъ... кругомъ меня дикія растенія — крапива, полынь, репейникъ давятъ меня... но я тянусь къ моему небу, вижу его, дышу имъ, имъ жива, для него живу... О, небо мое!

26 е. Прощай, другъ мой, завтра посылаютъ въ Москву: какъ жду я возврата, навѣрно мнѣ пришлютъ твое письмо. Полинѣ salut d'amitié. Что всѣ твои друзья? Витбергу отъ меня челомъ и душою. Это ужасно, ежели мнѣ нельзя будетъ писать тебѣ всѣ эти мѣсяцы; будемъ тверды! Еще ни одна туча не затмѣвала того вѣнка, который сплели для насъ ангелы. Такъ прошу тебя, милый, не безпокойся, ежели получаешь отъ меня письма меньше и рѣже: видишь ли, когда рано утромъ Макашина спитъ, мнѣ можно писать, а ежели нѣтъ—нельзя, а ужъ днемъ и говорить нечего. Ну, мой ангелъ, прощай же! Цѣлую тебя...

Твоя *Наташа* во вѣки вѣковъ.

18-е іюня.

Ангелъ мой! Ты, вѣрно, сердишься на меня, я виноватъ, давно не писалъ къ тебѣ. Душа моя, сестра, Наташа, не сердись, дай твою руку поцѣловать. Я былъ въ большихъ хлопотахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я разсорился съ здѣшнимъ губернаторомъ, надобно замѣтить, что это высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Вотъ тѣ непріятности, о коихъ я тебѣ писалъ нѣсколько разъ; послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я —сосланный, и онъ — губернаторъ. Но есть Богъ,— онъ выгнанъ изъ службы «за беззаконное управленіе губерніею». И, слѣдовательно, торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче, теперь прекратились гоненія Мед., ибо этотъ злодѣй былъ ея врагъ, и что онъ дѣлалъ противъ нея, это непостижимо честному человѣку.

Всѣ эти гадости занимали время и утомляли душу, я не стоилъ того, чтобъ писать къ тебѣ. Ангелъ, теперь все кончено. Итакъ Богъ съ нами.

Ей Богу, есть возможность со всякимъ днемъ любить тебя болѣе и болѣе. О, подруга, небомъ посланная, взгляни на эту слезу, это слеза благодарности тебѣ отъ твоего Александра. Твое письмо отъ 17 іюня унесло меня совсѣмъ съ земли. Я вижу по всякому письму, какъ ты растешь, какъ небесно развивается душа твоя: кажется, тутъ уже предѣлъ совершенства человѣческаго, а ты черезъ недѣлю еще выше, еще святѣе. Потому что я, человѣкъ, хочу мѣрить ангела землею.

Сколько разъ твоей дивной высотою ты заставляла меня краснѣть, и теперь опять; но это не унижаетъ, нѣтъ, это придаетъ мнѣ новыя силы... Какъ ты холодно смотришь на всѣ эти отношенія практическаго міра, на эти маленькіе успѣхи... А я радовался, но это не отъ души. Наташа! Я былъ сгнетенъ этими гадкими людьми, и вдругъ мнѣ явилась свѣтлая полоса. Великій поэтъ оцѣнилъ меня, надежды заблистали, и я радовался,—такъ еще я малъ и ничтоженъ. Но

ты высокая, тебѣ недоступны эти рукоплесканья. Повторяю, веди меня, веди какъ путеводная звѣзда,—я уступаю какъ сильнѣйшему, какъ высшему: вотъ твой Александръ, онъ свою судьбу кладетъ въ твои руки, вѣдь, ты Богомъ послана ему; итакъ, покоряясь Богу, я долженъ вѣрить тебѣ. Нѣтъ, Наташа ни словъ нѣтъ, ни выраженій—я готовъ броситься на колѣни и безмолвно молиться на тебя. Ты, ты мнѣ все, все—поэзія, религія, все небесное начало души, искупленіе. Вотъ этой-то необъятной любовью я и равенъ тебѣ, сестра!

Великій Боже! За что Ты далъ мнѣ столько, давъ ее; больше Ты, всемогущій, не можешь дать никому. Да, да, ты права, это тѣло мѣшаетъ. Просторъ, просторъ, и я наполню все безпредѣльное пространство одной любовью. Прочь тѣло. Какъ горитъ мое лицо; посмотри во всѣхъ чертахъ любовь къ тебѣ, и въ сердцѣ любовь къ тебѣ.

Наташа! Ну, что ежели я сойду съ ума, когда увижу тебя: душа человѣческая не можетъ вынести столько счастья.

Я очень радъ, ежели ты въ Загорьѣ, ибо очень понимаю, какъ непріятны эти показы, эти женихи, и эти искатели жениховъ. Скажи имъ, ежели случится, что ты желаешь узнать мое мнѣніе, пусть ко мнѣ напишутъ. Я опять начинаю думать, что сломлю непреклонность пап[еньки].—И я часто бываю за городомъ; недавно я отправился въ поле въ часъ ночи; здѣсь начинаетъ разсвѣтать въ 12 часовъ, т.-е. совсѣмъ ночи нѣтъ въ маѣ и іюнѣ.

На высокой горѣ, передъ которой разстилалась необозримая даль, рѣка, деревни, горы,—на высокой горѣ встрѣтилъ я восходящее солнце, и свѣжій воздухъ утра свѣялъ мрачныя мысли. А звѣзды не было съ солнцемъ, твоей звѣзды.

Ты говоришь: «я твое созданье, любуйся имъ!» Съ какимъ восторгомъ читалъ я эти слова. Вотъ такъ, такъ будь, моя высокая дѣва; да, я буду любоваться тобою, и не есть ли это вся моя жизнь! «Созданье»—и такъ, и нѣтъ. Впрочемъ, созданіе поэта, плодъ минуты откровенія и восторга часто бываетъ лучше самого поэта. И поэтъ только потому высокъ, что могъ въ груди своей дать мѣсто такому восторгу.

Ты какъ-то писала, что любишь верховую ѣзду; я и нынѣшній годъ опять началъ свои прогулки. Прекрасное чувство утромъ рано, совершенно одному, опуская поводья, шагомъ ѣхать по полю; здѣсь мѣсто очень гористое, безпрерывно мѣняются виды, и такъ просторно мечтать, думать о тебѣ.

19-е іюня. Статью мою I. Maestri кончилъ, надняхъ исправлю, а поелику вы изволили приказывать мнѣ быть дѣятельнымъ, то о семъ честь имѣю вамъ рапортовать, милостивая государыня Наталья Александровна.

20-е іюня. Ну, не дивно ли, Наташа! Вотъ юноша пылкій, пламенный; огромный гипподромъ открытъ передъ нимъ, онъ полонъ надеждъ, силенъ какимъ-то пророчествомъ, увлеченъ дикими страстями, которыя еще не привыкли тѣсниться, скрываться въ груди, гордъ, независимъ, ничему не покорится, все хочетъ себѣ покорить, самолюбивъ, слава—его цѣль, міръ идей—его міръ. Что можетъ этого юношу покорить, обуздать? Несчастія,—онъ ихъ принимаетъ за испытаніе, за закалъ души; счастье — это дань ему, онъ его принимаетъ какъ заслуженное. Этотъ юноша—я.

При самомъ началѣ юношества встрѣчаетъ онъ ребенка, оставленнаго всѣми, несчастнаго, котораго первое воспоминаніе — гробъ, котораго первое впечатлѣніе—гнетъ постороннихъ людей. Онъ его встрѣчаетъ со слезою на глазахъ, въ траурномъ платьѣ. И юноша проходитъ, страсти не дозволили ему видѣть ангела

въ этомъ ребенкѣ. Бурная жизнь влечетъ его, ломаетъ, жжетъ и бросаетъ въ тюрьму. Кто скажетъ, что этому ребенку предоставлено будетъ пересоздать юношу? Да, я вполнѣ не понималъ тебя, Наташа, до 9 апрѣля. Я слишкомъ близко стоялъ, чтобъ видѣть твою прелесть, твое изящество. Тамъ, въ каменной лачугѣ, я перебралъ всю свою жизнь, и вся моя жизнь дала мнѣ два воспоминанія—тебя и Ог. Мнѣ надобно было уѣхать за полторы тысячи верстъ, оглянуться оттуда, чтобъ ангельскій образъ твой, чтобъ небесная душа твоя раскрылась мнѣ. Мнѣ надо было снять повязку юношескихъ сатурналій съ глазъ, чтобъ оцѣнить серафима чистоты. Это мнѣ напоминаетъ старинный случай. Въ Аѳинахъ заказаны были двѣ статуи Минервы, одна великому Праксителю, другая какому-то ваятелю. Оба выставили свои произведенія. Народъ бѣжалъ къ статуѣ неизвѣстнаго, восхищался прелестной отдѣлкой, а на Праксителеву не смотрѣлъ никто, она едва была изсѣчена, груба. Обѣ статуи поставили на колонны, тогда все перемѣнилось. Мелочи и мелкія красоты исчезли отъ дали; а божественное выраженіе статуи Праксителя подавило величіемъ и красотою. Ей надо было удалиться отъ толпы, стать ближе къ небу, не рядомъ съ нею, чтобъ толпа поняла ее. И не смотрю ли я теперь на тебя, какъ народъ на статую Праксителя, не вверхъ ли подымаю голову, не къ небу ли смотрю, когда думаю о тебѣ, не на тверди ли этой ищу твои черты, и не оттуда ли сіяешь мнѣ ты любовью и улыбкой? Ангелъ! ангелъ!

21-е іюня. Помнишь ли, какъ въ стары годы я бранилъ тебя за притворство передъ княг[иней], а самъ я научился теперь такъ притворяться, такъ хитрить, что самому смѣшно. Дѣло въ томъ, покуда живешь съ людьми, иначе поступать нельзя—не дать же имъ на поруганіе свою чистую, святую мысль.

23-е іюня. Вотъ твое письмо отъ 9—оно грустно, печально. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты должна быть моя, моя безъ условій, безъ оговорокъ, моя—какъ моя душа, какъ мое сердце. Проклятіе, что такое проклятіе и тамъ, гдѣ благословляетъ Богъ! Черно на душѣ, тяжко... Кончи, я *умоляю тебя*, споры, эту исторію съ женихами; но кончи ее осторожно, какъ знаешь.

Ты пишешь, что могла бы теперь безъ взгляда на меня покинуть землю. Вѣрю, тебѣ родина—небо, тебя ждетъ тамъ привѣтъ, родная семью. Съ восторгомъ вознесся Христосъ къ Отцу своему, но скорбь осталась въ душѣ учениковъ. Что же я останусь здѣсь безъ тебя; я не вынесу и, *ежели* останусь живъ, то для того, чтобъ въ мірѣ раздался еще отчаянный звукъ страдальческой души.

Ты не вѣришь въ наше соединеніе; ежели я въ это буду не вѣрить, то... то я сдѣлаюсь мерзавцемъ. Нѣтъ мнѣ неба, добродѣтели безъ тебя, Наташа, милая Наташа, сестра! Богъ отдалъ мою судьбу въ твою дѣвственную руку. Можешь ли ты располагать послѣ этого собою, какъ ты явишься *туда* безъ Александра?

Да что же не ѣдете въ деревню?

Прощай, надеждъ на мое возвращеніе тьма. Горе, подожди, дай пройти одному несчастью, потомъ уже приходи руками родительскими рвать сердце.

Обнимаю тебя, нѣтъ, это слишкомъ много, гляжу, гляжу на тебя, и въ этомъ взглядѣ все, чего нѣтъ въ письмѣ.

Твой *Александръ*.

Полина кланяется.

—

И примѣрно не знаю, которое число.

Сейчасъ прочелъ я «Ундину» Жуковскаго—какъ хорошъ, какъ юнъ его геній! Я пришлю ее тебѣ. Вотъ два стиха, служащіе лучшимъ выраженіемъ моего прошлаго письма, продолженіемъ его:

Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется,
Влившись въ море, она изъ моря назадъ не польется.

Мы два потока: ты — широкій, ясный, отражающій вѣчно голубое небо съ солнцемъ, я — бурный, подмывающій скалы, ревущій судорожно; но однажды слитые, не можетъ быть раздѣла. Пусть люди дѣлаютъ, что хотятъ, *волна назадъ не польется.* А ты, ангелъ, дала мѣсто какому-то сомнѣнію въ душѣ твоей. «Я потеряла вѣру въ наше соединеніе», пишешь ты; посмотри, какъ что-то страшное, чудовищное выглядываетъ изъ-за этихъ словъ... какъ оно сильною рукой отбрасываетъ меня въ сторону, тебя съ другую. Наташа, не давай мѣста этому голосу въ душѣ твоей—онъ убійственен.

Мой *Maestri* исправленъ, эта статья очень хороша. Я вообще эти дни порядочный человѣкъ, т.-е. живу больше за письменнымъ столомъ, нежели съ людьми. Нѣтъ, я не утратилъ надежды на скорое свиданье, по всѣмъ вѣроятностямъ, оно не можетъ замедлить долго, тогда я самъ прочту тебѣ мои статьи и во всѣхъ ты найдешь себя, ангела-хранителя моей души. Странная вещь, какъ на насъ дѣйствуетъ практическій міръ: кажется, въ немъ все такъ мелко, такъ лишено средствъ дѣйствовать на душу, а между тѣмъ крошечные опыты осѣдаютъ больше, больше и въ минуту экспансивности, въ минуту, когда хочешь людямъ передать свой опытъ, огромный кристаллъ уже составленъ въ душѣ изъ песчинокъ, ни одной не пропало, всѣ тутъ, всѣ сливаются въ одно тѣло. Душа, умѣющая понимать, ничего не теряетъ, и давно забытое при случаѣ выходитъ, какъ привидѣніе изъ гроба. Эта статья I. Maestri — первый опытъ прямо разсказывать воспоминанія изъ моей жизни, и она удачна. *Встрѣча*, которая у тебя,—частный случай; эта уже захватываетъ болѣе и представляетъ меня въ 1833, 1835, 1837 году, годы, отмѣченные въ ней тремя встрѣчами: Дмитріевъ, Витбергъ и Жуковскій. Ты писала мнѣ съ мѣсяцъ тому назадъ, чтобъ я занялся моей прошлой жизнью, вотъ исполненіе. До двухъ предметовъ я боюсь дотронуться: 40 дней поста и молитвы должны бы предшествовать этому труду. Ты и Огаревъ—вы являетесь у меня какъ идеалъ, какъ фантазія; нигдѣ не осмѣлился я описать *ваши примѣты*. Дѣло рѣшеное, повѣсти —не мой родъ. *Тамъ* рѣшительно, какъ видно, смертный приговоръ ей, заклеивать окны на зиму. Я перечиталъ *Легенду* и помирился съ нею; это документъ моего перелома передъ 9 апрѣлемъ.

Теперь набралось у меня статей на маленькую книжку; но еще не рѣшаюсь скоро печатать, надобно больше сдѣлать, а то отдать людямъ на поруганье такія святыя страницы изъ жизни больно, какой-нибудь важный трудъ долженъ имъ служить рекомендательнымъ письмомъ. Тогда я ихъ издамъ подъ заглавіемъ «*Юность*». И посвящу тебѣ и Огар. Вамъ посвящена и душа моя; надѣюсь, не поссоритесь за это черезполосное владѣніе.

29-е іюня. Боже мой, не могу безъ ужаса вздумать, какимъ ты непріятностямъ подвержена теперь. И сколько ни думаю, сколько ни ищу, нѣтъ средствъ помочь, поправить.

Ежели явно съ ними разсориться — что я не считаю за худшее — то куда дѣться? въ Петербургъ къ Ал. Ал. — моего согласія на это нѣтъ, это человѣкъ бездушный. ежели скромный жизнью, то развратный душою; я его очень знаю, дай Богъ, чтобъ ты. мой ангелъ, никогда не была въ соприкосновеніи съ этими испорченными людьми. Онъ по теоріи безнравственный человѣкъ и по душѣ холодный эгоистъ. И что за образъ жизни? Нѣтъ, нѣтъ, дальше отъ этихъ людей, они запылятъ тебя. Итакъ, что же? По-моему, въ самомъ крайнемъ случаѣ монастырь лучше, вѣдь, жизнь тамъ начальная не обязываетъ ни къ чему. Воля заниматься, воля видѣться, и тутъ что-то есть возвышающее душу. Да, у тебя есть сестра, не знаю почему, а я ее не люблю; *три поступка* могутъ громко обвинять человѣка, но и къ ней лучше, нежели къ А. А. Свѣтская, пустая женщина не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на тебя. Тебѣ можетъ странно мое мнѣніе объ Ал. Ал.

Я буду у него очень часто въ Петербургѣ, мнѣ что? Моей душѣ ни опыта прибавить нельзя, ни потрясти ее. я и въ трактирѣ бывалъ часто, и гдѣ я не бывалъ. Разумѣется, я очень знаю, что и на тебя онъ не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія; но его теоретическая безнравственность дунетъ ядомъ на твою душу, она покажетъ тебѣ образъ мыслей, который ты не должна знать. Къ сестрѣ лучше; но возьметъ ли она? Это не продолжитъ разлуку,—я буду скоро послѣ возвращенья въ Петербургъ. Напиши же на все это подробно твое мнѣніе. Прощай, ангелъ мой!

30-е іюня. Ты въ деревнѣ—слава Богу, душѣ стало легче. О, Наташа, какъ пламенно, какъ безгранично я люблю тебя.

Твой *Александръ.*

Загорье, іюня 29-е. Понед.

Александръ, о, мой Александръ!..

На что слова!.. Забудь землю, обрати взоръ туда, высоко... За облаками, за лазурью ты увидишь голубя: какъ снѣгъ на солнцѣ, сіяютъ его перья, радужно искрясь и переливаясь; услышишь—онъ воркуетъ о царствѣ небесномъ, которое въ немъ, вокругъ него: счастіемъ своимъ, блаженствомъ онъ близокъ къ Богу; онъ не летитъ выше, для него *выше* нѣту, во взорѣ его отражается Его око и твой взоръ, онъ тихо вѣетъ крыльями, и съ нихъ льется небесный свѣтъ, сыплются искры на избранныхъ,— онѣ вмѣсто словъ. Ангелъ мой, вчера получила твое письмо (отъ 7 с. м.). На одномъ изъ прежнихъ твоихъ писемъ (10-е апрѣля 1835) видны слѣды безмѣрной горести, на этомъ останутся слѣды неизъясненнаго восторга, когда-бъ мы ни увидѣлись съ тобой, ты увидишь эти слезы, онѣ разскажутъ тебѣ громче и краснорѣчивѣе пера. Знаешь ли, ангелъ, ты неожиданно подарилъ меня въ своемъ письмѣ? Послѣ разскажу, теперь невозможно, едва вожу перомъ; хотя еще 5 часовъ утра, а ужъ Мак. не спитъ—*страшно!..* О, мой Александръ!..

30-е. О, если-бъ зналъ ты, если-бъ я могла пересказать тебѣ все... Да, ты подарилъ меня неожиданно: при мысли о томъ блаженномъ, святомъ *тогда* — являлась мысль другая, земная — о людяхъ; мнѣ казалось, они, какъ облака на солнцѣ, будутъ бродить въ нашемъ будущемъ; мечтала объ уединеніи, уединеніи съ тобою!.. на всю жизнь, о, что такое намъ время? Нѣтъ, я мечтала именно о томъ, что ты писалъ мнѣ нынѣ, и не смѣла сказать тебѣ этого; на берегу моря, въ Божьемъ цвѣтникѣ, далеко отъ суеты, шума, ропота, камней, людей, на землѣ

— далеко земли — сказать тебѣ: «Александръ мой! люблю тебя». Обнять тебя, посмотрѣть на тебя и... и отдать небу то, чѣмъ земля недостойна обладать. Знавъ, что ты любишь славу, я не смѣла молвить тебѣ объ уединеніи; вообрази же, что со мною стало, когда я читала твое письмо!.. О, ты! для кого нѣтъ словъ, нѣтъ имени на землѣ... о, пусть снидутъ съ неба ангелы и небесной гармоніей изольютъ тебѣ небесное души моей! — Что такое намъ *теперь?* Что намъ эти цѣпи, тюрьма, изгнанье, угрозы и самыя препятствія?.. *Оно* придетъ, оно будетъ наше, мы купимъ его нашимъ терпѣньемъ; не будемъ же, другъ, жалѣть платы! — Все надо мной ничтожно, на все смотрю, какъ на черный сухой прутикъ, который легко переломить; ничего не боюсь; Его десница, любовь — ведутъ меня этимъ путемъ, и я люблю мои страданія, люблю мой тернистый путь, онъ ведетъ къ Нему, къ тебѣ!.. Прочитавъ твое письмо, я пошла въ поле, — что за ощущенія! Сколько я чувствовала свободы, воли, какъ жалки и малы казались мнѣ они: я все забыла, ни о чемъ не думала, душа моя подобна была этому чистому, обширному полю, въ ней волновалась одна нива, нива, посѣянная тобою!.. Какъ тихо, вѣтеръ не колыхнетъ ни былинки, небо грозно, но молчитъ, птицы не поютъ, онѣ въ умиленіи внимаютъ гимну души моей, онѣ вмѣстѣ съ нею возсылаютъ тихую, но пламенную молитву. — Невыносимо быть дома съ этими чувствами!

1-е іюля. Ты пишешь, что тебя оскорбляютъ ожидающія насъ непріятности. Александръ, ты ли пишешь это? Говорю тебѣ, мой ангелъ, не будемъ жалѣть платы, истощимъ силы, терпѣніе! Будетъ время, снова запасемся. И для чего же заранѣе бояться, а *Онъ?*.. Нѣтъ, видя надъ собою столько Его милости, столько любви, я не боюсь людей, еще менѣе ихъ угрозъ, ихъ гнѣва, — развѣ они могутъ перевѣсить благость Его? Нѣтъ! Они сильны, могущественны, но развѣ могутъ долго бороться съ Богомъ? Нѣтъ! Итакъ, что жъ страшнаго? Со всей любовью навстрѣчу имъ!.. Зачѣмъ въ письмѣ твоемъ это *оскорбляютъ*, зачѣмъ оно въ твоемъ сердцѣ?

3-е. Каждый день, восьмой и девятый часъ, я придумываю, гдѣ ты, что дѣлаешь, что думаешь? такъ ли ясно твое небо, какъ мое, смотришь ли ты на золотой западъ со мною вмѣстѣ, иль, провожая взоромъ тучи, думаешь: «когда-то онѣ пройдутъ?..» Но съ чего же я назначила этотъ часъ для свиданія и бесѣды душъ нашихъ, — будто мы можемъ когда-нибудь думать другъ о другѣ болѣе или менѣе?.. Вся наша разлука — безпрерывная встрѣча, безпрерывное свиданіе, бесѣда! Часто, мой другъ, глядя на струйки рѣчки, я воображаю какъ *тогда, тамъ, съ тобою!..*

Посмотримъ, послушаемъ море; о, оно должно быть грозно; мы не увидимъ его тихимъ, спокойнымъ; нѣтъ, пространствомъ своимъ, глубиною оно будетъ спорить съ нашею любовью, и гордый великанъ, чудо людей, любимецъ природы — капля предъ нею! и тщетны его шумъ, волны, пѣна, — небо не меркнетъ, не колеблется, а благодатное ясно смотритъ на него, покрываетъ его, и другое море, и третье, и безчисленныя...

Я не могу вполнѣ обнять настоящаго; всѣ непріятности, которыя не имѣютъ на тебя вліянія, скользятъ мимо моего вниманія. Послѣднее время, мнѣ кажется, я выросла еще болѣе, мой Александръ. О, если-бъ я *жила* на землѣ, среди людей, если-бъ я была часть этой земли, этихъ людей, — я-бъ изныла, измучилась, давно бы превратилась въ прахъ; но твоя любовь, мой Александръ, столько даетъ мнѣ счастья и блаженства, столько силы, воли, что земля и люди не мо-

гутъ привлечь меня. я не вижу, не слышу ихъ, имъ земныя поля предѣлъ, — я высоко за лазурными полями; все Его величіе, весь свѣтъ открыты моему взору, будто кругомъ меня хоры ангеловъ, будто я на рукахъ у Бога! Спокойно смотрю я на смущеніе людей, ихъ труды, ихъ замыслы, ихъ громадныя стѣны между нами; въ высотѣ обнявшись съ тобою, покойно смотрю, какъ они разлучаютъ насъ, не догадавшись взглянуть вверхъ; да если-бъ и взглянули... Придетъ время. Онъ велитъ, и съ рукъ *Его* я сойду на твои руки!.. Душа моя, Александръ!..

4-е. Какая холодная мысль станетъ между тобой и папенькой? Да, голосъ сильный, святой и мой голосъ скажутъ тебѣ: «онъ твой отецъ, онъ много для тебя сдѣлалъ»; но какой же голосъ скажетъ: «онъ единственное препятствіе твоему счастію». Ужели между нами, между мною и тобою, есть кто, кромѣ Бога? Ежели мы встрѣтимъ препятствіе въ папенькѣ, Богъ намъ препятствуетъ. И можетъ ли *любовь* родить *мысль холодную,* между кѣмъ-же? Между отцомъ и сыномъ... О! нѣтъ, Александръ, пусть вѣкъ у тебя будетъ отецъ, пусть вѣкъ ты будешь ему сыномъ, пусть въ *родинѣ* ты найдешь родныхъ!..

6-е. Да, я выросла, стала мужественнѣе, и любовь обороняетъ меня отъ всѣхъ нападеній и ударовъ; Самъ Господь утѣшаетъ меня въ разлукѣ съ тобою, мой ангелъ, я чувствую неизъяснимое наслажденіе выносить невыносимое изъ покорности воли Его... Ты понимаешь меня, Александръ, ты душа моя, одно съ душою Наташи, твоей душою; другіе не поймутъ, скажутъ — невѣроятно, невозможно; да, для нихъ это и невозможно, ибо любовь къ землѣ не можетъ быть вмѣстѣ съ любовью къ Богу, а любовь къ тебѣ, къ Нему — одна! и потому я люблю тебя любовью, которой ничего нѣтъ выше, отдала-бъ жизнь за одинъ взглядъ твой, люблю нашу разлуку, люблю наши страданія... Страдай, Александръ!

Ночь. Со всѣмъ этимъ бываютъ мгновенья,—хотя оченъ рѣдко, но бываютъ: меня вдругъ обдаетъ холодомъ, будто невѣдомая сила увлечетъ меня въ преисподнюю, но тотчасъ, въ ту же минуту улетаю въ рай. Самый ангелъ не устоялъ бы на моемъ мѣстѣ; представь себѣ дурную погоду, страшную стужу, вѣтеръ, дождь, пасмурное какое-то безъ выраженія небо, прегадкую, маленькую комнату, изъ которой, кажется, сейчасъ вынесли покойника, три старухи, заснувшія за картами и пробуждающіяся для одной глупости, для блиновъ или для нелѣпаго слова... И тутъ-то, съ ними-то провесть нѣсколько часовъ, дней, мѣсяцевъ... Я ничего не вижу, не замѣчаю, но не знаю, что заставляетъ иногда меня взглянуть на *это,* кровь леденѣетъ, мнѣ кажется, я скоро задохнусь... но, обернувшись туда, на сѣверо-востокъ, на отверзтые врата неба, на твои отверзтыя объятія, душа уже согрѣта и летитъ, летитъ и обнята небомъ, обнята тобою!..

8-е. Я совсѣмъ, было, забыла о женихахъ, будто ничего и не было, да папенька напомнилъ; онъ пишетъ къ к[нягинѣ] въ послѣднемъ письмѣ, что ежели я *заслужу* своимъ поведеніемъ, онъ дастъ мнѣ при замужествѣ десять тысячъ и вмѣстѣ съ этимъ предлагаетъ *кого-то.* Но, повидимому, меня съ тѣхъ поръ, какъ взяли, поили, кормили, одѣвали и учили только на словахъ, *такъ* и замужъ отдадутъ; ну, пусть же ихъ говорятъ!

Грустно мнѣ, ни о Emilie, ни о Сашѣ вѣсти нѣту, гдѣ онѣ, что? Не знаю болѣе мѣсяца. Кто-бъ ни сказалъ, глядя на меня теперь: «несчастная, со всѣмъ разлучена!» И всякій бы ошибся,—все со мною! По цѣлымъ часамъ друзья мои сидятъ вокругъ меня, и бесѣда наша пламенна, краснорѣчива, хотя и тиха... Но всѣхъ ближе ты со мною, ангелъ мой, всѣхъ чаще, долѣе; онѣ передъ тобою, какъ звѣздочки передъ солнцемъ.

9-е. Когда ты видишь меня во снѣ, проснувшись, неправда ли, хочешь сыскать меня, взять за руку и разсказать, что видѣлъ во снѣ, и чего-то ждешь и оглядываешься на подушку, не остался ли на ней тотъ образъ!.. Такъ бы и я сжала твою руку, глядя-бъ въ твои очи, разсказала сонъ мой; о, Александръ, о, мой ангелъ, о, моя жизнь! Порадуйся со мною, перекрестись со мною,—я видѣла тебя во снѣ! Будто садъ, деревья прелестныя, такихъ не видала наяву, аллея, и тамъ ходили мы съ тобою, мы мало говорили, почти ничего, ты смотрѣлъ на меня, я на тебя... зачѣмъ же проснулась я?..

Ты писалъ о смерти,—не боюсь я смерти, но когда вижу покойника, сердце полно болѣе, нежели грустью, какое-то неопредѣленное, тяжелое, мрачное чувство обнимаетъ его, и тогда мнѣ страшно, что я такъ далеко отъ тебя, страшны холодныя объятія смерти; но когда не вижу ни гроба, ни могилы, покинула-бъ землю, кажется, тогда-бъ была ближе съ тобою.

Ночь. Ты хочешь взглянуть на Востокъ, Индію, Египетъ,—поѣдемъ, только послѣ Италіи, покажи мнѣ сперва страну поэзіи, любви, молитвы; я люблю природу, понимаю ее, преклоняюсь предъ величіемъ ея въ малости, покажи мнѣ ее—красавицу, съ морями, горами, вѣчно цвѣтущую, природу, поющую гимны, исполненную молитвы и любви, сходную съ нашею душою! О, мой Александръ! Третій годъ истекаетъ... 1834 іюля 20, третій годъ безпрерывной надежды и разувѣренья! Дай руку твою, поддержи голову мою, утверди сердце, укрѣпи. Другъ мой!...

10-е. Какъ было я ждала завтрашняго дня, сегодня хотѣли послать въ Москву, а вмѣсто того отложила еще до будущаго воскресенья. Твое послѣднее письмо отъ 9 іюня, — вотъ ужъ мѣсяцъ нѣтъ извѣстія... Это ужасно. Иногда жизнь мнѣ кажется тяжелымъ сномъ, но это только, какъ долго нѣтъ отъ тебя, и тогда... о, тогда! Какъ малъ человѣкъ, все ему надо матеріальныя доказательства! Да, иногда я не смѣю сказать: твоя Наташа.

14-е іюля. Жалуюсь тебѣ на себя; всѣ эти дни овладѣла мною тоска; три недѣли отъ тебя не получаю, даже выговорить тяжело, не только перенесть, а потомъ... О, Александръ, повѣй на меня, ангелъ мой, вдохни силы, твердости,—иногда ихъ во мнѣ мало, очень мало. Нѣтъ, не лучше мнѣ нынѣшнее лѣто здѣсь; я вовсе не хотѣла тебѣ писать этого,—не могу! Давно обнимаетъ насъ вмѣстѣ радость и горе, пусть обниметъ вмѣстѣ рай или адъ!..

Вообразить себѣ нельзя, что это такое, хуже тюрьмы и цѣпей, тамъ свободно вздыхаютъ, молятся, я не могу глазъ поднять на небо. Повторяю, всѣ истязанія — мнѣ ничто, а ежеминутно, безпрерывно видѣть столько глупостей, гнусностей, ежеминутно и безпрерывно!.. Мнѣ становится страшно съ ними, а, право, иногда *они* хуже самихъ себя! Я выхожу отъ нихъ больная, усталая, кажется, чуть жива; портретъ бы твой, письмо бы твое — нельзя! уйти бы въ садъ, въ лѣсъ хоть, въ поле, въ мое любимое поле,—я и пойду, но это шагъ за шагомъ, за *ними,* о, тогда похоже ли это на отдыхъ? Нѣтъ, скорѣе на переходъ колодниковъ изъ тюрьмы въ тюрьму. Но я не совсѣмъ изнемогла, о, нѣтъ! Будь въ десять разъ хуже (ежели можетъ быть хуже), душа не истощится; приготовясь къ пенямъ, къ моралямъ, упрекамъ, брани, я урвусь отъ нихъ, сбѣгу внизъ къ рѣчкѣ, сяду на послѣднюю ступеньку, чтобъ меня изъ дома не видали, отолью изъ сердца тяжелую горесть въ крупныхъ, горячихъ слезахъ, сложу у подножія престола *Его* съ груди камень, скажу громко—о, ты вѣрно слышишь! Скажу: Александръ, и будто все перемѣнится кругомъ меня, во мнѣ; опустя

глаза, долго я созерцаю тебя, забывъ землю и небо, потомъ медленно, съ благоговѣніемъ произношу: мой Александръ!.. И новый міръ предо мною, новая жизнь во мнѣ, новая душа, о, отецъ мой, мой жизнедавче!.. Я бы провела тутъ нѣсколько сутокъ, не сходя съ мѣста, не поднимая глазъ, вотъ какъ та роза: третій день она стоитъ наклонившись и, кажется, молитвой вѣетъ отъ нея, но нѣтъ, меня вырываютъ, ведутъ въ тюрьму, къ *нимъ*... Прощай, мой ангелъ, надежда моя.

16-е. Вчера меня послали гулять съ Макаш. Не взирая ни на что, я ушла отъ нея далеко, чтобъ не видать ее, не слыхать шелеста шаговъ ея, спряталась за дерево и долго стояла тутъ. Направо — солнце, влѣво—церковь, прямо — яхонтъ неба и изумрудъ полей; но недолго я ими любовалась, недолго чувствовала ароматный воздухъ вечера и прохладный вѣтерокъ, все исчезло!.. Александръ, я снова выросла; мнѣ необходимъ *взоръ на небо;* слетая на родину, я сношу съ собой оттуда надежду, силу, терпѣнье, сношу образъ ея, и онъ въ душѣ до тѣхъ поръ, пока снова не обрушится на меня земля со своими камнями и насѣкомыми. Чаще эти часы, чаще возвращеніе на родину, и меня пылинка не коснется. О, другъ, придетъ это *тогда*, и оно все будетъ *взоръ на небо, возвращеніе на родину!* Жду твоихъ писемъ, я получу ихъ наканунѣ *20-го*, наканунѣ того дня... но прощай же, руку!

Твоя *Наташа.*

Я надѣюсь на скорое свиданье съ Emilie; въ газетахъ читала, что тѣ, у кого она живетъ, ѣдутъ заграницу, такъ она, вѣрно, не замедлитъ пріѣхать въ Москву, а оттуда какъ-нибудь ко мнѣ; эта мысль меня утѣшаетъ.

18-е. Ѣдутъ. Еще тебѣ поцѣлуй, моя душа. Полинѣ, Эрну, Витбергу поклонъ отъ души.

3-е іюля.

Ты въ деревнѣ, ангелъ мой, я сталъ немного спокойнѣе. Живите же дружно, ты и природа, вы обѣ такъ изящны, такъ хороши. Милая сестра, другъ мой! Ты отдохнешь эти два мѣсяца отъ гадостей ихъ, зачѣмъ не можешь склонить утомленную голову на мою грудь, отдыхать на ней. О, Наташа, какъ бы я берегъ тебя, вѣтеръ бы не смѣлъ дунуть на тебя! Мнѣ, знаешь ли, что иногда приходитъ въ голову, ты слишкомъ небесна для земли, что въ то время, какъ я раскрою объятія, ты исчезнешь; это сходно съ твоей мыслью о смерти, съ твоей ненавистью къ тѣлу, — хорошо, ежели и я тогда умру, а разлука ужасна; но ты будешь оттуда свѣтить на меня, ты восторгъ пошлешь въ мою душу отъ подножія престола Его. Но какъ же я буду жить безъ моей души; я теперь считаю свою душу однимъ матеріальнымъ выраженіемъ твоей души. Боже, Боже, какъ ты свѣтла, не ярко, не ослѣпительно, это бы подавляло,—да, ты теперь ужъ не человѣкъ. Я ничего хуже не могу себѣ представить, какъ тебя *моей женою* въ ихъ смыслѣ. Я въ тебя перенесъ все святое, все изящное, отъ тебя я жду одушевленія, твоя рука поведетъ меня землею, поведетъ на небо, и вдругъ *ты моя жена*. Будто высокое таинство бракосочетанія только для тѣла, тѣлу не нужно таинства, бракосочетаніемъ исполнится воля Бога, душа твоя и моя сольются въ *одну* душу, не твою и не мою, подъ благословеніемъ Его. Приходи же, благодатное время гармоніи и блаженства, не все же бороться! Люди, не отнимайте отъ меня ангела, подареннаго мнѣ Богомъ.

4-е іюля. Ежели будетъ какая-либо возможность, я тотчасъ пришлю тебѣ I. Maestri; эта статья несравненно выше всего, писаннаго мною, — это живое воспоминаніе, горячій кусокъ сердца. Совсѣмъ чужіе люди были увлечены до слезъ.—вотъ моя награда; но какая награда ждетъ, когда ты будешь ее читать. Несмотря на заклятіе, повѣсть опять бродитъ въ головѣ. Попробую. Я самъ чувствую, что перо мое стало сильнѣе, фантазія свободнѣе, — рядъ страданій, рядъ опытовъ образовалъ его. Путешествіе должно служить мнѣ послѣднимъ окончательнымъ развитіемъ. Теорія все-таки мертва, своими глазами надобно видѣть, своей рукою дотрогиваться. И мы будемъ вмѣстѣ. Я буду смотрѣть на людей, ты на природу. Я буду слушать стонъ, ты - гимнъ. Это будетъ — клянусь, будетъ. Вѣдь, много лѣтъ еще передъ нами.

6-е іюля. Тьма странныхъ мыслей занимала меня весь день. Сначала думалъ я вотъ о чемъ: любовь есть единственно возможный путь къ возстановленію человѣка, именно, какъ ты нѣсколько разъ выражалась, два человѣка, потерянные другъ въ другѣ, любовью составляютъ ангела, т. е. выражаютъ во всей чистотѣ перваго человѣка, возвращаются къ тому единству, которое уничтожаетъ бореніе. Двойство—всегда бореніе. Богъ—единъ. Эгоизмъ тянетъ человѣка въ пропасть, надобно его уничтожить, тутъ два средства. Знаешь ли, кто только не эгоистъ? *Тотъ*, который смиренно лежитъ во прахѣ передъ иконой Спасителя съ полной вѣрою, *тотъ*, кто сладостный и грустный взоръ остановитъ на дѣвѣ съ чистой любовью. Тутъ погибаетъ это гордое, всепожирающее я. Итакъ, христіанство и любовь, вотъ два дара, оставленные Богомъ падшему человѣку. За этой свѣтлой мыслью, мыслью вѣры и любви, слѣдовалъ рядъ мрачныхъ, холодныхъ, но я разскажу и ихъ. Что будетъ со мною, думалъ я, и холодъ бѣжалъ по членамъ, ежели черезъ много лѣтъ я скажу: «любовь—прелестная мечта юношества; но она не переходитъ, какъ и всѣ мечты, въ совершеннолѣтіе», и утрачу любовь и вѣру. Тогда я извѣдаю все, что извѣдалъ падшій ангелъ. Или еще хуже, тогда и совѣсть не будетъ угрызать, тогда я сдѣлаюсь животнымъ. О, Наташа, какъ мрачна эта мысль, дьяволъ вдунулъ ее середь имени Христа и твоего.

Но я взглянулъ на твою душу и утѣшился. Нѣтъ, исчезай мысль ада, твоя душа такъ нераздѣльна съ любовью, какъ любовь, что нельзя ее себѣ представить безъ любви ко мнѣ. Тутъ мысль еще горячѣе явилась мнѣ. Зачѣмъ я свою душу могъ представить такъ, зачѣмъ же я не могу подняться до того высокаго гармоническаго бытія, до котораго поднялась ты? Зачѣмъ я человѣкъ, когда ты ангелъ? Твое присутствіе мнѣ необходимо, ты отогнала бы однимъ взглядомъ, дыханіемъ эти нелѣпости, а я ими мучился весь день. Тебѣ, тебѣ назначено меня спасти и отъ моихъ страстей, и отъ моихъ черныхъ думъ, въ твоей душѣ онѣ и возникнуть не могутъ, она такъ чиста, такъ чиста, а моя... что была бы она, ежели-бъ ее не просвѣтила любовь къ тебѣ, вѣчная битва высокаго порыва и низкаго влеченія, и кто побѣдилъ бы? Вѣрно не высокое, потому Господь, жалѣя меня, и послалъ тебя. Дай же прижать твою руку къ устамъ, къ груди!

Я беру уроки въ нѣмецкомъ языкѣ у сосланаго сюда доктора богословія Бетгера, чрезвычайно ученаго человѣка; хочу писать по-нѣмецки, какъ по-русски. Кстати, я спрашивалъ Егор. Ив., имѣетъ ли онъ возможность доставить тебѣ тетради и книги тайно отъ нихъ, тогда я пришлю свои статьи, нѣмецкій лексиконъ и стихи Шиллера.

7-е іюля. Сейчасъ получилъ твои письма отъ 11 изъ Москвы. и отъ 26 изъ Загорья. Я ждалъ ихъ и не ошибся, минутное мрачное направленіе прошло по душѣ твоей, какъ тучи по небу, — и вотъ это небо опять ясно, опять свѣтитъ мнѣ и вливаетъ силы. Да, надобно сознаться: въ нашихъ страданіяхъ больше блаженства, нежели горести. Душа какъ-то обширно развертывается и гордо съ пренебреженіемъ смотритъ на усиліе людей ее обидѣть. Бываютъ минуты, обида палитъ, жжетъ. но не оставляетъ черты, «какъ желѣзо, пройдя по брилліанту, царапаетъ самого себя» (I. Maestri). Разлука, тюрьма, гоненіе — это все не въ самомъ дѣлѣ несчастіе или только несчастіе въ понятіи людей, у которыхъ счастье значитъ много денегъ, хорошій обѣдъ. Мы можемъ стоять выше, должны! Даже бѣдность, самый ужасный бичъ изъ всѣхъ *наружныхъ*,—я не назову рѣшительно несчастьемъ. Но вотъ несчастіе—пятно на душѣ, угрызеніе совѣсти. Ты никогда не узнаешь что такое. Видала ли ты, ну, хоть вора, котораго уличаютъ,—его положеніе, хотя онъ и вывернется: но посмотри на глаза, посмотри на лицо. А кто крадетъ цѣлковый, похожъ ли тотъ на крадущаго душу, на крадущаго будущее спокойствіе? *Это несчастіе.* Пусть раскаянье сколько-нибудь утѣшаетъ, да каково вынести. Другое я никогда не испыталъ и, Богъ милостивъ, кажется, не испытаю. Это мало-по-малу загрубѣть, предаться толпѣ, забыть все высокое, жить долго въ этомъ снѣ, потомъ проснуться и увидѣть, что ужъ воротиться некогда, что практическая жизнь кругомъ бросила тенеты и что надобно дотащиться по этому болоту до могилы,—это должно быть безъ мѣры ужасно. Изъ всего этого только то видно, какъ богато надѣлилъ Господь душу человѣческую: высшее блаженство и высшее несчастіе не внѣ его, а въ немъ и, слѣдственно, отъ него зависитъ, умѣй только понять это и твердо дѣйствуй, понявши. А тутъ - то и бѣда. Ты, молитвой воспитанная, далекая отъ людей, одаренная небесной кротостью и добротою, перешедшая прямо изъ дѣтства въ объятія любви пламенной и чистой, какъ утренняя звѣзда, и ведущей тебя, какъ утренняя звѣзда, — тебѣ легко идти тѣмъ путемъ. А кому, какъ мнѣ, она, звѣзда, явилась послѣ ночи, проведенной въ бурной оргіи, явилась и спряталась за тучу, — тому нужна вода священнаго Гангеса, чтобъ омыть пятна прежде, нежели ступить на священную землю индусовъ.

Надежда на возвращенье сильнѣе и сильнѣе, кажется, не сѣверное сіяніе, а заря. Но гдѣ же Гесперъ, твоя любимая звѣзда, ее еще нѣтъ, гдѣ же эта Венера золотая? Знаешь ли, что древніе греки называли твою любимую звѣзду утромъ Гесперомъ — надеждой, а вечеромъ Венерой — любовью; вотъ народъ, который былъ поэтъ и художникъ, какъ никогда не было народа больше музыкальной Италіи.

Ежели буду въ Москвѣ, то непремѣнно буду въ твои именины въ Загорьѣ, а въ самомъ дѣлѣ, по строжайшей математической теоріи вѣроятностей, я не долго останусь въ Вяткѣ. Прощай, милая, прелестная подруга. Прощай, цѣлую тебя, твои уста, твои руки. Прощай.

Я пишу теперь письмо изъ Вятки — это карикатура. Слѣдственно, не по твоей части. Давно собирался я сдѣлать важную поправку, ты всегда меня воображаешь съ сигарой, а я уже больше года не курю сигаръ, а курю турецкій табакъ. Прошу поправить и вмѣсто маленькой сигары вообразить длинный, черешневый чубукъ. Прощай же!

10-е іюля. Вотъ что еще мнѣ въ голову пришло, ангелъ мой: ежели тебя будутъ мучить слишкомъ женихомъ и ежели онъ сколько - нибудь благородный

человѣкъ, что предположить въ военномъ и богатомъ можно, пиши къ нему письмо—разумѣется, въ крайности—скажи ему прямо, что ты любима, что ты любишь, проси его не мучить тебя, проси молчать.

Ежели я буду въ Москвѣ, такъ заботиться не о чемъ, это мое дѣло. Я самъ явлюсь къ нему и той силой, которая есть у меня въ характерѣ, заставлю его отказаться.

Ежели и новыя надежды такъ же обманутъ, то это будетъ чудо; самымъ холоднымъ образомъ разсматривая всѣ вѣроятности въ мою пользу: вниманіе наслѣдника, его свиты, Жуковскаго съ одной стороны, желаніе графа Бенкендорфа помочь, стараніе здѣшняго жандармскаго штабъ-офицера и *три года*,—вотъ на чемъ опираюсь я. Но не думай, чтобъ я теперь, какъ прежде, безотчетно отдавался мечтѣ о скоромъ возвращеніи, нѣтъ, я отталкиваю эту мысль, чтобъ не пришлось опять со слезою вырвать ее изъ сердца. Я имѣю вѣсти изъ Петербурга отъ 25 іюня, ежели онѣ вполнѣ справедливы, то каждый почтовый день я могу ждать высочайшаго повелѣнія, и жду съ трепетомъ. При одной мысли—можетъ надняхъ я буду собираться въ путь, сердце бьется, руки дрожатъ и потъ выступаетъ на лицѣ. Все это возвращеніе, вся дальнѣйшая жизнь мнѣ ничего не представляетъ, какъ черты моего ангела. Нѣтъ, прочь отъ меня все, одна любовь, одна любовь! О, Наташа, мы будемъ счастливы, больше, нежели счастливы. Всѣ эти временныя гадости исчезнутъ, и одинъ лучъ свѣта проникнетъ нашу душу, нашу жизнь!

14-е іюля. Я прибавилъ въ мою статью «Мысль и Откровеніе» сонъ и въ немъ въ идеалъ религіи перенесъ твои черты, даже твое имя, ты слѣлалась тамъ нераздѣльна съ каждой мечтой моей, съ каждой мыслью,—свѣтлая, ангельская душа. Ты вспомнила, какъ я въ саду сидѣлъ съ Огаревымъ, я вспомнилъ, какъ еще въ томъ домѣ, гдѣ жила княжна Анна Борисов., ты меня много разъ водила въ садъ, кормила смородиной; ты была тогда ребенокъ — прелестный ребенокъ; потомъ вспомнилъ тебя у насъ въ саду, ты стояла на маленькой террасѣ изъ моей комнаты, а я и Пименовъ внизу, помнишь, тогда ты уже переставала быть ребенкомъ, тогда недоставало только этой пламенной любви, чтобъ посвятить тебя въ дѣвы. Я не могу отдѣлить воспоминанія всѣхъ свѣтлыхъ праздниковъ отъ тебя. Помнишь ли, я былъ еще гораздо моложе, на Святой я пріѣхалъ къ вамъ, хотѣлъ было христосоваться съ тобою, и какой-то стыдъ остановилъ меня,—я вспыхнулъ въ лицѣ, подходя къ тебѣ, и не смѣлъ поцѣловать.

Страшно говорить, а, кажется, мое возвращеніе не подвержено никакому сомнѣнію, опять тотъ святой трепетъ захватываетъ душу. Я увижу *ее*, ту сильную, пересоздавшую меня, ту высокую, о которой три года мечталъ я. Наташа, я буду блѣденъ при нашемъ свиданіи, я всегда блѣднѣю, получая письма отъ тебя; а когда увижу, о, Господи. И буду жать ея руку и прижму ее къ груди моей, къ груди, которая такъ сильно рвалась къ тебѣ. Здѣсь радость освобожденія будетъ отравлена, я спрячу душу свою какъ можно дальше и, уже переѣхавъ за границу Вятской губ., сброшу съ себя все земное и передамся чистому, святому восторгу, сдѣлаюсь юношей тѣмъ, которымъ былъ 9 апрѣля. Мед. должна меня забыть, никогда луча надежды на будущее я не подавалъ ей, въ этомъ я чистъ. И любовь ея, — какая непомѣрная разница съ нашей любовью; это—любовь женщины, женщины, которая была замужемъ за старикомъ, которая ненавидѣла мужа. Любовь матеріальная, въ ней есть поэзія; но выше женщины не токмо какъ ты, но какъ Полина, она не можетъ надѣяться. Сверхъ

того, знаешь ли ты, что одна капля сала портитъ цѣлый сосудъ воды, сальное пятно исключаетъ всякую чистоту, всякую святость любви, а гдѣ тутъ была чистота? Ей хотѣлось имѣть молодого чичисбея, и не меня завлекла, а сама завлеклась. Жаль мнѣ ее: пять лѣтъ жизни, годъ разлуки съ тобою, все отдамъ для ея спокойствія, ибо я виноватъ, я увлекся самолюбіемъ, я, видѣвши сначала, что она можетъ пасть, не поддержалъ, а столкнулъ ее. Я не могу видѣть ее безъ угрызенія совѣсти, каждая слеза ея дешевле стоитъ ей, нежели мнѣ. Она именно черное начало моей жизни. Вотъ каковы необузданные поступки. Зато Полина, что это за милое, исполненное поэзіи существо, какъ дѣтская простота въ ней соединена съ огненной душою! У насъ нѣтъ другого разговора, какъ о тебѣ, мнѣ надобенъ человѣкъ, съ которымъ я могу говорить о тебѣ, и она понимаетъ. Скоро выйдетъ она замужъ, желай имъ счастья; и она, и Скворцовъ достойны его!

Когда я поѣду, сдѣлаю себѣ маленькую тетрадку и буду записывать всѣ чувства, всѣ думы при приближеніи къ тебѣ; пріѣхавши, пришлю ее, какъ послѣднее письмо изъ дали. Впрочемъ, Наташа, мы и въ Москвѣ будемъ переписываться, вѣдь, намъ нельзя же будетъ часто видѣться, да и при свиданіи нельзя много говорить, будемъ писать. Прощай, моя восточная звѣздочка Гесперъ-Афродита. Прощай.

Твой *Александръ.*

---

16 іюля.

Онъ взялъ чашу и сказалъ: это дѣлайте въ мое воспоминаніе! Безпредѣльная любовь его къ ученикамъ чувствовала, какую сладость для души имѣетъ воспоминаніе минутъ душевнаго увлеченія, самой грусти. Можетъ, воспоминанія утраченнаго блага — горьки, я не испыталъ этого, мое благо — твоя любовь, такъ неотъемлемо моя, такъ я, что я не могу ее отдѣлить, даже для примѣра, отъ своей жизни. А что же я могъ потерять, кромѣ ея. Да, сладостны и священны минуты, подаренныя покойнику — прошедшему, образы знакомые выходятъ изъ могилы и, какъ духи, лишенные своей вещественности, плаваютъ, летаютъ середи этой тверди. Вторая половина іюля привела меня къ этимъ мыслямъ, вотъ третій разъ приближается 20 іюля, и уже за нѣсколько дней душа живетъ подъ вліяніемъ памяти. Что *важнаго* было въ этой прогулкѣ по кладбищу? По *ихнему* ничего, да у нихъ важно только представленіе къ чину. А эта прогулка—свѣтлая полоса въ рамѣ черной, въ рамѣ кладбища. Я не зналъ тогда, что за чувство меня связывало съ тобою, но симпатія наша была безпредѣльна, мы другъ на друга не могли насмотрѣться, какъ бы предчувствуя три черные года разлуки; я, лишенный тогда друга, обратился весь къ тебѣ, я провожалъ карету, въ которой ты уѣхала, взорами любви братской, той же любви, какъ встрѣтилъ тебя 9 апрѣля. Прости мнѣ, что я разсказываю третій разъ одно и то же; мнѣ такъ хорошо при этихъ воспоминаніяхъ. Вотъ эта ночь—въ самомъ дѣлѣ ужасная, когда меня взяли. Душа, утомленная горестью, очищенная прогулкой съ тобою, требовала отдыха: я спалъ мертвымъ сномъ. Вдругъ меня будятъ—бѣлый султанъ, шпоры, холодныя слова, я такъ оставленъ, такъ одинокъ, а тутъ слезы старика, отвыкнувшаго обнаруживать свои чувства, а тутъ слезы матери, почти лишенной чувствъ. Я состарѣлся въ эту минуту. На другой день усталый, избитый, измученный, я спалъ цѣлый день въ заключеніи и, когда проснулся, ты, ангелъ, первая явилась святой утѣшительницей,—я

написалъ записку поздравительную княгинѣ, для того, чтобъ хоть поклонъ послать тебѣ. Потомъ ты промелькнула мимо моихъ оконъ; о, Господи, какъ сильно билось у меня сердце, когда за каменной оградой, скованной стѣнами, я смотрѣлъ на тебя! О, я любилъ тебя уже страстно, все еще не давая себѣ отчета. А тутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узналъ я, какъ ты была въ обморокѣ, когда услышала печальную вѣсть,—тогда я понялъ всю силу твоей любви, тогда я понялъ, что я для тебя все, слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ. О, въ эту минуту какъ пламенно я прижалъ бы тебя къ груди, какъ я поблагодарилъ бы за этотъ обморокъ!—Потомъ для тебя писалъ легенду; видишь ли, какъ вездѣ ты, какъ всѣ воспоминанія примыкаютъ къ тебѣ! А твои записки туда, въ которыхъ не было слова люблю, но была любовь, и злая судьба ни одной не дозволила сохранить. Я радовался твоему обмороку,—ты обручила имъ жизнь свою съ моею. Но все еще такъ чисто, такъ безтѣлесно было мое чувство, но все еще не нашелъ любви больше братской, и не черезъ нѣсколько ли мѣсяцевъ я могъ отдать себѣ отчетъ въ 9 апрѣлѣ? Надобно, чтобъ между торжественной минутой нашей жизни протѣснилось сколько-нибудь холоднаго времени, чтобъ дать себѣ отчетъ, чтобъ осмѣлиться его потребовать. Помнишь, Сазоновъ былъ 9 апрѣля у меня; когда ты уѣхала, онъ мнѣ сказалъ: «Ta cousine, Alexandre, est belle, comme un ange, et comme elle t'aime!»

Я спряталъ лицо въ подушку, — но не плакалъ: я больше былъ радостенъ, нежели грустенъ. Сверхъ всѣхъ правъ, за одно это замѣчаніе Саз. мнѣ другъ на всю жизнь. Часто, часто обращаю я взоръ на мою скверную комнату въ Крутицѣ. Священна она для меня, какъ бы желалъ я быть тамъ, я цѣловалъ бы полъ, стѣны, жандарма и то окно, въ которое я смотрѣлъ, когда ты ѣхала по Пречистенкѣ: все это родно, близкое. О, Наташа!

Вчера пришло мнѣ въ голову: ежели бы государь дозволилъ мнѣ жить, гдѣ хочу, не въѣзжая въ столицы, я бы пріѣхалъ въ Загорье. И, можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ были бы мы вмѣстѣ. А послѣ—послѣ можно бы умереть, даже не видавши Италіи. Въ сторону всѣ прочія, прежнія мечты подъ клеймомъ самолюбія и эгоизма. Ты мнѣ нужна—больше ничего ненужно. Скажи, чѣмъ ты хочешь меня, — и я тѣмъ сдѣлаюсь; хочешь ли славы, я пріобрѣту ее и брошу къ ногамъ твоимъ, хочешь ли, чтобъ весь родъ человѣческій не зналъ, что я существую, чтобъ мое существованіе все было для одной тебя. Возьми его, оно твое, и все будетъ мало, чтобъ вознаградить блаженство, которое ты дала мнѣ. Но тебѣ и ненужно вознагражденія. Ты любима! Да, ты можешь сказать, что ты любима! Свѣтлая минута теперь въ душѣ моей, ахъ, лишь бы слѣдомъ за ней не шла туча, лишь бы воспоминанія святыя не довели до воспоминаній проклятыхъ. Прощай, Natalie. Прощай, сестра!

Спустя полчаса. Ангелъ мой! Долго сидѣлъ я теперь надъ этимъ листомъ, и душа была съ тобою, слеза скатилась съ глазъ, и я сложилъ руки и, поднявъ къ небу глаза, молился и благодарилъ Бога за тебя; о, какъ много Онъ мнѣ далъ! Не смѣю уже ни о чемъ болѣе его просить. Что ты, ангелъ, теперь дѣлаешь, для меня была святая минута 16 іюля въ 11 часовъ.

21-е іюля. Другъ мой! Какъ грозно вспоминалъ я нынче ту ужасную ночь, когда меня взяли. Съ вечера началась гроза, а въ два часа ужаснѣйшій градъ съ шумомъ, трескомъ и свистомъ выбилъ у меня всѣ стеклы. Какъ величественна разъяренная природа! Молніи безпрерывно раздирали мракъ, громъ грохоталъ, и градъ въ грѣцкой орѣхъ билъ, какъ камень, пущенный сильной ру-

кой. Опасно было стоять въ комнатѣ, стекла и градинки сыпались. Такова была въ 1834 году душа моя, и, признаюсь, я радовался нынче на эту бурю, какой, впрочемъ, я въ жизнь мою не видывалъ. Весь городъ точно послѣ штурма. А ты, ангелъ, какъ провела эту ночь? Думала обо мнѣ и я былъ съ тобою. Русское повѣрье объ Ильинѣ днѣ сбылось.

А сегодня опять свѣтло и тихо. Природа, какъ мощный человѣкъ, сердится, но не извиняется ни передъ кѣмъ,—ей дѣла нѣтъ до человѣческихъ отношеній. Нынче, три года тому назадъ, ты узнала страшную вѣсть. А несчастіе ли это постигло тогда меня? Не знаю. Я выросъ, я лучше понялъ себя и тебя, я узналъ людей, я юношей удалился изъ дому и совершеннолѣтнимъ возвращусь въ него. Ты знаешь, ангелъ, сколько сладкаго въ нашихъ страданіяхъ. Въ 1835 году ты писала мнѣ сюда, что въ этотъ день узнала ты, что такое несчастіе; съ тѣхъ поръ ты могла убѣдиться, что и въ этомъ несчастіи есть блаженство святое,—тогда воспоминаніе было слишкомъ близко. Ежели Провидѣнію угодно будетъ отдать въ скоромъ времени меня тебѣ, ежели въ самомъ дѣлѣ къ осени я поѣду въ Москву, то, какъ ты думаешь, не заѣхать ли мнѣ въ Загорье прежде Москвы? Для этого потребно, чтобъ оно было не болѣе 5 верстъ отъ тракта (иначе пап. разсердится, и начну съ непріятности), а кажется, по той же дорогѣ; въ какую заставу вы ѣздите, не въ Рогожскую ли? Но я боюсь за тебя и потому я прислалъ бы передового мужика съ запиской, а послѣ, покуда закладывать на станціи будутъ коляску, явился бы верхомъ на крестьянской лошади. Напиши, какъ думаешь? А можетъ, это и скоро. Но лучше не очень полагаться. Прощай.

Душа моя, прощай. Прощай.

Александръ.

Полина скоро, вѣроятно, будетъ m-me Sсworzow. Слава Богу, она будетъ оцѣнена мужемъ.

Загорье, іюля 20-е.

Вотъ и этотъ день насталъ, черезъ нѣсколько часовъ минетъ три года! Александръ, черезъ нѣсколько часовъ минетъ *три года разлуки съ тобою!*.. И ты говоришь теперь: «Наташа, три года разлуки съ тобой»... Въ памяти являются картина за картиной послѣднихъ часовъ съ тобою, за этимъ 9 мѣсяцевъ—ночь, одна темная, безотрадная, беззвѣздная ночь, въ которую не видно, что небо, что земля; да, такъ черное горе обнимало тогда мою душу, что я не чувствовала земли и забывала небо. Вдругъ девятое апрѣля, что еще сказать о немъ? Послѣ 16 лѣтъ сна, послѣ 9 мѣс. смерти—полная жизнь, едва открыла глаза—увидѣла гробъ, едва начала жить—невыразимая горесть задернула мое и то неясное небо, тутъ вдругъ Богъ и ты!.. Разлука? Но, вѣдь, ты говорилъ: «*тамъ* награда, *тамъ* вѣчность, *тамъ* Богъ!» будто мы раздѣлены съ небомъ, и надобно умереть, чтобъ быть *тамъ*, тогда какъ все это *тамъ* — *здѣсь*, въ насъ самихъ; такъ и я, говоря тебѣ: «когда увижу тебя» — уже съ тобою, въ тебѣ и ты во мнѣ! Со всѣмъ этимъ я не знаю, что было бы со мною *сегодня*... но вчера отъ тебя *три* письма! О, мой Александръ, не умѣю, не могу тебѣ ничего сказать болѣе, и что же у меня болѣе?.. Едва успѣла я прочесть *всѣ* письма, началась всенощная, хотя домашняя служба рѣдко бываетъ похожа на молитву, но и это *намѣреніе молиться* такъ было кстати. Потомъ ночь, и я все читала и читала твои письма (всю бы жизнь я могла только читать твои письма!); по-

гасивъ свѣчу, при свѣтѣ лампады смотрѣла на твои письма, долго смотрѣла и заснула съ ними. Теперь и ты уже всталъ; можетъ, пишешь ко мнѣ, о, мой Александръ!..

22-е. Два дня прошли скучно, томительно; *посторонніе* — и довольно, чтобъ я утомилась, послѣ нѣсколько минутъ уединенія — блаженства! И какъ не устать, глядя безпрерывно на толпу дѣтей, которыя безъ цѣли, даже безъ удовольствія, шумятъ, кричатъ, ломаютъ и мараютъ все, что близко ихъ, наконецъ, бросаются пескомъ, засыпаютъ имъ себѣ и другъ другу глаза—вотъ что для меня эти совершенно посторонніе. Жду не менѣе скуки и сегодня. Да, хорошо бы еще, если-бъ только глядѣть на этихъ *дѣтей*, а когда заставляютъ быть въ серединѣ ихъ, дѣлать, что и они?.. это ужасъ!

Ахъ, если-бъ была возможность запереться мнѣ хоть въ какомъ-нибудь чуланѣ и цѣлый день, и цѣлую ночь читать твои письма и писать тебѣ! Ангелъ мой, Александръ, ты въ мои именины?.. Нѣтъ, нѣтъ, не надѣюсь, что такъ скоро, только мѣсяцъ остается... какъ забьется у меня всегда сердце при этой мысли; ежели она явится среди разговора, я замолчу и выйду, не могу скрыть волненія и восторга, которое озаритъ мое лицо, даже въ голосѣ выражается.

Вечеръ. Еще миновался тяжкой день, вечеръ его выкупилъ,—я читала твое письмо къ к[нягинѣ], и тамъ повторяешь о надеждѣ. Неужели, неужели, ангелъ мой?!.

23-е. Не могу теперь съ полнымъ, съ совершеннымъ удовольствіемъ писать къ тебѣ; мысль — разскажу сама — подавляетъ его. Со вчерашняго вечера не могу придти въ себя: невыразимое чувство, Александръ, — какъ будто черезъ мѣсяцъ я вознесусь туда, къ Богу Отцу; все кажется такъ мало, такъ ничтожно... вся земля съ пылинку. О, Александръ, какъ полно сердце, какъ волнуется грудь, душа свѣтла! Просто я не могу ничего дѣлать, даже писать; прощай, какъ не страшно теперь это слово, раздиравшее прежде душу. Ангелъ мой, я тебя увижу! Неужели въ самомъ дѣлѣ увижу тебя? О, страшно, я такъ мала, такъ ничтожна, какъ мнѣ предстать предъ тобою? Такъ близко къ солнцу я сгорю, я превращусь въ прахъ, въ тьму. О, пусть, пусть, лучше погаснуть предъ тобою, нежели свѣтить безъ тебя...

Другъ мой, ангелъ, Александръ! Нѣтъ, ничего у меня нѣтъ болѣе въ душѣ, въ мысляхъ, ничего не льется съ пера,—я увижу тебя скоро!!!

Вечеръ. Что тебѣ, другъ, показалось такъ страшно, что я потеряла *вѣру въ наше соединеніе*? Развѣ мы можемъ быть еще тѣснѣе, ближе? Нѣтъ, слѣдственно, мы соединены, а мнѣ казалось невозможнымъ согласіе папеньки; казалось, что я еще долго проживу у к[нягини], теперь опять все перемѣнилось, не могу ничего придумывать мрачнаго и почти увѣрена, что съ пріѣздомъ твоимъ перемѣнится все. Да и должно быть такъ, я не буду въ состояніи скрывать тогда. Ахъ, какая мысль! Если-бъ будущее лѣто... но что Тебѣ невозможно, Всемогущій! Ну, право, Александръ, нѣтъ въ свѣтѣ счастливѣе меня, нѣту, нѣту... если-бъ душу мою раздѣлить на нѣсколько милліоновъ людей, и тогда-бъ каждый изъ нихъ былъ невыразимо счастливъ, а я... да... что же говорить, зачѣмъ? Это все еще земля, все человѣческое въ насъ, намъ ненужно говорить...

24-е. Что за мысль, ангелъ мой, посѣтила твою душу, вотъ страшная, вотъ... о, какая мысль!.. я невольно вздрагиваю, вспоминая о ней. *Тебѣ потерять вѣру и любовь!* Никакъ не могу я представить этого живо, а и то отъ ужаса ломитъ грудь. «Ты не переживешь любовь», сказалъ мнѣ голосъ съ неба.—

«Ты не переживешь любовь», говорю я тебѣ. Прежде я могла вообразить, какъ бы ты пересталъ меня любить, какъ бы я тайно, невидимая тобою, была всегда близко тебя, какъ бы изъ праха, изъ бездны горестей и страданій я возсылала чистую, пламенную молитву о тебѣ къ Богу; потомъ, перемѣнившись отъ лѣтъ, отъ изнуренія, увѣрившись, что воспоминаніе обо мнѣ совершенно умерло,— пошла бы служить тебѣ, и, наконецъ, не могши долго перенести такого блаженства, въ восторгѣ-бъ умерла у ногъ твоихъ. Теперь не могу вообразить этого: знаю, ты разлюбить не можешь, вѣрю этому, какъ тому, что есть Богъ. О, избави, Господи, чтобъ подобная мысль явилась тебѣ опять когда-нибудь!

Не переживемъ любовь! Не переживемъ любовь! Нѣтъ, вмѣстѣ, рука съ рукой, душа съ душой станемъ предъ *Нимъ*, вмѣстѣ пойдемъ одесную или ошую! Вотъ до *какой* степени ты возвысилъ мою душу (или, ужели это земная гордость?), я не могу себя представить съ тобою *тамъ* на сторонѣ грѣшниковъ. И можно ли?.. О! нѣтъ, нѣтъ, мой Александръ! Только грудь Бога будетъ изголовьемъ той, которая склонится на твою грудь! Только Его объятья примутъ ее изъ твоихъ! Когда такое блаженство теперь, когда теперь столько святости, а тогда?.. Посмотри на небо, сколько обѣщаетъ оно тебѣ... Вѣрь же, ангелъ мой, душа моя не бѣднѣе, о, любви въ ней болѣе, нежели лазури въ небѣ!..

25-е. Александръ, менѣе ли отражается небо въ морѣ бурномъ, волнующемся, пѣнящемся, нежели въ чистомъ, тихомъ ручейкѣ? Море сильно, могуче, оно со дна своего вздымаетъ песокъ и сокровища къ небесамъ и выбрасываетъ ихъ на берегъ, а сколько носитъ оно на волнахъ!.. Я воображаю его ночью... каждая волна, вырвавшись изъ груди его, отражаетъ луну, звѣзды, въ каждой волнѣ цѣлый міръ, а сколько волнъ на морѣ, во сколько разъ умножается въ немъ небо!.. А бѣдный ручеекъ—онъ тихо, скромно катитъ свои струйки, отражаетъ малую часть неба, не имѣетъ силы и одной песчинки выбросить на берегъ... а песокъ и земля въ немъ есть, какъ и въ морѣ. Ты похожъ на это море, я—на ручеекъ, и ежели я ангелъ, менѣе ли ты?..

Вечеръ. Ровно мѣсяцъ остается до именинъ моихъ; послѣ трехъ лѣтъ разлуки это немного; итакъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ мѣсяцъ я съ тобою! Ахъ, если-бъ послѣ взора на тебя, я-бъ не увидѣла здѣшнихъ мѣстъ, здѣшнихъ людей! Впрочемъ, пусть тогда все будетъ, что Богу угодно, тогда на землѣ мнѣ нечего *болѣе* ждать. Но пріѣдешь ли? Какъ тѣсно въ груди, какъ тяжело дышать... еще цѣлый мѣсяцъ... нѣтъ, это слишкомъ много... сейчасъ, сію минуту! Знаешь, душа моя, когда я съ тобою бываю такъ близко, такъ долго, долго .. опомнясь, оглянусь, тебя нѣтъ со мною, —какъ сдѣлается мнѣ страшно, боюсь глядѣть болѣе, боюсь говорить, сдѣлать малѣйшее движенье, будто неожиданно меня бросили въ мрачное, сырое подземелье. О, Александръ! О, Александръ!..

Ты говоришь о монастырѣ,—да, ничего бы не могло быть лучше предъ твоимъ пріѣздомъ для меня, какъ бы удалиться на нѣсколько времени *вовсе* отъ *міра*, но это невозможно, меня изъ тщеславія не пустятъ. А къ Аннѣ Ал. и къ Ал. Ал. ни за что на свѣтѣ! Нѣтъ, нѣтъ, довольно и отсюда мнѣ видно людей, да и мнѣ кажется, будто отсюда ближе до тебя. Пусть они продолжаютъ свои глупости, что намъ до того? *Онъ* сочеталъ души, а чтобъ *они* воспрепятствовали идти рука съ рукой!

Слава Богу, что Мед. теперь покойнѣе, врага ея нѣтъ, но есть ли друзья у нея? Что будетъ она, ея дѣти? Мы не должны забывать это семейство.

26-е. Что было бы со мною, ангелъ мой, если-бъ я была съ тобою тамъ, на

высокой горѣ, гдѣ ты встрѣтилъ восходъ солнца? Нѣтъ, я не могу представить себѣ будущаго, оно для меня такъ же непостижимо, какъ вѣчность, какъ Онъ. Теперь жизнь моя, не знаю, на что похожа; всякій, не зная души моей, проведя здѣсь хоть день, сказалъ бы, что это нѣчто въ родѣ ребенка, который цѣлый день перебираетъ игрушки, лоскутки и бродитъ безъ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть глупѣе, даже не похоже на деревенскую жизнь, какія-то все нелѣпыя препятствія, даже гулять. Все пройдетъ, все пройдетъ...

Ежели ты пріѣдешь скоро, то ужъ зачѣмъ же затруднять Ег. Ив. тетрадями и книгами, хотя я съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду твоихъ статей. Привези самъ, самъ и прочти ихъ твоей Наташѣ. Когда я теперь, далеко отъ тебя, среди чужихъ, угнетенная, связанная, забываю землю и весь міръ *съ тобою*, что же будетъ *тогда, тогда?* Какъ я отгадала, Emilie ужъ въ Москвѣ, и, мнѣ кажется, я увижу ее здѣсь.

27-е. Есть оказія — еще тебѣ словечко, еще поцѣлуй, мой ангелъ, мой Александръ, и прощай! Твоя Наташа. Близко, близко августъ.

25-е іюля.

Прошлое письмо мое отъ 21 іюля, другъ мой Наташа, было все наполнено восторгомъ воспоминанія. Нынче опять душа вяла, утомлена. Фу, какъ гадко, несносно цѣдится это время разлуки и заточенія въ дальнемъ краю. Ждешь, ждешь... И придетъ лучъ надежды, играетъ, свѣтится и исчезнетъ, а между тѣмъ легкомысліе души хватается за него съ такою нѣжностью. Наташа, я долженъ быть скоро возвращенъ, потому что мнѣ разлука съ тобой дѣлается нестерпимой, мучительной болью, потому что здѣшняя жизнь мнѣ опротивѣла... Теперь опять не занимаюсь, гадко дотронуться до чего-нибудь, все это такъ мелко, школьно, неудовлетворительно. А любовь — она удовлетворяетъ всему, она наполняетъ всю душу; но для этого мнѣ надобно видѣть тебя, жать твою руку, пить свѣтъ твоихъ глазъ, воздухъ твоего дыханья. Уѣду за городъ сегодня на цѣлый день. Тамъ, подъ чистымъ небомъ, помечтаю о тебѣ, ангелъ! Какъ бы ни сбылось твое пророчество, что все это одни комплименты, очень пріятные для уха и очень безполезные для дѣла.

Ты писала какъ-то мѣсяца два тому назадъ, что это недостатокъ характера — иногда быть высокой, самоотверженной, иногда грустить, унывать. Но человѣку не дано столько силы, чтобы всегда становиться бодро и смѣло противъ обстоятельствъ и всегда быть выше ихъ. Это невозможно. Самая пламенная вѣра допускала иногда звуки отчаянной печали и нѣмой боли. Это однообразіе проклятое, глупое, всредневное, иногда застаетъ душу врасплохъ, и душа скорбитъ, понимая, какое блаженство для нея открыто на землѣ еще, и какъ обстоятельства холодной рукой отталкиваютъ его.

27-е іюля. Я началъ новую статейку, не знаю, выйдетъ ли толкъ, а основа не дурна. Я ужъ говорилъ какъ-то, что нѣтъ статей, болѣе исполненныхъ жизни и которыя бы было пріятнѣе писать, какъ воспоминанія. Облекая эти воспоминанія во что угодно, въ повѣсть или другую форму, всегда они для самого себя имѣютъ особый запахъ, пріятной для души. Половина лицъ въ лучшихъ поэмахъ образовалась такъ; сверхъ того, лицо существующее имѣетъ какую-то непреложную реальность, свой рѣзкой характеръ по тому самому, что оно существуетъ. Да и для чего-же душа будетъ терять впечатлѣнія, коимъ она подверглась въ

жизни, ежели только эти впечатлѣнія достойны не быть потраченными. Повѣсть лучшая форма, но это не мой родъ; доселѣ повѣсти плохо выходятъ у меня; но разсказъ, простой разсказъ—это дѣло мое, я легко переношу свой пламенный языкъ на бумагу. Итакъ, я намѣренъ разсказать мое знакомство съ Полиною, она утѣшала меня въ горькія минуты, я съ ней сблизился во имя Наташи,—стало, она достойна имѣть страницу моего пера. Да, сверхъ того, въ ней есть поэзія, и въ нашей дружбѣ есть поэзія, а жизнь скоро приметъ другое направленіе, надобно статьею отвердить прежнюю. И такъ, какъ древніе народы воображали за хрустальнымъ голубымъ небомъ, которое они видѣли, другое небо, гораздо лучшее, огненное, чертогъ Бога, — такъ и у меня, за всѣми воспоминаніями, вдали виднѣются черты божественныя, черты ангела—твои черты. Ихъ я боюсь ловить на бумагу, боюсь, какъ святотатства, какъ іудеи боялись произносить святое имя Іеговы. Да, онѣ же такъ нераздѣльны съ моей душою, со всей моей жизнью, что я самъ лучшая, полная статья о тебѣ.

28-е іюля. Продолжая о новой статьѣ, я скажу, что всѣ улыбнутся мысли описать такую незначительную встрѣчу. Но, благодаря тому высокому направленію, которое дала твоя любовь моей душѣ, я всякое чувство ставлю гораздо выше мысли и ума, всякую симпатію считаю достойной труда, памяти и вниманія. Да, я въ мысли своей образовалъ себѣ полную человѣческую жизнь, состоящую изъ совокупности всѣхъ сильныхъ и высокихъ влеченій, и буду слѣдить ее вездѣ и, гдѣ найду, тамъ остановлюсь и склоню голову.

Пришли письмы и посылки; но отъ тебя ужъ давно ничего, это грустно и больно; маменька пишетъ, что никакихъ оказій не бываетъ, что и мои письмы лежатъ долго, покуда отошлются. Мое прошлое письмо 21 іюля, вѣроятно, сильно потрясло тебя,—эти святыя, высокія воспоминанія! Пора, Наташа, пора намъ соединиться; какъ тяжело жить половиной существованія. Посмотри, сколько ранъ надобно тебѣ залѣчить на этой больной душѣ, сколько пыли стереть, сколько отдыха дать.

Часто думаю, мечтаю и, какъ усталый долгимъ путемъ, склоню голову на руку, и какая-то ужасная пустота наполняетъ ее, и я желалъ бы впасть въ долгій, летаргическій сонъ и проснуться отъ твоего поцѣлуя и прильнуть къ твоимъ устамъ и умереть потомъ. Прощай... бьется сердце сильно, сильно. Прощай.

Твой, твой *Александръ*.

29-е, ночь, іюль.
[писано карандашомъ].

Твое письмо отъ 11 до 14.

Нѣтъ это слишкомъ! Господи, силы дай, терпѣнья. Александръ, мой ангелъ, мой Александръ! Можетъ — ахъ, да почему же не можетъ быть—вотъ теперь, сію минуту, какъ я стояла безмолвно, безъ мыслей, безъ думъ, вся — ты, вся твоя душа, твоя любовь, стояла крѣпко, прижавъ руки къ груди, какъ бы силясь удержаться на землѣ, ахъ, можетъ быть, ты, закутавъ дорожнымъ плащемъ все небо, весь рай, дрожа и внѣ себя, нетерпѣливымъ взоромъ смотрѣлъ, какъ закладываютъ, подвезли, искры отъ копытъ, за городомъ, далѣе, далѣе... Неужели мечта? Ахъ, какъ сердце бьется, какъ тяжело дышать! Летѣть бы теперь, летѣть высоко, а тамъ раздвинуть грудь и обнять мысль: «*скоро увижу его*»; безъ того я не могу [два слова стерто]. Ну, какъ, какъ, ангелъ мой, скажи ты мнѣ,

какъ я тебя увижу, какъ буду глядѣть на тебя, какъ слушать, какъ буду дышать, какъ останусь на землѣ?!.. Неужели такъ же буду смотрѣть на тебя, какъ на небо въ минуты молитвы и тѣснѣйшаго соединенія съ Богомъ! Нѣтъ, нѣтъ. тогда во взорѣ будетъ болѣе любви, болѣе молитвы. что будетъ со мной, какъ услышу твой голосъ... Я слышала голосъ Бога, слышала и осталась на землѣ; останусь ли съ тобою, услышавъ тебя?.. Тогда-то развернется намъ вѣчность, тогда мы забудемъ считать дни и годы; не равны ли въ тебѣ минута и столѣтіе?..

Разсвѣтаетъ... И я могу такъ заниматься этими низкими, ничтожными непріятностями: пусть онѣ умножаться въ тысячу разъ болѣе, что мнѣ до того! Душа моя, прости мнѣ, ежели я когда пишу тебѣ о нихъ, и знай, что написанное давно забыто и вытѣснено изъ сердца воспоминаніемъ о тебѣ. Мало того, что я забываю объ ихъ суровости ко мнѣ, о томъ, что за минуту я готова была прослезиться, противъ воли и со всею твердостью, съ самопожертвованіемъ забываю, что такое они, и люблю ихъ, люблю много, готова пролить кровь свою за искупленіе ихъ. Ты сдѣлаешь изъ меня ангела, о, Александръ!.. Что ты теперь, другъ мой, глядишь ли на меня. Я давно не сплю, все воображала, какъ застучитъ экипажъ. какъ будетъ видѣнъ изъ-за кустовъ. ближе, ближе, а тутъ и воображенье исчезаетъ, тутъ я закрываю глаза руками, тутъ... о, мой спаситель, о, мой искупитель. о, ты!.. Теперь я ничего не могу говорить, кромѣ о твоемъ пріѣздѣ. Часто, какъ темно, я смотрю въ окно долго, долго, образъ твой сіяетъ надо мною, струя неба льется въ душу, — явись ты въ эту минуту, я обниму тебя съ радостью тихой, намъ небо откроется тогда, а свиданіе въ гостиной,—я не знаю, что со мной будетъ.

Загорье, іюля 31.

Ну, что, ежели надежда обманетъ? что-жъ, неужели отчаиваться, унывать? Александръ! тамъ, въ небѣ, выше неба, въ Его рукѣ, съ Тобою, съ тобой жизнь моя вмѣстѣ, и такъ тѣсно, такъ близко, такъ близко... ни облачко, ни лучъ солнца не дѣлятъ меня съ тобою, вѣтеръ не прокрадется между нами, и унывать о томъ, что тамъ, гдѣ-то внизу, кто-то дѣлитъ насъ и разлучаетъ? Выше, другъ, выше, братъ, отряси прахъ съ крылъ твоихъ, и исчезла тьма, исчезла долина мрака, и не видно той чаши, изъ которой ты *не могъ* допить горечи, не видно сосуда, въ который ужъ черезъ край лились слезы. Любовь паритъ надъ землею и не тоскуетъ о ней. Прошлаго года я съ твердостью перенесла новую разлуку съ тобой, то есть *пережила* ее, цѣлыя ночи плакала, больна была, только не смѣла тебѣ писать этого... Нынѣ же о! ежели *Ему будетъ угодно* снова испытать меня, -я возмужала, окрѣпла душой, еще годъ любви поднялъ меня, очистилъ, растворивъ шире врата въ тотъ міръ, гдѣ мы вѣчно одно я. Отъ малѣйшаго движенія души, отъ появленія одной тѣни твоей рвутся цѣпи, а пока онѣ падаютъ на землю, она уже исчезаетъ и вмѣстѣ съ ними. Туда, туда приходи ко мнѣ! пусть тянутся 1000 верстъ, пусть между нами заставы, стѣны, замки, большіе замки, желѣзные, и даже цѣлое войско *людей* съ страшными оружіями, пусть! Взгляни,—ангелы отворяютъ врата, самъ Господь ведетъ тебя, и свѣтъ тамъ и гармонія, тамъ одинъ вѣнецъ намъ... О, Александръ! ты вѣчность моя, ты, ты все! Нѣтъ меня безъ тебя, не живу я того мгновенія, въ которое розно съ Тобою. —Ты пріѣдешь, я буду тебя видѣть, слышать... Это что-то непонятно, нѣтъ, это

мечта, мечта, ежели видѣть и слышать тебя значитъ быть *еще ближе* съ тобою —мечта!

Рано утро 1-е августа. Сегодня большой праздникъ Спасителя. Первое *августа!..* какимъ благоговѣйнымъ страхомъ проникнуто все существо. Въ этомъ мѣсяцѣ можетъ быть... О, Отче нашъ, да будетъ воля Твоя! Да, да, мой ангелъ, ты будешь жать мою руку, и пожатіе руки твоей, твой взоръ перельютъ въ душу мою новое блаженство, какъ перелила любовь 9 апрѣля. И я буду глядѣть на тебя... Нѣтъ, это не мечта! ежели отъ одной мечты колѣна преклоняются, и руки ищутъ неба, прижать его къ груди, зажечь въ немъ новое солнце,—что же будетъ, когда въ самомъ дѣлѣ увижу тебя?

Когда Полина и Скворцовъ *любятъ,* чего имъ желать *болье?* долгую жизнь — на что? богатства—вздоръ... Желаю имъ здоровья на землѣ, желаю вмѣстѣ покинуть ее и тамъ быть нераздѣльными. Благодать и благословеніе Господне надъ ними! Слава Богу, я чрезвычайно рада, что участь Полины перемѣнилась; видишь ли, какъ намъ *самимъ* не должно заботиться: сколько разъ ты писалъ о ея несчастьи,—*Онъ* не покинетъ избранныхъ. Я покойнѣе смотрю теперь даже на страданія Emilie.

2-е. Ахъ, можетъ, ужъ ты получилъ радостную вѣсть, можетъ, теперь восторгъ увидѣть скоро твою Наташу и грусть разстаться съ друзьями, которыми грозной рокъ подарилъ тебя въ самую мрачную эпоху жизни, наполняютъ твою душу; разстаться съ Полиной, Вотбергомъ и другими грустно будетъ, Александръ, но мысль, что увидишь меня, ужель не смѣшаетъ съ горькими слезами сладкихъ. Еще будетъ время, ты посѣтишь нашихъ друзей, нашихъ родныхъ... О, Господи, хоть бы въ Москву послали, можетъ, есть письмо, то морозомъ обдаетъ меня, то жаромъ, сердце горитъ, замираетъ, въ разномъ видѣ представляется свиданіе безпрерывно, и я рѣшительно не могу ничего дѣлать.

Ночь. Знаешь ли все стерлось съ души, все померкло въ ней, одна идея, одинъ свѣтъ — *тебя увижу!* Всѣ мечты, надежды, всѣ картины будущаго, которыми я, бывало, окружала себя безпрерывно,— все, все исчезло. Необыкновенная сила въ душѣ, необыкновенное стремленіе, открылось новое занебесье, новые міры, куда еще я не летала, и ничего душа не жаждетъ, не ищетъ, какъ твоего взора, вся будущность ея, вся вѣчность въ твоемъ взглядѣ—о, Александръ! Ну, что такое эта жизнь? къ чему всѣ хлопоты, труды, заботы, подвиги,—что останется намъ отъ нихъ, что сдѣлаемъ мы ими? Ужели тотъ, кто *хотѣлъ* царствовать надъ всей землею, достигнувъ онаго, сдѣлалъ бы болѣе, нежели я, преклонивъ голову на грудь твою? Ничтожество! пыль! малѣйшее дуновеніе снесетъ корону съ головы твоей и тебя съ лица земли, а нашъ вѣнецъ? а любовь? О! не ей ли вѣчность, не въ ней ли рай, не она ли Богъ? .. Не могу спать, все въ волненіи, а писать нельзя, прощай. О, если бы зналъ ты, душа моя, что я чувствую, но что же, будто не знаешь! Неправда ли, ангелъ мой, въ письмахъ нашихъ мы читаемъ уже давно слышанное и видѣнное, одно повтореніе, матеріальное подтвержденіе. Прощай.

4-е. Непремѣнно, непремѣнно или ты уже въ дорогѣ или, по крайней мѣрѣ, получилъ высочайшее повелѣніе,—сердце мое твердитъ это безпрерывно и громко. Ни письма, ни портретъ, ничто не грѣетъ такъ души, какъ прежде,—все блѣдно, нѣмо. Такъ, вы, мое сокровище, безцѣнное, святое сокровище, письма моего Александра! ни на какое другое въ свѣтѣ не промѣняю я васъ, вы нераздѣльная часть меня, тѣла и души, несчетно разъ вы исцѣляли меня, спасали... Да, да вы

святыня моя, одно прикосновеніе къ вамъ вливаетъ новую жизнь, но я услышу скоро слова его изъ устъ его! и вотъ они блѣднѣютъ, теряются, какъ пѣснь соловья въ голосѣ самого Бога. Портретъ—что и говорить, что такое для меня твой портретъ, но при мысли увидѣть скоро тебя самого, онъ гаснетъ совершенно. Молиться? какое чувство исполняетъ душу передъ причащеніемъ? Занавѣсъ отдергивается... душа горитъ небеснымъ огнемъ, видитъ небо отверзтое, и стройнымъ гимномъ паритъ за яхонтъ, за лазурь, а тѣло дрожитъ и леденѣетъ, готовое превратиться въ прахъ,—въ такомъ-то я положеніи нѣсколько дней: глазъ не свожу съ Царскихъ дверей, боюсь взглянуть на землю и на небо, душа готова разстаться съ тѣломъ, а святая святыхъ не отворяется. Господи, или еще мало поста, мало изнуренія? Научи поститься и страдать болѣе! Три года вмѣсто семи недѣль, тупая пила и уксусъ на сердцѣ вмѣсто хлѣба и воды. Любовь—она безпредѣльна и свята, какъ самъ ты, Господи! и ужели я не заслужила всѣмъ этимъ сообщенія съ нимъ, длись постъ, когда я могу быть еще его достойнѣе!

6-е. Съ каждымъ днемъ полнѣе сердце, съ каждымъ днемъ тѣснѣе въ груди, а еще недѣлю цѣлую не пошлютъ въ Москву! Еще ли повторять намъ, что Онъ безпрерывно ведетъ насъ къ блаженству, что *все то*, что отъ Него, къ нашему благу? Но какъ иногда путь этотъ труденъ, какъ иное невыносимо? ..

11-е. Есть вѣсти изъ Москвы, но письма не получила. *Ты еще не пріѣхалъ.* Давно я не писала тебѣ, ужасно давно, ты слишкомъ близко былъ, бумагѣ не было мѣста, и сгорѣла бы она, если-бъ вылилось на нее то, что было въ душѣ моей всѣ эти дни, и не было силъ взять перо. Покинемъ людей, бѣжимъ, бѣжимъ изъ нашихъ ущелій, бѣжимъ туда, гдѣ *нѣтъ ничего,* гдѣ *Все!* бѣжимъ! Слава—пустое: чтобъ громче произнесли имя, чтобъ лишній разъ назвали, чтобъ оно истлѣло на бумагѣ и, черезъ нѣсколько вѣковъ, нашло бы гробъ же въ сердцѣ человѣка,—за это отдать день, минуту любви, тогда нѣтъ любви! Слава—сколько заключается въ этомъ словѣ! Я понимаю ее, потому-то мнѣ и ненавистно это *нѣчто*, которое также называютъ славой. Я *скажу* тебѣ, что *я* назвала бы славою, писать не стану, и вотъ съ этой-то Славой Любовь—сестра! Но гдѣ же она, родная? она еще *тамъ*, она не приходила еще навѣщать сестру свою въ изгнанье, итакъ, нечего искать ее на землѣ. Все ничтожество, все ничтожество!—бѣжимъ, бѣжимъ! О, мой ангелъ, я остановлю взоръ на тебѣ и —не давайте мнѣ ѣсть, пить, отнимайте по клочку тѣло, все буду глядѣть, и когда душа перельется въ твою душу этимъ взоромъ, тогда пусть отбросятъ отъ тебя этотъ клочекъ земли, въ которомъ она была заключена. Александръ! ничего нѣтъ кромѣ тебя: все тобою, въ тебѣ, ты! . О, жизнь, что это такое право, точно они, куклы изъ лоскутковъ, движутся, и въ нихъ увѣковѣчивать себя!.. Просторъ, просторъ, лишь дайте путь, мы пойдемъ, и вы увидите, что такое Слава, Любовь, Богъ, только далѣе отъ насъ, не подходите!.. Ахъ, ну неужели яснѣе для тебя вотъ тутъ на бумагѣ, нежели такъ, какъ я говорила тебѣ эти дни? Господи, какой это все вздоръ,- его, его дай мнѣ, съ нимъ одно мгновенье, и туда, гдѣ ненужно пера, словъ, туда, туда! О, Александръ, Александръ! Александръ!

12-е. Тяжело вздумать —теперь разлука, даль тяготятъ любовь, а въ будущемъ сколько цѣпей, масокъ ждутъ ее... Придетъ ли, придетъ ли, мой Александръ, то святое, то блаженное наше *тогда*, когда мы позабудемъ и версты, и маски, и цѣпи, и людей, и свѣтъ??.. Или *это тогда* лишь *тамъ?* Нѣтъ, оно дано намъ и здѣсь, лишь прочь отсюда, лишь пойдемъ туда, гдѣ руки, протянутыя обнять природу, Бога, тебя, не встрѣтятъ ледяной скалы, не будутъ истер-

заны желѣзными когтями и закованы въ тяжелыя цѣпи! Туда, гдѣ голосъ души не одно эхо встрѣчаетъ, а родной, горячій отголосокъ; туда, гдѣ все мы, и мы все, туда, туда! Александръ, мой Александръ, будь розенъ съ ангелами только тѣмъ, что ты воплощенъ. О, vanitas! прочь отъ него, прочь, или любовь моя еще такъ мала, что будетъ побѣжденною? о, нѣтъ, она покоритъ суету и поведетъ прямо туда! — Посылаютъ въ Москву, скоро, скоро письма! Восторгъ! Прощай. Обнимаю тебя. Наташа твоя. Скажи же Полинѣ и Скворцову мой истинный отъ души поклонъ и желаніе — огромное. Я много люблю Полину.

4-ое августа, Вятка.

Ангелъ мой, милая Наташа, вотъ уже цѣлая недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ я къ тебѣ писалъ. Прости меня! Что-то такое глупое, гадкое было въ душѣ, что я недостоинъ былъ писать къ тебѣ. Зато я послалъ I. Maestry, получила ли ты, пиши твое мнѣніе, оно мнѣ дороже всѣхъ. И все еще, ангелъ мой, ни слуху, ни духу объ освобожденіи, а ты знаешь, что такое намъ разлука. Хотя точно я сдержалъ слово и нынѣшній годъ съ самаго начала провожу какъ-то гораздо лучше, уединеннѣе, больше занимаюсь, но нѣтъ, право, всѣ силы истощаются. Хочу видѣть, хочу прижать тебя къ груди,—и ничто, ничто не развлекаетъ, не веселитъ. А, впрочемъ, я часто хохочу, хохотъ на подкладкѣ вздоха, хуже слезъ. Вечерами печальная мысль какъ будто съ луннымъ свѣтомъ сольется на душу, тогда я цѣлую твой медальонъ и засыпаю грустно, — а тутъ проснешься — и съ какой-то ненавистью смотришь на этотъ гадкій день, свѣтлый для другихъ, а для меня... Но не думай, однако, чтобъ я предавался черной грусти, нѣтъ, съ полуслезою сажусь за свой столъ, и понемногу разныя впечатлѣнія облегчаютъ душу; но, странное дѣло, кажется, человѣкъ не можетъ разомъ имѣть двухъ мыслей въ головѣ, а я что бы ни дѣлалъ, чѣмъ бы ни занимался, мысль о тебѣ тутъ, никогда, никогда ни на секунду не покидаетъ. Развѣ потому, что эта мысль сама душа моя.

8 августа. Письма отъ тебя, письма, вотъ уже больше мѣсяца не было и вдругъ два. Нѣтъ, надежды наши не вздоръ, со всякимъ днемъ онѣ становятся больше, онѣ похожи на издали вырѣзывающіеся берега, къ которымъ корабль не можетъ пристать, но они видны, — первый попутный вѣтеръ, и онъ тамъ, дома. Надобно больше всего ждать 30 августа, именины цесаревича; ибо всѣ эти надежды отъ него, онъ писалъ прямо императору—и свита его была такъ внимательна, что предупредила новаго губернатора, чтобы онъ былъ со мною, какъ съ человѣкомъ, обратившимъ на себя вниманіе в. кн. Впрочемъ, очень можетъ быть, что меня переведутъ въ Петербургъ,—этого не бойся, я тотчасъ пріѣду въ отпускъ. И тамъ, можетъ, прежде Наташи я увижу море. О, море, море — тамъ пространно послать звукъ души по необозримой синевѣ, море не такъ, какъ мертвая земля, оно тоже волнуется, тоже дышетъ; ежели такъ случится, не досадуй на продолженіе разлуки: тамъ, гдѣ годы протекали безъ надежды, ничего не значитъ два-три мѣсяца. Кажется, нельзя сомнѣваться, впрочемъ, все въ волѣ государя; но уже есть и фактъ. Оболенскій, сосланный въ Пермь, по просьбѣ переведенъ въ Калугу, т. е. изъ 1500 верстъ за 150 отъ Москвы. Будемъ ждать, ангелъ, будемъ ждать, право, стало опять легко на душѣ. Даже писать тяжело, хотѣлъ бы высказать все —нѣтъ, не словами, взглядами и... поцѣлуемъ, однимъ поцѣлуемъ. Наташа, я пресумасбродный мечтатель. Я тебя обрадовалъ, другъ

мой, моей мыслью ѣхать въ маленькій городокъ Италіи, но чему же ты удивилась? Ты такъ хорошо знаешь меня, можетъ, лучше, нежели я самъ. Что слава, ежели она должна быть, то она сама совьетъ лавровый вѣнокъ, сама надѣнетъ, о чемъ хлопотать; я хочу жизни, полной жизни, часть ея я испыталъ,—это твоя любовь. О, сколько блаженства и святости она мнѣ принесла и какъ подняла она меня. Но и ты заплатила мнѣ прелестно, и въ твоемъ письмѣ есть одно мѣсто, которое я читалъ со слезою радости, — это твоя сильная увѣренность въ моей любви. Ты не можешь себѣ меня представить безъ этой любви къ тебѣ. О, какъ ты поняла меня. — Но скажи, зачѣмъ ты всегда такимъ мракомъ покрываешь 9 мѣсяцевъ тюрьмы; увѣряю тебя, что это вамъ со стороны такъ казалось, я мало страдалъ тамъ, и всѣ страданія искупились 9 апрѣля; тамъ я узналъ свою силу, тамъ я былъ высокъ и недоступенъ всему земному. Есть другіе 9 мѣсяцевъ въ моей жизни, которымъ бы я бросилъ въ лицо анаѳему, отъ которыхъ я страдаю доселѣ, —это отъ мая 1835 до начала 1836 года, вотъ скверная эпоха жизни! А тюрьму напрасно назвала ты «беззвѣздной ночью».

9 августа. Душа моя, я опять склоняю передъ тобой колѣно. И ты не ангелъ ведущій меня, и тобою я не долженъ руководствоваться?! Я говорю о томъ мѣстѣ твоего письма, гдѣ ты велишь мнѣ быть вполнѣ сыномъ.—Да, любовь не можетъ охладить другое чувство любви... И, въ самомъ дѣлѣ, намъ ли бояться, неужели цѣлая жизнь страданій насъ не выучила, не укрѣпила. Ежели я когда паду утомленный, одно слово твое,—и я опять больше человѣка, твой Александръ. Прощай.

Странно, очень странно воспитаніе Провидѣнія, за мою жизнь на мнѣ почти не лежитъ никакой отвѣтственности. Я ничего не дѣлалъ по своему желанію, рука сильная вела, влекла меня, иногда по острымъ камнямъ, иногда степями. Отчего развилась во мнѣ фантазія, отчего такъ близко и живо къ душѣ принялъ я науки? Причина ясная—мое затворническое воспитаніе, огненный характеръ требовалъ дѣятельности жизни; не было ему ея во внѣшнемъ, и весь этотъ огонь перенесъ я въ науку, она для меня сдѣлалась тоже непреложно существующее, живое, какъ практическая жизнь. Но по волѣ ли я избралъ? Какъ только кончилась школа, отворилась тюрьма —тутъ перстъ Провидѣнія еще яснѣе повелъ меня. Зналъ ли я, для чего я содержусь, что со мною будетъ? Сила, не отъ меня зависящая, не мною направляемая, приказывала, толкала, распоряжалась, и въ эту тюрьму явилась ты. Странно, ей Богу, странно! А тамъ та же сила повела въ Пермь; тамъ сегодня я спокойно сидѣлъ у окна, смотря на Каму и воображая годы жить въ печальномъ городѣ, а завтра ѣхалъ въ Вятку; тутъ, замѣшанный въ чернь, въ толпу, встрѣтился съ Витбергомъ. Ну, наконецъ, теперь, настоящее положеніе мое страннѣе всего прошедшаго. Взгляни на составъ его. Ссылка и немилость, вниманіе наслѣдника; съ одной стороны, *можетъ*, я проживу еще годъ здѣсь, *можетъ*, меня переведутъ въ ближнюю губернію; съ другой—*можетъ*, я черезъ мѣсяцъ прижму тебя къ груди моей, *можетъ*, я черезъ мѣсяцъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ. И замѣть больше всего, что, во всѣхъ этихъ возможностяхъ, воля моя нисколько не участвуетъ, я именно, какъ лодка, брошенная на морѣ, даже не имѣю силы желать того или другого, а долженъ ждать, чѣмъ и какъ развяжетъ судьба эту повѣсть моей жизни. Итакъ, покоримся же этому персту, не всякаго такъ круто ведетъ онъ, стало, не всякой этого достоинъ. Посмотри ты на другихъ: они располагаютъ своей жизнью, какъ собственностью, хотятъ идти, такъ и идутъ, иногда на пути встрѣчаютъ легенькія трудности и

все-таки идутъ, и ихъ ходъ, при всей волѣ ихъ, не ихъ ходъ, а ходъ массы, толпы, а мой бѣгъ, при всей непроизвольности, самобытенъ. Наташа, такому человѣку ты должна была принадлежать, въ такомъ человѣкѣ будетъ сила сдѣлать счастливою твою высокую душу, и для него ты будешь продолженіе этого перста Господня, да, Богъ облекъ волю свою въ тѣло, и это тѣло такъ же прелестно, какъ душа, обитающая въ немъ,—это ты, Наташа.

11 августа. Отъ Emilie получилъ я записочку, она бранитъ, что рѣдко пишу къ тебѣ, но это неправда. Кланяйся ей, скажи, что я все по-прежнему очень, очень люблю ея итальянскую душу; можетъ, скоро увижу ее, какія огромныя права имѣетъ она на мою дружбу. Я помню, когда взяли Огарева, какъ она грустила обо мнѣ, и другъ моей Наташи—она должна принадлежать къ самому малому числу избранныхъ нами. Прощай,—близки надежды, давятъ, нельзя спокойно дышать. Цѣлую тебя, твои руки. Прощай, *Александръ*.

---

15 августа, Загорье.

Нѣсколько разъ брала я перо—писать къ тебѣ и не могла! не знаю, много ли скажу и теперь, рука еще дрожитъ, и не вижу сквозь слезы. Вчера вечеромъ получила твои два письма отъ 16-го іюля до 28-го. Долго, долго сидѣла я надъ ними,—такъ ли ты читаешь мои? Я всегда въ первый разъ прочитаю ихъ вдругъ, не останавливаясь, и тутъ такъ сдѣлается полно сердце и душа, что мнѣ необходимо или въ поле, или хоть въ садъ, лишь бы на свободу, на просторъ... Потомъ, какъ все утихнетъ, уснетъ, *я полная хозяйка себя* — читать твои письма, и тутъ ужъ я останавливаюсь на каждомъ словѣ, читаю его, перечитываю, разсматриваю, какое наслажденіе! каждую бы букву расцѣловала. О, Александръ! не знаю, который былъ часъ, но у меня уже стало ломить глаза, я погасила свѣчу и легла; только это положеніе мнѣ было несносно, я то вставала, то подходила къ окну, отворила бы его, вылетѣла бы изъ этой душной, тѣсной клѣтки, и тамъ бы вонъ, рядомъ съ моей звѣздой, играла бы, сіяла, или бы превратилась въ половицу, на которой ты, можетъ, стоялъ въ это время,—это все равно. Наконецъ, не могла стоять болѣе, ходить—мала слишкомъ комната, сѣла опять на постель и все думала, какъ пріѣдешь ты. И описать невозможно во сколькихъ образахъ являлось свиданіе, но все тутъ непремѣнно *они*, а я не могу, не могу, ни за что на свѣтѣ, допустить этого; наконецъ, состроила цѣлый планъ; слушай же, поступая точь въ точь,—мы можемъ видѣться безъ нихъ и *часа два* пробыть безъ нихъ! Заѣхать ли тебѣ ко мнѣ прежде Москвы... Что мнѣ сказать тебѣ на это? и ты спрашиваешь? нѣтъ, ничего не скажу на это, *какъ хочешь ты*! Но вотъ мои повелѣнья: не прежде подъѣзжать къ Загорью, какъ въ 2 часа пополудни въ 3-мъ, они отдыхаютъ отъ обѣда, и я, гдѣ ты хочешь, въ саду, въ рощѣ, или на самой дорогѣ встрѣчу тебя, только, конечно, напередъ пришли, но какъ можно осторожнѣе. О, Богъ мой! Ахъ, Александръ, что у меня въ груди при этой мысли! безпредѣльная гармонія, свѣтъ, ароматъ, и все это изливается, даже на молитвѣ, въ одномъ словѣ—Александръ! Оно весь языкъ моей души, имъ она говоритъ съ человѣкомъ, съ природой, съ Богомъ. Да, я приду къ больному духомъ, къ падшему, скажу: Александръ,—и онъ исцѣлѣетъ, воскреснетъ; природѣ я скажу: Александръ,—и земля, и небо повторятъ Александръ, и лучшаго гимна не можетъ быть: Богу скажу: Александръ,—и онъ не потребуетъ лучшей молитвы! Вотъ ужъ мѣсяцъ почти, какъ ты писалъ: «*А, можетъ, это*

и скоро»—стало, теперь ужъ, можетъ, и *очень* скоро? О мой ангелъ! отчего это такъ крѣпко жмутся руки къ груди? О! если не тебя, такъ все, что мы постигаемъ въ этомъ таинственномъ словѣ *тамъ*, все это заключить въ объятья и прижать къ груди! Помни же, въ третьемъ часу, и отнюдь не показываться передъ окнами дома, я проведу тебя въ гостиную, туда никто не придетъ, а когда княгиня проснется, отворятъ двери спальной, и я объявлю ей о дорогомъ гостѣ. Я въ восторгѣ отъ того, что ихъ не будетъ при первой встрѣчѣ, какъ черной полосы на солнцѣ. А ѣздимъ мы не въ Рогожскую, а Серпуховскую заставу и черезъ Котлы, на село Покровское, отъ котораго Загорье кажется версты 3 или 4. Давно, давно ждутъ тебя на перепутьѣ, давно отверзты объятія,—лети, лети, лети!

16-е. Да, Александръ, три года тому, а какъ все живо въ памяти и душѣ. И даже съ надеждою на скорое свиданіе воспоминанія эти такъ ярки, и минувшая грусть мгновенно одѣваетъ все существо чернымъ покровомъ, сжимаетъ сердце, и каплятъ изъ него кровавыя слезы. Двѣ ужаснѣйшія ночи провела послѣ твоего взятія, это 21 іюля 1834 года, какъ только узнала, что ты взятъ. Ни слезы не выкатилось изъ глазъ, но зато я думала, что къ утру меня не будетъ въ живыхъ; во всю жизнь мою я не была больнѣе тѣломъ и душой. Передъ ужиномъ ушла наверхъ, сказавши только, что болитъ голова, а Мак. ужъ знала о тебѣ, и вообрази—о люди! тогда какъ я чувствовала, что у меня голову, грудь и всѣ члены судорога сводитъ, она подошла ко мнѣ, приложила руку ко лбу и сказала: «въ ней и жару совсѣмъ нѣтъ»—эти слова, этотъ тонъ... хорошо, что еще не было огня у меня, и не видала ее. Потомъ, на другой день (въ день Маріи Магд.), надо одѣться, надо благодарить за поздравленія съ именинницей... надо испытать все это, чтобы понять. Нѣсколько дней, что-то долго, я не спрашивала о тебѣ, не могла открыть рта, а меня за это иные упрекали, какъ за хладнокровіе, и я не оправдывалась. Въ августѣ (1834) мнѣ стало легче, съ тѣхъ поръ началась наша переписка, и всѣ-то твои и прежнія записки, даже приглашеніе обѣдать ко Льву Алекс., и письма въ Крылово, все, все цѣло. Ну, вотъ потомъ другая ночь, о, она нисколько не была легче первой,—это какъ ты прислалъ мнѣ волосы съ запиской «Voilà que tout est fini, chére soeur». Это было въ пятомъ часу, послѣ обѣда, на Страстной недѣлѣ; ахъ, что было тутъ со мной, я вообразила, что ужъ ты уѣхалъ, едва стало у меня силъ спросить у Петра, и онъ сказалъ дрожащимъ голосомъ, сквозь слезы: «нѣтъ еще»,—нѣтъ еще, значитъ скоро! И я въ отчаяньи упала на диванъ и не плакала, а просто ревѣла; не видавшись, разстаться и, Богъ вѣсть, на сколько... Меня кликнули, и я съ полной довѣренностью (забывъ, *что* они) пошла къ нимъ, не скрывая горести, хотѣла, было, прочесть имъ записку Егора Ив., гдѣ онъ пишетъ подробно о твоемъ отъѣздѣ, и не могла; они, послѣ предлинной, ледяной рацеи, повезли меня подъ Новинское! Что думали прохожіе, видя въ каретѣ двухъ смѣющихся старухъ и меня съ ручьями слезъ и въ синихъ пятнахъ? Тогда для меня было все равно, въ темномъ ли углу я, или въ этой бездушной толпѣ. Скоро однако же я узнала, что тебя не такъ скоро пошлютъ, надежда *проститься* питала и поддерживала меня. И вскорѣ за этимъ вслѣдъ—девятое апрѣля!.. Тутъ ужъ грусть терялась въ любви. 10-го въ четвертомъ часу пополудни мнѣ принесли твою послѣднюю записку со словами: «изволилъ уѣхать». Тутъ тоже ломилось мое сердце, но послѣ этой записки какой-то святой лучъ свѣтилъ на меня; *свиданіе*, какъ яркое солнце, вставало изъ-за черняго горькаго моря, и изъ-за тумана. Съ самаго

20 іюня 1834 года узнала я, что ты для меня, ахъ, какъ и тогда уже я любила тебя, другъ мой, какъ ты писалъ мнѣ о Бир.; какъ меня удивила и какъ казалась странною серьезность, съ которою ты писалъ о немъ. Едва вышедши изъ дѣтства,—онъ мнѣ нравился и собой и своими комплиментами, участіемъ (а его такъ жаждала тогда душа моя), но я видѣла, какъ *многаго* въ немъ не было, и думала: это оттого, что я слишкомъ далеко отъ него, думала, что съ нимъ я могла бы быть счастлива, но вѣчная мысль — что скажетъ Александръ? И потомъ, я боялась, что буду его любить больше брата Александра, выше котораго не было у меня въ сердцѣ ни для кого мѣста. Какъ странно, непріятно, даже и досадно было мнѣ, что ты увѣрялъ меня тогда, что «это счастье не мое», и все для меня, и для меня .. Я хотѣла, чтобъ ты просто сказалъ: «я не хочу этого, Наташа». Вотъ, мой ангелъ, какъ давно, какъ съ каждымъ днемъ росла моя любовь къ тебѣ. А если-бъ зналъ ты всѣ мечты, всѣ думы послѣ твоего отъѣзда до января 36 года. Я не желала даже, чтобъ зналъ ты, какъ я люблю тебя, я боялась обратить на себя твое вниманіе, мнѣ казалось, я и того недостойна, я счастлива была тѣмъ, что Богъ далъ мнѣ душу, умѣющую понимать твое величіе, я безпрестанно благодарила его за то, что *люблю тебя*, я не хотѣла ничего болѣе, рѣшительно ничего. Уйду, думала я, въ пустынь и стану за него молиться... О! какъ мнѣ полно казалось мое существованіе, но Ему было угодно иначе: Марія хотѣла идти служить въ тотъ домъ, гдѣ бы былъ Христосъ, а послѣ была Его матерью.

Ты пишешь, что, проживъ нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ хоть въ Загорьѣ, намъ можно умереть, не видавши Италіи; я до этого писала тебѣ, что не 10 лѣтъ жизни съ тобою жду я, не 10 дней даже,—взгляда, одного взгляда, за нимъ намъ цѣлая вѣчность... А Италія? обыкновенно, молодые уѣзжаютъ въ деревню, и мы (если будетъ можно) поѣдемъ въ *свою* деревню!—Съ невыразимымъ восторгомъ, другъ мой, читала я писанное тобою 16-го іюля въ 11 часовъ,—вотъ моя награда, ангелъ мой. Ты правъ, ненужно мнѣ награды, я любима. Но, со всей этой любовью, какія иногда мрачныя минуты находятъ на тебя, какъ ты грустенъ бываешь, какъ страдаешь,—что же мнѣ тутъ за утѣшенье? А видѣть, что, хоть на одно мгновенье, любовь моя просвѣтила твою душу, что она тебѣ принесла хоть каплю покоя и блаженства,—вотъ награда! вотъ то, чему нѣтъ словъ! Ни твоя слава, ни твое отшельничество ненужны мнѣ; все равно для меня, —царь ты, или пастухъ, выбирай самъ. Я презираю эту славу—маленькую и ту даже, которой есть подобныя. Не равно ли величіе человѣка, когда объ немъ говорятъ, или молчатъ? Великъ и славенъ тотъ, кто въ собственной душѣ сознаетъ, что достоинъ этого, а не тотъ, котораго такъ называютъ.

Люблю и я грозу; но вотъ что странно: бывало, громъ и молнія,—всѣ блѣднѣютъ, зажигаютъ свѣчи, крестятся, а я стараюсь ускользнуть какъ-нибудь на дворъ, полюбоваться. Теперь же какой-то страхъ, что я *могу быть сейчасъ убита*, вкрадывается въ сердце, потому что я не хочу умереть, не видавши тебя, далеко отъ тебя, и, признаюсь, рада, когда пройдетъ грозная туча,—ребенокъ. Да, да, мой ангелъ, пора, пора! ахъ, устала я, очень устала, усталъ и ты,—знаю. Какъ глупо все то, что люди называютъ отдыхомъ и покоемъ; да, правда, и то все глупо и ничтожно отъ чего устаютъ они, а на насъ эти раны, эти рѣки слезъ и крови, это истощеніе даютъ право на покой, и ты обрѣтешь его, моя душа, обрѣтешь на груди моей, во взорѣ моемъ, дашь и мнѣ его. — Ну, что же, какъ пріѣдешь ты? А вотъ еще я придумала: ѣхавши въ Загорье, первое встрѣ-

тится глазамъ скотный дворъ, подлѣ него столбъ съ надписью деревни и вмѣстѣ съ нимъ выкрашенная бѣлымъ горница, въ которой живетъ одна старушка; заѣзжай прямо туда, только сзади, пришли ее сказать мнѣ осторожнѣе, и все-таки мы увидимся безъ нихъ. Даже ежели и изъ Москвы ты пріѣдешь, то постарайся въ этомъ часу и такъ, какъ я писала прежде, поступай. Домашніе наши, съ тѣхъ поръ какъ разнесся слухъ о твоемъ возвращеніи, бояться за меня, и ото всѣхъ слышу: «что съ вами-то будетъ, матушка!» нерѣдко и я повторяю: «что будетъ со мною?» Что до того, лишь пріѣзжай ты, мой хранитель, спаситель мой, ангелъ! Ежели бы ты ѣхалъ черезъ Подольскъ, мы отъ него въ 15 верстахъ, по Серпуховской дорогѣ, за Царицынымъ три версты; неужели бы папенька разсердился? Охъ, другъ, сердце рвется вонъ изъ груди.

16 августа, вечеръ.

Что странно, съ тѣхъ поръ какъ я стала понимать, что есть на свѣтѣ завтра, мнѣ все казалось, что я здѣсь, съ ними, только до завтра, теперь же все кажется на одно мгновенье! отверзто небо, отверзты твои объятья,—такъ что-жъ мнѣ до того, что тамъ, внизу. Одно мановеніе Его—и нѣтъ меня здѣсь. Что это, какимъ холодомъ дышатъ всѣ лики людей, которые имъ кажутся такими пламенными. Отвратительны мнѣ и поцѣлуи ихъ, и пожатіе ихъ рукъ, а обнять,—никогда я никого не допущу обнять меня. Какъ бы лучше вынесъ отъ нихъ упрекъ, брань, нежели похвалу или одобреніе. Да, мой ангелъ, намъ одно изъ двухъ—или удалиться отъ людей вовсе, забыть ихъ, умереть въ ихъ памяти и дѣлиться нашей любовью и блаженствомъ съ одной природой; или—собрать цѣлую семью *родныхъ*, цѣлое селеніе, большое, огромное, и забыть, что есть на свѣтѣ *чужіе*... Это совершенная мечта и осуществиться она не можетъ. Что-то ты теперь дѣлаешь? Я цѣлый день сегодня бродила то въ саду, то въ лѣсу, то въ полѣ, хорошо, все хорошо въ природѣ, но гдѣ же ты? Гдѣ тотъ, передъ кѣмъ всѣ эти красоты тьма, все это величіе пылинка, гдѣ онъ, онъ, мой Александръ?.. Ахъ, Сашхинъ, какъ иногда мнѣ хочется стать передъ тобою на колѣна,—о, мой дивный другъ! На дняхъ видѣтся мнѣ во снѣ, будто ты женишься, всѣ говорятъ, что твоя невѣста съ необыкновенными талантами, ангелъ красотою и добротою; меня это утѣшало, и даже образъ ея мелькалъ передо мною, я находила ее достойною тебя и радовалась, но вдругъ возстала мысль—любитъ ли, можетъ ли она любить тебя моей любовью? И сердце замерло при этой мысли,—я хотѣла превратиться въ прахъ, исчезнуть, лишь бы передать ей любовь, но не успѣла, проснулась. Да, зажигайтесь на лазурѣ звѣзды, луны, солнцы,—одинъ лучъ любви моей затмитъ вашъ обликъ.—Ну, прощай, идетъ, идетъ время, не съ большимъ недѣля до 26, а ты не ѣдешь и слуху нѣтъ. Скорѣе же, скорѣе.

17-е. Ты мнѣ напомнилъ, что Сазоновъ былъ у тебя 9 апрѣля; фамилія его навсегда бы и безъ того осталась въ памяти, потому что я слыхала ее отъ тебя, а лица его совершенно не помню, а помню, что на тебѣ былъ бешметъ двулишневый, зеленое съ синимъ, пунцовая ермолка, красные сапоги! Ты много курилъ тогда, и долго послѣ того отъ волосъ моихъ пахло курительнымъ табакомъ и мнѣ жаль было ихъ помадить; и теперь запахъ этотъ я не могу равнодушно слышать, будто изъ-за облака дыма встаетъ твоя каюта, темной коридоръ, лицо Васильева, пунцовая ермолка, Ты!..

Цѣлое море воспоминаній! О, какъ мнѣ хочется съ тобой поговорить, только

не на бумагѣ, взять твою руку какъ 9,— и воскресить его совершенно. Вѣрно мы ничего не забыли! О, у меня и теперь отдается въ ушахъ тонъ и выраженье твоего голоса, когда ты спросилъ: «итакъ, ты не пойдешь въ монастырь»;—я сказала—нѣтъ. И болѣе не помню изъ разговоровъ, но каждое ощущеніе, этотъ восторгъ, грусть, благоговѣніе и самоотверженіе, — все такъ свѣжо въ душѣ! Прощаясь съ тобой, я не плакала, видно самъ ангелъ хранитель удержалъ слезы, чтобъ мнѣ насмотрѣться на тебя въ послѣднее; навернулись было, но, когда ты заговорилъ съ маменькой, я отвернулась и обтерла и съ улыбкой поцѣловала тебя въ послѣдній разъ; а когда поѣхали мы, когда я ничего болѣе не видала, какъ маленькую темную дверь и въ ней Васильева... Прощай, мой ангелъ.

18-е. Александръ, какъ ты отдаешься мнѣ. О, Боже, я бы долженствовала одну благодарность возсылать къ Тебѣ, но вотъ еще молитва—услыши! Сдѣлай меня вполнѣ достойною его, научи дать ему столько, сколько онъ далъ мнѣ!— Остальное да будетъ такъ, какъ Ему угодно. У меня нѣтъ ни плановъ, ни желаній, пусть мѣряютъ и считаютъ тамъ, гдѣ есть больше и меньше, ближе и далѣе, —передо мною вѣчность, безпредѣльность! Любить тебя вотъ все для меня, вотъ мои желанія, мои воспоминанія, надежды, настоящее, будущее, прошедшее, моя жизнь, вѣра, религія, Богъ; не любить тебя значитъ не существовать мнѣ, не быть Бога.

Весь міръ со мною. Я не знаю свѣта, не хочу и знать его. Въ этомъ огромномъ и тѣсномъ собраніи людей ничего не слышно кромѣ треска колесъ о мостовую, ничего не видно кромѣ бронзы,—и какъ холодно несетъ отъ него, — о отвернемся, отвернемся оттуда, другъ мой!

Ахъ, можетъ быть, скоро, скоро отдернется флеръ, сквозь который я смотрю на тебя теперь. Ты снимешь цѣпи, отворится тюрьма, —и полетимъ вмѣстѣ... куда? Куда летитъ любовь?—О, какъ хочется бросить и перо, и этотъ листокъ, и всю землю, при мысли, что увижу тебя...

Тяжело, мой ангелъ, тяжело—въ святыя минуты вмѣсто твоего взора встрѣтить лицо равнодушія и ничтожества, тяжело въ минуту грустную вмѣсто твоей руки преклонить голову къ стѣнѣ или держать ее на безсильныхъ плечахъ.

19-е. Скоро опять ѣдутъ въ Москву... Что то пришлютъ мнѣ! неужели еще нѣтъ рѣшенья, вотъ ужъ только недѣля до 26-го. Ну, пусть такъ, когда мы еще мало постились, хоть бы къ 22 окт. была надежда увидѣться. Тогда ужъ это будетъ въ Москвѣ, тогда, ежели папенька захочетъ, можетъ просто прислать за мной Вѣрушку въ саняхъ, — какъ бывало прежде. Ахъ, какъ все противно здѣсь, какъ это все едва видно изъ-подъ земли,—что если бы не было у меня тебя? Тогда бы не было и меня. Можетъ быть, ты ужъ ѣдешь...

Вечеръ. Александръ, истинно несносно здѣсь; кто далъ имъ, этимъ жалкимъ существамъ, такую власть надо мною, по какому праву я завишу отъ нихъ? И какъ гнетутъ они... Но въ сторону это, это все вздоръ, все пройдетъ. Теперь сердце дрожитъ,—что то пришлютъ мнѣ изъ Москвы. Хорошо, мой другъ, встрѣча съ Полиной должна быть для насъ незабвенна, пусть рука твоя увѣковѣчитъ ее; можетъ, долго послѣ насъ она возбудитъ благороднѣйшія чувства и въ тѣхъ сердцахъ, съ которыми насъ не связывала симпатія. Что Эрнъ? Я думаю, онъ не останется безъ тебя въ Вяткѣ, передай ему (можетъ въ послѣднее) мой поклонъ и маменькѣ его почтенье, а Полинѣ жму руку съ искреннею дружбой и желаніями всѣхъ благъ. Ну, прощай, моя жизнь, моя душа.

Твоя *Наташа.*

16-е августа. Вятка.

Ангелъ мой, Наташа, все берегъ ближе и ближе, уже птицы подлетаютъ къ кораблю, ужъ звуки земли слышатся, и все еще пристать нельзя, — а должно быть скоро, но все сдается, что скоро въ Петербургъ, а не въ Москву. Веди, веди, невидимая рука, я такъ отвыкъ располагать своею жизнью, что даже и не забочусь о томъ, гдѣ и какъ она будетъ развиваться, но тяжела разлука, ахъ, какъ тяжела! Свиданіемъ съ тобою окончится трехлѣтнее страданіе, оно дастъ силы на новыя испытанія, безъ тебя я изнемогу. Лишь бы это Провидѣніе мнѣ облегчило, болѣе я не прошу; пусть неудачи, горести, болѣзни—все на меня, лишь бы соединиться съ тобою. Ты очень права, противъ папеньки мнѣ дѣйствовать грѣшно, сколько стараній о моемъ возвращеніи. — и мнѣ заплатить неблагодарностью. Нѣтъ, это ниже меня, я слезами трону его, вѣдь, у него есть много любви ко мнѣ, я этой любовью трону его. Пусть дѣло Божіе останется чисто отъ всякаго упрека, пусть оно останется дѣломъ Божіимъ. Отчего же я не могу преодолѣть страхъ внутри души, отчего середь восторга, гармоніи, любви, неумолимый голосъ, холодный, скрипящій дѣлаетъ черную полосу и пророчитъ несчастье тамъ, гдѣ все говоритъ о блаженствѣ? Вооружимся! не даромъ достается счастье. Наташа, мы любимъ другъ друга, довольно и этого. Отдадимъ же Провидѣнію то, что принадлежитъ ему.

Сюда пріѣхалъ новый губернаторъ,—все перемѣняется; этотъ человѣкъ образованный и нашего вѣка, со мною хорошъ—это естественно. Изъ свиты наслѣдника ему писали обо мнѣ по волѣ великаго князя; ну, скажи, можно ли было надѣяться, что въ этой Вяткѣ я найду себѣ защитника, и гдѣ же—возлѣ самаго престола, и кому обязанъ я этимъ — великому человѣку Жуковскому. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, написано слѣдующее: «по всѣмъ вѣроятностямъ настоящее положеніе Герцена измѣнится къ лучшему въ непродолжительное время», — и это писано оттуда, гдѣ слово — есть уже исполненіе. Ну, вотъ тебѣ новость радостная! Новый губернаторъ ужасно мною занимается, а поелику онъ меня приблизилъ къ себѣ, то и мнѣ достается работы вволю, но это хорошо, — лишь бы время проходило. А ежели я буду жить въ Петербургѣ, то можно будетъ устроить, чтобъ ты переѣхала къ Ал. Ал.; вспомни, тогда вѣтерокъ на тебя не дунетъ, я буду тамъ!

17 августа. И нынѣшній годъ желаніе быть съ тобою 26-го числа не совершилось. Прими же мое письменное поздравленіе. Вотъ тебѣ поцѣлуй страстный, пламенный, поцѣлуй любви безпредѣльной,—оботри слезу разлуки на этотъ день и будь весела, сколько можешь. А сколько грусти во всемъ этомъ, но я съ утра буду съ тобою, прислушайся душою, и ты услышишь созвучную душу, твою душу. Прощай, до завтра.

Странная вещь, душа человѣческая похожа на маятникъ, сдѣланный изъ разныхъ металловъ, которые влекутъ его по разнымъ направленіямъ въ одно и то же время, и такимъ образомъ, взаимно уничтожаютъ постороннее вліяніе. Одинъ элементъ моей души требуетъ поэзіи, гармоніи, т. е. тебя и больше ничего не требуетъ, и голосъ его сладокъ, чистъ, и душа становится вдвое лучше, когда одинъ этотъ голосъ раздается въ ней, и ему хотѣлъ бы я отдать побѣду, пусть онъ бы царилъ. И я былъ бы тогда хорошъ, изященъ, исполненъ поэзіи, былъ бы вполнѣ тѣмъ Александромъ, котораго любитъ Наташа. Но рядомъ съ этимъ голосомъ —другой, отъ котораго, сколько я самъ себя ни увѣряю, не могу отдѣлаться, и который силенъ, это голосъ, сходный съ звукомъ трубъ и литавръ,

въ немъ одна поэзія славы, какъ въ томъ одна поэзія любви, онъ требуетъ власти, силы, обширный кругъ дѣйствія. Бѣда, кто въ ранней юности былъ такъ неостороженъ, что пустилъ этотъ голосъ въ свою душу, когда онъ, привѣтно, похвалами товарищей, школьными успѣхами прокрадывался въ нее. Бѣда, потому что онъ растетъ, мужаетъ, и трудно изгнать его. Вотъ проходятъ мѣсяцы пустой ссылочной жизни, и онъ умолкаетъ, и я воображаю, что побѣдилъ его. Совсѣмъ нѣтъ; малѣйшій успѣхъ, это проклятое чувство «я оцѣненъ» будитъ его, опять раздаются литавры, и пламенная фантазія чертитъ вдали воздушные замки. Ты недавно радовалась моему тихому расположенію, но я не хочу ни въ чемъ обманывать тебя. Въ Италію-то мы поѣдемъ и проживемъ тамъ другъ для друга и для природы годъ или два А тамъ? Неужели, какъ дымъ въ воздухѣ, исчезнетъ моя жизнь! Ну, молчи же голосъ самолюбія, ты не съ неба сошелъ, отъ небеснаго голоса навертывается слеза, а отъ тебя... отъ тебя душа трепещетъ и волнуется болѣзненно. Вполнѣ ли ты понимаешь это чувство?—нѣтъ, только по опыту можно судить. Но не бойся, ежели этотъ голосъ не всегда созвученъ тому голосу, то никогда онъ не побѣдитъ его. Прощай. Твой Александръ.

18 августа. Опять объ этомъ голосѣ. Откуда онъ? Неужели это одно броженіе буйной, неугомонной гордости? Нѣтъ ли чего-нибудь высшаго, не есть ли это сознаніе силы, не есть ли и это голосъ Провидѣнія, повелѣвающій быть дѣятельнымъ звеномъ? Горе зарывающему талантъ свой! Вѣдь, есть же люди, которыхъ не манитъ обширная дѣятельность, оттого что они не могутъ отпечатать свою физіономію на обстоятельствахъ, оттого что и физіономіи у нихъ своей нѣтъ. Эти люди дѣйствуютъ по привычкѣ, холодно, лишь бы съ рукъ сбыть, достигаютъ иногда огромныхъ успѣховъ, такъ, какъ тѣ, которые находятъ случайной кладъ. Душа художника чревата мыслью, онъ ее хочетъ произвесть въ дѣйствительность и несчастенъ, ежели не можетъ, а другой, у котораго нѣтъ этой мысли, разумѣется, покоенъ. Есть люди высокіе, можетъ, самые высочайшіе изъ людей, которые внутри своей души находятъ міръ жизни и дѣятельности, въ созерцаніи проводятъ жизнь, и эти-то созерцанія развиваются теоріями, пересоздающими понятія человѣчества, ежели же и не развиваются, то онѣ довлѣютъ человѣку. Къ этимъ людямъ принадлежитъ Огаревъ, но не я. Во мнѣ съ ребячества поселилась огненная дѣятельность, дѣятельность внѣ себя. Отвлеченной мыслью я не достигну высоты, я это чувствую, но могу представить себѣ возможность большого круга дѣятельности, которому бы я могъ сообщить огонь души. Какой это кругъ,—все равно, лишь бы не ученый: мертвая буква и живое слово раздѣлены цѣлымъ моремъ. Разумѣется, я подъ ученымъ занятіемъ не понимаю литературу. Однако, и въ самой литературной дѣятельности нѣтъ той полноты, которая есть въ практической дѣятельности... Довольно, пора кончить диссертацію, когда-нибудь поговорю больше объ этомъ...

Еще, еще поздравляю тебя съ 26-мъ августомъ, день, котораго ты ангелъ (а не твоего ангела). Зачѣмъ мечталъ я провести его съ тобою, утраченная мечта будто настоящая потеря! Судьба, еще ли не довольно ты свирѣпствовала, пожалѣй не меня, меня не стоитъ щадить, пожалѣй этого ангела, чѣмъ заслужилъ онъ эти мученья, онъ чистъ, высокъ, какъ не падшій человѣкъ; можетъ, вся вина его только въ томъ, что, вмѣсто того, чтобъ отдать всю жизнь Богу онъ раздѣлилъ ее между Имъ и человѣкомъ. Но развѣ любовь не оттуда? Онъ приведетъ тебѣ и человѣка въ рай, онъ не воротится одинъ къ престолу Бога. Его пощади! Да, Наташа, или мы оба явимся тамъ, или человѣкъ увлечетъ ан-

гела въ удушливую жизнь свою. Нѣтъ, сильна твоя душа, и самодержавна надъ моей душой. Прощай—еще прощай, боюсь сказать—до свиданья. Я перечиталъ все письмо. Господи, какая безпокойная душа у меня, какія страсти раздираютъ ее. Но, Наташа, больше ли бы любила ты своего Александра, ежели-бъ душа его была ясна, и свѣтла, и чиста, какъ небо въ зимній день? Гдѣ огонь солнца, тамъ и туча грома. И могъ ли бы твой Александръ больше любить тебя, ежели-бъ въ его душѣ не бушевали толпы страстей, раздирая ее, увлекая? Нѣтъ, не могъ бы... Ну, поцѣлуй же меня, посмотри на меня, другъ, сестра, моя поэзія, моя святая!

22 августа. Наташа! Вотъ ужасное время поста и искушенія, я никогда столько не страдалъ отъ угрожающихъ бѣдствій, сколько теперь отъ надеждъ: видѣть возможность, видѣть близость исполненія такого пламеннаго желанія, и все-таки не видать самаго исполненія. Надежды вещь ужасная, онѣ своею теплотою разогрѣваютъ, мягчатъ то твердое направленіе сердца, которымъ мы обрекаемъ себя на неотвратимое страданіе, такимъ образомъ отнимаютъ силу, и, когда онѣ, не получая безпрестанно пищи, блѣднѣютъ, открывается слабость, и горечь положенія является въ колоссальномъ видѣ, какъ все представляющееся глазамъ горячешнаго. Въ самомъ дѣлѣ, ну, тебѣ сказали бы, что я завтра буду, а я пріѣхалъ бы черезъ недѣлю, —сколько перестрадала бы ты, какъ ужасны были бы эти *шесть дней*. А ежели-бъ сказали, что увидимся черезъ годъ,— было бы тяжело, но Богъ послалъ бы силу, и ты спокойно ждала бы, а я бы пріѣхалъ *черезъ 8 мѣсяцевъ*. Какая радость, забыты страданія и, какъ будто, еще новое благополучіе. Итакъ, надежды меня терзаютъ, я ими боленъ, я ими страдаю. Эта возможность видѣть тебя образовалась въ какую-то безгранную, безмѣрную потребность, и я опять скучаю и бѣшусь больше, нежели когда-нибудь. Наташа, Наташа! Ахъ, зачѣмъ грозная судьба лишила тебя всѣхъ этихъ восторговъ, всѣхъ поцѣлуевъ, всѣхъ этихъ взглядовъ. О, ангелъ мой! На дняхъ я читалъ у Жана Поля «Искусство быть веселымъ въ несчастьи». Вотъ смѣхъ! Жанъ Поль великой поэтъ, но это такъ холодно, его обдуманное средство обмана, такъ холодно. А впрочемъ, его надобно читать людямъ, которые очень счастливы, тѣ повѣрятъ, что можно такъ утѣшаться. А я не вѣрю. Вижу я сегодня во снѣ, что въ Москвѣ, что собираюсь идти къ тебѣ, наконецъ, вижу и тебя, но что-то смутно,—и все-таки какая-то гармонія разлилась по душѣ, я проснулся со вздохомъ, но вздохъ этотъ былъ сладокъ. О, Боже,— зачѣмъ прошелъ тотъ вѣкъ, въ которой тѣлесными трудами иногда заставляли искупать свою волю. Пусть бы меня освободили съ тѣмъ, чтобъ идти пѣшкомъ, сейчасъ бы пошелъ босой, питаясь подаяньемъ. О, съ какимъ восторгомъ я прижалъ бы тогда тебя къ груди моей! «Взгляни», сказалъ бы я, «какъ солнце обожгло лицо мое, взгляни на кровь на моихъ ногахъ, взгляни на мое утомленіе,—все это для тебя, Наташа». И не по праву ли послѣ этого я склонилъ бы голову на твою грудь, и ты бы поцѣловала меня, и, можетъ, съ этимъ поцѣлуемъ я умеръ бы,—и довольно житья. Зачѣмъ это нынче невозможно. Чѣмъ я *заслужу* тебя? Страданіями,—но развѣ я *за тебя* страдаю. Ты мнѣ даръ Бога, достойнѣе дара онъ не могъ при всемъ Всемогуществѣ мнѣ дать.—Ты теперь ужъ, вѣрно прочла I. Maestry. — ну, видѣла ли ты себя тамъ? Я тебѣ говорилъ ужъ, во всѣхъ статьяхъ невольно вдали, въ *святой святынѣ*, виднѣются *твои черты*.

25 августа. Ты опять на меня будешь сердиться за бѣлую половинку этого письма, а писать некогда; ну, впередъ помиримся же. Прощай, ангелъ мой, про-

щай. А завтра 26-е. Вѣрь, недолго еще продолжится первый томъ твоихъ страданій. А второй, онъ еще не начинался... Фу...

Но моя ты будешь... да ты и теперь моя.—Я опять испортился, ничего не дѣлаю (т. е. ничего путнаго), таскаюсь по улицамъ и по домамъ, убиваю время на скорую руку, - эти надежды на свиданіе съ тобою развинтили меня совсѣмъ. Прощай же, надобно идти въ канцелярію. Давно нѣтъ звуковъ «пѣсни ангела».

Твой *Александръ*.

Когда будешь писать къ Emilie,—братскій поклонъ.

---

24 августа. Загорье.

Еще ли есть для тебя тайна въ мученіяхъ разлуки? Нѣтъ, ты извѣдалъ всю горечь ея, и мои страданія, мой другъ, равны съ твоими. Есть наслажденіе—я не говорю—наслажденье святое въ несчастьи, въ томъ несчастьи, особенно, которое падаетъ на однихъ избранныхъ; но всегда ли въ насъ есть твердость подставить другую ланиту, когда ударятъ по одной, не только пѣть гимнъ и, не опуская глазъ, смотрѣть вверхъ и въ лазури искать Бога, тогда какъ нашу грудь и сердце раздираютъ желѣзными когтями и поливаютъ уксусомъ?.. Вотъ въ чемъ должна состоять молитва наша, —проси не объ отвращеніи бѣдствій, но о ниспосланіи терпѣнія въ нихъ. Ты пишешь, чтобъ я не *досадовала*, ежели тебя переведутъ въ Петербургъ. О, мой ангелъ, *я на все готова*! Въ каждой минутѣ разлуки съ тобой—годы страданій и вѣкъ блаженства. Пусть на шеѣ моей тяжелыя вериги, пусть скованы руки, пусть не снимаютъ терноваго вѣнца съ головы моей, пусть безъ обуви ведутъ меня по раскаленному желѣзу, — Александръ меня любитъ! Александръ — мой! О, если-бъ можно словами изливать душу... но что, что бы тогда симпатія?..

25-е. Прощай, когда такъ, мой ангелъ, вотъ тебѣ мое благословеніе въ путь, ступай къ твоему морю и, глядя на волны его, помни, что тебя ждетъ другое море, море ясное, тихое, что только въ его водахъ найдешь ты покой и вѣчность. Теперь мнѣ часто приходитъ въ голову раздумье Козлова:

Море синее, море бурное,
Вѣтеръ воющій, необузданный,
Ты, звѣзда моя полуночная,
Ахъ, отдайте мнѣ друга милаго!..

Грустно, Александръ, другъ мой, грустно... Когда же, когда свершатся надежды, которыя такъ жестоко смѣются надъ нами. Сердце ноетъ, ноетъ, не милъ и Божій свѣтъ. Но все-таки, душа моя, я не ропщу, если бы любовь наша не была такъ свята и необъятна, мы не сказали бы — да будетъ воля Его! Когда мнѣ предназначено всю жизнь любить тебя, и во всю жизнь только разъ встрѣтить взоръ твой,—да будетъ Его воля! да будетъ Ему слава!

Теките же, дни грусти, медленно или скоро,—мнѣ все равно, я увижу его здѣсь, я буду съ нимъ вѣчно тамъ. Книги мнѣ твои прислали, а I. Maestry нѣтъ — списываютъ. Благодарю! жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

26-го. Грустно мнѣ, смертельно грустно, ангелъ мой. Нѣтъ, не стану теперь писать. Чѣмъ свѣтъ встала и все смотрѣла на дорогу, будто ты по ней долженъ былъ ѣхать...

Полдень. Зачѣмъ я не могу вполнѣ отвѣчать на эти искреннія поздравленія и желанія. Что это, ангелъ мой, какъ любовь этихъ простыхъ людей растетъ

все болѣе и болѣе; имъ-то я ничѣмъ не могу заплатить, если-бъ вздумала платить деньги — униженіе! Нѣтъ, открытыя объятья, имя друзей и братьевъ — награда имъ! Какъ одинока я, душа моя, Александръ! Какъ при каждомъ поздравленіи взволнуется сердце, и навернутся слезы, всѣ далеко, *всѣ*! Господи, прости мнѣ, и Онъ возмутился духомъ, а я слабая, ничтожная... Какое пасмурное небо, какъ грустна вся природа, я же видѣла покойника въ церкви сегодня. Другъ мой, обратись ты ко мнѣ, освѣти меня лучемъ твоего взора, оживи дыханіемъ. Александръ! Александръ!.. промолви, звукъ твоего голоса вознесетъ меня отъ земли. Безмолвіе, холодъ, мракъ кругомъ, какая-то безжизненность, даже смерть... О, мой другъ, о, мой ангелъ-хранитель, прости меня, Александръ, вотъ получу письмо отъ тебя и утѣшусь, теперь не могу,— черно, тяжело на сердцѣ. Знаю, ты со мной душою и мыслью, всѣ со мной, *всѣ* они, — милые, близкіе, родные моему сердцу, но гдѣ же они? гдѣ ты?

Знаешь ли, гдѣ я была? Тамъ, подъ ивой, на плоту,— какой вѣтеръ; долго, стоя, смотрѣла я, какъ струится вода, мертвые листья падаютъ, и она уноситъ ихъ изъ виду; я сорвала зеленую вѣтку и бросила, ее прибило къ плоту,— не такъ ли и надежды наши?..

Вечеръ. Долго бродила я одна въ рощѣ и на берегу, часто останавливалась и стояла долго. Что это, ангелъ мой, какъ мнѣ грустно: и зачѣмъ такъ дѣтски ловить малѣйшій лучъ, или лучше малѣйшую искру, и раздувать ее въ душѣ, — разгорится пламень, а тутъ холодно, мимоходомъ дунутъ — и погасло! Каково же душѣ съ мракомъ и пустотою? Воображенье, что и тебѣ должно быть грустно, усиливаетъ тоску. Еще бы я была одна,... а то вообрази, вокругъ меня цѣлыхъ *четыре*!.. Фу! Слава Богу, что прошелъ этотъ день! Что-то ты теперь? Ахъ, если-бъ этотъ вихрь умчалъ меня...

29-е. Неожиданная оказія, не успѣваю ничего сказать тебѣ, мой Александръ, цѣлую, обнимаю тебя, душа моя, теперь мнѣ не такъ грустно, — жду отъ тебя письма. Съ восхищеніемъ читаю Шиллера, когда можно. Поздравляю тебя съ завтрашнимъ именинникомъ. Кланяйся Полинѣ и жениху ея. Эмиліи я писала отъ тебя. Ну, прощай. Твоя, твоя, мой ангелъ, Наташа.

Августа 26-го.

Другъ мой, изъ той же дали простираю я тебѣ мою руку сегодняшній день, какъ и въ прошломъ, какъ и два года, какъ и три года. Поздравляю тебя.— хочется быть нынче веселымъ, а грустно. Терпѣли много, потерпимъ еще, надежда все еще свѣтитъ, какъ утренняя звѣзда. Вчера пришло освобожденіе двумъ сосланнымъ семействамъ изъ Польши. Радость, восторгъ — только потому, что ѣдутъ на родину, а я — я, оторванный отъ тебя, я, назначенный утереть слезу на глазахъ ангела какъ же я долженъ буду радоваться! Я брошусь на колѣна и принесу благодарность Богу за то, что онъ сжалился надо мной, покончивъ эту трудную эпоху жизни. Каждый день теперь надобно ждать, до 15 сентября. Послѣ надежды поблѣднѣютъ. Сегодня весь день посвящаю тебѣ,— а будто всѣ прочіе моей жизни не тебѣ посвящены. Будь же и ты весела присутствіемъ моей души.

Вечеръ. Ну, вотъ и этотъ день прошелъ. О, Наташа, о, мой ангелъ, какъ тяжело это бремя, которое судьба бросила на мои плечи. Я грустилъ весь день. Многіе поздравляли avec le jour de nom de *la chère cousine* — это меня радовало; но грусть проглядывала сквозь каждую улыбку. Балъ сегодня, меня звали, я не

могъ рѣшиться ѣхать и просидѣлъ весь вечеръ дома. Словъ нѣтъ, выраженій нѣтъ моей любви; она растетъ, она захватываетъ все бытіе мое, все, все проникнуто ею. Дружба—чувство высокое, но какъ она далека отъ любви, насколько не можетъ она замѣстить любви. а любовь наполняетъ все. Два друга, какъ бы ни была велика ихъ дружба, все два друга... а двое любящихъ—одно существо, выше человѣка. Оттого-то такъ тягостно быть въ разлукѣ. О, Провидѣніе, услышь же мою молитву. отдай мнѣ ее, долго я терпѣлъ, но силы слабѣютъ, не могу болѣе... Наташа, ей Богу, кажется, я не перенесу еще годъ разлуки.

Я перечиталъ твое письмо отъ 26-го августа 1836. И тогда ждала ты меня, и тогда были надежды. Ахъ, какъ ярко въ этомъ письмѣ видна твоя безпредѣльная любовь и твоя высокая душа. Прочитавъ его, никто не удивится, отчего я всю власть надъ моей душой отдалъ тебѣ. Прощай, ты уже давно спишь. Ангелы, навѣйте же ей мой образъ, и я, усталый, почти нездоровый отъ надеждъ и медленности ихъ, лягу. Прощай, цѣлую тебя въ глаза, въ уста, въ твои милыя уста, еще... еще...

29 августа. Твои письма отъ 30 іюля и 20 августа. Отвѣчать теперь не стану, не могу, дай придти въ себя. Я мучился и страдалъ всѣ эти дни, не зналъ, куда дѣться; эта надежда, похожая на каплю ртути, которую чувствуешь подъ пальцемъ, а взять нельзя, истомила меня. Твои письма все исправили, я легко вздохнулъ, я свѣтло взглянулъ... Да укажи, Наташа, хоть одно пятнышко на твоей душѣ, Бога ради, укажи, тогда я повѣрю, что ты человѣкъ. Высота твоя подавляетъ меня. И притомъ что то дѣтское, ребячье. Говорятъ, что у Рафаиловыхъ Мадоннъ только черты женщины, а что ясно видно божественную, неземную. Такъ и въ тебѣ, только форма человѣка, а сущность ангела!

Ну, что сказать о надеждахъ,—ежели-бъ я подалъ просьбу, то былъ бы ужъ въ Москвѣ, вотъ все, что могу сказать. Горько мое положеніе... но прочь слабость, какой я предавался эти дни. Будемъ покойно ждать. И границу я тебѣ назначу, послѣ которой надежды увянутъ, привыкни къ этой мысли; эта граница 15 сентября, она близка; тогда придетъ почта отъ 30 августа. Проси же у Бога, къ которому ты такъ близка сама. И гдѣ же бы было вѣчное, святое начало любви, ежели-бъ пространство могло ее привесть въ отчаяніе. Вспомни, что ежели я буду знать, что ты покойна, я многое перенесу, а твоя грусть сломаетъ меня. И почемъ знать, какая цѣль у Провидѣнья, продолжая нашу разлуку; не оттого-ли мы только негодуемъ, что поэзія свиданія поглотила душу нашу. Наташа! страданій нашихъ двѣ части: одна—это моя ссылка, другая—будетъ въ Москвѣ до нашего соединенія. Не забывай, что чѣмъ долѣе первая часть, тѣмъ короче вторая. Первую мы знаемъ, знаемъ глубокую, острую боль разлуки, знаемъ эту жгучую жажду свиданья, взгляда, поцѣлуя, знаемъ и переносимъ, ты сама писала, — въ ней есть поэзія, высокое страданій, эта часть опирается на святое 9-е апрѣля. Другая обопрется на тотъ неизвѣстный, святой день свиданья и поведетъ рядомъ нѣмыхъ, глупыхъ обидъ и оскорбленій, лишенныхъ высокаго и запечатлѣнныхъ штемпелемъ людей мелкихъ,—тягостная будетъ эпоха. Я знаю, что все это вздоръ передъ любовью, что мы побѣдимъ, хотя бы побѣда и была уже на томъ свѣтѣ. Но вопросъ (котораго рѣшеніе извѣстно одному Богу), которую часть легче выносить. Я не знаю. Онъ знаетъ, оставимъ же ропотъ, будемъ его дѣтьми... Въ самомъ дѣлѣ, ты права, можно ли было надѣяться, что судьба Полины такъ быстро перемѣнится, и послѣ этого намъ смѣть сомнѣваться. Ахъ, сколько людей пошли бы на каторгу за одинъ

взглядъ истинной любви, за одну мысль, что гдѣ-нибудь бьется сердце за нихъ, и холодный міръ отказываетъ имъ, можетъ, потому, что они ищутъ на ложной дорогѣ. А намъ отчаиваться, неблагодарность! — Это не тебя, ангелъ, а себя я уговариваю.

[**Число не обозначено**].

Съ каждымъ днемъ я дичаю больше и больше, люди дѣлаются мнѣ такъ посторонни, такъ чужды, что я бѣгаю оттуда, гдѣ ихъ много. Нѣтъ, Наташа, не скоро можно сдѣлаться братомъ, другомъ, больше или меньше сочувствія соединяетъ того, другого по разнымъ началамъ, изъ разныхъ основаній. Вотъ *этотъ* любитъ меня за то, что я остеръ, за то, что ядовитая иронія вырывается изъ больной души, вонъ *тотъ* любитъ за пламенный слогъ моихъ статей, и я ихъ люблю за *что-нибудь*, можетъ, за то, что одинъ хорошо хвалитъ меня, а другой хорошо повязываетъ галстукъ. Хотѣлъ бы оторвать клокъ горячаго сердца и дать имъ и заставить подняться къ той сильной, высокой, *полной* жизни, и *какъ-будто* они подымаются. Да нѣтъ, курица не товарищъ орлу, скорѣй ласточка, скорѣй горлица ему товарищъ. Люди много потеряли въ моемъ мнѣніи съ 1834 года; я самъ, en qualité d'homme, много потерялъ въ своихъ глазахъ. Но всѣ вѣрованія, всѣ чувства къ нимъ сосредоточивались около двухъ идеаловъ святости божественной, около *тебя* и Ог. Вами я люблю людей, вами люблю себя. Хоть бы ужъ, по крайней мѣрѣ, были *они* мерзавцы, а то въ томъ-то и бѣда, *ни то*, *ни се*, ни въ хорошемъ нельзя на нихъ опереться, ни въ дурномъ. Іоаннъ въ Апокалипсисѣ говоритъ: «О, будь горячъ или холоденъ!» Да, ужъ эти парные люди, люди чуть тепленько? Это жалкое зрѣлище, но еще утѣшиться можно. Есть хуже зрѣлище, и тамъ утѣшиться мудрено. Представь себѣ сильнаго (физически) человѣка, которому дали яду, мало, чтобъ умереть, много, чтобъ быть здоровымъ, и что этотъ ядъ мало по малу начинаетъ его буравить, мучить, томить, и онъ долго перемогается, но, наконецъ, обезсиленный отдается вполнѣ разлагающей его боли, и крѣпкое тѣло его слабнетъ, и жизнь тухнетъ. Вотъ ужасное положеніе, въ которомъ теперь находится Витбергъ. Ежели бы ты его видѣла, когда онъ пріѣхалъ, и теперь, ты бы его не узнала. Волосы посѣдѣли, лицо въ морщинахъ, глаза потухли. Даже, о ужасъ, даже я замѣчаю огромную разницу въ самыхъ умственныхъ способностяхъ, какая-то лѣнь души овладѣла имъ, рѣдко говоритъ онъ о искусствѣ, о которомъ прежде говорилъ всегда, иногда будто вспыхнетъ его геній, взглянетъ изъ заплаканныхъ глазъ, и опять потухнетъ. Сердце разрывается при этомъ зрѣлищѣ, гнетущая бѣдность начинаетъ дотрогиваться до его груди — холодной рукою. Жена, семейство... Фу... А въ будущемъ что? жена, еще большее семейство, и холодная рука гнетущей бѣдности. Не надгробная ли рѣчь его таланту моя статья I. Maestri! Я не имѣю больше силъ утѣшать его, мы дальше, нежели были прежде, одна симпатія страданій и таланта соединяетъ насъ, въ силу остальныхъ идей насъ дѣлитъ огромное разстояніе XIX вѣка съ XVIII. И зачѣмъ онъ женился, — какъ будто можно художнику любить *во второй* разъ. И зачѣмъ женился на *обыкновенной* женщинѣ, которая не въ состояніи быть для него ангеломъ, Наташей. А когда я уѣду... Велика была твоя жизнь, Витбергъ, ты зналъ восторгъ искусства и восторгъ славы, ты зналъ страданія художника и страданія отца семейства. Твою жизнь я передамъ перомъ симпатіи потомству. Но она окончилась, міръ поднесъ этотъ ядъ, невинныя уста обмакнулъ ты въ него, — осталось умереть.

Ядъ равно дѣйствуетъ въ груди преступника и въ груди Сократа. Еще его ожидаетъ одна ужасная минута,—когда онъ пойметъ то, что понялъ я. Или Господь совершитъ чудо для строителя храма Его?

Ты пишешь о грусти, когда мнѣ надобно будетъ покидать здѣшнихъ друзей; будетъ грустно, но я не хочу ихъ обманывать: восторгъ займетъ все сердце, и одно пятно на этомъ полномъ восторгѣ будетъ, можетъ быть, взоръ М., — его я желалъ бы миновать. Люблю я Полину, люблю Скворцова, но развѣ я имъ нуженъ, развѣ они не составляютъ свое цѣлое? Эрнъ—съ тѣмъ я не такъ близокъ душою, но люблю и его, онъ самъ прежде меня, можетъ, уѣдетъ, его перевели въ Петербургъ, да и хоть бы остался, что онъ мнѣ. Витбергъ—звѣзда заходящая, и звѣзда восходящая вмѣстѣ идти не могутъ. Вся совокупность ихъ ничего передъ тобою. Намъ одинъ путь черезъ всю жизнь, а потомъ черезъ вѣчность. Слезу имъ и искреннѣйшую дружбу, особенно Полинѣ, она какъ-то росла на моихъ рукахъ, моимъ стараньемъ, и она ужасно меня любитъ. Черезъ два мѣсяца она, вѣроятно, уже m-me Skwortzow.

Сегодня *30-ое августа*. Сегодня должна тамъ рѣшиться судьба наша. *Еще годъ* — въ этомъ словѣ 365 ударовъ ножомъ, въ этомъ словѣ 365 угрозъ. Страшно, ужасно, но надо быть готовымъ и на это. А ежели — боюсь и говорить. Не знаю, что тогда; тогда можно умереть отъ восторга. Ты не поняла, душа моя, почему я спрашивалъ, заѣзжать ли въ Загорье, я не тебя спрашивалъ, а *ихъ*, т. е. не взбѣситъ ли это к[нягиню] съ компаніей? И не знаю, сдѣлаю ли я это, застава не та, а большой объѣздъ невозможенъ. Лишь бы меня освободили, да когда вы воротитесь въ Москву? Къ 1-му октября непремѣнно. Впрочемъ, Ваши приказанія, М. Г., исполню всѣ и не забуду ничего. Наконецъ, мало по малу всѣ сосланные вмѣстѣ со мною получили полупрощеніе и льготы, одинъ я остался! Помимо меня одного прошли всѣ милости и льготы. Вчера я узналъ, что Ог. разрѣшенъ выѣздъ изъ Пензенской губ., и онъ недавно былъ въ Рязани. Оболенскій ужъ съ мѣсяцъ проскакалъ по Вятской губ., посылая со станціи мнѣ поклонъ. Даже сидѣвшіе въ казематахъ въ Шлиссельбургѣ освобождены. Сат. на Кавказѣ. Этого понять нельзя — или мнѣ готовится не полумилость, а цѣлая.... будемъ, будемъ ждать.

1-го сентября. Опять бѣлую страницу пошлю тебѣ, ангелъ мой: лишь только было я принялся писать, за мной прислали *на службу*. Дѣла много мнѣ, но это хорошо, время идетъ скорѣе. Прощай, милая сестра, прощай. Полина со слезой слушала, что ты пишешь объ ней и къ ней. Ты для нея и для Скворцова—какое-то тѣлесное выраженіе Бога и всего святого и изящнаго на землѣ. Что же ты должна быть для меня, когда люди, не видавшіе тебя, по однимъ письмамъ составили такой идеалъ! Что?—Для меня ты вся совокупность всего высокаго, поэтическаго, нѣтъ, больше! Сама любовь! О, Наташа, гдѣ нашелъ бы я такую подругу, ежели бы Богъ не указалъ мнѣ ее возлѣ. Такъ-то всегда поступаетъ человѣкъ; ищетъ вдали то, что возлѣ его. Благословимъ же еще разъ Крутицкія казармы. 9 апрѣля, оно не произвело нашей любви, она была прежде; но оно связало навѣки наши души. Прощай. Цѣлую тебя много, много.

Твой *Александръ*.

1-го сентября, Загорье.

О, дивный, дивный Александръ, о, мой Александръ!. . Нѣтъ, не страшитъ меня буря души твоей, несись, несись туда, куда влечетъ тебя ея стремленье, ея

голосъ вѣренъ. Великій! одинъ лучъ твой на меня, и я переживу вѣчность. Никто не любившій и *любившій* не пойметъ любви моей, ты ее знаешь. она твоя, ты самъ она, зачѣмъ же спрашиваешь ты, больше ли бы любила я тебя, если бы душа твоя была ясна и чиста, и свѣтла, какъ небо въ зимній день?.... Другой день у меня I. Maestri и письмо до 18 августа, душа такъ полна восторгомъ, такъ полна... сорвалъ бы цѣпи, вылетѣлъ бы изъ тюрьмы. *Встрѣчу* съ Дмитріевымъ я читала покойно, она хорошо написана, но въ ней еще нѣтъ *Тебя*: ты встрѣтился съ нимъ, еще не узнаннымъ мною, почти чуждымъ, ну, словомъ, это только встрѣча съ поэтомъ Дмитріевымъ. 35-й же и 37-й годы—тутъ то, въ этихъ встрѣчахъ ты, мой Александръ! онѣ разсказаны тѣмъ языкомъ, которымъ ты говоришь со мною въ письмахъ и безъ писемъ, твоимъ языкомъ. И я часто не могла продолжать, — съ глазами, полными слезъ, съ душою, полною восторга, останавливалась и долго слушала его звуки не здѣсь, а тамъ, въ небѣ, раздающіеся. Только одно лицо описано страшно, я содрогнулась, вспомнивъ, что оно существуетъ на самомъ дѣлѣ, особенно при концѣ, у меня даже посинѣли ногти.

Съ 34-года мы видѣлись съ тобой только разъ, ахъ, можетъ, и до 40-го увидимся не много болѣе: *Онъ* знаетъ все, я все отдала на Его волю. Можетъ быть, я уничтожилась бы, сгорѣла, если-бъ приблизилась къ самому солнцу, а мнѣ назначено воротиться въ родину и съ тобой: можетъ быть, ты сбросилъ бы тѣло и покинулъ землю, соединившись со мной, а тебѣ предназначено совершить великое на землѣ. Меня грѣетъ твой лучъ, до тебя доходитъ звукъ пѣсни моей, мы живемъ другъ другомъ, мы одно, но тѣло, но земля дѣлятъ насъ, придетъ пора — и свѣтъ, слившись съ гармоніей, сольется съ общей душой — вѣчностью — Богомъ! Безъ ропота говорю, настоящая жизнь моя тяжка до крайности, это безпрерывная пытка, кромѣ разлуки съ тобой. Въ цѣломъ днѣ иногда я не имѣю десяти минутъ *своихъ:* ежели-бъ я не была твоя Наташа, мнѣ бы здѣсь была не жизнь, а *масленица*, а съ моей душой, съ моимъ стремленіемъ къ великому, изящному и святому, — взоръ мой оскорбляется ежеминутно, слухъ оскорбляется, сердце и душа страждутъ. . А разлука? Ежели бы свѣтъ души моей меркнулъ, ежели бы я теряла чистоту ея, мнѣ бы здѣшняя жизнь становилась легче, а душа моя еще растетъ красотою, стремленіе ея все могущественнѣе, непреодолимѣе, и смрадное, заразительное подземелье невыносимѣе, и страданія сильнѣе, нестерпимѣе. Но мы *одны* другъ другу,—я на все готова! Посмотри, мой ангелъ, съ какимъ спокойствіемъ я смотрю на текущую кровь изъ ранъ, наносимыхъ мнѣ ими, какъ не обороняюсь отъ ударовъ, какъ не рвусь изъ цѣпей; что моя сила передъ *Его?* однимъ мановеніемъ исчезнетъ все, какъ воскъ отъ лица огня. И ты не бойся за меня, лишь будь самъ твердъ. Разумѣется, второй голосъ души твоей *свыше*, иначе онъ не былъ бы столь властенъ надъ *твоею* душою. Ахъ, лишь бы онъ довелъ тебя до той славы, которой бы я желала тебѣ.—Легко, мой другъ, сказать: «тогда можно будетъ устроить, чтобы ты переѣхала къ Алекс. Алекс.», а на дѣлѣ какъ? Но ужъ рѣшено, еще 2 года тому назадъ, я сказала, что не боюсь участи голубя, съ тѣхъ поръ душа неизмѣримо выросла, а любовь перерастаетъ душу. Что мнѣ Италія, я не ѣду туда, ежели это путешествіе сдѣлаетъ хоть на песчинку урону въ томъ, что ты долженъ совершить, и еще тебѣ рано думать *пожить* для себя; вотъ, если-бъ этотъ мощный голосъ не звалъ тебя къ дѣйствію, тогда бы намъ оставалось на землѣ только воля и наслажденіе, и за что бы тогда эта всесильная, всемогущая любовь. Мы въ Италіи не найдемъ болѣе, нежели *можемъ*

найти въ самихъ себѣ. Зачѣмъ же ты съ такою важностью вступаешься, что твоя жизнь не должна ограничиться двумя годами въ Италіи? Пусть намъ не будетъ станціи на землѣ, безпрерывный путь, трудъ, утомленье.—скорѣй минуемъ чужбину, слаще отдыхъ на родинѣ!..

2-е. Но не всегда могу я съ такимъ самоотверженіемъ склоняться подъ руку Его. Какая-то слабость, что-то несовершенное все еще туманитъ взоръ, волнуетъ душу. Вотъ прошелъ и тотъ день, котораго надо было ждать (писалъ ты)—, придетъ рѣшеніе, и ты пріѣдешь проститься со мною, можетъ, еще года на три... Женщина! но, вѣдь, и ангелы плачутъ. Будемъ, будемъ тверды, не поднимемъ рукъ нашихъ противъ Его десницы. Нѣтъ, Александръ, вѣдь, необъятнымъ благомъ надѣлилъ насъ Богъ, и какъ бы мы возблагодарили Его, если-бъ не Онъ самъ научалъ насъ? Какъ вдругъ на днѣ этого рва, среди этой убійственной компаніи, въ духотѣ, видишь небо отверзтымъ, весь свѣтъ, всѣ силы небесныя, ихъ гармонія доходитъ до слуха, бренная пелена теряетъ свою силу, душа развертывается, свѣтлѣетъ, простираетъ крылья и, увидѣвъ тамъ образъ твой, котораго ты здѣсь одно подобіе, летитъ въ твои объятія, все забываешь, все, и долго паришь надъ тою бездною, гдѣ страдалъ, не замѣчая ея. Когда же перестанешь быть совершеннымъ ангеломъ, когда начинаешь быть опять человѣкомъ,—вотъ тутъ тяжело... Много дѣлаютъ надо мной глупостей теперь, сватовство продолжается, они на это употребили здѣшняго священника, знакомаго Снаксареву, которой не рѣшается имѣть жену безъ ста тыс.: безпрестанно бѣднаго посылаютъ въ Москву, торгуются, а тотъ не уступаетъ. Ты не можешь вообразить, сколько употребляется тутъ подлостей, низостей, это бездонная кадка. Я не смотрю на это, иногда смѣшно, иногда гадко,— вотъ ужъ въ полномъ-то смыслѣ сватовство. Хоть явись самъ г. полковникъ, я не боюсь, что до непріятностей — все вздоръ. Вотъ мнѣ больно то, что хотѣлось бы писать тебѣ, хотѣлось бы читать I. Maestri. Шиллера,—а я не могу, мнѣ *приказываютъ* сидѣть съ *собою*, и ежели не говорить, то *слушать*, что изволятъ говорить!

3-е. Всего лучше для меня въ этой статьѣ міръ dei Maestri и видѣніе; но нѣтъ, вся хороша, особенно 35 и 37 годы, мудрено ли, что посторонніе были тронуты до слезъ. Ты можешь вообразить, съ какимъ восторгомъ я переливала въ душу лучезарныя мечты твои, твои высокія идеи, которымъ душно на землѣ и тѣсно въ небѣ. Немудрено, ежели я скажу, что я во всемъ, что ни читала, не находила столько высоты и души, это скажутъ и *другіе*. Я перечитывала 1-ю встрѣчу — прелестна и она, вездѣ отпечатокъ твоей огненной, богатой души,— но она далека отъ двухъ послѣднихъ. Господи, какъ жалки мнѣ эти счастливицы, у которыхъ всѣ желанія, прихоти, такъ удобоисполнимы, у которыхъ все идетъ какъ по маслу, которымъ, кажется, ужъ нечего и желать! Станемъ рядомъ — онѣ въ драгоцѣнныхъ одеждахъ (хоть въ порфирахъ!), я въ рубищѣ, онѣ въ блестящихъ камняхъ, выкраденныхъ изъ земли (и Богъ знаетъ зачѣмъ), я въ ранахъ, ими же нанесенныхъ, онѣ, облитые благовоніемъ, я слезами; отвернись, бѣги отъ этого зрѣлища тотъ, у кого нѣтъ душевныхъ очей! тотъ будетъ очарованъ, онъ вымолитъ хоть послѣднее мѣсто въ блестящемъ ряду и потеряетъ душу, потеряетъ рай. Ни за какія сокровища не отдамъ я моихъ слезъ, моей бѣдности. Я боюсь и заглянуть въ душу, одѣтую богато; а что за неизмѣримое блаженство даешь ты моей душѣ. Въ самомъ ли дѣлѣ достойна я тебя? Но, созданная тобою, свѣтлая твоимъ свѣтомъ, оживотворенная твоей душой, напоенная одной любовью, во мнѣ пылинки нѣтъ ни своего, ни посторонняго, вся—ты, твое отраженье.

твой отголосокъ,— какъ же я буду недостойна тебя? Если-бъ руки мои не были спутаны этими гадкими веревками, если-бъ у меня не вырывали изъ рукъ пера, не завязывали ротъ,— не такіе бы звуки услышалъ ты, ангелъ мой, изъ души моей. Но не вѣченъ мой жестокій плѣнъ, настанетъ пора свободы, и все то, что таится въ глубинѣ души, вольно и стройно изольется въ твою душу, ты увидишь лѣствицу до самаго неба, до самого Бога, изъ молитвы и гармоніи, по ней мы взойдемъ *туда*. Прощай, милый, дивный другъ, благодатный другъ! Разберешь ли ты? Я спѣшу ужасно, теперь мнѣ еще менѣе свободныхъ минутъ.

Ночь, 4-е сентября. Что было со мной давеча въ сумеркахъ,—я сидѣла въ углу съ работой, по обыкновенію, съ моими свѣтлыми мечтами о тебѣ, съ молитвой въ душѣ. Забыла я о свиданьи, это такъ мелко, въ минуты восторженія —въ нихъ нѣтъ разлуки, не ищешь въ нихъ и свиданья... Вдругъ говорятъ: «что это за мужикъ верхомъ, онъ кого-то ищетъ, отдаетъ что-то садовнику»... Я тотчасъ очутилась на землѣ и вспомнила наши условія передъ свиданіемъ, забыта невозможность, время, все—«это посланный отъ него», подумала я, и руки мои дрожали, и я едва дышала и не смѣла встать, чтобы не упасть, но скоро его спросили, и обманъ этотъ стѣснилъ пуще сердце. Ахъ, что-то будетъ, что-то будетъ!

Ночь, 5-е. Александръ! неужели то, что выше толпы, должно быть подъ ногами ея? Нѣтъ, тутъ я не удерживаю стона, у меня нѣтъ силы, я изнемогаю, я чуть жива. Ангелъ мой, спаси меня! Ну, вообрази ты, цѣлый день, съ ранняго утра и вотъ до сей минуты, вокругъ меня шесть существъ отвратительныхъ и страшныхъ, всякое въ своемъ родѣ. Безпрерывно я *должна* быть тутъ, говорить съ ними. Другъ мой, горько мнѣ, невыносимо! Если-бъ ты только взглянулъ, если-бъ послушалъ только... О! я готова бѣжать въ медвѣжью берлогу, въ львиный ровъ, все сердце изныло, голова налита свинцомъ. Спаси меня! Я бѣгу отъ нихъ вздохнуть, взглянуть на твой портретъ, хоть силъ почерпнуть, и за мной бѣгутъ, и я почти безъ чувствъ ворочаюсь туда. Господи! это ли участь сосуда, въ который ты влилъ твое драгоцѣнное сокровище, чистѣйшее, святѣйшее, то, что на землѣ зовутъ любовью, частью самого тебя? Ужели ему долго валяться въ этомъ сору, въ этой ямѣ нечистоты, ужели до тѣхъ поръ, пока эта любовь не сольется снова съ тобою? Умилосердися. Что это такое—вообразить нельзя, не испытавъ, навертываются слезы, но я не въ состояніи плакать, чугунная плита на груди. Недостаточно воспоминанія о тебѣ, о твоей любви, оно какъ-то неясно, темно, далеко, я напрягаю всѣ силы, устремляю взоръ... не вижу тебя, ни даже тѣни твоей, какъ я ничтожна! Какъ, какъ съ этой любовью,—и все это на меня имѣетъ вліяніе, погоди, я недостойна писать тебѣ, недостойна назвать тебя. Александръ, да скажи, неужели вѣчно этому сосуду тонуть въ смердящейся пропасти, неужели рука Его не сдвинетъ его въ чистое море жизни, море свѣтлое и сладкое, предназначенное всему прекрасному? О, дай одно мгновенье, дай окунуться только въ волнахъ его сосуду и разбей его!.. Какой холодъ, я оледенѣла. Прощай.

8-е. Начинаю оживать — мнѣ десять, пять минутъ свободы, и я отдыхаю, мирюсь съ *ними*, съ собой, имъ прощаю, себѣ ищу новыхъ силъ, вырываюсь изъ тѣла, вырвавшись изъ ихъ когтей, и снова нѣтъ людей! они исчезаютъ — природа, человѣчество, одно изящное, святое кругомъ меня, во мнѣ, любовь, ты. Тутъ совсѣмъ иными глазами я смотрю на все и они проходятъ въ воображеньи — не совершенствами, но и не такими же уродами, каковы на самомъ дѣлѣ; странно, воображенье мое съ этой стороны такъ бѣдно, безъ нихъ я совершенно забываю, *что* они, и ужъ всегда упрекъ готовъ за излишнюю строгость къ ихъ

дѣяньямъ; обновленная, орошенная небесной росой, напоенная любовью душа, забывъ прежнія истязанія и муки, забывъ, отъ кого онѣ, съ святымъ огнемъ простираетъ объятія и заключаетъ въ нихъ половую щетку, или кухонный ножикъ, или что-то еще хуже — холодное, жесткое, издали царапающее и заставляющее закрывать душу, глаза и уши. Гдѣ-то ты, мой Александръ! Ахъ, Господи, вонми молитву мою! Какъ долго нѣтъ вѣрной оказіи, ахъ, тяжело.

11-го сентября. Свѣжа, свѣтла душа, теперь я всю бы ее излила тебѣ, мой единственный! Сестра убаюкала ее, разсѣяла свѣтомъ своимъ мракъ, облегчила грусть привѣтомъ дружбы. Ты знаешь мою сестру? Она одна теперь со мною — дивная природа! безъ *нихъ* ходила я слишкомъ два часа далеко, далеко отъ дома, день іюльскій, небо ясно, голубое, птицы поютъ, свобода взору, языку, чувствамъ. Брала съ собою Шиллера, но мнѣ не хотѣлось его читать: бываютъ минуты — какимъ бы кто пламеннымъ, живымъ языкомъ ни говорилъ — все слабо, все мертво предъ тѣмъ, что въ душѣ. Не перенесу я, Александръ, моего счастья, если ужъ на это будетъ воля Его, — малѣйшее удаленіе отъ нихъ, мысль: меня не видятъ *ихъ* глаза, не слышатъ ихъ уши, приводитъ меня въ восторгъ, и я не знаю, что съ радости дѣлать. Боже мой, какъ вполнѣ тогда я понимаю и себя и свое блаженство, съ какимъ наслажденіемъ обращала я давеча взоръ на небо и кругомъ себя, — это пространство, эта безмолвная природа, поющая одни гимны, ты, ты, твой образъ вездѣ, во всемъ, надежды, молитва — о, мой ангелъ, я была святая эти часы. Послѣ обѣда удалось прочесть еще I. Maestri, и вотъ твоя Наташа, исцѣленная, обновленная даритъ тебѣ слезу восторга небеснаго, поцѣлуй любви святѣйшей. Скоро пошлютъ въ Москву, скоро письма.... а что тамъ, за мною, фу! гадко. О, возьми меня, возьми скорѣе, спаситель мой! Часто, часто вспоминаю Полину — что она? Жму ея руку. Прощай. Прости меня, прости, я чувствую, что унижаю тебя моею грустью, но не могу преодолѣть своего ничтожества, разлука — страшное дѣло!

6-го сентября.

Наташа, ангелъ, вотъ я опять черенъ, какъ ночь, вотъ опять темная мгла обняла душу. О, Наташа моя, душа больна, гдѣ ты, ты, мой ангелъ. Сейчасъ писалъ я къ Огар. — и это не помогло. Близокъ, очень близокъ предѣлъ надежды, — фу, какъ холодна будетъ эта зима въ Вяткѣ. Знаешь ли что, всматриваясь въ эти надежды, которыя являются потерзать меня, мнѣ приходитъ въ голову, ужъ не наказаніе ли это Божіе за М., — въ такомъ случаѣ, можно ли роптать? Не могу стереть изъ памяти этотъ гадкій поступокъ, и тѣмъ хуже, что, кромѣ раскаянья, не сдѣлано ни одного шага къ ея спасенію. И ты ставишь меня рядомъ съ собою! Свѣтлая, ангельская душа? Ты не можешь даже постигнуть этого; правда, впередъ не повторится ничего подобнаго; но какъ могло быть что-нибудь подобное послѣ 9 апрѣля. Подумай, какъ низко упалъ этотъ Александръ, твоя молитва, твой идеалъ; можно бы было расхохотаться, ежели-бъ былъ такой смѣхъ въ душѣ человѣка. Но ты терпѣть не можешь, когда я объ этомъ говорю. Мимо.

Это письмо ѣдетъ съ Прасковьей Андреевной Эрнъ, я просилъ ее видѣться съ тобою; будь съ нею откровенна, она самая добрая старушка, которую я когда-либо видѣлъ. Съ какимъ восторгомъ ты будешь ее разспрашивать обо всемъ, что касается до меня, и сколько подробностей можетъ она разсказать тебѣ, знаешь ли, тѣхъ мелочей, которыя важны именно своей ничтожностью и которыя такъ ясно вдругъ тебѣ представятъ мое житье-бытье. И Петръ ѣдетъ съ нею, велю и

ему явиться къ тебѣ «съ почтеніемъ» отъ меня; въ самомъ дѣлѣ, это ужъ не передъ моимъ ли пріѣздомъ, не приготовленіе ли это? Дай то Богъ!

10-го сентября. Какъ священно, чисто вырѣзывается на этомъ мрачномъ небѣ твой образъ, да, я—одна рама, золотая, но тяжелая, металлическая твоему образу, ангелъ, ангелъ.—Нѣтъ, дольше эта разлука не продолжится, она перейдетъ черезъ силу, а захочетъ ли Богъ слезы твоей, захочетъ ли терзать то созданіе, которое наибольше выразило Его. А скоро пройдетъ срокъ, который я назначилъ, лишь бы тогда пріѣхать, какъ вы воротитесь изъ Загорья.— въ прошломъ году пріѣхали вы 27 сентября, ну, такъ ужъ бы къ 1 октябрю. Но поблекли надежды, какъ вѣтви ивы склонились и смотрятъ въ безотрадный ручей, который льется, льется, но не несетъ отрады. Я перечиталъ твое послѣднее письмо, — какъ ты отдалась надеждамъ, какъ я истерзалъ тебя ими. Ну, погоди же, то объятіе, тотъ поцѣлуй, тотъ взоръ, —тогда они все вознаградятъ, о, тогда я буду хорошъ, тогда я буду высокъ, я вдохну въ себя твой образъ, твою душу, и глазами передамъ восторгъ свой всей землѣ и небу, да нѣтъ! тогда не будетъ ни земли, ни неба, будемъ мы и Богъ. О, какъ дорого далъ бы я имѣть твой портретъ (только очень, очень похожій); у меня будетъ портретъ Огарева и его жены, а твой,—да впрочемъ, ненужно, ничто матеріальное не должно служить опорой любви. Твой образъ—вотъ это голубое небо, вотъ эти звуки симфоніи. Я задыхаюсь! Наташа, Наташа! Ну, вы, всѣ люди, скажите, кто изъ васъ любилъ бы ее болѣе. Можетъ, есть изъ васъ лучше, чище меня, но и самое пятно мое прибавляетъ къ любви: я чувствую, сколько ты выше меня, и, какъ монахи среднихъ временъ, готовъ всякими истязаніями *заслужить* передъ моей святой. Довольно!

Поздно. Прощай! твое свиданье будетъ радостно съ Прасковьей Андреевной, заставь ее болтать, какъ можно болѣе, отдохни въ безконечныхъ разспросахъ о твоемъ Александрѣ, говори больше, больше, и потомъ сонъ слетитъ на твои вѣжды, и ты увидишь меня такъ живо. А, *можетъ*, и не въ одномъ снѣ. Знаешь ли, какъ передъ концомъ зимы, когда ужъ снѣгъ чернѣетъ, но еще природа не рѣшилась на весну, бываютъ дни холодные, рѣзкой вѣтеръ рѣжетъ, но вдругъ, середь него повѣетъ вѣтерокъ теплый, вешній, дохнетъ травою, дохнетъ солнечнымъ лучемъ, и скажетъ: «вѣдь, весна то скоро». Такъ и у насъ съ тобою, мысль надежды пробивается сквозь мрачныя тучи и освѣтитъ душу. Весна, весна, приходи же въ наши души. Прочти у Шиллера «Das Mädchen aus der Fremde», это опять ты, Наташа, моя сестра. Еще отчаиваться нельзя, есть еще обстоятельства, говорящія въ пользу скораго свиданья. Цѣлую тебя. . нѣтъ, это только можно выразить самимъ поцѣлуемъ.

Твой *Александръ*.

Emilie поклонъ et amitié. Она, говорятъ, переписывала мою статью I. Maestri для Огарева. И за это поклонъ et amitié. Еще разъ прощай. Александръ.

15 сентября, Загорье.

Сегодня 15 –Господи! Съ часъ, какъ получила твои письма отъ 22 августа и до 1 сентября. Ты говоришь: «вспомни, ежели я буду знать, что ты покойна, я перенесу многое». *Покойна*, покойна, ангелъ мой, *переноси все*. Вотъ доказательство—черезъ часъ послѣ писемъ пишу, *знавши*, что рѣшено, и *не знавши*, *какъ* рѣшено,—пишу! Въ страданіяхъ, въ наслажденіи, да будетъ, да будетъ Его

воля! Мы даны другъ другу,—остальное все Ему. Ты говоришь: молись! Я молюсь безпрерывно, но никогда не просила и не могу просить у Него ничего. Онъ знаетъ, что̀ намъ разлука, знаетъ, что̀ соединеніе, къ чему же тутъ просьба? Подавленная страданіями и блаженствомъ, я съ *полною* покорностью склоняюсь подъ руку Его. Что-то ты теперь? А твоя любовь, Боже мой! Александръ, Александръ, не столько надо силъ въ несчастьи, чтобъ истощенная душа, изнуренная, не низверглась изъ міра духовнаго въ прахъ, сколько надо въ нашемъ блаженствѣ, чтобъ удержать ее въ этой тлѣнной, тѣсной темницѣ, чтобы отъ полноты ея, отъ ея огня, она не распалась и не превратилась въ пепелъ. Мнѣ не страшно теперь рѣшенье, слишкомъ восторга, чтобъ бояться. Знай и то, Левъ Алекс. пишетъ, что Снакс. у него былъ, очень ему понравился и много говорилъ о *предпринимаемомъ имъ намѣреніи*. Скоро ѣдемъ въ Москву, тамъ ждетъ меня — что? Пропасть, въ которую меня будутъ толкать десятеро, съ которыми я должна буду бороться *одна*. Все это вздоръ для меня, непріятно только, что онъ пріѣдетъ къ намъ и что моя за роль, а писать не стану, Александръ, онъ, мнѣ кажется, не стоитъ. Огорчило меня, ангелъ мой, извѣстіе о Витбергѣ, еще тяжелый камень на сердце, еще чугунная плита на грудь, какъ жаль мнѣ его. Ежели бы сказали, что тебя отпускаютъ ко мнѣ, но ежели еще годъ разлуки, то участь этого великаго страдальца облегчится, я бы сверхъ этого прибавила еще день, намъ много времени впереди, онъ—на закатѣ. Но, видно, Онъ знаетъ лучше нашего распоряжаться участью близкихъ къ Нему.

За нѣсколько часовъ, я увядала еще душою, думала—нѣтъ, ежели и письмо получу, не буду, не могу быть утѣшена, его взоръ, его взоръ, а послѣ него не хочу земли, послѣ него небо. Лишь послышался стукъ телѣги, радостнѣе забилось сердце, и теперь одинъ восторгъ, одинъ восторгъ. За минуту я молилась, думая, что еще Онъ не рѣшилъ, и теперь молюсь *все также*, *да* или *нѣтъ* — *одинъ* гимнъ Ему, одна молитва, одна пѣсня! Невыразимо состояніе мое; другъ, ты знаешь все. Охъ, полна душа, перестану я писать, что-то больно изливать ее въ эти грубыя, обыкновенныя формы. Странно: теперь для меня все блѣдно такъ, и свиданье, и разлука, мракъ и свѣтъ передо мною равно теперь, потому что они за любовью, она *одна* кругомъ меня, и изъ души не вырывается никакого звука, никакихъ словъ, кромѣ: Александръ! Господи!

16-е сентября. Видишь, какъ я наскоро вчера удѣлила души бумагѣ, оттого что пора было гасить огонь, а въ душѣ кипѣло, и я кое-какъ, въ постели, писала на подушкѣ, нужды нѣтъ, вѣдь разберешь! Ну, итакъ, передо мною пелена, и за ней *черный годъ* иль *свѣтлый мигъ* ждутъ насъ! Вчера я не чувствовала ничего, душа была слишкомъ восторженна, мнѣ некогда было взглянуть на землю, я была выше и чернаго года, и свѣтлаго мгновенья. Теперь начинаю приходить въ себя, и то жаромъ, то морозомъ обдаетъ меня. Однако, истинно, Александръ, Господь творитъ чудеса надъ избранной тобою. Что было бы съ обыкновенной душой, любящей по своему,—и столько страданій и такое грозное будущее?.. Бываютъ минуты, минуты только, и все сердце—одна рана, облитая спиртомъ, окружающимъ меня, но твой взоръ—любовь, твой голосъ—любовь, исцѣляютъ, воскрешаютъ, и неизъяснимое блаженство замѣняетъ неизъяснимыя муки, я закрываю лицо руками, и слезы градомъ. Да, Богъ знаетъ, который томъ нашихъ страданій тяжеле, но мы знаемъ то, что во второмъ *мы вмѣстѣ;* выбирать не намъ, все Онъ! все Онъ! Просили ли мы, Александръ, чтобъ Онъ далъ намъ другъ друга, постигали ли мы прежде блаженство, кото-

рымъ наслаждаемся теперь, и могли ли просить о томъ, чего не знаемъ? Кто знаетъ изъ насъ, что въ будущемъ? можетъ, Онъ готовитъ намъ лучшее, нежели мы желаемъ. О, какъ щедръ Онъ! Какъ богатъ милостью! Да, мы говоримъ — ропотъ, неблагодарность, нѣтъ, мало этого: малѣйшій вздохъ, слеза, отуманившая взоръ нашъ, преступленье! Взгляни на цѣлый міръ, укажи мнѣ Наташу и Александра... Гдѣ хоть малѣйшее подобіе рая, который они составляютъ? Падемъ же на землю, будемъ просить прощенья. Будемъ рѣже, сколько можемъ рѣже опускаться въ тотъ міръ, гдѣ насъ пугаетъ черное и радуетъ свѣтлое, не тамъ наша обитель, не тамъ! вонъ, отверзты врата, слышишь ли гласъ призывной? видишь ли десницу простертую? Летимъ, летимъ! О, мой ангелъ, о, мой свѣтъ незаходимый! мы единое, вѣчное отраженіе, подобіе Его, насъ ничто не дѣлитъ, не можетъ дѣлить, какъ пресвятую Троицу; на что же мы такъ унижаемся, что допускаемъ святотатной рукѣ касаться насъ, и думаемъ, что она разлучаетъ насъ? Бросимъ землѣ остатки ея, мы сами, окруженные любовью, какъ она эфиромъ, составляемъ планету лучшую, изящнѣйшую. Мы мечтаемъ о взорѣ тамъ, на землѣ, тогда какъ взоры наши здѣсь—одинъ взоръ свѣтлый, полный святости, божественной любви; мечтаемъ о поцѣлуѣ тамъ, въ толпѣ, въ пыли, тогда какъ здѣсь уста наши — однѣ уста, исполненныя гармоніи, вѣчнаго гимна, дивнаго пѣснопѣнья! Что же тянетъ насъ въ ту темную и унылую страну, зачѣмъ хотимъ мы раздѣлиться здѣсь, чтобъ соединиться тамъ?.. Нельзя больше, прощай, до ночи, зовутъ, свѣтило души!

17-е. Сегодня именины Emilie; она пишетъ мнѣ,—все та же любовь, та же грусть, и Дюве все также любитъ ее; не знаю, чѣмъ это все кончится. Дивна дружба! о, сколько наслажденья и въ ней, сколько высоты и святости! Три мѣсяца, какъ мы разстались съ Сашей Б., ни слова, ни вѣсточки другъ о другѣ, и, будто, съ часъ, какъ ея нѣтъ со мной, такъ живы ея образъ, рѣчь, взоръ въ душѣ... святая! И какое блаженство, при каждомъ воспоминаніи думать, что мечты наши и думы вмѣстѣ; гдѣ сомнѣнье, тамъ нѣтъ ничего святого, великаго; я знаю,—ежели бы она и не говорила,—что каждая ея мысль, каждая минута посвящены мнѣ. Что за душа! Какое ангельское терпѣніе, самоотверженье, и какое пламенное сердце! Она создана для дружбы, не будетъ другого отзыва ей на землѣ, потому что нѣтъ другого Александра во плоти. Когда то я ее увижу?!

Не могу теперь живо представить ни свиданья, ни еще года разлуки,— слишкомъ близко то и другое, сердце дрожитъ въ ожиданьи, переполненное имъ, и нѣтъ мѣста ничему иному. Только все-таки, ты здѣсь, со мною, и я не могу насмотрѣться, не могу наслушаться! Пусть цѣлый міръ скажетъ, что все это мечта, пусть! но пусть же онъ свѣситъ тогда жизнь свою съ моей мечтою.

Да, ты правъ: надежды, надежды,... вѣдь, недолго лелѣютъ онѣ душу, недолго навѣваютъ ей райскіе сны, скоро превращаются въ досаду, нѣмую боль и мученье. Но вѣра,—врачъ всему. Знаешь ли, что привело меня въ высочайшій восторгъ въ твоемъ письмѣ? То, что ты говоришь: «Ангелы, навѣйте ей мой образъ».

20-е. Въ Москву, въ Москву! Но что-жъ мнѣ тамъ? Ахъ, не знаю: то кровью сердце обольется, то восторгъ его обниметъ. Страшно узнать рѣшенье, а терпѣнія не достаетъ. Ну, что Богъ дастъ! Ты уговариваешь себя, а не меня, пишешь ты,—да, меня уговаривать ненадо. Но что же ты, мой ангелъ? развѣ ты слабѣе меня, развѣ въ тебѣ меньше вѣры, любви? А откуда онѣ во мнѣ? Кто меня создалъ, образовалъ, кто далъ эту душу, кто исполнилъ ее блаженствомъ? Скажи

мнѣ. кто? Ты говоришь о людяхъ,—о, Боже мой! я не могу вообразить, ежели судьба броситъ меня еще въ какой-нибудь кругъ, я и къ этому не могу привыкнуть, все ново для меня въ немъ, каждая низость такъ дивитъ, такъ ужасаетъ, хотя онѣ и повторяются ежедневно. Избави Богъ!—Спѣшу ужасно писать, у насъ домъ, какъ сарай, некуда дѣваться отъ стужи, и потому нельзя быть въ тѣхъ комнатахъ, а у меня все навиду. Скоро ѣдемъ; у насъ приготовленья къ *свадьбѣ*. Левъ Ал. былъ у Снакс.. завязывается не на шутку, — что намъ до того? Лишь ты, мой пресвѣтлый, не помрачайся, будь все также покоенъ. свѣтлъ и изященъ. не тужи обо мнѣ; вся эта грязь, которую въ меня бросаютъ люди, весь градъ и каменный дождь, которые падаютъ съ неба, не замараютъ, не разобьютъ меня, не повредятъ.—Ахъ, какъ жаль Витберга! Зачѣмъ онъ женился, — я подумала это еще, какъ только узнала, что онъ женатъ *во второй разъ*. Всей душой жаль мнѣ его; неужели нѣтъ средствъ помочь, а когда мы будемъ въ состояніи помочь ему?.. Утѣшай его, тебя станетъ... Скворцовымъ—рукожатье. Ты —прощай пока; и я видѣла тебя на дняхъ во снѣ, тоже что-то смутно, а всетаки неземной восторгъ обнялъ душу. Прощай же, можетъ, скажу скоро здравствуй.

23-е сентября. Волнуется душа, кипитъ сердце, завтра эту пору буду въ Москвѣ... Можетъ и только! сверхъ этого сильнаго чувства ломаютъ грудь страданія ближняго... Господи! кромѣ этого воззванья я не могу дать никакой помощи, итакъ, Ты помоги! Прощай, мой ангелъ, дрожитъ рука, сердце; отъ тебя завтра должно быть письмо; ахъ, что-то, что-то?..

---

16 сентября.

Да, ангелъ Наташа, всю горечь разлуки выпили мы, и выпили по каплѣ, и насъ обманывали за каждой каплей, говоря, что она послѣдняя. Нѣтъ средства, къ которому бы я не прибѣгалъ, чтобъ убить время. Это грѣшно, тратить на вздоръ даръ невозвратный, и который отпущенъ Богомъ на вѣсъ и на мѣру, но что же дѣлать? Придутъ дни, въ которые душа моя свѣтла (обыкновенно дватри дня послѣ твоихъ писемъ), я дѣлаюсь и твердъ, и хорошъ; но вотъ забралась одна грустная мысль, другая, на душѣ смеркается, и ночь осенняя, безпріютная, сырая царитъ себѣ. Но сила, которую мнѣ даютъ твои письма, этого я выразить не могу, я перерождаюсь, я готовъ тогда отдать тѣло свое на пытку и улыбаться. Духъ Господень говоритъ твоими устами, ихъ Онъ избралъ для выраженія своей воли, черезъ нихъ посылаетъ изнемогающему, слабому рай и утѣшенье. А бываютъ минуты тяжелыя. Вотъ, какъ-то на дняхъ, легъ я спать,—сна не было; я началъ себѣ представлять (въ десятимилліонный разъ), какъ мы увидимся, и твой образъ такъ живо, такъ небесно виталъ надо мною, я придавалъ свиданью все, что могла придать моя фантазія, и былъ счастливъ мечтою; вдругъ, изъ кокого-то ада явился вопросъ: «да когда же будетъ это свиданіе»? О, какъ горько тогда почувствовалъ я бряцанье цѣпи изгнанника, съ какой нѣмою болью всплеснулъ я руками, съ какимъ бѣшенствомъ смотрѣлъ я на стѣну, на окно... Повѣришь ли, я съ какой-то ненавистью думалъ, что Пр А. Эрнъ увидитъ тебя прежде меня. Да и въ самомъ дѣлѣ, за что же тебя видятъ и тѣ, и другіе, а тотъ, для котораго твой взглядъ, твое слово —все счастіе и этой жизни и той... какъ, да развѣ *тому* недостаточно твердаго убѣжденія въ ея любви, недостаточно письма? Нѣтъ, недостаточно! Вѣдь, этотъ взглядъ, который жаждетъ душа моя, развѣ взглядъ *хорошенькихъ глазокъ*... смѣхъ... нѣтъ, этотъ взглядъ, онъ от-

кроетъ новый міръ, новую музыку, новую поэзію, новую жизнь, воплощенье мысли Божьей. О, я прижму руки къ груди своей и вдохну этотъ взглядъ долго, долго. Наташа, и я буду тогда святъ, какъ потиръ, какъ дарохранительница. Ну, какъ же я могу безъ досады думать, что тебя видятъ другіе. Это жиды, которые ругаются потиромъ, или язычники, для которыхъ потиръ —чаша съ виномъ, или, можетъ, знатоки, которые будутъ дивиться *вкусу* и *искусству* наружной отдѣлки. Пусть бы на тебя смотрѣли мы двое,—я и природа вся: морями, солнцемъ, пальмой, розой. На меня и на природу твой взоръ даромъ не падетъ. Человѣкъ едва имѣетъ кусокъ насущнаго хлѣба, умираетъ съ голоду, жаждетъ, — и нѣтъ ему ничего, кромѣ сухой корки. А тамъ, далеко, есть другой человѣкъ, ангелъ: онъ его любитъ, онъ жизнь свою далъ бы, чтобъ отереть слезу тому, и расточаетъ дары свои всѣмъ, которые не нуждаются, а тому, которому хочетъ послать и взлядъ, и поцѣлуй, и душу, который вянетъ безъ нихъ, — тому *надежда*. И кто же виноватъ? Море, что ли, ихъ дѣлитъ, или горы? Море обуздать можно, гора имѣетъ тропинку. *Люди* ихъ дѣлятъ, а, вѣдь, люди братья... Да, и сыновья Эдипа, рѣзавшіе другъ друга, были братья. Хотя бы они ставили препятствія, тогда было бы достоинство перешагнуть, а то они ставятъ капканъ, какъ для волковъ, онъ держитъ, да и только; что хочешь дѣлай, а покуда не отопрутъ капкана, нельзя идти: кричи, плачь, молчи, смѣйся, все равно. Вотъ истинно низкое положеніе! Душно! — Помнишь, много разъ говорилъ я о томъ итальянскомъ поэтѣ, которому Сикстъ V отрѣзалъ руки и языкъ. Фантазія его создавала образы дивные, но нѣтъ средствъ, и онъ мучится, мучится и падаетъ въ изнеможеніи. . ну, что же, лежитъ, лежитъ, опять придутъ силы, онъ и встанетъ... Душно!

Ну, отбросимъ эту печальную тему; свѣти, свѣти на меня, моя подруга, моя красавица, свѣти ангельскими чертами, въ груди твоего Александра есть сила превозмочь разлуку. Да и надежды на ея конецъ еще не изсякли. Прочти въ Шиллерѣ Die Resignation,—его душа тоже была нѣжна, тоже страдала, но онъ зналъ самоотверженіе. Прочти еще Thekla, eine herzterstimmen. Текла похожа на тебя (тутъ только отрывокъ, а главное въ Wallenstein's Tod). Наташа, Наташа, я опять счастливъ; нѣтъ, ты не человѣкъ, ты божество, дай же мнѣ исчезнуть въ свѣтѣ твоихъ лучей.

Сегодня ночью вспомнилъ я одно лицо, замѣшавшееся (слабо, но замѣшавшееся) въ мою жизнь, и котораго черты почти совсѣмъ стерлись. Помнишь, какъ я былъ *влюбленъ* въ Л. П.? Это—юношеская выходка, это—потребность любви, принимающая плоть въ уродливомъ опытѣ. Огаревъ сказалъ мнѣ тогда же: «ты ее не любишь», —я повѣрилъ ему. Впрочемъ, тутъ, собственно, дурного нечего нѣтъ. Худшее, это то, что она писала мнѣ billets doux, и эти billets doux попались въ слѣдственную комиссію. Но еще страннѣе, какъ могъ я думать объ этой бѣлокуренькой дѣвочкѣ, знавши тебя. Этого я не понимаю. «Не насталъ еще часъ мой!»—Все дѣлается по закону Божію—до 9 апрѣля я былъ твоимъ братомъ, другомъ, тутъ ты преобразилась во всей глоріи. Слава тебѣ, дѣва чистая, слава тебѣ! Я не обманывалъ ее, я обманывалъ себя, я былъ душою радъ, увидѣвши ее въ казармахъ, но простыла любовь (хороша же любовь!). Что-то она подѣлываетъ? Она прежде любила кого-то съ усами, потомъ меня, безъ усовъ, есть надежда, что теперь любитъ третьяго. Пріѣхавши въ Пермь, я нашелъ въ портфелѣ ея записки, совѣсть упрекнула; не развертывая, я ихъ сжегъ. Ежели бы я могъ такъ легко себѣ представить исторію съ М., съ меня снялось бы пол-

тяжести настоящаго. Мой отъѣздъ потрясетъ ее ужасно, здоровье ея разстроено, — худшее, что могъ дьяволъ выдумать надо мною, это ея пріѣздъ въ Вятку, и моя неосторожность, или лучше тотъ чадъ, въ которомъ я находился начальное время. Но и это не оправданіе. Одно, что мнѣ можетъ служить оправданіемъ это то, что тогда у меня не было еще ни одного близкаго человѣка здѣсь, некуда было головы прислонить. О, если-бъ Витбергъ, Полина и Скворцовъ тогда были, этого бы не случилось. Сначала мнѣ жаль было Мед. отъ всей души: молодая, хорошенькая, образованная женщина, умная, и брошенная на носилки къ хромому старику, въ ней что-то было отъ «Гіацинта, брошеннаго въ воду и живущаго слезой». Иначе приняла она мое вниманіе, — и вотъ тутъ вся низость, вся гадость: изъ самолюбія я не отошелъ, минутами увлекался, но понялъ, что тутъ нѣтъ любви, и, знаешь ли, середь этого-то времени еще яснѣе, еще ярче возсіяла ты и твоя любовь. Это ты можешь видѣть по запискамъ того времени. Ахъ, зачѣмъ тогда слово любовь крылось подъ словомъ дружбы, ужъ этого одного слова было бы достаточно, чтобы спасти ее отъ паденья, а меня отъ пятна на душѣ. Впрочемъ, развѣ она забыла тогда, что она жена и мать троихъ дѣтей. Когда умеръ старикъ, я опомнился: тогда поступалъ я какъ честный человѣкъ, но уже было поздно, я давалъ ей руку друга, — она не умѣла принять ее. Надобно было за нее стать грудью противъ подлеца губернатора, и я сталъ, я, сосланный и съ Витбергомъ отстояли ее. Вотъ одна жертва! Много разъ говорилъ я довольно ясно о тебѣ, показывалъ браслетъ, медальонъ, — можетъ, она и понимаетъ, но молчитъ. Ахъ, Наташа, гадки эти пятна на твоемъ Александрѣ, и сколько я мучился, покуда написалъ тебѣ въ первый разъ эту исторію. Одно преступленье тянетъ за собой цѣлую толпу пороковъ.

18 сентября. Я писалъ третьяго дня тебѣ, какъ при свиданіи я вдохну въ себя твой взоръ; сегодня мнѣ пришло на мысль, что есть камень, называемый Болонскимъ: ежели онъ долго впиваетъ лучъ солнца, то послѣ онъ самъ свѣтитъ въ темнотѣ. Я — этотъ грубый, матеріальный камень твоего взгляда, я земная опора его, но свѣтъ твой перельется въ меня, одинъ я могу его и принять и раздѣлить съ темнотой. А другіе люди — это прочіе камни: сколько хочешь, свѣти на нихъ солнце, они останутся темными. Солнце — это Богъ, а ты — ты лучъ, лучъ свѣтлой, теплой, чистой проводникъ воли Божіей, Его посланникъ, ангелъ.

20 сентября. Еще день и еще день... еще недѣлю ждать, а тамъ — тамъ ничего. Какъ длиненъ бываетъ иной день, я смотрю на него, какъ на нелѣпаго гостя и тороплюсь вытолкнуть его изъ дома, — но онъ сидитъ себѣ, я съ ненавистью толкаю его въ гробъ, но онъ, умирающій, бросается со мною на постелю и не даетъ мнѣ спать. А я сплю много: это совсѣмъ не въ характерѣ у меня, но сонъ чудное лекарство отъ недуговъ тѣла и души. И при всемъ томъ, не странно ли, ангелъ, вотъ ужъ второй день въ нашемъ благодатномъ климатѣ валитъ снѣгъ; итакъ, еще миновала весна, лѣто и осень и 37 годъ началъ сѣдѣть. А давно ли, кажется, я, унесенный надеждами, стоялъ на горѣ и смотрѣлъ вслѣдъ шлюпкѣ, которая быстро уносила великаго князя. Это было 20 мая, итакъ, ровно 4 мѣсяца. А давно ли, кажется, я, подавленный ужасной бурею души, бросился на колѣна и просилъ благословенія отца, идучи въ *крестовый походъ* ряда несчастій, — а это было 20 іюля 1834 года. Идетъ неотразимое, холодное время, какъ волна рѣки, и дѣла ей нѣтъ, что въ нее падаетъ.

22 сентября. Я говорилъ въ этомъ письмѣ: «ежели-бъ тогда былъ Витбергъ, Скворцовъ»... это сознаніе верха слабости характерно. Для чего мнѣ всѣ они?

Не потому ли взоръ мой всегда обращается съ любовью къ воспоминанію Крутицъ, что я былъ одинъ? Да, тамъ я былъ хорошъ, тамъ я былъ таковъ, какимъ ты меня видѣла 9 апрѣля. Мало поэзіи въ Вятской жизни моей — пыли много. На что же, въ самомъ дѣлѣ, искалъ я людей, приблизился къ нимъ,—развѣ мнѣ было мало твоей любви, тебя. Ты мнѣ замѣняешь Бога и природу, человѣчество и все изящное, святое въ немъ. Для чего же еще люди? Ежели бы мнѣ опять начинать Вятскую жизнь, я иначе бы поступилъ. Одинокъ страдалъ бы я разлукой и ни одного мгновенья не кралъ бы у вѣчной мысли о тебѣ и воротился бы менѣе опытной, и болѣе чистой, болѣе похожій на того Александра 9 апрѣля.

Прощай, ангелъ мой, еще есть слабая тѣнь надежды, нѣтъ извѣстій о 30 августѣ. Когда вы ѣдете въ Москву? Тяжелая минута для тебя, когда ты опять издали увидишь Крутицы и тамъ Кремль, и мысль, что меня нѣтъ, отравитъ это свиданье съ Москвой. А я люблю Москву, люблю ее за ея русскій характеръ, люблю за воспоминанія юности, люблю за тебя, Наташа. Господь благословитъ стѣны города, хранящія ангела. Слово «Москва» у меня нераздѣльно съ мыслью о свиданіи,—а мнѣ *надо* видѣть тебя, ну, такъ, какъ человѣку въ угарной комнатѣ *надо* дохнуть чистымъ воздухомъ. Прощай, цѣлую тебя, дай руку, приложи ее къ моей головѣ—она горяча. Прощай же, Natalie.

Твой *Александръ*.

Ежели это письмо тебя застанетъ въ Москвѣ, то кланяйся дружески, душевно сестрѣ Emilie. Прощай же, еще жму руку. Твой Александръ.

28-го сентября.

Наташа! мой чистый, свѣтлый ангелъ, вотъ твое письмо, въ которомъ ты пишешь о I. Maestri. Никто не понималъ такъ весь *бытъ* моей души, какъ ты, да и могло ли иначе быть, не мыслью поняла ты, а любовью. Твое письмо прелестно, но оно меня застало мрачнаго, будущее что-то покрывается тучами громовыми, и мнѣ приходила мысль наша давнишняя — умереть въ минуту свиданья, ибо за нею будетъ рядъ страданій... Но что-же страданія? въ нихъ свое упоеніе, Наташа, рука объ руку—и въ обѣтованную землю!

Ты меня обижаешь въ письмѣ, приготовляясь и на разлуку, и на лишенія для моего поприща. Я люблю славу, какъ всякая огненная душа, но, Наташа, неужели я ее буду пріобрѣтать цѣною любви нашей? Это нелѣпость! Главнѣйшій элементъ моей жизни съ 1835 года, основа нравственности, алмазъ, на которомъ колеблется моя жизнь, — это любовь къ тебѣ, и я буду жертвовать ею, я накличу разлуку, зная этотъ медленный ядъ, я оставлю тебя въ когтяхъ полузвѣрей? Нѣтъ, ежели слава придетъ, пусть придетъ сама, и ея вѣнокъ будетъ уже на первой: лавръ найдетъ уже миртъ на головѣ. Есть минуты, когда я стремлюсь и къ власти, и къ силѣ, такъ, какъ бываютъ минуты, когда я охотно пью вино,—это влеченіе къ сильнымъ, потрясающимъ ощущеніямъ и больше ничего. Всѣ эти дни меня занимали совсѣмъ иныя мечты. Цѣль жизни человѣка есть высшее развитіе какой-либо стороны души,—мы развили любовь и, слѣдственно, все земное совершили. Больше желать было бы грѣшно. Я тебѣ говорю — одно свиданье и довольно! Но свиданье необходимо. Что-то черное видится мнѣ въ будущемъ, какое-то пророчество гнетущее, но я готовъ всѣ несчастья земныя (другихъ не будетъ) взять на плечи за блаженство быть любимымъ ангеломъ.

Эта статья тебѣ разомъ показала, какъ ты пересоздала меня. *Встрѣча съ*

Дмитріевымъ показываетъ, какимъ я вышелъ изъ рукъ воспитанія, двѣ остальныя показываютъ, какимъ ты меня сдѣлала. Разстояніе неизмѣримое. Въ первой встрѣчѣ есть огонь, но огонь ума, огонь безъ теплоты, фосфоръ. Во второй и третьей все проникнуто теплотой души, которая перелилась изъ небеснаго сосуда. Дай мнѣ твою руку, посланница Божія, дай прижать ее къ груди, дай напечатлѣть на ней поцѣлуй благодарности. Ты восхищаешься статьей, вспомни же, что то, чему ты восхищаешься, это твое, это именно оторванные звуки той пѣсни ангела. И мнѣ жертвовать этими звуками—звукамъ трубъ и литавръ! Нѣтъ, ты все мое бытіе; люди, возьмите все остальное, и самую землю, все это лишнее.

Гадости, которыя съ тобой дѣлаютъ, ужасны, но твоя душа свѣтлѣе моей, на меня часто налетаютъ такія мрачныя минуты (какъ я писалъ въ прошломъ письмѣ), что я близокъ къ отчаянію; я не умѣю сдерживать порывистость души; у тебя она растворена небомъ, у меня отравлена страстями. Наташа, неси крестъ, за меня несешь ты его.

Не думай, ангелъ мой, чтобъ надежды совсѣмъ изсякли, нѣтъ, еще алѣетъ востокъ, еще не померкла звѣзда, предшествующая солнцу. Почты отъ 30 августа изъ Вознесенска черезъ Петербургъ нѣтъ, а должна скоро придти. Молись, молись, Наташа! И Emilie писала ко мнѣ. Боже мой, какъ мы счастливы, какъ пламенно насъ любятъ! Я былъ очень тронутъ ея письмомъ. Между прочимъ, есть тамъ совѣтъ и, кажется, необходимой—быть осторожными при свиданіи; признаюсь, это ужасно, но, Наташа, твоя душа сильна, ежели нужно будетъ, скрой отъ ихъ глазъ все, не давай имъ на поруганье нашей святой любви, Наташа, Александръ умоляетъ тебя объ этомъ; я вижу, что то, что пишетъ Emilie, совершенно справедливо. Однимъ взглядомъ мы передадимъ другъ другу все. Зачѣмъ она уѣхала и куда, ежели-бъ тогда она была въ Москвѣ, она все учредила бы. Фу, Господи, да когда я исторгну тебя изъ этого княжескаго дома! Наташа, Богъ мнѣ далъ много силы въ характерѣ, и этой силой я много разъ подавлялъ людей постороннихъ, тотъ злодѣй «Калибанъ-Гіена» и тотъ не смѣлъ никогда со мною мѣряться лицо къ лицу. Неужели я не въ состояніи буду склонить отца, и отца, который любитъ меня. Употреблю все, и прямой, открытой путь, и хитрость, и лесть, и любовь,—но надобно тебя исторгнуть, или—умремъ! тамъ свобода и Богъ. Прощай, мой дивный другъ, моя милая сестра.

Теперь на *службу*, запрячу далеко, далеко чувство, я привыкъ заниматься съ какимъ-то тупымъ вниманіемъ, и день пройдетъ, и я вытолкну его въ прошедшее. Цѣлую тебя, о, Наташа!

Твой *Александръ*.

---

26 сентября, Москва.

Вотъ третій вечеръ, ангелъ мой, я въ Москвѣ и первый, въ который могу писать. Грустно было въѣзжать, грустно со всѣми встрѣчаться. Душно, душно, ангелъ мой, дай твой взоръ, твою руку. О, мой Александръ, дивный, божественный, жизнь моя! Ахъ, ничего я не хочу, я хочу стоять на колѣнахъ, сложивъ руки, смотрѣть на тебя, смотрѣть, смотрѣть... и умереть. Охъ, тѣсно въ груди. Да, и Петръ пріѣхалъ; не могу спокойно вспомнить, что я его увижу, онъ тебѣ служилъ, онъ ѣхалъ туда съ тобой, онъ былъ близокъ къ тебѣ, я заплачу, увидѣвъ его, я бы обняла его. О Пр. Андр. что и говорить. Я думаю, и въ прошлое наше свиданье она дивилась моей откровенности и самозабвенью, а теперь я,

право, не знаю, что со мною будетъ, какъ увижу ее, да я не буду въ состояніи скоро заговорить о тебѣ. О, мой ангелъ!

Письмо до 20-го сентября получила, Господи, что-то я узнаю въ будущемъ? Все больше и больше я забываю всѣхъ и все, ты—всѣ, ты—все. Лети, лети, ангелъ мой, я *готова;* свѣтло, чисто въ душѣ; рай! Передъ отъѣздомъ всю ночь я не спала и отъ холода и отъ волненья, здѣсь тоже, и на другой день пошла къ заутренѣ и обѣднѣ... Благословляй Господа, другъ мой, благословляй; исчезъ этотъ храмъ вещественный, матеріальный, Богъ сошелъ въ мою душу, и она была ему храмомъ. Съ какою же грустью взошла я опять въ домъ, въ среду этихъ людей... Но вечеромъ опять всенощная—благословенъ этотъ день, благословенъ Господь. — А ты все грустенъ, вотъ и въ этомъ письмѣ,—полно, Александръ, неужели молитва моя, мои слезы не смоютъ пятна? И еще есть время, мы сдѣлаемъ для нея, ежели Богъ поможетъ. Скорѣй, скорѣй въ мои объятья, скорѣй на грудь ко мнѣ, и все исцѣлено. Или хоть бы узнать рѣшеніе, это состояніе мучительно. Да будетъ Его воля! Говори «слава Богу» *всегда во всемъ*, мой свѣтъ.

Долго спустя. Ночь. Да, какая мелочь окружаетъ меня, какъ ничтожны всѣ эти важности, и къ чему всѣ эти дѣйствія, подвиги... безъ любви, пустое, пустое! Пріѣзжай, и тогда увѣдаютъ, для чего созданъ человѣкъ, вся вселенная; легіоны великихъ падутъ передъ однимъ взоромъ, падутъ во прахъ и сознаютъ свою бѣдность.

27-е. Фу, люди, фу! дальше, дальше, выше, выше, къ тебѣ! Но, да будетъ благословенъ этотъ день, — я видѣлась съ Emilie, а потомъ что за пустота въ этой толпѣ, что за утомленье, что за глупость! Цѣлый часъ сидѣла я, склонившись на руку, опустя глаза молча, сама въ себѣ погрузившись, то-есть ты, все ты и ты... и насилу отдохнула. Опять звѣзды въ глазахъ, я одна, и опять ярко и свѣтло въ душѣ. Давно не видались мы съ Emilie. «О чемъ же говорили вы?» спросишь ты. Другъ мой, ангелъ. тебѣ ли спрашивать?

Москва, наканунѣ Покрова.

Наконецъ-то получила я отъ 15-го сентября, ну, вижу, мой ангелъ, пустое, все пустое, нѣтъ больше надеждъ на скорое свиданье, — да будетъ Его воля! Видно не осталось на нашу долю земли, не будемъ же и заглядывать въ эту унылую, мрачную чужбину, у насъ лучше. Пусть назовутъ мое сердце желѣзнымъ, меня—хладнокровною, слова —пустымъ утѣшеніемъ, бредомъ, пусть тѣ не знаютъ ни горя, ни радости, но ты знаешь, что такое страданіе, знаешь, что такое вѣра и любовь въ страданіи. Слова ужъ тутъ лишни, но, ангелъ мой, вообрази меня, твою Наташу, твою сестру, твою дочь, твое созданье,—она далеко отъ своего отца, друга, ангела-хранителя, единственнаго блага, единственнаго сокровища въ свѣтѣ, *знаетъ,* что не увидитъ его еще долго-долго,... отдаетъ дань землѣ слезою и, съ улыбкой преклоня колѣна, смотритъ въ синюю высоту, гдѣ видна десница, держащая кресты, одни кресты... Многіе изъ этихъ крестовъ низверглись на нее, но еще много ихъ и *тамъ,* но ее не страшатъ они, она вѣруетъ, она знаетъ, что въ той же десницѣ ее ждетъ вѣнецъ славы безсмертной, мы надѣнемъ его вмѣстѣ, о, Александръ! Неужели тебѣ не въ утѣшенье эта любовь, которой истинно нѣтъ словъ. Многихъ люблю я, очень многихъ, и знаю, что многіе любятъ только меня, но, вѣдь, они, они только песчинка моря. Съ

каждымъ часомъ растетъ душа, то-есть любовь, и, стало, всѣ дѣлаются для нея менѣе, тѣснѣе, страшно каплю удѣлить, не помѣстится, прольется, — а ты! я, свѣтлая, великая теряюсь и блѣднѣю въ тебѣ. О, будемъ, будемъ ждать. Нѣтъ, я не изнемогаю; многое пріобрѣла я въ эти три мѣсяца уединенной, тяжкой жизни, видно, есть еще силы и твердость неизвѣданныя. Можетъ, да, можетъ быть, пройдетъ еще годъ... ахъ, какъ, однако, ломитъ грудь послѣ этихъ словъ; но, пройдетъ годъ, ты пріѣдешь, и намъ останется только шагнуть черезъ могилу. Вѣдь, тамъ, у Бога - Отца нашъ домъ, туда, туда! Очищай же душу, расти, мужай, чтобъ намъ вмѣстѣ стать предъ Нимъ, чтобъ увѣнчатся однимъ вѣнцомъ. Фу! только не хочу я этихъ фигуръ, которыя мелькаютъ кругомъ меня, никого, никого не хочу. Знаешь ли, что нашла я отраднѣе всего по пріѣздѣ сюда— храмъ, да, и все болѣе и болѣе онъ мнѣ необходимъ, тамъ всѣ лучше, тамъ не запрещаютъ обращать взоръ къ святой святыхъ, пойду и завтра къ заутренѣ. Жаль мнѣ, что нельзя послать тебѣ письмо, но такъ и быть, я оставлю его и пошлю съ тяжелой почтой. О, какъ бы обняла тебя... не унывай, ангелъ мой, не грусти, умоляю тебя, обнимаю твои колѣна, ради Наташи, ради Бога, вѣдь, я покойна и весела.

1-го октября. Большой праздникъ, и я праздную его всей душой. Въ 4-мъ часу встала, пошла къ заутренѣ, обѣднѣ,— у меня не осталось безъ тебя ничего ближе и отраднѣе церкви. Знаешь ли, я бы желала не видать никого изъ близкихъ до тебя, не знаю, что за странное желанье, не хочется говорить, не хочется смотрѣть и во всемъ какъ-то есть сторона холодная, отталкивающая, а ужъ что *неполное,* то не мое. Болѣе или менѣе надо принуждаться, а душа огромна, пространна, никакого покрывала не достанетъ спрятать ее. Заперлась бы вотъ въ этомъ уголкѣ и ни шагу вонъ, кромѣ церкви; неизъяснимо счастлива и покойна я тамъ, особенно, когда можно стать близко къ алтарю, чтобъ не видѣть никого, и никто бы не заглядывалъ въ шляпку. У меня никого нѣтъ, кромѣ Бога и тебя, и тутъ я съ Нимъ и съ тобою. Ты не подумай, чтобъ я утѣшала только тебя, скрывая грусть и тоску; любовь, Бога призываю въ свидѣтели, Ему вѣрь, что въ душѣ все такъ же ясно и торжественно, да и можетъ ли быть иначе въ твоемъ и его жилищѣ? Только меня страшитъ твоя грусть, за тебя боюсь, въ послѣднемъ письмѣ ты грустенъ... Вѣдь, тебя только можетъ утѣшить то, ежели я спокойна и не страдаю, ты самъ говорилъ. И я вновь клянусь, что готова на все, на самыя жестойчайшія истязанія, и не поморщусь; такъ будь же и ты, мой свѣтъ, ясенъ и чистъ, рано или поздно увидимся, обнимимся и—въ вѣчности одно существо, одно подобіе Его. Видно еще мы ветхи, юнѣемъ, юнѣемъ и, достигнувъ того возраста, которому въ удѣлъ одно царство небесное, съ нашей силой, съ нашей любовью мы удивимъ землю и небо и потечемъ туда, откуда пришли. И какого ждать намъ еще наслажденія: «Geniesse, wer nicht glauben kann». Какъ ни прелестно-разнообразна земля, какъ ни блестящи, ни великолѣпны ея жилища и всѣ сокровища,—для меня все это ровно съ пылью и соромъ; мой домъ, моя святая обитель—ты, и съ тобою-то я неразлучна и во вѣкъ не буду разлучна; такъ что-жъ мнѣ до того, что мы въ разныхъ клѣткахъ, и когда будемъ въ одной это все равно, лишь бы скорѣе вылетѣть изъ нихъ. Забудь, *какъ* мы на землѣ, помни только, *какъ* мы *тамъ.* Ахъ, Господи, ну такъ и горитъ передо мной твой взоръ съ любовью,—какъ ни улыбнуться, какъ, залившись слезами, ни пасть на камень, какъ ни забыть разлуки. Вотъ и я смотрю на тебя... Видишь

ли свѣтъ взора? чувствуешь ли дыханье? вотъ рука моя на твоемъ сердцѣ, да будетъ же оно покойно!

2-е октября. Нѣтъ, Александръ, силъ нѣтъ видѣть, что за сердце у людей, фу! о себѣ ни слова, а страданіе двоихъ, трехъ, и этому въ отвѣтъ одно холодное призрѣнье,—я истерзана, не могу теперь писать.

Ночь. Вчера я ѣхала вечеромъ довольно далеко и, повѣришь ли, мнѣ даже что-то страшно стало, мною встрѣчаются прекрасные домы па улицѣ,—а все что-то мертво, такъ пусто, какъ послѣ покойника; тебя нѣтъ, я одна среди столькихъ людей, звѣрей, я вздрогнула, осмотрѣвшись; это минуты крайней слабости, тутъ я кажусь такъ беззащитною, такъ сиротливою, такъ совершенно преданною во власть тигра и ребенка. Но онѣ коротки, эти минуты мрака, какъ молнія; полки ангеловъ охраняютъ душу мою, отъ всѣхъ ударовъ, отъ всѣхъ стрѣлъ обороняетъ ее десница Его. Радуйся этому, ангелъ мой, и не тужи обо мнѣ. О, какими чистыми, свѣтлыми увидимся мы, какими высокими? это восхищаетъ меня, и я готова утроить крестъ, лишь бы осуществилась та мечта. Вѣдь, ужасенъ будетъ еще годъ, но я не отталкиваю его, я знаю, что онъ принесетъ намъ много, какъ огонь очиститъ все лишнее.

Этими надеждами я была такъ взволнована и смущена, что даже не могла представить тебя довольно ясно, ты являлся мнѣ въ разныхъ видахъ, и такъ это быстро, такъ вдругъ, что я, какъ внезапно приблизившаяся къ солнцу, теряла зрѣніе и падала безъ силъ, съ душою, переполненной ощущеній невыразимыхъ. Теперь совсѣмъ не то. Ложусь, встаю, во снѣ, сквозь сонъ,—ты мрачный, грустный, безутѣшной передо мною, склонивши голову, взоръ устремленной неопредѣленно... О, какъ бы порхнула я къ тебѣ на грудь, какъ бы навѣяла радость, шепнула утѣшенье, я бы упала на колѣна передъ тобою и не отошла бы до тѣхъ поръ, пока не увидѣла бы во взорѣ твоемъ совершеннаго спокойствія. Александръ, другъ мой, если-бъ ты только зналъ, какъ мнѣ хочется тебя утѣшить, ну, право, кажется, перочиннымъ ножикомъ изрѣзала бы себя въ мелкіе кусочки, ежели-бъ это помогло! Ахъ, какую глупость я сказала, прости! Нѣтъ, моя душа, нѣтъ, ты силенъ самъ, ты высокъ, я не сомнѣваюсь въ тебѣ.

Пишешь ты о Люд., мнѣ тогда же говорили, что ты въ нее *влюбленъ*, я не вѣрила, и ежели бы самъ ты сказалъ, не повѣрила бы, а любила все ихъ семейство за то, что ты ихъ любилъ, особенно Люд.; я видѣла въ ней обыкновенное, но воображала сверхъестественное, потому что ты о ней болѣе говорилъ. Тогда бы я сочла первѣйшимъ счастьемъ быть послѣдней въ ихъ семьѣ; до сихъ поръ чувствую къ нимъ что-то особенное и никогда не поставлю ихъ наряду съ другими, ни даже тамъ, гдѣ ихъ ставятъ всѣ. Мнѣ всегда больно о нихъ слышать, я бы по-прежнему сжала имъ руку, никто не вырветъ уваженія къ нимъ, такъ глубоко поселилъ ты его въ душѣ моей *еще тогда*; но не все ли намъ равно *тогда* и *нынѣ?* Любовь наша безконечная, стало, безначальная, мы никогда не начинали и не перестанемъ любить. Не отчаиваюсь я въ участи Мед., жаль мнѣ ее, ужасно жаль, покоримся Промыслу. Что Витбергъ? Я безъ горести не могу вспомнить о немъ. Прощай, мой ангелъ, не досадуй же на стѣну, на окно, на Пр. Андр.,—это слабость, слабость, вздумай, что я неотлучно подлѣ тебя. О, мой свѣтъ! мой рай! обнимаю, цѣлую тебя.

3-е октября. У меня сегодня ночуетъ Emilie,—я въ восхищеньи. Тебѣ дружба и рукожатье, а отъ меня поцѣлуй. Ангелъ мой, не грусти! Ну, прощай. Господь съ тобою.

Пошлю завтра сама письмо, итакъ, ты получишь два вдругъ. Не грусти, мой ангелъ, цѣлую тебя въ чело, глаза, душа моя. Прощай [1].

Твоя *Наташа.*

---

4 октября.

Ты опять въ Москвѣ, мой ангелъ; мнѣ писала маменька. Ты въ Москвѣ, а я въ Вяткѣ, и каждой день далѣе въ осень срываетъ зеленые листки надежды, и будущая зима угловатыми сучьями, трупомъ выказывается. Маменька пишетъ: «27-го мы обѣдаемъ у Льва Алексѣевича, можетъ, и Наташа тамъ будетъ». Ну, что проще этихъ словъ, они меня взволновали. Я представилъ себѣ ту возможность, которая такъ близко подходила, я былъ на шагъ отъ рая, и не умѣлъ отворить дверь, потому что не умѣлъ склонить выю. И потомъ представилъ себѣ, какъ мы встрѣтились бы, сидѣли у Л. Ал.,—такъ живо: вотъ ты входишь, вотъ твой взглядъ... Damnation et Anathème на этихъ людей, которые не пускаютъ меня въ мою сферу жизни, а держатъ въ сыромъ подвалѣ.

5-е октября. Я сейчасъ писалъ письмо къ Арсеньеву (въ свиту в. к.), чтобъ поблагодарить его за письмо, которое онъ писалъ обо мнѣ; насколько *я умѣю* просить, я просилъ его о возвращеніи, я просилъ, чтобъ сняли цѣпь съ руки, которая готова на всякую дѣятельность. Ахъ, Наташа, тяжело мнѣ безъ тебя. Теперь я очень занятъ по службѣ — это хорошо: голой, практической міръ сухихъ фактовъ усыпляетъ чувство, утомляетъ душу, но вдругъ середь какого-нибудь журнала казенной палаты подлетитъ горняя мечта, сквозь какой-то флеръ, какъ бы вдали, она образуется въ твой образъ,—и радость, и горе обовьетъ душу. Ну, ты сама знаешь, какъ это бываетъ. Я, не подумавши, писалъ тебѣ о Петербургѣ, еще разлука, это выше моихъ силъ. Господь, облегчи же сколько-нибудь намъ крестъ нашъ и Ему, — божественному, пособили нести его.

Я скоро шаферомъ у Полины,—эти приготовленія, все это вмѣстѣ розовое и красное отбрасываетъ на меня одно черное. Ты мнѣ пишешь: «Пусть останется у тебя отецъ», я и самъ это понимаю и чувствую,—но какъ же онъ долженъ меня любить за ту жертву, которую я ему приношу, отдаляя мое блаженство, оставляя тебя въ кругу людей недостойныхъ, какъ на обиду. Въ какой груди найдется богатства настолько, чтобъ заплатить за эту жертву? Странно мнѣ, кажется, лучше было бы, ежели бы онъ меня меньше любилъ. Кто заколдовалъ меня въ этотъ кругъ? А какъ хорошо умереть! Ты, ангелъ, склонишь свою голову на мою грудь, глаза твои будутъ устремлены на меня, я еще разъ скажу: люблю тебя, люблю,—и твое послѣднее слово будетъ слово любви и такъ бы въ одно мгновеніе, обнявши другъ друга. Эта мысль съ каждымъ днемъ нравится мнѣ больше.

8 октября. По всѣмъ расчетамъ теперь граница и предѣлъ ожиданьямъ, завтра придетъ почта и, ежели по ней ничего не будетъ, то не очень скоро будетъ что-нибудь. Какъ досыта я настрадался въ это время. Эта обманутая надежда прорѣзала твердое мѣсто на сердцѣ и обратилась въ болѣзнь. Годъ тому назадъ приготовляли мы портретъ съ Витбергомъ для тебя, я восхищался твоею радостью, а нынче твое рожденье будетъ мрачно въ Москвѣ для тебя, мрачно въ Вяткѣ для меня. Боже мой, ежели-бъ это только было возможно 22-го быть въ

---

[1]) Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько словъ по-нѣмецки, написанныхъ, повидимому, рукою матери А. И. Герцена: «Ich habe Saschenka seinen Brief aufgemacht um diesen einzulegen».

Примѣч. издат.

Москвѣ! Чудивищемъ чернымъ и холоднымъ стоитъ рокъ и держитъ желѣзной рукою. Туда, туда летѣлъ бы скрыть голову на груди ангела, пить его дыханіе, умереть съ нимъ. А рокъ улыбается свинцовымъ глазомъ и говоритъ: поѣзжай въ палату разбирать дѣла. Вотъ эпиграмма въ дѣйствіи.

9 октября. Когда мы будемъ вмѣстѣ, когда мы будемъ совсѣмъ отданы другъ другу, и посторонніе выйдутъ изъ свѣтлой черты нашей сферы, тогда мы посвятимъ цѣлые вечера на то, чтобъ перечитать въ одно время и твои, и мои письма. Это будетъ дивное наслажденіе: всѣ переливы души, всѣ сильныя впечатлѣнія, и за какую огромную эпоху жизни, заключены въ этихъ письмахъ! Твои перемѣнились только *объемомъ* мысли и чувства. Изъ небеснаго, райскаго ребенка дѣлается небесная, райская дѣва. Основанія тѣ же, два чувства наполняютъ всю душу — молитва и любовь, но эта душа развертывается обширнѣе и, наконецъ, какъ безгранная лазурь неба, не имѣетъ предѣла. На твоей душѣ нѣтъ ни пятнышка, ни тусклаго мѣста отъ дыханія людей,—Богъ *вымежевалъ* тебя отъ толпы, и твои письма,—стройное развитіе любви и молитвы, отъ перваго до послѣдняго. Грусть въ нихъ есть, мрачности нигдѣ; и въ самую темную ночь небо не можетъ быть темно, когда нѣтъ облаковъ. Такъ, какъ изъ полусвѣтлаго минерала огонь выплавляетъ чистую каплю стекла, такъ пламенная любовь моя придала небесную прозрачность твоей душѣ. Твои письма — это одно письмо. Совсѣмъ другое мои письма. Во мнѣ отъ рожденья не было послѣдовательнаго развитія, моя душа жила конвульсіями, металась всюду и тысячи разъ мѣнялась. Самоотверженная въ Крутицахъ, она совершенно затускла въ первое время ссылки, тутъ было что-то потерянное во мнѣ, какая-то апоплексія сломила полбытія. Тебѣ назначено было воскресить меня и вотъ мало-по-малу мощныя слова твои: любовь и молитва, начинаютъ день въ темной душѣ. Замѣть, въ 1836 въ началѣ впервые является въ моихъ письмахъ истинная религія. Но и тутъ нѣтъ твоей стройности: знойныя страсти тянутъ, съ одной стороны, душу, необузданное самолюбіе, съ другой, а между тѣмъ все бытіе погружено въ свѣтлое море любви, но это свѣтлое море волнуется, бушуетъ, это не твое небо, а земное море, и иногда кровь, текущая изъ ранъ души, покрываетъ его пурпуромъ. Послѣ самаго пламеннаго порыва—мрачной звукъ, сплетенный изъ раскаянья и разлуки. Рядомъ съ безотчетнымъ восторгомъ отъ тебя стоитъ иногда привидѣніе, рядомъ со смѣхомъ не слеза, а скрипъ зубовъ. И замѣть еще, небо твоей любви ничего не имѣетъ посторонняго. А я похожъ на пловца въ своемъ морѣ любви: то та часть *человѣка* видна изъ волнъ, то другая. Проѣздъ в. к. взволновалъ меня, и самолюбіе вырѣзалось яркими чертами въ послѣдующихъ письмахъ. Твоя душа ужъ не измѣнится ни на волосъ, такою воротится она къ Богу, въ моей еще тысячи судорожныхъ мыслей и движеній, но основа одна и незыблемая: это любовь къ тебѣ, на этой основѣ создастся храмъ моей жизни. Наташа, сколько блаженства мы принесли другъ другу, обратимся къ Богу и поблагодаримъ Его за то, что Онъ наши души раскрылъ этому высокому, святому чувству любви.

10 октября. Два письма отъ тебя, ангелъ, сестра, подруга, два большія письма (посл. отъ 3 окт.). Ты не такъ покойна, какъ пишешь,—это для меня ты приняла часть спокойствія. Нѣтъ, я, сознаюсь, не могу въ глаза взглянуть этому чудовищу, которое называется *еще годъ разлуки*, не могу. Твоя душа, ангелъ, — небо, одно небо, въ моей много земли. Еще годъ, да и на чемъ же основать эту мысль, почему не два года, или не полгода? Въ очень скоромъ времени я самъ не жду ничего, но мое письмо къ Арс. сильно. Ежели-бъ я написалъ его

тогда же, я былъ бы ужъ въ Москвѣ. Что за непонятными іероглифами передаетъ свою волю Провидѣніе человѣку и эта таинственность, завѣса непроницаемая, этотъ безотчетный приказъ, котораго цѣли не видать, а необходимость повиноваться очевидна... Хоть бы срокъ мнѣ назначили,—и пусть скуютъ меня, бросятъ опять въ казематъ, лишь бы я могъ считать, сколько дней мнѣ остается до свиданья съ сестрою, ангеломъ.

11-го. Исторія сватовства становится серьезнѣе, какое море непріятностей для тебя! Не пора ли положить мнѣ мечъ свой на вѣсы, не пора ли разрубить узлы, сплетенные руками безумныхъ. Много, очень много непріятностей. Монастырь.—да какъ бы это устроить? Есть ли изъ всѣхъ животныхъ, бывающихъ у васъ въ домѣ, хоть одно, которое бы умѣло молчать за деньги и черезъ которое ты могла бы, въ случаѣ крайности, взойти подъ сѣнь церкви? Ежели есть, именемъ моимъ обѣщай, сколько хочешь. Ахъ, какіе они безумные, и жаль и досадно. Ну, что ты имъ сдѣлала? Какъ что? Развѣ они не понимаютъ чутьемъ твоей высоты?— Довольно для толпы. Ты храбро готовишься на бой, тутъ не рѣшительной бой страшенъ, а эти avanies, которыя будутъ дѣлать, эти притѣсненія и безпрестанно. Ты, ангелъ мой, была несогласна со мною, а, какъ ты хочешь, весьма глупо, что я не въ ладу съ Марьей Ст., глупо, потому что недостойна она, чтобъ мы съ ней ссорились, и глупо, потому что она всегда можетъ надѣлать тьму непріятностей; я желалъ бы кончить *ссору* съ ней. Также точно не совсѣмъ ты права и относительно земли (Мар. Ст. и вселенная!). Нѣтъ, рѣшительно, безъ свиданья здѣсь наша жизнь неполна. Земля—это падшій ангелъ, земля — это рука Божія, ведущая падшаго въ рай, и на ней соединились двѣ красоты: красота ангела и красота милосердія Божія. Посмотри на это небо, на немъ солнце роскошное и теплое, -это любовь Бога, взглядъ отца. Посмотри на эти горы, утесы, разбросанные камни,—это изнеможенное тѣло непокорнаго сына; но вотъ, отвсюду къ взору отца стремится жизнь, деревья, мохъ, и это усиліе жизни, кончающееся цвѣткомъ,—въ цвѣтахъ уже стерта печать отчаянья, въ нихъ радость бытія. И между этимъ-то взоромъ отца и воскрешающимъ трупомъ сына есть мысль и чувство, облеченныя въ свѣтъ Бога, въ плоть падшаго ангела, —человѣкъ. Ему дано узнать изящное вселенной, онъ умѣетъ радоваться небомъ, моремъ, взглядомъ подруги, и онъ не долженъ прежде уйти съ земли, покуда не постигнетъ все изящное на ней. Самая раздѣльность, о которой ты говоришь,носитъ въ себѣ начало наслажденія Божественнаго. Могъ ли бы твой образъ вѣять счастьемъ на меня, могла ли бы просвѣтляться душа твоимъ взглядомъ, ежели-бъ земля не дала намъ формы? Итакъ, сперва надобно совершить жизнь временную, а потомъ начать молитву безконечную; очищая любовью душу, прижимая къ груди всю вселенную, мы выполняемъ цѣль человѣка. А неужто наша жизнь полна теперь? Твоя—въ бесѣдѣ съ Мар. Ст., моя—съ совѣтниками присутственныхъ мѣстъ. Гармоніи надо намъ во всѣхъ частностяхъ жизни, и тогда я первый брошу этотъ переплетъ души. Я боялся прежде смерти, она худо согласовалась съ моими самолюбивыми мечтами, но когда явилась истинная любовь, проникнутая вѣрой, выше и чище понята была жизнь, и гробъ потерялъ свой ужасъ. Но, ангелъ, все хочу я выпить здѣсь на землѣ, и тогда, бросая опрокинутую чашу жизни, обратимъ взоръ благодарности къ Творцу,—и середь молитвы перейдемъ къ Нему.

Какъ дивно, изящно, высоко твое послѣднее письмо отъ 1 и 3 октября. Ну, Наташа, не правъ ли я въ томъ, что писалъ объ нашей перепискѣ. Мнѣ дальше

до твоей высоты, нежели послѣднему изъ толпы до меня. Я готовъ плакать отъ восторга. Наташа, никогда мечта моя не могла, собирая изящное отвсюду, создать существо, которое бы достойно было завязать ремень твоихъ сандалій. Люди, посмотрите на этого свѣтлаго ангела, преклоните колѣна передъ нимъ, молитесь ему,—онъ за васъ всѣхъ заслужилъ предъ Богомъ. А я подойду къ вамъ и скажу «этотъ ангелъ мой!» Имъ заплатилъ мнѣ Богъ за юность, проведенную въ одной мысли сдѣлать вамъ благо, за страданія, которыми вы мнѣ отвѣтили, за то, что я раскрылъ душу изящному, за то, что я пожертвовалъ всѣмъ любви. Вотъ какъ платитъ Богъ. Примѣръ передъ глазами, смойте же грязь, которая слоями насѣла на вашу душу, смойте хоть настолько, чтобъ видно было лицо человѣческое. Наташа, дай твою руку. Довольно! Прощай, цѣлую... цѣлую тебя. 12 октября, черезъ 10 дней 22-ое! Странно, твое письмо было въ пакетѣ, и мое въ пакетѣ,—и совсѣмъ не знаю почему, я не завернулъ въ обыкновенную форму.

Москва, октября 8.

Давно, давно я не писала тебѣ, я краснѣю сказать тебѣ отчего, и самой больно вспомнить. Но что же тайнаго отъ тебя у меня? Все хорошее и дурное передъ тобою: хорошимъ восхищайся, какъ плодомъ сѣянныхъ твоей рукою сѣмянъ, дурное исторгни и засади хорошимъ. Приготовленія къ *свадьбѣ* все шли далѣе и далѣе, ты можешь вообразить, съ какимъ отвращеніемъ ѣздила я въ городъ покупать *приданое*, но меня не трогали, и я была почти покойна, не думала объ этомъ вздорѣ, и ты царилъ во всей славѣ, въ незатуманенной, не запыленной душѣ моей. Наконецъ, Левъ Алекс. привозитъ С., и тутъ, повѣришь-ли, какъ я была покойна,—ясно представилось мнѣ все разстояніе между *ими* и мной, какъ съ высоты небесъ смотрѣла я на нихъ, пресмыкающихся долу. Объ *немъ*, что мнѣ тебѣ говорить, вѣрно тебѣ ужъ писали; всѣ его хвалятъ, на службѣ и въ обществѣ отзываются объ немъ, какъ объ отличномъ человѣкѣ, наружность непривлекательная, богатъ очень, скоро генералъ (!); но, глядя на него, ни о чемъ этомъ я не думала, свыше озаряло меня и силой и свѣтомъ, и ты былъ близко, близко меня, и мнѣ было такъ легко, весело. Тутъ я вспомнила, однако, что эта фигура преслѣдовала насъ вездѣ. Ко мнѣ былъ онъ и всѣ внимательны черезъ мѣру, даже Левъ Алекс. сдѣлался тутъ мнѣ *дядюшкой!* Все это скользило мимо моихъ глазъ и ушей, я разговаривала съ моей пріятельницей, время шло скоро, ѣдутъ... Меня обдало морозомъ, какъ до моего слуха коснулись слова к[нягини]: «милости прошу впередъ»... «Не шутка», подумала я, но вскорѣ опять мракъ разсѣялся. На другой день я все была въ волненьи, потому что ужъ надо было ждать предложенья, и вотъ, началось! Ласки, обѣщанья, всѣ выгоды жениха, всю мою обязанность, всю власть надо мною, ну, словомъ, все, все было употреблено орудіемъ, чтобъ взять съ меня слово; я миновала всѣ низости, которыя бы тутъ были даже нужны,—слова не дала, ни даже надежды на согласіе. К[нягиня] пока поступаетъ очень деликатно, заманиваетъ разными бездѣлушками, обѣщаніями и ласками; Мак. же думала поразить меня гнѣвомъ, но увидѣвши, что это слабое слишкомъ средство, ласкою, наконецъ, тобою, но осталась при томъ же. Я слышала, какъ она говорила к[нягинѣ] о тебѣ, ей это кажется невѣроятнымъ, однако она сказала: «я ни за что не позволю, и братъ не позволитъ». Теперь мнѣ глядятъ въ глаза, угождаютъ, ухаживаютъ, я все одинакова. Признаюсь, ангелъ мой, многое мнѣ было ужасно непріятно, и я какъ-то вдругъ упала духомъ и

предалась грусти, но не надолго, мысль, что, можетъ, получу отъ тебя письмо, живила, поддерживала меня. Я посылала за Emilie, присутствіе столь близкаго, роднаго существа прибавило мнѣ еще твердости, а тутъ твое письмо! И вотъ я выше всего на свѣтѣ, и ни слѣда, ни крошки отъ происходившаго, *цѣлою* душою восхищаюсь твоей любовью, люблю тебя, парю высоко надъ бездной, и ничьей силы не станетъ, чтобы низвергнуть меня въ нее изъ объятій Бога, твоихъ.

Вечеръ. Не отъ одной Emilie ждала я утѣшенія, но, вообрази мое удивленіе, всѣ, всѣ, выключая Emilie и трехъ Сашъ, уговариваютъ меня! Это ужасъ,— люди, до которыхъ доступнѣе низкое, вооружаются тѣмъ, что ты тайно обвѣнчанъ, другіе, что *это вздоръ,* что никогда не можетъ совершиться, какъ нелѣпѣйшая мечта. Грустно посмотрѣла я на мракъ, окружающій меня, на могильный холодъ, но четыре звѣзды свѣтили мнѣ привѣтно, вѣяли теплотою. О, какъ узнаешь тутъ цѣну людямъ! Какъ жалки, малы они, какъ бы удѣлилъ имъ хоть каплю жизни; зато съ какимъ наслажденьемъ, съ какимъ восторгомъ смотришь на души чистыя, открытыя всему высокому и святому, съ какимъ довѣріемъ дѣлишься съ ними, какъ свободно и взаимно переливается въ нихъ свѣтъ! Теперь-то я узнала, ангелъ мой, что весь свѣтъ — ледяная глыба, бросаемая по морю по произволу бури; громадная стѣна дѣлитъ меня съ этимъ моремъ, съ этой глыбой. Но мракъ разлуки обнимаетъ меня, въ немъ есть звѣзды—утѣшительницы, за нимъ, за нимъ—вѣчность, блаженство, Богъ, ты!...

Странно, Александръ, мое предчувствіе сбылось, я писала тебѣ, что не желала бы *никого* видѣть, для чего мнѣ теперь *они?* Вѣрю, что все это изъ доброжеланія, но что это доброжеланіе — хуже дубины. Признаюсь, это меня поразило. Только четверо... слабая опора, но мнѣ ненужно никакой. Вѣришь ли, съ увеличеніемъ беззащитности во мнѣ увеличивается сила и твердость. Съ восторгомъ чувствую я, какъ тяжелѣетъ мой крестъ, какъ отпадаетъ отъ меня земная помощь и опора; пусть погаснутъ и эти звѣзды. Ты все для меня... Какъ пріятно мнѣ, я теперь въ своемъ уголкѣ. Да, Александръ, дивна судьба наша. Смотри, какъ мало въ ней примѣси земного, какъ ярка въ ней десница Вышняго. Ты пишешь, что будущее грозно; да, виднѣются и мнѣ страшныя тучи, слышатся раскаты грома, но когда? Тогда, какъ я стою на землѣ; отвернись отъ этой юдоли—и свѣтъ безпредѣленъ, и пѣснь неба безгранна. О, ангелъ мой, какъ я счастлива! Если-бъ не посѣщала душу мою мысль, что ты грустенъ,—вся бы жизнь моя была безмрачная, безтуманная, одинъ свѣтъ, одинъ лучъ, истекающій изъ Него, коснувшійся тебя, слившійся съ тобою и возвращающійся опять къ своему, къ твоему началу. Будь твердъ, глядя на меня. Вотъ теперь-то единственное убѣжище мнѣ — храмъ Господенъ; я бы ходила ко всѣмъ службамъ, если-бъ это было возможно; неисчерпаемый сосудъ утѣшенія! Друзья—да, вѣдь, и въ нихъ есть слабость, вѣдь, и они страдаютъ, а церковь... о, тамъ ненужно ни взора, ни рукожатья, тамъ безъ покрывала вся душа, тамъ безъ занавѣса все небо. Отецъ мой, другъ мой! пусть вся земля пуста будетъ, пусть все возстанетъ противъ насъ... Видишь ли, вотъ звѣздочка, кто заставитъ ее погаснуть, кто раздѣлитъ ее пополамъ, кто? И мы такая же звѣзда, еще изящнѣйшая. Нѣтъ мѣры моему блаженству, нѣтъ мѣры моей любви; не грусти! Ежели Богу угодно, пусть тянется разлука, мы все будемъ расти, свѣтлѣть... а тамъ, а тамъ... Я бросаю перо, нѣтъ, слушай меня душою, смотри на меня душою; нѣтъ формъ, чтобъ излиться мнѣ вполнѣ, прочь земля. Александръ! Александръ!

9-го. Опять была Emilie, опять отзывный голосъ, привѣтный взоръ, и я довольна. Твое письмо ей отдала. Да, дивная душа, но на что она жалѣетъ меня, на что боится за насъ? Я готова, другъ мой, скрыть при свиданіи все, ежели ты этого хочешь, я чувствую въ себѣ настолько силы. Emilie отъ меня пошла къ маменькѣ, и пишетъ оттуда, что маменька все также любитъ меня, все *также мать мнѣ*, и цѣлыя ночи обдумываютъ съ Пр. Андр. Эрнъ мою участь; это меня ужасно утѣшило, когда-то я ихъ увижу?

Ты пишешь, что надежды еще не изсякли—пустое, мой другъ; итакъ, прочь земная опора! Съ какою гордостью, съ какимъ наслажденьемъ смотрю я и на громовыя тучи, и на тернія, и на всѣ муки, которыя еще ждутъ насъ... Мы выстрадаемъ соединеніе! Признаюсь, прежде мнѣ это казалось такъ легко, такъ возможно, и потому я не могла постигнуть всей глубины дара Господня, не могла обнять его пространства, теперь же — о! теперь совсѣмъ иное. Нѣтъ, минуты своей жизни не отдамъ я за цѣлую счастливѣйшую жизнь другого; въ каждой изъ нихъ море жизни небесной, райской. Ну. повѣришь ли, ангелъ мой, съ невыразимымъ удовольствіемъ смотрю я на всѣ эти лишенія, и удары, и поруганія. Тебѣ, тебѣ только суждено было быть отцомъ, началомъ, образователемъ моей души, тебѣ только восхищаться вполнѣ своимъ созданьемъ,—вотъ твоя слава, твое великое, а остальное-то прахъ; побѣдивъ полсвѣта, воскресивъ умершаго, ты-бъ не сдѣлалъ *столько*, какъ образовавъ такъ душу. Не гордость говоритъ это во мнѣ, это молитва созданья творцу своему.

Да, одно свиданье, одинъ взглядъ на землѣ и домой! Чего тогда намъ ждать отъ земли? Болѣе она ужъ дать не можетъ. Emilie все еще мечтаетъ о нашемъ соединеньи, о *нашей жизни;* эта мысль скользитъ только по душѣ моей, мы здѣсь въ гостяхъ, смѣшно и безсовѣстно упрочивать постоянное жилище въ чужомъ домѣ, скорѣй на родину, скорѣй до хаты!.. Почему они меня жалѣютъ? если бы они знали все, или хоть бы милліонную долю, они-бъ радовались, благодарили-бъ Бога. А ты грустенъ, о, мой Александръ! Нѣтъ, нѣтъ, восхищайся своими страданіями, благодари за нихъ Бога, дѣли ихъ со мною, какъ манну, какъ лучшій даръ Его, немногіе его достойны; во всѣхъ горечахъ умѣй находить сладость воли Его. Какъ ты хорошъ, какъ вдохновенны твои черты, сколько любви... о, мой ангелъ.

14-е. Опять долго не писала тебѣ, ангелъ мой,—надсмотръ строгъ, минуты не было. Снакс. былъ еще два раза, и меня не оставляютъ въ покоѣ. К[нягиня] дѣйствуетъ черезъ Мак., и та — засыпаю ли я, просыпаюсь ли — не отходитъ отъ меня; но, вѣдь, только изъ этого не выйдетъ ничего,—если не жить для тебя, то умереть за тебя. Эта мысль меня приводитъ въ восторгъ, ничего не боюсь! Я знаю, что за всѣ муки мнѣ будетъ дано мгновенье,—это когда я увижу твой взоръ, высшей награды не можетъ быть ни здѣсь, ни тамъ. Третьяго дня были у папеньки, я въ восхищеньи отъ маменьки, она превзошла мои ожиданья; впрочемъ, дѣйствительно-то для меня нѣтъ счастья, ни утѣхъ, — одна любовь, одна любовь! Нельзя писать, прощай, о, дивный мой, о, мой единственный Александръ.

14-е, ночь. Пять мѣсяцевъ не была я въ родныхъ, въ священныхъ стѣнахъ,—какою безопасною, какою неприступною чувствовала я себя въ твоей комнатѣ, что-то святое обнимало меня, риза непроницаемая ограждала меня отъ всѣхъ нападеній... о, святые часы! Но ты не безпокойся, я недоступна всегда. Хоть изъ пушки стрѣляй въ небо, оно все также ясно и спокойно, хоть всѣмъ зем-

нымъ шаромъ пусти въ меня, и тѣнь его не отразится на душѣ моей. Вотъ только больно мнѣ, —я вынуждена говорить неправду; Макаш. меня спрашиваетъ, не обѣщала ли я кому? Я говорю — нѣтъ. Это угнетаетъ меня, но что-жъ дѣлать? Неужели святыню отдать на поруганье, неужели подвергнуть непріятности всѣхъ, которые тутъ вмѣшаны? Это тягчайшій еще грѣхъ. Опять прощай, милый!

16-е. Тяжело на сердцѣ, жду письма. Да, много силы, много блаженства въ душѣ, но иногда она вдругъ врасплохъ взглянетъ на сущность — томительная смерть! Недѣли по двѣ и болѣе не видать родного взора, взора живого, не слыхать голоса души!.. Одинъ гулъ, одинъ ропотъ толпы, одно глупое, безцѣльное ея бушеванье... и такъ, что нѣсколько дней нѣтъ минуты отдыха! Я не отвращаю Его ударовъ, не охраняюсь отъ нихъ, но допускаю грустному звуку излиться изъ души къ тебѣ,—мнѣ легче.

Ну, что же, когда увидимся? О, ангелъ мой, наскучила мнѣ земля, какъ вездѣ душно, какъ все нелѣпо внѣ любви. Радости и горе — все блѣдно въ ея сіяньи. Ахъ, дождусь ли, дождусь ли я, когда одинъ ея свѣтъ обниметъ нашу жизнь. Много ли еще мрачнаго пути?

Нѣтъ письма, меня беретъ тоска. Ничто ужъ меня тутъ не занимаетъ, такъ грустно, такъ грустно, не смотрѣлъ бы ни на что. Зато на той недѣлѣ мнѣ будетъ награда: 22-го маменька обѣщала быть у меня съ Праск. Андр. Эрнъ. Вотъ радость! и ужъ, вѣрно, и письмо будетъ. Господи! десять бы дней я провела безъ сна и пищи, лишь бы поговорить о тебѣ съ тѣмъ, кто видѣлъ тебя въ Вяткѣ. Что за пошлая, что за тяжкая жизнь; ты трудишься, занятъ дѣломъ, вѣдь это отрадно, а тутъ... но пусть желѣзо пройдетъ по мнѣ, оцарапавъ само себя. Вѣдь, не вѣка нужны намъ, не годы, святому и изящному нѣтъ мѣры, одно мгновенье будетъ обширнѣе и полнѣе столѣтья. Съ каждымъ днемъ, душа моя, кажется, отпадаетъ отъ меня все земное, только жду твоего взора, это мгновенье будетъ *вся земная жизнь моя*, за нимъ мѣсто лишь небу. Нѣтъ вещи, которая бы меня заботила сильно, отъ души; безгранно море, не видно земли, есть она гдѣ-то тамъ... не доплыть мнѣ до нея, скорѣй кану на дно. О, любовь, о, Александръ! Тоску наводятъ на меня и разговоры людей, и стукъ ихъ, и шумъ, все это такъ громко свидѣтельствуетъ ихъ ничтожество, одна суета, одинъ тлѣнъ и прахъ кругомъ меня. Гдѣ-жъ моя жизнь, гдѣ-жъ моя душа?

17-го, вечеръ. Прощай, мой Александръ, навѣвай на меня своею святостью, силою, —я выступаю на брань. Сегодня опять былъ Сн., хотѣлъ скоро быть опять, чтобъ *переговорить*,—пусть ихъ! Необъятна твоя любовь, утону въ ней, и этимъ букашкамъ не достать меня. Полинѣ много, много желаю. Что Витбергъ? умилосердись надъ нимъ Господь!

Твоя, твоя здѣсь и тамъ.

Сегодня была Emilie, она тебѣ кланяется, благодаритъ за письмо и будетъ писать сама [1]).

17 октября.

Знаешь ли ты, мой ангелъ, какъ мать сидитъ у тѣла сейчасъ умершаго ребенка? Она видитъ, что онъ умеръ, но она увѣряетъ себя, что это сонъ, она

[1]) Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько строкъ, по-нѣмецки написанныхъ, повидимому, рукою матери А. И. Герцена: Heute habe ich fon Lichonoff seiner Frau die sein portret bekommen, soll ich sie dir schicken oder nicht auch habe ich fon ihm einen Brief an dich den ich dir mit Elegenheit schicke. *Примѣч. издат.*

еще разъ хочетъ оттолкнуть мысль холодную, мысль лишенія. Но, наконецъ, она встаетъ, и не плачетъ, все мутно, пошло, глупо, *какая-то* мысль одна завладѣла душой, но она боится опредѣлить, что это за мысль. Все принимаетъ видъ страшнаго привидѣнія, уродства. Камень на груди, камень на головѣ, свинецъ вмѣсто крови, — она поняла, что дитя, розовое, милое — теперь трупъ блѣдный, ледяной, но она не можетъ понять, что ужъ кончено, что и впередъ не будутъ тянуться эти ручки, что это смерть. Вотъ моя исторія съ надеждами. Все кончилось, это я понимаю, а что еще годъ здѣсь жить, этого я не могу постигнуть, что еще можетъ триста шестьдесятъ пять дней я не увижу Наташу, — я не могу сообразить этого. А между тѣмъ все окружающее меня приняло точно характеръ тупой глупости, нелѣпаго въ формѣ и въ идеѣ. Наташа, ангелъ, сестра, въ прошломъ письмѣ ты говорила мнѣ, чтобъ я былъ покоенъ. Ты знаешь мой огненной, бѣшеной характеръ? Помнишь ты слѣды огня, эту лаву души, ты ее отыскала въ I. Maestri — ну, этой-то душой огня, душой вулкана я люблю тебя! И быть покойнымъ! А къ тому же эта тьма непріятностей, которымъ тебя подвергаютъ теперь, — и быть покойнымъ! Вотъ я воображаю этого *господина* жениха; такъ онъ хочетъ непремѣнно сто тысячъ, ровный счетъ, и 4.000 казенныхъ процентовъ. А его убѣждаютъ: посмотрите, она *хороша собой*, — за это можно сбавить 15.000. «Такъ и быть. 10.000 руб. сбавляю». Боже мой, эту красоту, этотъ ликъ ангела, этотъ образъ Божества, всего святого для меня на землѣ, — они его мѣряютъ рублями; подлецы — продаютъ, какъ Іуда; тотъ, по крайней мѣрѣ, былъ съ характеромъ и повѣсился, а эти *три вѣка* живутъ. Я вѣдь знаю *ихъ;* какъ это все должно быть неделикатно, больно твоей нѣжной душѣ. О, Наташа, теперь я тебя уговариваю, отвернись отъ этихъ падшихъ людей къ твоему Александру, въ его объятіяхъ ты съ избыткомъ найдешь замѣну всему, поцѣлуями уврачуетъ онъ раны, нанесенныя ими. Я все перенесу, и ссылку, и разлуку, только дай мнѣ волю, когда грустно грустить. Зачѣмъ мнѣ быть покойнымъ? Вотъ бросился бы къ тебѣ, умеръ бы въ твоихъ объятіяхъ, а цѣпи-то... проклятая цѣпь гремитъ на ногѣ, держитъ ее. И чудаки люди, — имъ хочется жить въ болотѣ, по горло въ грязи; ну, живите тамъ, вамъ указана цѣль высокая, вы ее забыли. Христосъ приходилъ напомнить, но вамъ лужа и грязь практической жизни пріятнѣе свѣта веси Божіей, живите же тамъ, но оставьте же волю тѣмъ, которые не хотятъ съ вами дѣлить вашихъ гнусностей. Я ничего больше не желаю, какъ покинуть васъ всѣхъ, съ моей Наташею бѣжать. Не тутъ-то было. Тутъ родительская любовь *предупреждаетъ необдуманный поступокъ* волею, основанною на опытахъ и числѣ лѣтъ. А тутъ не знаю, какая ненависть держитъ въ толпѣ за тысячу верстъ и, какъ только хочешь подняться, бьетъ обухомъ по головѣ. У меня все внутри горитъ и кипитъ, дай твою руку, руку ангела, я ее приложу къ горячему лбу, и гармонія прольется въ душу, и стройное пѣснопѣніе любви раздастся въ ней. Наташа, — знаешь ли, что я хочу тебѣ сказать? Что я тебя ужасно, безмѣрно люблю, — и довольно.

19 октября. А вотъ тутъ рядомъ черезъ перегородку другая сцена. Тамъ художникъ гибнетъ, непонятой современниками, бѣдность, нужда давитъ, огромное семейство давитъ, а мысль необъятная, которую убили при рожденіи, давитъ больше всего прочаго. На-дняхъ какъ-то воскресъ его геній, онъ набросалъ дивный проектъ; слезою поздравилъ я его и восторгомъ. А посмотри толпу: она кричитъ, что онъ кралъ казенныя деньги. У нихъ все деньги, ихъ чувства —

четвертаки, ихъ мысли—ассигнаціи на несуществующій банкъ. Наташа, эта толпа—наши братья. J'ai l'honneur de vous saluer, mes frères. Ха-ха-ха, братья!

19 октября. Огромный, торжественный праздникъ близокъ. *Твое рожденье!* Не прибавлю ни слова. Въ этотъ день долженъ я повергнуться къ подножью Его престола и благодарить за то, что я существую. Прощай, ангелъ, прощай.

Твой *Александръ.*

---

18 октября, Москва.

Долго не получишь ты этого письма, другъ мой, и потому пусть грустные звуки льются, льются. Вѣрно скоро получу письмо отъ тебя, и пройдетъ туча, и опять одно солнце яркое, животворящее. Ты говоришь мнѣ, ангелъ: «Неси крестъ, Наташа, за меня несешь ты его». О, пусть онъ удвоится, утроится, ежели это для тебя, но почему же, Александръ, за тебя? Нѣтъ, любя, Богъ испытуетъ насъ. Я не ропщу, мой милый, но иногда силы меня оставляютъ, я сержусь на себя. И не горе изнуряетъ меня, это холодное участье, это убійственное состраданье... Фу! еще глубже узнала я теперь сердце человѣческое. Ангелъ мой, ангелъ мой, когда-бъ я на тебя взглянула! Признаюсь, я не ожидала, чтобъ дѣлали со мной такія низости, чтобъ до такой степени было черство сердце у людей, ни въ комъ, ни въ комъ нѣтъ полнаго, совершеннаго отзыва, все съ примѣсью эгоизма. А знаешь ли, кто мой чистый, вѣрный отголосокъ? Это—Саша, дивное существо! Она съ дѣтства взлелѣена мною, въ душѣ ея отразилась одна моя душа, и теперь она одна приноситъ мнѣ хоть крошку истиннаго утѣшенья. Другія—то желаютъ мнѣ знатности, богатства, то желаютъ соединенья съ тобой и вмѣстѣ съ этимъ жалѣютъ меня, иные плачутъ о настоящемъ, иные страшатся будущаго; а эта — она часто восхищаетъ меня, говоря: «какъ вамъ должны быть пріятны всѣ эти страданія, потому что они за любовь къ нему». Да, вѣренъ голосъ природы, сладко—горькое, пріятно—непріятное за тебя. Скоро должна миноваться эта туча, то-есть, тягостные визиты Снакс. прекратятся, а предстоящіе удары я вынесу легко; хотя угрожаютъ и многимъ, да и половины не сдѣлаютъ; вотъ смѣхъ, дѣлаютъ заговоръ, чтобъ застать меня врасплохъ, послать за Львомъ Ал., за попомъ, и благословить такъ, чтобъ я не успѣла образумиться и противиться имъ; а *добрые люди* спрашиваютъ: «какъ подвигается ваше дѣло, въ этомъ ли мѣсяцѣ свадьба?» Я не совершенный ангелъ и потому не могу быть всегда покойна въ срединѣ этихъ пресмыкающихся; когда-жъ одна—все забыто; ты, одинъ ты, наполняешь душу, взоръ, слухъ, ты самый, и воздухъ. Не мечтаю болѣе о той полной, артистической жизни, объ Италіи, нѣтъ! Ужъ эти мечты, отобранныя отъ сердца желѣзно-ледяною рукой, улетѣли безъ возврата; отбросить всѣ эти нечистые, предательскіе наряды, оттолкнуть тѣхъ, кто облекаетъ меня въ нихъ, рубище, власяницу вмѣсто ихъ, всевозможныя изнуренія, лишь бы доползти къ тебѣ и умереть!! Ты понимаешь, ты постигаешь меня вполнѣ, ну, скажи, что-бъ лучшее желать?

Всегда сомнѣвалась я, чтобъ кто-нибудь понялъ совершенно *нашу* любовь, теперь удостовѣрилась въ этомъ. Прощай, что-то все еще я не совершенно свободна, не успѣла придти въ себя. О, Александръ!

20-е. Всѣ, кто меня знаетъ, говорятъ, что я иду замужъ, отъ вопросовъ, отъ желаній нѣтъ прохода,—это ужасъ! Какъ всѣ въ этомъ увѣрены, какъ радуются всѣ, и ужъ моихъ силъ недостаетъ разувѣрять. Жаль мнѣ кн[ягиню],

она тайкомъ отъ меня, но такъ отъ души, съ такимъ участьемъ хлопочетъ; что странно,—сколько ни увѣряю Мак., что не пойду, чтобъ они остались въ покоѣ, «не шили-бъ красный сарафанъ, не входили-бъ попусту въ изъянъ»,—не вѣрятъ! Что-бъ мнѣ нужды увѣрять ее, но княг[иня] ее заставляетъ меня уговаривать, и я говорю съ тѣмъ, чтобъ передано было все ей. Ее огорчитъ ужасно истина, но я развѣ виновата? Жертвовать здоровьемъ, жизнью—мнѣ ничего, и то ужъ все это не мое, а жертвовать любовью, вѣчностью, тобою... Я воображаю разные толки, сплетни обо мнѣ, но все это вздоръ, все это я презираю. Кн[ягиня] говоритъ, что сгонитъ со двора при малѣйшемъ сопротивленiи, другiе, что не будутъ знать тогда меня; не боюсь и этого, слава Богу, ежели участь моя будетъ подобна *Того*, кому некуда было преклонить главы. Будущее сулитъ поношенiе и страннический посохъ тѣлу, а душѣ—душѣ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, одна любовь! одна любовь! и что за дѣло мнѣ до тѣла?

Съ дѣтства не манило меня обыкновенное счастiе, видно отъ того, что мое дѣтство было дѣтство любви высочайшей, безпримѣрной. Бушуйте люди, стихiи, все на меня, со всѣми оружiями, я одна на всѣхъ съ одной любовью. Вообрази, что всѣ, кто отъ души меня любитъ, теперь, будто, сердиты на меня и глядѣть не хотятъ за то, что всѣ усилiя ихъ тщетны, будто я въ средѣ еще новыхъ людей, у которыхъ сердце и грубѣе, и мертвѣе тѣхъ, которыми я была окружена прежде. Да, темна ночь, кое-гдѣ свѣтятъ звѣздочки чуть-чуть,... а пустынею еще долго идти, и сколько въ ней дикихъ, хищныхъ звѣрей... но, *тамъ*, тамъ за нею... идемъ, идемъ!

21-е. Вчера получила твое письмо (до 12-го окт.), ну, право, не умѣю пересказать тебѣ всего, да, кажется, это было бы и лишнее. Какъ сильна, какъ могущественна одна надпись твоей руки «Наташѣ». Еще нераспечатанное письмо въ рукѣ, а ужъ ни облачка на душѣ, ясно какъ въ вешнiй день небо, передъ появленiемъ солнца. И пришло-то оно въ самое тяжелое время, когда каждую минуту ожидаешь новыхъ гадостей, но ужъ тутъ я во весь ростъ, и непрiятельское войско—жалкая точка для меня. Дивный другъ мой! Я теперь окрѣпла надолго, а тупая пила должна изломиться скоро. Можетъ скоро, скоро допьемъ мы и самые подонки изъ горькой чаши, и тогда прямо безъ парусовъ, безъ ладьи въ океанъ наслажденiй, и то не надолго, нѣтъ, не хочу и съ тобой быть въ этой темницѣ, если-бъ мы могли жить, какъ живутъ птицы небесныя, а то эти заботы земныя, житейскiя... Ахъ, дальше, дальше, выше! Прелестна земля, божественна природа, но не здѣсь, не въ грудахъ камней, не въ душной и нечистой тѣснотѣ, а тамъ, гдѣ я не бывала никогда, на высокихъ горахъ, подъ открытымъ небомъ, въ уединеньи, тамъ поживемъ, посмотримъ на природу, другъ на друга,—и довольно, и домой! Что за жизнь въ средѣ толпы, можетъ ли она литься свѣтлой, прозрачной струей по этимъ мостовымъ, межъ этихъ домовъ?.. Но развѣ тогда мнѣ будетъ нужда, что небо мрачно или свѣтло, что я въ сыромъ подземельѣ или на цвѣтущемъ лугѣ... Тогда, тогда... о, ангелъ мой, удержи меня на землѣ.

Вечеръ. Левъ Ал. опять привозилъ Снакс., онъ съ нимъ совершенно на дружеской ногѣ; дивлюсь этому человѣку: какъ не видитъ онъ, что я не обращаю на него вниманiя, избѣгаю говорить съ нимъ, глядѣть на него, онъ вовсе не дуракъ; однако, мнѣ кажется, онъ замѣчаетъ хоть сколько-нибудь мою рѣшительность, потому что еще не говорилъ княгинѣ ничего. Вотъ несносные-то, тяжкiе часы сидѣть тутъ при немъ, я всегда стараюсь спрятаться въ уголъ, а Левъ Ал. вытащитъ меня непремѣнно и посадитъ близко къ нему или противъ.

Маменька утѣшила меня весьма своимъ вниманьемъ. Егоръ Иван. сказывалъ, что она была у Галушки, чтобъ заготовить мнѣ убѣжище въ случаѣ нужды, я была сильно этимъ тронута: среди такого холода, среди этихъ ледяныхъ движущихся массъ струя теплоты отрадна. Сидя съ *ними* битый часъ, я утомилась до крайности, бросилась наверхъ, почерпнула небесный свѣтъ изъ твоего письма, напилась жизни въ твоемъ образѣ, и снова чистая и крѣпкая явилась туда. Левъ Ал. повезъ его къ папенькѣ, онъ, вѣрно, тебѣ напишетъ что - нибудь. Ты пишешь о Макаш., я съ ней ни въ ссорѣ, ни въ ладу, она для меня какъ несуществуетъ, а укротить ее на твой счетъ невозможно ничѣмъ въ свѣтѣ, я знаю это вѣрно: она ненавидитъ тебя, маменьку и Егора Ив. и сама призналась мнѣ, что ежели я что потерпѣла отъ княг[ини] и отъ нея (*можетъ* и несправедл.), то все это за васъ. Да, мнѣ кажется, что тутъ она говоритъ правду. Слѣдственно, оставимъ ее въ покоѣ, да и какія она можетъ сдѣлать еще непріятности *большія*, —кажется нельзя! Все это пустое, другъ мой, мнѣ ни о чемъ этомъ и думать не хочется.

Прощай, 12-й часъ, а я пойду къ заутренѣ, велятъ ложиться. Вѣрно, ангелъ мой, ты теперь мечтаешь обо мнѣ. О, жалкіе! какъ напрасны всѣ ваши усилья, посмотрите вверхъ, но чистою душой,—вонъ тамъ высоко, въ вѣчномъ сіяньи, въ блескѣ славы небесной, въ эфирной пеленѣ святая, великая, божественная любовь, безначальная, безконечная, нераздѣльная, какъ Богъ, и тамъ, гдѣ вы стоите и куда вы глядите, вамъ кажется она тамъ мужчиной и женщиной, вы ихъ думаете разлучить, употребить по своему соизволенью, куда и какъ надо,— бѣдные! жаль васъ, жаль. Прощай же, руку.—дай Богъ, чтобъ ты увидѣлъ меня во снѣ, и я тебя. Я не могу быть вовсе грустна, недавнее письмо обливаетъ душу небесною радостью, что-то ты, что-то ты?

3 часа ночи, благовѣстъ къ заутрени; можетъ и ты проснулся, мой Александръ, и я въ мечтѣ передъ тобою.

23-е. Это ужасно, цѣлый день вчера я ждала съ нетерпѣніемъ вечера, чтобъ отдохнуть, сказавъ тебѣ нѣсколько словъ, и вообрази — невозможно было. Ну, что, другъ мой, сказать о 22-мъ? Ты живо можешь вообразить: чужое и чужое, холодъ и холодъ; середь всего этого проглянетъ и живое чувство, теплое, то это цвѣтокъ, занесенный на сѣверный полюсъ, коротка жизнь его, ненадежна, и красы въ немъ вовсе нѣтъ. Много думала я вчера и о Александрѣ Лаврентьевичѣ, этотъ день долженъ быть посвященъ ему во вѣки, благо, которое онъ сдѣлалъ для меня не имѣетъ цѣны, и благодарность ему безконечна. Маменька не была у меня; какъ ни грустно мнѣ это, но я сама посовѣтовала бы ей не ходить ко мнѣ, чтобъ не навлечь ей непріятностей тѣмъ. Одно начало этого дня было хорошо, торжественно, потому что я провела его въ храмѣ, послѣ же меня все душили безпрерывно. Вечеромъ пріѣхала ко мнѣ Маша Эрнъ; ей я ужасно была рада, прелестный ребенокъ, и къ тому же съ *запахомъ Вятки*, а ужъ этого довольно, чтобы привесть въ движеніе всю душу. Блѣдный лучъ, — но какой же лучъ не отраденъ въ самую мрачную ночь.

Боже, какою сиротою я въ этой толпѣ, какое одиночество... Но, ей-ей, это не ропотъ, клянусь, несу все съ восторгомъ, и недостойна была бы тебя, если-бъ несла съ однимъ терпѣньемъ. Каково это, Александръ, *20 лѣтъ, какъ я на землѣ!* Загостились мы съ тобою, ангелъ мой. Я жду одного свиданья, ежели Ему угодно, то сколько-нибудь пожить еще здѣсь только далеко отъ всѣхъ, съ однимъ тобою, и туда, туда! Дивно, какъ всегда занимала меня мысль читать *тогда* съ

тобою наши письма, все хотѣла написать тебѣ, но ты предупредилъ. Господи, какая бы свѣтлая, поэтическая, какая бы святая была наша жизнь. Ужъ ежели не жить ею, то ужъ не жить вовсе! А мнѣ желаютъ генеральской жизни,—фу, какая гадость! Да теперешній мой плѣнъ въ милліонъ разъ сноснѣе. А когда воображу себя рабою твоею... о, съ какимъ наслажденіемъ произнесла Матерь Господа: «я раба Господня»,—это рабство превыше всякаго владычества земного.

24. Опять былъ С., а мнѣ каждый разъ все кажется, что въ послѣдній; неужели онъ не замѣчаетъ невниманія? Странно. Ну, Богъ съ нимъ. Много, много, Александръ, придаешь ты мнѣ, впрочемъ, что-жъ дивнаго для *твоего созданья!* Прощай, спѣшу, не будь грустнымъ на свадьбѣ Полины, можетъ и она будетъ на твоей. Цѣлую тебя, ангелъ мой, другъ, душа моя! Твоя, твоя вся.

20 октября, Вятка.

Ангелъ мой, Наташа! Ну, наконецъ, переломъ миновалъ,—я выздоровѣлъ душою. Судорожная боль прошла, я спокойно взглянулъ на свое положеніе, Господь далъ новыя силы. Слава Богу! Ну, слушай же, какъ это было. Ты видѣла изъ двухъ, трехъ послѣднихъ писемъ, что душа моя страдала, — сколько слезъ пролила ты, ангелъ надъ ними! Наконецъ, тѣло уступило душѣ, я занемогъ — и не дивенъ ли Господь — эта ничтожная болѣзнь вылечила сильную боль души. Совершенно одинъ сидѣлъ я въ моей комнатѣ эти дни, изрѣдка посѣщали меня, но больше былъ я одинъ. Не знаю, какъ мечты черныя улеглись, твой образъ, какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, вырѣзался величественно, кротко, спокойно, —и воскресла сила. Теперь я здоровъ и тѣломъ. Моя грусть приняла видъ скорбной печали, а не жгучей, ядовитой боли, какъ было до этого. Мысль о будущемъ блаженствѣ нашемъ возсіяла надъ пропастью настоящаго. Помнишь ли, ангелъ, ты мнѣ писала, и именно какъ средство разсѣянія, чтобъ я писалъ мою жизнь; я исполнилъ твой совѣтъ и онъ тоже помогъ мнѣ. Я описалъ отдѣльными чертами все мое ребячество отъ 1812 до 1825. Боже мой, какъ эти алыя пестрыя воспоминанія заняли меня. Первое воспоминаніе похоже на первый взглядъ вдаль, видишь однѣ крупныя массы, но смотри дальше, и мало по малу начнутъ оттѣняться подробности. Такъ и съ моими воспоминаніями, одни тѣснятся за другими. Когда отдѣлаю первую часть подъ заглавіемъ «Дитя», пришлю тебѣ. Я вижу, что ежели буду продолжать, то почти всѣ статьи взойдутъ въ эту общую статью; впрочемъ, я далъ себѣ слово не писать никакъ дольше 1835, это время и слѣдующіе три года тогда только буду писать, когда увижу тебя во второй разъ. Эти спокойные, тихіе три-четыре дня убѣдили меня еще разъ, что чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ лучше; я жалѣю теперь, что я живу не одинъ: я заперся бы кругомъ, мечталъ бы, фантазировалъ, и свинцовое время шло бы далѣе. Но въ сторону эгоизмъ, было много причинъ, почему я живу не одинъ, и между ними есть столь священныя, что можно пожертвовать для нихъ своимъ удобствомъ. Прощай, моя милая, мой другъ, прощай.

22 октября. День рожденья моей Наташи, день воплощенія ангела,—слезою молюсь—великъ, необъятенъ Богъ въ благости своей.

Посылаю тебѣ фантазію, которую я написалъ для этого дня,—она мнѣ нравится. Посылаю тебѣ поцѣлуй пламенный, поцѣлуй любви безконечной. Писать рѣшительно не могу, душа такъ полна, такъ полна, чувства такъ сильны, что я не могу настолько ихъ охладить, чтобъ писать,—ты поймешь.

Годъ тому назадъ ты получила портретъ. Годъ тому назадъ ты писала: «Былъ великій день для меня 9 апрѣля, будетъ другой великій день, это—наше свиданіе. Первый—луна, послѣдній—солнце, а нынѣшній день—звѣздочка между ними». О, съ какимъ восторгомъ читалъ я твое письмо тогда, весь небесный огонь перенесся на бумагу и отогрѣлъ мою душу. Много было прелестныхъ минутъ въ нашей разлукѣ, Наташа, несчастья наши заключаютъ въ себѣ больше блаженства, нежели *ихъ* счастіе. Я сейчасъ перечитывалъ твое письмо отъ 22 октября 1836 года. О, мой ангелъ! Вотъ весь этотъ день у меня передъ глазами. Дождь, и нѣтъ надежды, чтобы пріѣхалъ папенька (тогда онъ прекрасно поступилъ, ежели бы всегда такъ!). Вотъ вы садитесь за столъ. Карета; вотъ онъ входитъ. Наконецъ. портретъ въ твоихъ рукахъ. О, это была торжественная минута въ твоей жизни, это была одна изъ тѣхъ минутъ, которыхъ пять, шесть даритъ небо изъ рая земной жизни человѣка. Много восторговъ испыталъ я, восторговъ дружбы самой чистой, восторговъ симпатіи, восторговъ самолюбія (о, и они сильны: доселѣ живы въ памяти поздравленія цѣлой аудиторіи, когда я читалъ лекцію при министрѣ), но что всѣ они передъ 9 апрѣля. А когда я получилъ твой браслетъ (сегодня весь день онъ будетъ на мнѣ)! — Что-то нынче ты дѣлаешь? Ахъ, скоро ли, скоро ли придетъ тотъ день желанной? И чѣмъ больше страданій, чѣмъ больше обманутыхъ надеждъ, тѣмъ больше въ немъ блаженства, тѣмъ прелестнѣй будетъ *надежда исполненная*. Прощай — тѣсно что-то въ груди. Полина тебя поздравляетъ и Витбергъ. Прощай же!

23 октября. Ну, вотъ и этотъ день прошелъ. Вотъ ужъ за роднымъ днемъ явился другой, посторонній, чужой. Идетъ время съ своимъ гордымъ пренебреженіемъ. со своей холодной неумолимостью. Твое рожденіе я провелъ не такъ. какъ хотѣлъ, я недоволенъ собой. Какъ нарочно, посторонніе люди мѣшали весь день предаться мысли о тебѣ. Какъ сѣрыя облака, мѣшали они свѣтить солнцу. —Нѣтъ, я дурно выразилъ, что хотѣлъ, въ фантазіи; вчера я ее похвалилъ сгоряча. Но прими ее какъ маленькій цвѣтокъ. подносимый любовью.

26 октября. Вотъ твои письмы отъ 8 до 14-го. Ангелъ мой, сердце облилось кровью. Я все прочелъ, чего ты *не писала* Надобно дѣйствовать,—писать ли къ папенькѣ? Ахъ, ежели-бъ можно было надѣяться, что Прасковья Андреевна возьметъ тебя къ себѣ; Боже мой, я поцѣловалъ бы ногу ея. Но боюсь и думать, я отвыкъ вѣрить въ благородные порывы. Наташа, разъ мы увидимся непремѣнно, этого я требую отъ Бога. Тогда пусть бьетъ буря въ нашу грудь. Но послушай, ежели тебя, нѣжной цвѣтокъ, они сломятъ до моего пріѣзда, и ежели въ крайномъ обстоятельствѣ не поможетъ письмо *къ папенькѣ*, тогда мы свели наше счеты, тогда мы чужіе. Фу, какая пустота у меня передъ глазами, и пульсъ бьется въ головѣ, какъ молоткомъ. Наташа, тогда я съ ума сойду и принесу на новоселье одну любовь, одну любовь. Твой, твой Александръ. Ей Богу, они и предвидѣть не могутъ, что дѣлаютъ,—вотъ одно извиненіе имъ.

25-е октября, Москва

Вчера была у меня Emilie, вотъ что она сказала: «Наташа, если-бъ я услышала. что ты умерла, я бы съ радостью перекрестилась и поблагодарила бы Бога». Права она много. но не совсѣмъ. Душа ея, живущая однимъ горемъ, поняла вполнѣ страданія моей души; но блаженство. но рай, которымъ наполняютъ ее любовь и молитва, едва ли кому-нибудь въ свѣтѣ доступны вполнѣ. Мрачность настоящаго

неизмѣрима, неисчерпаема горечь будущаго, но это только капля горькаго въ океанѣ сладкаго, пылинка—противъ солнца. Тайна, непостижимая тайна для всѣхъ, моя любовь, ей никогда не существовало ничего подобнаго... Когда устанешь отъ безпрерывной борьбы, когда не находишь силъ къ приготовляющимся нападеньямъ, когда завѣса, отдѣляющая отъ насъ будущее, становится мрачнѣе, непроницаемѣе, когда свѣтящія за ней звѣздочки гаснутъ, гаснутъ... О! Александръ, еще я слишкомъ слаба, еще много земли въ душѣ. На слова мои не обращаютъ вниманья, не слушаютъ ихъ, даже обручальныя кольца готовы, *онъ* дѣлается внимательнѣе, и папенька писалъ нарочно къ к[нягинѣ]: «Лучше этого жениха нельзя ждать и желать не должно»? Ему же велѣно сказать, чтобъ надѣялся. Я бы сказала ему рѣшительно, но онъ не адресуется ко мнѣ, и нѣтъ случая быть наединѣ. Впрочемъ, что-жъ такое, вѣдь, только перенесть непріятности, а насильно отдать не могутъ. Вѣрно пап[енька] будетъ тебѣ писать, *отвѣчай* ему.

26-е. Что я вытерпѣла сегодня, мой другъ, этого ты не можешь себѣ представить. Нарядили меня и повезли къ Свѣчиной, дама, которая съ дѣтства моего была ко мнѣ милостива чрезъ мѣру; я вовсе тутъ не подозрѣвала ничего, что же вышло? Къ нимъ каждый вторникъ ѣздитъ Снакс. играть въ карты; вообрази мое положеніе: съ одной стороны, старухи за карточнымъ столомъ, съ другой—разныя безобразныя фигуры и *онъ*. Въ первый разъ я въ такомъ обществѣ: разговоръ, лица — все это такъ чуждо, странно, противно, такъ безжизненно пошло, я сама была похожа болѣе на изваяніе, нежели на существо живое, и все происходящее казалось мнѣ тяжкимъ, удушительнымъ сномъ. Я, какъ малый ребенокъ, безпрерывно просила ѣхать домой, меня не слушали. Вниманіе хозяйки и гостя задавило меня, онъ даже написалъ мѣломъ до половины мой вензель. Боже мой! существо, обладающее только деньгами, чинами (добротою, можетъ быть) смѣетъ думать соединить свой бредъ съ моею небесною жизнью, исполненною рая, любви, восторговъ неземныхъ, исполненною однимъ тобою ...Это величайшая изъ обидъ. Защити, Александръ, моихъ силъ не достаетъ. Ужъ когда эта дама вмѣшалась, тутъ... Словомъ, ни на кого не могу опереться изъ тѣхъ, которые бы могли быть опорою, одна на краю пропасти, и цѣлая толпа употребляетъ всѣ усилія низвергнуть меня въ нее. Иногда устаю, силы слабѣютъ, и нѣтъ тебя вблизи, не видно тебя вдали... Но одно воспоминанье—и душа встрепенулась, готова снова на бой, въ доспѣхахъ неба и любви; одно дуновеніе твое, и я перелечу пропасть и ступлю на родной берегъ!.. Ежели папенька будетъ писать что-либо, похожее хотя на это, не молчи; станутъ говорить мнѣ, я буду отвѣчать, но надо, чтобъ *мои* узнали отъ папеньки сперва, пускай тогда утроятся страданья, они будутъ *прямо* за любовь, а не за скрытіе ея; такъ думаю я, но да будетъ твоя воля, мой Александръ. Божественный! о, какъ бы вырвалась я изъ этихъ освѣщенныхъ, душныхъ клѣтокъ, изъ этихъ сѣтей, сплетенныхъ изъ жалкихъ, низкихъ тварей, какъ бы сбросила оковы политики и приличья, испустила бы послѣдній звукъ у твоего подножья, какъ разбитый тимпанъ.

28-е, четвергъ. Свинцомъ налита грудь моя, ихъ нѣтъ дома, и я скорѣе къ тебѣ, къ тебѣ, спаситель мой! Сказавъ съ тобой нѣсколько словъ, хоть черезъ бумагу, я много окрѣпну, много силы и свѣта вольется въ усталую душу. Вчера опять былъ Снакс., я не ожидала его, а то сказалась бы больной. Чтожъ, долго ли будутъ душить меня эти посѣщенія?.. но скоро разразится туча, кажется, онъ имъ назначаетъ день помолвки, рѣшится все, черезъ край польется горькая чаша, и я допью ее до дна, до послѣдней капли, слава Богу за эти испытанія!

Вообрази, они, желая очистить свою совѣсть, призвали священника, и княг[иня] спрашивала: не грѣхъ ли будетъ отдать насильно? Священникъ этотъ преглупый, такъ занятъ интересомъ и всѣмъ житейскимъ, что не похожъ вовсе на служителя Господня; онъ сказалъ, что это будетъ еще богоугодно—*пристроить сироту!* Его познакомили съ Снакс., тотъ помогаетъ ему въ какихъ-то дѣлахъ и велѣлъ быть ему у насъ въ назначенное время, можетъ, хотятъ, чтобъ онъ и благословилъ насъ. Этому не бывать! я пошлю за своимъ духовникомъ, открою ему все, онъ съ душою, пойметъ меня и защититъ. Легко, легко теперь на сердцѣ, дивный рай въ душѣ моей. Сколько разъ, Александръ, я упрекаю себя за то, что пишу тебѣ объ этихъ непріятностяхъ, сколько разъ принимаю твердое намѣреніе скрыть все,—и не могу. Меня задавило бы это, убило, а то, сказавъ тебѣ, кажется, я слышу и голосъ твой, и слова утѣшенья, наставленья, послѣ ужъ я дѣйствую смѣло и свободно. Прощай, кто-то пріѣхалъ.

29, пятница. «Да мимо идетъ меня чаша сія,... но яко же ты хочешь»... Вотъ твое письмо до 19-го... Что-жъ! бейте меня, ругайтесь надо мною, куйте крѣпче оковы, тяжелѣй цѣпи, не оставляйте въ аду ни капли, лейте, лейте все на меня,—вы не услышите отъ меня ничего, кромѣ: Александръ! Во взорѣ моемъ не встрѣтите и тѣни упрека, ему нѣтъ въ немъ мѣста, терзайте меня, распинайте,—«Александръ, Александръ!» будетъ вмѣсто: «отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ»,—это слово тоже молитва, святая, полная... О, жизнь моя, моя молитва, мой Александръ! гроза въ глубинѣ души. Дай руку, посмотри на меня, дохни на меня... Грусти, грусти, я знаю эту грусть. Но, ангелъ мой, ужель не станетъ силы перенесть? Я перенесу, я это чувствую, пусть все время разлуки будетъ какъ одинъ день смерти, пусть тѣло наше истаетъ, какъ воскъ, лишь бы вмѣстѣ, обнявшись, переступить порогъ, вмѣстѣ взойти *туда!* Ахъ, тяжело. Я не могу еще понять вполнѣ, не могу повѣрить, не знаю, что со мной, а что-то тяжело въ груди, тяжело въ душѣ, будто я спеленута въ желѣзо... а ты не дальше отъ меня, нѣтъ, никакой преграды не вижу, только не могу достать тебя. Другъ мой, какъ черно кругъ меня, какъ холодно, о, страшно! и сквозь эту мглу уроды, чудовища какія-то все выглядываютъ, а изъ глазъ ихъ сыплется снѣгъ, и дыханье ихъ смертоносно. Ангелъ-хранитель, не покидай меня! хоть бы только шелестъ шаговъ твоихъ услышать мнѣ... нѣтъ, тихо, тихо. Господи! нѣтъ словъ. Онъ все видитъ. Онъ все знаетъ, но не будемъ же унывать, не будемъ, другъ для друга. О, нѣтъ! но, вѣдь, и самая кручина эта, самая болѣзнь души священна и мила, какая полнота въ этомъ горѣ, въ этихъ страданіяхъ; жаль будетъ разстаться съ этими ранами, онѣ такъ святы, такъ больны, такъ печать божественнаго. О, ангелъ мой! о, дивный мой! А воскресенье готовитъ мнѣ сюрпризъ—сговоръ! И сколько говорятъ, сколько говорятъ! Фу, какъ все гадко, какъ похоже на тучу *саранчи,* но *хлѣбъ* не земной, не руками людей сѣянъ онъ, не для людей; эта саранча не сдѣлаетъ вреда этому хлѣбу ... [вырвано] сама съ голода. Прощай, другъ мой, братъ, отецъ, все благо жизни и вѣчности!

30-е. Вотъ платье, вотъ нарядъ къ завтраму, а тамъ—образъ, кольца, хлопоты, приготовленья, и ни слова мнѣ! Приглашены и Насакины и другіе; они готовятъ мнѣ сюрпризъ, и я имъ готовлю сюрпризъ. Княгиня, не прямо мнѣ, а все обинякамп, говоритъ, что тотъ будетъ убійца, кто огорчитъ ее,—это страшно, я убійца! Да неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ огорчитъ ее,—она переносила и не это; но лѣта, слабость — избави Богъ! Что-жъ мнѣ развѣ топиться для ихъ удовольствія? Что за кутерьма, сколько сплетней, небылицъ, все перенесу, все,

что течетъ мимо меня. А бѣдная Саша что претерпѣваетъ, дивное созданье, ей и награда велика, люблю ее какъ сестру; не разстанусь съ ней, а ежели будетъ необходимо, то ненадолго.—Ты не можешь представить себѣ, какъ далеко разнесся слухъ объ этомъ сватовствѣ, кто никогда и не слыхалъ обо мнѣ, чрезъ это узналъ *коротко*, да и о тебѣ тоже, всѣ и вездѣ говорятъ: «у нея есть съ *кѣмъ-то связь*, женихъ узнаетъ, плохо будетъ»,—и тому подобное, это ужасъ, ужасъ.

Вечеръ. Итакъ, одинъ Богъ знаетъ, когда ты пріѣдешь, зачѣмъ же ужъ писать папенькѣ, а если будетъ необходимость, не огорчай его, не серди, мой ангелъ, ты его единственное утѣшеніе, и *только ты*, болѣе никого, помни это, и, стремясь къ своему блаженству, не забывай, что ты сынъ, и будь имъ вѣчно. Теперь происходятъ совѣщанія, здѣсь Левъ Ал.; мнѣ душно стало тамъ, и стѣны тѣ постылы, и воздухъ противенъ тѣхъ комнатъ. Странно, все мнѣ кажется, что я здѣсь только на нѣсколько часовъ, что скоро пора укладываться, прощаться, а куда и зачѣмъ—не знаю, да, только *кажется*, а на самомъ-то дѣлѣ ночь, ночь впереди, безгранная мгла.—Ты уговариваешь меня,—ненужно, другъ мой, я умѣю отворачиваться отъ этихъ ужасныхъ гнустныхъ сценъ, куда тянутъ и меня на цѣпи, чтобъ заставить кривляться по своему; твой образъ всегда сіяетъ надо мною, за меня нечего бояться, и самая грусть, самое горе такъ святы, такъ сильны, такъ крѣпко обняли душу, что отнимать ихъ - сдѣлать ей еще больнѣе, открыть раны.

Нѣтъ, право, это что-то непонятно: какъ три года ужъ, и еще не видать долго, долго... и еще много *также* протечетъ время... Мысль эта такъ чужда, такъ необыкновенна, такъ страшна, что не можетъ никакъ взойти въ мою душу, одно приближеніе ея обноситъ холодомъ и заставляетъ трепетать. О, теки мимо, мысль -убійца, не заглядывай въ рай, не касайся дверей его, онъ погаснетъ, онъ исчезнетъ, ты убьешь его... А вѣра? а любовь?.. ихъ крылья, ихъ щиты, развѣ они ни къ чему не служатъ. Ступай, убійца, ступай, между этихъ двухъ ангеловъ твоя сила, твоя власть ничтожны подлѣ нихъ, ступай въ душу мою до самаго подножья престола Царя ея, а тутъ ты умрешь сама, ты не вынесешь свѣта и блеска лучей его, не вынесешь святыни.

Ночь. Ребячествомъ, или какъ хочешь, назови то, что было со мной. Давеча, написавъ къ тебѣ, мнѣ все еще хотѣлось говорить съ тобой, и вотъ я переношусь къ тебѣ, исчезаетъ все, твой взоръ, твоя рука, и прежнія мечты воскресли вновь, прошли тучи, и ни одна пылинка не возмущала души. Я была весела, какъ ребенокъ, съ улыбкой явилась къ нимъ, и скотство ихъ не дѣлало ни малѣйшаго вліянія на меня, но вдругъ явилась мысль: «можетъ, онъ теперь грустенъ, можетъ, предъ его взорами одна пустота, на призывы души его—безмолвіе»—и тяжко, тяжко стало такъ, и легче бы было мнѣ разбиться о мостовую вдребезги. О, какъ вырвался бы отсюда, какъ помчался бы къ тебѣ стрѣлою, Господи... Нѣтъ, ужасно, несносно безъ тебя, Александръ, бросилась бы въ ноги государю, но какъ сыскать случай?.. О, ангелъ мой, тяжко, больно грудь.

31-е. Слава Богу! сегодня *онъ* не былъ, слава Богу! можетъ, до него дошло что-нибудь, и онъ раздумаетъ. Въ какомъ смущеньи *они*, всѣ хлопоты и убытки понапрасну! Прощай, ангелъ мой, 8 часовъ вечера, я отдохнула, цѣлый день дрожала: не страшно, вѣдь, а такъ, глупость. Господь съ тобою, душа моя, обнимаю, цѣлую тебя.

Твоя *Наташа*.

Хоть бы умилосердился Господь,—далъ бы мнѣ увидѣть тебя во снѣ, и этого утѣшенья я лишена. Прощай.

29 октября, Вятка.

Что съ тобою, мой ангелъ? Какъ ни говори, а время ужасное. Униженіе и беззащитность. Помнишь, при началѣ 1837 года, я уныло обратился на 1836, я ему сказалъ, что моего благословенія онъ не унесетъ въ вѣчность. Сколько было мечтаній оперто на 1 января 1837. И что же? только два мѣсяца остается ему, а какимъ были остальные 10 измѣнникомъ, растворившимъ сердце надеждами и полившимъ уксусу и яду въ растворенное сердце! — Опять мгла около души. Блаженство мое я понимаю и умѣю наслаждаться имъ, не взирая на грязь, которую мечетъ толпа, но слишкомъ тягостенъ крестъ, я чувствую, что мои рамена начинаютъ дрожать отъ физической невозможности. Наташа, въ тюрьмѣ я молчалъ и въ ссылкѣ изрѣдка грустной голосъ вырывался. Обманутыя надежды растравили раны, и на нихъ-то свѣжихъ, кровавыхъ пала мысль твоего положенія. Тебя терзаютъ,—я знаю, что душою ты выше, что ты тверда моей любовью, что ты моя небесная, святая дѣва,—но именно то чувство безащитности, о которомъ ты разъ писала, ужасно. Огромной, большой шаръ, и ни одной руки, которая бы хотѣла спасти, а та одна, которая пойдетъ на отсѣченье для тебя, на той гремитъ цѣпь. Дивенъ міръ, и ко всему самому печальному примѣшивается смѣшное. Читая второй разъ твое письмо, я расхохотался: у кого въ головѣ родилась мысль, что я тайно обвѣнчанъ—это геніальная голова. Вотъ нашли средство,—истинно скоты!—Однако же, Наташа, я тебѣ и себѣ сдѣлаю одно замѣчаніе. Мы похожи на дитя, которое, не понимая хорошо слѣдствій, высѣкаетъ огонь надъ бочкой пороха. Смотри, какъ легко нѣсколько разъ въ нашей перепискѣ являлось слово Смерть, а, вѣдь, это слово ужасное, одно выраженіе твоего послѣдняго письма разорвало мнѣ сердце. Я готовъ перейти въ то обширное и свѣтлое бытіе, я не раскаиваюсь въ моей жизни, она прелестна была подъ вліяніемъ дружбы и любви, я не хочу отъ людей ничего больше. Но лишиться тебя — о, это ужасно... чуждымъ, безпріютнымъ скитаться по этой мрачной землѣ; я знаю, взоръ къ небу будетъ тогда взоръ на тебя, но какая жгучая слеза канетъ всякой разъ. Представь себѣ ту жизнь гармоніи и любви, прелестную жизнь, которую мы можемъ *здѣсь* найти... и лишиться ея, и быть одному, потерянному, какъ песчинка въ горѣ. Нѣтъ, перестанемъ играть этой чудовищной мыслью. Смерть была наказаніе падшему человѣку, она не входила въ чертежъ Творца. Смерть была уступка земному началу.

Выраженіе въ твоемъ письмѣ чуть не переломило меня, изъ него я понялъ весь ужасъ твоего положенія. Храни себя, мой ангелъ, храни для Александра, соверши начатое: ты ему указала небо, дай же насладиться имъ, и тогда, тогда вмѣстѣ туда. Пусть солнце ни разу не встрѣтитъ одинъ изъ нашихъ взоровъ. О, Наташа, страшно вспоминать утраченное блаженство, прочти Абадонну и ты узнаешь.

31 октября. Сегодня видѣлъ я тебя во снѣ. Ты была блѣдна, вся въ слезахъ, и на лицѣ видны были слѣды печали и огорченія. Я взошелъ, ты бросилась въ мои объятья, и мы долго стояли такъ. Я проснулся, и первая мысль представилась, что, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ты вся въ слезахъ, но я не приду утѣшить. Ужасно мое настоящее положеніе, я не знаю, чего бы не отдалъ за возвращеніе. Жить спокойно, недѣлю ждать вѣсть, — и знать, что тамъ безпрерывно мучаютъ ее... О, какимъ испытаніямъ люди подвергаютъ дерзкихъ людей, мечтающихъ подняться надъ толпою. Вотъ такія-то минуты жизни старѣютъ

годами человѣка, это предѣлъ, на которомъ человѣкъ или удержится десницею Бога, или падаетъ въ пропасть. Я наваливаю на себя тьму дѣла, чтобъ всегда быть занятымъ постороннимъ, а въ свободное время ищу шума и людей. Минуй же, горькая чаша! Ибо этотъ шумъ и эти занятія, это все одна ложка лекарства, растворенная въ цѣломъ сосудѣ яда.

1-го ноября. Получилъ твое письмо отъ 24 октября. О, ангелъ, сколько ты страдаешь. Не лучше ли прямо имъ сказать? Пап[енька] мнѣ ни слова не пишетъ, онъ боится начать рѣчь, — по первому слову я ему сильно выскажу истину. Тогда молчать будетъ преступленіе. Наташа, объ одномъ умоляетъ тебя твой Александръ, у ногъ твоихъ, береги себя, береги изъ любви ко мнѣ; эти отчаянные звуки, которые прежде никогда не вырывались изъ твоей души, ужасаютъ меня. Бога ради, взгляни на эту слезу на моей рѣсницѣ и береги себя. Умоляю, прошу, приказываю.

Жму руку твоей Сашѣ; изъ того, что ты писала, я вижу прекрасную душу. Клянусь ей, что или я буду очень несчастенъ, или я устрою ея будущность. Подъ этимъ я не разумѣю матеріальный даръ, нѣтъ, я хочу этимъ сказать, что я ее исторгну изъ того гадкаго положенія, въ которомъ она теперь.

Въ этомъ письмѣ опять ужасное выраженіе: «жертвовать здоровьемъ, жизнью — мнѣ ничего, и то уже все не мое»! Наташа, другъ мой, и ты это говоришь мнѣ, какъ будто твоя жизнь не есть моя принадлежность, моя жизнь. Фу, эта ночь цѣлой жизни, это одиночество, это отчаяніе... Нѣтъ, можетъ я ошибаюсь, что самоубійство есть преступленье. Для чего я буду жить, когда не будетъ ея, можетъ ли быть преступленьемъ то, что соединитъ меня съ тобою. Жить и знать, что тебя нѣтъ, — это ужасно; впрочемъ, Богъ милостивъ, у меня довольно слаба грудь, и этого удара ей не вынести. Наташа, намъ необходимо увидѣться, и я уже почти согласенъ, ежели не въ Москвѣ, такъ здѣсь. Только ничего не предпринимай безъ моего совѣта. Ежели эти люди такъ низки, что ты должна будешь ихъ оставить (а впрочемъ, при первой достаточной причинѣ, я очень былъ бы радъ, чтобъ тебя не было у кн[ягини]), то Галушка человѣкъ съ доброй душою, я его знаю; а ежели бы можно къ Пр. А. Эрнъ, — я буду къ ней писать. За что такъ жестоко преслѣдуетъ тебя судьба?

2 ноября. Времени нѣтъ. Прощай. Не забудь, ангелъ, хранить себя, какъ сокровище, принадлежащее Александру.

Прощай. Богъ и любовь! Твой *Александръ*.

1-го ноября, Москва.

Опять туманъ на душу, опять капля ядовитой росы на больное сердце. Люди! на что это участье, на что вниманье ваше, *отчего* эти совѣты? Другъ мой, лучше бы весь свѣтъ меня забылъ, лучше бы онъ возненавидѣлъ меня. Отъ кого я *не ожидала*, тѣ совѣтуютъ мнѣ «*обдумать хорошенько прежде, нежели рѣшусь отказать*», — о чемъ же мнѣ думать? развѣ нужно размышленіе въ выборѣ ада или рая? пускай же думаютъ они, имъ долго и серьезно надо заняться этимъ, мѣрить, вѣшать, считать, да и досугъ имъ. А я не разстанусь съ моимъ небомъ, не отвернусь отъ лица твоего, не сойду въ эту пучину. Однако, послѣ многихъ трудовъ, можетъ, они сильнѣе убѣдятся въ превосходствѣ ада; тамъ такое жаркое полымя, а для небеснаго, святого сіянія рая они слѣпы; въ аду и звуки сильнѣе и громче, тамъ и трескъ, и шумъ, и стоны — такое разно-

образіе! А дивная гармонія неба, божественная пѣснь ангеловъ не проникаетъ ихъ слуха; тамъ такъ много матеріальнаго, здѣсь -- одинъ Духъ... Больно, больно: о. зачѣмъ они люди! только дай Богъ забыть о нихъ. Когда же, Господи, когда же?..

Снакс. не былъ; это удивляетъ и пугаетъ всѣхъ, одна я не нарадуюсь. Не услышалъ ли и онъ о тебѣ, человѣкъ его все знаетъ, — дай Богъ; впрочемъ, понедѣльникъ тяжелый день, по его замѣчанію, а легкій — вторникъ. Что-то будетъ завтра? хуже всего то, что ужъ онъ не требуетъ денегъ и говоритъ, что ничего ненужно; это въ двадцать разъ увеличитъ непріятности. Но пройдетъ все, настанетъ пора... о, Александръ!

2-е. Душа моя, грустно мнѣ, вотъ какъ грустно, зато Богъ далъ мнѣ видѣть тебя во снѣ, слава Ему! О, дивный сонъ! Ты пришелъ къ намъ, только говорить нельзя, смотрѣть нельзя, мы украдкою пожали другъ другу руку, я проснулась отъ восторга и на яву не могла удержаться отъ радостнаго восклицанія; но блестящія мечты скоро разлетѣлись, и опять холодный, сырой, темный день, день пустой, непривѣтный, равнодушно грозящій желѣзною рукою... А сколько ихъ еще впереди? Нѣтъ опоры, какъ будто въ соединеніи съ тобой всѣ видятъ гибель мою, можетъ быть и твою, никто не хочетъ помочь, а кто всей душой бы желалъ,—не можетъ! Впрочемъ, на что помощь, на что люди тамъ, гдѣ ужъ Богъ. Тяжело и тебѣ, но какъ же мнѣ утѣшить тебя, гдѣ взять свѣта, когда все темно, гдѣ взять сладкаго—одна горечь. Какъ гдѣ? а ты? о, мой свѣтъ, мое благо, лишь отразишься ты на душѣ, — все гармонія, все свѣтъ, все радость, смотри же, смотри на меня.

4-е. Это невѣроятно, что у насъ происходитъ: Снакс. или очень благородный, или самый низкій человѣкъ: назначивъ день помолвки, говоря мнѣ разные комплименты и *имъ*, что не нужно денегъ и приданаго, вдругъ приказываетъ черезъ попа, что не можетъ менѣе взять ста тысячъ, что *ихъ* такъ поразило,— кн[ягиня] занемогла, а Мак. два дня все плачетъ; я была въ восхищеньи, но вообрази: кн[ягиня] даетъ деньги и Загорье! Хотятъ къ нему послать, опять торгъ, фу! О, какъ все это утомило меня, какая тягость! Боже мой, думала ли я когда-нибудь, что я буду главное лицо въ такихъ низкихъ, подлыхъ обстоятельствахъ, и что за сплетни, и какъ это волнуетъ и занимаетъ толпу. Чистую, святую любовь нашу она обратила во что-то гнусное. О, ангелъ мой, хоть бы дали свободу грустить. грусть—дивное, поэтическое, святое чувство, а тутъ... Все это засыпаетъ душу дрянью, соромъ. и нѣтъ покоя ни на минуту, безпрестанныя сношенія, счеты, и во всѣхъ неудачахъ вымещаютъ досаду свою на мнѣ. О, другъ мой!

6-е. Мнѣ дали время придти въ себя, теперь я могу говорить послѣдовательно. Всѣ эти дни я то радовалась отказу Снакс., то ужасалась находящей тучѣ, такъ обстоятельства были перемѣнчивы: въ четыре дня было много всего. Наконецъ, вчера утромъ Левъ Ал. сказалъ рѣшительно, что онъ подлецъ, что ему богатая невѣста въ Рогожской, раскольница: стало, на этотъ счетъ я была покойна очень, нѣсколько часовъ уединенія и бесѣды съ тобой привели меня въ совершенный порядокъ: та же тихая святая грусть, та же вѣра, та же надежда, и снова я уничтожаюсь передъ величіемъ судьбы своей, снова полное, гармоническое существованіе съ наслажденіемъ блаженства, съ наслажденіемъ грусти. Стройнымъ гимномъ понеслись къ *Нему* звуки души, сознаніе всѣхъ страданій и несчастій, окрыленное любовью и упованьемъ, неслось къ подножію Его престола, мнѣ было такъ хорошо... Вотъ ужъ и вечеръ — вдругъ является священ-

никъ посломъ отъ Снакс., который умоляетъ всѣми святыми Макаш. пріѣхать къ нему, клянется, что онъ ничего не требуетъ, что боленъ ужасно. Затмилось небо и душа, взволновалось все.—но я рѣшилась быть твердою и, ежели онъ опять пріѣдетъ къ намъ, не выходить къ нему ни за что и посовѣтовать имъ, чтобъ они разсыпали передъ нимъ золото, а меня оставили бы въ покоѣ. Въ самую смутную минуту получаю твое письмо... Прости, земля! руки дрожатъ, едва перевожу духъ, отъ восторга разрывается грудь, а тамъ за стѣною продаютъ меня. Я попремѣнно брала письмо и фантазію, находила возможность прочесть все вдругъ, разомъ, и не могла, но вотъ ужъ на третьей страницѣ письма... Ахъ, ангелъ мой, другъ! ну, какъ я разскажу тебѣ мою радость, что ты покоенъ.—мнѣ казалось, что ужъ все прояснилось, что страданій и не существуетъ, ежели ты не страдаешь. Не окончивъ письма, читала фантазію, и чистая, восторженная душа такъ ясно постигала и твое величіе и твою любовь; я не помнила себя, Александръ, я плакала, смѣялась, какъ ребенокъ, а сердце дрожало ожиданьемъ, казалось, ты сейчасъ войдешь, и я разскажу тебѣ все. Долго не удавалось мнѣ дочитать письма, и въ душѣ, и передъ глазами горѣли солнцы любви, солнцы рая, я забыла все на свѣтѣ. Какимъ же страданіемъ, какой тоскою наполнилась душа, когда я прочла послѣднюю страницу письма, какъ я сердилась на себя, упрекала, зачѣмъ было писать. Но, ей-Богу, нѣтъ силъ противиться волненіямъ души, я писала не по своей волѣ—или нарушить твой покой или задохнуться въ этомъ чаду. Покой я возвращу тебѣ, а не сообща тебѣ,—не вынесу. Но какъ ужасно было видѣть мнѣ послѣ этого свѣта, послѣ спокойствія въ твоей душѣ, терзанія,—это ни съ чѣмъ не сравнимо. О, Господи, если-бъ я могла переносить все одна!.. Но, видно, это не въ законѣ любви—все нераздѣльно! О, сколько ударовъ нанесено мнѣ въ это время *всѣми*, каждый по своему хотѣлъ и могъ уязвить меня; пусть называютъ эти удары участьемъ, доброжеланіемъ, дружбой, любовью,—они не легче отъ того, и каждый оставилъ больной слѣдъ на душѣ: но чего стоитъ одно твое слово. О, предадимся же Ему вполнѣ, минуетъ черная година, допьемъ чашу горя, а за нимъ вѣчность гармоніи и жизни.—Что значатъ, Александръ, твои слова: «ежели тебя, нѣжный цвѣтокъ, они сломятъ до моего пріѣзда».—Александръ, Александръ, и это говоришь ты! Ангелъ мой, неужели не станетъ во мнѣ силы, неужели Богъ не дастъ мнѣ ея? Опомнись. Равнодушно переносить всего этого отъ нихъ—невозможно, но и не переносить чтобы то ни было отъ нихъ также невозможно. Полно, другъ мой, какъ могла тебѣ въ голову придти подобная мысль.

7-е, воскресенье. Знаешь ли, кто былъ у меня? Маменька и Прасковья Андреевна! Но визитъ этотъ былъ мгновенный, я ничего не могла говорить. Праск. Андр. тоже ничего мнѣ не сказала, да и что могла сказать она о любви твоей? Мнѣ хотѣлось знать о твоемъ житьѣ-бытьѣ, но рѣшительно нельзя было говорить, я рада, что хоть, по крайней мѣрѣ, видѣла ихъ, родной взглядъ, — о, это много, слишкомъ много для того, кто мѣсяцы въ когтяхъ полузвѣрей сиротой. Впрочемъ, все это слабость, все ропотъ, великій грѣхъ. *Онъ* бдитъ надо мною безпрерывно, а я говорю: сирота, —грѣхъ! Нѣтъ, мой ангелъ, я выздоровѣла совершенно, не безпокойся о мнѣ, ради Бога, все теперь кончилось; Макаш. была у Сн., онъ сказалъ ей, «какъ матери», что никто еще ему такъ *не нравился*, какъ я, и денегъ ненужно только не можетъ жениться, а почему—и это сказалъ, только я никакъ этого еще не могла узнать. Они *злы* на меня, какъ только могутъ они злиться; но что-жъ это для меня, только жаль ихъ, Богъ съ ними.

Явятся другіе—съ тѣми легче будетъ раздѣлаться, тѣмъ болѣе, что *они* остались въ дуракахъ. Ни о чемъ теперь не думаю, не забочусь, самъ Отецъ нашъ небесный такъ печется о насъ, такъ благъ и милосердъ къ намъ, что заботы *наши* совершенно лишнія и великая неблагодарность. Даже я надѣюсь, что ты скоро возвратишься. Впрочемъ, эта надежда основана на одномъ милосердіи Его, да и на чемъ вѣрнѣе могла бы быть она основана? Дивно дѣйствіе благодати Его, дивно дѣйствіе молитвы; но они истекаютъ изъ одной любви, изъ моего единственнаго источника жизни и блаженства. Тѣ дни я лишена была *всякаго* утѣшенія, особенно нѣкоторые часы; впрочемъ, это убійственное положеніе не вовсе зависѣло отъ обстоятельствъ; нѣтъ, Богъ меня испытывалъ, и я такъ ничтожна, такъ еще предана землѣ, что не имѣла вѣры настолько, чтобъ поступить по Авраамову. И тутъ Онъ, великій, подалъ мнѣ руку, какъ утопающему Петру; о, ангелъ мой, да если-бъ я могла выразить тебѣ все! Помнишь ли, какъ давно мы страшились съ тобой и съ какимъ ужасомъ ждали то, что такъ скоро и легко миновалось. Никто таковъ, какъ Богъ, и Онъ-то нашъ ближайшій всѣхъ покровитель и скорый помощникъ; ахъ, истинно, Онъ печется о насъ, какъ о дѣтяхъ, а мы забываемъ, что Онъ нашъ отецъ. — Прасковья Андр. взяла бы меня, но, мнѣ кажется, одна смерть разлучитъ меня съ кн[ягиней], иначе тщеславіе ея не допуститъ. Маменька по-прежнему мила, я отъ нея въ восхищеньи каждый разъ, какъ видимся, а люди хотѣли и ее отнять у меня, хотѣли меня разувѣрить, что она мнѣ мать. О, да чего не хотятъ эти люди,—отпусти имъ, Господи! Никто со мною не страдалъ столько, сколько Саша, у насъ нѣтъ достойной ей награды, а что *тѣ* сочли бы за награду,—ей будетъ обида. Онъ только можетъ воздать ей, и мы— только чувствами. Многіе оставляли меня: иные, чтобъ не видать страданій (чувствительность!), другіе, чтобъ самимъ не попасться, она — никогда, ни на минуту не избѣгала даже гибели своей. А другая моя Саша Б. не ѣдетъ сюда и, Богъ вѣсть, когда возвратится въ Москву. Теперь, дай Богъ, а хорошо, что это время она не была здѣсь, она измучилась бы за меня.

Вечеръ. Чѣмъ болѣе читаю твою фантазію, тѣмъ яснѣе красота ея; нѣтъ въ ней щегольской отдѣлки, кокетства, но необъятная любовь, но проницательность, которую пріобрѣтаетъ душа святыми восторгами, божественными порывами, вознесеніемъ на родину, излились въ прелестнѣйшемъ изъ звуковъ гармоніи надзвѣздной. Дивенъ мой Александръ! О, ангелъ мой, какими неизреченными дарами осыпаешь ты меня, какъ неизмѣрима твоя любовь, неизмѣрима и молитва моя тебѣ, небомъ, раемъ платишь ты мнѣ за малѣйшую царапину, нанесенную ими, —чѣмъ и какъ воздамъ я тебѣ? Я живу тобою, дышу тобой, вѣрую, молюсь тобою, хотѣла-бъ и все, все для тебя,—чтобъ каждый шагъ мой, каждый взглядъ, каждое дыханье, все бы было для тебя, а 1.000 верстъ отдаютъ все это другимъ, и люди иногда отнимаютъ у тебя даже мысль, даже клочекъ сердца... О, гдѣ же та страна, гдѣ мы можемъ вполнѣ отдать себя другъ другу, гдѣ тѣ существа, которыя не отнимаютъ? Скажу еще: туда, туда!!.

Была у меня Emilie сегодня, намъ былъ просторъ бесѣдовать, они ѣздили къ Нас.: двѣ недѣли не видались мы, она была больна, но со всѣмъ тѣмъ обдумывала мой *побѣгъ*, до сихъ поръ больная, страдалица душой и тѣломъ, и все та же пламенная мечтательница. Вздумала дать мнѣ свой видъ, и съ Александромъ Дюфуръ отправить въ Черную Грязь къ пріятелямъ его. Всю жизнь ее занимали мечты несбыточныя, эта, кажется, самая невозможная, но она занимала и восхищала ее все время неизвѣстности. О, дружба, дружба, теплое убѣ-

жище замерзающему, но далеко она отъ любви, все, рѣшительно все такъ мало передъ моимъ Александромъ, такъ холодно все, такъ мертво, какъ я передъ Богоматерью. И чего-бъ не вынести мнѣ за тебя, а я при малѣйшей непогодѣ смутилась ужъ душой, прости, прости, отецъ мой! О, я заплачу тебѣ за эти огорченія, я буду расти душой, мы будемъ равны.

Скоро будутъ у тебя портреты Огаревыхъ, я радуюсь за тебя; а моего, видно, не дождаться тебѣ. Ну, не тужи, самъ же говоришь ты: на что опора матеріальная; но, впрочемъ, нѣтъ, тутъ столько отрады, столько утѣшенья, — если-бъ была малѣйшая возможность!.. Когда-то я вышивала тебѣ что-то, а нынѣ и упомянуть о тебѣ нельзя. Ну, вотъ, что-жъ тутъ дѣлать, такъ невольно и рвется вздохъ изъ груди, навертываются слезы, вотъ все, что принесетъ тебѣ волна, вѣтеръ... Но когда душа моя летаетъ къ тебѣ, когда она вьется надъ челомъ твоимъ во время сна, во время грусти, слышишь ли ты тихіе напѣвы ея, слышишь ли, какъ нездѣшнимъ языкомъ она говоритъ тебѣ, взамѣну всѣхъ утѣшеній, «люблю?» О, эти путешествія души! Александръ, да будь же покоенъ, ну, клянусь, исчезли и самыя даже оболочки; Господи, услышь мое моленье... О, какъ часто хотѣла бы я отдать тебѣ мое спокойствіе, съ какимъ бы восторгомъ взяла безсонныя ночи, содраганія, волненія, и отдала бы тебѣ эти ясныя грезы, этотъ безмятежный свѣтъ. Если бы я отыскала въ себѣ желаніе, которое бы не было полно однимъ тобою, тебѣ и для тебя, тогда я разувѣрилась бы, что люблю тебя.

Не смотришь ли ты теперь на мѣсяцъ,—какой свѣтлый, тихій, а душа, повѣрь, безмятежнѣе. Прощай, ужъ 12 часовъ, спи покойно, ангелъ надъ тобой. Въ самомъ ли дѣлѣ ты здоровъ теперь? не обманывай! да прошу не рисковать въ Вятскомъ климатѣ, тамъ нѣтъ московской Наташи. Прощай, другъ мой.

5-го ноября.

Окончились ли, мой другъ, твои страданія, они какимъ-то призракомъ грустнымъ, блѣднымъ становятся безпрерывно между мною и всѣмъ, чѣмъ бы я не занимался. Я съ судорожнымъ ожиданіемъ развертываю теперь письма, въ каждомъ есть доля твоей слезы, твоего страданія, живая доля сердца. Сколько ты ни говоришь о гармоніи, о блаженствѣ, - -темная рѣчь прорывается, и зачѣмъ было бы говорить прямо о томъ, ежели бы ты не хотѣла этимъ меня успокоить. Наташа, я не могу тебѣ сказать: будь весела,—это глупо: будь весела въ разлукѣ съ Александромъ, будь весела, когда тебя, какъ невольницу въ Эфіопіи водятъ на продажу и показъ, но повторю то, что говорилъ въ прошломъ письмѣ: ради любви нашей, храни себя, храни себя!

Хоть бы слово написалъ пап[енька] обо всемъ. Онъ боится тронуть эту струну, ея звукъ силенъ, — это-то онъ знаетъ; ея звукъ не будетъ годиться въ тотъ аккордъ, который онъ беретъ на моей душѣ. Тѣмъ хуже, что боится, струна можетъ лопнуть.

Вчера у насъ былъ предлинный разговоръ съ Витб., надъ которымъ ты могла бы въ душѣ развеселиться. Онъ увѣрялъ меня, что я, несмотря на мой пламенный нравъ, никогда не буду *сильно любить* (Qu'en pensez vous, mademoiselle?) и что мои мечты самолюбія всегда возьмутъ верхъ надъ мечтами любви. Я защищался общимъ образомъ. Стоило бы мнѣ вынуть твое письмо, но для чего? Я хочу, чтобы меня люди сами понимали, и тогда я имъ остальное добавлю сло-

вомъ. Витб. понялъ мои таланты и не понялъ души; таланты оцѣнить можетъ всякій, — на это надобно имѣть умъ; мнѣ обидно, что онъ, артистъ, такъ поверхностно судитъ о людяхъ. Я имъ читалъ I. Maestri, никто не понялъ: пѣснь ангела я имъ читалъ 22 октября, никто не понялъ *самого ангела*; ну, послѣ этого я не обязанъ говорить яснѣе, ежели люди не хотятъ себѣ дать труда, ежели человѣкъ, одаренный такой колоссальной фантазіей, какъ Витб., не умѣетъ взоръ свой углубить дальше поверхности въ человѣка, — не моя вина. Полина была при этомъ разговорѣ и душевно смѣялась. Странная вещь, я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что холодное воспитаніе мое положило такую несвойственную мнѣ маску (именно иронію), что изъ-за нея тотъ только увидитъ черты лица, кто сумѣетъ въ самой ироніи моей найти душу огненную. Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства я уже писалъ, что по большей части хвалили *мою остроту*, т. е. отдавали все уму и отнимали все у души. Искры настоящаго огня принимали за фосфорный свѣтъ ума, молнію—за фейерверкъ. Ахъ, люди, люди, какъ вы мелко плаваете! Благодарность Татьянѣ Петровнѣ, — она первая оцѣнила другую сторону моего бытія, Огаревъ второй. Ты постигла его до конца мощнымъ инстинктомъ любви. Я ни слова не говорю о тѣхъ людяхъ, которые близки ко мнѣ *по разстоянію*; пусть они меня не знаютъ, эти люди и къ природѣ близки, но не знаютъ ея. А В. непростительно, и я замѣчаю, что онъ въ продолженіе всей жизни такъ ошибался (его жена лучшее доказательство). А Полина, *простая* дѣвочка, безъ опытности, поняла все въ ту минуту, какъ я первый разъ произнесъ твое имя,—вотъ въ томъ-то все и дѣло: она смотрѣла на меня глазами природы, натурально и равно не замѣтила ни фрака, который былъ на мнѣ, ни маски. Люди по большей части сами виноваты въ своихъ ошибкахъ, ламаютъ голову, придумываютъ, а надо *просто* смотрѣть; но это-то *просто* очень близко граничитъ съ grandioso природы, вѣдь, и она проста; да еще одно условіе необходимо: это—дѣтская чистота души. Опытъ, который такъ много помогаетъ въ познаніи людей, можетъ, совсѣмъ отнимаетъ гораздо высшее искусство—постигнуть душу человѣка. Вотъ тебѣ цѣлая диссертація, прощай.

6 ноября. Ну, не небесной ли ты ангелъ, Наташа? Ты еще жалѣешь о княг[инѣ] и воображаешь, что она для твоего благо такъ печется. Дивлюсь тебѣ. И ты все еще иногда говоришь, что я тебѣ много придаю. Подумай сперва, возможно ли это. Выше тебя душою, изящнѣе, я не могу себѣ представить ангела Божія. Есть отношеніе, въ которомъ Витб. замѣчаніе справедливо. Помнишь ли, я самъ отталкивалъ любовь? и, сверхъ того, такое мѣсто отдалъ въ душѣ другимъ симпатіямъ, что серде было почти полно. Но твое *величіе* подавило меня. Я не зналъ, что такое дѣва, и Провидѣніе показало мнѣ ее во всей славѣ, во всемъ торжествѣ. Тогда только узналъ я разницу между дѣвой и женщиной и повергся предъ тобою. Да, чтобъ мою душу такъ пересоздать, чтобъ внести въ нее религію и замѣнить славу любовью, для этого надлежало имѣть силу чрезъестественную. Смотри, гдѣ же ты найдешь другую? Нѣтъ, Наташа, ты велика уже одной побѣдой надо мною. Я иногда перебираю прежнія мечты свои, -все, все съ избыткомъ совершилось въ тебѣ, даже отдѣльныя, частныя фантазіи всѣ осуществились. И сколько еще сверхъ того! Тобою я узналъ всю изящную сторону человѣка, не жить мнѣ безъ тебя, моя сестра, моя подруга.

8-е. Дай мнѣ воротиться на тотъ же предметъ; мнѣ такъ хорошо, такъ отрадно, когда я восхищаюсь тобой, когда, долго любуясь моимъ ангеломъ, и могу сказать: *и она моя, моя,* какъ это сердце, которое бьется въ груди. Дай же мнѣ

еще полюбоваться тобою. Ни пятнышка, ни пылинки, вотъ она чиста, какъ мысль Господня, какъ пѣснь архангела. А я — не думай, что я хочу себя бранить, нѣтъ, этимъ унизилъ бы я тебя, я очень знаю свои достоинства и горжусь тѣми, за которыя такъ полюбила меня Наташа, — но нѣтъ, скажи, гдѣ же во мнѣ эта чистота... На душѣ морщины: однѣ отъ гордыхъ помысловъ, другія отъ буйныхъ вакханалій, третьи отъ знойныхъ страстей, отъ ядовитаго разврата, — и все это чуждое любви, а у тебя есть ли что-либо кромѣ одной любви. И теперь, въ разлукѣ съ тобою, когда я знаю, что ты страдаешь подъ ярмомъ ужаснымъ, я ищу разсѣянья въ шумѣ. Шумъ оргій, *по привычкѣ*, можетъ подчасъ меня развлечь, этотъ шумъ напоминаетъ мнѣ пьянство юности, въ которомъ грезились намъ скрозь тумана видѣнія высокія. Я землею заглушаю стонъ разодраннаго сердца, въ то время, какъ ты заглушаешь его молитвой. О, сколько разъ пламенно желалъ я очиститься такъ, какъ ты, жить въ твоей высокой сферѣ, — не могу. О, ангелъ мой, не дерзка ли одна мысль эта, — или тогда ты довершн.

9-го ноября. Нѣтъ, Наташа, боленъ я душою, очень боленъ. Господи, какъ немногаго прошу я у неба и у людей: только одинъ взглядъ на тебя, только одинъ, и я сожму въ этотъ взглядъ долгую жизнь, тысячу ощущеній, слезу блаженства и слезу печали. Ты понимаешь, что въ печали есть свое блаженство, что въ страданіи есть отрада, — въ этомъ взглядѣ я обмою душу, она вся въ пыли. О, Наташа, какое тупое, гадкое положеніе. Это даже не тупая пила, какъ ты говоришь, а плита чугунная, которая не въ силахъ разомъ разможжить и тѣло и кость, а душитъ мало по-малу. На эту плиту наступила ногой исторія сватовства и хорошо выбрала мѣсто противъ самой груди. Мнѣ подчасъ кажется, что мое положеніе было бы лучше, ежели-бъ еще что-нибудь ужасное случилось со мною, можетъ противуборство съ судьбою дало бы свѣжую силу.

Одинъ взглядъ, разъ руку пожать, ну, словомъ, еще разъ 9 апрѣля, и я готовъ жить и умереть. Жить памятью этихъ двухъ дней, я могъ бы сто лѣтъ, ибо въ нихъ будетъ цѣлая жизнь; въ 9 апрѣля только восходъ солнца, оттого-то мнѣ и недостаточно его одного. Прощай, ангелъ, прощай.

Александръ.

---

12 ноября, Москва.

Ты получишь это письмо, мой Александръ, наканунѣ твоихъ именинъ, — вотъ тебѣ величайшій подарокъ! Миновала туча, гроза прошла на небѣ и въ душѣ, одно — разлука! Но покоримся же Отцу, утѣшимся тѣмъ, что Онъ такъ хочетъ, утѣшься ты, мой милый, тѣмъ, что я здорова тѣломъ и душой. Получила твое письмо (до 2 ноября). Ты приказываешь мнѣ беречь себя, — что же была бы за любовь, если-бъ я при малѣйшемъ движеніи толпы не имѣла бы силъ вынести? У меня же нѣтъ ничего моего, какъ же я буду такъ небрежна въ сбереженіи твоего? О, ангелъ мой, еще ли ты не знаешь свою Наташу? Не понимаю, какъ могла я быть до такой степени смущена этими ничтожными угрозами, что даже и на тебя онѣ сдѣлали вліяніе... Несовершенство! Дань землѣ! и, можетъ, мы расплатились на вѣки. Нѣтъ, необъятно могущество Бога, необъятна и любовь Бога-Отца къ намъ, намъ отстается только одно: молитва благодарности; малѣйшее попеченіе о судьбѣ своей — грѣхъ неблагодарности, она въ рукахъ Его, — что-жъ можемъ мы, что могутъ *они?* Когда-жъ, Александръ, когда, другъ мой, достигнемъ мы того, чтобъ съ дѣтскою увѣренностью принимать всѣ дары отъ Него? Еще близко земля, выше, выше!.. Великъ опытъ, не устрашитъ меня

теперь никакое чудовище, я знаю, какъ хранитъ десница Его. Все свѣтло кругомъ, ни облачка, — а ты въ неизвѣстности мучаешься; зачѣмъ я писала тебѣ обо всемъ, но ужъ таковъ законъ любви—пить *все* изъ одной чаши. Зато теперь, ангелъ мой, пей благодать Господню со мною-жъ вмѣстѣ, пей небесное утѣшенье, силу, свѣтъ... Руку! Быть веселымъ и покойнымъ!—О, прости мнѣ, Господи, и ты, Александръ, это паденіе, я заслужу, и теперь ужъ я выше земли, выше себя. Не коснется ужъ рука врага до сердца, полнаго любовью, огражденнаго вѣрою и осѣненнаго Духомъ Святымъ!

Ужасна разлука, но свѣтомъ дня обнимаетъ душу упованіе, и нѣтъ мѣста въ ней ядовитому горю. Ночь — сладкія грезы о тебѣ. Дивенъ, дивенъ Богъ-Отецъ, не ропщи, Александръ!

13-ое. Съ какимъ нетерпѣніемъ жду того дня, когда ты получишь это письмо, оно должно успокоить тебя совершенно, другъ мой. И почему думаешь ты, изъ чего видишь, что я не берегу себя? Я писала «жертвовать здоровьемъ, жизнью—мнѣ ничего, но ужъ все это не мое», то есть, я жертвовала бы, если-бъ оно было мое, но отдавшись тебѣ, или, лучше сказать, знавши, что самъ Богъ отдалъ меня тебѣ, я не могу уже располагатъ собою. И какъ не перенести что бы то ни было за твою любовь, за девятое апрѣля?... Въ послѣднемъ письмѣ ты грустенъ страшно, я одна причиною этому—прости!

Теперь, Александръ, не словами, не просьбой утѣшаю тебя,—вотъ вся душа моя: посмотри, какое дивное спокойствіе, свѣтъ, безмятежная радость, какое тихое наслажденіе—о чемъ грустить тебѣ? Мы розно—о, тяжело это, Богъ знаетъ, какъ тяжело. Онъ же и облегчитъ. Не помрачай слова души моей, дай увѣриться, что ты—моя жизнь, мое все,—земля и небо, ты, моя душа, мой Александръ,—здоровъ и покоенъ. Дивная будущность рисуется мнѣ за темной ночью... О, другъ мой! встрепенулась душа, снова восторгъ возвышаетъ ее до неба, до тебя. Забудь, забудь, мой Александръ, всѣ обиды толпы, не отниметъ она у насъ нашего блаженства. Богъ съ ними, ни ропота, ни упрека, исчезло все, какъ слѣдъ весла на водѣ. Услышь меня, услышь, мой ангелъ, преклоняю колѣна предъ тобою, молю тебя,—ты будь покоенъ, ты береги себя! Чего стоило мнѣ сообщить тебѣ всѣ эти гнусности, дѣлить съ тобою эти удары, но одна я не вынесу ни горя, ни радости, такъ Богъ велѣлъ.

14-ое. Теперь-то бы, теперь бы писать, много чернаго влила я въ твою душу, но—да будетъ свѣтъ.

На что ты представляешь себѣ въ такомъ мрачномъ видѣ смерть, и на что намъ бояться ее? Намъ не будетъ *смерти*, мы перейдемъ вмѣстѣ на родину къ Отцу. Когда-то эта черная мысль была доступнѣе мнѣ, и страхъ ковалъ душу, и сильныя средства были необходимы, чтобъ привесть меня опять въ тихое, спокойное состояніе, а теперь — теперь многое не такъ, какъ было прежде. Нѣтъ, никакъ, никакъ не могу я постигнуть, представить себѣ даже не могу, какъ бы разлучила насъ смертъ, — это невозможно! развѣ на нѣсколько минутъ, но и это даже не допускаетъ вѣра моя въ всевѣдѣніе Создателя. Онъ знаетъ нашу любовь, онъ не захочетъ подвергнуть нашу душу величайшему страданію—раздѣленію на здѣшній и тотъ міръ. Какъ теплота и свѣтъ нераздѣльны въ солнцѣ, такъ нераздѣльны Александръ и Наталія въ любви: разлучи свѣтъ съ теплотой, и нѣтъ солнца, оно умерло, не существуетъ болѣе, и существовать не можетъ; разлучи меня съ тобою, и нѣтъ любви—Бога, а Онъ безначаленъ и безконеченъ. Такъ скажи-жъ, можемъ ли мы страшиться смерти? По-

терпи. еще Богъ устраиваетъ намъ жилище, заготовляетъ жизнь дивную, изящную, можетъ ужъ недолго странствованіе. Что можетъ, хоть слабо, выразить желаніе мое увидѣть тебя — ничто на свѣтѣ! и это-то пламенное, безпримѣрное, это необъятное и непостижимое стремленіе обнято покорностью Его волѣ. Евангеліе говоритъ: не пекитеся о себѣ, Отецъ вашъ небесный знаетъ нужды ваши. Отчего же съ такою безпредѣльной любовью мы имѣемъ такъ мало вѣры? одна безъ другой существовать не можетъ; одни бѣсы вѣруютъ безъ любви; какъ же мы будемъ любить безъ вѣры! О, ангелъ мой, тяжело мнѣ безъ тебя, тяжело три года жить въ тюрьмѣ и думать все: вотъ, завтра отворятъ двери,—но не тотъ ли, кто далъ намъ другъ друга, наложилъ и этотъ запоръ, и эти цѣпи? Какъ же намъ не нести ихъ, какъ роптать. Чего бы я ни сдѣлала, чтобъ утѣшить тебя въ разлукѣ, а что слова,—ну, только вспомни, что Онъ далъ тебѣ меня, и довольно!

Итакъ, поздравляю тебя ангелъ мой, дарю тебя своимъ спокойствіемъ, радостью, блаженствомъ, вѣрь—это ни одни слова. Я прилечу сама къ тебѣ на праздникъ и не дамъ задуматься ни на минуту, если ты не забудешь, что я ношусь надъ тобою. Саша моя въ восторгѣ отъ твоего рукожатья, бѣдная,—какъ угнетена была въ продолженіе всего этого времени, теперь воскресла и говоритъ, что большой награды уже не желаетъ, и быть ея не можетъ. Не одну Сашу, и меня утѣшилъ ты много, я ее люблю не за одну любовь ея ко мнѣ, а за прекрасную душу, за несчастья, но она блаженнѣе въ своемъ рабствѣ многихъ владыкъ. Прощай, мой свѣтъ, взгляни, улыбка и радость на лицѣ моемъ, не помрачай же ихъ, мой ангелъ, своимъ унылымъ взоромъ, его не скроютъ отъ меня и 1.000 верстъ.

Твоя *Наташа*.

---

13 ноября, Вятка.

Разливъ рѣки лишилъ меня послѣдняго удовольствія—почты нѣтъ и, вѣроятно, еще нѣсколько дней не будетъ. Удивительное созданіе человѣкъ, — все можетъ онъ перенести. Обремененный горемъ, онъ ѣстъ, пьетъ, еще больше, смѣется, когда разсказываютъ смѣшное,—и иной стоитъ возлѣ и не примѣчаетъ, что раздирающій огонь готовъ сверкнуть изъ черепа, и что вмѣсто крови льется въ сердце зажженная сѣра. А люди говорятъ, что кошки живучи!

15 ноября. Ну, мой ангелъ, слушай цѣлую исторію, даже напишу ей заглавіе:

Исторія 14 ноября 1837 года.

Лишь только я проснулся, подали мнѣ письмо отъ Огарева. Что это за высокая, свѣтлая душа... Вся скорлупа, нанесенная на мою душу, спала, я чисто дышалъ, былъ юношей, едва ступившимъ робкой ногой въ жизнь. Воспоминаніе, надежды—все наполнило душу сладкимъ, теплымъ, свѣтлымъ, — онъ пишетъ: «Я вѣрю твоей любви, почему, не знаю, но вѣрю; да, вы другъ друга любите,— вотъ тебѣ благословеніе друга, другого тебѣ ненужно». И его Марія пишетъ мнѣ и называетъ тебя сестрою и мечтаетъ, какъ мы вчетверомъ когда-нибудь будемъ восхищаться природой. Письма эти размягчили все жесткое въ сердцѣ, и тогда я развернулъ твое письмо отъ 31 октября, котораго начало: «что Emilie видѣла во снѣ твою смерть и обрадовалась». — Я прочелъ его. Лихорадочная судорога пробѣжала по всему тѣлу. Смерклось. Я всталъ съ дивана слабый, какъ послѣ тяжкой болѣзни. Я сѣлъ къ столу... Мечты ужасныя проходили по сердцу,

однѣ, облитыя кровью, другія—въ саванѣ мертвеца; я чувствовалъ, что какой-то губительный ядъ меня жжетъ, схватилъ перо и написалъ письмо къ папенькѣ. Всего строкъ десять, но сильно, я требовалъ, приказывалъ, а не просилъ. Мнѣ сдѣлалось страшно одному, и я поѣхалъ со двора, душа требовала человѣка сколько-нибудь близкаго, я отправился къ Скворцову. Онъ взглянулъ на меня и ужаснулся: блѣдной, какъ полотно, стоялъ я молча передъ нимъ,—наконецъ, зарыдалъ какъ ребенокъ и бросился къ нему на шею. *Это со мною первый разъ отроду*, я не могъ остановиться, слезы лились градомъ. И онъ плакалъ.—вездѣ, вездѣ нахожу я людей, душою привязанныхъ ко мнѣ. Представь себѣ, что Скворцовъ и Эрнъ наперерывъ *умоляли* меня послать кого-нибудь изъ нихъ съ письмомъ къ папенькѣ. Наташа! Скворцовъ безъ помяти любитъ Полину, онъ женихъ, и все хотѣлъ бросить.—но я не хочу и благодарить ихъ, въ собственной душѣ человѣка лежитъ награда за благородной поступокъ. Онъ увезъ меня къ Полинѣ. О, прелестная душа! Подробностей я имъ объяснить не могъ, я только говорилъ: «смотрите, какъ этотъ ангелъ страдаетъ», и слезы лились. Доселѣ никто не видалъ, какъ я плачу (да, на другой день послѣ взятія, какъ бы предчувствуя четыре черныхъ года, я плакалъ).

Но что же главное поразило меня—униженіе, тѣ страданія, коимъ ты подверглась и мое нѣмое положеніе, цѣпь моя. Я страдалъ, ночь облегала темная, страшная. Я уже предчувствовалъ рядъ новыхъ несчастій послѣ письма къ папенькѣ, всѣ надежды на скорое возвращеніе исчезли. Вечеромъ я бросился на диванъ, и что-то тяжелое въ родѣ сна обняло меня. Проснулся утомленной, больной, это было часовъ восемь, и вдругъ *письмо*. Я трепеталъ его распечатать, ледъ бѣжалъ по жиламъ, я не знаю, бился ли пульсъ, и что же —это твое письмо отъ 7 ноября. О, великій Господь! Мы мелки, мы слабы, мы не умѣемъ вѣровать. Жизнь возвратилась, туманная повязка упала съ глазъ. Итакъ, туча прошла мимо. И смотри, не дивенъ ли перстъ Божій: твое письмо отъ 31 окт. стояло за рѣками около 4 дней, а второе опоздало менѣе, нежели сутками. Съ восторгомъ бросился я къ друзьямъ, изорвалъ письмо къ папенькѣ и подарилъ клочья его Скворцову въ память 14 ноября. Но тѣло отстало отъ души, я былъ похожъ на человѣка, котораго только-что оставила болѣзнь тяжелая, мучительная, взглядъ мой былъ томенъ, даже голосъ дрожалъ. Вотъ сколько можетъ пережить человѣкъ въ одинъ день. Ежели-бъ я не былъ теперь покойнѣе и здоровъ, я бы не написалъ всего этого. Писемъ твоихъ теперь перечитывать не стану, а буду *писать отвѣтъ* въ слѣдующій разъ.

16-го. Буря миновала, но все говоритъ объ ней: вотъ туча на небосклонѣ, вотъ сломленные сучья, вотъ опаленныя вершины, а вотъ слезы дрожатъ на листахъ. Я еще все не могу придти въ себя. Ахъ, Наташа, какъ ты хороша, какъ ты божественна! И мнѣ послѣ этого не быть гордымъ! Прощай, другъ мой, поцѣлуемся, пожмемъ другъ другу.

А ты мнѣ не написала, что ты была больна, когда у тебя была Праск. Андр. Что съ тобою, Наташа? Я заклинаю тебя, пиши мнѣ все, все, рѣшительно все, иначе я буду терзаться неизвѣстностью. Ну, здорова ли ты, ангелъ, моя Мадонна!

17-го ноября, Москва.

О, мой Александръ! Пойми меня, нѣтъ словъ!.. Нынѣшній день мнѣ кажется сномъ, но сонъ дивный, восхитительный, не дай Богъ проснуться! Ахъ, я еще

не помню себя, не могу, не умѣю сказать тебѣ ничего, мнѣ душно, тѣсно. Я бы вылилась вся въ слезахъ радости невыразимой, я бы утонула въ святомъ восторгѣ, какъ песчинка въ морѣ, а меня держитъ тѣло, держатъ люди! Ангелъ мой, моя душа до того свѣтла, до того полна чѣмъ-то неизмѣримымъ, неземнымъ, будто предъ выходомъ изъ тѣсныхъ узъ, передъ вѣчной свободой... Но правда ли? Я не могу повѣрить, постигнуть не могу, что на яву, а все ужъ измѣнилось; но что-жъ страннаго въ исполненіи надежды, основанной на одномъ милосердіи Его. Нѣтъ, не могу говорить, Александръ, другъ мой. Съ кѣмъ, съ кѣмъ подѣлиться мнѣ? Къ Нему, къ Нему!.. Рано утромъ маменька прислала мнѣ записочку,—я упала на землю, я хотѣла весь день, два, три, нѣсколько дней такъ пробыть, чтобъ опомниться, собрать силы, вмѣстить эту мысль, поблагодарить Его... Но люди... и теперь я насилу хожу, я больна отъ сильныхъ чувствъ, ангелъ мой! Фу!.. я не знаю, что мнѣ дѣлать... я не могу ничего дѣлать, никто меня не пойметъ вполнѣ, а Онъ? Молиться! Молиться! Молись!

19. Я начинаю приходить въ себя, яснѣе мысли, отдѣльнѣе ощущенія, теперь я могу радоваться. То, что было со мной, какъ я узнала, что ты будешь 800 верстъ ближе ко мнѣ,—я не могу описать, для этого нѣтъ словъ, я не понимала ничего, я не думала ничего, даже не знаю, что чувствовала, потому что состояніе души было совершенно ново и, вѣрно, таково, въ какомъ бываютъ души, возвращаясь къ своему Началу изъ душнаго плѣна. Вчера весь день и сегодня меня спрашиваютъ, о чемъ я плачу, а я не чувствую, какъ льются слезы, сжимаю крѣпко руки, иногда смотрю на небо,— вотъ все. Теперь же начинаю ужъ соображать,—какъ ты узнаешь эту вѣсть, сборы, прощанье и... вѣришь ли, у меня навертываются слезы, какъ вздумаю Витберга и всѣхъ, которые тебя любятъ, какъ имъ будетъ жаль тебя, какъ будетъ грустно, какъ ты уѣдешь... Скрипитъ снѣгъ, звенитъ колокольчикъ... новый городъ! Какъ-то встрѣтитъ онъ тебя, подаритъ ли привѣтомъ, дружбой? Какъ бьется твое сердце, какъ рвется къ своей Наташѣ, ты 170 верстъ только отъ нея. Ангелъ мой! эти мечты, эта возможность ихъ исполненія! я не могу дышать.—Но вотъ является Егоръ Ив., свиданье съ маменькой, разспросы обо мнѣ, ея благословеніе... а тамъ и папенька лѣтомъ... Но Наташа что-жъ, Наташа гдѣ же? все тамъ же, тамъ, въ душномъ подземельѣ, усталая, изнуренная; небо ясно, солнце свѣтитъ ярко, все на волѣ, все летаетъ, носится по поднебесью, а она въ цѣпяхъ и въ крошечную щелку любуется, рветъ цѣпь, но кости трещатъ, а желѣзо крѣпко, и больно грудь, и льются слезы... Но прочь горе! Наташа! развѣ тебѣ мало, что *онъ* будетъ 800 верстъ ближе къ тебѣ? Ни слова болѣе.

20-е. Не въ силахъ была я превозмочь вчера грусть, которая сжала сердце при мысли, что все это полетитъ къ тебѣ, будетъ любоваться тобою, слушать тебя, а я... но покорность Его волѣ облегчаетъ все. Среди этой тяжелой мысли рабства, среди удушительнаго чувства неволи и какого-то ничтожества въ кругу людей мелькаютъ мечты, — можетъ, и увидимся какъ-нибудь, неожиданно, можетъ, тебя пустятъ на нѣкоторое время, можетъ, меня пустятъ (?), но мечты эти не горятъ, какъ звѣзды, а подобно метеору мгновенно вспыхиваютъ и гаснутъ, и такъ же темно, такъ же душно. Я не вижу хотя никого, но воображаю, какъ они радуются, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ пути, какъ приготовляются въ дорогу, представляютъ себѣ свиданье—о, какъ это все должно быть восхитительно, радостно, какъ бьется сердце, любящее тебя, родное тебѣ, а я .. Ахъ, *онъ* будетъ ужъ не тысячу, а только 170 верстъ отъ меня,—и точно солнышко

освѣтитъ въ туманный сѣрый день эта мысль, но какъ вспомню, что всѣ эти приготовленья, всѣ надежды не мои, что я исключена изъ твоихъ, что лишена всѣхъ правъ, которыми пользуются они, даже права свободно радоваться приближенію твоему... о! больно, больно!

Не знаю, что за состояніе, мнѣ и радостно, и грустно вмѣстѣ. Но, мой другъ, не ищу я и не искала никогда разсѣиваться. Мнѣ больно было читать это о тебѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ, Александръ, горсть людей, ихъ шумъ, ихъ *пустое* веселье могутъ хотя на сколько-нибудь заставить забыться тебя, облегчить твое сердце, замѣнить ему покой истинной? Это черта не твоей души. Оправданье-ль пишешь ты: «не могу, я не ты». Кто же? «Александръ»; кто этотъ Александръ? Онъ братъ, онъ другъ, онъ отецъ, онъ образователь, спаситель и хранитель Наташи, онъ все, все, она—онъ, безъ него —ничто, онъ начало всего изящнаго въ ней, онъ жизнь ея, всѣ ея дѣйствія, всѣ желанья, терпѣнье въ мукахъ, самоотверженье — все имѣетъ единственную цѣль: Александра. А ты говоришь: «я не ты». Ну, вотъ слѣды этого разсѣянья, этого ложнаго лекарства: оно не излечило твоихъ ранъ, не облегчило боль, но развѣ отвлекло тебя нѣсколько, заняло, да, сверхъ того, заставило сказать тебя мнѣ: «я не ты». Дай Богъ, чтобы это было только сказано, а не подумано, и еще меньше почувствовано! «Возстани, душа моя, что спиши!» Воспряни, Александръ, *мой Александръ!* Я не могу выносить этого: «*я не ты*», я даже зачеркнула это на письмѣ. Я не ты—то-есть, я не люблю тебя, мы чужіе... нѣтъ! этого ты никогда и не думалъ, ты бы ужаснулся этой мысли, не имѣлъ бы духу написать ее. И оправданью нѣтъ мѣста: ничтожную жалкую дѣвочку ты сдѣлалъ Наташей, а *будучи* Александромъ, ты не можешь сказать «*да будетъ!*» Смерклось, не вижу, прощай, подумай же.

Ночь. Опять «я не ты»—гдѣ-жъ гармонія, гдѣ-жъ единство, гдѣ любовь? И *ты* сказалъ это, но ты не можешь этого думать даже, не только чувствовать. Ничто, ничто не дѣлитъ насъ: ни земля, ни разстояніе, ни люди, и еще менѣе *чистота* и *высота!* Ежели *моя* чистота не есть твоя, то-есть, ежели моя душа не есть лучъ твоей души, то рано или поздно мы засіяемъ на горизонтѣ солнцемъ майскаго утра, и одинъ *Онъ* рѣшитъ, кто изъ насъ свѣтъ и теплота; а розно мы—и нѣтъ солнца, любви, Бога. Узнаешь и ты, какъ ничтоженъ этотъ шумъ, который теперь можетъ тебя нѣсколько развлечь, постигнешь неисчерпаемое утѣшеніе молитвы. Не *по привычкѣ* прибѣгаю я къ ней, о нѣтъ! привыкнуть можно къ мысли, къ людямъ, къ землѣ, а душа—лучъ свѣта, капля источника жизни и блаженства, заключенная во прахъ и отданная во власть стихіямъ, находитъ все, забывая прахъ и возвращаясь къ своему Началу; привычка — принадлежность земли, а это воспоминаніе о родинѣ, бесѣда съ Отцомъ, примиреніе неба съ землею... Вотъ что молитва, — это вознесеніе Христово. Я не могу ни съ кѣмъ дѣлить грусти, она слишкомъ свята, слишкомъ небесна и божественна, чтобы мѣнять ее на *обыкновенное участіе*, ужъ не только заглушать ее. Бываютъ минуты, мнѣ тяжело, что нѣтъ со мной души настолько пространной, чтобы принять одну каплю моей грусти, но тотчасъ же я сознаю, что это верхъ слабости; есть душа, въ которую я могу погрузить всю мою душу, та душа, изъ которой истекаетъ моя жизнь и рай, есть Александръ, и прости толпа, прости земля, ненужно мнѣ ваше участье и состраданье, дарите ихъ бѣднымъ, сиротамъ, а у меня есть Онъ!! Радость ли—дальше, дальше отъ людей, не вполнѣ поймутъ они ее, не вполнѣ порадуются, а это больно, это заставитъ поневолѣ

вздохнуть, такъ на комъ же остановить взоръ? радость его ослѣпитъ земные глаза, или погаснетъ отъ снѣга, который сыплется изъ нихъ. Вотъ лазоревое око, безпредѣльное око Отца, къ Нему обратись, въ Немъ потонегъ твоя радость, въ немъ разовьется она безпредѣльно. О, Александръ! что бы было мое за существованіе безъ тебя! Навсегда. на все разлилъ ты для меня блаженство, даже въ горькую чашу влилъ его. Какъ выкупилъ ты меня изъ рабства у людей, у земли, у горя, какой свободой подарилъ, ею наслаждаются только жители неба; ты поселилъ меня въ чертогъ блаженства и заградилъ входъ туда малѣйшей пылинкѣ, малѣйшей тѣни. Ангелъ мой, другъ, нѣтъ словъ для тебя. Какъ же не быть мнѣ чистою, высокою? Если-бъ я сотую долю сдѣлала для тебя, ты не сказалъ бы мнѣ: «я не ты». Возьми же эту чистоту, возьми святость, возьми все, пусть я буду одинъ прахъ, безъ тебя на что мнѣ небо, на что рай. Погоди, ужъ близко, близко... Мракъ исчезъ, алѣетъ востокъ, пробуждается все къ молитвѣ, слышишь дивные звуки, мигъ—и вселенная превратится въ свѣтъ и музыку.

21-е. И Витбергъ не могъ постигнуть твоей любви, — чего же ждать отъ другихъ? Но несмотря на это, мое уваженье къ нему безпредѣльно, я бы очень желала привѣтствовать его въ здѣшнемъ мірѣ. Жаль мнѣ его, ужасно жаль, какъ ты уѣдешь,—я знаю все, мой ангелъ, о, Александръ!

Вечеръ. Сейчасъ была Emilie, она въ восхищеньи, что ты будешь такъ близко: ежели-бъ малѣйшая возможность, примчалась бы къ тебѣ. Ну, вотъ и Emilie была; ты знаешь, чтó она мнѣ, но мнѣ не легче, нѣтъ, все это волнуется такъ въ груди, и давитъ ее, мнѣ невыносимо это бездѣйствіе, тогда какъ къ тебѣ поѣдутъ, тебя увидятъ... Что Ему угодно! —Послѣзавтра праздникъ великій, еще поздравленье, еще поцѣлуй. Прощай, пиши мнѣ все подробно, подробно. Господи, отчего же я всѣхъ далѣе отъ *него?* или оттого что всѣхъ ближе? Твоя Наташа. Прощай!

17 ноября. Вятка.

Наташа, мой милой, свѣтлой ангелъ. Нѣтъ, я все еще далекъ отъ той любви, которой надобно любить тебя. О, послѣднее время страданій нашихъ научило меня многому, — я былъ одинъ, просторъ былъ душѣ и чувству. Нѣтъ, во мнѣ еще много посторонняго, все вонъ, все это плевелы. Коль могутъ быть мысли, чувства во мнѣ, кромѣ любви, это я отнимаю у тебя. Боже, дай мнѣ ту же любовь, какъ у нея. Я перечитывалъ и перечитывалъ твое послѣднее письмо — вотъ она, та любовь, о которой я говорю, тутъ нѣтъ примѣси, тутъ нѣтъ земныхъ наносовъ. Я еще разъ пересоздамъ себя. Ты — вотъ вся цѣль моей жизни, остальное все вздоръ, остальное порогъ, преступленіе, остальное гордость! Слава... сколько тутъ эгоизма, съ корнемъ вонъ это чувство, горящее болѣзненнымъ огнемъ отравы, а не кроткимъ пламенемъ любви; а развѣ служба, литература все это идетъ не изъ жажды славы? Зачѣмъ мнѣ, чтобъ мою мысль, мое чувство оцѣнивали люди, когда есть ангелъ, который восхищается ими. Развѣ я въ самомъ дѣлѣ научу толпу, когда и Христосъ не научилъ ее. Я тебѣ говорю, Наташа, я недостоинъ твоей любви, потому что я могу заниматься тѣмъ и другимъ, тогда какъ все бытіе должно быть посвящено тебѣ. — А эти вечера въ шумѣ, дурачествѣ, чтобъ заставить молчать любовь, какая низость! Представь себѣ меня и себя. Ты одинокая — вся любовь и печаль, вся блаженство и страданіе, о, какая тутъ высота, святость. А я, перебивая вздоръ съ толпою, за стаканомъ вина... Я какъ-то все это живо почувствовалъ 14 ноября, этотъ день вдавилъ свинцомъ

мнѣ въ грудь рядъ пятинъ. А отчего все это? —Душа утратила чистоту, и вотъ почему мы еще не соединяемся. Провидѣніе этими испытаніями хочетъ выжечь все, что не золото въ твоемъ Александрѣ. Я понялъ Его перстъ, и роптал тамъ, гдѣ надлежало цѣловать карающую руку.

Какъ меня терзаетъ теперь разлука! Гдѣ ты, другъ мой, зачѣмъ не тутъ? О, какъ склонилъ бы я голову мою, какъ успокоился бы отъ долгихъ, долгихъ страданій. Видишь ли, я еще слабъ отъ того удара, мнѣ надобенъ покой, а гдѣ я его найду. Наташа, Наташа, я не смѣлъ бы поцѣловать тебя, я склонилъ бы свою голову на твое плечо, и ты была бы такъ счастлива, и я чуствовалъ бы твое дыханье, и ты своимъ дыханьемъ сдѣлала бы меня ангеломъ, дала бы мнѣ свое подобіе. И я бы уснулъ, а потомъ проснулся бы, и голова моя на твоемъ плечѣ! Ну, что-же, дастъ слава что-нибудь похожее, и для нея какихъ жертвъ не приноситъ человѣкъ! Посмотри, какъ твоя душа, сильная небомъ, пересоздала мою душу, сильную землею. Развѣ не твоя любовь внесла чистую поэзію въ это зданіе, гордое, какъ рыцарскій замокъ, не ты ли изъ замка сдѣлала храмъ Божій, т. е., твой,— вы нераздѣльны. За что могъ меня любить Огаревъ—развѣ по предчувствію, развѣ за возможность... Что я тогда былъ? огонь въ душѣ, это былъ красной пламень зажженой смолы. И откуда этотъ сильный, небесный ангелъ? А откуда въ уродливой старинной вазѣ, изуродованной глупыми украшеніями, растетъ лилія, чистая, какъ снѣгъ, нѣжная, какъ взоръ любви. Откуда? Отъ Бога, отъ Бога. Лиліи нужна только опора, надобно только наступить ногой, но счастлива и уродливая ваза,—ее назначилъ Богъ быть этой опорой. Счастливы ясли, носившія Христа.

А какъ бы ни были добры обыкновенные люди, все-таки они выше крыши своего дома не подымутся. Жаль ихъ, они добры, въ самомъ дѣлѣ, но ихъ доброта не по насъ, жметъ. Я читалъ въ письмѣ Эрна, что пишетъ Пр. Андр. о тебѣ, и смѣялся, она искренно жалѣетъ о тебѣ, почему, ты думаешь? потому что я *вѣтреной человѣкъ и слишкомъ молодъ*. Гофманъ говоритъ: люди дѣлятся на добрыхъ людей, и они прескверные музыканты, и на прескверныхъ людей и эти хорошіе музыканты. О, добрые люди! Дай Богъ вамъ здоровья, а пуще всего аппетитъ и теплую квартиру. И три-то года разлуки не могли имъ доказать моей любви! А вѣтренность чѣмъ они доказываютъ,—скоростью въ походкѣ, можетъ? Я себя упрекаю въ одномъ вѣтреномъ поступкѣ (да будетъ проклятъ этотъ гнусной поступокъ), это Мед.,—но, вѣдь, они его не знаютъ. Впрочемъ я прощаю, у нихъ мѣрки нѣтъ для душъ большого размѣра. А что сказать объ Emilie (покажи ей эти строки), «которая обрадовалась бы, услышавъ о твоей смерти», она меня называетъ другомъ, братомъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, твое теперешнее положеніе хуже, нежели было бы мое *тогда?* Онъ минуется, этотъ переходъ грязью, тебя грѣетъ любовь, тебѣ свѣтитъ надежда. А та ночь, которая обняла бы мою жизнь, это скитанье безумнаго, этотъ вѣчной стонъ—фу! И она обрадовалась бы. Пусть она будетъ увѣрена, что это не упрекъ, но зачѣмъ бросать такъ словами, не думая, теперь она сама содрогнется своей мысли. Прощай, ангелъ, до завтраго. О, ежели бы мнѣ увидѣть тебя во снѣ, я на дняхъ какъ-то видѣлъ. И какъ ты была хороша. Впрочемъ, объ этомъ и рѣчи нѣтъ, въ этомъ согласенъ и М. женихъ, я только и нуждался въ его авторитетѣ. Какъ эта исторія была бы смѣшна, ежели-бъ она не была облита твоими слезами. Но, Наташа, клянусь, каждая слеза твоя принесетъ тебѣ больше неба, больше моря блаженства. Прощай же, спи съ Богомъ, а все не хочется перестать.

18 ноября. Все еще я не пришелъ въ себя, все еще въ какомъ-то туманѣ

бродятъ образы и мечты и ихъ не поймаешь. *Иногда* представляется то бытіе — награда. Передъ глазами море, надъ нимъ небо, не свирѣпое, какъ въ Вяткѣ, а кроткое, а возлѣ меня ангелъ. И тутъ нѣтъ раздѣленія, ты и природа—это опять одно. Больная душа моя пьетъ силу, и я поэтъ, рѣчь моя огонь, пламень, глаза горятъ. Люди почли бы за сумасшедшаго, а ты со слезою будешь слушать и поймешь этотъ голосъ, который вырывается изъ души вулканической, обширной и долго сдавленной. Третій не можетъ тутъ быть, ни даже Огаревъ; послѣ дружба, послѣ четверо, нѣтъ ты и я, т. е., ни ты, ни я, а это существо, котораго тѣло Александръ, а душа Наталія. Да о чемъ же я тебѣ буду говорить. Ежели-бъ я это зналъ.—ненужно этой минуты; этого нельзя знать и вспомнить послѣ нельзя будетъ, — тутъ смысла не будетъ. О, какъ хороша поэма, въ которой дѣйствуетъ природа, человѣкъ и ангелъ. Это драма, на которую взглянетъ Богъ.

Иногда мы идемъ дорогой, бѣжимъ отъ людей, идемъ далеко на востокъ, въ Египетъ, гдѣ есть камни съ душой, а людей нѣтъ. Понимаешь, идемъ пѣшкомъ, нѣтъ поэзіи, гдѣ есть ямщикъ и станціонный смотритель, пѣшкомъ одни. И ставовясь на лодку, мы взглянемъ еще разъ на родину. Что сказать ей? По слезѣ родимому краю, и отвернемся, чтобъ онъ не подумалъ, что мы хотимъ ему послать упрекъ. Какъ несбыточно, скажутъ добрые люди, а, въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ несбыточнаго для насъ. Вѣдь, это для тѣхъ трудно, кто прокладываетъ карьеру, составляетъ капиталъ.

Слава крылоногому Меркурію—капиталъ въ рукахъ, а карьера — милости просимъ. I siori aspiranti, пожалуйте, я уступаю. Чтобъ я, за всѣ обиды людей, сталъ жить, какъ они живутъ. Никогда! На томъ свѣтѣ Брутъ встрѣтился съ Цезаремъ и спросилъ тотчасъ: «Куда *вы*, въ рай, или въ адъ? мнѣ это нужно потому, что ежели *вы* пойдете направо, то я налѣво». Вотъ съ этого міра взгляни на трудности, которыя раздѣляютъ насъ, и онѣ покажутся незамѣтными. И въ самомъ дѣлѣ, я половину вины беру на себя. Что-жъ я дѣлаю, почему не говорю? Чего бояться, что будетъ хуже, кажется, мудрено придумать; я одного боюсь, чтобъ какъ-нибудь не прекратили твою переписку. Конечно, и это я вынесу, но признаюсь, это будетъ мнѣ стоить двухъ третей моего существованья. Но, вѣдь, не вѣчно же я въ этой каторгѣ. Я только жду дальнѣйшихъ писемъ изъ Москвы, чтобъ разомъ маску долой и удивить. Смѣшно: ты говоришь, я единственное утѣшеніе у отца; ну, такъ что же, развѣ я хочу лишить его себя тѣмъ, что даю ему другое утѣшеніе—дочь и какую! (цѣну тебѣ они инстинктомъ знаютъ). Вотъ ежели бы я у него просилъ позволенія зарѣзаться, тогда онъ могъ бы упрекнуть меня своей любовью. Капризъ ставить наравнѣ со всею будущностью слишкомъ несправедливо. Жалѣя его, ненадобно дѣлать такой уступки. Ни слова о мелочахъ, я какъ дитя буду покоренъ, пусть онъ требуетъ, чтобъ я пересталъ курить, чтобъ обрилъ себѣ голову,—все сдѣлаю, но тутъ нельзя уступать. И зачѣмъ же онъ такъ далекъ, чтобъ вполнѣ понимать сына?

Сегодня я спросилъ Мед.: «Имѣете ли вы настолько самоотверженія, чтобъ пожертвовать своимъ счастьемъ блаженству человѣка, котораго вы любите?» Она, какъ бы понимая, куда пойдетъ рѣчь, сказала: нѣтъ.—Всей душой хочу я высказать ей все и не могу. Ахъ, зачѣмъ тогда меня оставилъ перстъ Божій. Вотъ ей моя рука дружбы на всю жизнь, но она ее не принимаетъ. Многіе ее называютъ очень вѣтреной, я радъ былъ бы убѣдиться въ этомъ, мнѣ было бы легче. Впрочемъ, любовь ея не имѣетъ чистоты,—это я знаю, но она сильна, и это мнѣ ножъ въ грудь. О, какъ я гадокъ при всемъ стремленіи вверхъ.

Я тебѣ сказалъ тогда давно: «счастья не жди». И вотъ тебѣ доказательство: въ самомъ началѣ какой-то свирѣпой рокъ душитъ насъ. Эта разлука — ножъ, змѣя, и ни одной надежды! Подожду и буду писать къ государю, силъ нѣтъ долѣе ее нести. Ну, 1837 годъ! Сердце обливается горячей кровью.

Я брался за двадцать книгъ и каждую бросалъ—мелко, поддѣльно, натянуто. Книгъ холодныхъ, *дѣльныхъ* я, разумѣется, не бралъ и въ руки. Одинъ Шиллеръ, другъ моего дѣтства, котораго я читалъ съ Огаревымъ чистыми устами отрока, одинъ онъ дивенъ, онъ знаетъ именно нашу любовь. Страшный Шекспиръ огроменъ, великъ, но я не удивляться хотѣлъ. Я искалъ созвучія, и Шиллеръ подалъ мнѣ его. Я почти не читалъ, а думалъ только о его трагедіяхъ, отдѣлывалъ каждое лицо въ воображеніи, и это заняло меня на минуту,—а тамъ опять черное настоящее обхватило душу. Во вторникъ мои именины, то-есть, день, который я вдесятеро скучнѣе проведу.

Отецъ небесный, довольно, молю тебя, довольно!

Я раскрылъ Жанъ Поля и попалъ на слѣдующее мѣсто, переведу его для заключенія письма: «Самыя сильныя страданія между высокими; такъ, какъ казни всегда бываютъ на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ, какъ люди на Альпахъ или на воздушномъ шарѣ исходятъ кровью. Насѣкомыхъ, живущихъ на землѣ, и коса, срѣзывающая траву, оставляетъ покойными въ ихъ низкомъ жильѣ».

21 ноября. Почты нѣтъ, съ трепетомъ ожидаю письма; что-то привезетъ оно, опять ли черное, мракъ или отдыхъ душѣ? А можетъ, ничего — это самое скверное. Ждемъ, ждемъ, и пустыя новости. Сегодня ѣдетъ Полина первый разъ къ матери Скворцова, вчера она благословила сына. Счастливые!—Какое огромное счастье въ рукахъ пап[еньки]—и неужели у него достанетъ жестокости задушить эту прелестную будущность въ своихъ рукахъ, или, по крайней мѣрѣ, покрыть ее черною мглой. Статьи бродили у меня въ головѣ, но я ничего не написалъ, я не могу сосредоточиться настолько. *Одна мысль* поглотила все—и слава Богу, этого я хотѣлъ!

Какая бурная жизнь, возьми ихъ, этихъ чудовищъ, которыя сосутъ мое сердце, каждое порознь: разлука, ссылка, твои страданія, раскаяніе, — возьми воспоминаніе тюрьмы и *всего моего воспитанія* (о, я никогда еще не говорилъ, сколько я перестрадалъ съ той минуты, какъ я взглянулъ на міръ; какіе раздирающіе душу образы являлись глазамъ, а душа была тогда нѣжна, слаба), возьми каждое изъ этихъ чудовищъ порознь и брось на грудь обыкновенному человѣку, и онъ задохнется. Но я не ропщу, лишь бы сколько-нибудь облегчился крестъ, а то смотрю вдаль и вижу одно увеличеніе его. Да, эта мысль мнѣ давно не приходила въ голову: о моемъ дѣтствѣ. Совершенно *чужой* въ родительскомъ домѣ, и на каждомъ шагу оскорбленія, да *какія*, которыя могли бы отправить въ сумасшедшій домъ взрослаго. До 20 іюля 1834 г. мы не знали другъ друга, я и отецъ мой,—эта жесткость въ его нравѣ ставила непроходимое разстояніе. О, сколько разъ ребенкомъ почти приходилъ я блѣдной и со слезою на глазахъ къ Огар. и склонялъ голову, которая кипѣла отъ внутренней обиды, на его плечо. И что было бы, ежели бы не этотъ другъ. Я ждалъ, какъ рая, минуты, когда вырвусь изъ дома, — и она превратилась въ адъ; но рѣшительно кромѣ Ог. никто не слыхалъ и жалобы. А эти Голохвастовъ съ компаніей, *ихъ благосклонность*, ихъ милосердіе, – фу, хуже того униженья, которое я переносилъ здѣсь при бывшемъ губернаторѣ. Въ этомъ отношеніи я еще долженъ отдать справедливость Льву Алексѣевичу,—я не помню отъ него ни одной обиды. Онъ безхарактеренъ, но *онъ плакалъ* въ Крутицахъ!

Вотъ отчего я такъ отдался послѣ жизни студента. Тамъ я видѣлъ товарищей, *равныхъ*, цѣнившихъ меня. И въ наукѣ я видѣлъ какую-то мать, которая звала меня отдохнуть подъ важнымъ порталомъ своего дома. Въ этомъ воспитаніи лежитъ зародышъ двухъ пороковъ (нѣтъ, десяти, двадцати), оскорбленіе и обиды развили во мнѣ жгучее самолюбіе и стремленіе къ власти и съ тѣмъ вмѣстѣ дали мнѣ эту притворную наружность, по которой рѣдко можно догадаться, что происходитъ въ моей душѣ. Еще что — охлажденіе къ семейной жизни. Можетъ, при иномъ воспитаніи я сохранилъ бы свою душу, чистую какъ хрусталь; мои страсти огненны, но въ нихъ ничего нѣтъ развращеннаго, а между тѣмъ, я развратился,— эти оргіи, вакханаліи, куда я бѣжалъ по необходимости, увлекли меня, смятенная воля, какъ струя огня, устремилась на развратъ, и я падалъ глубоко. Хоть бы взамѣнъ всего они мнѣ дали вдохновенье, молитву, нѣтъ и до нея я дошелъ тобою. Наша дружба съ Огаревымъ усиливалась болѣе и болѣе, потому что, кромѣ его, ужъ некуда было дѣть пламени. Вотъ въ первые дни тюрьмы я и перебралъ свою жизнь. Повторяю, перстъ Божій надѣлъ тогда цѣпь, въ тюрьмѣ я выросъ, но одна тюрьма ничего не сдѣлала бы. Любовь, она одна должна была преобразить меня. И явилась ты, моя Мадонна! Боже, какъ росъ, росъ этотъ святой образъ. Сначала я думалъ вести тебя. Но вамъ обоимъ назначено было стать выше меня, тебѣ и Огареву; и его я велъ сначала, но какъ вывелъ на свѣтъ, онъ исполиномъ сталъ передо мною. Сначала твои отвѣты (еще въ Крутицахъ) меня утѣшали тѣмъ, что зерна, которыя я бросалъ въ твою душу, возрастаютъ. Но вотъ развертывается эта лилія, ея бѣлизна, ея небесное показали, что я только былъ грубый садовникъ. Но лилія росла для меня, съ всякимъ письмомъ твоимъ я склонялся болѣе и болѣе, наконецъ, въ концѣ 1835 года палъ на колѣни предъ твоей высотой. Слава тебѣ, дѣва чистая, слава тебѣ.

22 ноября. Слава Богу, вотъ твое письмо отъ 14-го. Отлегла душа, немного спокойнѣе. У насъ въ перепискѣ съ пап[енькой] начинаетъ кое-что пробиваться. Я сказалъ въ прошломъ письмѣ, что у меня лежитъ на душѣ тайна, и что она рвется наружу,—что-то будетъ отвѣчать. Тебѣ теперь покой, потому я прямо не пишу, ибо когда я напишу, буря поднимется.

Портреты получилъ, былъ радъ, но это не Витбергъ: да, онъ похожъ, его лицо, но души его не видать и притомъ *съ улыбочкой*. Встарь всегда жену рисовали съ цвѣткомъ, мужа со шпагой и обоихъ *съ улыбкой*, — это меня разсердило. У нея лицо умное, одушевленное, брюнетка. Прощай!

23 ноября. Пустой день — безъ любви, безъ поэзіи явился онъ, а съ упрекомъ. Лишь только я глаза раскрылъ, мнѣ принесли прелестную подушку работы Мед. Горько было мнѣ ее принять. Наташа—суди сама. Холоденъ день—Вятка. Печаленъ—разлука. Эта толпа—и униженье людей вдобавокъ.

Прощай, ангелъ мой. Прощай. Александръ. Душно и скверно!

Москва, ноября 23.

Ночь. Слышалъ ли ты мое поздравленіе!.. Все это время меня обнимала одна мысль—*онъ будетъ близко!* Я радовалась, веселилась, какъ ребенокъ, безотчетно, но вчера, при началѣ всенощной, растаяло сердце, — я впервые подумала, да чему же радоваться, другіе увидятъ его, а я нѣтъ, для меня *все* будетъ также, также. Можетъ, и будущій канунъ 23-го ноября будетъ какъ и

нынѣшній — сиротливый, холодный, мрачный... Но ты знаешь, что для меня молитва?! Ночью мнѣ снилось о тебѣ. Открываю глаза—свѣтаетъ. —Александръ! излилось изъ переполненнаго сердца,—можетъ, и слышали это восклицаніе мои часовые, что мнѣ до того, я и не думала о нихъ. О, въ одномъ этомъ словѣ выразилось все, и это *все* неслось къ тебѣ. Можетъ, тебѣ снился голубь, небесное сіянье, иль рай, можетъ, ты, просыпаясь въ это мгновенье, слышалъ неслыханные звуки, можетъ, *на это мгновеніе* ледяной ноябрь, темной, мертвой, одѣлся тканью изъ цвѣтовъ дивныхъ, неземныхъ, грѣлъ, сіялъ, обнималъ тебя ароматомъ и музыкой, можетъ... Но въ какихъ бы формахъ то ни было, восхитительныхъ, или вовсе незнакомыхъ смертному, только я вѣрю, что все, наполняющее душу мою въ это мгновенье, перелилось въ твою. Какъ ясно, торжественно было утро, такъ празднично; но когда я возвращалась изъ церкви, ужъ дымъ клубилъ изъ трубъ, и дымомъ людскимъ обдало меня. Безпрерывно я уносилась къ тебѣ душою, а здѣсь—цѣлыми глыбами земли бросали въ меня; пусто, медленно и уныло прошелъ день, всѣ минуты его подобны были желѣзнымъ ржавымъ пилюлямъ, въ коихъ горѣли маленькіе брильянты, незамѣтные для простого глаза, но изливающіе дивный блескъ,—это полеты души къ тебѣ.

26-е, вечеръ. Вчера получила твое письмо отъ 13 ноября, и до сихъ поръ ни на минуту не покидаетъ воображенье тебя блѣднаго, въ слезахъ... О, Александръ, какъ ни сильно, какъ ни глубоко я вѣрую въ твою любовь, — это поразило меня, и несмотря на то, что уже ты здоровъ душой и тѣломъ, болѣзненное состояніе твое раздираетъ мое сердце, и всю ночь, будто, все кто-нибудь толкалъ меня, и я пугалась въ просонкахъ. О, Александръ, прочитавъ письмо, я переселилась вовсе въ прошедшее, проснулся и этотъ ужасъ и всѣ тяжелыя чувства, и ты, ты, мой ангелъ, въ такомъ положеніи. Мнѣ казалось, что скоро не будетъ во мнѣ силъ держать голову на плечахъ, такъ тяжела она сдѣлалась, что кость въ груди переломится. О, какъ упала бы я передъ тобою на колѣна, какъ бы слезами и поцѣлуями вымолила у тебя прощеніе, чѣмъ воздамъ я тебѣ? О, любовь, о, мой ангелъ, Александръ! я не умѣю, не могу ничего сказать.

Ночь. О, други, о братья, Скворцовъ и Эрнъ! жму вамъ руку, словъ вамъ нѣтъ, будемьте родные и здѣсь, какъ *тамъ*, безъ матеріальныхъ доказательствъ, необходимыхъ только *имъ*. Не чудно ли,—10 лѣтъ, 10 тысячъ, привычка, имя матери, попеченія материнскія, все это ничто предъ одною строчкой. Не скажи ты трехъ-четырехъ словъ о Скворцовѣ, и мы, какъ пришельцы изъ одной родины, изъ одной семьи—въ чужбинѣ, и раздѣленные толстою, каменною стѣною, не видимъ, не слышимъ другъ друга; пройдутъ вѣка, уйдемъ и мы, чужими, незнакомыми; но твое слово — это окно въ глухой, мертвой стѣнѣ, чего же болѣе странникамъ? они друзья, они родные братья! А для толпы и незамѣтно это окно на огромной стѣнѣ, и она восхищается своею крѣпостью!

Какъ грустно, не увижу я ни того мѣста, гдѣ жилъ ты три года, ни людей, съ которыми жилъ, хоть бы взглянула на теперешнее житье твое. Жаль друзей, горька имъ будетъ разлука съ тобой. Плачьте, плачьте, други, улетитъ вашъ соловей, закатится ваше ясное солнце! но, други, утѣшитесь тѣмъ, что, чѣмъ далѣе отъ васъ, тѣмъ ближе ко мнѣ! плачьте и креститесь, рыдайте и благодарите Бога. Боже мой, я воображаю, какъ трогательно будетъ провожанье. О, какъ полетѣла бы я отереть ихъ слезы, — осиротѣетъ Вятка! Утѣшь ее, Богъ, а **тебя принеси скорѣй ко мнѣ, скорѣй!**

Ты что? вѣрно, радостенъ, вѣрно, Владиміръ горитъ предъ тобой, какъ звѣзда,

привратница Востока, за ней заря, а тамъ и огненная точка, а тамъ, а тамъ... на что ждать вечера, въ полдень домой! Часто, перебирая и Вятскую жизнь, и отъѣздъ, и, наконецъ, Владиміръ — огромная перемѣна! свиданія... И посмотрю вокругъ себя: ничто, ничто не шелохнется, какъ будто *ничего!* тяжко, душно. Сотый разъ перечитываю твое письмо, то же содраганье, то-жъ умиленье: если бы ты былъ со мной, ты понялъ бы, а слова — слабое выраженье, да и на что же намъ *ихъ* средства для сближенья душъ? не отраженье ли ихъ это небо, солнце... Можетъ ли земля раздѣлить ихъ на части и снова соединить? Такъ и мы недоступны ей и людямъ, -смотрите, ежели есть очи, восхищайтесь, ежели видите, молитесь, ежели постигаете, а зажечь солнце, а навести малѣйшее облачко на яхонтъ—*не ваше!* Другъ мой, ежели ты получилъ то письмо, гдѣ я покойна, гдѣ все свѣтло, утѣшился ли ты? Не огорчайся разлукой съ друзьями, не забывай, при прощаніи съ ними, что ближе свиданье *съ ней*. Цѣлую тебя.

27-е. Въ ту минуту, какъ я прочла твое письмо, мнѣ казалось, что любовь моя такъ мала, такъ слаба передъ твоей, какъ свѣча передъ солнцемъ, но это оттого, что *твои слезы* поразили меня. Александръ, *довольно* любви найдешь ты въ этой груди! Создавался ли въ чьей душѣ смертному храмъ изящнѣйшій, зажигалось ли предъ кѣмъ пламя чистѣе, небеснѣе? Дай пройти черному морю и грозной тучѣ,—какъ полно, какъ раскошно, какъ совершенно и райски расцвѣтетъ наша жизнь! Ангелъ мой, за мигъ страданія— неисчерпаемая чаша наслажденій, за одну слезу, *твою слезу* -чертогъ съ неугасимымъ свѣтомъ, съ вѣчной гармоніей. Твоя слеза... О, другъ мой, съ какимъ бы благоговѣніемъ прижала я уста мои къ полу, на который канула она!.. Жизнь моя, нѣтъ словъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ я *узнала* тебя, первое желаніе вмѣстѣ покинуть землю. Это такимъ ужасомъ обдаетъ меня, какъ воображу себя одинокою, безъ тебя, среди этой многолюдной пустыни... Ужасно вздумать, какъ и тебя оставить въ ней. О, нѣтъ! Господи, одинъ путь намъ, одни врата, одни объятья!..

Ты говоришь, Александръ: «сколько можетъ пережить человѣкъ»—не человѣкъ, мой другъ, а Богъ, живущій въ немъ. Какъ перенесть бы мнѣ разлуку съ тобою, какъ бы не изнемочь, пивши три года горькую чашу и думая за каждой каплей, что она послѣдняя? Но Ему возможно все, —я жива, и жизни во мнѣ болѣе, нежели въ томъ, кто и не понимаетъ, что такое несчастье, и какой жизни! преисполненной рая, любви, Бога, тебя!

Какой дивный сонъ! ужъ всѣ встали, а мнѣ жаль было разстаться съ подушкой (чего со мной не бываетъ никогда), — все казалось, что изъ нея выйдутъ опять картины дивныя, восхитительныя, но, открывши глаза, ужъ убѣдишься скоро, что все мечта.

Марія—как люблю я ее, мнѣ хочется обнять ее, какъ сестру, съ которой была неразлучна всю жизнь; но приведетъ ли Богъ и встрѣтиться намъ здѣсь. На дняхъ и я получила отъ Саши Б.; созданье—ближайшее къ Творцу своему. Когда я въ состояніи постигать все блаженство мое, тогда я не могу молиться: глаза обращены къ небу, руки на груди, но нѣтъ словъ, нѣтъ и меня на землѣ.

28-е. Посмотри, какъ наши имена хороши вмѣстѣ — [тутъ вставлены перепутавшіяся А. и Н.]. Другъ мой, кто сказалъ тебѣ, будто я была больна? Неужели мнѣ писать тебѣ всегда, какъ болитъ голова, или только неможется? Ты подумаешь и Богъ знаетъ что! Ничего, ангелъ мой, успокойся, я здорова. Дивлюсь еще, какъ такъ дешево я расплатилась съ этими непріятностями и не выдержала жестокой болѣзни. Но теперь ужъ миновало все, — благодаря Бога, не будемъ и

вспоминать о томъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ жду я того письма, гдѣ ты напишешь, что ужъ получилъ извѣстіе. Пиши, Александръ, все пиши, если только будетъ возможность. Жаль мнѣ Вятку! но повторю опять: плачьте и благодарите Бога. Третья моя Саша говоритъ,— ежели бы увидѣла меня съ тобою, тогда сказала бы, какъ Симеонъ Богопріимецъ: «нынѣ отпущаеши...». Кто встрѣчалъ столько теплоты сердецъ, столько истиннаго чувства; богаты мы, Александръ, богатѣе владыкъ цѣлыхъ имперій. Ну, прощай, жму твою руку и всѣмъ друзьямъ, обнимаю тебя и ихъ на прощанье, я дѣлю съ ними ихъ грусть, пусть же и они дѣлятъ со мной мою радость. Душа моя, Александръ!

23 ноября.

Я одинъ — отхлынула толпа! Ну, что же это за голосъ, который мрачно, холодно, какъ ледъ, говоритъ укоромъ изъ глубины души? Ты думаешь обо мнѣ... *думаешь* — какое глупое слово! будто, то, что происходитъ теперь въ твоей груди, называется думать. Ты со мною, ты свѣтлая. Я долженъ бы былъ унестись восторгомъ въ рай, а тутъ-то этотъ земной голосъ и хрипитъ. Вотъ оно слѣдствіе необузданныхъ страстей! Двадцать разъ данное слово очистить себя, и двадцать разъ нарушенное. Слабость человѣка, который передъ другими людьми имѣетъ ту невыгоду, что понимаетъ добро и зло — дѣлая зло. И гдѣ же тѣнь справедливости? Мнѣ удивляются, меня превозносятъ,— оттого что я хитрѣе ихъ всѣхъ, и тѣ же чувства, которыя у нихъ наружу, у меня спрятаны. Добрые люди, когда вы будете умные люди? А Витберга считаютъ чудакомъ, полоумнымъ, потому что онъ дѣйствуетъ прямо, какъ того требуетъ душа; это не льститъ самолюбію, а жжетъ его. Нѣтъ, до тебя я все еще погибшій человѣкъ. Вотъ третій годъ продолжается комедія съ Мед., а въ сущности она очень печальна, это мелодрама. Гдѣ же твердость? Сказалъ, что ли, я ей: Идите своей дорогой, любви у меня вамъ нѣтъ, я люблю ангела, и послѣ этой любви ваша — глупость, нелѣпость или развратъ. Нѣтъ, я минутно увлекся, она повѣрила моему увлеченью, она пала глубоко, думая подняться, и я началъ плакать надъ тѣломъ, изъ котораго душу вытѣснилъ ногой; и что же — съ тѣхъ поръ *я дѣлалъ намеки,* какъ будто для того, чтобъ сдѣлаться интереснѣе. Ха—ха—ха, а они то удивляются мнѣ. Grace, grace pour moi! Уроды, тѣни, отойдите прочь, раздайтесь передъ образомъ небеснымъ, передъ ангеломъ, передъ Наташей. Я ей скажу: grace pour moi, и она будетъ молиться обо мнѣ, о себѣ ей нельзя молиться, она чиста, какъ лучъ солнца, который не дотронулся еще до грязной земли. Прощай, пойду туда, тамъ Полина — чистое дитя, она вѣритъ въ меня, и ея Скворцовъ вѣритъ. А я не вѣрю, а я сознаю въ себѣ безобразную смѣсь изящнаго съ отвратительнымъ. Наташа, можетъ, ты вздумаешь отвѣчать на эти строки, такъ слушай же: отвѣчай не возраженіемъ, а молитвой, а желаніемъ, отвѣчай любовью, — это лучше всего, въ любви все есть. Три года тому назадъ теперь я сидѣлъ на диванѣ, т. е. на постели, одинъ, въ сырой казематѣ. И что мнѣ мерещилось въ будущемъ.— Слава наградой за жизнь, дружба наградой за дружбу. А три года ссылки я не предчувствовалъ, а 9 апрѣля еще было въ лонѣ Божіемъ. Какъ смѣшна эта слава, статуя блестящая, потому что сдѣлана изо льда, и которая таетъ отъ солнца, потому что солнце — любовь. Ну, вы, пророки, гдѣ склонится эта голова черезъ три года, гдѣ дышать будетъ эта грудь, умѣющая помѣстить цѣлый рай, огромнѣйшее блаженство — любовь къ Наташѣ и любовь ея, и растерзанная снаружи въ клочья. Гдѣ? Ежели вы знаете, да будетъ проклятіе на васъ.

ежели скажете мнѣ; у меня украли прошедшее, а ужъ будущее это мое владѣнье пополамъ съ Богомъ. Да и на что мнѣ знать? Ужъ тебя-то я увижу навѣрное, въ продолженіе этого времени. Остальное такіе же пустяки, какъ дымъ сигары.

24 ноября. Я сдержалъ слово и провелъ вчерашній день вдесятеро скучнѣе всѣхъ прочихъ. Только это хотѣлъ я теперь тебѣ написать.

29 ноября. Ну, не правъ ли я, что задавалъ пророкамъ задачу о моемъ будущемъ. О, какъ самодержавно Провидѣніе ведетъ мою жизнь. Вчера утромъ получилъ я письмо, спокойно развернулъ, прочелъ, и передо мною путь. Итакъ, я ѣду во Владиміръ! Такъ радоваться, какъ ты, я не могу: 170 верстъ, или 1000, все равно тебя ко мнѣ не пустятъ, а ужъ годъ навѣрное тамъ надобно прожить. А, можетъ, отпустятъ меня на нѣсколько дней въ Москву. Боже, неужели это возможно? Это время во Владимірѣ я проведу особеннымъ образомъ, пусть оно будетъ временемъ очищенія и поста. Одиноко стану я тамъ въ новомъ обществѣ, отклоню всѣ знакомства. Это будутъ мои 40 дней въ пустынѣ, ими я заслужу наше свиданье. Ну, прощай, Вятка, всѣмъ сердцемъ благословляю тебя, ты не оставила чуждаго изгнанника, ты дала ему руку и привѣтъ. Благословляю тебя. А вы друзья, оботрите эту слезу, вѣдь, вы знали, что встрѣтились съ пилигримомъ, что онъ не могъ навсегда остаться съ вами, его зоветъ голосъ сильной. Прощай, Витбергъ, не я буду останавливать страдальческую слезу; прощай, Полина и Скворцовъ — не я стану съ вами у алтаря; прощай, Эрнъ, котораго я взялъ за руку и вывелъ на другую половину земного шара. Дружба вамъ и благословленье изгнанника.

30 ноября. Какъ я провелъ вчерашній день и сколько пространдалъ,—этого нельзя и сказать. Лишь бы ужъ кончилось все это скорѣе. Слушай: Медв. больна съ тѣхъ поръ, какъ узнала о моемъ отъѣздѣ, и я долженъ смотрѣть на ея страданія, какъ человѣкъ, который бы обокралъ отца семейства, пропилъ бы деньги и послѣ долженъ смотрѣть, какъ тѣ умираютъ съ голода. Утѣшить я не могъ и не хотѣлъ. Ты мнѣ писала однажды: при разлукѣ не подавай ей надежды. Я такъ и сдѣлалъ. Я говорилъ: покорность Провидѣнію и молитва! Но всетаки я самъ въ своихъ глазахъ униженъ, растерзанъ. Вечеромъ я пошелъ къ Витбергу въ кабинетъ и разсказалъ ему *все* и, кончивъ, я всталъ передъ нимъ, какъ осужденный на казнь; да, я хотѣлъ до послѣдней капли выпить униженіе и наказанье, я заслужилъ его; но душа высокая у Витберга. Я ждалъ камень, а онъ бросился въ мои объятья, и мы плакали. Онъ взялся послѣ моего отъѣзда все уладить, т. е. сказать ей о тебѣ. Когда кончился нашъ разговоръ, за которымъ я пять разъ утиралъ холодный потъ, я пришелъ въ свою комнату, о, тогда я былъ жалокъ, въ самомъ дѣлѣ, блѣдной, руки дрожатъ, грудь налита огнемъ, даже глаза сдѣлались мутны. Я глубоко страдалъ,—гордость унижена, безхарактерность и преступленіе. И вотъ, думалъ я, будто этотъ преступный — Александръ Наташиныхъ писемъ. Ха — ха — ха! Нѣтъ, тяжело, но надобно разъ пройти черезъ все это, и оно уже будетъ прошедшее. А до тѣхъ поръ я еще, можетъ, недѣли три останусь здѣсь, и ежели всякой день будетъ, какъ вчера,—то я занемогу. Разбойника наказываютъ разъ, а это три недѣли пытки.

Но отвернемся же отъ мрачной стороны. По первой почтѣ узнаю я, есть ли надежда побывать въ Москву. Хоть на денька два, взглянуть разъ на ангела и потомъ провести, какъ сказалъ, въ очищеніи время поста. Хорошо, что я переведенъ, надобно было круто перевернуть мою жизнь.—Исторія сватовства, пишешь ты, совсѣмъ кончена, а я знаю, что она продолжается, напиши объ этомъ.

Прощай. время еще есть, но я что-то вялъ, утомленъ. Прощай, мой ангелъ-хранитель.

Твой *Александръ*.

30-е ноября.

Вотъ уже нѣсколько времени я взволнована ужасно, не могу дышать свободно, не могу ѣсть. не могу видѣть людей, особенно богатыхъ — эгоизмъ! Мнѣ душно, страшно въ *ихъ* средѣ, дай вознестись, дай взойти въ твою душу — обитель радости и блаженства, о, ангелъ утѣшитель!

Когда видишь существо съ бѣдною душой, ограничивающееся однимъ матеріальнымъ, страждующее отъ недостатковъ и нужды,—сердце ноетъ, духъ смущенъ: а существо высокое, живущее на землѣ жизнью горнею, возносящееся къ престолу Его на крылахъ Вѣры и Любви и гибнущее отъ такихъ же нуждъ,—самое болѣзненное, невыносимое зрѣлище. Нѣсколько бы сотъ рублей,—и спасено семейство изъ 10 человѣкъ, а они, держа въ рукахъ тысячи, говорятъ жалостнымъ тономъ: «бѣдный, какъ жаль! *гдѣ ему взять?*». *Гдѣ??* О, каменныя сердца! лучше бы они смѣялись ужъ, глядя на страданія братій своихъ, лучше бы, ѣвши сверхъ сыта, говорили радостно: онъ умираетъ съ голода! Это былъ бы одинъ эгоизмъ, а тутъ и лицемѣріе еще. Господи, отпусти имъ. Во всѣ голоса кричатъ: «несчастной, какъ ему быть»! и громче всѣхъ кричатъ тѣ, которые скорѣе могутъ помочь. Я не могу ни съ кѣмъ промолвить слова, ѣдкія слезы навертываются, дыханіе въ груди останавливается, слыша ихъ. Ненавистно для меня золото, а на цѣлый бы годъ пошла въ рабочій домъ, чтобъ достать горсть его. Не трать попустому денегъ, Александръ, и какъ можно менѣе для себя, намъ незамѣтно удовольствіе, стоящее сотни, тогда какъ одинъ рубль можетъ возвратить жизнь несчастному. И я иногда завидую власти и богатству... но владѣйте-жъ вашимъ металломъ, вашей землею, у меня есть лучшее достояніе. Зарывайте ваше золото въ преисподнюю, а слезы мои ангелы вознесутъ на небо; звукъ самаго свѣтлаго золота вашего возбудитъ только сердце корыстолюбиваго, стонъ страждущаго сердца преклонитъ небеса; вы купите вашими монетами лишь угрызеніе себѣ,—я куплю молитвами рай вамъ!.. Что же, неужели терпѣніе и покорность ничто предъ Нимъ, неужели изнеможеніе и самыми тягчайшими муками извергнутый вздохъ — есть грѣхъ? Ежели и грѣхъ, то, вѣдь, единородный Сынъ Его только безгрѣшенъ. Милосердный Господи!.. Мнѣ легче.

Выше, выше, мое солнце, заждались тебя, разсѣй тучи, освѣти, согрѣй, оживи! Непостижимо: въ соединеніи съ тобою я вижу не одно свое блаженство, а спасеніе всѣхъ. Будто, тогда всѣ несчастные отрутъ слезы и возрадуются, всѣ злые уподобятся агнцу Божію, о, Александръ!

1-е декабря. Насколько люди могутъ все охладить, и съ какимъ равнодушіемъ,—это удивительно. Въ воскресенье видѣла крещенье двоихъ евреевъ; описать нельзя всѣхъ чувствъ, пробужденныхъ этимъ таинствомъ. Съ какимъ восторгомъ, съ какой любовью смотрѣла я на новыхъ братій, съ какою бы горячностью обняла ихъ. Растетъ, растетъ семейство Христово! думала я, и всѣ казались мнѣ лучше, и я какъ-то была свободнѣе съ людьми. Но вообрази, тогда какъ я разсказывала объ этомъ съ восхищеніемъ, мнѣ говорятъ, что жиды принимаютъ христіанскую вѣру только изъ корысти и послѣ обращаются опять въ свою. Можешь понять, какъ это испугало и ужаснуло меня. — Ахъ, люди! люди! Для нихъ гдѣ нѣтъ денегъ, все маловажно, а на меня и это обстоятель-

ство сдѣлало вліяніе, да за нимъ же еще цѣлый рядъ низостей,—всѣхъ смертельно жаль.

Вечеръ. Читала я повѣсть, очень незначительную, но такъ живо описана нѣжность родительская. Отецъ угадываетъ любовь единственной дочери и прежде, нежели она рѣшается открыться ему, онъ самъ начинаетъ (чтобъ не затруднить ее) и тутъ же, наплакавшись съ нею вмѣстѣ, нарадовавшись, благословляетъ ихъ и говоритъ жениху: «вотъ все мое сокровище, прими и береги его». Сначала радовалась и я вмѣстѣ съ ними, но потомъ обратилась на себя... Не помню, когда-бъ я свободно и изъ души сказала: маменька! къ кому-бъ безпечно, забывая все, склонилась на грудь. Съ восьми лѣтъ чужая, и кто благословитъ меня? Не въ нашей волѣ иногда оторваться отъ земли. Священны и эти картины, и поэзіи въ нихъ тьма; какъ же не больно оглянуться на свою, гдѣ нѣтъ и малѣйшаго цвѣтка, котораго бы не гнуло къ землѣ хоть крошкою льда. Но это *иногда* исчезаетъ, слѣдовъ его не видно, и земля съ своими сестрами и братьями кажутся движущимися пылинками, а душа богата небомъ, богата семьей,—кого недостаетъ мнѣ съ тобою? Кто ты—тотъ братія и мать моя. *Имъ* необходимо это все, у нихъ ужъ больше не бываетъ, а намъ, намъ... мы даны другъ другу!..

2-е декабря. Любви нашей, какъ самому Богу, нѣтъ границъ, и намъ границъ нѣтъ,—тамъ, подъ нами, кто желаетъ умереть генераломъ, кто въ собственномъ уголкѣ, у насъ *этого* ничего нѣтъ, а есть *все*. Тамъ почти каждой назначаетъ чѣмъ окончить жизнь свою, намъ вѣчный путь. Свѣтъ, Святость, Величіе. Высота такъ необъятны и недосягаемы, что мы никогда не можемъ сказать —довольно! Александръ! великъ ты, великъ! но я не скажу никогда: остановись. Выше, выше, ангелъ мой, летимъ! летимъ! Не кажется ли намъ при полученіи каждаго письма, что уже въ слѣдующемъ *больше* быть не можетъ и только получивъ его, видимъ, насколько ближе къ небу. Какъ хорошъ ты, какъ дивенъ въ послѣднемъ письмѣ (отъ 17 ноября до 23), какъ необъятна твоя любовь, да, Александръ, это письмо болѣе другихъ, болѣе любовью и тобою. Но, другъ, мы находимъ рай, чувствуемъ его, восхищаемся настолько, насколько постигаемъ его, а онъ таковъ, какимъ человѣкъ и вообразить его не можетъ. Итакъ, яснѣе, яснѣе мое небо, полнѣе, полнѣе мое море. Ты бросаешь все, и славу,—я не отвергаю ее, но единогласная хвала всего края земного, его колѣнопреклоненіе не выразятъ столько, какъ одинъ взоръ любви. Это крикъ ворона предъ пѣснью соловья, а, вѣдь, они оба хвалятъ Бога. Чего ждать намъ отъ людей? что могутъ они *намъ* дать? развѣ только то, чѣмъ они дѣлятся съ червями,—дадимъ имъ то, что далъ намъ Отецъ небесный, подѣлимся съ ними тѣмъ, чего нѣтъ у нихъ!

Странно, приходитъ середа,—отъ нетерпѣнія тоска, не знаешь, чѣмъ прогнать ее скорѣе; приходитъ четвергъ, и во всемъ вмѣшивается улыбка, покидаешь все и слѣдишь за минутами глазами и сердцемъ. Письмо! ничего болѣе ненужно, какъ черезъ минуту опять ожиданіе, опять взоръ обращенъ вдаль, но четвергъ еще точка чуть замѣтная, вотъ больше, больше, и нетерпѣніе растетъ съ нею. И такъ прошло полжизни, сколько-то еще! Господь съ тобою.

3-е декабря. Да, добрые люди очень несносны, они замучили меня немилосердно своей добротой. И странно, всей огромностью своего участія, они доказываютъ только то, что сами они очень жалки: сколько потерпѣла я отъ нихъ въ продолженіе сватовства,—это ужасъ. Несмотря на это, исторія Снакс. въ самомъ дѣлѣ смѣшна, и я смѣялась бы ей, если-бъ въ ней главное не было униженіе и обида; пересказать и вспомнить всего нельзя, да и лучше забыть—Богъ съ ними!

Подивись вотъ чему, мой другъ: к[нягиня] благодаритъ за меня Бога, говоритъ, что я рѣдкая, что надо мною благодать Божія. Большею частію я не говорю съ ними, потому что, большей частію, они бываютъ слишкомъ далеки отъ меня, но иногда читаю имъ Евангеліе, говорю о душѣ, о жизни вѣчной: мнѣ отвѣчаютъ только вздохомъ, печальной миной, а въ счастливую минуту соглашаются со мной, я говорю всегда прямо, и на меня за это не сердятся. Несчастіе этого семейства, о которомъ я говорила тебѣ, и поддѣльное *ихъ* состраданіе раздражило меня совершенно, я не могла скрыть и, начавъ Евангеліемъ, стала представлять имъ всю гнусность и грѣхъ жадности,—ну, словомъ, заставила ихъ взглянуть *прямо* на ихъ поступки, заставила ихъ содрогнуться, и только не выговорила того, что они ужасаются сами себя; потомъ указала и на блаженство *самоотверженныхъ* здѣсь и *тамъ*. Они почти все молчали, слушали съ какимъ-то удивленіемъ, и какъ я вышла, к[нягиня] перекрестилась и сказала, что она покойна за меня, что самъ Богъ помогалъ ей въ воспитаніи меня. Да, это правда. Но я не похвалъ хотѣла, слава Богу и за то, что слова мои отворили ихъ сердце, можетъ, они и взошли въ него, можетъ, и зажгли въ немъ потухающій свѣтильникъ... дай Богъ!

Да, да, Александръ, ты преклонишь голову на плечо мое и уснешь, тебѣ будетъ видѣться небо, рай, ангелы, ты будешь слышать ихъ пѣснь, самъ будешь носиться въ ихъ средѣ, свѣтло-вѣчною славой сіяетъ престолъ, вѣчное милосердіе льется съ него рѣками. Я не буду дышать, не поцѣлую тебя, только все буду смотрѣть на тебя, долго, долго, долго.. А какъ проснешься, тутъ я поцѣлую тебя, чтобъ ты не испугался земли. Знаю, ангелъ, страшна тебѣ земля безъ меня, я не покину тебя, не бойся. Не желѣзомъ будемъ мы обороняться отъ *нихъ*, нечистые сами не подойдутъ къ свѣту. Ужъ полночь. Прощай, обнимаю тебя.

4-е. Я думаю, что папенька очень встревожится твоей тайной и разсердится, ежели ты будешь медлить открыться ему; но мнѣ кажется, что не для чего начинать до пріѣзда его во Владиміръ; въ перепискѣ все что-то холодно, нѣмо; тогда же отецъ, пріѣхавшій къ сыну для его и своего утѣшенія, не захочетъ покрыть свиданіе мракомъ и увеличить болѣзнь, вмѣсто облегченія. Но ужъ я отдала все твоей волѣ, да будетъ мнѣ по глаголу твоему.

Теперь ты уже знаешь о перемѣщеніи своемъ,—какъ-то это тебѣ кажется? Можетъ, и грустно будетъ, но все радость перевыситъ. Утекаетъ 1837 годъ, съ новымъ все новое: и люди, и городъ, и надежды. Да, все ближе и ближе. О, какъ часто переношусь я въ это *тогда*, и что странно, Александръ, оно является мнѣ почти всегда безъ людей, ни отголоска, ни тѣни ихъ, вотъ такъ, какъ ты говоришь: и на морѣ—одни, и въ пескахъ—одни, и во вратахъ вѣчности—одни! на что намъ чужая семья, не поймутъ они нашего счастья, можетъ, еще будутъ жалѣть.... Я, ты, природа, Богъ! вотъ семья, вотъ единое, нераздѣльное! Кто нуженъ еще? Прости, родимый край, друзья, можетъ, увидимся, ежели и нѣтъ,—не плачьте *о насъ*, поглотитъ ли волна, сожжетъ ли солнцемъ, или Этна будетъ намъ могилой,—помните, что мы вмѣстѣ, и плачьте только о себѣ. Перебираю всѣхъ, кого бы мнѣ было жаль оставить, многихъ жаль, можетъ, я воротилась бы съ дороги взглянуть на нихъ еще, навернулись бы слезы, но твой взоръ, твоя рука.... Первое путешествіе должно быть на Востокъ. Туда, туда, откуда жизнь, гдѣ ясли, крестъ, Ѳаворъ: пусть мы и умремъ тамъ, забытые своими; и теперь намъ душно, тѣсно здѣсь, чѣмъ далѣе—душа свѣтлѣе, пространнѣе; и какъ намъ будетъ *взойти* въ тѣ двери, въ которыя *вышли*? На чтобъ и соединяться намъ, ежели бы мы все оставались тѣми же? мы будемъ расти, расти, свѣтлѣть... Мы

оставимъ родину дѣтьми, оставимъ и всѣхъ дѣтей ея, и какъ же намъ будетъ возвратиться къ нимъ совершенными? Останемся съ *ровесниками*, чтобы и въ гробу намъ не было *тѣсно*. Мечты! мечты! но несбыточнаго въ нихъ нѣтъ.

Какъ иногда усталая, изнуренная отъ пути и зноя, я испугаюсь здѣшней прохлады и мягкой постели.

Ночь. —Какъ пуста, какъ глупа обыкновенная жизнь. *у нихъ* дни исчезаютъ, какъ мыльные пузыри, есть ли хоть малѣйшая польза, хоть слѣдъ... уйдутъ съ земли, не знавши жизни, не знавши земли,—та же спальня, тѣ же блюда, тотъ же самоваръ. Господи, и они живутъ! Нѣтъ, нѣтъ, мой ангелъ, дальше кухней, дальше отъ этого храпѣнья. Похожи ли они на людей! Это ужасно: придешь къ священнику за хлѣбомъ жизни, за питьемъ небеснымъ, а тебя принуждаютъ ѣсть баранину, свинину. Нѣтъ, мой хранитель, уведи меня туда, далеко, гдѣ только птицы летаютъ, поютъ... Ахъ, если бы туда, гдѣ люди живутъ какъ птицы! Но гдѣ же это? Неужели человѣкъ созданъ, чтобъ прижаться въ уголкѣ, не смѣть сдѣлать шагу и довольствоваться только ѣдою и сномъ, — какъ они унижаютъ человѣчество! На что намъ домъ и всѣ удобства, —посохъ въ руки, котомку за спину, не съ пищей, не съ одеждой, на что намъ объ этомъ заботится, развѣ мы не дома на землѣ, гдѣ бы то ни было? у меня въ котомкѣ будутъ письма, портретъ—безъ нихъ ни шагу: когда перейдемъ въ вѣчность, мы не умремъ на землѣ, эти письма будутъ громче и полезнѣе всякаго памятника; гдѣ найдутъ ихъ, на томъ мѣстѣ поставятъ часовню, и люди будутъ почерпать въ ней любовь. Изголовье —камень, крыша — небо, пища —плоды, безпрерывная пѣснь, гимны, молитва, любовь, любовь—вотъ *жизнь человѣка!* А это — но что и говорить: если-бъ въ нашихъ силахъ было перемѣнить,—будемъ мы *жить!*

Какъ ты любишь меня, Александръ! Господи, Господи! Ты знаешь, Отецъ небесный, словъ нѣтъ. Ни въ которомъ письмѣ нѣтъ столько любви, какъ въ послѣднемъ. О, начало мое, о, небесная моя лѣствица! о, Александръ! ежели я всю жизнь буду говорить тебѣ о моемъ блаженствѣ, —не перескажу ничего. Посмотри очами души твоей на мою душу, и довольно! Какъ мы будемъ дома, какое раздолье— на берегу моря, на горѣ, въ благоухающихъ рощахъ, въ степяхъ; здѣсь нѣтъ дома *по насъ*, тамъ, тамъ жилище любви, гдѣ до строенія Божія не касалась рука человѣка.—Но на кого же покинемъ друзей? Пусть они сходятся въ назначенные дни и посвящаютъ ихъ *вспоминанью о насъ*, пусть возносятся туда, гдѣ мы можемъ быть вмѣстѣ, несмотря на горы и моря, раздѣляющія насъ. Но между ними есть слабые еще, которымъ нужна опора, — на божьи руки ихъ! Только Сашу не покинемъ, она умретъ безъ меня. —Обнимемся, Александръ, пора разстаться, но пусть ихъ, а мы будемъ вмѣстѣ.

5-ое декабря. —Тяжело, другъ мой, быть чужою и среди чужихъ, а въ родительскомъ домѣ... Я помню, какъ еще ребенкомъ, едва начавъ понимать, иныя слова пронзали мнѣ сердце, какъ я краснѣла и спѣшила выйти, чтобъ даже и смущенья моего *они* не видали. А съ твоей душой —и отъ тѣхъ, за кѣмъ пустое поле... я постигаю это, очень постигаю—погоди, отдохнешь. И мое ребячество было самое грустное, самое печальное, горькое; сколько слезъ пролито, не видимыхъ никѣмъ, сколько разъ бывало ночью, не понимая еще, что такое молитва, я вставала украдкою (не смѣя ихъ и молиться не въ назначенное время) и просила Бога, чтобъ меня любилъ кто-нибудь, ласкалъ... Не было той забавы и игрушки, которая бы заняла меня и утѣшила (послѣ папеньки), потому что, ежели и давали какую, то съ упрекомъ и съ непремѣннымъ прибавленіемъ: «ты

этого не стоишь»; каждый лоскутокъ, полученный отъ *нихъ*, былъ мною оплаканъ. Потомъ я становилась выше этого. стремленіе къ наукѣ душило меня, я *ни чему* болѣе не завидовала въ другихъ дѣтяхъ, многіе меня хвалили *въ глаза*, находили во мнѣ способности и съ состраданіемъ говорили: «ежели руки приложить къ этому ребенку»—онъ дивилъ бы свѣтъ, договаривала я мысленно, и щеки мои горѣли; я спѣшила идти куда-то, мнѣ видѣлись *мои* картины, *мои* ученики.... а мнѣ не давали клочка бумаги, карандаша. Сердце умерло для той жизни, которая меня окружала, тѣмъ болѣе, что я *не умѣла* въ ней сдѣлать шагу, сказать слова, я чувствовала, что есть страна, гдѣ Божіе созданіе цѣнится вполнѣ, гдѣ не требуютъ, чтобъ оно было передѣлано человѣческими руками, и стремленье въ тотъ міръ становилось все сильнѣе и сильнѣе, и съ нимъ вмѣстѣ росло презрѣніе къ моей темницѣ и къ ея жестокимъ часовымъ. Тутъ я повторяла безпрерывно стихи Козлова, гдѣ чернецъ говоритъ:

Вотъ тайна: дней моихъ весною,
Ужъ я все горе жизни зналъ...

Какъ созвучно съ моей душою, какъ сходно съ моимъ сиротствомъ, какъ отрадно лились слезы надъ этими стихами, и вообрази мое удивленье: помнишь ли ты это, мы какъ то были у васъ, это давно, въ томъ еще вашемъ домѣ, я вышла въ твою комнату, и ты спросилъ меня, читала ли я Козлова, и сказалъ изъ него наизусть [вырвано слово] это мѣсто,—трепетъ пробѣжалъ по мнѣ, я улыбнулась и насилу удержала слезы. *Тогда* разскажемъ мы другъ другу все, все съ самаго дна сердца, пошлемъ вздохъ пришедшему и стройно, звонко запоемъ гимнъ.

Emilie у меня давно не была, мы видимся съ нею изъ мѣсяца въ мѣсяцъ; это ужасно, что [за] люди ей встрѣчаются, ужъ сколько домовъ перемѣнала она, какая несносная жизнь! Къ тому же все больна и средствъ нѣтъ. О, Боже мой, правъ Жанъ Поль: одни пресмыкающіяся насѣкомыя живутъ покойно. Но, кажется, она будетъ опять въ томъ домѣ, гдѣ жила два года, гдѣ нашла людей съ душой и оцѣнившихъ ее: дай Богъ! Теперь меня очень интересуетъ дорога: какъ станетъ путь, пріѣдетъ Саша Б. изъ Курска. А когда ты въ путь? Вотъ ужъ почти недѣля, я думаю, какъ ты получилъ извѣстіе. Прощай, мой ангелъ, надо ложиться. А прошлую почту, не знаю почему, не послали тебѣ мое письмо, ты будешь грустить, что не получишь. *Теперь всѣ* могутъ угнетать насъ, насколько хотятъ. Зато ужъ этотъ разъ богатая почта! Руку! Прощай.

Твоя *Наташа*.

---

1 декабря, Вятка.

Ну, здравствуй, милый другъ, ангелъ! Черная хандра миновала. Я выглянулъ на дворъ. Солнце играетъ по льду — свѣтло, я взглянулъ на душу — твой образъ — свѣтло и тамъ. О, такого прилива мрачныхъ думъ, такого демона еще не разу не было въ моей душѣ. Съ 14-го до 1-го я былъ какой-то Чайльдъ Гарольдъ. Я похудѣлъ въ это время, но переломъ прошелъ. Теперь я только понялъ, что свѣтлая заря возвращенья уже дотронулась.—я, вѣдь, тѣ дни не понималъ, что такое значитъ Владиміръ. Это первый шагъ, это 800 верстъ меньше, это прямое указаніе, что меня прощаютъ. Наташа, ну, ежели въ самомъ дѣлѣ съ меня снимутъ наздоръ, тогда — понимаешь ли ты эту фразу?—тогда *къ марту мѣсяцу я въ отпуску*. Декабрь, генварь, февраль. Мартъ — это мѣсяцъ, въ каторый я

родился. 29 марта 1838 прочтена высочайшая конфирмація. Итакъ, 1837 годъ хотѣлъ исправится на 12 томѣ; я хорошо проведу время во Владимірѣ. Я буду молиться, я буду вѣчно одинъ, т. е. вѣчно съ тобой, я буду писать, когда душа полна, и вамъ, Вятскія друзья, удѣлю я воспоминаній, да и они меня не забудутъ. Винятъ людей — вздоръ! всегда надобно себя винить. Человѣкъ чуть съ теплой душой, и тотчасъ его окружатъ любовью.

Мед. воскресла; въ женскомъ сердцѣ есть много силы, ежели достанетъ только рѣшимости употребить ее. Она мнѣ писала, она поняла, отчего мои страданія; она говоритъ, что все кончено, Богъ ее укрѣпилъ, и что она отдается вся воспитанію своихъ дѣтей и съ ними, беззащитная, будетъ искать пропитанія Нѣтъ, не беззащитная, это вздоръ. Теперь я подамъ ей руку, теперь она увидитъ, для кого она сдѣлала жертву; о, до послѣдней капли крови я ей другъ послѣ этого. Лишь бы она выдержала характеръ. Ну, Наташа все намъ помагаетъ. Дивенъ Богъ! Забудь два послѣднихъ письма,— ихъ диктовала взволнованная кровь. Зачѣмъ же ты такой огромной смыслъ придала двумъ словамъ, сказаннымъ въ минуту негодованья на себя, т. е., *я не ты?* Въ эти минуты точно — я не ты. Ну, да что объ этомъ говорить; сегодня я выздоровѣлъ, отеръ голову отъ пота, который выжимали мысли ядовитыя, и вздохнулъ легко. Только боюсь совсѣмъ предаться радости. Ну, какъ надзоръ оставленъ, а этого до Владиміра едва ли узнаешь. Я ѣду отсюда черезъ 10 дней, по полученіи повелѣнія (оно еще не получено): итакъ ты, можешь, примѣрно, знать, когда я уѣду и гдѣ буду. Изъ Нижняго буду писать, изъ Мурома тоже: впрочемъ, ежели не получишь письма, то не безпокойся, я помчусь на почтовыхъ и, можетъ, придется ночью проскакать по городу. Ежели 3 числа придетъ, то ужъ навѣрное 15-го я обниму здѣшнихъ друзей и въ повозку, на дорогѣ четыре дня, много пять. Итакъ, я буду имѣть честь поздравить Васъ, Наталья Александровна, съ высокоторжественнымъ праздникомъ Рожд. Хр. изъ Владиміра особымъ письмомъ, ежели Вы позволите. Ну, прощай, сестра, другъ, прощай. Пойду куда-нибудь, хочется воздуху, ну, пошире чтобъ было, нежели въ комнатѣ.

Вчера были именины Скворцова, и Полина была тамъ. Ахъ, Господи, какъ не пристала невѣста къ холостой квартирѣ. Хорошо, что ты заранѣе взяла мѣры и привыкла къ моимъ комнатамъ. А гдѣ ты, въ какихъ комнатахъ будешь ты невѣстой у меня? Въ той ли, которую мы такъ любимъ по тысячѣ воспоминаній, знаешь, моя полутемная съ выходомъ въ садъ, или этотъ домъ *будетъ чужой?* Это слово что-то опять обдало морозомъ. Ну, стало, перестать писать.

2 декабря. Александръ Лаврентьевичъ хотѣлъ знать, кто ты. Чтобъ долго не разсказывать, я прочелъ ему два письма,—въ письмахъ ты чрезвычайно ясна. Онъ слушалъ долго, когда я уже пересталъ читать, и, наконецъ, съ восторгомъ и слезами сказалъ мнѣ: «Это ангелъ-хранитель, котораго Богъ послалъ вамъ»; Наташа.... что я чувствовалъ въ это время! Мы обнялись. «Напишите же ей», прибавилъ онъ, и слезы капали на мою руку, которую онъ держалъ, «напишите, что Витбергъ въ Вяткѣ молится за нее и за ея Александра, и что онъ душою желалъ бы увидѣть Наташу (и онъ тебя зоветъ Наташей)». Ну, толпа, что вы противопоставите такой минутѣ? Какъ безоблачно, свѣтло было на душѣ! Ежели ты рѣшишься, то вложи ему особую записочку ко мнѣ въ письмо (хотя и во Владиміръ, нужды нѣтъ), поблагодари его, ты понимаешь. — Когда-то ты увидишь эту благородную развалину громомъ разбитаго зданія? Или неужели мы теперь съ нимъ разойдемся и навсегда? А Богъ вѣсть,—моя жизнь идетъ такъ

странно, такъ мудрено, что впередъ ничего не знаю. Да, не шла моя жизнь по битой дорогѣ. Теперь оканчивается одна изъ главъ ея. Обернемся опять назадъ, опять взглянемъ на прошедшее. 20 іюля 1834 считаютъ за несчастіе, а это былъ первый шагъ къ жизни духовной и гармоніи; вотъ какимъ путемъ надобно было провести мою неугомонную душу, чтобъ сравнять ее съ тобою. Витбергъ правъ; онъ вчера говорилъ: «я не знаю силы въ мірѣ, которая бы могла укротить вашъ бурный, порывистый нравъ. я уже отчаивался въ этомъ, но теперь вижу: съ *ея* сильной и религіозной душою *она* спасетъ васъ». И 9 мѣсяцевъ тюрьмы были необходимы, чтобъ я понялъ этого ангела.—Ахъ, неужели мой отецъ не пойметъ, что ты сдѣлала для меня. Дай намъ увидѣться во Владимірѣ, на колѣнахъ буду я его умолять, онъ меня очень любитъ. Господи! я, осыпанный твоими милостями, я еще дерзаю молить къ тебѣ: облегчи мнѣ этотъ шагъ, который дѣлается подъ святымъ благословеніемъ твоимъ.

Наташа, радуйся! и я начинаю понимать, что такое молитва. Получивъ извѣстіе о переводѣ и видя, какъ оно поразило Мед., я содрогнулся, пришелъ въ свою комнату, завернулся въ ергакъ и бросился на диванъ. Меня била лихорадка, униженнымъ, преступнымъ, *недостойнымъ тебя* казался я. Тяжело мнѣ было (ты это ужъ видѣла изъ прошлаго письма). Тогда я вспомнилъ молитву, я обратилъ глаза къ небу и просилъ милосердія. Горячими слезами выкупалъ я свой проступокъ, раскаянье полное, чистое наполняло душу, я молилъ Его, чтобы Онъ вывелъ меня изъ этой бездны, молилъ, чтобъ онъ ей далъ силу. И молитва моя дошла, сильной всталъ я и тутъ явилась у меня рѣшимость сказать Витбергу,—это была исповѣдь; о, какъ облегчаетъ душу высказанная тяжкая истина, она ядомъ проникаетъ въ каждую жилу. И Витбергъ принялъ эту исповѣдь не какъ судья, а какъ братъ, не презрѣніемъ, а любовью. Это все произвела молитва, и послѣ рѣшимость самой М. (не знаю только, сладитъ ли она)—и это оттуда же. И теперь будто ужъ я вполовину и загладилъ. Два года этотъ ядъ гулялъ по моему сердцу, теперь только начинаетъ онъ ослабѣвать. А любовь, любовь... Я на всѣхъ смотрю съ какой-то нѣжностью, гдѣ эта жесткость характера, въ которой меня всегда обвиняли, и все хочется говорить о тебѣ. Какъ хорошо, что Витбергъ знаетъ, свѣжую мечту несу я ему, я теперь безпрестанно могу говорить о тебѣ. Наташа, ангелъ мой... Нѣтъ, этого не скажешь, тутъ не слово, взглядъ. Другіе тебя называютъ ангеломъ, какъ же назову я тебя? Чудное дѣло: ужасно хочется плакать, а я не привыкъ къ слезамъ, можетъ, слеза моя яснѣе бы сказала, что я хочу выразить.

Полина и Скворцовъ въ отчаяніи отъ моего отъѣзда, но Полина мнѣ вчера сказала: «какъ навернется у меня *слеза печали*, такъ и сотру *слезою радости*, вспомнивъ, что, можетъ быть, вы увидите Наташу.—Да, это то и называется *жить*»; напиши подробной журналъ всякаго дня, и никто не повѣритъ, всякой приметъ за выдумку, потому что умные люди живутъ *умно*, а глупые не поймутъ. Но зато, можетъ, страницы эти попались бы юношѣ,—онъ извергъ, ежели кровь не выступитъ въ ланиты, и глаза будутъ сухи. Прощай! А вѣдь я, право, сумасшедшій.

7 декабря. Высочайшаго повелѣнія еще нѣтъ и, слѣдственно, до 12 или 13 декабря ждать нельзя. Уговариваютъ меня праздники пробыть здѣсь, но я сомнѣваюсь. Вчера я читалъ рѣчь публично, хотя въ ней большого толка и нѣтъ, но посылаю тебѣ (черезъ папеньку) *самой тотъ* экземпляръ, по которому я читалъ. Медв. больна, ея положеніе ужасно, дѣтей принять въ казенное зав[еде-

ніе] отказали. Я сегодня утомленъ отъ вчерашнихъ рукоплесканій. Прощай, мой ангелъ-хранитель. Прощай. Цѣлую тебя, твою руку.

Твой здѣсь и тамъ *Александръ.*

9-е декабря, Москва.

Всѣ эти дни мнѣ нельзя было писать, а такъ нужно было отлить изъ души въ твою душу... Не доставало письма отъ тебя, чтобъ наполнить горькую чашу по самые края,—сегодня я получила его (до 30 ноября). Отецъ нашъ небесный! все готова перенесть, изми страданія и муки изъ души его! отдай все мнѣ!

Александръ, я какъ-то не могу вполнѣ постигнуть твоего поступка, а вполнѣ страдаю съ тобой. Я не знаю, чего бы ни предприняла я, чтобъ исцѣлить твою душу. Нѣтъ, намъ нужно быть вмѣстѣ, всегда, каждую минуту. Я бы безпрерывно лелѣяла больное твое сердце, напѣвала бы ему пѣснь отрадную, я бы не давала тебѣ шагу оттуда, гдѣ видна земля обѣтованная, я бы заслонила собой ту страну, гдѣ ты такъ много страдалъ, гдѣ запылился, я бы заставила забыть землю и жить небомъ... но Онъ лучше устраиваетъ! Когда-жъ отдадимся мы Ему вполнѣ! Не будемъ просить Его перестать насъ *учить*, испросимъ вѣру и любовь, чтобъ принимать Его уроки. Если-бъ я знала, что мое письмо хоть сколько-нибудь помогло-бъ М., я написала бы къ ней. Я не чуждаюсь ея, нѣтъ, клянусь, ангелъ мой, любовью нашей,—первой ей открыла бы объятія искреннія, на всю бы жизнь стала ей опорой и до гроба пошла бы рука объ руку; я бы покинула всѣхъ, чтобъ отдать ей всю дружбу и вниманье,—если-бъ это искупило тебя. Боже, Боже! неужели Онъ не слышитъ молитву мою, или я не умѣю молиться. Александръ, тяжело мнѣ.

Но какъ ни мрачна, какъ ни взволнована душа, надъ ней горитъ солнце любви и затопляетъ свѣтомъ своимъ все горькое море, благодатный ангелъ носится надъ нею и сыплетъ манну вѣры, а тамъ, тамъ виднѣется полное, гармоническое святое бытіе. Когда-жъ мы перейдемъ эти горы, много ли морей? Да, другъ мой, я всегда говорила, что мы не совершенно чисты, святы, и потому далеки. Пойдемъ къ Іордану, да внидемъ въ радость Господа, не будемъ унывать, Онъ не отвергаетъ приходящихъ къ Нему, пойдемъ! пойдемъ! О, сколько любви тебѣ, и ты страдаешь. Что-жъ я могу еще?!

10-е. Я рѣдко плачу такъ, какъ плакала надъ послѣднимъ письмомъ твоимъ; еще хорошо, когда *можно* плакать,... а когда грудь сжата и слезы падаютъ на сердце, эти капли растопленнаго олова на рану. Ужасно грустно письмо твое; можетъ быть, прочтя во взорѣ моемъ то, чего нельзя было передать перомъ, склонясь на грудь мою,—тебѣ было бы легче. О, разлука! Милосердый Отецъ.

Александръ, неужели М. думаетъ, что ты ее любишь? Возьми, возьми, Господи, отъ меня радость и покой, отдай ей. Я не могла бы, мой другъ, скрыть отъ тебя, если-бъ сватовство продолжалось, оно было кончено, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось умершимъ это чудовище безобразное, отъ котораго пахнетъ корыстью, съ котораго такъ и сыплется пыль пополамъ съ искрами; въ этомъ отношеніи я была покойна совершенно, даже и забыла *обо всемъ этомъ*, но не далѣе какъ 8-го чудовище это встало и во весь ростъ, во всей ужасающей красотѣ,—и что же воскресило его? Разумѣется то, что ему можетъ *дать жизнь*— интерессъ. Фу! 100 душъ крестьянъ и сколько-то тысячъ рублей—вотъ все. Мнѣ не говорятъ ничего, кромѣ намековъ, и я ничего не знаю, кромѣ того, что Мак.

была у него, пріѣхала съ адской радостью, и съ той минуты пошло все такъ, какъ при началѣ сватовства; его ждутъ; я не могу опомниться, не могу вѣрить. Въ десять разъ меньше *минутъ* для письма. меня преслѣдуютъ, всѣ жилы дрожатъ во мнѣ. Все бы это ничто, если-бъ не твои страданія... Мнѣ никто ничего не можетъ сдѣлать. я не боюсь никого. «аще Богъ за насъ, кто на насъ!» Пусть его растетъ еще это чудовище хоть съ Голіаѳа,—я не въ бронѣ и не съ щитомъ пойду противъ него, а съ Богомъ и любовью, сомнѣнье тутъ было-бъ величайшій грѣхъ. А твоя мрачность, а твоя грусть.

О, Александръ, я люблю тебя!

Ночь. Я молюсь. Онъ слышитъ мою молитву. но распоряжается по своему. Другъ, стань со мною вмѣстѣ подъ руку Его. будь, какъ агнецъ подъ ударами, и послѣ. какъ сынъ возлюбленный, ты наслѣдуешь царствія отца твоего. Если, въ самомъ дѣлѣ. это чудовище воскресло, оно *умертвить* меня не можетъ, а я должна много пострадать отъ него до его уничтоженія- благодарю Бога! Посылай. посылай, Господи. удары, раны. муки, если я могу ими искупить его, весь адъ на меня, лишь бы мнѣ взглянуть, какъ онъ стоитъ одесную Тебя. Но, ужели ты, Александръ, заслуживаешь такой гнѣвъ Отца—о, нѣтъ! Молитва, молитва! Я спасу тебя ею, ею я снесу на землю небо, ею вознесу тебя на небо—молитва, молитва!

11-е. Минута пробужденья—свинцовая плита на грудь, а за нею и всѣ минуты какъ плита на плиту... Кажется, перестаешь дышать, свѣтъ меркнетъ въ глазахъ, глухой стонъ вырывается изъ груди,—на что-жъ мнѣ моя чистота, на что высота, и эта необыкновенная сила. онѣ не помогаютъ тебѣ, на что мнѣ здоровье. покой, блаженство. на что надежды на будущее.—ты грустенъ, тебя это не услаждаетъ, а *для меня* всѣ состоянія равны. для меня нѣтъ ничего кромѣ тебя. И на что-жъ любовь моя, она не врачуетъ твою больную душу, не облегчаетъ страданій ея. она не отираетъ слезу твою. не хранитъ тебя отъ нападенія людей. даже отъ ихъ пыли, на что-жъ моя любовь? Вотъ я готова до послѣдней капли пролить кровь мою за тебя. быть распятой; не пища и не сонъ поддерживаютъ жизнь мою, я живу однимъ тобою: все это пестрое, неопредѣленное *здѣсь* и все необъятное и непостижимое *тамъ* соединено въ тебѣ. За тобою нѣтъ для меня ничего. И та грудь, которая вмѣщаетъ эту безгранную любовь, какъ небо, какъ вѣчность, какъ Богъ, — эта грудь мрачна и истерзана. Александръ, на что-жъ тебѣ моя любовь? О. мнѣ страшно, я дрожу, въ глазахъ темно, голова кружится.

Ночь. Взоръ на небо, слезу у подножія престола Его. и свинцовая гора исчезнетъ съ груди! Какъ *Онъ* великъ, какъ милосердъ. Не только позволилъ взывать къ себѣ. просить, — Онъ далъ возможность сближаться съ Нимъ, снимать съ себя землю и сливаться съ Нимъ въ единое пресвятое, чистѣйшее существо. Пусть мы хоть въ оврагѣ, хоть въ подземельѣ. хоть въ неизмѣримой пропасти,—путь передъ глазами: онъ труденъ, но возможенъ, и со дна самаго горькаго, самаго нечистаго моря мы *можемъ дойти* до святой святыхъ, до самого Бога. И ты зачѣмъ унываешь, дай руку... Слышишь ли призывный гласъ Отца, видишь ли. съ какой любовью отверсты Его объятья; радостно плачутъ ангелы, они заждались своихъ родныхъ изъ чужбины; непостижимое блаженство готово странникамъ. Что медлить? идемъ, идемъ. Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его! Любовь—вожатый нашъ.

12-е. Вотъ что: о сватовствѣ ненадо думать, потому что, можетъ. Снакс.

наговорилъ ей все это, чтобъ только избавиться отъ нихъ; что за радость имѣть жену и съ тысячами, но нѣмую куклу, какою я хотѣла ему представиться; забудемъ объ этомъ вздорѣ. Ангелъ мой, можетъ, есть возможность взглянуть на тебя, Господи, Господи! — Скажи друзьямъ привѣтъ, и я прощаюсь съ ними, жму имъ руку, обнимаю ихъ. Витбергъ, Витбергъ, на кого оставишь ты его? Плачь, плачь, разставаясь съ друзьями, тутъ нельзя не плакать, но взглянувъ на дорогу, перекрестись съ улыбкой, другъ мой, и съ Богомъ въ путь!

Твоя *Наташа.*

---

9 декабря, Вятка.

Ангелъ мой! Я ужасно утомленъ, такое множество мыслей, проектовъ, и все это такъ быстро. Знаешь, какъ въ лѣтній день несутся гряды облаковъ, то покроютъ небо, и сдѣлается темно, то клокъ лазури выкажется, то примутъ форму чудовища, то чего-то таинственнаго, то окружатъ солнце, и свѣтъ его еще сильнѣе отъ ихъ тѣни. Это солнце, этотъ свѣтъ—ты. А остальное несется вихремъ, бурею, только оно одно тихо, спокойно смотритъ съ своей высоты. Часто думаю я о моей встрѣчѣ съ папенькой; да, тайна наша должна быть высказана. Мнѣ становится тягостно жить безъ тебя, ты, ангелъ, посланный мнѣ небомъ, должна быть безпрерывно тутъ. — Жуковскій читалъ I. Maestri; желалъ бы знать мнѣніе поэта. Арсеньевъ отвѣчаетъ на то письмо, что въ концѣ января подастся представленіе обо мнѣ государю отъ наслѣдника. Посмотри, Наташа, какъ внезапно все перемѣнилось, посмотри, эти надежды стали такъ близко, что ихъ нельзя уже разглядѣть, и какъ нежданно подкрались онѣ. Я все еще отчетливо не понимаю эти слова: отъѣздъ, Владиміръ, представленіе, отпускъ. Я ровно ничего не дѣлаю, сижу цѣлые часы и думаю, беру книгу и ничего не понимаю.

10 декабря. Буря бьетъ корабль, туманъ, мгла, уже готовы всѣ на гибель, вотъ кормщикъ палъ на колѣна,—молится. Мгла разсѣвается, и желтая полоса берега вырѣзывается изъ-за нея. Но каковъ этотъ берегъ, близко ли отъ него родина? Наташа, возьми разомъ мои письмы, съ начала ноября и до нынѣшняго, да тутъ цѣлая жизнь: и отчаянные стоны, и крики радости, и утомленіе души, и ея восторгъ,—*а мѣсяца нѣтъ.* Иногда мнѣ всѣ наши мечты кажутся такъ сбыточными, такъ близкими, что духъ занимается.

Сегодня я видѣлъ во снѣ благословеніе пап[еньки]: тебя не было, но онъ съ улыбкой благословилъ меня и сказалъ, что онъ давно знаетъ. Если-бъ!! А иногда я возвращаюсь къ той ужасной мысли, что все это наказаніе за ту несчастную. Можетъ быть, она совсѣмъ не отъ этого больна, но ея болѣзнь преслѣдуетъ меня. Нѣтъ, надобно скорѣе ѣхать. Увидимъ, придетъ ли завтра повелѣніе.

13 декабря. Итакъ, во Владиміръ! Кажется, это *послѣднее* письмо изъ Вятки. Какъ ждали мы этого *послѣдняго.* Но оно только послѣднее изъ Вятки, а разлука все-таки нѣма, тупа, гнетуща. Бумага пришла, о надзорѣ ничего не сказано въ ней, и я ѣду безъ жандарма. Вѣроятно 22 числа пущусь въ путь. Ну, что-то будетъ—перемѣна, обновленіе, а все черныя полосы пересѣкаютъ лазурь.

Письмо отъ тебя получилъ, ты все моя прелестная, дивная подруга! Отвѣчать теперь не стану, я что-то полонъ и пустъ. Не знаю, что со мною дѣлается, придетъ минута, я такъ радостно смотрю на тебя, такъ исполненъ жизни и любви, а черезъ минуту — саванъ и гробъ. Эта мысль теперь очень часто у

меня. Да, чужіе мы здѣсь, лишь бы вмѣстѣ. Нѣтъ, прощай, земля и люди. Здѣсь слишкомъ тяготитъ все. Но вмѣстѣ, вмѣстѣ.

О, Наташа, ты права, писавши однажды, что, можетъ, ты сгорѣла бы, приблизившись ко мнѣ. Да, я дышу огнемъ, у меня вмѣсто крови огонь, вмѣсто мыслей огонь. Какъ я прижалъ бы тебя къ моей клокочущей груди, Natalie. Да и этотъ то огонь сожжетъ самого меня, онъ не вымѣренъ по груди человѣческой. Я долженъ умереть, потому что нельзя вынести разомъ это блаженство — любовь ангела и это несчастье — разлуку и преграды, потому что душа, испытавшая радость неба, не хочетъ больше земли. Потому что я твой Александръ, а тебѣ душно и тѣсно здѣсь. — Полина поздравляетъ тебя съ *сближеніемъ*, я остановлюсь и погожу поздравлять съ этимъ. Посмотримъ, что будетъ, а тамъ ужъ радоваться.

Твой *Александръ*.

14 декабря. Ну, прощай же, прощай городъ, въ которомъ прошли почти три года моей жизни. Вѣроятно, мы съ тобой не увидимся. О, съ какимъ чувствомъ ненависти я смотрѣлъ иногда на твои стѣны, разстанемся en bons amis. *Здѣсь* я узналъ, что такое униженіе, *здѣсь* я долженъ былъ поклониться чудовищному Калибану, паукъ и гіена вмѣстѣ. У меня въ головѣ кружилось, и грудь стенала,— а выбора не было; здѣсь встрѣтилъ я дѣвочку съ ребячьей душою и съ огненными глазами; я взлелѣялъ ее, бросилъ огонь въ ея душу и ходилъ за ея душою, какъ за цвѣткомъ, и здѣсь же я встрѣтилъ юношу, не знавшаго ни силы своей, ни цѣны,— и ему огненное крещеніе, и тогда я подвелъ юношу къ этой дѣвушкѣ. И они будутъ счастливы цѣлую жизнь! Здѣсь—стоялъ я у изголовья несчастнаго Витберга, здѣсь видѣлъ поэта во всей славѣ — Жуковскаго. Здѣсь, наконецъ, я встрѣтилъ лилію, выростающую на гробу, и сорвалъ ее для того, чтобъ насладиться запахомъ, и задушилъ ее... Отсюда понесу я воспоминанья, переплетенныя дружбой, на черномъ фонѣ сукна, которымъ покрываютъ плаху. Но здѣсь же пламенно и чисто мечталъ я о тебѣ, здѣсь лилися слезы, которыя еще едва обсохли. Странно, мысль смерти все яснѣе, чище дѣлается въ моей головѣ. Будто мы не довольно жили и будто намъ *здѣсь* еще есть будущее. О, Наташа, какъ ты высока въ послѣднемъ письмѣ, говоря, чтобъ друзья не оплакивали насъ тогда. Но наше время еще не пришло, хоть одну гармоническую страницу, хоть одинъ день поэзіи и любви, безъ всякой примѣси посторонняго.

Все мелкое, земное сдунулось съ меня въ послѣднее время,—я опять поэтъ. Но раны не зажили, кровь струится. Ангелъ, прилети ко мнѣ, отвѣй твоимъ дыханьемъ черные образы.

Наташа, надѣйся,—легко возможно, что я весною буду въ Москвѣ! Какъ при этомъ словѣ расширяется душа, вмѣщаетъ небо и землю, и сама пропадаетъ въ безконечности, то есть, въ любви. Любовь, любовь—кромѣ любви нѣтъ ничего.

Да, многіе горячими слезами оплачутъ мой отъѣздъ. Друзья, въ сущности, я вамъ совсѣмъ ненуженъ. Моя жизнь совершилась, она кончена. Посмотрите, вонъ тамъ далеко стоитъ ангелъ съ улыбкой, его Богъ послалъ, чтобъ принести туда мою душу.

Александръ.

Дек. 14-е, Москва.

«Grâce, grâce pour moi»! — Съ тѣхъ поръ какъ я это прочла,— что-бъ ни дѣлала, гдѣ-бъ ни была, въ душѣ раздаются эти слова, спѣшу все кончить,

не здѣсь мое призванье, не на эту службу послалъ меня Господь, все было на землѣ и золото, и таланты, и красота, и дружба, и любовь, но не было любви Александру, не было ему награды... Пройдутъ часы неволи, рабства, утомленная толпа заснетъ, — свободны руки, свободенъ взоръ, сильнѣе твой голосъ, яснѣе слова «Grâce pour moi»... И душа, не переливая молитву въ слово, этотъ маленькій бѣдный сосудъ, въ которомъ и одна капля ея помѣститься не можетъ, молится всѣмъ огнемъ, всѣмъ своимъ пространствомъ, всей силой, всей любовью... рѣкою льются слезы.

Ночь. Грусть моя такъ священна, такъ полна тобой, она даръ отъ Бога, она единственное мое достояніе въ разлукѣ, —сонъ похищаетъ у меня ее, я не могу спать. Долго, долго, погасивъ огонь, сижу на постелѣ, —вотъ всѣ они передо мной, *эти три года*, и что-жъ видно на этомъ ужасно мрачномъ полотнѣ — чаша, крестъ, сіянье... И льется, льется дальняя, дивная пѣснь чрезъ все это нѣмое, мертвое время.—*Въ будущіе три боюсь* взглянуть... Александръ! Александръ!...

Вечеръ, 16-го декабря. До утра буду писать и не напишу, что со мною отъ 1 до 7 д. Письмо получила. Все, все хорошо въ немъ, а всего лучше молитва,— меньше верстъ межъ нами, меньше земли — слава Богу! Видишь, какъ наши узкія, трудныя дороги сближаются, вонъ тамъ сходятся вмѣстѣ — видишь, а за ними широкой, свѣтлой, *одинъ* путь!.. Да будетъ надъ тобою безпрерывно благодать Божія, да сопутствуетъ она тебѣ во всемъ, въ дѣлахъ, въ мысляхъ... да не коснется дыханіе врага души твоей, ты былъ еще слабъ, когда *онъ могъ* побороть тебя... Вонъ мчится всадникъ на борзомъ конѣ, и онъ ползалъ, и онъ былъ въ пеленкахъ, а теперь обуздываетъ дикаго звѣря, теперь его не перегонитъ тысяча другихъ всадниковъ,—мгла и дымъ цѣлаго ада не затмитъ точки свѣта небеснаго, и эта точка теперь яснѣе солнца, огромнѣй всего видимаго! — «Любовь, которая привела насъ другъ къ другу,—да приведетъ насъ къ Тебѣ!» вотъ все, что я говорю Ему словами и душой, тутъ все, *больше* не существуетъ.

Слава Богу за М.! до гроба мы должны быть опорой и крышей ей и ея дѣтямъ. Вѣрно, теперь сборы въ дорогу, я думаю, это послѣднее письмо въ Вятку. Благослови, Господи! —прощай Вятка, прощай, ты не можешь представить, Александръ, какъ жаль мнѣ друзей, вѣдь, я люблю ихъ, какъ самыхъ близкихъ, милыхъ, родныхъ, съ которыми никогда не разлучалась,—кто утѣшитъ ихъ??..

17-е. Боже мой, сколько въ этомъ словѣ —восемьсотъ верстъ ближе! Когда я понимаю его вполнѣ,—не могу скрыть восторга, ухожу къ себѣ или куда-нибудь, гдѣ не видно меня людямъ, одинъ Онъ пусть видитъ меня тогда. А бываетъ время, какъ тяжко скрывать, притворяться—но я и не притворяюсь, они сами не видятъ, — но этого мало, хотѣлось бы такъ, на свободѣ, безъ опасенья, помечтать, поговорить, подѣлиться со всѣми, открыть всѣхъ сердца наслажденью чистому, высокому, всему благородному, а тутъ надо и взоръ даже опускать на землю, тогда какъ онъ стремится къ небу,—это ужасно.

Итакъ, мартъ, мартъ... Но еще Богъ вѣсть! а надежда все не покидаетъ,— какъ сильна, какъ могущественна надежда, сколько отрады и мученья приноситъ она разомъ.—Странно, я нисколько ужъ не боюсь папеньки; любовь его къ тебѣ огромна, мнѣ кажется даже едва ли будетъ сопротивленіе, — а здѣсь, у насъ... О, это бездонная кадка сору, но, вѣдь, и к[нягиня] меня любитъ, иногда это очень ясно, а чѣмъ болѣе ея любви, тѣмъ болѣе препятствій; да впрочемъ, она власти надо мною не имѣетъ, она можетъ только задержать у себя свои пять тысячъ и деревню, а я не ее, только мнѣ жаль ее. Ахъ, если-бъ было въ нашей

возможности растолковать имъ, какъ были бы они счастливы, благословляя насъ, какъ спокойно перешли бы на родину... Не дано намъ этого,—предоставимъ Провидѣнію довершить начатое имъ. А храни Богъ придти мнѣ къ Тебѣ невѣстой *въ чужой домъ*, тутъ такъ много грустнаго, мрачнаго... Нѣтъ, нѣтъ земной отецъ не опровергнетъ благословеніе Отца Небеснаго! Сколько-бъ утѣшенья, сколько-бъ отдыха нашелъ онъ,—вѣдь, ужъ у меня нѣтъ отца, вся эта любовь обратилась къ нему, я его ужасно люблю, и какъ всегда мнѣ трудно скрывать радость, какъ вижу его, и боюсь, онъ не одинъ разъ оговаривалъ меня, что я слишкомъ крѣпко цѣлую руку его. Бросилась бы къ ногамъ его, осыпала бы ихъ поцѣлуями, слезами бы облила, сказала бъ кротко — папенька, папенька! а *надо* издали поклониться и съ холоднымъ видомъ сѣсть въ уголъ. Я бы боялась остаться съ нимъ одна, я надѣлала бы дурачествъ. Пріѣхавши изъ деревни, я была у него только разъ, отъ меня тихонько ѣздитъ къ нему к[нягиня]. Ангелъ мой, что съ тобою, какъ вообразишь это будущее полное, обширное, яркое, кругомъ любовь, кругомъ привѣтъ, кругомъ родныя объятія, когда вообразишь, что это будущее - настоящее. — Папенька, папенька! пожалѣй дѣтей, пожалѣй себя! Какъ ни представишь будущность,—все дивна, все божественна эта будущность—съ тобою и въ кругу родныхъ, друзей, и среди семьи чужихъ горъ, среди степей, въ безднѣ, въ раю — все дивно, все свято тобою, мой Александръ.

18-е. Свѣтло на душѣ, перечитываю письмо,—еще свѣтлѣе становится. Сначала я ужасно радовалась переводу во Владиміръ, но, увидя твои мученья,—все померкло. Теперь опять съизнова рдѣетъ Востокъ! Какъ разливается свѣтъ... будемъ готовы, не знаемъ дня и часа, когда придетъ женихъ, не будемъ бранить ни одной минуты;—и вотъ исчезнетъ ночь, свѣтъ сольется съ свѣтомъ и во второй разъ раздастся въ небесахъ — Слава въ вышнихъ Богу!.. Другъ мой, какъ пустъ свѣтъ, и какъ полна каждая минута уединенья, я увѣрена, что я несносна каждому свѣтскому *порядочному* человѣку; но ужъ зато чего же и мнѣ стоитъ занимать такихъ гостей, избави Богъ *впередъ* ихъ посѣщенія!.. Что бы за изящная, за чистая, что бы за высокая была жизнь, раздѣленная вотъ съ такими людьми, какъ Витбергъ, Огаревъ и всѣ *наши друзья*; а какъ же дѣлить жизнь, то есть, первое сокровище,—душу—Бога, съ этими уродами, съ пустыми болванами, на которыхъ вмѣсто подобья Божія какія-то каракули... Долго ли то моя жизнь будетъ литься въ этихъ узкихъ, безобразныхъ берегахъ, поросшихъ лишь терніемъ и на которыхъ раздается одинъ страшный противный крикъ ворона... Скорѣе, скорѣе въ раздолье, тотъ ароматъ, тѣ цвѣты, тѣ пѣсни... О! скоро, смотри, ужъ послѣдняя звѣзда гаснетъ.

А со всѣмъ этимъ, какъ жаль Вятку! Витбергъ, Витбергъ, будетъ ли кто въ состояніи вознестись до тебя такъ близко, какъ Александръ, отдохнетъ ли когда еще взоръ твой на немъ, приведи и меня Богъ коснуться сандалій твоихъ. Многіе обѣщаютъ по полученіи желаемаго сходить къ Троицѣ, въ Кіевъ, я обѣщаюсь *тогда* при первой возможности сходить на поклоненіе увѣнчанному старцу, принять его благословеніе, вмѣстѣ съ нимъ возблагодарить Его. Я не могу выразить ему уваженія и благодарности, но ты желаешь и я напишу. — Ежели ты говоришь съ Мед. обо мнѣ, скажи ей, что когда она будетъ вспоминать обо мнѣ, не забывала-бъ, что у ней нѣтъ родной ближе, что до гроба я ей сестра, другъ, якорь на бурномъ океанѣ жизни: вотъ ей рука моя, моя клятва: ежели-жъ все это отвергнуто,—пусть не знаетъ и того, что за нее вѣчная молитва.

Давича папенька прислалъ «Рѣчь» —благодарю. Дай Богъ, чтобъ ее прочли всѣ, *какъ я!* Она этого достойна.

Обними за меня въ послѣдніе Полину и Скворцова и всѣхъ. И въ этой мрачной подземной жизни есть минуты святыя, — какъ оглянешься душой и кругомъ изящное, великое, чистое, кругомъ любовь и симпатія; владѣніе миліонами, тронами было бы пожертвовано этимъ минутамъ, если-бъ ихъ понимали.

Вотъ ужъ и 19-е, какой холодъ, а ты будешь въ дорогѣ, вотъ еще забота; но тотъ, кто спасъ тебя во время переправы въ разлитіе, спасетъ и тутъ!

Снакс. не былъ, онъ боленъ, къ нему посылаютъ морсу, ждутъ его въ праздники,—вотъ и всё.

Скоро мѣсяцъ, какъ мы не видались съ Emilie, зато каждый день пересылаемся; въ участи ея готовится огромная перемѣна, навѣрное не знаю, напишу послѣ. Радость за радостью: говорятъ—Боборыкины въ дорогѣ! Саша, Саша, моя Саша, я въ восторгѣ, что увижу ее. Ну, прощай, мой ангелъ, мое свѣтило! Крѣпко, долго цѣлую тебя, твоя Наташа [1]).

Декабря 15-го, Вятка въ послѣдній разъ!

Душа моя, вмѣсто 22 я ѣду 26 утромъ рано. Витбергу такъ хотѣлось, чтобъ я провелъ первой праздникъ съ ними, что я отложилъ, но 26 рѣшительно и непремѣнно ѣду, слѣд., 27 къ ночи въ Яромнѣ, 29 въ Нижнемъ, и 31 во Владимірѣ. Новой годъ—и отъ доски до доски все новое.

Декабря 18-го, суббота. Смѣхъ съ моимъ путешествіемъ: теперь губернаторъ хочетъ, чтобъ я 26-го вечеръ провелъ у него; итакъ, оно опять сутками отдалилось. А я что-то все это время пустъ, скучныя хлопоты, всякіе вздоры, безпрестанныя посѣщенія. — Когда пап[енька] пріѣдетъ во Владиміръ, я ему лично вручу письмо, ибо при разговорѣ онъ можетъ остановить на первой фразѣ, а письмо долженъ прочесть. Ну, какъ-то развяжется этотъ узелъ, которой въ нашей жизни любви сплели всѣхъ родовъ несчастія. Сегодня будутъ письма; но ужъ отъ тебя не жду. Не знаю предчувствіе или что, но всякой вечеръ на меня налетаетъ мрачная грусть и давитъ тяжелымъ камнемъ. Ахъ, ужъ лишь бы намъ взглянуть другъ на друга, лишь бы разъ вперить взоръ мой въ твой взоръ, обращенной на меня, и согласенъ съ тобою—отдать жизнь и все; нѣтъ, жить слишкомъ тяжко. — Ты, я думаю, давно мечтаешь, что я на дорогѣ; но скоро, скоро.—Правда, со мною многаго лишаются здѣшніе друзья!

Декаб. 19. Твое письмо отъ 11-го.—Я растерзалъ душу твою моимъ письмомъ отъ 30 нояб... Все письмо твое писано съ нѣкоторымъ негодованіемъ. Прости меня, ангелъ, прости, Божественная. Вспомни, я тебя разъ спросилъ: была ли бы ты счастливѣе, болѣе ли бы любила меня, ежели-бъ душа моя была ясна, чиста. Ты говорила—нѣтъ. Неси же слѣдствія этой судорожной души, вотъ она своими болѣзненными изломанными голосами и вливаетъ грусть въ твою ангельскую душу. Но теперь ужъ эта болѣзнь миновала. И ты говоришь: «на что я тебѣ, и на что моя любовь»?! Наташа, неужели ты не знаешь, на что ты мнѣ и на что твоя любовь. Послѣ этого и Богъ можетъ спросить вселенную, на что онъ ей. Зачѣмъ написала твоя рука эту холодную мертвую строку?

[1]) На письмѣ приписка по-нѣмецки рукою, повидимому, матери А. И. Герцена: Vergesse nicht an Shuckofski und an Arsienoff zu schreiben und mit dem neuen jahre zu gratulieren.
Примѣч. издат.

Опять сватовство!.. Да скажи ему прямо, неужели онъ и этого не стоитъ. Ты права. Natalie, права, нѣтъ намъ удѣла здѣсь; итакъ, пусть наша жизнь будетъ приготовленіе къ *одному* свиданью и къ вѣчному соединенію тамъ, гдѣ нѣтъ времени.—Отъ Тат. Петр. получилъ письмо; вспомнилъ былое, я друженъ съ ней *былъ*, вспомнилъ это время розовое. И вдругъ обернулся на настоящее. Одно свѣтлое въ моей жизни,—это ты, ангелъ, это твоя любовь (на что мнѣ твоя любовь??) и остальное мрачно, черно.—Боже, когда же исполнится мѣра страданій, назначенныхъ намъ! Прощай.

Твой *Александръ*.

21 декабря. Всѣ меня упрашиваютъ отложить до Новаго года отъѣздъ, но я не согласенъ, внутренній голосъ говоритъ: поѣзжай, и я поѣду. А зачѣмъ? Куда я тороплюсь.—Туманъ, изъ-за котораго ничего невидно. Но тамъ во Владимірѣ я могу *четыре раза* въ недѣлю имѣть вѣсть отъ тебя, могу четыре раза писать къ тебѣ и мое письмо свѣжее, теплое отъ моего дыханія на другой день будетъ прилетать отогрѣвать тебя. И душа моя покойнѣе будетъ тамъ; сверхъ этого, я хочу ѣхать отсюда, чтобъ грусть разлуки съ друзьями была уже въ прошедшемъ. Оттуда я могу слѣдить шагъ за шагомъ проклятую исторію съ женихами. Сегодня цѣлую ночь снилась мнѣ ты—и такъ хороша, такъ мила. Неужели еще годъ пройдетъ до нашего свиданья, а, можетъ, мнѣ можно будетъ пріѣхать не въ Москву, а къ вамъ въ Загорье. Ахъ, ежели-бъ мнѣ удалось склонить папеньку. Боюсь и мечтать, и тогда ты пріѣхала бы ко мнѣ во Владиміръ. Цѣлые часы, дни сидѣли бы мы другъ съ другомъ. И все это необъятное блаженство въ рукахъ отца, и неужели рука его не дрогнетъ задушить цѣлую будущность свѣта и рая! Я не могу послѣдовательно писать. Кипитъ кровь, волнуется душа.

Новая фаза жизни начинается! Скорѣй перевернемъ страницу, а ежели она еще чернѣе,—всё равно до дна пьемъ чашу.

А какъ грустятъ обо мнѣ Витб., Полина и Скворцовъ; много былъ я имъ, послѣ меня останется огромное пустое мѣсто. Что-жъ дѣлать,—они знали, что встрѣтились съ пилигримомъ, что его путь неоконченъ, они должны были въ день первой встрѣчи подумать о днѣ разлуки. Когда ты получишь это письмо (28), я *вѣроятно* буду верстахъ въ ста отъ Вятки,—ангелъ, твое благословенье на дорогу.

—

22-го декабря.

Ты сказалъ, что ѣдешь по полученіи повелѣнія черезъ 10 дней и что его надо ждать 12 или 13,—можетъ, сегодня же ты прощаешься съ Вяткой, въ кругу друзей, которые хотятъ въ послѣдніе наглядѣться, наслушаться... Можетъ, уже и одинъ, на морозѣ, съ огнемъ въ груди, летишь къ родному краю... Иной посмотритъ на меня (т. е., кто-нибудь изъ тѣхъ, которые вѣкъ смотрятъ и вѣкъ не видятъ) и скажетъ: завидно! о чемъ ей заботиться? Когда жъ *знакомый*, родной встрѣтитъ взоръ мой, о, какъ взволнуется и его грудь, какъ, можетъ быть, онъ уйдетъ далеко отъ меня и молитвы наши сольются вмѣстѣ. Да, вѣдь это правда, я препокойно сижу съ утра до ночи въ креслахъ, молчу, даже сложа руки иногда; но слѣди за движеніемъ души, измѣрь ея труды, принеси ей покой! при этомъ совѣтѣ укажетъ *каждый* на небо и на тебя.

Грустно, сегодня бы должно быть письмо, а нѣтъ его... Ужъ четыре дня я съ тобой ни слова, оттого что мнѣ нездоровилось и *добрые люди* не оставляли меня

ни на минуту, утомилась ужасно. Давича была Emilie, мила, хороша наша сестра, но я все болѣе и болѣе увѣряюсь, что нѣтъ на свѣтѣ существа, который бы постигъ *вполнѣ* нашу любовь. Боже мой, въ какой мишурной одеждѣ выходитъ она изъ ихъ устъ, -и красотѣ истинной, божественной нѣтъ входа въ ихъ душу. Очень знаю и вѣрю, что я не единственная, да почему же не вѣрятъ они въ жизнь Бога на землѣ, жизнь высочайшую, чистѣйшую, святую и полную, гармоническую, будто человѣкъ, дуновеніе Божіе, не можетъ возвратиться къ Отцу, пронесшись по землѣ такимъ же чистымъ, какъ вышелъ онъ изъ устъ Его? Александръ, ангелъ мой, зачѣмъ эта вѣчная примѣсь земли, зачѣмъ эти куски мяса, желѣзные ножи, вилки за трапезой ангеловъ, зачѣмъ эти конвульсіи отъ объѣденія, пьянства, эти страшныя лица, стонъ — тамъ, куда-бъ сошелъ Отецъ Небесный съ своей семьей, гдѣ лилась бы пѣснь ангеловъ.... — О страшно! дай спастись мнѣ на груди твоей, унеси меня въ ту сторону, по коей изныло мое сердце.

24-е. Пусть зовутъ меня святошей, ханжой, пусть смѣются, говоря, что я хочу изъ тебя сдѣлать монаха,—пусть, кто избѣгалъ поношенія толпы, становясь поодаль отъ нея? Другъ мой, твоя молитва меня восхищаетъ! Ты правъ, ты правъ, сказавши мнѣ «радуйся»; да, мой ангелъ, если-бъ зналъ ты, сколько спокойствія, сколько радости ты внесъ въ мою душу одной строкой... Не о той молитвѣ говорю я, которая заключается въ безчисленныхъ поклонахъ и восклицаніяхъ, *они* не поймутъ, ты понимаешь. Что же первое *въ жизни*, если молитва послѣднее? О! Да снидетъ на тебя Духъ Господень, да озаритъ онъ тебя свѣтомъ! Приближеніе завтрашняго дня растворило сердце мое всему возвышенному и святому, какое духовное торжество и веселіе должно наполнять души Христіанъ... А у нихъ начнется *завтра* маскарадъ, и *этотъ день* они проведутъ глупѣе, гаже всѣхъ буденъ... О, братія! о, родные мои, какъ не любить васъ мнѣ, когда Онъ снизшелъ для васъ на землю, какъ не лить мнѣ слезъ за васъ, когда Онъ пролилъ кровь. Прощай, когда-то, мой свѣтъ, мы встрѣтимъ этотъ день какъ должно, когда-то мы будемъ его *праздновать*? Теперь ты гдѣ мой ангелъ? покинемъ землю, приготовимся къ встрѣтенью завтрашняго дня—о, Александръ!

25-е, суббота. Тебѣ, тебѣ первое поздравленье! Оставимъ толпу ползать и суетиться, она, вѣдь, не пойметъ нашего восторга, ей надо мѣсить пироги, идти на рынокъ покупать провизію, развивать папильотки и продавать душу. . а мы... О, ангелъ мой, прими это совершенное поздравленіе, полное радости духовной, полное слезъ восторга, скорѣе въ объятія другъ друга, и туда, туда! Слышишь —запоемъ и мы «Слава въ вышнихъ Богу»? Сегодня получу письмо, сегодня надѣюсь видѣть Сашу Б.; говорятъ, они ужъ выѣхали 17—о, праздникъ! праздникъ!

Вечеръ. Знаешь ли ты, какъ ужасно, думая черезъ минуту обнять друга, такого друга какъ Саша Б., и узнать въ то же мгновеніе, что она за сотнями верстъ, что нѣтъ надежды видѣться съ нею ближе года... Это меня поразило, я долго стояла окаменѣлою, и все окружающее меня было затемнѣно, уничтожено этой мыслію Тяжело мнѣ, но, вѣдь, за то твое письмо! Твое письмо!

Ночь. Чудное со мною—о, спади, спади съ меня тѣло, воротись въ землю и пусти меня; вонъ, вонъ онъ тотъ свѣтъ предивный, вонъ мой Александръ,— цѣль жизни моей и вѣчности — пусти! или превратись ты въ крылья, голову оставь, я буду его слушать, я буду на него смотрѣть, я буду цѣловать его и, когда онъ спитъ, буду носиться надъ нимъ, навѣвать на него рай; когда онъ утомленъ, я прилечу на грудь его, я сама буду отдыхать на его груди—а ты земля!

О, нѣтъ, не касаться тебя, не касаться; мое жилище до вѣчности будетъ между небомъ и землею, мое жилище будетъ его грудь!..

Прочь матеріализмъ! прочь даже этотъ стаканъ воды, вода для меня самое сноснѣйшее изо всего, что употребляетъ человѣкъ, прочь и она, нѣтъ, это все кричитъ о нуждахъ, о слабостяхъ, о заключеніи, о рабствѣ. Господи, Отецъ мой небесный, благодарю Тебя... Что-бъ осталось со мною, кто-бъ прочелъ эти слова... какою бы отчужденной странницей скиталась я межъ людей, меня бы боялись всѣ какъ безумной, или бы я сотлѣла—а Ты, Всемогущій, Ты, для меня преклонилъ небо на землю—о, Александръ, о, мой покой, моя родина, мой рай!..

Божественныя минуты, когда я одна хоть у себя въ углѣ, а тамъ,—они меня замучили своею злостью, своею добротой, разговоромъ, молчаніемъ, все это равно, какое бы ни было названіе, но все *они*, а я не могу дышать съ ними. Да и кто-бъ не былъ, мнѣ скучно со всѣми, со всѣми, я устаю, потому хоть на самую малость, а все *надо* стѣснить душу въ свѣтское платье, фу... Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, отойдите вы прочь, я не могу вамъ ничего, возьмите все, возьмите до послѣдней пылинки, мнѣ его, его!.. Ахъ, милые родные, друзья и благодѣтели, отдаю вамъ все кромѣ своего присутствія, вѣрьте ни въ чьей груди нѣтъ такого живого отзыва, такого истиннаго чувства, люблю васъ, благодарю, молюсь о васъ, только оставьте меня, забудьте обо мнѣ... Александръ! Александръ! Можетъ, ужъ ты приближаешься къ Влад[иміру] и весна-то приближается...

26-е. Сегодня для меня начало и заключеніе праздниковъ — визитъ къ папенькѣ. Александръ, можетъ быть воображеніе, можетъ быть—что хочешь скажи, а папенька не наведетъ ни облачка на наше небо. Вспомни, передъ тѣмъ, какъ узнать о твоемъ переводѣ во Владиміръ, я думаю за нѣсколько дней, мрачность моя разсѣялась, спокойно взглянула я на Вятку и писала тебѣ, что надѣюсь видѣться съ тобою скоро и что эта надежда основана на одномъ Его милосердіи,—предчувствіе меня не обмануло тогда, я увѣрена, что и теперь душа не говоритъ фальшиво. Видъ его былъ такъ кротокъ, такъ спокоенъ, такъ милостивъ,—никто изъ бывшихъ тутъ не замѣтили и тѣни происходившаго въ груди моей, говорили всѣ, какъ говорятъ *обыкновенно*, и я *также* говорила. Да, вѣдь, это странно, какъ любить болѣе, какъ я люблю мою родную маменьку, хотя она мнѣ дала только жизнь, хотя мы и не знаемъ другъ друга, но это чувство изъ сильнѣйшихъ въ моей груди; послѣднее время я не спала ночи и дрожала всѣмъ тѣломъ при малѣйшемъ стукѣ, ожидая ее въ Москву; я воображала, какъ открою ей душу мою, какъ ее это успокоитъ, обрадуетъ, какъ она благословитъ меня, тогда-бъ вольнѣе, полнѣе было мое блаженство, ну, словомъ, ты постигаешь, *какъ я люблю мою мать*, какъ величественны и восхитительны картины, гдѣ вкругъ насъ родные, друзья, несчастные... Но я восхищаюсь ими только тогда, когда опускаю глаза внизъ, на темной землѣ онѣ явственны, а тамъ, тамъ, гдѣ горитъ солнце, тамъ не видно ихъ, тамъ нѣтъ родныхъ и друзей — одинъ Свѣтъ! и въ этомъ свѣтѣ слито все изящное, святое, въ немъ его не раздѣляютъ формы, въ немъ все Александръ—Любовь—Богъ!..

Итакъ, ты еще пируешь въ Вяткѣ—пора, пора къ дому.

30-е. Одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ я провела такъ весело, такъ пріятно,—все говорила о тебѣ, о, какъ много значитъ говорить! и свѣтлы и ясны мечты, но имъ душно, тѣсно, и такъ больно грудь, когда имъ некуда вылиться; говоря о тебѣ, я выросла, блаженство мое увеличилось, мракъ разсѣялся, даже на другой день мнѣ было весело. Но вдругъ *имъ* вздумалось попробовать еще счастья

и показать меня Снакс.; низкаго, подлаго—не измѣришь, и вотъ, устроивъ все тайно отъ меня, везутъ на показъ, у меня не стало терпѣнья, и въ этихъ случаяхъ я молчать не умѣю. Я сказала имъ все, что они дѣлаютъ; вотъ надо было видѣть *ихъ* удивленье и бѣшенство, третій день ни на минуту мнѣ не даютъ покоя.

Какъ грустно, какъ грустно! Другіе собираются къ тебѣ, а я... что то громче звучатъ цѣпи, глубже врастаютъ въ тѣло или оттого, что скоро имъ порваться... Вѣрно ужо будетъ письмо еще изъ Вятки, а это ты получишь уже на новоселье. Дай, Богъ, чтобъ новый годъ все было новое! а старое... не скоро заживутъ его раны.

Нѣтъ, мнѣ очень грустно, прощай. Твоя *Наташа.*

А, вѣдь, все вздоръ, мой другъ, пройдетъ горе, будемъ радоваться, какая я слабая, жалкая. Вѣра, Надежда, Любовь! Любовь!..

Декабря 27, опять Вятка.

Ангелъ, ангелъ!—вотъ такою я тебя люблю, о, какъ прелестно твое письмо отъ 18-го. Ангелъ, ангелъ! Другъ мой, дай твою руку, я ее прижму къ сердцу, дай твои уста, я напечатлѣю на нихъ поцѣлуй любви чистой, неземной.—Витбергъ велѣлъ тебѣ сказать, что онъ слезами омочилъ твое письмо, и я видѣлъ это. Какъ ты высока, изящна, Наташа, съ тобой я спасенъ, съ тобой я выше человѣка. Тебѣ странно покажется, что я не писалъ къ тебѣ въ праздникъ, я ушибся и у меня болѣла голова, а вчера я ѣздилъ съ визитами. Замѣть, я у васъ упалъ на полу 25 дек. 1833, а въ казармахъ упалъ съ лѣстницы 25 дек. 1834, наконецъ, 25 дек. 1837 я ушибъ себѣ голову,—что за странное повтореніе. Отъ этого я и не поѣхалъ 26, ибо очень непріятно съ головною болью ѣхать по Вятскимъ *ныркамъ.* Можетъ, поѣду послѣ завтра, потому что завтра на балѣ у губернатора. Впрочемъ, я не тороплюсь—ранѣе ли, позже ли нѣсколькими днями во Владимірѣ это все равно, а мнѣ жаль здѣшнихъ друзей. Жаль Витберга, хотя онъ, закованной вѣчно въ свое монументальное величіе, и старается скрыть горесть; но она прорывается. А тамъ Полина и Скворцовъ — мнѣ кажется даже, что я не могу любить ихъ наоборотъ столько. Представь себѣ, что Сквор[цовъ] на дняхъ сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ: «Герценъ, будь веселъ въ день твоего отъѣзда, а то, ежели и ты будешь грустенъ, я не знаю, что со мною будетъ». Вотъ какая симпатія сопровождаетъ твоего Александра. *Твой* Александръ и долженъ находить ее повсюду, *тобою* изящной, высокой. Не отнимаю твоихъ надеждъ на папеньку—и не утверждаю въ нихъ. Увидимъ!

Вся жизнь моя во Владимірѣ, которая, кажется, недолго продлится, будетъ посвящена одному поклоненію Наташѣ, тамъ издали я помолюсь ангелу, тамъ буду очищать душу, ибо буду одинъ. Такъ пилигримъ останавливается, не доходя Іерусалима, гдѣ-нибудь въ Емаусѣ и проситъ Господа прощенія прошедшаго и милости коснуться гроба Христова, такъ омываетъ онъ пыльное тѣло въ водѣ Іордана и съ пылью сливаются съ него пятна. Лишь бы по силамъ былъ срокъ—о, какъ тягостно видѣть вблизи возможность и ограничиваться одной возможностью.—Я буду писать во Владимірѣ, звуки настрадавшейся души, болѣзнь и судорогу сердца—надобно вылить на бумагу, это будутъ тѣни, а сама картина —блаженство любви, блаженство, которое вноситъ ангелъ въ душу человѣка. Да,

этой высотѣ, можетъ, не противустоитъ холодной взоръ папеньки. Люди удивительны, я не знаю жертвы, которой онъ не сдѣлалъ бы для меня, а тутъ и жертвы не требуются и *всѣ выгоды* съ его стороны. А поневолѣ голосъ сомнѣнія пронзительно свиштетъ середь аккордовъ любви. А въ сущности намъ до этого дѣла нѣтъ, заботы о внѣшнемъ унижаютъ любовь. Ежели Творцу угодно было, чтобъ мы здѣсь были соединены, мы будемъ соединены, ежели нѣтъ, мы увидимся (этимъ я не могу пожертвовать) и—умремъ! И наша жизнь отдастся назадъ такъ полною, какъ ежели-бъ мы прожили 500 лѣтъ. Ты говоришь: «широкой, свѣтлой, *одинъ путь*», а какое дѣло, сколько верстъ по этому пути, хотя бы онъ былъ пройденъ въ одно мгновеніе.—Совершено! Но до него я не хочу слушать о смерти. Это совсѣмъ не чувственное желаніе тебя поцѣловать, упиться твоими прелестными чертами, обвить руку около твоего стана. О, нѣтъ! *Узнать* то, чего нельзя сказать перомъ, послушать тѣхъ звуковъ, которые льются изъ взора... нѣтъ, нѣтъ это не чувственное, не вещественное желаніе.—Ты понимаешь!

28 декабря. Все готово—завтра утромъ обниму друзей, пролью слезу имъ, другую той несчастной, и въ повозку. Когда ты получишь письмо, я уже буду во Владимірѣ, впрочемъ, новой годъ вѣроятно буду въ Нижнемъ. Прощай, мой ангелъ! Съ молитвою къ Богу, съ молитвою къ тебѣ на устахъ проѣду я эти 800 верстъ.—Ну, друзья, утрите же и вы слезы—хоть моими слезами.

Прощай, Вятка! Благословеніе изгнанника на тебѣ!

Прощай, ангелъ—ахъ, если-бъ до свиданья.

Твой *Александръ.*

Ночь съ 31 дек. на 1 янв. Поляны. 46 верстъ отъ Нижняго.

Новый годъ! Ангелъ Наташа, поздравляю, я ближе къ тебѣ на 600 верстъ. Всю дорогу безпрестанно была ты у меня передъ глазами,—и звѣзда любви, Венера, свѣтила. Ну, спи съ Богомъ, а я въ путь. И теперь сижу въ скверной лачугѣ. Прощай. Милая, ангелъ, сестра—все.

Твой *Александръ.*

Москва, декабрь 30.

Твое письмо! Теперь ты долженъ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ. Нижній! Помнишь ли ты, другъ мой, что разставшись, первыя строки я получила отъ тебя изъ Нижняго? Это было 1835, апрѣля 16. «Каждая минута отталкиваетъ меня все далѣе и далѣе отъ всѣхъ васъ». Тому уже почти три года, и вотъ ты опять въ томъ же городѣ, но уже каждая минута приближаетъ тебя ко всѣмъ, только не знаю, приближаетъ ли ко мнѣ... Александръ, *кромѣ* разлуки съ тобою, здѣшняя жизнь *несносна* въ полномъ смыслѣ этого слова! Богъ знаетъ, какихъ бы я не вынесла страданій тѣлесныхъ. Ахъ, если бы не ты! Съ такимъ стремленіемъ ко всему чистому, изящному, высокому, съ такой пространной грудью, съ такими искренними объятіями—и чтожъ передъ глазами? Шкафъ съ старыми календарями и безсмертный гранъ-пасьянсъ... Съ такой любовью и такъ розно съ тобой! Нѣтъ, Господи, пора, пора, облегчи крестъ, изнемогаю. Житейскихъ нуждъ у меня нѣтъ, я сыта, одѣта (по милости ея сіятельства), но лучше-бъ умереть съ голода, или замерзнуть. . Но къ чему же это все? что со мною? О, мой ангелъ, прости, прости меня, отвернемся отсюда.

Да, ты весьма хорошо придумалъ открыть папенькѣ письмомъ; до сихъ поръ

моя увѣренность въ немъ тверда, а отсюда ничего не стоитъ вырваться, благословятъ, иль проклянутъ — Богъ съ ними, что намъ до того. Ахъ, если бы въ Загорье,— духъ захватываетъ. Только я не понимаю, какъ придумалъ ты, чтобъ мнѣ во Владимірѣ, съ кѣмъ же, и какъ. Но какъ бы то ни было, я воображаю это бытіе, полное одного святого, одного возвышеннаго, божественнаго. Тогда-бъ мы не спѣшили въ Москву, тогда-бъ намъ не было дѣла до отпуска, до прощенія... Востокъ... югъ... но еще бы успѣли мы настранствовать, все лучшее *тогда* сосредоточилось бы для насъ въ маленькомъ кабинетѣ. Боже мой, я родилась бы тогда снова, была-бъ ребенокъ, съ первымъ шагомъ на землю, обнявшій небо... А теперь — ухъ, морозъ и грязь съ ногъ до головы, морозъ съ желѣзными иголками, грязь, перемѣшанная съ гадинами... страшно! Ничто теперь меня не утѣшитъ, тебя увидятъ скоро многіе, а я нѣтъ... Что за дѣтство — плакать!

Тебѣ весело ѣхать, что за ночи свѣтлыя, ясныя, и не такъ морозно. Ну, Господь съ тобой, о, да благословитъ Онъ путь твой, твое новоселье. Обнимемся.

31-е пятница. Утро. Ихъ нѣтъ дома. Истекаетъ 37 годъ. О, Богъ съ тобой, утеки скорѣе. Напослѣдокъ, какъ умирающій, онъ измучилъ меня въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ, чему человѣкъ не можетъ повѣрить, то вынесла я. Скоро, скоро отворится дверь въ 38-й. Ахъ, что-то тамъ? Богъ сдѣлаетъ чудо, ежели и онъ будетъ такая же пустыня, съ каменистой и тернистой тропинкой, по которой я пройду *безъ тебя*, и не умру.

Новый годъ! Дай руку — ну, скажемъ вмѣстѣ: да будетъ воля Его. Обнимемся, и пускай вихремъ развѣетъ прахъ нашъ. Признаюсь, робѣла я, когда замокъ скрипѣлъ, дверь отворялась... и вотъ онъ широкій, длинный 38-ой годъ, онъ полонъ свѣта, въ немъ ярчѣе ты — слава Богу! Непоколебимая вѣра, другъ мой, и мы спасены! О, ангелъ мой, можетъ ты мчишься теперь, можетъ, отдыхаешь въ дымной лачугѣ, а, можетъ, ужъ спишь, усталый,— все равно, наши души слиты. Я была у всенощной въ университетской церкви, хорошо тамъ, я молилась о себѣ, о всѣхъ, о тебѣ... Онъ слышалъ, слышалъ мою молитву, я это чувствую, я видѣла, что Онъ смотрѣлъ на меня. Итакъ, мой ангелъ, мой единственный, мой Александръ, еще поцѣлуемся, еще обнимемся, и съ молитвой и любовью навстрѣчу незнакомцу.— ежели онъ и злодѣй, такъ на глазахъ его навернутся слезы умиленья, колѣна его невольно преклонятся. Ангелъ мой, выше! въ обитель свѣтоносныхъ ангеловъ! О, какъ ярко сіянье лица Его — спишь ты или бодрствуешь — да озаритъ оно и тебя. Еще поцѣлуй тебѣ въ чело.— прощай, до дневного свѣта.

Вечеръ. Минулъ первый день, — большею частью часы его были пестры, пусты, пошлы и грустны, очень грустны... А часы молитвы! а эта мысль о тебѣ, на которой я ношусь, какъ на облакѣ поверхъ земли... Пусть благословенье первому дню длится на весь годъ. Да, летитъ время, несмотря ни на что. Какъ это ужасно должно быть тому, кто, *зная* свое прошедшее, осмотрясь въ настоящемъ и обратясь въ будущее, не видитъ въ немъ ничего болѣе, какъ возрастающіе пороки и увеличеніе чернаго... страшно! Тутъ онъ долженъ сойти съума, иль умереть. И что-жъ намъ въ жизни, ежели она ведетъ насъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ ближе къ гибели. Не на то ли намъ новый годъ, чтобы обновиться духомъ, умертвить въ себѣ все нечистое, какъ старый годъ, и не восхитительно ли при началѣ новаго — думать, что при концѣ его, мы будемъ несравненно юнѣе, чище и выше. Только съ этою мыслью можно желать продолженія жизни! Милый другъ, ужъ, можетъ быть, ты на новосельи, ахъ, еще-бъ сутки, и ты здѣсь!

3-е января. Вчера я рѣшилась обѣдать у Насакин. только для того, чтобъ видѣть тамъ маменьку, меня пустили подъ надзоромъ двухъ жандармовъ; скучно и душно было большею частью, но среди всего этого гадкаго и глупаго, были минуты прелестныя. Я въ восхищеньи отъ маменьки. Поблагодари ее, Александръ, за меня. она истинно утѣшаетъ меня безъ тебя. Глядя на все это, я вспомнила, какъ и ты нѣкогда сіялъ въ ихъ домѣ, какъ звѣзда въ тучѣ. Теперь что? гдѣ? Тороплюсь, мой другъ. домъ нашъ такъ полонъ пресмыкающимися, нѣтъ уголка пріютиться съ перомъ, я вся не своя. О, ангелъ мой, мой Александръ!

5-е января. Боже мой, что же это такое! — ужъ ни слова о *здѣшнемъ*, я такъ утомлена, такъ измучена, даже физическія силы меня оставляютъ, наконецъ, меня задушатъ вовсе, ежели ты не спасешь меня. Какъ послѣ тяжелой самой работы, усталая, больная бросаюсь въ постель, но и встаю опять усталая, потому что мнѣ не сонъ нуженъ, не покой, на что мнѣ плотина, берегъ... мнѣ жизнь нужна, свобода, трудъ. А тутъ — вожу перомъ, и рука дрожитъ отъ страха, не слышатъ ли скрипѣнья, и на каждомъ словѣ оглядываешься, не подсматриваютъ ли... Ахъ, да не исчислишь всего, не опишешь, а, вѣдь, всё-то эти мелочи такъ гнетутъ, отъ нихъ боленъ тѣломъ и душою. Писать не могу, я какъ въ чаду. Съ любовью къ тебѣ неразлучна въ груди какая-то тоска, боль, что-то ужасающее. Вотъ видишь, и твоя Наташа какъ *можетъ* падать низко, это не упрекъ, нѣтъ, я бы не желала этихъ паденій, поддержи меня.

Emilie, можетъ, скоро будетъ мадамъ Дюфуръ, вѣрнаго нѣтъ ничего; положеніе ея ужасно, я измучилась за нее. Встрѣтитъ ли она, наконецъ, хоть тѣнь счастья, или опять сонъ, опять мечта?.. О, сколько уже умершихъ, убитыхъ мечтаній,—обширное кладбище; она сама стала похожа на мертвеца, такъ худа и блѣдна. Что-то Саша Б., вѣдь, и она страдалица... Боже, еще годъ не видѣться—что-то будетъ въ этотъ годъ?! Гдѣ ты Александръ? Ахъ, можетъ быть, такъ близко, близко, а не видимъ и не слышимъ другъ друга.—Кажется, я писала тебѣ, что *женихъ* нашелъ себѣ богатую невѣсту.—*желай имъ сочетанья*!

6-е января. Ужо навѣрное письмо— и я воскресну! Господь съ тобою, обнимаю тебя, мой ангелъ.

Твоя *Наташа*.

1838 годъ.

Владиміръ, января 5-го.

Милый ангелъ, я съ трепетомъ жду отвѣта на одинъ вопросъ, который я сдѣлалъ. Жандармскій полковникъ говоритъ, что онъ не слыхалъ о полицейскомъ надзорѣ. «Итакъ, мнѣ можно въ отпускъ?» спросилъ я *дрожащимъ* голосомъ.—Куда? — «Въ Москву». — Сомнѣваюсь, чтобъ вамъ позволили выѣхать въ столицу.—«А въ Московскую губернію?»—Какая же разница отъ Владимірской, *разумѣется, пустятъ*. Господи, кто измѣритъ все находящееся въ этихъ двухъ словахъ. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Загорье! Опять погодимъ радоваться, полковникъ самъ порядкомъ не знаетъ, онъ обѣщалъ спросить и сообщить мнѣ отвѣтъ. Наташа, Наташа, проясниваетъ небо. О!.. Черезъ нѣсколько дней явится къ кн[ягинѣ] Найденовъ съ письмомъ, вотъ тебѣ и очевидецъ. Онъ говоритъ, что я очень *состарился*. — это 9 мѣсяцевъ тюрьмы, это 2 года 8 мѣсяцевъ

ссылки, это разлука, это исторія съ М. Итакъ, ты меня увидишь старикомъ. - но Найденовъ меня не видалъ 5 лѣтъ, а ты имѣешь портретъ разительно похожій. Я писалъ къ тебѣ въ княгининомъ письмѣ,—только и есть солганнаго, что слово Вы,- вольно имъ имѣть очи и не видѣть. Итакъ, теперь надобно подождать отвѣта объ отпускѣ.

Многіе пишутъ журналъ своихъ дѣйствій. мыслей и чувствъ, я отроду не дѣлалъ этого. Да и странно, будто мысль должна непремѣнно храниться внѣ души, будто ей нѣтъ мѣста внутри, будто она тамъ затеряется. и при всемъ томъ какой огромной. богатой журналъ моей жизни письма къ тебѣ. Мнѣ ужасно хочется перечитать ихъ.- -помнишь я писалъ, какъ мы вмѣстѣ будемъ повторять нашу жизнь. Теперь я весь твой,- нѣтъ людей. и они мнѣ ненужны. Я всѣмъ друзьямъ сказалъ- - прощайте! Такъ. какъ сказалъ мечтамъ о славѣ, о поприщѣ. о дѣятельности- прощайте. Вся моя жизнь въ тебѣ. Кончено! Я искалъ великаго и нашелъ въ тебѣ. я искалъ святого, изящнаго и нашелъ въ тебѣ. Итакъ, прощай весь міръ! Ты мнѣ далъ все дурное и все хорошее. Теперь разстанемся, теперь моя жизнь-- одна апотеоза Наташѣ. И я чувствую силу оторваться отъ всего. Было время, когда судорожно проницая въ жизнь болѣзненнымъ взоромъ, я говорилъ: «любовь погубитъ меня», потому что подъ жизнью я разумѣлъ славу. И въ самомъ дѣлѣ она погубила меня. Мало-по-малу во мнѣ вымерло все, и вся душа образовалась въ алтарь тебѣ. Наташа, передъ этимъ подвигомъ должны склониться всѣ. Весь родъ человѣческій никогда не сдѣлалъ бы со мною этой перемѣны,—ее сдѣлала дѣва—ангелъ!

Какъ необъятна твоя свѣтлая душа, я вольно гуляю по ней, какъ огненная комета по эфиру, нигдѣ преграды. нигдѣ матеріи- -вездѣ небо. Клянусь тебѣ, что я не умѣлъ всѣмъ пламенемъ воображенья постигнуть, чтобъ человѣкъ могъ стоять такъ высоко, какъ ты, да ты и не человѣкъ, ты ангелъ. *И моя- моя*... Великій Боже, въ прахъ повергаясь, благодарю я тебя, возьми *тогда* мою жизнь въ цвѣтѣ лѣтъ, я узналъ тебя и міръ въ ней. Я никогда не считалъ себя способнымъ такъ любить. Наташа. Наташа—я ужасно люблю тебя. Всю бы жизнь сидѣлъ вперя взоръ мой на тебя, даже руки бы не взялъ: взоръ выше, невещественнѣе. Одинъ поцѣлуй, одинъ и съ нимъ смерть.—Ахъ, бѣдные молодые люди, скажетъ чувствительная толпа, какъ были счастливы и умерли.—Дай же, Богъ, имъ столѣтнюю жизнь, намъ ее ненадобно. Даже благодарности вамъ нѣтъ, люди,—вы отвлекали меня отъ Наташи; только во имя ея позволяю вамъ приближаться; да, остановитесь предо мною, я выше васъ, я Александръ ея. Вотъ настоящая-то высота, вотъ слава. Natalie.- -двадцать разъ написалъ бы твое имя, это крестъ, которымъ я отженяю все нечистое, это призывъ всему святому. Другъ мой, бытіе мое расширяется, и какъ океанъ плещетъ, волнуется, и какъ небо, ты смотришься въ меня. Я писалъ кн[ягинѣ] о Загорьѣ съ намѣреніемъ; напиши мнѣ, что она на это скажетъ. Сестрѣ Emilie—Salut et amitié! Сюда пріѣдетъ Егоръ Ив., я думаю это сдѣлаетъ маленькую остановку въ нашей перепискѣ; покорись и этому лишенію, мой ангель.—Твоей Сашѣ мой дружескій поклонъ.

Москва, января 6-е. Ночь.

Воскресла!.. Ты восхищаешься твоей Наташей, а я уже послѣ того была такъ недостойна быть твоею. Скажи-жъ. зачѣмъ эта зависимость отъ земли, зачѣмъ не вѣчная свобода? Отчего среди жесточайшихъ мученій льется изъ души лишь

гимнъ, и иногда, среди ничтожныхъ непріятностей, неспособенъ дѣлать ничего, какъ облитый смолою. Состояніе это несносно. Къ тому же мысль—какъ я недостойна тебя въ это время—убиваетъ. Если-бъ я была съ тобою, не отошла бы отъ ногъ твоихъ, прося прощенья; а тутъ это негодованіе на себя, и невозможность преодолѣть, подняться, — это ужасно! Да, благодать посылается намъ свыше, веселіе не во внѣшнемъ, и не отъ обстоятельствъ. Можетъ быть, эти мрачныя минуты, минуты земли, Провидѣніе посылаетъ мнѣ, чтобъ я не забывала, что я не ангелъ, и не въ небѣ. Твой голосъ оживилъ меня, душа снова обрѣла свое небо — прости земля! Скажу только въ оправданіе: ежели-бъ меня лишали матеріальнаго,—я-бъ ни слова.

Итакъ, ты близко, близко, — что-то въ Вяткѣ. Слетала-бъ утѣшить ихъ, у меня навертываются слезы, какъ вспомню Витберга. — Какъ обширна, какъ изящна и полна внутренняя жизнь моя, загляни въ душу въ часы благодати — свѣтъ, миръ, тишина, семья друзей, радость небесная, любовь и ты!.. А снаружи... забудемъ! — Зажила ли твоя голова? 25 дек. я вспоминала, какъ ты упалъ, стоя на томъ мѣстѣ.

Что ни говори, душа взволнована ужасно. Грусть и радость наполняютъ ее вмѣстѣ, въ одно время, страхъ и надежда .. Господи! воззри на меня окомъ твоимъ, да исчезнетъ пыль съ души отъ свѣта твоего. Александръ, успокой меня, говори о любви твоей, говори о Его волѣ, о *тамошнемъ* жилищѣ нашемъ; послѣднее время я не могу управлять собою. Какъ мало вѣры, какое ничтожество! Что-жъ я безъ этого высокаго самоотверженія, безъ этой любви полной, свободной, непостижимой, какъ вѣчность?—горсть земли, или еще хуже: существо обыкновенное, а не твоя Наталія. Но что-жъ мнѣ дѣлать? Я хочу быть съ тобою хоть на одинъ мигъ, и пусть этотъ мигъ будетъ послѣдній; все что безъ тебя—черно, печально, и я сама печальна и черна, о, Александръ!

7-ое. Одно обстоятельство, какъ туманъ, налегло на мою душу, внесло въ нее новую грусть и мрачность, оно важно для меня и только тебѣ я могу сказать объ этомъ. Emilie *идетъ замужъ*: что проще этого, а это слово какъ пила мнѣ по сердцу. «Въ милліонъ разъ лучше монастырь, нежели пошлое замужество», писалъ ты изъ Крутицъ, — и я радуюсь этому замужеству (ужъ когда она рѣшилась!) и совѣтовала ей (я видѣла, что *она хотѣла* моего совѣта), радуюсь, потому что она отдохнетъ отъ *чужого* и только! Вотъ, если-бъ ей готовилось блаженство и покой *душевный*... но она сама говоритъ, что идетъ *такъ*, и я это вижу. Ея вина, иль Провидѣнье то допускало,—свѣтъ игралъ ею, и слѣды этого остались на ней, и ничто ихъ не сотретъ. Я далека упрека, о, избави Богъ! но мнѣ больно, больно,—сильно, глубоко, я ее очень люблю. Сердце мое разрывалось при мысли снарядить ее въ дальній путь, надѣть власяницу, дать въ руки посохъ, проститься навѣки, но изъ-за всего этого видѣлось сіянье надъ ея главою, и мнѣ было такъ легко, такъ отрадно... Ничто бы *не мѣшало* мнѣ тогда назвать ее сестрою, радостно-бъ отпустила я ее въ родную семью, а теперь—ладья ея направлена въ море *обыкновеннаго*, и оно, ненасытное, обрадуется новой добычѣ и помчитъ ее и, наиграясь досыта, поглотитъ! Бурно это море, и его волны вздымаются къ небесамъ, но, какъ бы ни высоко вздымало оно ладью,—все она *высоко* на волнахъ *обыкновеннаго*!—Никакъ, никогда я не ожидала такой разгадки... и если-бъ кто за годъ намекнулъ мнѣ что-нибудь похожее, тотъ остался бы для меня неблагороднымъ, безчувственнымъ человѣкомъ. Я люблю ее, какъ любила, и буду такъ же любить, но дольняя — долу,

небесная—небу! Это грустно и тяжело! Сохрани, Богъ, Сашу Б. Тогда мнѣ будетъ несравненно тяжеле. Она вторая по тебѣ, и послѣ нея никому не будетъ входа въ мое сердце. Но нѣтъ! Нѣтъ, она въ вѣкъ сестра! и на стопахъ ея незамѣтно, что она идетъ по землѣ, ни пылинки, и на землѣ свѣтъ отъ слѣдовъ ея; слава Богу за эту встрѣчу! Упала звѣздочка съ нашего неба, ангелъ воплотился, прости, сестра, придешь ли опять на родину?... И ты гори, гори, моя яркая, свѣтлая, пусть свѣтъ твой потонетъ въ лучахъ солнца, а не въ грязи избави, Богъ. У меня портретъ жениха Emilie, онъ очень недуренъ, лучше ея.— Когда-то отъ тебя съ новоселья? Да будетъ съ тобою Богъ, да станетъ ангелъ-хранитель стражемъ у твоей храмины, да озаритъ душу благодать, да содѣлаетъ ее храмомъ любви, одной любви, высочайшей, божественной!

8-е, суббота. Ну, вотъ я опять лучезарная, какъ свѣтлыя, цвѣтистыя мечты совьются вѣнкомъ надъ головою, ни тучи, ни самый громъ не страшны! Утромъ каталась, и все воображала, какъ бы я ѣхала къ тебѣ, какъ бы пріѣхала... Боже мой!.. Потомъ говорили о катаньи на лодкахъ, и вотъ я въ маленькомъ челнокѣ съ тобою, луна свѣтитъ, струи блестятъ, и льется, льется пѣснь соловья... кругомъ темныя рощи, дремучій лѣсъ, за нимъ люди, за нимъ наши, а съ нами Богъ. Что восхитительнѣе этихъ мечтаній, что чище ихъ, что выше и святѣе нашей любви? Другъ мой, другъ мой, что такое они зовутъ любовью, для меня лучше равнодушіе. Когда-то меня увѣрили, что я люблю Бирюкова, и этотъ дѣтскій сонъ, эта блесточка имѣла въ себѣ что-то ужасающее, отталкивающее; потомъ я видѣла другую любовь сильнѣе и, когда повѣрила ей, ужаснулась еще болѣе, и отвращенію не было мѣры, а ты небесный посолъ! Любовь твоя—-мой рай, мое Провидѣнье; къ тебѣ любовь — моя жизнь, моя молитва, сильная, всемогущая, пресвятая, какъ гласъ Господенъ. Съ тобою я далека земли, съ тобою гибнетъ матеріализмъ, торжествуетъ духъ. Мой Александръ, ангелъ! Люди, люди жалкіе, что жъ говорите вы такъ печально: «вѣдь, вамъ нельзя вѣнчаться». Вамъ страшно, что *нельзя?* ну, бойтесь же.

Владиміръ! какъ много въ этомъ словѣ теперь. Какъ вздумаю, что 800 верстъ ты ближе, займется духъ, и такъ хочется всѣхъ обнять, расцѣловать. Александръ!.. А Emilie-то... прощай, пріятный сонъ.

9-е. Кто послушаетъ меня, скажетъ: надоѣла, все одно и то же, —мечты, любовь, Александръ. Вселенная безпрерывно повторяетъ: Богъ! У меня — Александръ, и болѣе нѣтъ ничего! А имъ желаю изобрѣтенія тысячи новыхъ кушаньевъ и нарядовъ. — Черезъ улицу — съѣздъ, пиръ, веселье; я одна у моего окна... освѣщеніе мое изящнѣе, бесѣда полнѣе; кто придетъ на мой пиръ, не утомится, здѣсь пища неба, здѣсь вода жизни, а тамъ, у нихъ... Зачѣмъ порой горюю я, о чемъ тоскую? собери жизнь милліоновъ, изъ нея не выйдетъ капли того блаженства, которымъ исполнено все существо мое. Что-жъ значитъ это стѣсненіе груди, тяжкой вздохъ, горькая слеза? или то плѣнъ, темница? Пусти-жъ земля, пусти, возьми тѣло, а мнѣ высь, мнѣ яхонтъ!

10-е, понедѣльникъ. Преблагословенный день. Ну, наконецъ, ты дома — съ новосельемъ! Ты веселъ — Богъ услышалъ мою молитву, о, да не оттойдетъ отъ тебя ни на минуту ангелъ утѣшитель. Александръ, взять прежнее твое письмо и нынѣшнее,—какая перемѣна! И вотъ въ послѣднемъ ты—я. Часто я не пишу тебѣ всего, что въ душѣ, по невозможности, то есть, иль некогда, иль негдѣ, и часто потому, что разговоръ необходимой *тамъ у нихъ* мнѣ кажется вовсе ненужнымъ для сообщенія нашихъ душъ, такъ вмѣстѣ онѣ, такъ слиты. Доказа-

тельство: всегдашняя моя мечта путешествовать съ тобою, и признаюсь, не для ученія, не для опытовъ—*ученыхъ* много!—нѣтъ, вольно, привѣтно взглянуть на все, чего Богъ сдѣлалъ человѣка царемъ, полюбоваться природой; я люблю ее, хотя и въ былинкѣ одной все то же, что въ цѣлой Италіи, но я хочу видѣть природу въ красотѣ. И туда, на Востокъ, сперва-бъ... потомъ взглядъ на родину, на друзей, и въ небесную отчизну, въ святую семью! а не упрочивать жилища на землѣ, не заводиться женатыми, нѣтъ, тутъ ужъ будни, тутъ все въ родѣ горшка съ жирными щами. Въ послѣднемъ письмѣ ты все это пишешь. Что нужно намъ къ укрѣпленію союза? Богъ насъ сочеталъ, Онъ благословилъ насъ, къ Нему идемъ мы обрученные, нужна ли тутъ купленая молитва священника, и непремѣнно въ собраніи любопытныхъ зрителей?—Чистыя души насъ благословятъ, а *ихъ* святыня страшна, я не понимаю ее. И къ чему все это *въ нашей любви?* Каждый шагъ нашъ вмѣстѣ будетъ приближать насъ къ Святой Святыхъ, каждое слово—молитва, каждый мигъ—благословеніе небесъ. А на что тутъ люди, на что ихъ обряды? Только-бъ скорѣй, скорѣй отсюда, здѣсь отравятъ наше блаженство и неволя, и молва, и все: туда, гдѣ насъ не знаютъ, гдѣ болѣе слышенъ голосъ жителей небесныхъ, а не земныхъ, гдѣ болѣе лазури, менѣе глазъ, болѣе цвѣтовъ, менѣе камней, гдѣ тепло... Чтобъ удержало меня обнять колѣна папеньки, покрыть стопы его слезами и поцѣлуями, но это рѣшительно не поможетъ, надо *отсюда* съ корнемъ вонъ, безъ этого все будетъ одно мученье, одно терзанье. А взялъ ли бы папенька меня къ себѣ, какъ только это узнаютъ? Если *да*, не мѣшкавъ ни минуты, поблагодарю *ихъ* за все и прощусь. Ахъ, вѣдь, какъ близко то ты, другъ мой, такъ и летѣла-бъ: все кажется, что ты, того и гляди, пріѣдешь.

11-е января, Владиміръ.

Этого письма, мой ангелъ, ты долго не получишь, его привезетъ тебѣ Егоръ Ив., который еще въ Москвѣ, а до тѣхъ поръ тебѣ постъ; но теперь, когда столько яркихъ, близкихъ, сбыточныхъ надеждъ, теперь ты можешь легче перенесть дней десять безъ письма. А можетъ, получишь и скорѣе.—Перечитывалъ твои письма 1836 года. Знаешь ли, когда твоя душа взмахнула крылами и поднялась на ту недосягаемую высоту, на которой она теперь, когда она развилась всѣмъ бытіемъ и такъ дивно? Въ половинѣ 1836 года было много надеждъ, ты предалась имъ безотчетно, какъ только предается душа чистая,—онѣ обманули. Ударъ былъ силенъ, ты перенесла его, и въ то же время душа твоя выросла необъятно (сентябрь) и съ тѣхъ поръ все росла и росла, до той дивной высоты, съ которой ты приняла гнусную исторію сватовства. И послѣ этого, ангелъ мой, можно ли сѣтовать на несчастія, на Провидѣніе? Мы похожи на дѣтей, которыя плачутъ за книгой, доставляющей всю пользу имъ. Теперешнее мое направленіе, безъ сомнѣнія, выше предыдущаго. Вспомни: еще въ маѣ мѣсяцѣ 37 года я увлекся самолюбіемъ (при проѣздѣ наслѣдника), и сравни мой языкъ послѣднихъ писемъ. Да, Господь больше насъ печется объ насъ, Онъ хочетъ, чтобъ при встрѣчѣ нашей въ этой душѣ—Наталія и Александръ—ничего не было, кромѣ любви и вѣры. Оно и совершается. Да, смѣло скажу, что, выѣхавъ за Вятскую заставу, я много земли стряхнулъ съ себя и приготовлялся къ этому послѣдними днями (письма мои отъ 23 ноября до выѣзда). Остается благодарить Отца и смириться.

Теперь о свиданьи. Дѣло рѣшенное: ежели до лѣта я долженъ безвыѣздно про-

жить здѣсь, я буду въ Загорьѣ (постарайся, чтобъ кн[ягиня] въ маѣ ѣхала). Я думаю, Костенька всѣхъ смѣтливѣе, я остановлюсь версты за двѣ, научи меня, кого спросить, пошлю за Костенькой, буду тебя ждать; пріѣду въ тотъ часъ, въ который тебѣ удобно; пожалуй, пробуду сутки, двое—все въ твоей волѣ. Губернаторъ здѣсь старичекъ предобрый, онъ самъ мнѣ сказалъ, что это сладить можно, жандармской полковникъ на моей сторонѣ. Но прошу быть очень аккуратной въ назначеніи мѣста и всего, чтобъ не попасть ея сіятельству. Это свиданье будетъ гораздо лучше, нежели какъ мы себѣ воображали. А, можетъ, и прежде. Будь увѣрена, ни дня, ни часа, ни секунды не пропуститъ твой Александръ. Несомнѣнно, что папенька знаетъ, а то почему бы ему такъ противодѣйствовать отпуску.

Жуковскій прочиталъ I. Maestri, сдѣлалъ на тетради отмѣтки; вотъ драгоцѣнность, жаль, что я не видалъ.

Ты пишешь 1 декабря 1836 года: «Въ ноябрѣ 1834 ты написалъ первую записку изъ Кр., въ ноябрѣ 1835 писалъ впервые о любви, ноябрь 36 года прошелъ такъ, что-то будетъ въ ноябрѣ 37 года?» —Въ ноябрѣ именно 37 года произошла та огромная перемѣна, приблизившая меня къ тебѣ, положилось твердое основаніе скорому свиданію. Вотъ отвѣтъ на твой вопросъ. Къ концу 36 года ты очень грустна, тутъ начались прямыя гоненія за меня отъ кн[ягини] и М. С., ты изнемогала въ иныя минуты, и въ одномъ письмѣ болѣзненно спрашиваешь меня раза три: «Когда же, когда-жъ изъ Вятки»? Это письмо отъ 29 декабря— ровно черезъ годъ, можетъ въ то самое время, я выѣзжалъ изъ Вятки. Да, половина бѣдствій пройдена, и уже уходитъ въ прошедшее.

12-е января. Съ самаго пріѣзда во Владиміръ я былъ очень веселъ, цѣлыхъ десять дней. Сегодня мрачныя думы облегли душу. Ужъ теперь я и эти нѣсколько мѣсяцевъ не могу переждать, необходимость видѣть тебя жжетъ. До мая долго,—хочу ѣхать теперь, на дняхъ, и работаю, но все еще безъ успѣха, и душа стонетъ, сердце рвется. Я баловень, Наташа! И четыре года не научили меня покоряться обстоятельствамъ. Да правда ли это, ангелъ мой, что надежды такъ сбыточны? Душа моя, не призракъ ли все это? Фу! чья душа столько перенесетъ счастья. А, вѣдь, въ Загорьѣ свиданье лучше: тутъ эти фигуры, принужденіе въ такую торжественную минуту, которую мы ждали съ 9 апрѣля 1835 г...

Я торопился читать твои письма до 37 года; мучительно видѣть страданія разлуки и эту даль, мучительно вспоминать, что одной слезою я могъ отвѣчать. 37 годъ, по крайней мѣрѣ, послѣдній. Нѣтъ, моя вѣра въ свиданье съ тобою нынѣшнимъ годомъ незыблема. Къ папенькѣ же нѣтъ вѣры, его слова ледъ въ послѣднихъ письмахъ. Ежели такъ, закрою душу отъ него. Мы можемъ съ нимъ быть друзьями, когда между нами 1000 верстъ. А онъ любитъ меня, и я люблю. Да что-жъ изъ этого, онъ не хочетъ понять меня. Бѣдной отецъ, какого сына лишается онъ, какую пламенную любовь отталкиваетъ холодной рукой.

13-е января. Писалъ къ Огар., а все грустно. И самое счастіе для меня пахнетъ бѣдою. Арсеньевъ и Жуковскій работаютъ — и вдругъ удастся имъ, и меня возьмутъ въ Петербургъ, не ужасно ли! А впрочемъ, можетъ, *они* тебя до того будутъ тѣснить, что Ал. Ал. въ необходимости будетъ взять, а когда я тамъ, тогда можно, вѣтерокъ не дунетъ на тебя. Боже, какъ таинственно и странно идетъ наша жизнь, но покорность святой десницѣ, покорность! Главное свиданье; оно будетъ, всѣмъ пожертвую, но свиданье сзову съ неба. Между мною

и Вяткой протѣсняется много, какъ бы то ни было, но мы чужіе—я и Вятка. Скворцовъ и Полина — вотъ самые близкіе родственники, но они счастливы своей любовью. 31 было обрученье. они вступаютъ въ новый фазисъ жизни, и я имъ ненуженъ. Было время, когда я велъ эту дѣвушку, когда ходилъ за нею, какъ за прелестнымъ цвѣткомъ, и довелъ ее до *него*. Мое вліяніе кончилось. Витбергъ, несмотря на всю нашу симпатію, мы никогда не были очень близки. Лѣта, понятія уже клали между нами препятствія; уваженіе безъ границъ ему, но уваженіе меньше дружбы на моемъ языкѣ. И потому ужъ мы не могли быть близки, что я не уважалъ его жену, что я въ ней видѣлъ и вижу одну гирю, которая прибавляетъ тягость и стягиваетъ его на землю. Жена Витберга—что это должно быть за существо, что за высокое призваніе для существа высокаго. А эта—фи, отвернемся.

Вотъ что значитъ *дома* и *въ гостяхъ*. Какъ давно я разстался съ Ог., но между мною и имъ ничего не измѣнилось. Мелькомъ видѣлъ я его 31 марта 1835 года. Сколько времени, но сердце бьется при его имени. Въ Вяткѣ я огнемъ своей симпатіи добился отвѣта, но отвѣтъ, можетъ, только отъ Полины былъ на моемъ языкѣ, отъ Скворцова тоже,—третьяго никого. Я видѣлъ много слезъ при прощаніи, много объятій, много благословеній душевныхъ, — но они какъ надпись на известковомъ камнѣ: придутъ непогоды, камень вывѣтрится, буква за буквой исчезнутъ, и трудно будетъ прочесть. Впрочемъ, я имъ самъ сказалъ: «Я не вашъ». А Мед..—объ ней не имѣю вѣсти, а пламенно желаю. О, сколько я перестрадалъ за нее. Я тебѣ рѣшительно говорю, что разлука съ тобой не принесла столько горечи, сколько встрѣча съ нею. И страдальческій голосъ несся къ тебѣ иногда,— и ты, Наташа, его не понимала. Да, это я вижу по твоимъ отвѣтамъ. Ты въ себѣ искала причину мрачныхъ минутъ моихъ, тогда когда ясно изъ какого источника онъ шелъ. Ежели я услышу, что она спокойно перенесла мой отъѣздъ, я помолюсь,—камень съ груди долой. Сколько разъ блѣдный, полумертвый, въ какой-то лихорадкѣ бросался я на свой диванъ, страдалъ, мучился и бросался на какую-нибудь вакханалію, чтобъ шумомъ, виномъ, людьми заглушить голосъ совѣсти. Я какъ-то на дняхъ перебралъ всю исторію. Помнишь ли, какимъ судорожнымъ языкомъ я началъ тебѣ говорить о любви,—это была ужасная эпоха, особенно время предшествовавшее ей, когда я боролся между дружбой и любовью, между 20 іюлемъ и 9 апрѣлемъ. Я былъ боленъ, сломанъ,—тогда встрѣтился я съ нею. Я радъ былъ, что меня поняли, мнѣ жаль ея было, мнѣ нравилось, что меня *предпочитаютъ*, и гибель ея была рѣшена злымъ духомъ.—Ты мнѣ свѣтила издали, какъ утренняя звѣзда, къ тебѣ моя любовь (еще не сказанная) была такъ небесна, такъ чиста, на тебя я долженъ былъ смотрѣть вверхъ. Она стояла возлѣ, не ангелъ, а *женщина*, женщина пламенная; я увлекъ ее сначала, не давая себѣ никакого отчета; когда же она такъ безразсудно бросилась въ мои объятья, тогда я увидѣлъ, что она мнѣ ничего, увидѣлъ разомъ все,—но было поздно. Ровно два года прострадалъ я за этотъ поступокъ (все это было въ концѣ 35). Тогда-то я понялъ всю разницу между тобою и ею, между ангеломъ и женщиной. И когда я получалъ твои письма, я терзался, кусая себѣ пальцы, что я могъ такъ поступить. Но прошедшее, какъ свидѣтель уголовнаго дѣла, стояло тутъ хладнокровное, укоряющее, неумолимое. Я ей говорилъ о молитвѣ, о ея дѣтяхъ,— все худо удавалось; она была больна, и я долженъ былъ надѣть маску, спрятать мою любовь къ тебѣ и оставить ее *въ недоразумѣніи*. Витбергъ сознался подъ конецъ, что дивную силу характера

надобно имѣть, чтобъ выдержать роль два года такъ, что живущіе въ одномъ домѣ ничего не могли замѣтить, даже 14 ноября 1837 года! Я исполнилъ, для нея я это сдѣлалъ. Но, ангелъ мой, чего мнѣ стоила эта роля,— при воспоминаніи сердце обливается кровью. Но уѣхать такъ я не хотѣлъ, она кажется, знаетъ все. Дай, Богъ, ей силы забыть эту встрѣчу. И ты съ удивленіемъ слушая, что я говорилъ о медали, на которой съ одной стороны Іисусъ, а съ другой Іуда, отвѣчала: «вижу, что я для тебя ничего». А развѣ не такъ: развѣ я не ангелъ тебѣ и не демонъ для нея? Этотъ урокъ не забудется мною во всю жизнь. Ну, прощай, моя милая, моя единственная подруга, моя Natalie. Нѣтъ пылинки на моей душѣ, которую бы ты не знала, такъ и быть должно.

Статью мою о Полинѣ я тебѣ пришлю, она готова. «Симпатія», маленькая статья, какъ Полина, но и хороша, какъ Полина. Тебѣ она понравится, она писана тѣмъ языкомъ, какимъ I. Maestri, много выраженій изъ моихъ писемъ. Это неудивительно: мои письма—я. И вотъ странная двойственность моей души: однѣ статьи выходятъ постоянно съ печатью любви и вѣры — это Встрѣчи. I. Maestri, «Симпатія». «Мысль и Откровеніе», другія съ клеймомъ самой злой, ядовитой ироніи—это путевыя письма. Наконецъ, въ двухъ статьяхъ то и другое: отрывокъ изъ повѣсти «Тамъ» и «Моя Жизнь». Виньеткой къ первымъ статьямъ Озирисъ, ко вторымъ Тифонъ, а къ третьимъ — стаканъ шампанскаго (пѣна и вино). Ты многаго еще не читала, я тебѣ велѣлъ переписать, да и подарилъ при отъѣздѣ Скворцову. Прости-же, mademoiselle! Иронію ты не любишь,— она и не свойственна твоей душѣ, тебѣ слишкомъ мало знакома внѣшняя жизнь,—и не знакомься съ нею.

14 января. Твои письма отъ 11-го. Ты все моя небесная, мой ангелъ! Строго судишь ты Emilie,— *она не ты.* Человѣкъ, который подымаетъ 10 пудовъ, не долженъ требовать, чтобъ каждый подымалъ. Наташа, ты еще ни разу не падала, а теперь, имѣя такую любовь въ душѣ, имѣя Александра, это и невозможно. Я былъ и въ грязи и въ эфирѣ,—я знаю человѣка. Ты пишешь (въ началѣ 37 года), говоря объ Егор. Ив.: «Ежели бъ въ самомъ дѣлѣ я могла себя упрекнуть, я уничтожилась бы». Я могу себя упрекнуть, но не уничтожился. Вотъ оно вѣчное addage, которое я повторяю: во мнѣ больше земли, въ тебѣ больше неба. Очень желалъ бы видѣть Сашу Б., я ее люблю всей душою, но желалъ бы видѣть, желалъ бы посмотрѣть, кого ты ставишь такъ рядомъ съ собою,—доселѣ я не видалъ ни одного существа, которое я осмѣлился бы сравнить съ тобою. Ни даже въ сочиненіяхъ поэтовъ. Вѣрю въ нее, но напрасно она отталкиваетъ любовь, и ты согласна съ этимъ, ты, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ любви. Что жизнь дѣвы безъ любви? Молитва или любовь— третьяго вамъ нѣтъ. Мущинѣ—поприще, слава, да и то все какъ блѣдно передъ любовью.

Я боюсь твоего сужденья о моей біографіи, боюсь потому, что тамъ много ироніи, часто шалость, рѣдко желчь. Предисловіе хорошо, оно понравится тебѣ. Со временемъ это будетъ цѣлая книга. Вотъ планъ. Двѣ части 1-я до 20 іюля 1834 года. Тутъ я дитя, юноша, студентъ, другъ Огарева, мечты о славѣ, вакханаліи, и все это оканчивается картиной грустной, но гармонической, нашей прогулкой на кладбище (она ужъ написана). Вторая начнется моей фантазіей «22 октября». Вообще порядка нѣтъ—отдѣльныя статьи, письма tutti frutti, за этимъ «Встрѣчи». I. Maestri и «Симпатія», далѣе, что напишется. Въ прибавленіи къ 1-му тому «Германскій путешественникъ»,— эта статья проникнута глубо-

кимъ чувствомъ грусти, она гармонируетъ съ 20 іюлемъ. Знаешь ли, что я ее люблю больше «Легенды». Пожалуй, тутъ можно включить и мои «Письма къ товарищамъ». Пермь. Вятка и «Владиміръ»—эта статья тебѣ не понравится. Я помню, ты, читая мою «Встрѣчу» Сашѣ, пропустила обѣдъ, несмотря на то, что онъ необходимъ, какъ улика пошлой жизни. Только не во вторую часть ихъ—тамъ гармонія, любовь, тамъ ты. Это напечатается, и меня тѣшитъ мысль, что Русь узнаетъ прежде и тебя и мою любовь, нежели *они*. Я доволенъ собою здѣсь,—съ утра до ночи за работою. Въ біографіи я сначала задѣлъ было крѣпко Тат. Пет., но смиловался и выпустилъ. Въ первой части одинъ святой—Огаревъ, но его владѣніе ограничено, его вліяніе ограничено. Во второй, ты — святая, и твое владѣніе безгранно, и я на колѣнахъ передъ тобою. Осмѣлюсь ли я писать 9 апрѣля! Боюсь.

15 января. Ты, можетъ, удивишься, что моя статья «Симпатія» посвящена Вѣрѣ Александровнѣ Витбергъ. Я объ ней ни разу не писалъ, ее не смѣшивай съ его женою, *она дочь* Витберга. Прелестная душа и любитъ до безумія Полину. Наташа, какъ хочешь, а я бы лучше готовъ былъ подождать, только бы увидѣться въ Загорьѣ на волѣ. А на той страницѣ, что писалъ! Какъ ты думаешь, ангелъ?

15, ночь. Письма 37 еще выше всѣхъ остальныхъ. Остановись, довольно, ежели еще шагъ, тебѣ надо будетъ оставить Александра на землѣ, больше совершенства человѣку не дано. Мы должны быть соединены здѣсь и скоро. Мы должны узнать жизнь до дна, весь бокалъ выпить и тогда идти. Любопытны нѣкоторыя сближенія чиселъ. Въ маѣ мѣсяцѣ ты цѣлую недѣлю грустишь ужасно, наконецъ, вечеромъ 18 числа съ какимъ-то восторгомъ пишешь, что радость снова посѣтила твою душу, что ты опять тверда и высока. Въ эту самую минуту я стоялъ передъ наслѣдникомъ и Жуковскимъ и Арсеньевымъ,—это была одна изъ рѣшительнѣйшихъ минутъ моей жизни, она привела меня во Владиміръ, она, можетъ, еще проведетъ и черезъ всю жизнь. Сегодня годъ, что я представлялъ Данта. Говорятъ, я былъ очень хорошъ въ костюмѣ пилигрима, съ длинными распущенными волосами, хорошъ и потому, что я тогда былъ въ восторгѣ и блѣденъ какъ полотно, и глаза блистали.

16, вечеръ. Когда кто изъ нашихъ поѣдетъ, пришли, другъ мой, всѣ мои письма и записки до 1-го января 1836, я тебѣ ихъ очень скоро возвращу; у тебя есть *любимая* записка, ну, перепиши ее и мнѣ дай копію. А то я тебя больше знаю себя, хочется взглянуть, какъ я шелъ до любви. Въ самомъ дѣлѣ, окружающее насъ принимаетъ нашъ образъ и подобіе: мой камердинеръ Матвѣй, величайшій почитатель мой, теперь онъ только и думаетъ, какъ бы увидѣть тебя. А ты со всѣхъ сторонъ окружена Сашами, начиная съ меня и до твоей фрейлины, которой прошу поклониться,—я ее вѣрно увижу прежде тебя.

17 января. Твое письмо, прелестное письмо отъ 14-го, я получилъ, но оно опоздало. Я уже подалъ формальную просьбу объ отпускѣ на 29 дней въ Москву. Отдадимся откровенно и совсѣмъ Его волѣ, отпустятъ, я явлюсь въ Москву (отвѣтъ отъ министра можно ждать къ половинѣ февраля), не отпустятъ—Загорье. И мнѣ оно лучше нравится. Вспомни, что, ежели папенька пріѣдетъ прежде, я не нахожу никакой возможности быть въ Загорьѣ безъ явнаго раздора. Какъ свѣтло твое письмо. О, божественная!

Наташа, милая Наташа, какъ полна и какъ изящна наша жизнь. Кому намъ позавидовать? Да, мы много страдали, *много* будемъ страдать, а какъ награждены.

Нельзя въ иную минуту не изнемочь, иногда невольно ропотъ сорвется съ устъ; но когда я начну повторять (не памятью, а душою) свою жизнь,— нѣтъ, подобной я не знаю. Я создалъ Наталію, да, я принимаю долю созданія, я великъ. Но и ты, Наталія, создала долю Александра,— ты велика. Часто приходитъ мнѣ въ голову твое замѣчаніе, какъ все, что пишутъ о любви, далеко отъ нашей любви, не *платонической*, а христіанской, исполненной молитвы и религіи. Иногда касаются *нашей* любви, помнишь Антіоха у Полевого, есть и у Шиллера, но ужъ всегда подъ гнетомъ громовой тучи,—а, можетъ, и надъ нами туча. И казнь изъ твоихъ рукъ приму, цѣлуя ее. Попроси Егора Ив. достать «Библіотеку для чтенія» за декабрь прошлаго года и прочти «Катенька». Во первыхъ, въ слогѣ Веревкина (Рахманова) есть чрезвычайное сходство съ моимъ слогомъ, а въ «Катенькѣ» есть кое-что твоего. Прочти. Когда я прочелъ, я положилъ книгу и не могъ перевести духъ, я готовъ былъ заплакать, ужасная повѣсть.

Сегодня маменькины именины, ждалъ ее сюда, а вотъ ужъ и поздній вечеръ. Мнѣ *хочется* ее видѣть (немудрено, скажетъ всякій), но, помнишь, ты разъ писала, что разумѣешь подъ словомъ хочется. Говорятъ, что съ Ег. Ив. пріѣдетъ Кетчеръ,—вспомню юность прошедшую, я отъ нея отдѣленъ юностью настоящею. Прощай до завтраго, мой ангелъ, моя святая. Завтра еще строчки двѣ. Кажется, mademoiselle не будетъ имѣть причины пенять, что мало пишу. О, сестра!

18 января. Въ нынѣшнемъ письмѣ къ папенькѣ, въ отвѣтъ на одну холодную фразу, я написалъ много, ни разу столько не писалъ,—это послѣдній опытъ. Я сказалъ, что на меня послѣ пенять нельзя, что я хотѣлъ *все* сказать, но онъ не хотѣлъ всего понять,—что меня сломить невозможно и что благословеніе Бога гдѣ есть, тамъ найдутся и средства, и т. д. Впрочемъ, ни слова о главномъ, общія мѣста. А можетъ, онъ и *обратится*,—вѣры нѣтъ, онъ будетъ хитрить тамъ, гдѣ я буду поступать прямо. Прощай еще разъ, цѣлую тебя много, твой Александръ. Помилуй, будто нѣтъ средствъ видѣться однимъ въ Москвѣ. Что за вздоръ. А утро 4 часа?

Москва, января 12, середа.

Вотъ неожиданная-то радость! Земля едва виднѣлась черною точкою сквозь свѣтъ твоего письма съ пути,— опять письмо: море свѣта, море любви, море Бога! Безпрерывно восхищаюсь Владиміромъ, безпрерывно благодарю Его— Вятка, не плачь! Съ каждымъ письмомъ я говорю: «Господи, довольно!» Но Онъ неизмѣримъ. И по милостямъ Его растетъ душа. Пространнѣй жизнь, пространнѣй грудь.... Ты ждешь это письмо, я жду, когда оно дойдетъ къ тебѣ— свѣтъ, свѣтъ, блаженство, небо на землѣ, духъ безъ тѣла. Александръ, съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, я была чрезвычайно богомольна, несмотря на то, что мнѣ не хотѣлось вытверживать молитвъ наизустъ; когда *приказывали*, не хотѣлось *по порядку* креститься и кланяться. Лѣтъ тринадцати, четырнадцати молитва моя была уже совершенно безсловесна, безжеланна; утромъ я смотрѣла на зарю, на восходящее солнце, *до самаго дыма*, вечеромъ на звѣзды, на луну,— тутъ я не просила ничего, потому что не хотѣла ничего, потому что не помнила о себѣ; даже, когда небо меркло и желѣзная рука сдавливала меня сильнѣе, слезы лились, лились рѣкой, я обращала взоръ къ Нему, но уста молчали. Я не находила, не знала *чего* просить *себѣ* и на что, я жила Имъ и ждала Его на-

столько, насколько могла тогда обнять душа. Тебя еще я не узнавала, но вотъ *сиротѣ* повѣяло *роднымъ*, и съ тѣхъ поръ молитва—ты. На устахъ ни слова, въ головѣ—ни мысли, все душа, все Богъ, все ты. Долго красота земли и неба были слиты съ тобой, въ тебѣ ихъ изящное, въ нихъ твоя черта, я люблю все въ тебѣ, тебя во всемъ; но вотъ растетъ душа, взоръ чище, доступнѣе ты, отдѣляется земля, ближе, ближе къ небу, но вотъ и оно уже блѣднѣетъ, гаснетъ—исчезло! Богъ и ты! Что несчастіе, что счастіе, что горе, радость, адъ и рай? *Богъ вѣчно Богъ! Мы вѣчно мы!*

12-е, вторникъ. Я расцѣловала локонъ Полины.—люблю ее, люблю всей душой. Нѣтъ, Вятскіе друзья наши не осиротѣли: что-жъ нужды, что ты уѣхалъ, мы съ ними душою, пусть только *прислушаются*. Какъ вздумаю о путешествіи, такъ Вятка мрачная, холодная такъ и простираетъ свои объятія, и привѣтомъ вѣетъ съ ея снѣговъ. Не забуду, не забуду тебя, край далекій, ты мнѣ милъ, ты мнѣ родной. На тебѣ вѣчно радостный лучъ души моей, вѣчно молитва. Что Мед.?

Какъ рѣшился ты видѣть такого ужаснаго злодѣя? Еще не получая твоего письма, мнѣ разсказывали,—я содрогнулась, и цѣлый день послѣ болѣла грудь. Не размышляя ни минуты, осталась бы я съ нимъ, ежели-бъ это подвинуло его къ обращенію. Какъ допускаетъ Провидѣніе до такихъ злодѣяній! Вчерашній вечеръ былъ чрезвычайно полонъ: твое письмо и бесѣда діакона Павла. Что это за человѣкъ, нѣтъ мѣры его высотѣ—истинный апостолъ! Но посмотри на него глазами свѣта, послушай его, какъ слушаютъ *они*, и ты скажешь: странный и, кажется, помѣшанный: бесѣда его скучна и утомительна, ни тѣни въ немъ учтивства, ни тѣни приличія свѣта,—да, и *они правы*. Въ какомъ бы я ни была грустномъ расположеніи, какъ бы душа ни скорбѣла,—послѣ его разговора свободный путь къ чертогу радостей небесныхъ. Всѣ его осуждаютъ, всѣ такъ сказать нападаютъ на него, къ тому-жъ бѣдность, огромная семья, а онъ уговариваетъ другихъ, кто жалѣетъ его. У насъ его не понимаютъ вовсе и, какъ придетъ, заставляютъ только ѣсть. За ужиномъ ему сказали, чтобъ менѣе говорилъ, потому что будетъ голоденъ, онъ на это отвѣчаетъ: «это не такъ страшно, какъ быть голоднымъ душою». Боже мой, какая тутъ противоположность, съ какимъ восторгомъ смотришь на эту высоту и съ какимъ ужасомъ, съ какимъ отвращеніемъ боишься подойти къ этой пропасти.

Вечеръ. Что-жъ не ѣдетъ Найденовъ? Я жду его съ нетерпѣніемъ, я ему обрадуюсь, какъ родному, распрошу у него все, все... Ахъ, да еще можно-ли будетъ: кн[ягиня], кажется, *имѣетъ понятіе о замыслахъ* (какъ *они* выражаются): да что-жъ до того, что мнѣ нужды и до ихъ милости, и до ихъ гнѣва.

Это время минутами сильная грусть обнимала душу, и знаешь, отчего?—Послѣднее письмо мое взволновано, печально, на тебя это подѣйствуетъ,—что дѣлать, ангелъ мой, покоримся Отцу, и въ эти минуты земли скажемъ: «мы еще на землѣ».

Получивъ отъ тебя изъ *Владиміра*, я еще воскресла: шагъ, мигъ, и мы въ объятіяхъ другъ друга!! И эти частыя сообщенія, это неизмѣримое море утѣшенія и радости: вотъ поѣдутъ скоро къ тебѣ, услышу о тебѣ отъ *самовидца*: маменька—еще вѣсть полнѣе, вѣрнѣе, а тамъ, иль папенька къ тебѣ, иль ты сюда,—и все должно въ короткое время... Будто шибко бѣжала, такъ бьется сердце. Только вотъ что: я бы не желала увидѣться съ тобою неожи-

данно, что-то сомнѣваюсь въ себѣ... Когда отъ одной мысли займется духъ, загорятся щеки, взоръ, —нѣтъ, *боюсь!* Лучше *ждать* день, два, недѣлю, познакомиться съ этой мыслью — солнцемъ, приглядѣться къ его свѣту, не то... не то я не знаю, что будетъ со мною! Прощай, теперь тебѣ и слышнѣй и виднѣй Наташу—а тамъ, а тамъ... руку!

Полночь. Божественные часы, люди добрые, спите! Передо мной письмо, читаю, перечитываю, за этимъ пауза, но въ ней молчитъ только земля, а музыка небесная льется, льется... Прочту страницу, и кругомъ меня опять исчезнетъ все, кромѣ полоски неба между стѣной и завѣсомъ. Александръ, Александръ, ты меня любишь, ты мой. Я люблю все и всѣхъ, чистое — намъ родное, падшему — искупленіе, и мы за него! *дурного* въ мірѣ нѣтъ, я не могу этому вѣрить. Онъ не создавалъ дурного, и дурное *существовать не можетъ*, все изящно, дивно, все люблю, но ты... Ты! Александръ, ты говоришь друзьямъ и славѣ—прощай, я говорю землѣ и небу — прощай. Ты, только ты!!! Оставляю перо, оставь и ты письмо, обернемся туда, преклонимъ колѣна.

13, четвергъ. Да, проясниваетcя: надежда на свиданіе не похожа на ту мечтательную надежду, которая насъ лелѣяла и терзала; все утихло, небо въ пламени .. вонъ ужъ огненная точка, мигъ,—и солнце прянетъ въ высоту. Что объ отпускѣ? Итакъ, Загорью, этому мирному скромному уголку предназначено быть полотномъ нашей встрѣчи, картины достойной взора одного Бога. Неисчерпаемая поэзія и блаженство въ этой надеждѣ, только, вѣдь, мы въ маѣ не ѣздимъ; ежели папенька соберется прежде насъ... все-таки ты пріѣдешь? Тамъ, не доѣзжая полверсты до деревни, есть другая дорога вправо, по ней я часто гуляю при закатѣ солнца, тамъ никто почти не ходитъ, едва видно сосѣднее село, да весь храмъ Божій,—тамъ подадимъ мы другъ другу руку, тамъ встрѣтятся наши взоры, сольются души, тамъ сойдетъ Духъ Святый...

А послѣ что-жъ? Послѣ, опять *то же*, то же... фу! Нѣтъ, послѣ туда, гдѣ плещетъ море, а не цѣпь гремитъ, гдѣ не стонъ, а гимнъ — туда! Иль пусть тутъ же, тотъ же мигъ тѣло уйдетъ въ свою родину, а душа въ свою. Заранѣе надо все обдумать и устроить, ежели надо будетъ, чтобъ *они* не знали,— это очень легко, отъ деревенскихъ можно скрыться, а домашніе за меня и тѣломъ и душой; только, можетъ, намъ не долѣе будетъ часу, очень рано утромъ, о, такъ нѣтъ! часа три; я могу уйти съ разсвѣтомъ и *при первомъ дымѣ* мы простимся... надолго-ль-то?!

Ты отрекся славы («любяй душу, погубитъ ю»), славы суетной, земной, славы, которой нуженъ блескъ, рукоплесканья, монументы, она родится изъ земли, тянется къ ея сокровищамъ, къ ея благамъ, и небо гаснетъ предъ алмазами, и голосъ Его заглушенъ криками толпы. Но вотъ слава: тѣло умерло, разсѣяны сокровища, молчитъ толпа, а слава — душа жива, какъ живъ Богъ: вслѣдъ тебѣ будутъ уже не рукоплесканья, а благословенья, не толпы зѣвакъ, а хоры ангеловъ, и не тяжелая, металлическая корона увѣнчаетъ чело твое, мой Александръ, а вѣнецъ, вѣнчающій Его! Нѣтъ души, нѣтъ и тѣла, не будь той славы святой, божественной, и земная мертва, ничтожна, а съ первою возгремятъ тебѣ и здѣсь трубы и литавры; ежели-жъ и нѣтъ, — что до того? *Имя твое написано на небесахъ!*

Хотѣла ложиться, но опять развернулась эта дивная ткань, и въ глазахъ зелень, дорога, ты... Да, мы увидимся непремѣнно! назначенъ день (до погоды дѣла нѣтъ), ты съ вечера выѣзжаешь, или съ полудня и до ночи въ селѣ По-

кровскомъ, которое отъ насъ 3 версты, оттуда пришлешь сказать мнѣ, а я пришлю съ разсвѣтомъ проводника, онъ привезетъ тебя прямо на ту дорогу, гдѣ ужъ я буду ждать тебя.— а въ 7 часовъ уйду отъ тебя. Что съ тобой, какъ все это вообразишь?.. Прощай, мой ангелъ, мой Александръ, ужъ за полночь, не могу болѣе писать. О! какъ все радостно, легко, свѣтло. Другъ мой, другъ мой, моя жизнь, мое провидѣнье; точно лѣтнее утро, такъ и вѣетъ ароматъ, грудь полна, полна!.. Хранитель надъ тобой.

14-е, утро. Сегодня рожденье Саши Б.—мой большой праздникъ, а завтра рожденье Витберга— поздравляю тебя.—Вчера, мой ангелъ, я никакъ не могла заснуть долго, долго, ужъ мнѣ мечталось, что скоро разсвѣтъ, скоро увижу... Подъ стражей, въ темнотѣ, на жесткомъ диванѣ... я улыбалась, все лицо—восторгъ, слезы радости, а въ душѣ... въ душѣ... О, ангелъ мой! А тамъ, въ золотѣ, въ порфирахъ, на волѣ, можетъ, льются слезы горькія. Александръ, другъ мой, ангелъ, благодари Бога, благодари, что Онъ послалъ мнѣ тебя, братъ мой. Съ улыбкой проснулась, съ улыбкой сѣла по обыкновенію между трехъ старухъ, – все свѣтло, все прелестно, и не могу принять серьезный видъ.

Мы еще много будемъ писать о томъ, какъ устроить. Въ моемъ планѣ ни тѣни преграды. Какъ мнѣ весело, другъ мой! Знаешь ли, отпускъ или нѣтъ, надо съ *ними* видѣться, иль нѣтъ, мы не иначе увидимся, какъ съ разсвѣтомъ, на дорогѣ, что тамъ направо по горѣ... одна природа, одинъ Богъ съ нами, мы будемъ тамъ часа три, четыре... потомъ—потомъ да будетъ Его воля, намъ *все равно*! Только въ Покровскомъ ты долженъ остановиться просто въ избѣ, а не у священника, и пришлешь въ сумерки посла ко мнѣ, а къ тебѣ съ разсвѣтомъ явится проводникъ на лошади, и ты тоже... Охъ, какъ полно сердце! Господи, благослови! Теперь надо отослать письмо, а ужо все-таки буду писать, не могу молчать. Твоя, твоя Наташа.

Получилъ ли ты письмо съ почтой?

Ежели-бъ тебѣ можно было пріѣхать и прежде Загорья — я не желала бы, потому что знаю, что все будетъ отравлено; нѣтъ, *непремѣнно* такъ, какъ я писала, *непремѣнно*! Самъ Богъ благословилъ эту мысль, она Имъ внушена и не должна быть перемѣнена.

14-е.

Преодолѣвая себя, пишу; твой ушибъ такъ живо,—сердце замерло... Нѣтъ, погоди, еще успѣю.

Ночь. Давеча вечеромъ ужъ получила твое письмо отъ 10-го. Не даромъ меня такъ поразило, какъ ты въ первый разъ написалъ: «я ушибъ голову», но я не писала тебѣ, потому что подробнѣе ты тогда ужъ не написалъ бы. Вотъ что разлука! Господи, Господи! и меня тогда не было... Ангелъ мой, я вся дрожу. О, нѣтъ, Всевышній, умилосердись, нѣтъ, довольно, Александръ, возьми меня! Можетъ, ты опять ушибся. Отецъ Небесный!.. Такъ все взволновано, но пишу, потому что, можетъ, Ег. Ив. скоро поѣдетъ, я ничего не знаю. Теперь объ немъ: потому-то меня тогда и испугала его любовь, что я ему ужасно много обязана, онъ не переставалъ дѣлать для меня все, что могъ. Долго, ужасно долго я не вѣрила его любви и не брала никакихъ предосторожностей; вообрази-жъ мой ужасъ, когда онъ *упрекалъ меня въ измѣнѣ ему!*.. Долго я не могла смотрѣть на него равнодушно, и все, за что я ему была прежде такъ благодарна, измѣнилось. Теперь и слѣдовъ нѣтъ, онъ даже не беретъ руки моей никогда; это

чрезвычайно благородно, ежели онъ любилъ меня въ самомъ дѣлѣ (по своему); мы съ нимъ всегда очень мало говоримъ, о тебѣ никогда, только иногда такъ, въ обыкновенныхъ разговорахъ, твое имя. Даже грусти не видать на немъ, а прежде онъ горько плакалъ. Что я перестрадала отъ него,—одинъ Богъ знаетъ. Можетъ, и я ему принесла собою одно горе,—видитъ Богъ, все съ намѣреніемъ самымъ чистѣйшимъ, возвышеннымъ. Говори съ нимъ о мнѣ мало. Прежде я даже замѣчала въ немъ и месть,—можетъ, онъ ее скрывалъ до тебя. Я всетаки не могу его не любить такъ, какъ любила прежде. Я сдѣлала огромную глупость въ эпоху его любви; у меня были цѣлы всѣ его письма, потому что все принимала за дружбу, а прочее за шутку; вотъ, какъ *узнала*, и отослала письма къ нему, сказавъ, что «они мнѣ *уже* не принадлежатъ». Онъ за это слово и взялся, и мнѣ было бездна непріятностей, бездна. — Глубоко смотрѣла въ душу: и онъ всегда мнѣ другъ, всегда любила его, какъ брата, благодѣтеля, и всегда хотѣла ему доказать это, — вышло иначе; не знаю, кто виноватъ. Полина, Полина! ужасно ее люблю, часто, очень часто о ней думаю, она въ глазахъ у меня, мы непремѣнно увидимся, никто родную сестру не любитъ болѣе.

Папеньку я не боюсь, нѣтъ. Кто смѣетъ бороться *съ нимъ*? И чтобъ ни было, ничего не боюсь, тебя увижу, съ тобой буду, съ нами Богъ, а тамъ что страшнаго? Хоть сейчасъ со двора,— пріютъ будетъ, лишь бы не *оставили у себя*, да и тутъ что страшнаго, весь домъ въ моихъ повелѣніяхъ, а не въ ихъ.

Какъ все стройно было въ душѣ до 8 часовъ вечера. Это свиданіе... О! вотъ неизъяснимой-то восторгъ! Признаюсь, я бы не хотѣла *ничего* до *такого* свиданья, пусть все попрежнему мѣсяца 4, и мы увидѣлись бы такъ, какъ я писала. А тамъ *все равно!* пусть война, пусть все, что они хотятъ, я знаю, что недолго продолжится, жизнь наша польется свѣтлымъ потокомъ, или Онъ возьметъ насъ къ себѣ! До 8-ми часовъ всѣ эти 4 мѣсяца были передо мною, какъ лѣстница, ведущая на небо, какъ одинъ мигъ передъ восходомъ солнца. Принесли письмо—твой ушибъ,—это ужасно меня разстроило. И теперь страшенъ каждый мигъ, въ которомъ ты безъ меня. О! Слезы градомъ, не могу дышать. Нѣтъ, Александръ, я должна быть съ тобой, ангелъ мой, другъ, умоляю тебя на колѣнахъ, цѣлую твою руку,—умилосердись, береги себя. Александръ, я боюсь перечитать твое письмо. Ну, если мнѣ назначено пробыть на землѣ безъ тебя нѣсколько дней... Нѣтъ, нѣтъ, не умирай! Не хочу писать, буду плакать, мнѣ легче будетъ.

15-е, пополудни. Въ 1-мъ часу подаютъ письмо. Я немного покраснѣла, потомъ громко и рѣшительно прочитала *все*. При словѣ: «мы будемъ молиться вмѣстѣ». Макаш. вспыхнула, голова ея пришла въ необыкновенное движеніе, она звѣрски посмотрѣла на меня и сказала: «это что-то мудреное слово, что ужъ слишкомъ, никогда такой связи не было, и братъ съ сестрой не могутъ молиться вмѣстѣ» и прочія глупости (ежели бы они понимали *молитву*, сказали ли бы это?). Кн[ягиня] молчала и только, покраснѣвъ и улыбаясь, сказала «да». Но въ этомъ словѣ заключается все; еще что-то говорили тихо, но я пошла позвать Найденова, а письмо было принесено не имъ. О Загорьѣ она не поняла, я не хотѣла пояснить, да и ненужно было. Вотъ все о письмѣ. Не стоитъ *ими* заниматься, намъ все равно. Хоть сейчасъ готова имъ сказать все, только готовлюсь отвѣчать папенькѣ, но отвѣчать такъ, какъ бы отвѣчалъ безплотный житель неба, не подчиненный землѣ; пока прощай—нельзя. Ночь я не спала и очень взволнована все утро.

Вечеръ. Маменьку ты увидишь первую, этому я очень рада, отъ нея можешь обо мнѣ слышать болѣе. Начинаю успокаиваться, но ужъ въ письмѣ не буду перечитывать ушиба. У меня долго была Emilie, велѣла тебѣ сказать, что не пишетъ тебѣ сама о своемъ замужествѣ потому, что еще вѣрнаго нѣтъ, женихъ ея поѣхалъ на 2 мѣсяца въ Петербургъ, а тамъ, что Богу будетъ угодно. Вотъ ужасъ-то: она *сама* должна хлопотать о приданомъ, а ничего нѣтъ; это ужасно! а *необходимость*; да, не красна на землѣ жизнь тому, кто на ней только гость. Прощай, милый, прощай! Наташа Герценъ.

Ночь. 15-ое. Ну, въ самомъ дѣлѣ, Александръ, не прелестно ли — *Наташа Герценъ?* Какъ звучно, какъ величественно. Что можетъ быть болѣе, какъ ни слова: Наталія, Александръ Герцены? Тутъ вся наша жизнь, всѣ страданія, вся любовь, дивно, дивно! Я къ инымъ такъ подписываюсь, а къ другимъ не иначе, какъ только N—будетъ съ нихъ. Или вотъ посмотри, какъ прелестны наши вензеля вмѣстѣ [опять вензель изъ А. и Н.]. Часто, когда я одна, повторяю твое имя вслухъ, даже въ просонкахъ, прежде, чѣмъ увижу свѣтъ, прежде, чѣмъ молитва на устахъ, Александръ, мой дивный, мой единственный, тотъ, кого Богъ послалъ, кто далъ мнѣ и душу и блаженство, котораго *я люблю!* Да, *я люблю,* и никто въ свѣтѣ такъ не любитъ. О, другъ мой, твой образъ такъ и свѣтитъ на меня, лучезарный съ высоты, на голубой ткани.Никакъ я не могу представить себя съ тобою въ жизни обыкновенной, это что-то не пристало; нѣтъ, нашъ домъ воздушный, чтобы все, къ чему мы касаемся, не касалось земли, просторъ, эфиръ и музыка! А бѣдная Emilie *шьетъ приданое,*—это убійственно!

Твой ушибъ такъ напугалъ меня, ни на минуту не могла забыть. Какъ огромна должна быть моя молитва, ничего, кромѣ молитвы. Съ мыслію о тебѣ — мысль о Богѣ и безпрерывное самоуничтоженіе, и просьба о сохраненіи тебя. Да, иначе я не могу быть покойна, иначе я не люблю тебя. Ни на мигъ, ни на мигъ стороннее не вкрадывается въ душу, все ты, все тебѣ. Ахъ, право, это непостижимо, какъ можемъ мы быть розно. Но пусть дополнится мѣра, пусть еще мѣсяца 3, лишь бы это свиданье. Богъ тебя будетъ хранить, ты ужъ не упадешь болѣе, я буду Его безпрерывно просить объ этомъ. А 3 мѣсяца разлуки мы вынесемъ, лишь бы не измѣнился тотъ планъ... Вѣдь, это чудно, Александръ, устроится, ни на волосъ препятствій, и вообрази, мой ангелъ, вообрази все это такъ величественно, свободно, такъ торжественно, а здѣсь... О, нѣтъ, больно разстаться съ очаровательной мечтой,—вѣдь, все будетъ такъ, какъ я писала? А тутъ... и полъ-то сдѣланный, и стѣны, и еще желѣзная крыша, и люди желѣзные... О, трепетъ пробѣгаетъ отъ одной мысли; стукъ по камнямъ, *ихъ* голоса, ихъ глаза... Нѣтъ, въ томъ домѣ мы увидимся, гдѣ крыша небо, стѣны безпредѣльность, тамъ, тамъ на горѣ. И знаешь ли что: съ того мѣста видно далеко, кто ѣдетъ изъ Москвы; и я увижу тебя издали, и ты увидишь меня, пустишься впередъ проводника, я остановлю Сашу и довольно, ангелъ, довольно! ты задыхаешься... Да, для человѣка это слишкомъ много, но Ему возможно все. Ежели же *нельзя* такъ, какъ я пишу, то ты пиши мнѣ, чтобъ скорѣй мнѣ разстаться съ этой мыслію, чтобы не такъ было больно.

Какъ хотѣлось мнѣ видѣть Найденова. А какъ маменька-то пріѣдетъ, Александръ, Александръ!

16-е. Письмо твое *ихъ* совершенно разстроило. Кн[ягиня] вздыхаетъ, дѣлается больной, говоритъ, что не спала ночь, и ужасно сердита, -опять рядъ безконечныхъ непріятностей, но все это пыль, одна пыль, и, какъ хочетъ она высоко

вейся столпомъ, не достать неба, не достать солнца. Разумѣется, и пыль непріятна, но видишь: тамъ—свѣтлыя воды, катятся какъ кристаллъ и журчатъ о умовеніи, о очищеніи, и отражаютъ въ себѣ безмятежную, святую будущность? Несися вихрь, взвивайся пыль, земля, тьма... небо, —на мигъ не видать его, и потомъ опять вѣчный яхонтъ, вѣчное солнце...

Кн[ягиня] что-то много писала къ папенькѣ, она скрываетъ отъ меня причину разстройства, а все обиняками бранитъ и нынѣшній вѣкъ, и молодежь, и женитьбу. Жалка она, право, жалка; но «мрачное—мраку, Фебово—Фебу». Мнѣ и легко и свѣтло!

17-е, пополудни.

Смѣхъ, Александръ! вообрази, кн[ягиня] скрываетъ отъ меня свое безпокойство, но ясно видно, что *симпатія* и *молитва* въ твоемъ письмѣ кажутся ей чудовищами и стращаютъ ее. Ну, Богъ съ ними, пусть ихъ скрываютъ, я и не хочу открывать ничего. Да, подъ ногами и грязь, и пыль, и ямы, а посмотри, надъ головою свиданіе такъ и горитъ яркимъ солнцемъ! О, Александръ, что земля, что люди! Землѣ—слезу, людямъ—благословеніе, —*весь*. А намъ путь иной, намъ ненадо ихъ слезъ, ихъ благословеній, въ насъ нашъ рай и Богъ!

Вчера, пересматривая твои письма, я подумала: я счастливѣе Александра, у меня его письма и изъ Крутицъ, и въ Красниково, и даже всѣ записочки... Но, вѣдь, я только пересматриваю ихъ, и то со страхомъ, нѣкоторыя прочитаю, а чтобъ такъ, всѣ рядомъ, и подумать нельзя, они жъ у меня подъ спудомъ,—а ты можешь и читать, и перечитывать, не оглядываясь, не прислушиваясь, ты счастливѣе! Какъ я рада, что ты маменьку увидишь первую. Помнишь, она привезла меня къ тебѣ въ Крутицы? Съ ней я хотѣла послать тебѣ чернильницу,—не поспѣла. Вотъ ужъ бы не желала провожать маменьку, я не знаю, что бы со мною было. Кажется, завтра она ѣдетъ. Ахъ, Александръ, Александръ, нѣтъ, не могу писать, прощай!

Сейчасъ записка отъ Эмиліи, — вотъ она. Всѣ желаютъ намъ свиданья въ Загорьѣ, *дѣльно*. Мнѣ ужасно больно, что маменькѣ столько непріятностей черезъ насъ (Emilie мнѣ писала), но что же дѣлать?

Именно, ангелъ мой, ты не долженъ пріѣзжать въ Москву, зачѣмъ? Маменьку видишь, папенька пріѣдетъ къ тебѣ самъ, друзей нѣтъ, а *меня* ты не увидишь въ Москвѣ, потому что, мечты въ сторону, я *должна* буду замаскироваться, а это убійственно. Чтобы видѣть *меня*, пріѣзжай въ Загорье такъ, какъ я писала. Я ничего, впрочемъ, подробно не знаю, какъ папенька узналъ и *какъ* противъ.

18-ое, вторникъ. Вѣрно, ты сегодня веселъ, вѣрно, не покидалъ меня,—я необыкновенно весела и высока. Вотъ тебѣ нынѣшній день: кн[ягиня], наконецъ, излила на меня все, что ее тяготило: началось обыкновенно съ того, что я *не такъ* смотрю и далѣе, къ концу двухъ часовъ, рѣчь обратилась на тебя, и *такъ*, что еще бы слово—и я ей сказала бы: люблю Александра! Но она, видно, сама боялась вымолвить это слово, а я забѣгать не буду. Тутъ-то она сказала, что больна отъ твоего письма, что оно романическое, что его нельзя показать честному человѣку, что симпатія *въ немъ* вѣтреность, развратъ, и, Богъ знаетъ, какіе она ужасы говорила, истинно ужасы. Я же въ продолженіе этихъ двухъ часовъ слишкомъ ни полслова, то же покойное, счастливое лицо, та же Наташа, а истинно, это что-то было въ родѣ бесѣды Везувія съ луною. Чѣмъ же кончилось,—ты расхохочешься: «И какъ онъ, дерзкій мальчишка, смѣлъ подумать, что я

допущу его молиться съ тобою утромъ и вечеромъ. не бывать!» Тутъ я не могла удержаться и засмѣялась, ей самой это стало смѣшно, и тѣмъ все кончилось. Ну, какъ не жалѣть ихъ!—Потомъ несносные гости, несносный разговоръ, несносный обѣдъ. Эти часы я страдаю. Представь себѣ мрачныя, холодныя, маленькія комнаты, съ замерзшими окнами, нечистыя, въ нихъ нѣсколько старухъ, *по крайней мѣрѣ* пять, — ни мысли въ рѣчахъ, ни луча души во взорѣ—безпрерывная галиматья. За ней слѣдуетъ обѣдъ, за нимъ сонъ. Ты помнишь эту свѣтлую, теплую комнату, что на дворъ,—въ третьемъ часу въ ней солнце и я. Тутъ совсѣмъ другое, пусть ихъ спятъ себѣ, а я, окрыленная мечтою, уношусь на свою сторону, въ родную семью. Ангелъ мой, какъ счастлива, какъ безмятежна душа, какъ безпечна о земномъ. Хотя всему запретъ, кромѣ работы, но и работа не скучная, я вышиваю для Emilie. Тихо, тепло, свѣтло, свободно—чудо, чудо. Я была въ восторгѣ, черное прошедшаго, непріятности настоящаго, страхъ будущаго—все исчезло; вся жизнь моя—струя любви, лучъ Бога, Александръ. Не раскрывалось передо мною это суетное, темное, тѣсное, долголѣтнее *гнѣздо* на землѣ, о, нѣтъ! Мнѣ сіялъ одинъ мигъ, мигъ свиданья, и свѣтъ его равнялся съ миріадами солнцевъ, и обширность его равнялась съ вѣчностью... Да, Александръ, увидимся: 9 апрѣля былъ нашъ первый шагъ въ жизнь, а *тогда* свиданье пусть будетъ послѣднимъ, и жизнь наша полна, начата и кончена, чего тогда намъ ждать на землѣ, чего желать?

Такъ, за такіе два часа можно пожертвовать цѣлымъ днемъ,—они прошли, и за ними опять мрачно, тѣсно, душно, но ихъ лучъ и изъ прошедшаго достигаетъ меня и животворитъ. Вѣдь, вотъ что еще несносно—эти *приличія*. Долгу, обязанности, закону — покоряюсь, а приличія свѣта, то есть маска, душитъ меня, и я никогда не въ состояніи буду носить ее, и потому я чужда свѣту, и свѣтъ чуждъ меня. Смотри на меня такъ, какъ я есть, а я есть такъ, какъ создалъ меня Богъ и Александръ. Но если-жъ ты хочешь найти у меня вмѣсто глазъ червонцы, вмѣсто сердца граненый алмазъ, —иди мимо, далѣе, ниже, иди туда, гдѣ не знаютъ, что такое глаза и сердце, не знаютъ Наталіи и Александра.

Что Вятичи? Ты тоскуешь о нихъ, теперь ужъ ты слишкомъ одинокъ. Что то они, жаль ихъ, ужасно жаль. Но, друзья, не тоскуйте, мы съ вами.

Вѣроятно, ты ждешь Егора Ив. и потому не пишешь, я жду-жду письма, когда-то придетъ оно! Прощай, смотри, какъ свѣтитъ Венера, обнимемся, ангелъ мой, прощай. Боже мой, намъ хотятъ запретить вмѣстѣ молиться, не будучи въ состояніи разлучить и на минуту—бѣдные. Вотъ какъ понимаютъ они молитву; Александръ, другъ мой, больно сердцу, внушимъ имъ нашу молитву, откроемъ ихъ сердца, ихъ сковало *приличіе*. Господи, или это только твое всемогущество можетъ? Я содрогаюсь, когда слышу, что они произносятъ: молитва, добродѣтель, Богъ: какое значеніе у нихъ этимъ словамъ? Мнѣ становится страшно, страшно, я ищу твоего взора, о, Александръ! Прощай же. Что ты дѣлаешь теперь, не со мной ли у Его Престола?

19-ое. Прощай, свѣтло, ясно на душѣ, будь веселъ, мой Александръ! Теперь говори съ маменькой, мнѣ пора замолчать.

Наташа *Герценъ*.

Владиміръ, января 19.

Наташа! хочешь ли видѣть близкаго родственника и узнать въ немъ твои прелестныя черты? Я тебѣ покажу. Сегодня я перебиралъ всѣ старыя письма

прежнято времени; ихъ немного: часть сожжена, часть затеряна, а часть осталась въ коммиссіи. Я нашелъ только три письма отъ Ог. того времени. Ну, слушай, онъ пишетъ іюля 24-го 1833 года: «Другъ! твое письмо оживило меня, я теперь опять возвысился на точку, съ которой почти не замѣчаю ничего, что вокругъ меня, съ которой не вижу пошлыхъ частностей, но только одно общее великое. Одно идеальное могло меня извлечь изъ этой пропасти. Мнѣ оставалось или сравняться съ этими людьми, или укрыться въ недоступный для нихъ міръ идей. Могъ ли я съ ними сравняться? Такъ міръ идей, — въ немъ моя жизнь!..» Прислушайся, Наташа, къ этимъ звукамъ, къ этому бѣгству отъ земли, къ этому мощному дѣйствію моего письма, и ты увидишь себя тутъ. Переставь одно слово, и можно думать, что это изъ твоего письма; слово «идея» замѣни небомъ, молитвой. Слушай: я долго не писалъ къ нему, онъ боленъ, его душа томится, и онъ пишетъ: «Герценъ, сжалься надо мною, напиши что-нибудь. Нѣтъ ни думъ, ни мечтаній, ни вдохновеній, все убито морозомъ, самые лучшіе цвѣтки сшиблены. Отъ тебя письма не было. Въ первую минуту восторга искренно желаю умереть. Скучно, мучительно. Да, ради Бога, пиши, я схожу съ ума! Сжалься, Герценъ, Боже, Боже!».

Наташа, это ты, оставленная двѣ-три недѣли безъ моего письма. О, вы — братъ и сестра, вы-то одни и проводите меня сперва до могилы, потомъ до Бога — и тамъ останемся. Ты писала мнѣ разъ: «тебѣ 25 лѣтъ, и у тебя есть другъ, есть подруга, — и какой другъ, и какая подруга!» О, ангелъ небесный — и ты выше, святѣе друга. Нѣтъ, тогда въ Загорьѣ я тебѣ скажу все — не говоря ни слова. Прочь, прочь все земное, — зная тебя, любить земное... Далѣе о письмахъ. Теперь обращаюсь къ себѣ. Въ это самое время, т. е. въ 1833, мечталъ я, что влюбленъ въ Л. П., но тогда еще любовь не могла проникнуть сквозь тройную бронь гордости, славы и общихъ идей. Я писалъ къ нему о томъ, что влюбленъ, но писалъ робко и сказалъ, между прочимъ: «любовь меня не поглотитъ, это занятіе пустого мѣста въ сердцѣ, идеи со мной, идеи — я». Онъ отвѣчаетъ (августъ 18): «Герценъ, ты или шутишь, или не понимаешь ни любви, ни самого себя. Вникни въ идею этого слова, «любовь». Если она и поглотитъ тебя, то ни уничтожитъ ничего благороднаго, она очиститъ тебя, какъ жрецы очищали жертвы, которыя готовились Богу». Огаревъ правъ, я равно тогда не понималъ ни любовь, ни себя, и вотъ лучшее доказательство, что это была мечта. А онъ понималъ оттого, что онъ поэтъ, оттого, что онъ все понималъ не разсужденіемъ, а вдохновеніемъ. Сравни меня теперь, какъ я открыто говорю имъ и всему міру, что моя жизнь для нихъ кончилась, что моя жизнь — ты. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Владиміра я писалъ ему: «Во всю жизнь два человѣка на меня сильно дѣйствовали: это ты и она; больше нѣтъ ничьего вліянія на меня. Но и сотой доли ты не сдѣлалъ того, что она.

> .....Eine weisse Taube
> Wird fliegen....
> Durch eine zarte Jungfrau wird et sich
> Verherrlichen, denn er ist der Allmächtige!

Передъ ея силой и высотой я склонилъ свою гордую голову; когда-нибудь ты прочтешь ея письма, — и ты склонишь голову». Какое пространство между сухой мыслью о любви, брошенной въ 33 году, и этой яркой любовью въ 1838! Я думаю, ты поймешь эти стихи изъ «Іоганны», они очень просты.

Съ маменькой пришлю я тебѣ начало моей біографіи; какъ прочтешь, воз-

врати съ Егоромъ Ивановичемъ. Тебѣ понравится предисловіе и VI глава подъ заглавіемъ «Пропилеи». Остальное шалость, но я не уничтожу, это заставляетъ меня въ грустныя минуты улыбаться. Я виноватъ, что не посылаю «Симпатіи»; ей Богу, такъ ненавижу переписывать, что все день за день откладываю. Когда будетъ досугъ, спиши мнѣ «22 октября 1817» — у меня нѣтъ. Пришлю тебѣ еще трагедіи Шиллера.— работай надъ нѣмецкимъ языкомъ. Ты увидишь изъ «Пропилей», что былъ для меня Шиллеръ. Заглавіе мое вотъ почему: передъ входомъ въ Аѳинскій Акрополисъ былъ сдѣланъ торжественной входъ, черезъ него народъ-*царь*, народъ-юноша входилъ въ свой дворецъ, — это-то былъ Пропилей. У меня такъ названо вступленіе въ юношество. Мой Акрополисъ изящной, какъ Аѳинскій, такой же вольной, такой же языческой. Будетъ и путь къ святымъ мѣстамъ, будетъ Сіонъ и Святая Дѣва,—это во второй части.

20-е. Есть у меня еще повѣсть, но ее боюсь тебѣ послать, мрачна, какъ черная ночь. Перечитывая сегодня, я самъ содрогнулся. Привезу самъ, а то мрачнаго и безъ того довольно. Да еще надобно поисправить. Перечитывалъ твои письма второй половины 37 года. Вотъ это ужасное письмо, полученное 14 ноября. Боже, что я перестрадалъ въ тотъ день. «Униженіе и смерть безъ меня»— вотъ двѣ мысли, около которыхъ собралась истерзанная душа. Какъ я тогда плакалъ! Скворцовъ, испуганной, бросился къ Эрну. Я былъ въ аптекѣ, заставилъ Полину пѣть, а та не могла духа переводить; блѣдной, какъ полотно сидѣлъ я на стулѣ, и горячія слезы лились. Въ комнатѣ было жарко, я дрожалъ отъ холода. Когда пріѣхалъ Эрнъ, я захохоталъ, сжалъ ему руку и сказалъ, что я жду отъ пап[еньки] приглашенія быть шаферомъ на твоей свадьбѣ. Эрнъ содрогнулся, у него и у Скворцова показались слезы. Я началъ пѣть французскій водевиль, — это было вродѣ предисловія къ сумасшествію. «У него завтра горячка», сказалъ Эрнъ. «Ежели...», началъ Скворцовъ, я понялъ его, обратился къ Полинѣ и сказалъ: «А, какъ хотите, горько покидать жизнь». Потомъ воротился я домой, легъ на диванъ и уснулъ, проснулся больной до невозможности, грудь болѣла, голова была въ огнѣ. А тутъ твое письмо, которое успокоило меня, я полетѣлъ къ Полинѣ. Но физическая часть отстала, двѣ недѣли я былъ боленъ послѣ этого, и, выздоравливая, первую вѣсть, которую получилъ, былъ переводъ во Владиміръ. Этотъ день много очистилъ мою душу, много возвысилъ меня. Нѣтъ, ты напрасно упрекаешь себя, что написала все это. *Дурно сдѣлаешь*, ежели скроешь что-нибудь. Все по поламъ. Развѣ я скрывалъ свои минуты грусти. А предложеніе Эрна, Скворцова,—одно слово, и они полетѣли бы въ Москву. Но что бы сдѣлали? Откуда ты берешь надежды на папеньку, не постигаю; теперь поближе началъ я разглядывать и понялъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Что-то онъ на мое прошлое письмо?

21-е. Сегодня ночью я очень много думалъ о будущемъ. Мы должны соединиться и очень скоро, я даю сроку годъ. Нечего на нихъ смотрѣть. Я обдумалъ цѣлой планъ, все вычислилъ, но не скажу ни слова, въ этомъ отношеніи отъ тебя требуется одно слѣпое повиновеніе.

Маменька пріѣхала. Твои письма, едва прочтенныя, лежатъ передо мною, а я мраченъ, черенъ, какъ рѣдко бывалъ и въ Вяткѣ. Да, завѣса разодрана, вотъ она истина нагая, безобразная. Наташа, ради Бога, я умоляю тебя, не пиши ни слова противъ слѣдующихъ словъ: ты должна быть моя, какъ только меня освободятъ. Какъ? — все равно. Найдется же изъ всѣхъ служителей церкви одинъ

служитель Христа. Но ни слова противъ: Наташа, ангелъ, скажи *да*, отдайся совершенно на мою волю. Видишь-ли, ангелъ мой, я ужъ не могу быть въ разлукѣ съ тобою, *меня любовь поглотила*, у меня ужъ, окромѣ тебя, никого нѣтъ. Ты писала прошлый разъ, что жертвуешь для меня небомъ и землею. Я жертвую *однимъ небомъ*. Слезы на глазахъ—никого, никого — ты только. Но ты имѣешь надо мной ужасную власть, ты меня отговоришь, и я буду страдать, буду мраченъ, буду, какъ ты не любишь меня. Ежели скажешь *да*, я буду обдумывать, это будетъ моя игрушка, мое утѣшенье, не отнимай у изгнанника. Все противъ меня. Это прелестно: нагъ, бѣденъ, одинокъ, выйду я съ своей любовью. День, два счастья полнаго, гармоническаго. А тамъ — два гроба! Два розовые гроба. Я не хочу перечитывать писемъ—послѣ: только зачѣмъ ты такъ хлопочешь объ ушибѣ, душа разможжена хуже черепа. Фу, какимъ морозомъ вѣетъ отъ этого старика, которому мой ангелъ, моя Наташа, цѣлуетъ съ такимъ жаромъ руку. Ты находишь прелесть въ этой подписи: Наташа Герценъ; а вѣдь онъ не Герценъ,—Герценъ прошлаго не имѣетъ. Герценыхъ только двое: Наталія и Александръ, да надъ ними благословеніе Бога. Знаешь ли ты, что Сережа говорилъ объ тебѣ, что ты безумная, что ты не должна ждать лучшаго жениха, какъ дуракъ тотъ, что ты не имѣешь права такъ разбирать, а его сестры имѣютъ. Отъ сей минуты я вытолкнулъ этого человѣка изъ сердца, онъ смѣетъ называть меня братомъ,—въ толпу, тварь, въ толпу, куда ты выставилъ голову, въ грязь — топись. Ангелы не знаютъ этого ужаснаго чувства, которое называютъ месть, а я знаю, стало быть, я хитрѣе ангеловъ.

Наташа, божество мое, нѣтъ, мало, Христосъ мой, дай руку, слушай: никто такъ не былъ любимъ, какъ ты. Всей этой вулканической душой, мечтательной, я полюбилъ тебя,—этого мало: я любилъ славу -бросилъ и эту любовь прибавилъ, я любилъ друзей — и это тебѣ, я любилъ... ну, люблю тебя одну, и ты должна быть моя, и скоро, потому что я сиротою безъ тебя. Ахъ, жаль мнѣ маменьку. Ну, пусть она представитъ себѣ, что я умеръ. Я плачу. Наташа. Ахъ, кабы я могъ спрятать мою голову на твоей груди. Ну, посмотримъ другъ на друга долго. Да не пиши, пожалуйста, возраженій, ты понимаешь чего. Дай мнѣ окрѣпнуть въ этой мысли. Прощай. Ты сгоришь отъ моей любви, это огонь, одинъ огонь.

22-е. Маменька здѣсь. Я мраченъ, какъ ночь. Къ этому письму есть вторая страница, не знаю, пошлю ли, только не теперь. Мам[енька] и Пр. Андр. кланяются.

Твой *Александръ*.

Москва, января 20-е, вечеръ.

Теперь маменька къ тебѣ ужъ ближе, нежели ко мнѣ. Странно, Александръ, отъѣздъ ея навелъ на меня ужасную грусть; когда мнѣ сказали— *уѣхала*,— я готова была плакать; какою-то пустотою, сиротствомъ повѣяло отъ этого слова, и потомъ мысль: она будетъ съ тобою, а я... Какъ не ожидаешь иногда въ себѣ перемѣны; вчерашній день я такъ была тверда, самоотверженна, *они* затмеваютъ настоящее какимъ-то туманомъ, густымъ дымомъ, въ будущемъ носятся тучи, грозныя тучи, слышатся издали и раскаты грома, и свистъ вѣтра. Такъ! будь мое ясное небо мрачнѣе земли—не боюсь, *я его видѣла разъ*, увижу *другой*, а что между ними, что за ними, что намъ до того. И я готова была, увидѣвъ тебя, тотъ же мигъ покинуть землю (уже превратившуюся тогда въ небо), го-

това была всю вѣчность проскитаться въ этой мрачной юдоли,—мнѣ все равно! что рай, что небо предъ памятью этихъ двухъ свиданій? И я привѣтно смотрѣла на стражу, я весело играла кандалами, мнѣ не было красотъ, мнѣ не было ужаснаго на землѣ, у меня одно 9 апрѣля, другое *то* свиданье—вотъ все! Разверзись небо, разступись земля, мнѣ равны свѣтъ и мракъ, высота и глубина, я вѣрую въ мое *тогда*, за нимъ для меня нѣтъ ничего. Но, *уѣхала*,—измѣнило все. Ангелъ мой, когда *я* такъ подвластна *всему*, что-жъ другіе? Вихрь, туча, орелъ! ужель не властны вы вырвать меня изъ этой тѣсноты, изъ этого чужого, изъ этой смерти? Умолкни голосъ земли, душа моя, что спиши? Нѣтъ, ни вихрь, ни орелъ, никакая сила земная меня не спасетъ. Твоя десница, Господи! Ты великъ, Ты благъ, Ты всемогущъ!... — А письма давно, давно ужъ нѣтъ, но вѣрно въ понедѣльникъ, еще три дня ждать, пора, ужъ я устала, Александръ, Александръ! Не правда ли, въ этомъ словѣ болѣе, нежели во всей страницѣ?

21-е. Нынѣшній вечеръ ты веселъ съ маменькой, слышишь обо мнѣ... Какъ все это живо у меня въ глазахъ, и, вообрази, мой другъ, я такъ забылась, что сидя съ *ними* и не говоря ничего, улыбалась (мнѣ ненужно ни лошадей, ни ногъ, ни крыльевъ, чтобъ быть у тебя). Вдругъ меня спрашиваютъ,—я въ мигъ упала и разсказала имъ что-то смѣшное. Но со всѣмъ этимъ грустно; вѣдь, вотъ вижу и тебя, и все, какъ вы съ маменькой, весело вамъ, а мнѣ грустно!.. потому что я вижу *заочно*!

Еще шагъ отъ людей, еще имъ горькую слезу. Или они становятся ниже, или мы становимся выше! Когда я говорю, или пишу о тебѣ Сашѣ Б., ничто меня не останавливаетъ, *все* льется свободно, вольно, и какой полный отзывъ,—когда-жъ говорю съ другими.... Какъ больно, какъ больно, когда на кристаллѣ потока вдругъ увидишь брошенное бревно, или черепокъ какой. Какихъ же доказательствъ нужно? Слѣпому и очки не помогутъ видѣть солнце.

Я спѣшу ужасно, мой ангелъ, возможности нѣтъ писать, итакъ, прощай, жду понедѣльника. У маменьки поцѣлуй за меня ручки. Прасковьѣ Андреевнѣ мое почтеніе; хорошо ли имъ у тебя, покойно ли? Попеняй имъ, что не заѣхали за мной. Прощай, цѣлую тебя. Твоя, твоя Наташа. Александръ, Богъ и любовь!

Наташа Герценъ.

Москва, января 22, субб., ночь.

Какъ полонъ нынѣшній день, какъ дивенъ, какъ изященъ! Твое письмо (отъ 11-го) и Emilie! Огромное письмо, я не могла разомъ прочесть его, такъ тѣсно сдѣлалось въ груди, щеки разгорѣлись, словомъ, *не могла* всего прочесть, — вотъ еще какъ я мала для твоей любви. Сдѣлалось тѣсно въ моемъ уголкѣ, душно, сбѣжала внизъ,— и тамъ не просторно. И въ одинъ часъ разъ десять я летала вверхъ, чтобъ дочитать, перечитать, и еще, и еще читать письмо. За этимъ Emilie; она хороша была нынче, прелестна! намъ съ часъ удалось быть вмѣстѣ,— тутъ покрывало долой, и мы свои. Но со всею радостію, твое письмо напугало меня, я невольно содрогнулась и тяжело вздохнула, *единственная* картина нашего свиданья померкла, обезобразилась... такъ и въ душѣ, это мѣсто, гдѣ она красовалась, опустѣло, заболѣло. Ты не знаешь, Александръ, сотой доли, *что такое у насъ* здѣсь; въ Москвѣ *рѣшительно* нельзя видѣться безъ нихъ, никакъ, никакъ, тысячи мелочей, но ихъ не минуешь и не перемѣнишь, *нельзя*. Вотъ, ежели бы папенька былъ на нашей сторонѣ, онъ просто бы прислалъ за

мною, но и тогда что, —всетаки черное и чужое кругомъ... Хотя въ Загорьѣ мы могли бы быть вмѣстѣ нѣсколько часовъ только, но что и эти 29 дней, вообрази, что ты *меня* ни разу не увидишь, да, потому, *они* половину, можетъ, знаютъ и даже не пустятъ меня ни къ вамъ (пап[енькой] помощи тогда нельзя ждать), ни въ ту комнату, въ которой ты будешь у насъ. Невѣроятно, что они могутъ сдѣлать. Вотъ развѣ мнѣ оставить ихъ и къ сестрѣ Emilie —Амаліи—но послѣ что. Продли, если можно, отпускъ до тѣхъ поръ, пока мы поѣдемъ въ деревню, я всѣ силы употреблю, чтобъ раньше ѣхали, и это немудрено, а тамъ, хоть на другой же день ты пріѣзжай. Ежели-жъ нельзя,— готова на все! Только знаю напередъ, что не выдержу притворства, ну, такъ чтожъ, и вовсе притворяться не буду: чего бояться на землѣ открыть то, что *тамъ* возвеличено и благословлено! Прахъ! пусть гоненье, пусть все, что *они* хотятъ, ежели *Онъ* хочетъ. Прощайте, мечты. Въ душѣ лишь любовь и вѣра! Пусть свиданью будетъ рама чугунная иль алмазная, все равно, лишь бы было *свиданье!*

23-е. Да, Александръ, ты за полгода не похожъ былъ на теперешняго Александра; не могу тебѣ выразить, ангелъ мой, что со мною было, какъ я получила отъ тебя письмо отъ 5-го января, *оно лучшее изъ всѣхъ!* Его я давала читать Emilie, его я переписала Сашѣ Б., въ немъ ты божественъ, великъ, славенъ, святъ, въ немъ ты мой совершенный Александръ. Скоро, скоро увидимся, и вижу это по тебѣ и по себѣ, мы все достойнѣе становимся свиданья, скоро, скоро!

Я не отвергаю славы, но понимаю подъ этимъ словомъ совсѣмъ иное, нежели *понималъ* ты.

Внутреннее сознаніе своего достоинства и принесенной пользы—вотъ истинная слава, а эти восклицанія, рукоплесканія... пустая пѣна! Отказавшись отъ этой славы, ты можешь *свободнѣе* идти къ славѣ истинной и скорѣе дойдешь до нея, не будучи связанъ *тою* славою, ложною. Александръ, ты неподражаемъ. Вообрази, постигни всю необъятность того, что вмѣщаетъ душа моя во время молитвы, я истинно исчезаю въ эти минуты съ земли, и небо мнѣ тѣсно. Господи, возьми насъ къ себѣ!

Очень желаю читать все, что ты писалъ, и кто виноватъ въ томъ, что до сихъ поръ не все читала? Александръ, кто, ты думаешь? Я думаю, ничего подобнаго не печаталось никогда и не напечатается, потому что Александра моего не было до тебя и послѣ не будетъ. Ты упоминалъ всѣ статьи, а «Легенду»? неужели ты ее пропустишь. Нѣтъ, я заступаюсь за нее и непремѣнно хочу, чтобъ *первый шагъ* твой послѣ 20 іюля былъ увѣковѣченъ. Какъ встрепенется Русь, сколько земли свѣетъ съ нея печатный Александръ, какъ взмахнетъ она крылами, сколько покрововъ спадетъ передъ ея глазами, и тамъ, гдѣ путь его, сколько исцѣленныхъ, воскресшихъ, спасенныхъ... О, Русь, Русь, за что тебѣ такой подарокъ!—Да, я не все перечитываю писанное тобою; проніи я чужда, и когда сама читаю «Встрѣчу», пропускаю всегда обѣдъ, и конецъ I. Maestri страшенъ, я только разъ читала его съ содраганьемъ. До сихъ поръ не отдаютъ мнѣ I. Maestri, и я не видала отмѣтки Жуковскаго.

Какъ ни трудно мнѣ, но пришлю тебѣ *всѣ* письма и записки твои до 36 года. Большая жертва; этимъ мнѣ какъ то больно *и съ тобою* дѣлиться, возврати же. Одной записки недостаетъ: первая послѣ 20 іюля, я ее износила на груди, но помню слово въ слово. Иногда я, хотя и очень чѣмъ-нибудь занята, покидаю все, лечу наверхъ, *отрываю* свертокъ съ письмами, и хоть посмотрю на него, все

повеселѣе, все покойнѣе. И ночью часто приходитъ въ мысль, какъ спасать мнѣ письма и портретъ, ежели загорится нашъ домъ. Вѣдь, тутъ все у меня: богатство, живопись, музыка, вся земля и небо! Любимая моя записка до 36-и,—это послѣдняя изъ Крутицъ, 10-е апрѣля, на ней ты увидишь мою любовь, написанную слезами, ее я читала несчетно разъ, и несчетно разъ плакала надъ нею, даже среди самыхъ яркихъ надеждъ, такъ глубоко канули въ сердце твои слова: «итакъ, прощай, прощай надолго». Тамъ это «можетъ быть», которое было первымъ пророчествомъ твоей любви, надъ которымъ я долго, долго сидѣла, то плакала, то улыбалась, боялась чего-то, чему-то радовалась и часто съ тѣхъ поръ, какъ только все у насъ заснетъ, читала и перечитывала его, и думала надъ нимъ и молилась. Ужъ бьетъ часъ ночи, а я будто сію минуту только взяла записку въ руки, и это «можетъ быть» я подчеркнула тогда же; ты увидишь. Ужъ приближался конецъ 35 года, ужъ лучъ любви свѣтилъ изъ-за дружбы, я прочту новое письмо и беру опять мое «можетъ быть», и смотрю на него, не насмотрюсь, и плачу, и грудь такъ сдѣлается полна... Это «можетъ быть» было дверью, за которою душа чувствовала, что есть небо, есть рай, есть блаженство непостижимое, изъ-за нея ей слышалась дивная пѣснь, видѣлся дивный свѣтъ, она чувствовала, что за этой дверью *ея Александръ*, но она еще не отворялась до конца 35 года. Глядя на эту записку, помни, что она милліонъ разъ была въ рукахъ твоей Наташи, на ея сердцѣ, на ея груди, на ней несчетные ея поцѣлуи, а слезы ты можешь счесть. Прощай, велятъ спать.

24-е. Еще очень давно я писала тебѣ, что для совершеннаго моего блаженства, для того, чтобы бытіе мое было исполнено всего изящнаго, святого, достаточно только знать, что ты существуешь,—это высоко, это любовь безъ мѣры; на что-жъ иногда ропотъ, стенанія, стремленіе къ тому, что выше силъ моихъ? Правда, съ тѣхъ поръ я много выросла, но дерзко желать то, чего я желаю — быть съ тобою вмѣстѣ и неразлучно. Нѣтъ, вѣдь, я мала, мала, Александръ, нѣтъ, дай мнѣ Іорданъ, крестъ, дай небо мнѣ жилищемъ и тогда скажи: «Наташа, я твой»! Александръ, какъ сказать тебѣ малѣйшее подобіе тому, что въ моей душѣ, въ груди?

Пусть въ Петербургъ, въ Китай, нужды нѣтъ! Насъ Богъ не разлучитъ, и Самъ Онъ съ нами. Я минуты не переживу безъ тебя на землѣ, о, нѣтъ! Мы пишемъ о Загорьѣ точь въ точь, но къ чему вдругъ просьба объ отпускѣ. Гдѣ лучше увидѣться: въ цвѣтникѣ ли Господнемъ, или на скотномъ дворѣ,—не знаю, Онъ знаетъ, какъ лучше, пусть такъ и будетъ.

Ангелъ мой, не погодить ли писать 9 апрѣля: ему тѣсно будетъ и въ цѣлой вселенной, не только въ Россіи. Ужасно вздумать, что оно *можетъ* тогда быть въ рукахъ и тѣхъ, которые назовутъ его *хорошенькой штучкой*; это случилось съ «Легендой» и «Встрѣчей»; и тутъ я была внѣ себя отъ негодованія; да не коснется и рука *ихъ* до священной бумаги, на которой будетъ начертано 9 апрѣля! Еще разъ я была ужасно сражена, но объ этомъ ужъ не стану и писать—«дольняя долу». Есть ли у тебя деньги? Ежели лишнія есть, пришли Emilie на ея имя, ей крайняя нужда, братъ ея на Кавказѣ раненъ и ужасно боленъ. Отъ ея Александра еще нѣтъ вѣсти, она говоритъ, что это замужество жертва, такъ и быть должно, — а тотъ юноша любитъ ее безъ ума, родные ея хотятъ, и имъ это *нужно*, и она идетъ. *Жизнь* ея будетъ лучше, она отдохнетъ отъ чужихъ домовъ, но жизнь души... Она сама говоритъ, что въ ней не перемѣнилось *ничего* и не перемѣнится. Вѣдь, я ее ужасно люблю, Александръ, но дружба наша съ

ней имѣетъ совершенно другой видъ, нежели съ Сашею Б.: все ея и мое—*наше*, по одному мановенію другъ друга мы готовы все сдѣлать, да и что-жъ бы у нея, если-бъ не наша дружба?

Ночь, 24-е. Все охотно я читаю, все хорошее, какъ скоро о любви—мимо, мимо. Рѣдко мелькнетъ черта нашей любви, вотъ Антіохъ, живописецъ, блаженство безумія, бродяга—въ «Литературныхъ прибавленіяхъ», и еще нѣкоторыя— но что жъ мнѣ *черта* тогда, какъ *мы все цѣлое?*.. А ужъ изустное «ахъ, какъ я люблю» деретъ и уши и сердце. Вовсе я не противъ любви Саши Б. О, пусть сойдетъ съ неба *другой Александръ*, пусть она *любитъ его!* Но что-жъ онъ не приходитъ, гдѣ-жъ онъ? Ежели-бъ я была увѣрена, что она найдетъ сочувствіе полнѣе моего, что въ чьей-нибудь душѣ бытію ея будетъ болѣе простора, нежели въ моей,—люби, люби, моя любимая сестра! А я истинно не могу вообразить того существа, къ которому бы ея любовь превышала дружбу ко мнѣ,—«за нею небо, Богъ», говоритъ она. Дивная сестра! она ничего не желаетъ, ничего не ждетъ, ничѣмъ не живетъ, какъ нашимъ счастьемъ. Недавно умеръ у нея братъ, котораго она очень любила, съ нею цѣлая семья родныхъ, и никто не можетъ утѣшить: «не знаемъ, что дѣлать», писала ея кузина къ Сонѣ Левицкой, «развѣ Наташа напишетъ къ ней»,—вотъ какая симпатія. Когда-то дошло до нея, что я съ кѣмъ-то о ней говорила,—она пошла въ свою комнату и благодарила за это Бога. Дружба наша такъ высока, такъ неприкосновенна земли, что это непостижимо, *ни одного доказательства*,—намъ и ненужно ихъ! Я не умру для нея, она это знаетъ, она умретъ для меня, я знаю, но наша любовь одинакова. Удивительно, какое освященное имя «Александръ», начиная съ того, что къ моему имени не прибавляется другое, какъ Александръ; ты, потомъ Саша сестра, моя Саша, еще Саша, съ которою ты мало знакомъ, но премилое созданье, близкое ко мнѣ, сколько то могла позволить самая пошлая жизнь, грязная, съ запахомъ кухни, съ цѣлью гроша (это ужасно!); тебѣ извѣстны ея двѣ черты: писала она ко мнѣ и, не смѣя *ихъ* назвать тебя, написала «А» въ сіяніи; вторая говорила, что желала бы, какъ Симеонъ Богопріимецъ, увидавшій Христа, умереть черезъ минуту послѣ того, какъ увидѣла бы меня съ тобою. У всѣхъ у нихъ многочисленные родные, но онѣ смѣются *лишь тогда*, когда я смѣюсь, плачутъ лишь тогда, когда я плачу, все это поклоняется тебѣ, съ благоговѣніемъ произноситъ твое имя. И вообрази, эта третья Саша прехладнокровно готовится на жертву первому гадкому семинаристу. «Лишь бы вы вмѣстѣ съ нимъ, на свою участь я не обращаю вниманія». Неизмѣримая симпатія отъ перваго до послѣдняго. Съ Emilie же мы связаны душою, жизнію, обстоятельствами, всѣмъ на свѣтѣ!

25-е, вторникъ. Нѣтъ, вовсе я не боюсь папеньки, хотѣлось бы мнѣ его теперь видѣть; немудрено, что его это удивляетъ сначала и приводитъ въ раздумье; дай оглядѣться, привыкнуть, право, онъ съ удовольствіемъ благословитъ тебя, только ты не раздражай его. Наши узнали, что маменька уѣхала, вѣрно повезутъ меня къ папенькѣ; признаюсь, я завидовала Машѣ Эрнъ, что она была съ нимъ. Какъ бы я желала такъ побыть съ нимъ, я увѣрена, что одинъ день замѣнилъ бы годы борьбы и много непріятнаго.

Да, Александръ, именно я не понимала тогда твоего страдальческаго голоса, я не могла постигнуть М. и думала, что вся причина во мнѣ, что я тебѣ ничего (и это все вело меня къ совершенству); грустныя твои письма обнимали мою душу невыразимымъ ужасомъ, я страдала и каждую минуту готова была умереть, лишь бы на моемъ мѣстѣ выросло другое существо, могущее замѣнить

тебѣ все. Искуплено все! придетъ пора, и ты отдохнешъ съ твоей Наташей, вздохнешь одною жизнью—чистою, блаженною, жизнью ангеловъ. Мы призвали любовь, въ насъ она пребудетъ до конца, и на землѣ не умретъ въ памяти нашей. Доселѣ незнакома была эта новая гостья неба, ее предчувствовали, ее изображали по своему, теперь узнаютъ въ истинѣ. Ахъ, Александръ, что за дивныя страданія въ прошедшемъ, какъ полны они восторговъ, сладости величія! Настоящее наше дивно, хотя оно и въ рубищѣ: въ грязныхъ лоскутьяхъ еще разительнѣе красота его, а тамъ, *тогда*...

Сегодня мнѣ снился Огаревъ, и какъ наяву я подала ему руку,—здравствуй, братъ Николай! и потомъ говорили о тебѣ—дивный сонъ! Вятчанамъ пиши отъ меня дружбу и объятья. Полина, вѣрно, ужъ m-me Скворцова, да благослови ихъ, Провидѣніе.

Здорова ли маменька? Мое почтеніе Прасковьѣ Андреевнѣ; долго ли онѣ пробудутъ у тебя? У маменьки цѣлую ручку, Emilie ей кланяется, она вѣрно забыла и думать обо мнѣ, а я жду ее съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Моя Саша сойдетъ съ ума скоро отъ твоихъ поклоновъ: желала бы и я видѣть Матвѣя; Саша моя воспитанница, а фрейлина моя Елена—съ безпримѣрнымъ усердіемъ и преданностью. Разъ, въ твое рожденье, пріѣзжаю отъ обѣдни и прямо къ портрету; его нѣтъ на своемъ мѣстѣ, оглянулась,—онъ поставленъ и предъ нимъ лампада и огромная просвира. Ну, прощай, мой ангелъ, завтра жду письма. Пиши же, что отъ министра, и все, все. Другъ, ты мой ангелъ, Александръ! величи душа моя Господа!

Твоя *Наташа, Наташа Герценъ.*

---

23 января.

Вотъ другая половина письма, я было не хотѣлъ послать, но посылаю. Намъ необходимо въ Москвѣ первый разъ видѣться тайно. Ежели хочешь, я даже заѣду къ Emilie прежде пап[еньки]—она неужели не найдетъ помощи—останусь въ трактирѣ на два дня,—все, все, только ты найди случай. Развѣ я не къ тебѣ ѣду въ Москву? Что мнѣ Москва, земной шаръ, вселенная безъ тебя? А, можетъ, меня и не пустятъ. Тогда Загорье. Да ты дурно пишешь о дорогѣ: три версты село Покровское, а куда три версты? Вѣдь я не изъ Москвы поѣду. Узнай подробнѣе всѣ большія дороги и большія селенія. Свиданье это первое. — Потомъ я предложу *имъ* согласиться и оставляю ихъ, ежели они не согласятся. Это рѣшено. Ты со мною, гдѣ бы я ни былъ, остальное уладить немудрено. Когда я выслушалъ подробности московскія, у меня потемнѣло въ глазахъ. Грудь болитъ до сихъ поръ отъ чувства ужаснаго. Что-то напишетъ пап[еньки] въ письмѣ обо всемъ этомъ. Наташа, твоя небесная кротость можетъ только переносить и прощать, я не умѣю ни того, ни другого. Ахъ, теперь-то я чувствую всю необходимость воли, я изстрадаюсь весь, мгла покрываетъ всякое дѣйствіе, и я не могу даже для шутки быть веселымъ. Пора, очень пора. Обдумай же свиданье въ Москвѣ, скажи Emilie, что ея братъ Александръ умоляетъ помощи. Въ половинѣ февраля долженъ быть отвѣтъ изъ Петерб. Къ пап[енькѣ] безъ необходимости я ничего не напишу, къ кн[ягинѣ] не буду больше писать. Молчаніе! Христосъ молчалъ передъ Иродомъ, изъ чувства собственной высоты молчалъ Онъ. Прощай,—все въ головѣ перепутано, несвязно. Прощай, ангелъ.

24 января. Не воображай, что изъ этого выйдетъ у меня полный разрывъ съ пап[енькой], совсѣмъ нѣтъ: передъ необходимостью онъ уступитъ, а необхо-

димость будетъ очевидна, когда они узнаютъ на другой день послѣ вѣнчанія. Но въ Москвѣ я не останусь ни подъ какимъ видомъ, уѣду съ тобою въ Петербургъ. Какъ несбыточно намъ казалось все это, и какъ легко сбудется, я даю срокъ до весны 1839 года, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ты получишь отъ мам[еньки] «Симпатію», да не читай ее звѣрямъ. I. Maestri мой экземпляръ, а тотъ оставь у Кетчера и двѣ книжки Шиллера.

25-го. Оно ужасно, я не говорю ни слова, ужасно отъ сына, который нанесъ столько горестей, что онъ готовитъ еще новыя,— но развѣ, въ сущности, тутъ есть причина горевать. Развѣ за слезу, пролитую 20 іюля 1834 года, за попеченія съ тѣхъ поръ, я обязанъ платить жизнью, душою? Будь увѣрена, я все сдѣлаю, на колѣнахъ, въ униженьи я буду умолять. Но ежели и тогда отказъ, —это выше моихъ силъ. Слишкомъ обширно блаженство, которымъ я долженъ пожертвовать, *и для чего?* Я могъ бы быть самоотверженнымъ, спасая жизнь, честь чью-нибудь, ну, ежели бы отъ этого зависѣлъ ихъ кусокъ хлѣба, выздоровленіе... А то уступи капризу. Но, можетъ, онъ склонится. Дай Богъ, дай Богъ, —въ этомъ случаѣ у него сынъ и дочь, въ противномъ ни сына, ни дочери. А ужъ какъ это все щемитъ и душитъ. Правду говорила ты, что удаленіе имѣетъ въ себѣ grandioso, а Арбатъ и Поварская пошлы.

Вчера получилъ изъ Вятки барку писемъ. 21 января была свадьба Скворцова, итакъ Полина—m-me Полина. Счастье имъ, счастье—они стоятъ. Витбергъ все Витбергъ, высокъ, хорошъ, цѣлое письмо, и ни строки *о дѣлахъ*. Чувства и мысли... быть юношей въ 50 лѣтъ прелестно. Но главное письмо не отъ нихъ. Отъ Мед. я ждалъ съ нетерпѣніемъ,— дождался. Ну, слава Богу, она свою любовь какъ-то начинаетъ прилаживать въ сестринскую, это прекрасный знакъ. Много души въ ея письмѣ, буду ей отвѣчать, какъ искренній братъ. Ея выздоровленіе много утѣшитъ меня. Буду ей писать и о тебѣ, только не въ первомъ письмѣ. Вотъ начало ея письма:

«Братъ! послѣ жестокаго пароксизма больному возвращаются силы медленно, но Господь милосердъ; Онъ не земной судья, который ищетъ погибели преступнику. Онъ изливаетъ благодать на раскаявшагося грѣшника и радуется даже позднему раскаянію. Прости мнѣ, Господи, я познаю тебя поздно. Братъ, прости и ты меня, я много, много виновна предъ тобою. Клянусь, раскаянье мое чистосердечно, постъ и молитва смоютъ пятно на душѣ, я сдѣлаюсь достойна имени твоей сестры».—Итакъ, она молится; ну, ежели, Наташа, моя встрѣча съ нею вмѣсто вреда принесетъ ей пользу! Она въ первый разъ видитъ сильнаго человѣка. Какъ бы я былъ счастливъ. Дай ей, Господь, силы. Онъ дастъ ихъ, — ты, ангелъ, молишься объ ней. Прощай, моя милая, прелестная подруга.

Твой *Александръ.*

---

26 января, Москва.

Что съ тобой, мой Александръ? Съ какимъ восхищеньемъ читаю твое письмо отъ 19-го и вдругъ: «я мраченъ какъ ночь», ангелъ мой, отчего? Улетѣла-ль твоя Наташа домой, оставивъ тебя одного скитаться въ чужбинѣ, иль больна она, грустна, иль тебя разлучаютъ съ нею,—взгляни, она надъ тобою, она вѣщаетъ въ этой странѣ, но не спѣшитъ туда безъ тебя, вамъ нѣтъ дали, вамъ люди, что рыба на днѣ моря кораблю, вамъ нѣтъ стона, нѣтъ мрака,—и ты мраченъ! Ужель маменька привезла тебѣ какую вѣсть,—такъ *послушай меня:* мы

увидимся, мы соединимся. а что намъ розги? иль онѣ тебя пугаютъ? Александръ, я не хочу, чтобъ ты былъ мраченъ. Ты скажешь—о, власть! Да, мой другъ, много имѣютъ *они* власти, но *Онъ*? А мелочь — право, это минуту безпокоитъ меня, какъ комаръ, но яхонтъ все яхонтъ! Ни за что на свѣтѣ не повѣрю не-. поколебимости пап[еньки], за него же намъ не остается и прута переломить, а шилушки разсыпятся сами. Если-жъ я такъ сильно ошибаюсь, никакой дикій голосъ не заглушитъ нашего гимна, никакая грязь не долетитъ до насъ. Отчего ты мраченъ, зачѣмъ? И не пишешь, и письмо не все прислалъ,—все это меня ужасно безпокоитъ и мрачитъ душу, а она за нѣсколько часовъ была такъ свѣтла, такъ свѣтла. Ангелъ мой, вспомни, что *можетъ* скоро, скоро рука съ рукой мы станемъ у престола Его, чтобъ принять видимое благословеніе, что склоня къ другъ другу голову, мы будемъ любоваться, какъ черная туча, пролившись дождемъ, будетъ играть брильянтами на зелени и цвѣтахъ вокругъ насъ. Душа моя, жизнь, мой предивный ангелъ, тяжело мнѣ, убійственъ твой мрачный видъ, улыбнись, мнѣ будетъ легче, скажи: «Нѣтъ, Наташа, все пустое, ты моя». Твоя, твоя, другъ мой, никому не дано ничего такъ вполнѣ, какъ я тебѣ; иной не царь своему сердцу,—я повинуюсь тебѣ болѣе самого тебя, я болѣе твоя собственность, нежели сердце въ твоей груди, и никто не отниметъ меня у тебя, съ Нимъ не подѣлишься ты мною, вѣрь, одной каплей канемъ мы въ этотъ океанъ бытія. Что же, милый мой, что мрачитъ тебя? Ахъ, вѣдь я почувствую, другъ мой, облегчится-ль грудь твоя, – тогда и моей будетъ легче. Или вѣсть объ М.? Пиши, отвѣтомъ—молитва и любовь. Замираетъ, ноетъ сердце, Боже, Боже!... Онъ слышитъ, тебѣ легче. Прощай, утомлена, лягу въ постель. Скоро-ль то еще почта,—авось либо напишешь!

Не дивна-ль Его десница: послѣ Снакс. и слѣда нѣтъ. Не дивно ль милосердіе—и разбойникъ прощенъ.

27-е. Вчера я писала сгоряча, нынѣ же ни думъ, ни мыслей, все сгладилось, опустѣло, одно въ головѣ—ты мраченъ! Неизвѣстность мучаетъ, я неспособна ни къ чему. И завтра все буду думать, но врядъ ли придумаю что-нибудь. Впрочемъ, прежде, нежели ты получишь это письмо, я получу отъ тебя и уже буду покойнѣе, и потому ты не безпокойся. Хоть бы написалъ, отчего мраченъ. И какъ же ты можешь располагать моею собственностью и оставлять у себя, пришли непремѣнно страницу послѣдняго письма, отъ рая до ада все должно быть раздѣлено со мною. Загадка эта пугаетъ меня, и я не могу покориться таинственному кресту, пусть на немъ вѣнецъ, гвозди и копье, а покрывало приводитъ меня въ ужасъ. Каково бы тебѣ было, если-бъ меня мучили за стѣною, и ты слышалъ бы одинъ стонъ, легче видѣть раны и тѣмъ же орудіемъ истерзать себя. Итакъ, прощай, во мнѣ и предо мной все мрачно.

28-е. Я покойнѣе, мой другъ, но невозможно писать, можетъ завтра еще письмо, тогда будетъ совсѣмъ другое. Что съ тобой, что съ тобой? За меня бояться нечего, и такъ что же?? Прощай, у маменьки цѣлую ручку, тебя крѣпко, крѣпко обнимаю.

Наташа Герценъ.

Богъ и любовь! Александръ!

27 января, Владиміръ.

Получилъ твое письмо отъ 21-го. Отчего ты еще не получила моего письма отъ 18-го, не знаю, я писалъ всякій день, стало, замѣтно, ежели письма нѣтъ.

Ну, придумала ли ты съ Emilie наше свиданіе? Жду отвѣта. Знаешь ли, кто намъ подаетъ руку помощи? Прасковья Андреевна собирается говорить, но это тайна, никто не долженъ знать, ни даже мам[енька]. Тогда узнаемъ, какъ намъ дѣйствовать. Я правъ, совершенно правъ,— вотъ отвѣтъ пап[еньки] на письмо, о которомъ писалъ я тебѣ. Что же. нарочно не хочетъ понимать, да главное, тутъ во всемъ нѣтъ ничего *противъ* него, мы не должны дѣлать много уступокъ. О, какъ я былъ правъ, говоря, что не *счастіе* ждетъ ту, которая соединитъ свою судьбу съ моею. Счастье—да на что его, когда есть любовь, блаженство!

Это письмо ѣдетъ съ мам[енькою]; она тебѣ доставитъ «Симпатію», «I. Maestri». «Донъ-Карлоса» Шиллерова. Ежели ты поймешь, то въ этой пьесѣ найдешь много. Любовь несчастная, любовь пасынка къ мачихѣ, и любовь чистая, какъ только могла она выходить изъ чистой груди Шиллера. И дружба — маркизъ Поза. Но тебѣ не позволяютъ читать — такъ брось. Придетъ время, прочтешь. Теперь передъ тобою развернута поэма моей любви, и ту нельзя запретить читать. Перестала ли ты горевать о моемъ ушибѣ? Вотъ тебѣ еще анекдотъ, тутъ ясно, что ангелъ-хранитель бережетъ для Наташи Александра. Когда Зоненбергъ былъ въ Вяткѣ, отправился я съ нимъ и съ Сипягинымъ на охоту. Шли топью, безпрестанно поскользаясь, Сипягинъ передо мною, ружье на плечѣ. вдругъ онъ оступился. Я почувствовалъ что-то горячее возлѣ щеки, потомъ чрезвычайно громкій выстрѣлъ, не могъ догадаться. Смотрю Сипягинъ блѣдный, какъ полотно, спрашиваетъ меня: «Ничего?».. Я спросилъ его: «Да въ чемъ дѣло?» Вотъ въ чемъ: падая, ружье зацѣпило за сучекъ и, обращенное дуломъ ко мнѣ, выстрѣлило. Зарядъ пролетѣлъ въ какихъ-нибудь пяти-шести вершкахъ отъ меня. Понимаешь ли ты, что въ такихъ опасностяхъ есть своего рода высокое наслажденіе. Оттого-то я трусовъ больше ненавижу, нежели преступниковъ. Никогда вѣра въ Провидѣніе не бываетъ ярче, какъ въ эти минуты. Взгляни, какъ жалки люди, которые берегутъ себя, они готовы отрѣзать всякое наслажденіе, чтобъ только продлить свое существованіе.—До тѣхъ поръ, пока я тебя не увижу, я не погибну, въ это я вѣрю такъ, какъ въ Бога, ибо до тѣхъ поръ моя земная жизнь не совершена. Вѣрь и ты, и не бойся за меня ничего. Ну, прощай, мой ангелъ, писать много теперь не могу, для того чтобъ писать къ тебѣ, я долженъ засѣсть одинъ, и кругомъ чтобъ была тишина.

Я съ удивленіемъ слушалъ, какъ мам[енька] разсказывала о симпатіи, которую мнѣ изъявляли люди вовсе посторонніе послѣ моего отъѣзда. Какъ добивались увидѣть мой портретъ. прочесть статьи, какъ вымаливали экземпляръ «Рѣчи», наконецъ, какъ у Левашевой на вечерѣ читали Жуковскому I. Maestri, а Кетчеръ объяснилъ, *кто* ангелъ. Право, я удивился; это награда за теплую вѣру въ человѣчество, за открытое объятіе всякой симпатіи. Представь себѣ, что даже просили вылитографировать мой портретъ. Ужъ это, ангелъ мой, не съ тѣхъ ли поръ, какъ я отказался отъ славы, она начинаетъ заигрывать со мной, какъ кокетка, которая пренебрегаетъ, покуда за нею ухаживаютъ, и ухаживаетъ, когда ею пренебрегаютъ. Стало, стоитъ продолжать презирать ее. -Я всѣ малѣйшія подробности распрашивалъ о тебѣ, мнѣ было пріятно слышать твое имя. О, Наташа! Что же, неужели никакой нѣтъ возможности имѣть мнѣ твой портретъ. Пусть Emilie умоляетъ княгиню какъ милость, пусть скажетъ, что у нея есть знакомой, и пошлетъ за глухонѣмымъ, онъ сухими красками превосходно рисуетъ, что бы ни стоило, все равно. Устрой. ежели есть малѣйшая возможность. Только. чтобъ дѣлалъ артистъ, хоть нескоро, ну, какъ она замужъ

выйдетъ. Я былъ сегодня въ монастырѣ, въ которомъ погребенъ былъ Александръ Невскій, и что же? Мнѣ вдругъ такъ ясно представилось, что подъ этими сводами, подъ которыми стоялъ святой князь, передъ этимъ чернымъ иконостасомъ,—стою я и ты, живо-живо. Вотъ священникъ въ облаченіи надѣваетъ кольца, вотъ мы взглянули другъ на друга, и горячая слеза молитвой катится изъ глазъ,—твоя рука въ моей... И я готовъ былъ плакать, и сердце билось. Нѣтъ, нѣтъ, ты должна быть моя, годъ сроку не больше.

28-е января. Письмо твое отъ 25 получилъ. Во всякой строкѣ ты — моя Наташа, отвѣчать не буду, а вотъ тебѣ *мое приказаніе*, и исполни въ точности; 1) Я хочу, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ ты оставила домъ княгини, меня оскорбляютъ униженія, ты имъ не обязана ничѣмъ; ежели Амалія можетъ тебя взять надолго (о средствахъ и не думай), то при первой ссорѣ объяви прямо, что ты уѣдешь,—они или испугаются, или взбѣсятся; въ первомъ случаѣ предоставляю на твою волю, во второмъ тотчасъ уѣзжай. Не молчи при обидахъ, вспомни, что я — ты; слѣдств., что обида сдѣлана мнѣ, поставь себя на другую ногу, но впередъ чтобъ положительно была готова квартира. 2) Покуда ты съ Emilie не устроишь нашего свиданья, я не пріѣду; вотъ моя мысль: въ назначенный день Emilie пріѣдетъ за тобою, когда княгиня будетъ спать, ты съ нею пріѣдешь—куда? Гдѣ бы я могъ ждать тебя, ну, у Emilie или индѣ. У княгини не спрашивайся. Тебѣ за это будетъ ужасно много непріятностей,—но ты увидишься со мною. Да, минута блаженства требуетъ жертву. Сверхъ того, не говори княгинѣ, что видѣлась со мною, а выдумай что-нибудь. Ежели непріятности будутъ черезъ мѣру, сейчасъ оставь княгининъ домъ. Но повторяю: прежде не пріѣду, покуда не устроите. Вотъ моя воля. Ты рѣшалась идти въ Вятку, — это легче; обо всемъ думалъ, о бумагахъ, которыя нужно имѣть и пр. Не мѣшало бы писать къ Ал. Ал., но это мое дѣло. Я тебѣ повторяю: кончено рабство, я не хочу больше, чтобъ ты была въ сумасшедшемъ домѣ, —за слѣдствія отвѣчаю я и моя любовь. Препятствій намъ нѣтъ,—родство ничѣмъ доказать нельзя. Только вмѣстѣ съ выходомъ изъ кн[ягининаго] дома прерви всѣ сношенія съ фамиліей гг. Яковлевыхъ. Твердо, смѣло и съ молитвой на устахъ поступай. Ты пишешь: «меня и въ ту комнату не пустятъ, гдѣ ты будешь»,—такъ не спрашивая дозволенья, взойди въ нее. Ну, вотъ тебѣ и весь приказъ. Прощай! Деньги есть, но очень немного. Я отдалъ мам[енькѣ] 100 руб. ас., ежели этого для Emilie достаточно, то пусть возьметъ; я получилъ недавно предлинное письмо отъ Сатина,—не я брошу въ него камень, еще свѣжа исторія моего паденья.

29-е. Прощай, мой ангелъ, маменька отправляется. Слѣдующее письмо будетъ черезъ Эмилію и пошлется во вторникъ, т. е., 1 февраля. До полученія отвѣта изъ Петерб. не предпринимай ничего, а будь готова. Возьми у Эмиліи письмо, которое я ей писалъ, тамъ все объяснено, и причина, по которой я подалъ въ отпускъ. Тутъ и деньги.

Твой *Александръ*.

Вечеръ, 29 января, Москва.

Итакъ, вотъ она, таинственная страница; отчего-жъ ты не хотѣлъ ее послать? Ужель сомнѣнье?.. Когда отдано тебѣ не только земля—небо, жизнь, вѣчность, все, когда ты все и внѣ тебя ничего, и для тебя не перешагнуть здѣшній порогъ? И прежде я ни на что не обращала вниманія, а теперь...

встрѣтятся тенета —изорву, не станетъ силъ—ты поможешь. Когда собираешься *туда*, придутъ ли съ голову похороны, красивый гробъ, могила и прочь; вѣнчанье наше—переходъ въ лучшую жизнь, святѣйшую, тогда мы сольемся въ одного ангела, тогда исчезнетъ для насъ межа, отдѣляющая небо отъ земли. А тамъ, тамъ, гдѣ хлопочутъ о гробахъ, о приданомъ, пусть хлопочутъ о побѣгѣ, и проклятіи, «мрачное—мраку, фебово—Фебу!»

И вотъ, мой ангелъ, мы странники на землѣ! Люди, родительскій домъ—все чуждо. На *дальнемъ* разстояніи звѣздный вѣнецъ—это друзья, а вокругъ насъ любовь, одна любовь!.. Путь широкъ, жизнь необъятна, а изголовье намъ—утесъ, крыша—небо, стѣны—безпредѣльность: вѣдь, папенькинъ домъ тѣснѣе? Протяни руку, и я съ тобою, по одному мановенію твоему меня здѣсь не будетъ въ одно мгновенье. О, Александръ, ангелъ мой, другъ мой, объ чемъ намъ думать, что намъ дѣлать, человѣкъ *живетъ* на землѣ и *стремится* на небо, мы живемъ другъ въ другѣ, мы стремимся другъ къ другу. Александръ, я трепещу твоей любви, «c'est bien plus que la terre et le ciel». О, какою я кажусь себѣ недоступною, какъ вселенная мнѣ кажется тѣсна, вѣдь, я—ты, ты!!.

Отчего-жъ ты мраченъ, ангелъ мой? *Здѣшнія подробности*—и *я здѣсь*, но не вижу, не замѣчаю ихъ; иногда взоръ обращается туда, гдѣ стоитъ нога, содрогнешься, вздохнешь, слеза навернется, но твой голосъ, твой образъ... Ахъ, Александръ, что въ моей душѣ! Такъ, все такъ, какъ хочешь ты, но получа это письмо, по мнѣ трепетъ пробѣжалъ, я чего-то испугалась, но съ того мгновенья я стою здѣсь уже одной ногой. Все внѣ меня, все это *какъ* и *что*, одинъ ты, одинъ ты! Часто, очень часто я уношусь въ тебя такъ глубоко, что ни друзей, ничего не видно, о, Александръ! Не знаю, до какой степени равнодушія дойду я, наконецъ, ко всему меня окружающему, ко всему, что не ты. Мудрено ли, что другимъ я кажусь безумною,—они правы; они правы, какъ правъ слѣпецъ, которому Божій свѣтъ кажется мракомъ. Посохъ, посохъ намъ одинъ, и дорога—широки врата, хорошо *дома, съ родными, съ Отцемъ!!!*

30-е, воскресенье. Странно, не далѣе какъ вчера вышла ужасная исторія, оттого что увидѣли у меня на столѣ листъ бѣлой бумаги—преступленье! А я, мой другъ, такъ свободна, какъ, кажется, никто въ свѣтѣ не свободенъ; такое чувство независимости, все, кажется, подвластно мнѣ. Вотъ что значитъ свобода души, вотъ что значитъ быть *твоею рабою!!* Что чувствовалъ ты, остановясь въ Яранскѣ въ дымной лачугѣ? Ну, вотъ она, дымная лачуга, вотъ они чужіе, незнакомые, но намъ миновать ее нельзя, станція необходимая, а до дома, до роднаго, ужъ недалеко... пора! Никакъ я не могу представить свое будущее ни во дворцѣ, ни въ шалашѣ; они какъ-то равняются передъ моими глазами, еще больше, исчезаютъ вовсе, и передо мною одинъ ты, одинъ ты. О, Боже, неужели у тебя есть большее блаженство, неужели ангелы свѣтлѣе, далѣе земли, нежели душа моя—нѣтъ. Да, у насъ нѣтъ прошедшаго, нѣтъ и будущаго; прошедшее то, чего уже нѣтъ, будущее то, чего еще нѣтъ; мы были, есть и будемъ, мы ничего не потеряли и не найдемъ уже ничего; нѣтъ для насъ стойловъ, переулковъ, вселенная нашъ домъ, небо наша дорога. А *вы*—ваши нивы богаты, ваши каюты теплы и полны, стада ваши ручны, и постель мягка,—хорошій аппетитъ и пріятный сонъ! Александръ и Наталія рука съ рукой пойдутъ своимъ путемъ; океану выстроите вы плотину, а въ ихъ жизни не возмутите и капли!

Послѣ твоего письма я какъ-то еще болѣе высвободилась отсюда; да, рано

молодая отрасль брошена была на чужую землю, много бурь и непогодъ вынесла она, но что ей бури, — морозъ, морозъ страшнѣй всего. Но за отраслью хорошъ былъ уходъ, несмотря на то, что на нее выбрасывали соръ и выливали помои, она возрасла и принадлежитъ тому, кто невидимкой приходилъ лелѣять сироту.

Дождемся отвѣта изъ Петерб. и тогда обдумывать навѣрное, а то сердце рвется надвое. Врядъ поможетъ ли Emilie, вѣдь, она гувернанткой у Наумовыхъ, и ты знаешь, что можетъ часовой, у нея нѣтъ минуты своей. Ежели это будетъ праздничный день, они поѣдутъ къ обѣднѣ, я скажу, что голова болитъ, и не поѣду, пусть послѣ догадаются, да мало ли ,что можетъ встрѣтиться, лучше отдаться совершенно на Его волю. Я рѣшительно не знаю къ кому мнѣ прибѣгнуть, узнать подробнѣе дорогу въ Загорье, ну, знаешь ты Царицыно? Пріѣзжай въ него, тамъ первый встрѣтившійся проводитъ твоего человѣка до Загорья, только надо заставить его молчать съ крестьянами, пусть спроситъ въ кухнѣ, или въ скотной избѣ Василія или Аркадія, они хоть съ вечера явятся къ тебѣ и проводятъ тебя на то мѣсто, которое я назначила. Царицыно отъ насъ 3 или 4 версты, въ немъ еще удобнѣе, нежели въ Покровскомъ; а Костенька не ѣздитъ съ нами въ Загорье, это мой почтальонъ, безъ нея некому бы было присылать писемъ изъ Загорья. А, можетъ, такъ случится, что и въ Москвѣ,— боюсь назначать, боюсь рѣшать, Онъ устроитъ лучше.

О, на что, на что тревожатъ тебя всѣ мелочи, что-жъ изъ этого, убыло ли насъ? Пусть ихъ, ангелъ мой, будь же *мой*, отвернись отъ нихъ, ну, плюнемъ на нихъ, ежели они еще этого стоятъ, а безпокоиться, быть мрачну отъ нихъ,— стыдно. Я не повѣрю, чтобъ слова мои тебя не укрѣпили, ежели ты вѣришь, что они не пустыя. Вздумай только то, это что они могутъ — вздуться, какъ мыльный пузырь, и лопнуть. Мы зависимъ отъ нихъ такъ, какъ звѣзды небесныя отъ насъ. Будь же твердъ, мой Александръ, мы увидимся, далѣе ни одного вопроса тебѣ, письма и портретъ будутъ въ моей котомкѣ, посохъ ты мнѣ дашь, но на что посохъ—твоя рука!

Бѣдная моя Саша какъ вообразитъ, что, можетъ быть, останется безъ меня, такъ и зальется слезами; хотя кромѣ одной семьи вся дворня хочетъ уцѣпиться за меня, но мнѣ никого не жаль. Саша, моя Саша! на кого я ее оставлю, она умретъ, слабая, беззащитная невольница, ей же хуже и труднѣе всѣхъ въ домѣ, здоровье ужъ у нея отняли, дунетъ вѣтеръ, и она погибла. Я иногда раскаиваюсь, зачѣмъ сняла съ нея кору, безъ меня у нея не станетъ силъ уноситься въ міръ свѣтлый, а въ этомъ ей одна мука, одно истязаніе, и все это *тогда* она будетъ чувствовать. Я не желаю смерти кн[ягини], но какъ бы это было хорошо.

Пока, прощай, моя душа, Александръ, не грусти же. Милый мой, ангелъ мой... право, не знаю, какъ назвать, до горя-ль намъ, до нихъ ли намъ! Ну, обнимай же меня, цѣлуй и не смѣй хмуриться. Поздно, глаза закрываются. Цѣлуй, цѣлуй еще, прощай, мой родной.

31-е. Я въ восхищеньи отъ Мед., о, дай Богъ, чтобъ она была покойна, дай Богъ, я пламенно желаю этого и искренно молюсь о ней. Мы ей самые близкіе родные, пусть она требуетъ всего, что въ нашихъ силахъ. Потомъ и я буду писать къ ней. Очень, очень можетъ быть, что твоя встрѣча принесетъ ей счастье и спасеніе. Что-то наши молодые? Я думаю ихъ торжество было неполно безъ тебя. А въ томъ письмѣ, ежели-бъ ты не сказалъ, что выписка изъ письма Ог., я-бъ подумала, что это мои слова. Какъ сравнять небесное родство съ земнымъ!

Часто я окружаюсь *своими родными*, но чаще, гораздо чаще погружаюсь въ твою душу, забывая всю вселенную. О, мой Александръ.

31-е, ночь. Боже мой, въ какомъ я состоянiи, маменька прiѣхала, душа рвется къ ней, а тутъ... Ангелъ мой, съ какимъ чувствомъ приняла я Спасителя, это первый образъ у меня, потому что я впервые поняла силу образа. Но уже носить мнѣ его не велѣли; съ какой вѣрой я приняла его, точно онъ снова одѣлъ меня силой, крѣпостью и блаженствомъ. Знаешь ли, давнымъ давно я все собиралась вышить тебѣ Спасителя, но нельзя было. Ты предупредилъ. Пока вотъ чернильница съ картинкой моей работы, *имъ* сказала, что шила для Emilie; все тамъ служило мнѣ, даже нѣкоторыя вещи были у меня еще въ игрушкахъ и, наконецъ, кольцо, которое мнѣ подарила маменька болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, я сняла его въ первый разъ, — носи его. II письма посылаю, не растеряй, ради Бога. Статью еще не получила, письмо и деньги отослала Emilie, отвѣта еще не было: прiѣзжай въ Москву, я хоть къ заставѣ пойду, чтобъ видѣться безъ нихъ, что послѣ — намъ дѣла нѣтъ. Только вѣрнаго еще ничего не могу назначить гдѣ и какъ, вотъ какой будетъ отвѣтъ изъ Петербурга. Кажется, ты думаешь, что я *ихъ* трушу,—маменька преувеличиваетъ, лучше ли бы было, если-бъ я съ ними зубъ за зубъ, и стоитъ ли того; я молчу и сношу все, потому что не хочу *и не могу* обращать вниманiя на нихъ. Лучшее доказательство: *передъ* 9 апрѣля я писала къ папенькѣ и просила его дать намъ увидѣться, безъ ихъ позволенья и не думая о томъ, что черезъ часъ же, можетъ быть, надо мною разразится громъ. Пусть спросятъ, люблю ли я тебя, пусть; Макаш. говорила, что я *выбрала* тебя; «нѣтъ, не выбирала», сказала я ей, и точно: не я, а Богъ, а если-бъ спросили люблю ли я тебя, пойду ли за тебя,—тогда-бъ ужъ меня здѣсь не было. При первомъ, при самомъ первомъ случаѣ здѣсь не будетъ меня и ничего *моего*, кромѣ Саши; но они не допустятъ, ихъ непомѣрное самолюбiе укротитъ злобу, но, можетъ, умилосердятся—разсердятся!

Портретъ вотъ когда: какъ Emilie объявитъ имъ, что идетъ замужъ и ѣдетъ въ Петербургъ, а прежде догадаются и не дадутъ.

Какъ все волнуется, кипитъ въ груди,—хочу видѣть маменьку! Нѣтъ, несносна эта неволя, пусть бы ихъ издѣвались, только-бъ воля, воля! Оставлю непремѣнно скоро. Хочешь ли видѣть меня ребенкомъ-исполиномъ: первый годъ, какъ *они* взяли меня, *все* меня ужасало, но разъ кн[ягиня] что-то сказала слишкомъ, я бѣгу къ Сашѣ (съ первой минуты моего *взятiя* у меня никого не было кромѣ ея въ *ихъ* дому), въ слезахъ прощаюсь съ ней. «Куда вы?»—«Прощай, бѣгу, не могу привыкнуть у васъ, не могу переносить». Было лѣто, ясный день, и я хотѣла (помню очень) идти въ домъ папеньки и тамъ просить, чтобы меня отвезли въ Шацкъ. Рука ужъ держалась за скобку, дверь ужъ была отворена, другую руку протянула Сашѣ въ прощанье, но она меня удержала за эту руку, упросила, и я рѣшилась отложить бѣгство до другого дня (мнѣ былъ тогда 8-й годъ, ей 11-й). Итакъ, видно, скоро придетъ *этотъ день*.

Боже мой, сколько разъ я, какъ ты, стоя въ храмѣ Божiемъ, воображала, что мы предъ Его престоломъ... слезы градомъ, я упаду на землю и едва могу дышать. О, Александръ, Александръ! ни минуты, мой ангелъ, ни минуты не уступлю имъ, возьму письма и портретъ, обниму Сашу и, Поварская, прощай на вѣки.

Амалiя живетъ у своей прiятельницы, мы еще не говорили ей, но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя... впрочемъ, что заботиться объ этомъ: внѣ здѣшняго дома.

я вездѣ у себя. Охъ. полна грудь, Александръ, спрячь меня въ твоихъ объятiяхъ, чтобъ не видали моего восторга. Другъ мой...

1 февраля. Итакъ, можетъ, только мѣсяцъ до свиданья, о, дай Богъ, чтобъ тебя отпустили. нѣтъ. я не могу ждать до Загорья, прiѣзжай, я сегодня только 4 часа спала. все ты предо мной, все планъ свиданья, освобожденья. Дивно придумала! вотъ. что скажетъ Emilie. Я уйду съ вечера, какъ Мак. уснетъ, и постараюсь. чтобъ въ это время у насъ гостила Сашенька; она спитъ на одномъ диванѣ со мной. тогда Мак. не замѣтитъ. У воротъ извощикъ, и я хоть къ вамъ въ домъ. хоть къ Emilie: только не знаю, кажется, у нея неловко—чужой домъ; впрочемъ. они люди прекрасные, не видали меня, но все сдѣлаютъ. А къ утру часовъ въ 5 домой—чудно, чудно! Только надо поговорить съ Emilie.

Ты пишешь о славѣ: да. я говорила тебѣ оставить славу ничтожную. и найдешь славу истинную. Прощай, пиши черезъ Emilie; отъ меня будетъ каждая почта. Нельзя писать, не знаю, удастся ли.

Наташа Герценъ.

Первый часъ. прощай! Къ завтраму писать некогда, а въ субботу. Ангелъ мой, жизнь моя, прощай, еще и еще цѣлую тебя.

Генваря 30, Владимiръ.

Къ тебѣ, къ тебѣ, мой ангелъ, — дай отдохнуть отъ бури. которая гудѣла все это время въ душѣ моей. дай упиться опять твоей душою, твоей любовью и опять вырвать изъ груди, вмѣсто крика отчаянiя, пѣснь любви и восторга. Милой ангелъ, сестра, подруга, посмотри, какъ рѣшительно все въ моей жизни захвачено тобой. отнесено къ тебѣ; положи твою руку на эту грудь, — въ ней все твое. положи на это чело, нѣкогда исполненное гордости, — все твое, все склонилось передъ твоимъ появленiемъ. какъ туманъ передъ солнцемъ. Ежели-бъ. не узнавъ тебя. я былъ брошенъ на другое поприще, ежели-бъ огромные успѣхи увѣнчали меня лаврами, — сказалъ-ли бы я: «довольно, я достигъ цѣли желанiй?» Нѣтъ; новые замыслы, новыя желанiя, раздраженныя еще болѣе исполненiемъ первыхъ. Я былъ бы несчастенъ. А теперь? Я говорю: Господи. не отнимай только. больше ничего мнѣ ненадо. объ руку съ нею я готовъ сойти съ земли. объ руку съ нею готовъ жить на землѣ. И я счастливъ тобою, и мнѣ больше тебя ничего ненужно.

Какъ хорошо твое письмо отъ 25-го. какъ силенъ размахъ твоихъ крыльевъ. мой ангелъ. какъ люблю я въ твоихъ письмахъ видѣть эту безусловную вѣру въ мою любовь. Наташа... не слышится ли тебѣ много. много подъ этими точками; вглядись, онѣ живы. онѣ-то должны выразить гораздо больше словъ—нѣмой восторгъ, вздохъ любви и блаженства!

Но одно мѣсто въ твоемъ письмѣ несправедливо. Ты думаешь, что вся Россiя, весь мiръ долженъ на меня смотрѣть твоими глазами,—это ошибка, Наташа. увлеченье.

Мiръ и люди смотрятъ не на душу развернутую, какъ ты, но на трудъ созданной. они подымаются отъ труда къ душѣ, и талантъ собственно, можетъ, въ томъ и состоитъ. чтобъ элементы души своей отвердить словомъ или искусствомъ, или дѣйствiемъ внѣ себя. и тѣмъ выше талантъ, чѣмъ ближе созданiе идеалу. Какимъ же образомъ ты воображаешь. что мои статьи могутъ сдѣлать влiянiе? Это ребячество: по этимъ статьямъ, какъ по предисловiю, могутъ заключить,

что изъ писавшаго что-нибудь выйдетъ, не болѣе. Ты знаешь статьи и любовь дѣло разное. Тебѣ и стаканъ, присланный изъ казармы, дорогъ, а людямъ онъ ничего. «Легенду» я не упомянулъ, потому что она не можетъ взойти въ біографію, но по *вашей протекціи* я ее не оставлю. Жуковскаго отмѣтки не на твоемъ экземплярѣ, а на пап[енькиномъ], —у тебя съ нимъ сходной вкусъ, онъ поставилъ черту противъ послѣднихъ словъ. «Легенда» не первая статья послѣ 20 іюля, а «Германской путешественникъ», объ немъ ты не поминаешь, а я люблю его. Въ немъ выразился первый взглядъ опыта и несчастія, взглядъ, обращенной на нашъ вѣкъ; эта статья, какъ замѣтилъ Сазоновъ, невольно заставляетъ мечтать о будущемъ, и тише, тише... вдругъ прерывается, показывая издали пророчество,— но оставляя полную волю понимать его. Для тебя и для друзей эта статья имѣетъ большую важность,—какъ начальной признакъ перелома. Я выписалъ изъ Москвы оставленныя мною двѣ цѣлыя книги писанныхъ разборовъ на сочиненія, которыя я читалъ въ 1833 и 1834 годахъ; съ жадностью перечиталъ я ихъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это, что я въ 1833 году не былъ такъ глупъ, какъ я предполагалъ; внимательной разборъ тотчасъ показалъ бы всего меня (изъ этихъ тетрадей печатная статья моя «Гофманъ»), но чувства нѣтъ, а есть увлеченье, ослѣпленье нашимъ вѣкомъ. Въ «Германскомъ путешественникѣ» обнаруживается уже недовѣріе къ «мудрости вѣка сего», а въ статьѣ «Мысль и Откровеніе» эта мысль уже выражена ясно и отчетливо. Замѣть еще, окончаніе «Германскаго путешественника» двойное пророчество. Я совсѣмъ не думалъ о любви, когда написалъ слѣдующія строки: «Но что же будетъ далѣе?»—Знаете ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отыскиваніи идеала изящнаго, между кускомъ мрамора и натянутымъ холстомъ? Тѣмъ, что нашелъ его въ живой ирландкѣ. Вы отвѣчали за меня, сказалъ онъ, уходя съ балкона»...

Я не знаю, вникнула ли ты въ эту мысль, можетъ, и не поняла ее, потому что это мысль чисто политическая, и отъ нея то именно Сазоновъ и приходилъ въ восторгъ, ибо она разомъ выражаетъ все разстояніе сухихъ теоретическихъ изысканій права и энергической живой дѣятельности, дѣятельности практической. А между тѣмъ это пророчество моей жизни, и со мною сбылось, какъ съ лордомъ Гамильтономъ, и я, долго искавши высокаго и святого, нашелъ все въ тебѣ. Но главное дѣло, что во всѣхъ статьяхъ моихъ моя мысль и фантазія не выражается вполнѣ,—только въ письмахъ къ тебѣ; это существенной недостатокъ, и это-то самое есть доказательство, что я не созданъ быть писателемъ. И такъ, я отгадалъ, что тебѣ не нравится моя иронія. Она и Шиллеру не понравилась бы, и вообще душѣ поэтической, нѣжной и чистой. У людей истинно добродѣтельныхъ ея нѣтъ. Также нѣтъ ея у людей, живущихъ въ эпохи живыя— у апостоловъ, напримѣръ; иронія или отъ холода души (Вольтеръ), или отъ ненависти къ міру и людямъ (Шекспиръ, Байронъ). Это отзывъ на обиду, отвѣтъ на оскорбленіе, но отвѣтъ гордости, а не христіанина. Ну, довольно!

Теперь ты получила мое послѣднее письмо. Я съ трепетомъ жду отвѣта. Прибавить я не могу, все, что я хочу и требую, я написалъ, и это справедливо. Если ты оставишь домъ княгини, то это *единственное* средство сохранить на нѣкоторое время миръ между мною и пап[енькой]. Я не ты (не сердись опять на эту фразу, ибо здѣсь рѣчь не о душѣ, а о характерѣ), я не могу вынести униженья, все перенесу (и доказалъ уже), но униженья нѣтъ. Первая обида, которою сдѣлаютъ при мнѣ тебѣ, можетъ повлечь за собою ужаснѣйшія слѣдствія. Далѣе,

ежели ты не будешь у княгини, я спокойно буду ждать, зная, что ты не страдаешь, имѣя возможность тебя видѣть.

И чѣмъ ты жертвуешь? Тѣмъ, что десять старухъ проклянутъ тебя, *осудятъ*; а ежели ужъ дѣло пошло на людскія рѣчи, то ужъ вѣрно, гдѣ бы ты ни была, никогда не можетъ повториться этой безмѣрно подлой исторіи съ женихомъ, про которую тоже могли *говорить*. Наташа, когда я слушалъ подробности, которыя я самъ нарочно выспрашивалъ, я оледенѣлъ, въ глазахъ потемнѣло, я даже не былъ грустенъ, а кусалъ себѣ губы съ какимъ-то бѣшенствомъ. Но поставь себѣ за твердой законъ: однажды вышедши изъ дома ея сіятельства, не вступать въ него иначе, какъ со мною. Пусть плачутъ, умоляютъ, дѣлаются больными—твердость и отказъ. Не выходя, ты можешь еще склоняться, вышедши—ни подъ какимъ видомъ.

31 января. Твое письмо отъ 28. Отвѣтъ на него вторая половина моего письма, которую ты, вѣрно, того же числа получила. Я имѣлъ причину быть мрачнымъ: оскорбленій я не умѣю переносить, а такихъ ужасныхъ, жгучихъ оскорбленій, кажется, во всю мою жизнь не было. Выслушать подробности всей исторіи сватовства,—да отъ этого можно умереть. Ты скажешь: стань выше,—нельзя, забыть имъ я могу; но для этого надобно, чтобъ все это было прошедшее, чтобъ я былъ съ тобою. Пусть тебя скуютъ въ цѣпи,—я перенесу это легче; но чтобъ съ тобою смѣли обходиться такъ, какъ обходятся,—физически разорвется отъ этого грудь. Ты напрасно въ письмахъ уменьшаешь горечь настоящаго положенія, у меня глазъ зорокъ, я дальше вижу. Ты въ прошломъ письмѣ отклоняешь мой пріѣздъ. Это гораздо лучше всѣхъ подробностей, которыя ты моглабы написать. *Каковы должны быть причины*, которыя могли тебя заставить тебя отклонить исполненіе пламеннаго желанія, цѣли всей жизни? и для чего это? Для чего, когда мы можемъ наслаждаться раемъ, сидѣть «на скотномъ дворѣ», какъ ты сама выразилась? Неужели тебѣ не достанетъ крыши, ежели ты выйдешь изъ дома кн[ягини],—я ручаюсь, что достанетъ. И тогда ты на волѣ, тогда мы будемъ видѣться всегда, тогда никто не осмѣлится располагать твоимъ временемъ. Довольно страданій, довольно испытанія, ты его вынесла, какъ ангелъ; что мои несчастья въ сравненіи съ твоими, мои—одна разлука, остальное вздоръ, которой только бросается въ глаза толпѣ своей одеждой мрачной и свирѣпой. До завтра, прощай, милая Наташа.

Перебирая еще разъ все, что я писалъ тебѣ въ прошлыхъ письмахъ, должно сознаться, что можетъ я увлекся слишкомъ далеко минутнымъ негодованіемъ. Тебѣ Богъ далъ болѣе спокойную душу, обдумай же сама. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ со стороны пап[еньки] нѣтъ столько препятствій; я боюсь не вѣрить твоему внутреннему голосу, ибо твой голосъ—голосъ Бога. Пиши поскорѣе, я мучусь узнать.—Такъ какъ это письмо идетъ новымъ путемъ, то я не буду писать, не узнавъ, получила ли ты.

Изъ Вятки получаю много писемъ, тамъ цѣлая толпа энтузіастовъ къ твоему Александру; уѣхавши, я для нихъ сдѣлался еще болѣе, какое-то изящество разлилось около воспоминанія обо мнѣ. И посланія ихъ похожи на языкъ влюбленнаго. Въ моемъ присутствіи что-то останавливало ихъ высказывать чувства, а теперь письмами они бросаются мнѣ на шею. Опять симпатія. У Скворцова на свадьбѣ первой тостъ пили за здоровье молодыхъ, второй за мое. Нѣкоторыя изъ писемъ стоятъ, чтобъ ихъ сохранить для тебя. Ты для нихъ совершенное божество; склоняясь передо мною, какъ же имъ не склоняться передъ той, передъ

которой я на колѣнахъ. Бѣляевъ, о которомъ я ни разу не упоминалъ, пишетъ: «Борись съ рокомъ, тебя угнетающимъ, борись и выйди побѣдителемъ. Не забывай Бога, потому что Онъ не ниспослалъ тебѣ ангела-хранителя. Но мнѣ досадно, зачѣмъ ты довольствуешься внутреннимъ счастіемъ. Человѣкъ призванъ къ дѣятельности. Для чего же Богъ тебя одарилъ прекрасной душой и блистательными способностями; Богъ спроситъ у тебя отчетъ, какъ ты употребилъ дары Его»... Или во мнѣ мечтается un grand homme en herbe, какъ говорятъ французы?

Ну, получила ли ты мою статью о Полинѣ? Я теперь оканчиваю свою архитектурную мечту «Кристаллизація человѣчества»; эта статья, сверхъ новаго взгляда на зодчество, важна потому, что я основными мыслями ея потрясъ... кого же?—Витберга, и что онъ, зодчій геній, долженъ былъ уступить мнѣ, юношѣ, не артисту,—я глубже проникъ въ историческую структуру его искусства. Статья эта ему и посвящена. А ты, ангелъ мой, въ прошломъ письмѣ мнѣ сдѣлала репримандъ, что я не всѣ статьи посылаю тебѣ. Виноватъ, Наташа, виноватъ, ей Богу, все это проклятая лѣнь переписывать и еще худшая лѣнь оканчивать начатое. Впрочемъ, утѣшься: право, лучше статьи нѣтъ, какъ всякое письмо къ тебѣ.

1-е февраля. Скоро будетъ отвѣтъ и отъ тебя, и отъ министра. Прощай, мой ангелъ, будь хранима Богомъ. Развязка приближается. Можетъ быть, будущность, исполненная свѣта, ждетъ насъ, можетъ быть, исполненіе всѣхъ пламенныхъ мечтаній, самого путешествія, ждетъ у порога. Черная исторія съ М.—одна изъ змѣй, наиболѣе сосавшихъ мое сердце, исправляется. Вспомни мою молитву тогда,—послѣ нея все перемѣнилось. М. проситъ меня одного—названіе сестры. Вотъ моя рука, что я ей братъ до гроба. Одного боюсь, не обманываетъ ли она себя, это я узнаю скоро, буду писать къ ней о тебѣ; хорошо, можетъ, было бы, ежели-бъ и ты написала. *До свиданья,* Наташа!

Твой *Александръ.*

Ночь, 1-го февраля, Москва.

Александръ, кромѣ тебя, никто не повѣритъ, и нельзя вѣрить другимъ, а ты, ты—я. Всегда, всегда я была чрезвычайно невнимательна ко всему, меня окружающему, наконецъ, свобода моя возросла до высочайшей степени (что за дѣло до наружнаго рабства, когда внутри себя царь); ты не можешь вообразить, какъ спокойно, равнодушно смотрю я на ограду, на крѣпость, на цѣпи, чрезъ шагъ океанъ, у берега ладья, гребцовъ ненужно, весла ненужно, лишь бы дунулъ попутный вѣтерокъ... А теперь пока мертвая тишина, но Богъ милостивъ! Какъ не оглядываясь, какъ не обдумывая, полечу я къ моему ангелу, къ моему спасителю, отцу, въ тебѣ, мое начало и конецъ! Какъ каждое мгновеніе твое! О, Александръ, ничего не дано тебѣ такъ вполнѣ. Какъ вселенная принадлежитъ Ему, какъ она дивна Имъ, какъ Онъ пребываетъ въ ней, — такъ я твоя, такъ хороша тобою, и такъ ты пребываешь во мнѣ и наполняешь бытіе мое, во мнѣ ничего нѣтъ, что не ты; какъ же мнѣ не любить себя, какъ великимъ не протягивать мнѣ руку, какъ не ждать мнѣ, что отъ моего взора одушевится камень и будетъ дышать одной симпатіей?

Нѣтъ, тяжки иногда эти заботы о средствахъ, и пр. Пусть полкъ, пусть стѣна отъ земли до неба,—любовь проведетъ сквозь все. Мысль свиданья неразлучна со мною, она единственный мой собесѣдникъ въ цѣломъ кругу, она со

мною на молитвѣ, она усыпляетъ и будитъ меня. Я какъ-то не могу порядочно обдумать и заняться средствами: часъ имъ, а 23 часа безграпная, безбрежная душа погружается въ неизмѣримую твою душу, въ безконечное блаженство, а на нихъ смотришь, какъ на двѣ-три песчинки въ морѣ, или вовсе не замѣчаешь. Дай же наноситься въ моемъ небѣ—твоей душѣ, дай привольно надышаться великимъ, святымъ, любовью, Богомъ, не ссылай туда, тамъ темно, ангелъ мой, тамъ тѣсно, я не могу тамъ быть. Слышишь, слышишь пѣсни?.. О, не указывай туда, обернись ко мнѣ, мой свѣтлый, сіяй на меня, а тамъ темно, темно...

Долго спустя. Все дышетъ ароматомъ, каждый стебелекъ, каждая травка живетъ, любовь въ ихъ жизни, музыка, и за яхонтъ несется гимнъ изумруднаго... Въ этомъ ароматѣ, въ этой музыкѣ, въ этой молитвѣ—я и ты, рука моя въ твоей, взоры, души слиты... Что прежде, *какъ* пришли мы туда, какъ очутились вмѣстѣ, что будетъ, — не знаю. Я знаю только то, что *живетъ* въ моей душѣ... Александръ, другъ, вообрази ты все это, погоди, оставь письмо, сложи руки, забудься, увидь все это, почувствуй... Не откладывай, не откладывай, мчись тотчасъ, я не могу ждать.

2-е. Всѣ твои повелѣнія выполню, мой ангелъ, но они развѣ и не мои собственныя? Много пожертвовано *имъ*, очень много, но это было не трусость, о, нѣтъ, я не понимаю ея, это было повиновеніе Его волѣ, ради Его выносила я все, но твой голосъ — Его, и такъ vive la liberté! Теперь моя *просьба* къ тебѣ, Александръ, употреби все на исполненіе ея. Я не могу вздумать, какъ Саша останется здѣсь безъ меня, совѣсть моя не будетъ покойна, я не въ состояніи буду предаться вполнѣ блаженству, иначе безчеловѣчность, неблагодарность, потому что другой Саши нѣтъ въ мірѣ (изъ ихъ класса). Она моя духовная дочь, и, сверхъ вліянія моего на нее, у нея есть много своего, Богъ ей далъ много. Тысячи случаевъ, тысячи встрѣчъ доказали ясно, что она моя воспитанница, и ея собственную высоту, а потомъ эта сверхъестественная привязанность ко мнѣ. И за все это я однимъ могу вознаградить ее: не разлучаться съ нею. И она не требуетъ другой награды отъ меня и отъ Бога. Въ противномъ случаѣ ей или долгія страданія, или смерть, а мнѣ угрызенія совѣсти и грусть, я ужасно люблю ее. Прежде, нежели я перешагну здѣшній порогъ, она должна быть вольная, а это устроить очень легко, вотъ какъ: *найми кого-нибудь сыграть роль жениха.* Я думаю, твой Матвѣй способенъ явиться къ кн[ягинѣ], сказать, что онъ ее видалъ давно, хочетъ жениться, наконецъ просить, сотни поклоновъ, ежели это не поможетъ, сотни рублей, только съ тѣмъ, чтобы до свадьбы дали отпускную. Саша скажетъ, что она ей не слуга, ежели и не отдадутъ ее за него, тѣмъ опротивѣетъ кн[ягинѣ], и она согласится. Только не вздумалъ бы въ самомъ дѣлѣ жениться на ней, она ни подъ какимъ видомъ не согласится, да я думаю изъ ровни ей нѣтъ достойнаго ея. Дѣйствовать должно не медля, тотчасъ, какъ тебя пустятъ; онъ долженъ ненарушимо хранить тайну, никто чтобъ не зналъ, ни даже ея отецъ съ матерью, вольная въ рукахъ, и женихъ свободенъ! Напиши, ангелъ мой, можно ли это устроить, много, много утѣшишь меня. Думая о моемъ блаженствѣ, я не могу забыть, какая ей предстоитъ участь, кромѣ всего, одна разлука со мною. Мнѣ только стоитъ сдѣлать грустный видъ,—ты увидишь ее въ ужасныхъ слезахъ. Нѣжная, чувствительная --о, Боже, нѣтъ, нѣтъ, Александръ, дай ей свободу прежде меня, ангелъ мой, руку, слово, и я буду покойна.

Ну, ежели Богъ благословитъ намѣреніе Пр. Ан., -опять предчувствіе мое вѣрно. Увидя ее въ первый разъ, я взяла ее за руку, пошли ходить въ залу, и

я ни слова, кромѣ какъ о тебѣ (въ концѣ 35 года), тутъ же сказала ей, что пишу къ тебѣ тайно, что никого въ свѣтѣ такъ не люблю, какъ тебя, и словомъ сказала все, что у меня было *тогда* въ душѣ, ты знаешь по письмамъ. Благослови, Богъ!

Очень знала я о Сережѣ, очень вижу ихнее *свысока*, но рѣшительно не обращала на это вниманья. Да, со многихъ спало покрывало во время сватовства.

Es liebt die Welt das Strahlende zu schwärzen
Und das Erhabne in den Staub zu ziehn.
Doch fürchte nicht! Es giebt noch schöne Herzen
Die für das Hohe, Herrliche entglühn!

«Донъ-Карлоса» они не велятъ читать, потому что по нѣмецки, а Маттей — потому что тамъ любовь. Но ужъ, можетъ, скоро, скоро... О! я раба Господня, буди мнѣ по слову твоему! Завтра жду письма; бывало, ждешь, ждешь... да, вѣдь, и теперь то, что ты думаешь? тоже жду, жду, о, другъ мой. Давеча получила отъ Саши Б., какъ она страдаетъ, и нельзя послать ей письма.

3-е, четв. Emilie нездорова и потому не была у меня и у маменьки, пишетъ, что на той недѣлѣ будетъ писать тебѣ. Еще успѣемъ списаться, гдѣ и какъ видѣться. Но, Александръ, не пустое ли все это? Ежели Богу угодно, чтобъ мы увидѣлись, ежели мы достойны этого,— увидимся. Обдумаешь планъ, а тамъ ничтожная встрѣча,—и все разрушено. Пріѣзжай, Онъ лучше нашего устроитъ. Все мнѣ кажется такъ мелко, такъ мало, они такъ ничтожны, я не могу, право, умалиться до того, что проползти мимо ихъ тайкомъ; что будетъ, то будетъ, ничего не боюсь! Не въ нихъ моя радость, не въ нихъ мое горе, слѣдственно, что-жъ искать въ нихъ, чего убѣгать? И въ цѣлой жизни намъ что? Ангелъ мой, мы недолго проживемъ на землѣ, мы не можемъ долго жить, я это чувствую. Боже, какъ радостно, съ какимъ восторгомъ я легла бы въ гробъ живая послѣ одного мгновенья съ тобою, я сама бы покрылась покровомъ, крышей гробовой. Ахъ, Александръ, говорено, говорено о любви, а ничего не сказано. Забудь *о нихъ*, память ихъ отравляетъ, свободно въѣзжай въ Москву съ Его благословеніемъ, съ любовью, свободно входи въ здѣшній домъ, какъ къ грабителямъ за своею собственностью, и возьми ее. Кто возвыситъ голосъ, кто подниметъ руку—кто? О, какъ воскъ отъ огня исчезнетъ тогда все предъ нами. Другъ мой, мы не похожи на себя, когда мы *обдумываемъ*; Онъ обдумалъ прежде насъ, намъ лишь идти по указанному пути. Все отпадаетъ, все исчезаетъ, — тону, тону въ твоемъ свѣтѣ... рай мой!

Право, во мнѣ все уменьшается способность *устраивать*, я вся—ожиданіе, имъ полно все существо, и мнѣ нечего отдать на службу *имъ;* въ тягость малѣйшая забота о чемъ-либо, въ тягость говорить, даже думать, все это какъ-то слишкомъ вещественно, грубо, матеріально, все утомляетъ. Нѣтъ, это свободное, это безгранное существованіе безъ думъ, безъ словъ, безъ образовъ, дышать одной любовью... Вотъ эти минуты несравненны, о нихъ мы не должны дерзать произносить слова. Блаженъ, кому въ цѣлую чашу жизни влита одна такая минута! А въ моей жизни ихъ болѣе, нежели обыкновенныхъ, болѣе, нежели блаженныхъ.—Александръ-Наталія.

4-е февраля. Ночь, Москва.

Много, много въ душѣ, письмо твое велико, и сію же минуту принесли «Симпатію», и теперь же хочу говорить съ тобой. Итакъ, главное—выйти отсюда. Давеча же писала Emilie, чтобъ она положительно приготовила мнѣ квартиру, и я

буду ждать перваго возможнаго мгновенія. Но чѣмъ ихъ довести до того, чтобъ они указали дверь, или *сказали бы* только о ней? Ничѣмъ не доведешь рѣшительно, кромѣ какъ доказавъ къ тебѣ любовь, и я бы не желала ничѣмъ другимъ. Съ перваго же дня по полученіи *твоего приказа*, я начала поступать иначе: безъ позволенія выходить въ другую комнату, безъ позволенья брать книгу, но, наконецъ, и къ тому привыкнутъ. Теперь, вотъ что я думаю. Пріѣдешь ты, о свиданіи не заботься, всего лучше утромъ будь въ 7-мъ исходѣ въ залѣ; я приду, и до половины девятаго мы безопасны. А ночь — я пробовала: и двери гремятъ, и собаки залаютъ, весь домъ встанетъ. И каждое утро намъ можно будетъ такъ видѣться. Во время твоего пребыванія доказать *имъ* любовь, и все кончено! (Только не забудь Сашу). Кн[ягиня], говоря о письмѣ твоемъ, сказала, ежели «чуть-что», такъ напишетъ Ал. Ал., и я буду тереть ноги Олимп. Макс. А тогда, разумѣется, она скажетъ, чтобъ шла къ маменькѣ, я и *послушаюсь*. Мнѣ все равно, въ кухнѣ ли, въ погребѣ ли гдѣ, лишь не здѣсь, лишь съ Сашей, ее, клянусь тебѣ, не могу принесть въ жертву моему блаженству. Но, *сверхъ всего этого*, твоя воля! За порогомъ же, за этой рѣшеткой, за этимъ замкомъ что будетъ? Ты, ты, далѣе я ничего не знаю, не понимаю и не желаю.

Повѣришь ли, Александръ, я до сихъ поръ не могу приглядѣться къ свѣту, окружающему меня, къ тебѣ, къ Богу. Иногда я все еще дивлюсь, изумляюсь и *не вѣрю себѣ*. Даже вотъ послѣднее твое письмо: «И мнѣ больше тебя ничего ненужно». Тебѣ больше меня ничего ненужно... При этомъ изумленіе и ужасъ мой равняется съ Маріинымъ: «Како мнѣ будетъ сіе»? Равняются повиновеніе и восторгъ—«я раба Господня»—и ни слова, ничто, ничто въ свѣтѣ не въ состояніи выразить. Ангелъ мой, когда хочешь, чтобъ я дѣйствовала, пошли меня на землю. Не могу, не могу, я знаю, сколько я твоя, и потому это ничтожное *задержаніе* меня, это ложное присвоеніе твоего,—для меня крикъ сверчка.

5-е, суббота. Другъ, знаешь ли, что́ вся статья «Симпатія»? Нѣсколько писемъ ко мнѣ. Каждое слово такъ знакомо, такъ родное, въ каждомъ цѣлый міръ, цѣлый океанъ, изъ каждаго можно почерпнуть силу, блаженство, полную жизнь. Для *другихъ* это галиматья, они не поймутъ ни строчки. Но послушай, Александръ: когда буду меньше любить тебя, тогда только я въ состояніи буду *судить* твои сочиненія. Послѣ этой статьи я не могу уже болѣе полюбить Полину; ни свиданье, ни даже если-бъ мы жили съ нею вмѣстѣ, ничто уже не можетъ сроднить насъ *болѣе*, земля небу не прибавитъ ничего. Теперь мнѣ хотѣлось бы очень ея портретъ. Боже мой, какимъ это все вздоромъ покажется тѣмъ, которые думаютъ и находятъ всю жизнь въ токѣ послѣдней моды, въ щегольскомъ экипажѣ, въ картахъ; даже люди *подѣльнѣе* этихъ прочтутъ, безжизненно взглянутъ въ окно на улицу и, какъ очнувшись, закричатъ: «что-жъ долго не подаютъ чай». Имъ кудрявые романы, имъ надъ чѣмъ бы *подумать*, а тутъ размышлять не о чемъ, тутъ солнце, небо, тутъ безпредѣльная жизнь, лишь раскрой грудь, и рай исполнитъ все существо, и *послѣ* лишь молитва, одна молитва. Этому недоступенъ свѣтъ, не дала бы я читать ему «Симпатію», но, во имя тѣхъ братій, тѣхъ родныхъ, съ которыми мы еще не встрѣтились, которые еще не пришли изъ родины, пусть голосъ нашъ раздается въ толпѣ, чтобъ родные не грустили по насъ, чтобъ не погибли отъ страшнаго рева и дикихъ криковъ *чужихъ*.

Ночь. Сколько разъ я сегодня дѣлалась грустна, сколько разъ навертывалась горькая слеза, выходилъ тяжкой вздохъ... Когда я что воображаю, то это такъ живо, что иной въ самомъ дѣлѣ не наживется столько, сколько я въ меч-

тахъ. Вотъ мы бѣжимъ съ тобою отъ льда и мрака къ солнцу, въ страну любви; для меня *бѣжать* въ милліонъ разъ лучше *ихъ* желаній, поздравленій, попеченій, ихъ благословеній, ихъ хлѣба-соли. О, это будни, это свадьба, это что-то ужасающее, я ничего не хочу, стало, бѣжать, бѣжать. Тутъ любовь, тутъ благословеніе Божіе, тутъ небо на землѣ. И вотъ, природа—нашъ домъ, *наши*—долины, благоухающія, цвѣтущія, *наши*—горы, утесы, *нашъ*—океанъ, *наше*—небо, все это полно нами, любовью, молитвой, Богомъ... Руки складываются, голова опускается на грудь, улыбка—отраженіе всего рая, слезы—слезы, это музыка, это рѣчи неземныя... тутъ вселенная, Богъ *вмѣщаются* во мнѣ, тутъ я наполняю вселенную, Бога. А тамъ, въ странѣ далекой, страшной, мрачной, есть темныя, тѣсныя ямы, смрадныя; въ нихъ живутъ, но тамъ не вѣетъ *жизнью*; я не знаю той страны, я тамъ не бывала, не слыхала о ней, и не пойму, когда мнѣ станутъ говорить о ней. Ярче солнце, сильнѣе пѣсни, радужнѣе цвѣты, шире, шире грудь раздвигается, исчезло тѣсное я, не частью рая живемъ мы, не частью Бога, мы все, и все мы... Вдругъ я въ этой ужасной странѣ, въ преисподней, душно, тѣсно, и цѣпь, и замокъ заржавлены, смерть!.. Александръ!..

Утро, 6-е февраля. Да, ужасно, ужасно, ангелъ мой, слетать въ эту яму, тамъ живетъ лишь смерть, и потому, налетавшись мечтою тамъ, съ тобою, я страдаю, обращая взоры кругомъ и не встрѣчая ни природы, ни Бога, ни тебя. . Ты *разучилъ* меня переносить такъ, какъ я переносила прежде, и каждая минута—стремленіе къ свободѣ, къ тебѣ. Теперь ужъ я не вынесу долго этого заключенья. Но *какъ*—этого я не понимаю, это должны исполнить за меня другіе; *вникая въ средства*, я не могу такъ вольно думать о тебѣ, не могу быть съ тобою такъ близко, какъ тогда, когда я выше всего этого.

Рѣшительно не могу ничего дѣлать, ни даже самой бездѣлицы, такое чувство наполняетъ, какъ будто наканунѣ отъѣзда. А почему знать,—долго ли до этого кануна?—*Они* поѣдутъ къ обѣднѣ, и я пошлю за Emilie, терпѣнья не стаетъ, что-то она скажетъ, она свободнѣе меня обдумывать. Вообрази, другъ, вѣра моя въ папеньку нисколько не умаляется, а все растетъ болѣе и болѣе. Вѣрь и ты; меня не обманываетъ мое сердце; ты напрасно хочешь закрыть отъ него душу, пусть онъ знакомится съ нею, привыкаетъ; что дивнаго, ежели онъ подниметъ отвергающую руку,—ты не знакомъ ему, онъ отецъ, но не родной *тамъ*, не братъ. Но, вѣдь, и никого же у него нѣтъ, кромѣ тебя, кого же онъ обниметъ, кого благословитъ?

Денегъ для Эм. слишкомъ довольно, *спасибо*. Прощай, терпѣнья не достаетъ, хочу читать «Симпатію», а потомъ отошлю Emilie, мнѣ нельзя ее держать у себя.

5 февраля, Владиміръ.

Ангелъ мой, моя прелестная подруга, какъ давно я не писалъ тебѣ. У меня гостилъ Кетчеръ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ души моей. Отлетѣли эти 4 года мрака, я снова юношей мечталъ, но уже мечта моя не та—она сильнѣе, шире, выше. Кетчеръ первой изъ друзей увидѣлъ меня и говоритъ, что я сталъ лучше, чище, сильнѣе, и говоритъ, все это сдѣлала любовь. Слышишь ли, мой ангелъ, любовь, ты, Наташа, это сдѣлала. Я ему читалъ нѣсколько писемъ твоихъ и видѣлъ его слезу. Витбергъ тебя назвалъ ангеломъ, онъ не умѣлъ выразить. Представь себѣ мой восторгъ въ эти минуты, Наташа, — ты мнѣ принесла огромное блаженство, я счастливѣйшій человѣкъ. Вотъ и тебѣ доля чи-

стая той симпатіи, которою окружают меня, теперь ты будешь идоломъ, святостью всѣхъ любящихъ меня. Теперь больше, нежели когда, я рѣшился дѣйствовать, не отлагая. Я даже думаю, ненужно переѣзжать отъ княгини. Я объяснюсь,—мнѣ откажутъ. А въ продолженіе этого времени у Кетчера будетъ все готово: и храмъ, и священники, и все. Рекомендую Вамъ, Наталья Александровна, Кетчеръ мой шаферъ. На него вѣра моя безпредѣльна, онъ окончилъ борьбу, которая во мнѣ была, и заставилъ рѣшиться. Онъ даже брался устроить все здѣсь, скакать въ Москву, привезть тебя, десять, пятнадцать человѣкъ за счастье почтутъ ему въ этомъ помочь. Наташа — ты скоро будешь моя! Ни слова болѣе, что тутъ можно сказать языкомъ.

Княгиня пишетъ, что благодарна мнѣ *за дружбу* къ тебѣ; я не вытерпѣлъ и написалъ пап[енькѣ], что я нисколько не заслуживаю *въ этомъ* сіятельной благодарности. Благодарю за чернильницу, все, все отъ тебя для меня свято, благодарю за кольцо еще больше. Да, оно вѣчно будетъ у меня на рукѣ и встрѣтится только съ другимъ—обручальнымъ. И за письма—я еще не читалъ ихъ. Кетчеръ черезъ нѣсколько дней доставитъ тебѣ отрывокъ изъ «Тамъ», которой будетъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», и начало біографіи. Вотъ тебѣ на замѣну письма пока. М. нарисовала картину къ твоему рожденью «къ 22 октября». Я пришлю ее тебѣ, когда получу.

6 февраля. Я мелькомъ пробѣжалъ письма свои,—это важнѣйшій документъ нашего развитія и моей жизни; превосходно, что они у тебя сохранились. Безъ нихъ мнѣ почти не было бы возможности продолжать біографію. Тутъ я весь, какъ былъ. Посмотри этотъ ледъ въ первыхъ письмахъ, я содрогнулся, читая записку, въ которой я поздравлялъ тебя въ 1833 году съ рожденьемъ; мнѣ недосугъ было придти, а что дѣлалъ? и послѣ пусть прочтутъ фантазію. Потомъ я какъ-то *снисходителенъ* съ тобою, *цѣню* твои таланты; изъ казармъ письма принимаютъ жизнь, они съ огнемъ, но это огонь не любви, ты не необходимость мнѣ, я люблю тебя, но хочу ѣхать изъ Москвы куда бы то ни было. Однако тамъ сямъ прорывается и другое чувство, въ той фразѣ, въ которой наименѣе можно ждать любви, высказалась она едва ли не въ первой разъ. Чего я боялся твоего замужества, отчего я тебѣ указывалъ на монастырь,—тутъ сверхъ участья есть что-то. Девятое апрѣля было вѣнчанье нашихъ душъ. Но послѣ—вотъ она ужасная эпоха апатіи, лѣни, устали, начало жизни Вятской. Я не хочу себя оправдывать, но душа, натянутая 9 мѣсяцевъ, опустилась, я долго съ отвращеніемъ смотрѣлъ на толпу, но свыкся и палъ.

Сейчасъ твое письмо отъ 4-го, - какъ скоро. Скажи Сашѣ, что прежде, нежели ты писала мнѣ, я уже думалъ о ея спасеніи, и именно думалъ то, что ты писала. Поклоновъ не слишкомъ много, лучше больше рублей, пусть скажутъ, сколько надобно.—я достану. Впрочемъ, замѣчу, если ты Матвѣя принимаешь *за лакея*, ты очень ошибаешься; я тебѣ могъ бы сказать одинъ анекдотъ про него, въ которомъ онъ поразилъ меня своимъ благородствомъ; ему каплю образованья, и онъ отличный человѣкъ. Я какъ-то по пріѣздѣ былъ очень веселъ и шутя спросилъ у него: «Чего ты хочешь теперь»?—Вы не сдѣлаете того, что я попрошу.—«Что-же»?—Нѣтъ, не смѣю просить. Наконецъ, сказалъ: «я желалъ бы знать, что за статья у васъ, гдѣ о Полинѣ,—ее одну я не слыхалъ». Я взялъ ее и прочелъ ему отъ доски до доски, объясняя иностранныя слова. Что же—со слезами бросился онъ ко мнѣ, цѣлуя руку, и сказалъ: «Такъ вотъ онъ ангелъ въ статьѣ о Витбергѣ». Что скажешь на это?

Сегодня меня судьба столкнула опять съ несчастнымъ и столкнула на минуту—и можетъ, никогда не увидимся; въ слѣдующій разъ я напишу тебѣ объ ней, можетъ, даже напишу цѣлую статью. Кетчеръ сидитъ у меня и переписываетъ мои статьи, непремѣнно хочетъ взять съ собою, и я ему повелѣлъ доставить тебѣ.

[Приписка Кетчера]: «Вы пріобрѣли себѣ новаго друга, который нѣкогда сомнѣвался въ васъ; но убѣжденіе послѣ сомнѣнія прочнѣе; ни увѣрять, ни говорить много о дружбѣ я не умѣю. Довольно, я другъ вамъ, и вы не можете не быть мнѣ другомъ, оцѣнивъ такъ хорошо людей, съ которыми хотя я и не выросъ, но сроднился такъ же тѣсно. Всѣ нападки толпы, этихъ пасквилей на человѣчество, хотя и болѣзненны, но ничтожны, и не подавить имъ добра, оно восторжествуетъ! Не видавъ васъ, потому что разъ, въ который я съ вами гдѣ-то встрѣтился, я не называю видѣть, но по нѣсколькимъ строкамъ я понялъ, узналъ васъ. Прощайте, надѣюсь вскорѣ увидѣть васъ съ нимъ не въ этомъ душномъ чистилищѣ. До свиданія». Я удивляюсь, какъ Кетчеръ имѣетъ мало образованности, я думалъ, онъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ: «Честь имѣю рекомендоваться и пр.».

Ну, продолженіе о старыхъ письмахъ. Письмо 12 октября 1835, можетъ, лучшее, что когда-либо я писалъ: это огонь, бѣшенство, но это проникнуто такой силой, такимъ огромнымъ размахомъ души. Это письмо могло сжечь тебя, ежели бы въ тебѣ было больше земли; щеки вспыхнули, когда я перечитывалъ его. Всякая острота — молнія, ни одной мысли, и все это кипитъ, вырывается само собою, взгляни даже на почеркъ. Я почти задохнулся. Но не странно ли: два слѣдующія письма не стоятъ строки того. Любовь рвется, но нѣтъ того полета, нѣтъ того порыва. Нѣтъ, мнѣ ужасно нравится письмо 12 октября; а между тѣмъ рядъ воспоминаній сталъ возлѣ писемъ; одна апатія могла продиктовать глупую фразу: «она довольно хороша, чтобъ быть героиней маленькаго романа въ Вяткѣ». Какая низость! Чудная эпоха. Я увлекся этой женщиной, *какъ женщиной*, и именно оттого понялъ, что люблю тебя, я былъ увѣренъ въ твоей любви прежде, нежели ты сказала, но эта увѣренность какъ-то принимала судорожный видъ, какъ все бытіе; признаюсь, я не понялъ всей высоты твоихъ писемъ, когда ты писала въ концѣ 35 года А возможна ли эта глупая оговорка: «тогда склоню голову на твою грудь (ежели эта грудь не будетъ принадлежать другому)». Фу, мерзость какая, и это я писалъ въ концѣ декабря (25) 1835. Глупо, и только объясняетъ мое тогдашнее положеніе. Героиня *маленькаго* романа выросла въ *большое* угрызеніе совѣсти, и я доселѣ не могу дать отчета, какъ это случилось. Ты меня знаешь Наташа, всякая мысль, всякой порывъ отъ 1834 тебѣ извѣстенъ. Ну, какъ могъ я пасть такъ? Любилъ ли я ее?— Нѣтъ, это ясно, лучшее доказательство — письмо 12 окт. Но точно я сначала былъ неравнодушенъ, она была первая симпатія, я границъ не знаю, мнѣ было весело, что встрѣтилъ созвучіе. Въ это именно время боролись во мнѣ тысяча страстей. Я увидѣлъ въ ней особое вниманіе ко мнѣ. *Жена старика* не имѣетъ почти никогда той святости, которая окружаетъ дѣвушку и женщину. Все это вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ завлекало больше и больше. Но не оправданіе же все это мнѣ; такъ могъ бы оправдываться Н. П. Голохвастовъ, а твой Александръ... Нѣтъ, этой раны я не скоро освобожусь. Паденіе низкое, гадкое!

Наташа, теперь отвернись отъ этого несчастнаго человѣка, которой ломается въ борьбѣ съ собою, который своими руками разрываетъ сердце, блуждаетъ то

въ небѣ, то въ аду,—и взгляни на твои письма. Ты одна и та-же съ первой записки до письма, которое я получилъ; все свѣтлая, небесная, спокойная, тотъ «голубь съ бѣлыми крылами, которой играетъ въ солнечномъ лучѣ и для котораго нѣтъ выше», какъ ты писала, только пѣснь твоя дѣлается звучнѣе, только взглядъ шире. Я не унижаю себя,—нѣтъ, я тебѣ назначенъ Богомъ, я понимаю, что ты ни въ одной груди не нашла бы той любви, какъ въ моей, и теперь я довольно хладнокровно пишу. Знаешь ли, что еще превосходно въ моихъ письмахъ: это мысль, пришедшая на бумажной фабрикѣ. Вотъ ужъ живѣе, лучше сравнить нельзя моей жизни, какъ эти свирѣпыя колеса, какъ эта безумная струя воды и въ заключеніе ты—небо въ окошечкѣ, а потомъ ты—*все небо*. Да, до весны 1836, я стоялъ середь колесъ и треска, оглушенной, тутъ я вышелъ, и ты безгрѣшная, святая захватила все. О, ты!

Пришлю письма назадъ съ Ег. Ив., но *не надолго*, а потомъ приду къ «грабителямъ за собственностью»—это превосходно.

Прощай, до свиданья, *Александръ*.

Ночь, 6 февраля, Москва, воскресенье.

Александръ, мнѣ досадно на себя, я слишкомъ дитя, не знакомая съ землею, не знакомая съ людьми, я не умѣю ходить по землѣ, не умѣю ходить между людей. Вотъ тебѣ нынѣшній день. Давеча же рано утромъ я мечтала, что, можетъ, завтра же меня здѣсь не будетъ, — это такъ легко! И я восхищалась, и потому что буду съ тобой, и потому что мнѣ *становится хуже здѣсь*. Мнѣ казалось, что я вездѣ дома, лишь здѣсь чужое, о, какое чужое!.. Является Emilie — все перемѣнилось! Всѣ *хотятъ* меня взять, но *не могутъ*, нуженъ видъ, я объ этомъ и не думала. Итакъ, къ чему же поведетъ меня это хуже и хуже, куда *я пойду*, ежели *они* не выгонятъ меня? А выгонятъ они только тогда, какъ узнаютъ о тебѣ, иначе ихъ ничѣмъ не доведешь до этого, только будутъ грызть, какъ ржа желѣзо. Тутъ я потерялась, придумывать не мое дѣло, я чувствую боль, но не могу разстаться съ тобой настолько, чтобъ лечить эту боль, я страдаю, но съ тобой, и, стало, блаженна, и, стало, ничего мнѣ ненужно. А тюрьма-то та же, цѣпь-то та же, да и маленькая кружка на маленькомъ окнѣ все съ тою же горечью... Но *имъ* что до того? Мнѣ одно — любить, любить и любить! Emilie опытнѣе, она умѣетъ думать, умѣетъ дѣлать, сверхъ того, что умѣетъ любить,—мнѣ данъ *одинъ талантъ!!* Сама она напишетъ тебѣ, что она придумала, я только пришла въ восторгъ отъ ея мысли, обвила ее крѣпко обѣими руками, эта мысль была такъ свѣтла, такъ огромна и такъ легка и удобоисполнительна, что уже казалась мнѣ даже исполненною. И я забыла все на свѣтѣ, великій постъ казался мнѣ послѣдней каплей горячи, которой меня поили съ 7 лѣтъ. А за нею, за нею... О, ангелъ мой, не скажу, не могу сказать ничего, только я (о, пренесносный ребенокъ!) плакала отъ восторга, смѣялась, летала по горницамъ и всякому готова была сказать: «послѣдняя капля! а за нею я съ нимъ, за нимъ вѣчность, за вѣчностью все онъ же, онъ же!.. И все это я говорила взоромъ, и, кто понимаетъ этотъ языкъ, повѣрилъ бы, что *въ самомъ дѣлѣ* такъ. Но вотъ пріѣзжаютъ *они*, я прихожу въ себя, и первый вопросъ—*отъ тебя ли это зависитъ?* Я оглянулась вокругъ и затрепетала всѣмъ существомъ—*ежели нѣтъ*. И теперь грустно, страшно, я страдаю, во имя любви

умоляю тебя, пиши отвѣтъ скорѣе.—Годъ сроку, писалъ ты, но, вѣдь, кн[ягиня] переживетъ меня, это такъ ясно, какъ осина переживетъ розу. Хорошо, *мы увидимся*, а потомъ что?.. И цѣлый годъ, цѣлый годъ. Да что-жъ ужъ мнѣ тогда надо, чего ждать, чего желать? Да, да, хорошо, только видѣть, видѣть разъ и прости земля! или возьми меня тогда, пожалуй, въ полное владѣніе, мнѣ все равно тогда. Александръ, я увижу тебя? увижу! Ну, прощай же, моя душа, я покойна.

7-е. Скоро, скоро отвѣтъ, скоро рѣшенье! замираетъ сердце, боюсь, Александръ, ангелъ мой, мнѣ грустно опять, ужасно грустно. Когда всматриваешься въ подробности, онѣ растутъ необъятно и становятся какими-то чудовищами. Нѣтъ, не буду ничего обдумывать, это меня истерзаетъ, отдаю все Его Промыслу, а ты—возьми меня, когда хочешь и какъ хочешь. Богъ и Emilie тебѣ помогутъ, я пойду съ закрытыми глазами, не заставляй *глядѣть*, все вокругъ ужасно страшно. Не могу порядочно говорить, тысячи повтореній, а, можетъ, не скажу того, что всего нужнѣе. Ну, вотъ слушай, что *мнѣ* видится теперь (а другой можетъ видѣть въ сто разъ болѣе). Ежели тебя пустятъ, и тебѣ можно будетъ отложить пріѣздъ сюда до Святой, въ продолженіе Великаго поста мы устроимъ Сашу, а тамъ уже меня ничего не остановитъ быть съ тобою.

Въ папеньку я вѣрую, и, даю тебѣ *мое слово*, онъ благословитъ насъ, или покоряясь отцовской любви, или покоряясь Отцу небесному. Ну, что далѣе,—о томъ нечего и говорить, да я и не могу теперь о томъ говорить, слишкомъ слаба. Ежели же не пустятъ... но, можетъ, я доживу до свиданья съ тобою, можетъ. А когда ты пріѣдешь и опять уѣдешь, и мнѣ некуда будетъ преклонить головы, оставя ихъ? Мнѣ острогъ не страшенъ, но какое-жъ право подвергать другихъ. Да, придумай все это самъ.

Во мнѣ замѣчаютъ *необыкновенное* неповиновеніе, слѣдствія этого ты можешь вообразить. Какъ еще долго ждать отъ тебя письма, и чего ты боишься, а то бы завтра получила. Намъ хочется съ Emilie, чтобъ въ твое рожденье былъ у тебя портретъ, можетъ, и удастся.

Все, что ты придумалъ, чего я боюсь оставить здѣшній домъ, — совершенно пустое. Когда-жъ я боялась сужденій свѣта и десяти старухъ, да осуди меня, пожалуй, десять Витберговъ (ежели они есть), я только и скажу: *не поняли!* Главнѣйшій судья долженъ быть самъ себѣ человѣкъ, а мнѣ—ты; итакъ, подумай, что мнѣ люди и весь міръ, пусть закидаютъ каменьями, я знаю мою любовь, знаю тебя и Бога.

Ночь. То уношусь туда, гдѣ нѣтъ ничего кромѣ тебя, и мнѣ весело, отрадно, и забота тамъ не достаетъ меня, то опять здѣсь, здѣсь въ домѣ ея сіят., и онъ предо мною со всѣми его принадлежностями, со всею своей полнотой: и я его принадлежность, и я его дополненіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла, какъ все это больно тебѣ, мнѣ стало невыносимо. О, нѣтъ все перенесу, все «Ich habe geliebt und gelebt».

Съ терпѣніемъ буду все переносить и ждать, но чего же ждать? Не довольно ли существовать и тѣмъ, что *ты существуешь*, чего еще здѣсь и тамъ?.. Дай же, Господи, крестъ, я понесу его, я увѣнчаю его надписью «Онъ есть», я распну на немъ все, что не онъ, я умру на немъ и вознесусь къ тебѣ любовью! Гори, гори, моя лампада. Люблю тебя, моя тѣсная тюрьма, люблю тебя, тяжелая цѣпь моя, и *васъ*... да, люблю и васъ; все люблю, и страданья, и смерть, все, все, потому что я ничего не умѣю, какъ любить, у меня не было учите-

лей, только Онъ училъ любить. Люблю Александра, люблю Бога, люблю все. Любовь—Наташа Герценъ.

8-е. Сегодня ужъ вовсе не могу писать: ожиданіе, одно ожиданіе!

Ночь, 8-ое февраля. Москва.

Александръ, новость! Только напередъ скажу, что мы должны ей радоваться, да. она, можетъ быть, поможетъ намъ много. *Новое* сватовство. Приказъ—завтра завиться и одѣться. Мак. гдѣ-то была. безконечное шептанье, но *кто*.—не знаю. Все равно, я очень рада, это поможетъ мнѣ довести ихъ до того, чтобъ прогнали. Какъ я счастлива и довольна, когда могу изловить кого-нибудь изъ помнящихъ тебя ребенкомъ, усѣсться въ углу и распрашивать всѣ малѣйшія подробности. Разумѣется, нѣтъ никого, кто-бъ могъ понимать дѣтскую душу твою, умъ, но и остальное все для меня—повѣришь ли, Александръ?—прелестнѣе и полнѣе Гюго и Шиллера, и рѣшительно никто и ничто на свѣтѣ не займетъ меня такъ, какъ самый простой разсказъ самой малости о тебѣ, и она для меня велика и изящна, полна поэзіи и любви. На всемъ, что ты и твое, дивная печать, таинственная для другихъ, но, при взглядѣ на которую, мнѣ открывается цѣлое небо, цѣлый рай. Даже —о, какъ бы захохотала толпа, съ какимъ бы презрѣньемъ отвернулась отъ меня, если-бъ я ей сказала, что теперь для меня и «по Владимірскую клюкву» восхитительнѣе самого «des herrlichen Hymnes an die Freude» Шиллера. Но и гдѣ же ей понять, что такое для меня въ этой *пустой*, глупой пѣснѣ, что для меня Владиміръ. О, Александръ! такъ не скажу же я ей, тебѣ я скажу это, ангелъ мой, ты меня поймешь, ты мнѣ повѣришь, а толпа проникнетъ скорѣе въ сердце земли. вознесется до третьяго неба, нежели постигнетъ эти слова. И не для меня ли только пришелъ ты на землю? Нѣтъ, не для меня, мы могли-бъ быть вмѣстѣ и *тамъ*; ты присланъ для многихъ. но понять тебя и любить тебя не можетъ никто, какъ я, потому что мы родные, мы одно въ Богѣ, а Онъ безначаленъ и безконеченъ. Что я вижу въ одной точкѣ твоей, того не увидятъ и въ открытомъ небѣ. Недолго, недолго проживемъ мы на землѣ, я это чувствую, мы не можемъ долго жить — слава Тебѣ! Впрочемъ, я выражаюсь по ихнему: *недолго*. то-есть, *немного лѣтъ* намъ еще земли, а жизнь-то наша не годы, они называютъ *годы*, хотя и мертвые, жизнью, но мы не такъ будемъ жить.

Александръ, смотри, какъ непостоянна твоя Наташа, для меня нѣтъ двухъ минутъ одинаковыхъ. ни даже схожихъ: давеча, отсылая къ тебѣ письмо, я не могла слова вымолвить, я задыхалась, потомъ минуты яркія, потомъ опять вся въ волненьи.

Ночь, 9-е, середа. Вотъ день. Александръ!.. Ужъ за полночь, а я не могу отдохнуть. 1) Утро—женихъ, но ужъ это вовсе не Снакс.— Александръ Осиповичъ Миницкой, военный же, недавно изъ Грузіи, молоденькій, простодушной, съ нимъ мнѣ хотѣлось играть въ карты, въ мячикъ, бѣгать въ горѣлки, цѣлыхъ два часа сидѣлъ, и какъ вѣкъ жилъ; жаль его, ежели *онъ самъ* вздумаетъ то, объ чемъ *заставили* его подумать, но еще онъ, кажется, ребенокъ. Это посѣщеніе для меня ничего, я *покойно обѣдала*. 2) Сумерки—Emilie. Господи, что тутъ возстало, закипѣло... «Бѣгите, бѣгите», твердила она, и видъ ея былъ мраченъ, и она ужасно перемѣнилась (отъ нашихъ обстоятельствъ) и говорила опять: «умри, Наташа». Александръ, о, сколько невыразимыхъ ударовъ, камней, чугунныхъ плитъ на грудь, и сколько между всѣмъ этимъ искръ радостныхъ,

небесныхъ... Но, наконецъ, такимъ мракомъ обняло меня, такъ много мученій хлынуло въ душу, что я боялась остаться одна съ *ними*, и умоляла Emilie побыть еще хоть минуту; мнѣ казалось, меня проглотитъ мигомъ эта ужасная, черная разинутая пасть съ рядами безчисленныхъ зубовъ... и я дрожала, и дыханье останавливалось. «Бѣгите» было послѣднее слово Emilie, а у меня ни одной мысли, ни одной черты въ планѣ, даже слеза не канула, лишь туманила взоръ, и все, все было такъ туманно. 3) Вечеръ—письма! Что мракъ, что цѣпь! О, не знаю: стѣны, полы дышатъ радостью и говорятъ: «свобода! благословеніе!» Александръ, свобода! благословеніе!

Какъ благодарить мнѣ новаго друга моего, — вотъ тебѣ, Кетчеръ, рука дружбы, вотъ тебѣ слеза благодарности и восторга. Довольно, довольно, кромѣ *его* никто не дерзнетъ требовать болѣе; ежели ты избранъ *имъ*, благословенъ мною, ты избранъ Богомъ, благословенъ Богомъ! Но, вѣдь, мы *не новые* друзья съ тобой, лишь тамъ, на землѣ, въ толпѣ есть новое и старое. Дружба вѣчна и мы друзья вѣчные, намъ недоставало только заговорить, но всему пора, — итакъ, до свиданья!

Теперь, мой ангелъ, нѣтъ мѣры моей радости, я не придумаю, какъ скрыть ее, да и на что? Я уже многаго не скрываю. Когда *твой* Матвѣй такъ хорошъ, когда *ты* находишь его достойнымъ *моей* Саши,—я отдаю ему ее. Благословимъ ихъ. Пусть все блаженствуетъ и ликуетъ вокругъ насъ хоть годъ, хоть день, хоть мигъ. Огненная рѣка насъ съ ними не разлучитъ. Она ужасно испугалась сперва, какъ я ей сказала эту мысль, но ей довольно только видѣть, что *я желаю*, хотя-бъ это была смерть, и даже разлука со мною. Но ежели Матвѣй *твой*,—Саша его будетъ любить, и счастье ихъ будетъ безпримѣрно. Пиши же. Боже мой, какъ это все живо, — солнце на закатѣ, или утро, раннее утро, *до дыму*, еще лучше, тройка у воротъ, я перекрещусь, порхну изъ клѣтки, на руки Кетчера, и рай мой, и я твоя. Что прежде этого, послѣ, и рядомъ, — я не могу разглядѣть, все сдунуто любовью, все залито свѣтомъ. О, Александръ!

Но тутъ же, съ этимъ океаномъ блаженства, съ этимъ раемъ, съ хорами архангеловъ и серафимовъ, съ цѣлымъ небомъ любви и Александра — *наравнѣ* ребенокъ съ игрушкой. Я не могла утерпѣть, чтобъ не помчаться наверхъ, не взглянуть на свои *пожитки* (портретъ, письма, стаканъ, волосы, образъ), не примѣрить, какъ ихъ завернуть, уложить и, наконецъ, унести съ собою, я даже, примѣрно, сдѣлала шага три. О, Александръ, сколько во всемъ этомъ блаженства, сколько во всемъ тебя. И игрушка не меньше солнца, и ребенокъ не меньше вселенной, только въ Наташѣ могъ ты сдѣлать такое дивное соединеніе. Итакъ, благослови, Господи! Ангелъ мой, теперь отдыхъ, молитва, молитва... и ты молишься. Какъ быстро ходятъ письма, и незамѣтно, что они промчались 170 верстъ: такъ силенъ отъ нихъ запахъ кур[ительнаго] табаку.

Ночь, 10-е, четвергъ. Ангелъ мой, что сегодня пролетало, рождалось мечтаній въ моей головѣ, что пролито мною слезъ съ Сашей, и ни одной горькой! Что настроила я, того, кажется, не разрушить стотысячному полку. А другіе плакали *горько*, а мнѣ казалось, что, разставшись съ этимъ домомъ, я не разстанусь ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ. Нѣтъ, разстанусь! Это удивительно (то-есть, нисколько не удивительно), камень, на который я ступлю ногой, одушевляется и дышетъ одной симпатіей, однимъ святымъ, а на *нихъ*, вѣдь, я не наступаю, до нихъ я даже *не касаюсь*, и это не моя вина.

Ну, вотъ, первая возможная минута, и мы съ Сашей въ углу, цѣлуемся,

обнимаемся, плачемъ, молимся, право, всякой благоразумной человѣкъ подумалъ бы, что безумныя, нарочно спрятанныя. И Emilie меня называетъ безумною и говоритъ: «Соедини, Господи, этихъ двухъ безумныхъ». Она клянется, что иногда не понимаетъ нашу любовь, и я клянусь, что вѣрю этому. Любовь дунетъ, мелькнетъ лучъ свѣта,—и исчезло все, все, только мы.

Не могу не пересказать тебѣ всего, ну, вѣдь, ужъ ты давно знаешь, что Наташа мигъ и вѣчность, песчинка и безпредѣльность, — люби меня мигомъ и вѣчностью, маленькой и большою! Какъ-нибудь въ срединѣ поста прiѣзжаетъ Матвѣй; за этимъ надо идти нѣкоторое время прегадкою дорогой, словомъ, какой и вообразить нельзя; но вотъ Святая, а тамъ въ слѣдъ ей и Саша съ Матвѣемъ, соединенные, блаженные оставляютъ Поварскую, Москву и *дворъ* твой умножился. Ихъ прiѣздъ будетъ тебѣ то же, что бы былъ звукъ колокольчика, звенящаго у коня, который бы мчалъ меня къ тебѣ.

О, этотъ звукъ! о, этотъ звукъ!.. *Тогда* я обойдусь безъ Саши; фрейлина моя *золото*, она мнѣ поможетъ отворить *калитку*, Кетчеръ передастъ меня тебѣ, и насъ встрѣтитъ Саша!.. Все это написано въ минуту, а говорила-бъ съ утра до ночи, и ночь и всетаки не устала бы, и хотѣлось бы говорить, и не наговорилась бы вѣкъ! Не безумные ли мы съ тобой, *въ самомъ дѣлѣ?* Дай Богъ.

Я все стараюсь, какъ можно менѣе быть съ кн[ягиней], чтобъ она отвыкла отъ меня, *разлюбила* меня. Я признаюсь тебѣ, Александръ, мнѣ иногда жаль ее, потому что она истинно достойна сожалѣнiя; во мнѣ она, лишенная всего на свѣтѣ, могла бы найти все, а *ея все* въ Макаш., а во мнѣ одно горе, одно горе, это ужасно! Но, клянусь, я готова исполнить блаженствомъ ея остальные дни, лишь пойми она, прими это блаженство. А толпа будетъ гудѣть—неблагодарность! О, когда-бъ знали... но видно такъ *Онъ* судилъ,—да будетъ Его воля!

И она, какъ нарочно, послѣднее время не даетъ мнѣ рѣшительно шагу отъ себя. Чѣмъ болѣе я стараюсь оборвать привязь, тѣмъ еще короче ее привязываютъ,—что-жъ выйдетъ, наконецъ? Наконецъ, выйдетъ солнце изъ-за тучи! Господи, ужъ 10-е нынче, о, Александръ, ангелъ мой, твою руку, твою руку... Послушай, умремъ *тогда*, пожалуйста, умремъ, по исполненiи всего, невозможно жить на землѣ. О, блаженство безумiя!

Вотъ ужъ и 11-е. Много разъ становилось мнѣ грустно сегодня, непреодолимое стремленiе къ тебѣ, — одинъ взглядъ твой, одинъ взглядъ, о, Александръ, и какъ бы я умерла тогда... Нѣтъ, въ каждой минутѣ безъ тебя мнѣ мрачно и душно, къ тебѣ, къ тебѣ! Одинъ мигъ, ангелъ мой, и довольно. Ты понимаешь, что мнѣ довольно одинъ мигъ.

Александръ, что мнѣ дѣлать! Давеча опять былъ Миницкой. Это не *тотъ*, уже *отжившiй*, но хотѣвшiй еще продлить свое существованiе золотомъ и женой. Этотъ еще только хочетъ жить, этотъ чувствуетъ, юноша, добрый, откровенный; завтра хочетъ привезть показать мнѣ свою черкесскую шапку, хочетъ съ нами говѣть и говоритъ *имъ*, что онъ боленъ воспаленiемъ въ лѣвомъ боку; настоящiй ребенокъ, безпечный, веселый и довѣрчивый, мнѣ будетъ жаль его. Кн. Обол. и застрѣлиться хотѣлъ, да теперь живетъ преблагополучно съ женой въ чужихъ краяхъ; и этому желаю отъ всей души счастья.

Прощай, мой ангелъ, пиши мнѣ, пиши скорѣе. Надо спѣшить Матвѣю, а когда *они* примутся за меня, тогда ничего не сдѣлаешь. Цѣлую тебя много, много, твоя Наташа.

Наташа Герценъ.

Февраля 8-го, Владиміръ.

Другъ мой. ангелъ, вотъ и Кетчеръ уѣхалъ, а хорошо провелъ я эту недѣлю. Ему первому пришлось мнѣ разсказать исторію послѣднихъ 3 лѣтъ. Какъ она полна, и полна тобою. Онъ говоритъ, что никогда не предполагалъ столько чувствъ во мнѣ. Ты сдѣлала чудо со мною. Ну, что же, Natalie, придумала ли ты свиданье,—вѣдь, скоро отвѣтъ, а тогда, имѣя волю, я измучусь. Кетчеръ хлопочетъ обо всемъ, о деньгахъ и о пр., но не знаю еще, въ отпускъ или послѣ. Наташа, понимаешь ли ты, укладывается ли въ твою грудь эта райская мысль, что, можетъ, черезъ *нѣсколько мѣсяцевъ* ты моя, ты вмѣстѣ со мною и навѣки! Нѣтъ, я не могу обнять этой мысли. Давно ли всѣ наши желанія сводились на одно свиданье. Да, вѣришь ли ты этому? Вѣрь, ангелъ, вѣрь. Послушай, знаешь ли ты, гдѣ твое свидѣтельство о крещеніи, [1]) оно необходимо; вотъ первой разъ въ нашей перепискѣ упомянута дѣловая бумага. Ахъ, тогда, тогда жизнь полная, жизнь блаженства. Ты положишь твою голову на мою грудь, и она отдохнетъ подъ нею. Нѣтъ, я теряюсь въ созерцаніи всего счастья, я готовъ плакать, какъ дитя. Теперь я долго просидѣлъ, опираясь головой на обѣ руки. что я думалъ? Пусть ангелъ съ неба прилетитъ тебѣ разсказать.

Они смотрятъ на тебя свысока; Сережа желалъ, чтобъ я ему написалъ письмо, я и написалъ холодное какъ ледъ и гнетущее всѣмъ гнетомъ, которой имѣетъ въ себѣ *человѣкъ* надъ толпою. Не люблю я давить высотою, но его я подавлю, для того чтобъ поставить въ свою раму.

9-е февраля. Чѣмъ больше вникаю въ письма, тѣмъ яснѣе вижу, что ты гораздо сильнѣе дѣйствовала на меня, нежели я на тебя. Ты была изящна и свята всегда; я много перемѣнился, и собственно въ 1837 году догналъ я то существо, которое ты представляла, называя меня. Да, теперь я твой Александръ, но въ прошедшемъ одна огненная, порывистая душа выкупала мои огромные недостатки. Я понималъ твои требованія—и подымался, сила была, но подавленная вздоромъ, землею; я отряхалъ для тебя. Для чего моя любовь выразилась судорожнымъ крикомъ, для чего она вырвалась изъ груди клубящимся огнемъ съ дымомъ? А твоя высказалась такъ спокойно, тихо, что и въ самомъ дѣлѣ не виденъ переливъ отъ дружбы къ любви? Отчего ты любила меня прежде, нежели я узналъ тебя? Отчего, узнавши, что я люблю тебя какъ братъ, ты молилась Богу, а я зная, что ты меня любишь больше брата, сумасшествовалъ для того, чтобъ получить офиціальное признаніе? А паденіе, а вакханаліи. Нѣтъ, ангелъ мой, можетъ, Богъ захочетъ для тебя очистить мою душу. но ея былое далеко не такъ свѣтло, какъ твое. Оно полно, да, очень полно. Но не каждой шагъ наполненъ свѣтомъ. Одно цѣлое, святое съ юности, — это любовь къ человѣчеству, любовь къ друзьямъ, открытая симпатія всему, что можетъ платить теплымъ чувствомъ. За эту-то симпатію и платили такъ драгоцѣнно, и боловали меня, и носили на рукахъ, и прощали все. —Мѣшаютъ писать. Прощай. Обѣщанную въ прошломъ письмѣ встрѣчу—послѣ.

Что ни говори, милой другъ, а я никакъ не могу принудить себя къ той небесной кротости, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ твоего характера. Я слишкомъ огненъ. Сегодня я распрашивалъ еще разъ Ег. Ив. о сватовствѣ, и ты бы должна была видѣть, какъ каждое слово, какъ ядъ, измѣняло

[1]) И на это, въ случаѣ невозможности достать, есть средство (12 февраля).

мнѣ лицо, какъ я дрожалъ и кипѣлъ. Знаешь ли ты, Наташа, что я ужасной человѣкъ, мнѣ приходили такія мысли, которыя никогда не придутъ *порядочному* человѣку въ голову. Что было бы со мною, ежели-бъ я былъ тогда въ Москвѣ? А вотъ что,—ты была бы моя.

Да, я было и забылъ сказать, что, несмотря на всѣ мои выходки въ «Симпатіи» противъ продажи книгъ, я начинаю *промышлять:* за отрывокъ изъ повѣсти я взялъ подписку на «Сынъ Отечества» (т. е., возьму, когда напечатается), а за прочія статьи буду требовать чистыя денежки. Намъ нельзя ожидать *тогда* что-либо отъ Ивана Алексѣевича, и вотъ я открываю себѣ средства работою и потомъ, и для того продамъ теперь что-нибудь, чтобъ доказать, что я могу жить безъ благотвореній.

Опять къ письмамъ. Огромное наслажденіе доставила ты мнѣ, приславши ихъ. Вся жизнь моя отъ окончанія курса университетскаго выходитъ изъ гроба. Моя біографія готова. Въ письмѣ іюля 5-го 1833 виденъ я (но тебя еще не понималъ рѣшительно); мѣсто о Воробьевыхъ горахъ какъ сейчасъ писано. Похвалы Пассекамъ. Это семейство единственная ошибка, которую я сдѣлалъ въ узнаніи людей, ибо они совсѣмъ не таковы. Но тутъ была причина: ихъ мрачныя страданія, ихъ несчастія и бѣдность прикрывали всѣ недостатки и разомъ дотрогивались до заповѣднѣйшихъ чувствъ души.

Аллегорію «Неаполь и Везувій» хоть я и самъ писалъ, но не понимаю, это такъ-таки просто вздоръ. Вообще, я писалъ аллегоріи тогда, когда дурно писалъ. Что хочешь сказать, говори прямо—Крутицы. Славу Богу—является «ты», и является пламенная дружба къ тебѣ, ты, одна ты рядомъ съ Огаревымъ. Вотъ въ этихъ запискахъ взгляни на мою иронію, тутъ она вся проникнута горячимъ чувствомъ и, между тѣмъ, ядовита, какъ Анчаръ. Тутъ, въ одной запискѣ, я говорю о любви, «тамъ-сямъ разсѣянныя черты сильно дѣйствовали, но совокупность ихъ нѣтъ». «Гдѣ любовь»? спрашиваю я, разочарованный въ блѣдномъ опытѣ. И не зналъ, что это совершеніе, что любовь стояла рядомъ. О, Natalie! Въ запискѣ 31 декабря 1834 «не могу подняться до самоотверженія, потому что я нечистъ». Теперь я могу быть самоотверженнымъ. Кто сдѣлалъ это, кто открылъ мнѣ небо, Наташа, кто? Я тогда еще писалъ, что характеръ у меня неровной, и вся переписка, и вся жизнь моя—безпрерывное доказательство. И ты пишешь, что не всегда можешь держаться на высотѣ, иногда грустишь. Это ничего, это принадлежность человѣка, доколѣ онъ въ тѣлѣ. Но я въ мои минуты паденья дѣлаюсь холоднымъ человѣкомъ, мелкимъ, «повѣсой», какъ тамъ сказано, и вотъ въ эти-то минуты, вмѣсто того языка, который ты такъ любишь, струится иронія. Вотъ эти-то минуты погубили М., но, кажется, и они отлетѣли передъ вѣчной, единой мыслью любви. Дай Богъ. Какая ужасная потеря, что я не могъ сохранить твоихъ записокъ, и онѣ погибли жертвою излишней осторожности, потому что меня не обыскивали. Я сдѣлалъ на нѣкоторыхъ отмѣтки. Прощай, давно ужъ ночь. Ангелъ Господень надъ тобою, *мой* ангелъ.

10 февраля, Владиміръ.

Къ письмамъ, къ письмамъ. Тутъ-то описано 31 марта 1835 года. День свиданья съ Огаревымъ, день важной и торжественной; вотъ онъ горитъ и пылаетъ въ письмѣ отъ 2 апрѣля. Все это письмо хорошо, — перечитай его. 4 апрѣля письмо заключается: «ты свѣтлая полоса въ моемъ сердцѣ, сестра и другъ». А вотъ и эта записка, святая отъ твоихъ слезъ, покоившаяся на твоей груди.

Я боюсь ее брать въ руки, я прижалъ ее къ челу, и сердце билось. Да, тутъ любовь—любовь рѣшительно. Потомъ тучи заволокли мою путеводную звѣздочку. перемѣна мѣста, люди, люди... О, какъ я недостоинъ тебя. А знаешь ли, Крутицкая эпоха очень похожа на мою Владимірскую. О, здѣсь я несравненно выше Вятки и, кажется, осмѣливаюсь думать, не упаду, не сойду внизъ. Я хорошъ былъ въ Крутицахъ, хорошъ и здѣсь. Кетчеръ былъ въ восторгѣ. Чѣмъ меньше людей, тѣмъ сильнѣе горитъ моя душа, тѣмъ пламеннѣе рвется изъ нея симпатія. Наташа, я сдержалъ слово: жизнь во Владимірѣ — 40 дней въ пустынѣ.—Тутъ есть одна записка, у которой начало отрѣзано: случайно или нарочно? Я бы тебѣ не отдалъ записку 10 апрѣля, о, какъ она дорога, свята мнѣ, я ее цѣловалъ, я ее прижималъ къ обнаженной груди, чтобъ облегчить плачъ и завыванье разлуки и *ихъ*. Вспомни же и ты, что она лежала на пламенной груди моей, что жаръ этой груди, въ которой одинъ алтарь тебѣ, переходилъ въ эту бумагу, — и поцѣлуй ее. Кто бы меня не зналъ, не повѣрилъ бы, что писавшій записку 10 апрѣля могъ писать до безконечности пошлыя письма, которыми начинается наша переписка. Но, сверхъ всего, надобно замѣтить, что я сначала писалъ черезъ пап[еньку].

На оберткѣ Вятскихъ писемъ 1835 года я написалъ: «Судорожная боль разлуки. душа меркнетъ, падаетъ, еще мигъ, и она погибла. Но туча разсѣивается, на востокѣ является солнце еще безъ лучей, но пламенное и красное». Да, таковы письма этой несчастной эпохи, утро нашей любви все въ тучахъ, все покрыто испареніями земли. Полдень настанетъ скоро, тучъ уже мало. Полдень—это вѣнчанье, это высшій моментъ любви. Любовь и молитва вмѣстѣ. — Какъ странно на себя смотрѣть, какъ на посторонняго. Видѣть едва зародыши настоящаго. Для меня до 12 окт. 1835 во всѣхъ письмахъ кто - то чужой, не я, потому что я—любовь къ Наташѣ. До тѣхъ поръ это чужой какой-то юноша, съ шаткимъ направленіемъ, съ полумечтой, съ неустоявшими фантазіями, и у котораго одно достоинство—твердо перенесенныя гоненія и несчастія. Первая записка изъ Вятки (21 мая) глупа почти такъ же, какъ поздравительная въ 1833. Я бы ее бросилъ. Но смотри, какъ мощно дѣйствіе твоихъ записокъ на меня: 24 іюля я съ восторгомъ сказалъ: «Наташа, ты мой ангелъ утѣшитель». Въ той же запискѣ въ первой разъ—«*моя* Наташа». 6 сент.: «твои записки имѣютъ на меня дивное дѣйствіе, это —струя теплоты на морозѣ, дыханіе ангела на мою больную грудь»... И это дыханіе не могло еще тогда предохранить эту грудь отъ порока! Еще разъ повторяю: письмо 12 окт. превосходно, оно жжетъ пальцы, и взгляни, какъ страдала тогда душа! Еще разъ благодарю за письма, они мнѣ доставили столько наслажденія, съ ними я провелъ нѣсколько дней. Я бы прислалъ тебѣ твои до 1836 г., но когда же ты ихъ будешь читать! При первой оказіи пришли мнѣ до 1-го генв. 1837, — а я возвращу тебѣ, впрочемъ, они мнѣ нужны, да, можетъ, *скоро* ихъ и ненадобно будетъ пересылать. Они разомъ будутъ у насъ обоихъ. Прощай, милая, милая Наташа!

Егоръ Ив. очень несчастенъ, виноватъ немного самъ и очень много тотъ, кто ему далъ жизнь. У него не было самобытности, они его задушили съ какимъ то безчувствіемъ; вотъ участь, которая бы ждала насъ, ежели бы не Богъ. И послѣ этого быть благодарнымъ за жизнь, ха-ха-ха! Что же касается до его любви, это вздоръ, нелѣпость. Можетъ ли не голубь любить горлицу? рѣшительной вздоръ. Да, онъ и понятія не имѣетъ о любви, которой надобно любить тебя, можетъ, ему нравилось лицо. Можетъ, еще сегодня получу твое письмо.

11 февр. Наташа. Наташа, два письма отъ тебя. Но меня ужаснуло последнее: въ тебѣ отчаяніе, не больна ли ты? Бога ради, не скрывай, умоляю тебя, Бога ради! Что съ тобою, ангелъ мой? Вижу, что пора кончить—*и кончу, вотъ тебѣ моя рука*. Къ Эмиліи всѣ подробности. Письмо къ пап[еньки] *написано* сильно, коротко и пламенно. Желѣзная воля на каждой строкѣ, я его пошлю тотчасъ по полученіи отвѣта изъ Петербурга (а, можетъ, и гораздо прежде). Вотъ тогда-то увидимъ, отецъ онъ или нѣтъ. Наташа, Наташа, солнце восходитъ въ черной тучѣ. Теперь, стало, погоди ссориться съ своими. Ежели отъ него рѣшительный отказъ,—я распоряжусь самъ.—Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послано и другое. Итакъ, въ ту минуту, какъ ты читаешь, можетъ, онъ ужъ отвѣчаетъ. На колѣни и молись!

12-е, суббота. Смотри, Наташа, можетъ, будутъ съ тобою говорить, можетъ, будутъ гоненія,—перенеси и помни, что все это продолжится нѣсколько недѣль. Пуще всего будь тверда съ пап[енькою], но не очень увлекайся. Съ холодными людьми—холодъ. Богъ надъ тобою. До вторника.

12-е, ночь. Итакъ, моя Наташа, письмо мое въ рукахъ папеньки! Сердце молчитъ, тихо, никакихъ предчувствій, — я готовъ на все. Дивно, когда человѣкъ рѣшится, уже совершено; такова власть духа, это остатокъ творчества Бога, и, ежели-бъ мы умѣли душу держать чисто, мы бы сказали горѣ: «иди», и она пошла бы. Рѣзче, сильнѣе, исполненнѣе любви и покорности не могло быть письмо, это языкъ сына и въ то же время человѣка съ желѣзной волей. Оно поразитъ его. Всего хуже отсрочка, но ее надобно будетъ сдѣлать, ибо отсрочка значитъ, что не имѣетъ духа отказать, что онъ не противъ. Это письмо — побѣда надъ собою: признаюсь, рѣшиться было трудно, но, написавъ одну строку, я спокойно написалъ, спокойно сложилъ, запечаталъ и отправилъ. Провидѣнію угодно было такъ — и я выполнилъ приказъ свыше. Ежели его письмо будетъ ледъ, я замолчу, ни слова не прибавлю и возьму все на себя. А ежели твое предчувствіе вѣрно, и онъ, вмѣсто грозы, пришлетъ благословеніе, тогда... тогда онъ въ первой разъ увидитъ сына во всемъ блескѣ. Онъ меня видѣлъ сыномъ въ цѣпяхъ, не прежде, эти-то безмѣрныя попеченія и преклонили мою голову, они-то и теперь мнѣ узда, ибо неблагодарнымъ я не умѣю быть. Но кто виноватъ, что мы прежде другъ друга не понимали? Юноша ли 20 лѣтъ, или старикъ. Ни тотъ, ни другой — XVIII и XIX вѣка виноваты, между ними почти не существуетъ перехода.—Ну, что портретъ? тогда я попрошу у него портретъ его дочери. О, неужели папенька откажется отъ такого сына и отъ такой дочери, и отъ всѣхъ наслажденій, которыя могутъ обвить послѣдніе дни его? Неужели?..

Твое здоровье занимаетъ меня больше письма. Я *требую* откровенности. Наташа, береги меня въ себѣ, ежели... кровь цѣпенѣетъ, потъ выступаетъ... ежели бы я лишился тебя, міръ увидитъ отчаяннаго, онъ увидитъ человѣка, отрѣшеннаго отъ всѣхъ его условій, человѣка, въ которомъ не останется ничего человѣческаго, можетъ, безумнаго, можетъ, самоубійцу. Наташа, я твоими словами скажу тебѣ: неужели эта любовь недостаточна, чтобъ перевѣсить ихъ гнусности. Любовь побѣдила во мнѣ все, а любовь ты. Улети ты изъ міра—и что я остался? Нелѣпость, отпечатокъ ноги Господа на пескѣ, но все-таки песокъ. Наташа, Наташа, береги себя, знай, одно сомнѣнье на этотъ счетъ можетъ погубить меня. Иной разъ, когда одна любовь имѣетъ голосъ, и все молчитъ передъ ея звучнымъ языкомъ, я желаю, чтобъ отвѣтъ былъ жестокъ, безчувственъ, — тогда я свободенъ, тогда, минуютъ семь недѣль, и мой ангелъ—вотъ въ этой комнатѣ, гдѣ я

теперь сижу одинокой и грустной. Семь недѣль—о, это чудо! Одно грозитъ намъ тогда—бѣдность; нынче съ голода не умираютъ, а у меня есть руки, есть друзья, а сколько ты для меня перенесешь, это я знаю.

А какъ удивится ея сіятельство: une belle matinée гдѣ Наташа? нѣтъ, — и Марья Степановна, съ тѣхъ поръ какъ злодѣй Бонапартъ грабилъ Звенигородъ, въ первой разъ разгнѣвается до такой степени. И Левъ Ал. въ сенатъ не поѣдетъ, и за Дим. Павл. пошлютъ гонца, и папенька не дастъ Альману бѣлаго хлѣба. И бысть смятеніе веліе. Прощай, милый другъ, прощай, спи съ Богомъ, и я лягу—мечтать.

Скажи, пожалуйста, кто у васъ въ домѣ изъ мужчинъ всѣхъ вѣрнѣе? Не забудь.

Прислалъ ли Кетчеръ тебѣ отрывокъ изъ повѣсти и другой изъ моей біографіи? Я опять занимаюсь мало, хотя и подрядился поставлять статьи. Да что, всѣ эти занятія— вздоръ. «И принесу на новоселье одну любовь! одну любовь»!

13-е февраля. Писать къ тебѣ превратилось въ безусловную потребность, все постыло, кромѣ письма. Сегодня я много, много думалъ о нашемъ *тогда*. Знаешь ли, мы тогда превратимся въ дѣтей, въ маленькихъ дѣтей, сдѣлаемся *просты*, я отброшу всю гордость, все земное; я желалъ бы, чтобъ меня сочли дуракомъ, невѣжей, чтобъ все заключилось, и будущее и настоящее, въ тебѣ и въ природѣ. И дай Богъ дѣтьми окончить жизнь. Пусть прошедшая жизнь моя является, какъ смутное воспоминаніе тяжелаго сна, у дѣтей бываютъ эти сны, и они видятъ чудовищей страшныхъ, которыя имъ давятъ грудь, и тогда сонныя рученки простираются къ матери, и они проснувшись ищутъ ея груди. Да, такой сонъ мой прошедшее. Нѣтъ, нѣтъ, Natalie, подвигъ твой огроменъ, необъятенъ, можешь ли ты себѣ отчетливо представить, какое вліяніе ты сдѣлала на меня. Ты именно тотъ ангелъ, который слетѣлъ спасти меня. Ты для меня то, что Христосъ для человѣчества. Съ какими сильными людьми встрѣчался я, — это была встрѣча алмаза съ гіацинтомъ, или на обоихъ оставалась черта, или ни на одномъ. Ихъ призваніе не былъ я, твое призваніе начинается и оканчивается мною. Знаешь ли ты греческую сказку Амуръ и Психея, любовь и душа, огонь земли и дыханье неба, Александръ и Наталія. И еще одна мысль ярко свѣтитъ въ моей фантазіи: мы жертвы искупленія всей *ихъ* фамиліи, и наши страданія смоютъ ихъ пятно и положатся на вѣсы серафима и искупятъ ихъ. О, это высоко, и пусть имъ неизвѣстна эта молитва, эта панихида, которой слова—слезы, и которой крестъ — крестъ страданія. Такова любовь; она ненавидѣть не можетъ, она, какъ потиръ, зоветъ всякаго приступить «со страхомъ Божіимъ», и пить ея кровь, кровь горячую, кровь живого сердца, за нихъ изливаемую. Симпатія человѣку, Симпатія — человѣчеству, Симпатія — вселенной и Молитва — Ему. Наташа, ежели мы не на верху блаженства, то кто же??

13-е. Поздно. Получилъ твое письмо отъ 10-го. Поздравляю тебя съ женихомъ, а жениха съ черкесской шапкой. Эта новость даже и не взволновала меня. Но письмо, посланное вчера, кстати. Дивно, дивно Провидѣніе. Пап[енька] мнѣ пишетъ преколкое письмо, и *именно* отъ 12-го числа и говоритъ: «помни это число». Да, помню. Въ четвергъ отвѣтъ, черезъ четыре дня. А, можетъ, вмѣстѣ и отъ него, и отъ министра. Ежели отвѣтъ хорошъ и отъ того и отъ другого, *то въ воскресенье въ 7 часовъ утра* Наталія бросится въ объятія Александра, и рай будетъ на землѣ въ насъ. Но радоваться погоди. Какъ перемѣнилось наше положеніе съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Вятку; не только 800 верстами, но

800 обстоятельствами мы стали ближе, вѣнчальный вѣнецъ почти на головѣ. Тамъ нѣмая разлука, даль подрѣзывала крылья, тамъ я былъ слишкомъ *веселъ* и слишкомъ грустенъ; здѣсь я воскресъ, и такъ ли, иначе ли — ты моя. Отъ М. письмо, грустна; но, кажется, лучше, *благословляетъ насъ* (ужъ какъ же не благословить послѣ пап[еньки])!

Пиши ей непремѣнно, сильно, выставь ярко твое призванье, проси дружбу; ну, сама знаешь, только скорѣе, и пришли мнѣ. Съ какимъ трепетомъ ты, ангелъ, будешь ждать слѣдующаго письма, въ немъ будетъ все, — а подробности, когда поѣдетъ Егоръ Ив. (пиши ему, я боялся требовать, чтобъ онъ служилъ намъ въ нашемъ дѣлѣ, а онъ взялся за многое).

Ты въ самомъ дѣлѣ безумная, какъ Emilie говоритъ, что же за радость г. офицеру жениться на безумной. Лучшее доказательство, что вы не въ полномъ разсудкѣ, mademoiselle, это — что вы совсѣмъ устроили, учредили Матвѣеву свадьбу, не спросясь его, — я расхохотался отъ души. Ты дитя, дитя. Скажи Сашѣ, я для нея все сдѣлаю, но остановить за этимъ нашего соединенія не могу; прежде-ли, послѣ-ли — не знаю. Люблю ее, но ни одного дня не пожертвую, это свыше моего самоотверженія.

Честь имѣю Вамъ рапортовать, madame Herzen (ха-ха, да это преуморительно!), что monsieur Herzen кончилъ статью объ архитектурѣ, — и добра есть. Безспорно лучшее, что выходило изъ моего пера; глубокая мысль переплетена въ въ огонь, проникнута огнемъ и огнемъ. Наполеонъ спалъ передъ Лейпцигской битвой, я дописывалъ статью 12 февраля. Я что-то веселъ, — можетъ, передъ непогодой, тогда щенята веселятся; т. е., когда я говорю «веселъ», это значитъ скверенъ, это значитъ ниже, на землѣ, а не тамъ, съ улыбкой сарказма, а не съ улыбкой грусти, той грусти.

Итакъ, прощай.

14-е февраля. Ежели женихъ, въ самомъ дѣлѣ, юноша доброй, такъ поступи съ нимъ откровенно, скажи ему. А, признаюсь, Emilie поступаетъ странно. Ежели она когда - нибудь повторитъ свое желанье о твоей смерти, *я отнимаю мою руку, мы съ ней чужіе.* Скажи ей.

Можетъ, въ эту самую минуту ты прочла мое прошлое письмо, прочла тихо, спокойно, вдругъ задрожала рука, сердце сжалось и молитва вырвалась невольно вздохомъ, слезою, трепетомъ, — это тѣ строки, въ которыхъ о письмѣ. Еще два долгихъ дня, и декораціи перемѣнятся. Жаль, что я тебѣ не списалъ копію съ пап[енькинаго] письма; я ему сказалъ, что я готовъ сдѣлать отсрочку, но на условіи, а условія не сказалъ. Оно одно рѣшительное и безъ уступки: *обрученье*, а вслѣдъ за тѣмъ, ежели это не понравится ея сіятельству, выходъ отъ нея. Я ему писалъ: «будьте отцомъ и больше ничего. Вспомните, что дѣло идетъ о жизни и смерти, вспомните, что со мною лишитесь вы многаго. Пожалѣйте себя...» Но загадывать нечего, увидимъ: или обрученье, или вѣнчанье *должно быть скоро!*

По мѣрѣ исполненія, желанія человѣка растягиваются. Давно ли весь предѣлъ земного было для насъ свиданье, теперь свиданье близко, возможность ясная, простая, возможность въ нашихъ рукахъ. Мы пошли далѣе. Жизнь полная, полная. Ежели бы насъ обручили, я бы у ногъ пап[еньки] выпросилъ, чтобъ онъ тебя лѣтомъ взялъ сюда, и тогда полмечтаній сбылись: мы женихъ и невѣста I promessi sposi, гуляли бы по прелестнымъ берегамъ Клязьмы, а, можетъ, будемъ гулять I sposi. Нѣтъ, Наташа, напрасно ты бросаешь иногда холодное слово о

бракѣ, напрасно называешь буднями, я понимаю этотъ голосъ, хотя мы его почерпнули изъ разныхъ источниковъ: ты изъ безпредѣльной чистоты, я — изъ утомленья жизнью. Нѣтъ, въ немъ дивная поэзія, и хотя обрученные чище, святѣе, но и обвѣнчанные чисты и святы. Это совсѣмъ противоположно тому, что я писалъ прошлый разъ. Мы сумасшедшіе—это дѣло рѣшенное.

Я читаю теперь премилой романъ соч. Manzoni; у него то же заглавіе, какъ у насъ: I promessi sposi. Ты писала когда-то, что хочешь выучиться по-итальянски. Да, дивный языкъ: музыка и югъ. Ты выучишься скоро, по выпискамъ я вижу, что ты понимаешь по-нѣмецки, а этотъ языкъ вдесятеро труднѣе итальянскаго. *Тогда* ты будешь моя ученица, bella scolara! Итакъ, по клюкву, по Владимірскую! О, ангелъ мой, и во всемъ этомъ сколько поэзіи, и во всемъ этомъ исполненіе всѣхъ фантазій, я понялъ это. Да, Наташа, ты одна можешь быть моею, но и я одинъ могу быть твоимъ. Поцѣлуй любви и благословеніе брата тебѣ.

Вотъ и храмъ Божій печатью этому письму—и случайно!

Вечеръ, 12 февр. Москва.

Сегодня меня возили къ папенькѣ (моя вѣра въ него непоколебима)—*возили* на гулянье. О, если-бъ мнѣ дали хоть взглянуть на тебя, мой Александръ, и взяли-бъ за это жизнь мою! Горе: горе, радушію — холодъ и довѣрчивости—обманъ! Мнѣ грустно, пріѣзжай, дай взглянуть мнѣ на тебя, и прости земля, моихъ силъ нѣтъ, одинъ ты у меня одинехонекъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, ты моя душа, мой свѣтъ, мой рай, какъ же мнѣ жить безъ тебя, ангелъ мой! Увидавши тебя, я-бъ закрыла сама глаза, я-бъ зарылась въ землю, о, болѣе—я-бъ навѣкъ осталась здѣсь страдать, страдать и страдать до послѣдняго вздоха. Дай же мнѣ взглянуть на тебя, ради Бога, тогда перенесу я все.

13-е, ночь. Вчера весь день и нынѣ я была *жалка*. Стремилась туда, гдѣ мы *всегда* вмѣстѣ, а меня стягивали внизъ, меня разлучали съ тобой, и чудовища страшныя выростали изъ каждой пылинки. Я видѣла, чувствовала свои страданія, и силы меня оставляли, къ этому еще *масленица*, — пыль и пыль вокругъ, сонъ, пресмыкающійся человѣкъ. Постигаешь ты ужасъ этого состоянья! Жажда неба, жажда рая, Бога, а къ устамъ подносятъ отвратительный напитокъ, смертельный. Глаза смыкались, душа искала забвенья, но ее будило *ожиданіе*—скоро, скоро рѣшенье. А ожиданье безъ вѣры, безъ полнаго упованія на Него—одно страданье. Все меня пугало, потому что я сошла оттуда, гдѣ мы неразлучны, потому что я всматривалась и вслушивалась во все земное, житейское.

Съ восторгомъ ждала Великаго поста, но какъ-то робко, безъ вѣры въ себя. А Господь всегда надо мною. Ты ужъ знаешь изъ моихъ писемъ діакона Павла, Онъ послалъ мнѣ его. Какъ бы, утомленная жаждою въ знойный день, я обрадовалась бы свѣжему ручью, такъ обрадовалась я ему. Онъ живое слово Христа. Пока *они* заняты были *своими* гостями, мы бесѣдовали съ нимъ, и вотъ я обновленная, воскресшая, вотъ я — твоя Наташа. Его не спрашивай обо мнѣ, можетъ, онъ *не замѣчаетъ меня*, и на что бы это замѣчаніе апостолу? Солнце ровно всѣхъ грѣетъ, ровно всѣхъ освѣщаетъ. Мой праздникъ, мое торжество, когда я могу слушать его. Исчезло рѣшительно все; послѣднее время я что-то слишкомъ много *заботилась*, и, не привыкнувшая къ заботамъ, скоро утомилась ими, мнѣ надо было забыть все происходящее вокругъ, мнѣ надо было вознестись съ тобой туда, домой, и онъ помогъ мнѣ. Божественныя минуты, Але-

ксандръ! Съ презрѣньемъ ко всему дольнему мы свободно летимъ горѣ. Все, что иногда такъ сильно волнуетъ душу, и туманитъ, и мрачитъ ее,—все теперь ничтожно, взоръ устремленъ выше, далѣе—и тамъ хорошо, тамъ безгранная лазурь, тамъ ты, безгранный. Легко, мой ангелъ, освободиться плѣна, оковъ, еще радостнѣе освободиться сокровищъ здѣшнихъ и владѣть одними крылами. Тутъ вовсе не узнаешь раздирающіе прежде звуки, тутъ не различишь *розно* и *вмѣстѣ*, тутъ ничего нѣтъ противоположнаго, одна любовь, одно блаженство, одинъ ты.

Итакъ, ровно 7 недѣль до Свѣтлаго Воскресенья, будемъ поститься, молиться, чтобъ достойно встрѣтить его, чтобъ воскреснуть. Прощай, мой другъ. Я думала Кетчеръ еще у тебя, а съ нимъ-то и есть письмо.

Ночь, 15-е. Вторникъ.

Александръ, что ты мнѣ не пишешь цѣлую недѣлю? Что-то съ тобою, — рѣшенье ужъ вѣрно тебѣ извѣстно... Я мучусь. Боже! ужели тебѣ не угодно, чтобъ жизнь святая, чистая, исполненная одной любви и молитвы замѣнила эту глупую, пустую, смѣшанную съ землею и съ страданіями?.. Если-бъ я имѣла цѣлью одно удовольствіе въ соединеніи съ тобой, мой Александръ... а *Онъ* знаетъ эту цѣль... О, нѣтъ, нѣтъ, я буду съ тобой скоро, скоро и потому что я должна и *тамъ* быть скоро. Да, я долго не вынесу этой жизни, развѣ когда она будетъ очищена, проникнута и полна однимъ тобой, и то недолго, а теперешняя... О, одна любовь, одно упованіе удерживаетъ меня. Братъ, *тогда-бъ* мы дошли скоро рука съ рукой до Его престола.

Письма до 1-го янв. 1837 г. пришлю съ первой оказіей, а тѣ оставь у себя, ежели нужно, теперь мнѣ не такъ больна съ ними разлука. Записка обрѣзана, вѣроятно, случайно. Моницкому, кажется, отказали, оттого что не старъ, не богатъ и не знатенъ. У насъ что-то ужъ слишкомъ спокойно, это несносно. Лучше бъ война, война и побѣда! Да распорядится самъ Вседержитель!

Ночь, 16-е февраля. Середа.

О, Александръ, Александръ... Принесли твое письмо, при одномъ взглядѣ на подпись, рука дрожитъ, сердце кипитъ, грудь взволнована, глаза горятъ, прочла и *обстоятельства* захватили кругомъ мою душу, и она была въ полномъ ихъ владѣніи цѣлые 6 часовъ. Прочла—еще тише, тише, свѣтлѣе, ближе къ небу... прости, земля съ твоими верстами и людьми! Все это минутное, зависящее отъ одного мановенія, потому что насъ ведетъ другъ къ другу самъ Богъ; итакъ какія препятствія на пути, по которому Онъ ведетъ? — Прочтя письмо, упала на землю, что чувствовала, говорила или нѣтъ, — ты знаешь. Александръ, любовь наша растетъ, растетъ, растемъ и мы!

Возили меня въ лавки, а что было въ душѣ... Какъ невольно стремился взоръ къ Его престолу сквозь камень, сквозь товары — свидѣтельство ничтожества людей,—какъ невольно рука изображала крестъ на груди! Теперь я такъ же спокойна опять, какъ, бывало, окруженная одною Природой мечтала, что *когда-нибудь* взоръ мой, насмотрѣвшійся на одну лазурь, остановится на тебѣ, какъ все мое существованіе, жизнь и вѣчность будутъ только одинъ этотъ взоръ. Ты думаешь, что я сконфужусь передъ пап[енькой]? Я *конфужусь*, входя при го-

стяхъ.краснѣю, когда зачинаютъ они со мной говорить, а тутъ—тутъ, идучи по *своей* дорогѣ, домой, къ тебѣ... не думай этого, Александръ. Изъ плѣна я переступлю въ свои владѣнія такъ же тихо, плавно и спокойно, какъ изъ дружбы перешла въ любовь. Въ первое воскресенье послѣ Свѣтлаго, Саша должна быть жена Матвѣя.

Нѣтъ. нѣтъ, эта мысль: *я скоро твоя*, не укладывается въ мою грудь, она бы разлетѣлась вдребезги, меня бы не было на землѣ. Но она потопляетъ все существо мое, и сквозь ея ароматъ до меня не доходитъ никакой запахъ земли, сквозь свѣтъ ея мнѣ не видно огромнаго чернаго пятна — земли. Все радужно, все ликуетъ и, кажется, довольно одной капли ихъ *тогда*, чтобъ исполнить все существованье блаженствомъ, о, это полное, совершенное тогда... О, ангелъ мой, нѣтъ. нѣтъ, я не могу вообразить, Александръ, Александръ!

Любовь и небо менѣе всего выражаются словами, *тогда* я тебѣ ничего не буду говорить... Ахъ, Боже, Боже! Александръ, куда мнѣ обратить этотъ взоръ, куда кануть этой слезѣ, куда полетѣть этому вздоху? Александръ, возьми все!

А тутъ вдругъ свидѣтельство. Я не знаю даже, гдѣ и бываетъ оно, поручи это Кетчеру; крестили меня въ приходѣ Іоана Богослова, не можно ли тамъ у причта достать; думаю и Emilie не много въ этомъ поможетъ, напиши Кетчеру. *Хотѣлось бы* мнѣ, чтобъ Ал. Ал. отдалъ мнѣ деньги, *тогда*, я думаю, это можно будетъ. Ну, скорѣе, скорѣе это въ сторону, ты не можешь вообразить, какъ несносно, скучно и противно заниматься всѣмъ этимъ, но я начинала *себѣ* чулки разъ сто въ мой вѣкъ и ни одного не окончила, а для тебя и чулки буду вязать съ восторгомъ (лишь толпа улыбнется этому съ ироніей). Ежели письма твои тебѣ нужны, оставь ихъ у себя, а послѣ *отдашь* мнѣ (а *не пришлешь*). Только большая это жертва, особенно теперь, я пламенно жду *записку 10-го апрѣля*, ежели она тебѣ дорога, оставь и ее... нѣтъ, пришли! Нѣтъ, *какъ хочешь*.

Переселясь совершенно въ *тогда*, я вдругъ оборотилась сюда, и первая въ глаза Саша. Ангелъ мой, умоляю, возьми ее, пришли немедля Матвѣя *женихомъ*, *не играть роль* жениха. Это единственная прихоть моя (ежели можно это назвать прихотью), исполни. Никого и ничего ненужно мнѣ *тогда*, только Сашу. Инымъ, а, можетъ, и всѣмъ непостижима бы показалась эта безпредѣльная *моя* привязанность къ *служанкѣ*,—ты постигаешь. Господи! Господи! Другъ, будемъ молиться!

Ночь. 17-е. О свиданіи я думала, думала, и лучше ничего не придумала, какъ чтобъ тебѣ придти ко мнѣ въ 7 часовъ утра, не давая еще никому знать, что ты здѣсь, а мнѣ дай знать черезъ Emilie за день, или ранѣе, чтобъ успѣть образумиться. Теперь-то я настоящій ребенокъ: столько кругомъ свѣтлыхъ блестящихъ мечтаній и надеждъ, что я не знаю, на которую указать, всѣми вдругъ любуюсь, всѣ хочу обнять, и такое раздолье, такая свобода—все мое! Еще шире стала грудь, еще сильнѣе полетъ, но еще есть *выше*, есть,—а *тогда* намъ не будетъ уже выше! Я здѣсь точно на станціи, все чужое, всѣ чужіе, и все на минуту. А тамъ, въ концѣ пути, уже виднѣется домъ нашъ, наше жилище, безъ кухни, безъ хозяйственнаго заведенія, безъ стѣнъ... свѣтлое, безгранное, лазоревое. О, Александръ! Какъ мнѣ неловко здѣсь теперь, какъ на постояломъ дворѣ, всего удобнѣе въ церкви. О, съ какимъ восторгомъ и умиленіемъ бываю я въ храмѣ Господнемъ; тутъ все остается за дверями его, и я лишь съ тобою предъ алтаремъ Его. Бывало, рѣдко я такъ молилась, какъ теперь.

Знаю, что пап[енька] *знаетъ*, и мнѣ это ничего. Можетъ, вѣра моя и не прямо

къ нему, а къ Отцу Небесному, и потому воля его ужъ не такъ важна для меня. На каждомъ шагу преграда, а десница Его ведетъ меня поверхъ всѣхъ *ихъ* преградъ. По цѣлымъ часамъ я рѣшительно не чувствую, что происходитъ кругомъ меня, пройдетъ Саша, я взгляну на нее, улыбнусь, слезы навернутся, и опять прости, вселенная, уношусь къ тебѣ и тону въ твоей любви. Проходя, взгляну на образъ Спасителя, молитва изольется вздохомъ, и опять ты, ты.

Да, ты перемѣнился много, и настолько, Александръ, насколько я не ожидала. Не думай, чтобъ это было безвѣріе въ твою любовь, о, нѣтъ! А я хотѣла себя покорить тебѣ, и до того, чтобъ въ тебѣ ни единой черты не было моей, чтобъ я была твоимъ подобіемъ, твоимъ отголоскомъ,—и вышло—о! я прихожу въ трепетъ и ужасъ, когда созерцаю все. Александръ, себя ли ты отдаешь мнѣ? При этомъ ни слова, ни одного выраженья, я повергаюсь въ прахъ, и вся вселенная безмолвствуетъ въ ужасномъ благоговѣніи... Ну, какъ же мнѣ жить долго, что будетъ со мной *тогда*?.

Ты пишешь: «я сдержалъ слово, жизнь во Владимірѣ — 40 дней въ пустынѣ». Это значитъ, что скоро небо отверзется, скоро мы будемъ *вмѣстѣ* восходить туда. О, Александръ, какъ я часто краснѣю, какъ часто становится тѣсно въ груди... Гдѣ взять покрывало закрыться? Я спряталась бы на груди твоей, я-бъ свободно предалась на ней восторгу, и пусть бы меня никто не видалъ никогда кромѣ тебя. Ахъ, если-бъ это было можно. Другъ мой, твоя Наташа чужестранка на землѣ между *ими*, ты ея родной, ты ея родина, тебѣ она все, а имъ безумная.

Съ чего вообразилъ ты, что я больна? Здорова, и какъ нельзя болѣе. Иногда мнѣ приходитъ фантазія, и я *скажу*, что болитъ голова для того, чтобъ побыть нѣсколько часовъ на просторѣ, отдохнуть. Не ребячься, Александръ. Ты мнѣ и тогда не велѣлъ заботиться, какъ былъ въ опасности, а самъ придумываешь себѣ безпокойства изъ ничего.

Прощай, ангелъ мой, уснемъ, чтобъ увидѣться пока во снѣ, прощай. Господь съ тобою, обнимаю тебя.

18-е, пятница. Прощай, мой ангелъ! Да, меня безпокоитъ, ежели нельзя будетъ достать свидѣтельство, и насъ разлучатъ. Впрочемъ, все отдью на руки Бога, Ему угодно было начало, да благословитъ и конецъ! У насъ еще все спокойно, и о письмѣ къ пап[енькѣ] ни слуху, ни духу. Прощай, мой свѣтъ, мое сокровище, мой Александръ. На что мнѣ мои письма, когда недостаточно время, чтобъ и твои читать досыта. Еще обнимаю тебя, ангелъ мой, Господь съ тобою. Что изъ Петербурга? Что отъ папеньки?

Наташа Герценъ.

16-е февраля, Владиміръ.

Фу, какъ мучительно тянется это время: жду, жду отвѣта, а все еще середа, а не четвергъ. Ждать ужасно, можетъ, хуже всякаго несчастія. Въ несчастьи я могу дѣйствовать; тутъ, какъ машина остановленная, жди, пока судьбѣ угодно опять пустить колесо. Нѣтъ, не стану и писать, ангелъ мой, примусь читать какой-нибудь вздоръ, чтобъ протолкать въ зашеи это 16-е февраля. Да и завтра почта приходитъ ввечеру.

Вечеръ. Все еще середа! Тоска ужасная, каждую минуту я считаю. Нѣтъ, этого я еще не испыталъ! Что передъ этимъ ожиданіе выйти изъ казармы! Я ровно не способенъ теперь ни на что кромѣ читать вздоръ, какъ я сказалъ, и

читалъ Бальзака. Ну, а ежели завтра не будетъ отвѣта... морозъ по кожѣ. Наташа, мы должны скоро соединиться, я чувствую это, возвратиться нельзя, слишкомъ ярко и живо представлялъ я себѣ нашу жизнь, и эта мечта убила все прочее; я, говоря твоими словами, «не могу взойти въ дверь, въ которую вышелъ, потому что я выросъ». Такая любовь рѣдко сходитъ на землю. Да, ангелъ мой, напрасно искала бы ты этой любви безъ Александра. Ты счастлива, и я счастливъ. Пошлое выраженіе, что же — одной монетой человѣкъ платитъ извозчику и священнику. Бываютъ грозы, землетрясенія, ужасъ поглощаетъ все, человѣкъ возстаетъ изъ праха и становится соперникомъ урагана. Но бываютъ туманные дни передъ грозой, и человѣкъ, подавленной, тупой, изнемогаетъ подъ бременемъ какой-то томной ничтожности,—вотъ теперешнее мое положеніе. Я раскаиваюсь, что далъ слово пап[енькѣ] отложить, я самъ не зналъ всей важности жертвы. Наташа, милая, ангелъ, ты мнѣ необходима, я гибну безъ тебя. Прилети же скорѣе, голубь, къ твоему орленку, его не тѣшитъ безъ голубя подлетать къ солнцу, не тѣшитъ дивить собою. Люди, да не отталкивайте же моего блаженства! Что вамъ за дѣло, меня любитъ Богъ, Онъ мнѣ подарилъ Наташу. Что вамъ въ ней, для васъ она ничего. Забудьте насъ, или хоть, боясь Его, сочетавшаго насъ,—не разлучайте.

Прощай.

Четвергъ, 17 февраля. Итакъ, вотъ оно письмо, которое я ждалъ, передо мною. Ежели-бъ это было смѣшно, я бы расхохотался, а можетъ, ежели-бъ не было такъ плачевно и смѣшно вмѣстѣ, я бы расплакался. Первая страница наполнена вздоромъ, новостями и пр., на второй: «Я не отрекаюсь отъ права моего воздерживать васъ отъ иного, предупреждать въ другомъ и давать вамъ совѣты во всемъ, что должно содѣйствовать къ вашему счастью. Вы же, достигнувъ уже совершенныхъ лѣтъ, можете исполнять мои приказанія, или нѣтъ, это въ вашей волѣ, я избавляюсь отвѣтственности».

Какой холодъ. Но grandement merci, mon cher papa, теперь у меня руки развязаны, теперь я тебя торжественно назову моей невѣстой, и въ первый пріѣздъ подарю кольцо. Теперь ясно, что все кончится скоро. Замѣть только: пап[енька] еще обѣщаетъ писать *больше* въ субботу. И отъ тебя, мой ангелъ, ни строчки, о, это ужасно. Теперь-то, теперь-то мнѣ нуженъ твой голосъ. Не пошлю этого письма до вторника, можетъ, ты не получила прошлыхъ, послѣ Кетчера. И душно, и мрачно, и пусто, и письма нѣтъ.

Прощай, какъ убить поскорѣе эти три дня до воскресенья!

Пятница, 18 февраля. Все та же тоска, я отъ скуки началъ писать новую повѣсть «Его Превосходительство», написалъ довольно и, кажется, хорошо. Сюжетъ самый отвратительный, возмущающій всѣ чувства благороднаго человѣка, и таковы будутъ ея подробности. Главное лицо Каннибалъ-Гіена въ I. Maestri. Въ эту томную недѣлю и могла явиться такая мысль, тутъ гуляй моя иронія, клейми людей. А мнѣ страхъ досадно, что не было отъ тебя письма вчера, ты меня такъ избаловала. Ну, хоть бы строчку, и притомъ въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Когда мы будемъ *вмѣстѣ*, тогда я тебѣ буду драть уши, ежели ты пропустишь ко мнѣ почтовый день. Ты была у насъ въ субботу 12-го числа, пишетъ маменька, чудной день. Я его отмѣтилъ въ календарѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей жизни. Пойду спать. Такая скука, что, право, готовъ бы... Ну, что сдѣлать?.. съѣсть эту сальную свѣчу, да пользы не будетъ. Да, вѣдь, и ты, ангелъ мой, будешь грустить, ежели не получишь письма, и такъ пошлю, а въ наказаніе—пустую страницу.

19-е, суббота. Пиши, всѣ ли письма мои получены, я не пропускаю ни дня, ни почты, или не поздно ли ихъ доставляютъ? Что портретъ и — цѣлую тебя.

19, суббота, Москва.

Александръ, ну, ежели папенька противъ,—подумай тогда, другъ мой, не слишкомъ ли много ты жертвуешь. Не сердись за эту фразу, ангелъ мой, это не благоразумный совѣтъ, не холодный расчетъ, это любовь, одна любовь!—Господи, возможно ли, возможно ли... О! какъ замретъ сердце, какъ все взволнуется, я едва удерживаю крикъ восторга и закрываю лицо,—ничего не могу сказать. Господи! Господи!

Ночь.—Твое письмо! все свѣтло, ни одной мысли, ни одной черты въ планъ, одинъ восторгъ безусловной, одна любовь, одно блаженство.

Чрезъ семь недѣль мы обручены или обвѣнчаны! Что выбрать, я не знаю, пусть Онъ назначитъ. Посмотри, Александръ, въ душу мою,—хоть бы малѣйшая струя, тихо, свѣтло, о, какъ свѣтло! и какъ пространна душа, какъ безгранна, въ ней видны границы неба, а ея границы видны лишь въ тебѣ; теперь я не умѣю различить *ихъ* проклятія и благословенія; Александръ, у меня никого кромѣ тебя, ничего кромѣ любви, тутъ все, и жизнь, и вѣчность, и вселенная, и Богъ,—пойми же, что̀ въ душѣ моей.

Ты говоришь: «можешь ли ты отчетливо себѣ представить, какое вліяніе ты сдѣлала на меня»?—Нѣтъ! какой отчетъ могла дать себѣ Марія при вѣсти Гавріила, она *ужаснулась* и сказала: «Я раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.» Я ужасаюсь этимъ священнымъ, божественнымъ ужасомъ Маріи, я не могу постигнуть, не могу дать отчета происходящему со мной, и могу только сказать: «буди мнѣ по глаголу твоему». Я, чаявшая лишь питаться крупицами, падающими съ трапезы твоей, и находившая въ этомъ верхъ блаженства здѣсь и тамъ, вдругъ читаю дивныя слова, начертанныя на бытіи моемъ Его перстомъ: «Спасеніе Александру». Представь ты себѣ, что тогда со мною, ангелъ мой; достанетъ ли у меня силъ вынести... Не могу удержать слезъ, не могу скрыть восторга, ничего не дѣлаю, ухожу одна и или безмолвно сижу, закрывъ лицо руками, или стою на колѣнахъ безмолвно же.... и болѣе не замѣчаю, что дѣлаю. Нѣтъ, нѣтъ, я не постигаю, что со мною, Александръ! Александръ! Александръ.

Утро, 20-е. Обрученье—Боже, что за блаженство! слитые навѣкъ, сами рай и кругомъ рай, это утѣшенье папенькѣ, эти благословенія каждый шагъ. Александръ, чего намъ тогда??

Вѣнчанье—отдѣленные отъ всего міра, проложившіе сами себѣ дорогу другъ къ другу и тѣмъ заградившіе путь къ себѣ *имъ*. Ты говоришь—бѣдность, что такое бѣдность? У насъ будетъ нужное, а много ли *нужно тогда намъ*. Тѣмъ лучше, ежели мы не должны будемъ отчетъ дать въ земныхъ благахъ, должность казначея важна и тяжка, мы будемъ надѣлять благами небесными, Александръ, чего еще намъ тогда?—О, да будетъ, да будетъ твоя воля, всемогущій! Кольцо и вѣнецъ—не смѣю выбрать, не смѣю назначить одно или оба, отдаю все Богу, Онъ велъ насъ до сей минуты, Онъ и до самаго конца будетъ вести насъ. — А въ самомъ дѣлѣ, ангелъ мой, мнѣ становится страшно: «откуда мнѣ сіе». То воображу *родительскій домъ*, эти теплыя объятія, родное все, все такое разнообразное, путешествіе, и нѣтъ числа воротамъ и дорогамъ. То воображу *твою*

комнату, и за нею ничего, ровно ничего, о! это лучше, это пространнѣе, полнѣе! —Но уже я сказала: не выбираю.

Ты не вѣришь словамъ, вѣрь клятвѣ: я здорова; когда жду отъ тебя писемъ, и долго нѣтъ, когда вижу что тебя что-нибудь безпокоитъ, когда чувствую, что ты грустенъ,—занемогаю, и больна дѣлаюсь, въ самомъ дѣлѣ (это много измѣнило даже наружность мою, только я не худа); даютъ лекарство,—не помогаетъ; приносятъ твое письмо,—склянка, постель и болѣзнь все исчезло! Ну, вообрази, какъ же я буду здорова *тогда.* Обними, обними меня, мой Александръ, поцѣлуй, скажи: «вѣрь, Наташа вѣрь.» О, ангелъ мой, еще долго—7 недѣль.

Ночь.—Emilie была. *Всѣмъ* тайна, что писалъ тебѣ папенька. Я смотрю на эту тайну такъ же спокойно, какъ смотрѣла сію минуту на луну. Маменька грустна, *боится бѣдности*, Александръ, *и я боюсь ея за тебя*, мнѣ ненужно ничего. Опять не думай, чтобъ я думала, что тебѣ *не довольно* моей любви, о, нѣтъ! Но я желала бы... впрочемъ, нѣтъ, Александръ, нѣтъ, мой ангелъ, что намъ золотыя, алмазныя горы *тогда*? Нужно ли тебѣ будетъ, чтобы вселенная стояла передъ тобою на колѣнахъ тогда, когда я буду стоять на колѣнахъ передъ тобою??... Пусть лишатъ всего, лишь не лишали бы благословенія. Я не понимаю *удобствъ* жизни и не нахожу въ нихъ *удобства* теперь, здѣсь; мнѣ надо растолковать, указать, что мнѣ нужно, а тогда, *тогда*!!—*Скажутъ,* что тогда мы не можемъ помогать ближнему.—Да, у насъ не будетъ житницъ и сокровищницъ, но мы раскроемъ душу, мы положимъ *наше* богатство наружу, и пусть беретъ всякій, кто *хочетъ.* Наслажденіе ли, добро ли *дать* то, что мнѣ ненужно, безъ чего я могу обойтиться?—*Лишить себя*, чтобы удовлетворить другого,—вотъ что значитъ *дать*, а то значить возвратить данное на храненіе. Повторю опять мою клятву: я готова на все, перенесу все, даже еще нѣсколько лѣтъ здѣшней жизни,—*ежели ты перенесешь.* Больно мнѣ, что я лишу тебя отца, матери; помни, что тогда ты изгнанникъ изъ общества, изъ всего міра, лишь кругъ друзей нашъ тогда. Можетъ, даже не будетъ средствъ передавать мысль твою человѣчеству и тѣмъ быть ему полезнымъ. Но, создавши *меня*, что ты хочешь создать еще?

Да, мы будемъ дѣти, тѣ дѣти, которыхъ Онъ благословлялъ, которыхъ есть царство небесное, у насъ, можетъ, не будетъ пристанища, но мы скроемся «въ кровѣ крылу Его», у насъ, можетъ, не будетъ никого, но Онъ будетъ посреди насъ! О, отецъ, дай твое благословеніе и возьми все, все брось на вѣтеръ, толко не давай намъ, мы не умѣемъ считать, у насъ нѣтъ силъ нести золото,—возьми и брось псамъ его. Какъ постыла жизнь *полнымъ домомъ*! Лишь оставьте намъ другъ друга, остальное все ваше, все ваше, но, вѣдь, *и мы ваши*, потому что мы любовь.

Жаль ужасно маменьку. О, если бы она понимала... Александръ, не забывай объ ней! Вотъ дивная-то, лучшая мысль, мой ангелъ, это то, что мы жертва искупленія *ихъ.* Пусть всѣ насъ распнутъ,—мы обнимемъ всѣхъ, мы прольемъ кровь за всѣхъ и, живши здѣсь любовью, умремъ любовью, и *тамъ* будемъ любовью!

Слушая Emilie, я начинала страдать, туманъ начиналъ подниматься изъ земли и ложился на каждую мечту, на каждый шагъ. Ненужна намъ опора матеріальная! Я никогда не бываю такъ высока, какъ одна, потому что тутъ опора Богъ.

На что тебѣ вѣрный человѣкъ? Наши люди всѣ очень вѣрны, всѣ почти до одного служили мнѣ *тайно* до сихъ поръ, но особеннаго нѣтъ никого и ни которому нельзя ввѣрить *побѣгъ мой*, потому что они всѣ слишкомъ *честны*, слиш-

комъ меня *любятъ*, въ этомъ имъ представится преступленье и моя гибель. Мнѣ кажется, человѣкъ и ненуженъ, дѣвушка моя обдѣлаетъ все, что надо, даже не сообщая брату своему: «послѣ пусть меня зарѣжутъ», говоритъ она. Только Саша будетъ вовсе отстранена, потому что ее подозрѣваютъ и преслѣдуютъ каждый шагъ. Она въ восторгѣ, что Матвѣй ея не хочетъ (только изъ любви ко мнѣ рѣшилась идти за него) и готова еще страдать здѣсь, лишь бы *тогда* хоть умереть только у ногъ моихъ. О бумагахъ вѣрнѣе всего поручить Егору Ивановичу, я надѣюсь на него, какъ на каменную стѣну. Признаюсь, Александръ, вотъ это меня нѣсколько тревожитъ, а ежели мы погубимъ священника... Намъ нѣтъ тѣхъ страданій, которыхъ бы не превышало наше блаженство, а приносить себѣ въ жертву другихъ... Объ этомъ думай болѣе, нежели о моемъ здоровьѣ. Ты скажешь мнѣ: будь здорова, и я буду здорова, а къ облегченію пострадавшихъ за насъ, можетъ, не будетъ средствъ. Прощай, мой Александръ! Пусть безумные, пусть все мечта, не промѣняемъ мечту на тысячелѣтнюю жизнь, не промѣняемъ наше безуміе на премудрость Соломона.

21-е, понедѣльникъ. Александръ, Христосъ говоритъ: «аще кто не родится свыше, не можетъ видѣть царствія Божія» и потомъ: «аще не обратитеся и не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе Божіе». Мы родились свыше, и день этого духовнаго рожденья — 9 апрѣля, съ тѣхъ поръ мы видимъ царствіе Его. Вникни, мы уже и обратились, намъ остается только сдѣлаться дѣтьми, и мы будемъ ими, будемъ, но только *тогда*. Что за дивная, что за святая жизнь будетъ! И, лишенные *ими* всего, мы будемъ молиться о ниспосланіи имъ всего, распятые ими, будемъ исцѣлять ихъ раны и болѣзни (душевныя) теплыми слезами, любовью... о, Боже!.. А наше блаженство... я ужасно люблю друзей, я многимъ другъ, многіе мнѣ близкіе родные, но *тогда*, о, пусть всѣ меня забудутъ! и тебя пусть забудутъ. Александръ, ангелъ мой, скажи, не свободнѣе ли тогда нашей любви, не пространнѣе наше блаженство тогда? Много прекраснаго на свѣтѣ, много великаго и высокаго, но меня все низводитъ, все умаляетъ, что не ты. Другъ мой, какъ отпадетъ тогда отъ насъ весь міръ, какъ мы забудемся, исчезнемъ другъ въ другѣ... Эта-то смерть, это самоуничтоженіе воскрешаетъ жизнь, любовь, Бога. Посмотри, мы теперь нѣсколько уже свободны отъ внѣшняго человѣка, и ты все еще свободенъ менѣе меня, а *тогда* мы уничтожимъ совершенно и владычество его, и его законы, тогда мы будемъ жить однимъ духомъ, будемъ жить въ царствіи Божіи.

Ночь. Ты хочешь замолчать передъ папенькой, ежели отказъ; нѣтъ, Александръ, я умоляю тебя, преклонись еще разъ, одинъ только разъ! *Ты долженъ* преклониться,—ежели онъ будетъ угрожать лишеніемъ всего, скажи,—согласенъ, но только проси благословенія.

Отъ Кетчера я ничего, кромѣ письма, не получила, вѣроятно, онъ отложилъ до свиданья. Ужасно бы желала прочесть статью объ архитектурѣ, знаменитую даже и по числу окончанія своего, но буду терпѣть, все, все *тогда*, тогда лучше, теперь постъ, постъ!

Что я скажу тебѣ про себя: вообрази, давеча поютъ клюкву, я улыбнулась, слеза навернулась, и покраснѣла; кажется, замѣтили это.

Всѣ, на кого я имѣла вліяніе, имѣютъ со мной нѣкоторое сходство. Саша, оплакивающая, бывало, одну мысль о разлукѣ со мною, теперь съ восторгомъ готовится нести крестъ и страдать, чтобы лишь быть достойнѣе служить мнѣ *тогда*. Другіе—моя судьба сдѣлалась ихъ, и *тогда* прекратятся ихъ желанія.

Симпатія открывается въ самыхъ далекихъ, дикихъ краяхъ открывается тамъ, гдѣ я даже не ожидала ее. О, и имъ отвѣтъ, самый обширный, самый полный! Тогда будутъ и вопли, и гимны, съ иными я сдѣлаюсь ближе, съ другими разстанусь вовсе; первая Саша Боборыкина, мнѣ нельзя будетъ тогда писать къ ней, у нея такіе *добрые* родные, такіе *честные* и такъ *любятъ* ее, а что она безъ моихъ писемъ.

О портретѣ Emilie и я употребили всю хитрость и мытарство, чтобы купить его у *нихъ:* но видно, подобныя сокровища не продаются такою цѣной. Твой шелъ ко мнѣ *прямо*, потому и дошелъ до меня. А тутъ вообрази, все шло прекрасно, они такъ отъ души радовались выгодной партіи, такъ искренно желали благополучія и награждали совѣтами, ни малѣйшаго сопротивленья, только замѣтили, что еще не къ спѣху, еще семь недѣль нельзя вѣнчаться. Какъ нарочно, пріѣзжай давеча Насак. и говоритъ, что всѣ давно знаютъ объ свадьбѣ Emilie, это ихъ взбѣсило. Не горюй, мой милый, скоро, скоро ненужно и портрета. Теперь я рѣшительно все молчу, а ежели бы было съ кѣмъ говорить, не умолкла бы, кажется, ни на минуту.—та же мечта, повторенная милліонъ разъ, нова и восхитительна, какъ новорожденная. Все болѣе и болѣе утверждаюсь, что нѣтъ подобія нашей любви. Алекс. Дюфуръ въ письмахъ любитъ Emilie, любитъ страстно, пламенно, но я не желала бы ни одного письма такого получить отъ тебя, ни одной строки, а и это любовь, и это счастіе! Тамъ любовь ветхая, тлѣнная, у насъ новая, Христова, вѣчная. О, Александръ, Александръ!

Похоже ли, что *рѣшается* судьба,—все такъ тихо, спокойно, ни струйки на душѣ, а завтра, можетъ, письмо, письмо!

22-е, вторникъ. Грустно мнѣ, что не получила письма, но въ немъ, я думаю, еще нѣтъ рѣшенья. Обратимся къ нашему *тогда*, къ нашему Свѣтлому Воскресенью. Я рѣшительно не отгадываю, что писалъ пап[енька], но *тогда* представляется мнѣ въ одномъ образѣ съ перваго твоего повелѣнія. Я сказала, мы уже родились свыше и все, что тогда,—будемъ возрастать во Христѣ, а не въ мірѣ семъ; когда-жъ достигнемъ совершенства, *тогда* прекратится и мы исчезнемъ съ земли. По мѣрѣ возраста нашего въ мірѣ духовномъ, мы должны уничтожаться въ здѣшнемъ мірѣ, по мѣрѣ увеличенія *тамъ*, должны умаляться *здѣсь*. Потому-то намъ и необходимо отрещись отъ всего, что утучняетъ внѣшняго человѣка, даетъ ему силу и крѣпость — богатство, слава, и всякое довольство: необходимо вооружиться всѣмъ, разслабѣвающимъ его, умерщвляющимъ— бѣдность, гоненія, и всякое лишеніе; тогда-то въ минуту его смерти мы воскреснемъ во всей славѣ и величествѣ, и будетъ жить Богомъ — вѣчность. Теперь мы еще слабы, еще на помочахъ. Путь спасенія передъ глазами, но мы устаемъ и отъ десяти шаговъ, душа раздѣлена, силы раздѣлены; соединенные же, несмотря ни на тернія, ни на каменный дождь на томъ пути, пойдемъ прямо къ Его престолу. Ни минуты, ни минуты спасенія не принесемъ въ жертву тлѣнію и смерти! Одна земля, одна смерть возбраняетъ намъ, *Онъ* благословилъ, и всѣ силы небесныя, и все *живое* поетъ «слава въ вышнихъ Богу»! Александръ мой, ангелъ мой! можетъ ли вмѣститься столько въ груди царствующихъ, что вмѣстится тогда въ нашей груди? Тогда-то возстенаетъ все, недобрые будутъ поносить насъ, добрые будутъ плакать о насъ, но мы имъ скажемъ: «плачьте о себѣ». О, дивно, дивно! какъ я вдругъ разстанусь со всѣми, какъ я вполнѣ буду твоя, мой Александръ; мы недоступны тогда будемъ и тѣмъ, съ которыми теперь тѣсны, потому что тогда жизнь наша и все наше будетъ горѣ.

Рѣшительно никакихъ приготовленій для меня, я стою дешевле бутылки шампанскаго, все это вздоръ, все мимо. Меня тревожатъ только очень бумаги, я наслышалась объ нихъ много страшнаго. но полагаюсь на тебя. Emilie я не велю ходить къ себѣ, ее ждетъ здѣсь большая непріятность. Больно мнѣ ужасно, что не могу утѣшить тебя портретомъ. но. Александръ, вспомни: 7 недѣль!.. Обнимемся, мой дивный, мой свѣтлый, мой родной! Ужъ поздно, а еше надо писать Медвѣдевой. Прощай, Наташа. Что Вятка? Мы дивный аккордъ, друзья—наше эхо. Обними Вятку за меня.

Владиміръ, февр. 20. Поздно.

Невѣста, милая невѣста, ангелъ мой, итакъ тебѣ суждено всегда побѣждать меня, всегда быть выше, выше твоего Александра. Ты побѣдила меня твоей надеждой на папеньку. Да, признаюсь, я не ждалъ отвѣта такого, какъ получилъ сегодня. Побѣда наша, слава въ вышнихъ Богу, и любовь на землѣ! Онъ недоволенъ мною и моимъ письмомъ, но со всѣмъ тѣмъ ни тѣни препятствія, онъ не даетъ прямого благословенія, но еще дальше отъ запрещенія. Немного холодно, это правда, но и того довольно: «ни вредить, ни мѣшать тебѣ не буду,—даю тебѣ волю не токмо въ настоящемъ и *конченномъ* дѣлѣ, но и во всѣхъ будущихъ». Но съ кн[ягиней] онъ переговоровъ вести рѣшительно не хочетъ, а ея позволеніе считаетъ необходимымъ. «Ты, будучи здѣсь, долженъ самъ снискивать ея дозволеніе». «Я желаю съ тобой увидѣться и благословить тебя на всю твою жизнь и на всѣ твои дѣйствія». Ангелъ, какой огромной шагъ мы сдѣлали, ясно, что пап[енька] не противъ. Довольно, довольно на первой разъ. Ну, теперь я скажу, что онъ найдетъ во мнѣ сына, я не отстану, и вотъ моя мечта скораго соединенья жертвуется любви сыновней. Но условіе — обрученіе; впрочемъ, теперь труда нѣтъ большого и полное согласіе получить; но надобно же и ему сдѣлать уступку. Наташа, Наташа—смѣли ли мы даже мечтать объ этомъ 6 мѣсяцевъ назадъ, вотъ Вятка и Владиміръ, вотъ 1837 и 1838 годы. Я горячо благодарилъ пап[еньку] за его письмо и между прочимъ: «О, какъ сладко на старости взглянуть на полное блаженство сына и опереться на руку дочери, и какой дочери,—посмотрите на нее, посмотрите, какъ на дочь, и, я увѣренъ, вы прижмете ее къ своему сердцу. Богъ васъ благословляетъ ангеломъ, какъ же вамъ не благословить меня»! Я просилъ его тебѣ особенно поклониться, ежели онъ выполнитъ, предоставляю тебѣ, какъ поступить. Я думалъ бы въ эту минуту прямо назвать его отцомъ, на удивленіе ея сіятельству. Итакъ, все хорошо, дивно... тучи разсѣиваются, маленькіе клочья голубого неба проясниваются тамъ-сямъ. Теперь, какъ получу увольненіе, явлюсь въ Москву, пріѣду ночью, дамъ тебѣ знать утромъ въ 5 часовъ, а въ половинѣ седьмого пилигримъ, усталой, измученной преклонитъ колѣна передъ своимъ ангеломъ искупителемъ и услышитъ слово любви. Ну, къ твоему письму, или лучше къ письмамъ. мой другъ!

Начинается съ самаго важнѣйшаго, а именно: дѣлай, что хочешь, а ужъ чулковъ вязать ни подъ какимъ видомъ, у насъ съ Ог. какая-то антипатія противъ вязанья. Извольте видѣть, cara sposa, мы имѣемъ свои капризы a'la Марья Ст. Для насъ чулки — что для нея книга. Письма до 1837 пришли непремѣнно съ первымъ *вѣрнымъ* человѣкомъ. Теперь о Сашѣ; я ужъ сказалъ, что все сдѣлаю для ея выкупа изъ плѣна *египетскаго*, но что касается до ея свадьбы, je m'en lave les mains. Emilie преребенокъ, да и въ васъ обѣихъ

толку ни на волосъ,—съ чего вы вообразили, что свидѣтельство берется въ приходской церкви. Но ужъ корона всему этому то, что Emilie пишетъ объ удобствахъ бѣжать во Владиміръ, потому что ежели будутъ *догонять*, то почемъ узнаютъ, куда ты дѣлась, какъ будто дорога во Владиміръ секретъ. Вы, вѣрно, мечтаете о побѣгѣ по образу и подобію среднихъ вѣковъ, меня—рыцаремъ, окруженнымъ толпою bravi, а тутъ погоня, пистолеты, кинжалы. Нѣтъ, въ нашъ XIX вѣкъ все это дѣлается просто, и навѣрное никто ногами не догоняетъ, а *бумагами*, что, не знаю, выгоднѣе ли въ моемъ положеніи. Ахъ, вы дѣти, но теперь это обдѣлается лучше. Въ самомъ дѣлѣ, стоило мнѣ выступить съ моею твердостью, и все поддается, прежде я еще недостоинъ былъ. Итакъ, ангелъ, наконецъ, ты разглядѣла свои черты во мнѣ, наконецъ, ты сознала ту огромную перемѣну, которую ты сдѣлала во мнѣ. Я до такой степени слился съ тобою, что очень часто твоими мыслями, твоими выраженіями замѣняю свои. Въ Нижнемъ въ 1835 году смотрѣлъ я на Оку и на Волгу, вотъ желтыя волны одной рѣки, вотъ синія другой, онѣ сливаются, но это двѣ рѣки: ярко видна Ока и Волга; нѣсколько шаговъ впередъ, и нѣтъ ни Оки, ни Волги,—одна широкая рѣка несется въ безконечное море. Деньги на портретъ пришлю. Да что это за чудеса: всѣ мечты до одной начинаютъ исполняться. Только, Бога ради, портретъ,—ты знаешь, что такое имѣть черты милыя. Ежели рѣшительно не дозволятъ, я обращусь къ пап[енькѣ], даже записки буду посылать черезъ него. Полина, Полина, плачь отъ радости, ты много разъ плакала надъ страданьями Александра, слезу радости ему. Но они счастливы и не пишутъ ко мнѣ. Да, въ страданіяхъ, тутъ-то человѣкъ понимаетъ, что такое другъ, тутъ-то онъ ищетъ голову, пьяную отъ ударовъ, преклонить къ груди, исполненной участьемъ. Мы и въ счастьи не будемъ таковы, о, нѣтъ! Изъ Петербурга еще нѣтъ отвѣта, ежели отказъ — до Загорья. Впрочемъ, я могу повидаться съ тобою гораздо скорѣе, *ежели ты совершенно убѣждена въ вѣрности вашихъ людей.* Тогда отъ тебя зависитъ назначить день,—хоть 25 марта. Какъ—напишу подробно къ Ег. Ив. Ну, прощай, мой ангелъ, волнуется душа, и что-то не устоялась и настолько, чтобъ писать. Повѣсть новая идетъ наладъ. Вотъ въ чемъ дѣло: мужъ мерзавецъ и жена ангелъ; мужъ подъ судомъ и даетъ жену во взятку губернатору. Жена въ отчаяніи, чахотка, смерть. Мужъ пьянъ, и въ день похоронъ губернаторъ получаетъ Владимірскую звѣзду, у него пиръ горой. Будетъ хороша; напишу строгой выговоръ Кетчеру за то, что не доставилъ еще тебѣ ни повѣсть «Елена», ни отрывокъ ихъ жизни. Пиши же къ Медвѣдевой.

21 февраля. Ну, вотъ теперь вопросъ: что же тебѣ дѣлать? Неужели ничего? Совсѣмъ нѣтъ. По письму отъ пап[еньки] я вижу, что онъ скоро привыкнетъ къ мысли о *конченномъ* дѣлѣ, какъ онъ выразился. Тогда ты должна сказать княгинѣ, а я ей напишу. Опора папенька. (До сихъ поръ не могу отъ удивленія придти въ себя, о, милая, милая Наташа!). Я буду ей писать, что съ его стороны препятствія нѣтъ. Ежели за этимъ будутъ слѣдовать вздорныя непріятности — перенести, ежели же будутъ обиды и оскорбленія, которыя, ты знаешь, я не могу и *не хочу* переносить, то объяви прямо, что ты оставляешь домъ, и тотчасъ обратись съ письмомъ къ пап[енькѣ]. Въ этомъ письмѣ со всевозможной деликатностью о княгинѣ скажи, въ чемъ дѣло, и просись переѣхать къ намъ, но не забудь сказать, что въ случаѣ отказа, ты все-таки переѣдешь. Отказъ и будетъ—тогда къ сестрѣ Emilie. Ежели же скажутъ, чтобъ ты ѣхала въ Петербургъ, откажись прямо и рѣшительно. Но теперь надобно погодить до тѣхъ поръ, пока будетъ го-

товъ портретъ, а, отославши его, хоть на другой день. Вотъ тебѣ моя инструкція; обстоятельства сами покажутъ, что еще нужно и что нѣтъ. Я писалъ объ обрученьи, — это весьма важно, тогда весь призъ надъ нами пропалъ. Ну, довольно объ внѣшнемъ.

Удивительно, еще разъ повторю, какъ я шагнулъ послѣ Вятки, съ нею я отрясъ большую часть земли; нѣтъ мысли, поступка, въ которыхъ бы я могъ себя упрекнуть съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь. Хотя ты и говоришь, но въ тебѣ я не вижу перемѣны въ послѣднее время. Выше нельзя стать, какъ ты стала въ 1837 году, когда, съ одной стороны, отнялись всѣ надежды, а, съ другой, исторія сватовства черной тучей выходила,—выше, ей Богу, человѣкъ на землѣ не можетъ быть. Каждая строка, тогда писанная тобою, свята, какъ слово Евангелія. И знаешь ли, твоя мысль прелестна насчетъ моего паденія, ты писала разъ: «можетъ, Провидѣніе хотѣло смирить тебя». Да, рѣзкой и даже жесткой иногда по характеру, много разъ я начиналъ осуждать, и вдругъ рѣчь моя останавливалась, подкошенная воспоминаніемъ, и я прощалъ брату падшему и дѣлилъ его раскаянье, а не камень бросалъ въ него. Полна была моя исповѣдь Кетчеру, и онъ обвинилъ меня, и я, склонивши голову, слушалъ его обвиненія и не токмо не оправдывался, но обвинялъ себя еще болѣе. Были ли эти чувства во мнѣ прежде, не ты ли, благодатной ангелъ, вселила истиннаго Бога въ мою душу? Наташа, радуйся: я, созданной Богомъ, могъ пасть, я, созданной дружбой, могъ пасть, я, созданной тобою, сталъ твердо. Низко я не паду, это вѣрно, я не унижу ту грудь, которая умѣла возвыситься до любви къ тебѣ, до любви къ Богу черезъ тебя. Наташа, гордой, самолюбивой, я всему хотѣлъ прикладывать печать моего вліянія, таковъ я былъ въ дружбѣ. Друзья меня баловали, я ничему не покорялся. И Богъ хотѣлъ склонить мою гордость и дивной, не силою міра, не силою власти, а дѣвой святой и чистой. Чѣмъ болѣе раскрывалъ я душу любви, тѣмъ смиреннѣе она становилась; не разлука была причиною, что я съ такой любовью встрѣтилъ Кетчера, нѣтъ, моя душа не есть храмъ эгоизму, а храмъ любви всему, вселенной, людямъ, тебѣ, тебѣ.

Ты отдалась мнѣ, я принялъ твой даръ, я дерзнулъ поправлять тебѣ (1834), я, стало быть, считалъ себя выше. И что же! ты осталась то, что была, я переплавленъ тобою въ другую форму, и я не жалѣю о самобытности. Но, Наташа, вѣрь же мнѣ, что это могла сдѣлать *только ты*, никто въ мірѣ, кромѣ тебя. Не думай, что тутъ тѣнь увлеченья, положимъ, и въ тебѣ есть недостатки (хотя я не знаю ни одной пылинки); религіозность твоей любви, — вотъ что имѣло такое вліяніе, это любовь, переплетенная молитвой; поглощая любовь, я вмѣстѣ поглощалъ молитву и дѣлался христіаниномъ. Благодарю тебя, Наташа, ты исполнила призваніе ангела; и во-время было 9 апрѣля: ежели-бъ мы не поняли другъ друга, о, быть можетъ, душа, обреченная теперь блаженству, сгибла бы совсѣмъ. И дивная вещь, нѣтъ ни одной мелочи, въ которой бы ты не поступала, не думала, но чувствовала совершенно такъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ ты чувствовала, думала. Всѣ требованія до одного исполнены, да еще, сверхъ ихъ, море блаженства. Даже въ ребячествахъ, которыя прорываются у тебя, вездѣ та душа, которую я искалъ. Твоя забота о Сашѣ,—это совершенно мнѣ родное чувство, и что ты въ первую минуту надежды вспомнила ее, было бы, можетъ, обидно какому-нибудь *порядочному* человѣку, а я съ восторгомъ смотрѣлъ на эту благодарность. Твое пренебреженіе ко всему будничному (какъ ты выражаешься) — совершенно мое: я скорѣе перенесу Богъ знаетъ какую нужду, нежели *забо-*

титься. и ты, ежели-бъ теперь много занималась этимъ, теряла бы свою святость. Ну, можно ли себѣ представить св. Іоанна, заказывающаго сапоги? Да. впрочемъ, вотъ вопросъ, котораго еще не было. Знаешь ли ты, что я очень люблю въ дѣвушкѣ и женщинѣ охоту наряжаться (разумѣется, чтобъ это было не главное); въ нарядахъ есть своя поэзія, ими пренебрегать ненадобно, какъ и наружной красотой—изъ любви къ изящному ими пренебрегать ненадобно. Скажи твое мнѣнье и прощай, невѣста (мнѣ нравится это названіе, за то слово женихъ безобразно). Хоть ты и называешь это ребячествомъ, однако еще и еще умоляю беречь здоровье; не знаю почему, я не вполнѣ вѣрю, что тебѣ легко съ рукъ сходятъ непріятности въ физическомъ отношеніи. Благословеніе Бога и любовь Александра надъ тобою. Всѣ ли письмы получены? Я не пропускалъ ни одного дня, кажется. Александръ.

22-го, вторникъ.—Отъ Витберга имѣю много писемъ. Я въ самомъ непріятномъ положеніи относительно его: дружба заставляетъ меня обличить ему всѣ гадости, которыя дѣлаетъ братъ его жены, я не могу молчать, потому что онъ расточаетъ послѣдній кусокъ хлѣба. А между тѣмъ его это огорчаетъ. Прощай. моя милая, прелестная подруга. Портретъ, портретъ, и письмо къ М. Твой Александръ.

Хотя я и отдавалъ справедливость своимъ талантамъ, но смѣлъ ли я про что-нибудь сказать: вотъ великое, сдѣланное мною? Конечно, нѣтъ. А про любовь твою я смѣло говорю,—и пусть никто не пойметъ и не оцѣнитъ ея, я сознаю, что наша любовь велика. Сестра!

Вечеръ, 23-е февр. Середа, Москва.

Давеча, въ минуту, какъ пришли отъ заутрени, получила письмо отъ 19-го. Баловень, какъ то мнѣ быть съ тобою, побѣдная моя головушка! Но послѣ этого письма вѣрно ужъ утѣшился, милое дитя мое? А мнѣ нельзя было тогда послать письма. Въ субботу я пріобщаюсь, въ субботу и узнаю *все* рѣшительно. Впрочемъ, Александръ я не такъ мучусь неизвѣстностью, какъ ты 16-го февраля. *Ты* сказалъ мнѣ: «вѣрь!» *И я вѣрую*, и ничто, никто въ свѣтѣ не можетъ поколебать этой вѣры, иначе я не знаю, чтобъ было со мною. Я вѣрую всей душой, что скоро, скоро въ обѣтованную землю, и Чермное море не страшитъ меня. Ежели *отказъ*, мнѣ будетъ *ихъ* жаль, ежели *благословеніе* — я порадуюсь за нихъ же. Съ нетерпѣніемъ хочу узнать рѣшенье, но не терзаюсь имъ, потому что вѣрую, что оно не поколеблетъ, не остановитъ васъ. А ты, ты, Александръ, не похожъ на себя. И я бы измучилась, думавъ, что тоска твоя продолжается еще, но письмо пап[еньки] и мое должны быть получены.

Порою вздрогну, грустный звукъ раздастся въ груди, но это, ей-Богу, все за *нихъ*, мнѣ жаль будетъ ихъ, ежели... но ежели они не могутъ быть причастниками нашей любви, нашего блаженства, это не отъ насъ, это оттуда. А въ самомъ дѣлѣ, можно бы умереть, ждавши субботы. но —я вѣрую!

Всѣ эти дни они меня утомили, я читаю имъ преосвящ. Михаила, митрополита Новгородскаго и Петербургскаго, они не понимаютъ. толкую имъ,—всетаки не понимаютъ. спорятъ и сердятся; это меня доводитъ до того, что я готова бы ихъ наказать, какъ дѣтей, плакать о нихъ готова. и молиться,—что за несчастные, Боже мой! Изведи, изведи, мой ангелъ. твою Наташу отсюда, здѣсь

она ничего *не можетъ*. Изведи скорѣе, не то на вопросъ сострадательнаго скажутъ:

Ее вотъ здѣсь похоронили,
Тужить не велѣно объ ней,
Теперь бѣдняжкѣ веселѣй.
Она кого-то все ждала.
Не дождалась и умерла („Безумная“ Козлова).

Вечеръ, 24 февраля, четвергъ. Ничто не можетъ выразить непреодолимаго желанія моего субботы, въ немъ нѣтъ ни страха, ни досады, ни тоски. Узнать, будешь ли ты, вольно предаться ожиданію, считать каждый мигъ, а потомъ, потомъ узнать, *которымъ* путемъ идти мнѣ къ тебѣ, мой свѣтъ, моя жизнь, цѣль бытія моего!

Что мнѣ посохъ иль карета, власяница иль парча? Кто мнѣ спутникъ — люди или Богъ? Востокъ мой, мой ангелъ, спаситель мой! научи меня выразить, что тутъ, въ груди, тутъ такъ хорошо, такъ свѣтло, такъ все любовь, все ты. Я не нахожу ничего, что-бъ достойно выразило все это, скажи мнѣ... нѣтъ, не говори! не говори, Александръ, не смотри на меня, дай мнѣ лицо скрыть на груди твоей... огради меня отъ всѣхъ взоровъ, огради отъ дыханія всѣхъ, не вели вѣять на меня зефиру, не вели небу смотрѣть на меня, въ твоей груди мое все, я вся ея!..

Я говѣю—лишняя мысль, лишнее слово мнѣ преступленье, я трепещу дать отвѣтъ въ немъ. Ты—я вся, ты мой постъ, мое освященіе, ты сообщеніе мое съ Нимъ, ты смерть моя и жизнь, потому что тобою я умерла міру и воскресла Богу; ты—отецъ мой, мое начало, безъ тебя, я бы только *родилась и умерла*, а ты далъ мнѣ *жизнь*, Александръ! Я истинная дочь твоя, твое созданіе, посмотри на меня, порадуйся. Безъ тебя—я наслѣдница десяти тысячъ, воспитанница кн. Марьи Алексѣевны, достойная супруга Снакс., и потомъ—покойница. Ты убилъ во мнѣ все это, ты лишилъ меня всего этого, лишилъ и *ихъ* меня, ты сотворилъ меня Его! Откуда этотъ свѣтъ, откуда эта свобода, святость, эта жизнь, которою живутъ лишь *тамъ?* Александръ, откуда дивное это созданье изъ одной любви? Но не говори, я склонюсь къ груди твоей, въ ней отвѣтъ.

Съ каждымъ мигомъ во мнѣ растетъ *твоя Наташа*, съ каждымъ шагомъ ей становится тѣснѣе этотъ сосудъ или, лучше, этотъ черепокъ, пустѣе эта земля сухая, перемѣшанная съ соромъ, убійственнѣе этотъ климатъ! Ежели .. я соберу всѣ мои силы, но не знаю, столько ли ихъ, чтобъ перенесть. Нѣтъ, на родину, на родину! Къ тому, чей я лишь лучъ, лишь капля, лишь тѣнь одна... къ тебѣ, къ тебѣ! Пустите меня, что вамъ я? Маленькій цвѣтокъ въ травѣ, вы не замѣчаете меня и наступаете на меня ногою. А для *него*—я образъ и подобіе Всесоздавшаго! Во мнѣ онъ узналъ Его и палъ передо мною лицомъ на землю, онъ же меня и садилъ, и возрастилъ, отдайте ему меня, я не ваша. Знаешь ли, ангелъ мой, мы не умремъ уже потому, что уже мы умерли: смерть—или наказаніе, или *переходъ* въ блаженную вѣчную жизнь; намъ ужъ не будетъ этого перехода, рожденіе ясно — 9 апр., а переходъ совершился незамѣтно, мы живемъ уже *тою* жизнью, жизнью, которой нѣтъ конца. Порогъ перешагнули, остается совершенствоваться, течь и, достигнувъ совершенства, то есть, до безпредѣльнаго океана,—разлиться въ немъ.

У меня нѣтъ мыслей, столь высокихъ и прекрасныхъ, чтобъ составить *наше тогда*. Ахъ, Александръ, я не знаю, что со мной. Другъ мой, неужели есть свѣтлѣе, неужели есть выше? Неужели есть другое тамъ?

Позднѣе.—И какъ же воротиться или умереть, то есть, опять снова родиться? Какъ съ полудня на востокъ возвратиться солнцу? Какъ вторично сойти на землю? Нѣтъ, нѣтъ, семь недѣль, только 7 недѣль. Что будетъ со мной, какъ скажутъ: Христосъ Воскресе!?

25 пятница. Письма твои приносятъ мнѣ на другой день полученія, а иногда и въ тотъ же день, я всѣ получила, ты увидишь изъ прошлыхъ моихъ писемъ. Прощай. Иду исповѣдываться—въ послѣдніе ли эта исповѣдь въ спальнѣ кн[ягини]? Ахъ, что-то завтра?! Прощай, Богъ съ тобой.

Твоя *Наташа.*

24 февраля, Владимiръ.

Другъ милый, получилъ твои письма отъ 22. Святая, чистая подруга, благодарю тебя, дай же руку, я ее прижму къ груди крѣпко, крѣпко. Теперь ты знаешь настоящій отвѣтъ, со стороны пап[еньки] рѣшительно бояться нечего. Пора открыть глаза княгинѣ. И вотъ случай: ежели вы ни какъ не сладите съ портретомъ, я буду писать. Однако, воля ваша, я не понимаю, какъ вы не умѣли сдѣлать этого, постарайся еще, портретъ это одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній. Я погожу писать, но ежели рѣшительно нельзя,—потребую его. Наташа, теперь надобно признаться: насъ (и особенно меня) много пугали чудовищные образы, которые на дѣлѣ не существуютъ; за наказанье мнѣ явились они въ душу—и какъ терзали.

Письмо твое прелестно къ Мед., но два замѣчанья я скажу. Объ ней ты не говоришь ни слова, а, подчеркнувши слово «*я васъ знаю*», ты показала, что знаешь ея страданія, мнѣ кажется, слѣдовало бы что-нибудь сказать. Второе—ты чрезвычайно ярко передъ ея глазами поставила картину нашего счастья: любовь самая не можетъ такъ подавить, какъ именно счастье. Впрочемъ, это мнѣ такъ пришло въ голову, и я въ первомъ письмѣ пошлю къ ней. Благодарю, душа моя, что исполнила эту просьбу.

Ты слишкомъ предаешься надеждамъ, почему ты говоришь 7 недѣль? Да развѣ мнѣ есть дозволеніе ѣхать? А какъ откажутъ? На что мнѣ вѣрной человѣкъ, я напишу съ Ег. Ив. У насъ съ папенькой ладъ, не знаю, что будетъ далѣе, я дѣйствую неусыпно. Не могу, не могу долѣе жить безъ тебя; мечта, какъ я уже писалъ, скораго соединенія поглотила все. И вотъ я бросаю взоръ, полный ненависти на эту цѣпь, которая приковала меня здѣсь, зубами ты бы ее перегрызъ. Ахъ, что ни говори, а жестокое дѣло разлука, забудешь, забудешь, а все-таки голова ищетъ груди родной, и уста жаждутъ святого поцѣлуя. Наташа, очень грустно, очень.

25 февраля, пятница.—Ты совсѣмъ отвергаешь богатства,—это несправедливо. У меня нѣтъ корыстолюбія, нѣтъ привязанности къ роскоши, я богатствомъ готовъ жертвовать другу, обстоятельству, но не отвергаю его. Тебѣ незнакома жизнь, богатство—это свобода. Свобода, во-первыхъ, дѣлать, что хочешь, жить, какъ хочешь, свобода не заниматься *хозяйствомъ*, а хозяйство пятнаетъ саломъ. У меня былъ передъ глазами ужасный примѣръ—Витбергъ. Онъ, твердо переносившій удары жестокіе, не можетъ перенести гнетущей бѣдности. Другой примѣръ Мед., и ей надобно въ этомъ отношеніи отдать полную справедливость: она вовсе не думаетъ о томъ, что ей нечего ѣсть, и это придаетъ ей особую поэзію. Впрочемъ, теперь намъ можно перестать готовиться на мате-

ріальныя бѣды, —ихъ не будетъ, я увѣренъ. Впрочемъ, это мой департаментъ, твой — одна поэзія, одна религія и любовь. Я уже писалъ, что отъ Полины и Скворцова ни строки, мнѣ больно это: дружба имѣетъ свои права, и она щекотлива. Я писалъ имъ два раза, теперь не напишу долго, очень долго, можетъ, до нашей свадьбы. А моя симпатія была сильна, моя душа была имъ раскрыта больше, нежели всѣмъ, осыпающимъ меня дружбою изъ Вятки. Они меня *любили*. Я имъ былъ необходимъ. Я ихъ ужасно выдвинулъ впередъ, я ихъ обрекъ на высшую жизнь, я отпечаталъ на нихъ свою душу, и у нихъ нѣтъ необходимости перекликнуться со мной. И мы говорили часто, пусть *тогда* люди забудутъ насъ, но друзья останутся друзьями. И Матвѣй, и Саша имѣютъ мѣсто въ душѣ, тѣмъ паче тѣ, родные по душѣ. Но погожу еще ихъ винить, погожу ставить на одну доску съ Вадимомъ и Тат. П. Знаешь ли, что кто однажды потеряетъ въ моемъ мнѣніи, тотъ ужъ ничѣмъ въ свѣтѣ не поправитъ *никогда*. А Вадимъ *единственная* ошибка въ моей жизни, иногда даже мнѣ кажется, что я въ немъ не ошибся, а онъ совершенно сдѣлался другой человѣкъ. Сатина, напр., я никогда не любилъ (онъ меня всегда и теперь); но его одна вина— слабость характера; больше его упрекать грѣшно, въ немъ много благороднаго и хорошаго. Итакъ, думая объ этомъ, часто приходитъ мнѣ въ голову—наше trio одно чисто, свѣтло, безъ пятна: *Огаревъ, ты и я*. Отъ души люблю многихъ, *но...* а тамъ, въ нашемъ trio, нѣтъ *но*. Напр., Кетчеръ; люблю его, онъ чистъ и благороденъ до невозможности, онъ пойдетъ въ петлю за меня, но кого онъ любитъ? Твоего Александра, или Александра, которой сильной мыслью опередилъ многихъ, которой съ малыхъ лѣтъ пренебрегъ для науки и идеи всѣмъ, которой страдалъ за нихъ и страдаетъ? Кетчеръ такъ былъ исполненъ любви къ тому Александру, что твой Александръ, не желая огорчить его, не смѣлъ сказать нашу мысль полнаго пренебреженія славы, полнаго погруженія въ море любви. Хотя они на словахъ и ставятъ чувство выше мысли, но на дѣлѣ не то. Съ другой стороны, возьми Витберга: нельзя родного сына больше любить, какъ онъ меня; но мужъ второй жены, мужъ пустой женщины, на которой женился въ силу ея красоты, можетъ ли понять *все* нашей любви? Ты пишешь о моихъ письмахъ,—да, вѣдь, они только для *тебя* хороши, потому именно, что душа наша одна. Невѣста можетъ сердиться, что нѣтъ похвалъ ея глазамъ, улыбкѣ, устамъ, бѣлизнѣ, ногѣ etc., etc., такъ точно, какъ Наташа могла бы сердиться, ежели-бъ это было. Странный примѣръ пришелъ мнѣ въ голову. Въ *колоссальную* эпопею французской революціи были два человѣка, оба пламенные, оба представители партіи и оба ненавидѣвшіе другъ друга: Лафайетъ и Барнавъ. По душѣ Лафайета казалось *довольно* ограничить короля, и, ограничивъ его, онъ былъ счастливъ. Но душѣ пламенной Барнава не было границъ, и онъ требовалъ республики. Языкъ Лафайета казался ему сухъ, недостаточенъ, бѣденъ; такъ точно, наоборотъ, тому языкъ Барнава казался сумасшествіемъ. Вотъ исторія нашихъ писемъ и всѣхъ другихъ. А между тѣмъ, они оба правы, *какъ они*.— Будь увѣрена, Наташа, что еще ни одинъ человѣкъ не объяснялъ любви кровавымъ примѣромъ Барнава,—это совершенно ново, и я могу требовать привилегію. Прощай, милый, милый другъ. Я сегодня видѣлъ во снѣ... кого?—ты думаешь тебя? вовсе не тебя, а Витбергову дочь, будь учтивѣе и увидь меня. Ангелъ!

26, суббота. Знаешь ли, что меня весьма занимаетъ, гораздо больше, нежели *всѣ будущія* хозяйственныя распоряженія? Я хочу тебѣ составить отчет-

ливый, полный планъ чтенія и занятій, это разъ, и другое особую библіотеку для тебя. Я много думалъ объ этомъ и, между прочимъ, придумалъ: главное занятіе чтеніе, но чего? Здѣсь первое мѣсто поэзіи (религія съ ней неразрывна), потомъ исторія,—исторія это поэма, сочиняемая Богомъ, это его эпопея; потомъ романы,—и больше ничего. Пуще всего не науки, Богъ съ ними; всѣ онѣ сбиваются на анатомію и рѣжутъ трупъ природы, науки холодны и худо идутъ къ идеальной жизни, которую я хочу тебѣ. Но тутъ не все сказано: какія поэмы, какіе романы? Не воображай, чтобъ отъ всей массы мыслей и чувствъ осталось въ тебѣ что-либо измѣненное, нѣтъ, тогда я вырвалъ бы книгу изъ твоихъ рукъ, въ тебѣ ничего не измѣнится и не должно. Но ты найдешь свою мысль, свое чувство раздробленное, разсѣянное, и книга сдѣлаетъ для тебя опытъ, то, что жизнь сдѣлала со мною. По-нѣмецки, при небольшой практикѣ, выучишься, объ этомъ и не думай, по-итальянски тоже; это вздоръ, только для лѣнивой толпы кажется неприступнымъ. Какъ я выучился въ Крут. по итальянски—въ два мѣсяца; какъ выучился въ Вяткѣ архитектурѣ—въ два мѣсяца. Но все это, и самое чтеніе подчиняю я моей живой рѣчи, да, я призванъ къ тому, чтобъ заплатить тебѣ долгъ: ты показала мнѣ небо, показала Бога, рай и себя; я покажу тебѣ землю, человѣка, ангела падшаго. За лазурь неба заплачу лазурью океана. О, какъ хороша наша жизнь будетъ лишь бы скорѣе, скорѣе. Для насъ все будетъ поэма—и мы, и природа, и Шиллеръ, и обѣдня, и зимній вечеръ въ холодной комнатѣ и лѣтняя ночь, душная, какъ грозное предчувствіе. О, Боже, какая же молитва выльется тогда изъ этой одной души! Довольно. Еще прощай. *Портретъ непремѣнно*, или я напишу. Ты очень хорошо было начала съ кн[ягиней] обращаться, продолжай читать, несмотря на ихъ дурачества, отвѣчай смѣло, и, ежели нужно, говори прямо о любви,—я благословляю на все. Теперь, вѣроятно, знаетъ Левъ Ал., я писалъ пап[енькѣ], что это не тайна.

Твой *Александръ*.

Поздній вечеръ 26-го февр., суббота, Москва.

Въ нашей жизни былъ день, который уже не можетъ повториться, такъ онъ дивенъ и великъ, другому нѣтъ мѣста на землѣ, другого нѣтъ въ небѣ—9 апрѣля. Были и еще дни прекрасные, но что же считать намъ *дни*, когда вся жизнь наша—дуновеніе Бога, любовь! Но *вчера* и *сегодня* —особенно изящны, полны и свѣтлы, на нихъ ярче Его милость и любовь къ намъ. Слушай. Заутреня, обѣдня и между ими молитва, сильное стремленіе къ совершенству, къ равенству съ Нимъ, любовь, размышленія и полное отверженіе житейскаго, но со всѣмъ тѣмъ *ожиданіе,* въ ожиданіи этомъ таилось что-то не отъ земли, и не отъ неба, и это что-то, какъ тончайшее облако, проходило по душѣ. Иду въ церковь, уже совсѣмъ одѣвшись, вдругъ таинственный знакъ, — я вмигъ наверху и—записка отъ Emilie!

Первое слово: «папенька позволилъ и благословилъ»... за мной идутъ, я расцѣловала посланницу, крѣпко сжала записку, со слезами и улыбкой восторга пошла въ храмъ Божій и *такъ* исповѣдовалась. Можешь же ты вообразить, какъ я была близка тогда Богу чистотою, который такъ близокъ ко мнѣ милостью. Исповѣдовавшись, я стала въ отдаленномъ углу церкви и дочитала записку; тамъ маменька меня поздравляетъ; что тутъ было со мной Александръ, — я не скажу, потому что сказать этого нельзя и всякое выраженіе умалитъ. Посмотри въ мою душу...

Тотъ путь, та жизнь лучше, но тамъ нѣсколько самолюбія,—тутъ же... о, ангелъ мой! ну, я не могу рѣшительно выразить, что со мною; что выше самоотверженія... ну, то наполняетъ меня.

Папенька! папенька! Счастливый старецъ, я поздравляю его съ новой жизнью, съ новымъ блаженствомъ, любитъ его Богъ! Никто, можетъ, не имѣлъ такой дочери! О, какъ бы я тихо, тихо стала у его изголовья, какъ бы молилась за него... и когда-бъ проснулся онъ... о, я стала бы на колѣна обнять его, облить ихъ слезами, покрыть поцѣлуями...

Александръ! Александръ! у насъ папенька, ангелъ мой, пойдемъ увѣнчать его радостью и любовью, будемъ его покой, когда онъ засыпаетъ, будемъ его свѣтъ и жизнь, когда пробуждается. Но я не дивлюсь, ты знаешь, моя душа давно звала его отцомъ и никакія возраженія, ни даже *твои*, не смогли заглушить ея голосъ. Правда, не находя рѣшительно *ни въ комъ* поддержки этой надеждѣ, я отдавалась мечтамъ о тайномъ соединеніи, отдавалась всему, что сопряжено съ нимъ: бѣдность и, можетъ, гоненія тебѣ, но я находила въ себѣ столько, чтобъ замѣнить все это. Но мысль о папенькѣ выходила бы всегда пятномъ на нашемъ солнцѣ. Странно, вѣря въ него совершенно, я совершенно готовилась не къ обрученью. Теперь чего же желать намъ? О, Александръ, что такое я, какъ могу я быть сосудомъ Его славы? но и кто же другой? Истинно: «Господь призрѣ на смиреніе рабы своея». Мы жили съ нашей любовью въ кругу друзей, въ кругу *нашихъ*, и раздолье было намъ, и мы не искали *далѣе*, и намъ казалось, намъ нѣтъ далѣе. Но папенька стоялъ у дверей круга другого, и онъ обширенъ и пространенъ, для него сошелъ Христосъ. Навсегда бы этотъ кругъ остался намъ чуждымъ, если-бъ папенька не отперъ намъ дверь въ него, не породнилъ бы насъ съ нимъ. Теперь теки наша любовь и въ дикія страны, и темныя и пустынныя. Ты ихъ сдѣлаешь свѣтлыми, живыми, святыми.

Давеча, вскорѣ послѣ причастья, получила письма (до 22-го). Истинно для перваго раза я не желала бы болѣе отъ папеньки; плати, плати ему, другъ мой, мы много виноваты передъ нимъ, особенно ты, онъ именно достоинъ сына—Александра. Я же—ты знаешь меня. Ежели онъ назоветъ меня дочерью... но, нѣтъ, я не выдержу, я не могу ничего скрыть, и при первомъ свиданьи упаду предъ нимъ на колѣна; въ самыхъ сильныхъ порывахъ души тѣло, оставленное, забытое, стремится къ праху, иначе со мною сдѣлается обморокъ, это что-то слишкомъ обыкновенно, слишкомъ женщина; нѣтъ, Александръ, передъ отцомъ твоимъ я буду твоей Наташей. Я всегда съ трудомъ удерживалась назвать его папенькой; каково-жъ мнѣ будетъ тогда,—да и на что? Еще свободнѣе смотрю я вкругъ себя. Знаю все, что будетъ, и всему въ отвѣтъ мое вѣчное: самъ Богъ благословилъ! я съ улыбкой выслушаю *все* (но не съ улыбкой ироніи, я никогда такъ не улыбаюсь) и скажу имъ: самъ Богъ благословилъ! потомъ благословлю ихъ и оставлю. Кн[ягиня] сказала давно уже: ежели чуть-что исполнится *изъ догадокъ ея*, ни минуты держать не станетъ. А потому надобно, чтобъ папенька совершенно привыкъ, полюбилъ мысль, что я ему дочь.

Что же отпускъ? тогда бы и говорить нечего; ежели же отказъ, — много, много предстоитъ работы. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Утомляетъ меня ужасно отыскивать улицы, квартиры и, наконецъ, провіантъ въ незнакомомъ городѣ—землѣ; полетимъ, полетимъ домой, тамъ лучше, тамъ не устанемъ, тамъ все наше.

Да, о портретѣ: рѣшительно нѣтъ надежды, я еще заговаривала съ кн[ягиней], она сказала, что подъ этимъ что-нибудь кроется,—ну, такъ можешь вообразить;

а глупо сдѣлала Emilie, увѣривъ ихъ, что *имъ* первымъ объявляетъ, и подло сдѣлала Насакина, разсказавъ все. Всего лучше пиши къ папенькѣ, теперь я *смѣло* ручаюсь за него! Захочетъ ли Егоръ Ив., чтобъ узнали всѣ, что переписка была черезъ него,—этого нельзя ужъ будетъ скрыть, какъ я докажу папенькѣ, что знаю о его согласіи?

Тебѣ не нравится названіе жениха,—это потому что ты смотришь на жениха здѣсь на землѣ; оно опыстылѣло намъ по милости Снакс.; но, вѣдь, и невѣста, —что такое невѣста здѣсь между людей? Для меня самое жалкое существо на свѣтѣ! Отвернемся же отъ земли: женихъ—Христосъ, невѣста—церковь! Нѣтъ, никакого нѣтъ названія достойнѣе тебя, какъ *женихъ Наташи*,—мой женихъ! У нихъ названіе это обезображено, твоя правда, унижено до невозможности; у насъ — свято, высоко, неподражаемо. Да посмотри и все у нихъ,—какъ изувѣчена молитва, храмъ, таинства, — все это каменное, все ничего больше какъ обрядъ, а гдѣ духовное, къ чему все это должно вести? Даже замужество, что такое у нихъ? Это ужасъ, пристанище и кусокъ хлѣба, хотя бы то было куплено страданіемъ цѣлой жизни. У насъ же,—я не иначе почитаю соединеніе съ тобою, какъ путь во святая святыхъ; раздѣленные, мы погибли бы. Онъ послалъ намъ другъ въ другѣ благодать, силу и крѣпость, Онъ самъ сошелъ къ намъ другъ въ другѣ. Прощай, свѣтъ мой, мой женихъ.

Ночь, 27-е, воскресенье. Хочу подумать, какъ будетъ и что, —нѣтъ, послѣ! Некогда, не до того, одна дума—ты, и дума свѣтлая, необъятная, и совершенно безъ формъ, безъ покрывала. Мнѣ не только странно, невозможно свести вѣчную любовь нашу въ это временное жилище, свести ее съ престола и, связавъ приличіями, заставить ходить въ маскѣ передъ *ихъ* глазами, и по начертаннымъ *ими* же дорогамъ,—это сверхъ силъ моихъ! Ну, кто теперь меня держитъ бѣжать къ папенькѣ, у ногъ его просить благословенія, и не возвращаться въ эту духоту (здѣсь я даже не жду обращенія)? Никто, а приличіе?.. а обстоятельства? Это ужасно! это навело на меня грусть; восторгъ и грусть—дивное сочетаніе! И впереди сколько еще восторговъ, сколько грусти. Почему же наша любовь не можетъ идти своимъ шагомъ. Покорность, покорность отцу небесному, *тамъ полное*,—а мы еще на землѣ.—Хотѣла *потолковать* съ тобою, но это послѣ, послѣ еще успѣю, это въ десяти словахъ, поговоримъ о томъ, что въ цѣлую вѣчность нельзя досказать. О, мой женихъ! мой Александръ, братъ! Боже, какъ свято наше *тогда!* теперь мы уже не въ притворѣ, а въ храмѣ, въ святая, *тогда* будемъ въ святая святыхъ. Ангелъ мой, ты противъ уединенія, я за него! Пусть нагрянетъ къ намъ весь хоръ друзей, меня станетъ, я разомъ ихъ всѣхъ обниму, я съ ними—твоя Наташа и, стало, свѣти, моя любовь, лейся, лейся вольною волной, это родное море! Ежели же... словомъ, для меня невыносимо, я не могу нѣсколько минутъ пробыть въ маскѣ, она уже и то меня задушила. Итакъ, уединеніе, уединеніе! Мое *тогда* виднѣется лампадой, слышится гимномъ, а не лампой, не романсомъ. Мы много будемъ заниматься, ты меня учить, я—учиться, и любить, любить и любить.

Какъ легко, какъ свободно и какъ полно, какъ забываешь, *что надо дѣлать!* Одна мысль въ будничномъ платьѣ утомляетъ меня ужасно, я люблю все дѣлать, не обдумавъ, слушая голосъ сердца, потому-то я и безумная, даже для Emilie. Не занимайся и ты ради любви квартирой-то нашей и ея удобствами, а скорѣе домой, домой—тамъ хорошо.—Что же отпускъ, отпускъ? Тогда вся забота съ рукъ долой. А тайно сюда въ случаѣ отказа пріѣхать нельзя,

потому что есть въ домѣ цѣлая семья, въ родѣ Мар. Ст., а въ Загорьѣ—*безъ сомнѣнья.*

26 февраля, Владимiръ.

Natalie. Это письмо тебѣ доставитъ Егоръ Ивановичъ и потому въ немъ скажу, на что я спрашивалъ, вѣрны ли люди. Здѣсь надзора почти нѣтъ, 15 часовъ ѣзды, и я въ Москвѣ. Матвѣевъ паспортъ на заставѣ и черезъ два часа опять въ путь. Опасности нѣтъ, ежели не захватятъ въ Москвѣ; здѣсь не можетъ ничего быть, ибо само начальство будетъ виновато, зачѣмъ допустили, они же и скроютъ. Итакъ, въ случаѣ отказа изъ Петербурга, назначь день *и часъ*, вели тому изъ людей, кто всѣхъ надежнѣе дожидаться; я изъ трактира пришлю мальчика, первой какой попадется: затѣмъ изъ людей кого назначишь часами двумя раньше, и онъ проводитъ меня,— но главное, чтобъ никто не узналъ, что нога изгнанника касалась родного города.

Ежели я успѣю совсѣмъ склонить папеньку на нашу сторону, тогда напишу въ Петербургъ, чтобъ меня отпустили на два мѣсяца для свадьбы, и это навѣрное уважится.

Чѣмъ больше я смотрю, тѣмъ необъятнѣе мнѣ кажется шагъ впередъ, который мы сдѣлали съ 12-го; мы еще не могли отдать себѣ полнаго отчета во всей важности его. Все, что требовалось сыновнею любовью, сдѣлано, имъ нѣтъ оправданья, а мнѣ—голосъ сильной принадлежитъ. Итакъ, вотъ эти непреоборимыя препятствiя! Теперь мнѣ надобно блеснуть собою, *очаровать* ихъ, и полная власть въ моихъ рукахъ. Мнѣ очень хочется, чтобъ княгиня знала, ежели это не помѣшаетъ перепискѣ и портрету. Повторяю: перестань слѣпо слушаться, читай открыто Донъ-Карлоса, что будетъ, то будетъ. Тебя будутъ щадить теперь, боясь меня; что они ни говорятъ, а чувствуютъ, что я сильнѣе. Помнишь ли, какъ княгиня сердилась за мою приписку къ тебѣ (молиться вмѣстѣ),—а меня благодарила за нее. Покуда я говорилъ полусловами, папенька душилъ меня своими письмами, а когда я сказалъ прямо,—отступилъ тотчасъ; положимъ, что это одна любовь съ его стороны, и въ этомъ случаѣ, стало, я поступилъ, какъ надлежало.

27 февраля, воскресенье, ночь. — Опять почта, и опять нѣтъ письма,— скажу откровенно, мнѣ больно, что нѣтъ письма. Пусть въ другое время недѣля ничего, а теперь, когда каждую минуту ждешь многого, страдальчески ждать, ждать почты и не получить письма,—это ужасно! Я писалъ объ отвѣтѣ папеньки 22-го, почта изъ Москвы 26-го, слѣд., надобно было получить отвѣтъ, и ничего; вѣрно ты писала, такъ скажи мам[енькѣ], чтобъ аккуратнѣе посылали, ну, лишить человѣка воздуха, которымъ онъ дышетъ... Наташа, я тогда только не страдаю, тогда счастливъ, когда твое письмо передо мною, когда же почта безъ письма, я именно тотъ, которымъ ты меня не любишь, тогда иронiя надъ тѣмъ, что нѣтъ письма, надо всѣмъ. Пиши же, другъ мой, пиши!

Мед. прислала картинку къ «22-го октября»—превосходная, я пришлю тебѣ (она тебѣ и назначена) да тебѣ и ее велятъ спрятать; напиши, прислать ли. О, въ ней много талантовъ, — жаль, жаль. А на кого проклятiя, — на ея отца... Чего думаютъ эти люди, когда они торгуютъ душой и тѣломъ родныхъ дѣтей; развѣ онъ не видалъ, кому даритъ цвѣтокъ, едва распускающiйся, — ей было 14 лѣтъ, когда отдали замужъ, и за кого? Бѣдная, и съ тѣхъ поръ вся ея жизнь слеза, страданiе, и я воткнулъ ножъ въ эту больную избитую грудь, избитую

тупымъ орудіемъ; я для разнообразія воткнулъ черкесскій кинжалъ, такъ острой, что нечувствительно,—и переломилъ клинокъ. Анаѳема на толпу, на предразсудки, на этихъ полулюдей, которые въ жертву корысти отдаютъ счастье. Но, вѣдь, не благословеніе и тому, *выше толпы*, который дорѣзываетъ жертву.

И изъ Петербурга нѣтъ отвѣта. Что же, мало еще я страдалъ? Мало 9 мѣсяцевъ тюрьмы и 3 года ссылки, и за что?

> Galilée par trois ans de prison
> A expié le grand malheur d'avoir trop tôt raison.

Любви, счастья жаждетъ душа, жаждетъ той груди, гдѣ алтарь ей, гдѣ молитва за нее, гдѣ мысль объ ней, гдѣ сердце бьется для нея,—и вмѣсто всего снисходительное приглашеніе обѣдать къ губернатору: «вѣдь онъ изъ *несчастныхъ*, il povero! Ха-ха-ха! il povero богаче васъ всѣхъ, il povero извѣдалъ всю жизнь, адъ и рай, онъ обжегся о пламень одного, онъ отогрѣлся лучами второго. Да что же я для шутки отданъ на мученье, ужъ хоть бы мучили такъ, чтобъ было больно, ну, какъ 20 іюля 1834, это чувствительно, это занимаетъ; а то, какъ Вестфальскаго гуся, кормятъ, поятъ, холятъ, а нога прибита гвоздемъ, онъ имѣетъ право — потолстѣть. Въ Италію, въ Италію съ тобой, мой ангелъ, отдохнуть отъ людей, дать волю фантазіи, забыть, что существуетъ канцелярія, кабинетъ, департаментъ, поскитаться по горамъ, поноситься по морю. Тихо— тихо, все спитъ, природа во снѣ видитъ минуту просвѣтлѣнья, луна навѣваетъ этотъ сонъ, море, какъ вороненая сталь, опоясываетъ землю, и двое не спятъ, нѣтъ, не двое, а это нераздѣльное одно Александръ-Наталія, они въ гондолѣ; Александръ переливаетъ свою безпокойную мысль, въ ней слава и любовь, страданіе и счастье, воспоминанье свѣтлое и воспоминаніе черное, слово объ Огаревѣ и слово о ссылкѣ, онъ переливаетъ ей мысль, заражавшую грудь, и ту, которая ее освящала. А она переливаетъ свою мысль Богу, и въ этой молитвѣ и стонъ Александра, и гимнъ Александра. А море плещетъ, и въ этомъ плескѣ и стонъ природы, и гимнъ природы. Наташа, Наташа, твое сердце бьется,—останови его: еще прежде надобно сходить въ Владимірское губернское правленье, а тамъ... Фу! Отчего же нѣтъ письма?

28-го, понедѣльникъ.— Да, вотъ съ тѣмъ же вопросомъ и проснулся я сегодня: отчего нѣтъ письма? Я избалованный ребенокъ, такъ меня называли и товарищи въ университетѣ и друзья, и Вятка. Какъ, чѣмъ?—Симпатіей. Ты избаловала всѣхъ больше и вотъ я капризничаю, какъ дитя, какъ женщина, оттого что нѣтъ письма, и самъ придумываю мрачныя объясненія для того, чтобъ оправдать свои капризы. Ежели Егоръ Иванов. достанетъ первую книжку «Сына Отечества», прочти Лавинію и поклонись высокой женщинѣ, которая пишетъ подъ именемъ George Sand, я давно хотѣлъ тебѣ дать ея сочиненія, они очень вредны для толпы, т. е., очень полезны для тебя. Какъ только отпечатается прекрасный переводъ Фауста (Губера),—пришлю. Сперва прочти и отдохни, займись вздоромъ, ну, поговори съ Татьяной Ивановной, и когда пройдетъ, прочти еще разъ. Тамъ-то ты увидишь *страданіе отъ мысли*, ты его не знаешь. О, и я былъ влюбленъ въ науку, и я отдался бы Мефистофелю,—ежели бы не ты. Вотъ тебѣ первая статья—«Мысль и Откровеніе»— пожалуй читай ее вслухъ, въ ней ровно ни строки не поймутъ *они*. Кетчеру выговоръ написалъ.

Черезъ полчаса!—Смѣйся, ангелъ, смѣйся, я самъ хохочу отъ всей души. Ну, ужъ истинно я баловень въ формѣ. Письмо твое отъ 25-го было у другого

почтальона, и вотъ оно. Другъ мой, душа моя — я ожилъ, ну. смѣйся же, и ты меня зовешь баловнемъ. въ самомъ дѣлѣ, побѣдная головушка. А между тѣмъ предчувствіе было вѣрно, тоска была вѣрная,—черная туча поднялась на нашемъ небѣ. Господь, развѣй ее своимъ дуновеніемъ. Путь нашъ, Наташа, труденъ, но однажды соединенные, однажды слитые, мы побѣдимъ, и ежели умремъ на полдорогѣ,—все же побѣдимъ, только побѣду будемъ праздновать не на Арбатѣ, а въ лонѣ Божіемъ. Слушай!

Папенька поступилъ со мною неоткровенно, онъ хотѣлъ вывернуться своимъ отвѣтомъ и, получивъ мое второе письмо,—такое письмо, которое, Ей-Богу, должно заставить отца пролить слезу восторга—онъ перемѣнилъ языкъ: холоденъ, презрителенъ языкъ, которымъ онъ замѣнилъ. Это очень дурно. Это хуже рѣзкаго отказа,—и вотъ все то, что я боялся, какъ огня, упреки въ неблагодарности, и то гнетущее, ужасное, какъ проклятіе, слово: ты убиваешь меня. Онъ пишетъ мало, но говоритъ много, онъ хочетъ *просить* меня при возвращеніи. Но, Наташа, жребій брошенъ, здѣсь присягаю я тобою и твоей любовью, присягаю передъ Богомъ, что назадъ не подамся,—кончено, присяга совершена, *анаѳема на неисполнителя клятвы!* — Теперь своими словами я отрѣзалъ всѣ пути. Одно, что я могу пожертвовать *за благодѣянія*—отсрочку, и то ограниченную, и то это значитъ мясомъ, кровью, клочками сердца платить. Онъ оставляетъ мнѣ волю, говоритъ, что не сдѣлаетъ ни малѣйшаго препятствія,— но послѣ того не хочетъ ни даже встрѣчаться съ тобою и со мною. Это значитъ смѣяться надо мною. Да и что же я дѣлаю противъ него, что страшитъ: родство? Да когда они такъ пламенно исполняли законъ Номоканона, и объ родствѣ же упомянулъ вскользь. А совѣтъ искать согласія княгини,—это что же, ужъ не насмѣшка ли? *Дай Богъ, чтобъ это была не насмѣшка.* Въ меня безнаказанно нельзя бросать насмѣшкой. Попробую послѣднее средство, скажу, что я жертвую тобою на нѣсколько лѣтъ, но за то всѣ эти годы *не служу*. Ты не поймешь сразу, какое это сдѣлаетъ дѣйствіе: у пап[еньки] рой гордыхъ мыслей основанъ на моихъ талантахъ, но *мои* таланты *мои*. Разрывъ—тутъ много ужаснаго, безнравственнаго, одинъ грубый отказъ могъ бы сдѣлать законнымъ его, но скорѣй разрывъ, нежели уступка. Я все уступаю, поставивъ одно условіе—обрученье, его надобно мнѣ уступить. Позоромъ, бранью покроетъ толпа, поклонимся глупымъ братьямъ и примемъ ихъ брань. Будь и ты *тверда и неумолима*, какъ твой Александръ. Само собой разумѣется, что теперь вредъ, а не польза, ежели сказать княгинѣ. Прощай. Не думай, чтобъ меня поразило все это, хотя горько, больно признаться, но я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Все, что требовалось отъ сына,—сдѣлано!

Ночью.—Душно, все это вмѣстѣ навѣваетъ землю на нашу райскую любовь; что это въ самомъ дѣлѣ, мои письма становятся непохожими на ту безотчетную пѣснь любви, полную горя и блаженства. Еще разъ откровенно дадимъ другъ другу руку и пойдемъ страдать, мы все могли предвидѣть, а, какъ дѣти, предаемся мечтамъ. «Твое страданіе—искупленіе мнѣ».

Наташа, что же портретъ? Слушай, нельзя ли это сдѣлать секретно, утромъ рано во время сна ея сіят.? Милый другъ, постарайся потѣшить баловня. Вѣдь, въ два, три утра можно сдѣлать. Я хоть на мертвой бумагѣ остановлю свой взоръ, пламенно поцѣлую ее, оботру ею слезу, приложу къ горячему челу и мнѣ покажется, что живой, мягкой локонъ касается моего лица. О! — Егоръ Ивановичъ ѣдетъ,— это хорошо, послѣ всѣхъ посѣщеній, послѣ всѣхъ вѣстей, послѣ

писемъ, мнѣ надобно одиночество. Въ одиночествѣ лучше я. Ни одного холоднаго слова объ Ег. Ив., несчастіе имѣетъ огромное право для меня. Это человѣкъ, убитой при первомъ чувствѣ. Его жизнь ужасна,—она въ конецъ испортила и характеръ. Привѣтъ несчастью, привѣтъ. Ты говоришь, что тогда я буду всѣмъ чужой, кромѣ друзей. Дитя, а теперь? «Ты не похожъ на себя». Нѣтъ, Наташа, мое судорожное ожиданіе не слабость, я доказалъ свою твердость и правительству и людямъ, тутъ другое чувство. Ежели бы ты играла въ карты, то я бы сравнилъ это чувство съ отчаяннымъ Va banque! все на картѣ. Банкометъ бросаетъ и блѣденъ, понтеръ ждетъ и блѣденъ, карты еще нѣтъ, и между той картой и первой цѣлая жизнь, исполненная страданій и надеждъ,—у меня вышло pliez, т. е., ни выигрышъ ни проигрышъ, это всегда досада обоимъ. Почему на меня все это сильнѣе дѣйствуетъ,—ты забываешь, мой огненной, порывистой нравъ, и еще ту гордость, которая *не можетъ* вынести препятствій. Въ твоемъ созерцательномъ нравѣ нѣтъ этихъ жгучихъ страстей. Прощай, мой ангелъ, прощай. Или ужъ свиданье оставить до Загорья. Тамъ гдѣ-нибудь въ лачугѣ я проживу нѣсколько дней. Извольте приказывать, Наталья Александру.

1 марта—Картину Мед. посылаю, мысль ея она взяла изъ виньетки одной англійской поэмы. Она не совсѣмъ такъ, но очень хороша, превосходна. Да и въ самомъ дѣлѣ, для того чтобъ поднять меня, ты сама опираешься на адъ. Береги ее, она принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыя надобно взять съ собою и какъ воспоминаніе и какъ упрекъ себѣ.—Когда я ворочусь, при нихъ говорить *ты*. Еще и еще благословенье Бога надъ тобою, ангелъ. Зачѣмъ ты написала въ письмѣ стихи Козлова: «не дождалась и умерла»? Зачѣмъ давеча я ихъ вскользь замѣтилъ, а теперь они меня толкнули въ черное море грусти.

28, понедѣльникъ.

Ненасытна душа, опять жду и жду съ нетерпѣньемъ письма, дай Господи отпускъ! Тогда отсрочки—сколько хочешь, лишь видѣть тебя, мой Александръ! Это ожиданіе и сомнѣніе навели на меня грусть, и я цѣлый день грустна. До Загорья долго, о, какъ еще долго... нѣтъ, Господи, будь милостивъ. Впрочемъ, ежели ты пріѣдешь, ужъ мнѣ не быть здѣсь; ты *имъ* скажешь, я скажу — и въ ту же минуту кн[ягиня] велитъ оставить домъ. За здѣшнимъ порогомъ мнѣ свободно быть съ тобою,—а чего же больше? Да ежели и не пріѣдешь, не надолго же я здѣсь: папенька ежели докажетъ сколько-нибудь чувства,—я не выдержу; тогда я не знаю, что со мной будетъ, стало, все открыто, и меня выгонятъ. Если же и не такъ, ты напишешь кн[ягинѣ], я скажу,—выгонятъ! Всѣми манерами я не жилица ея сіят., и здѣсь мнѣ «не годъ годовать». А гдѣ Богъ приведетъ, не знаю, да это все равно. Меня невыразимо утѣшаетъ, что мы будемъ утѣшенье папенькѣ, здѣсь отвергли и мою любовь, и меня; я желала бы излить на нихъ море радостей, но не могу и одной капли; онъ не отвергъ.—благословеніе надъ нимъ Божіе!—А знаешь ли, мой ангелъ, рядомъ съ этой дивною, безпредѣльной жизнью, стоитъ свѣтлая, безпредѣльная же мысль: если бы мы, обнявшись впервые, наглядѣвшись, наслушавшись, перешли въ жизнь вѣчную!.. Но не будемъ выбирать, все Ему, Ему! Всего болѣе меня радуетъ твоя твердость, но это не я, Александръ, а Богъ. Ежели ты соглашаешься, что я твое созданье, я соглашусь, что я перемѣнила тебя. Да, посмотри, ангелъ мой, видна ли на мнѣ хотя чья-нибудь черта,— рѣшительно нѣтъ. Почти на

всѣхъ разноцвѣтныя печати, на мнѣ ничьей: однимъ надо было платить деньгами за сургучъ, другіе были слишкомъ слабы, у нихъ не было столько души, чтобъ докончить меня, и такъ я осталась одна, не клейменая клеймомъ обыкновеннымъ, стало, я ничья, никому не принадлежу, тебѣ, тебѣ! Ты меня началъ и кончилъ. И теперь, въ разлукѣ, на рукахъ дружбы, согрѣтая ея привѣтомъ, убаюканная ея пѣснью, я забываю все и живу лишь въ тебѣ, въ одномъ тебѣ, чтожъ *тогда*?.. О, Александръ, о, мой женихъ!—Завтра жду Ег. Ив. Итакъ, пока о туалетѣ. Ты хочешь мое мнѣнье... Можетъ, и хорошо и необходимо въ дѣвушкѣ и женщинѣ желанье наряжаться,—для меня ничего нѣтъ изящнаго въ пышномъ и богатомъ нарядѣ, изысканность и украшенія отвратительны; особенно не могу терпѣть вещей, а изъ нихъ особенно серьги; мы съ Сашей Б. совершенныя гонительницы на этотъ родъ украшеній, безпокойный и дикій. Ни на что такъ не жаль тратить время, какъ на туалетъ. Тебѣ нравится охота наряжаться въ *дѣвушкѣ* и *женщинѣ*, а *мнѣ* оставь мою безпечность, позволь туалету моему ограничиться тѣмъ, что останется отъ пышности, изысканности и богатства. То же самое и въ столѣ: да, я никогда-бъ не назначила особеннаго часа для пищи, это что-то слишкомъ унизительная покорность тѣлу. Ежели-бъ описывать все, я-бъ вышла птица на вѣткѣ; скучно говорить объ этомъ и интересно, потому что все необыкновенно и, вѣроятно, никому другому такого вздора не приходило никогда въ голову. Послѣ объ этомъ. Унизительна для меня также покорность модѣ. Струею чистой, свѣтлой, свободной и божественной является мнѣ наша жизнь земная, а не жалкой невольницей нелѣпостей людскихъ и владычества стихій. Мы должны восторжествовать надъ толпою, и пусть кидаютъ грязью,—на нихъ же упадетъ она.

Охъ, близко, близко что-то... Какъ въ ту страшную ночь мнѣ казалось, что у меня ѣдутъ по сердцу—это, какъ я вообразила, что ты ужъ уѣхалъ; такъ и теперь раздаются въ немъ звуки, но звуки приближенья, звуки свиданья, а не той грозной, черной, смертельной разлуки.—Жилище мое здѣсь въ одинъ шагъ, но это былъ прелестный уголокъ; теперь же, послѣ первой мысли перешагнуть скоро здѣшній порогъ, онъ ни на что не похожъ; право, на станціи не ярче написано: проѣздомъ. Все по походному, все на мигъ, и меня тѣшитъ теперь величайшій безпорядокъ и разрушеніе во всемъ томъ, о чемъ я прежде имѣла даже попеченіе. Не сѣяла и цвѣтовъ даже. Дивенъ Богъ, дивенъ нашъ отецъ! Что-жъ будетъ наша жизнь, какъ не молитва!

Ночь. 1-е марта, вторникъ.—Душа, Александръ! что за дивное, что за чудное со мною. Какъ оглянусь назадъ,—нѣжный, маленькій цвѣтокъ, еще не расцвѣтшій, не взглянувшій на Божій свѣтъ, и ужъ подавленный терніемъ, и что за страданіе его дѣтство, что за страданье ждетъ его. А Всемогущій сошелъ самъ къ бѣдному страдальцу въ Александрѣ, и излилъ рай на него въ любви Александра! И сколько тутъ суждено было перенести,—прошло много, проходитъ и остальное. Дивенъ Богъ, слава Ему! слава Ему! Жизнь наша, которую я воображала до согласія папеньки, была бы прелестна, неподражаема: это свобода, это *все* другъ въ другѣ и никого кромѣ Бога, и ничего кромѣ любви!

Теперь измѣнилось все: мы невольные, мы зависимъ, благословеніе папеньки покорило насъ многому, оно связало насъ много даже со внѣшнимъ, но не отняло поэзіи, величія и святости любви нашей, о, нѣтъ! оно увеличило ихъ. Слезы восторга льются, когда вспомню, что не даромъ такъ сильно билось мое сердце при видѣ твоего отца, не даромъ я часто и долго останавливалась передъ его порт-

ретомъ — ни мысли въ головѣ, а сердце полно чувства, не даромъ съ жаромъ цѣловала его руку всегда, и разъ горько плакала, когда онъ мнѣ холодно сказалъ, что я слишкомъ крѣпко цѣлую его руку, наконецъ, не даромъ такъ громко и безусловно душа моя звала его отцемъ. Господи, благодарю тебя. Я была сиротою, другомъ, ангеломъ, но не была дочерью, — постъ священной, и много надо, чтобъ выполнить его. Любовь всему научитъ, а ты, Господи, благослови!

Сиротою я была вполнѣ ребячья душа; еще не понимающая ничего, понимала уже вполнѣ страданія и, не имѣя силъ оттолкнуть дѣтскою рукою горькую чашу, которую подносили добрые люди, я только и была *сыта*, что горечью. Дружба, — не знаю, кто-бъ довѣрчивѣе отдался ей, и кому бы она принесла столько. Друзья мнѣ замѣнили все то, что составляетъ жизнь отъ азбуки до перваго шага въ свѣтъ. Мнѣ было все чуждо, кромѣ чувства. Другіе учили буквы, я учила сердце; тѣ учили памятью, я учила душою, и внутренній міръ мой ширился, наполнялся свѣтомъ, границы стирались, онъ готовился быть храмомъ тебѣ, онъ уже былъ полонъ молитвы, и ничего не доставало къ благолѣпію его, въ немъ не доставало тебя. Другіе, выходя изъ школы, вступаютъ въ залу благороднаго собранія; я прямо изъ теплыхъ объятій дружбы перешла въ твои, Александръ! Поднявъ голову съ ея богатой блаженствомъ груди, склонила на твою грудь. — Женихъ мой! Небо отверзто, путь во святая святыхъ... Богъ... о, Александръ!

Мнѣ все дано вполнѣ, и я всему дана вполнѣ. Дочь! Сирота, другъ, ангелъ—воплочено ли, Александръ? Если *да*, воплочу совершенно и дочь. Отецъ, лишь открой объятія, не станови у двери, раздѣляющей насъ съ тобою, страшнаго сторожа — холода, дай отворить мнѣ ее, дай перешагнуть порогъ. Ты не знаешь, ты не испыталъ, и не предвидѣлъ даже того, что ждетъ тебя за этой дверью. Боюсь разсудительности его и недоступности; ограниченной я не могу быть ни въ чемъ; чего я не касалась, то не мое во вѣки; также не могу, расчитавъ, удѣлить немного,—не умѣю ни считать, ни дѣлить, беру все, и даю все. Поэтому-то мнѣ несносны такъ знакомства — другъ, иль ничего. Вся душа открыта, иль ни полслова. Средина — мое мученье, а иногда и избѣжать ея нельзя,—это ужасно. Я заговорилась о себѣ. Что-то ты, мой ангелъ? (А ты будто не я же?) Ужъ поздно посылала къ маменькѣ. Е. П. еще не пріѣхалъ, что-то привезетъ—отпускъ, отпускъ!—Знаешь ли, папенька помирилъ меня съ *ними*, то есть, указалъ на возможность обращенія ихъ, но они не обратятся. Жаль ихъ, жаль,—ни капли радости не умѣли они почерпнуть изъ моря наслажденій; учить ихъ—не мое. Они идутъ своей дорогой, намъ нѣтъ сообщенія, добрый путь!

На дняхъ подаютъ печатный листокъ о царѣ жуковъ изъ Бразиліи; вслѣдъ за нимъ премиленькая молоденькая нѣмочка, несчастная, едва можетъ слово сказать по-русски, я едва по-нѣмецки, но ей нечего было и говорить мнѣ; она напомнила мнѣ ярко Полину, сходства въ нихъ не можетъ быть ни въ какомъ отношеніи, но довольно — нѣмка! Я смотрѣла на нее, не насмотрѣлась, а надо мною порхала моя родная сестра изъ чужбины; отъ нея лилась мнѣ симпатія, я возсылала къ ней благодарность за чашу отрады тебѣ въ изгнаньи, казалось между нами исчезло все и оставалась одна музыка. Полина, увижу-ль я тебя?

Можешь вообразить, сколько Саша благодаритъ тебя,—я вдвое. Ну, прощай же; расти, расти, чтобъ скорѣе достать вѣнецъ, въ немъ пройдемъ мы по землѣ и станемъ предъ Нимъ. Твоя Наташа. — Я думаю, радость наша раздастся во всѣхъ концахъ вселенной. Писалъ ли ты въ Вятку?

2 марта, середа.

Я не знаю, билось ли сердце у тебя въ половинѣ второго; *я здѣсь*, т. е., К.: *секретно* и, слѣд., устрой свиданье. Завтра въ 9 я ѣду. Нынче же отдай приказъ Аркадью, я пришлю за нимъ изъ какого-нибудь трактира. Завтра въ 6 часовъ утра, чтобъ были отперты *вороты*. Разсуждать некогда, дѣйствовать. А. Г. [На томъ же листѣ бумаги написано рукою Наталіи Александровны]:

...Я сейчасъ видѣла Александра, не могу писать, дѣлай, что хочешь.—Середа 2 марта, 5 часовъ пополудни.

3 марта, 9 часовъ утра.

Итакъ, совершилось. Теперь я отдаюсь слѣпо Провидѣнію, только то я упросилъ, просьба услышана, твой поцѣлуй горитъ на моихъ устахъ, рука еще трепещетъ отъ твоей руки. Наташа, я говорилъ какой-то вздоръ, говорилъ не языкомъ, ту рѣчь, широкую какъ Волга, слышала ты. Это свиданье наше, его у насъ никто не отниметъ. Это первая минута любви полной, память ея пройдетъ всю жизнь, и когда явится душа тамъ, она скажетъ Господу, что испытала все святое, скажетъ о 3 мартѣ. Все волнуется... но не такъ какъ вчера, о, нѣтъ, что-то *добродѣтельное* (я не умѣю выразить), свѣтлое, упоеніе—слышалъ я слово любви изъ твоихъ устъ, что же я услышу когда-нибудь послѣ полнѣе, голосъ Бога?—Это онъ-то и былъ. Ты благословила меня, когда я пошелъ, но врядъ замѣтила ли, что тогда было со мной, я приподнялъ руку, хотѣлъ благословить тебя, взглянулъ, и рука опустилась, передо мной стоялъ ангелъ, чистой, Божій—молиться ему,—а благословляетъ онъ, и я не поднялъ руку.

Но теперь все это у меня смутно, перепутано, все поглощено однимъ — *видѣлъ* любовь, видѣлъ воплощеніе ангела, и быстро, какъ молнія, и также ярко, оно прошло,—о, нѣтъ, оно въ насъ, оно вѣчно, это свиданье.—Теперь я силенъ и святъ,—мнѣ свиданье было необходимо. Natalie, пусть же Провидѣніе безусловно царитъ надъ нами, лишь бы указывало оно путь,—идемъ. Быть великимъ человѣкъ, быть ничтожнымъ,—все, все, да и разницы нѣтъ, выше я не буду. Не молнія, а сѣверное сіяніе, нѣжно лазоревое, трепещущее, окруженное снѣгомъ. Я чувствовалъ огонь твоихъ щекъ, твой локонъ касался, я прижималъ тебя къ этой груди, которая три года задыхалась при одной мысли. Ты говорила. Чего же больше, умремъ. Нѣтъ, и это слишкомъ, воля Провидѣнія безусловная. И будто это не сонъ? Ну, пусть сонъ, за него нельзя взять не сонъ вселенной. Довольно, прощай, еще благослови путника, еще пламенный поцѣлуй его любви тебѣ.

Слава Богу, слава Богу!—[вырвано слово] я не хотѣлъ давеча долѣе оставаться,—мнѣ было довольно, о, ничего подобнаго и тѣни не было въ моей жизни. [На томъ же листѣ бумаги написано рукою Наталіи Александровны]:

1838 года, марта 3-е, четвергъ, 7-ой часъ утра. Я видѣла небо отверзто, я слышала гласъ Бога, возлюбленные! Слава въ вышнихъ Богу!

Третье марта, 10 часовъ утра, [Москва].

Не сонъ ли? Нѣтъ, такихъ сновъ не бываетъ. Прости, прости мнѣ, ангелъ: «не дождалась и умерла, прости, *я дождалась и не умерла*. Жить ли еще? Александръ!..

12 часовъ.—Александръ,—и болѣе ни слова. Довольно ли, ангелъ мой? Ангелъ мой, скажи, довольно ли?

Ты удаляешься отъ меня, и мнѣ не грустно, довольно!

О, теперь силы будетъ перенести столько же, сколько мы перенесли, еще болѣе.

Жизнь моя, душа, или ждать еще... да развѣ у Бога есть еще?

4-ый часъ.—Гдѣ ты? Здѣсь, здѣсь подлѣ твоей Наташи! Мы не разстались; тяжело мнѣ писать, но ты хотѣлъ. Что эти тетради-письма передъ одной минутой, передъ однимъ взоромъ твоимъ. Александръ, мы не разстались, вотъ твоя рука, твоя грудь.

Теперь только могу выговорить—благословенъ Богъ! Ангелъ, что же намъ будетъ еще на землѣ? Нѣтъ, погоди...

Какъ ты ушелъ, (но мы все-таки не разстались), я легла въ постель, и до сихъ поръ не встаю и не встану, тѣло отстало отъ души.

Ангелъ! ангелъ! вѣдь, не сонъ? Нѣтъ, и молчать-то тяжело. Да гдѣ же ты? Я думала навѣкъ останусь съ тобой, навѣкъ этотъ взоръ будетъ слитъ, рука, грудь .. Я не помню, какъ ты ушелъ, но мнѣ не грустно, нѣтъ, нѣтъ!

Я не могу глядѣть ни на кого, не могу слышать никого, чтобъ никто не подходилъ ко мнѣ. . далѣе, далѣе всѣ! далѣе—со мной Александръ!

Нѣтъ, ничего не отбавилось изъ души, полнѣе несравненно, въ груди тѣснѣе.

О! я забылась нѣсколько, но не сномъ обыкновеннымъ, голова на груди твоей... Кто-то вошелъ, я взглянула, —это столъ, столъ жесткой, деревянной. Гдѣ же ты, гдѣ грудь?

Ангелъ, ангелъ мой, о, жизнь! Какъ на далеко вкругъ меня свѣтъ, святость, зачѣмъ они подходятъ, стань стражемъ.

Пусть тройка мчитъ Александра во Владиміръ, онъ все-таки со мною. чья-жъ это рука, кто-жъ это цѣлуетъ меня?—Ты, ты. Чего ты желаешь теперь? я ничего.

5 часовъ. Меня навѣщаютъ, какъ больную, а душа, душа... Безпрестанно навертываются слезы, но не падаютъ на землю, ихъ ангелъ уноситъ на небо.

7-ой часъ.—Давеча такой же былъ свѣтъ, также полно все, также ты со мною. Да, вотъ твои глаза, твое чело... Ангелъ! Ангелъ мой, мой, мой!

8-ый часъ вечера, 3-е марта.

Говорятъ, мы были съ тобою часъ; какъ ты думаешь, мнѣ кажется, одинъ мигъ, но онъ еще длится и теперь, хотя ты и приближаешься уже къ Владиміру. Какое раздолье, по праву головной боли (но въ самомъ-то дѣлѣ я здорова) не приниматься ни за что, лежать спокойно, недвижимо, а въ душѣ-то *тотъ часъ*, седьмой часъ... Трудно писать, но ты баловень, захочешь знать, какъ все было,—итакъ, пока я одна. Многаго не помню и сама спрашиваю о себѣ у другихъ. Подробнѣе послѣ. Получивъ записку и письмо, я только и могла прочесть записку. Что было со мною, ангелъ мой: ни говорить, ни дышать не могла, о, да право, не могу сказать, что было; долго спустя велѣла передать приказъ Аркадію. Сумерки ходила, ходила долго, долго, потомъ надо было сидѣть съ ними, держала въ рукахъ работу и не могла сдѣлать стежка, ушла опять ходить, вздохнуть свободно, я думала, что грудь моя разорвется. Приходитъ Костенька, я разсердилась и съ досадой спрашиваю: «Что тебѣ надо?»—«Вамъ кла-

няется. завтра какъ можно раньше»... Я бросилась ей на шею. потомъ на диванъ, и одна слеза только выкатилась. Каково было,— ты знаешь. Нѣсколько разъ бѣгала наверхъ къ своему окну. и каждый прохожій, каждыя сани—все казалось мнѣ тобою. насильно отводили меня отъ окна. Наконецъ, огонь потушенъ, все спитъ. а я такъ, какъ была до этого недвижна. то прижмусь къ стеклу. то преклоню колѣна. потомъ силы меня оставили, вся какъ ледъ, а голова горитъ, а грудь ломится на двое, признаюсь, я даже боялась, будетъ ли силы сойти. но Богъ! Минуту какую-нибудь я забылась сидя, мнѣ снилось, иду къ тебѣ, просыпаюсь—свѣтло, хочу идти,—а то былъ еще только 2-ой часъ. Каково—ждать еще 4. истинно, одинъ Онъ подкрѣпилъ меня. Не спустя глазъ. смотрѣла въ окно—лай собаки, и сердце замерло, стукнули ставнями—шорохъ на лѣстницѣ... дверь ко мнѣ отворяется... О! . я бы не дошла сама. ангелъ хранитель несъ меня къ тебѣ на крыльяхъ. къ тебѣ, мой ангелъ... Довольно, довольно! О, съ какимъ восторгомъ увидѣла бы я стрѣлу, летящую сразить насъ обоихъ тогда, и зачѣмъ мы остались еще здѣсь. Ангелъ мой, тремя годами страданія заслужили мы 3 марта, ежели есть *болѣе* 3-го марта,—сколько же намъ страдать еще? Но ты мнѣ столько силы и твердости влилъ, такъ оградилъ мою душу отъ всего мрачнаго, — пусть бунтуетъ все вкругъ насъ, я. сложа руки. устремлю взоръ на то мѣсто. Божество мое! Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я не превратилась въ пылинку, чтобъ такъ умчаться на груди твоей. Александръ, Александръ. послушай, ангелъ мой. я люблю тебя и, возможно ли, еще болѣе люблю; какъ же я осталась на землѣ, я тысячу разъ спрашиваю себя. какъ могу я говорить?.. Я жива, потому что все ты вокругъ меня, твое дыханье. я чувствую твой поцѣлуй. еще онъ длится, длится на мнѣ, я еще на груди твоей, ты не оставилъ еще меня, потому я жива. Господи! Господи! Нѣтъ. что же я не превратилась въ пылинку. зачѣмъ на этомъ диванѣ. а не тамъ... Довольно. Закрою глаза, и опять утро, седьмой часъ...

Утро, 4-е, пятница.—Вотъ опять седьмой часъ. посвятимъ его, ангелъ мой, во всю жизнь молитвѣ. Мнѣ начинаетъ казаться прошедшимъ вчерашній день. Но прошелъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ, не опять ли идти мнѣ туда, не опять тамъ ждетъ меня мой ангелъ? *Нѣтъ,* теперь только мнѣ *кажется.* что нѣтъ. Неужели все прошло. прошло и не возвратится. скажи мнѣ. Александръ, скажи, ангелъ мой; да, вотъ ужъ свѣтло, а не слышенъ лай собаки, ставень не стучитъ, дверь ко мнѣ заперта. и все тихо, тихо. И ты дома, во Владимірѣ, что-жъ я не тамъ же?.. Или довольно жить?.. Нѣтъ, ты сказалъ: «жить. жить!» Хорошо. гнети меня теперь все, рази, души, меня спасетъ седьмой часъ, воспоминаніе о немъ воскреситъ меня изъ мертвыхъ. Воспоминаніе, нѣтъ это больше воспоминанія, что-то отъ этого часа осталось въ груди и будетъ жить въ ней до гроба и перейдетъ въ вѣчность и сольется съ Нимъ, какъ души наши. Братія! благословляю васъ на все, приготовляйте крестъ, гвозди, копье и терновый вѣнецъ. Его вѣнецъ уже на нашей душѣ, седьмой часъ ужъ нашъ, вы не убьете насъ. теперь смерть намъ недоступна.

4-е марта, 12-ый часъ.—Такъ. прошелъ вчерашній день. прошелъ. я это знаю. Давеча въ 8 часовъ вошла я въ ту комнату. Тебя нѣтъ ужъ тамъ, ангелъ мой. а та дверь, у которой ты стоялъ. тамъ; диванъ тамъ,—я цѣловала ихъ, прочь бы не отошла. Если мы еще не увидимся. я желала-бъ умереть на томъ мѣстѣ. Не увидимся,—да развѣ это можно? Нѣтъ. Теперь удары и страданія всѣ должны увеличиться, а тамъ, а тамъ... а тамъ ужъ никто не разлучитъ насъ ни на ми-

нуту. Вотъ чего я не помню: какъ же мы простились, какъ я дошла до постели? Здоровъ ли ты, мой ангелъ? Пиши, ради Бога, ради меня, берегись, *теперь мы можемъ все;* если-бъ ты зналъ, какъ я берегу мое здоровье, потому что я знаю, что этимъ я берегу тебя, какъ же ты не будешь беречь меня? Ахъ, гдѣ-то ты, что съ тобою?

Вчера получила картину Мед.—превосходна Теперь я не буду ее отдѣлывать, пусть пока по дорожнему, у меня и все теперь по дорожнему. Благодарить мнѣ ее? Я думаю тогда, какъ она мнѣ напишетъ. Только давеча прочла письмо. Какъ отдалились мы надеждѣ, какъ увѣровали въ папеньку! Это ужасно, я не понимаю его, и все-таки не вѣрю его жестокости, нѣтъ, слишкомъ силенъ голосъ души моей, только я не желаю его видѣть теперь. Ежели тебя пустятъ, тогда нѣтъ сомнѣнья, *единственный* сынъ, страдалецъ и на колѣнахъ,— о, нѣтъ! въ сердцѣ человѣка не можетъ быть столько окаменѣнія, я не вѣрю этому. Да, а теперь я ничему худому не вѣрю. Ангелъ мой! Въ груди моей теперь еще нѣтъ столько пустоты, чтобъ желать чего, я еще все повторяю, устремивъ взоръ къ Богу: довольно, довольно! Смотрю на то мѣсто: довольно, довольно! Вѣдь, я ничего не умѣю сказать тебѣ, что я чувствовала, и на что? Я знаю, что ты чувствовалъ, такъ и ты знаешь.—Вчера я не могла молчать, а тяжело было и писать, между каждой точкой долгое молчанье, я рѣшительно не понимала, что было кругомъ меня, недвижно лежала на постели, и всѣхъ, кто приходилъ ко мнѣ, крѣпко обнимала, но хотѣлось, чтобъ никого не было, никого. Я все бы теперь лежала, ничего бы не дѣлала; а ты мчался вчера. Что, ангелъ мой, вѣришь ли ты, что видѣлъ твою Наташу, что ея голова была на груди твоей, что она цѣловала твою руку, вѣришь ли? Портретъ я обѣщаю, только погоди, я не могу думать. Ангелъ мой, тебѣ ли не быть всегда безопасну, смотри, какъ ты вооруженъ: и браслетъ, и кольцо, и медальонъ,—а я... но, нѣтъ, не то хранитъ насъ, мы хранимъ другъ друга, мы неразлучны. Ахъ, Александръ, Александръ, тебя ли я видѣла, ангелъ мой, да какъ же я жива, какъ осталась душа послѣ тебя здѣсь, и въ этой тѣсной тюрьмѣ? Скажи мнѣ, былъ ли ты у меня?—Все ты же и душу удержалъ на землѣ, какъ оставить тебя, а то... о, какъ бы вознеслась она туда, туда, гдѣ будетъ вѣчно седьмой часъ. Пиши мнѣ подробно путешествіе *Матвѣя* съ первой минуты до послѣдней. Теперь мнѣ виднѣется и Загорье, но такъ, мелькомъ, еще не закатилось солнце, залившее душу свѣтомъ, еще ты не ушелъ отъ меня, еще слышу, о, ясно слышу голосъ моего ангела: «Наташа». И кто-жъ нынче ночью цѣловалъ меня, кто жалъ руку и такъ полно смотрѣлъ на меня,—все ты же, ты! —Александръ, я боюсь, что тебѣ грустно теперь, мнѣ не грустно, *не заставляй* меня грустить. Нѣтъ, это былъ бы непростительный ропотъ, неблагодарность противъ Его. Ужасно боюсь, скажи, ангелъ мой, скажи откровенно,—да и можно ли грустить, вспомни 3-е марта, да на что вспоминать его, оно не прошедшее, оно въ нашей груди, оно дополнило душу нашу, теперь оно наша жизнь до нашего *тогда*. Фу, ни на что не могу глядѣть, отговариваюсь болѣзнью и сижу, или закрывъ глаза, или неопредѣленно устремя взоръ: только на ту дверь, на тотъ диванъ могу смотрѣть. Александръ, ты въ которомъ часу встаешь, посвяти 7-ой молитвѣ, преклони колѣна и помни, что твоя Наташа также на молитвѣ съ тобою. Ахъ, ангелъ мой, какъ рѣзко страданіе на лицѣ твоемъ, дай же мнѣ клятву, что ты будешь хранить себя. О, до тѣхъ бы поръ я не отошла отъ тебя, пока совершенное спокойствіе не выразилось бы на тебѣ, до тѣхъ поръ бы цѣловала, пока все мрачное и по-

слѣднiй слѣдъ страданья исчезъ бы, а теперь я боюсь, боюсь ужасно. Жизнь моя, Александръ, не отнимай у меня жизнь. Ну, прощай, мнѣ не грустно сказать тебѣ: прощай, теперь я не вижу въ немъ мрачнаго, не понимаю его. Богъ мой! да сказала ли я тебѣ хоть слово, ангелъ мой, такъ тѣло отстало отъ души, что я онѣмѣла, мнѣ трудно было выговорить слово. Что ты, здоро̀въ ли, пиши, да, береги, береги Наташу.

8 часовъ вечера, четвертое же. — Часъ тому назадъ твое письмо отъ *3 марта—9 часовъ.* Да.

Спустя.—Что слова, это тѣло, они такъ же грубы, такъ же мало выражаютъ душу, какъ я любовь. Но я только и помню, ты говорилъ: жить, жить, Наташа, ангелъ. Потомъ я что-то спросила,—ты сказалъ о Провидѣнiи, еще: слава Богу, слава Богу. Ты простеръ руки и изображалъ тогда собою крестъ. Да. Да, мой ангелъ, да совершится Его воля.

11 часовъ вечера.—Александръ, ежели бы ты не сказалъ: *жить*, я бы лежала теперь въ гробу, то есть, тѣло мое, а душа... Но ты сказалъ *жить*, и вотъ я новорожденная! Будь и ты новорожденный, да будетъ наша жизнь—седьмой часъ третьяго марта и здѣсь и тамъ, у него лучше нѣтъ. Еще ты сказалъ: теперь я отдамся Провидѣнiю, теперь я на все готовъ. Болѣе не помню. А я—ты видѣлъ, какъ мнѣ трудно было вымолвить слово. Въ прошедшемъ что у насъ—9 апрѣля, но оно звѣзда потухшая, потонувшая въ морѣ свѣта 3 марта. Александръ, ангелъ мой, первое, что утѣшало меня, первое, чѣмъ восхищалась, какъ только начала чувствовать,—было восходъ солнца и тонувшая въ немъ звѣзда. Я бывало съ вечера не спала до самаго того время, какъ звѣзда исчезнетъ вовсе, тутъ я молилась и засыпала. Ангелъ, вотъ оно 3 марта, но что я теперь въ сравненiи съ тѣмъ, что была тогда,—то 3 марта въ сравненiи съ восходомъ солнца. Ты какъ Iоаннъ Креститель, создавшiй Христа, создалъ меня,—говоришь ты... Нѣтъ, но Александръ, какъ мѣрить нашу любовь, мы одно, мы не Александръ и Наталiя, мы Александръ-Наталiя.

Прежде я думала, что, увидѣвшись съ тобою, мнѣ невыносимо будетъ здѣсь. О, нѣтъ, хорошо! мнѣ хорошо здѣсь, и всѣ хороши, Богу слава и всѣмъ благословенiе. Пришли мнѣ перчатку, съ которыми былъ у меня, я наканунѣ хотѣла взять и забыла, я пришлю тебѣ поясъ, которымъ съ вечера, т. е., 2 марта, подпоясалась для того, чтобъ отдать тебѣ, и забыла. Портретъ поручу Егору Иван., онъ долженъ растолковать живописцу и научить, какъ поступить.—О, какъ не хотѣлось мнѣ выпустить изъ руки медальонъ, но онъ *твой*. Пора проститься—благословляю тебя. *Кто-жъ* меня благословитъ, кромѣ тебя? Ангелъ, посмотри, посмотри на меня еще, я не могла долго смотрѣть на тебя, голова невольно клонилась на грудь твою. Помни же 7-ой часъ утра и будь всегда на молитвѣ. Ну, цѣлуй меня.

[**4 марта**].

Нѣсколько минутъ тому, какъ запечатала письмо, но возможность писать, и мнѣ невозможно утерпѣть. Да, что слова, Александръ, вѣдь, и теперь пустое, что я пишу, ни цѣлую вѣчность говоря такъ, мы не доскажемъ другъ другу, а въ то мгновенiе, какъ сказалъ ты мнѣ... Давеча я стояла долго, долго у той двери, тебя нѣтъ, но твоя душа со мной, во мнѣ. Послушай, ты пробѣги только мои письма, не перечитывай, больно видѣть разсѣянную душу, раздробленную на слова; безъ вниманiя прочти все и взгляни вверхъ, тамъ будетъ вполнѣ и

такъ, какъ только могъ создать Богъ, то, что безобразно и убито въ словахъ. О, ангелъ мой! О, нѣтъ, ужъ не могу болѣе. Вотъ другія сутки у меня ничего не было въ рукахъ, кромѣ пера А вчера до вечера ничего не было на губахъ, кромѣ твоего поцѣлуя, вечеромъ меня принудили ѣсть. Ночь я какъ мертвая спала, видѣлся ты. А ту ночь—послѣ опишу ее, по ея милости теперь ухаживаютъ за мной, какъ за больной, и даютъ свободу. О, Александръ, не длится ли 7-ой часъ и теперь, не будетъ ли онъ длиться до вѣчности и вѣчность? Да, да, теперь молиться.

5-е, суббота. Утро, 7-ой часъ.—Всегда молилась я, но молитва мнѣ была не необходима въ этотъ часъ, теперь—колѣна сами преклоняются; взоръ стремится туда, и Онъ внимаетъ. Слава тебѣ! Теперь веди насъ по Своему пути, веди къ одному мгновенью, переступить вмѣстѣ порогъ въ вѣчность, веди хоть черезъ крестъ Нѣтъ, ничего не прошло, ничего. Но ты говорилъ: «я не погибну, пока не увижусь съ тобой»,—теперь мы не погибнемъ никогда, теперь у насъ въ будущемъ одно мгновенье: вмѣстѣ переступить въ вѣчность и стать передъ Нимъ.—Ужъ скоро часъ ночи, а меня только-что оставили *мои*; нѣкоторымъ изъ нихъ я все,—и жаль мнѣ лишать ихъ себя, я принуждаю себя говорить, а какъ тяжело, требуютъ малѣйшія подробности, а меня тѣснитъ даже и взоръ, самый близкій, родной взоръ.

Ты писалъ: «пусть тогда люди забудутъ насъ, а друзья все останутся друзьями». Ничего и никого ненужно было мнѣ съ тобою; и до сихъ поръ я готова идти на крестъ для нихъ, лишь не заставляйте меня смотрѣть, говорить, эта жертва ужасно велика. Тутъ было открытое небо, открытый рай, самъ Господь сошелъ тогда къ намъ... Да я и постигнуть всего не могу, не только выразить, а тутъ вопросъ, вопросъ, полный участія, теплоты, родного, но отзывающійся землею,—ужасно, онъ разомъ обнимаетъ душу холодомъ и страданіемъ. Хорошо, я буду говорить, только не прерывайте меня, не смотрите на меня.

Ангелъ, третій день прошелъ, а, мнѣ кажется, и минута не дѣлитъ меня съ тѣмъ часомъ. Я выздоравливаю тѣломъ, но все еще ничего не дѣлаю, а время не течетъ быстрою рѣкою, а разливается безбрежнымъ моремъ, не волнуется, въ немъ, не дробясь, отражается 3-е марта. Теперь я могу умереть и жить, жить, лишась зрѣнія, *я видѣла все!* Александръ, замѣтилъ ли ты, какъ невыносимъ мнѣ былъ твой взоръ, какъ внезапно озаренная твоимъ свѣтомъ и величіемъ, твоимъ Божествомъ, я не могла долго глядѣть и клонилась на твою грудь. О, ангелъ мой, какъ вполнѣ желала я умереть; *только этого* я могла еще желать съ тобою. Но ты сказалъ *жить*, и воля Его,—можетъ, тамъ, далеко въ будущемъ, Онъ создастъ намъ еще мгновенье.

Я еще чувствую твои объятья, Александръ! они, какъ божественная риза, скрываютъ меня отъ земли, и землю скрываютъ отъ меня; кругъ меня все такъ свято, такъ ты, что никакая сила земли не достигнетъ меня. Видѣла я и твою святость, мой ангелъ, о, ты мой! ты мой!... Не долго наше странствованіе еще продолжится, близко, близко небо, близокъ родной край, родной Богъ. И Ты не хотѣлъ благословить меня!—Кто же? Кто же, Александръ, укажи; *на кого укажешь ты*, я склонюсь предъ тѣмъ и приму благословеніе. Только сегодня я могла плакать,—и твою слезу видѣла, она блистала во взорѣ, но не канула, нѣтъ, она слилась съ моею и пошла къ Богу. — Исцѣлилась ли твоя душа? О—теперь-то съ открытыми объятіями встрѣтимъ крестъ, сами пойдемъ къ нему. О, дивно, дивно, мой ангелъ, твой поцѣлуй... какъ, чѣмъ передать, научи.... И теперь я

пью его, какъ источникъ жизни святой Господней, я такъ чувствую себя святою, что не смѣю касаться земли, не смѣю на что-либо устремлять взоръ, онъ устремленъ, но неопредѣленно, ни на какой вещи, а сквозь все, устремленъ на тебя. И какъ необъятенъ ты, какъ божественъ, ты мой!

Ежели я *перемѣнила* тебя, ты *создалъ* меня. Мнѣ было *что* перемѣнить, ты создалъ изъ *ничего*. Создалъ Наташу и далъ ей себя—слава тебѣ! Говорятъ, я ужасно странна теперь въ поступкахъ, такъ еще слѣпы они,—когда жъ имъ земля будетъ дверью въ небо? Господи, твори, твори святую волю Твою, Ты отнялъ отъ насъ землю, но не отнялъ насъ отъ земли,—да будетъ такъ, ежели это угодно Тебѣ. И мы будемъ на землѣ жить безъ земли, вся жизнь наша гимнъ Тебѣ, хвала Тебѣ, слава Тебѣ, любовь Тебѣ. Святъ, святъ, святъ Господь Богъ!

М. Ст. уѣхала къ Троицѣ.

---

3 часа ночи, Липны, 50 верстъ отъ Владиміра.

Ангелъ, ангелъ, всю дорогу была ты предо мною. Я счастливъ до безконечности, нѣтъ, больше, больше! И ты сдѣлала все это!

4 марта, пятница.—Сегодня въ десятомъ часу утра сидѣлъ у губернатора въ кабинетѣ *съ дѣлами* одинъ молодой человѣкъ, немножко обвѣтренъ съ дороги, немного уставши,—и думалъ объ дивномъ снѣ. Да, торжественная минута свиданья! Ты пишешь: нѣтъ у Бога другого 9 апрѣля, — но вотъ 3 марта, оно свято на всю нашу жизнь, оно полно, полно, *а всего полчаса*. Все заплачено, все выкуплено, забыты прошлыя страданія О, ты ангелъ, ты велика, необъятна была въ ту минуту, когда благословила меня, тогда я не могъ быть равнымъ. И ты не плакала, когда я пошелъ и пошелъ, можетъ, опять надолго,—ты не могла плакать, ты выше слезъ, выше земного была. Пусть эту минуту изваяютъ, это высшая минута 3 марта.

Итакъ, главное совершено,—мы увидѣлись *взрослыми*; свирѣпая судьба перестаетъ гнать, что въ будущемъ?—Его воля: и въ смерти много, и въ жизни много, потому что любовь не знаетъ разницы; но зачѣмъ ты вовсе отворачиваешься отъ жизни, это неблагодарно для 9 апрѣля и 3 марта, а въ переди Загорье—это разъ, а потомъ та минута, когда мы, обнявшись, можемъ глядѣть другъ на друга, безъ того, чтобы Костенька напоминала (она же похожа на скелетъ). Что со мною было на дорогѣ, это легче сказать, нежели, что было 2-го и 3-го марта до 9 часовъ. При свиданьи я не могъ придти въ себя, это была и буря и гармонія, и океанъ свѣта, и туманъ свѣтлой же; я чувствовалъ, что мысль и слово не поддаются, и мнѣ ненужно ихъ было, я чувствовалъ поцѣлуй Наташи, Наташу возлѣ на диванѣ,—это я зналъ. Зналъ ли въ ту минуту, какъ меня зовутъ,—не знаю, зналъ ли я еще что-нибудь?

Когда К. взошелъ въ ворота, я стоялъ у фонарнаго столба,—кровь жгла, сердце билось, и двѣ крупныя слезы налились въ глаза; потомъ въ залѣ стоялъ я у печки, закрывъ рукою лицо, и право ни о чемъ не думалъ, ни даже о тебѣ, внутренній трепетъ, и какой то огонь пробѣгалъ... Ну, вотъ ты....

Молча, скрестивъ руки, сидѣлъ я у К., говорить не могъ, просилъ вина, чтобъ залить пожаръ, рѣчь моя была несвязна, рука дрожала,—тогда я написалъ тебѣ записку (получила ли отъ 3 марта передъ самымъ отъѣздомъ?) Потомъ опять снѣговая пелена на природѣ, возгласы ямщика. Душа была свѣтла, но тѣло совершенно изнемогло, я уснулъ мертвымъ сномъ, и во снѣ явилась

ты, — проснулся въ половинѣ четвертаго уже за 50 верстъ отъ тебя. Волненіе улеглось, — о, тогда-то было свѣтло и хорошо, Боже мой! Тогда-то я взглянулъ на небо и помолился. Наташа! Наташа! Всѣ твои слова, твои взгляды, твои поцѣлуи, рука твоя въ моей, рука твоя, обвившаяся вокругъ моей шеи, — все, все, я готовъ былъ плакать, смѣяться, умереть.

Знаешь ли ты, мой ангелъ, что ты похорошѣла (я говорю тебѣ комплименты), право похорошѣла, и именно въ ту минуту, какъ ты благословила меня, была ты дивно хороша. Великая, святая, *моя*!

Почему я трепеталъ передъ Emilie, я, кажется, умѣлъ хитро поступать въ очень трудныхъ обстоятельствахъ, а тутъ Emilie явилась восточной звѣздой свиданья, — очень хорошо, что тутъ былъ человѣкъ, я бы надѣлалъ глупостей. Наташа, сестра, я требую награды за 3 марта. Портретъ, какъ хочешь, портретъ. Emilie, сдѣлай какъ-нибудь, дай образъ моимъ комнатамъ.

Пріѣхавши, нашелъ твои письма (отъ 1 марта) съ улыбкой распечаталъ ихъ, я имѣлъ вѣсть *свѣжѣе ихъ*. — Нѣтъ, онъ *еще* не достоинъ имѣть сына Александра, нѣтъ, ты увлекаешься, даже самое позволеніе будетъ отравлено его холодностью. Я еще писалъ и ужъ отчасти другимъ тономъ, я менѣе умолялъ и поклялся, что ты будешь моею, я написалъ, что ни угрозы, ни просьбы, ни жесткость, ни слеза ничего не помогутъ, что мнѣ это больно, — «но я рѣшительно поступаю по голосу, который сильнѣе и выше отцовскаго». — Левъ Алексѣевичъ знаетъ. Что-то Son Excellence mr. général, — онъ меня любитъ *по своему*. Жертвуя ими для тебя, я даже не вижу огромности жертвы (можетъ, моя вина, но я такъ чувствую). Благодарность за послѣдніе 4 года, вотъ что связываетъ меня; во всю мою юность пап[енька] былъ со мною жестокъ. И самая любовь была эгоизмъ, теперь онъ говоритъ, что не запрещаетъ, — благодарность ему, это-то и надо. Но онъ дѣлаетъ условіе послѣ быть ему чужимъ, — принимаю. Ежели отецъ можетъ сыну это сказать, то сынъ въ правѣ принять. Я буду за него молиться, я буду въ душѣ сынъ, но наружу не выставлю тогда чувства. Ты, ангелъ, говорила (*говорила*, о, какъ это сладостно послѣ «писала»): «оставимъ ихъ въ покоѣ», да, оставимъ, но прежде соединимся. Лишь бы совсѣмъ миновала моя черная година, я окончу быстро. Когда ты прислонила твою голову на мою грудь, развѣ ты не чувствовала, что она тебѣ необходима. *Итакъ, да будетъ.* Душа моя, ты пишешь: «а сюда пріѣхать никакъ нельзя». Наташа, можно или нѣтъ? Другъ мой! Да, это важное событіе въ нашей жизни. Ег. Ив. собирался, мы сѣли обѣдать, я былъ задавленъ чувствомъ тяжелымъ, ты его видѣла въ прошломъ письмѣ. Вдругъ въ сердцѣ (не въ головѣ) явилась мысль такая свѣтлая, что я едва могъ ее вынести. Отвергнуть ее я не могъ, я могъ не ѣхать до нея, послѣ не могъ, — и не прошло сутокъ, я стоялъ запыленный, усталый и трепещущій передъ Emilie. О, какъ мнѣ хотѣлось хоть бы сжать ей руку, должно быть, я показался ей очень глупымъ, потому что и К. удивлялся *моей глупости* въ продолженіе всего времени.

Ты нашла, что я похудѣлъ. Страданія глубокія провели черту по лицу моему послѣ 9 апрѣля, о, я много страдалъ, но все это прошедшее. Одна исторія съ М. независимо отъ всего нанесла мнѣ ударъ ужасной. И гордыя мысли, выходя наружу, клеймили лицо, и неудавшіяся надежды, и гнетъ обстоятельствъ. Голова, которая такъ пламенно жаждала склониться на твою грудь, истомлена въ самомъ дѣлѣ, ты это видѣла. И могу ли я послѣ этого отдалять наше соединеніе? Ахъ, сколько прожилъ я съ 20 іюля 1834 года, и было подчасъ горько,

больно, теперь открытѣе буду говорить о прошедшемъ; ужасно было начальное время въ Вяткѣ, но всего ужаснѣе 14 ноября,—и этой минутой я обязанъ княгинѣ. Было нѣсколько часовъ тогда, въ которые смерклось на душѣ, какъ смерклось въ мірѣ, когда Христосъ былъ распятъ: ни струи свѣта, мысль смерти, отчаянная, болѣзненная, постучалась въ душу, второе письмо исцѣлило, но я былъ боленъ двѣ недѣли. Когда послѣ болѣзни меня увидѣли, всѣ ахнули перемѣнѣ, будто я нѣсколько мѣсяцевъ былъ боленъ. За эту минуту благодарю ея сіятел., а то, можетъ, мнѣ во всю жизнь не пришлось бы испытать. Какъ теперь помню, какъ я сидѣлъ у Скворцова за столомъ и слезы градомъ катились, какъ молча жалъ ему руку и говорилъ *насмѣшки*, какъ стоялъ у печи и дрожалъ отъ холода,—но забудемъ черную годину.

Ночь.—Провидѣніе! Провидѣніе! Въ прахѣ предъ тобою долженъ человѣкъ молиться. Жизнь высока—не умѣютъ люди жить. Взгляни на мою жизнь теперь, на эту жизнь, начинающуюся стройнымъ, унылымъ 20 іюля, *крещеную* 9 апрѣлемъ, преображенную, *исполненную* 3 марта. И пусть крючья, которыми соединены эти картины, пусть они изъ желѣза, какъ цѣпь, и холодны, какъ цѣпь, что за дѣло до промежутковъ. И вся-то эта жизнь создана тобою, не я ли твое созданье? Этотъ кусокъ мрамора тверже и больше человѣка, но человѣкъ ему придалъ мысль и чувство, но артистъ далъ образъ ему и вдохнулъ душу, безъ этого мраморъ былъ бы необразованъ. Этотъ художникъ—ты, твое вліяніе на меня огромно, я отдаюсь тебѣ безусловно, веди любовью. О, какъ бѣдна и ничтожна земная слава предъ любовью. Любить—и больше ничего! Natalie, ты счастлива много, я понимаю, что ты счастлива много, кто другой сравнитъ любовь къ себѣ чью-нибудь съ тою любовью, которою я люблю тебя.—Ты сказала: «ты бы умеръ, потому что не было бы Александра у тебя». Нелѣпость; а Natalie не была бы развѣ, а ея слова достаточно спасти меня.

Къ твоему письму.—Ты какъ-то худо понимаешь поэзію роскоши и поэзію наряда; ужъ изъ того видно, что худо понимаешь, что поставила рядомъ съ обѣдомъ. Обѣдъ—животная необходимость, низкая, грубая. Роскошь имѣетъ весь характеръ изящнаго—величайшую ненужность, стремленье къ красотѣ; я не нахожу ничего дурного, ежели бы на твоихъ волосахъ блестѣла теперь нитка бриллiантовъ, желать ее смѣшно. Нѣтъ, ангелъ, признаюсь откровенно, люблю пышность, пышность дома и комнатъ пуще всего, но могу безъ горести ограничиться кускомъ хлѣба,—это дѣло совсѣмъ другое. Мы оба стремимся въ Италію, но не будетъ возможности, такъ не поѣдемъ, это не мѣшаетъ однако говорить. Впрочемъ, мысль пышности слишкомъ родна бывшимъ мечтамъ самолюбія, ими она и проникла въ душу. Однако, замѣть, доселѣ только два различія между нами. Иронія и пышность. Ты подумаешь—и гордость. О, ангелъ мой, твоя душа горда, горда въ смиреніи, въ бѣгствѣ отъ земли, только гордость у тебя, какъ и все, развилась подъ вліяніемъ молитвы и любви; но иногда и тутъ прорывается изящно, прелестно. Помнишь ли, ты мнѣ писала года полтора тому назадъ о снѣ, какъ люди приходили просить милостыню, и какъ ты имъ давала питье; вспомни заключенье, которое ты вывела *на яву*. Нѣтъ, въ насъ все одинакое.—28-го февраля ты писала: «Охъ, близко, близко что-то». Итакъ, душа, угадала 3 марта. Да неужели это было въ самомъ дѣлѣ, неужели ее, ее прижалъ я тогда къ сердцу? О! ее,—все бытіе сказало, что это она. Наташа, тебѣ это былъ первый поцѣлуй, первое объятіе. Да, на тебѣ нѣтъ ничьей печати, все мое. Наташа, что тутъ много говорить, ты понимаешь. Какъ прелестно въ твоихъ

устахъ мое имя, я всякой разъ прислушивался, ты умѣла любовь перелить въ самой звукъ.

Addio.

5 марта, суббота.—Да, что за бѣда, ежели кн[ягиня] выгонитъ,—это хорошо, скорѣй развязка. Впрочемъ, еще разъ отдадимся Богу, я доволенъ жизнью, она была не полна до 3 марта, теперь что угодно: бросить въ Бобруйскъ скованнаго, или растянуться угловатыми членами на койкѣ больницы и умереть, или завтра съ тобою въ Италію,—да будетъ Его воля. Но это не значитъ сидѣть сложа руки, совсѣмъ нѣтъ, дѣйствовать и покоряться.—Поцѣлуй долгій, долгій тебѣ отъ Александра.

Вечеръ 5-го марта. Владиміръ.

Мало-по-малу чудотворная сила свиданья дѣйствуетъ. Взоръ спокойно обращается на враждающую судьбу, буря тише, небо яснѣе. Легче настоящее, легче всякая работа. Отчего? Развѣ мы придумали, обдумали и о чемъ мы говорили? Я говорилъ глупо, разумѣется, глупѣе всякаго письма. Что-жъ перемѣнилось? Все, и подъ вліяніемъ высокаго дня мы проживемъ долго, мы *видѣли* нашу любовь. Свиданье было такъ обширно, что я не понялъ его; право, я безъ горести разстался съ тобою, душа не могла равно ни сладкаго понять, ни горькаго, понявъ разлуку и *свиданье*, забывъ разлуку въ свиданьи. Мнѣ казалось, когда я вышелъ, что я сейчасъ возвращусь, и опять ты въ моихъ объятіяхъ, казалось нелѣпостью, что я ѣду, даже нелѣпостью, что между 9 апрѣлемъ и 3 мартомъ три года. Все исчезло, я жилъ свиданьемъ, поцѣлуемъ, жилъ той святой минутой, когда прижалъ тебя къ груди, а остальное не заслуживало вниманья такъ, какъ гвоздь, на который я могъ бы напороть ногу, бѣжавъ къ тебѣ. До него ли? И теперь едва-едва я начинаю понимать всю важность 3-го марта. Святъ, Святъ, Святъ Онъ.

Наташа, другой мой, какъ глупо, пошло заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ тобою. Все это области другихъ: вамъ науки, вамъ слава, чины, мнѣ—Наташа, и не вы надо мною, а я надъ вами улыбнусь. Вздоръ, мое литературное призванье, Богъ съ нимъ, писать можно *отъ скуки*, мое призванье—ты, и ежели есть что-нибудь помимо тебя въ душѣ—это дружба, остальное вонъ. Да и чего мнѣ искать, развѣ человѣчество заплатитъ мнѣ за усилія и страданія, за потъ и рубцы твоимъ взглядомъ, твоимъ поцѣлуемъ.

Наташа, слезы скатились съ глазъ теперь, отчего! Не отъ грусти жгучей, а отъ грусти святой, сладкой. О, Наташа, что ты сдѣлала со мной, послѣднее свиданье кончило пересозданье, возьми же своего Александра, онъ расчитался со всѣмъ, онъ весь твой, владѣй имъ. Natalie, я трепещу и слезы мѣшаютъ писать. Этого еще не было со мною, небесная подруга, нѣтъ, не умремъ еще теперь, еще 3 марта, еще. Но остановись, Natalie, остановись, не дѣлайся выше, твоя высота совсѣмъ подавитъ меня; я утратилъ часть гордой самобытности своей, которую грубо втѣснялъ людьми въ тебѣ, еще шагъ, и я уже не твой Александръ, а твой рабъ.—а будто это не высоко. Царствуй, потому что ты выше, царствуй, потому что твой путь въ рай.

И чтобъ намъ долго не соединиться.—кто это говоритъ? Кто нибудь *чужой*, пусть онъ распоряжается *у себя*. Странно, Наташа, странно, я ни какъ не думалъ, что моя жизнь кончится такъ хорошо, что вся душа сплавится въ любовь.

Ты, Natalie, какъ Богъ, взгляни, что добро есть созданное тобою, и почій въ величіи своемъ.—Я до нынѣшняго вечера не понималъ вполнѣ свиданья. Что же будетъ тамъ въ Загорьѣ, я могу остаться дней пять. Убѣжимъ тогда въ поле далеко, чтобъ Костенька не догнала. Дѣтьми, дѣтьми сдѣлаемся. А ежели еще прежде ты будешь моею, ежели еще прежде ты приведешь къ алтарю показать Богу твоего избраннаго, тобою созданнаго... Тогда—тогда, само собой разумѣется, нечего здѣсь дѣлать.

6-е марта, воскресенье. — Сегодня я отправлялся въ Боголюбовъ, недалеко отъ Владиміра. Тамъ смотрѣлъ я тотъ домъ, ту комнату, гдѣ 600 лѣтъ тому назадъ стоналъ в. к. Андрей, пораженный убійцами. Для меня эти живые памятники минувшаго, эти трупы прошедшаго прелестны. Даже то мѣсто показывается, куда кровь брызнула на стѣну. Потомъ пошелъ я въ церковь, по той же землѣ, въ ту же церковь, куда ходилъ Андрей Боголюбскій. Обѣдня еще не начиналась, пѣли молебны, я сталъ къ окну и развернулъ книгу каноны-ирмосы на мартъ мѣсяцъ, я отыскалъ святое 3-е марта, и вотъ канонъ Богородицѣ этого дня съ чего начинается: «Явилася еси ширше небесъ». — Да, ты *шире небесъ* явилась передо мною. Тогда я сталъ молиться, я былъ тронутъ глубоко, глубоко. Евангеліе читали отъ Марка: «погубящій душу спасетъ ю, погубящій меня ради раздѣлитъ славу мою». Наташа, не то же ли я писалъ тебѣ вчера, я погубилъ мою душу въ тебѣ,—я раздѣлю славу твою. О, какъ богата любовь, какъ богата! Знаешь ли, досадно, что не всѣ знаютъ о тебѣ, мнѣ гадко говорить съ тѣми, которые не знаютъ о тебѣ, такъ, какъ христіанину гадко говорить съ жидомъ, не знающимъ Іисуса. Такъ бы всей толпѣ и сказалъ: дивись. Иду обѣдать къ губернатору. Прощай. А вечеромъ письмо, письмо!

Оно и пришло! Мы одно — вспомни свое письмо, и перечитай мое, — тѣ же мысли, тѣ же чувства, мѣстами тѣ же выраженія. И я не грустнѣе, а спокойнѣе сталъ, и я... ну, нечего и говорить. Получила ли письмо отъ 5? Я твое письмо читалъ и перечитывалъ съ какимъ-то особымъ *своимъ* упоеніемъ. Но знаешь ли, до какой я степени баловень, я замѣтилъ, что оно писано не тѣмъ почеркомъ, какимъ всѣ письма, а тотъ почеркъ мнѣ такъ дорогъ, такъ дорогъ, онъ-то приносилъ единственную утѣху до 3 марта.

Я думалъ тебѣ отдать *именно* перчатку, пришлю ее, пришли и поясъ. И ты мечтаешь о Загорьѣ, *во всякомъ случаѣ* возможность видѣться открыта. Какъ скоро явится необходимость, пиши просто: Александръ, въ такой-то день, въ такомъ-то часу будь у меня, — и онъ будетъ. Только не употребляй во зло этого права, Аркадій подвергается меньшимъ опасностямъ отъ Мар. Ст., нежели *Матвѣй* кой отъ кого посильнѣе М. Ст. Въ Загорьѣ же ужъ вовсе нѣтъ опаснаго. Папенька въ послѣднемъ письмѣ опять лавируетъ, хитритъ, говоритъ, что, дѣлая столько уступокъ для меня (какихъ это?), онъ сдѣлаетъ и эту послѣ личнаго свиданья,—а возлѣ опять противъ. Итакъ, мы съ нимъ поговоримъ послѣ, теперь довольно. Я все это принимаю за согласіе—и довольно. Онъ говоритъ, что благословеніе не есть согласіе, — о словахъ я не стану спорить. Княгинѣ писать не велѣлъ. Жду въ будущемъ письмѣ новыхъ подробностей много, много.—Увидь во снѣ 3 марта.

Да, послушай, насчетъ молитвы въ 7 часовъ, я тебѣ писалъ, что неровность нрава моего почти не можетъ склониться ни подъ что срочное, я десять разъ забуду, а два буду отъ души молиться. Главнѣйшее же затрудненіе то, что я просыпаюсь по большой части часу въ 10-мъ. Вотъ новое доказательство, какъ

я избалованъ, возражаю лѣнью на чистое, прелестное желанье твое. Итакъ, да будетъ,—молюсь и я въ ту же минуту, какъ молишься ты.

Какъ не стыдно Emilie писать о пріемѣ. Но только какъ она удивилась, какъ у ней дрожала рука, милая сестра Emilie, люблю ее много, а все то это *много* ничего передъ *той любовью*, но она этимъ не обидится, и Огаревъ палъ передъ тобою,—я ему это писалъ самъ, и все, и даже Александръ.

Вотъ ужъ и терпѣнья нѣтъ: теперь—поясъ, поясъ, теперь буду день и ночь ждать пояса. А портретъ, Наташа, портретъ, а то я не буду хорошо учиться, когда гуляю, буду въ грязь ступать. А ужъ о повѣсти, о статьѣ — ни слова, милостивая государыня, вы изволите забывать авторское самолюбіе!

7 марта. Поздно.—Съ чего ты, ангелъ мой, вообразила, что я боленъ, эти вырѣзанныя черты страданій независимы отъ физическаго здоровья, я и въ Вяткѣ былъ почти здоровъ. Не думай объ этомъ вздорѣ. Для тебя сохранитъ себя Александръ, твоя любовь сохранитъ его. Да и здѣшняя жизнь моя строга, какъ въ монастырѣ, я очень доволенъ собою съ пріѣзда во Владиміръ. Похвастаю тебѣ, я получилъ отъ Вятскаго губернатора письмо, исполненное любви и комплиментовъ, и здѣсь меня начинаютъ носить на рукахъ. Странно быть существенно въ самомъ невыгодномъ положеніи, а *въ сущности* въ самомъ лучшемъ. Полина говорила, что ей иногда было досадно, какъ тамъ все склонялось передо мной. Это право всякаго человѣка съ рѣзкимъ характеромъ, сталь тотчасъ отпечатывается на воску. Встарь подобное меня веселило очень, особенно въ университетѣ, теперь, божусь тебѣ, почти я равнодушенъ.

Завтра жаворонки прилетаютъ, Наташа. Итакъ, весна, снимутъ простыню съ природы, она весело вздохнетъ и на этотъ разъ и Наталія, и Александръ весело вздохнутъ. Ты боялась, что я грустенъ, о, нѣтъ, я какъ-то сдѣлался юнѣе, чище, какъ весеннее дерево. Я, вѣдь, Наташа, и природу не видалъ съ 9 апрѣля, и съ ней увижусь скоро. Тамъ нѣтъ весны въ суровомъ сѣверѣ, тамъ зима смѣняется блѣдной осенью, а здѣсь Владиміръ спитъ въ садахъ,—я буду счастливъ съ нашей сестрой Природой. — Я, писалъ въ прошломъ письмѣ, что ты похорошѣла; прежде было что-то дѣтское въ лицѣ, теперь всякій, кто взглянетъ на тебя, тотчасъ скажетъ: «она любитъ!»—«Счастливъ же онъ», скажутъ другіе. Что же сказать мнѣ? — Я скажу: я видѣлъ эту любовь въ ея взорѣ.—До свиданья, скорѣй, скорѣй, въ Загорьѣ; а не пріѣхать ли къ тебѣ 9 апрѣля.

Твой *Александръ*.

Вмѣсто перчатки посылаю тебѣ шнурокъ, на которомъ у меня былъ медальонъ. Два года лежалъ этотъ шнурокъ на груди твоего Александра, сколько разъ, обвитый около его руки, онъ, не раздѣльной съ медальономъ, лилъ утѣшенье въ скорбную больную душу, — цѣлуй его, надѣнь его на твою шею, для тебя онъ святъ. Представь себѣ, что иногда середь буйныхъ оргій въ Вяткѣ, я снималъ его, чтобъ онъ не былъ участникомъ ихъ. «Какъ это глупо и пошло». Да поясъ то пришли, о портретѣ самъ напишу, меня терзаетъ одна мысль: ну, какъ будетъ непохожъ. Вели нарисовать себя, какъ ты была 3-го марта, хоть я хорошо и не помню, знаю только, что сверхъ бѣлаго была какая-то мантилья или кристи, даже прическу не помню, знаю, что со стороны висѣли кудри, онѣ нѣсколько разъ касались до моего лица. Если же это неприлично (это серьезно, потому что портретъ будетъ на стѣнѣ), то въ бѣломъ платьѣ. Бѣлый цвѣтъ любимой, потомъ голубой.

Хотѣлъ писать къ Emilie особо—но послѣ. Пиши же все о 3 мартѣ (да своимъ почеркомъ); всякая подробность—чудо, прелесть.

8-е, вторникъ.—Прощай, мой милый ангелъ, будь здорова; изъ Петербурга ничего. Ежели къ Святой не будетъ полнаго освобожденія, это значитъ, что и наслѣдниково представленіе не помогло. Какъ хочешь, а эта мысль блѣднымъ привидѣніемъ грозитъ изъ будущаго. Но, все-таки, святъ 1838 годъ, о, какъ онъ опередилъ своихъ старшихъ братьевъ, этотъ судорожный 1836 и судорожный 1837. Но меня еще не вовсе оставляетъ мысль, что ты будешь здѣсь. Лишь бы *они* поступали по жестче. Пламенной поцѣлуй любви, какъ огонь, и чистой, какъ огонь, тебѣ отъ твоего Александра.

Ночь, 6-е, Воскр[есенье], Москва.

Мнѣ разсказываютъ про меня то, что я совершенно не помню; ты поглотилъ все, и я не замѣтила ни одной мысли, ни одного дѣйствія, да онѣ и не принадлежали тогда къ нашему міру. Не могу осмотрѣться, все еще такъ ново, чуждо, не узнаю ничего, не понимаю ничего, будто я жила вѣчно седьмымъ часомъ, только его и понимаю, только имъ и живу, остальное все чуждо, все. — Такъ! Онъ будетъ путь нашъ къ Нему, онъ будетъ наша вѣчность, остальное для меня умерло, все, что не 3-е марта, то не наше! 9 апрѣля—заря его, были еще дни—звѣздочки, онѣ потонули въ его свѣтѣ; оно же—оно начало того, что пройдетъ цѣлую вѣчность, и она будетъ не что иное, какъ продолженіе 3-го марта. Тяжело мнѣ возвращаться на прежнее мѣсто, которое я здѣсь занимала: я уже не умѣю быть на немъ, тяжело входить опять въ тѣло. *Никогда* я не стояла такъ въ храмѣ, какъ давеча, — вотъ мое мѣсто, вотъ мой домъ; сложивъ руки, преклоня колѣна, устремя взоръ къ Нему, я чувствовала, что только это *моя должность* и здѣсь и тамъ. Я не замѣтила бы тогда, какъ протекли бы десять лѣтъ, двадцать, и когда бы ты пришелъ за мной, чтобы идти туда,—я была бы съ той же юностью, ни дыханье времени, ни дыханье людей не коснулось бы меня. А теперь? И теперь я недоступна ничему, ты оградилъ отъ всего, ты ввелъ меня въ 3 марта и затворилъ дверь, и ничто не проникаетъ въ него. Теперь скажи мнѣ, мой жизнодавче, ждать ли мнѣ, желать ли мнѣ? Скажи, ждешь ли ты, желаешь ли ты? И чего ждать, чего желать?.. Не конецъ ли всему земному твой поцѣлуй, твои объятія. Или еще есть что неизвѣданное — святѣе, выше, скажи, я буду ждать; не то попросимъ Его призвать насъ къ Себѣ, тамъ разольется этотъ поцѣлуй всей необъятностью своей, всей святостью своей, здѣсь ему тѣсно, здѣсь онъ въ изгнаньи. Александръ! Совершилось! Теперь *тамъ* — намъ не тайна. Онъ открылъ занавѣсъ 3 марта, мы знаемъ, что рай, что вѣчность намъ готовитъ, мы знаемъ *ихъ границы*, или 3-е марта безпредѣльно и непостижимо. Я совершенно не та, какою была до этого дня, все не то, все, что было прежде,—лишь сонъ предъ разсвѣтомъ. Ангелъ! Ты снова сотворилъ меня, ты самъ явился мнѣ такимъ, какимъ я не могу тебя вполнѣ обнять, не могу постигнуть. О, Боже!.. О, Александръ!..

Вчера Emilie съ осторожностью, *смягчая*, сказала мнѣ, что они поѣдутъ на Кавказъ, и мы съ ней не увидимся до зимы; прежде я оплакала бы эту новость, теперь я съ улыбкой посмотрѣла на нее — добрый путь! Грусть теперь мнѣ не доступна, теперь я не понимаю, что такое разлука. И что-жъ мнѣ они? Я желала видѣть Emilie, — она пришла, но я не могла передать ей словами, она не

могла понять безъ словъ: одиночество, одиночество мнѣ теперь, я буду разсказывать Богу о моемъ Александрѣ, о нашемъ 3 мартѣ. Богъ будетъ мнѣ внимать... А они спрашиваютъ, они хотятъ разсмотрѣть, они обнимаютъ меня,—это невыносимо! Богъ и Природа! они не спросятъ. Внемли, Творецъ!

Если-бъ видѣлъ ты священный трепетъ, слезы, благоговѣніе, когда я иду мимо того мѣста, а мимо его ходятъ всѣ! Если-бъ видѣлъ, съ какимъ страхомъ и любовью цѣлую то дерево... Когда я буду больна, приду на то мѣсто и исцѣлюсь; когда на душу найдетъ облако, приду туда,—и ей откроется седьмой часъ. Но что говорить тебѣ, душа моя, и какъ сказать? О, ты знаешь все... Но что-жъ, такъ быстро. Господи, прости мнѣ вопросъ этотъ, Александръ, и ты прости! Зная, Господи, что у Тебя есть возможность не прерывать вѣчно того часа, я дерзнула произнести его. Или у насъ нѣтъ возможности вмѣстить всего того, что возможно Тебѣ?

Ангелъ мой, ангелъ, какъ сію минуту вижу взоръ твой. О, въ немъ-то вся и жизнь моя, и блаженство, и вѣчность, все, все... чело твое... какъ сію минуту преклоняю голову на твою грудь... О, зачѣмъ жизнь пришла поднять ее, смерть оставила бы ее вѣчно на твоей груди. Другъ мой! Да зачѣмъ ты унесъ съ собою все, хоть руку твою оставилъ бы мнѣ. Братъ, они боялись эти дни, что я сойду съ ума, они плакали обо мнѣ, они умоляли меня ужинать, умоляли пить лекарство... это дружба? Наташа до 3-го марта — другъ имъ, сестра, послѣ—она преобразилась, и дружба ея свѣтлѣе, выше, но уже они не достигаютъ ея, они не могутъ помѣняться съ нею. Нѣтъ, я сирота съ ними, уединеніе мнѣ, пусть меня заложатъ каменьями, пусть ни одинъ лучъ не проникаетъ, ни одна струя воздуха,—передъ тѣмъ мгновеньемъ камни распадутся, а пока они не будутъ меня спрашивать, не будутъ смотрѣть на меня, не будутъ ласкать — это ужасно! Александръ, приди къ Наташѣ, она разскажетъ тебѣ о 3 марта—придешь? О!.. Гдѣ же *наше тогда?* или оно *теперь?* Если да, о чемъ же я плакала давеча на томъ диванѣ. Ты пишешь: «это первая минута любви полной». Ангелъ мой, первая? А потомъ? сочти же мнѣ всѣ минуты любви. Первая, первая, говоришь ты, стало, есть вторая, третья... О, нѣтъ, не говори! Прощай. Первая минута! Прощай.

7-е, вечеромъ.—Теперь я на самомъ томъ мѣстѣ; такъ же тихо; я одна. Это хорошо, теперь *участье* меня терзаетъ, я не могу теперь дѣлиться. Теперь я одно существо желала бы видѣть — Сашу Б., она не стала бы меня распрашивать, не стала бы смотрѣть на меня даже вопросительно. Я сказала бы ей только: «видѣла». Она перекрестилась бы и умолкла, и оставила бы меня, — мнѣ и ее ненужно. Ты писалъ о нашемъ trio, а она? Другіе (то есть, *третьи*) не повѣрятъ, что я видѣла тебя, они скажутъ: «что-жъ ты не весела». Какая священная грусть наполняетъ мою душу. Мнѣ всегда бывало грустно, когда я въ ясной день или ночью смотрѣла на небо, какая-то тоска, съ которою не разстался бы вѣкъ; бывало грустно въ храмѣ Божіемъ оттого, что душа видитъ небо, а живетъ на землѣ, еще грустнѣе, когда причащаюсь Святыхъ Таинъ. Но *такъ*, какъ теперь, мнѣ грустно не бывало никогда! Такъ грустила бы я всю жизнь и всю вѣчность. На эту грусть не промѣняла бы веселіе рая. Ты также грустишь, мой ангелъ? Грусти, грусти. Вѣдь, мнѣ и съ тобою-то было грустно... Душа Александръ!.. Вотъ здѣсь ты мнѣ говорилъ: «Наташа, я не желаю болѣе ничего»; здѣсь я думала, нѣтъ, не думала, а чувствовала, что земное существованье мое прекратится... Но ты сказалъ—*жить!* Мнѣ казалось уже, что я переселилась

туда, что никто меня не уведетъ отъ тебя, что и ты не уйдешь... И какъ я опять очутилась съ ними: опять постель, стѣны, *человѣческіе* голоса... Не въ самомъ ли дѣлѣ все это сонъ? Если-бъ сонъ, отчего же, проснувшись, я взглянула на все, окружающее меня годы,—какъ въ первый разъ, такъ все незнакомо, такъ не хорошо все, но *мнѣ* было хорошо. Если сонъ, отчего эта святость, эта сила и твердость, отчего грусть эта? О, нѣтъ, не сонъ, не сонъ! онъ прошелъ бы съ ночью, объ немъ осталось бы только воспоминанье, а отъ седьмого часа осталось что-то непроходящее, непрерывающее, что-то живое, божественное, твой образъ, только не осязаемый, я чувствую его теплоту, вижу свѣтъ, на меня льется благодать съ него, меня сливаетъ съ нимъ поцѣлуй,—о, нѣтъ, это не сонъ! или и все то, что за гробомъ, сонъ?

Да, ты писалъ: друзья останутся друзьями; да, воспоминаніе ихъ будетъ также священно, я также ихъ обниму... но говорю имъ: мнѣ ненужно васъ, оставьте меня, оставьте съ моею грустью, забудьте, что и существую я, а съ вами да будетъ Богъ! Что меня утѣшитъ теперь болѣе... Я хочу жить одною грустью, я уже выше всего! Кто за облаками, у самаго солнца, что тому брильянтъ съ отраженіемъ солнца! Что мнѣ дѣлать? Ничего не дѣлается, все бы бродила я вотъ по этой комнатѣ, все бы сидѣла вотъ тутъ, сидѣла-бъ, закутавшись огромнымъ вуалемъ.

7-е, вечеръ, понедѣльникъ.—Давича, положивъ перо, я посмотрѣла подлѣ себя, смотрѣла долго... Нѣтъ, нѣту тебя, некуда преклонить головы, и она склонилась на мою грудь, и сердце сжалось, и слезы лились. Но я не просила болѣе, я говорила: да будетъ Твоя воля! Потомъ взяла твои письма, которыя ты привезъ; вѣдь, я ихъ только разъ прочла съ тѣхъ поръ, какъ получила, они скользнули по душѣ и не оставили слѣда, все, все тонуло въ свѣтѣ свиданья. Давеча же я ихъ читала, перечитывала, всматривалась во все, *что съ нами*, и не чувствительно перешла изъ заоблачнаго жилища на землю. Александръ, прелестна земля съ небесной жизнью, Богъ все сотворилъ для наслажденія человѣка, и ежели онъ храмъ Божій, то онъ вездѣ въ царствіи Божіемъ. Ты пишешь о Италіи; вездѣ, вездѣ, гдѣ мы вмѣстѣ,—Италія, и еще болѣе Италіи... Другого 3-го марта у насъ не будетъ, потому что не можетъ быть двухъ началъ, но продолженіе начатаго, и начатаго Имъ, должно быть. Идемъ, идемъ за Нимъ, не упираясь, не останавливаясь, не разсуждая, кровавый ли путь, крестный, идемъ! Этотъ путь *разлука*. Помни, ему конецъ у дверей гроба и вѣчности. Или путь *вмѣстѣ*,—что прибавить тутъ? Я не нахожу во всей вселенной ничего, что бы могло увеличить или возвысить *наше* вмѣстѣ; пусть оно въ рубищѣ, пусть безъ пристанища, пусть покрыто позоромъ и поношеніемъ толпы, — Христосъ былъ поносимъ тѣми, за кого умиралъ, пусть ему истязаніе и муки—*наше вмѣстѣ* свѣтло какъ рай, и свѣтлѣе рая, и полнѣе рая. *Одинъ часъ* насъ сдѣлалъ святѣе и богоподобнѣе, что же сдѣлаютъ годы?.. Но, Его воля.

Только давеча я собралась съ духомъ поблагодарить Аркадья, благодарность моя слишкомъ велика, я боялась объяснить ее всю и не хотѣла умалить. Аркадій—это чудо, я не ожидала отъ него столько. И наканунѣ я не сама говорила ему, потому что не могла, сказала слово сестрѣ его, и все исполнено превосходно, потомъ ты очаровалъ его. Теперь онъ *мой* слуга изъ всѣхъ прочихъ моихъ слугъ. А бѣдная Саша, я не прощу себѣ того, что она не видала тебя, горько плачетъ, и я не могу утѣшить ее ничѣмъ. Отчего же она не пошла,—вотъ верхъ самоотверженія! Она не хотѣла и минуты возмутить изъ седьмого часа. А я хо-

тѣла идти за ней, когда ты спросилъ ее, хотѣла — и не могла. И другая Саша еще, сойдутся онѣ обѣ и плачутъ. Не помню словъ, но ты указалъ на будущее,— такъ, ангелъ мой, у насъ есть будущее, 3 марта не конецъ... Ты пишешь: «черная туча поднялась на нашемъ небѣ,—Господь, развей ее своимъ дуновеньемъ». Такъ ли исцѣлилась твоя душа, я не помню ничего мрачнаго, кажется, его и не было въ прошедшемъ, не предвижу и въ будущемъ, настоящее — это 3 марта.

Какъ торжественно указывалъ ты мнѣ на браслетъ, на медальонъ, и какъ благоговѣйно я цѣловала твою руку. Съ какою *собственною* гордостью сказалъ ты мнѣ: «итакъ, видишь, Наташа, что сдѣлала ты». Я склонила голову на плечо тебѣ и чувствовала, что только тутъ конецъ дѣламъ моимъ. Ангелъ мой, я трепещу, не смѣю глазъ открыть, когда развертывается передо мною дивная картина 7-го часа; только Онъ могъ устроить ее, только Онъ могъ и любоваться ею. Александръ, Александръ, о, нѣтъ, чрезмѣру блаженство наше.

8-го, вторникъ.—Чудно, ангелъ мой, точно минуту назадъ было *наше свиданье*; вокругъ меня все еще небесная теплота твоего дыханья, небесный свѣтъ твоего взора, а то, что происходило эти дни вчера, давеча, даже, что я сама дѣлала,—точно все стерто нѣсколькими годами. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду твоего письма, въ немъ должно быть твое выздоровленіе полное, совершенное, какъ мое. Послѣ свиданія вѣра и упованіе мое на Бога безпредѣльны, съ ними я ничего не боюсь. Умножимъ покорность нашу, Онъ безконеченъ въ милостяхъ! Мы выстрадали 9-е апрѣля, выстрадали 3 марта, выстрадаемъ и болѣе. Онъ платитъ не по заслугамъ, лишь отдадимся Ему. Планъ и исполненіе будущаго— все отдаю тебѣ и Ему, я—лишь вѣрую. Ахъ, Александръ, вѣдь, ты не покинулъ меня, вижу, вижу тебя, руки простираются, но некого обнять, прижимаются къ груди однѣ. — Я все дивлюсь, какъ могла я пережить, откуда столько силы и спокойствія при свиданьи. Если-бъ ты подсмотрѣлъ, что было въ послѣднюю ночь, Спаситель мой, другъ мой, ежели-бъ ты оставилъ меня на одно мгновенье, - это мгновенье было бы годомъ ада. Ты, кажется, напомнилъ мнѣ тогда, что я не люблю цѣловаться, —да, это для меня ужасно глупо, и невыносимо, кто меня цѣлуетъ, потому-то *мои* меня и спрашиваютъ всегда, можно ли поцѣловать меня. А ты,— я цѣловала тебя съ такой любовью, и страхомъ, и вѣрою, какъ цѣлую образъ Спасителя Христа, и отъ твоего поцѣлуя я стала святѣе всѣмъ существомъ. О, Александръ, Александръ!

Вечеръ.—Егоръ Ив. былъ, но письма еще нѣтъ, вѣрно завтра. Мнѣ нельзя было говорить съ нимъ о портретѣ. Я увѣрена, что ежели живописецъ возьмется, такъ у насъ устроить будетъ можно. *Мысль и Откровеніе* читала, незнакомыя слова препятствуютъ вполнѣ оцѣнить ее; насколько понимаю, настолько вижу твою душу, ангелъ мой, дивный, дивный, знаешь ли ты, что ты моя душа и жизнь моя, и вѣчность, и все, все... Больше всѣхъ желала бы прочесть статью объ архитектурѣ. Что пишешь ты послѣ 3 марта? Прощай, ангелъ хранитель надъ тобою, благословеніе Бога, благодать Его, святой духъ. Видишь, — не все совершено: я благословила тебя, а ты нѣтъ, это значитъ, что придетъ *тогда* и тогда ты благословишь меня. Боюсь спросить объ отвѣтѣ изъ Петербурга—да будетъ Его воля.

Наташа Герценъ, твоя Наташа.

9-е марта. Середа.

Милая, милая невѣста! Что чувствовалъ и сколько чувствовалъ я недѣлю тому назадъ? Каждая минута, секунда была полна, длинна, не терялась, какъ эта обычная стая часовъ, дней, мѣсяцевъ. О, какъ тогда грудь мѣшала душѣ, эта душа была свѣтоносна, она хотѣла бы порвать грудь, чтобъ озарить тебя. Пятый часъ: я стоялъ передъ Emilie теперь, а внутри кипѣла буря, нѣтъ не буря, а предчувствіе, — его испытаетъ природа наканунѣ преставленія свѣта, ибо преставленіе свѣта — верхъ торжества природы. Душа моя до того была поглощена тобою, что я почти не обратилъ вниманія на *городъ*, и ежели я ему бросилъ привѣтъ горячій, со слезою, когда его увидѣлъ, онъ не долженъ брать его на свой счетъ, и этотъ привѣтъ былъ тебѣ, съ нимъ мы увидимся послѣ. Возвращаясь, я еще меньше думалъ объ немъ, смотрѣлъ пристально и видѣлъ въ воздухѣ туманно набросанный образъ Дѣвы благословляющей. Когда мы искали домъ Emilie, извозчикъ провезъ мимо васъ, я увидѣлъ издали домъ и содрогнулся, я умолялъ К. воротиться, такъ сразу я не могъ вынести *тотъ домъ*. Вечеромъ я подошелъ смѣлѣе, мысль близости обжилась въ груди. Утромъ, когда я всходилъ, мнѣ такъ страшно было, я убѣжалъ бы отъ собаченки, отъ птицы. Ты дала мнѣ время собраться. Ожидая тебя, я стоялъ, прислонясь локтемъ къ печи и закрывъ лицо рукою, — поклонись этому мѣсту. Потомъ я бросилъ взглядъ любви полной на фортепіано и на пяльцы, которыя стояли на полу (вѣрно твои), потомъ быстро влетѣла ты, — объ этомъ и теперь еще не могу говорить. Да и никогда не буду говорить, оно такъ глубоко въ душѣ, какъ мысль безсмертія. Знаю одно: я тебя *разглядѣлъ*, когда уже мы сидѣли на диванѣ, до этого наши души оставили тѣла, и были одна душа, онѣ не могли понять себя врозь.

8 часовъ вечера. Дай, дай, моя подруга, моя избранная, дай еще прожить тѣмъ днемъ. Восемь... Льется огонь изъ верхняго окна, я стоялъ въ переулкѣ, прижавшись къ забору, К. ушелъ, я одинъ. Вотъ Аркадій—-такъ, стало, въ самомъ дѣлѣ я близко, вотъ Костенька—да, да я ее увижу, завтра въ пять часовъ въ путь. «Чего вы желали бы теперь отъ Бога?» спросилъ, шутя, гусаръ вечеромъ. «Чтобъ этотъ пятакъ превратился для міра въ часы»; гусаръ думалъ, что я съ ума сошелъ. «Для чего?» — «Онъ не умѣетъ показывать ничего, кромѣ пять, а въ пять туда, къ ней». Къ подробностямъ этихъ дней надобно сказать, что я два дня съ половиной ничего не ѣлъ, кусокъ останавливался въ горлѣ.

Позже. Ты моя невѣста, потому что *ты моя*. Я тебѣ сказалъ: «у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя». Ты отвѣтила: «да, вѣдь, я одна твое созданье». Да, еще разъ, ты моя совершенно, безусловно моя, какъ мое вдохновеніе, вылившееся гимномъ. [Приписка съ боку] И какъ вдохновеніе поэта выше обыкновеннаго положенія, такъ и ты, ангелъ, выше меня,—но все-таки моя. Оно тѣлесно внѣ меня, но оно мое, оно я. Тебѣ Богъ далъ прелестную душу, и прелестную душу твою вложилъ въ прелестную форму. А мысль въ эту душу заронилъ я, а проникъ ее любовью — я, я осмѣлился сказать ангелу: люби меня, и ангелъ мнѣ сказалъ: люблю. Я выпилъ долгой поцѣлуй съ ея устъ, одинъ я и передалъ ей поцѣлуй. Моя рука обвилась около ея стана, — и ничья не обовьется никогда. Понимаешь ли эту поэзію, эту высоту *моего полнаго* обладанія. Въ минуту гордаго упоенья любви, я радъ, что ты не знала любви отца и матери и *эта* любовь пала на мою долю. Вчера читалъ я Жанъ-Поля, онъ говоритъ: любовь никогда не стоитъ, или возрастаетъ, или уменьшается, —я улыбнулся и вздумалъ

предостеречь тебя, а то я кончу тѣмъ, что слишкомъ буду любить, сожгу любовью. Скоро ночь—святая, а тамъ и седьмой часъ.

Отчего же я такъ спокоенъ теперь, а 3 марта не прошедшее, вотъ оно живое, свѣтлое въ груди. Умереть,—нѣтъ еще, не вся чаша жизни выпита, жить, жить! Будемъ сидѣть долго, долго, цѣлую ночь, и когда солнце проснется, и когда утренній Гесперъ блеснетъ, выйдемъ къ нимъ и подъ открытымъ небомъ сядемъ съ ними, тогда умремъ. Стѣны давятъ, опасность давитъ, быстрота давитъ. Тогда же одна гармонія разольется на душѣ, ей будетъ тепло, и трупъ согрѣется солнцемъ. Или на закатѣ, когда усталое оно падетъ на небосклонъ, и кровью разольется по западу и изойдетъ въ этой крови, и природа станетъ засыпать, — тогда умремъ. И роса прольетъ слезу природы на холодное тѣло. А чтобъ люди были далеко, далеко! Ты писала какъ-то: въ ихъ устахъ наша любовь выходитъ какой-то мишурной. Это ужасно! Да, я ни слова о тѣхъ людяхъ, которые не люди, но большая часть людей въ самомъ дѣлѣ, какъ судятъ. Насъ пойметъ поэтъ, — этотъ помазанникъ Божій міра изящнаго, пойметъ дѣва несчастная, пойметъ юноша, любящій безгранно (а не любившій, тотъ, для кого любовь былое, воспоминанье—тотъ покойникъ, трупъ безъ смысла) Изъ друзей близкихъ найдутся, которые пожмутъ плечами и пожалѣютъ обо мнѣ отъ души: «она увлекла его съ поприща, на женщину промѣнялъ онъ славу»... и посмотрятъ свысока. Слава Богу, что пустой призракъ, слава, наука, можетъ наполнять ихъ душу; ежели бы не было его и не было бы дѣвы, они ужаснулись бы пустоты, и ихъ грудь проломилась бы какъ хрусталь, изъ котораго вытянутъ воздухъ. Нѣтъ, Наташа, я знаю все разстояніе отъ жизни прежней и до жизни въ тебѣ. Тутъ-то мнѣ раскрылось все, а тебѣ цѣлая вселенная любви, цѣлой океанъ,—носись же, серафимъ, надъ этимъ океаномъ, какъ Духъ Божій надъ міромъ, имъ созданнымъ изъ падшаго ангела.

Natalie, Natalie! До завтраго, прощай.—Завтра письмо, какъ будто годъ не имѣлъ вѣсти, душа рвется къ письму. Неужели можетъ быть любовь полнѣе нашей? *Нѣтъ!!*

Жаль Emilie, зачѣмъ она ѣдетъ, она должна быть, когда на нашихъ головахъ будетъ вѣнецъ, — это зрѣлище еще лучше вида съ Эльборуса. Благослови твоего *суженаго*—Александра.

10-е марта, четвергъ. Утро. Я проснулся, солнце начинаетъ свѣтить. Седьмой часъ. Я молился и, вѣрно, въ ту же минуту молилась ты, вѣрно, потому что мнѣ было легко. Потомъ я опять уснулъ, видѣлъ тебя во снѣ, но смутно, видѣлъ, что ты мнѣ подарила портретъ и непохожій, было досадно. Кстати, отсутствіе Мар. Ст. можетъ дать время живописцу. Твоего письма къ М. я еще не посылалъ, жду прежде отъ нея отвѣта, за картинку, разумѣется, благодари тогда, когда она напишетъ. Успокоилъ ли то Богъ ея душу? Какъ дивно чистъ былъ бы твой Александръ безъ этой встрѣчи; она какъ убитое тѣло, брошенное въ ручей, кровь вмѣшало въ струю, — но, чѣмъ дальше, тѣмъ чище опять ручей.

11-е, пятница. Утро. Похвальный листъ тебѣ, Natalie, и выговоръ. Похвальный листъ за письма, я съ восторгомъ смотрѣлъ, еще не раскрывая, на *количество*; выговоръ за портретъ, чего же лучше, какъ отсутствіе М. С., тутъ время было, это, madame, упущеніе по должности, впередъ вычту треть жалованья и посажу подъ арестъ возлѣ себя,—думаю не надоѣстъ. Ну, полно шутить.

Въ самомъ дѣлѣ, грѣшно еще просить у Бога, дивно наградилъ онъ трехлѣтнее страданіе, рѣшительно грѣшно роптать теперь. Голову склонить съ дѣт-

ской довѣрчивостью и молиться. Я писалъ давно, что 9 апрѣля недостаточно, и вотъ 3 марта исполнило недостававшее. Итакъ, съ полнымъ самоотверженіемъ *пойдемъ* къ соединенію. Пойдемъ — ибо останавливаться тоже грѣхъ, развѣ намъ не очевидна воля Его, повелѣвшая соединеніе?

Озеровъ наговорилъ бездну похвалы обо мнѣ пап[енькѣ], это полезно, это дѣйствуетъ на него сильно, и еще есть возможность добрымъ путемъ кончить. Мнѣ самому жаль, что я не видалъ Саши, вотъ ей особая записка. Меня не удивило усердіе Аркадія. Я еще изъ Крут[ицъ] писалъ: въ этомъ классѣ есть инстинктъ, которымъ они понимаютъ человѣка, которой ихъ считаетъ за человѣковъ. А когда же пришлешь письма 36 года?

Я читаю Жанъ-Поля,—по нѣкоторымъ отрывкамъ въ моихъ письмахъ ты его знаешь. Вотъ авторъ, котораго *ты никогда не поймешь*, и явно, что вина будетъ его, а не твоя. Душа пламенная, полная поэзіи и любви, но выраженіе ея такъ судорожно, такъ напитано ироніей, и притомъ ироніей не всегда счастливой, что онъ на вѣки отрѣзанъ такихъ читателей, какъ ты. Шиллеръ— вотъ твой авторъ, еще кто... Жуковскій и только. А дивно уноситъ иной разъ Жанъ-Поль, и душа трепещетъ, и слеза на глазахъ, да степью безводной надобно идти до такого мѣста. Ну, читала ли повѣсть? жду суда. Я могъ бы прислать Архитект. статью, но безъ картинокъ она темна. И та повѣсть «Его Превосх.» готова совсѣмъ, созданная въ минуту досады, она дышетъ злобой. Ты спрашиваешь, что я пишу послѣ 3-го марта,—письма къ тебѣ!

Получилъ письмо отъ Вадима и Тат. Петр.; не знаю, застанетъ ли ихъ въ Одессѣ отвѣтъ, потому что они быстро идутъ въ домъ умалишенныхъ: такой галиматьи въ жизнь не читалъ, и что всего досаднѣе, меня утѣшаютъ, вычитали какое-то отчаяніе въ моемъ письмѣ. Вѣрно потому, что я писалъ о смерти. Хороши души, которыя не понимаютъ смерти. А Тат. Петр. распространяется о своихъ дѣткахъ, о перемѣнѣ въ лицѣ, а онъ о своихъ несчастьяхъ. Ну, въ сторону ихъ.

12-го, суббота. Изъ Петербурга все еще нѣтъ отвѣта—досадно, а можетъ, къ лучшему. Что, какъ ты увидѣлась со Львомъ Ал.? Княг[инѣ] не слѣдуетъ говорить до моего пріѣзда (безъ необходимости). Вѣра моя въ скорое соединеніе незыблема, я всему вѣрю послѣ 3-го марта. Прощай, невѣста, ангелъ, будь такъ же покойна, какъ я, я никогда *лучше* не былъ какъ теперь и, повторяю, въ настоящемъ я доволенъ собою, особенно когда прошедшее начинаю считать отъ 3 марта.

Что-то чистое и святое влилось въ душу отъ твоего поцѣлуя. Та грудь, къ которой прислонялась твоя голова, и должна была очиститься. Прощай, Наташа.

Вечеръ, 10 марта, четвергъ. Москва.

Вчера получила письмо отъ 4; послѣ 3-го и писаное слово сдѣлалось теплѣе, звучнѣе, одушевленнѣе. Да, послѣ 3-го марта и все перемѣнилось: черное прошедшее залито свѣтомъ, черное будущаго свѣтлѣетъ имъ, настоящее — это все свѣтъ. И я, Александръ, сдѣлалась достойнѣе тебя — съ этого дня, да, въ этотъ день твое созданіе дополнилось, усовершенствовалось.

Ангелъ мой, мнѣ кажется, мы будемъ вѣкъ говорить другъ другу о 3-мъ мартѣ, и вѣкъ не доскажемъ. Странно, я много читала о свиданьяхъ и поцѣлуяхъ, еще больше слыхала о нихъ отъ пріятельницъ и ближе пріятельницъ—

и всегда дивилась: что находятъ въ этомъ пріятнаго, мнѣ казалось глупо, и болѣе нежели глупо, и я никогда не рѣшилась бы ни за что на свѣтѣ,—но вотъ и со мной сбылось 3 марта, только оно не помирило меня съ ихъ поцѣлуями, съ ихъ восторгами, они остались *ихъ*, а 3 марта—*мое 3-е марта*!

Въ небѣ я не была бы святѣе, какъ въ твоихъ объятіяхъ, передъ Нимъ я не желала бы явиться чище, какъ была на груди твоей, и отъ Него не желала бы болѣе награды, какъ твой поцѣлуй. О! мой Александръ! мой Александръ! Вѣдь, я видѣла въ твоемъ взорѣ любовь, любовь *твою*, я видѣла во всемъ, что ты *мой*, и цѣлая-то жизнь наша будетъ не что иное, какъ 3-е марта. О, мой Александръ! ни о чемъ я еще не могу теперь думать, мысль и слово отстали вмѣстѣ съ тѣломъ и землей. Я сказала тогда нелѣпость, ясное доказательство, что намъ ненужно тогда было говорить. Я не могу вообразить, что будетъ за жизнь *тогда*, какъ мы дойдемъ до того, чтобъ ее размѣрить, учредить, сдѣлать порядочною, — а жизнь эта будетъ, я вѣрую! Оглянусь направо — свѣтъ, блаженство, все свято, все благословлено Имъ, мы Его ангелъ; оглянусь налѣво,— страшно, тамъ проклятье, преступленье, тамъ разлука, страданье.

А въ самомъ дѣлѣ, другъ, ты писалъ ужасное въ прошломъ письмѣ: поклялся не подаваться назадъ, а потомъ: «разрывъ — тутъ много ужаснаго, безнравственнаго, но скорѣе разрывъ, нежели уступка». И *тогда*, тогда, какъ съ нами будетъ Богъ, какъ мы будемъ въ раю, какъ мы составимъ одного ангела, ты скажешь: «Наташа, я поступилъ безнравственно». Не ужасно ли? Но теперь я не вѣрю рѣшительно ни во что дурное, а холодность пап[еньки] очень дурное; стало, Онъ уничтожитъ ее. Праск. Андр. съ величайшимъ участьемъ говоритъ мнѣ: «Ну, что-жъ онъ сдѣлалъ лучше, и такъ рискуя».—«Ничего, сказала я ей,— мы *увидались только!*» Потомъ. «Ахъ онъ безголовой».—«Да, правда, безголовой, но лучше безголовой, нежели бездушной» —не знаю, поняла ли она, а она, вѣдь, очень добра. Ты безголовой, а я безумная—чудо! Вдругъ давеча беру Emilie за руку и называю ее Александромъ, да, можетъ, и не замѣтила бы этого, если бы мнѣ не дали замѣтить. Она мечтаетъ о томъ, какъ мы будемъ скитаться съ нею, какъ меня выгонятъ. Дивно, Александръ: міръ откажется отъ насъ за нашу любовь, за наше святое—свобода!.. Я никакъ не могу разглядѣть обстоятельствъ, а *тогда* представляется мнѣ не иначе, какъ 3-мъ марта и такъ ясно, такъ ясно... О! другъ мой! Да, я вижу, тебѣ необходимо отдохнуть здѣсь, на груди, отдохнуть долго, долго, потому что ты страдалъ долго. Мы едва прикоснулись къ чашѣ блаженства нашего, а она безъ дна, безъ краевъ... Вѣдь, я не насмотрѣлась на тебя, красота моя, да такого красавца нѣтъ во вселенной, потому что ни на комъ рука Его не видна такъ ясно. О, Александръ, нѣтъ, вѣдь, недостаточно, несносно говорить черезъ бумагу, когда ужъ разъ попробовалъ лепетать живою рѣчью, хоть едва понятною, ребячьею,—но все она лучше, превосходнѣе мастерскаго писанья! Нѣтъ, еще мы будемъ говорить, будемъ, я вѣрую. Мы доскажемъ другъ другу все *здѣсь*, и уже тогда пойдемъ разсказывать Богу.

Дивный мой, прелестный мой, милый... Да! merci за комплиментъ; вотъ не ожиданно, да тебѣ это показалось... Нѣтъ, я вздоръ говорю, именно я, должно быть, была хороша тогда, вѣдь, я была тогда—съ кѣмъ? Все еще дивлюсь, какъ осталась на землѣ, какъ осталась безъ тебя. Да, что 9 апрѣля въ сравненіи съ 3 марта. А *тогда* мы скажемъ: что 3-е марта въ сравненіи съ теперь. Ни на одинъ мигъ не покинула бы тебя, ни на мигъ не спустила бы съ тебя глазъ... Или

смерть? Да будетъ Его воля! Праск. Андр. говоритъ: «вѣдь, родительскимъ благословеніемъ домъ строится»; если только,—то пусть нашъ домъ вѣкъ не сострoится, но въ благословеніи для меня болѣе... Онъ поможетъ.

11-е, пятница. И другой четвергъ прошелъ, и ужъ другая недѣля идетъ... а тотъ часъ еще не прошелъ... Итакъ, ты не грустенъ, слава Богу! благодарю тебя! другъ мой, благодарю и за то еще тебя цѣлую, еще и еще. Теперь о чемъ грустить намъ, то есть, о чемъ болѣть сердцу,—Онъ все даетъ намъ и дастъ еще. Эти дни я иногда плакала, но не о томъ, что ты уѣхалъ, не знаю о чемъ; я говорю, что эту грусть не промѣняю на веселье, а сердце не болитъ, нѣтъ, давно ли оно было такъ близко, близко твоего... Послушай, *я научу* тебя: напиши ты пап[енькѣ] въ первомъ письмѣ, чѣмъ хочетъ онъ подарить тебя 25-го марта, день твоего рожденья — жизнью или смертью,—что онъ тебѣ на это скажетъ. Праск. Андр. говоритъ, что кн[ягиня] узнаетъ скоро, а пап[енька] сказалъ, что меня не возьметъ ни подъ какимъ видомъ; не думаю я, когда такъ, обратиться къ нему съ письмомъ, какъ ты писалъ прежде. Дѣться мнѣ будетъ куда и безъ него, лишь бы выгнали, а то пропцай письма, да меня, кажется, тогда за десять замковъ спрячутъ и никого не допустятъ. Левъ Ал. знаетъ, но нисколько не доказываетъ, со мной, по обыкновенію, *очень милостивъ*, можетъ и для кн[ягини]. Ну, какъ же они не жалки всѣ? Простимъ имъ, простимъ, и помолимся о нихъ, «не вѣдятъ бо, что творятъ».

А гордость—я очень горда, и какъ же мнѣ не гордой быть, хотя бы я была дочь послѣдняго изъ пастуховъ—*я созданье Его, Твое!!* Но эта гордость не заставляетъ меня презирать *ихъ*, а жалѣть. Даже наружные мои поступки горды—и слишкомъ иногда. Но только какъ: я стану на колѣна въ грязь, чтобъ обуть нищаго, и если тутъ пойдетъ мимо Димитр. Павл., я не встану, не поклонюсь ему, хотя онъ почти его превосх., почти мнѣ cousin. Другіе назовутъ это дѣтскимъ упрямствомъ, а ты знаешь, что это *твоя гордость*. А потомъ и всѣ милостивые государи и государыни — они очень со мною горды, но они гордятся передо мною душами, а я горжусь передъ всѣмъ свѣтомъ душою. Воспитанница кн[ягини] можетъ иногда отвѣтить нижайшимъ поклономъ на едва замѣтное наклоненіе головы тысячныхъ воспитанниковъ, но ужъ зато эти тысячные воспитанники уничтожаются совершенно передъ созданьемъ Александра,—что они передо мною?

Ангелъ мой, нѣтъ мѣры моему счастью. Я готова плакать о томъ, что не умѣю выразить, скажи мнѣ, ты понимаешь, ты вѣришь? Ну, разскажи же мнѣ, какъ тебя любитъ Наташа; тогда я узнаю, знаешь ли ты какъ; а если малѣйшая ошибка, знай, что подвергнешься строгому наказанію, я умѣю наказывать, особенно — есть у меня баловень, ты его не знаешь. Другъ мой, милый, ахъ, хочется говорить, говорить... а писать не хочется, только говорить громко, свободно, — ну, какъ я опять онѣмѣю тогда... Нѣтъ, *со временемъ* мы выучимся говорить и привыкнемъ. О! —неужели у тебя не навертываются слезы, не жмутся руки къ груди, не стремится взоръ туда, и не преклоняются колѣна? Знаешь ли, что я тебѣ скажу, только ты засмѣйся этому: я была нездорова эти дни, и какъ мнѣ хорошо было, чудо! какъ меня покоили, и теперь наверху свобода... Я-бъ желала все время, пока я здѣсь, быть нездоровой, ты не знаешь этого наслажденья. Послушай, послушай, что я скажу тебѣ на ухо... Александръ.

5 часовъ пополудни. Заснула крѣпкимъ сномъ,—вижу, писать можно, а я не пишу; я такъ этого испугалась, вскочила безъ памяти, и поскорѣй за перо.

Какъ ни сержусь на него, а оно, вѣдь, главное благодѣтельное средство намъ въ разлукѣ. Ну, что-жъ я скажу тебѣ со сна—голова кружится.

Съ 3 марта я ничего не дѣлаю, — Александръ, нехорошо это? Я сама ненавижу праздность, да это время я не праздна, а занята болѣе, нежели когда-нибудь. Напр., разверну книгу, кажется, читаю, но это только кажется; сверхъ его непремѣнно выступаютъ крупныя буквы и въ мигъ Александръ закроетъ всю книгу, и я не вижу ничего, а въ умѣ, можетъ, и осталось что-нибудь, да вотъ показывается край 3 марта, далѣе... далѣе и ужъ не только, что въ книгѣ сказано, что и передъ глазами забыто все, закрыто все этой божественной картиной. Ну, что, мой серафимъ, ежели-бъ ты прилетѣлъ теперь ко мнѣ, вотъ сюда, въ мой тѣсной уголокъ и не тамъ бы, гдѣ пахнетъ княжествомъ, не на гостиномъ диванѣ, а здѣсь, на моемъ ветхомъ, сѣлъ со мною... Другъ, какъ не желать, какъ не желать, какъ не молиться, но какъ же и не покориться?

Посмотрю я, никто-то не понимаетъ нашей любви, такъ, едва, отчасти, развѣ тѣнь одну. Она тайна, тайна всѣмъ. Они прочтутъ ее, услышатъ ее, увидятъ ее —и все-таки *не узнаютъ!* Неслажденье то, можетъ, и понимаютъ, да чистоту—главное въ ней—не понимаютъ и не вѣрятъ ей, хоть иные и говорятъ, да я вижу, что только говорятъ. Ты знаешь ли, что Emilie (уже рѣшившись) опять въ нерѣшимости: идти или нѣтъ замужъ, и именно, мнѣ кажется, глядя на нашу любовь, она ужасается замужества.—Костенька безпрестанно меня навѣщаетъ и претихо скажетъ мнѣ каждый разъ на ухо: «смотри же, матушка, не говори, батюшка, будто ничего»,—и потомъ прегромко станетъ дивиться, какъ это все случилось. Костенька чудо. —Ну, душа моя, прощай же, завтра я буду внизу, опять безъ устали ходить по тѣмъ комнатамъ. Портретъ не будетъ готовъ къ 25-му; итакъ, жди съ терпѣнiемъ, и прошу не блажить. Господь съ тобою, и Наташа, и любовь.

7 часовъ вечера, 12 марта, суббота, Москва.

Прежнимъ почеркомъ... а, вѣдь, ты самъ не велѣлъ мнѣ *лично* писать мелко. Ангелъ мой, какое у меня горе: получила письмо твое отъ 8-го, что развернула, увидѣла, что въ немъ былъ шнурокъ, а я думала (ужъ признаюсь тебѣ теперь) объ немъ, да тогда-то *не могла* вымолвить, а писать — тоже, было *совѣстно*, а, Богъ знаетъ, что отдала бы, чтобъ имѣть его. Итакъ, ты угадалъ; вижу слѣдъ шнурка,—но гдѣ-жъ онъ? Спѣшу дочитать, можетъ, ты раздумалъ посылать и вынулъ; ни слова, пишешь, что посылаешь, а его нѣтъ; я заплакала, Александръ, и теперь, смерть, жаль, досадно,—мѣсяцъ бы за него мела мостовую, ну, даже въ рабочемъ домѣ. Душа моя, какъ мнѣ жаль, ты не можешь вообразить. Неужели вынули на почтѣ? Ты виноватъ, кто-жъ такъ посылаетъ, и вѣдь, ужъ ничѣмъ не заслужишь этой вины, ничѣмъ. Богъ вѣсть, кому онъ попался. Да, я, право, долго объ немъ буду плакать. Какъ не стыдно тебѣ! Ахъ, шнурокъ, шнурокъ! *на чулкахъ* бы выработала тысячу рублей, чтобъ выкупить его. Сердита на тебя, ужасъ! А поясъ-то все-таки пошлю, только не такъ неосторожно, соберу совѣтъ, и ты получишь его прежде портрета. Прощай пока, буду читать письмо, а то всю душу наполнилъ шнурокъ, ну, да не смѣйся, ты этого не испыталъ, да я и не дамъ тебѣ испытать. Прощай, ангелъ, долго буду читать.

Саша! Саша! я сойду съ ума, ангелъ мой, смотри шнурокъ въ рукѣ, душа моя, Господи, какъ я рада! Ахъ, милой другъ, прости, я разбранила тебя, брани

жъ теперь ты меня. Видишь ли, письмо то распечатала въ сумерки, въ потьмахъ, и не замѣтила, какъ шнурокъ упалъ на колѣни, и не пришло въ голову послѣ поискать, но сердце замерло, — совсѣмъ думала, вынули на почтѣ и, разсмотрѣвъ пакетъ, увѣрилась, что вынули, хотя на немъ ни малѣйшаго нѣтъ признака. Ахъ, порадуйся, другъ мой, давеча никому не могла сообщить горя, и теперь первому тебѣ, и не могла удержаться, чтобъ не написать. И видишь, какъ: разсказавъ тебѣ горе, стала читать письмо и, по обыкновенію, задумавшись, долго смотрѣла безъ цѣли, что-то чернѣется на полу, не обратила вниманія,— Аленушка подняла и разсматриваетъ у меня къ свѣчкѣ. Ахъ, какъ я кинулась къ ней, будто спасать чью жизнь, она вѣрно думаетъ, что я сошла съ ума, такъ сомнительно на меня посмотрѣла. А шнурокъ-то у меня, у меня! Ну, ужъ теперь-то... Ахъ, ангелъ мой, какое блаженство! Прощай опять, буду надѣвать, примѣривать шнурокъ. Ну, не лучше ли онъ брильянтовой нитки, и не больше ли мнѣ къ лицу? Погожу и письмо читать, у меня шнурокъ!

13-е, воскресенье, 7 часъ утра. Ну, мой другъ, благодарю тебя за шнурочекъ! благодарю и благодарю. Я въ восхищеньи, вчера все остальное время занималась имъ; онъ, кажется, понимаетъ, что я ему говорю и *не говорю*. И я понимаю его; о, какъ много разсказываетъ этотъ нѣмой жилецъ твоей груди, свидѣтель твоихъ мукъ и блаженства, —мы не наговорились. Я цѣловала его, разсматривала, и наконецъ, съ какимъ-то страхомъ, надѣла на шею. Да, ангелъ мой, со страхомъ — святыня... Долго, долго не спала. Боже, если-бъ кто заглянулъ тогда въ мою душу... А письмо-то, вѣдь, только два раза и прочла, да въ другой-то не совсѣмъ, потому, тутъ прервалъ шнурокъ, и онъ мнѣ казался живѣе письма, я не спускала глазъ съ него, долго играла имъ, наконецъ, устала и заснула. Шнурокъ на шеѣ и еще на рукѣ, проснулась, — рука съ шнуркомъ крѣпко прижата къ губамъ, я улыбнулась, и сонъ опять прошелъ надолго. Это дивно, и никто не знаетъ! —Нѣтъ, нѣтъ, моя душа, прошу тебя, не вставай такъ рано, спи, ангелъ мой; въ самомъ дѣлѣ, что такое въ одинъ часъ молиться, да вся и жизнь-то наша—*наша молитва.* Я всегда съ дѣтства встаю въ этотъ часъ, и иначе не могу, а тебѣ зачѣмъ переламывать себя, — нѣтъ, ради Бога, ненадо! И тогда ни за что тебя не стану будить, я тутъ же, у твоей постели буду молиться. О, ангелъ мой, взглядъ на небо и на тебя—о, какая полная, пламенная молитва. Потомъ ты откроешь глаза, и твоя Наташа у твоего изголовья молится за тебя. Александръ, блаженство твое ни съ чѣмъ сравниться не можетъ, никто никого такъ не любитъ, какъ я тебя. Да, мы оба безмѣрно счастливы. Смотри же, другъ, не вставай рано, сохрани тебя Богъ, я разсержусь.—А замѣтилъ ли ты, что я что-то очень часто начинаю употреблять угрозы,—отучи меня отъ этого. А въ самомъ дѣлѣ, я все буду безпокоиться, напиши, въ которомъ часу встаешь. Ты пишешь: не пріѣхать ли 9-го апрѣля? *Нѣтъ,* рѣшительно нѣтъ, и не думай,—я не хочу. Что ты это, Александръ, можно ли еще подвергаться?! О, нѣтъ, нѣтъ. Итакъ, оставь эту мысль; ежели отпускъ будетъ—хорошо, тогда на что намъ и Загорье... а, вѣдь, и съ нимъ жаль разстаться, потому что тамъ природа, воля; Костенька не ѣздитъ въ Загорье, она исправляетъ должность почтальона въ Москвѣ, а Саша, да и она не догонитъ насъ. О, какъ бьется сердце. А все отпускъ лучше — иль нѣтъ? не знаю. Я не помню своего письма, но когда читаю твое, припоминаю его,—совершенно одно и тоже, развѣ такъ, самая маленькая разница, въ иномъ мѣстѣ слово въ слово. Чудо, чудо, Александръ!

Твое письмо воскресило меня вчера. Какъ я отправила утромъ свое на почту, какъ мнѣ сдѣлалось грустно — смерть; я опять дѣлалась больною, несносная тягость, спать—не спится, жду письма—не несутъ, начала писать къ тебѣ — цѣлую страницу написала, и все не легче, и такъ глупо, что изорвала. Вдругъ маменька,—въ ридикюлѣ шумитъ бумага, я воскресла, и все, все прошло; а тутъ какъ осталась одна, шнурокъ меня испугалъ. О, ангелъ мой, какъ мнѣ теперь весело, я часто смотрю въ зеркало, какъ у меня шнурокъ на шеѣ —какъ хорошо Душа моя, посмотри,— ну, смѣнять ли его брильянтовой ниткой? А какъ живо, тогда ты разстегнулся, я держала медальонъ въ рукѣ, думала о шнуркѣ —но... но... Ты самъ угадалъ, милый другъ! Дай Богъ тебѣ за это... ну, то, что ты хочешь—*я не знаю*.

А портретъ—въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно; и я думала такъ, какъ 3 марта, да слишкомъ неглиже, нехорошо, и рѣшилась бѣлое платье и голубой шарфъ, любимый мой костюмъ и цвѣта. Да вспомни: 20 іюля на мнѣ было только бѣлое съ голубымъ, 9 апрѣля бѣлое и, наконецъ, 3 марта бѣлое и голубой поясъ, мантилью долой, а въ прибавокъ шнурокъ. А прическа—да я никакъ не была причесана, коса распущена, какъ на ночь, только локоны не въ папильоткахъ, мнѣ не до нихъ было. Чтожъ, наконецъ, намъ ненадо будетъ сообщать другъ другу, а дѣлать такъ, какъ *я* хочу, и это будетъ сильнѣйшимъ увѣреніемъ, что *ты* такъ хочешь. — Ты пеняешь мнѣ за повѣсть, маменька только еще обѣщала мнѣ прислать ее, такъ что-жъ мнѣ было писать тебѣ о ней? Да, правда, когда будетъ писать тебѣ *тогда*, —я не знаю... ну, вдругъ ты возьмешь перо, отвернешься отъ меня и будешь обдумывать планъ повѣсти. Ну, что-жъ, я не помѣшаю тебѣ, я сяду сзади, чтобъ ты не видалъ меня, и притаю дыханье, чтобъ ты и забылъ меня. Ты углубишься, — исчезнетъ все, и Наташа... Вдругъ встанешь въ раздумьи, можетъ въ мрачномъ, нечаянно обратишь взоръ въ ту сторону —а я тутъ... Ангелъ мой, какъ ты бросишься ко мнѣ!..

Зачѣмъ ты написалъ о 9 апрѣля, зачѣмъ спрашивалъ, не повторяй этого вопроса, не напоминай о будущемъ 9 апрѣля. Или отпускъ, или Загорье! —Письма твои 36 года я давно отдала маменькѣ (запечатавъ) и просила съ первою вѣрной оказіей переслать тебѣ. Ну, прощай пока, скоро пріѣдутъ отъ обѣдни. Теперь я опять выну мой шнурочекъ, о, съ нимъ мнѣ ненадо никого, ничего! Какъ ты милъ, Александръ.

Воскресенье, вечеръ [Москва].

Скажу опять: я папеньку не боюсь. Совершеннаго сопротивленія нѣтъ, а тамъ Богъ поможетъ. Только сдѣлай ему тотъ вопросъ. Я желаю его видѣть, еще съ большимъ чувствомъ поцѣлую я его руку, — пусть въ отвѣтъ холодность. Ежели будетъ говорить, какъ твердо, какъ величественно я буду стоять передъ нимъ, съ какимъ восторгомъ скажу *да*, если спроситъ. Только ужъ ежели не отпускъ, не желаю, чтобъ знала кн[ягиня], тогда Загорье— о, это дивно! Цѣлые часы посвящаю я этимъ мечтамъ, какъ свободно тогда мы будемъ ходить, говорить, смотрѣть, долго, долго смотрѣть, не говоря ни слова долго, долго, рука съ рукой, и ты преклонишь ко мнѣ голову долго, долго. О, и земная жизнь награда отъ Него! Отъ насъ зависитъ сдѣлать ее небесною, не правда ли, другъ мой? Конечно, отъ насъ, а *имъ*, да что имъ и небо, и рай, они боятся его, тамъ нѣтъ постели, не даютъ ѣсть. Въ Загорьѣ я покажу тебѣ также мой шнурочекъ, и не дамъ тебѣ его, нѣтъ, нѣтъ! Тамъ разскажу тебѣ о 3 мартѣ... Ахъ, какъ бьется что-то въ

груди, какъ голубь. Хорошо мнѣ, ангелъ мой, дивно хорошо, я не умѣю разсказать тебѣ. Кругомъ блаженство, и внутри блаженство, и такъ хочется упасть на колѣна и плакать. Именно, я дѣлаюсь ребенкомъ, иногда даже только и разницы у меня съ дѣтьми, что любовь; невѣроятная перемѣна во мнѣ, хотя ты и не хочешь этого замѣтить. Въ письмѣ есть два мѣста: тамъ, гдѣ ты плачешь и молишься... нѣтъ это невыразимо! Не скажу ничего, Александръ, это яснѣе скажетъ тебѣ все, что у меня въ груди. Да, мнѣ иногда кажется, что и небо и солнце мрачны передъ моей душою, и только отраженье ея, тѣнь, — да такъ и быть должно. Да, кажется, теперь *я* выше не могу быть, но *тогда мы* будемъ еще выше; иначе зачѣмъ бы это стремленіе къ соединенію, не одно наслажденіе, не одно счастіе должно быть его цѣлью. Но развѣ чистота и высота не есть самое главное наслажденіе, и что-жъ безъ нихъ любовь? Какъ я вѣрую въ тебя, мой Александръ! Кому бы, кому бы я отдалась такъ вполнѣ и такъ безусловно?— Тебѣ отдаюсь, ты меня сдѣлаешь еще свѣтлѣе, еще святѣе, ты представишь меня Богу такою, какою Онъ хочетъ. Ежели бы я не имѣла этой вѣры, какъ бы любовь моя ни была необъятна, я не отдала бы себя тебѣ, не отдала бы, даже сказавши: люблю.

15-ое, рано утромъ. Ну, какъ же радоваться выздоровленію? Вотъ я опять внизу—и какъ трудно опять быть подъ ихъ закопами, я въ недѣлю привыкла къ волѣ, и какъ хорошо мнѣ было въ болѣзни, а вчера весь день не удалось и взглянуть на твои письма. Сегодня ночевала въ кн[ягининой] спальнѣ; она, папенька и Левъ Ал. осыпаютъ меня знаками вниманія. Папенька на дняхъ пишетъ: «Наташѣ мой поклонъ, я съ удовольствіемъ узналъ, что она выздоровѣла, совѣтую ей остерегаться холодной лѣстницы». Ты не можешь вообразить, какъ меня обрадовали эти почти ничтожныя строки, не хитрость же онѣ, не лесть— нѣтъ, я вѣрю, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, (*для тебя*) радуется моему выздоровленію, это восхищаетъ меня. Наконецъ, Кетчеръ прислалъ мнѣ «О себѣ». Хорошо, Александръ, хорошо все; лучшее для меня—Дитя, Огаревъ и Деревня; гдѣ болѣе тебя, тутъ и лучше, а тѣ лица, конечно, необходимы и хорошо чрезвычайно описаны, но я объ нихъ читаю почти такъ же, какъ обѣдъ въ «*Встрѣчѣ*». Только, знаешь ли, это чтеніе навело на меня грусть,—какъ страшно, какъ замираетъ сердце, глядя на *возможность* твоей гибели. Какъ я иду шагъ за шагомъ твоего дѣтства, и непремѣнно беретъ дрожь, и скатится слеза, глядя на тебя, младенца, среди столькихъ ужасовъ 1812 года. Все это есть у меня въ письмахъ, но ихъ никто не будетъ читать, а тутъ невольно призадумываешься: непремѣнно хочется угадать лица, которыя будутъ читать твою жизнь (!), ихъ душу, и потомъ хочется замѣтить всѣ переливы ощущеній при чтеніи, подстеречь слезу и взять ее себѣ, благословить самой благословенныхъ имъ, а *тѣхъ*, тѣхъ равнодушныхъ —пожалѣть и отнять у нихъ тебя. Я не говорю лучшее, но *любимое* мое изъ всего, писаннаго тобою, будетъ твоя жизнь. Терпѣнья нѣтъ прочесть продолженіе; хотя уже съ рукъ толпы и Огарева ты перешелъ на мои руки, уже я убаюкивала тебя и заставляла улыбаться при пробужденіи, очищала туманъ и тучи, чтобъ чистая лазурь отражалась во взорѣ твоемъ, очищала прахъ и землю, чтобъ ты солнцемъ горѣлъ въ чистомъ небѣ. Знаю не только окончаніе земного поприща твоего и самую вѣчность,—вѣчность рай, вѣчность блаженство, вѣчность любовь, но непремѣнно хочу *читать* продолженіе твоей жизни. Ты пишешь, Александръ; зачѣмъ писать, человѣчество не дастъ тебѣ ни моего взгляда, ни моего поцѣлуя, да и на что-жъ тебѣ награда, вѣдь, ты награ-

жденъ за все? Приглашай жаждущихъ *къ безбрежному твоему океану* и не требуй *капли* въ воздаяніе. Что пишешь ты теперь подъ вліяніемъ великаго дня?

Или оттого, что очень близко, или не знаю отчего, я какъ-то не жду ничего къ Святой, сердце бросаетъ на нее взглядъ мимоходомъ и стремится безъ остановки въ Загорье, до него мы легко проживемъ подъ вліяніемъ великаго дня и, можетъ быть, проживемъ (не знаю легко ли) до той Святой подъ вліяніемъ тѣхъ пяти дней. Ахъ, чудно, другъ мой, посмотри, какъ до половины жизни, можетъ быть, наружно были мы не болѣе, какъ cousin и cousine, тутъ вдругъ разстались на 9 мѣсяцевъ и встрѣтились братомъ и сестрой, *прожили* розно три года (т. е., *провели*) и увидались женихъ и невѣста! Какъ это *имъ* должно казаться мудрено, странно, а мы преклонимся еще разъ подъ руку Его съ полной вѣрою.

Вчера я говорила съ Егор. Ив. о портретѣ, а ужъ съ тобой боюсь говорить; но только, сдѣлай же милость, войди въ резонъ: до 8-ми часовъ не совершенно разсвѣло, сидѣть надо часа два, а только-то и можно до половины девятаго,— какъ же быть, скажи, мой другъ, ненужно ли подождать, какъ ранѣе будетъ разсвѣтать? Имѣй же терпѣнье, я сама *знаю*, что такое портретъ. Витбергово имя не могу равнодушно слышать и признаюсь, болѣе не потому, что онъ несчастный, что великій человѣкъ. Ну, вотъ, посылаю тебѣ поясъ, эту ленту много носила я на шеѣ и подпоясалась 3 марта, чтобъ отдать тебѣ, и забыла; на ней ты повѣсишь и портретъ, это задатокъ. Дивно дѣйствіе твоего шнурка, чтобъ ни дѣлала, а въ часъ разъ десять посмотрю его и, когда можно, поцѣлую. Въ немъ цѣлебная сила. Онъ такъ много, много разсказываетъ мнѣ о твоей груди... Нѣтъ, душа моя, проси, — не дамъ тебѣ моего шнурка! Боюсь, скоро износится, а, вѣдь, ужъ другого ты не носилъ два года. Письмо еще свѣже, тепло, а уже жду другого, и если-бъ почта была каждый день, все бы оставалось время пождать и погрустить о томъ, что долго нѣтъ письма.

Вечеръ. Да, Александръ, я могу смѣло сказать, что никого не знаю, кромѣ тебя, и ничего не знаю, кромѣ любви. Я — вся ты: все ты и во снѣ, и на яву, и въ мысли, и въ душѣ, и въ жизни, и въ вѣчности. Что не ты, то для меня не существуетъ. Всѣхъ люблю тобою, тобою и Бога люблю, тобою и молюсь Ему. Да я, право, не знаю ни одной мысли, которая бы была не ты, а потомъ и поцѣлуй на мнѣ только твои, и объятія только твои, я ничего столько не читала, какъ твоего, ничего столько не писала, какъ къ тебѣ. Тутъ вся моя наука, все образованіе, вся жизнь, ни одной вѣтви посторонней, для тебя создана, для тебя живу и умру и буду тамъ. Вотъ ужъ лѣтъ около пяти, какъ я, еще тайно отъ самой себя, отдалась тебѣ. До этого я не знала тебя, не хотѣла и знать и никого, все, что ни представлялось глазамъ и душѣ, было мало, неудовлетворительно, всѣхъ чуждалась, убѣгала сближеній и любила одну Татьяну Петр., ей одной и вѣрила слѣпо, спрашивая однако-жъ всегда: «а Александръ Ивановичъ, что объ этомъ думаетъ?» и я также старалась думать и подражать ей въ самой малости. До сихъ поръ благодарность ей огромна, она первая дала пристанище, хотя уже не первой, моей мысли и не первому чувству. Потомъ Emilie... Боже мой, какъ я боялась, что она не пойметъ тебя, не оцѣнитъ, душа была непокойна до тѣхъ поръ, пока ты пришелъ, и я спросила: «какъ вы его находите?» Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала этой минуты, и съ какимъ восторгомъ говорила ей прежде о тебѣ. Она нарочно сказала, что не находитъ въ тебѣ ничего, въ эту минуту я истинно была *несчастна*. Какъ же мнѣ съ ней говорить о немъ, какъ дѣлить съ ней душу, а это было мнѣ необходимо. Но, наконецъ, и

она сдѣлалась пламенной твоей поклонницей, и она разсказывала мнѣ несчетно разъ, какъ, бывало, ты проходилъ мимо ея оконъ, какъ она звала тебя эфирнымъ жителемъ. Не зная, что я люблю тебя, я любила Emilie за то, что она любила тебя, на этомъ-то и основалась и усовершенствовалась наша дружба. Она любила меня, какъ родственницу тебѣ, я любила ее, родственницу твоей души. Ты былъ у насъ первой во всемъ, только она говорила о тебѣ много, а я очень мало: она всегда старалась быть ближе съ тобою, а я какъ можно далѣе, она желала всегда особеннаго вниманія, мнѣ довольно было пожатія руки. Наконецъ, мечты ея простирались очень далеко, а я думала удалиться отъ свѣта и *думать* только о тебѣ. Потомъ Крутицы, потомъ ты уже знаешь все.

Да и мнѣ несносно говорить съ тѣми, кто тебя не знаетъ, и что мнѣ говорить съ ними? Я ничего не знаю, ничего *не видала*, кромѣ тебя. Любила я одну дѣвушку, не по родству душъ, а по привычкѣ, я помогала ей сшивать тетради въ пансіонѣ, и вмѣстѣ украдкой ѣли зеленыя ягоды. Она знала о тебѣ (ну, разумѣется, какъ?): какъ ни уединимся, она разсказываетъ мнѣ все о новыхъ любимицахъ, и съ равнымъ восхищеніемъ, я все о тебѣ, и все съ большимъ восхищеніемъ. Разъ я заговорила, она, какъ-будто соскучившись, равнодушно сказала: «все о томъ же»,—съ тѣхъ поръ нѣтъ ей моей руки. И уже рѣшительно ни съ кѣмъ не люблю говорить, съ кѣмъ не могу говорить о тебѣ. Потому-то уединеніе мое любимое, тутъ я говорю о тебѣ съ Богомъ, или съ Богомъ и съ Природой.—Все прости! прости!

Александръ, и нѣтъ человѣка въ мірѣ, кого бы я такъ цѣловала, какъ тебя, все тебѣ, все — ты. Не хорошо намъ будетъ *тогда* въ Москвѣ, сколько принужденій, какъ много надо будетъ жертвъ сдѣлать, какъ много насъ будутъ разлучать... Уѣхала бы къ тебѣ, чтобъ весь свѣтъ отъ меня отказался, и поносилъ бы, и потомъ забылъ бы... Но... но... Итакъ, прощай, обнимемся крѣпче, крѣпче, какъ 3 марта, меня никто, такъ не обнималъ. Поцѣлуемся—прощай.

Ну, что пишетъ тебѣ Полина? Напиши душевный мой поклонъ великому старцу. Куда-жъ ты надѣнешь мой поясъ. Это не шнурочекъ, носи поясомъ же.

---

14 марта. Понедѣльникъ.

Два дня не писалъ къ тебѣ — чудеса? Вчера поздно получилъ твое письмо отъ 10-го, прелестное письмо; нѣтъ, ты не перемѣнилась послѣ 3-го марта, милая невѣста, а вздохнула свободнѣе, веселѣе, вольнѣе. Тоже и со мною. Всѣ твои совѣты *дѣловые*, какъ разумѣется, никуда негодны. Никакой книги пап[енькѣ] подписывать давать ненадобно, потому что онъ не подпишетъ, меня вѣнчать не станутъ безъ позволенья губернатора,— а я его возьму; тебя —безъ свидѣтельства о крещеніи и рожденіи,—и это достанемъ. Мы разъ обвѣнчанные, они теряютъ весь призъ, потому что родства прямо не докажутъ, худшее, что можетъ быть, священника пошлютъ молоть муку,—это онъ будетъ знать впередъ, и за это возьметъ рублей 500 денегъ, а кто за деньги рискуетъ, того жалѣть не стоитъ. Въ дополненіе прибавлю: 1) я твердо остаюсь убѣжденнымъ, что всякаго рода выходъ изъ сіятельнаго дома полезенъ. О какихъ ты говоришь замкахъ? Нынче никого (кромѣ юношей) не держатъ подъ ключемъ, и какое право? 2) Что письмо къ пап[енькѣ] потому-то и надобно писать, что онъ откажетъ, ибо... ибо этотъ отказъ тебѣ будетъ величайшее оскорбленіе мнѣ. Ну, и въ сторону дѣла?

Посылаю тебѣ послѣднее письмо Мед. ко мнѣ. Оно покажетъ, что я твою

руку протянулъ женщинѣ, хотя не вовсе чистой, не вовсе неземной,—но вполнѣ достойной тебя. Ее убила жизнь, братъ павшій не есть братъ погибшій. Иногда тотъ, кто не можетъ пасть, не падаетъ отъ холодной души, и вся-то ея вина, что она любила юношу (достоинъ ли онъ, это вы сами знаете, Нат. Ал!..), тогда какъ должна была любить пьянаго старика, съ которымъ, конечно, на смѣхъ, обвѣнчали ее. Это письмо сняло съ меня тяжкій крестъ (хотя не весь, ибо чувство, самознаніе дурного поступка осталось). Вотъ она, падшая Марія Магдалина, у ногъ твоихъ, будь же для нея ангеломъ примирителемъ съ людьми и пуще съ Богомъ. Ты почти можешь писать къ ней, не дожидаясь отвѣта. Нѣтъ человѣка, за котораго, черезъ котораго я столько вынесъ, какъ за нее; миръ съ нею мнѣ дорогъ. Я на всѣхъ смотрю прямо: отъ тебя до Тюфяева,—упрекнуть никто не можетъ, одна она. Право ужасное; по счастію, она не понимаетъ вполнѣ, какой она шагъ имѣетъ надо мною. Полина молчитъ, Скворцовъ тоже. Это не мудрено, мудрено было, что ихъ душа молчала первой мѣсяцъ разлуки. Итакъ, моя статья «Симпатія» и теплое воспоминаніе одни памятники этой дружбы,— я думалъ, что строю прочнѣе!

Что я пишу послѣ 3 марта? — А вотъ, что: написалъ VIII главу въ свою жизнь, и написалъ очень хорошо, и ужъ, конечно, не догадаешься о чемъ—*о любви къ Люд. П.* Тутъ и ты на сценѣ (трудно было и очень холодно писать о холодныхъ отношеніяхъ къ тебѣ), но написалъ, и ты явилась превосходно, чудомъ, какой-то священной мистеріей, лиліей, принесенной архангеломъ Гавріиломъ въ день моего рожденья. Да, доволенъ, вообще біографія идетъ прекрасно (я ее пишу по твоему приказанію). Далѣе описана самая черная эпоха отъ 9 іюля 1834-го до 20-го, но halte là. Какъ дойдетъ дѣло представлять тебя тобою, ибо ты ужъ очень близка была мнѣ 20 іюля,—перо дрожитъ, душа волнуется, и ангелъ ускользаетъ отъ кисти земного богомаза. Однако напишу, я ужъ пробовалъ.

Иронія та, моя иронія, на мѣстѣ тутъ. Зачѣмъ ты не любишь ее? Она проникаетъ особымъ огнемъ цѣлое, ибо это не насмѣшка, а внутреннее неудовольствіе за мелочность людей, и мнѣ она естественна, какъ дышать. Сердце твое сожмется, когда ты будешь читать 9 іюля, не за него ли и было 9 апрѣля? А я думаю, весело о себѣ читать въ статьѣ, писаной съ огнемъ и поэзіей. Я не испыталъ. Да, что-жъ ты не пишешь о повѣсти, но я ее разлюбилъ и самъ. Мнѣ очень непріятно послать тебѣ мою жизнь, хотѣлось бы прочитать, ты сѣла бы противъ, чтобъ я могъ пить вдохновеніе изъ твоихъ глазъ, изъ твоей улыбки; и я разсказалъ бы эту поэму жизни полной, энергической и огонь въ глазахъ, и жаръ ланитъ все, все прибавилъ бы... Ба! да я ужъ начинаю кокетничать! Избаловали твои похвалы. Вотъ, когда я буду читать объ «Архитектурѣ», тогда можешь сѣсть возлѣ, тогда не на меня, а на картинки надобно смотрѣть, а тамъ, вѣдь, жизнь-то моя, вѣдь это *быль*, быль твоего Александра.

Нѣтъ, 3 марта не можетъ затмить никакой свѣтъ! Это ошибка, 9-е апрѣля, созданное во имя дружбы, и должно было поблѣднѣть передъ днемъ, созданнымъ любовью; но любовь уже не имѣетъ выше, ниже, свѣтлѣе, темнѣе, нѣтъ, она, какъ вѣчность Бога,—такъ все теряется въ самомъ понятіи безконечнаго, святого и изящнаго, вездѣ средоточіе, все проникнуто единымъ свѣтомъ, и нѣтъ солнца, изъ котораго течетъ онъ, а оно само свѣтъ.

Да ужъ г-да добрые люди, цѣню ихъ доброту, но, ступайте, пожалуйста, направо, а я налѣво съ Наташей. А, впрочемъ, *зачѣмъ* знаетъ Пр. Андр.; и

мам[енькѣ] не слѣдовало бы говорить, а то тутъ ледъ тонкій, провалишься и съ головою. Вообще мам[енька] поступаетъ дурно и слабо,—чего они боятся, когда я не боюсь. Одна, одна ты. И гдѣ грудь, которая можетъ больше помѣстить. Александръ...

15, вторникъ. —Наташа, когда у тебя будетъ свободное время, напиши о твоемъ ребячествѣ, о первой встрѣчѣ нашей (твоя любовь давнѣе моей), о 20 іюлѣ и 9 апрѣлѣ. Просто воспоминаніемъ. Ты напишешь прелестно,—это я знаю. Попробуй. Цѣлую тебя. Твой Александръ.—Отчего портретъ не поспѣетъ, ну, не къ 25, такъ къ какому-нибудь. Пожалуйста. Bitte, bitte.

16 марта, Владиміръ.

Милый, небесный другъ! До сихъ поръ мы только предугадывали, что свиданье дастъ намъ силу перенести все, теперь я испыталъ и также увѣренъ въ тебѣ. Отвѣтъ изъ Петербурга пришелъ: отказъ полной, чистой, холодной и рѣшительной. Откровенно признаюсь, не будь 3 марта, онъ поразилъ бы меня ужасно. Теперь сердце сжалось, кровь заструилась горячая, — я вспомнилъ 3 марта и улыбнулся и помолился. Вмѣстѣ съ отказомъ и двѣ прямыя возможности видѣться. О, какъ благъ Господь. Эти возможности явились врачеваньемъ вовсе нежданнымъ. Здѣсь проѣзжалъ жандармскій генералъ графъ Апраксинъ, при немъ пришелъ отказъ, ему жаль меня стало, и, не чудеса ли? Онъ-то намъ дастъ средство увидѣться (опять мгновенно), можетъ, на Святой. И губернатору было жаль меня, онъ даетъ другое средство — Загорье. Но надежда на скорое освобожденье потускла. Наташа, прощаясь, я три раза сказалъ тебѣ: *будь тверда*,— это мое благословенье тебѣ. Старайся, чтобы кн[ягиня] скорѣе ѣхала въ Загорье—и не грусти.

Наконецъ, я написалъ 20 іюля, ты похожа. Привезу самъ тебѣ эти тетрадки. Въ прошлой разъ я писалъ къ тебѣ, чтобъ ты писала свои воспоминанія. Ты, можетъ, не имѣешь понятія объ огромности твоего таланта *писать*. Этотъ талантъ, выращенный религіей и любовью, ставитъ каждое письмо твое выше всѣхъ статей моихъ. Я не положился бы на одно мое сужденье, извольте видѣть, я къ вамъ пристрастенъ, потому что вы моя невѣста, но Витбергъ, который плакалъ, но Скворцовъ и Кетчеръ, увлеченные вдохновеннымъ языкомъ твоимъ .. Пиши же, но только воспоминанія и фантазіи. Стихи твои, которые ты написала по заказу (года полтора тому назадъ), писаны слишкомъ скоро, и въ слогѣ, и въ музыкальности далеко отстали отъ писемъ. Письмо—твой языкъ со мною, потому-то онъ такъ хорошъ. Ты горовишь, чтобъ я написалъ тебѣ, какъ ты меня любишь. *О, я знаю это!* И въ этомъ-то знаніи цѣлое небо, я знаю даже, почему я достоинъ такой любви, знаю, что именно заставило тебя любить меня. А знаешь ли ты, что ты узнала меня гораздо прежде, нежели я самъ себя узналъ; ты проникла въ поэтическую сторону моего характера тогда, когда онъ весь былъ покрытъ ледяными кристаллами самолюбія. Напиши въ слѣдующемъ письмѣ, какъ въ тебѣ начала образовываться дружба къ брату, и почему тогда еще Emilie называла любовью? Ты разъ только вскользь упомянула. А знаешь, какъ эти подробности дышатъ небомъ и навѣваютъ счастье. О, Наташа, Наташа, неужели грудь человѣка можетъ долго вынести столько счастья! Люблю тебя, люблю, люблю!

Ночь. Ангелъ, ангелъ, я весь взволнованъ, душа рвется, кипитъ. О, взгляни

на меня, я теперь хорошъ, прелестенъ. О, Жанъ-Поль, прости мнѣ; я писалъ тебѣ прошлой разъ, что онъ не понравится тебѣ, а онъ-то меня теперь взбросилъ на небо высоко, высоко. Любовь наша описана, чистая, святая, въ его «Утренней Звѣздѣ» — чудо, чудо! Я вскочилъ и схватилъ скорѣе перо. Вотъ слова, которыми онъ оканчиваетъ дивную картину признанья: «Блаженной, блаженной человѣкъ! Больше неба тебѣ не будетъ на землѣ! Покойся теперь въ тихомъ восторгѣ, склоняя взоръ свой на руку, въ которую кровь течетъ изъ сердца, бьющагося одной добродѣтелью! Пусть всѣ слезы радости изольются на эту руку, которую она дала тебѣ. И тогда, ежели восторгъ, ежели благоговѣніе тебѣ позволитъ, тогда подними чистой, блестящій взоръ и покажи ей въ немъ любовь возвышенную, покажи взоръ любви невыразимой, вѣчной, нѣмой, блаженной. О, кого любила Клотильда, тотъ остановится, тому восторгъ не позволитъ дальше читать»... Дальше слушай: «Восторгъ былъ въ сердцѣ Виктора, восторгомъ подымалась его грудь, искрился его взоръ,—но молчаніе поклоненія царило надъ восторгомъ. Они пріѣхали. И когда оба взошли въ комнату Гармоники, гдѣ онъ вечеромъ съ такимъ страданіемъ схватилъ ея руку, остановились они другъ противъ друга. Какъ перемѣнились они, какъ были блаженны! Она, какъ ангелъ Божій, слетѣвшій съ неба, онъ, какъ святой, вышедшій изъ земли, чтобъ пасть тихому ангелу въ объятія и съ нимъ молча улетѣть на небо.—Какое мгновеніе! Какъ двое блаженныхъ передъ Богомъ, глядятъ они другъ другу въ очи и—въ душу. Какъ вѣтерокъ, потрясающій двѣ розы, вѣетъ вздохъ блаженства и пробѣгаетъ по устамъ ихъ, лишеннымъ рѣчи, быстро впиваемой грудью и радостно выходящій изъ нея. Они молчатъ, чтобъ смотрѣть другъ на друга, они подымаютъ глаза, чтобъ сквозь слезу радости взглянуть, и опускаютъ ихъ, чтобъ утереть ихъ рѣсницей. Но, довольно, — чтобъ не истерзать душу, которая никогда не пила такого блаженства!» —Все это я набросалъ перечитывая, наскоро, но, ангелъ, ангелъ, почему я вспомнилъ все 3 марта, почему я не могъ дальше читать, почему до сихъ поръ глазъ влаженъ, и рука дрожитъ? Поэтъ, душа твоя прелестна! О, только германцы постигли, какъ писать о любви.

17 марта. — Странно: какъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Вятку, и вся жизнь моя тамъ исчезаетъ, какъ что-то давнопрошедшее. Вотъ новое доказательство, сколько я выросъ въ послѣднее время. Я два раза, нѣтъ, три, былъ достоинъ тебя, и *всѣ три мы видѣлись*. Убитой горемъ, отчаянной—на скачкѣ. Очищенной въ тюрьмѣ—9 апрѣля. Очищенной любовью—3 марта,—нѣтъ, рѣшительно нѣтъ, никакой день не затмитъ 3 марта. Это граница, это черта, отдѣляющая тѣло отъ неба, еще шагъ, и мы тамъ—тамъ можетъ быть еще высшее, здѣсь никакъ.—Почему Огаревъ такъ близокъ, я слышу, какъ бьется его сердце. А Вятка—какъ тѣнь въ фантасмагоріи, меньше, меньше, точка, ничего. Будто все это я гдѣ-то читалъ, и въ книгѣ этой величественныя черты Витберга, слеза Медвѣдевой, улыбка Полины. Читая, я увлекся, воображалъ, что все это въ самомъ дѣлѣ, дочиталъ, явилась прежняя жизнь, и книга оставила смутное воспоминаніе.

А что же портретъ? Я не пріѣду, пока не пришлешь. Да, правда, за что же я себя-то накажу? Нѣтъ, мой ангелъ, прилечу, какъ стрѣла при первой возможности. Нынче должно быть письмо.

Писавши воспоминанія о Кр. и 1834 я сегодня снова перечиталъ мои письма изъ Кр[утицъ]; на этотъ разъ перечиталъ хладнокровно. Когда ты получишь ихъ,

перечитай и послѣ возьми письма 1837 и 38 годовъ. Тогда ты вымѣряешь всю огромность твоего вліянія, рядомъ съ нимъ мое вліяніе на тебя уничтожается,—въ этихъ письмахъ какое необузданное самолюбіе, оно мѣшаетъ вѣровать въ Бога, мѣшаетъ любить тебя, оно въ восхищеніи отъ себя. Первой разъ я понялъ теперь причину паденія въ Вяткѣ (сверхъ устали отъ страданій). Ты писала какъ-то: «Изъ Наташи, брошенной людьми подъ ноги, ты создалъ Наташу Александру». А я скажу: изъ Александра, гордаго эгоиста, ты создала Александра, полнаго любви и вѣры. Да, теперь я не эгоистъ, о нѣтъ, теперь я хорошъ; что за чудо, что ты могла любить меня тогда, когда я только развѣ огненной фантазіей заслуживалъ.

18-го, пятница.—Твое письмо отъ 13-го. Что ты бранишься и стращаешь,—это ничего, это малость, и я отучать не стану, а что тебѣ *передали* трусость, за это я сержусь. Съ чего вдругъ начала ты такъ бояться пріѣзда? О, не думай, мой чистой ангелъ, объ этихъ земныхъ мелочахъ. Зови меня, зови пить любовь, быть счастливымъ, отдыхать на твоей груди отъ людей и отъ себя. Я боялся, когда былъ у васъ тамъ, безусловно, и главное—комната, стѣны, все это было для меня необыкновенно; но объ настоящей опасности мнѣ пришло въ голову дня черезъ три, и я расхохотался. Впрочемъ, кажется, есть возможность увидѣться и безъ опасности, а не то Загорье, тамъ непремѣнно буду. Пап[енька] боится моего свиданья, боится лично говорить со мною, — это хорошо. Левъ Ал. *просилъ* мам[еньку] не огорчать меня извѣстіемъ, что ты нездорова,—это очень хорошо. Начинаютъ уже привыкать! Еще выговоръ тебѣ за молитву въ 7 часу: какая исполненная любви и вѣры мысль,—а теперь запрещенье. Одинъ разъ я съ тѣхъ поръ проспалъ, и никогда не хочу просыпаться, но ангелъ будитъ крыломъ въ 6 часовъ, я помолюсь и засыпаю опять, и этотъ одинъ разъ былъ сегодня. Будемъ же, будемъ же молиться.

Прошу обратить вниманіе на нарядъ для портрета: воздушная ткань, едва вещественная, съ поэзіей нарядъ и съ совершенной простотой,—вотъ что я требую. А теперь уличу тебя въ кокетствѣ: будто 3 марта ты отъ недосуга была безъ папильотокъ? Не обманете, mademoiselle; впрочемъ, это очень хорошо, папильотки уродуютъ наружность, и вѣрно entre autre эта мысль *прибавилась къ недосугу*. Признавайся, мой ангелъ! Я, съ своей стороны, никакой не вижу доблести не заботиться о красотѣ. Вятскія дамы хвалили мои глаза, открытой лобъ и руки, —и мнѣ это было пріятно, признаюсь откровенно, даже *за тебя* было пріятно. Тебѣ нравится слогъ моихъ статей, онъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошъ мѣстами,—заботливость о немъ тоже кокетство, я не оставляю свою мысль въ папильоткахъ, а *отъ недосуга* разбрасываю ее вьющимся локономъ. Ты вѣрно улыбнешься, потому что всю эту выходку я писалъ улыбаясь. Изящное (во всѣхъ смыслахъ) есть одно изъ трехъ основаній, на которыхъ зиждется царство небесное. Пока душа въ формѣ — форма должна быть изящна. У тебя даже почеркъ прекрасной, — я хвалю и это. Повѣсть вмѣстѣ съ письмомъ я вручилъ Emilie, стало, ты ее не получила; надобно отыскать, и какъ же она перешла прежде къ мам[енькѣ]? Да, сдѣлай одолженье, напиши обстоятельно объ портретѣ,—когда же осуществится хоть эта мечта?

19 марта.—Прощай, мой ангелъ, что твое здоровье? На второе утро въ Загорьѣ я буду читать тебѣ мою жизнь,—это рѣшено. Собирайся же туда скорѣе,—да только прежде портретъ. Прощай же.

Твой *Александръ.*

Рано утромъ, 17-е, четвергъ.

Душа, Александръ, грустно тебѣ? Нѣтъ, мнѣ не грустно! О чемъ мнѣ грустить? Въ прошедшемъ у меня 9-е апрѣля, 3 марта, и болѣе ничего, въ будущемъ цѣлая недѣля, цѣлое тогда. О! о, Александръ. А настоящее — это встрѣча прошедшаго съ будущимъ, встрѣча свѣта съ свѣтомъ, блаженства съ блаженствомъ, дивно хорошо и настоящее. Другъ, отдадимъ себя Господу, да будетъ наше тогда — одинъ гимнъ Ему, будемъ истинными чадами Отца. О! Онъ нашъ Отецъ! Будемъ тогда дѣлить съ нимъ каждый мигъ, каждую мысль, да будетъ тогда Онъ намъ все, болѣе ужъ не къ чему намъ стремиться. Искать земного — мы уже нашли небесное. Итакъ, что же? Бога искать, чтобъ вездѣ, гдѣ мы, создавался Ему храмъ, въ которомъ бы онъ могъ достойно пребывать, чтобъ каждое слово наше было хвала Ему, каждое дѣйствіе — слава Его, каждое помышленіе — молитва. Александръ, мнѣ быть твоимъ ангеломъ и тебѣ моимъ — не все, не все, другъ мой, нѣтъ, намъ остается, соединившись быть Его ангеломъ! О, какъ дивно, какъ свято, величественно представляется мнѣ будущее. Отъ него вѣетъ благодатью, звуки его, какъ звуки рая, льются въ душу и не даютъ проснуться въ ней голосу разлуки. Пока мы еще не переселимся въ небо, покинемъ землю съ ея грубыми наслажденіями, съ ея горькими радостями, съ ея мрачнымъ, безумнымъ весельемъ. Ты знаешь, какъ это мрачитъ небо, удаляетъ Бога, убиваетъ душу; я не знаю, нога моя еще не переступала порога въ *ихъ* міръ, но дверь отворена всегда туда, я мимоходомъ заглянула, — страшно, страшно, ангелъ мой; нѣтъ, дай мнѣ склонить голову къ тебѣ на грудь, дай потонуть душѣ въ твоемъ взорѣ, — а ты оттолкни землю, оградись и отъ дыханія ея. — Да, Emilie мнѣ когда-то говорила, что поцѣлуй страшенъ, что въ немъ много ужаснаго, она стращала меня имъ... Александръ, вѣдь, она говорила не о твоемъ поцѣлуѣ? О, нѣтъ! меня дрожь брала при разсказѣ, и теперь я боюсь, не хочу ихъ поцѣлуевъ, а съ тобой я не боюсь, ты... О, мой спаситель, обними твою Наташу, поцѣлуй ее долго, долго, посмотри на нее долго, долго, — съ тобой она у Бога, съ тобой она свята, ты ея спасеніе. Я бы умерла — голова на твоей груди, взоръ въ твоемъ взорѣ, — вотъ мое покаянье, вотъ мое причащеніе святыхъ тайнъ, вселеніе въ лоно Божіе. Другъ мой, о, какъ сію минуту смотрю на тебя — о, какъ бы я поцѣловала тебя.

18-е, рано, утро. Пятница. — Вспомни, другъ мой, что ты писалъ, какъ не получилъ отъ меня письма: если-бъ я писала вчера къ тебѣ, — было бы слово въ слово; я прочла твое письмо и не стала писать. Ужасъ, какъ грустно, и не та тихая, святая грусть, а что-то несносное, и именно тутъ-то и кажется, что все болитъ, потому что душа болитъ. Я увѣрена, что письмо отъ тебя есть, но Егора Ив. что-нибудь удержало придти, такъ прислать бы! Нѣтъ, намъ нельзя жить другъ безъ друга.

11 часовъ. Терпѣнья не стало, послала за письмомъ и принесли!! Право, за нѣсколько минутъ я была ужасъ какъ больна, несносна другимъ и болѣе всѣхъ несносна себѣ. Вѣришь ли: хочу молиться — не могу, на умѣ и въ душѣ — отчего нѣтъ письма? Смотрю на небо, и тамъ кажется, написано: отчего нѣтъ письма? О, какъ я дурна въ это время, — это ужасъ, ужасъ. Но вотъ письмо!

Охъ, да, ужъ третья недѣля пошла, а 3 марта еще не прошло, только я уже не жду, что ты войдешь сію минуту въ эти же двери... Нѣтъ, это ожиданіе уже прошло, а жду Загорья, жду болѣе Загорья и хочу жить, чтобъ *дожить*. Смо-

трѣть на тебя, сколько душа хочетъ, смотрѣть, слушать, слушать... и потомъ голову склонить къ твоему сердцу и слушать! слушать такъ долго, какъ долго оно будетъ говорить... О! Да почему же не прожить такъ всю жизнь на землѣ, слушать день и ночь, ночь и день, и чтобъ никого не было, никого. Природа—о, она пусть глядитъ на нашу любовь, пусть слушаетъ ее, а люди, ни даже друзья! Послѣ, долго спустя, ежели мы долго еще будемъ жить, пусть придутъ, но зачѣмъ же? Я только взгляну на нихъ, улыбнусь и спрячу лицо къ тебѣ на грудь. А теперь я люблю ихъ еще болѣе, нежели прежде, только ужъ какъ-то совсѣмъ иначе; не могу, какъ прежде, выражать, доказывать, пусть достаютъ сами; не хотятъ ежели брать труда, — Богъ съ ними, я не могу настолько умалить чувство, чтобъ руками передавать его, душа открыта, въ ней оно цѣлое—смотрите! берите! Если-бъ всѣ брали, сколько хотятъ, и тогда бы не убавилось въ ней ни мало, потому что она — ты. О, какъ хорошо мнѣ. Что-жъ будетъ тогда? Ни я, ни ты постигнуть этого не можемъ, и страшна каждая пылинка, *тогда* сольется свѣтъ съ свѣтомъ, и потому все существо должно быть свѣтъ, одинъ свѣтъ. Да что же я? Развѣ бы существовала *я*, ежели-бы была не *одинъ* свѣтъ? Помнишь ты, какъ ты вышелъ изъ-за двери... А что же ты не вышелъ въ гостиную, я ждала тебя тамъ, и, вѣрно, еще въ дверяхъ дѣвичьей руки были простерты. Оттого, что тебя нѣтъ въ гостиной, я успѣла испугаться, сердце успѣло сжаться и погрустить, хотя не прошло мгновенія, какъ я сверху очутилась въ твоихъ объятіяхъ. Боже мой, что за чувство! какъ стало у меня силъ приподнять съ плеча твоего голову и посмотрѣть на тебя? Да, какъ разсказать это, и какъ смѣть говорить объ этомъ? Ты *тоже* чувствовалъ, на что-жъ еще слова, нѣтъ, эта минута такъ свята, такъ полна Богомъ, что мы не должны говорить о ней. Я бы раньше тогда слетѣла къ тебѣ, но вообрази, что была возможность, что я и совсѣмъ бы не сошла къ тебѣ. М. С. и тутъ спросила, «что за надобность вставать чѣмъ свѣтъ», и куда иду. И до сихъ поръ не понимаю, какъ мнѣ удалось ее увѣрить и успокоить,—да какъ и все удалось. Богъ сдѣлалъ. А каково, Александръ, каково съ 5 часовъ середы, т. е., 2 марта, считать каждый мигъ, и цѣлую-то ночь.—о, она была прекрасна и ужасна. Я отъ нея была больна. Какъ осталась жива? Ознобъ — руки ледъ, вся ледъ, и голова, кажется, горитъ и искры сыплются изъ глазъ. Я *думала* о молитвѣ, но не молилась, тогда я не понимала, что такое молитва. Богъ, ты, - *не знала* тогда, что такое увидѣть тебя, знала, что будетъ разсвѣтъ, что я пойду, — а что и какъ, рѣшительно все было внѣ меня. Руки дрожатъ, я прижму ихъ къ груди, грудь трепещетъ, кажется, и постель, и стѣны, и вся земля трепещетъ; я боялась протянуть руку, дотронуться до чего-нибудь, и тутъ бы мнѣ никакъ не пришла мысль взять ленту, она съ вечера попалась на глаза, съ вечера я и надѣла ее, и тутъ еще могла подумать отдать тебѣ ее. Какъ погасили огонь, я ужъ начала ждать разсвѣта, минуту просижу, закрывъ глаза, и думаю, что ночь прошла, цѣлая ночь... а прошла только еще минута. Что пережили мы, Александръ! И ты скажешь, что не совершилъ ничего? Нѣтъ, теперь ты этого не скажешь, ты видѣлъ совершенное. О, Александръ. Такъ бы, ничего не говоря, залилась бы слезами и упала къ тебѣ на плечо, и не встала бы. Да гдѣ же ты? А кто же передо мною, кто вокругъ меня, кто во взорѣ, въ душѣ, въ небѣ... кто это такой? Если-бъ во мнѣ было что-нибудь на волосъ не твое, я бы не была я. Нѣтъ, никто не можетъ такъ любить, развѣ тамъ... Но, вѣдь, эта любовь сошла оттуда, теперь ея нѣтъ тамъ, она возвратится туда. Хочу, хочу жить, нѣтъ, не довольно 3 марта, я не разглядѣла

тебя, не разслушала. Да, да, ангелъ мой! Цѣлую ночь—далеко отъ всѣхъ, чтобъ и не слыхать никого было, открытое окно, вся стѣна открытая, иль вся природа открытая, я подлѣ тебя, ты мнѣ будешь говорить, будешь глядѣть на меня, скажешь: Наташа, люблю тебя! Потомъ день, я не отойду прочь, нѣтъ, нѣтъ, о, какъ страшно будетъ тогда и на мигъ оставить тебя день, цѣлой день, у насъ только будетъ свѣтлѣе отъ солнца; потомъ опять ночь, опять день, а потомъ родина! Я никакъ не могу вообразить *тогда* порядочною жизнью, ну, какъ ты мнѣ скажешь: Наташа поѣдемъ туда-то? Зачѣмъ? *Имъ* надо ѣздить въ гости. Скажешь: пойдемъ обѣдать — о, нѣтъ. Да, все тогда, и небо, и земля будетъ съ нами. Жили же пустынники въ лѣсахъ, одни, не имѣя никакого сообщенья съ людьми, почему же мы не можемъ жить такъ? Тамъ, гдѣ тепло, гдѣ безпрерывно плоды, тамъ будемъ жить, только двое, ненадо никого, на что домъ, на что всѣ эти принадлежности, какъ птицы небесныя будемъ жить... О, какъ хорошо! Да что же, Александръ, скоро ли? Другъ мой, пора, возьми меня и уйдемъ, уйдемъ.

Что съ Сашей — ты этого не можешь вообразить. Я дала ей твою записку,— не разберетъ ли она; надо было видѣть, какъ измѣнялось ея лицо, и что съ ней было. Вѣрно, она тоже будетъ чувствовать, умирая, потому что она съ ея душою пойдетъ въ рай. Прочитавъ, она стала умолять, чтобъ записку отдать ей; да кому же, вѣдь, тебѣ и писана она? Мнѣ кажется, она ничего не понимала, я никогда еще не видала ее въ такомъ восторгѣ. *И я благодарю тебя за нее!* О, другъ мой, душа моя, мой Александръ.

18-е, вечерня. Итакъ, 10-е марта, въ 7 часу мы были такъ же близки, такъ же вмѣстѣ, какъ 3 марта. Хорошо, Александръ! Но, я прошу тебя, не вставай такъ рано, спи съ Богомъ, я одна встану, одна помолюсь... то есть, *не одна*, а ты спи, вѣдь и жизнь то наша вся молитва и потому на что часы для молитвы урочные? А прилетѣла бы я къ тебѣ, посмотрѣла бы на моего Александра, на его молитву... Богъ дастъ увижу!

А та пятница — ты знаешь, что въ ту пятницу? Благовѣщеніе! Рожденіе! О, я до солнца прилечу къ тебѣ, ты еще и не проснешься, а я буду носиться надъ тобою, я поцѣлую тебя, прилягу на грудь къ тебѣ, скажу тихо, тихо: Александръ, и ты проснешься. Вспомни же, что твоя Наташа съ тобою, прими ея первое поздравленіе и не грусти, надѣнь поясъ, онъ уврачуетъ болѣзнь твою, въ немъ сила цѣлебная, на немъ ярко 3 марта; только, душа моя, какъ ни хорошъ твой поясъ, я не промѣняюсь на шнурочекъ, о, нѣтъ!

Если бы я до сихъ поръ не получила письма, вѣрно, я лежала бы больная; а, впрочемъ, здоровья у меня много, рѣдко что имѣетъ на него вліянье, кромѣ тебя. — Напрасно ты такъ гнѣваешься на меня за портретъ: М. С. не была, а m-me Mattey—еще хуже, ее не обманешь. Подожди ранняго разсвѣта, да съ терпѣньемъ, вѣдь и я мучусь, что у тебя нѣтъ портрета.

Когда я въ залѣ, всегда представляю себѣ, какъ ты вошелъ въ нее, гдѣ стоялъ, куда смотрѣлъ; непремѣнно хочется знать опредѣленно, стать на то же мѣсто, такъ же смотрѣть,—но не знаю, и это мучитъ меня; ухожу въ гостиную, на тотъ диванъ, на то же мѣсто, и совершенно забываюсь: тутъ ходятъ, говорятъ, ничего не замѣчаю, подлѣ меня ты, и только! Или хожу по комнатамъ и въ милліонный разъ представляю себѣ, какъ шла къ тебѣ, какъ у этой двери отверзлось небо, какъ... Слава Ему! - Ну, а кто же благословитъ Наташу? я тебя спрашивала, ты не хочешь сказать, или никто? Нѣтъ, *тогда* Наталія прекло-

нится, и Александръ благословитъ ее. 3 марта я не опомнилась и не могла просить тебя объ этомъ.

Я очень понимаю твой страхъ ѣхать мимо нашего дома; я помню, какъ была у тебя на Крут[ицахъ] въ коридорѣ, мнѣ такъ сдѣлалось страшно, что я остановилась, не могла идти далѣе и, право, была въ состояніи воротиться, да ужъ маменька взяла меня за руку, а одна я простояла бы долго, долго. Ты боялся ѣхать мимо дома, я боялась взять что-нибудь въ руки: мнѣ все казалось такъ нечисто; а послѣ тебя я думала, что прикоснувшіеся ко мнѣ исцѣлѣютъ, и давала волю цѣловать руки и колѣна, а сама долго никого не цѣловала.

Да, Александръ, Богъ не далъ мнѣ ни отца, ни матери, никого, все — ты и дружба послѣ тебя, прежде я не такъ понимала, я не имѣла ея вовсе, одно названье. Я почитаю — да такъ и есть оно — первое чувство ты. Прежде ребенокъ, прежде куклы, одно воображенье, жизнь безъ настоящаго, въ одномъ будущемъ. Я говорю тебѣ — ты все: мать, отецъ, братъ, другъ, ангелъ, мой Александръ! И кого-жъ мнѣ еще? Все твоя любовь? И чего же мнѣ еще? Ежели есть что болѣе, ты же дашь мнѣ это болѣе.

Поздно вечеръ. Спишь ты, или нѣтъ? Это все равно: на яву и во снѣ ты слышишь, какъ зоветъ тебя Наташа. Право, мой милой, слезы рѣкою льются, какъ я соображаю все, что со мною: давно ли, давно ли — жалкая дѣвочка, круглая сирота, всегда съ грустнымъ видомъ, съ равнодушьемъ ко всему, что веселитъ ровесницъ, всегда одна въ углу, и рѣдко, рѣдко не въ слезахъ, а теперь? Подлинно,— призрѣ на смиреніе рабы своея. Какъ ни хорошо теперь, но все ты иногда призадумаешься, вздохнешь, грусть порхнетъ въ душу, и навернется слеза; а тогда, вѣдь, каждое мгновеніе я буду лелѣять тебя, не дамъ призадуматься тебѣ, не дамъ вздохнуть; ежели тебѣ будетъ мало настоящаго, стану разсказывать 3 марта, буду спрашивать, что будетъ тогда, послѣ нашего тогда — у Бога; ты опять просвѣтлѣешь, опять безоблачное блаженство. Да, развѣ ты можешь тогда о чемъ-нибудь сгрустнуться? Неужели можешь?

Какъ мнѣ больно всегда, что ты пишешь о Т. П.— *перемѣна*. Это настолько для меня ужасно, что я не могу вѣрить. Тат. Петр. мнѣ представляется все, какъ разъ она была дивно хороша и хорошо говорила. Саду у насъ еще не было, зеленые пригорки, и кругомъ акаціи, вечеръ прелестной, она въ розовомъ платьѣ, говорила о безсмертіи, о жизни необыкновенной. Мнѣ тогда она казалась ангеломъ, тогда въ ней такъ много было твоего, я 14 лѣтъ была въ восторгѣ и плакала, и желала тутъ же умереть, чтобъ не жить обыкновенно. Потомъ немного спустя, разъ вечеромъ, я смотрѣла въ окно, — ясно, звѣзды, долго смотрѣла, и вдругъ точно кто съ неба меня поманилъ, позвалъ; я бросилась къ ней и говорю: «умремте, Татьяна Петровна». Она очень равнодушно посмотрѣла на меня и сказала, что не хочетъ умирать. Съ той минуты поклоненіе мое ей окончилось, но все-таки любила ее много за тебя; потомъ замужество, потомъ вотъ, что ты пишешь,—ужасъ какъ больно!

Ты спрашиваешь, что Левъ Ал. Кажется, я писала тебѣ, что, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ на другой день послѣ того, какъ узналъ, я тотчасъ догадалась; но съ болѣзнью моею онъ сдѣлался совсѣмъ другой, необыкновенно внимателенъ... Да, вѣдь, это все равно. Не хочется, право, не только говорить и думать о нихъ, ну, что они могутъ? *Наше* — наше! и что они, самозванцы, передъ Нимъ? Ничто, ничто не тяготитъ души, какая-то свобода, воля, кажется, надо мною никого нѣтъ, я большая надо всѣми, а исполняя *ихъ* волю, я покоряюсь

не имъ, а Ему, и легко мнѣ переносить все. Выразить никогда не буду умѣть: та же цѣпь, — а, кажется, на мнѣ корона; также запрещаютъ идти въ другую комнату,—а, кажется, я свободна и мощна, какъ дуновеніе Божіе; тѣ же стѣны,—а я въ твоихъ объятьяхъ, тѣ же люди,—а передо мною только ты, ты, и ничего больше. Прощай.

Посмотрѣла бы я тебя въ голубой лентѣ, только не въ *той*, знаешь? О, нѣтъ, та лента не идетъ къ тебѣ, оставь ее *имъ*, имъ, вѣдь, Наташа не пришлетъ ленты, и въ ея лентѣ посмотрѣла бы я тебя, красавецъ мой!

А Кетчеръ повѣсть все еще не прислалъ, да онъ пренеисправный, ему мало одного выговора. Итакъ, теперь ты пишешь только письма, а знаешь ли, что они лучше всѣхъ статей? Потому они и лучше, что ты пишешь ихъ для одной меня, а статьи не для меня одной, для многихъ. Мы мечтаемъ, какъ будемъ читать ихъ вмѣстѣ, но это еще долго спустя, сперва надо наговориться, а говорить мы не умѣемъ еще, надо выучиться, и выучимся со временемъ, и потому до писемъ еще далеко, далеко. А будемъ и ихъ читать! Въ третій разъ, прощай Глаза закрываются. Господь съ тобою.

19-е, суббота, 6 часовъ утра. Можетъ, ты скоро проснешься,— здравствуй и прощай! Сегодня письмо. Вѣдь, не дальше, какъ вчера получила, и ужъ опять нетерпѣнье. Жизнь моя! обернешься ко всей вселенной,—безъ тебя пусто, безжизненно, темно, обернешься къ тебѣ... Ну, обнимемся же.

Прощай. Твоя *Наташа*.

А, вѣдь, пяльцы-то были не мои, я и не шила въ нихъ. Emilie не навѣрное ѣдетъ, теперь я могу сожалѣть, а тогда было такъ все свѣтло, такъ все радостно, если-бъ умерла она,—не знаю, скатилась ли бы хоть слеза. Теперь я нѣсколько вошла въ себя, тогда я уничтожилась, тогда все было ты. Прощай! Руку—цѣлую тебя долго, долго!

19-е, суббота. Ночь.

Отославъ давеча письмо, я думала: сегодня уже не буду писать, буду ждать письма, и ждала, и опять думала, и опять ждала, и такъ прошелъ весь день, и вотъ я пишу тебѣ. Александръ... что же сказать мнѣ еще? Тутъ все мое, вся я.

Долго спустя. Торжественны минуты, въ которыя нельзя говорить и о которыхъ нельзя говорить! Послушай, *тогда* -какъ мы уже выучимся говорить—мы будемъ говорить много, очень много, потому что никто не имѣетъ разсказать столько, какъ я и ты. Но, когда я замолчу, когда, опустя глаза и крѣпко сжавъ твою руку, буду долго молчать, въ глаза нальются слезы... потомъ медленно и тихо-тихо скажу: Александръ... и опять замолчу и буду долго молчать... Прошу тебя, не прерывай этого молчанья, ни взглядомъ, ни поцѣлуемъ не прерывай его. Пусть все молчитъ тогда... и грудь моя будетъ покойна и тиха. Когда-жъ увидишь слезы ужъ на рѣсницахъ, увидишь, что грудь волнуется... тогда приподними мою голову, тогда посмотри мнѣ въ глаза, поцѣлуй, прижми къ груди,—тогда ужъ я буду на землѣ.

Ты все представляешься мнѣ въ голубой лентѣ. И вѣрно ты былъ въ ней давеча въ сумеркахъ: я ходила съ часъ по комнатамъ, сердце рвалось, ему хотѣлось разлиться голубой лентой по тебѣ, какъ вода разлита по землѣ. А въ самомъ дѣлѣ, ангелъ мой, лучше быть лентой на твоей груди, чѣмъ сердцемъ въ моей груди, вѣдь, лучше?—Теперь ужъ вѣрно все спитъ, такъ поздно. А ты?

Любила бы я, Александръ, усыпивъ тебя на рукахъ моихъ, не спать долго, а смотрѣть на твой покой... Нѣтъ, нѣтъ, прощай, слезы льются.

21-е, понедѣльникъ, 6 часовъ утра! Здравствуй, Александръ. Можетъ, ты во снѣ теперь видишь меня, а я наяву съ тобою. Прелестное утро. Окно мое на востокъ, и онъ ужъ начинаетъ алѣть въ 6-мъ часу, и ранѣе будетъ алѣть, и, наконецъ, прежде чѣмъ онъ заалѣетъ, заалѣютъ мои щеки отъ твоего поцѣлуя тамъ, на холму, откуда виденъ лишь храмъ Божій.

Бываютъ дни,—отъ меня не добьются слова, взгляда; эти дни я или съ тобою безпрерывно, иду по слѣдамъ твоимъ, провожаю каждый твой взглядъ, и не до того мнѣ, чтобъ говорить *здѣсь* и глядѣть здѣсь; или уношусь туда и тамъ небеснымъ разсказываю мое земное, передаю имъ моего Александра гимномъ, слезою. И небесные дивятся и слетаютъ со мною на землю, не сюда, а къ тебѣ и, украсивъ насъ вѣнками изъ цвѣтовъ райскихъ, окропивъ слезами благодати, берутъ нашу слезу съ собой на небо и несутъ ее къ Нему... Созерцая, я не говорю. Иногда же—о, прелестна и земля! Насмотрѣвшись ея красотою, наживишись на ней небомъ и завидѣвъ, въ комъ тѣнь возможности понимать меня, я начинаю говорить и говорю безъ конца; и когда увижу улыбку иль слезу *души* отъ моего разсказа, онъ растетъ и, наконецъ, восторгъ, молитва и любовь переведены на слова, и каждое то слово—сосудъ любви, не исчезаетъ въ воздухѣ, какъ *ихъ* слова, а падаетъ на души тѣхъ, съ кѣмъ говорю, животворною росою и не высыхаетъ, какъ та роса, и не высохнетъ вѣчно! Они пойдутъ съ этой каплей туда, и, можетъ, она искупитъ ихъ.

Видѣла во снѣ, что мнѣ принесли отъ тебя огромный пакетъ, я до того обрадовалась, что проснулась—6-ой часъ молитвѣ, а 7-ой тебѣ. Сегодня и на яву получу непремѣнно!

Да, Александръ, многіе пожалѣютъ о тебѣ, о твоей славѣ, пожалѣй и ты о нихъ, о ихъ славѣ, и посмотри на небеса: *тамъ написано твое имя*! Никогда, мой ангелъ, не желала я тебѣ славы, которою славятся многіе; эта слава передъ тою, которую я желала тебѣ, то же, что небо, написанное ребенкомъ углемъ, противъ этого дивнаго яхонта. Онъ намаралъ небо и радуется, и любуется *своимъ* небомъ, оно для него лучше настоящаго неба, онъ вѣкъ бы и не взглянулъ на него, ему *довольно своего* неба. И они, вѣдь, дѣти, можетъ, и эти дѣти выростутъ, дорастутъ до неба свѣтлаго, яснаго, до неба съ солнцемъ и звѣздами,—тогда они бросятъ свое угольное небо и забудутъ объ немъ.

Вчера, вообрази, съ самаго утра и до ночи я все говорила, да, вѣдь, не переставая почти, и не устала и не замѣтила, какъ исчезъ день, исчезъ—нѣтъ, *наши* дни не *исчезаютъ*! Но неужели ты спросишь, о чемъ я говорила? Нѣтъ, не спросишь. Тутъ было и Загорье, о, это Загорье! Повѣришь ли, другъ, даже отпускъ на мѣсяцъ блѣднѣетъ передъ тѣми пятью днями. Да, знаешь ли ты дорогу въ Царицыно, тамъ удобнѣе тебѣ остановиться, нежели въ которомъ-либо изъ сосѣдственныхъ селъ. И гдѣ же мы будемъ—на другомъ берегу, ангелъ мой; деревня и домъ кн[ягини] будутъ отъ насъ черезъ рѣчку, я перейду плотину, взлечу быстро на гору и къ тебѣ, къ тебѣ! часовъ съ трехъ иль ранѣе—и до семи! Кого ты пришлешь за Аркадьемъ, запрети тому никому не говорить кромѣ его, да и его сыскать осторожно, чтобъ не взяли другіе подозрѣнье. Наконецъ, ждавши тебя въ Загорье три лѣта, я дождусь на четвертое. О!.. порвется грудь и потопитъ свѣтомъ вселенную. Цѣлую тебя долго, долго, обними же меня, прощай, дымятся трубы, люди встали.

Ночь. Твое письмо и Медвѣдевой письмо. Слава Богу! Слава Богу! Прочитавъ его, первое движенiе мое было упасть на землю и благодарить Господа. Истинно, нѣтъ мѣры моему блаженству. Буду, буду писать ей, непремѣнно. Она ближайшая родственница моей души, не ропщи за встрѣчу съ ней, благодари Бога за нее, она обоимъ вамъ благо. Тебѣ—смиренiе, ей—спасенiе, мнѣ—блаженство, слава тебѣ, Господи, слава тебѣ! Вижу, она сестра мнѣ, о! рука объ руку и на всю жизнь! Несчастная со всѣхъ сторонъ,—ну, пусть оставитъ землю, гдѣ ей лишь тернiя, пусть вплыветъ на самую средину океана, забудетъ берега и ихъ безжизненныя скалы, и свой терновый путь. Вотъ волны чистыя, свѣтлыя, въ нихъ яхонтъ и солнце, я и ты зовемъ ее, приди пить изъ океана небесной благодати, приди купаться въ волнахъ его, погрузи въ него, сестра, твою жизнь и твою вѣчность. О, Александръ, люблю ее ужасно, люблю въ ней ее и тебя. Пока ты во Влад., а я въ Москвѣ, я буду писать ей все черезъ тебя, потомъ вмѣстѣ будемъ писать къ ней прежде, нежели къ кому-нибудь, и болѣе, нежели къ кому-другому,—у ней ничего, кромѣ васъ, и ей первой открыты и наши объятiя, и душа. Она молится, молилась и я, и пламенно молилась. Поблагодари же Бога, что Онъ услышалъ нашу молитву, а твоя молитва, Александръ? Она то все и сдѣлала, мой Александръ. Что моя молитва, ея—нѣтъ, все ты! все ты!

Паденiе—но что-жъ бы она была теперь, не павши? Слава Богу за это паденiе! Люблю ее за любовь къ тебѣ, къ моему *Александру*. Послѣ распятiя—свѣтлое воскресенiе; умеръ человѣкъ ветхой, родилось новое чадо Богу. Начало встрѣчи вашей—распятiе, конецъ — свѣтлое воскресенiе. Слава небесному Отцу!

Утро, 6 часовъ, 22-е, вторникъ. Вчера до третьяго часа не могла заснуть,—письмо Медв. восхитило меня. Еще разъ благодарю Бога за вашу встрѣчу. Быть можетъ, тихо, мирно, безжизненно протекла бы она земной путь,—ты пробудилъ ее; тяжко было пробужденье, но она увидитъ утро ясное, теплое, майское, и узнаетъ природу, обниметъ брата и сестру—и узнаетъ Бога! Ты принесъ ей спасенiе, отворилъ ей небо, я буду утѣшать ее на землѣ и поведу съ собою туда. *Она счастлива*, говорю я, и это слово не пустое, оно полно мною.

А твое письмо, Александръ, тревожитъ меня. Или ты былъ чѣмъ занятъ и торопился писать, или боленъ, — что съ тобою? — Итакъ, изъ Петерб. все еще ничего; пусть, — идемъ, идемъ! Пора, я слышу гласъ Божiй, пора! И никто путеводитель, никто опора, какъ Богъ; да, намъ нѣтъ опоры, путь узкiй, а по сторонамъ страшныя пропасти. а тамъ впереди... и не погибнемъ мы, насъ Богъ ведетъ, и дойдемъ. Какъ я рада мой ангелъ, что все *дѣловое* мое неудачно, вѣдь, я давно говорила тебѣ, что у меня одинъ талантъ—любовь. Итакъ, я складываю руки и ни слова о дѣлахъ. Безъ разбора пойду по грязи, по тернiямъ, камнямъ, топью,—лишь дойти до тебя!

Вечеръ. Непонятно для меня и больно, очень больно, какъ Скворцовы могли забыть тебя; но они и не забыли, о, нѣтъ! эта мысль ужасна. А не пишутъ — почему знать... Да нѣтъ, какое же можетъ быть препятствiе столь сильное, чтобъ не имѣть возможности писать къ тебѣ,—это непостижимо для меня. Но погоди, не посылай ихъ *направо*, оттуда ужъ не воротишь, а съ ними жаль разстаться на вѣкъ.

Ночь. Тебѣ непрiятно послать мнѣ твою жизнь, а мнѣ тяжело *читать* ее. Да, именно, ангелъ мой, сложа руки, притаивъ дыханье и устремя взоръ на тебя, *слушала бы* я ее, а читать—тяжело, тутъ точно кто шепчетъ на ухо: «вы розно», а тогда? Вѣдь, ты разскажешь мнѣ тогда? Да! Я совсѣмъ почти незна-

кома съ *твоею любовью къ Л. П.*, долго спустя ужъ ты сказалъ мнѣ о ней. А знаешь ли что? Emilie какъ была у нихъ первой разъ, и ты тамъ былъ; пришедши. она меня увѣряла, что ты влюбленъ въ Л., разсказывала всѣ доказательства; и, не знаю почему, я, любившая столько Л., почитавшая ее лучшею изъ всего свѣта, потому что мнѣ казалось, что ты почиталъ ее такою, не вѣрила этому, увѣряла ее. что ты. можетъ быть, *будешь любить*, но не любишь и не можешь любить Л. Видишь, мой ангелъ. я не *понимала* еще, почему твоя любовь не этой дѣвушкѣ, но ужъ *чувствовала*, что не ей, а дѣвѣ иной.

Ты хочешь, чтобъ и я написала мою жизнь и 9 апрѣля,—хорошо, я разскажу ее тебѣ въ особыхъ письмахъ (но когда, не знаю, потому что едва достаетъ время на письма и о теперешней жизни) и, какъ напишу довольно, пришлю тебѣ. Но письма—не иначе, потому что *иначе* я писать не могу. Помню и дѣтство мое до 8 лѣтъ, въ эти 8 лѣтъ я испила все, что можетъ быть сладкое и горькое въ этотъ возрастъ, и ярко воспоминаніе того и другого, удивительно ярко. Я опишу *тебѣ* малѣйшія подробности съ перваго воспоминанія, покажу тебѣ твою Наташу 4-хъ лѣтъ и жизнь 4-хъ лѣтней Наташи, счастливѣйшаго ребенка въ мірѣ, а потомъ... но вотъ увидишь тамъ.

Завтра твое письмо, а послѣ завтра ты получишь мое. Поздравляю, поздравляю тебя, мой Александръ! поздравь же и ты меня—о, другъ!

Но отчего-жъ мнѣ кажется, что ты нездоровъ? Сохрани Господи! Нѣтъ, нѣтъ, если и боленъ, дай поцѣловать тебя. дай я поцѣлую уста, очи, грудь, ну, легче? А молитва! О, нѣтъ? ты здоровъ. Читала я повѣсть Катеньку Рах. Да, *похоже* на мою любовь, на мое самоотверженіе, но надо бы больше, больше и тогда-бъ было *похожѣе*.

Москва, 1838, марта 24-го, вечеромъ.

Давеча рано утромъ принесли твое письмо отъ 16, я прочла только первыя строки, прошло долго, долго время. и когда оно прошло, я прочла въ другой разъ. «Будь тверда». Прижавъ письмо къ груди, я преклонила колѣна и молила Его помочь мнѣ исполнить твое повелѣніе. Онъ и послалъ помощь; съ одной стороны, въ душѣ взошло 3 марта. съ другой, вѣра на Его *всемогущество*. Онъ благъ, да будетъ Его воля! Недолго спустя и святая недѣля явилась свѣтлою, и Загорье святымъ. а при первомъ чтеніи отказа они показались чернѣе его, все сдѣлалось невозможнымъ, и 3 марта — могильной дверью. Пріѣзжай въ четвергъ на Святой, 7-го марта [апрѣля]. или 8-е, можно и 9-е, и мы увидимся не мгновенно, какъ пишешь ты, а пробудемъ вмѣстѣ свободно и безопасно, — сколько ты думаешь часовъ. ангелъ мой? О. вѣрно не отгадаешь! Ну, приготовься же къ этому блаженству: къ ряду, безпрерывно, мы можемъ быть въ той же комнатѣ, на томъ же диванѣ— 6 часовъ! Александръ, 6 часовъ! вѣришь ли, другъ мой? Теперь выслушай, какъ это будетъ. Кн[ягиня] очень любитъ, чтобъ я спала у нея въ спальнѣ, хотя насъ раздѣляютъ ширмы, и ей не видно меня; но я не люблю, потому что тогда непремѣнно ужъ надо ложиться въ 10 часовъ, и я буду ложиться въ 10 часовъ, хоть 10 дней. потому что черезъ эту жертву могу быть съ тобой около 10 часовъ. Въ Свѣтлое Воскресенье я попрошусь спать у нея на всю недѣлю. Ты получишь это письмо на страстной недѣлѣ, я отвѣтъ на него въ среду на Святой, а въ четвергъ буду ждать тебя самого въ 11 часовъ вечера въ той же комнатѣ. Кн[ягиня] не будетъ знать, что меня нѣтъ, выйду тихо, и

тихо войду опять въ 6-мъ часу утра.—Долго отдыхала, и какъ не устать, написавши все это. Отдохни и ты. Какъ волнуется грудь, какъ тяжело дышать и голову держать на плечахъ.

Вечеръ. Я читала «Тамъ», какъ пришло письмо. Елена была въ обморокѣ, вся душа болѣла, грудь точно пилили, въ глазахъ темнѣло. Я положила письмо на тетрадь, прилегла къ печати головою. Я не обрадовалась ему, не спѣшила распечатать, боялась. Потомъ будто забылась, подняла голову, слезы лились, легче, я поцѣловала письмо и стала читать его.

Теперь окончила повѣсть. *Какъ* писано, я не беру на себя судить этого, рѣшительно, могу ошибиться; а *что* писано, то мое, и я вѣрно вижу, такъ оно или нѣтъ. За что ты разлюбилъ эту повѣсть, не за сумасшествіе ли князя? Много чувствъ волновало душу, не волновавшія прежде, при чтеніи этой повѣсти. Вѣдь, и она письмо же, только ты не писалъ ко мнѣ такого письма. Долго, долго не буду читать ее, пока отдохну отъ нея, можетъ, послѣ Святой, можетъ, послѣ Загорья. Когда княгиня просила примиренья Елены на ея могилѣ, я не выдержала, залилась слезами и бросилась на землю, я благодарила Бога, что могу преклонить колѣна передъ Еленой живой, просить у нея примиренья и руки. Ежели-бъ я прежде читала эту повѣсть, можетъ, совсѣмъ бы иначе написала письмо къ Медв. Зачѣмъ она у моихъ ногъ? Я у ея. Елена, прости! Но знай, сколько я виновата передъ тобой, столько же и онъ. Да, потому что мы одно, одно до рожденья и за могилой; прости же намъ эту вину, благослови насъ, улыбнись и эта улыбка благословеніе. Александръ, я взволнована ужасно, ангелъ мой, сколько любитъ тебя Наташа. Теперь прощай, ужо не пойду къ заутренѣ, а буду писать къ тебѣ. Давеча во время всенощной, я молилась у той самой двери, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы обнялись впервые 3 марта и впервые въ жизни. Да зачѣмъ же князь сошелъ съ ума? Какъ не спасли его молитвы ангела? И зачѣмъ ангелъ, сдѣлавшись ближе къ Богу, пересталъ молиться о несчастномъ? Князь, видно, не любилъ ангела, *за то, что онъ не былъ ангелъ,* а то онъ не сошелъ бы съ ума, а ангелъ все продолжалъ бы молиться. О, конецъ очень дуренъ, за него я не стану читать эту повѣсть, можетъ, и долго послѣ Загорья, можетъ, никогда. — Александръ! нѣтъ, буду читать, часто, всегда, чтобъ дѣлаться выше княгини, сдѣлаться ангеломъ и не перестать молиться, чтобъ князь не сошелъ съ ума.

Въ заутреню. Александръ! мой Александръ! прими поздравленіе твоей Наташи, ея поцѣлуй, ея поклоненіе, молю тебя для нынѣшняго дня—*будь твердъ и ты!* Я еще не понимаю вполнѣ отказа, не могу разглядѣть его, не понимаю, что, такое: «надежда на скорое освобожденіе потускла». Что это значитъ? Вѣдь, это значитъ *разлука еще долго.* Вѣрно, это значитъ, потому что эти слова крѣпко пеленаютъ душу въ желѣзный листъ. Но я и не вѣрю имъ! Я вѣрю, что на Святой буду съ тобой, что въ Загорьѣ буду съ тобой, еще болѣе вѣрю, что я теперь съ тобой—и хорошо мнѣ!! Пріѣзжай же въ Москву поздно ввечеру, только напиши мнѣ день и, пріѣхавши, тотчасъ дай знать, потомъ приходи ко мнѣ въ 12 въ исходѣ, чтобъ всѣ улеглись въ домѣ, потомъ уѣзжай изъ Москвы въ 7 часовъ утра.

Ты все ставишь меня выше себя; ну, вотъ, посмотри: любовь безмѣрна во всѣхъ видахъ, но какъ она склоняется къ землѣ, это ярко видно, когда я прошу тебя не молиться рано, прошу не мѣнять сна на молитву, — любовь же, ангелъ мой, любовь безпредѣльная, но она смотритъ на землю и боится, что Александръ

тамъ проснется не вовремя, что молитва его будетъ безпокоить, любовь эта боится *разбудить молитвой.* А ты?! О. Александръ, вотъ тебѣ земной поклонъ, святой, помолись же и обо мнѣ. Итакъ, въ 7-мъ часу оба на колѣнахъ. оба взоръ на небо, оба—одна молитва, одинъ гимнъ къ Нему. О, вставай, вставай, молись, потомъ усни опять. и этотъ сонъ послѣ молитвы не будетъ отдохновеніемъ одному тѣлу, онъ будетъ на землѣ жизнью души, той жизнью, которою она будетъ жить въ вѣчности. Въ этомъ снѣ ты увидишь меня просвѣтленною, увидишь Бога! будешь серафимомъ, вставай, вставай! Молись, молись, я буду будить тебя въ 6 часовъ, буду молиться съ тобой и послѣ я же усыплю тебя.

25 марта. Разсвѣтаетъ. Я написала свою жизнь до 7 года, до тѣхъ поръ, какъ пап[енька] поѣхалъ въ Петербургъ. и она чрезвычайно тебѣ будетъ интересна. я очень ярко помню подробности московской жизни. и сколько сулили онѣ мнѣ. Я помню и тогда еще меня называли любимой изъ дѣтей, и это было замѣтно во всемъ, и я чувствовала это очень. Это первое письмо къ тебѣ, потомъ Петерб. — второе, потомъ опять Москва и уже это будетъ не письмо, а такъ воспоминаніе. потому что ты ступилъ въ душу мою, какъ только я ступила на порогъ кн[ягининаго] дома, но ни я. ни ты, и ты еще меньше, не знали этого.

Да. Жанъ Поль точно видѣлъ наши 3 марта, такъ дивно похоже говоритъ, но вполнѣ наше 3 марта не опишетъ никто? Счастливъ, счастливъ безмѣрно и тотъ, кто не только описать, а только видѣть можетъ, или даже только вѣровать, что существуетъ у Бога 3-е марта и что оно сходило на землю и воплощалось,—безмѣрно тотъ счастливъ. тому останется отъ 3-го марта то, что осталось христіанамъ отъ Христа по вознесеніи Его—Евангеліе!

Александръ, будущаго я вовсе не понимаю, не знаю даже, будетъ ли оно— а только знаю. что будетъ Святая недѣля и Загорье. Пиши же навѣрное, когда пріѣдешь. Да. вотъ опять моя любовь со взоромъ. склоненнымъ къ землѣ: *я боялась* вторичнаго твоего пріѣзда, боялась блаженствомъ небо разбудить ничтожныя непріятности земныя. Сердись на меня за это, божественный,—и прости! Я не боюсь уже, о. нѣтъ! Пусть прервется самый крѣпкій пріятный сонъ твой, лишь молись: пусть вся земля противъ меня и тебя, лишь пріѣзжай! Намъ надо отдохнуть, скоро прервали отдохновеніе наше — Боже! Прощай, скоро придутъ отъ заутрени. Черезъ два часа я проснусь и прилечу къ тебѣ молиться съ тобой.

Не Кетчеръ виноватъ. а Emilie, она прислала мнѣ только «Мысль и Откровеніе», а повѣсть держала у себя и ничего даже не сказала; я ужо накажу ее, строгость моя возрастаетъ.

7-й часъ утра. Царю небесный, утѣшителю, душе истинный! Приди, вселися въ ны... Слава въ вышнихъ Богу!

Ночь. Какъ-то ты провелъ нынѣшній день? Я утомлена, измучена. Какой-нибудь часъ было чрезвычайно отрадно—воспоминаніе съ Emilie *нашего года,* того года, какъ мы жили съ ней вмѣстѣ. Но что же такое всѣ воспоминанія его? Ты. все ты. Какъ образовалась дружба къ тебѣ. и почему Emilie замѣчала въ ней любовь,—напишу не теперь, не могу, все какъ-то неясно. Утомительно совершеннолѣтнему начать ползать, какъ ребенокъ, потомъ стоять, держась за стулъ, потомъ переступать; я утомлена и безъ этого, я отдохнула-бъ теперь, бѣжавъ стрѣлою во Владиміръ. Можетъ, ты вздумаешь и первые дни на Святой пріѣхать,—я буду ждать. Явись опять къ Emilie. она, Богъ знаетъ, какъ желаетъ тебя видѣть, а 2-го марта, вѣдь, она не видала тебя. Можетъ, и она при-

детъ ко мнѣ вмѣстѣ съ тобою въ ту ночь. О портретѣ мы *поговоримъ* съ тобою, и ты же хочешь наказывать меня за то, что я не снимала, — есть резонъ по крайней мѣрѣ, и за что наказаніе невозможность списать?

Тяжело, тяжело, но прочти тѣ письма мои, гдѣ я говорю, что желаю *только* взглянуть на тебя. Да, и не довольно ли? Скажи довольно, и я не буду здѣсь ничего болѣе ждать, я полечу туда ждать тебя.

Да, я смѣялась, читавши о своемъ кокетствѣ: пожалуй, тебѣ непремѣнно хочется, чтобъ совершенное забвеніе не только туалета, но и себя, называлось кокетствомъ, — да будетъ! Я желаю всю жизнь такъ кокетничать.

Идучи давеча къ ужину за вереницей этихъ безобразныхъ, оскорбительныхъ физіономій, слушая ихъ бесѣды... долго ли? простенала душа, закрывши очи въ изнеможеніи. Когда взглянула на себя, она облечена дивной ризой, третьимъ мартомъ; взглянула туда, — благословляющая десница... И она не почувствовала, какъ еще глубже крестъ вдавился въ грудь. Полна жизнь, блаженна!

Наташа.

23-го марта. [Владиміръ].

Ангелъ мой, я теперь сидѣлъ, и думы толпой пробѣгали по душѣ. Перебирая всю любовь, нельзя не видѣть яснаго перелома во мнѣ. Сначала я считалъ себя равнымъ тебѣ, сначала я гордо полагался на свое вліяніе и достоинство (35 и 36 года); съ того времени ты все росла, и уже я очутился на колѣнахъ, не смѣя стать рядомъ, и это-то глубокое чувство смиренія передъ ангеломъ преобладаетъ теперь въ каждой строкѣ. Откуда оно? Вымарай изъ моей жизни исторію Медв., и любовь моя далеко не приняла бы религіознаго направленія. И опять ты все прежде меня постигаешь: ты это же самое писала два года тому назадъ, — именно нужно было преступленіе, чтобъ смирить гордость. Душа женщины большей частью несравненно чище души мужчины. Какіе примѣры окружаютъ душу юноши съ 15, 16 лѣтъ? Чего онъ не переиспытаетъ до окончанія школьныхъ лѣтъ. Чувства притупляются, эгоизму раздолье, религіи нѣтъ. А дѣва въ своемъ затворничествѣ чиста, какъ ласточка, неопредѣленная мечта ея религіозна, свята; такова и любовь, а эгоизму *мало* доступна. Оттого женщина всегда самоотверженнѣе, отъ любви погибнутъ *многія*, но не *многіе*, изъ гордости наоборотъ — лучшій примѣръ дуэли. Сильно должно быть потрясеніе, чтобъ усмирить юношу, и вотъ ужасная встрѣча съ М. окончила мое воспитаніе. Но эта встрѣча проскользнула бы, едва оцарапавъ; надо было непремѣнно, чтобъ, какъ улика, былъ передъ глазами человѣкъ, во всей славѣ, во всемъ сіяніи; это — ты, моя божественная, — и я смирился. Теперь я не паду, говорю рѣшительно, радуйся же, радуйся, ты овцу потерянную ведешь домой. Другой переломъ въ любви тоже замѣтенъ, это ея возрастаніе: возьми письма и посмотри, какъ мало-по-малу любовь все поглотила; звѣзды свѣтятъ, но выходитъ солнце, звѣзда за звѣздой блѣднѣетъ, меркнетъ, та держится дольше, другая, — но оно вышло, царственное, и исчезли звѣзды, и мѣсяцъ, какъ тѣнь убитаго, дрожитъ на небосклонѣ. Слава боролась съ тобою всѣхъ храбрѣе, десять лѣтъ она безпрерывно обтесывала себѣ пьедесталъ изъ моей души, и вдругъ на этотъ пьедесталъ становится дѣва; она попробовала стать хоть вмѣстѣ, но могла ли она, женщина развратная, облитая кровью Мессалина, актриса нарумяненная, могла ли устоять рядомъ съ Дѣвой — ангеломъ. А тебѣ хорошо, Наташа, на ея пьеде-

сталѣ; никто не умѣетъ ставить лучшій пьедесталъ, лучшую колонну, какъ слава, цари же на немъ. Вотъ моя грудь, раскрой ее, и ты увидишь, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ тебя, какъ въ церкви ничего, кромѣ Бога. И какъ въ церкви любовь къ Богу выражена всѣми искусствами, такъ и ты въ моей душѣ слита съ поэзіей, съ мыслью, съ чувствомъ, тобою свято прошедшее, свято настоящее, свято будущее. Въ самомъ дѣлѣ, тебѣ должно быть удивительно (какъ пишешь въ послѣднемъ письмѣ), какъ холодной cousin превратился въ горячаго брата и въ пламеннаго жениха. Но сѣтовать на меня нельзя, что я такъ долго не узнавалъ мою Наташу въ кузинѣ Наташѣ,— моя огненная живость и твоя кроткая тишина не имѣли перехода. Я считалъ тебя холодною (не знаю, кто тебя сравнивалъ съ Елиз. Петр. Смолакъ, чуть ли не Т. П., и называли англичанкой), видѣлъ большія способности и жалѣлъ о твоемъ положеніи. Я узналъ тебя гораздо ближе, когда была Emilie, она имѣетъ именно ту живость и пылкость, которая должна была остановить мое вниманье, но замѣть, я не предпочелъ ее тебѣ, твоя высота скоро стала замѣтна. Помнишь ли ты стихи свои, писанные въ 1833: душа твоя вырвалась въ нихъ сильно (они цѣлы у меня). Emilie была именно переходъ между нами; но я не любилъ тебя *любовью*. (Вы знаете, что я тогда былъ влюбленъ!!). Несчастіе ужасное потрясло меня. Живость остановилась. Тутъ симпатія твоя и Emilie явилась во всемъ блескѣ. 20 іюля вечеромъ я тебя любилъ ужъ страстно безъ малѣйшаго сознанія; любовь во мнѣ, какъ озимовое зерно, должна была цѣлую зиму таиться неузнанная. Замѣть, я пользовался каждымъ случаемъ посылать тебѣ поклонъ; на тебя была обращена вся внимательность, вся нѣжность моя, я былъ очень *пламенной* братъ и, методически увѣряя себя, что любовь вредна и не существуетъ, я дожилъ до 9 апрѣля и, наконецъ, до конца 1835 года. Вотъ вопросъ весьма важной: былъ ли я влюбленъ въ Медв? И да, и нѣтъ. Ея несчастное положеніе, прекрасная наружность, немножко кокетства и очень много ума увлекали меня, а я тогда стоялъ на распутьи, не зналъ, куда идти, предавался всему усталой душой, не любилъ никого изъ Вятскихъ, виномъ, даже картами тушилъ другія потребности души. Ея внимательность теплая, какъ нарочно, близость квартиры,— и я сдѣлался у нихъ свой человѣкъ. Суди меня строго, но вспомни: ни одного человѣка, который бы съ любовью посмотрѣлъ на меня, и вдругъ является человѣкъ, и притомъ женщина, и притомъ 24 лѣтъ, и притомъ образованная. Я увлекся мгновенно, сильнымъ, бурнымъ характеромъ увлекъ ее и, замѣть, въ ту же минуту опомнился, въ ту же минуту разглядѣлъ, что это не любовь, что мнѣ такое чувство узко, что отъ него пахнетъ помадой, а не живой розой. Тогда-то судорожно требовалъ я себѣ иной любви, и на всѣ эти требованія душа отвѣчала: «Наталія». Я трепеталъ, задыхался, я мучился, читая твои письма, но скрывался отъ тебя. О, Наташа, сколько разъ передъ моими бѣшеными письмами въ концѣ 1835 и началѣ 1836, я сидѣлъ въ совершенномъ отчаяніи передъ моимъ столомъ, облокотясь на обѣ руки. Потъ выступалъ на лицѣ, и холодныя капли слезъ сливались на твое письмо. Я мялъ этотъ листокъ въ рукахъ, прижималъ его къ головѣ, въ которой горѣлъ смутной пожаръ, и рядомъ со всѣми этими мученьями выходила мысль, что я обманулъ М. И отчего я мучился? Развѣ прежде, нежели ты писала о любви, она не ясна была? *Я сознавалъ себя недостойнымъ твоей любви.* Да, да, именно это чувство терзало меня, и его-то я передалъ Полинѣ, какъ только сблизился съ нею; я казался гадокъ, запятнанъ себѣ, а ты, какъ нарочно, блистала ярче, ярче.

О, моя Наташа, какъ взволновалась душа отъ этихъ воспоминаній. Щеки пылаютъ, слезы... Наташа, Наташа, нѣтъ, я стою твоей любви, еще разъ взойди сомнѣнье въ мою душу, и я погибъ,—но оно и не взойдетъ. Дай руку, приложи ее на эту грудь,—она преступна, но она полна любовью, она такъ умѣетъ молиться Наташѣ. Когда же мы вмѣстѣ, нѣтъ, соединимся, Богъ съ ними, тогда все это я разскажу тебѣ, и слезу ты утрешь поцѣлуемъ. Помнишь, тогда 3 марта, ты разъ закрыла глаза, когда я поцѣловалъ тебя, и поцѣлуй былъ долгій, долгій. Твои уста—какъ онѣ чисты, святы,—а тѣ жгутъ, на тѣхъ былъ опіумъ, повергалъ въ упоенье и отравлялъ. Съ тобой не бываетъ такихъ сумасшедшихъ минутъ; ну, спи же, ангелъ, спи, что, кромѣ улыбки, можетъ привидѣться тебѣ.

24 марта. Вечеръ.—Мнѣ что-то грустно, Наташа, гдѣ ты? Что же нѣтъ тебя, чтобъ эту грусть отвѣять дыханьемъ, взглядомъ, поцѣлуемъ? Наташа, зачѣмъ ты не тутъ,—завтрашній день навѣялъ грусть. Гдѣ же та, одна, для которой 25 марта торжество огромное, для которой рожденье младенца тогда, 26 лѣтъ тому назадъ, заключало въ себѣ всю свѣтлую сторону жизни. Рука ищетъ твою руку, хочетъ ее прижать къ груди, къ сердцу, и всетаки разлука, одна разлука. Ты, вѣрно, теперь грустишь,—внутренній голосъ говоритъ мнѣ. И не въ нашихъ ли рукахъ будущее, это робость съ моей стороны отдавать на мученье ангела, страдать самому—отъ робости. Гдѣ же тутъ огненной, предпріимчивой Александръ, покраснѣй ты за него, онъ геройствуетъ на словахъ. Нѣтъ, съ 12 февраля рѣшено дѣйствовать,—лишь бы расположить обстоятельства. Я не могу больше быть съ тобою въ разлукѣ, разлука похожа на чахотку, иногда спрячется, будто ничего, и розы на щекахъ, дунулъ вешній вѣтеръ, и грудь страшно напоминаетъ, что болѣзнь тутъ. Какъ свирѣпо и жестоко поступаютъ съ нами люди, съ тобой за то, что ты молишься объ нихъ, со мной за то, что я любилъ ихъ всей душой. Сегодня не будетъ другого звука—замолчу. Хоть бы портретъ твой былъ,—больная душа хочетъ опоры. Ахъ, Наташа, какъ я люблю тебя, какъ ты слилась со всякой радостью, со всякой мыслью. Милая, милая Наташа, вѣдь, ты моя невѣста. Господи, прости этотъ скорбной звукъ... Нѣтъ, нѣтъ, Ты много сдѣлалъ для меня: Наташа моя невѣста!

Позже.—Послѣднія письма изъ Кр[утицъ] хороши (прошлый разъ я бранилъ), но не твой Александръ въ нихъ, а Александръ Огарева. А я, должно быть, сильно увлекалъ ими тебя. Вдругъ этотъ огонь вулкана передъ твоимъ яснымъ взглядомъ. Перечиталъ и 35 годъ опять. Лучшая характеристика второй половины этого года строки, писанныя передъ новымъ годомъ. «Тогда склоню я голову на грудь твою, ежели она не будетъ принадлежать другому». Только эта нелѣпая мысль и можетъ отчасти извинить нелѣпую жизнь того времени. И изъ этого Александра ты образовала своего. Вѣдь, я сдѣлался не тѣмъ, чѣмъ *я хотѣлъ*, а тѣмъ, чѣмъ *ты хотѣла*. Это ясно. Да вотъ еще, что я замѣтилъ въ письмахъ: ты можешь быть со временемъ совѣтникомъ губернскаго правленія,—на большей части писемъ есть помѣтка, когда получено.

12 часовъ и. слѣд., 25 марта.—Ты, можетъ, покоишься, спишь, мой ангелъ. Спи же и пусть Богъ пошлетъ тебѣ образъ твоего друга, вмѣстѣ съ первымъ часомъ *его дня*. Наташа, я раньше тебя поздравилъ, нежели ты меня. И мой сонъ долженъ быть прелестенъ подъ утро,—твоя молитва понесется тогда къ небу.

25 марта, 8 часовъ утра.—Обнимемся еще, поблагодаримъ Бога; ты за мое рожденье, за мою жизнь; я—за то, что эта жизнь мнѣ дорога тобою, ангелъ благодатной. Сейчасъ получилъ твое письмо и въ немъ второе къ М. Итакъ, мой

день начался торжественно. Съ чего ты вообразила, что я боленъ,—не знаю. Душа иногда падаетъ у меня въ низшую атмосферу, не всегда можетъ держаться тамъ, гдѣ держится твоя, отъ этого иное письмо хуже, — таковы были два прошедшихъ. Но гдѣ же болѣзнь? Пиши «*жизнь*» письмами, это дивно, вотъ мнѣ подарокъ для 25 марта. Я просыпался сегодня въ 5 часовъ и молился, ты, вѣрно, тогда же.

2 часа.—Писалъ къ папенькѣ сильно; но уже не просящимъ, эту рѣчь я отбросилъ. Между прочимъ, я писалъ, что ежели онъ пойметъ, наконецъ, нашу любовь, то выгода съ его стороны: это будетъ значитъ, что Богъ раскрылъ его душу чувству высокому. И въ самомъ дѣлѣ, дай Богъ, дай Богъ, чтобъ наша любовь могла и ихъ поставить на подножіе лѣстницы, по которой идутъ туда, туда!

25 марта. Вечеръ.—Ты меня чрезвычайно обрадовала тѣмъ, что обѣщала писать свою жизнь. Я восхищаюсь твоей манерой писать, у тебя размахъ фантазіи какъ-то огроменъ и всегда *ровенъ*, чего именно нѣтъ у меня. Иногда я подымаюсь высоко, но горной воздухъ слишкомъ чистъ для больной груди, и она опускается, у меня это скрыто всегда переливомъ въ иронію, но это усталь. Иногда, читая твое письмо въ десятый, двадцатый разъ, я взгляну на него съ литературной точки зрѣнія и, признаюсь, ежели бы ты была *не моя,* я могъ бы завидовать поэтическому таланту. Почти каждое письмо—поэма, и чувство вырывается изъ души стройно, какъ изъ арфы, и главное, ты не чувствуешь, что пѣснь льется, это такъ естественно тебѣ, какъ любовь ко мнѣ. Откуда Богъ взялъ такую дивную дѣву для меня? Вотъ, говорятъ, что люди обыкновенно дѣлаютъ желанія несбыточныя, какъ же всѣ мои сбылись? Какъ же ты, начиная отъ красоты наружной до молитвы съ избыткомъ выполняешь всѣ мечты мои?

Письмо твое къ М. превосходно, завтра пошлю. Ежели она закроетъ свою душу твоей симпатіи, то и тогда ты не должна ее оставлять. Потому что ударъ въ ея грудь нанесенъ рукою, близкой тебѣ. Ахъ, какъ пламенно желалъ бы я, чтобъ Богъ раскрылъ ея душу твоей дружбѣ и, слѣд., міру высшему. Ну, не дивное ли зрѣлище: ты сестра ей! Какъ наша любовь выше *ихъ* любви. Но, скажу откровенно, я не вовсе еще въ ней увѣренъ, не обманываетъ ли она себя! Ея слабая, болѣзненная организація приводитъ меня въ ужасъ: мать трехъ малютокъ безъ куска хлѣба! Мы иногда думаемъ о нашихъ маленькихъ несчастьяхъ, погруженные въ море свѣта, объ этихъ временныхъ препятствіяхъ. А какъ же сравнить мою тюрьму, мою ссылку, твои истязанія съ цѣлой жизнью такой, какъ М. Фу! Даже Витбергово положеніе несравненно лучше,—онъ посвятилъ себя искусству. Ея жизнь людямъ брошена на съѣденіе.

Дорогу въ Царицыно найти немудрено, а ты вотъ что сдѣлай: я назначу тебѣ день и часъ, когда пріѣду; вели Арк. придти ко мнѣ; ежели меня нѣтъ, пусть подождетъ, но я пріѣду аккуратно, больше 24 часовъ нельзя быть на дорогѣ. Я хотѣлъ тебѣ писать, что приду съ разсвѣтомъ,—а ты мнѣ это пишешь. Итакъ, мы увидимъ восходящее солнце и его звѣздочку. Наташа, лучше Загорья ничего жизнь не дастъ, какъ воспоминанье объ немъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; склони молча голову, я не буду говорить, не нарушу молчанія! А твоя рука только должна быть въ моей, я ее сожму, я ею утру слезу. *Пять дней!* И отъ 2 (а можетъ, можно и съ вечера) до 7—пять часовъ!

А что портретъ? Да, вотъ что: никакъ не посылай, ежели будетъ непохожъ, пусть судьею будетъ Emilie. Да еще живописцы имѣютъ обыкновеніе придавать лицу офиціальную веселость, — никакъ,... твою улыбку, ежели какой-нибудь пор-

третпстъ умѣетъ ее понять. Ахъ, кабы Витбергъ! Велп сдѣлать готическія кресла, мои любимыя, съ украшеніями en ogive и рѣзьбою. Я, право, ребенокъ и притомъ баловень,—это дѣло рѣшенное. Ты вѣрно ужъ спишь, дай же, я тихо, тихо поцѣлую тебя и долго, долго остановлю взоръ, влажной отъ любви, на твоемъ прелестномъ лицѣ. Прощай.

26 марта, суббота. —Десять часовъ, а я сейчасъ всталъ, вотъ какъ исполняю твой приказъ много спать. На дворѣ какая-то безцвѣтная мерзость, и на душѣ не разсвѣло. Вчера я, какъ легъ, положилъ твою ленту себѣ на грудь и такъ уснулъ. Она живая, она полна магнитической силы. Когда-то ты, ангелъ мой, уснешь на этой груди? Двигайся же, время, пора, пора! Ежели не будетъ возможности устроить портретъ, напиши. Я нашелъ самое странное стредство, и оно, кажется, удастся. Напишу Льву Ал.,—онъ *чувствителенъ* и, право, сдѣлаетъ. Прощай, моя Natalie.

Александръ.

То, что ты пишешь о Т. П.,—полная характеристика ея. Свойство полудушъ—выѣзжать на фразахъ. Есть въ ней доброе и умное. Однако, когда умереть,—не хотѣла, однако, равнодушна была!..

26, вечеръ. [Москва].

Да, какъ роптать! Чего намъ ждать еще, чего просить здѣсь, на землѣ, есть ли у Него еще, можетъ ли сойти на землю то, что больше 3 марта, и что же будетъ небо, когда оно сойдетъ на землю? Нѣтъ, довольно! Прости меня, Господи; Александръ, прости и ты меня! Вчера я не могла быть твердою, вчера я плакала, какъ дитя, и смѣялась, какъ нельзя было плакать, о, это еще тяжеле; вѣрно тебѣ было тяжело, я не могла отыскать причины этой подавляющей грусти; перечитывала отказъ и говорила: да будетъ Его воля! Представляла свиданье здѣсь и въ Заг. и говорила: слава Богу; но все это только языкомъ, я дѣлала усиліе казаться покойною сама передъ собою и, видѣвши ясно, какъ обманываю себя, мучилась еще больше. Послѣ того прошла ночь, прошелъ день,—я покойна, свѣтло въ душѣ—Боже, слава Тебѣ! Сказать: готова на смерть,—что-жъ я этимъ скажу? Какъ не быть готовой на смерть, когда нечего *болѣе* ждать въ жизни, когда вся вѣчность—ты! Нѣтъ, я готова жить, жить такъ, какъ живу теперь, тяжеле креста не можетъ быть, не можетъ быть болѣе и блаженства! Нѣтъ, я буду неблагодарная, буду недостойна тебя, унывая, ослабѣвая. Нѣтъ, нѣтъ, смотри мою улыбку, мой восторгъ, слушай этотъ гимнъ. Все вздоръ, мы выше Владиміра и Москвы, а тамъ пусть ихъ дѣлятъ оврагомъ и стѣной.—Александръ, что намъ до нихъ, Александръ, ангелъ, мой Александръ! Посмотри на меня, какъ смотрѣлъ 3 марта, поцѣлуй такъ,—вспомни, живо вспомни все, взгляни на руку, которую бы я не отдала тебѣ. О, Александръ, не довольно ли, ангелъ мой? Скажи, тебѣ мало этого? Слушай: ежели возможно,—Онъ дастъ намъ здѣсь еще, ежели нѣтъ,—возьметъ насъ туда. И тяжело тебѣ будетъ пробыть еще годъ въ изгнаньи? Годъ, въ который 3 марта будетъ *три раза?* Нѣтъ, мнѣ не тяжело! Идемъ, идемъ другъ къ другу, но если гора или пропасть *замедлятъ* соединенье—роптать, унывать? Будь Александръ Наташи!

Ночь.—Другъ мой, я виновата, что запрещала тебѣ просыпаться въ 7 часу, жертва невелика, просыпайся, просыпайся *всегда!* Но, послушай: ужель и тутъ ты обвинишь меня,—не желала бы, но пусть я виновата и передъ тобой! Я виновата въ любви. Что такое видѣть тебя мнѣ,—ты знаешь; людей я не боюсь,

что они могутъ тебѣ сдѣлать: ушлютъ далѣе,—я вездѣ найду. Но, ангелъ мой, Александръ, будь снисходителенъ, я каюсь тебѣ, дорога теперь адъ, на Святой будетъ ли лучше — развѣ хуже. Какъ я воображу, что ты скачешь, какъ фельдъегерь, по этому аду,—сердце обольется кровью, съ твоимъ здоровьемъ... назови это, какъ хочешь, накажи меня, какъ хочешь. Но ужъ сказано, теперь оставляю на твою волю.

Какъ можетъ въ груди человѣка вмѣщаться столько блаженства, какъ человѣкъ можетъ вынести столько неба! Когда я смотрю на прошедшее и настоящее, когда еще любовь наша не взошла, когда востокъ только алѣлъ, — звѣзда еще была ярка, одинокая, она горѣла ярко, ярко, но не грѣла, не освѣщала, какъ ни прелестна и какъ ни свѣтла была она и какъ на многихъ было утро— всѣ *наши* были не то, что теперь, всѣ они перемѣнились, стали выше, изящнѣе. Въ одной Сашѣ Б. немного перемѣны, небольшая перемѣна ждетъ ее и за гробомъ, она ужъ ангелъ на землѣ; кромѣ ея всѣ перемѣнились, да еще Огаревъ тотъ же. А что сдѣлало эту перемѣну—любовь, *наша* любовь! Мы шли выше, а съ нами и они шли выше, иначе мы разстались бы. Этого счастья измѣрить нельзя, этого нельзя выразить! «Азъ соблюдохъ, ихъ же далъ мнѣ еси». Гдѣ мы будемъ, тамъ будутъ и они. Дѣло это не наше, Онъ дѣлаетъ, мы орудіе, и это величіе сильно! А потомъ оглянемся на себя,—что же теперь остается намъ дѣлать. Боже. Боже!

27, воскресенье.—Воспоминанія мои теперь остановились на самой мрачной эпохѣ моей жизни,—смерть пап[еньки] уже все прошедшее, но тяжело и прошедшее. Два дня принимаюсь писать и не могу рѣшиться. Любимая, холенная, взлелѣянная въ оранжереѣ—вдругъ на стужу и морозъ, вдругъ въ сорную яму подъ ноги чужихъ, въ всемъ смыслѣ этого слова! Я благодарю Господа за всѣ эти испытанія, благодарю Его,—къ чему Онъ велъ меня ими? Но тяжело вспоминать, я многое пропущу, убавлю. Когда-жъ дойдетъ до тебя,—ну, вообрази, съ 26 года— все ты, вѣдь, это невѣроятно. Да пусть ихъ не вѣрятъ, не *имъ* напишу, и не увѣряю *ихъ*. Ты подарилъ мнѣ Свящ. ист. и написалъ на первомъ листѣ: «Милой сестрицѣ Нат. Ал. въ знакъ памяти даритъ Ал. Г. 1826 года, іюля 16-го». Ко мнѣ ходилъ дьяконъ, тутъ же я и начала каждый урокъ читать ее съ нимъ, и непремѣнно посмотрю на первый листокъ. Потомъ Эзоповы басни—и тамъ: «милой сестрицѣ», и тамъ глядѣла, не наглядѣлась на эту надпись, потому что никто меня не звалъ ни сестрицей, ни милой, эта надпись смягчала и страхъ, который я имѣла къ тебѣ—повѣришь ли: больше всѣхъ на свѣтѣ боялась и стыдилась. Потомъ Тат. Петр., говоря часто о тебѣ, ознакомила меня съ тобой; вскорѣ я стала ее спрашивать ко всякому слову: а Ал. Ив. что говоритъ объ этомъ? Сначала я вѣровала въ нее неограниченно, потому что я повѣрила ей первой, мгновенно эта вѣра уничтожилась, и въ ней я вѣровала въ тебя. Разставшись съ нею, я думала, что погибну,—кто мнѣ скажетъ, какъ думаетъ Александръ? Съ кѣмъ я буду говорить о немъ такъ часто? Всего болѣе дивило меня въ Т. П. то, что она, вышедши замужъ, собиралась ѣхать изъ Москвы, тогда какъ ты въ Москвѣ, — этого я не могла понять, это было мнѣ ужасно больно. Тутъ я въ страшныхъ мученьяхъ,—некому ни одной мысли передать, ни одного чувства, не съ кѣмъ слова сказать... А все-то это, и мысль, и чувство, и слова, были—ты! Богъ послалъ Emilie,—я молила Его послать мнѣ кого-нибудь изъ близкихъ, чтобъ мнѣ не погибнуть. Сначала она испугала меня; потомъ я увидѣла въ ней также поклонницу твою еще до меня,—съ этимъ счастіемъ не могло тогда ни-

что сравняться. Классы наши, бесѣды, прогулки,—все это начиналось и кончалось тобою. Потому-то я ничему и не выучилась, что учила только тебя. Бывало, ночь цѣлую насквозь мы проведемъ съ ней неспавши, говоря только о тебѣ. Дружба наша основалась на тебѣ, на тебѣ и совершилась она. Но все еще я не знала, какъ люблю тебя до 20 іюля; послѣ той ночи, въ которую я умерла было, узнала я, что ты мнѣ. Emilie уѣхала изъ Москвы, мы переписывались и вдругъ вообрази мое удивленіе: черезъ короткое время она пишетъ мнѣ на мое письмо: «Наташа, ты *любишь* Александра; я давно говорила, что твое чувство къ нему выше дружбы, —теперь это ясно. Будь счастлива!» Вотъ, думала я, дружба, вотъ другъ, отчего-жъ я вообразила, что она понимаетъ меня? И какъ она могла настолько пасть, чтобъ мое чувство, эту высокую дружбу къ брату, дружбу, изъ которой я не хочу ни капли удѣлить никому на свѣтѣ, которой нѣтъ подобной на землѣ,—и она называетъ любовью, что такое любовь? Какая глупость, я слыхала и читала о любви, насколь же выше мое чувство этой любви! Я никогда не буду любить, никогда не пойду замужъ, оттого что Александръ мнѣ братъ, что мое чувство дружба. Прощай, когда такъ, Emilie, ты не понимаешь меня, спрячу мою святыню, мнѣ больно, когда называютъ ее обыкновеннымъ, пошлымъ именемъ любви. Но мнѣ жаль стало Emilie,—за что-жъ она останется въ мракѣ; нѣтъ, я буду объяснять, увѣрять ее, можетъ быть, Богъ поможетъ! И вотъ я принялась всѣмъ на свѣтѣ увѣрять ее и доказывать *дружбу*. Не помогало! Иногда, въ утѣшенье мнѣ напишетъ: «Да, вѣрю», потомъ опять любовь, потомъ ужъ и я сказала любовь! О, какъ бы я желала описать всѣ подробности, всѣ онѣ такъ ярко у меня въ памяти, но несносно, невозможно избрать время, все урывками.

Ты получишь это письмо въ самое Свѣтлое Воскресенье 3-е апрѣля, ровно мѣсяцъ 3 марту. Съ утра тебѣ будетъ тоска, за то вечеромъ весело! Мнѣ не шлютъ твоего письма,—ахъ, какіе они несносные! да, видно, нѣту, а то Ег. Ив. обѣщалъ прислать. Какая дурная погода, а что, говорятъ, за дорога..

28, понедѣльникъ. Около 10 дней нѣтъ отъ тебя слова — послѣднее 19-е, но ужъ терпѣть, такъ терпѣть!

Поразилъ отказъ, ужасно поразилъ, *я пришла въ себя* и—какъ достойна я тебя, Александръ! Все это время такая твердость, такая высота, все время—твоя Наташа. Мало съ любовью, съ восторгомъ цѣлую крестъ, и какъ хорошъ онъ на груди полной и озаренной 3 марта, — все перенесу! Проходя памятью всю жизнь, я нѣсколько разъ возвращалась къ 35 и 36 годамъ: безусловное поклоненіе тебѣ, *увидѣвъ* свое уничтоженіе въ тебѣ, *повѣривъ* ему, я была счастлива безгранично; *доказать* его тебѣ я старалась невольно; себя я увѣряла письмами къ тебѣ, никогда, никогда цѣлью ихъ не было *увѣрить* тебя и получить *взаимное признаніе* — никогда! И на что было оно мнѣ? *Я чувствовала* и тогда любовь твою, какъ теперь чувствую Бога; вѣровала въ нее, существовала ею, но не смѣла ни своей любви, ни вѣры въ твою любовь опредѣлить, дать форму, назвать,—для меня все было ты, я вся была любовь къ тебѣ! И какъ же меня удивило, мой другъ, когда ты написалъ: «тогда я склоню голову на грудь твою (ежели она не будетъ принадлежать никому другому)». Что ты склонишь ко мнѣ голову,—хотя я *читала* въ первый разъ, но для меня это не было ново; къ кому же болѣе, говорила душа. Но что «ежели грудь моя не будетъ принадлежать *другому*»,—это меня поразило, помню очень; я вспыхнула еще болѣе, нежели при началѣ письма отъ того, что какъ могла придти тебѣ мысль, что есть *воз-*

можность моей груди принадлежать другому? Съ моей безпредѣльною вѣрой, неограниченной, — я не могла выносить твоего невѣрія, но душа вѣровала также въ *возможность* вѣры твоей — и блаженствовала! Ей ничего ненадо было болѣе.

29-е.—И жду Святую, и оттолкнула бы ее подальше, подальше въ весну, чтобъ тебѣ хорошо было ѣхать ко мнѣ. Ахъ, ангелъ мой! какъ дрожитъ сердце,— вообрази: ну, каково хотѣть и не хотѣть, чтобъ ты пріѣхалъ, ждать и не ждать. О! всю бы дорогу вычистила, выгладила. Ежели поѣдешь, да будетъ съ тобою Господь! да сохранитъ Онъ тебя. Господи! сохрани Его! Александръ, вѣрно любовь сочинила всѣ молитвы, въ которыхъ такъ подробно просятъ обо всемъ. Ну, да сохранитъ же тебя Богъ на пути! Ежели же не поѣдешь, не думай, чтобъ я стала грустить, унывать, а 3 марта? а Загорье? За первое буду благодарить Бога, за второе не буду роптать. А какъ хорошо бы намъ было цѣлую ночь и Emilie пришла бы... А какая дурная дорога!

Да, Александръ, у тебя прелестныя руки, ни у кого нѣтъ такихъ, я бы никому не дала цѣловать ихъ.

Вечеръ. Когда я читаю твою записку, которую ты писалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Москву 2 марта,—и теперь занимается духъ. Ежели ты поѣдешь, не забудь же, мой ангелъ, взять свои тетрадки, да ужъ и письма твои 35 года, ежели они тебѣ ненужны болѣе. Какъ ты получишь это письмо въ Свѣтлое Воскресенье, подумай, что я уже ночую внизу.—Ты слишкомъ хвалишь мой талантъ писать, у меня никакихъ нѣтъ талантовъ, даже способностей нѣтъ, можетъ, было бы много, но ихъ задушили при самомъ рожденіи, имъ не дали взглянуть на Божій свѣтъ, не дали вздохнуть; словомъ, убито все, что можно было убить, и что я есть теперь — одна любовь, одна любовь! Ее не могли убить и тогда бы, когда истерзали бы меня на мелкія части. — Хорошо писать воспоминанія. Когда мы допишемъ прошедшее, тогда ужъ будемъ вмѣстѣ писать настоящее. Прощай, душа моя! А я все кланяюсь тому мѣсту, все цѣлую то дерево.

27-е, воскресенье, вечеръ. [Владиміръ].

Итакъ, мой ангелъ, ты прочла Елену. Да, это исповѣдь, и исповѣдь, вырвавшаяся въ самую страдательную, болѣзненную эпоху. Впрочемъ, не *все же фактъ* въ ней. Князь немного хуже поступилъ меня, зато больше и наказанъ. Окончаніе было прежде не то (ты можешь видѣть по вымараннымъ листамъ), сумасшествіе князя было единственнымъ спасеніемъ, иначе онъ былъ на дорогѣ къ самоубійству. Что она перестала молиться о *выздоровленіи*, изъ этого не слѣдуетъ, что она перестала молиться о его душѣ. Впрочемъ, я вымаралъ въ томъ экземплярѣ, который отправился въ Петерб. «черезъ десять лѣтъ». Эти строки наскоро были набросаны, какъ К. былъ здѣсь. Надобно еще замѣтить, что въ этой повѣсти все пожертвовано одному лицу — Еленѣ. Повѣсть эту читали въ Москвѣ, многіе бранятъ свиданіе князя съ Еленой и чрезвычайно хвалятъ Ивана Сергѣевича, которой торжествуетъ дѣтской душой надъ неугомоннымъ княземъ. «Его Превосходительство» представляетъ опять Медв., но тамъ уже моя роль чиста; наконецъ, бродитъ и третья повѣсть: ты и М.— сестры.

Загорье такъ вѣрно, какъ завтрашній день. Но пріѣздъ на Святую зависитъ отъ одного посторонняго человѣка и отъ одного генерала, живущаго въ Москвѣ, и теперь навѣрное отвѣчать не могу. Я тогда пріѣду прямо домой и пробуду дня

четыре. Въ будущемъ письмѣ напишу. Меня тѣшитъ до крайности оригинальность средства... узнаешь послѣ.

Твое письмо грустно и дурно грустно. Такого послѣ 3 марта не было. Между прочимъ, мнѣ кажется, ты немного сердишься за мою шутку о кокетствѣ. Наташа, правда? Прости же, мой ангелъ, я просто подурачился, ну, дай руку и, милой другъ, ни слова объ этихъ пустякахъ. Ты не понимаешь, въ чемъ именно отказъ,—тамъ сказано: «Герцену такъ недавно оказана милость государя, что *въ скоромъ времени* нельзя взойти съ новымъ докладомъ». А что такое по ихъ «въ скоромъ времени»? Еще тѣнь надежды на наслѣдника осталась, покуда не прошла Святая; ежели же пройдетъ она, нечего будетъ и ждать *въ скоромъ времени*. А развѣ Загорье не наше, а развѣ въ Вяткѣ смѣлъ я мечтать о 3 мартѣ? Нѣтъ, не отчаяніе, а молитва искренней благодарности должна наполнять нашу душу.

«И я полечу ждать тебя тамъ». Тебѣ дивно будетъ ждать у подножія престола Божія съ ангелами, въ вѣчномъ свѣтѣ. А я какъ останусь здѣсь безъ тебя? У меня нѣтъ будущаго безъ тебя,—есть одни страданія, одно отчаяніе, одно продолжительное самоубійство. Наташа, полетишь ли ждать тамъ? Я тебя приковалъ къ землѣ, какъ Юпитеръ Прометея, но приковалъ любовью, въ ея имя перенеси жизнь.

Ночь. «Тамъ», представивъ тебѣ меня въ третьемъ лицѣ, живо представило всю черноту моего поступка. Признаюсь, въ первую минуту, какъ я читалъ твое письмо, щеки вспыхнули, и письмо задрожало въ рукѣ. Но потомъ я обрадовался, не я виноватъ, что ты изъ писемъ не видѣла,—лучъ солнца никогда не попадаетъ на дно колодца, а колодезь открытъ. Паденіе было огромно, но огромны и страданія, возьми, напр., мое письмо отъ моихъ именинъ 1837 года и два слѣдующія. Но зачѣмъ же ты говоришь, что я не писалъ тебѣ; да, я не писалъ сначала въ чаду, а послѣ писалъ въ каждомъ письмѣ. А наша симпатія—въ ту самую минуту, какъ ты читала Елену, я писалъ тебѣ прошлое письмо. Больно стоять преступнымъ передъ тобою, ангелъ, больно потому, что ты не осудишь. Моя исповѣдь Витбергу была ужасна, она была бы легче, ежели бы Витбергъ строже принялъ ее. Вотъ въ томъ-то и будетъ наказаніе грѣшнику, что безконечная благость будетъ его прощать, а онъ увидитъ, что недостоинъ прощенья. Наташа, что было бы со мною, ежели бы всѣ обстоятельства Елены повторились—даже смерть. И въ дополненіе—разлука. Холодно, морозъ обнимаетъ сердце. Ну, какъ же мнѣ не ставить себя ниже тебя—чистота безусловная, святость! Ежели-бъ я былъ такъ чистъ... О! Наташа, вотъ я опять черенъ и грустенъ, вотъ чувства, давно забытыя, опять сосутъ душу; сегодня Лазарево Воскресенье, и они выходятъ смердящія изъ катакомбы и шепчутъ на ухо: «таковъ ли долженъ быть Александръ Наталіи,—и все это было послѣ 9 апрѣля, можетъ за день прежде, нежели ты осмѣлился ангелу говорить о любви, за мѣсяцъ прежде, нежели рукой нечистой осмѣлился распечатать письмо, въ которомъ она писала о любви». Терзайте, терзайте меня, этого требуетъ справедливость высшая, небесное правосудіе. О, Наташа! Не слеза—кровь хочетъ брызнуть. Ἀνάγκη!!

28-е, понедѣльникъ. Вечеръ. Вчера, написавъ ту страницу, я бросился на постель, не спалось; фантазія, оживленная 3 мартомъ, схватила прежнюю мысль и всѣмъ новымъ огнемъ раздувало угрызенье. Долго не могъ уснуть, уснулъ и съ какимъ-то трепетомъ просыпался нѣсколько разъ. Сегодня утомленъ, глупъ, пустъ. А ты и сегодня ангелъ! Прощай, дай, я поцѣлую руку, сегодня я недостоинъ цѣловать тебя въ уста. Говѣю; прощай же.

29, вторникъ. На дворѣ солнце, и я выздоровѣлъ (душою). Нѣтъ, и тотъ, кто изъ паденья умѣетъ подняться до полнаго раскаянья, и тотъ достоинъ милости Бога, а когда еще ангелъ ведетъ его! Родъ человѣческій уже для того долженъ былъ пасть, чтобъ имѣть радость быть спасеннымъ Христомъ. Ты мой Христосъ! Что я писалъ въ прошломъ году, то повторю и теперь: говѣю я дурно, не могу заставлять душу молиться именно тогда-то (исключая седьмого часа): молитва молніей пронесется по душѣ, взглядомъ на небо, слезой,—а то все такъ матеріально. Но я люблю церковь, я всегда тамъ мечтаю о тебѣ, думую, какъ ты, ангелъ, стоишь *дома* передъ Отцомъ и смотришь на Него, и Онъ благословляетъ тебя тою же десницей, которой благословляетъ шаръ земной, вселенную и—меня.

Нынѣшнее письмо коротко,—прости; ты получишь слѣдующее письмо въ понедѣльникъ на Святой; прежде отвѣта отъ меня не переходи къ княгинѣ,—но смотри, какъ бы не догадались: твой переходъ и мой пріѣздъ. Пускай себѣ, я все жду съ нетерпѣніемъ твоего разрыва съ свѣтлѣйшей тетушкой.

Какъ ударятъ къ заутренѣ въ Свѣтлой праздникъ, поцѣлуй мой портретъ, а я твою ленту, и души наши обнимутся. Прощай. Твой *Александръ.*

Emilie братской поклонъ. Разумѣется, я съ ней увижусь, если пріѣду въ М.

30-е марта, середа. Полдень, Москва.

Мнѣ жаль было повѣсить твой портретъ на стѣну, потому что его будутъ видѣть и недостойные, достойнымъ я покажу сама, буду и сама смотрѣть на него, когда достойна; *смотрѣть* на нашемъ языкѣ значитъ гораздо и несравненно болѣе, нежели на *ихъ*. Теперь мнѣ жаль и картину сестры Медв. *повѣсить*, потому что это слишкомъ обыкновенное употребленіе; когда будетъ можно, я отдамъ сдѣлать хорошенькій ящикъ, такой, чтобъ въ немъ укладывались всѣ наши письма, а когда мы будемъ вмѣстѣ, то сложимъ и письма наши вмѣстѣ, (не иначе!) по числамъ, и положимъ въ него.

Сегодня письмо! письмо! Да отчего-жъ не было прошедшую почту? Теперь ужъ скажу: я измучилась, но сегодня письмо непремѣнно,—*я знаю!* И не могу вытерпѣть, чтобъ не сообщить тебѣ этой радости, ангелъ мой!

Ну, вотъ, только сегодня получила письмо отъ 20-го, десять дней. Да что-жъ, хорошо, хорошо... о, какъ хорошо! Александръ, и теперь, послѣ этого письма, ты скажешь, что ты неравенъ со мною? Когда скажешь, такъ вымѣряй же разстояніе. Но что такое я, что мнѣ говорить о себѣ. Нѣтъ, ты дай посмотрѣть на одного тебя, зачѣмъ сравненія несравненному. Ты, ты, одинокой, великой, святой... А мнѣ дай уничтожиться, забыть себя, свою любовь, потому что и любовь къ тебѣ говоритъ громко обо мнѣ; да, пойми меня, я не умѣю выразить, *назови то*, что желаетъ уничтожить и любовь, находя въ ней долю себя.—что это такое? Ну, смотрѣть на тебя не любя—любить слишкомъ дерзко—смотрѣть... да, вѣдь, *я же* буду смотрѣть *моими* глазами. Такъ нѣтъ! не смотрѣть—благоговѣть въ восторгѣ! Да восторгъ то этотъ *я же*, а я не хочу себя.—быть *ничѣмъ*, чтобъ ты былъ *все!* Не это ли? Нѣтъ, глупо, глупо говорить, глупо писать, и на что, дай мнѣ быть ничѣмъ передъ тобою!

Вечеръ. Да, *какова должна быть она?* Это я повторяла безпрерывно, начиная разсматривать тебя душою. Ты росъ, росъ, а душа терялась въ созерцаніи,

и потому *она* никогда не представлялась мнѣ *мною*, потому и вопросъ этотъ все повторялся чаще и чаще и становился труднѣе и труднѣе. Ты растешь, я исчезаю, *она* удаляется. Ты растешь, я исчезаю, она рисуется на тебѣ блѣдно, блѣдно, чуть замѣтно. Ты выросъ, я исчезла, *она* ярко въ тебѣ, и я узнаю себя! О, любовь! любовь! О, Александръ!! Бывало, рѣдко, такъ безъ вниманья, мелькнетъ передо мною мое ребячество; я въ немъ не видала тебя, и на что мнѣ оно, но не видала потому, что не смотрѣла, ты заставилъ посмотрѣть — и, ангелъ мой! Знаешь ли, когда ты являешься во мнѣ? Ты являешься въ пятилѣтней Наташѣ, являешься ей 7 лѣтъ, 8—и, наконецъ, она *видитъ* тебя *въ первый разъ* въ исходѣ 8-го года. Да, первый крикъ мой, первый взглядъ и улыбка не тебѣ ли были? Тебѣ, потому что я только *твоя!* Жизнь высокая, христіанская, какою живутъ дѣти, птицы небесныя; только и то, гнѣзда ненадо, вить гнѣздо — надо слетать на землю,—нѣтъ, такъ, летать, летать и отдохнуть на вѣткѣ, на вершинѣ дерева, потомъ опять летать—и улетѣть. Пусть ничего отъ насъ не останется, пусть забудутъ насъ послѣ смерти, при жизни—избранные пѣснь нашу услышатъ, будутъ слышать ее и по смерти (письма), а *тѣмъ*—ненадо и пѣсни. Теперь бываютъ минуты, въ которыя я не молюсь, *тогда* не будетъ этихъ минутъ, тогда мы будемъ молиться безпрерывно, говорить, смотрѣть, дышать молитвой, такъ какъ все въ насъ Богъ, любовь, все будетъ молитва, самая смерть—лучшая, высшая молитва.

Прелестна Emilie, дивна бываетъ она часто во всемъ, но любви она не знаетъ, я это вижу, она сама соглашается съ этимъ; она воображала, что любитъ, воображеніе ея пламенно, но осуществленія мечтаній ея не было; она воображала, что страдаетъ, —а похожа ли она на *любившую?* Воображенье исчертило ее, и никогда не сотрутся эти черты. Нашей любви вовсе не знаетъ, хотя и зоветъ ее высокою, святою, но вижу: не понимаетъ *высокую, святую.*

Когда я засыпаю, мнѣ все слышится твой голосъ: «покойся, будь хранима Богомъ», и твоя благословляющая рука надо мною, и твой взоръ на мнѣ, и я засыпаю съ Богомъ, съ тобой, и какъ покойно сплю... и, говорятъ, тихо, тихо, не слыхать совсѣмъ, и часто улыбка на лицѣ, и мнѣ сладокъ сонъ, сладко сновидѣнье! Александръ, страдала и я на семъ свѣтѣ, много страдала, ангелъ мой, много свидѣтелей моему страданью, хотя я не призывала ихъ, и сонъ мой былъ тяжелъ, и я часто просыпалась отъ испуга, отъ страданья, но благодарю *ихъ*, благодарю за все!

Теперь ни облачка, да и въ тебѣ нѣтъ ужъ той жгучей боли, которая съ бумаги зажигала и мою грудь, отъ которой и мнѣ было такъ больно, больно... О, слава Богу! Послѣ 3 марта все исчезло мрачное; кромѣ блаженства и грусти тихой, святой — нѣтъ ничего. Прощай, спи съ Богомъ, благословляю тебя. Ну, благослови-жъ ты меня—хоть взоромъ, если не рукою, засыпаю, прощай.

31-е, четвергъ. А въ самомъ дѣлѣ, мой другъ, хороша я была и въ 35 году: любовь твоя иногда прорывалась, но я и не думала, что это любовь, я не хотѣла любви твоей, а любила тебя, и какъ! Встану чѣмъ свѣтъ, уйду гулять одна, но не одна, ты со мною, весь день со мною, поздно со мною, и во снѣ со мною. Помнишь, какъ написалъ ты только въ отвѣтъ на то, что я, «забывъ говорить, высказала все», пишешь: «да, Наташа, и на что были слова, я понялъ все». Какъ теперь помню, какъ, прочитавъ, залилась слезами и выбѣжала въ рощу, чтобъ скрыть восторгъ. «Понялъ», повторяла я, но никакъ не думала, что ты понялъ мою любовь ясно.—умъ и мысль далеко отстали отъ души и сердца. Мнѣ даже

какъ было непріятно, что тебѣ сказали, что я огорчилась (вскорѣ послѣ взятія); я получила отъ тебя записку 26-го августа, 1834 года, первую, и ты пишешь: «я слышалъ, ты очень огорчилась, услышавъ обо мнѣ,—это недостатокъ вѣры въ меня и въ Провидѣніе». Не знаю, отчего я боялась доказать тебѣ мои чувства, боялась малѣйшаго твоего вниманія, или потому, что мнѣ свободнѣе было *любить* тебя, какъ объ этомъ не знали ни я, ни ты. Какъ мнѣ странно было, что ты съ такимъ стараніемъ, съ важностью говорилъ объ Ал. Сергѣев.,—стоило сказать слово.

Ночь. Давеча прервали меня. Вечеромъ получила письмо отъ 23-го, а и на то еще не все отвѣчала.

Ночь, 31-е четвергъ. Письмо отъ 23-го—огромное письмо! Главное, Медвѣдева. Несчастіе то и поставило ее первою подлѣ меня послѣ тебя. Пусть она презрѣла меня, отвергнетъ и дружбу и самую молитву, — я *доведу* ее до того, что она отдохнетъ со мною, что не на письмѣ, а душою назоветъ меня сестрою. Ты пишешь: «ея жизнь брошена на съѣденіе людямъ», — отнимемъ же ее у нихъ! Вылечимъ раны, нанесенныя ими, дадимъ ей свѣтъ, блаженство и вознесемъ къ Богу. Дѣти ея мнѣ жалки болѣе ея, потому что *мы* имъ теперь ничего, имъ нужно меньше, нежели *мы*, и мы не можемъ помочь. Ежели бы у меня было что, я все бы отдала *имъ*, а не *ей*, ей нужны только мы, Александръ! Ангелъ мой, послушай, я до сихъ поръ имѣла какую-то глупую гордость, — желала, чтобъ у меня не было ни копейки, ни нитки *въ приданое*, это глупость, я думаю. Нѣтъ, *дай Богъ*, чтобъ Ал. Ал. отдалъ мнѣ десять тысячъ, тогда всѣ до копейки отдадимъ дѣтямъ Медв., только я боюсь, не обидѣлась бы она, какъ же сдѣлать, чтобъ она не знала? Немного сдѣлаешь помощи имъ этими деньгами, но хоть сколько-нибудь, только ее я боюсь ужасно, она не докажетъ, но это тяжеле ей будетъ холодности. Никто объ этомъ не долженъ знать. Теперь я въ состояніи *просить* у него эти деньги,—какъ ты думаешь, отдастъ онъ? Свое я отдала бы ему, но теперь ужъ онѣ не мои, онѣ ихъ, этихъ несчастныхъ малютокъ, ежели не кусокъ хлѣба ихъ, такъ хоть игрушка, и я ее не уступлю ни за что на свѣтѣ.

Къ письму отъ 20-го. До Ѳоминой буду ночевать у княгини въ спальнѣ. Ну, ежели этотъ пріѣздъ *теперь* секретъ, такъ буду ждать, когда онъ будетъ не секретъ. А въ самомъ дѣлѣ, мудрено, не могу догадаться, да вѣрно и ты не могъ догадаться сначала, *какъ* вмѣсто мгновенья мы можемъ пробыть вмѣстѣ 6 часовъ, а это такъ же легко, какъ проспать шесть часовъ. Объ Левашовой не знаю, — узнаю. Матвѣю дамъ сама поцѣловать руку, а это слишкомъ много! я *даю* только *своимъ*, другіе берутъ насильно.— Ну, скорѣй къ послѣднему письму. Да, еще: совсѣмъ я предисловіе не забыла, а только не написала объ немъ, оно чудесно! Да отчего ты меня такъ часто величаешь безпамятной? И 20-е іюля у меня твердо, какъ «Отче нашъ». Я его описала, какъ еще ты былъ въ Кр[утицахъ], и отдала эту тетрадку, постараюсь достать, мнѣ самой интересно видѣть себя между 20 іюля и 9 апрѣля. Къ письму! къ письму! Ей Богу, Александръ, я не знаю, *что дѣлать;* благодарить ли Его — и самая молитва мнѣ кажется такъ недостаточна, такъ мала; да приметъ Господь это *незнаніе*, — оно выше благодарности, благодарность измѣряетъ, въ незнаніи я теряюсь. Не испугайся, не столько любовь восхищаетъ меня, какъ твое возвышенье, но ужъ я, право, не знаю, что и говорить. Пусть льются слезы, можетъ, онѣ болѣе скажутъ Ему и тебѣ.

Итакъ, я храмъ, ты фундаментъ,—но храмъ тебѣ, въ немъ все совершается тебѣ, ты, какъ Богъ. живешь въ этомъ храмѣ. Что-жъ такое фундаментъ? Какъ фундаментъ есть тотъ Духъ, которому безпредѣльное поклоненіе даже выразилось матеріально — храмомъ? *Растолкуй* мнѣ. Да, радуюсь, радуюсь, ангелъ мой, но не тому радуюсь. что я приведу погибшую овцу домой, а тому что *ты идешь* туда, съ этой-то радостью ничто не можетъ сравниться,—величи душа моя Господа!

Благодарю тебя за поздравленіе съ 25 мартомъ! — Я написала свою московскую жизнь у пап[еньки] и петерб[ургскую] точь въ точь, не прибавлено, не убавлено, и я дивлюсь, какъ все это сохранилось у меня въ памяти,—или всѣ помнятъ такъ свое дѣтство? Какъ пріѣдешь, отдамъ тебѣ тетрадку такъ, какъ есть, не переписанную, вовсе некогда, перепишу, какъ буду у тебя. Начальная жизнь у княг[ини] такъ тяжела и утомительна до Emilie, что мнѣ совѣстно *за нихъ* и за всѣхъ писать ее. и тяжко за себя; все-то это надо снова перечувствовать, перестрадать, оплакать, а я ужъ не могу теперь отдаться такъ этимъ воспоминаньямъ, и потому, я думаю, выльются вяло, безъ жизни. А каково тебя писать, напримѣръ, какъ ты былъ въ 31 году у Татьяны Петровны на именинахъ; да главное, нѣтъ время вспоминать даже. Ужъ съ нѣмецкимъ языкомъ надо распроститься, время такъ мало, что дѣлать нечего; я думаю *тогда* станетъ и на то, и на другое?

1-е апрѣля. Не можно ли будетъ писать портретъ, какъ я буду ночевать внизу? Да, вотъ что еще меня останавливаетъ, — вспомни, что до половины 8 часа надо, чтобъ живописца не было и духа; мнѣ легко встать въ 5 часовъ,— но что же сонную напишутъ меня; и потомъ еще — пріятное будетъ выраженіе: страхъ, чтобъ не взошла М. С., а это легко можетъ случиться, она ходитъ въ залу рано, тамъ буфетъ. Рѣшишься ли ты видѣть меня безпрестанно едва проснувшуюся и ожидающую М. С.,—я не рѣшусь. Emilie писала также свой портретъ; я *измучилась*, всѣ ахали: какъ похожъ, какая поэзія и вся ея,—что же? Съ безумными глазами. съ глупой улыбкой! Вообще бы ненадо снимать съ меня портрета, я все буду бояться, что живописецъ сдѣлаетъ не похоже, изуродуетъ, и буду на портретѣ боящаяся,—ну, что-жъ намъ дѣлать? А готическія кресла— они не къ лицу будутъ мнѣ, и я буду имъ не къ лицу; я бы желала, чтобъ при тебѣ снимали портретъ, тогда бы сняли *меня.*

Скоро представленіе пап[енькѣ] въ первый разъ послѣ 12 февраля, я не желаю, не боюсь—все равно! Я даже не знаю, обрадуетъ ли меня много его совершенное позволеніе,—и безъ него соединеніе наше! Порадуемся только за него.

Удивительно, Александръ, посмотри, какъ все связывало насъ даже съ самаго дѣтства, только мы не замѣчали этихъ связей: Василій Вас училъ тебя и меня, тогда мнѣ былъ 9-й годъ; онъ всегда приносилъ отъ тебя поклоны и разсказывалъ о тебѣ. я ужасно его любила; потомъ Т. П., она могла бы много сдѣлать для меня, да не хотѣла; съ моимъ стремленіемъ учиться, съ этой жадностью. такъ сказать, и вѣрно единственнымъ прилежаніемъ (другихъ заставляютъ другіе, я заставляла сама себя), она не хотѣла заняться, даже лишала многаго, диктуя, бывало, все время свои сочиненія, и сто разъ переписывая ихъ. Изъ любви къ ней, я дѣлала все и не тяготилась. но жертва была велика. Первой ей ты протянулъ руку, первую ее я назвала другомъ. Потомъ Пас.—я рѣдко ихъ видѣла, но вѣрно любила Людмилу не меньше твоего, вѣрно за твои похвалы, но никогда ни за что не могли меня увѣрить въ твоей *любви* къ ней, и помнишь изъ

Крас. я писала объ ней — совсѣмъ не отъ себя, а Emilie заставила спросить тебя: тогда *я ее утѣшали* все. что Люд. тебѣ любить нельзя. Потомъ Emilie мнѣ была то же, что тебѣ, переходъ, мостъ.

Вотъ, какъ я увѣрена была въ тебѣ, что, когда говорили о Мед. — Богъ знаетъ что говорили—я не писала тебѣ и не написала бы, ежели бы ты не началъ, ничему не вѣрила. хотя люди говорили, которымъ я вѣрю. — Каково, ангелъ мой, когда разсматриваю *всю* мою жизнь,—въ ней ничего нѣтъ, кромѣ любви, никого, кромѣ тебя. «А друзья?» скажешь ты. Они сосуды, въ которые необходимо было отливать любовь, пока она не излилась къ тебѣ.

1-е апрѣля. — Какъ ты пріѣдешь. я прочту тебѣ письмо мое къ Сашенькѣ (третьей), писанное 22 августа 1834, черезъ мѣсяцъ, какъ тебя взяли,—любовь, любовь, болѣе которой не можетъ быть, но тогда я писала, скрывая болѣе половины, боясь, что отецъ ея прочтетъ. Мнѣ было пріятно почти черезъ 4 года увидѣться съ собою — съ твоею сестрою, пламенно тебя любящею. Досадно, я много писала (тогда свободнѣе было), но не довѣряла никому, боялась и сама перечитывать и жгла всѣ мои фантазіи. полныя тобою. иногда-жъ, не вынося чувства нераздѣльнаго, писала неясно, загадками въ письмахъ къ кому бы то ни было (изъ *равныхъ* мнѣ). Отдѣльно со вниманіемъ пересмотрѣть каждую мысль,—ни одной не найдется безъ тебя. все полно тобою Вдругъ иногда, увидѣвшись съ тобою, пріѣхавъ домой, я пишу огромное письмо. иногда отошлю Emilie, иногда изорву. Теперь мнѣ жаль всѣ эти документы. они засвидѣтельствовали бы *невѣроятное.* Я такъ полюбила свою жизнь, такъ дорога мнѣ ея малѣйшая бездѣлица, что жаль пропустить даже ничтожность; кажется, если-бъ свобода,—я написала бы огромный томъ. Письма я возьму съ собой на гору, какъ ты пріѣдешь въ Загорье, прочтемъ ихъ. но не знаю до нихъ ли будетъ; я писала тебѣ. что и говорить мы выучимся со временемъ. Не сердись, что почеркъ дуренъ, — тороплюсь.

Вечеръ. — Наканунѣ твоего рожденія мнѣ смерть было грустно, но какъ же я боялась грустить, боялась, чтобъ эта грусть не донеслась къ тебѣ. а, можетъ, она-то и была твоя грусть. Я почти не слыхала всенощной, я старалась слушать, то долго стоя не перекрестясь, то долго простершись на землѣ. Я не могла ни просить Его, ни благодарить. слишкомъ много блаженства. а тебя нѣтъ.

Я думаю, вотъ какъ будетъ: доживемъ мы до Загорья. это лѣто будетъ единственное въ нашей жизни. Прежде тебя ожиданье, послѣ—воспоминаніе. и на самое то мѣсто буду ходить молиться съ разсвѣтомъ. Осенью — право, мнѣ кажется, что ужъ меня не будетъ здѣсь. какъ будетъ снѣгъ. Довольно намъ будетъ и 3 марта и Загорья, но куда-жъ дѣть то, что не вмѣстится въ нихъ. О! еще останется много, много. Нѣтъ! зимой ужъ меня здѣсь не будетъ! — Да, я удивляюсь, какъ ты сидѣлъ тогда такъ прямо. смотрѣлъ такъ прямо. — я никакъ не могла... Александръ, мы умремъ отъ любви!

Хорошо, другъ мой. что ты одинъ, скорѣе разслушаешь мой голосъ, скорѣй разглядишь меня, въ Вяткѣ заглушали, затмевали. Теперь просторъ — слушай! смотри! Можетъ, наша Вятская сестра получитъ наши письма въ самый праздникъ, можетъ, они утѣшатъ ее, — дай Господи!

Увидишь, увидишь и спящую, я засну хоть въ Загорьѣ (я думаю!) на твоей груди. Дай намъ, Богъ, вмѣстѣ заснуть вѣчнымъ сномъ. Да какъ же иначе? Дивенъ. чуденъ мой Александръ! Задумалась бы о тебѣ и продумала бы всю вѣчность. Ну, цѣлуй же. цѣлуй. Богъ съ тобой, Наташа съ тобой.

10 часовъ вечера, 2 апрѣля, суббота, Москва. Торжество! торжество!

Ангелъ мой, всѣ поужинали, всѣ спятъ, я не ужинала, я не сплю, я съ тобою; кн[ягиня] въ восхищеніи, что я у нея ночую,—она теперь думаетъ, что я сплю, я въ восхищеньи отъ этого. Свобода—о, какъ мнѣ весело, не боюсь, что кто-нибудь придетъ, рука не дрожитъ. Александръ, когда-жъ я съ тобой встрѣчу Свѣтлое Воскресенье? Господи, это не ропотъ, это не скорбь, это любовь, любовь. Прости! Вѣрно и ты одинокъ, люди далеко, суетятся, имъ не до тебя, не до нихъ и намъ, поговоримъ же, другъ мой, сегодня ровно мѣсяцъ — помнишь? Давеча я такъ живо все представила: въ 6-мъ часу получила твою записку, до того поразила она меня, что я даже не обрадовалась, говорятъ, страшна я была, Саша и Аленушка не отходили отъ меня и твердили только: «берегите себя». Спустя, очень долго спустя, я стала всматриваться въ эту мысль, и разсмотрѣла только половину до 7-го часа утра,—такъ огромна она была! Да что-жъ нѣтъ тебя со мною, что-жъ я не у тебя Александръ—на тотъ годъ вмѣстѣ? А согласись, что мы никому не можемъ сдѣлать этого вопроса, какъ самимъ себѣ и Ему, вѣдь, мы ничьи, свои, Его. Я говорю *вмѣстѣ*. Что скажешь ты, что скажетъ Онъ? Вообрази, гдѣ, нибудь, можетъ во Владимірѣ же, тоже 10 часовъ вечера, тоже ненастье, тоже люди безъ ума, тоже наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія—только мы не тѣ же! Передъ нами бумаги нѣтъ, вмѣсто пера мы держимъ руку другъ другу, вмѣсто дали взоръ потонулъ въ родномъ взорѣ, и небо отверзто, и пѣснь наша сольется съ пѣснью ангеловъ. А помнишь, ты намъ съ Emilie говорилъ, что мечтать не надо? Въ саду, лѣтомъ, глядя на мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ, уста мои чисты, святы; что касалось ихъ, что выходило изъ нихъ,—одна любовь, одна любовь, иногда ропотъ и вслѣдъ за нимъ раскаянье. Многіе цѣловали меня, многихъ цѣловала я, но это *такъ*, безъ души, я смѣло скажу: до 3 марта, до твоего поцѣлуя уста мои касались *одного сосуда* и съ нимъ ты спорить не станешь. Да, впрочемъ вотъ странно! я какъ будто этому дивлюсь,—что-жъ удивительнаго, что необыкновеннаго? Какъ же можетъ быть иначе, и одна ли я? Наконецъ, ты заставишь меня удивляться въ себѣ и самому обыкновенному. Когда мысль — у ней же такъ много крыльевъ, она же такъ перегнала быстротою молнію—не касалась другого сосуда, кромѣ Его, кромѣ тебя, что-жъ дивиться устамъ? Александръ, да промолви словечко, становится тяжело... Погоди же, я напишу немного Сашѣ Б.; какъ рѣдко и къ ней пишу, у насъ во все нѣтъ сообщенія, каково ей, мнѣ все легче, а она... Нѣсколько строкъ написала и опять къ тебѣ! но что-то не пишется. Какъ хочешь, другъ, а письмо дѣлитъ, тутъ такъ твердо убѣжденъ, что розно, что далеко, что не слышишь, а непремѣнно надо писать. И потомъ убійственная мысль, что этотъ листокъ еще долго не донесется къ тебѣ, что тогда, какъ ты будешь читать его, думы будутъ другія, все другое, и ты читаешь не то, что есть со мною, а прошедшее.. Перо выпадаетъ изъ рукъ... Мечты же — о! Онѣ не говорятъ: «его нѣтъ, онъ далеко, онъ не слышитъ». О, нѣтъ, онѣ на свѣтлыхъ крыльяхъ мчатъ тебя и ставятъ передъ глазами, ихъ силой ты говоришь, смотришь, ты живой, живой, какъ 3 марта; ихъ силой исчезаетъ именно все, что *есть*, и осуществляется то, что будетъ, или даже и не будетъ.

Долго, долго сидѣла задумавшись, читала письма... Вотъ ужъ во мнѣ ничему нѣтъ предѣла,—люблю ужасно, безпредѣльно, Медвѣдеву! люблю, какъ никого не люблю послѣ тебя, и какъ же мнѣ не любить ее такъ,—кто страдалъ болѣе, кто любилъ тебя болѣе? Стало, кто пойметъ меня болѣе? Напишу ей, пусть все отвергнуто,—не могу не любить ее!

Скоро 12 часовъ. Во снѣ ли видишь ты меня, или на яву? по воздуху ли посылаешь свою любовь, свою грусть. или изливаешь ее на бумагѣ? Я не знаю этого, но я *чувствую*—ты со мной! О! разсѣкается мгла... все трепещетъ... вотъ ужъ ангелъ у гроба... ты ближе, ближе. Александръ, груди наши растворяются... Александръ, души летятъ изъ тѣла... летятъ... летятъ... ближе слились!.. Вотъ слеза съ неба на землю, вотъ лучъ оттуда—вотъ 12 часовъ, вотъ колоколъ,—вотъ Христосъ Воскресъ!

30 марта, середа. [Владимiръ].

Поэма моя «о себѣ» оканчивается. Дальше 9 апрѣля она не должна идти. Да, это поэма юности, и она хороша, юноша ее не прочтетъ хладнокровно, жаль, что *по многому* не вездѣ все сказано. Въ IX главѣ описана студентская оргiя и прогулка; Бога ради, не смѣшай часть ихъ съ обыкновенными выходками иронiи, о, нѣтъ. Ты не знаешь этотъ шумной, пламенной водоворотъ *разгула*, представить его трудно: бурный вальсъ высокихъ идей и плоскихъ остротъ, вдохновенныхъ рѣчей поэта и bavardage пьянаго. Но все это вмѣстѣ имѣетъ *свой* изящной отпечатокъ, даже со всѣми шалостями, какъ описано. Я перелистываю и радуюсь: ничего темнаго, ничего пошлаго, моя юность прошла хорошо. Мнѣ надобно было уѣхать за 1000 верстъ отъ Воробьевыхъ горъ, отъ 20 iюля и 9 апрѣля, чтобъ опьянѣть отъ заразительнаго дыханья толпы и усыпить душу. Но что за дивная, святая поэма вливается въ мою жизнь — твоя. Жду твоихъ писемъ. какъ ждалъ отъѣзда изъ Вятки. Это будетъ твоя любимая статья, пишешь ты, это само собою такъ быть должно, для тебя не покажется мелочью всякая подробность. входящая въ составъ цѣлаго, эта жизнь бурная, порывистая, которая искала во всей вселенной цѣли, — вдругъ останавливается, бросается на колѣна передъ дѣвой, отрѣшается отъ всего и ставитъ ея любовь вмѣсто всѣхъ огромныхъ призраковъ, звавшихъ ее сильнымъ голосомъ. Моя жизнь необходимое предисловiе къ моей любви. А твоя,—я боюсь выразить всей мысли, но оно такъ,—она выше Евангелiя для меня, какъ голубое небо граничитъ съ самимъ Богомъ, такъ и жизнь твоя. Еще о томъ же: 20 iюля я тебя заставилъ говорить не совсѣмъ такъ, слово въ слово, но замѣть мысли и даже выраженья взяты изъ *твоихъ писемъ*. Наташа, мы жили? Многiе ли могутъ сказать это. Тамъ, въ Загорьѣ, твой Александръ прочтетъ свою жизнь и броситъ ее къ твоимъ ногамъ, его жизнь до 9 апрѣля одинъ пьедесталъ, одна ступенька, которой коснулась нога твоя, чтобъ стать во весь ростъ. О, мой благодатной, прелестной ангелъ, что было бы со мною, ежели бы вычесть изъ жизни 20 iюля и 9 апрѣля?? (3 марта уже слѣдствiе).

Вечеръ. Отроду первый разъ я сегодня исповѣдовался. Холодно пришелъ я въ церковь, холодно взошелъ въ алтарь. Первое, что тронуло меня, это прекрасныя черты священника. «Вѣруете ли въ Бога?». Вѣрую. «А что такое вѣрить», спросилъ с., быстро и проницательно взглянувъ на меня. Душа моя раскрылась. пламенно отвѣчалъ я и его душа оставила формализмъ. Бесѣда сына и отца полная любви вышла изъ исповѣди; я ему сказалъ обѣтъ, которой я далъ себѣ при выѣздѣ изъ Вятки (и которой скажу тебѣ *тогда*), онъ съ удивленiемъ взглянулъ на меня и, молча обращая взоръ къ небу, сказалъ: «Господи, укрѣпи раба твоего Александра»! Мы разстались чуть не со слезами. Итакъ, вотъ первой человѣкъ во Владимiрѣ. Я ему тутъ передъ алтаремъ Божiимъ говорилъ о тебѣ, мнѣ это необходимо было, я оживаю. когда могу говорить о тебѣ. Онъ сказалъ,

что ежели вѣнчаться здѣсь, то нужно только свидѣтельство отъ твоего духовника и мое удостовѣреніе,—больше ничего. Это прелесть. Не дивна ли христіанская исповѣдь: заставить обнажить человѣка душу значитъ заставить его смириться, просить прощенія, а когда человѣкъ можетъ быть выше, какъ не прося прощенія у брата? Иду спать. Прощай, милой, милой ангелъ, завтра надѣну браслетъ. Ну, посмотри на меня долго,—вѣдь, впечатлѣть твои черты тоже молитва, съ ними я христіанинъ, съ ними достоинъ причащаться. Natalie! Написавши твое имя, какъ будто я очень много сказалъ, больше, нежели словами могу, да ты и прочтешь въ своемъ имени, писанномъ моей душой (а не рукой), все, что я хотѣлъ. Благослови же меня на сонъ чистый и святой.

31 марта, четвергъ. Ангелъ мой, сегодня ничтожный [1]) случай привелъ меня въ восторгъ, въ умиленіе. Я причащаюсь, за мною маленькая дѣвочка, хорошенькая; когда мать ее подняла, она сказала ея имя, и это имя Наталія. Я остался на своемъ мѣстѣ, не отступалъ далѣе и съ восторгомъ взглянулъ на небо. Вѣдь, оно ничего, разумѣется (ничего *по ихъ* значитъ то, что не приноситъ рублей, пользы), но почему же изъ двухсотъ именъ, которыя безпрестанно слышались, встрѣтилось у потира—Natalie, то имя, которымъ я молюсь, твое имя. Ты пишешь въ прошломъ письмѣ: «Да и будетъ ли будущее?». Зачѣмъ это сомнѣніе? Нѣтъ, послѣ 3 марта моя вѣра незыблема. И отъ кого же зависитъ наше будущее—отъ Бога и отъ насъ. Богъ можетъ скоро одного изъ насъ позвать,—тогда другому здѣсь нѣтъ будущаго. Но Богъ этого не сдѣлаетъ, Онъ знаетъ, что есть еще рай и молитва на землѣ. Онъ въ награду тебѣ покажетъ всю прелесть земного бытія, Онъ въ награду тебѣ оставитъ меня. Вѣрь, Наташа, вѣрь, я не могу себѣ дать отчета, но громкой голосъ говоритъ въ душѣ, что скоро настанетъ огромной день нашей жизни, высшій, святѣйшій, день, въ который представитель Христа именемъ Бога уничтожитъ двухъ человѣкъ, чтобъ создать одного ангела. Потиръ изъ металла, онъ земляной, грубой, но вотъ въ него налита святая кровь, и онъ святъ; такъ и я, какъ сосудъ земной, буду святъ, когда благодать Бога Наталіей сойдетъ въ него. Вѣрь!—Сегодня три года, какъ читали сентенцію.

1 апрѣля. Пятница. Напиши къ Ал. Ал. письмо о твоихъ деньгахъ, скажи ему просто, въ чемъ дѣло, и пусть онъ ихъ пришлетъ на мое имя во Владиміръ. Пожалуй, и я напишу ему, nous sommes de bons amis. Это полезно, потому что, ежели онъ найдетъ препятствіе исполнить, то уже на него и не считать. Пришли мнѣ адресъ его. Каковъ вашъ приходской свящ[енникъ], выдастъ ли онъ то свидѣтельство, о которомъ я писалъ? Послѣ Загорья нечего больше ждать. Да, заставь Emilie думать, ты не умѣешь, у тебя одинъ талантъ любить. Письма еще не приносили.

Знаешь ли, какимъ новымъ огромнымъ блаженствомъ наградилъ меня Богъ: я почти всякую ночь вижу тебя во снѣ, и проснусь со слезою радости, опять засну, и опять ты. Прежде я очень рѣдко видѣлъ тебя и сердился. Дивны эти сны, они отдыхъ для тоскующей души. Сегодня сонъ былъ страшенъ, ты сидѣла у окна, я стоялъ возлѣ тебя. Вдругъ что-то сверху обрушилось на тебя, холодной потъ выступилъ на мнѣ, я проснулся, задыхаясь отъ испуга, потомъ засыпаю, и что же? Ты съ улыбкой мнѣ говоришь, что это ничего, и я плакалъ, прижавъ голову къ твоей груди. Ангелъ, ангелъ!

[1]) Очень глупо это, совсѣмъ не ничтожный случай (2 апрѣля).

Письмо! Письмо! Я всегда получаю на другой или на третій день—счастливѣе тебя. Итакъ, ты отрекаешься отъ своихъ талантовъ, у тебя только любовь. Такъ отречься можетъ и христіанство, въ немъ ничего нѣтъ — только любовь! А Богъ — развѣ не одна любовь. Ты выгодно промѣняла таланты! Ты пишешь 29-го числа, что послѣднее письмо мое было отъ 19-го, стало, одно пропало на почтѣ, потому что пап[енька] уже 25-го получилъ мое письмо отъ 22-го. Напиши, есть ли письмо отъ 22-го.

Дорога напрасно тебя стращаетъ, опаснаго мало, а только много безпокойнаго; тѣмъ не менѣе ты слишкомъ поторопилась перейти къ княгинѣ; я писалъ, что время отъѣзда не отъ меня зависитъ, и сверхъ того, то лицо, съ которымъ бы я поѣхалъ, не захочетъ 170 верстъ туда и 170 назадъ толочься, какъ въ ступѣ, по прескверной дорогѣ. Я не обѣщаю. Загорье наше, тутъ и тѣни сомнѣнья нѣтъ, назначь сама число, и я въ Царицынѣ. Мнѣ очень хочется увидѣться съ пап[енькой],—авось либо я что-нибудь и сдѣлаю. Не то, приглашаю Васъ заплатить мнѣ мой визитъ 3 марта и будущій во Владимірѣ; освобожденья не дождемся, и не для чего, здѣсь мы лучше проведемъ первые мѣсяцы, совершенно одни, вдабавокъ здѣсь не по Вятски, кругомъ дивная природа. На это нужны деньги (прозаическая сторона, подкладка!); тысячъ пять я достану, будетъ довольно, а ежели еще твои пришлютъ, такъ и чудо. Что, трепещетъ душа при этой близости, Наташа?! Даже эти матеріальныя подробности, какъ птицы на морѣ, говорятъ о близости материка, утренній вѣтерокъ уже говоритъ о разсвѣтѣ.

Какъ все шумитъ, суетится, скоро праздникъ. Ты писала мнѣ два года тому назадъ, что тебѣ было досадно смотрѣть на этотъ шумъ и хлопоты, съ которыми толпа встрѣчаетъ праздникъ. Зачѣмъ же ты взяла прозаическую сторону,—нѣтъ, я съ восхищеніемъ смотрю на эту бѣготню. Что такое двигаетъ эту массу, что мѣняетъ бытъ, занятія,—религія, она у грубыхъ выражается грубо, *но это она*. Новымъ платьемъ, лишнимъ кушаньемъ они чествуютъ воскресеніе Христа, все же лучше холоднаго эгоиста съ своимъ равнодушіемъ. Вотъ ночью ударилъ колоколъ, и усталой работникъ, и больная старуха, и ребенокъ бѣгутъ въ церковь, оставляютъ сонъ, покой... зачѣмъ? Молиться, обрадоваться вѣсти о воскресеніи, *вмѣстѣ однимъ человѣкомъ* встрѣтить Свѣтлой праздникъ. Я часто смотрю на какую-нибудь старуху или солдата, какъ онъ молится въ церкви чудотворной иконѣ, какъ цѣлуетъ ее въ пяти разныхъ мѣстахъ. Это идолопоклонство, такъ! Но что было бы съ его душою, ежели бы не было этого чувства? Толпа—ребенокъ, мало понимаетъ, много чувствуетъ. Мнѣ нравятся эти приготовленія, это ихъ поэзія; сверхъ того, праздниками они отвлекаются отъ душной, угарной жизни въ нижнемъ этажѣ человѣчества. Но ты тогда и не писала о толпѣ, а объ чужеядныхъ растеніяхъ дома ея сіятельства.

Вечеръ поздно. Ну, вотъ и переписана тетрадь «О себѣ» и кончена почти, не достаетъ двухъ отдѣленій: Университетъ и Молодежь. Но этихъ я не могу теперь писать, для этого мнѣ надо быть очень спокойну и веселу, чтобъ игривое воспоминаніе беззаботныхъ лѣтъ всплыло, это напишу тогда. Крутицы, сентенція и 9 апрѣля — все есть, много сильныхъ мѣстъ, вдохновенныхъ, однако и шалости не забыты, повторяю: не могу разстаться съ дурачествами ироніи; мнѣ всегда кажется, что ничѣмъ нельзя оскорбить глубже толпу, какъ къ прелестной мадоннѣ повѣсить ея пьяную, неуклюжую рожу, какъ, говоривши часъ языкомъ человѣка, заговорить на минуту ея языкомъ. Ба, вотъ тебѣ замѣчаніе: сейчасъ взглянулъ на твой пакетъ и ставлю тебѣ на видъ, что знакъ восклицанія на

пакетахъ не ставится. Опять глупость. Я или мраченъ, или глупъ,—когда-жъ я бываю хорошъ? А вотъ *тогда* буду хорошъ. Меня мучитъ, зачѣмъ ты долго не получаешь писемъ моихъ, и не могу понять отчего. А о портретѣ ты уже и не поминаешь.

Суббота, 2 апрѣля. Встрѣчай весело, мой ангелъ, праздникъ, оттолкни все черное, и нашъ праздникъ скоро придетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, посторонніе, жалѣя тебя, всегда забываютъ любовь мою, развѣ она не закрываетъ поцѣлуемъ каждую рану, сдѣланную булавкой. Они смотрятъ на наружную жизнь, забывая, что смыслъ и важность наружнаго въ душѣ. Насчетъ моего пріѣзда ничего не могу сказать. Слѣдующее письмо будетъ отъ 5-го, въ немъ, должно быть, напишу обстоятельно. А досадно, зачѣмъ ты перешла, я воображаю, ужасъ какъ скучно въ сіят. спальнѣ. Да, кстати! я не токмо не надулся отъ твоихъ замѣчаній о дурной дорогѣ, но поцѣловалъ это мѣсто. Ты права,—любовь сочиняла молитвы. Ангелъ мой! Однако ты не воображай, что убѣдила меня, секунды не остановлюсь за дорогой,—это другое дѣло. Когда я ѣхалъ въ Пермь въ 1835 году, я скакалъ 1500 верстъ по аду, рѣки въ разливѣ, дороги избиты, ледъ, грязь, ямы,—и что за награда Гавріилъ Кирилловичъ Селастенникъ, Пермскій губернаторъ. А отъ Владиміра до Москвы нѣтъ ни одной большой рѣки, нарочно не утонешь, нѣтъ горъ, и вдобавокъ 17 часовъ ѣзды.

Ѣдетъ ли Emilie на Кавказъ? Это досадно! Кто же тогда за насъ подумаетъ, вѣдь, и я не мастеръ, и беру на себя только достать денегъ, священника и везти тебя. Прощай, мой ангелъ. Поцѣлуемся.

Твой *Александръ.*

12 часовъ ночи. Суббота. Наташа, Наташа, ангелъ мой! проснись, раскрой твои прелестные глаза, твой Александръ будитъ тебя. Слышишь, вонъ раздался первый ударъ. Торжественно, плавно льется онъ изъ мѣдныхъ устъ, воздухъ ликуетъ. Священная, таинственная драма Его страданій окончилась. Человѣчество, иди молиться искупленью. Пойдемъ же и мы, передъ Нимъ только ты, я долженъ былъ взглянуть на тебя. *Наташа, будущую Пасху мы встрѣчаемъ вмѣстѣ!*

3-е, утро, рано.—Какъ радостно я встрѣтилъ нынѣшній праздникъ, гдѣ же это болѣзненное Вятское отчаяніе? О, сколько выше настоящее и сколько выше сталъ я самъ. И у насъ сегодня воспоминаніе большое: мѣсяцъ тому назадъ, въ этотъ часъ ты склоняла голову къ моей груди. Наташа! лобзаніе христіанина тебѣ отъ Александра и чистый поцѣлуй брата, и пламенный поцѣлуй жениха твоего. Весела ли ты? Развѣ мы не вмѣстѣ встрѣтили праздникъ? Фу!.. Фу!.. Люди... Взглянулъ въ окно, партію колодниковъ въ цѣпяхъ гонятъ въ Сибирь... Зачѣмъ сегодня, зачѣмъ въ самый благовѣстъ къ обѣднѣ? Три года тому назадъ и мнѣ назначено было ѣхать въ первый праздникъ, а Огаревъ и поѣхалъ. Здоровъ ли ты, другъ, что твоя Марія?—А вспомнилъ и онъ обо мнѣ. Какъ счастлива наша жизнь. Со всякимъ днемъ Александръ дѣлается достойнѣе тебя, т. е., больше любитъ, смотри же—не роптать больше. Скоро, скоро наша Пасха, наша мистерія. Да, тайной голосъ мнѣ говоритъ, что скоро. А въ прошломъ году я былъ печаленъ, 9-е апрѣля не могло отогрѣть души, а 3-е марта горитъ внутри, какъ это солнце, горитъ весело. О, невѣста! Какъ прижалъ бы я тебя опять къ *твоей* груди!.. Постороннихъ здѣсь нѣтъ потому именно, что всѣ посторонніе; цѣлой день съ тобою буду, съ твоею лентой, съ твоимъ браслетомъ. Только теперь прощай, ѣду къ губернатору.

12 часовъ, 3-е апрѣля.— Архіерейская служба. Литургія—поэма, гіероглифъ, какъ тѣсно изящное съ религіей. Видала ли ты въ этотъ день архіерейскую службу,—вѣрно нѣтъ, и жаль. Вотъ четыре дьякона несутъ въ четыре конца міра по Евангелію, каждой развертываетъ, каждой читаетъ, а благословляетъ Онъ—намѣстникъ. Все склоняется передъ нимъ, все трепещетъ и цѣлуетъ руку. Но смотри, вотъ этотъ мощный поверженъ въ прахъ передъ Тайной, поверженъ въ прахъ передъ клиромъ, вотъ онъ выходитъ изъ алтаря, и въ землю кланяется мнѣ и проситъ прощенья. Алтарь открытъ, вотъ намѣстникъ причащаетъ стадо избранное, вотъ сѣдой іерей преклонилъ колѣна и принимаетъ чашу воспоминанія. Изъ алтаря несутся звуки,—это пѣснь четырехъ стариковъ, ихъ голосъ дрожитъ, но душа ликуетъ, пѣснь ихъ коснулась народа, и громкое, торжественное «Христосъ Воскресе» льется. Но пѣснь стариковъ слабая, у престола, предупредила. Теперь уже нѣтъ другого слова у народа, на все отвѣчаетъ онъ: Христосъ Воскресе. Наконецъ, одно изъ торжественнѣйшихъ мѣстъ, это когда архіерей выходитъ съ крестомъ, онъ идетъ, какъ Гесперъ съ востока, говоритъ всему западу «Христосъ Воскресе!» Весь западъ тысячью голосами подтверждаетъ, говоритъ югу, подтверждаетъ югъ, говоритъ сѣверу — подтверждаетъ. Наташа, неужели толпа не понимаетъ этой поэзіи? О, нѣтъ, масса понимаетъ все поэтическое; но вмѣстѣ возьми въ частности, гдѣ имъ понимать,—а визиты, а дрянныя заботы объ одеждѣ, о мелкомъ соперничествѣ!

Я *чувствую* тебя сегодня возлѣ, ты тутъ, ты мнѣ улыбаешься. Рожденье мое шло мрачно, отчего же нынче весело? Наташа, ужъ не исповѣдь ли? Помнишь, какъ меня возстановила въ Вяткѣ молитва? Ей Богу, мы счастливы безъ мѣры, такъ проникнуть другъ друга, такъ слиться, нѣтъ!.. Наташа, похристосуемся еще разъ, три поцѣлуя должно быть. Я готовъ плакать, смѣяться... все, что хочешь.

Мѣсяцъ тому назадъ я несся по снѣговой полянѣ, душа была *оглушена* блаженствомъ, я спалъ крѣпкимъ сномъ подъ крикъ ямщика, шумъ бубенчиковъ и подъ ухабы. А образъ твой носился передъ моими глазами. Господи! въ ту минуту, когда ты перерѣжешь нить моей жизни, когда я, долго смотрѣвши на нее, закрою глаза,—молю тебя, тогда чтобъ въ душѣ явилась опять она, чтобъ послѣднее біеніе сердца было отъ восторга, что ангелъ смотритъ на меня, что ангелъ такъ хорошъ. Улыбка будетъ на моихъ устахъ, тогда склони твою голову на холодную грудь и... и не плачь, умри или молись, а плакать ненадобно, мнѣ будетъ шире, свѣтлѣе. Это не мрачная картина *на нашемъ языкѣ*, я продолжаю. Тогда хотѣлъ бы я, чтобъ ты не разлучалась со мною, хотѣлъ бы, чтобъ на томъ холму, гдѣ будетъ мое тѣло, была бы твоя келья, ты будешь приходить вечеромъ, и душа моя будетъ слетать къ тебѣ, ангелъ благодатной!

Вотъ тебѣ и маленькое горе рядомъ съ сегодняшнимъ вдохновеніемъ. Полковникъ, который хотѣлъ меня привезти, уѣхалъ на всю Святую въ деревню, и, стало, до Ѳоминой и отвѣта не узнаю я. Потерпимъ, потерпимъ еще,—вѣдь, это страстная суббота, пробьетъ 12, и черная риза замѣнится бѣлой. Знаешь ли ты, что есть возможность, проведя въ блаженствѣ, въ раю, три утра въ Загорьѣ, на четвертое ѣхать. Странно, я трепещу, содрогаюсь при этой близости, грудь не выноситъ столько! Готова ли ты, ежели возможность представится? Я писалъ пап[енькѣ], что, такъ какъ онъ не согласился на обрученье, то и я несогласенъ ждать; вотъ мое объявленіе войны, а, можетъ, и мира. Не забудь, душа моя, все любимое тобою передать Сашѣ, мнѣ даже не хочется пересылать письма свои

1835 года. Вѣдь, скоро, ангелъ, скоро. Да вѣришь ли ты этому, какъ я вѣрю, всей душой?

Сегодня поздно вечеромъ придетъ твое письмо отъ вчерашняго утра; это будетъ мой дорогой гость въ Свѣтлый праздникъ. Я поцѣлую его, прижму къ сердцу — такъ, какъ поцѣловалъ бы руку, которая писала, глаза, которые смотрѣли на эти строчки.

Смотри, вотъ на улицѣ два цѣлуются. Христіанство выторговало сегодняшній день у людей, — они братья, они сорвались съ пыльной дороги эгоизма, воскресли! Но грубая душа будетъ къ вечеру опять въ грязи. Ну, пусть бы они сами сравнили чувство, съ которымъ они сегодня цѣлуютъ, и то, съ которымъ они завтра будутъ тѣснить. Богатой въ золотѣ, нищій въ лохмотьяхъ цѣлуются, да это оттого, что нѣтъ богатаго и нищаго, что это нелѣпость. Что церковь до того добра, что принимаетъ *богатаго*, что она забываетъ его стяжанія, его безчувственность, и ставитъ рядомъ съ любимымъ сыномъ — нищимъ. Давеча, когда религія блистала во всей пышности, я думалъ, — дивно бы было намъ вѣнчаться при этой пышности. Этого желалъ бы я не для зрителей, не для *партера*, а для насъ. Желалъ бы высокую церковь и огромную, духовныхъ въ золотѣ, множество свѣчей — и пустую церковь притомъ. Пусть не встрѣтится намъ ни одинъ взглядъ, которой обращенъ на мой фракъ и на твою прическу. Друзья — о, они на мѣстѣ тутъ съ своей улыбкой, это херувимы, которые будутъ намъ пѣть. Послѣднее желаніе (чтобъ никого не было) сбудется, ежели вѣнчанье будетъ такъ, какъ я предполагаю. Моя любовь къ пышности имѣетъ поэтическое начало, душѣ хочется простора и величія. На полѣ, подъ шатромъ Божіимъ, я счастливъ, а небольшая комната давитъ потолкомъ, стѣнами. Узкая жизнь похожа на рамы: черныя полосы по свѣту, то ли дѣло цѣльныя стекла. Повѣришь ли ты, что ежели бы вельможи жили въ крестьянскихъ избахъ, они были бы вдвое хуже, поэзія богатства подымаетъ ихъ. Всетаки она поэзія и, слѣдственно, изящна! Чины и ордена — вотъ ужъ это совсѣмъ неизвѣстная область для моей души, потому что тутъ, кромѣ надменности, ничего нѣтъ. Хорошо мнѣ говорить, вѣдь, я кавалеръ голубой ленты, ленты святой Наталіи. Любовь повязала мнѣ ее, на ней виситъ не ключъ, а жезлъ, которымъ я буду отженять все нечистое. Прощай еще разъ, поѣду обѣдать къ губернатору.

3-го вечеръ, поздно. [Владиміръ].

«Свѣтлое Воскресенье было темно для меня», писала ты въ прошломъ году; въ нынѣшнемъ оно для меня свѣтло, стало, и для тебя. Да, 1838 годъ, съ перваго часа своей жизни, ярко отдѣлился отъ прежнихъ, теперь онъ обозначился: *это важнѣйшій годъ нашей жизни* — благословеніе ему! Земля опадаетъ больше и больше. Цѣлуй руку Провидѣнія, не окончившаго ссылку въ 36 или 37; вотъ, какъ мы, суетныя дѣти, не понимая воли Отца небеснаго, ропщемъ. Мы не должны были соединиться прежде, — это такъ же ясно, какъ то, что теперь мы должны соединиться. Еще двѣ огромныя побѣды въ моей душѣ. Во-первыхъ, я равнодушенъ сталъ къ прощенью: Владиміръ, Неаполь — все равно: ты будешь со мною. Чѣмъ независимѣе человѣкъ можетъ стать отъ людей, тѣмъ выше. Во-вторыхъ, вопросъ, о которомъ я тебѣ писалъ много разъ, служить или нѣтъ, вовсе исчезъ, онъ больше, нежели разрѣшился, — уничтожился; что за дѣло, иди, куда поведетъ Тотъ, который привелъ къ Наталіи, и иди твердо. — Наташа, мо-

жетъ, тебѣ приходитъ въ голову, хорошо ли мы поступаемъ относительно *ихъ*. Ненадобно увеличивать ихъ «сентиментальности». Княг[иня] тебя любитъ (?), но она хотѣла потопить тебя нѣсколько разъ въ глупѣйшемъ бракѣ. Съ ней будетъ обморокъ—понюхаетъ спирту, будетъ два—пуститъ кровь, и тѣмъ кончено. Пап[енька] разсердится, но обморока съ нимъ не будетъ, будетъ недѣлю бранить всѣхъ, погруститъ и... и, увѣряю тебя, проститъ. Въ прошломъ письмѣ онъ мнѣ пишетъ, что хочетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ только «дружескій совѣтъ». Дружескій совѣтъ не султанскій фирманъ, одно изъ главныхъ правъ его—быть неисполненнымъ. Ты должна княг[иню] немного приготовить, щадя ея 80 лѣтъ, потомъ написать письмо съ чувствомъ и съ чувствомъ собственнаго достоинства (тогда, вѣдь, ужъ это будетъ письмо отъ *моей* Наталіи). Довольно важная вещь въ этомъ не погубить кого-либо изъ людей; для этого, во-первыхъ, должны знать не больше двухъ (кто не зналъ — правъ), но и двухъ ненадобно безъ крайности выдавать. Мудрено мнѣ теперь хлопотать о Сашѣ, но вѣритъ ли она моему честному слову? Не написать ли мнѣ къ княг[инѣ]? и когда? Это зависитъ отъ тебя. Ежели-бъ я былъ въ Вяткѣ, деньги лежали бы ужъ на столѣ, здѣсь нѣтъ знакомыхъ, и потому надо ждать мнѣ ихъ съ мѣсяцъ. На дняхъ повидаюсь еще съ моимъ священникомъ, душою расположенъ я къ нему, видно ему и быть іерофантомъ таинства. Письма еще нѣтъ.

Понедѣльникъ, 4 апрѣля. Послѣ обѣда. Получилъ, душа моя, твои письма до субботы. Вѣрю, что мы умремъ отъ любви, очень вѣрю, она до того будетъ насъ очищать, что и клочка тѣла не оставитъ, до того поднимать, что мы очутимся на небѣ. Насчетъ денегъ Медв. мысль хороша: но ее не теперь исполнить, послѣ, гораздо послѣ, теперь это ужасно, это въ самомъ дѣлѣ, что-то вродѣ *отставной любовницы*, а она горда и благородна. Не думай, чтобъ я не заботился и прежде объ этомъ, но рѣшилъ такъ: одно время можетъ дать право тебѣ (а не мнѣ!) сдѣлать ей подарокъ. — Почему не найдется человѣкъ, который бы ее любилъ, который бы призвалъ ее къ полной жизни, она достойна ея, въ ней столько поэзіи, деликатности и 26-ой годъ. Жанъ-Поль въ своихъ повѣстяхъ представляетъ юношу, любящаго чисто, свято, увлеченнаго на мгновеніе женщиной; я, краснѣя и блѣднѣя, читалъ; но юноша душою остался чистъ, а я съ угрызеніями... Наташа, неужели и я чистъ, неужели я искупилъ? Нѣтъ, я еще не дочиталъ этой повѣсти; теперь онъ признается своей Беатѣ въ гнусномъ поступкѣ — письмомъ, точно такое же положеніе. Одно хуже для него: онъ не былъ въ ссылкѣ, а былъ въ томъ же городѣ.

Со всякимъ днемъ открываю въ тебѣ новые таланты для штатской службы,— хочешь учредить архивъ изъ писемъ; не токмо совѣтникомъ, прокуроромъ тебѣ губернскимъ.. только во Владиміръ—bitte, bitte!

Ты пишешь, что спишь спокойно и съ улыбкой, стало, ты крѣпко спишь, ежели могутъ входить къ тебѣ въ комнату, вѣдь, не сама же ты смотришь на себя во снѣ. Меня соннаго никто не видалъ, я какъ черкесъ, или какъ собака: дохни человѣкъ въ моей спальнѣ, коснись ногой до полу, и я проснулся, исключая, разумѣется, возвращенья съ Вятскихъ баловъ, гдѣ шампанское льется рѣкою; тогда по головѣ можно ходить, —не услышишь. Я вообще сплю не тихимъ сномъ, весь размечусь, и часто конвульсіи пробѣгаютъ и будятъ; неугомонная, *победная* головушка и тутъ видна. Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, надо имѣть много рѣшимости, чтобъ быть невѣстой безумнаго, какъ я. Правда, но порядочные люди, благомыслящіе и здравомыслящіе, не умѣютъ любить, а безумные умѣютъ.—

«Объ Левашовой не знаю, узнаю». Думалъ, думалъ, и рѣшился прибѣгнуть къ Вамъ, Н. А., какой смыслъ этихъ словъ твоего письма?—Тетрадку о 20 іюлѣ непремѣнно достань и пришли.

Что ты въ послѣднемъ письмѣ пишешь о Тат. Петр., вполнѣ показало мнѣ мелкость ея, послѣднее мѣсто потеряла она въ моемъ сердцѣ; какой холодной, себялюбивой эгоизмъ заставлять переписывать дрянь, т. е., *ея сочиненія.*

Вечеръ, поздно.—«Меня будущей зимой здѣсь не будетъ» итакъ, святая вѣра въ будущее проникнула и въ тебя. Да, не будетъ. Еще разъ думай о Загорьѣ, откуда мнѣ легче тебя взять. А послѣ что? Что ни было бы. Жду только твоего отвѣта, въ письмахъ замолчу и буду дѣйствовать. Пиши же къ А. А. Представить я себѣ не могу, чтобъ черезъ два-три мѣсяца ты была моя, со мною. Пожалуй, первый разъ я въ Загорье пріѣду видѣться, а потомъ за тобой, замѣть: 1) отъ 29 іюня (Петровъ день) до 1 августа — тутъ превосходный день 20 іюля, день моего взятія, день начала нашей любви, 2) отъ 15-го августа до сентября—тутъ 26 августа,—мнѣ лучше нравится 20 іюля. Да, ты вѣришь ли что это не бредъ, что это сбыточно? Однако, погоди предаваться, почемъ знать, что будетъ. Очень дурно, что у меня здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, на котораго бы я положился. — Далѣе о твоемъ письмѣ: ты начинаешь любить свою жизнь, даже свое лицо (не хочешь сонной портретъ), и во всемъ этомъ ты любишь меня, ты во мнѣ нашла Наташу и полюбила ту дивную, святую, которую я люблю: о, ты можешь меня ревновать къ этой Наташѣ, — она — ангелъ, она—ты!

Ко мнѣ ходитъ иногда *съ почтеніемъ* молодой гимназистъ лѣтъ 15—16; есть способности, таланты, но дурное направленіе, искальное, узкое и бѣдность. Сегодня утромъ онъ началъ спрашивать смиренно и уничиженно моихъ совѣтовъ насчетъ занятій. Я былъ въ духѣ, и вдругъ съ огнемъ, жаромъ, поэзіей представилъ ему все высокое призваніе человѣка, науки, —я чувствовалъ, что моя рѣчь сильна. Потомъ я пошелъ одѣваться въ другую комнату; возвратившись, засталъ юношу на томъ же мѣстѣ, щеки горятъ. «Боже мой, сказалъ онъ, вы въ нѣсколько минутъ дали другое направленіе моей жизни, бѣдно, бѣдно прошедшее, о, я вамъ буду благодаренъ. Вы счастливы, потому что ваша жизнь какъ-то необыкновенна и вашъ взоръ высокъ, силенъ. Завидую вамъ... Что мнѣ дѣлать?!» — Извольте, сказалъ я, вотъ мой совѣтъ: во-первыхъ, берегите, какъ высочайшую святость, нравственность и чистоту,—это главное; жертвуйте наукой—философіи, а философіей—религіи, читайте природу больше книгъ. Тотъ ли бы совѣтъ далъ ему я два года назадъ. Это ужъ твой Александръ дѣйствуетъ. Что бы ни было съ этимъ юношей, онъ не забудетъ моего урока. Впрочемъ, ежели замѣчу въ немъ путь, поведу его далѣе (а не буду заставлять чистить сапоги, переписывать статьи,—это Т. П.). Да, одиночество опять вливаетъ въ меня мощность, которую я имѣлъ въ Крутицахъ, я тамъ былъ силенъ,—9 апрѣля ты видѣла это. Вчера послѣ обѣда у губ[ернатора] заговорили о Витбергѣ и начали его бранить. Я всталъ и разгромилъ ихъ, но съ такой силой, что никто не дерзнулъ прямо возражать.

Ну, покойся же, мирно, кротко, ангелъ, во снѣ тебѣ пусть предстанетъ Александръ съ тѣмъ взглядомъ. Прощай. Ну, нельзя сказать, что я мало пишу, je cherche vos bonnes graces, parce que vous êtes ma promise. а какъ будешь совсѣмъ моя, да будемъ вмѣстѣ, меньше буду писать. Виноватъ, опять глупость, натура-съ!

Передъ Загорьемъ и гораздо возьми у священника свидѣтельство на гербовой бумагѣ о лѣтахъ и о томъ, что греко-россійской вѣры, онъ самъ долженъ знать форму. посовѣтуйся съ Егор. Ив., и пришли мнѣ; ежели будетъ не такъ составлено, успѣете перемѣнить. Да, хорошъ ли священникъ?

11 часовъ. Вторникъ, 5 апрѣля. — Посылаю твою любимую записку, чтобъ ты не безъ нея встрѣтила 9 и 10. Меня еще не жди. Сегодня думалъ, ежели-бъ не тѣ отношенія, я выписалъ бы сюда Медв., — она дивно устроила бы намъ все. А я понимаю, что нуженъ еще 3-й человѣкъ, который бы разсуждалъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе Загорье, и оттуда ѣхать вмѣстѣ.

Ну, каково было свиданье съ пап[енькою]? Пусть дурно, — тѣмъ вольнѣе мнѣ.—А какова Полина и Скворц.? Ни строки, развѣ сердятся, да за что; покуда я былъ въ наличности, не ссорились, ну, какъ же я могъ, уѣхавши, рассориться; это ужъ похоже на то, какъ меня засадили въ Кр[утицы] по дѣлу праздника, о которомъ я не имѣлъ понятія. Ахъ, кстати! Знаешь ли ты, что въ самое время праздника ты была со мною, да — 24 іюня въ саду, Огаревъ былъ и Сазоновъ. Прощай, желаю веселиться—*подъ Новинскимъ*. Матвѣй земно кланяется и благодаритъ, а я—просто цѣлую, цѣлую тебя.

4-е, утро, 7-й часъ. [Москва].

Сколько пережила я вчерашній день,—это ужасъ. Что за грусть! Не стану ужъ писать о ней, она опять разстелется туманомъ на твою душу. Не спрашивай и отчета, я не умѣю дать его и себѣ. *Ты* грустенъ — и довольно этого, слишкомъ довольно, чтобъ помрачить меня совершенно. А еще какъ сверхъ этого... Вчера и вечерня не помогла, я люблю церковь, когда пусто, не мѣшаютъ молиться, а тутъ духота, и толпа смотритъ въ глаза, это еще болѣе утомило меня, и въ княг[ининомъ] домѣ толпа, и въ домѣ Божьемъ толпа, — куда-жъ дѣться? Къ тебѣ? Ты грустенъ. Къ себѣ—нечего и говорить! Но всетаки къ тебѣ же. А тутъ цѣлой вечеръ преглупой... Ну, что-бъ я написала тебѣ?—я *боялась* писать и легла спать. Что *теперь* ты? Неужели также мраченъ, неужели и теперь?.. О, нѣтъ, мой Александръ! Вѣрно тебѣ жаль меня стало, вѣрно ты ясенъ! 7-й часъ... Молишься? Легче, легче становится... легче! Дивной мой! Ангелъ, не огромно ли наше блаженство? Чего намъ еще? Обнимемся, — теперь ты ложись, хорошо уснешь. А я напишу тебѣ о вздорѣ. Ужъ такъ меня занимаютъ мало эти мелочи, что я забыла тебѣ написать, что Миницкой всѣми средствами (черезъ М. Ст.) вымолилъ опять позволеніе ѣздить и ѣздитъ. Должно быть, онъ глупъ, изъясняетъ *свою любовь* М. С., мнѣ ни слова,—и я ни слова. Пусть скажетъ,— и я скажу. Вчера кн[ягиня] сказала Льву Ал., что онъ сдѣлаетъ предложенье; онъ на это отвѣчалъ: «дай Богъ». А какъ она стала совѣтоваться, какъ и что, онъ ни слова, и все время молчалъ. Миницкой былъ и у него. Вѣрно, и эта вереница жениховъ льститъ твоему самолюбію... Не можетъ быть, потому что они всѣ дрянь.

Послѣ обѣда. — Александръ, приходило тебѣ когда въ голову это? — Вообрази, мой другъ, мы родились съ тобой въ одномъ домѣ, въ одной церкви, говорятъ, крещены, можетъ, въ одной купели. Только сегодня я сдѣлала открытіе, что у насъ въ домѣ есть старушка, которая все это знаетъ. Навѣрно, тебя меньше займетъ Жанъ-Поль, нежели занимаютъ меня эти разсказы,—все, все, какъ ты былъ малюткой—о, мой Александръ. все это такъ велико, свято для меня.

Давеча былъ Алексѣй Серг.—счастливые люди!

Полечу ли я туда ждать тебя—нѣтъ! Всѣ мои грустныя минуты,— все, все зависитъ отъ тебя, Александръ; когда ты грустенъ (не отъ разлуки), вотъ мнѣ тотчасъ и придетъ въ голову,— да что-жъ я могу здѣсь? Полетѣть бы туда, тамъ бы умолить Бога... И истинно, въ эти минуты я, кажется, улетѣла бы, но Онъ не беретъ, Онъ знаетъ, что я еще нужна тебѣ здѣсь. Дивно, дивно, мой ангелъ, наше 3 марта. Когда душа доступна его вліянью, оно чудесно. Вчера ее заволокло совсѣмъ тучей, я право не знаю, отчего,—вѣрно, ты очень грустилъ. Но лишь тяжело вздохнешь, — вспомни наше яркое, лучезарное... Я невольно улыбаюсь, когда вдругъ мелькнетъ передо мною твой образъ, помнишь, какъ тогда—восторгъ, одинъ восторгъ выражался... забыто все! Кажется, съ этой улыбкой взошла бы на крестъ. Чего не перенесешь за 3 марта! Чего не перенесешь, ожидая его въ будущемъ. Хорошо мнѣ, душа моя... а тебѣ?

Эти комнаты такъ сдѣлались для меня святы, что я бы рѣшительно никуда не желала ступить ногою, выключая церковь, — туда часто, для того чтобъ на свободѣ, не будучи прерываема *домашнимъ*, думать о тебѣ. И вотъ до сихъ поръ желаніе мое исполнялось, нигдѣ, нигдѣ не была я съ 3-го марта, кромѣ церкви, но скоро надо будетъ ѣхать, ужъ бы я какъ-нибудь отдѣлалась, да хочется видѣть маменьку. А, признаюсь, къ папенькѣ что то *неловко* мнѣ ѣхать, не хочется тяготить собою, онъ ужъ вѣрно не желаетъ меня видѣть, а потомъ за тебя больно будетъ униженіе. Ежели тебѣ все равно,—мнѣ все равно, ѣду. Что-нибудь очень важное должно совершиться съ нами въ скоромъ времени, — я предчувствую.

Вечеромъ. Сидѣла въ толпѣ... Какъ рвется къ тебѣ душа, Александръ! Я бросилась наверхъ, хоть слово написать тебѣ. Ангелъ мой!

Ночь. Что ты чувствовалъ въ 7 часовъ? Я стояла передъ папенькой и для тебя неудивительно съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, торжественно; я желала бы, чтобъ ты видѣлъ меня въ эту минуту, желала бы также, чтобъ видѣлъ и папеньку. Онъ достоинъ былъ, ангелъ мой, твоего взгляда, божусь тебѣ, никогда такъ ласково, никогда съ такою пріятностью не принималъ меня. Не вини его, не виноватъ онъ, въ немъ борется *отецъ* съ *Иваномъ Алексѣевичемъ*—ясное доказательство. Отецъ *не запрещаетъ, благословляетъ*, онъ радуется счастью *сына*,—эта радость сіяла давеча въ его лицѣ. Иванъ же Алексѣевичъ не можетъ согласиться, потому что онъ членъ свѣта, а свѣтъ наполненъ приличіями. И оба они правы? Мнѣ чрезвычайно весело, радуюсь за него, ежели я не обременила его, притворяться такъ невозможно, и на что? Итакъ, мой Александръ, не правъ ли онъ, отдавая Богу богово, Кесарю кесарево. *Отецъ* насъ благословляетъ, Ив. Ал. *не нашъ* и намъ ненужно его *согласіе*. Какъ было давно не понять этого. Давно пришла пора, что-жъ я не съ тобой? кто держитъ? Право, я въ восхищеньи отъ пап[еньки]; ну, посмотри самъ, онъ тоже скажетъ тебѣ.

Утро, 5-е, вторникъ. Ангелъ мой, сердишься ты на меня за то, что я такъ боюсь дороги? Сердись, пожалуй, а я все-таки буду бояться. Какъ я вчера сконфузилась: маменька спрашиваетъ, не пишешь ли ты мнѣ, что пріѣдешь, я думала, она не знаетъ, и сказала нѣтъ. Какъ же совѣстно было солгать, она же знаетъ. Да, довольно, довольно для 3 марта, но для всей жизни не довольно! Я не знаю, какъ бы выразить однимъ словомъ чувство, состоящее изъ необъятнаго желанія быть съ тобой и изъ необъятной покорности Божьей волѣ,—это нельзя

назвать двумя чувствами, они два, но такъ слиты, что между ними нѣтъ черты. О, мой Александръ, какъ не желать, какъ не желать, жизнь моя... О, какъ не желать? Какъ и не покориться. Услыши же молитву мою, Господи, и да будетъ воля твоя! Теперь я въ той же комнатѣ, на томъ же мѣстѣ,—какъ живо, Боже мой! Мнѣ что-то не вѣрится, что ты опять скоро здѣсь... опять, и сердце забьется, какъ до 3-го марта, еще сильнѣе... Да когда же?!

Перечитала твои письма съ февраля, 14-е ты пишешь: «или обрученье, или вѣнчанье *должно быть скоро!*». Ужъ не обрученье ли будетъ на Ѳоминой. Не знаю, право, а душа что-то предчувствуетъ огромное и волненье необыкновенно.

Александръ, ангелъ мой, о, какъ грустно, какъ хочется летѣть къ тебѣ,—да что-жъ я не съ тобой, что-жъ не съ тобой. О, несносное тѣло, оно держитъ меня такъ далеко отъ тебя, а душа рвется, рвется... о, какъ рвется, кажется, улетитъ.

Середа, утро. Ужо пошлю за письмомъ, отъ одной мысли душа играетъ, какъ солнце, а черезъ недѣлю... о, грудь, держись! Знаешь, что эти три дня я дѣлала: безпрестанно ходила взадъ и впередъ по залѣ, это прерывалось только пріѣздомъ кого-нибудь тоже сіятельнаго (а какъ темны эти сіятельные!) или приказаніемъ занимать *пришедшихъ*. Я не презираю, но утомительно—смерть! Потомъ ходить и ходить. То вдругъ тоска наляжетъ тучей, то вдругъ 3 марта засіяетъ солнцемъ, то рвусь къ тебѣ, то жду тебя. Ну, мой ангелъ, пока издали обнимемся, пока издали 3 марта.

6-е апрѣля, ночь. [Москва].

Цѣлое утро взоръ утомился безцвѣтными, безжизненными предметами, слухъ безжизненными, безсмысленными рѣчами, душа—ожиданіемъ письма. Положеніе это больше дремоты, но менѣе жизни; или восторгъ, или страданіе вырываютъ меня изъ этой духоты и ставятъ или съ сладкою слезою или съ горькою предъ Нимъ, рядомъ съ тобою, Александръ, а тутъ... Ну, словомъ, положеніе это утомительно, несносно именно тѣмъ, что его можно перенести. При первой возможности я бросилась къ «Еленѣ» выплакать слезы, прикипѣвшія къ сердцу. Сильно дѣйствіе ея на меня, ничто *писанное* не проникало такъ глубоко въ душу, а *истина* и *возможность* остальнаго до того растопили сердце, что оно лилось, лилось слезами... и мнѣ стало легче. Другую половину дня я провела хорошо, *мои* знаютъ, чѣмъ меня утѣшать, и всякой разсказываетъ всѣ подробности, какія только возможно удержать въ памяти, о тебѣ. Когда я не расположена говорить, заставляю ихъ, и все былое, кажется, повторяется на самомъ дѣлѣ. Ужъ насколько чужды мнѣ *они*, настолько теплоты въ каждомъ изъ самыхъ меньшихъ *моихъ*; то и другое безпредѣльно. *Тѣ* всѣми силами, всѣми желаніями, всею жизнью не принесли бы сотой доли того, что *эти* невольно, по душѣ приносятъ однимъ взглядомъ, движеніемъ. Кажется, имъ это свойственно, какъ дышать, какъ молиться.

Почтовой день прошелъ безъ письма и вечеромъ положилъ на грудь плиту тоски... Тяжела эта плита, тяжеле чугунной. О, ангелъ мой, за что-жъ... Прости, прости, Господи!

7-е, вечеръ. Въ теперішней моей жизни самое худшее время—большіе праздники: тутъ нѣтъ у меня и нѣсколькихъ минутъ свободы, стало, нѣтъ и отдыха. Ангелъ мой, жизнь моя, Александръ, спаситель мой. О, когда-жъ *наша* жизнь начнется??

Рано, 8-е, пятница. Другъ ты мой, ужъ какъ скоро Ѳоминая, а я ничего не знаю, будешь ты, или нѣтъ, и письма нѣтъ... и оттого все такъ дурно, такъ дурно... О, мой Александръ, о, мой ангелъ... О, какъ я люблю тебя! Ты знаешь, испыталъ это чувство, когда нѣтъ письма: душа полна только ожиданьемъ, и оно такъ туго запеленаетъ ее, что изъ нея не достанешь ничего. Какъ же прежде бывало доставало терпѣнья ждать цѣлую недѣлю, болѣе... О, Жанъ Поль правъ. правъ! Любовь не стоитъ, наша растетъ. И что за желанье, увѣреніе ли нужно? Я знаю, что половины не выразишь словами, знаю твою любовь, все,—что-жъ желать, чтобъ самая малая часть этого всего заключалась на маленькомъ листкѣ... Ну, пусть скажутъ—малодушіе, я скажу—любовь!

Славу Богу, я передала Мипицкаго на руки его кузинѣ, онѣ все для него же познакомились съ кн[ягиней], вчера были всей семьей; одна изъ нихъ —страдалица, знаетъ любовь, знаетъ ея наслажденіе и, *живя* 6 лѣтъ,—теперь безъ жизни влачитъ дни. Можетъ, она бы поняла *все*, но на что мнѣ было говорить все, я сказала, что нужно, и теперь не моя вина, ежели у него глаза не открыты.

Позже. Александръ! Да когда же освобожденіе изъ рабства египетскаго? Когда-жъ жизнь Сіона! Ты Сіонъ. Изстрадалась моя душа. Ангелъ мой, вообрази этотъ дивной, истинной апостолъ Павелъ Сергѣевичъ—вчера онъ былъ, и бесѣда его всегда высока, полна Христа, я сѣла бы у ногъ его и нѣсколько бы дней слушала, а *они* меня отгоняютъ отъ него, боятся, что онъ отвлечетъ меня отъ міра, что я пойду въ монастырь... О! давно-бъ, давно-бъ бѣжала я изъ этого гадкаго міра, но... но въ немъ же и Сіонъ!! И его, вообрази, другъ мой, и его бранятъ, его зовутъ невѣжей, безумнымъ. Я читала имъ о Пасхѣ, о томъ, что для того, кто ограничиваетъ ее 7-ю днями *веселья*, не воскресалъ Христосъ; *они* велѣли перестать, они прерываютъ чтеніе сужденіями о ветчинѣ, о пирогахъ, говорятъ, что ничего нельзя понять, что это ничего не значитъ. Господи! Нѣтъ, Александръ, силъ нѣтъ. Да когда же, мой небесный, мы будемъ жить жизнью небесной? Когда-жъ воскреснетъ намъ Христосъ? Боже мой, о, если-бъ одно наслажденіе было цѣлью соединенія съ тобой! А Онъ все знаетъ, Онъ видитъ цѣль... Ну, итакъ да будетъ же Его воля.

Бѣжимъ тогда, Бога ради, бѣжимъ далеко отъ міра, будемъ видѣться только съ Павл. Серг. и подобными ему, а отъ этихъ... Ангелъ мой, мнѣ страшно идти къ нимъ, я не могу видѣть ихъ, пойдемъ хоть вмѣстѣ, держась за тебя, мнѣ не такъ будетъ страшно. Александръ! Сіонъ!

9 апрѣля, субб., 6 час. утра. Милой другъ, вотъ нашъ торжественный праздникъ, ужо души наши сольются на томъ священномъ мѣстѣ, гдѣ онѣ узнали другъ друга впервые. Ужо письма—дай Господи! Ужасъ, какъ я устала эту всю недѣлю. Дивный день — мой ангелъ! поблагодаримъ за него еще Отца нашего, проведемъ его достойно, какъ *нашъ праздникъ*. Обнимемся, благословимъ другъ друга и отдадимся Ему еще разъ.

Прощай, молись. *Наташа* твоя.

Апрѣля 6-е, среда. [Владиміръ].

Cara sposa, вотъ тебѣ письмо отъ Медв... О, она стоитъ быть твоей сестрой, выше человѣка я не могу поставить, вотъ тебѣ доказательство, что она могла увлечь твоего Александра, потому что въ ней сильная душа. Но вотъ тебѣ и другое доказательство, что и думать нельзя о подаркѣ. Она пишетъ мнѣ:

«*Я начинаю* вѣрить въ твою дружбу только теперь, прежде я все принимала *за состраданіе*,—это мучило меня». Она получила твое первое письмо 25 марта, а второе, стало, 3 апрѣля! Ея совершенное исцѣленіе такое важное пріобрѣтеніе для насъ, которое и на вѣсы нельзя класть съ *родственными* непріятностями. Можетъ, была бы возможность ее взять къ намъ, но какъ бы то ни было это требуетъ силъ нечеловѣческихъ.

По несчастью, мое пророчество сбывается. Витбергъ разлаживаетъ съ своей женой. Это ужасно! Ежели бы ты знала всю небесную кротость, всю нѣжность этого человѣка и всѣ страданія его, ты прокляла бы презрительную женщину. Не даромъ я ее терпѣть не могъ. И она—послѣднее утѣшеніе несчастнаго, вотъ второй бракъ. Много разъ въ минуты досадъ я хотѣлъ обличить гадкое сердце ея, меня остановила Полина: «Вы убьете остальную радость въ его жизни», говорила добрая Полина. Теперь я раскаиваюсь. Тогда онъ голову склонилъ бы на грудь друга, я былъ бы ему сестра (не братъ, братъ холоденъ), сынъ; потомъ тихо, тихо сложилъ бы его голову на грудь его дочери, милой, прелестной дѣвушки. Понявши разъ, что она ненужна, женщина исправилась. Куда онъ склонится, когда непріятности будутъ чаще, сильнѣе. Медв. пишетъ, что онъ плакалъ *отъ жены*, и что она плакала, глядя на него, а та — ничего. Да зачѣмъ же онъ женился на ней, неужели по низкому влеченью обладанія женщиной молодой и красивой? Ежели такъ, не на кого пенять. Онъ увлекся, его душа безъ всякой хитрости, онъ дитя до сихъ поръ, и такимъ уйдетъ туда,—дай Богъ скорѣе. Наташа, я рѣшилъ: черезъ три мѣсяца ты моя, а ежели будетъ возможность—до Петровскаго поста. Положись на меня, пришли какъ можно скорѣе свидѣтельство. Священникъ есть, тотъ самый, о которомъ писалъ, мы поняли другъ друга. Помни же въ свидѣтельствѣ нужно: 1-ое, лѣта, 2-ое, о грекороссійской вѣрѣ, 3-е, о исповѣди, 4-ое и главное, печать церковная, на гербовой бумагѣ. Обѣщай священнику 50 рубл. Не будетъ ли кто такъ ловокъ изъ вашихъ людей, чтобъ взять эту бумагу. Аркадій, напр. Да увѣрена ли ты въ священникѣ; ежели нѣтъ, лучше адресоваться въ консисторію. Здѣсь все будетъ готово. Да, скажи Emilie, что какъ только я получу деньги, я пришлю ей рублей 1000 для того, чтобъ она, купила все нужное для тебя и тотчасъ прислала бы сюда. Подумай сама, принудь себя подумать. А главное — свидѣтельство, безъ него и думать нечего, съ нимъ все возможно. Не можешь ли ты гдѣ достать теперь денегъ для свящ[енника], пересылать тебѣ подозрительно. Ни Праск. Андр., ни маменька, ни кто не долженъ знать, одинъ Егоръ Ив. умѣетъ молчать, да ему немного говори, только крайне необходимое. Какъ получу твой отвѣтъ, подамъ рапортъ губернатору. Кетчеру дамъ предписаніе явиться къ Emilie. Пиши же къ Ал. Ал. о деньгахъ, пригодятся и онѣ. Не сердись, что цѣлая страница занята холодной прозой,—это необходимо.

Ночь. Нѣтъ ни малѣйшей нужды откладывать по 29 іюня, весь май нашъ. Устрой свидѣтельство какъ можно скорѣе и отвѣчай подробно и положительно. Теперь я не могу ничѣмъ заниматься, читаю—и не понимаю, думаю—и забываю о чемъ. Все поглотилось одной великой мыслью, о, отчего она не явилась прежде. Прощай, будь хранима Богомъ и любовью твоего Александра. Я лягу не спать, а долго, долго думать о томъ же.

7 апрѣля, четвергъ. Вечеръ. Мнѣ скучно, ангелъ, тоска... Утѣшь же меня взглядомъ. Наташа, милая Наташа—и мыслей нѣтъ... Вонъ тамъ на улицѣ льется разгульная пѣсня ямщиковъ,—она льется въ русскую душу, а давно я не слы-

халъ родного напѣва (въ Вяткѣ не такъ поютъ); все говоритъ, что Москва близко. Сегодня N. N. спросилъ меня: «Любили ли вы когда-нибудь?». А вы? «Много разъ, но я еще не расположенъ жениться». Нѣтъ, отвѣчалъ я, я не *любилъ*. Дуракъ не понялъ. Какая скука, однако же не имѣть ни полдуши, съ которой бы могъ подѣлиться. Пріѣхала какая-то дрянная труппа актеровъ, буду ходить всякой разъ. Это время теперь я не знаю, какъ убить, такъ. какъ нѣкогда мысль близкаго свиданья поглощала все, такъ теперь — мысль соединенія: ужъ возвратиться нельзя. До 1-го іюня ты во Владимірѣ. . Несется душа, фантазія развертываетъ крылья широко, широко, а писать не могу. Невѣста! Невѣста! Прощай, о, покойся съ Богомъ, чистое, святое созданіе, хвала Богу. Наташа — что ты дала Александру, давши себя, измѣритъ одинъ Онъ!

8, *пятница*. Опять разсвѣло на душѣ. Нѣтъ, нынче ужъ не повторяются эти грустные дни, недѣли жизни до 3 марта, которые дули, какъ ядовитые вѣтры въ Африкѣ, погашали полжизни и оставляли утомленнаго, измученнаго. Ихъ нѣтъ больше. Твои прелестныя письма отъ праздника. Наша симпатія доходитъ до басни, люди не повѣрятъ. Ночью съ 2 на 3-е ты писала ко мнѣ почти слово въ слово, что я тебѣ. Но зато въ праздникъ мы разошлись. Я весь день былъ въ восторгѣ, а ты грустила. Немудрено, я былъ одинъ, ты съ толпою. Тебя мучило какое-то предчувствіе. Я рѣшилъ окончить нынѣшнимъ лѣтомъ страданія! Получивъ твои письма, я былъ полонъ, полонъ восторга, схватилъ шляпу и побѣжалъ гулять, тамъ дочитывалъ я твою любовь по природѣ, кончивъ чтеніе по бумагѣ. О, какъ прелестны окрестности маленькаго Владиміра, это ужъ не Вятка, мрачная, суровая, осѣненная елями и соснами. Владиміръ спитъ въ садахъ и горахъ, разбросанной самъ по горамъ. Вотъ и ледъ ломается на Клязьмѣ, и все такъ живо, живо, солнце радостно свѣтило, а подъ ногами у меня (я былъ на горѣ) толпа народу веселая, пестрая, разодѣтая. Молча струилась вода изъ подъ снѣгу, время его владычества миновало, жизнь весны изъ цѣпи превращаетъ его въ воду для нитья новорожденной травы: она снѣгомъ, какъ грудью, кормитъ зеленыхъ дѣтей... А вотъ жаворонокъ, сильной рукою его бросилъ кто-то вверхъ, и я думалъ объ высокой литургіи въ первой праздникъ. Вотъ природа и человѣкъ въ изящномъ видѣ! Потомъ обратился къ себѣ: въ этомъ маленькомъ пространствѣ тѣла помѣщается блаженство, равное всей природѣ.— любовь, любовь, равная съ святостью религіи. Потомъ я воротился и, наоборотъ, принялся дочитывать природу по письму.— Ангелъ! Ангелъ! Ангелъ! Дай помолчать, есть минуты, въ которыя грѣшно писать. Ты ошибаешься, думая, что я не зналъ, что родился въ одномъ домѣ съ тобою, въ домѣ твоего отца (до твоего рожденія еще началась дивная мистерія нашей жизни, твой отецъ крестилъ меня водою, ты вторымъ крещеніемъ—огнемъ, обоихъ благословилъ онъ образомъ Александра, я родился въ благовѣщеніе Дѣвы, ты — въ день славы Дѣвы), и на это есть письменное доказательство. Въ Вятку привезли разъ множество картинъ отъ Даціаро; перебирая ихъ, я встрѣтилъ Тверской бульваръ и тотъ домъ, нашъ домъ. Я на фронтонѣ надписалъ твое имя и мое и подарилъ Скворцову. A propos, Скворцовъ и Полина удивительные люди: пишутъ изъ Вятки, что они пировали у себя 25 марта, одинъ тостъ и былъ за мое здоровье и пр., а молчатъ—не понимаю.

Рядомъ глупость (извините-съ!) въ твоемъ письмѣ: не льстятъ ли моему самолюбію женихи? Нѣтъ, они оскорбляютъ мое самолюбіе. Будетъ ли радоваться христіанинъ, ежели язычникъ въ его храмѣ съ восторгомъ взглянетъ на Мадонну, *какъ на Венеру?* Фу, это униженье! Ежели бы я узналъ, что какой-

нибудь юноша поставилъ тебя идеаломъ высокихъ, поэтическихъ фантазій, я обнялъ бы его, какъ брата, но женихи, женихи, открывающіеся М. С.,—ихъ надобно повѣсить!

8-го, позже.—Свиданье твое съ папенькой. Богъ все тебѣ далъ; но не далъ дурныхъ плодовъ дерева добра и зла, не далъ хитрости, оттого ты повѣрила ласковому слову; онъ со всякимъ письмомъ дѣлается холоднѣе, даже почти вовсе не пишетъ. Я со всякимъ письмомъ наступательнѣе: это кончится тѣмъ, что онъ вовсе перестанетъ писать, а я напишу ему: «вчерашній день Богъ соединилъ насъ». Нѣтъ, больше намъ нельзя дѣлать уступокъ изъ нашего рая. Исполни же *мое приказаніе* о свидѣтельствѣ. Остальное исполню я. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я напишу Егору Ив., но будетъ ли молчать священникъ? Но и тогда не бѣда, лишь бы бумага была въ моихъ рукахъ. — Да, вотъ еще что: твое обручальное кольцо (т. е., то, которое будетъ у меня) должно быть серебряное, а не золотое. Это древнее византійское обыкновеніе: женихъ—солнце, невѣста—луна! Я сѣверное солнце, но солнце. Ты сѣверная луна (знаешь ли, что чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ ярче луна).

Полковникъ не пріѣзжалъ. Ежели съ нимъ я не пріѣду, то явлюсь тотчасъ, какъ получу свидѣтельство. Нужно будетъ видѣть Кетчера,—и тогда не пойду ни передъ сіятельныя очи, ни передъ другія, а ежели съ полковникомъ, то остановлюсь дома и, само собой разумѣется, буду у княгини.

12 часовъ ночи.—Наташа! Вотъ мы у преддверія великаго дня, да не помрачитъ 3-го марта дивное 9-е апрѣля. Нѣтъ, этимъ двумъ днямъ не тѣсно въ нашей душѣ, о, нѣтъ, развѣ тѣсно на небѣ отъ Благовѣщенья, Преображенья и Воскресенья? Нѣсколько мѣсяцевъ была скована душа стѣнами, когда я взглянулъ на Москву и чуть не палъ со слезами на колѣна,—міръ земной въ пышномъ нарядѣ города показался мнѣ на минуту и спрятался. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и передъ одинокой, одичалой душой, явилась ты, міръ небесной сошелъ въ образѣ дѣвы къ узнику.—Ангелъ, до завтра.

Девятое апрѣля.—Лети въ мои объятія, голубь, не испугавшійся гибели, лети,—ты не испугалась будущихъ страданій и должна была прострадать три года: но вотъ и награда: лети, лети въ мои объятія, грудь моя пространна, ты будешь счастлива на ней. Пройдены три мрачныхъ года, благословимъ и ихъ, малодушно къ мертвымъ питать злобу.

А ты, чай, ждала меня, мой ангелъ,—чай, грустишь, что я не пріѣхалъ. Погоди нѣсколько дней, и увидимся, погоди нѣсколько недѣль, и не разстанемся до гроба, а въ гробѣ на минуту разлука,—что намъ другъ безъ друга дѣлать на землѣ. Скоро, скоро. Страшно вздумать, какъ скоро. Теперь я ужъ не спрошу, пугаетъ ли тебя участь голубя. Эта-то *участь* и подняла тебя такъ недосягаемо высоко, и, подымаясь, голубъ унесъ вверхъ и ракету, а между тѣмъ буйной огонь, которой бы разорвалъ ее, превратился въ кроткой пламень.

Наташа, ты велика, какъ Богъ!—А 3-е марта, какъ Святая Святыхъ виднѣется за Царскими дверьми, 9 апрѣля не можетъ все поглотить души, великой день за нимъ—великъ!

Прощай, милой ангелъ, отвѣчай тотчасъ насчетъ свидѣтельства и тотчасъ совѣтуйся съ Emilie. — спасай любимыя вещи. Въ концѣ мая, — ну, не прелесть ли, природа во всемъ цвѣту, и мы радостные, вѣнчанные посреди ея.

Сбылось твое предчувствіе въ первой праздникъ.

Твой *Александръ.*

[Москва], 9-е апрѣля, 12 часовъ утра.

Сейчасъ отъ обѣдни, но молитва не окончилась, сейчасъ твое письмо отъ 30-го марта.—Посмотри, взоръ мой влаженъ отъ слезъ умиленія невыразимаго, я пишу, преклоня колѣна, такъ я благодарила Его, такъ хочу назвать тебя, Александръ!.. Ангелъ!.. Мой Александръ! – Довольно, довольно, слезы льются, молитва льется. Ангелъ... Небесный отецъ! Зачѣмъ я должна встать съ земли... Боже! О, Александръ!

2 часа. Дивной, божественный женихъ! Ты можешь легко *вообразить*, другъ мой, въ какомъ теперь я восторгѣ. что выражаютъ глаза, все лицо, а мнѣ *пересказать* трудно и невозможно. Ну, вотъ до чего: можетъ быть, *сію минуту* кн[*ягиня*] *узнаетъ все*, а я спокойна, спокойна такъ, какъ бы была спокойна у тебя на рукахъ. Но это только *можетъ быть*; видишь ли, не знаю, право, отчего Милицкой влюбился *въ твою Наташу*, она, право, ничего не имѣетъ прелестнаго для *нихъ*, видно *такъ:* ну, только онъ влюбленъ до того, что не смѣетъ вымолвить передо мной слова, а открываетъ все М. Ст.; *ихъ* это восхищаетъ, и уже дано было согласіе; третьяго дня я сказала его кузинѣ (предостойная дѣвушка), что *люблю*, что это *еще* тайно, но скоро будетъ явно, и что отказъ полный каждому помыслившему жениться на мнѣ; потомъ, не называя его, я просила ее *заступиться* за меня. Теперь, ежели они не откроютъ тайну мою,—одурачатъ себя; ежели не захотятъ одурачиться, открыто все; онъ непремѣнно хотѣлъ быть нынче, а вмѣсто того прислали за М. Ст.—«крайняя нужда»; и вотъ ужъ можетъ рѣшено.—Въ сторону всѣ эти глупости, я только хотѣла доказать тебѣ, мой Александръ, какъ мгновенно ты вознесъ меня.—Всю недѣлю страдала я, и какъ же можно было не страдать... Ну, прости меня.—ахъ, Боже мой, какъ дурна я была, недостойна тебя. Одно оправданіе — любовь, любовь! Цѣлую недѣлю не получать письма, послѣ письма отъ 27-го, ты помнишь его? Сверхъ этого, ни минуты, ни даже возможности выкупить минуту отдыха... Да, все я виновата, очень виновата, будто недовольно одной мысли о тебѣ, о твоей любви, чтобъ быть совершенно спокойной... Суди меня, ангелъ, суди, право, виновата,—и прости, теперь я стою и прощенья и твоего взгляда, и твоего поцѣлуя. — О! какое блаженство! — Насколько я въ восторгѣ отъ любви твоей, настолько же и отъ тебя, Александръ: вѣдь, ты не подражаемъ, ты такъ великъ,—о, кажется, и постигнуть тебя не могу. Ну, чтобы больше, ангелъ мой, было для тебя, если-бъ я смотрѣла *на тебя* съ необъятной любовью, говорила бы и словами, и глазами, и поцѣлуями —люблю, или если-бъ я стояла на колѣнахъ далеко отъ тебя, опустя глаза, и ни слова, ни слезы, ни движенія? О, разумѣется, это больше: та любовь святая, безмѣрная, эта — любовь къ тебѣ. Да вполнѣ ли я стою тебя? На всѣ подобные вопросы одинъ отвѣтъ—*моя* любовь! Когда я смотрю на все прекрасное въ мірѣ, кромѣ любви, — ничего у меня нѣтъ! когда смотрю на любовь свою, — ничего нѣтъ въ мірѣ! Какъ не отозваться этому восторгу въ твоей душѣ, какъ теперешней моей радости не отразиться на тебѣ. О, вижу, вижу и улыбку, и слезу твою, вижу восторгъ твой, радость моя донеслась до тебя прежде, нежели я перенесла ее на бумагу; это увеличиваетъ мой восторгъ. Другъ мой, мѣры нѣтъ, мѣры нѣтъ,—вымѣряй яхонтъ небесъ, вымѣряй вселенную, потомъ любовь твоей Наташи.

Ночь. — Достойно провела я нынѣшній день, дивно праздновала его, весь восторгъ, весь молитва, весь ты! И потомъ съ нынѣшняго дня начались явныя

гоненія за любовь. Но мало, что-то глупо, я бы желала *настоящаго* гоненія. Наши люди, я показывала твой портретъ и восхищалась имъ, они пересказали это М. Ст., и вотъ она глупѣйшимъ образомъ, гадкимъ начинаетъ тѣснить, цѣлый вечеръ гнусные намеки. — Ты говоришь, чтобъ я не выносила обидъ, но, другъ, *обидно* обижаться *ихъ* обидами, онѣ такъ имъ свойственны, такъ натуральны, какъ коровѣ рога,—чтожъ мнѣ-то тутъ обиднаго. Видно было, что она приготовлялась говорить много, дыханье захватило у нея; когда открыла ротъ,— угрозой вздумала поразить меня, но *мое* всегдашнее спокойствіе, мое величіе, должно быть, поразило ее, она перемѣнила тонъ и «изъ дружбы совѣтовала не подвергаться безчестію». «Несправедливое обратится на тѣхъ, которые вздумаютъ покрыть меня имъ, а за истину я вынесу всякое гоненіе», отвѣчала я ей: она не поняла и окончила свое поученіе—«какъ хочешь». Видно, что онѣ робѣютъ, не смѣютъ, тѣмъ болѣе, что я такъ покойна и тверда. Рѣшеніе скоро, можетъ быть, наше предчувствіе исполнится. Мининкой *преступаетъ* окончить,—свиданье въ Загорьѣ, какъ звѣздочка въ солнцѣ, блѣднѣетъ въ соединеніи. Ежели не къ тебѣ, я не знаю, куда мнѣ дѣться. Духовникъ мой — приходскій священникъ, очень уважаю я его, но—истиннымъ моимъ духовникомъ не былъ никто, кромѣ тебя; можетъ, онъ и понялъ бы любовь, благословилъ бы, но надо время, чтобъ понялъ меня, а я всегда видѣла, что ему *не до того*. Не думаю, чтобы и свидѣтельство далъ, развѣ, какъ будетъ все готово, прямо написать ему; да ежели я напишу отъ себя, тоже можетъ не дать. Научи, какъ; объ остальномъ я и думать не хочу, все это такъ легко, такъ легко—какъ мигнуть. Деньги мои ужъ не мои, я писала тебѣ, теперь не для чего и хлопотать, *тогда* я напишу, чтобъ прислалъ. *Да на что намъ?* Мы видишь: къ небеснымъ благамъ приложатся и земныя сами собою. Пока занять. О! вырвется сердце изъ груди... занимается духъ... все это должно быть или до Загорья или въ сентябрѣ. —Въ письмѣ всего болѣе меня восхищаетъ твоя исповѣдь.

Ночь. — Вотъ и 10-е апрѣля, какъ живо три года тому назадъ. Ну, мой ангелъ, я только благословлю тебя сегодня, завтра разскажу, что думаетъ Emilie. Господь съ тобою, дивный мой. Ну, выносимо ли это: если не послушаться М. Ст. и не лечь спать,—вѣдь, погасить же придетъ свѣчу. Жалкіе... О, пора! да за чѣмъ же стало?—Я не такъ часто вижу тебя во снѣ, какъ прежде, и ни къ чему болѣе приписать этого не могу, какъ къ большему испытанію моего терпѣнія. Благословимъ другъ друга и обнимемся, поцѣлуемся,—засыпай съ Богомъ.

11-е, утро.—Emilie на Кавказъ не такъ скоро ѣдетъ, но этимъ лѣтомъ она хочетъ непремѣнно сперва проводить меня къ тебѣ. Ежели папенька позволитъ,— *хорошо*; но ежели ты не имѣешь надежды быть здѣсь (весной), то Emilie говоритъ: *ждать нечего*, она боится только бѣдности, и то только за тебя. Думая объ этомъ, она велѣла написать тебѣ, что ты избавленъ уже заботы о кухаркѣ и прачкѣ,—ей остается только немного доучиться этимъ искусствамъ, и она непремѣнно хочетъ черезъ мѣсяцъ послѣ вѣнчанія нашего пріѣхать служить тебѣ, и если-бъ ты видѣлъ, съ какимъ восторгомъ она говорила это... Люблю я видѣть, какъ высокія чувства поднимаютъ высоко надъ толпою существа, которыя доступны имъ: это было ея всегдашнее желаніе не разлучаться со мною, но никогда самоотверженіе не простиралось до такой степени; вчера нѣсколько минутъ были достойны твоего присутствія въ домѣ Сіятельн. *Наша* жизнь мнѣ представилась во всемъ величіи, во всей чистотѣ, отрекшаяся отъ міра и его условій, и его приличій, высокая, Христова, исполненная одной любви... Дивно!

дивно, мой ангелъ, и къ тому-жъ свобода,—да, тогда-бъ мы свободны были, позволеніе папеньки свяжетъ насъ. Думать, кажется, не о чемъ здѣсь, какъ только о свидѣтельствѣ; да, эта дума, стоитъ передъ нею стѣна невозможности. Ежели же кн[ягиня] узнаетъ (да хоть бы довели до того, чтобъ сказать, а то не къ чему?),—опять *хорошо*, я возьму бумаги, *свое*, и отправлюсь къ Emilie, потомъ къ тебѣ. Право, терпѣнья недостаетъ говорить объ обстоятельствахъ, даже слушая поученіе Emilie, я говорю: ну, довольно, довольно, рвется душа выше, выше туда, гдѣ ненужно ни позволенія, ни свидѣтельства, гдѣ мы и теперь неразлучны. Разбирая обстоятельства, ясно видишь, сколько верстъ, сколько людей между нами, а ихъ такое множество!—Вѣдь, какая глупая М. Ст.: никакъ не осмѣливается спросить меня прямо, разными дорогами, самыми низкими, хочетъ добраться, а въ меня только бросаетъ язвительные намеки, а я еще глупѣе, краснѣя отъ нихъ.

Опять къ *нашей* жизни, — знаешь ли, Александръ, она никакъ не можетъ быть *наша* съ позвол[енія] пап[еньки]. Очень большая часть ея отдана будетъ людямъ. Тогда же,—о, мой ангелъ, у меня захватываетъ духъ, когда я возношусь до нея. Дивно, дивно, ну, погоди читать, вообрази живо—о, Боже мой!

Непремѣнно намъ нужно имѣть человѣка духовнаго, на свои силы полагаться ненадо, мы еще такъ юны,—надо опора, о, какая святая жизнь! Вятка мнѣ представлялась всегда въ туманѣ, подъ снѣгомъ, отъ нея несло холодомъ, а Владиміръ представляется садомъ, и середь этого-то прекраснаго сада небольшая квартира,—въ ней исчезаетъ и большая Москва, и большая Италія, и необъятная вселенная. Въ этой квартирѣ царитъ только Добродѣтель, Молитва и Любовь, царятъ свободно, нигдѣ преграды, какъ Христу, которому и смерть не была преградой; у насъ безпрерывно будетъ воскресеніе Его—не такъ ли, Александръ? Ты правъ, говоря, что эта суета, доказывающая праздпество толпы, имѣетъ поэзію и лучше эгоизма; да, я люблю смотрѣть на народъ, какъ онъ волнуется и и кипитъ, пестрѣя на гуляньи и на улицѣ, въ этомъ цвѣтистомъ морѣ виднѣется кое-гдѣ капля радости Воскресенію Христову и, сливаясь съ желаніями просто повеселиться, она облагораживаетъ ихъ. Еще восхитительнѣе эта *общая* молитва, — въ заутреню я люблю всѣхъ, всѣхъ, тутъ родные Христомъ. Но когда обращусь на празднованіе въ нашемъ домѣ, признаюсь, Александръ, темнѣетъ все, я какъ-то не могу вѣрить въ холодный, совершенной эгоизмъ, мнѣ кажется, ни одна душа неспособна выносить его, а это мелочное празднованіе, и какое... о, нѣтъ! Я читала, что для *такихъ* христіанъ не воскресалъ Христосъ.—Вчера я смотрѣла на московское гулянье съ особеннымъ удовольствіемъ, думая, что смотрю въ послѣдній разъ.

О портретѣ, кажется, ужъ нельзя и думать; легче тебѣ увезть меня, нежели портретъ, ни даже его высокопревосходительство не будетъ имѣть настолько предпочтенья, мнѣ это ужасъ какъ больно, да что жъ дѣлать? Неужели, глядя *на меня*, не утѣшишься, что нѣтъ моего портрета? Вотъ, что будетъ сегодня, ахъ, какъ хочется, чтобъ кн[ягиня] узнала,—да пусть спросятъ, а то и не спрашиваютъ.

2 часа. — Ну, мой ангелъ, рѣшительно мѣшкать нечего. Съ благословеніемъ Божіимъ приступимъ. Вотъ тебѣ нынѣшній день. По обыкновенію, съ свѣтлой, ясной и грустной душою проснулась, — солнце озарило взоръ, а молитва душу. Только что сошла внизъ, кн[ягиня] приняла видъ материнскій; Господи! неужели люди могутъ до такой степени притворяться,—не вѣрю. Вообрази, она

заплакала и стала говорить мнѣ, что уже кончено, слово дано, поздравила меня съ женихомъ и помѣщицей третьей части ея имѣнія. Я, разумѣется, поблагодарила за желанія и сказала, что поздравленія не принимаю и за Миницкаго не иду. Она послала меня молиться, я *молилась*, потомъ опять поздравленіе, и опять отказъ, я даже открыла ротъ, чтобъ сказать о тебѣ, но ея слезы, ея добродушіе остановили, ее жаль было мнѣ, она же сказала, ежели я скажу что противъ, то ее убьетъ это; если-бъ она не сказала этого... Но М. Ст. послѣ все, что знала сама, сообщила ей; хотятъ позвать духовника для увѣщанія — слава Богу! Съ этими людьми я лучше умѣю говорить, и они меня скорѣе поймутъ. Ежели можно, пріѣзжай за мною; если нѣтъ, я надѣюсь скоро переѣхать къ Emilie. Писать пап[енькѣ] не буду, а приду къ нему сама, скажу все и спрошу его,— разумѣется, не оставитъ, и мы свободны! Подробности преинтересныя, но право не въ состояніи писать. Ангелъ мой, близко! близко! свободнѣе дышу, смотрю; благослови меня,—еще много труднаго, половина пройдена. Александръ, взгляни на меня...—Я очень удивилась, что ставлю удивительные знаки на пакетахъ. Да я думаю на нихъ есть ошибки важнѣе, я не знаю, какъ писать тебѣ благор. или высокоблагор. Ежели теперь напишу я къ Алекс. Ал., то онъ ничего не отвѣтитъ даже; лучше *тогда*, еще и адресъ его надо узнать, я никогда ему не писала.—Я отослала къ Emilie нѣкоторыя книги и воображаю, что переѣзжаю— и какъ весело! Ангелъ мой!

Понед. 11-е апрѣля, 7 часовъ вечера. Ангелъ! Левъ Ал. сказалъ сію минуту кн[ягинѣ] и сражается съ ней, онъ дивной! Ангелъ, молись, молись! Къ тебѣ! Къ Тебѣ! Къ Тебѣ!—Сію же минуту отъ Алексѣя Серг. посолъ съ пламеннымъ предложеніемъ, я напишу ему. Александръ, молись.

8 часовъ. Слава Богу! слава Богу! все кончено, ангелъ мой! Вотъ я взошла къ кн[ягинѣ] тихо, спокойно, съ лицомъ свѣтлымъ; румянецъ (въ обыкновенное время я блѣдна вся)—восторгъ,—она и М. Ст. ни слова, можетъ потому, что тутъ были посторонніе, я стала имъ читать громко, свободно. Что будетъ завтра. Ну, ужъ Левъ Ал. истинно заслуживаетъ полную благодарность, ты не повѣришь: каждое слово кн[ягини] опровергалъ и, наконецъ, она осталась въ дуракахъ, увѣряя меня давеча, что Миницкаго Левъ Ал. беретъ подъ свое покровительство и требуетъ, чтобъ я вышла за него. Легко, легко! дивно! Боже, слава тебѣ! О, теперь я свободна, ангелъ, къ тебѣ!

Ночь. Какъ великъ *Онъ*, и какъ малы *они*, какъ Онъ силенъ, и какъ слабы *они*... Съ какимъ подобострастіемъ смотритъ на меня кн[ягиня], будто виновата она передо мной, поправляетъ платье, совѣтуетъ ѣсть супъ съ хлѣбомъ,—невѣроятно, Александръ. А я — я вѣчно *твоя Наташа*!! Предложеніе Ал. Серг. меня встревожило больше и это было въ тотъ самый мигъ, какъ я только услышала разговоръ Льва Ал., но я совершенно чиста, ни однимъ словомъ не связала себя, ни даже взглядомъ, мнѣ только нравилось *тогда* его вниманье; но онъ достоинъ того, чтобъ я написала ему; страшно испугать юношу ледяной стѣной при самомъ входѣ въ жизнь, — я открою ему дверь на дорогу, усѣянную цвѣтами, пусть его встрѣтитъ теплое дыханіе *твоей* Наталіи, ея звукъ...

Ну, что, мой ангелъ? Что думаешь ты теперь? Другъ мой—руку! Слава Богу! Теперь ты можешь *требовать* портретъ у кн[ягини] и *просить* Льва Алекс. Можешь попроситься въ Москву для *свадьбы*, потому что пап[енька] вѣрно согласенъ, а то Левъ Ал. не сталъ бы такъ утвердительно опровергать кн[ягиню]. Онъ ей сказалъ, что мы рождены другъ для друга, что мы связаны симпатіей,

и что перемѣнить нельзя: а когда она сказала, что не хочетъ видѣть ни меня, ни тебя,—«вздоръ, капризъ», отвѣтилъ онъ. Да, онъ просто чудесный! Не вѣрно ли мое предчувствіе? Берегъ, берегъ, родной, вотъ онъ, вотъ онъ... Ангелъ!

11 апрѣля.

Вчера, мой ангелъ, я не писалъ тебѣ — день мрачныхъ воспоминаній: сегодня три года, какъ я былъ проѣздомъ въ томъ же Владимірѣ. Я былъ какъ-то душою утомленъ вчера, и сегодня тоже, не отъ воспоминаній, не отъ прошедшаго, а отъ зари будущаго счастья, отъ восходящаго солнца. Мы здѣсь чудесно проведемъ время, я начинаю любить *нашъ* маленькій Владиміръ. Ты не можешь себѣ представить, какъ изящно его положеніе, я безпрерывно гуляю. *Мы вмѣстѣ будемъ гулять*, нужно ли еще хоть слово, ты чувствуешь что это! Ну, что-же, сдѣлала ты что-нибудь? Я писалъ Егору Ив., чтобъ онъ вручилъ тебѣ деньги для священника. Бога ради, торопись, помни, что Александръ будетъ мучиться, пока не въ его рукахъ свидѣтельство, умоляю тебя, кончи это скорѣе. Хорошо было бы тебѣ поссориться съ Сіятельнѣйшей покровительницей, но я все оставляю на твою волю, пиши только подробно, какъ, а я выполню Здѣсь затрудненій не жди, самъ архіерей будетъ на нашей сторонѣ. А ежели и будутъ затрудненія, будутъ готовы и другія средства. Иди же, время, иди быстро, какъ молнія, а *тогда* остановись, какъ сѣверное сіяніе. Наташа, въ концѣ мая будутъ мѣсячныя ночи, и *не одинъ* выйду я на валъ смотрѣть, какъ лучи его опираются на древній соборъ Андрея Боголюбскаго и стелются по необозримымъ равнинамъ и всасываются Клязьмой. Я иногда съ улыбкой думаю, какъ въ матеріальномъ отношеніи круто перемѣнится твоя жизнь: новый міръ, новый городъ, новая природа, все, все новое и при томъ все поглощенное гармонической, полной любовью безъ разлуки. Не правда ли, сильно бьется твое сердце, и слеза, и улыбка, и страхъ, и восторгъ. А страхъ ужасной, трепетъ пробѣгаетъ по жиламъ,—это тотъ трепетъ, съ которымъ пилигримъ склоняетъ колѣна предъ гробомъ Господнимъ, излучи долго, долго, пришедши съ Запада въ огненную Палестину. Почта еще не пришла, но, вѣроятно, часа черезъ два придетъ. Прощай—пойду гулять. Ну, поцѣлуй меня на дорогу.

11-го. Послѣ обѣда. Давеча я былъ глупъ, а теперь грустенъ, несмотря на то, что письмо твое отъ 9-го получилъ. Я ждалъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, на два письма, а ты ни одного не получила. Тебѣ ужасно доставляютъ письма, почта никогда не опаздываетъ такъ долго. Меня сердитъ, что ты ждешь такъ долго и грустишь. О, надобно, надобно соединиться какъ можно скорѣе, Богъ съ ними, съ нашими nos amis les ennemis. Знаешь ли, въ какомъ положеніи теперь моя и твоя душа, намъ не вынести пятой доли того, что выносили до 3 марта,—грудь проломится. Наташа, достань же, Бога ради, достань свидѣтельство. Ни мыслей нѣтъ, ни чувствованій ясныхъ, палъ туманъ на душу. Честь имѣю поздравить съ высокоторжественной милостью царской, оказанной дядюшкѣ Льву Ал.

Ночь. Не могу ровно ничего дѣлать. Ангелъ мой, спаси меня отъ этого томнаго ожиданья, которое именно тѣмъ и несносно, какъ ты пишешь, «что его можно перенести». Ну, говори же, повторяй, что скоро, скоро ты моя, ты здѣсь и разступятся тучи, и настанетъ день, закатъ котораго будетъ конецъ жизни, за которой вѣчность. Наташа, я чувствую близость. Какъ получу твой отвѣтъ, такъ увижусь съ тобой (какъ 3 марта). Лучше было бы не откладывать до іюля,

я сдѣлаюсь боленъ. Въ идеѣ *рѣшено*, итакъ, чего же ждать. Ты вѣрно спишь, мой ангелъ, покойся же, лягу и я. А похвали баловня, онъ ни разу не проспалъ седьмого часа. Такъ исполняетъ онъ заповѣди, данныя Богомъ черезъ его ангела. Прощай.

12 апрѣля, вторникъ. Сонъ, дивный сонъ! Я видѣлъ тебя въ вѣнчальномъ платьѣ, и ты была такъ лучезарна, такъ хороша! Мы сидѣли долго, долго на диванѣ, и когда я проснулся, я искалъ твоей руки. Почти всякую ночь послѣ 3-го марта, вижу я тебя, это счастье.

Прощай, прости, что письмо коротко, ей Богу, не могу писать, пока не получу отвѣта на *предложеніе*.

Твой *Александръ*.

Пятница, 15 апрѣля.

Съ 9-го апрѣля много написала я тебѣ на разныхъ лоскуткахъ, но нынѣшній день Богъ послалъ мнѣ болѣе силы, освѣтилъ душу, —я прочла и бросила эти лоскутки, въ нихъ мелочь, земля, они недостойны быть у тебя, мой Александръ! Скажу вкратцѣ обстоятельства. Меня принуждали за Мин.; кузинѣ его я сказала рѣшительно все, она все пересказала М. Ст., а та кн[ягинѣ]; слѣдствія этого нужно ли писать? Мы и не ждали *меньше*. Письма твои вчера утромъ получила, ангелъ! Нѣтъ, нѣтъ мѣры моему блаженству, нѣтъ мѣры и величію и святости твоей, о, ангелъ; но прочла разъ мелькомъ, все отсылаю къ Emilie. Письмо Медвѣдевой, моя любимая записка, все, все такъ хорошо, такъ дивно, о, Богъ! о, любовь! Люди распинаютъ меня, ты воскрешаешь! Теперь вотъ что нужно: какъ можно скорѣе мнѣ отсюда, я готова, священникъ не даетъ свидѣтельство; ежели безъ этого вѣнчаться нельзя, я буду проситься къ Алекс. Алекс. и оттуда къ тебѣ. Ты же при первой возможности постарайся пріѣхать, пришли въ ту же минуту за Арк., онъ устроитъ все опять. Папенька письма моего не сталъ читать, Emilie дѣйствуетъ неусыпно и беретъ остальное на себя. Я здорова, тверда, велика, *имъ* вреда не сдѣлала — слава Богу! только этого боялась я.

Дивное время, ангелъ мой! тѣ дни я не совсѣмъ была хороша; гоненія я ждала отъ людей за *любовь мою*, а не участи *падшей*, и потому она сначала подавила меня, оскорбила, больно было... и я писала тебѣ вздоръ, теперь же — великъ Господь! *они* жалки, они угнетены, оскорблены сами собою, а я — ты! Слава въ вышнихъ Богу!

Теперь мое желанье: какъ можно скорѣе къ тебѣ, но прежде вѣнца я желала бы придти въ себя, исповѣдаться и причаститься. Постъ скоро, едва ли успѣемъ мы кончить до него. Я хотѣла оставить здѣшній домъ, кн[ягиня] не пускаетъ. Тотчасъ, какъ получу отъ тебя отвѣтъ, буду проситься къ Алекс. Ал., письмо къ нему написала, но все это кое-какъ, потому что *нельзя*, узнаю адресъ и пошлю. Къ Медв. теперь писать не могу, люблю ее, совершенно достойная насъ сестра. Ахъ, какъ ты хорошъ, мой ангелъ! Посмотри, какъ эта грязная масса людей волнуется, суетится, кто бѣжитъ въ нору, кто выглядываетъ изъ норы, иные закрываются отъ меня, какъ сейчасъ вышедшіе изъ тьмы отъ солнца, иные шире простираютъ объятія, но немного такихъ, зато какъ рѣзко они отдѣляются отъ тѣхъ, *невинные* (за меня) плачутъ отъ страха, *виновные* плачутъ восторгомъ. Какъ хорошъ человѣкъ въ опасности *отъ людей!*

Твои казармы повторяются на мнѣ, дивное состояніе, Александръ! О! что бу-

детъ *тогда*... Господи! Одна Саша Б. обняла бы меня безъ трепета *при нихъ*, она далеко и не знаетъ ничего.

15-го, вечерня. Карандашъ худой вѣстникъ, вѣрно ты, взглянувъ, вспыхнулъ. Но помирись, ангелъ, съ нимъ; гдѣ распятіе, тамъ и воскресеніе,—болѣе половины и самое трудное изъ *ожидаемаго* прошло. Съ каждымъ часомъ я выше и выше, ушла наверхъ и долго не сойду (больна *для нихъ*), читать не могу книгъ, писемъ нельзя, боюсь вырвутъ и бросятъ. Пишу украдкой.

О, эти гадкія деньги, ну, если Ал. Ал. не напишетъ и отвѣта... Да ты напиши Огар., онъ—нашъ, мы—его, пиши, чтобы прислалъ. За Сашу благодарю, да, теперь ничего нельзя сдѣлать, а послѣ; она тверда, слава Богу, и не страшится страданій, наглядѣвшись на мое терпѣніе въ нихъ. Сколько молитвъ, сколько слезъ возсылается 20-ю человѣками здѣшняго дома, а сколько еще внѣ его, а наша съ тобой молитва, а Его благость... О! какое сомнѣнье. Прошло полчаса, и мнѣ еще лучше. Нѣтъ, нехороша я была съ начала этой исторіи; я хотѣла опереться на обиды, сдѣланныя мнѣ М. Ст., и черезъ нихъ выйти,—нѣтъ, теперь не то, Богъ съ ними, подожду, узнаю, что хотятъ *они* предпринять, и просто скажу, что ѣду къ Ал. Ал. Ежели поѣдутъ въ Загорье, останусь здѣсь.

Получа отъ тебя отвѣтъ на это письмо, буду дѣйствовать рѣшительно. Только помни же, свидѣтельства и ждать нельзя отъ духовника; если я до поста вырвусь отсюда, то буду говѣть постомъ, и отъ новаго духовника легче будетъ достать. Emilie совѣтуетъ уѣхать изъ Загорья, да это пустое, я ни за что ужъ не поѣду туда. Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ—Богъ *Израилевъ*.

15, вечеръ. Сейчасъ твое письмо отъ 12-го. Ты чувствуешь мои страданія, ты страдаешь ими, Александръ! До поста я твоя! вмѣстѣ говѣть. Вѣрь этому, ангелъ, вѣрь, какъ любви моей? Былъ у меня Е. И., свидѣтельства другого достать нельзя, то есть, опасно. Папенька рѣшительно не хочетъ тебя знать — Богъ съ нимъ! Мы будемъ молиться о немъ.

Ал. Ал. скоро будетъ сюда, я писала ему, пиши и ты непремѣнно, мнѣ не хотѣлось бы разлаживать съ нимъ. Пиши поскорѣе, я пробуду наверху нѣсколько дней, соберу силы, окрѣпну, потомъ пойду просить у кн[ягини] прощенья и видъ и скажу рѣшительно, что ѣду къ Ал. Ал., ежели не дастъ видъ, съѣду всетаки и вытребую, Е. И. меня научилъ. Ну, итакъ, потерпи *немного!!* Скоро, скоро, скоро!!! Ну, чего же еще? О! о, что сказать. Да погоди, ради *будущаго*, немного, не теряй терпѣнья, это ребячество; ежели и послѣ поста... но не думаю, впрочемъ, надо быть готову, а то боюсь, заблажишь. О, какъ мы будемъ молиться, какъ дѣлать добро, какъ наслаждаться, какъ умремъ, какъ будемъ въ вѣчности... Господи! Благослови дѣтей! Дай же, я тебя благословлю, обниму, расцѣлую, женихъ мой! Цѣлуй, обнимай, благословляй твою невѣсту Наташу.

---

4 часа. [?]

Ангелъ мой, сію минуту пріѣхалъ, имѣю много сказать и...и. Устрой, какъ хочешь, я приду за отвѣтомъ въ сумерки къ Аркадію; во всякомъ случаѣ вели ему ждать меня въ *четыре часа* утра. Опять секретно и тамъ же. Сообщи Emilie. Твой фельдъегерь заслужилъ поцѣлуй: черезъ часъ послѣ твоего письма, онъ ужъ несся по грязи.

Твой *Александръ*.

17-е, воскресенье, вечерни.

Ну, мой ангелъ, отдохнула! Что сказать о свиданьѣ? Лучше ничего!.. Что ты сдѣлалъ, мой страдалецъ? У насъ вотъ что: кн[ягиня] предлагала Льву Ал. сказать папенькѣ, чтобъ онъ взялъ меня къ себѣ. Левъ Ал. сказалъ, что ни онъ, ни пап[енька] не возьмутъ, и чтобъ меня отдать въ *пансіонъ* (!), это прекрасно, съ 7 до 20 лѣтъ заставлять читать Радклифъ, а потомъ въ пансіонъ учить азбуку. Ну, это въ сторону. Я сейчасъ схожу къ кн[ягинѣ] проситься къ брату Ал. Ал., и потому не погодить ли тебѣ; хлопотъ бездна, я сама пріѣду во Владиміръ. О свиданіи не знаю еще навѣрное, какъ придумать. О, Александръ! А. вѣдь, я не могла понять давеча свиданья, хотя оно было и ожиданное, меня замучили, и душа не могла открыться вдругъ этому наслажденью. Къ тому же такъ неожиданно скоро разстались. О, мнѣ надо много отдыхать, много... а ты? О, ангелъ мой! о, мой Александръ! Завтра приди въ 7-омъ часу.

7 часовъ вечера.—Александръ! послушай, мой ангелъ, сейчасъ я отъ кн[ягини], она ни подъ какимъ видомъ меня не хочетъ держать, не хочетъ и теперь отпустить, хотя я просилась наступательно; итакъ, она *изволитъ* меня прогнать,—на что-жъ тебѣ теперь подвергать себя столькому, не погодить ли? *Богъ поможетъ мнѣ* еще, можетъ, нѣсколько недѣль перенесть *разлуку* съ тобою, помни, *только* разлуку, и болѣе ничего. Я буду все вверху, мнѣ хорошо здѣсь, ангелъ, я не совѣтую тебѣ, не прошу, я въ твоей волѣ совершенно: ежели у тебя все готово—и я готова!

Какъ только я шагъ изъ ея дома—прямо къ тебѣ, тогда удержать никто не можетъ. Итакъ, подумай и завтра приди съ отвѣтомъ въ 6 часовъ, подожди у печки въ залѣ, тамъ мы можемъ пробыть, пока опять вѣстникъ не придетъ сказать. Всѣ отъ меня отказываются,—это прелестно, о, другъ! Хорошо мнѣ теперь. Вообрази, *всѣ* оставили (иные изъ *необходимости*)—слава Богу! А ты? А Онъ?—Милый ангелъ, одинъ твой взоръ... нѣтъ, не могу вынести долго столько рая... О, Боже! Ахъ, что за погода, — и я тебя вызвала; ну, да тамъ тебѣ не легче бы было. Что-то ты? Это ужасно, и Матвѣй не идетъ. Богъ съ нами, Онъ насъ не оставитъ, а загляни за мѣсяцъ впередъ... Охъ, разорвется грудь отъ неба! Опять къ дѣламъ: ежели готово,—завтра я тебѣ скажу, какъ бѣгу; ежели есть хоть малѣйшее сомнѣніе,—не рискуй, немного еще потерпѣть.

Ну, Господь же надъ тобой, мой господинъ! Ангелъ мой, дивной, святой! До завтра, до 6 часовъ.

Ко мнѣ не ходи, *нельзя*. Жди меня во Владимірѣ. Лишь достань свидѣтельство. Ангелъ, Господь съ тобой, не ходи же. *Пріѣду* въ Владиміръ. Твоя N.

У себя-то ты устраивай, объясни архіерею, проси губернатора, приготовься принять суженую твою.

А кто-жъ моя фрейлина? Объ этомъ подумай прежде, нежели о туалетѣ. Ну, Господь съ тобою, скоро, ангелъ, пріѣду къ тебѣ, жду тебя. [На оборотѣ листка]: адресъ: Его Высокоблагородію Милостивому Государю Алексѣю Александровичу Яковлеву на Англійской набережной въ собственномъ домѣ, въ С.-Петербургѣ.

19-е, вторникъ.

Что всего нужнѣе сказать тебѣ, Александръ, я не только покойна,—весела, какъ нельзя болѣе, *торжествующая!* Завтра или послѣ завтра меня не будетъ здѣсь, я ужъ назначила часъ, въ который Астр. могутъ увезть меня вся-

кій день. Къ тебѣ, ангелъ мой, *просьба:* будь покоенъ, *мы до поста соединены!* О здѣшнемъ не стоитъ и говорить, впрочемъ, и оно хорошо — *они* струсили невѣроятно. Прощай, можетъ, нельзя будетъ писать болѣе. Съ нами Богъ.— Твоя Наташа. Пиши къ Ал. Алекс.,—я писала: объ обстоятельствахъ ни слова, а рекомендуйся только будущимъ зятемъ. Пиши скорѣе.

19-е, вторникъ.

Александръ! можетъ, и хорошо, что я еще здѣсь. Созвали совѣтъ. Левъ Ал. и Дим. Павл., ставши по обѣ стороны, принялись увѣщевать, но ихъ высокопревосходительство не побѣдило меня, а Богъ за меня побѣдилъ ихъ. Левъ Ал. сказалъ, чтобъ я имѣла терпѣніе: когда ты пріѣдешь, будешь имѣть свое, то все устроится. Ну, что-жъ, мой ангелъ, ждать? *Я жду!* Скажи *ты?* Пиши черезъ Emilie. Ну, пусть пройдетъ еще постъ. Вѣдь, намъ Богъ сказалъ, что намъ будетъ *тогда*. Подождемъ немного, немного, или какъ ты хочешь. Можешь видѣть по отвѣту папеньки,—писалъ ли онъ тебѣ? Всѣ *они* перетруси лись ужасъ. Меня угнетать не станутъ, а косые ихъ взгляды легче прямыхъ. — Я напишу Татьянѣ Ал., чтобъ она пріѣхала къ *кн[ягинѣ] переговорить*, то есть, что она принимаетъ меня къ себѣ такъ, какъ къ мѣсту.

Все хорошо, мой другъ, я не только покойна — весела! Ты, ради меня, не тревожься, помни, Богъ съ нами и за насъ. Ну, прощай.

Твоя, твоя *Наташа.*

Ночь на 20-е.—Вотъ что, мой ангелъ, не написать ли тебѣ Львy Алекс., чтобъ меня отдали къ Астраковой? Онъ это сдѣлаетъ, потому что совѣтовалъ кн[ягинѣ] отдать къ Насакин., тѣ берутъ гувернантку къ дочери, и меня вѣрно не возьмутъ. Когда кн[ягиня] говорила, что Астр. должно быть какая-нибудь,— Левъ Ал. сказалъ, что тогда бы ты не написалъ такъ утвердительно. Какъ ты думаешь? Мнѣ кажется, написать ему. А какъ я уѣду, — это и легко, да Астр. будетъ, можетъ, большая непріятность, ея мужъ можетъ съѣздить ко Львy Алексѣевичу. —Что ты покоенъ ли, Александръ? Я очень, потому что знаю: скоро, скоро... Ну, Господь съ тобою.

Твоя *Наташа.*

Къ Вятской нашей сестрѣ я не могу теперь писать. Emilie чудо! Она поѣдетъ со мной къ тебѣ, ненадо нанимать для меня дѣвушки. — Александръ, ангелъ, улыбнись,—цѣлую тебя.

20-е, вечеръ. среда.

Александръ! Твоя Наташа вовсе безумная, мой ангелъ. Я въ восторгѣ, что на мнѣ повторяются Крутицы. Заключенная... чудо! Вотъ она, жизнь необыкновенная! Да, *такой* жаждала я съ тѣхъ поръ, какъ жаждала *жизни*. Презрѣніе, позоръ *людей*, гоненія, истязанія отъ нихъ, симпатія высокаго и святого, ты... Боже! слава Тебѣ! Вчера минула недѣля, какъ ненастье, а въ душѣ совсѣмъ минуло ненастье. Говорю тебѣ, — меня восхищаетъ все, что съ нами ни происходитъ. Давеча вышла я подъ открытое небо, но закрытая совершенно отъ всѣхъ взоровъ, любовалась нашею жизнью: неужели есть полнѣе, изящнѣе, о, нѣтъ... Какой ты, мой ангелъ, дивной... о, дай полюбоваться тобою. Ты все говоришь,—похвала, да что за похвала, и не увѣреніе это, а такъ невозможно вы-

терпѣть, чтобъ не излить словами хоть милліонную долю твоей красоты. Можетъ, теперешнее мое положеніе лучшее изъ всей жизни въ домѣ ея сіятельства, *тогда* я разскажу всѣ подробности, и *тогда-то* даже ты будешь восхищаться. Всѣ, на кого *я надѣялась*, просто отверглись отъ меня, какъ Петръ апостолъ, даже въ цѣлую недѣлю не прислали даже... ну, хоть о здоровьѣ спросить,—это чудо! Потомъ повелѣніе удалиться наверхъ, —что можетъ лучше быть этого? Потомъ приказъ явиться въ запертую комнату и ждать допроса... Важный видъ ихъ высокопревосходительствъ, и ихъ робость, мое торжество, —картина восхитительная, а эти двадцать человѣкъ, которые приходятъ (не взирая на опасность) взглянуть на меня, пролить слезы обо мнѣ и о себѣ, поцѣловать руки, ноги... Александръ, ты бы наплакался, глядя на эту картину. А *твоя* кухарка Emilie— верхъ самоотверженія... О, ты много перещеголялъ Дидерота! Да что-жъ я ни слова до сихъ поръ о Астраковой, —она дивная! Какъ свободно и торжественно сказала она: «я пріѣхала за Нат. Ал.». Какъ *они* струсили, —все, все чудесно, превосходно, достойно и кисти, и пера художника, и нашего воспоминанія! Какъ мнѣ жаль, что я, не прочтя письма Ог., отослала къ Emilie; да мнѣ негдѣ болѣе прятать, какъ за корсетъ, а оно велико. Ну, *тогда* начитаемся, напишемся... О!.. О, Александръ, душа моя. Знаешь ли, я дивлюсь своей смѣлости съ тобою, вотъ какъ безъ тебя, то и думаю: ну, какъ я на тебя буду смотрѣть, какъ я поцѣлую тебя, какъ возьму твою руку... страшно, *не смѣю*, а какъ съ тобою... да отчего же это?—Вѣрно ты покоенъ, вѣрно веселъ, потому что мнѣ такъ вольно летать по небу, ничто, ничто не удерживаетъ меня съ земли. Чудо! А какъ я вчера разсердилась на Emilie, такъ, какъ никогда на нее не сердилась, — вздумала спрашивать меня, что мнѣ сдѣлать и какъ. Да мнѣ какое дѣло до ея тряпокъ, мнѣ любить, любить! Да, и она всетаки не понимаетъ меня вполнѣ. А ты понимаешь? Ангелъ!..

20-е, вечеръ же. Никогда нашъ дворъ не былъ такъ полонъ экипажами, какъ это время, —точно похороны или свадьба. А, вѣдь, кн[ягиня] прежалкая, вообрази, бѣдняжка думала найти защиту во Львѣ Алекс., тотъ винитъ ее, и тогда какъ она говоритъ: «голубчикъ, вѣдь, кинжалъ у меня въ груди», онъ на отвѣтъ: «да лучше говорить о піявкахъ»... и захохочетъ. Вотъ до какой степени она беззащитна, что нашла только одного Ник. Ильича, которому могла поручить узнавать объ Астраковой. Смѣху тутъ бездна. Всѣ думаютъ, что Астракова пріятельница маменьки, что она все устроила, а она не имѣетъ понятія ни о чемъ и всего боится, мнѣ очень жаль ее, но Богъ милостивъ, когда-нибудь я заплачу ей утѣшеніемъ за всѣ непріятности, которыя она претерпѣваетъ за меня. А Е. П. вѣрно боится, что кн[ягиня] высѣчетъ его и глазъ не кажетъ —Богъ съ ними. Ангелъ мой, мнѣ весело! Я *знаю*, что ежели не лѣто, такъ осень ужъ буду тамъ, у себя, дома, на томъ диванѣ, у того стола. Оглянись вокругъ, душа моя, и скажи: да, скоро! *Миленькій* Левъ Ал., говорятъ, хлопочетъ за меня у пап[еньки]. Довольно, довольно обо всемъ этомъ. Опять къ нашему святому, небесному *тогда*...

Еще будетъ кутерьма, еще будутъ толки, хлопоты, суета, аханье, ужасъ и радость толпы *о нашемъ происшествіи*. А мы... давно занялась заря, давно и солнце взошло, но *люди* еще спятъ, имъ грезимся мы, и въ просоньяхъ они крестятся отъ ужаса, а мы— какъ вчера вечеромъ въ 7 часу сидѣли на этомъ диванѣ рука съ рукой, душа съ душой, какъ вчера звонкая свѣтлая молитва, такъ нынче утромъ въ 7 часу та же молитва. О, другъ, меня восхищаетъ наша жизнь. Много время пройдетъ у насъ сначала въ одной молитвѣ, потомъ первымъ за-

нятіемъ будутъ письма, долго, долго мы будетъ ихъ читать... да я думаю, на нихъ и остановится наша дѣятельность. Какъ теперь далеко разлился мракъ нашихъ страданій, несчетныя сердца страдаютъ съ нами вмѣстѣ, а *тогда* мы разошлемъ во всѣ концы посланія. И это-то будетъ полдень; только *къ нимъ* не проникнутъ наши лучи, только толпа будетъ мрачна и холодна, а то все согрѣется, освѣтится, воскреснетъ, жизнь обновится, и изъ обновленной души польется новая молитва къ Творцу.

А ничего, мой ангелъ, что я долго не пишу къ Медв.? Что-то не расположена, все такъ захвачено тобою, не могу ни до кого добраться въ своей душѣ. О, ты!

21-е, четвергъ.—Сегодня рожденье Emilie и именины всѣхъ трехъ нашихъ Сашъ. Вотъ просторъ читать, просторъ, какого отроду мнѣ не было, но — не читается! Теперешняя жизнь моя такъ нова, такъ хороша, что мнѣ жаль вмѣшивать въ нее что-либо стороннее. Съ каждымъ часомъ я все болѣе восхищаюсь своимъ заточеньемъ, своей *неволей— волей.* До 10 часовъ вечера я безъ огня и надъ открытымъ окномъ. Emilie пробирается украдкой, чтобы гдѣ изъ-за угла взглянуть на меня, а когда ставни тамъ внизу закрыты, подходитъ къ дому, и мы разговариваемъ— прелесть! Ангелъ мой, и я никогда не была такъ хороша, какъ теперь (то есть, кромѣ того, какъ съ тобою). Это совершенно новое чувство независимости тѣшитъ меня, мнѣ надо опять сдѣлаться 8 лѣтъ, опять сиротою въ траурномъ платьѣ, чтобъ снова зависѣть отъ кого-нибудь такъ, какъ отъ кн[ягини], а этого не будетъ.— А ты — ты такъ передо мною, какъ утромъ 17 и 18-го... А нашъ Владимиръ — никогда не рисовался онъ мнѣ такъ живо и часто, какъ теперь... Словомъ, я живу прекрасно! Носится слухъ, что пап[енька] согласенъ; когда такъ, то скоро обрученье, если нѣтъ —то скоро вѣнчанье! о чемъ тужить намъ? Только *хотѣлось бы* знать, что именно. Вотъ смѣхъ... Ахъ, глупые! *они* боялись поставить уксусъ въ моей комнатѣ, чтобъ я съ горя не выпила, потомъ разсудили, что я поберегу себя для тебя. Ахъ, другъ мой, кажется, во всю жизнь не было столько смѣшного какъ теперь, анекдоты преуморительные.

Ни писемъ, ни портрета, ничего кромѣ шнурочка и образа Спасителя. Но мнѣ весело быть самой съ собою, я люблю твою Наташу, она для тебя все, что-жъ нужно мнѣ безъ тебя, кромѣ ея? Твое отраженье, твоя душа, ты — о, хорошо мнѣ, ангелъ мой. Зеркало мнѣ необходимо теперь, я люблю смотрѣться долго, долго... такъ долго, какъ ты смотрѣлъ. Люблю свои руки, онѣ были въ твоихъ, на нихъ твои поцѣлуи... Александръ! я въ восторгѣ, я ничего не могу болѣе сказать — хорошо мнѣ, хорошо!

Какія страшныя *у нихъ* лица, какая злоба, тревога изображена. Кн[ягиня] боится оставаться одна въ комнатѣ, а я! посмотри ангелъ, посмотри, какое спокойствіе, какая небесная тихая радость... Emilie и всѣ *мои* упрашиваютъ меня не грустить, терпѣть, беречься, —и я всѣхъ должна разувѣрять, утѣшать, а они думаютъ, что я притворяюсь: вотъ какъ все еще не могутъ постигнуть меня, стало, и любви моей, а ты, ты, мой Александръ, ну, придетъ ли тебѣ въ голову, чтобъ я грустила? О, душа моя... А какъ ты хорошъ, какъ хорошъ .. Александръ, ну, посмотри на меня. Вѣрно у тебя нѣтъ цвѣтовъ, — такъ чтобъ были къ моему пріѣзду; птицъ же я не могу видѣть въ клѣткахъ, не могу слышать ихъ пѣнья въ комнатѣ, въ немъ грусть, плачъ неволи — довольно и человѣческихъ страданій, а цвѣтовъ больше, больше.

Кн[ягиня] никакъ не хочетъ брать грѣха на душу, — отдавать меня въ пансіонъ, чтобъ *развратить* цѣлое стадо невинныхъ! Моя веселость *ихъ* ужасаетъ,

какъ или безуміе, или -сонъ совѣсти, и ни то, ни другое, а гдѣ имъ понять—любовь! Любовь! -Каково же, ангелъ мой! *Нашъ* Владиміръ такъ распространился, что нѣтъ мѣста и Италіи, она какой-то падучей звѣздой вспыхнула и погасла въ нашей жизни, -а Владиміръ горитъ, горитъ... не останемся въ Москвѣ, хороша она, люблю ее, но, но... сколько на насъ будутъ смотрѣть глазъ и какихъ... Нѣтъ, не хочу въ Москвѣ, хоть въ с. Карачаровѣ, только не здѣсь. -А ты будешь меня часто пускать въ церковь? Я научилась обманывать, я буду уходить къ заутренѣ, пока ты спишь. Какъ не любить церковь, въ ней все говоритъ о небѣ, о молитвѣ. А продолжаешь просыпаться въ 7 часу?

Середа. Пять часовъ утра.

Ангелъ мой, я сейчасъ воротился и къ тебѣ. Твоя послѣдняя записка пугаетъ меня. Какимъ образомъ ты хочешь одна пріѣхать сюда и какъ пробудешь нѣсколько дней до вѣнчанья? Это невозможно, и потому, при первой возможности, оставь княгиню и къ Астраковымъ, дальнѣйшее предоставь мнѣ. Боже, что то у васъ было. Страдалица... но вспомни любовь Александра, не изъ твоихъ ли устъ я слышалъ подтвержденіе о счастьѣ, и потому повторю—твердость! А прелестны были два мига въ два утра, когда мы, крѣпко соединенные въ объятіяхъ другъ друга, наслаждались, вдохновлялись другъ другомъ. 3 марта было не въ мѣру груди человѣческой, это день страшной, можетъ, величайшій въ нашей жизни, тогда любовь поглотила нашу отдѣльность, даже уничтожила всѣ способности. Папенька хуже всѣхъ, эгоизмъ холодной, безчувственной, и только. Завтра получу письма, которыя откроютъ завѣсу. А, Господи, чего я не перестрадалъ, ожидая Татьяну Алексѣевну, когда она была у тебя. Письмо, которое я послалъ съ нею, не достигло цѣли, я хотѣлъ имъ взбѣсить кн[ягиню], и душевно желалъ, чтобъ она тебя разобидѣла, тогда бы ты поѣхала, по моему, и тутъ можно бы больше налечь; но это дѣло прошлое, глубокая тоска и грусть на душѣ отъ неизвѣстности. Еще разъ, никакъ не ѣзди безъ меня, я на дорогѣ хочу быть твоимъ cavalière servante.

Вотъ твои письма, писанныя карандашомъ; 17-го ты писала: «да мимо идетъ меня чаша сія»—Я въ это время былъ въ 15 верстахъ отъ тебя. О, Богъ! Къ Ал. Ал. напишу.

Вечеръ.—Слушай мой приказъ. Никакъ не ѣзди сюда безъ меня и безъ свидѣтельства. *Теперь все готово*—только нужно свидѣтельство. Священникъ, мой духовникъ, онъ распорядился превосходно. Ежели нельзя отъ консисторіи, то нельзя ли достать изъ церкви, гдѣ тебя крестили.

21, четвергъ.—Удивительное время. Буря шумитъ и не улегается, не могу себя настолько обуздать, чтобъ писать къ тебѣ, моя божественная, святая! Черта между мечтами и дѣйствительностью, сномъ и бдѣніемъ стерлась, все перемѣшалось. Послѣ 3 марта мы были спокойны, потому что настоящее поглотило насъ. Теперь будущее, и великое, и грозное, стоитъ передъ дверью. Вѣрно и ты не можешь писать. Но и нѣтъ нужды много писать: я думаю во всякомъ случаѣ черезъ недѣлю опять пріѣхать. Черезъ нѣсколько часовъ получу письмы,—не знаю, что и предчувствовать. На дорогѣ я нѣсколько разъ былъ въ лихорадкѣ, думая, какъ ты страдаешь теперь.

Я такъ скоро уѣхалъ третьяго дня, что не успѣлъ тебѣ написать хоть строчку,—и меня совѣсть мучила: вѣрно, ты ждала.

Ну, слава Богу, мой ангелъ. я поспокойнѣе, получилъ твои письма. Знаешь ли, какіе гигантскіе шаги мы дѣлаемъ. Папенька мнѣ пишетъ, чтобъ я, Бога ради, не дѣлалъ неосторожностей, а то это можетъ *огорчить тебя*. Что женихамъ твоимъ откажутъ, да и что ты меня *такъ любишь*, что не пойдешь ни за кого другого, кромѣ меня. Развѣ это не прямое дозволеніе? Все хорошо. Ко Льву Алексѣевичу писалъ, къ Ал. Ал. тоже. Завтра я буду опять славной малой,- отдохну. Изъ всѣхъ предложеній худшее—переѣхать къ Вас. Абрам., этого я не позволяю, слишкомъ презрительные люди. Какъ достанутъ свидѣтельство или изъ консисторіи, или изъ церкви, въ которой родилась, или отъ сіятельнѣйшей княгини, ты можешь пріѣхать съ Emilie; коляску возьми у Сазонова, а провожатымъ Кетчера, безъ него не ѣзди; всего лучше, назначьте мнѣ день и часъ, я буду васъ ждать въ трактирѣ Перова— 9 верстъ отъ Москвы. Квартира готова, фрейлина покамѣстъ не отличная, но есть. Emilie я никогда не допущу, чтобъ она была твоей фрейлиной, и это изъ гордости, потому что она мнѣ сестра. Да, пожалуйста, и не воображай, что у насъ не будетъ денегъ, имѣя вездѣ друзей, и какихъ! да это было бы смѣшно. Въ письмѣ къ папенькѣ я положилъ распечатанную записку къ тебѣ, отвѣчай на нее черезъ него же, это только опытъ, насколько я сломилъ его. Между тѣмъ пусть переписка наша идетъ также. Зачѣмъ ты не пишешь явно, теперь можно, ты офиціально моя невѣста. Что за мысль отложить до іюля? Для чего? При первой возможности (т. е., черезъ четверть часа послѣ полученія свидѣтельства) отправь гонца къ Emilie, та за Кетчеромъ, и во Владиміръ, во Владиміръ, о, мой ангелъ. Квартира довольно хороша, я до вѣнчанья останусь на своей старой; ежели бы случилось, что вы скоро поѣдете, то пріѣзжайте въ городъ не иначе, какъ или въ ночь, или утромъ до 6 часовъ. Но объ этомъ въ путевой инструкціи Кетчеру. Да, пожалуйста, готовьте все необходимое. Получила ли Emilie 500 рублей, я могу еще прислать 500, когда получу изъ Вятки. Вѣнчальное платье просто, но какъ можно воздушнѣе, изящнѣе, ну, ты понимаешь. Покупайте все готовое на Кузнецкомъ мосту, въ нуждѣ денегъ можете прибѣгнуть опять къ Сазонову. Теперь меня тѣшатъ эти подробности, онѣ какъ то мнѣ говорятъ о скоромъ, скоромъ приближеніи. Я тебѣ здѣсь приготовлю два подарка, за оба ты поцѣлуешь меня (а будто безъ нихъ и не поцѣлуешь?). Это цвѣты, и другой не скажу.

Читала ли «О себѣ»? Вакханалія очень понравилась Сазонову и Комп. Смотри, чтобъ эта книга не попала княгинѣ, да и вообще кому бы то ни было, кромѣ Emilie и Астракова. Когда поѣдешь, возьми ее. Теперь я могу попробовать похлопотать о портретѣ, не велика бѣда, ежели неоконченной останется. Такъ г-да струсили, стало быть, хорошо, что я явился имъ во весь ростъ!

Да на дорогѣ берегись, ты не я, лучше дольше будьте въ проѣздѣ, нежели мучить себя, особенно въ скверную погоду, —это не просьба, а *приказаніе*. Я изфельдъегерничался, а твои путешествія въ Загорье, кажется, не могли пріучить къ дорогѣ.

Ежели будетъ невозможно достать свидѣтельство, пиши, я попробую попросить разрѣшенія отъ архіерея, основанное на моей присягѣ о твоихъ лѣтахъ и вѣроисповѣданіи.

22-е, пятница [Москва].

Та же тюрьма, тѣ же часовые, тѣ же судьи, то же блаженство, тотъ же рай, та же любовь! Изящное время, жаль, что друзья не понимаютъ меня, они стра-

даютъ, *воображая* мои страданія. Сегодня у меня была одна изъ *нашихъ*, двѣ недѣли не видались мы, а что было въ эти двѣ недѣли... Мы говорили, не наговорились, но о чемъ же? Разумѣется, только о двухъ часахъ, которые были въ эти двѣ недѣли, а то все вздоръ. Не знаю я ничего, мой ангелъ, что дѣлается здѣсь и тамъ, то есть, *у насъ* и *у нихъ*, но покойна, скоро, вѣдь, къ тебѣ!..

Ты писалъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Владимира, чтобъ я молилась на томъ мѣстѣ, гдѣ ты будешь погребенъ. (Отступленіе: Жанъ Поль правъ,—любовь не стоитъ!) Часто думала я и прежде о томъ, ежели Богу не угодно будетъ взять насъ вмѣстѣ, — кого же лучше? И, безъ сомнѣнья, выборъ падалъ на меня. Но, съ тѣхъ поръ любовь моя выросла, и — ежели не вмѣстѣ, я *желаю*, чтобъ прежде ты взошелъ на небо, ты не перенесешь такъ мою смерть, какъ я твою. Ты и прежде все говорилъ — безуміе, отчаяніе, самоубійство... О, нѣтъ! нѣтъ, мой ангелъ, я буду стоять подлѣ тебя послѣднюю минуту, я приму твой послѣдній вздохъ, послѣдній взоръ любви, —ты весело умрешь, съ восторгомъ, потому что рука твоя будетъ въ моей, взоръ твой на мнѣ, потому что, кромѣ улыбки, и молитвы, и восторга, ты не увидишь ничего на моемъ лицѣ. Давши тебѣ блаженную жизнь, я дамъ и блаженную смерть. А сама, склонивъ голову на холодную грудь, закрывъ глаза, буду ждать призыва твоего. Если ты мнѣ скажешь подождать долго,—буду долго ждать; а когда отнимутъ у меня твое тѣло, когда отдадутъ его землѣ, не сойду съ того мѣста, тамъ будетъ мой домъ, мой храмъ, мое небо... И когда молитва моя будетъ такъ чиста, и сильна, и высока, что ужъ душа не воротится въ тѣло, — тогда и мое тѣло погребутъ съ твоимъ, а душа... О, другъ! Ангелъ мой, мой Александръ!

Послѣ завтра Emilie поѣдетъ къ Астраковой, тамъ узнаетъ все и въ середу тебѣ вѣрный отчетъ. Я знаю, душа моя, что мы Петровъ постъ будемъ говѣть вмѣстѣ, или я одна, только во Владимірѣ, а исповѣдаться у того священника, твоего духовника!

Что ты? какъ доѣхалъ, не грустишь ли, — о, этого не можетъ быть: я такъ весела. Ну, мой ангелъ, Господь съ тобою, прощай, не грусти же, *жди* меня, скоро, скоро. — О, какъ легко, о, какъ хорошо, такъ и льется свѣтъ на меня, и благодать, и твоя любовь! Цѣлую, цѣлую

Твоя *Наташа.*

23 апрѣля, Владиміръ.

Наконецъ, Наташа, небо начинаетъ проясниваться, оно устало гнать насъ за то дивное блаженство, которымъ подарило, указавъ намъ другъ на друга. Будь же спокойна, молись, скоро совершится судьба наша, царственное повелѣніе Бога не останется втуне.

Я до сихъ поръ не знаю, чѣмъ окончилось предложеніе Татьяны Алексѣевны, но по письму папеньки вижу, что послѣдствія не были дурны. Это письмо, посланное черезъ папеньку, лучшее доказательство. Благодари же за него папеньку, къ нему прибѣгнулъ я и съ другой просьбой, которая давнымъ давно тяготила душу: я просилъ твой портретъ. Вымѣряй же теперь все разстояніе, которое мы прошли съ тѣхъ поръ, какъ я во Владимірѣ, невѣста, ангелъ!

Папенька пишетъ, что скоро будетъ Алексѣй Александровичъ, — вѣроятно, онъ противудѣйствовать не будетъ, а Левъ Алексѣевичъ уже доказалъ, что страданія наши тронули его. Призваніе наше высоко, мы должны молитвою свести благословеніе неба на родителей, и полной любовью заключить предыдущее не

вовсе свѣтлое. И какъ же наша жизнь будетъ счастлива. Пламеннымъ воображеніемъ поэта искалъ я земныхъ идеаловъ и терялся, когда ты, религіозная и несчастная, явилась предо мною. Вмѣстѣ съ любовью я выучился молитвѣ, такъ, какъ ты отъ молитвы перешла къ любви. И будто кто-нибудь станетъ препятствовать такой любви,—это невозможно. Вѣра въ соединеніе незыблема у меня, она рядомъ съ вѣрой въ тебя составляетъ краеугольный камень бытія. Странно, какъ рѣшились другіе явиться съ предложеніями. Что ты для нихъ—хорошенькая собою, и только; какъ они не разочли впередъ отказъ; въ то время, какъ для меня ты была исполненіе того огромнаго пророчества *высшаго*, которое томило меня съ 9 лѣтъ, и въ то время, какъ я явился передъ тобою, какъ вознагражденіе за всѣ страданія. О, ты моя, это я чувствую съ каждымъ дыханіемъ. Прощай же, милая невѣста, прощай, благослови меня чистою рукой твоей нести еще нашъ крестъ.

Твой навѣки *Александръ*.

23, поздно. Ангелъ, ангелъ, улеглась ли буря въ твоей душѣ? О, ты, небесная, спокойна, ты опять одна любовь, одно созерцаніе Бога и меня. Успокоился и я, но все еще кипитъ моя африканская кровь, я вышелъ изъ обыкновенной колеи и не могу втѣснить себя въ старую рамку. Завтра получу важныя извѣстія; неужели вы цѣлымъ синклитомъ не сумѣете взять свидѣтельства; жаль, что отставной поручикъ Богдановъ не могъ дольше остаться, онъ досталъ бы его. Ахъ, Natalie, скорѣе, скорѣе къ Александру, лети въ его объятія, пей блаженство, я томлюсь безъ тебя, тоска прорывается всюду, Наташа, невѣста, скорѣе же. По теперешнему расположенію нашихъ, я вижу, что они удивятся и простятъ; время—тиранъ ужасной: провожая въ могилу каждой день, я упрекаю его,—ну, что въ этихъ 24 часахъ, а тѣ *минуты*, когда мой влажной взоръ останавливался на твоемъ влажномъ взорѣ...

Иногда середь мечтаній такихъ близкихъ о будущемъ счастьѣ, вдругъ прорѣетъ сомнѣніе,—и кровь остынетъ и взоръ выражаетъ безуміе. Я тебѣ писалъ какъ-то, что послѣ 3-го марта мы можемъ вынести ужасныя несчастія, но не разлуку; я погибну, ежели не удастся соединеніе, я чувствую, что не вынесу: или сумасшествіе спасетъ тѣло насчетъ души, или чахотка спасетъ душу насчетъ тѣла. Лети же, голубица чистая, неси и мирты и оливу въ долго страдавшую грудь. Не откладывай никакъ до іюля безъ необходимости, всего лучше сдѣлай такъ. Какъ получишь свидѣтельство, тотчасъ пришли его ко мнѣ, и ужъ не жди письма, а жди меня, между тѣмъ скажи Кетчеру; ежели вы не достанете коляски, я привезу, карета еще лучше, а то ты *загоришь*, я кокетничаю за тебя. Да накупи съ Emilie побольше дамскаго снадобья и какъ можно лучше, я ей писалъ, что могу прислать денегъ, я люблю comfort. Досадно, хозяйка дома, которой я нанялъ, отказала; есть другой, прекрасной, но еще не кончилъ и найму его. Ну, не стыдно ли пап[енькѣ], для чего онъ препятствуетъ; какъ бы все хорошо могъ онъ устроить: ты бы пріѣхала съ мам[енькой] или съ Праск. Андр., пріѣхала бы и Emilie, все спокойно, тихо. Да, вѣнчаться въ 7 часовъ утра, *въ часъ нашей молитвы*, такъ ужъ сказано, и священникъ поэтъ, которой въ восторгѣ отъ твоего Александра. Не дивно ли все это? А я тебѣ покаюсь, что съ отъѣзда отсюда я не вспомнилъ до сегодняшняго дня часъ молитвы нашей. Фу, какъ бѣдно, блѣдно, недостаточно письмо послѣ взора, поцѣлуя. Наташа, да пріѣзжай же!

25 апрѣля. Твои *записочки* получилъ. Нѣтъ, я теперь совсѣмъ не такъ

спокоенъ, какъ ты. Скажу откровенно: я задавленъ. Всѣ знакомые замѣтили ужасную перемѣну во мнѣ послѣ пріѣзда. Я не могу говорить, не могу скрыть внутреннюю тоску. Теперь я вижу, что правъ былъ, когда говорилъ, что моя любовь должна быть ужасна: да, теперь только она и принимаетъ характеръ ужасной; въ то время, какъ твоя душа плаваетъ спокойно въ океанѣ свѣта, моя, томимая, сожженная, вырывается огнемъ. Наташа, я страдаю съ отъѣзда, *я не могу больше переносить разлуку.* Чувствую, что пылающая душа жжетъ тѣло, я весь боленъ, мнѣ *не хочется* къ тебѣ писать, огонь льется въ жилахъ. Нѣтъ, Наташа, ты не знаешь этой стороны любви, и сохрани тебя Богъ ее знать.

У тебя поднимается рука писать: «ну, такъ послѣ поста». А я смотрю на эти слова, и слезы, и кровь струится. Зачѣмъ мы видѣлись, послѣ 3 марта, зачѣмъ я цѣловалъ тебя, зачѣмъ рука моя смѣла обвить твой станъ. Теперь отрѣзана былая жизнь, она невозможна. Не жди больше тѣхъ писемъ, гдѣ широкій восторгъ лился пѣснью. Вдали манилъ призракъ, и мы шли, теперь онъ облекся въ дѣйствительность. Ты помнишь поцѣлуй прощальной, мой взоръ. И послѣ опять разлука. О, ежели такъ, то ты права, 3-го марта надобно было умереть. А мы *были веселы,* свидѣвшись. Да неужели ты спокойна, о, тогда я снова преклоню колѣна передъ тобою. Послѣ 3 марта, я очистилъ свою жизнь, я былъ поэтъ. Теперь я готовъ судорожно ухватиться за все, я не могу жить, сложа руки, хоть бы меня бросили въ какую-нибудь тюрьму, хоть бы сильная болѣзнь утишила ядовитую боль. Наташа, Наташа, Бога ради, спаси меня, я не могу дольше ждать, пріѣзжай же,—не то я буду играть въ карты, пить вино, я съ ума сойду. О, ежели бы ты знала мученья души огненной огнемъ земли, души недостойной тебя.—Фу!

26. Цвѣты—опять тоже симпатія. Сейчасъ пріѣхалъ изъ деревни. Прощай, ангелъ,—помни же, что я очень, очень страдаю и торопись сюда.

Твой *Александръ.*

Emilie, да что же вы всѣ ничего не пишете. Пора, пора дѣйствовать.

Москва. Апрѣля 26-е, вторникъ, вечеръ.

Всѣ эти дни я писала къ тебѣ много, но все изорвала и бросила; то письмо было бы тяжело землею и посыпало бы землею и твою душу. Я ослабѣвала, опоры не было, своей силы недостаточно становилось и вотъ дыханіе людей наносило землю на душу, я ослабѣвала еще болѣе и до того, что нынче весь день плакала. Вдругъ Господь послалъ ангела утѣшителя: Павелъ Сергѣевичъ подалъ мнѣ руку, какъ Христосъ утопающему Петру.

Полчаса бесѣды и я на своей высотѣ! Что обстоятельства, что люди, что вся земля? А къ тебѣ пріѣду, о, ангелъ мой, съ тобой-то вмѣстѣ мы преклонимъ небо на землю, или вознесемъ землю до небесъ, жизнь святая. Кто-нибудь изъ нашихъ *вѣрноподданныхъ* напишетъ тебѣ подробнѣе обстоятельства; я скажу только, что свидѣтельство еще не выправлено; какъ будетъ готово, я на другой же день явлюсь къ тебѣ! Довольно ли для тебя, мой Александръ?? Я заключена наверху, никто почти ко мнѣ не ходитъ, я ничего почти не дѣлаю, но ужъ теперь исправлюсь, тѣ дни я недостойна была тебя, — это ужасно! Но все *такъ Богъ хотѣлъ*, чтобъ я не забылась на высотѣ, чтобъ не возгордилась. Снова

открытъ путь къ небу, снова молитва возноситъ къ Нему и благодать освѣщаетъ душу. Теперь-то я твоя Наташа!!

27-е, утро, середа. Сегодня будетъ письмо! О, я воскресну совершенно. Должны ли мы роптать въ минуты, когда душа стремится вознестись надъ всѣмъ и остается низко? Нѣтъ, это состояніе уже не отъ насъ, Богъ посылаетъ его, имъ Онъ напоминаетъ наше несовершенство и приводитъ тѣмъ къ смиренію. Если бы я вынесла все твердо до конца, такъ, какъ съ начала,—ненатурально, чтобъ мысль самодовольства не явилась... Но слава Богу! Чтобы поставить меня ближе къ Себѣ, Онъ отнялъ благодать Свою отъ меня, и я увидѣла, что *не я шла* съ твердостью и съ терпѣніемъ по терновому пути, а *Онъ велъ;* это же снова доказало Его величіе, мое ничтожество, и это сознаніе вознесло меня ближе къ Нему, укрѣпило въ Немъ.

Что я стану писать тебѣ, мой Александръ? Ничто не дѣлаетъ на меня впечатлѣнія, ничто недоступно душѣ, она затворена всему, одно: къ тебѣ! къ тебѣ! Твердъ ли ты? подкрѣпляетъ ли тебя Господь? О, имѣй терпѣнье, другъ, о чемъ тебѣ горевать? Обо мнѣ,—этимъ ты прогнѣвишь Бога; благодарить Его надо за меня, всѣ эти испытанія лишь очищаютъ душу, обрѣзываютъ самыя тончайшія нити, связывающія ее съ землею, освобождаютъ ее отъ ига рабства. Нѣтъ, ничто, ничто не должно выходить изъ устъ нашихъ, какъ слава Ему!

Прости же меня, ангелъ мой, прости, вѣдь, Онъ простилъ. Ты не доволенъ бы былъ тѣмъ письмомъ, тамъ я вовсе не похожа была на твою Наташу. Ну, посмотри же на меня съ твоей любовью, поцѣлуй, обними... О, мой Александръ! О, жизнь моя! Какою жалкой, незамѣтной точкой стоитъ весь міръ передъ тобой за вратами души моей, онъ печаленъ и бѣденъ передъ тобой, какъ изгнанникъ передъ владыкой. О, скоро, скоро во Владиміръ, скоро домой! Устраивай ты все у себя,—то есть, что губернаторъ, не будетъ ли препятствія? *Наши* хлопочутъ безъ памяти. Ну, прощай, Господь съ тобою. Цѣлую тебя.

Твоя *Наташа.*

Москва. Апрѣля 27, середа, вечеръ.

Слава Богу! слава Богу! Ангелъ мой, пой со мною вмѣстѣ Его славу, благодари Его за мою жизнь, за все, за все... все дивно! Посмотри, какъ нова моя дорога, ни слѣда! И кто же ведетъ меня по ней—Онъ, любовь. Можетъ, другіе не повѣрятъ,—ты вѣришь: я въ восхищеньи отъ своей темницы, отъ своихъ судей, отъ своихъ цѣпей. Недоставало всего этого къ полнотѣ картины моей жизни, и это самое лучшее мѣсто въ ней.

28-е, четвергъ. Письмо!.. Не ожидала я отъ тебя, чтобъ ты такъ безпокоился обо мнѣ, и есть чего? Да что же можетъ быть лучше, какъ на диванѣ аршинъ въ 7 длины сидѣть одной, отдѣленной отъ людей оврагомъ, черезъ который ни имъ ко мнѣ, ни мнѣ къ нимъ перешагнуть нѣтъ возможности, закрытой отъ глазъ, которые не хочешь, чтобъ смотрѣли на тебя... воля! Мечты, мечты!.. и прерываемыя только изрѣдка взоромъ усердія, взоромъ участія, поцѣлуемъ любви простой, горячей. Да, это лучшее время въ кн[ягининомъ] домѣ! Я ничего не дѣлаю, потому что не могу ничего дѣлать, бумага для письма къ тебѣ, Евангеліе, другія книги, все безъ употребленья, и такъ-то провесть двѣ недѣли! Наружно я похожа на разслабленную, а посмотри на жизнь внутри,—жизнь, обнимающую мою душу, едва вмѣщающуюся въ груди. Безпрестанно

пересылаемся съ Emilie, сотни хлопочутъ за насъ изъ всѣхъ силъ, ты тоже не сидишь, сложа руки, одна я, какъ *приговоренная къ смерти*,—ты понимаешь эти слова на моемъ языкѣ. Emilie ѣхать со мной невозможно, и требовать этого теперь мы не должны. Необходимости нѣтъ, они сыскали кого-то, кто будетъ мнѣ спутницей, и Кетчеръ, на что-жъ Emilie? Неожиданный отъѣздъ ея надѣлаетъ бездну нелѣпыхъ толковъ, подвергать ее этому — непростительно, *путь ея не мой*, я могу совершенно оттолкнуть ногой весь міръ, а она этого сдѣлать не можетъ. Послѣ пріѣдетъ. О туалетѣ она хлопочетъ, о свидѣтельствѣ хлопочутъ другіе, объ отъѣздѣ тоже... Какъ скажутъ готово,—я порхну въ дрожки К., вотъ и весь мой подвигъ.

За подарки благодарю, любопытство знать о другомъ безмѣрно. А ты говоришь, что во мнѣ ничего нѣтъ отъ женщины обыкновенной. Только зачѣмъ же другая квартира, а не твоя? Когда ты одинъ могъ жить въ ней, то намъ вмѣстѣ, вѣрно, было бы еще удобнѣе. Не ѣзди сюда прежде, нежели я напишу тебѣ, ангелъ мой, не ѣзди. Намъ и видѣться здѣсь нельзя будетъ. Вѣдь, скоро... скоро...

Ты пишешь: «запасайтесь всѣмъ нужнымъ»; вотъ я и рѣшилась сдѣлаться себѣ на что-нибудь полезною, рѣшилась хоть подумать, и думала, кажется, очень долго думала, и придумала—что-жъ? разумѣется, что ничего ненужно. Ты и я побѣдныя головушки, неразумныя, что будетъ съ нами... О! крылья, крылья лучше въ дѣйствіе, пусть все дремлетъ, крылья нужны, полетимъ!

Итакъ, ты будешь сперва ходить *ко мнѣ* въ гости женихомъ,—чудо, ангелъ мой! Пусть ихъ горюютъ, вольно же смотрѣть имъ внизъ, а тамъ-то вонъ посмотри... Александръ, Александръ, тяжело, тяжело отъ счастья, отъ блаженства.

29-е, пятница. «О себѣ» я не читала, ни минуты подлѣ себя нельзя мнѣ имѣть эту книгу безопасно. Будетъ время, начитаюсь, будетъ. Emilie съ своей сестрой будутъ меня провожать до Перова, тамъ разстанемся, и я останусь на твоихъ рукахъ—и радость, и трепетъ, и страхъ. Ангелъ мой, рѣшилась ли бы я на все это, если-бъ не ты: ежели бы нѣсколько время тому назадъ ты написалъ мнѣ, что надо бѣжать, я бы отвѣтила, что это нелѣпость, что это невозможно... О, Жанъ-Поль правъ!

Папенькино письмо меня разсмѣшило, теперь они во мнѣ ищутъ ужъ опоры; правда -«не плюй въ колодезь», а твоей записки не присылаетъ, проси его о портретѣ Явно не пишу, потому что не хочется просить у кн[ягини] позволенія, а безъ него нельзя явно, потому что людямъ запрещено подавать мнѣ и принимать отъ меня записки и письма. Я что-то не могу ничего понять, что дѣлается со мной, какъ во снѣ: то улыбка, то слезы, то съ молитвой крещусь, то съ восторгомъ смотрю на небо,—все такъ ново... то безпечно обращаю вокругъ взоръ, то пробѣгаетъ трепетъ отъ собственнаго движенія.

Страхъ священной, не препятствія страшатъ, не люди, страшно счастье, страшно блаженство... О, Александръ!

Вечеръ.—Сейчасъ видѣлась съ Emilie, и твое письмо. Александръ! *въ этомъ письмѣ* ты недостоинъ меня. Вотъ мой приговоръ тебѣ. О!—Да, мой ангелъ, жизнь моя, все это любовь, любовь... но гдѣ-жъ вѣра, гдѣ Богъ? Ты спрашиваешь, покойна ли я? Да была ли бы я *твоя Натата*, ежели бы была непокойна? Любовь моя до того сильна и свята, до того безмѣрна, необъятна, что я часто забываю, что ты не подлѣ меня,— потому что моя душа въ твоей душѣ, потому что я такъ тѣсно слита съ тобой, что незамѣтна разлука. А ты?... Александръ, послушай: я *скоро* стану съ тобой подъ вѣнецъ, *скоро* Онъ благословитъ насъ еще на всю

жизнь, *скоро* ни минуты разлуки,—*будь же достоинъ этого!* Меньше ли я люблю тебя, божество мое, отецъ мой.. . До твоего письма я была покойна, теперь мучаюсь; нѣтъ, ты не любишь меня моей любовью.

Не могу теперь оставить перо. — Александръ, я у ногъ твоихъ.— Да чего ты хочешь, отчего ты въ такомъ волненьи? Всѣ наши друзья хлопочутъ, стараются, вѣрно ужъ не отнимутъ они у насъ и минуты; какъ только будетъ все готово, я клянусь тебѣ, ни одного часа мѣшкать не буду, ну, я выпрыгну въ окно, ежели нельзя будетъ идти въ вороты. Вѣдь, вотъ опять бѣда! «Не прыгай! ушибешься!» О, моя побѣдная головушка. Да ужъ я не знаю, какъ успокоить тебя. Александръ, ей Богу, я не знаю, что съ тобою. Довольно ли тебѣ: *въ маѣ мы обвѣнчаны??* На что страхъ, на что сомнѣнье? ни разу въ мою душу сомнѣнье не заглядывало, вотъ ужъ двѣ недѣли *я жду* и не вижу, какъ летитъ время.—Господи! Нѣтъ, мой Александръ, ты мучаешь меня.

На что ты перемѣняешь квартиру? Ежели еще не нанялъ, ненадо, мнѣ хочется непремѣнно пріѣхать къ тебѣ; Emilie, вѣдь, не будетъ, такъ на что-жъ. Мнѣ наняли здѣсь дѣвушку, которая поѣдетъ со мной —чудесная мастерица всему. Ты слишкомъ хлопочешь о моихъ нарядахъ, на что они тебѣ? Теперь все наскоро и безъ роскоши, потому что затрудненіе въ деньгахъ; впрочемъ, все это не по моей части, я ни о чемъ не имѣю понятія, какъ хочетъ Emilie.

Другъ мой, ангелъ, будь покоенъ; ну, ежели ты *вѣришь любви моей*, —вѣрь, что до поста я у тебя. Ну, чего-жъ еще? Только не ѣзди же ко мнѣ прежде, нежели напишутъ. Ты воображаешь, я далеко отъ тебя,—а вотъ посмотри же, кто стоитъ передъ тобою на колѣнахъ и цѣлуетъ твои и умоляетъ быть спокойнымъ,— ангелъ мой, кто? Сжалься же, *докажи*, что любишь, ну, посмотри *покойно* на небо, скажи *покойно:* «Господи, да будетъ твоя воля!» Скажи мнѣ: «Наташа, я покоенъ», и Наташа воскреснетъ. Посмотри, мой ангелъ, какъ я на готовѣ въ путь, все любимое отослано: ни портрета, ни писемъ, ничего изъ святыхъ вещей. На груди благословеніе твое и покойнаго папеньки; ребенкомъ я надѣвала его всегда въ путь за 15 верстъ, теперь онъ надѣтъ въ путь за 200 верстъ,—въ путь къ тебѣ! къ тебѣ! Ты мой свѣтъ, моя жизнь, моя молитва, ты — я, — какъ же ты можешь помрачать меня? Ангелъ мой, я знаю,—это любовь, но отбрось отъ нея то, что мучаетъ тебя, люби такъ, [какъ] я люблю.

Теперь я еще менѣе въ состояніи писать къ нашей Вятской сестрѣ. Если-бъ я знала, что меня не удержатъ безъ виду, побѣжала бы къ тебѣ. Да подожди немножко, *крошечку...* Александръ. Emilie хотѣла писать, да я ужъ все написала. Цѣлуй же меня весело.

Суббота, 30-е, утро, 7-ой часъ. Господи, что же я за безчувственная... или ты, мой Александръ, покоенъ? Божественный часъ. *Скоро* онъ для насъ будетъ еще выше, еще святѣе, я такъ вѣрую, что все волненье мое улегло опять, такъ вѣрю въ моего Александра, что не сомнѣваюсь, что онъ уже покоенъ. Или это обманъ одинъ? Скажи мнѣ, другъ мой, увѣрь меня, напиши. О, страдалецъ, что скоро ждетъ тебя, — отдохнешь, отдохнешь, мой пилигримъ, на той груди отдохнешь, въ которой, съ первой минуты ея жизни, жилъ ты одинъ, и никто не удалитъ отъ тебя этой груди, никто не отстранитъ... Скоро! скоро!!

Святи же 7-ой часъ молитвой, развѣ послѣднее свиданіе со мною завѣсило отъ тебя небо? О, я дрожу, страшно, я буду бояться приблизиться къ тебѣ, или, соединившись другъ съ другомъ, мы должны разстаться съ небомъ? Александръ, помни, *ты мой!* Ну, будь ангелъ, будь святъ, чистъ, высокъ, и будешь покоенъ,

какъ твоя Наташа Хорошо, что Emilie не ѣдетъ мы будемъ одни, одни и не надо никого.

[При этомъ письмѣ приложено слѣдующее письмо къ Полинѣ].

Москва. Апрѣля 29-е.

Другъ мой, дивная сестра моя, Полина! Ты все болѣе и болѣе приводишь меня въ восторгъ, все болѣе и болѣе сестра мнѣ! Оба письма твои получила, *семья наша* дѣлается все чище, святѣе—расти, другъ! Умножая наше счастье—увеличивай свою славу. Я благодарю Бога за твою встрѣчу съ Александромъ, она вамъ была необходима обоимъ, она обоимъ вамъ—ступень къ небу. О, какая дивная душа у тебя, моя Полина, я горжусь тобою и какою стройною, величественною пѣснью льется она въ мою душу, какъ отрадно имъ вмѣстѣ, какъ хорошо. Какъ двѣ чистыя капли росы, слитыя въ одну, отражаютъ онѣ и Бога и его. Полина! — говори, говори мнѣ... Люблю твой языкъ, онъ такъ внятенъ, такъ близокъ душѣ — языкъ ея родины. И ты писала мнѣ передъ заутреней Свѣтлаго Воскресенія... О! мы сестры! — Я виновата передъ тобою, другъ мой, прости! внѣшняя жизнь моя не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ жизнью души: ты знаешь, я сирота, брошенная людямъ, и до сихъ поръ, обладая всѣми благами рая, всѣми сокровищами Господа, живя жизнью неба.—я все еще подъ ногами людей. Александръ, отворя мнѣ врата въ царство Божіе, приведя меня къ Его престолу, увѣнчавъ меня вѣнцомъ славы неземной,—еще не могъ отворить моей темницы, оттолнуть *ихъ*, но скоро, скоро, мигъ желанной, мигъ свободы О! *тогда*-то, сестра моя, ужъ ничто не будетъ мнѣ препятствовать бесѣдовать съ тобою. Тогда жди отъ меня посланія длинныя, я изолью всю душу тебѣ, всю жизнь, а теперь... прости же меня, дай руку, обнимемся! По мѣрѣ приближенія къ нему, увеличивались тернія на пути, по мѣрѣ блаженства, росли страданія—теперь мы почти рядомъ, и насъ распинаютъ, но—воскресеніе свѣтлое скоро, скоро... Помолись о насъ, сестра наша, и благослови твою Наташу.

[27 апрѣля, Владиміръ].

Сегодня 27-ое апрѣля, еще 30 дней остается для соединенія, а все идетъ медленно, почти совсѣмъ не идетъ. Послѣ 27 мая падетъ черная завѣса на цѣлый мѣсяцъ, предупредимъ же ее. Буду искать средства обойтиться безъ свидѣтельства. 30 дней издали кажется много, очень много времени, а вдругъ опомнишься и увидишь, что едва остается нѣсколько дней. Это одна изъ главныхъ сторонъ моего огненнаго характера, что я не могу возвращаться къ прошедшему. «Впередъ», кричитъ голосъ сильной,—и я мчусь. Итакъ, перстъ Божій указалъ намъ май, будь же готова исполнить волю Его. Я страданіями, ты молитвой, и оба любовью очищенные, святые, станемъ передъ алтаремъ.

Нынче я утомленъ, усталъ за всѣ прошлые дни, думать я давно не могу, но теперь и чувствовать ясно не могу. Я похожъ на человѣка, которой при кораблекрушеніи вскочилъ на бревно, пытался дать ему направленіе къ берегу, но волна не слушается и вотъ, отдавъ попеченіе Богу, человѣкъ засыпаетъ душою, смотритъ на огромное море и не понимаетъ ни спасенія, ни гибели, потому что своими силами ужъ онъ не можетъ ускорить ни того, ни другого. Завтра получу письма, авось что-нибудь узнаю. Да, Наташа, прежде нежели ты исполнишь, напиши мнѣ весь планъ и жди отвѣта, я боюсь твоей неосторожности,

всего лучше мнѣ самому пріѣхать за тобою, *только чтобъ все готово было*. Я писалъ къ Ал. Ал., но признаюсь, сдѣлалъ это, исполняя твою волю á contre coeur. Холодная душа, эгоистъ въ высшей степени. Когда я, школьникъ, цѣнилъ одинъ умъ, я любилъ его, и онъ, кажется, любилъ (не меня, а мои таланты), но теперь между мною и имъ нѣтъ перехода. Онъ *хуже* ихъ: они дѣлаютъ глупости, какъ угорѣлыя кошки отъ дыма предразсудковъ, онъ по тонкому расчету, по теоріи дурной человѣкъ. Мнѣ очень непріятно будетъ, ежели ты переѣдешь къ нему; онъ ведетъ такой образъ жизни, какого бы я не желалъ ставить передъ твоими глазами. Ежели судьба будетъ такъ жестока, что въ маѣ ты не пріѣдешь сюда, а пробудешь весь іюнь у Ал. Ал., то прошу тебя, будь какъ можно дальше отъ него. Даже нѣтъ нужды скрывать холодности. Всего же лучше просись въ Перхушково, тамъ есть церковь, тамъ могу я быть смѣло. Впрочемъ, я тогда напишу ему письмо *повыразительнѣе* перваго. Олимп. Макс. добрая женщина, сколько я знаю, но безъ характера. Говорятъ въ защиту Ал. Ал., что гоненія отца сдѣлали его такимъ, а зачѣмъ же его душа сломилась отъ этихъ гоненій. Нѣтъ, весь корень зла — воспитаніе въ грубыхъ правилахъ философіи прошлаго столѣтія, въ матеріализмѣ и невѣріи. Насъ, живыхъ людей, и худшія гоненія не сломили.

Четвергъ. 28-го. Ангелъ мой, Наташа, что же время разучилось ходить: стоитъ на одномъ мѣстѣ и давитъ ногою въ грудь. Ежели мы въ маѣ не успѣемъ ничего сдѣлать, что будетъ со мною въ іюнѣ? О, тогда пусть небо броситъ камнемъ въ меня, пусть дохнетъ ядомъ, чтобъ я пролежалъ больной въ постели, очень больной, въ бреду. Знаешь ли, какъ физическія боли врачуютъ душу: сперва страданія, потомъ весь ослабѣешь, потомъ выздоровленіе и первая прогулка, и встрѣча съ былою жизнью. Какъ я былъ покоенъ, когда въ Вяткѣ расшибъ себѣ голову, я безпрестанно спалъ, даже боли не чувствовалъ, потому что мочили опіумомъ. Опіумъ, опіумъ—вотъ дивное вещество, это ужъ не вино европейцевъ, это чародѣйная сила востока, полная его нѣги и поэзіи, это весенній воздухъ для чахоточнаго, которой разомъ льетъ наслажденіе и отраву. Давно хочется мнѣ попробовать, тогда было смутно, неясно, надо попробовать здоровому.

Читала ли ты книгу, которую я оставилъ? Смотри, когда поѣдешь, не забудь ее, она одна и черная и бѣлая. Саз. и Кетч. въ восхищеньи, особенно отъ вакханаліи. Да что ты теперь такъ трусишь, требуй себѣ права писать, особенно ежели пап[енька] пришлетъ записку.

Прежде я носилъ браслетъ рѣдко, теперь я не могу минуты пробыть безъ него, это мой талисманъ, онъ живъ до сихъ поръ, *твой локонъ!* Иногда въ грустную минуту долго смотрю на него, и на твое имя, и голосъ съ неба раздается: «Не грусти, она, прелестная, великая, святая, она твоя—эта Natalie», и я бѣшено цѣлую браслетъ и ленту (не черную, а голубую). Утромъ, когда проснусь, я ищу молитву и твой браслетъ, онъ святой антиминсъ моей молитвы. Наташа, милой другъ, пожалѣй Александра и прилети къ нему, не могу дольше быть безъ тебя. Наташа, Наташа, Бога ради, сюда, сюда—изъ состраданья, изъ любви! Обстоятельства склонятся сами и легче, нежели мы думаемъ.

Пятница. Это письмо доставитъ Матвѣй, т. е., настоящій. Наташа, *рѣшено*, все готово, собирайся. Я жду во Владимірѣ; завтра Матвѣй ѣдетъ къ тебѣ, можетъ, въ четвергъ... пусть договоритъ твое сердце.

Твой *Александръ*.

Возьми же сестру Emilie.

Нѣтъ, не совсѣмъ рѣшено. Я въ претензіи на всѣхъ нашихъ. Какъ не умѣть достать свидѣтельства изъ церкви, гдѣ тебя крестили. Я просилъ архіерея; онъ сказалъ, что если вѣнчаться тайно...

Къ Emilie.

Теперь все будущее, все счастье я отдалъ въ руки друзей, больше всего въ твои руки, Emilie; здѣсь все готово, надобно украсть Natalie, и тогда кончено. Я остался нарочно во Владимірѣ, чтобъ не подать подозрѣнія. Вотъ мои совѣты. Всего лучше увезти въ началѣ ночи и тотчасъ въ коляску, ибо 12 часовъ пройдетъ прежде, нежели они успѣютъ что-либо предпринять. Здѣсь до вѣнчанья надобно, чтобъ прошло только часа два, я назначаю пріѣхать сюда въ 4 часа утра (полагая, что выѣдете въ 2, это 26 часовъ), денегъ на водку не жалѣйте.

Уложи всѣ пожитки и все вручи Матвѣю, ежели нужны деньги, онъ можетъ достать, сколько хочешь. Пріѣзжайте только въ такой день, въ которой вѣнчаютъ. Хотя я и сладилъ безъ метрическаго свидѣтельства, но это плохо, ежели можно достать изъ церкви, гдѣ Наташу крестили, достаньте. Ну, впрочемъ, полагаюсь на Бога и на васъ. А каково будетъ мнѣ ждать нѣсколько дней!.. (Погоди,—новыя бѣды, читай писанное къ Natalie).

Къ Natalie.

Поздно вечеромъ. Natalie, мое положеніе ужасно, все казалось было готово, губернаторъ подписалъ, вдругъ отъ священника рѣшительный отказъ; нѣтъ доказательства о твоемъ совершеннолѣтіи.

Нѣтъ, довольно страданій, не могу больше, вся моя чугунная твердость раздробилась, я гибну безъ тебя, гибну, гибну. Ты говорила мнѣ: «Спаси меня», теперь я тебѣ и Богу говорю: «Спасите меня»... Grâce, grâce. Я уже одной ногой былъ въ повозкѣ, чтобъ скакать въ Москву, но tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle s'y casse... слишкомъ часто.

Фу, какая буря мятется въ душѣ, и какъ больно, больно... Я схватилъ бутылку вина и выпилъ ее заразъ, этого я давно не дѣлалъ. А, вѣдь, я счастливъ, очень счастливъ, меня любитъ она, она святая недосягаемая, что же было бы, ежели-бъ она не любила, ха-ха-ха... Будто Natalie могла жить, не любивши меня, это nonsens, это нелѣпость. Но кончите же, Бога ради, Бога ради, кончите. Пріѣзжай на *авось*, *авось* либо сладимъ. Странно, безумно,—ну, слушай, ежели не сладимъ, ты, мой ангелъ, тверда... есть средство, данное Богомъ людямъ, которымъ скучно по небу,—acidum hydrocianicum, выпьемъ вмѣстѣ... ты слабже, ты выпьешь меньше, и тогда въ одинъ мигъ—къ Богу Отцу.

Суббота, вечеръ. Бога ради, свидѣтельство отъ того священника, который крестилъ, и съ Богомъ тогда во Владиміръ. Все готово... Ангелъ мой!

Москва. Мая 1-е, воскресенье.

Женихъ! Нѣсколько шаговъ странствованія въ чужбинѣ... и родина, и домъ нашъ, и мы вмѣстѣ! Страшное, ужасное время. Врата нашего святого, великаго, божественнаго *тогда* отворяются, мы должны *достойно* вступить въ него. Еще чистая безукоризненная благодарность людямъ за то, что они оттолкнули меня, дали свободу приготовиться. Я чувствую близость,—Господи благослови!

Твое письмо поразило меня, взволновало ужасно, заставило страдать, отняло покой... Александръ, письмо, а каково то чувство, которое писало его? Я не прощаю тебѣ этой любви! Ангелъ *мой*, смотри на *твою* Наташу — тихое, спокойное блаженство, молитва и ожиданіе. Я высоко, высоко надъ всѣмъ, и вижу одни лишь слова въ небѣ, въ душѣ, слова, начертанныя Имъ: «Будешь скоро съ нимъ». Какъ мы должны быть святы, чисты, близки съ Нимъ, стоя такъ близко нашего *тогда*,—а твоя тоска не шагъ ли назадъ? Но миръ съ тобою— руку. Обними же еще достойно твою невѣсту, и не *раскаивайся*, что обнялъ. Ахъ, Александръ, я не могла постигнуть тебя, читая и...

2-е, утро.—Вчера Пр. Андр. прервала. Нынче въ *7 часовъ утра* я получила и письмо твое, и *вѣсть*. Александръ,—я ничего не понимаю, ты близко, близко, только это понимаю.

Вечеръ.—Вотъ и мой чередъ пришелъ молчать, ни словами, ни перомъ не могу говорить, все только и твердится: скоро! скоро! *Скоро,* мой Александръ!..— Я ничего не знаю, что дѣлается у нашихъ, и не понимаю, когда толкуютъ мнѣ. Пап[енька] сердится, Emilie хлопочетъ о *твоихъ* нарядахъ, друзья о свидѣтельствѣ, я... я,—ты знаешь, что я!

Ахъ, тяжело- -Боже! Александръ... Ну, право, ангелъ мой, не хочется писать, лучше я буду *говорить* съ тобою.

О, мой Александръ!—А обручальныя кольца?

3-е мая, вторникъ.—Что-то ты, мой ангелъ? Я спокойно смотрѣла на волнующуюся и бушующую толпу, спокойно смотрѣла, какъ по этимъ грязнымъ и отвратительнымъ волнамъ плылъ мой челнъ и приближался къ берегу святому; не страшенъ былъ мнѣ ревъ и пѣна этого моря нечистоты, не страшно было, когда оно вздымало меня на грязныхъ волнахъ и, всасывая въ себя, грозило поглотить вовсе, передо мною сіялъ и свѣтилъ берегъ, съ него слышался голосъ призывной, родной, голосъ неземной, съ него вѣяло благодатью, блаженствомъ, на немъ виднѣлся ты. Я не видала ни угрозъ моря, ни его гнѣва, я видѣла только тебя, видѣла Его руку, ведущую къ тебѣ, и плыла, плыла смѣло... Твое письмо впервые наложило тоску на душу, втѣснило грусть въ сердце и горемъ потопило грудь... Что ты? Покоенъ ли? О, ради Господа! Александръ, да какое же больше тебѣ утѣшенье—*мы скоро соединены?* —Я вижу это, чувствую, и одна молитва въ душѣ, одинъ свѣтъ, о, ты-то будь также покоенъ! Ангелъ мой, не хочу говорить, прощай, цѣлую тебя! Не хочу, не могу писать объ обстоятельствахъ, здѣсь вздорны и глупы, а наши вѣрно сами пишутъ тебѣ подробно. Ну, Господь съ тобою, вотъ еще благословеніе мое тебѣ.- -Мнѣ хотѣлось ужасно видѣть Матвѣя, но это невозможно было. Я писала Emilie отдать ему бумаги и портретъ,—не знаю ничего, что у нихъ дѣлается.

4 мая.—Письма передъ соединеніемъ блѣднѣютъ, какъ звѣзды въ солнцѣ. Скоро! скоро!

Твой теперешній планъ лучше: уѣхавъ изъ дому, тотчасъ въ путь, пріѣхавъ во Владиміръ тотчасъ въ храмъ Божій. Но, можетъ, вѣсть объ освобожденіи измѣнила все? Еще поцѣлуй.

Ночь на первое мая [Владиміръ].

Итакъ, ужасный, огромный шагъ совершился! Матвѣй скачетъ теперь, и черезъ сутки все начнетъ дѣйствовать. О, если-бъ ты меня могла видѣть теперь! Дивная, святая—да, тогда бы ты узнала не любовь мою, ее ты знаешь, а бѣ-

шенство моего характера. Я страшенъ теперь, я на шагъ отъ всякаго злодѣйства,—и боленъ, боленъ тѣломъ, дрожу отъ холода, а въ головѣ жаръ, огонь.

Повторю въ послѣдній разъ мою первую фразу: Голубь привязанъ къ ракетѣ,—но ты не боялась и тогда.

Измученный мечтами, страхомъ, бросаюсь я на постель, на минуту засыпаю и просыпаюсь въ ужасѣ, въ оцѣпенѣніи. Ну, если ты пріѣдешь и найдутъ препятствія. Горе, горе мнѣ тогда.

Великій Боже, вотъ моя жизнь, возьми ее, вотъ мое тѣло, пусть оно сломится подъ крестомъ, — но да не падетъ пылинка на нее! Прощай, лягу; ежели это долго еще продолжится, не знаю, что будетъ со мною. Ангелъ, Наташа, ангелъ Наташа!

1-е мая. Поздно. — Ну, поздравь меня, я вылечился, разумѣется, чѣмъ— письмомъ твоимъ. Съ каждой строкой воскресала душа, и оправилась, и отряхнулась при послѣднихъ строкахъ, и взлетѣла къ небу. Итакъ, ты, ангелъ, теперь видишь сама, что ты выше меня. Однако, скажу откровенно, мнѣ больно было читать: «Я буду бояться приблизиться къ тебѣ». Наташа, у тебя есть еще за Александромъ небо, я *всю* жизнь перенесъ въ тебя, я безъ боязни иду въ вѣчную муку, лишь бы ты была моя. Я-ль виноватъ, что въ моихъ жилахъ льется огонь. Пусть Матвѣй тебѣ скажетъ, что было со мною, когда священникъ отказался. Ты въ своей тюрьмѣ ждешь окончанія, а *мы* придвигаемъ его, оттого ты и можешь быть покойна, а тутъ цѣлой день борьба съ людьми, переговоры, и мечты почернѣютъ, и сонъ ночью бѣжитъ отъ глазъ, и грудь болитъ физически.

Священникъ сказалъ: итакъ, въ пятницу въ 7 утра,—а теперь воскресенье. Не могу обнять этой близкой мечты, нѣтъ, она не по груди моей. — Ну, спи съ Богомъ. Матвѣй теперь дѣйствуетъ. Ты хвалишь друзей, да что же толку, что они дѣйствуютъ, дѣйствуютъ и все не такъ, какъ слѣдуетъ, свидѣтельство и деньги, только и было нужно.

3 мая. — Смутно. Я смотрю на все глазами человѣка, котораго разбудили. Сегодня вторникъ—еще страшнѣе, есть слухъ, будто насъ простили, это было бы не вовсе умѣстно. — Еще разъ возвращаюсь къ тому, что ты испугалась бѣшенаго языка моего. Зачѣмъ же не вѣрила ты, когда я тебѣ говорилъ, что ты мнѣ много придала своего, идеальнаго, зачѣмъ не вѣрила ты въ клокочущую грудь, въ мои необузданныя страсти? Душа моя, какъ порохъ, попала искра, и она разорветъ все, что около.

Я нашелъ тебѣ домъ, гдѣ ты можешь провести нѣсколько часовъ, или даже день до вѣнчанья, и гдѣ тебя не найдутъ, ежели бы послали эстафету. — Получилъ отъ Астрак. письмо, — и въ самомъ дѣлѣ, они все дѣлаютъ, а я, вмѣсто благодарности, бранюсь. — Главное необъятно. Почти невозможно, чтобъ май прошелъ, не приведя соединенія. — О, время Вятской жизни, потускло ты, ты заплачено 3 мартомъ, а 17 апрѣля и 18 были началомъ новаго фазиса жизни. Промежутокъ — молитва. Одинъ человѣкъ здѣсь и есть, которой отчасти близокъ душѣ, это мой шаферъ Богдановъ. Помощники есть, но... но ничего про нихъ не скажу. Тебѣ хочется знать второй подарокъ,—пріѣзжай, увидишь.

4 мая, середа. — Можетъ нынче! Ужъ довольно того, что естъ возможность думать, что можетъ. Мое опьяненіе продолжается, не могу ясно и чисто связать двѣ мысли. Ты очень хорошо выразилась, сказавши: «какъ приговоренная къ смерти»,—да, я думаю, *физически* душа точно въ томъ положеніи. Но не брани же

меня, *смирись* и ты въ свою очередь; ежели Богъ тебѣ далъ вѣры больше, то все любовь равна; съ разницею лазореваго цвѣта и пурпуроваго, оба они хороши въ радугѣ Господней,—зачѣмъ же ты меня бранишь за любовь къ тебѣ. О, она необъятна моя любовь, и точно: обыкновенной женщинѣ должно бѣжать такой любви; а ты созданная для меня, умѣвшая въ себѣ сосредоточить всѣ лучи моей экспансивной души. Наташа, будто это возможно: черезъ недѣлю, а можетъ, черезъ день... О!—когда мы останемся одни, тогда бросимся на колѣна и поблагодаримъ Бога. Душа моя, а какъ непріятно вести переговоры съ попами... Фу!—Зато у архіерея я былъ хорошъ, я не проспилъ, я далъ волю языку, и пламенно, бѣшено требовалъ, онъ обѣщалъ *не* препятствовать и прибавилъ: «Вотъ огонь-то, и ссылка и тюрьма не вылечила его». Да, я требую тебя, какъ своей собственности. А все не могу послѣдовательно писать.

Квартира по необходимости осталась та же. Возлѣ почты бубенчики и колокольчики всегда волновали меня, а теперь всякой разъ кровь бросается въ голову.

Середа, четвертый часъ передъ обѣдомъ.—Послушай, другъ мой, что со мною было сейчасъ. Сижу у стола и ничего не дѣлаю (я читать не могу). Безпрерывно мчатся дорожные. Вдругъ ѣдетъ колясочка въ четыре лошади, когда я взглянулъ, она остановилась у самыхъ моихъ оконъ, кто сидитъ—не видно, и только часть дамскаго плаща.—Первое движеніе мое было броситься внизъ, но я не могъ, холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу, до сихъ поръ сердце бьется, и руки дрожатъ. Кто-то эта дама, ей, чай, и во снѣ не грезилось взволновать меня прибытіемъ во Владиміръ.

Мая, 5-е, четвергъ. 11 часовъ утра [Владиміръ].

Обо мнѣ, какъ о больномъ, надобно писать каждые два-три часа бюллетени. То улыбка, то слеза, то потъ холодной и ужасъ, то надежда, вѣра, то сомнѣніе винтитъ душу.

6-е, пятница.—Вчера маленькая записочка отъ тебя; кажется, я спокойнѣе сегодня. Но зачѣмъ же ты въ запискѣ не пишешь, ѣдешь или нѣтъ теперь, впередъ ли посылается Матвѣй, или нѣтъ. Твоя вѣра велика, Наташа, но взгляни же теперь на всю необъятность моей любви, и опять повторяю: не брани. Было время, ты съ скорбью, съ отчаяніемъ писала ко мнѣ, когда я сидѣлъ въ Крутицахъ,—и я былъ покоенъ, я утѣшалъ тебя. Вспомни, что и въ Вятской жизни я умѣлъ переносить отказы и «мытарства», что вырвется грустной звукъ и покроется свѣтлой пѣснью любви. Минуты черныя происходили отъ угрызеній,—это дѣло другое. Я знаю, что я твердъ, что могу много вынести, но мое настоящее положеніе раскрыло разомъ и всѣ надежды и всѣ раны, кровь струится отовсюду, и благословеніе Бога тускнѣетъ мѣстами отъ проклятія толпы. Счастливая—ты не знаешь всего, что могутъ сдѣлать противъ насъ, ангелъ, ты не можешь постигнуть всѣхъ гнусностей людскихъ. А я, выпившій до дна чашу жизни, жившій 3 года съ толпою, въ толпѣ,—я знаю. Толпа, имѣвшая силу распять Христа, продать его—сильна! А мы сильны любовью, смѣлостью, но зато слабы матеріально. Вотъ тебѣ доказательства. Полтора мѣсяца неусыпныхъ трудовъ, всякаго рода пожертвованій едва учредили положительную возможность вѣнчаться и вся эта возможность рухнетъ, ежели успѣютъ предупредить архіерея. Конечно, есть тѣнь вѣроятія, что я склоню его на свою сторону.

но вѣрно ли это? Малѣйшая злонамѣренность можетъ все остановить, но, однако, тутъ я испыталъ, какую власть имѣетъ человѣкъ не изъ толпы надъ людьми. Когда я разскажу подробности, ты увидишь, могъ ли бы другой такъ склонить. — Оно страшнѣе теперь потому, что ближе, но я спокойнѣе, теперь остается двадцать дней.—У меня одна молитва, лишь бы все оборвалось на моей головѣ, и это не для тебя я желаю, а для себя: мнѣ легко страдать и думать, что страдаю за Наташу, но пылинка на тебя, и я руками готовъ изорвать свою грудь, и черная волна отчаянія захлестнетъ душу.

Деньги изъ Вятки еще получилъ, покамѣстъ довольно. Ну, прощай, писать неловко, пора *говорить*. Милой, милой ангелъ, моя дѣва, моя обѣтованная.

О, Наташа, какъ ты счастлива: быть такъ любимой, знать это. Нѣтъ, съ гордостью говорю,—тебя жалѣть *ненадобно*.

Москва, мая 6-е, пятница.

Можетъ быть, этотъ листокъ заключенье нашей жизни *въ письмахъ*.—О!—Можетъ быть, ты будешь читать эти строки тогда, какъ я буду ближе къ Владиміру, нежели къ Москвѣ. Все это такъ сильно волнуетъ душу, такъ полна она, что восторгъ льется черезъ край.

Что-то ты? Александръ, не только разсказать, я сама не могу понять, что со мною, что я. Ежели бы *ожиданіе близкаго* такого блаженства продолжилось еще долго,—я умерла бы. Давеча рано утромъ я узнала, что свидѣтельство готово.—О, нѣтъ, нѣтъ словъ, мой ангелъ, разсказать, я не могу говорить. Я знаю одно—*скоро съ тобою*—вотъ и все.—Александръ, Александръ, Александръ.—Не знаю, что Матвѣй, что все,—какъ ты думаешь, безпечность это? Хладнокровіе? Мнѣ говорятъ, пишутъ, все это стирается въ одинъ мигъ мыслью: *скоро къ нему!*

Мы или съ ума сойдемъ, или умремъ, нѣтъ, въ тѣлѣ человѣку невыносимо такое блаженство.—Александръ, Александръ, вѣдь, я твоя Наташа, твоя, твоя! Александръ—и больше ничего.

7-е, суббота.—Вчера Emilie писала, что ты самъ будешь,—но, можетъ, что-нибудь тебя остановитъ, то я и посылаю этотъ листокъ, чтобъ ты, мой ангелъ, не безпокоился обо мнѣ.—О! Господи!

КОНЕЦЪ.

Примѣчанія.

Стр. 1. А. И. Герценъ и Нат. Ал. Захарьина были незаконныя дѣти двухъ родныхъ братьевъ Александра Алексѣев. (старшаго) и Ивана Ал. (младшаго) Яковлевыхъ. Одинъ изъ сыновей старшаго Яковлева Алексѣй Александровичъ кончилъ курсъ въ ун-тѣ, былъ ученымъ химикомъ и велъ отшельническую жизнь. Онъ незадолго до смерти былъ узаконенъ отцомъ. Наталья Алдр. послѣ смерти отца 7 - лѣтней дѣвочкой была взята ея теткой кн. Маріей Алексѣев. Хованской, у которой и жила съ любимицей - компаньонкой княгини Марьей Степановной Макашиной, дочерью звенигородскаго чиновника. Ал-дръ Ив. Герценъ былъ незаконнымъ, но любимымъ сыномъ Ив. А. Яковлева, въ домѣ кот. жила и его мать Луиза Ив. Гаагъ. Еще въ дѣтствѣ онъ подружился съ Н. П. Огаревымъ, а по окончаніи моск. ун-та оба они, за одну студенческ. исторію были арестованы. Герценъ просидѣлъ съ іюля 1834 г. по 10 апр. 1835 г. въ Крутицкихъ казармахъ и 10 апр. 1835 г. былъ сосланъ въ Пермь, но по прибытіи туда въ маѣ 1835 г., былъ переведенъ въ Вятку.

— Эмилія Михайловна Аксбергъ, молодая дѣвушка, которая, окончивъ институтъ, была русской гувернанткой, взятой кн. М. А. Хованской для Натальи Александровны. Съ 1835 г., когда княгиня сочла образованіе Нат. Ал. законченнымъ, Э. М. Аксбергъ не жила болѣе въ домѣ княгини, но между нею и ея бывшей ученицей осталась прочная дружеская связь и Аксбергъ часто бывала въ домѣ княгини, раздѣляя радости и печали Нат. Александровны. Въ перепискѣ она часто обозначается именемъ Emilie или однимъ иниціаломъ Е.

— «Уранія»—такъ назывался альманахъ, изданный извѣстнымъ историкомъ М. П. Погодинымъ (М., 1826). Въ немъ была помѣщена и повѣсть самого издателя «Нищій».

Стр. 2. Татьяна Петровна, о которой здѣсь упоминается, Т. П. Пассекъ, писательница (1810— 1889). Герценъ называлъ ее «корчевской кузиной» и «Темпрой». Была замужемъ за Вадимомъ Вас. Пассекомъ. Дѣтство проводила въ домѣ отца Герцена и подружилась съ послѣднимъ. Основала и издавала (1880 — 1887) дѣтскій журналъ «Игрушечка». Ея главный трудъ мемуары «Изъ дальнихъ лѣтъ» (3 т., Спб., 1879— 1889), гдѣ сообщено много подробностей о жизни Герцена.

— Герценъ кончилъ курсъ по физико-математическому факультету московскаго университета со степенью кандидата, въ іюнѣ 1833 г., получилъ серебряную медаль за диссертацію по астрономіи.

Стр. 3. Юношеская статья Герцена о Воробьевыхъ горахъ не была нигдѣ напечатана и, повидимому, затерялась.

Стр. 5. Сильвіо Пеллико (1789—1854), итальянскій поэтъ. По подозрѣнію въ революціонныхъ стремленіяхъ былъ арестованъ австрійскими властями и приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена одиночнымъ заточеніемъ въ крѣпости Шпильбергѣ, гдѣ Пеллико пробылъ 10 лѣтъ (1820—1830). Наиболѣе популярное сочиненіе «Мои темницы» было нѣсколько разъ переведено на русскій языкъ (1836, 1894 и 1896). Другое его сочиненіе «Объ обязанностяхъ человѣка» также не разъ переводилось по русски (1855, 1837 и 1892).

— Марончелли. Итальянскій патріотъ, арестованный австрійскими властями въ 1820 г. и товарищъ Сильвіо Пеллико по тюремному заключенію.

— Десять писемъ 1834 г., стр. 4, до письма изъ Ниж.-Новгорода, стр. 12, были писаны изъ Крутицкихъ казармъ, гдѣ въ то время находился подъ арестомъ Герценъ.

Стр. 7. Сатинъ, Николай Михайловичъ (1814—1873), поэтъ, переводчикъ Шекспира («Бури» и «Сна въ лѣтнюю ночь»). Какъ другъ Герцена и Огарева,

онъ былъ арестованъ одновременно съ ними и въ 1835 г. былъ сосланъ въ Симбирскую губ., а въ 1837 г., по болѣзни, былъ переведенъ на Кавказъ. Помѣщалъ свои стихи въ «Отеч. Зап.» и «Современникѣ» 1840-хъ годовъ.

Стр. 9. Статья, о которой говоритъ здѣсь Герценъ (въ концѣ своего письма отъ 21 февраля) — это его «Легенда о св. Ѳеодорѣ», напечатанная въ I томѣ (стр. 1 — 23) настоящаго изданія. Объ этой «Легендѣ» упоминается не разъ и въ дальнѣйшей перепискѣ.

Стр. 14. Егоръ Ивановичъ, старшій братъ Герцена. Черезъ него вела переписку съ Герценомъ Нат. Александровна. Въ послѣдующихъ письмахъ Нат. Ал. часто обозначаетъ его сокращенно: Ег. Ив. и Е. И.

Стр. 15. Поклонъ «Петру», т. е., камердинеру Герцена Петру Ѳедоровичу, поѣхавшему вмѣстѣ съ нимъ въ ссылку.

— «Маменькой» здѣсь какъ и вообще въ перепискѣ Нат. Ал. называетъ мать Герцена—Луизу Ивановну Гаагъ.

Стр. 18. «Стражъ мой»—подразумѣвается компаньонка кн. М. А. Хованской, М. С. Макашина.

— «Сашенькой поповной» Нат. Ал. называетъ Александру Григорьевну Кліентову (переписка съ которой Н. А. напечатана въ «Русской Старинѣ» 1892 г., № 3). А. Г. Кліентова была дочь приходскаго священника церкви Воскресенія Словущихъ на Малой Бронной улицѣ въ Москвѣ. Ей было въ то время всего 14 лѣтъ и на нее имѣла громадное вліяніе Нат. Ал.

Стр. 19. «Папенькой» здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ письмахъ, Нат. Ал. называетъ отца Герцена И. А. Яковлева.

Стр. 20. Буквою О. обозначенъ Ник. Платон. Огаревъ (и въ послѣдующихъ письмахъ также).

Стр. 22. «Германскій путешественникъ» — это статья Герцена, которая подъ заглавіемъ «Первая встрѣча» напечатана въ I томѣ настоящаго изданія (стр. 25—37).

Стр. 23. ...«Твоя должность трудна». По прибытіи въ Вятку Герценъ назначенъ былъ на службу чиновникомъ въ канцелярію мѣстнаго губернатора К. Я. Тюфяева. Подробности объ этой службѣ онъ разсказываетъ въ своемъ «Былое и Думы» (см. II томъ настоящаго изданія).

— «Первый разъ могу это сдѣлать и сдѣлаю»—подразумѣвается: могу писать и пишу. Герценъ былъ предупрежденъ, что кн. М. А. Хованская запретила Нат. Ал. переписываться съ нимъ.

Стр. 24. Левъ Алексѣевичъ—родной братъ отца Герцена И. А. Яковлева. (Герценъ въ своемъ «Быломъ и Думахъ» называетъ его «Сенаторомъ»). Сережа—его сынъ, Сергѣй Львовичъ Левицкій. Левъ Алексѣевичъ Яковлевъ въ послѣдующихъ письмахъ Нат. Ал. часто обозначается одними иниціалами Л. А.

Стр. 26. «Я когда - то любилъ, а теперь не люблю». Здѣсь Герценъ говоритъ о своей юношеской привязанности къ одной московской знакомой Л. В. П., которую въ своемъ «Быломъ и Думахъ» называетъ Гаетаной (см. въ настоящемъ изданіи, т. II, стр. 251—253).

Стр. 27. Здѣсь «маменькой» Нат. Ал. называетъ кн. М. А. Хованскую.

Стр. 28. «Два года тому назадъ этотъ день», т. е., день именинъ Нат. Ал., 21 августа.

— Подъ Людмилой здѣсь подразумѣвается Людмила Васильевна Пассекъ, сестра мужа Тат. Петр. Пассекъ, Вадима Вас. Пассека.

Стр. 29. «Москва, сентябрь 7»—эта дата, повидимому, неправильная, такъ какъ изъ дальнѣйшихъ писемъ (отъ 8 и 18 сентября) видно, что Н. А. Захарьина въ это время была не въ Москвѣ, а въ Загорьѣ.

Стр. 30. Встрѣча Герцена въ Перми съ ссыльнымъ полякомъ Цихановичемъ описана имъ въ его разсказѣ «Вторая встрѣча» (см. т. I, стр. 37 — 43 въ настоящемъ изданіи).

— Саша—А. Г. Кліентова.

Стр. 32. N., котораго любитъ гувернантка Нат. Ал., Эмилія Михайловна Аксбергъ, означаетъ поэта Ник. Мих. Сатина (въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ обозначенъ также буквою С).

— «Саша Боборыкина»—Александра Александровна Боборыкина, дочь помѣщика, близкая подруга Нат. Ал. Она была нѣсколько старше семнадцатилѣтней Н. А.; вездѣ, на послѣдующихъ страницахъ, подъ «Сашей Б.» слѣдуетъ разумѣть А. А. Боборыкину.

Стр. 35. «...Съ тѣхъ поръ, какъ была у тебя», т. е., въ Крутицкихъ казармахъ, на прощальномъ свиданіи передъ отъѣздомъ Герцена въ ссылку.

Стр. 36. «Сережа»—сынъ Л. А. Яковлева, впослѣдствіи извѣстный фотографъ Серг. Льв. Левицкій.

— М. С. здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ письмахъ, эти иниціалы обо-

значаютъ экономку кн. М. А. Хованской, Марью Степ. Макашину, означаемую въ послѣдующей перепискѣ также: Мар. Ст. и Мак.

Стр. 37. Маленькій романъ «съ премиленькой дамой»—это любовный эпизодъ изъ вятской жизни Герцена, его отношенія къ Праск. Петр. Медвѣдевой, мужъ которой былъ больной старикъ-чиновникъ. Объ этомъ эпизодѣ часто упоминается въ послѣдующихъ письмахъ.

— Эрнъ—Гавріилъ Каспаровичъ, молодой чиновникъ у вятскаго губернатора.

Стр. 39. «Les Croisades»—извѣстный и въ свое время имѣвшій большой успѣхъ рыцарскій романъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ. Малекъ Адель и Матильда—герой и героиня этого романа.

Стр. 41. «...Съ моей ракетой». Герценъ называлъ себя ракетой, а Нат. Ал. голубемъ.

— «Вѣсть отъ *него*»—отъ Н. П. Огарева.

Стр. 43. «Это та дама, о которой я какъ-то разъ тебѣ писалъ», т. е., Праск. Петр. Медвѣдева (въ «Быломъ и Думахъ» она обозначается буквою Р.).

Стр. 44. Поздравленіе Нат. Ал. относится къ дню именинъ Герцена (23 ноября).

Стр. 47. Князь Сергѣй Оболенскій, прежде неудачно сватавшійся за Нат. Ал. (см. стр. 8), впослѣдствіи женился на А. А. Бочкаревой.

Стр. 48. Костенька—Наталья Константиновна,—няня въ домѣ кн. Хованской.

Стр. 49. Алекс. Сер.—должно быть Бирюковъ, Александръ Сергѣевичъ, о которомъ упоминается и въ нижеслѣдующей перепискѣ.

Стр. 53. Княж. Анна Бор.—княжна Анна Борисовна Мещерская.

Стр. 54. «Происшествіе, бывшее съ тобой»—объясненіе въ любви Егора Ивановича.

— 6 января 1834 г. у Насакиныхъ былъ вечеръ, о которомъ здѣсь вспоминаетъ Нат. Алек.. Насакины были родственники кн. М. А. Хованской, такъ какъ ея младшая дочь Екатерина Ѳедоровна была замужемъ за Насакинымъ.

Стр. 57. Здѣсь подъ «папенькой» Н. А. подразумѣваетъ своего отца, Александра Алексѣевича Яковлева, тогда какъ въ послѣдующихъ письмахъ «папенькой» зоветъ обычно отца Герцена—Ив. Ал. Яковлева.

Стр. 58. «Вятскими» Н. А. называетъ Прасковью Андреевну Эрнъ и сына ея Гавр. Каспар. Эрна, пріѣхавшихъ изъ Вятки въ Москву.

— «На кладбищѣ я съ тобой разсталась въ послѣдній разъ». Въ день своего ареста, 20 іюля 1834 г., Герценъ гулялъ съ Н. А. по Ваганьковскому кладбищу.

— Карлъ Ив. Зоненбергъ былъ сперва гувернеромъ Н. П. Огарева, затѣмъ, живя у И. А. Яковлева, занимался разными коммерческими предпріятіями и, когда разъ ѣздилъ на ирбитскую ярмарку, то Яковлевъ поручилъ ему устроить въ Вяткѣ домъ и хозяйство Герцена.

Стр. 61. Полина Тромпетеръ (въ перепискѣ почти всегда обозначаемая именемъ Полины) вятская барышня, съ которою былъ друженъ Герценъ. Она впослѣдствіи вышла замужъ за вятскаго пріятеля Герцена Скворцова.

Стр. 62. «Я видѣла твой портретъ». Здѣсь Н. А. говоритъ о первомъ изъ извѣстныхъ портретовъ Герцена, рисованномъ въ Вяткѣ А. Л. Витбергомъ и находящемся нынѣ у старшаго сына Герцена, профессора лозаннскаго университета Ал. Ал. Герцена.

— Полинами (Прасковьями) звали Медвѣдеву и Тромпетеръ.

Стр. 63. «Мед.»—Прасковья Петровна Медвѣдева. (См. объ ней примѣчаніе къ стр. 37).

Стр. 67. Пріѣхавшій въ Москву изъ Петербурга Ивановъ былъ однимъ изъ тѣхъ жениховъ, за которыхъ кн. М. А. Хованская старалась выдать замужъ Н. А.

— Подъ сестрой Орлова подразумѣвается сестра генерала М. Ѳ. Орлова, одного изъ основателей «Союза Благоденствія», ѣздившаго въ домъ Яковлева.

Стр. 72. «О. женится». Н. П. Огаревъ дѣйствительно женился въ 1836 г. на М. Л. Рославлевой.

Стр. 75. Буквами N. S. обозначенъ Н. М. Сатинъ.

Стр. 77. Подъ «*Встрѣчей*» подразумѣвается разсказъ Герцена «Вторая встрѣча», переписанный имъ въ Вяткѣ 10-го марта 1836 г., т. е., за 2 недѣли до настоящаго письма.

Стр. 78. Подъ «Василіемъ Васильевичемъ» подразумѣвается или В. В. Пассекъ, или В. В. Боголѣповъ, законоучитель Герцена, очень любившій своего ученика.

Стр. 80. *«Сегодня десятое апрѣля»*, т. е.. годовщина прощальнаго свиданія Герцена, передъ его отправленіемъ въ ссылку, съ Нат. Ал.

Стр. 82. Madame Matthey — бывшая гувернантка дочерей кн. М. А. Хованской, у нея училась Н. А., по желанью Герцена, нѣмецкому языку.

Стр. 86. «Машенька Эрнъ»—Марья Каспаровна Эрнъ, пріѣхавшая въ Москву вмѣстѣ съ матерью изъ Вятки, сестра вятскаго пріятеля Герцена — Гавр. Касп. Эрна.

Стр. 89. Madame Ma—мадамъ Matthey, о которой говорилось ранѣе (на 82 стр.).

Стр. 91. Генрихъ Герцъ (1806—1888), знаменитый въ свое время піанистъ и композиторъ, написавшій до 200 музыкальныхъ пьесъ, большею частью для фортепіано.

Стр. 94. «Братъ Петруша» — родной братъ Н. А., Петръ Александр. Захарьинъ. — «Алек. Алек.» — другой ея братъ—(старшій), котораго Герценъ въ своемъ «Быломъ и Думахъ» выводитъ подъ именемъ «Химика». — «Сестра Катя» – сестра Н. А., вышедшая впослѣдствіи замужъ за профессора исторіи русской литературы въ кіевскомъ университетѣ, Александра Ив. Селина (1816—1877).

Стр. 104. Статьи «Юность и мечты», о которыхъ говоритъ здѣсь Герценъ, повидимому, тѣ его разсказы автобіографическаго характера, которые впослѣдствіи были напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1840–41 гг. подъ заглавіемъ «Записки одного молодого человѣка» и вошли въ I томъ настоящаго изданія (стр. 47—97).

Стр. 106. «Бочк.» –– Александра Андреевна Бочкарева, которая вскорѣ вышла замужъ за кн. Сергѣя Оболенскаго, прежняго жениха Н. А.

Стр. 108. *Искандеръ* (персидская форма имени Александръ) — извѣстный псевдонимъ, которымъ Герценъ неоднократно подписывалъ свои статьи и впослѣдствіи въ Россіи и за границей, въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ.

— Именины Н. А. приходились 26 августа, но ея надежда увидѣться тогда съ Герценомъ не сбылась.

Стр. 112.—20 іюля 1835 г. (а не 19, какъ значится въ «Быломъ и Думахъ») Герценъ и Н. А. были на скачкахъ на Ходынскомъ полѣ, а въ слѣдующую ночь Герценъ былъ арестованъ.

— О судьбѣ статьи Герцена «Мысль и откровеніе», о которой онъ здѣсь говоритъ, нѣтъ свѣдѣній. Можетъ быть, она вошла въ какой-нибудь изъ послѣдующихъ его трудовъ.

Стр. 115. «Огарева тамъ (въ Москвѣ) нѣтъ». Н. П. Огаревъ находился въ ссылкѣ въ Пензенской губ., въ имѣніи своего отца, и выѣздъ оттуда былъ ему запрещенъ.

Стр. 118. «Дочь священника», о которой здѣсь говоритъ Н. А.—Александра Григ. Кліентова (по мужу Лаврова).

Стр. 119. Статья «Гофманъ» была первымъ оригинальнымъ произведеніемъ Герцена, обратившимъ на себя вниманіе и впервые была подписана ставшимъ впослѣдствіи столь знаменитымъ псевдонимомъ *Искандеръ.* Ранѣе этой статьи въ печати Герценъ выступалъ только переводной статьей.

Стр. 120. Воробьевъ—докторъ, всегда лечившій кн. Хованскую и состоявшій у нея на годовомъ жалованьи.

Стр. 124. Мужъ Маріи Степ. Макашиной былъ чиновникомъ въ Звенигородѣ, городѣ, разоренномъ французами въ 1812 г.

Стр. 126. Приведенныя здѣсь даты: 20 іюля 1834 — день ареста Герцена, 21 іюля 1834 (а не 22, какъ разсказано по памяти въ «Быломъ и Думахъ») день, когда Н. А. узнала объ этомъ арестѣ, и 9 апрѣля 1835 г., когда происходило прощальное свиданіе въ Крутицкихъ казармахъ. Въ январѣ же 1836 г. Н. А. получила отъ Герцена письмо, гдѣ онъ впервые говорилъ о своей любви къ ней.

Стр. 127. Октавій Тобіевичъ Водо, чиновникъ, сослуживецъ Егора Ивановича.

— Саша — любимая горничная, или, вѣрнѣе, другъ Н. А., племянница няни «Костеньки». Объ этой Сашѣ (вышедшей вскорѣ замужъ и умершей затѣмъ отъ чахотки) съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ» (см. въ настоящемъ изданіи, т. II, стр. 246—248).

Стр. 138. Повѣсть, планъ которой здѣсь излагаетъ Герценъ, не была имъ написана.

— Красное или Красниково—прежнее имѣніе кн. М. А. Хованской, продавъ которое, она купила Загорье.

Стр. 144. «Мнѣ хочется вышить тебѣ ермолку». Въ тѣ времена (30-е года XIX в.) многіе носили ермолки (фески) и Герценъ, сидя подъ арестомъ въ Крутицкихъ казармахъ, носилъ красную ермолку.

Стр. 144. О «начатой повѣсти» Герцена, имъ не написанной, см. выше (стр. 138 и прим. къ этой стр.).

Стр. 146. «Положеніе Е. И. пренепріятное» Егоръ Ивановичъ Герценъ служилъ посредникомъ, черезъ котораго шла переписка Н. А. и Герцена.

Стр. 147. Макаровъ — вятскій знакомый Герцена, ѣздившій на время по дѣламъ въ Москву и который долженъ былъ привезти Герцену письма отъ Н. А.

Стр. 149. ... «она (П. П. Медвѣдева) должна забыть меня для дѣтей своихъ»— у Медвѣдевой было трое дѣтей: двѣ дѣвочки и мальчикъ.

— «Палатинъ»—коротенькая тальма съ длинными прямыми полками напереди—былъ въ модѣ въ 1830-хъ годахъ.

Стр. 155. Дьяконъ Павелъ Сергѣевичъ — Ключаревъ, онъ былъ первымъ учителемъ Нат. Алексан. по русскому языку.

Стр. 171. Разсказы: «Первая встрѣча» и «Вторая встрѣча» напечатаны въ I томѣ настоящаго изданія (стр. 25—43).

Стр. 186. Тат. Иван.—Татьяна Ивановна Ключарева, мать дьякона, учившаго Нат. Алекс. русскому языку.

Стр. 187. Княжна Анна Борисовна Мещерская—воспитала всѣхъ братьевъ Яковлевыхъ.

Стр. 209 — 210. Даніэль - Франсуа-Эспри Оберъ—франц. композиторъ (1782—1871), написавшій оперы: «Фра-Дьяволо», «Нѣмая изъ Портичи», «Фенелла» и др. О впечатлѣніи, произведенномъ на нее «Фенеллой» и говоритъ здѣсь Нат. Александровна. Ришаръ и Оттаво—персонажи оперы. Санковская—тогдашняя московская пѣвица.

Стр. 225. Повѣсть «Тимъ» осталась ненаписанной, и статья «Мысль и откровеніе». Можетъ быть, что послѣдняя статья вошла, какъ матеріалъ, въ одну изъ послѣдующихъ работъ Герцена (см. далѣе стр. 282, гдѣ указано, что Герценъ не хотѣлъ продолжать этой статьи).

Стр. 273. Войнаровскій — герой поэмы того же имени К. Ѳ. Рылѣева. (Спб. 1825).

Стр. 296. Статья I. Maestri, вѣроятно, составляла третью часть «Записокъ одного молодого человѣка», такъ какъ здѣсь Герценъ опредѣляетъ ее, какъ «воспоминаніе изъ моей жизни», а далѣе (стр. 307) говоритъ, что эта статья «первый опытъ прямо разсказывать воспоминанія изъ моей жизни».

Стр. 304. Подъ «великимъ поэтомъ» здѣсь подразумѣвается В. А. Жуковскій, обратившій вниманіе на Герцена и хлопотавшій объ его возвращеніи изъ ссылки.

Стр. 356. В. к., т. е. великій князь наслѣдникъ цесаревичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ II), котораго К. И. Арсеньевъ вмѣстѣ съ В. А. Жуковскимъ сопровождалъ въ путешествіи по Россіи въ 1837 г.

Стр. 357. Арс. — Констан. Иванов. Арсеньевъ.

Стр. 359. С. (или дальше Снакс.) обозначаетъ Снаксарева, претендента на руку Наталіи Александровны.

Стр. 360. Подъ «тремя Сашами» подразумѣваются: Александра Триг. Кліентова, Александра Александр. Боборыкина и горничная Саша — три близкія подруги Наталіи Александровны.

Стр. 364. «Я описалъ отдѣльными чертами все мое ребячество отъ 1812 до 1825». Здѣсь, очевидно, подразумѣвается первоначальная редакція «Записокъ одного молодого человѣка», напечатанныхъ впослѣдствіи въ «Отеч. Запискахъ» и вошедшихъ въ I т. настоящаго изданія.

Стр. 381. «Его Марія», т. е., жена Огарева (Марья Львовна).

Стр. 386. Пр. Андр. — Прасковья Андреевна Эрнъ.

Стр. 391. Подъ «Маріей» подразумѣвается здѣсь, вѣроятно, первая жена Огарева—Марія Львовна.

Стр. 407. «Рѣчь» эта сказана была Герценомъ при открытіи въ Вяткѣ публичной библіотеки и помѣщена въ IV т. настоящаго изданія.

Стр. 421. Нѣкоторыя изъ указанныхъ на этой страницѣ статей вошли, вѣроятно въ переработанномъ видѣ, въ „Записки одного молодого человѣка“ (см. т. I настоящаго изданія). Статья „Германскій путешественникъ“ впослѣдствіи была названа „Первой встрѣчей“ (см. тамъ же).

Стр. 423. Никол. Никол. Веревкинъ (1813 — 1838), малоизвѣстный беллетристъ 30-хъ годовъ, писавшій подъ псевдонимомъ Рахманнаго (а не Рахманова, какъ сказано у Герцена).

Стр. 465. Дим. Павл. — Д. П. Голохвастовъ —двоюродный братъ Герцена.

Стр. 467. Александръ Манцони (1785—1873), итальянскій писатель, своимъ романомъ „I promessi sposi (Обрученные)“ положившій начало итальянскому

роману. Этотъ романъ 3 раза былъ переведенъ на русскій языкъ.

Стр. 471. О начатой Герценомъ повѣсти «Его превосходительство» свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, повѣсть эта осталась недоконченной и затерялась.

Стр. 477. О повѣсти «Елена» свѣдѣній нѣтъ.

Стр. 479. Михаилъ (Десницкій), митрополитъ петербургскій и новгородскій (1762—1820) былъ во время Екатерины II извѣстенъ какъ проповѣдникъ и принадлежалъ къ мистическому кружку Н. И. Новикова. Написалъ рядъ сочиненій религіознаго и моральнаго содержанія.

Стр. 487. Эдуардъ Ив. Губеръ (1814 — 1847), поэтъ; перевелъ на русскій языкъ хорошими стихами «Фауста» Гёте.

Стр. 498. К. обозначаетъ Кетчера (такъ и на слѣдующихъ страницахъ).

Стр. 512: Димитр. Павлов. — Д. П. Голохвастовъ.

Стр. 530. «Читала я повѣсть Катеньку Рах.»—говорится о той повѣсти «Катенька» Рахманнаго (Н. Н. Веревкина) въ «Библ. для чтенія» 1837 г., № 12, которую ранѣе (см. стр. 423) Герценъ рекомендовалъ Нат. Алекс. прочесть.

Стр. 531. Въ повѣсти «Тамъ», о которой не имѣется свѣдѣній, въ лицѣ Елены Герценъ, какъ видно, изобразилъ П. П. Медвѣдеву. Объ этой же повѣсти говорится и далѣе (стр. 540).

Стр. 551. „Что твоя Марія?“ т. е. жена Огарева Марья Львовна.

Стр. 570. Анна Радклифъ (1764 — 1823), англ. писательница, романы которой, отличающіеся мрачнымъ и таинственнымъ содержаніемъ, въ свое время усердно переводились у насъ и имѣли успѣхъ.

— Астр.—Астраковы, мужъ и жена, московскіе знакомые Герцена.

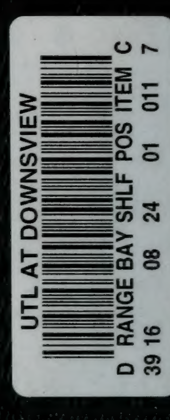
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

(Въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь наименованіе упоминается Герценомъ **нѣсколько разъ** и въ одномъ изъ томовъ собранія сочиненій Герцена дано поясненіе, въ Указателѣ сдѣлана соотвѣтственная ссылка на это поясненіе. — Жирный шрифтъ означаетъ томъ, обыкновенный — страницу).

———

---

*


UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 08 24 01 011 7